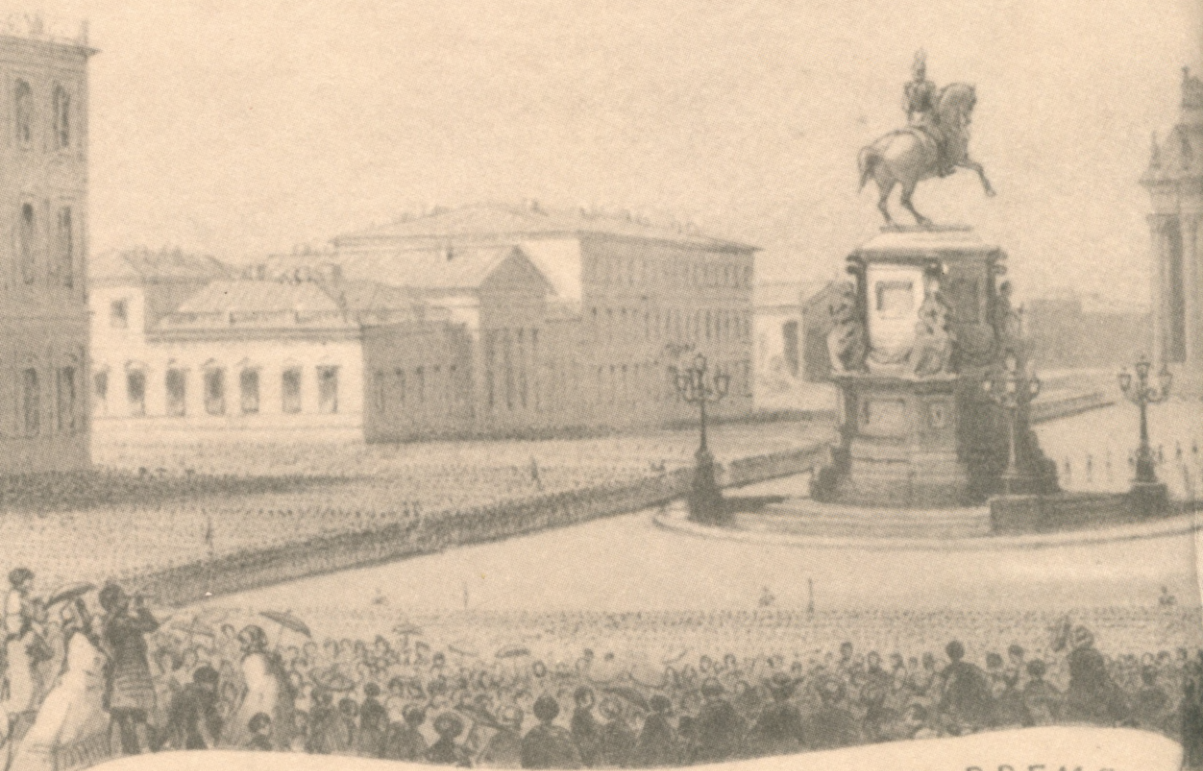
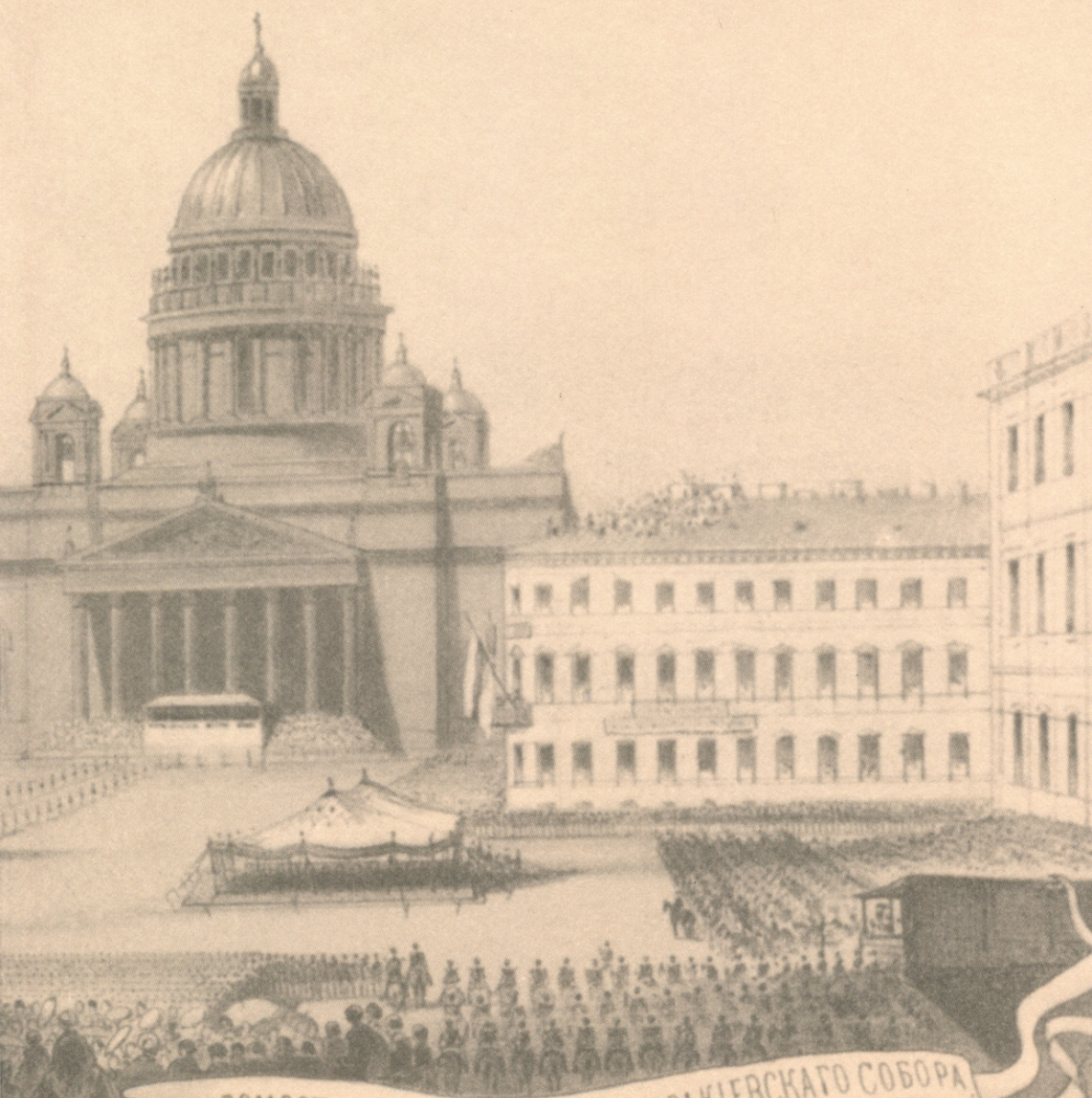

РОССИЯ ПОД НАДЗОРОМ

ВИДЪ МАРИНСКОЙ ПЛОЩАДИ ВО ВРЕМЯ М

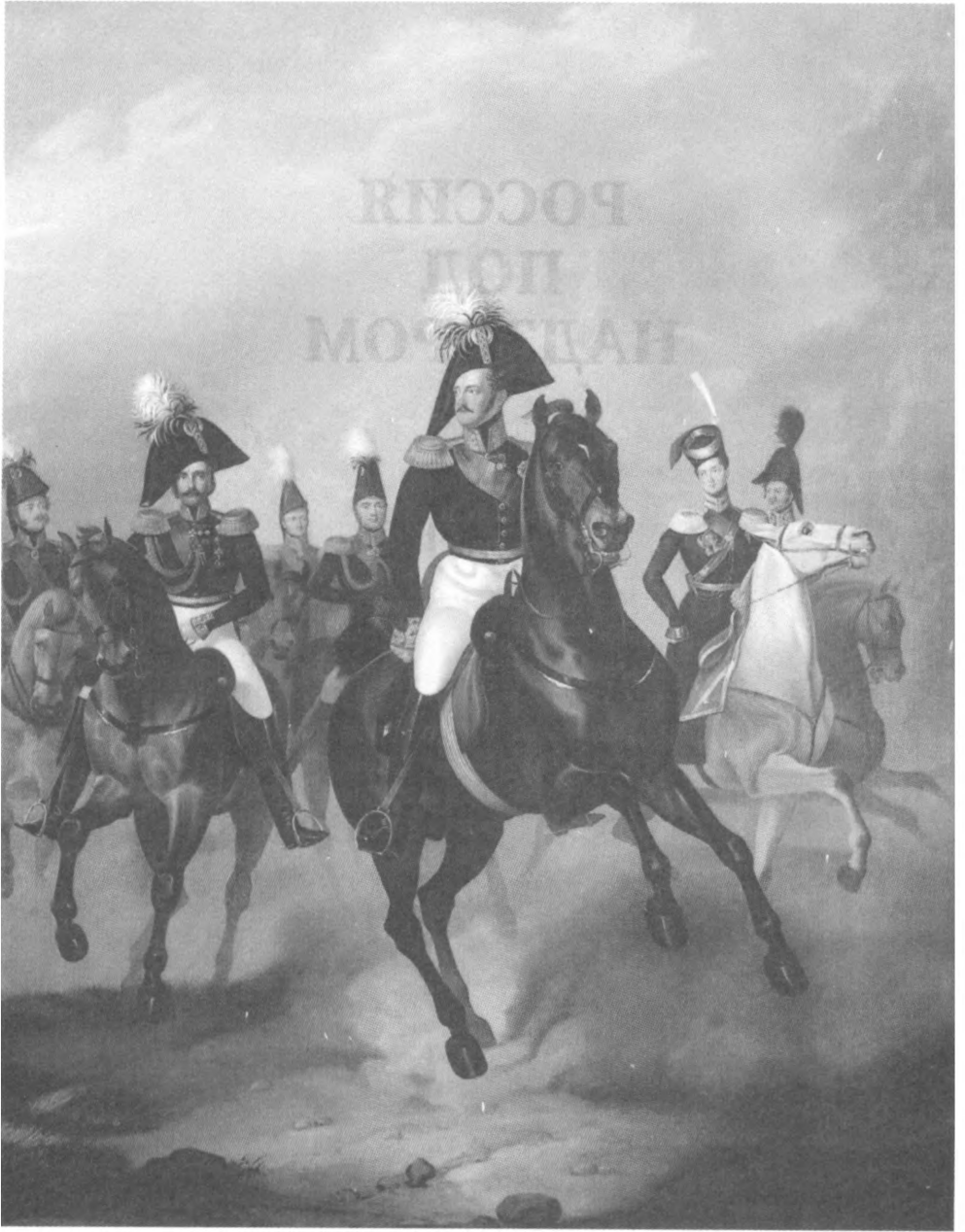

НА ПОМОЩЬ У ЮЖНЫХЪ ВРАТЪ ИСАКІЕВСКАГО СОБОРА.

ЕБСТВІА

**РОССИЯ
ПОД
НАДЗОРОМ**

РОССИЯ ПОД НАДЗОРОМ

*Отчеты III отделения
1827–1869*

Составители

*кандидат исторических наук М.В. Сидорова
кандидат исторических наук Е.И. Щербакова*

РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«РОССИЙСКИЙ АРХИВ»
Студия «ТРИТЭ»
НИКИТЫ МИХАЛКОВА
Москва
2006

УДК 323 (470) "18" (093.2)
ББК 63.3(2)52–36ю11
Р76

**Федеральная программа книгоиздания России
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)**

**Российский Фонд Культуры выражает благодарность РАО «ЕЭС России»
за оказанное содействие в издании книги**

Редакционная коллегия

Г.И. Вздорнов
В.М. Гуминский
В.П. Казарин
Н.С. Михалков
А.Л. Налепин (главный редактор)
П.В. Палиевский
Т.В. Померанская
С.В. Ямщиков

В подготовке издания принимали участие
Е. Головнина, А. Дорошенко, А. Кузнецова

Компьютерная верстка
М.Родионова

*Ответственность за археографическую подготовку текста
несут авторы публикаций*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XIX веке в России произошли большие перемены. Начало их осуществлению было положено потомками «двух небитых дворянских поколений». Манифест 1762 г. и Жалованная грамота 1785 г. утвердили «неприкосновенность дворянского достоинства» и дали представителям этого сословия право не платить подати и не служить. Кто-то тратил свои досуги на крепостной разгул, а кто-то приобщался к идеям Просвещения, но дети и внуки тех и других уже не испытывали безотчетного ужаса перед самодержавным произволом и не могли мириться с ним как с фатальной неизбежностью.

Прозвучав отходной по веку Просвещения, залпы картечи на Сенатской площади стали началом никогда больше не исчезавшего противостояния власти и образованного меньшинства. «Власть, – писал из Сибири Михаил Лунин, – на все дерзавшая, всего страшится. Общее движение ее – не что иное, как постепенное отступление, под прикрытием корпуса жандармов, перед духом Тайного общества, который охватывает ее со всех сторон. От людей можно отделаться, но от их идей нельзя»*.

Справедливость этого утверждения сознавал, вероятно, и сам Николай I, по приказу которого был составлен «Свод показаний декабристов о внутреннем состоянии России», постоянно находившийся в его кабинете. Картина «злоупотреблений и беспорядков во многих частях управления» убеждала нового императора, обладавшего ясным прагматическим складом ума, в необходимости преобразований.

Император Николай Павлович по-своему радел о благе России. «Я смотрю на человеческую жизнь, – говорил он, – как на службу...» И власть самодержца Николай I воспринимал не как право, а как обязанность. Стремясь к осуществлению своего идеала процветающей державы, он пытался упорядочить всю ее жизнедеятельность – придать «стройность и целесообразность» системе управления, добиться максимальной исполнительности на всех уровнях бюрократической иерархии, обеспечить всеохватный контроль над ходом дел в Российской империи.

К тому же, выход на политическую арену тайного революционного общества требовал от правительства адекватного ответа. В высших бюрократических сферах развернулась интенсивная работа по подготовке реорганизации политического сыска. Бесчисленные записки, планы и предположения, наибо-

---

* Цит. по: *Эйдельман Н.Я.* Вьеварум. Лунин. М. 1995. С. 514.

лее известными из которых являются проекты генерал-адъютанта А.Х. Бенкендорфа и бессменного директора Особенной канцелярии при Министерстве полиции, а позже при Министерстве внутренних дел александровских времен М.Я. фон Фока, сводятся к тому, что действиям высшей полиции следует быть тайными, а существованию – явным; ей надлежит лишь изобличать виновных, но не чинить над ними суд и расправу; эффективность же работы политического сыска должны обеспечивать сотрудники “испытанной нравственности, уверенные искренно в пользу своего назначения”*.

Помочь монарху вникнуть во все мелочи жизни подданных была призвана Собственная Его Императорского Величества канцелярия и особенно ее III Отделение, учрежденное Указом 3 июля 1826 г.

Круг обязанностей III Отделения был, как известно, весьма обширен – от “распоряжений” по делам высшей полиции до сбора сведений “о всех без исключения происшествиях”. Четыре экспедиции, на которые первоначально подразделялось это учреждение, ведали следующими “предметами”: 1-я – наблюдение “за мнением общим и духом народным”, за поднадзорными лицами, а также за действиями государственных чиновников разного ранга; 2-я – контроль за религиозными сектами и местами заключения “государственных преступников”, за различными обществами (научными, культурными, просветительными и т.д.) и изобретениями, разбор многочисленных жалоб и прошений на “Высочайшее Имя”, дела о фальшивых ассигнациях и документах, а также ведение личным составом отделения; 3-я – контрразведка, “все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в пределы государства прибывающих и из одного выезжающих”; 4-я – сбор и систематизация сведений о происшествиях в империи (пожары, эпидемии, грабежи, убийства и пр.). В 1842 г. возникла еще одна экспедиция, взявшая под свою опеку цензуру. Многообразные обязанности и широчайшие полномочия III Отделения не были обусловлены никакими юридическими нормами, кроме служебных инструкций. Управление страной через собственную канцелярию, “находящуюся вне состава других государственных учреждений и не подлежащую ничьему рассмотрению, ни отчетности”, помимо самого монарха, являлось одной из наиболее характерных черт политико-правовой системы той эпохи.

Штат III Отделения был немногочисленный (20 человек на момент создания и 58 при упразднении**) и обладал достаточным опытом для своей работы, так как фон Фок взял с собой большинство прежних коллег по Особенной канцелярии Министерства полиции и Министерства внутренних дел. При зачислении в III Отделение новых людей учитывался опыт их работы в “присутственных местах” (не менее 3 лет стажа). “Текучки кадров” в этом учреждении практически не наблюдалось, процент служащих, переходивших в другие ведомства, был очень невелик; большинство чиновников III Отделения работали там почти всю жизнь.

* ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 512. Л. 1–10.

** Сидорова М.В. Штаты III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. // Из глубины времен (альманах). Вып. 4. СПб. 1995. С. 9.

Помимо III Отделения, мозгового центра политического сыска, деятельность которого была строго засекречена, высшая полиция обрела и другую свою ипостась – Корпус жандармов, созданный 23 апреля 1827 г., в 1836 г. преобразованный в Отдельный корпус жандармов, – воинское соединение с правами армии, деятельность которого регламентировалась “Положением о Корпусе жандармов”. Централизация тайной полиции и ее “явного” исполнительного органа обеспечивалась тем, что начальник III Отделения являлся одновременно и шефом Корпуса жандармов. Жандармские офицеры, тщательно отобранные по принципу “благонадежности” и умения “общаться с населением”, наблюдали за “благочином” на местах, в самом широком понимании этого слова, входя во все подробности бытия жителей огромной империи, которая (за исключением Финляндии, Области Войска Донского и Закавказья) была поделена на 5 (а с 1843 г. – на 8) жандармских округов (по 7–8 губерний), включавших по нескольку (4–6) отделений, каждое из которых охватывало 1–3 губернии и возглавлялось жандармским штаб-офицером.

Новое “Положение о Корпусе жандармов”, вступившее в силу 1 июля 1836 г., более подробно формулировало основные организационные и структурные принципы существования этого ведомства, а также впервые определяло должностные обязанности жандармских чинов. “Нижние чины” жандармских подразделений “приводили в исполнение законы и приговоры суда”, преследовали преступников и “рассеивали законом запрещенные скопища”, “усмиряли буйства” и следили за порядком во время торжищ и народных гуляний, а также сопровождали “необыкновенных” арестантов. Однако губернские штаб-офицеры по-прежнему руководствовались в своей деятельности “особыми инструкциями шефа жандармов”, не ограничиваясь по существу никакими законодательными нормами, так как ни их конкретные права, ни взаимоотношения с местным начальством не были точно оговорены вплоть до введения “Правил о порядке действий чинов Корпуса жандармов” 1871 г.

Шеф жандармов ведал также вопросами назначения, перемещения и увольнения чинов Корпуса. Желавших поступить в жандармы среди армейских офицеров тогда было больше, чем вакансий. Привлекало солидное жалование, независимость от провинциальной администрации в местах несения службы, свобода от армейской рутины. И попасть в Корпус можно было, только имея сильную протекцию и наилучшие рекомендации. При зачислении учитывался возрастной (не моложе 25 лет) и национальный ценз – офицеры польского происхождения подвергались дополнительной проверке (эта мера была введена после Польского восстания 1830–1831 гг.) и согласно секретному предписанию императора не назначались в “особенно важные места” без высочайшего соизволения. Кроме того, русским офицерам, находившимся в Царстве Польском, следовало наблюдать за действиями жандармов из “местных уроженцев”. Наличие служебных или судебных взысканий при переводе в Корпус жандармов было недопустимо. От офицеров требовалась подписка о непринадлежности к тайным обществам. Начиная с марта 1830 г., все младшие офицеры, стремившиеся надеть жандармский мундир, подвергались в штабе Корпуса специальным “испытаниям”, которые состояли в личном представлении

шефу жандармов, проверке их “умения и способностей” к несению службы, кавалерийских навыков, нравственных качеств и степени образованности. Предполагалось “замещать на эти места людей честных и способных, которые часто брезгуют ролью тайных шпионов, но, нося мундир, как чиновники правительства, считают долгом ревностно исполнять эту обязанность”*.

Однако без тайных шпионов в деле политического сыска тоже невозможно обойтись. Их донесения должны были существенно дополнять и корректировать информацию, поставляемую военными в лазоревой форме, которым далеко не всегда удавалось добиться освещения тех или иных фактов изнутри, что особенно важно для «предупреждения» преступлений – а именно так формировалась главная задача политической полиции.

Наши сведения о секретной агентуре политической полиции того времени чрезвычайно скудны. Время не пощадило многих документов из архивов III Отделения, да и само это учреждение умело хранить свои секреты. В «Проекте об устройстве высшей полиции» первый руководитель этого ведомства А.Х. Бенкендорф настаивал на том, что «даже правитель канцелярии» главы тайного сыска «не должен знать всех служащих у него и агентов»*.

В действительности, правда, все было наоборот – секретными сотрудниками ведал директор канцелярии III Отделения М.Я. фон Фок. Из его писем к А.Х. Бенкендорфу мы узнаем о некоторых агентах, приобрести которых тайная полиция старалась в самых разных социальных слоях. Среди них статский советник Нефедьев – «ходячая энциклопедия» с обширными связями, граф Лев Соллогуб, сам предложивший свои услуги, две дамы, которые «служат полиции под покровительством князя А. Голицина»*. В одной семейной хронике сохранился рассказ о том, как шеф жандармов пытался склонить к сотрудничеству с III Отделением жену генерал-лейтенанта Есакова, направленного комендантом в Вильно. Глава тайной полиции убеждал эту даму в том, что, пользуясь своим положением в обществе, она «может, как русская, оказать большую услугу отечеству, сообщая ему, графу Бенкендорфу, все, что ей покажется в салонных кружках достойным его внимания»**.

Далеко не все секретные сотрудники III Отделения служили за деньги. М.Я. фон Фок предпочитал использовать людей, которые видели в контактах с тайной полицией возможность получить поддержку в делах, протекцию по службе и т.п. Они были надежнее, чем те, кто делал свои сообщения источником пропитания или наживы, с ними легче было поддерживать взаимовыгодное сотрудничество, постоянно держа в зависимости от всемогущего покровителя, который может в любой момент сменить милость на гнев.

Многие стремились стать партнерами власти в деле благоустройства России, служить Царю и Отечеству не за страх, а за совесть. В инструкции своим

* Проект А.Х. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина. 1900. Т. 31 (№ 12). С. 615.

** Там же. С. 616.

*** Письма М.Я. фон Фока к А.Х. Бенкендорфу // Русская старина. 1881. Т. 32 (№ 9–11). С. 168–169, 312.

**** Из семейной хроники (Анатолий Е-ов) // Русская старина. 1881. Т. 31. С. 496–497.

подчиненным А.Х. Бенкендорф писал, что при должном отношении к возложенной на них миссии они «в скором времени приобретут себе многочисленных сотрудников и помощников; ибо всякий Гражданин, любящий свое отечество, любящий правду и желающий зреть повсюду царствующую тишину и спокойствие, потщится на каждом шагу вас охранять и вам содействовать полезными своими советами и тем быть сотрудником благих намерений своего Государя»*. Любопытен отклик на этот документ, который мы находим в одном из донесений 1827 г. знаменитого Ф.В. Булгарина: «Инструкция жандармов ходит по рукам. Ее называют уставом «Союза благоденствия». Это поразило меня и обрадовало. Итак, учреждение жандармов и внутренней политической системы (surveillance) не почитается ужасом, страшилищем...»**.

Следует отметить, что для значительной части населения в условиях произвола бюрократии всех рангов, когда для рядового гражданина прибегнуть к помощи закона было практически невозможно, III Отделение действительно выглядело тем органом высочайшей опеки подданных, каким мыслил его Николай Павлович. И легенда о платке, который император вручил Бенкендорфу, чтобы утирать слезы несчастных, в качестве инструкции для высшей полиции, возникла не на пустом месте. Просьбы и жалобы по самым разным вопросам, вплоть до бытовых, сохранившиеся в архиве III Отделения, свидетельствуют о том, что многие искали защиты от несправедливости именно там.

Не считалось зазорным оказывать помощь и III Отделению, доводя до его сведения информацию о каких бы то ни было злоупотреблениях и злоумышлениях. Государственным служащим это прямо вменялось в обязанность. Выходя из кадетского корпуса, например, молодые военные давали присягу, в которой значилось: «... ежели что вражеское и предосудительное против персоны Его Императорского Величества или Его Императорского Величества Всероссийского престола наследника, который назначен будет, или Его Величества войск, такжеже Его Государства людей или интересу Государственного, что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лучшей моей совести и сколько мне известно будет извещать и ничего не утаить»***. К доносительству, как обыденному явлению во взаимоотношениях индивида и государства, относились гораздо более терпимо, чем в позднейшие времена.

По примеру других учреждений, III Отделение ежегодно представляло императору отчеты о своей деятельности. Порядок поднесения всеподданнейших отчетов был закреплен Указом 1802 года, из которого следовало, что каждый управляющий ведомством в конце года обязан представлять свой отчет в Сенат. Последний, в свою очередь, должен был «исследовать отчет в присутствии министра, требовать от него нужных пояснений, сличать его показания с донесениями из разных мест и рассматривать все высочайшие указы и повеления,

* Инструкция графа Бенкендорфа // Русский Архив. 1889. № 7. С. 397.

** Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение. М. 1998. С. 140.

*** Там же. С. 34–35.

последовавшие по его части в течение года, и затем подносить отчет государю со своим мнением»*. Но порядок этот соблюдался не более трех лет, превратившись со временем в пустые отписки, а затем и вовсе пресекся. В 1811 г., при утверждении нового министерского Положения, написание всепопданнейших годовых отчетов было возобновлено, однако ненадолго. Уже в 1812 г. в Сенат поступило всего несколько отчетов, а с 1813 г. их доставление снова прекратилось.

Практика составления министерских отчетов вновь возродилась с воцарением Николая I, считавшего необходимым внимательно следить за государственной машиной империи. 30 сентября 1826 г. председатель Комитета министров П.В. Лопухин получил высочайшее распоряжение: «чтобы к 1 января 1827 года каждый министр представил его Величеству чрез сей Комитет отчет о своей части за 1826 год, с приложением счетов денежных сумм»*. Однако, только к 1831 г. министерства определились как с содержанием, так и с формой изложения отчетов.

Первые два отчета III Отделения (за 1827 и 1828 гг.) отчетами о деятельности назвать нельзя, т.к. они представляли собой лишь изложение общественного мнения за указанные годы, собственноручно составленные М.Я. фон Фоком. Первый полноценный отчет был представлен в начале 1829 года и содержал «Отчет о действиях Корпуса жандармов со времени учреждения по 1 января 1829 года». К нему прилагались финансовые ведомости и нравственно-политическое обозрение состояния империи. III Отделению изначально отводилась роль «центрального штаба по наблюдению за мнением общим и духом народным»**.

С 1831 г., как и в прочих министерствах, в жандармском ведомстве отчеты стали составлять по установленным нормам и правилам. Они писались на русском языке и делились на два больших раздела: «Отчет о действиях Корпуса жандармов» и «Обозрения происшествий и общественного мнения» за истекший год. В 1838 г. впервые появляется раздел «Отчет о занятиях III Отделения». С 1839 г., когда должности управляющего Отделением и начальника Штаба Корпуса жандармов были объединены и возложены на Л.В. Дубельта, этот документ получил название «Сводный отчет о деятельности III Отделения и Корпуса жандармов». Следует заметить, что именно при Л.В. Дубельте была отрегулирована сложная система делопроизводства «лазоревого» ведомства. Отчеты стали точными, объемными, получили деления на параграфы. Параграфы иногда менялись местами, дополнялись, исчезали, но важнейшие из них, отражающие главные функции учреждения, оставались неизменными на протяжении всего его существования: 1) государственные преступления, 2) наблюдение за противозаконными и злоумышленными действиями, 3) просьбы и жалобы, 4) раскольники,

* Корф М.А. Записки. М. 2003. С. 36.

** Там же. С. 35.

*** ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 510. Л. 9.

5) иностранцы, 6) происшествия, 7) особые распоряжения, 8) движение бумаг, чиновников и др.

Отчеты составлялись на основе заведенных в делопроизводстве дел. Их анализ позволяет выявить те вопросы, которые в разные периоды в наибольшей степени волновали III Отделение. В 20–40-е годы XIX в. одним из основных был параграф о злоупотреблениях – по службе в различных ведомствах, при проведении дворянских выборов, рекрутских наборов и т.п. Наблюдение за этими явлениями было обусловлено одной из главных задач, поставленных при создании III Отделения: «Император Николай стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления и убедился в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который окончательно стекался бы в одно средоточие. Император создавал орган, при помощи которого он мог непосредственно следить не только за появлением антигосударственных элементов, но и за действием всей сложной административной машины», – писал в своих воспоминаниях А.Х. Бенкендорф*.

Еще одним существенным пунктом отчетов являлся раздел о жалобах и просьбах. Более 5000 подобного рода запросов поступало в III Отделение ежегодно. В основном, это были ходатайства о пенсиях, пособиях, о помещении детей в казенные учебные заведения, об определении на службу, о разрешении семейных споров и т.п. В лице шефа жандармов видели посредника между императором и просителем. Справедливо считалось, что просьба или жалоба, поданная в III Отделение, скорее и вернее дойдет до государя.

В начале 60-х годов количество просьб и жалоб уменьшается в 10 раз в связи с тем, что в этот период III Отделение стали гораздо больше волновать вопросы охранения государственного строя. В пореформенный период поток подобного рода запросов постепенно сходит на нет, подлежа рассмотрению в новых судебных инстанциях.

Если в первые десятилетия существования III Отделения главным был контроль за административным аппаратом, то в 50–60-е годы в центре внимания оказываются проблемы обеспечения политической безопасности. В отчетах на первый план выдвигается рубрика «о сочинениях вредного содержания», «о русских периодических изданиях» и т.п., что было обусловлено массовым появлением в России запрещенных изданий, прокламаций, листовок и крайне волновало политическую полицию. Как отмечалось в отчетах за этот период, «состояние умов в разных слоях общества не возбуждает сильных опасений в отношении общественного спокойствия», но все же III Отделение выказывало серьезное беспокойство, потому что «революционная пропаганда в прессе значительно возбуждает общественное мнение против существующего порядка». Большое внимание в эти годы уделяется состоянию политической эмиграции, студенческому движению, крестьянским выступлениям, настроениям в армии.

* Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т.2. СПб. 1903. С. 17.

Неизменными в отчетах оставались рубрики об иностранцах, фальшивомонетчиках, о наблюдении за духовенством*.

К отчетам прилагались таблицы и ведомости (сравнительные и по годам) о происшествиях в стране, об иностранцах, численном составе и финансах Корпуса жандармов и III Отделения.

Всепопданнейшие отчеты по прочтении их императором возвращались в III Отделение. Карандашные пометы монарха на полях покрывали специальным белым лаком «для сохранения потомству», а сами отчеты вставляли в специальные кожаные папки с золотым тиснением. Папки помещались в особом шкафу красного дерева, каждая дверца которого имела по рельефному государственному гербу. По преданию, он был подарком самого императора Николая Павловича**. Первоначально этот шкаф стоял в кабинете шефа жандармов в знаменитом доме «у Цепного моста» по набережной Фонтанки, 16. Со временем, когда «лазоровое» ведомство перестало существовать, уступив свои функции Департаменту государственной полиции, шкаф с отчетами переместился в архив нового учреждения.

В революционные дни 1917 г. он совершенно не пострадал и наравне со всеми делами архива упраздненной политической полиции был перемещен в здание Академии наук на Университетской набережной. В 1926 г. дела III Отделения и Департамента полиции как чрезвычайно важные с государственной и политической точки зрения перевезли в Москву в Архив революции и внешней политики. В настоящее время всепопданнейшие отчеты хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), составляя отдельную опись 56-тысячного фонда III Отделения (Ф. 109. Оп. 223).

Как было отмечено выше, всепопданнейшие отчеты III Отделения состояли из двух частей: отчета о действиях Корпуса жандармов и нравственно-политического обзора за истекший год. В настоящее издание составители сочли целесообразным включить лишь сведения второй части отчетов, что обусловлено как большим объемом полного текста источника, так и дублетностью содержащейся в обеих частях информации.

Первый нравственно-политический обзор был представлен императору в 1827 г. Так же как и три последующих (1828–1830 гг.), он был написан управляющим III Отделением М.Я. фон Фоком по-французски и представлял скорее литературно-публицистический очерк, нежели официальный документ. «Общественное мнение для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией во время войны. Но составить верный обзор общественного мнения так же трудно, как и сделать точную топографическую карту. Чтобы ознакомиться с мнением большинства во всех классах общества ... органы высше-

* См. подробнее: *Сидорова М.В., Щербакова Е.И.* Наблюдение за иностранцами в России. По материалам III Отделения // Петербург – место встречи с Европой. Материалы IX Царскосельской научн. конф. СПб. 2003.; они же. Духовное ведомство по материалам III Отделения // Материалы V Саровской исторической конф., посвященной 100-летию канонизации Преподобного Серафима Саровского. Саров. 2003.; *Сидорова М.В.* Фальшивомонетчики и III Отделение // Тез. Докл. VII Всероссийской нумизматической конф. М. 1999.

** *Поляков А.С.* О смерти Пушкина. Пг. 1922. С. 4

го надзора использовали все находящиеся в их распоряжении средства, а также содействие достойных доверия и уважения лиц. Все данные проверялись по нескольку раз, для того чтобы мнение какой-либо партии не было принято за мнение целого класса», – писал фон Фок в первом отчете*. Во всех записках фон Фока настойчиво проводилась мысль о том, что искусство управления людьми должно опираться на ясную осведомленность о нуждах и чаяниях управляемых.

Основными источниками информации для составления этих обзоров служили доклады губернаторов и министров, донесения жандармских штаб-офицеров и чиновников III Отделения, командируемых во внутренние губернии и за границу, материалы перлюстрации и агентурные сведения. Несколько раз обзоры меняли свое название. Первоначально они именовались «обзрением происшествий и общественного мнения», затем «обзрением расположения умов и различных частей государственного управления» и окончательно оформились в 40-е годы в «нравственно-политические обозрения». Содержание нравственно-политических обзоров чрезвычайно любопытно и информативно. Они дают объемную картину расстановки социальных и политических сил, реакции населения на мероприятия правительства, прослеживают изменения общественного настроения в разные периоды.

В 30-е годы в нравственно-политических обзорах было всего две рубрики: «расположение умов» и «части управления». В первой представлены суждения публики по внутриведомственным вопросам. Вторая включала характеристику министерств, возглавлявших их лиц, критику и мнения высших чинов политической полиции по вопросам государственного управления. «Отчеты министерств, – писал А.Х. Бенкендорф, – все чрезвычайно блестящи, но не все включают в себе строгую истину». А посему задачей III Отделения, по мысли его создателей, было выявить все недостатки в государственном управлении и указать пути к их искоренению. Первоначально такой надзор был встречен министрами в штыки, «...они повели заметную компанию против указанных органов власти. Они проявили намерение их уничтожить или, по крайней мере, водить за нос», – указывал М.Я. фон Фок уже в первом отчете**.

Однако поддержка императора постепенно сгладила отношения исполнительной власти к органам надзора, и уже в середине 30-х годов А.Х. Бенкендорф докладывал: «...высшее наблюдение все доходившие до него сведения о замеченных беспорядках и злоупотреблениях по разным ведомствам государственного управления сообщало тем министрам, до которых они касались. Сведения сии более или менее были г.г. министрами принимаемы к своему соображению... Заметно, что в губерниях гражданские губернаторы год от года более постигают пользу, какая и для них проистекает от губернских штаб-офицеров Корпуса жандармов, и гораздо менее уже их ныне чуждаются. Многие из них убедились, что жандармские штаб-офицеры – наилучшие их помощники в благонамеренных их действиях. Таким образом, постепенно достигается столь

* Красный Архив. 1929. Т. 37. С. 141.

** Там же. 1929. Т. 37. С. 162–163.

желательное между властью управительною и частью наблюдательною сближение, которое, доставляя сей последней возможность действовать с большим успехом, представляет ей средства достигнуть ту благодетельную цель, которую правительство имело в виду при учреждении Корпуса жандармов»*.

Постоянной критике со стороны III Отделения подвергались министры внутренних дел, юстиции, народного просвещения; одобрения и похвалы неизменно заслуживали военное и морское министерства**. Подробная характеристика министерств и ведомств с 1844 г. исчезает из отчетов и заменяется краткой характеристикой «высшего правительства». Лишь в 1857 г. для вступившего на престол Александра II были вновь представлены соображения III Отделения по всем ведомствам.

Позднее содержание обзоров значительно расширилось: появились отдельные рубрики, посвященные внешней политике, Царству Польскому, Остзейским губерниям, а с конца 50-х годов включались обзоры «о крестьянских делах», революционной пропаганде и заграничных «возмутителях», о мерах к сохранению спокойствия в государстве.

Следует, отметить, что в последние годы царствования Николая I нравственно-политические обозрения сильно сократились. С 1852 по 1855 г. (Отчета за 1851 г. в нашем распоряжении нет, как и за 1867, 1868 гг.) их данные включались во вступительную часть общих жандармских отчетов. Возможно, это было связано с тем, что в эпоху «мрачного семилетья», последовавшего за европейскими революциями 1848–1849 годов, в России воцарились, как писали сами жандармы, «не только спокойствие, но даже некоторая вялость».

Начавшаяся в 1853 г. Крымская война вызвала во всех слоях общества всплеск патриотических настроений. «Русские все одушевились чувством любви к Отечеству; повсюду разгорелась истинная преданность к Царю, и общее одушевление объяло все сословия... Одним из явных доказательств хорошего духа внутри государства служит то, что со времени объявления войны все недоброжелательные, безымянные доносы, так часто тревожившие правительство, внезапно прекратились, и повсюду водворилась совершенная тишина», – доводило до сведения императора III Отделение в 1854 г.*** Констатацией подобных позитивных перемен в «направлении и расположении умов» и ограничивалось полицейское ведомство в своих кратких сообщениях за эти годы. Практически на всех отчетах имеются резолюции Николая I: «Слава Богу», «Дай Бог, чтоб было так!».

Отсутствие нравственно-политического обозрения за 1856 год можно объяснить недостатком информации о необходимости подобных сведений новому императору. Но уже на следующий год шеф жандармов представил, «согласно Высочайшей Воле», очень обстоятельное изложение сведений по всем позициям.

* ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 2. Л. 80 об.

** См. подробнее: *Сидорова М.В., Е.И. Щербаклова Е.И.* Поднадзорные министры // Родина. 2003. № 9.

*** ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 19. Л. 6.

С выходом на политическую арену массы разночинцев, «наименее заинтересованных в охране существующего государственного порядка», круг объектов наблюдения «высшего надзора» расширился настолько, что уследить за «расположением умов» становилось все сложнее. С 1858 г. в отчетах III Отделения появляется специальная рубрика «О революционной пропаганде». У политической полиции не вызывало сомнений, что личности, «распространяющие печатным и изустным словом мысли свои о свободе гораздо далее намерений самого Правительства...действуют...по вдохновению либерально-мятежной эпохи в прочих европейских государствах»*.

В 60-е годы заметно охлаждение интереса Александра II к чтению подробных рассуждений о «расположении умов» в империи. Если до 1863 г. обзоры еще достаточно объемны, так как главное место в них отводится описаниям последствий крестьянской реформы, то в 1864–1869 годах они либо отсутствуют совсем, либо представляют собой краткое вступление к общему отчету. Может быть, повторяющиеся из года в год тревожные сведения о нарастающем недовольстве населения, о появлении радикального крыла общественного движения и пр. расстраивали императора, приводили его в уныние? Характерно, что после 1869 г. III Отделение и вовсе перестало подносить Александру II всеподданнейшие отчеты, ограничиваясь лишь докладами по наиболее значимым вопросам.

Подводя итог краткой характеристике отчетов III Отделения, необходимо отметить, что этот источник существенно дополняет имеющуюся в распоряжении исследователей информацию о социально-политической и экономической ситуации в России 20–60-х годов XIX столетия и обладает значительной степенью достоверности, так как «высшая полиция» стремилась представить императору максимально объективную картину состояния дел в стране.

Совокупность данных материалов дает возможность проследить основные направления деятельности политической полиции Российской империи в указанный период, проанализировать методику ее работы, выявить специфику начальных этапов становления системы политического розыска. На основе нравственно-политических обзоров можно судить о попытках органов безопасности осуществлять функцию социального прогнозирования. Анализ степени адекватности выводов, представленных в отчетах, позволяет также существенно уточнить наши представления о роли и месте III Отделения в структуре государственного управления Российской империи, о влиянии политической полиции на механизм принятия «властных решений».

***

В настоящее издание включены все составленные III Отделением нравственно-политические обзоры (1827–1869 гг.). Подавляющее большинство (99%) документов публикуется впервые. Обзоры за 1827–1830 гг. были введе-

* ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 217 об.–218

ны в научный оборот в публикациях журнала «Красный Архив» (1929, № 6; 1930, № 1) с предисловием А. Сергеева и краткими примечаниями.

Тексты приводятся по подлинникам, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 109. Оп. 223. Д. 1–34), в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, стилистические особенности документов и принятые подчеркивания сохранены. Погрешности текста, не имеющие смыслового значения (орфографические ошибки, описки и т.п.) исправлены в тексте без оговорок. Понятные и не имеющие двоякого толкования сокращения слов оставлены без раскрытия (г. – город, руб. – рубль); редко встречающиеся сокращения, а также сокращения названий чинов и должностей раскрывались без оговорок. Написание географических названий, принятое в XIX в., сохранено; современные наименования топонимов приведены в текстуальных примечаниях. Разночтения в именах и фамилиях лиц, упоминаемых в тексте документов, помещены в примечаниях по содержанию. Непонятные места, не поддающиеся исправлению или восстановлению, оставлялись без изменений с оговоркой: «Так в тексте». Опубликованные ранее документы (1827–1830 г.) даны в соответствии с текстом предшествующего издания, однако примечания по содержанию к ним были значительно дополнены и уточнены.

Документы имеют собственные делопроизводственные заголовки.

Текст каждого обзора сопровождается легендой, в которой указан номер фонда, описи, дела, листов. В конце каждого из них приводятся примечания по содержанию. Текстуальные примечания обозначены звездочкой и расположены в конце страницы «под строкой». Примечания к обзорам 1850, 1852–1855 гг. соединены из-за небольшого объема.

За содействие и помощь в подготовке издания составители выражают искреннюю благодарность доктору исторических наук Л.Г. Захаровой и доктору исторических наук С.В. Мироненко, а за ценные советы и консультации – кандидату исторических наук А.А. Левандовскому.

к. и. н. М.В. Сидорова
к. и. н. Е.И. Щербакова

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

КРАТКИЙ ОБЗОР ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ в 1827 году*

Общественное мнение для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией во время войны. Но составить верный обзор общественного мнения также трудно, как и сделать точную топографическую карту. Чтобы ознакомиться с мнением большинства во всех классах общества, т.е. с мнением лиц, пользующихся в своем кругу наибольшим влиянием, органы высшего надзора использовали все находящиеся в их распоряжении средства, а также содействие достойных доверия и уважения лиц. Все данные проверялись по нескольку раз для того, чтобы мнение какой-либо партии не было принято за мнение целого класса. Представляем здесь краткий обзор результатов этого исследования.

1. *Двор*, т.е. круг лиц, из коих собственно и составляется придворное общество, или люди, состоящие на службе при дворе, делятся на две группы. Одни проявляют особую привязанность к ныне царствующим Августейшим Особам и являются сторонниками принятого в настоящее время этикета, другие предпочитают старый порядок и проявляют больше преданности по отношению к Императрице-Матери¹. В обществе эта партия именуется Гатчинским двором. При данном положении двора мы не видим тех многочисленных интриг, которые когда-то оказывали такое сильное влияние на ход государственных дел как в России, так и в других странах. Все ограничивается пересудами, восхвалением некоторых членов Императорской Фамилии или мелкими глухими неудовольствиями, не выходящими за пределы придворных кругов, которые, впрочем, не оказывают никакого влияния на общественное мнение столицы или провинции.

Во времена Императрицы Екатерины II люди, занимавшие придворные должности, имели большой вес в глазах общества, и каждый из них, будучи неподвижной звездой при дворе, становился в городе маленьким

---

* Подлинник – на французском языке, слова, написанные по-русски, выделены курсивом. Имеется помета: «Его Величество изволил читать».

солнцем, окруженным своей планетной системой, которой передавались его импульсы и движение. Теперь дело обстоит совершенно иначе. Придворные образуют отдельную секту, отношения их ограничиваются их кругом, в котором и сосредоточены их взаимные интересы. Честолюбие хорошо одаренных от природы людей высокого происхождения уже не довольствуется службой при дворе; они стараются выдвинуться на поприще военной или гражданской службы и, даже будучи сами обличены придворным званием, относятся как бы с презрением к тем из своих коллег, которые, как они говорят, лишь увеличивают собой число придворных лакеев.

Большая часть царедворцев, однако, очень довольна устраиваемыми при дворе увеселениями и любезным обхождением царствующих Императора² и Императрицы³ в качестве хозяев дома. Дворцовая прислуга, начиная с фурьеров и метрдотелей, выражают некоторое неудовольствие тем, что их братию ограничили в смысле возможностей получения чинов и что слишком соблюдается экономия.

В общем же, мнение двора не представляет значения для правительства, так как оно не играет никакой роли в обществе.

2. Высшее общество делится на два класса:

а) Довольные, во главе которых стоят – граф Кочубей⁴, группирующий вокруг себя многочисленных знатных особ всех возрастов, и г. Сперанский⁵, на которого нужно смотреть как на опору всех умных и даровитых людей среднего класса, как, например, литераторов, купцов и гражданских чиновников. Значительное число их в трудных случаях жизни обращается к нему как к оракулу, доверяя ему свои опасения, свои надежды и свои самые сокровенные мысли. Он доступен, популярен и приветливо идет навстречу этому доверию. К его словам относятся, как к пророчеству. Он, по-видимому, вполне предан Е. В. Государю Императору и существующему строю, поддержанию которого он посвящает все свои силы, возвышенно отзываясь о личности Государя и скрашивая будущее успокоительными предсказаниями. Граф Кочубей менее доступен. Он необщителен, но, тем не менее, его влияние на общественное мнение очень благотворно.

В Москве в настоящий момент нет ни одного сановника, который играл бы роль, подобную роли графа Кочубея или Сперанского. Во времена Императрицы Екатерины II высшее московское общество представляло собой как бы особый род аристократической республики и руководило общественным мнением. Теперь оно лишено всякого морального авторитета, и общественное мнение исходит из кругов средних классов, о чем будет изложено ниже. Пален⁶ в Новороссии, Закревский⁷ в Финляндии и князь Хованский⁸ в Белоруссии и т.д. распространяют благоприятное ны-

Император Николай I

нешнему правительству мнение, но, в силу местных условий, влияние их здесь не велико и зависит от индивидуальных свойств и умения действовать каждого из них.

б) Недовольные разделяются на две группы. Первая состоит из так называемых русских патриотов, столпом коих является Мордвинов⁹. Во вторую входят лица, считающие себя оскорбленными в своих честолюбивых замыслах и порицающие не столько самые мероприятия правительства, сколько тех, на ком останавливается выбор Государя. Душой этой партии, которая высказывается против злоупотреблений исключительно лишь потому, что сама она лишена возможности принимать в них участие, является князь Куракин¹⁰.

Партия русских патриотов очень сильна числом своих приверженцев. Центр их находится в Москве. Все старые сановники, праздная знать и полюбозванная молодежь следуют направлению, которое указывает им их клубом (сескле) через Петербург. Там они критикуют все шаги правительства, выбор всех лиц, там раздается ропот на немцев, там с пафосом принимаются предложения Мордвинова, его речи и слова их кумира – Ермолова¹¹. Это самая опасная часть общества, за которой надлежит иметь постоянное и, возможно, более тщательное наблюдение. В Москве нет элементов, могущих составить противовес этим тенденциям. Князь

Голицын¹² – хороший человек, но легкомыслен во всем; он идет на поводу у своих приверженцев и увлекаем мелкими расчетами властолюбия. Во всем, впрочем, он очень предан трону и вполне благонамеренный человек.

Партия Куракина состоит из закоренелых взяточников, старых сатрапов в отставке и женщин, не могущих больше интриговать.

Партия Мордвинова опасна тем, что ее пароль – спасение России. Партия Куракина не имеет сколько-нибудь значительного влияния на общественное мнение; приверженцы этого князя, в общем, не очень популярного, имеют некоторое значение лишь в силу родства Куракина с графом Чернышевым¹³, которому в обществе приписывают большое влияние на Государя Императора.

В общем, фрондирующие суть люди, стремящиеся следовать внушениям этих двух партий, одни осуждают мероприятия правительства, кричат против немцев и желали бы видеть Мордвинова руководителем административных дел, а Ермолова и Раевского¹⁴ во главе обеих армий; другие жаждут возвышения для себя и своих друзей и поносят всех тех, кто пользуется каким-либо доверием или занимает видное положение.

3. Средний класс: помещики, живущие в столицах и других городах, не служащие дворяне, купцы первых гильдий, образованные люди и литераторы. Этот многочисленный класс, разнородные элементы коего спаяны в одно целое, составляет, так сказать, душу Империи. Улучшение настроения и общественного мнения этого класса прогрессирует с поразительной быстротой. Именно среди этого класса Государь пользуется наибольшей любовью и уважением. Здесь все проникнуто верой в правильность Его воззрений, Его любовь к справедливости и порядку, в твердость Его характера. Преследование взяточников, обнародованные «Сенатскими ведомостями» собственноручные резолюции по многим делам, строгие меры, принимаемые против медлительности в делах и недостаточной точности в исполнении указов, удаление женщин и священников от всякого вредного влияния на дела и на участь отдельных лиц, искоренение пагубного мистицизма, семейные добродетели Монарха, Его явное желание улучшить дело воспитания, оказанное многим литераторам покровительство, превосходное воспитание Наследника Цесаревича¹⁵, отсутствие фаворитов и визирей, одинаковое преследование лиц, виновных в нарушении служебного долга независимо от их положения и происхождения, неутомимая настойчивость в работе, одержанные Россией в Персии успехи¹⁶, которые должны быть приписаны исключительно сильной воле Государя Императора, перебросившего тяжелую артиллерию по ту сторону горного хребта; благородная и великодушная защита греков¹⁷, участью которых интересуется вся Россия, уничтожение влияния всеми ненавидимого Меттерниха¹⁸, возрождение флота¹⁹, воскресившее столько славных вос-

поминаний, убеждение в том, что Государь Император серьезно трудится над улучшением столь несовершенного в России законодательства, надзор за деятельностью министров, генерал-губернаторов и гражданских губернаторов, деспотизм коих тяготел над провинцией, и бесконечное количество других обстоятельств, на которых зиждется любовь и привязанность среднего класса к Особе Монарха и которые служат оружием против недовольных из среды этого же класса, склоняющихся на сторону пропитанных извращенными идеями партий. Большинство стоит за Государя Императора, оно одобряет учреждение жандармерии, коей недоброжелатели страшатся, как пугала. Но хотя большинство и настроено наилучшим образом, мы не должны от себя скрывать, что в отдельных частях каждой из этих групп время от времени слышится ропот.

а) Помещики жалуются на то, что министр финансов занимается только подписанием докучных бумаг и изысканием средств увеличения государственных доходов путем повышения пошлин и измышлением новых методов обложения и совершенно не заботится о той стороне деятельности своего министерства, которая дает непосредственную выгоду, т. е. о способах сбыта продуктов земледелия и промышленности. Восстановление откупной системы питейных сборов доставило большое удовлетворение помещикам, внося некоторое оживление, и, хотя результаты его до сих пор в массе мало заметны, есть, тем не менее, помещики, уверяющие, что они уже замечают благодетельные последствия этой меры в отношении взимания налогов. Этот же самый класс жалуется также на то, что правительство занимается только взиманием податей, а не прибегает к действительным средствам усиления денежного обращения в рабочих слоях населения, между тем как недостаток звонкой монеты сильно чувствуется. Постройка в городах общественных зданий, особенно казарм, — что облегчило бы положение жителей, — тюрем, сооружение каналов, мостов, дорог и пр. способствовало бы, по их мнению, распространению денег среди населения. Полезным для народа мероприятием явилось бы также взимание налогов местными продуктами, особенно в местах расквартирования войск. Одним словом: бедность и нужда вызывают ропот даже со стороны честных людей, но они надеются на будущее, и лишь злонамеренные элементы не сдерживают своего недовольства.

б) Купечество в этом отношении разделяет мнение помещиков и жалуется на понижение торговли товарами местного производства, как-то, кожками и т. д.: они недовольны тем, что правительство не приходит на помощь частным лицам, не создает для них условий, необходимых для улучшения положения вещей, и что при г. Канкрине²⁰ делом ведают несколько иностранцев, действующих в пользу англичан. Однако же купцы вообще очень преданы Государю Императору и возлагают на него большие

надежды. Но среди них тоже встречаются русские патриоты, придерживающиеся идей Мордвинова и его сторонников. Молодежь этого класса, для которой только что закрылся путь честолюбивых достижений, поставляет недовольных, но количество их незначительно.

в) Литераторы настроены превосходно. Несколько главных вдохновителей общественного мнения в литературных кругах, будучи преданы монарху, воздействуют на остальных. Но все единодушно жалуются на полную бездеятельность Министерства народного просвещения. Они говорят, что ни одно из провозглашенных при восшествии на престол предначертаний Государя Императора касательно воспитания не было выполнено, что комитет, образованный для выработки начальных пособий и преобразования школ, состоит из неспособных теоретиков или наполненных предрассудками педантов. Ни один из видных литераторов не был привлечен министерством к этому делу. За два года не составлено ни одного начального учебника, даже обещанной азбуки. Везде полный застой. Литераторы жалуются также на то, что все литературные общества были закрыты в Петербурге, между тем как они продолжают существовать в Москве, Харькове, Казани, Риге, Митаве и т.д. Как будто бы, – говорят они, – музам нет места вблизи трона. Известие о новом цензурном уставе²¹ произвело на ученых и литераторов в высшей степени благоприятное впечатление. Этот класс общества вообще имеет заметное влияние на общественное мнение.

г) Молодежь, т.е. дворянчики от 17 до 25 лет, составляют в массе самую гангренозную часть Империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающийся в разные формы и чаще всего прикрывающийся маской русского патриотизма. Тенденции, незаметно внедряемые в них старшими, иногда даже их собственными отцами, превращают этих молодых людей в настоящих карбонариев. Все это несчастье происходит от дурного воспитания. Экзальтированная молодежь, не имеющая никакого представления ни о положении России, ни об общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов, достигнуть коих у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения. В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева²², и только страх быть обнаруженными удерживает их от образования тайных обществ. Злонамеренные люди замечают этот уклон мыслей и стараются соединить их в кружки под флагом нравственной философии и теософии. Мы видим уже зарождение нескольких тайных обществ в этом роде*, основным принципом коих яв-

* Начало этого предложения подчеркнуто карандашом, на полях рукой Николая I написано: "Ou, qui sont les individus?" («Где, кто – персонально?»).

ляется слепое подчинение невидимым главарям. Главную роль в этих обществах играют мистики. Ничто не может достаточно удовлетворить эту экзальтированную молодежь. Все, что не исходит от палаты депутатов, – плохо, всякая власть кажется ей тиранией, всякий закон – стеснением. Главное ядро якобинства находится в Москве, некоторые разветвления – в Петербурге. Но тайные политические общества не образуются без иностранного влияния. Возможно, что Вена prepares лжебратьев, а Париж – настоящих. Конечно, в массе есть и прекрасные молодые люди, но, по крайней мере, три четверти из них – либералы. Впрочем, надо надеяться, что возраст, время и обстоятельства излечат понемногу это зло.

4. *Чиновники.* Под этим именем следует разуметь всех, кто существует своей службой. Это сословие, пожалуй, является наиболее развращенным морально. Среди них редко встречаются порядочные люди.

Хищения, подлоги, превратное толкование законов – вот их ремесло. К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но, в сущности, все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы. Они боятся введения правосудия, точных законов и искоренения хищений; они ненавидят тех, кто преследует взяточничество, и бегут их, как сова солнца. Они систематически порицают все мероприятия правительства и образуют собою кадры недовольных; но, не смея обнаружить причины своего недовольства, они выдают себя также за патриотов и призывают к своему кумиру, Мордвинову, который оказывал покровительство Дьякову²³ и Спасскому²⁴. Они оказывают некоторое влияние на купечество, дураков-бояр и также через своих детей, которым они обычно дают модное воспитание, на молодежь.

5. *Армия.* Армия никогда не имела влияния на народ, а напротив, всегда сама подвергалась воздействию общественного мнения. Нельзя, может быть, определенно утверждать, что армия в целом довольна, но надо сознаться, что она вполне спокойна и прекрасно настроена. Среди офицеров больше недовольных, чем среди солдат. Одни становятся борцами за Ермолова и Раевского, другие завидуют участи тысячи своих товарищей, третьи жалуются на бедность и четвертые ворчат от скуки и бездействия. Среди гвардейских офицеров есть несколько современных либералов, но теперь они стали бесконечно более сдержаны, не кричат больше в обществе о политике, ограничиваясь, может быть, тем, что говорят о ней между собой. Не подлежит почти сомнению, что в армии распространились некоторые идеи Пестеля²⁵. Персидская кампания и ожидаемая с нетерпением война с турками, изменяя направление мыслей, очень содействуют и общему улучшению настроения в войсках. В общем, настроение в армии приняло очень успокоительный характер. Впрочем, вполне естественно, что

значительные массы войск, находящиеся в мирное время в бездействии, поддаются под влияние идей своих соотечественников.

6. *Крепостные (Крепостное состояние)*. Среди этого класса встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем это можно было бы предположить с первого взгляда. Приходя в соприкосновение с казенными крестьянами и живя с согласия своих господ в городах, крепостные невольно учатся ценить те преимущества, коими пользуются свободные сословия. Надо заметить, что всякий крепостной, которому удалось своим трудом скопить несколько тысяч рублей, употребляет их прежде всего на то, чтобы купить себе свободу. Они хорошо знают, что во всей России только народ-победитель, русские крестьяне, находится в состоянии рабства; все остальные: финны, татары, эсты, латыши, мордва, чуваша и т.д. – свободны. Среди крестьян встречаешь странников, которые говорят им об их положении; сельские священники также им его разъясняют. Доктрины многих сектантов заставляют их почувствовать свое положение, и убежища этих самых сектантов (*скиты раскольнические*) могут быть рассматриваемы в этом отношении как якобинские клубы. Кроме того, шатающиеся по кабакам мелкие чиновники, в особенности, выгнанные за дурное поведение, распространяют пагубные идеи среди крепостных, главари и подстрекатели коих находятся среди барской челяди. Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего Мессию, и дали ему имя *Метелкина*²⁶. Они говорят между собой: «*Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их*». В начале каждого нового царствования мы видим бунты, потому что народные страсти не довольствуются желаньями и надеждами. Так как из этого сословия мы вербуем своих солдат, оно, пожалуй, заслуживает особого внимания со стороны правительства.

7. *Духовенство*. Нельзя отрицать старания правительства дать духовенству лучшее, более соответствующее его призванию образование, однако молодой священник, будучи послан в деревню, лишенный всякого общества, дичает и приобретает вид, характер и даже привычки окружающих его мужиков. В мыслях и чувствах своих он сливается с сословием, которое доставляет ему средства к существованию. Бедность и зависимость крестьян вынуждают его поощрять надежды и страстные желанья его паствы.

Поэтому государство не может рассчитывать в своих видах на духовенство до тех пор, пока оно не даст ему обеспеченного существования. В России все церковные высокие должности и богатства являются достоянием монахов, не имеющих никакого влияния на народ. Городские священники, даже самые образованные, стоят совершенно отдельно от правительства и

составляют особый класс русских патриотов. Духовенство вообще управляется плохо и пропитано вредным духом. Священники в большинстве случаев разносят неблагоприятные известия и распространяют среди народа идеи свободы. Хорошие священники – большая редкость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отличительной чертой нашего века является его активность. Пружинны правительственного механизма в большинстве случаев действовали плохо, ход дел пришел в расстройство; первые места были заняты людьми неспособными или нерадивыми; хищения и взяточничество не прекращались. Вот что породило то неудовольствие, то болезненное настроение умов, которое так пагубно проявилось за эти последние два года. Деятельность Государя Императора влила новую жизнь в умы и сердца. Большинство суждений ему благоприятно, но вся Россия ждет с нетерпением перемен как в системе, так и в людях. Требуется вновь завести машину. Ключами для этого являются: правосудие и промышленность. Вот чего не хватало России. Чтобы у каждой пружины иметь верных двигателей, надо урегулировать воспитание и образование юношества. Самые благонамеренные люди изнывают в ожидании и не перестают повторять: «Если этот Государь не преобразует России, никто не остановит ее падения. Российскому Императору нужны только ум, твердость и воля, а наш Государь обладает этими качествами во всей их полноте».

НАСТРОЕНИЕ УМОВ В ПРОВИНЦИИ

1. *Прибалтийские провинции.* Летом прошлого года нами уже было представлено донесение касательно этих провинций. После посещения их Государем Императором настроение там стало еще более благоприятным.

Эстония – легион Монарха. Ее дворянство сердцем и душой и телом предано трону; оно надеется на благость монарха для улучшения своей финансовой системы и торговли.

Ливония имеет более сходства с Германией и, если эстонцев можно назвать русскими немцами, ливонцы должны именоваться немцами русскими. Среди ливонского дворянства слышится больше недовольства их администрацией, потому что маркиз Пауллуччи²⁷ чаще оскорбляет их самолюбие и допускает произвол. Эстонией же он занимается меньше и поэтому реже нарушает ее покой. В Ливонии вообще недовольны назначением Гана²⁸ на должность гражданского губернатора, и заметно усилившееся значение маркиза подействовало угнетающе.

Курляндия еще не слилась с Россией; по своему настроению тамошнее дворянство стоит ближе к польскому; там замечается больше движения и

больше возбуждения, потому что курляндцы крепче держатся своих очагов и с большей горячностью занимаются общественными делами своей провинции. Дворянство ненавидело Гана и еще больше маркиза, который покровительствовал ему. Впрочем, якобинства там нет; оно было бы несовместимо с гордостью курляндцев. Это – прекрасный и цветущий край, но чинимые Министерством финансов в делах торговли препятствия вызывают протесты со стороны дворянства и народа. В общем, настроение умов во всех трех Балтийских провинциях в политическом отношении превосходно, и правительству было бы легко сделать их совершенно счастливыми.

2. *Финляндия.* Дворянство и горожане тяготеют больше к Швеции, между тем как крестьянство довольно своей судьбой. Шведы неизменно поддерживают свое тайное влияние на финнов на случай войны; но, не имея достаточно веских аргументов, дабы подорвать их преданность России, которая осыпает их благодеяниями, шведы пугают их уничтожением их конституции, не соответствующей русским методам управления. Указ о допущении православных к занятию должностей в Финляндии произвел неблагоприятное впечатление. Финны смотрят на него как на нарушение своих привилегий и обеспокоены последствиями, которые могут повлечь за собой проведение в жизнь идущих вразрез с их законами указов, а шведы тем временем подливают масла в огонь; однако, в общем, народ настроен хорошо, и, если Государь Император посетит Финляндию, отношение дворянства и горожан станет, без сомнения, еще более благоприятным. Генерал-губернатора уважают за его справедливость и очевидное бескорыстие, но не одобряют его крутых и решительных мер, которые, конечно, всегда направлены к достижению общественного блага, но часто производят впечатление нарушения конституции.

3. *Польские провинции.* Осенью прошлого года нами было представлено несколько подробных донесений. Представляемый нами здесь краткий обзор может быть составлен только на основании данных, полученных от тех же поляков, которые доставили нам материал для вышепоименованных донесений, и еще от нескольких их соотечественников. В этой местности до сих пор не имеется никаких органов высшего надзора.

Вот рассуждения и речи, которыми обмениваются между собой поляки относительно положения этих провинций. Никакого правосудия. Бесконечные преследования польского национализма, который окрашивают в самые отвратительные цвета карбонаризма. Отличительной чертой этих провинций является мрачное бессилие. Власть продолжает там оставаться в руках презренных субъектов, возвысившихся путем лихоимства и ценою несчастья населения. Все государственные чиновники, начиная со служащих канцелярии генерал-губернатора, продают правосудие с аукциона.

Ни одно Монаршее благодеяние, ни одна милость не распространились на эти провинции. Китайская стена не пропускает к ним исходящих от трона лучей, и они зовут себя отверженными детьми Отца России – «*пасынки Отца России*». Ничей голос не осмеливается возвыситься до трона. Находящиеся в Петербурге агенты предупреждают об этом Новосильцева²⁹. В этих провинциях распустили даже слух, что не следует ничего писать в Петербург, потому что все письма читаются. Вообще там поддерживаются столь же странные, сколь и абсурдные идеи о современном правительстве. Бесчисленные подозрения и страхи витают над головами жителей, удручаемых бедностью и постоянными банкротствами. Национальное самлюбие их попорно. Дошли до того, что в Виленском университете запретили читать историю Польши и выписали из Петербурга какого-то дурака³⁰, родственника ректора³¹ этого университета, который должен читать всеобщую историю по-русски, в то время как все преподавание ведется на польском или латинском языке. Все это в высшей степени всех раздражает, и никто не думает о том, чтобы помочь делу.

В заключение мы приведем собственные слова поляков: «Там остаются поджигателей и преследуют тех, кто взывает о помощи во время пожара».

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по: «Красный Архив». Т. 36 (37). М.–Л. 1929. С. 141–156.

¹ Мария Федоровна (1759–1828), вдова императора Павла I.

² Николай I (1796–1855), сын Павла I, российский император с 1825 года.

³ Александра Федоровна (1798–1860), российская императрица, жена Николая I, дочь короля прусского Фридриха-Вильгельма III.

⁴ Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), князь (1831), дипломат – чрезвычайный посланник в Константинополе, член Коллегии иностранных дел и вице-канцлер. Дважды (1802–1812 и 1819–1825) был министром внутренних дел. С 1827 г. – председатель Государственного Совета и Комитета министров.

⁵ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), граф (1839). При Александре I – автор различных проектов государственных преобразований; в 1812 г. попал в опалу. В 1821 г. был назначен членом Госу-

дарственного Совета. Составитель «Свода законов» и первого «Полного собрания законов Российской Империи».

⁶ Пален Федор Павлович (1780–1863), граф, с 1826 по 1828 г. был одесским градоначальником.

⁷ Закревский Арсений Андреевич (1786–1865), граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант (1813), сенатор (1826). В 1823 г. – финляндский генерал-губернатор. Сохранил этот пост и после назначения министром внутренних дел (1828–1831). Генерал-губернатор Москвы, член Государственного Совета (1848–1859).

⁸ Хованский Николай Николаевич (1777–1837), князь, генерал от инфантерии, сенатор, член Государственного Совета. Генерал-губернатор смоленский, витебский и моголевский.

⁹ Мордвинов Николай Семенович (1754–1845), граф (1834), адмирал, морской

министр (1802). С 1810 г. – член Государственного Совета, председатель департамента гражданских и духовных дел (1820). Должности члена Финансового комитета и Комитета министров сохранил и при Николае I.

¹⁰ Куракин Алексей Борисович (1759–1829), князь; при Павле I был генерал-прокурором; при Александре I – генерал-губернатором Малороссии, затем министром внутренних дел (1807–1811). Член Государственного Совета.

¹¹ Ермолов Алексей Петрович (1777–1861), генерал от артиллерии (1817). Участник войны с Польшей (1794) и Персидского похода (1796). Во время войн с Наполеоном (1805–1807) командовал артиллерийской ротой и был начальником артиллерийского авангарда, показал личную храбрость и боевое мастерство, произведен в генерал-майоры (1808). Во время Отечественной войны 1812 г. – начальник штаба 1-й Западной армии, после Бородинского сражения – начальник штаба объединенных армий. Во время заграничных походов (1813–1814) – начальник артиллерии союзных армий. Отличился при Кульме, приняв командование от тяжело раненного А.И. Остермана-Толстого. С 1816 г. – командир Отдельного Грузинского (Кавказского) корпуса и одновременно чрезвычайный полномочный посол в Иране; главнокомандующий в Грузии (1819). С 1827 г. – в отставке. Член Государственного Совета (1830).

¹² Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844), светлейший князь, генерал от кавалерии. Участник военных действий в Польше (1794–1795), войн с Наполеоном, Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814). Московский военный генерал-губернатор (1820–1843). Член Государственного Совета (1821).

¹³ Чернышев Александр Иванович (1786–1857), граф (1826), светлейший князь (1841), генерал от кавалерии (1827). Управлял Главным штабом и Военным министерством (1828–1832), военный ми-

нистр (1832–1852), сенатор (1827), председатель Государственного Совета (1848–1856).

¹⁴ Раевский Николай Николаевич (1771–1829), герой Отечественной войны 1812 г., генерал от кавалерии (1813). Участник войн с Турцией (1787–1791, 1806–1812), Польшей (1792–1794), Францией (1805–1807), Швецией (1808–1809); в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии (1813–1814). Командовал 7 пехотным корпусом (1806–1814). С 1826 г. – член Государственного Совета.

¹⁵ Александр Николаевич (1818–1881), великий князь, старший сын Николая I; с 1855 г. – российский император Александр II.

¹⁶ Имеются в виду события Русско-персидской войны (1826–1828). Осенью 1827 г. войска под командованием И.Ф. Паскевича взяли Эривань, заняли территорию Азербайджана и др. По Туркманчайскому миру (9 февраля 1828 г.) Россия получила 70 млн. рублей контрибуции и присоединила к своим владениям Эриванское и Нахичеванское ханства.

¹⁷ Борьба Греции за независимость от Османской империи началась еще в 1821 г., к 1827 г. обозначился кризис восстания. Россия, Англия и Франция 6 июля 1827 г. подписали конвенцию с требованием к Турции о заключении перемирия с греками. В ответ на отказ османского правительства соединенная эскадра союзников 20 октября 1827 г. уничтожила турецкий флот в Наваринской бухте. Русско-турецкая война 1828–1829 г. закончилась подписанием Адрианопольского трактата. Турция вынуждена была принять условия, выработанные по греческому вопросу союзной конференцией 22 марта 1829 г. Греция выплачивала Османской империи 1,5 млн. турецких пиастров и приобретала статус вассального государства с «наследственным главой», кандидатуру которого утверждала Порта. 3 февраля 1830 г. решением Лондонской конференции союзных держав была признана полная независимость Греции.

¹⁸ Меттерних Винненбург Клеменс Венцель Лотар (1773–1859), князь, австрийский государственный деятель и дипломат. Посланник в Саксонии (1801–1803), в Пруссии (1803–1805), посол в Париже (1806–1809). Министр иностранных дел (1809–1821), канцлер (1821–1848). Один из организаторов Священного союза. Во время революции 1848–1849 г. бежал в Великобританию, после ее поражения вернулся в Австрию, но активного участия в политической жизни уже не принимал.

¹⁹ В декабре 1825 г. Николаем I был образован «Комитет образования флота», который выработал ряд мер по реорганизации морского ведомства. Для форсирования кораблестроения был учрежден Корпус корабельных инженеров, появился также Корпус флотских штурманов (1827).

²⁰ Канкрин Егор Францевич (1774–1845), граф, с 1821 г. – член Государственного Совета по департаменту государственной экономии, министр финансов (1823–1844). Добился бездефицитных бюджетов, сохранял протекционистские таможенные тарифы, способствовал развитию промышленности и технического образования в России (проекты создания биржи и промышленных обществ, Технологического и Лесного институтов, Центральной физической обсерватории и т. д.). С именем Канкрин связана финансовая реформа конца 30-х – начала 40-х гг., имевшая целью восстановление металлического денежного обращения в стране.

²¹ В 1826 г. был издан новый цензурный устав, но уже в 1827 г. для его пересмотра назначили особый комитет, который разработал цензурный устав 1828 г., подчинивший цензуру драматических произведений III отделению и обязавший содержателей типографий доставлять в это учреждение по одному экземпляру всех печатаемых газет, журналов и альманахов.

²² Рылеев Кондратий Федорович (1770–1826), поэт; один из лидеров движения декабристов. Окончил Петербургский кадетский корпус. Состоял на военной службе

(1814–1818). Прапорщик артиллерии, участник заграничных походов русской армии (1813–1814). В 1823 г. вступил в Северное общество декабристов, казнен 13 июля 1826 г.

²³ Дьяков – чиновник комиссии прошения. Обвинялся в лихоимстве, был осужден на каторжные работы. 6 октября 1826 г. департамент гражданских и духовных дел Государственного Совета согласился с мнением своего председателя Н.С. Мордвинова – «исключить Дьякова из службы и впредь к делам не определять», то же решение вынесло общее собрание Государственного Совета.

²⁴ Спасский Н.И. – обер-секретарь департамента Сената. Был судим за лихоимство и приговорен к ссылке на поселение в Сибирь. 30 мая 1827 г. общим собранием Государственного Совета было принято мнение Н.С. Мордвинова – «отрешить Спасского от должности и впредь в службу не определять».

²⁵ Пестель Павел Иванович (1792–1826), полковник (1821), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 г. Член «Союза спасения» и «Союза благоденствия», основатель и руководитель Южного Общества декабристов, казнен 13 июля 1826 г.

²⁶ Под именем Метелкина или Метельки был известен атаман Игнат Заметаев, «гулявший» на Волге в 1774–1775 гг. В июне 1775 г. он был пойман и приговорен указом Сената к наказанию кнутом во всех тех местах, где действовала его шайка, заклеямен и сослан на каторгу в Нерчинск.

²⁷ Паулучи Филипп Осипович (1779–1849), маркиз; первоначально в австрийской военной службе, затем в итальянской армии, генерал-адъютант. В русскую службу принят с чином полковника, назначен адъютантом к генералу И.И. Михельсону. Начальник штаба 6-й пехотной дивизии (1808); начальник штаба Грузинского корпуса (1810); начальник Главного штаба 1-й Западной армии (1812), затем – рижский военный губернатор; исполнял

дипломатические поручения Александра I. Генерал-губернатор Лифляндии и Курляндии (1819–1829). С 1829 г. в отставке, возвратился в Италию, занял пост губернатора провинции и города Генуи и начальника Генуэзского военного округа. Окончил жизнь в Ницце в звании государственного министра короля Сардинии.

²⁸ Ган Павел Васильевич (1793–1862), курляндский гражданский губернатор (1824–1827). Затем был назначен лифляндским гражданским губернатором (1827–1829).

²⁹ Новосильцев Николай Николаевич (1761–1836), личный друг Александра I; в 1812 г. был назначен вице-президентом Временного совета, учрежденного для управления Варшавским герцогством, осуществлял надзор за финансами, позже заведовал

комитетом по учебной части; состоял при великом князе Константине Павловиче. В 1831 г., после польского восстания, вернулся в Петербург, стал членом Государственного Совета. С 1832 г. – председатель Государственного Совета и Комитета министров.

³⁰ Вероятно, Павел Васильевич Кукольник (1795–1884). В 1827 г. он был ординарным профессором Виленского университета по кафедре всеобщей истории и статистики.

³¹ Пеликан Венцеслав Венцеславович (1790–1873), профессор, затем ректор Виленского университета; профессор и президент Медико-хирургической академии; директор медицинского департамента Министерства внутренних дел.

КРАТКИЙ ОБЗОР ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ в 1828 году*

Уже давно общественное мнение не было столь оживленно и в то же время столь доблестно, как в течение этого года. Внимательно наблюдавший за его развитием и за его главными двигателями высший надзор считает своим долгом представить в конце года мотивированный обзор результатов своих наблюдений.

Россия желала войны с Турцией не по политическим расчетам, а из национальных чувств: она столько же желала освобождения Греции, как и своего собственного освобождения от опеки со стороны Австрии, политика коей была для нее оскорбительна. Третьей причиной, побуждавшей Россию желать войны, была надежда, что она вызовет усиленное обращение денег, которое оживит национальную промышленность и земледелие, находящиеся в полном упадке за отсутствием рынков для сбыта.

Война возгорелась, но, к большому удивлению всех, народная масса не проявила ожидавшегося энтузиазма. Какова могла быть тому причина? По общему мнению, это объясняется тем, что при объявлении войны обращались к Европе, не подарив не единым взглядом Россию. Снабженный объемистыми приложениями, преисполненный совершенно отвлеченной и для большей части населения непонятной политической декламацией, манифест ничего не говорил сердцу. В нем не было ни слова ни о Греции, ни о вере православной, ни о *матушке России*. Все дело рассматривалось как простая ссора между двумя дворами, которая должна была быть улажена армией без участия в том народа. Манифест этот скорее походил на простую декларацию по адресу европейских кабинетов, чем на манифест, обращаящийся к нации, которая всегда и везде любит, чтобы льстили ее самолюбию и хотя бы делали вид, что действуют в ее интересах и сообразуются с ее желаниями. Свобода торговли на Черном море – мера из области политической экономии, которая может принести выгоду только двадцатой части российского населения. Масса в этом ничего не понимает. Оскорбление русского флага никого не трогало, потому что все русские

---

* Подлинник на французском языке. Перед текстом имеется помета: «Его Величество изволил читать».

купцы того мнения, что на Черном и Средиземном морях под русским флагом ведут торговлю только иностранцы. Таким образом, при объявлении войны массы остались пассивными, между тем как некоторые люди старого закала, ссылаясь на манифесты императрицы Екатерины и Императора Александра, распространяли в своих кругах праздные, а иногда и злостные толкования последнего акта. Отъезд Государя Императора в армию¹ еще усиливал это брожение умов. Все партии единодушно жаловались на то, что Государь подвергается опасностям войны и нездорового климата, не думая о малолетнем Наследнике, судьбе которого, так же как и всему государству, был бы в случае несчастья нанесен удар. Твердость характера Государя и проявленная Им при подавлении беспорядков в момент восшествия на престол справедливость рассматривается как залог спокойствия для Империи. Но, – прибавляют при этом, – чтобы держать гидру революции запертой в вырытом страстями и софизмами вертепе, необходимы сильная рука и просвещенный ум. Наша аристократия лишена какого-либо авторитета в глазах нации, она в этом отношении совершенно утратила популярность, кто же будет в состоянии, – раздаются возгласы, – поручиться за будущее, если твердость и правосудие покинут трон, если уже не будет стремления к введению улучшений, которые характеризуют современное правительство? Вообще отсутствие Государя произвело неприятное впечатление, вызвавшее различные толки, главное зло коих заключалось в том, что они воскресили пагубные по своим последствиям идеи. Вопросы: что будет, если произойдет такое-то или такое-то несчастье, подавали повод к неблагоприятным для нынешнего строя ответам.

Успехи наших армий в Азии и в начале кампании в Европе, конечно, льстили национальной гордости, но не могли сделать приятной самую войну. Надежды на усиление денежного обращения исчезли по мере того, как вводилась система реквизиций, которую, ввиду наносимого ею населению материального ущерба, следовало бы применять, пожалуй, исключительно в завоеванных, богатых и густонаселенных странах.

Среди всех этих рассуждений, всей этой критики, которую фрондирующие старательно распространяли, а толпа подхватывала, было, однако, приятно видеть, что внимание всех классов населения сосредоточивалось исключительно на особе Государя; бюллетени из армии ждали лишь для того, чтобы узнать что-нибудь о Государе. Это служило доказательством тому, что Россия признает Императора Николая нужным и необходимым для поддержания ее благоденствия и процветания.

Дошли слухи о некоторых неудачах, и вот все настроенные неодобрительно пришли в движение. Общее недовольство выбрало своей жертвой графа Дибича²; все стали бросать в него камнями. Двор, знать, генералы, офицеры и гражданские чиновники, вплоть до мелких торговцев, все обвиняют графа Дибича в неумении вести дело. Все говорят, что граф Витгенш-

Граф Александр Христофорович Бенкендорф

тейн был только ширмой. Высшее общество задает тон, другие повторяют. Фрондирующие и группа так называемых патриотов не преминули воспользоваться этим настроением для того, чтобы обесценить все без разбора.

В глазах образованных классов и народа самыми ценными качествами Государя являются: Его способность к административной деятельности, Его любовь к правосудию, Его стремление самому все видеть, все знать, уничтожать злоупотребления, наказывать виновных и награждать за заслуги. Неоспоримой истиной для России, – раздаются голоса, – является положение, что правительственный механизм может хорошо действовать только при условии, чтобы хозяин ежедневно приводил его в действие каким-либо актом доброты, справедливости или даже строгости, показывая бюрократам и народу, что, как говорит последний, *око земного Бога блюдет над ними подобно Провидению*. После отъезда Государя и особенно во время осады Шумлы и Варны фрондирующие старались посеять беспокойство, постоянно утверждая, что Государь увлечется войной, что гражданские дела начали уже Ему надоедать, что воспитанный по-военному Монарх занимался административной частью управления только по необходимости. Так как Россия считает самой блестящей эпохой своей истории царствование Петра I и Екатерины II единственно потому, что эти Государь и Государыня держали бразды правления в своих руках, все

душою и сердцем были преданы молодому Монарху, который сосредоточивал все свое внимание на этой основе всех сторон национального благоденствия. Потому, чтоб взволновать умы, фрондирующие и не могли выбрать ничего более действительного, чем подобные толки. Достигшая высокой степени продажность правосудия, проявленное по отношению к некоторым бесстыдным взяточникам покровительство, оказанные некоторым состоятельным людям льготы, усилившийся в отсутствие Императора деспотизм министров, наконец, испытываемые всеми тяготы общего обеднения и плохое состояние внутренней торговли, которая процветала только в министерской газете, все эти затруднения располагали умы к недовольству и как бы давали возможность относиться с доверием к злостной болтовне фрондирующих. Пословица, гласящая, что отсутствующий всегда виноват, казалось, подтверждалась и здесь. Однако большая часть общества, глубоко преданная государю, ждала Его возвращения с нетерпением, даже со страхом, и 14 октября было днем общей радости и веселья. На улицах друг друга поздравляли.

С другой стороны, победы Паскевича³ льстили национальному самолюбию и вселяли надежды на то, что, если действующая в Европе армия будет вверена опытному и искусному полководцу, обстоятельства скоро изменятся и кампания увенчается успехом. Деятельность Государя Императора по Его возвращении в столицу и неопровержимые доказательства того, что Он опять усердно предается административным делам, подействовали успокоительно. В короткое время при Министерстве народного просвещения, Министерстве финансов и в части военных поселений были устроены полезные благотворительные учреждения, причем особенно сильное впечатление произвели распоряжения касательно солдатских детей и, в частности, сирот. С нетерпением ожидается принятие некоторых суровых мер против хищений и продажности в судах. Фрондирующим нечего сказать, и они могут только кричать о мнимой неспособности некоторых стоящих во главе администрации лиц; они и усердствуют, крича встречному и поперечному, что все эти прекрасные правительственные мероприятия существуют только на бумаге и никогда не будут осуществлены. Благоразумные же люди, между тем, воздерживаются от всяких догадок и в восторге от того, что слухи о мнимой бездеятельности Государя Императора оказываются лишенными всякого основания.

Следя с величайшим вниманием за всеми фазами общественного мнения, высший надзор усмотрел несколько очагов интриг, недоброжелательства и политических махинаций. По возвращении Государя Императора и после прискорбнейшего события – кончины Императрицы-матери⁴ – начались всевозможные интриги и трения. Вот как их объясняли в обществе: Государь счел нужным отличить и возвысить некоторых придворных, не игравших ранее никакой роли; Он выказывает расположение не-

которым лицам, носящим прославленное их предками имя. Говорят даже, что на дипломатические посты и государственные должности были назначены царедворцы, не имеющие никаких заслуг, кроме своего самодовольства. Много говорили о том, что некоторые женщины пользуются особым расположением царствующей Императрицы и влияют на распределение монарших милостей. По обыкновению, в этом отношении сильно преувеличивали. Так как распространилось убеждение, будто Император не видит никого, за исключением лиц, имеющих к нему доступ по своему придворному званию, то все, имеющие какое-либо состояние или имя, устремились без оглядки в сферу интриг с целью получения места при дворе. Пробудилось даже честолюбие людей бесталанных и небогатых, предполагающих, что достаточно быть хорошо принятым при дворе, чтобы достигнуть всего. Люди эти группируются вокруг особ, которых они считают имеющими власть и пользующимися доверием. Таким образом, образовалось несколько маленьких дворов, кружков всевозможных оттенков, начался шум, крики, сплетни и слухи, которые просители-клиенты изобретали для того, чтобы быть приятными своим меценатам и умалить значение покровителей тех из должностных лиц, кои имели несчастье им не понравиться. Лесть и честолюбивые подстрекательства самых ловких и наиболее пресмыкающихся искателей породили вражду между некоторыми видными лицами – как военными, так и гражданскими. К этому примешалась взаимная зависть между властью имеющими и добывающимися милости. Старые приятели становились холодны к друг другу, в их отношения проникал дух соперничества. Старались исчислять недостатки и неспособность тех, на долю которых выпадали милости, и так как обыкновенно каждый приписывает себе больше заслуг, чем их имеет, то интриги и соревнования множились и становились все упорнее. Наконец, стало необходимым собираться для того, чтобы иметь возможность обмениваться надеждами и взаимными подозрениями. Вновь появились тайные собрания, происходившие у некоторых старых дам, находившихся в пренебрежении у правительства. Вообще женщины опять начинают добиваться влияния и власти, которые они, казалось, утратили.

Между тем министры и некоторые видные особы, убедившись, что до тех пор, пока жандармерия и высший надзор, под руководством чуждых всяким интригам и всяким влияниям лиц, высоко держат голову, им не удастся ослепить Государя, – повели заметную кампанию против указанных органов власти. Они проявляли намерение их уничтожить или, по крайней мере, водить их за нос, отдав в руки какого-либо избранного из тесного круга аристократии члена. Все партии, казалось, желали соединиться для того, чтобы действовать в этом направлении. Некоторые даже старались преследовать людей, которых они считали преданными

органам надзора, поставить их в ложное положение, повредить их репутации. Различные средства были пущены в ход в целях лишения надзора его морального авторитета. Судя по словам некоторых болтунов, поднимался, очевидно, вопрос о том, чтобы сбить с толку Государя и возбудить Его недоверие к деятельности надзора. Должностные лица и лихоимцы, несомненно, настроены против жандармерии, но народ в целом стоит за это учреждение, принесшее, конечно, немало пользы. Частные и доверительные письма свидетельствуют о том, что в провинции, где нет жандармов, все классы желают их присутствия как защитников от чинимых властями неприятностей и раздоров между ними. До сих пор все интриги и глухие инсинуации разбивались о порог надзора, который внушает страх честолюбцам, интриганам, лихоимцам и взяточникам.

Надзор направил свое внимание, главным образом, на раскрытие демагогических происков. За три года своего существования он отмечал на своих карточках всех лиц, в том или ином отношении выдвигавшихся из толпы. Так называемые либералы, приверженцы, а также и апостолы русской конституции в большинстве случаев занесены в списки надзора. За их действиями, суждениями и связями установлено тщательное наблюдение. Число этих либералов довольно значительно, особенно среди молодых людей хорошего происхождения и среди офицерства. Но ввиду того, что наиболее видные из них пользуются покровительством влиятельных лиц, надзор уже не раз скомпрометировал бы себя, если бы эти самые либералы не выдавали себя своей корреспонденцией и не доставляли, таким образом, сами подтверждения собранным о них справкам. Главные очаги этого либерализма находятся в Москве. Но, так как они не обладают ни достаточной консистенцией, ни достаточным материалом для того, чтобы образовать твердое тело, т.е. определенно сгруппироваться вокруг одного из членов с подобающей репутацией, – то деятельность их направлена только на достижение следующих двух целей: 1) овладеть общественным мнением, т.е. формировать его и давать ему желательное для них направление, и 2) всеми средствами добиваться должностей, которые давали бы им возможность оказывать влияние на воспитание юношества. Надзору удалось до известной степени противодействовать их деятельности, направленной к достижению первой цели, – что касается второй, то она относится к области, для нас недоступной. Либеральная партия очень сильна в Москве, потому что ей удалось при посредстве женщин и аристократической клики совершенно овладеть умом генерал-губернатора. В Петербурге некоторые члены этой партии облакаются в тогу патриотизма и в силу родства и кровных связей пользуются покровительством самых высокопоставленных лиц. Надзору это известно, и он не теряет их из виду.

На основании некоторых сведений надзор с некоторой уверенностью предполагает, что Австрия и Англия ведут здесь систематический шпионаж и что их происки направлены не только на то, чтобы своевременно добывать нужные сведения о политических планах нашего кабинета, но и чтобы воздействовать на него путем внушения ложных конфиденциальных сообщений. Верность некоторых низших чиновников и агентов находится под сомнением. Дом графа Лавалья⁵ считают очагом австрийского шпионажа, а дом графа Людольфа⁶ – очагом шпионажа английского. Княгиню Яблоновскую⁷ и г-жу Хитрово⁸ называют австрийскими агентами и уверяют, что дом княгини Куракиной⁹ служит местом встреч, служащих этой цели. Говорят даже, что Австрия приложила руку и к делу снабжения армии.

Графа Нессельроде¹⁰ обвиняют в беспечности и упрямстве, проявляемом в желании во что бы то ни стало покровительствовать пользующимся плохой репутацией чиновникам, и уверяют, что в военном министерстве ненависть служащих к князю Чернышеву облегчает иностранным агентам выполнение их планов. Надзором собрано по этому поводу множество указаний. Он деятельно продолжает свои изыскания, но еще не считает для себя возможным действовать открыто. У надзора имеются указания на то, что слабость нашего посланника в Константинополе¹¹ причинила вред нашим там интересам и что дела по управлению княжеств идут плохо вследствие злой воли стоящих около графа Палена¹² людей. Надзор уже доносил об этом ранее, в настоящее же время он ограничивается наблюдением за происходящим. В обществе говорят, что австрийская политика начинает опять приобретать влияние, что Англия тесно связана с Австрией общими интересами, а именно, чтобы препятствовать росту России и ослаблять ее значение в Европе. Говорят, что если бы русским удалось перейти Балканы и двинуться на Адрианополь, Австрия, в согласии с Англией, объявила бы России войну, постаралась бы поднять Персию и Швецию и оторвать от нас Францию. Но ввиду того, что результаты кампании, как говорят, не соответствуют ожиданиям русского двора, Австрия и Англия рука об руку стараются исподтишка противодействовать всем военным операциям, вплоть до поставок на армию, для того, чтобы истощить Россию безуспешной, бесцельной и бесконечной войной, если только она не согласится на предложенный этими двумя державами план умиротворения; план этот в принципе основывается на сохранении Турции достаточно сильной для того, чтобы в случае австрийской войны она могла во всякое время производить диверсии, на предоставлении Англии полного протектората над Мореей и Архипелагом, на предоставлении Австрии

главенства над славянскими провинциями в целях удаления от России ее естественных помощников на границе Оттоманской империи.

Общее объединение в земледельческих губерниях становится, как уверяют, все чувствительнее и чувствительнее. Почти три четверти помещичьих земель заложены в ломбардах, банках или частных руках; помещики не могут больше выплачивать процентов, а крестьянам не из чего вносить казенных налогов. В богатых хлебом губерниях громко жалуются на Военное министерство. Единственным имевшимся там сбытом зерновых хлебов была продажа их казне. Когда-то хлеб покупался по установленным ценам (по справочным ценам), хоть и очень дешево, но это было законно оформлено. Теперь военный министр, зная, что землевладельцы крайне нуждаются в деньгах, опубликовал, что будет допускать покупку хлеба только со значительной сбавкой с установленных цен. Страдающие от безденежья помещики вынуждены продавать по какой бы то ни было цене.

Таким образом, покупая хлеб дешевле его стоимости, Военное министерство сэкономило, говорят, полтора миллиона рублей, а Министерство финансов потеряло более трех миллионов вследствие задержки поступления податей. Южные губернии страдают, как говорят, от реквизиций, при производстве которых происходят величайшие злоупотребления. Погонщики, доставляющие в армию быков, – в отчаянии; они говорят, что о скоте никто не заботится и что он должен погибнуть. Застой торговли в Одессе якобы лишает соседние губернии всяких доходов и делает их неспособными к уплате налогов. Балтийские провинции тоже жалуются на полное отсутствие сбыта своих продуктов, что ведет к разорению землевладельцев. Одна Рига держится еще продажей Балтийским и Польским провинциям колониальных товаров и вин; все остальные города в полном упадке, как вследствие застоя промышленности, так и вследствие системы запретительных пошлин.

Рекрутские наборы производятся теперь повсеместно с гораздо меньшими злоупотреблениями и неприятностями для населения, чем прежде; слышатся, однако, частичные жалобы на слишком большую строгость при выборе людей.

Банкротство дворянства, продажность правосудия и крепостное право – вот элементы, которые русские патриоты считают возможным использовать в подходящий момент, чтобы возбудить волнения в пользу конституции. Слишком распространено мнение, что в России все, что разумеется под словом *казна*, в том числе банки и ломбарды, рассматриваются как собственность Царской Фамилии. Самые тщательные наблюдения за всеми либералами, за тем, что они говорят и пишут, привели надзор к убеждению, что одной из главных побудительных причин, породивших отвратительные планы людей «14-го», были ложные утверждения, что

занимавшее деньги дворянство является должником не государства, а Царствующей Фамилии. Дьявольское рассуждение, что, отделавшись от кредитора, отделяются от долгов, заполняло головы главных заговорщиков, и мысль эта их пережила; до сих пор, однако, на это нет указаний, могущих внушить тревогу. Люди благонамеренные, искренно любящие свою родину, считают, что необходимо, чтобы правительство позаботилось о каких-либо действительных средствах для изменения положения крепостных, а также и по вопросу о погашении долгов во имя спасения дворянства от неминуемого банкротства. Следует, впрочем, заметить, что выше упомянутые пагубные идеи не имеют широкого распространения. Надзор усмотрел их в рассуждениях русских патриотов, стараясь ознакомиться с точкой зрения и образом мыслей последних.

В провинции вообще Государя очень любят; там уверены, что Он желает счастья своих подданных и печется о нем. Жалуются только на окружающих Его: «Государя обманывают министры; каждый из них представляет дела в самом благоприятном свете для того, чтобы получить награды». Но в Финляндии и Польше дела обстоят иначе. Финляндцы считают себя обиженными тем, что Император еще не посетил их и что изданием нескольких указов допущено нарушение их привилегий и конституции. Старания русского правительства введением военного управления в Финляндии умалить там значение конституции, с одной стороны, и, с другой – инсинуации шведских патриотов, возбуждают недовольство и поддерживают надежду, что, в случае общей европейской войны, Финляндия могла бы вновь быть присоединена к Швеции. Политические интересы этой державы побуждают ее, может быть, поддерживать некоторое недовольство в пограничной провинции, хотя бы на случай войны, но оппозиция или густависты стараются воздействовать на умы в Финляндии в совершенно противоположном направлении. Обе партии, однако, прибегают к одному и тому же оружию, возбуждая в финнах опасения, что введением указов их конституция мало-помалу будет уничтожена. Впрочем, дело управления Финляндией идет хорошо; русское правительство не раздражает население какими-либо придираками или подозрениями.

Находящиеся на военном положении и под военным управлением Польские провинции испытывают ужасный гнет. Надзором по этому поводу было представлено несколько записок с приведением в них более или менее интересных фактов. Провинции эти управляются коалицией лихоимцев. Непостижимо, каким образом администрация университета в Вильне могла захватить в свои руки управление всех этих губерний. Главные члены этой коалиции следующие: г. Новосильцев, ректор Пеликан, прокурор [?] Ботвинка и варшавская канцелярия, за исключением

г. Данилова¹³. Все жители этих провинций дрожат перед этой коалицией, которая каждому из них угрожает обвинением в карбонаризме и ссылкой в Сибирь. Примеры распространяемого коалицией террора, облекшие столько семейств в траур, повергли всех в состояние ужаса. Покрой жилета, цвет шляпы служат поводом к доносам и преследованиям. Все дела этих провинций подвергаются воздействию коалиции, позволяющей себе всевозможные хищения; она разграбила даже университетские фонды. Поляки уже не смеют говорить друг с другом о своем несчастье, и всякий раздавшийся звук колокольчика повергает их в содрогание. В то же время им стараются внушить, что Государь их терпеть не может, видит в них революционеров, и что Царство Польское было бы давно разделено на губернии, если бы его не оберегало покровительство Его Императорского Высочества Великого Князя¹⁴. Довести до сведения Государя это плачевное положение вещей осмеливается не один только надзор. Все проезжавшие по этим провинциям сенаторы, все чиновники и офицеры говорят то же самое. Поляки считают себя париями в Российской Империи и, приехав в Петербург, не могут удивиться царящему там порядку вещей; они проливают слезы о том, что в России они одни находятся в состоянии угнетения. Судя вообще по рассказам и донесениям, все зло заключается в Новосильцеве, который, предаваясь вину и обществу женщин, тратит огромные суммы, доставляемые ему его агентами – Ботвинкой и Пеликаном. Учреждение жандармерии влило несколько капель надежды в сердца поляков, которые подумали, что Государь несколько заинтересуется их участью. Посланный в Вильну полковник Рутковский приобрел там всеобщее расположение и уважение; но как только в Варшаве заметили, что он стремится видеть вещи в их истинном свете и является борцом за правое дело, его тотчас удалили, а, вопреки всему, покровительствуют известным взяточникам. Вот образец власти коалиции, которая уже не боится Петербурга и поддерживает здесь только связи, нужные ей в целях шпионажа, чтобы быть в состоянии своевременно парировать могущие ей быть нанесенными удары и чтобы наблюдать за людьми, которые могли бы проникнуть в их интриги. Все убеждены в том, что удаление Новосильцева было бы не только благодеянием для польских провинций, но и мудрой мерой предосторожности при запутанных обстоятельствах настоящего момента. Медленный ход пресловутого процесса государственных преступников также угнетает все сердца и возбуждает сочувствие даже в России. Все поляки были уверены, что Государь Император будет, согласно конституции, короноваться королем Польши; но эта надежда рассеялась и оставила неприятное впечатление в умах населения, настроенного в этой местности и вообще плохо.

Убежденный в том, что Государь стремится узнать истину, надзор берет смелость представить ее ему без каких-либо прикрас и комментариев.

Он только собрал то, что мог наблюдать в течение года и о чем велись разговоры среди населения. Строгая проверка каждого слова, каждого симптома, каждого мнения, даже каждого слуха может убедить Государя в том, что надзор действовал во всем согласно закона.

Делаем общий вывод о настроении умов. Настроение в войсках особенно хорошо. То, что рассказывают о военных операциях в Персии и в Азии вернувшиеся с Кавказа герои, не может посеять ни малейших сомнений. Они скромно говорят о самих себе и превозносят выдающиеся качества своих генералов. В высших слоях общества настроение не может считаться удовлетворительным, потому что там происходят постоянные столкновения и трения между партиями, они сплачиваются только в тех случаях, когда ставится вопрос об их первенствующем значении и о распространении их взглядов. Средние классы в массе настроены превосходно, так как они более или менее получают импульсы сверху; крупные и мелкие интриги появляются иногда в их кружках и тайных собраниях. Принадлежность к этому классу всего так называемого государственного чиновничества вносит туда постоянно отравляющий умы яд. Касательно низших торговых классов и буржуазии можно дать только вполне удовлетворительные сведения; они, как и народ, искренно любят Государя и возлагают на него все свои надежды за свое благосостояние. Во всяком случае, покой не будет никогда нарушен простым народом.

Надзор почел бы себя счастливым, если бы представленная им небольшая картина результатов его наблюдений пролила свет на пути деятельности правительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по: «Красный Архив». Т. 36 (37). М.–Л. 1929. С. 156–169.

¹ Николай I выехал в действующую армию в конце апреля 1828 г. Ввиду возможности длительного отсутствия императора в столице, 24 апреля 1828 г. была учреждена Временная верховная комиссия с чрезвычайными полномочиями в составе графа В.П. Кочубея, князя А.Н. Голицына и графа П.А. Толстого. Великий князь Михаил Павлович на случай гибели Николая I был облечен «саном и властью правителя государства».

² Дибич Иван Иванович (1785–1831), граф, генерал-фельдмаршал, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов (1813–1814), начальник Главного штаба. Во время Русско-турецкой войны

(1828–1829) фактически руководил военными действиями на Балканах при престарелом главнокомандующем П.Х. Витгенштейне, с февраля 1829 г. сам занимал этот пост. Титул “Забалканский” получил за удачный исход этой войны, завершившейся подписанием Адрианопольского мирного договора. В 1830–1831 гг. – главнокомандующий русской армией, действовавшей против польских повстанцев.

³ Паскевич Иван Федорович (1782–1856), генерал-адъютант (1825), граф Эриванский (1828), генерал-фельдмаршал (1829), светлейший князь Варшавский (1831). Участник Русско-турецкой войны (1806–1812), Отечественной войны 1812 г.

и заграничных походов (1813–1814). С 1826 г. – командующий русской армией в Закавказье, с 1827 – наместник на Кавказе. Командовал восками во время Русско-иранской (1826–1828) и Русско-турецкой (1828–1829) войн. 4 (16) июня 1831 г. назначен главнокомандующим армии, действовавшей против польских повстанцев. В 1832–1856 гг. – наместник Царства Польского.

⁴ Императрица Мария Федоровна умерла 12 ноября 1828 г.

⁵ Лаваль Иван Степанович (1761–1846), граф, тайный советник, гофмейстер. Его дочь Зинаида Ивановна была замужем за австрийским посланником в Петербурге (1816–1826) графом Лебцельтерном.

⁶ Людольф Джузеппе-Константино (1787–1875, посланник Неаполя и Обеих Сицилий в Санкт-Петербурге).

⁷ Вероятно, Яблоновская (урожд. кнж. Любомирская) Терезия Михайловна (1790–1847), жена (с 1811 г.) обер-гофмейстера князя Максимилиана Антоновича Яблоновского (1785–1846).

⁸ Хитрово (урожд. Кутузова, в первом браке за графом Ф.И. Тизенгаузенем) Елизавета Михайловна (1783–1839), в салоне которой собирались виднейшие государственные деятели, дипломаты и писатели той эпохи. Ее дочь (от первого брака) Д.Ф. Тизенгаузен (1804–1863) была замужем за графом К.Л. Фикельмоном, назна-

ченным в 1829 г. австрийским посланником в Петербурге.

⁹ Вероятно, Куракина (урожд. Головина) Наталья Ивановна (1768–1831), вдова князя А.Б. Куракина.

¹⁰ Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), граф, министр иностранных дел России (1816–1856). Дипломатическую службу начал в 1801 г. Участник Венского конгресса (1814–1815), а также конгрессов в Ахене, Троппау-Лайбахе и Вероне. Член Государственного совета (1821), канцлер (1845).

¹¹ Рибопьер Александр Иванович (1781–1863), граф, обер-камергер, член Государственного совета; посол в Константинополе (1824–1830), затем в в Берлине (1831–1839).

¹² Граф Ф.П. Пален являлся полномочным председателем диванов (советов) Дунайских княжеств.

¹³ Данилов Иван Данилович (1768–1852), с 1801 г. состоял при великом князе Константине Павловиче, управлял его военно-походной канцелярией.

¹⁴ Константин Павлович (1779–1831), великий князь, сын Павла I. Командовал гвардией (1812–1813); главнокомандующий польской армией в Варшаве (с конца 1814 г.), фактически – наместник Царства Польского. Заключив морганатический брак с княгиней Лович, урожденной графиней Груздинской, отказался от престола в пользу брата, Николая Павловича.

КАРТИНА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ в 1829 году*

1829 год был богат важными событиями, вызвавшими заметное оживление общественного мнения. Четыре года последовательных и внимательных наблюдений дали новые средства ознакомления с различными общественными элементами. Следя как за событиями, так и за отдельными лицами, надзор в состоянии лучше наблюдать и за источниками и за направлением общественного мнения, картину которого мы здесь воспроизводим.

После возвращения Государя-Императора из Варны столица была явно настроена против графа Дибича, и по всей России было распространено мнение, приписывавшее ему одному всю неудачу кампании. В высших кругах его поносили и наделяли различными прозвищами. Также и средние классы, т. е. дворянство, чиновничество и купечество, бранили графа Дибича. Назначение его главнокомандующим армией возбудило сильное неудовольствие, которое, однако, уменьшалось по мере того, как отдавали себе отчет в военной репутации наших генералов. Патриоты восклицали: почему не берут Ермолова? Некоторые сторонники Воронцова¹ высказывались за него; более благоразумные люди, однако, рассматривая список наших генералов, не находили никого другого, кто был бы более способен выполнить эту задачу. Все хором скорбели о бедной России, лишенной крупных талантов. Были, однако, люди, хотя и весьма немногочисленные, полагавшиеся на мудрость Государя и уверявшие, что Государь не ошибется в своем выборе Дибича, как не ошибся, выбрав Паскевича. Впрочем, – говорили они, – план операций был составлен в кабинете Государя Императора, и Дибичу придется только с точностью выполнять то, что ему будет предписано и что будет заранее составлено.

В течение зимы циркулировали разнообразные слухи по поводу прошедшей кампании и недостаточной точности наших бюллетеней. Австрийская миссия проявила в этом отношении усиленную деятельность: ее сторонники сходились в своих сборных пунктах, у г-ж Лаваль²,

---

* Подлинник на французском языке. Перед текстом имеется помета: «Его Величество изволил читать».

Белосельской³, Куракиной, Хитрово и графини Людольф⁴, распространяли тревожные предположения относительно успешности новой кампании, предсказывали образование европейских коалиций против России и т.д. и т.д. Русские в Варшаве делали то же самое. Махинации эти имели целью, по-видимому, довести все эти сомнения до сведения Государя, убедить окружающих его в опасностях, коим подвергалась Россия, и образовать при дворе настроенную против войны партию. Образовать таковую им удалось, но не удалось, однако, обмануть Государя или заставить его колебаться. Война была решена, генерал Дибич уехал в армию, и Россия с нетерпением ждала результатов.

Все очень интересовались путешествием Государя-Императора в Варшаву⁵. Средний класс, рассуждающий наиболее здраво, видел в этом обстоятельстве только его благородную и благоразумную сторону. Подписав конституцию, Государь-Император принял на себя обязательство короноваться. Зачем было подрывать доверие к слову монарха, когда речь шла об упрочении счастья целой нации посредством торжественного акта, который привязал бы ее к трону и в то же время обеспечивал спокойствие в России? Эти мысли разделялись всей цивилизованной Европой. Но усилившиеся старые патриоты, пропитанные духом манифестов Императрицы Екатерины, упорно продолжающие смотреть на поляков, как на врагов, отнеслись к этому путешествию не сочувственно. Они желали бы, чтобы Царство Польское было разбито на русские провинции, чтобы богатые поместья на берегах Вислы были отданы в их собственность, чтобы там была введена русская администрация и чтобы процессы разбирались петербургским Сенатом. Несколько высокопоставленных лиц были того же мнения, которое, однако, не основывалось на логических аргументах и просто являлось результатом зависти или спеси.

Раздраженные умы в Польше и ее провинциях были совершенно успокоены решением громкого дела о государственных преступниках⁶, вместе с которыми молилась почти вся Польша. Даже в России этот акт великодушия монарха был принят с благодарностью. Во всей Польше публично возносились молитвы за Государя-Императора, все радовались, плакали, и любовь к Государю возгоралась во всех сердцах. Русские жители Варшавы старались представить Государя в глазах поляков ненавидящим их тираном и внушали им, что все чинимые им неприятности производились по его повелению. Массы этому верили; но великодушный приговор по делу преступников разрушил это злостное влияние; завеса упала, и все убедились в том, что их угнетает не Государь.

Все видели искренний энтузиазм, с которым принимали Государя-Императора в Варшаве, несмотря на те опасения и страхи, которые угрожали полякам после его отъезда. Характер Государя, приветливость Государыни и любезность Наследника покоряли все сердца. Их обожают в

Князь Алексей Федорович Орлов

Польше. Поляки жалуются только на то, что в лице государя их посетил дорогой гость, а не их владыка. Здесь все того мнения, что пребывание Государя в Варшаве принесло величайшую пользу; поляки же утверждают, что после отъезда монарха все вошло в свою обычную колею. Несчастные польские провинции остались в состоянии прежнего угнетения и продолжают стонать под игом нескольких известных лихоимцев; последние все получили награды, и таким образом их власть творить зло была как бы санкционирована. Имевшие счастье заслужить в Варшаве благосклонность Императора поляки считают себя еще более несчастными, будучи убеждены в том, что Государь не может изменить их участи и должен принести их в жертву особым обстоятельствам.

Вот к чему сводятся, согласно общему мнению, пожелания поляков:

А. Для польских провинций:

1) освобождение от военного управления, которому они подчинены, как если бы они бунтовали,

2) назначение другого лица на место Новосильцева,

3) восстановление старых прав Виленского университета⁷.

В. Для королевства:

1) чтобы никто, кроме самого Государя, не вмешивался в дела административного управления, превосходно налаженного,

- 2) чтобы личная свобода не зависела от чьего-либо каприза,
- 3) чтобы действующие в Империи цензурные правила были введены также и в королевстве,
- 4) чтобы полиция действовала на основании точных законов, а не по произволу,
- 5) чтобы делаемые министрами представления не шли через г. Новосильцева и
- 6) чтобы было открыто сообщение с Россией без ненужных ограничений.

Циркулирующие в Польше слухи об Августейших особах императорской фамилии вполне для них благоприятны: поляки их искренне любят, хотя русские в Варшаве позволяют себе часто критиковать Государя Императора и окружающих его лиц. Поляки были больше всего тронуты тем, что наследник изучает польский язык, но многие из них сожалеют, что дело это доверено офицеру Юрьевичу⁸, уроженцу Белоруссии, не знающему, собственно, языка и говорящему на режущем польское ухо жаргоне. Они желали бы видеть при наследнике какого-либо ученого поляка.

Поездка Государя-Императора в Берлин⁹ доставила нашим крикунам мало тем для рассуждений, между тем как в клубах рассматривали ее как политическое событие, а дипломаты сильно волновались.

Наконец, военные действия возобновились, и достигнутые графом Дибичем блестящие успехи изменили составившееся о нем мнение; однако по его адресу продолжали слышаться упреки за дело при Кулевче¹⁰, в котором он якобы без надобности пожертвовал отрядом генерала Отрощенко¹¹, слишком слабым по сравнению с многочисленным неприятелем. Однако последующие успехи – результат прекрасного плана кампании, и русским это приятно.

Несмотря на всю свою славу, граф Дибич никогда не мог стать кумиром нации, особенно ввиду того, что против него существует сильное предубеждение, и предполагают, что он не любит русских и предпочитает им немцев. Отдают справедливость выбору Государя – ценят Дибича, но больше любят Паскевича.

Питаемое славой блестящих военных подвигов своих героев, национальное чувство являлось источником некоторого неудовольствия в массах тем, что наши победоносные войска не вошли хотя бы на несколько часов в Константинополь. С разных сторон слышалось: *«Пусть бы пробили поход русские барабаны в Константинополе, и слава для России и Государя была бы вечна»*. Масса не разбирается в политических затруднениях и не понимает их; ее увлекает мелочное тщеславие, поэтому-то известие об Адрианопольском мире¹² не вызвало большой радости: все ждали занятия Константинополя. Но если оставить в стороне национальное самолюбие, почетный мир увенчал миротворца лаврами и вызвал к нему общую бла-

годарность. Единственно, что не одобряется русским обществом, это то, что Россия, как бы из страха перед Австрией, не упоминает в опубликованном здесь мирном трактате о Греции. По этому поводу вспоминали о подобном же упущении при объявлении войны, что сделало этот акт непопулярным. Вот что слышится по этому поводу: *«Франция не боялась послать войско в Грецию¹³ и собирать деньги для греков, а мы, единоверцы, из угождения Австрии, не смеем обнаружить перед светом чувствований, делающих нам честь. Долго ли России ходить на помочах Австрии?»* – Все это приписывается интригам и влиянию Австрии.

Чувства России к Августейшей чете проявились по поводу болезни Государыни, а затем и Государя. Болезнь Государыни вызывала сильное беспокойство, потому что все вообще уверены, что она составляет счастье Государя и что, привязывая его к себе своими выдающимися качествами, она поддерживает на троне великий и прекрасный пример семейных добродетелей. Во время болезни Императора¹⁴ не только искренняя преданность его особе, но и политические и частные интересы заставляли звать к Богу и проливать слезы. Даже те немногочисленные люди, которые считали себя вправе быть недовольными теми или другими деяниями Государя, излив свою желчь, прибавляли: *«Но все-таки он честный, прямодушный и добродетельный человек, любящий правосудие»*. Во время этих всеобщих опасений только и слышались разговоры об ужасном несчастье, которое постигло бы Россию в случае катастрофы. Мысль о регентстве была неприятна; боялись влияния Варшавы¹⁵. Склонялись к мысли о Государыне-Императрице, и многие ей сочувствовали.

В это тяжелое время надзор почел долгом удвоить свою бдительность для того, чтобы, на основании некоторых данных, поближе присмотреться к настроению многих недоброжелателей, но убедился, что к последним он может отнести только очень небольшое число лихоимцев из чиновников гражданского ведомства и несколько лиц из дворцовой челяди. Последние взбешены тем, что их братья поставлены препятствия к продвижению в чинах и что их лишили возможности безнаказанно расточительствовать. Влияние этих людей на низшие классы, с которыми они приходят в соприкосновение, было бы пагубно, но, к счастью, оно парализуется любовью к монарху.

Обозрев волновавшие общественное мнение крупные события, мы остановим наше внимание на суждении общества о различных отраслях административного управления. В наше время гораздо легче управлять в критические моменты, чем при обычных условиях. В обычное время у всех являются претензии, каждый смотрит в упор на правительство, ожидая, чтобы оно исправило все ошибки, предупредило бы все беды, наделило

бы всеми благами. Мы будем придерживаться порядка последовательного обозрения различных отраслей государственного управления.

I. О министерстве финансов

Система запретительных пошлин, рекомендованная находившимися в сношениях с предшествующим министерством спекулянтами и утвержденная ложно направленным патриотизмом, принесла много вреда России. Столь широко распространенная роскошь не могла быть удовлетворена местным производством. Богатые люди разорялись, приобретая все то, к чему привыкли с детства; остальные, чтобы не отстать, предавались взяточничеству и лихоимству, что способствовало развитию контрабанды, конфискаций, казнокрадства. В России начинали производить кое-что хорошее, но в очень ограниченном количестве; большая часть фабрикатов выделяется наспех, и, ввиду отсутствия конкуренции, плохие товары местного производства продаются дороже, чем привозимые из-за границы хорошие. Стремясь увеличить таможенные доходы, министерство финансов облагало ввозимые товары чрезвычайными пошлинами. Одним словом, покупатели должны обладать большими деньгами, чтобы иметь возможность приобрести вещи, сделавшиеся им необходимыми; но денег не хватает: иностранцы, не находя больше достаточного сбыта для своих товаров, переставали покупать наши продукты, обращаясь за таковыми туда, где торговля менее стеснена и где они могут избежать скверных приемов таможенных чиновников и бесконечных, несносных формальностей, с которыми они встречались у нас. Земельная собственность обесценивалась, крестьяне переставали платить подати, а дворянство, живя в столицах или состоя на службе, всегда нуждается в деньгах и постоянно делает долги. Министерство долго упорно защищало и сохраняло покровительственную систему, но, наконец, наученное голосом общественного мнения и несколькими газетными статьями, по-видимому, убедилось в необходимости ослабить эту систему и само поместило в печати статью, имеющую, очевидно, целью подготовить умы к изменению системы пошлин. Уверяют, что это будет счастьем для народа и что даже наши фабрики, при наличии конкуренции, усовершенствуются. К этому прибавляют, что есть только несколько губерний, достаточно населенных для того, чтобы быть промышленными, и что в других не хватает рук даже для обработки земли. Что дала в результате выставка русских фабрикатов – выставка, которая произвела поразительное, благоприятное министру финансов¹⁶ впечатление и, в некотором роде, примирила с ним общество? Там были великолепные образцы, но в магазинах находишь только плохие вещи, продаваемые по столь высоким ценам, что министр приказал напечатать в своей газете, что русские фабриканты забываются, что цены

на их товар назначаются тройные сравнительно с заграничными и что поэтому-то они и не находят сбыта.

Говорят, что министр финансов занимается только измышлением налогов прямых и косвенных, не считаясь с тем, что у нас каждый налог падает на бедного земледельца и что необходимо оживить обращение денежных сумм. Этим объясняют, что такое большое количество заложенных в банках земель продается с аукциона и что так много не внесенных в срок податей. Какое преимущество представляет собой хорошо составленный бюджет, если он не соответствует действительности? Теперь приходится силой вышибать каждый рубль. Изданный в этом году указ касательно мероприятий против тех, кто не платит повинностей, вызвал ропот среди бедных классов. Со всех сторон кричат: *«Думают, как взять, а не думают, откуда»*. – В течение тридцати лет налоги все возрастали, но никогда никто не думал о том, чтобы облегчить народу его бремя. К чему это приведет? К общему банкротству. Рассуждения эти влекут за собой и другие, менее невинные; среди дворянства возникают пагубные идеи. Положение становится натянутым, и начинают желать более или менее законных перемен. Необходимо заняться внесением некоторых улучшений в положение помещиков-землевладельцев, и, согласно общему мнению, достигнуть этого возможно единственно лишь понижением процентов. Это оживило бы и усилило обращение денежных сумм и, может быть, спасло бы от разорения многих помещиков.

Откупа питейных сборов несколько усилили денежное обращение, но царящая в народе бедность обманула ожидания откупщиков, и многие из них утверждают, что понесли значительные потери.

Горная промышленность находится, – как говорят, сказал по секрету г<осподин> Гумбольдт¹⁷, – в плачевном состоянии. Во Фриберге девять тысяч рабочих делают то, на что в Колыванских рудниках требуется пятьдесят тысяч человек, потому что они столь же плохие земледельцы, сколь и скверные рудокопы. Люди эти вынуждены проехать несколько сот верст, чтобы прибыть к месту своей работы. Местная власть не стремится изменить этот порядок вещей, потому что она наживается за счет этих бедняков, вымогая у них деньги под различными предлогами. Офицеры минного корпуса, в большинстве случаев, или невежды или вообще довольствуются лишь тем, что следуют примеру своих предшественников.

Говорят, что было бы вполне возможно доставлять в Петербург соль из Илецка, но что министр об этом не хочет и слышать исключительно из упрямства, потому что когда-то, служа по этой части, он представил доклад против подобной операции и имеет также зуб против директора Илецких соляных копей. Говорят, что это обстоятельство было доведено даже до сведения покойного Государя Императора.

Уверяют, что в Министерстве финансов совершается много хищений, и в подтверждение указывают пальцами на нескольких субъектов, не имевших ни копейки в то время, как они служили под начальством генерал-интенданта Канкрина, ныне же располагающих крупными суммами. Торговля медью и хинной коркой является богатым источником хищений. Казенные леса разграбляются, а казенные имения в самом плачевном состоянии.

Создание таможенной стражи увеличило расходы, но не приносит никакой реальной пользы; напротив, уверяют, что она способствует контрабанде. Эти люди задерживают только тех, кто им не платит. В Кяхтинской таможене происходят злоупотребления, но директор платит дань чиновникам министерства и остается спокойно на своем месте. Были, по-видимому, важные доносы по поводу этой таможни, но все было замято, а доносчик подвергся преследованиям.

Министр, говорят, – человек знающий, просвещенный, деятельный и трудолюбивый, но упрямый; он не слушает никого, кроме нескольких любимцев, которые его обманывают. Г<осподин> Дружинин¹⁸ очень умный, очень способный человек, но, к несчастью, продажный. Г<осподин> Кайсаров¹⁹, который когда-то был не совсем чист, ведет себя прекрасно и знает дело. Смерть г<осподина> Розенберга²⁰ считается незаменимой утратой, заслуги и честность его признавались всеми. Министра обвиняют в том, что он, в погоне за популярностью, слишком стремится скрыть все хищения своих чиновников.

В обществе намечают и предлагают следующие реформы в Министерстве финансов: 1) понижение процентов, как уже говорилось выше, 2) усиление всеми возможными способами денежного обращения, 3) изменение налоговой системы, с тем, чтобы вся тяжесть обложений не ложилась исключительно на бедный класс, как это было еще недавно, при повышении цены на соль в Крыму, 4) переработка таможенного тарифа в смысле ослабления покровительственной системы, 5) запрещение землевладельцам брать с крепостных причитающийся пивоварням налог, которым помещик пользуется в качестве фабриканта, а не земельного собственника, 6) урегулирование казенных доходов и установление подати, платимой помещикам, для того, чтобы последние не были более автократами в своих владениях, 7) назначение для работ в рудниках известного числа рабочих, которые были бы постоянно при одном деле и не заменялись бы другими: благодаря этой мере они стали бы умнее и искуснее, как это было с рабочими оружейных фабрик, 8) уничтожение преимуществ, которыми пользуются различные морские порты, и дарование им всем одинаковых прав, что способствовало бы процветанию городов и обогащению всей страны.

Довольно распространено также мнение, что следовало бы выделить департамент торговли из Министерства финансов и образовать из него от-

дельное министерство, как это было прежде, и как мы это видим теперь во всех культурных странах Европы. К этому добавляют, что Министерство финансов охватывает слишком большое число отраслей управления, для того чтобы один человек мог хорошо его направлять и смазывать все колеса. При этом случае высказывается мысль об образовании финансовой палаты (*Chambre des finances*).

II. О Министерстве внутренних дел

Согласно общественному мнению, министр внутренних дел должен быть человеком образованным, знакомым с ходом дел в других европейских государствах и говорящим на иностранных языках. Г<осподин> Закревский деятелен и враг хищений, но он совершенный невежда. Всю свою славу и свое честолюбие он полагает в чистоте апартаментов, в соблюдении формы, в составлении карточек и в числе входящих и исходящих бумаг. Последние читаются и пишутся, но дело не движется; не замечается никакого улучшения. Напротив, в целях достижения некоторой популярности и репутации великого государственного человека, в русском смысле этого слова, г<осподин> Закревский полагает свою честь в том, чтобы незаметно оказывать покровительство своим подчиненным. Все сообщаемые ему жандармерией сведения он посылает губернаторам, сообщая им, от кого они исходят; это тормозит деятельность жандармов и навлекает на них придирки и злобу местных властей. Сколько ему не объясняют, что эти сведения сообщаются ему только в порядке частном, как предназначенные исключительно для его личного сведения в целях дать ему возможность действовать, когда и где следует, — он не отступает от своей методы исключительно из-за неуместной ненависти к учреждению, которое, по его мнению, врывается в сферу его компетенции.

Губернаторы слишком обременены бумагами, поглощающими всю их деятельность, и в конечном итоге в большинстве случаев сжигаемыми в департаментах. Состояние провинциальных тюрем в высшей степени плачевно, потому что министр, по странному пониманию справедливости, полагает, что не следует нежить злодеев, не принимая во внимание того, что среди заключенных могут быть люди невинные и несчастные. Полиция в губерниях тоже в плачевном состоянии, везде, даже под стенами Петербурга, кишит беглецами и бродягами, и особенно их много в Шлиссельбургском округе, где они легче находят себе убежище. Всякому сколько-нибудь важному преступнику, конечно, не раз удавалось бежать из тюрьмы. Не принимается никаких действительных мер против опустошающих целые местности эпизоотий, и все заботы администрации ограничиваются перепиской. Везде недостаток ветеринарных врачей. Немного более заботятся и о людях: целые деревни заражены венерическими болезнями; оспа, корь и другие заразные болезни беспрерывно

свирепствуют среди беспомощного населения. Медикаменты в казенных аптеках, даже в Петербурге – скверные. Карантины соблюдаются беспорядочно и с недостаточною строгостью. Вступив в управление министерством, г<осподин> Закревский на основании доносов наложил руку на медицинский департамент; он без всякого разбора разогнал старых и опытных в этой сфере управления служащих, заменил их новыми, которые внесли путаницу в дела; последствием этого нелепого управления явится, как уверяют, значительный дефицит. Так как это одна из наиболее доходных областей, то в нее проникает больше интриг; г<осподин> Закревский облек своим особым доверием двух известных и всеми презираемых взяточников гг. Дьяконова²¹ и Кусовникова. Недавно он назначил еще директором этого департамента некоего Швенсона²², который тоже не пользуется хорошей репутацией.

В колониях дела идут плохо, – колонистам не оказывают никакого покровительства вследствие странной ненависти министра к иностранцам и непостижимого предубеждения, что колонии в России бесполезны²³.

Общественные здания в провинции разрушаются, и никто не думает больше об исторических развалинах, которые Государь приказал сохранять. Одним словом, обычно говорят, что дело управления идет так, как того можно ожидать от человека непросвещенного, пропитанного национальными предрассудками, начинающими подвергаться осуждению даже со стороны некоторых бородачей.

Общество желает внесения улучшений в эту столь важную часть управления, и вот вкратце, что намечается в этом отношении общественным мнением:

1) Указать специальный путь для прогона скота в разных местах империи и устроить на этом пути несколько постов (заставы) для санитарного осмотра стад; воспретить гуртовщикам продавать скот в ближайших по пути городах и деревнях, потому что они сбывают таким образом больных животных. Чтобы предупредить при этой процедуре злоупотребления, следовало бы возложить надзор за ней выбираемому дворянством должностному лицу, которое находилось бы в непосредственном подчинении местному предводителю дворянства. Заинтересованные в предотвращении заразы помещики будут друг за другом наблюдать, между тем как местная полиция стремится только вытянуть из занимающихся этой торговлей купцов как можно больше денег.

2) Устроить в провинции ветеринарные школы и допустить в них несколько человек из крестьян.

3) Увеличить число аптек в провинции и обращать больше внимания на медицинскую часть вообще. Мы испытываем недостаток во врачах, и было бы, может быть, полезно дать Дерптскому университету средства, чтобы там на казенный счет подготавливалось несколько врачей, взятых из

Максим Яковлевич фон Фок

числа бедных студентов, не имеющих средств продолжать учение; за эту мысль держатся особенно потому, что самые известные врачи столицы, как Раух²⁴, Лерхе²⁵ и другие – ученики этого университета.

4) Устроить несколько окружных больниц, отнеся расходы на счет общинных податей, которые чрезмерно велики и растрачиваются бесплодно.

5) Побудить к более энергичной деятельности местную полицию в целях борьбы с укрывательством всех дезертиров и бродяг, с применением к укрывателям суровых мер, причем ответственность возложить на общество.

6) Учредить в провинции суды исправительной полиции, члены которой должны быть избираемы из среды дворянства и купечества; на обязанности их лежало бы производство предварительного следствия при всяких преступлениях, потому что таковое является слабой стороной всех наших уголовных процессов.

7) Учредить комитет, рассмотрению которого подлежали бы все могущие быть представленными проекты из различных областей управления.

8) Обращать больше внимания на статистику, которая, несмотря на то, что могла бы приносить огромную пользу, находится в полном пренебрежении и требует коренной реорганизации.

9) Реорганизовать медицинский департамент. Между прочим, следовало бы повелеть, чтобы ревизия материалов лежала на обязанности учебного комитета, а не предоставлялась ничего в том не понимающим чиновникам, и чтобы деньги поставщикам уплачивались кассиром министерства, функции которого должны быть выделены. Теперь деньги вручаются первому встречному, и никто не заботится об отчетности. Может быть, было бы лучше возложить это дело, также как и контроль, на Комитет министров.

В обществе очень желают, чтобы губернаторы выбирались с большой осмотрительностью, потому что, подобно тому как армия не может никогда достигнуть известной степени совершенства без хороших полковников, – дело внутреннего управления не может идти правильно без умных и честных губернаторов. Чего можно ждать от всех этих людей, находящихся под покровительством г<осподина> Закревского и составляющих его круг, с их очень плохой репутацией?

Следовало бы сделать очень многое в этом министерстве, – говорят, – если бы только министр был образованным и просвещенным человеком, но г<осподин> Закревский создан для формы и предрассудков; он не на месте. Вот что говорят даже те, кто группируется вокруг него.

III. О Министерстве юстиции

Г<осподин> Дашков²⁶ обладает всеми качествами ума и сердца, необходимыми для того, чтобы стать прекрасным министром. Некоторые ставят ему в упрек то, что он не мог столкнуться с Закревским и Долгорукиным²⁷, но общественное мнение его вполне в этом отношении оправдывает, говоря: «Как могут ум и совесть примириться с невежеством и недобросовестностью?». Ему приписывают один только недостаток – низкопоклонничество перед властью имущими, влияния которых он слишком боится. Он жалуется на невозможность сделать все, что хотел бы, за полным неимением сотрудников. Канцелярии министра и Сената полны взяточников и людей неспособных, и министр вынужден сам рассматривать всякое сколько-нибудь значительное дело. Все обер-прокуроры, за исключением Журавлева²⁸, люди более или менее малоспособные. Журавлев, – человек интеллигентный и основательно знакомый с делами, – находится, к несчастью, под влиянием своей жены, которая жадна, как сорока, и во все вмешивается. За последнее время, однако, Журавлев испытал много неприятностей и намеревается, по-видимому, принять меры к тому, чтобы избавиться от этого губительного влияния. Г<осподин> Дашков жалуется на то, что он бессилен уничтожить все это лихоимство, не будучи в состоянии уследить за всем лично и не имея возможности положиться на прокуроров, которые все закрывают на это глаза. Что касается общего хода дел, то лихоимство и применение ложных принципов внесли в него такую путаницу

и воздвигли на его пути столько препятствий, что необходимо его преобразовать на новых началах. Вот как рассуждают по этому поводу.

Сенат должен только рассматривать поступающие на его рассмотрение дела и приводить в исполнение повеления монарха; но вместо этого бюрократы, чтобы иметь больше добычи, уговорили министра издать постановление, в силу которого по жалобе частных лиц на провинциальные суды дела посылались бы на пересмотр в Сенат и рассматривались бы предварительно последним, причем ему дается произвольное право отменять приговоры местных судебных инстанций. Таким образом, Сенат, обогащаясь взятками, завален процессами. Это привело к необходимости увеличить штат чиновников и открыло обширное поле для интриг. Другим препятствием на пути правосудия, способствующим притом интригам, является *Комиссия прошений*²⁹. Состоящая из сенаторов, она становится судьей в собственных делах. Совершенно естественно, что члены этой Комиссии вынуждены поддерживать свое собственное мнение или мнение своих коллег по Сенату. Сколько это влечет за собой отступлений от законного порядка и противоречий! Так как Комиссия эта решает дела от имени Государя, она является высшей инстанцией, все парализует, врывается в область компетенции министров и нарушает общий порядок ведения тяжбы.

Почти то же следует сказать и о Комитете министров, являющимся также в одно и то же время судьей и стороной³⁰. Согласно общему мнению, нет другого средства бороться со взяточничеством, как уменьшить число чиновников, лучше их оплачивать и ввести с той же целью существующее во всех европейских государствах право субсидий*.

Прибавим к этому краткое изложение некоторых предлагаемых общественным мнением проектов улучшений:

1) Принимать в Сенат только апелляционные прошения и кассационные жалобы.

2) Повелеть, чтобы жалобы на приговоры низших судебных инстанций приносились министру, которому присвоить право приостанавливать дело после предварительного рассмотрения его специально учрежденным под его руководством комитетом; последний имеет быть составлен из нескольких прокуроров и сенаторов и должен заменить нынешнюю консультацию. Комиссия прошений не должна будет более заниматься рассмотрением процессов, потому что, решая их от имени монарха, она, в силу этого, идет в разрез с установленными правилами. В случае признания вынесенного одним из департаментов Сената приговора неправильным, он может быть обжалован в заседании в полном составе, на котором

* По-немецки Sporteln – род субсидий, выплачиваемых по таксе за каждое дело. (*Примечание авторов документа.*)

разбиравшие дело сенаторы были бы лишены права присутствовать. Компетенции Комиссии прошений будут подлежать только дела, зависящие от личного благоусмотрения монарха.

3) Чтобы *доклады* о процессах составлялись согласно установленного порядка, чтобы для сего были установлены сроки, и дело это не было бы предоставлено, как теперь, доброй воле докладчика.

4) Допустить, чтобы тяжущиеся могли печатать к своему делу объяснительные записки, которые проходили бы через цензуру прокурора того департамента, которому дело подсудно, и при условии согласия на то министра. Мера эта сильно способствовала бы обузданию лихоимства. При этом уже случаи, подобные делу Гежелинского³¹, стали бы невозможны.

Считают также, что было бы необходимо изменить ход дел в Государственном совете. Граф Кочубей запретил тяжущимся представлять объяснительные записки к своему процессу членам совета и лично им их разъяснять. Строго воспрещено также докладчикам сообщать тяжущимся свои *доклады*. Это мнимое сохранение их в тайне является только средством обогащения докладчика, потому что при нынешнем порядке вещей приходится покупать то, что должно бы узнаваться даром. Нелепость этой меры становится очевидной из данной Комиссии прошений инструкции, где сказано: *«На решение Государственного совета не должно приниматься жалоб, а можно принимать жалобы на доклад совету, если в докладе сделаны упущения»*. Теперь восклицают: *«Каким же образом можно жаловаться на доклад, когда это тайна и когда доклад не прописывается в решении?»*.

Было бы необходимо, думают многие, учредить последнюю инстанцию, решения которой не подлежали бы апелляции и являлись бы неотменимыми. Без этого никто не может быть спокоен за свою собственность, что причиняет массу неприятностей и семейных несчастий.

Много говорят о безответственности членов совета, сенаторов и министров в случаях противозаконных решений, потому что, как говорится в указе Петра Великого: *«На что писать законы, когда не исполнять их»*. Судьи наши присвоили себе права присяжных и решают дела по своему усмотрению, по совести, вопреки законам, чем приносится много зла.

Очень желают восстановления *совестных судов*³², пришедших, к несчастью, в упадок; они имеют важное значение и очень полезны для процессов, в которых отсутствуют документы и которые не навлекают иного наказания, кроме стыда.

Бесконечно жалеют об уничтожении *юнкерского института*, где молодые люди подготовлялись к гражданской службе. Учреждение подобного заведения принесло бы существенную пользу.

IV. О Министерстве народного просвещения

Общественное мнение высказывается открыто против этого министерства, которое, как говорят, с 1818 г. двигается в обратном направлении³³. Было время, когда его обвиняли в мистицизме; теперь его упрекают в обскурантизме. Государь-Император повелел составить элементарные учебники, и с этой целью был учрежден особый комитет, но в состав его вошли люди, за которыми общество отказывается признать нужные для столь важной работы качества: до сих пор не появились даже азбуки. Положение о гимназии³⁴ подвергается сильной критике. Уверяют, что в Московском университете царит скверный дух, что дипломы там публично продаются, и что тот, кто не брал частных уроков по 15 рублей за час, не может получить такого диплома. Жалуются на недостаток преподавателей и наставников; но никто не желает служить в этом министерстве, где заставляют работать, как каторжников, а все сколько-нибудь способные люди стараются попасть в учреждения Императрицы или в военные учебные заведения. Общество было недовольно тем, что князь Ливен³⁵ получил недавно орден, в то время как никто в министерстве не удостоился награждения.

Литература, – как говорят, – находится в довольно печальном положении. Министр не знает ни одного литератора, и ни одному из них он не сказал любезного слова. Общество его состоит из нескольких ханжей*, пользующихся дурной славой в глазах общества.

Надзор внимательно наблюдал за молодыми людьми, метившими в политические реформаторы и желавшими издать с этой целью газеты. Добытые надзором в этом отношении данные в большинстве случаев подтвердились. Среди газетных писак Москвы есть еще много дряни, но некоторые репрессии, будучи своевременно применены, принесли значительную пользу.

Вообще литераторы стремятся превозносить царствование Императрицы Екатерины и первые годы царствования Императора Александра – как эпоху, когда к писателям относились с уважением, ухаживали за ними и награждали их. Во всех европейских государствах, – говорят они, – самые видные литераторы и артисты пользуются, по собственной инициативе государей, некоторыми щедротами со стороны правительства и наградами. Очень многие считают, что Государю-Императору следовало бы время от времени проявлять свое благоволение к тому или другому из наиболее выдающихся писателей. Оказанное Государем Академии художеств особое покровительство принесло огромную пользу и дало новый толчок к деятельности художников, которые благословляют монарха. Покровительство, оказанное Ботаническому саду³⁶ и такому выдающемуся

* Гг. Пезаровиус, Адеркас и т. д. (Примечание авторов документа.)

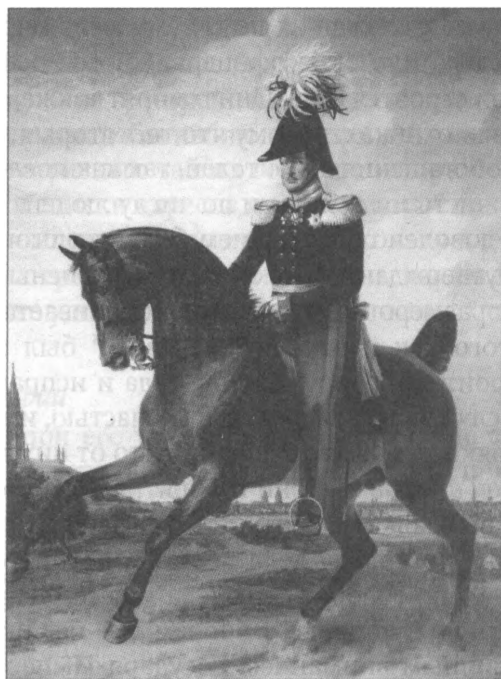
ся ученому, как Фишер³⁷, произвело также наилучшее впечатление и было встречено с большим удовлетворением.

V. О Министерстве внешних сношений

Общество, особенно средние классы, в массе странным образом преубеждены против графа Нессельроде. Его всегда подозревают в тайной приверженности венскому кабинету и в предосудительной близости с Меттернихом и Лебцельтерном³⁸; ему ставят также в упрек исключительное покровительство, которое он, якобы, оказывает гг. Лавалю и Радофиникину³⁹, двум лицам, сугубо непопулярным в обществе. Утверждают, что г-жа Нессельроде⁴⁰ имеет слишком большое влияние на своего супруга и даже на ход дел, что в ведомство проникла система покровительства родственникам и что слишком заметное влияние некоторых иностранных посланников может причинить вред в смысле нарушения государственных тайн. Но, с другой стороны, слава, которую принес торжествующей России Адрианопольский мир, относится, естественно, к Министерству внешних сношений, трудная работа коего, особенно перед и во время ряда наших побед, увенчалась заметным успехом. Русскую политику нельзя упрекнуть в том, что она оставила существовать подобие Оттоманской империи в то время, как она имела возможность безнаказанно отважиться на все, так как неспособный нарушить свою клятву Император дал слово Европе не тревожить ее победами и сдержал свое обещание, проявив при этом столько же умеренности, сколько и осторожности и великодушия. Министерство внешних сношений, на которое было возложено приведение в исполнение его намерений, свято их выполнило.

VI. О Военном министерстве

Граф Чернышев пользуется печальной репутацией: это предмет ненависти (*bete poire*) публики, всех классов без исключения. Его вообще боятся и ненавидят; его обвиняют даже в том, что он в своих докладах обманывает Государя ложными донесениями, стремясь приписать себе чужие заслуги, и искренно сожалеют о графе Дибиче, возвращения которого ждут с нетерпением. Надо, однако, сознаться, что, благодаря ежедневному наблюдению со стороны Императора, военной субординации и обилию средств набирать умных и деятельных должностных лиц, работа в этом министерстве ведется лучше, чем в большинстве других органов власти. Дисциплина там требуется безусловно, особенно в канцелярии Главного штаба. В отделах снабжения и обмундирования армии дело обстоит иначе: там мы часто видим злоупотребления. Начальник отдела обмундирования проявил особую строгость, против которой возмущались его подчиненные и на которую жалуются также поставщики и другие, имеющие с ним сношения лица.

Фридрих Вильгельм III

VII. О Главном управлении водных и сухопутных сообщений

Все единодушно сходятся на том, что управление этой отраслью государственного хозяйства находится в самом скверном состоянии. Лихоимство и взяточничество – там обычное явление, а отчетность – в хаотическом состоянии. Герцога⁴¹ обманывают на каждом шагу и занимают мелкими работами и крупными проектами. Институт или, вернее, школа⁴² также в упадке. Надзор не раз указывал на дурное поведение учеников; они чрезвычайно распушены и насмеваются над своим инспектором – Резимоном⁴³, человеком, в полном смысле этого слова, – ничтожным, корыстным и алчным. Молодые люди его постоянно поносят.

По этому поводу обычно указывают на другие военные учебные заведения, которые, благодаря отеческим попечениям Государя-Императора, чрезвычайно улучшились сравнительно с тем, какими они были. Все родители жаждут поместить в них своих детей, чего не было несколько лет тому назад.

VIII. О Морском ведомстве

Общественное мнение никогда не относилось сочувственно к г-ну Моллеру⁴⁴. Говорят даже, что он часто обманывает Государя, показывая экономию по сметам, которые он сам произвольно составляет и в которых

перетасовывает суммы и служащих по своему желанию, чтобы усугубить значение своих заслуг. Флотские офицеры много говорят о неосмотрительности, с которой строятся суда. Они говорят также, что часто испытывается недостаток в плотниках, потому что те, которых, якобы, нанимают, служат только для обогащения строителей, так как последние получают за них с поставщиков чистыми деньгами по числу людей. Государь-Император остался очень доволен сооружением больших стопушечных судов, а между тем моряки утверждают, что корабли построены плохо, без соблюдения правильных размеров, но никто не осмеливается сказать об этом Государю, после того как г<осподин> Исаков⁴⁵ был за это награжден. Кронштадтские строители, сооружающие суда и исправляющие их недостатки наиболее заслуживают наград, и, к несчастью, ими-то более всего и пренебрегают. Моряки жалуются еще на то, что от них требуют, по их выражению, «*пехотной выправки*»; они говорят, что на это у них нет времени и что подобная выправка не соответствует роду их службы. Среди моряков идут пересуды по поводу дела Грейга⁴⁶, которого вообще считают отличным офицером, но говорят, что дела у него велись не совсем правильно и отчетность не в порядке. Впрочем, все без исключения моряки гордятся особым личным вниманием Государя-Императора к их ведомству; они говорят, что за последнее время улучшения в морском деле вводились в гигантском масштабе; существовавшее прежде подобие флота, благодаря особой заботливости Государя, представляет в настоящий момент внушительную силу.

IX. О Государственном контроле⁴⁷

Общественное мнение неблагоприятно этой части государственного управления, и надзор имел не раз случай указывать на имевшиеся в этой области отступления от законного порядка. Любимец начальника⁴⁸ г<осподин> Карнеев⁴⁹ ввел туда несколько лиц, которые нажились на питейных сборах, на вине. Утверждают открыто, что в контроле все продажно и что министр финансов является там полным хозяином. Впрочем, общество слишком мало интересуется этой отраслью управления, для того, чтобы придавать ей большое значение.

X. О Почтовом ведомстве

В высшей степени важная, благодаря имеющимся в ее распоряжении средствам незримо видеть все, эта отрасль управления приобретает большое значение в руках начальника⁵⁰, пользующегося влиянием и стремящегося побудить своих подчиненных к деятельности. В обществе довольно распространено мнение, что, из профессионального соревнования, начальник почтового ведомства не может питать расположения к надзору и помогать ему. По секрету рассказывают друг другу, что, кроме общеиз-

вестного средства – вскрывать письма в целях осведомления, прибегают к многим другим способам. Под предлогом личных или служебных дел чиновники путешествуют за границей; им предоставляют извлекать выгоды, оказывая услуги купцам, дабы наблюдать при этом за поведением последних. Устроенными в разных частях города конторами для приема писем легко доставляются списки адресов и информация, так что это ведомство всегда лучше осведомлено, чем полиция, поскольку идет речь о наведении справок. При таких средствах и том влиянии, каким пользуется его начальник, ничего нет удивительного в том, что ведомство действует уверенно.

XI. О жандармерии

Институт этот при его учреждении внес вообще смятение в настроение общества, но в настоящий момент, благодаря спокойной и осторожной деятельности жандармерии и довольно удачному выбору людей, общественное мнение по отношению к ней почти единодушно настроено благоприятно. Против нее ополчаются только служащие-взяточники. Общество, может быть, слишком требовательно по отношению к жандармерии, воображая, что последняя может уничтожить все злоупотребления, все несправедливости, тогда как в ее власти только указывать на них. Возможно, что жандармерия могла приносить еще большую пользу, если бы не встречала столько противодействия и недоброжелательства со стороны местных властей. Вот что думают о жандармерии некоторые влиятельные лица. Приводим их буквальный отзыв: *«Жандармерия сделалась народным врачом моральным. К ней каждый прибегает в своем недуге и отчаянии, а если б другие начальства не вредили ей противодействием, то она бы более еще приносила пользы. Против жандармерии – одни злоупотребители и знать. Но злоупотребители должны молчать, а знать не имеет никакого влияния в большой публике».*

XII. О войске

Настроение в войске вполне хорошее и почти не оставляет желать ничего лучшего. Иногда – то тут, то там – слышатся жалобы на то, что гвардию слишком заметно отличают; впрочем, армейские офицеры обычно поддаются настроению, господствующему в той местности, в которой они расквартированы. Среди молодых военных сильнее чувствуется потребность в чтении; некоторые из них жалуются, что им вообще уделяется слишком мало внимания.

Обозрев, таким образом, общественное мнение в его разнообразных проявлениях и изменениях, мы берем на себя смелость утверждать, что, в общем, настроение умов превосходно. Народ и общество вообще искренно привязаны к Государю-Императору и с каждым днем все более и более

ценят его выдающиеся качества, служащие залогом их процветания; они ждут от него спасительных перемен и благодетельного законодательства, благодаря которым самый могущественный народ станет также и самым счастливым.

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по: Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. – «Красный архив». 1930. Т. 1 (38). С. 108–133.

¹ Воронцов Михаил Семенович (1782–1856), князь, генерал-фельдмаршал. Во время Отечественной войны 1812 г. командовал дивизией, в 1815–1818 гг. – русским оккупационным корпусом во Франции. Новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабской области (с 1823 г.); Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор (1828–1844); наместник на Кавказе и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом (1844–1854).

² Лаваль (урожд. Козицкая) Александра Григорьевна (1772–1850), графиня, жена графа И.С. Лавалля, теща декабриста кн. С.П. Трубецкого.

³ Очевидно, Белосельская-Белозерская (урожд. Козицкая) Анна Григорьевна (1773–1846), княгиня, родная сестра графини А.Г. Лавалля; жена обер-шенка князя А.М. Белосельского-Белозерского, статс-дама.

⁴ Людольф Каролина Христофоровна (1785–1868), дочь австрийского графа; фрейлина российского двора; жена (с 1805 г.) действительного тайного советника графа Г.-Э. Штакельберга, русского посланника в Берлине, Гааге, а затем в Вене и Неаполе.

⁵ 12 мая 1828 г. в Варшаве Николай I был провозглашен королем польским и принес присягу на верность конституции. 22 мая император выехал в Берлин; на обратном пути он пробыл в Варшаве с 4 по 13 июня.

⁶ В 1822 г. был арестован ряд членов польского Патриотического общества во главе с его основателем майором Валерьяном Лукасинским. Следствие по делу декабристов попутно вскрыло состав этой организации и ее связи с русскими тайными обществами. 7 февраля 1826 г. по делу Па-

триотического общества в Варшаве был учрежден Особый следственный комитет в составе графа С.А. Замойского, Н.Н. Новосильцева и др., завершивший свою работу к 30 декабря 1826 г. По совету великого князя Константина Павловича «государственных преступников» решено было судить, согласно польской конституции, особым сеймовым судом, состоящим из членов польского сената. Российские подданные подлежали суду Правительствующего Сената, члены которого были командированы в Варшаву. Сеймовый суд оправдал почти всех подсудимых; поляки – подданные империи были приговорены к заключению в крепости, ссылке в Сибирь, отдаче в солдаты и т. п. Приговор получил высочайшее утверждение в марте 1829 г.

⁷ Виленский университет создан в 1803 г. вместо Главной школы, в которую была преобразована в 1780 г. Виленская иезуитская академия. В 1832 г., в связи с событиями 1830–1831 гг. в Западном крае университет был закрыт; предполагалось заменить его Высшим лицеем в Орше. Но в 1834 г. от этого плана отказались, и все средства, предназначенные для лицея, были переданы вновь учрежденному университету Св. Владимира в Киеве.

⁸ Юрьевич Семен Алексеевич (1798–1865), воспитатель наследника цесаревича Александра Николаевича; генерал от инфантерии, генерал-адъютант.

⁹ С 25 по 31 мая Николай I гостил в Берлине у своего тестя, прусского короля Фридриха-Вильгельма III, предложившего свое посредничество для заключения мира с Турцией. С этой целью в Константинополь был направлен прусский генерал Мюфлинг.

¹⁰ 30 мая 1828 г. при Кулевче туркам было нанесено решительное поражение. Вскоре последовала сдача Силистрии (18 июня), а 5 июля Дибич начал переход через Балканы. 8 августа был взят Адрианополь и Турция признала себя побежденной.

¹¹ Отрощенко Яков Осипович (1779–1862), генерал-майор, сенатор.

¹² По Адрианопольскому мирному договору (2 сентября 1829 г.) Османская империя должна была выплатить России 10 миллионов дукатов в качестве возмещения военных расходов и 1,5 миллиона дукатов за убытки, понесенные русской торговлей. Россия получала Черноморское побережье от реки Кубань до крепости Св. Николая (южнее Поти); Турция признавала за Россией Эриванское и Нахичеванское ханства. Провилы объявлялись свободными для торговых судов. Российские подданные на территории Османской империи подлежали юрисдикции русского посланника и консулов. В договоре утверждался также ряд прав и преимуществ населения Сербии, Молдавии и Валахии.

¹³ В августе 1828 г. в Морее высадился французский корпус, изгнавший остатки войск Ибрагим-паши и оставшийся на территории Греции до 1834 г.

¹⁴ В ноябре – декабре 1829 г. Николай Павлович перенес «нервическую горячку».

¹⁵ Вероятно, имеется в виду влияние великого князя Константина Павловича на возможного регента великого князя Михаила Павловича.

¹⁶ Е.Ф. Канкрин.

¹⁷ Гумбольдт Александр (1769–1859), знаменитый немецкий путешественник и естествоиспытатель. В 1829 г. на средства, предоставленные русским правительством, совершил свое «азиатское путешествие», во время которого посетил Нижний и Средний Урал, где проводил геологические исследования, а также Невьянский и другие заводы, где осматривал разработки железа, золота и платины.

¹⁸ Дружинин Яков Александрович (1771–1849), директор канцелярии Министерства финансов (1811–1830).

¹⁹ Кайсаров Петр Сергеевич (1777–1854), директор департамента разных подаей и сборов (1828–1839), сенатор.

²⁰ Розенберг Иван Иванович (?–1829), директор департамента государственного казначейства.

²¹ Дьяконов И.Я. – чиновник медицинского департамента по особым поручениям.

²² Швенсон С.И. – вице-директор медицинского департамента.

²³ Главное управление колониями иностранных поселенцев в России принадлежало Министерству внутренних дел с 1802 г. С учреждением Министерства государственных имуществ (1837) колонии перешли в его ведение.

²⁴ Раух Егор Иванович (1790–1864), лейб-медик.

²⁵ Лерхе Теодор Генрих (1791–1847), окончил Дерптский университет со степенью доктора медицины. С 1815 г. работал в Петербурге. Основатель и директор первой в России офтальмологической клиники, учредитель петербургского Общества практических врачей, автор множества научных трудов.

²⁶ Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839), чиновник Коллегии иностранных дел (1816–1826), второй советник русского посольства в Константинополе (1818–1820). Управлял Министерством юстиции (1829–1839), назначен министром (1832), член Государственного совета и председатель Департамента законов (1839). Один из основателей литературного общества «Арзамас».

²⁷ Долгорукий (Долгоруков) Алексей Алексеевич (1767–1834), князь. Начинал службу в гвардии (1791), в чине полковника по армии перешел в гражданскую службу и был прокурором капитула Мальтийского ордена (1803), губернатор симбирский (1807–1815), московский (1815–1817), сенатор (1817), назначен товарищем министра юстиции и сразу же, в связи с болезнью Д.И. Лобанова-Ростовского, и.о. министра (1827–1829).

²⁸ Журавлев Иван Федорович (1776–1842), директор департамента Министерства юстиции (1818–1824).

²⁹ В 1810 г. при Государственном совете была образована Комиссия прошений, подававшихся «на Высочайшее имя» с жалобами на высшие судебные и административные инстанции. В 1835 г. Комиссия прошений была выделена в самостоятельное учреждение, подведомственное лично государю. В 1884 г. порядок подачи и принятия прошений «на Высочайшее имя» был изменен, а Комиссия упразднена.

³⁰ Комитет министров обладал в то время очень широкой и расплывчатой компетенцией. Нередко он пересматривал решения уголовных судов, иногда разбирая дела, еще не завершённые низшими судебными инстанциями, принимал жалобы частных лиц на решения Сената.

³¹ В документах 1-й экспедиции III отделения за 1829 г. имеется дело об издании курским вице-губернатором статским советником Гежелинским записки об упадке питейных сборов в Курской губернии в 1824–1825 гг. (ГА РФ. Ф. 109. 1 экзп. 1829 г. Д. 141). Записка, отпечатанная Гежелинским в количестве 65 экземпляров и розданная сенаторам, явилась результатом следующей ситуации: в октябре 1824 г. в Министерство финансов поступила жалоба от винооторговцев Щигровского уезда, препровожденная затем курскому губернатору для секретного расследования; в феврале 1825 г. министр финансов направил в Курскую губернию своих чиновников, которым удалось открыть множество злоупотреблений. Гежелинский, замешанный в этом деле, считал возможным с помощью своей записки оправдаться. В 1829 г. по высочайшему распоряжению он был заключен в Петропавловскую крепость.

³² В 1828 г. было намечено постепенное упразднение совестных судов, вследствие незначительного числа производившихся в них дел; просуществовали они, однако, до судебных реформ 1860-х гг.

³³ В 1817 г. в результате объединения Министерства народного просвещения, Синода и Ведомства иностранных исповеданий возникло Министерство духовных дел и народного просвещения. Возглавивший

это учреждение князь А.Н. Голицын полагал, что науки должны быть заменены чтением Священного Писания. После отставки А.Н. Голицына министерством управлял А.С. Шишков (1824–1828), заявлявший, что «обучать грамоте весь народ или несообразное числу оного количество людей принесло бы более вреда, чем пользы». 25 апреля 1828 г. Шишкова на посту министра сменил князь К.А. Ливен.

³⁴ 14 мая 1826 г. был создан Комитет устройства учебных заведений, который выработал новый устав средних и низших училищ, утвержденный 8 декабря 1828 г. Согласно этому документу, для «лиц низших состояний» предназначались приходские училища, для горожан – уездные училища, для дворян и чиновников – гимназии, при которых учреждались «благородные пансионы».

³⁵ Ливен Карл Андреевич (1767–1844), светлейший князь, участник Русско-шведской войны (1788), адъютант при Г.А. Потемкине в Молдавии и Бессарабии (1789–1791). В царствование Павла I был военным губернатором Архангельска. Уволен от службы по домашним обстоятельствам (1801). В 1817 г. назначен куратором дерптского учебного округа. Министр народного просвещения (1828–1833).

³⁶ Вероятно, имеется в виду переход Академии художеств и петербургского Ботанического сада в ведение Министерства императорского двора.

³⁷ Фишер Федор Богданович (1782–1854), ботаник, член Академии наук, директор петербургского Ботанического сада (1823–1850).

³⁸ Лебцельтерн Людвиг (1776–1854), граф, дипломат, состоял при Меттернихе в Париже (1810–1813), австрийский посол в России (1815–1826), был женат (с 1825 г.) на З.И. Лаваль. В его доме кн. С.П. Трубецкой находился 14 декабря 1825 г.

³⁹ Радофиникин (Родофиникин) Константин Константинович (1760–1838), директор азиатского департамента Министерства иностранных дел.

⁴⁰ Нессельроде Мария Дмитриевна (1786–1849), графиня, статс-дама, дочь министра финансов (1810–1823) Д.А. Гурьева, супруга министра иностранных дел графа К.В. Нессельроде (с 1812 г.).

⁴¹ Александр Фридрих Вюртембергский (1771–1833), великий герцог, брат императрицы Марии Федоровны. Служил в австрийской армии (1789–1800). После отставки принят по рекомендации А.В. Суворова на русскую службу с чином генерал-лейтенанта (1800), Белорусский военный губернатор (1811, 1815–1822), участник войны 1812 г., главноуправляющий Ведомства путей сообщения и публичных зданий (1822–1832), член Государственного совета (1826).

⁴² Речь идет об Институте Корпуса инженеров путей сообщений (с 1810 г.) и Военно-строительном училище, присоединенном к нему в 1829 г..

⁴³ Резимон Иван Степанович (?–1844), генерал-майор, помощник директора Института Корпуса инженеров путей сообщений (1826–1836).

⁴⁴ Моллер Антон (Отто) Васильевич (1764–1848), адмирал (1829); член Государственного совета (1822). С 1821 г. – начальник морского штаба с правами управляющего Морским министерством, морской министр (1828–1836).

⁴⁵ Исаков Григорий Степанович (1772–1840-е), генерал-майор, корабельный мастер.

⁴⁶ Грейг Алексей Самуилович (1775–1845), адмирал, главный командир Черноморского флота и портов, военный губернатор Николаева и Севастополя (1816–1833), член Государственного совета (1833). Возглавлял Комитет по строительству Пулковской обсерватории (1834–1839).

⁴⁷ 28 января 1811 г. было учреждено Главное управление ревизии государственных

счетов во главе с государственным контролером. Ведомство составляли два департамента: ревизии счетов по гражданской части и ревизии счетов по военной части. В 1836 г. это учреждение было переименовано в Государственный контроль и разделено на три департамента: гражданских, военных и морских отчетов. Ревизии Государственного контроля носили чисто внешний характер, сводясь к сличению цифровых данных генеральных отчетов министерств.

⁴⁸ Хитрово Алексей Захарович (1776–1854), службу начал в Измайловском, затем лейб-гвардии Конном полку. В 1800 г. причислен к Герольдии; и. д. президента Мануфактур-коллегии (1803); и. д. старшего обер-прокурора общего департамента Сената (1809), сенатор, тайный советник (с 1813 г.), командировался в разные губернии для ревизования. Назначен и. д. Государственного контролера (1827), утвержден в этой должности (1830), член Государственного совета (1827) и Комитета финансов (1829).

⁴⁹ Карнеев (Корнеев) А.А., вице-директор департамента разных податей и сборов, затем директор канцелярии Государственного контроля.

⁵⁰ Голицын Александр Николаевич (1773–1844), князь, действительный тайный советник, личный друг Александра I. Член Государственного совета, обер-прокурор Святейшего Синода (1803–1817); главноуправляющий духовных дел иностранных вероисповеданий (1810–1817); возглавлял Министерство духовных дел и народного просвещения (1817–1824). Затем управлял почтовым ведомством. В 1832 г. замещал председателя Государственного совета В.П. Кочубея. В 1842 г. уволен от всех должностей по болезни.

КАРТИНА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ в 1830 году*

В делах надзора имеется, конечно, большое количество собранных за 1830 г. заметок о многих отраслях государственного управления и различных фазах общественного мнения, но в условиях настоящего момента, когда все умы заняты исключительно происходящими в Европе крупными политическими событиями¹, мы считаем нужным ограничиться лишь очень кратким изложением тех основных настроений, которые волновали общество.

Произведенный в начале года арест трех журналистов² произвел неприятное впечатление. Высшие слои общества у нас чужды национальной литературе, но весь средний класс, молодежь, военные, даже купцы, все принимают близко к сердцу ее преуспеяния, все писатели имеют своих многочисленных сторонников, которые взирают на них, как на оракулов общественного мнения, повторяют их рассуждения и усваивают их мировоззрение. Поэтому кара, которую понесли журналисты, вызвала неблагоприятные опасения. В то же время арест цензора в Москве³, как и заключение в тюрьму нескольких нарушителей порядка в театре этой столицы усилили беспокойное настроение умов. Слышались нелепые речи. В Москве возбуждение было более сильно и проявлялось несколько резче. Однако неожиданный приезд Государя-Императора в эту столицу, его доброта и его милостивое отношение ко всем понесшим наказание привлекли к нему все сердца и сгладили неблагоприятное впечатление⁴. Все было приписано окружающим Государя-Императора и, в конце концов, забыто. Провинившиеся в Петербурге ждали, что и тут все будет также сглажено, но ожидания их оказались напрасны; они отнесли свое несчастье на счет сильной и покровительствуемой партии, вслед за чем все также было предано забвению.

Общество очень веселилось во время празднеств и всевозможных развлечений на масленице 1830 г.; все круги только этим и занимались, и все устраивалось в честь Государя-Императора и Императрицы. Присутствие августейших гостей на публичных маскарадах в доме Энгельгардта⁵, их любезность и приветливость приводили всех в восторг, убеждая всех в

---

* Подлинник на французском языке. Перед текстом имеется помета: «Его Величество изволил читать».

том, что Государь не сторонится своего народа. Даже некоторые недовольные были этим поражены и искренне примирились с монархом.

Отъезд Государя в Варшаву на открытие сейма⁶ произвел приятное впечатление на средние классы. В Варшаве все были в восторге и надеялись, что император возьмет, наконец, бразды правления в свои руки и устранил ненавистное влияние Новосильцева и его клики. Надежды эти, однако, не оправдались. Благодаря великому князю⁷ несколько лиц, бывших на плохом счету у поляков и холодно относившихся к тем, кто осмеливался высказывать свою приверженность к Государю, получили награды. Поляки явно проявляли свое разочарование и внушили жителям наших польских провинций убеждение в том, что Государь-Император имеет против них зуб.

Единственная выгода, которую надзор извлек из этого путешествия, это приобретение весьма точных данных касательно общего положения этих местностей. В его делах собраны доставлявшиеся ему докладные записки касательно злоупотреблений и отдельных личностей, могущие со временем, в случае реорганизации края, принести большую пользу. Большинство жалоб нашло в них свое отражение, и все, что в этом отношении могло бы опубликовано оппозиционной администрацией, уже не могло бы дать чего-либо нового.

Надо заметить, что уже в то время среди самих русских слышались рассуждения в пользу поляков. Мы приводим эти суждения в том виде, в каком они сохранились в наших записях: *«Одно из двух – или исполнять конституцию, или сделать перемену по времени, или вовсе уничтожить, но не должно нарушать ее».*

Многие высказывали удивление по поводу того, что Государь не желает отозвать Новосильцева, который, являясь предметом ненависти всей Польши, не менее презираем и в России – продажность его всем известна. Многие, конечно, понимали деликатность Государя и затруднительность его положения, но массы не рассуждают.

Известие о беспорядках в Севастополе⁸ вызвало большое огорчение; официальное сообщение об этом происшествии принесло, однако, большую пользу, укрепив доверие к правительству. Все восхваляли доказательство откровенности правительства. Но позднее ему ставили в упрек то, что оно не обнародовало также и конца этого дела. Явилось подозрение, что, может быть, само правительство было косвенно причиной всего. Говорили о голоде и о местных злоупотреблениях, карантинных притеснениях и т. д. Государя, однако, оправдывали, а обвиняли крупных чиновников, старающихся всегда скрыть как свои собственные ошибки, так и злоупотребления своих подчиненных.

Появление в Астраханской губернии холеры⁹ и быстрота, с которой эпидемия распространялась во внутренних губерниях, преисполнили всех ужасом и вызвали упреки по адресу министров. На них сыпались нападки, и правительство подвергалось осуждению за то, что дело управления поручается людям, которых общество считает неспособными. Говорили о том, что не было принято надлежащих мер для предотвращения бедствия, возмущались злоупотреблениями со стороны чиновников и упрекали правительство за недостаток врачей. По этому поводу фрондирующие поспешили возобновить свой обычный гвалт на тему о медлительности, с которой принимаются необходимые меры.

Известие о появлении холеры в Москве еще более усилило страх и волнение; слышался открытый ропот на правительство. Но Государь сразу положил конец всему этому шуму и привлек к себе все сердца, и внимание всех сосредоточилось исключительно на его особе. Поездка Государя в Москву была признана всеми, даже самыми закоренелыми фрондирующими, достойным восхищения геройством. Это великодушное самоотвержение монарха – следствие его любви к народу – и принятые полицией, согласно личным распоряжениям Императора, санитарные меры способствовали успокоению умов, вселив уверенность, что он один уберет Петербург от заразы.

Посылка графа Закревского в принципе не одобрялась; общество к нему не питало доверия, а партия Голицына¹⁰ старалась поддерживать это предубеждение. Но проявленная министром деятельность оправдала выбор Государя и заставила вскоре общество изменить свое мнение в пользу гр. Закревского, о котором громко говорили: *«Вот его дело: исполнение полицейских мер, а не управление министерством, где нужно высокое образование, обширные познания и соображения»*.

Холера до сих пор держит всех в состоянии мучительной неизвестности. Боятся, чтобы передвижения войск не способствовали распространению эпидемии дальше по Европе и чтобы крупные политические европейские события не отвлекли внимания Государя и не ослабили спасительной энергии, которую он проявил в деле борьбы с бичом заразы.

Каждый раз, как умы приходят в волнение, возобновляются упреки по поводу плохого отправления правосудия, продажности чиновников и деспотизма министров. При этом настроении первый арест Жежелинского¹¹ очень благотворно подействовал на друзей порядка, желавших, чтобы он был предан суду. Но как только он был выпущен и опять занял свое место, возобновилась усиленная критика: одни кричали, что он был лишен свободы без суда, другие выражали неудовольствие тем, что столь очевидный взяточник был оправдан, в то время как мелкие, в тысячу раз менее виновные чиновники теряют свои места по одному подозрению. Последний его арест вызвал много толков. Все им очень довольны и желают, чтобы бы-

ли опубликованы причины ареста, а сам виновный предан суду. Некоторые, впрочем, утверждают, что он опять вернется к своему посту. Они уверяют, что он пользуется слишком сильным покровительством со стороны министров и особенно графа Кочубея, что у него слишком много соучастников среди директоров различных департаментов для того, чтобы он опять не всплыл на поверхность.

Путешествие Государя-Императора в Финляндию¹² не произвело у нас никакого впечатления, потому что русские совершенно не интересуются этим отдаленным краем, не имеющим никаких сношений с Россией. Но пришедшее почти в то же время известие о революции в Париже¹³ взволновало всех и направило все мысли на политику.

Почти всякому грамотному было известно, что Франция в последнее время управлялась мистиками и иезуитами. Чувство ненависти к иезуитам присуще всем русским, и оно постоянно возбуждается историческими воспоминаниями и традициями; за последнее время у нас пробудилось также отвращение к мистикам и всяким сектантам. Вследствие этого большая часть общества встретила известие о падении правительства Карла X¹⁴ с некоторым удовлетворением. В то же время либералы и конституционалисты с восторгом увидели перед собой обширное поле для распространения своих пагубных доктрин. Молодежь, оказывающая некоторое влияние на гвардейских офицеров и на безрассудных людей из средних классов, громко торжествовала, пила за здоровье Луи-Филиппа¹⁵, которого они чествуют под именем *Леонтия Васильевича*, дабы непосвященные не могли их понять; она также напыщенно рассуждала по поводу событий, выражая пожелание, чтобы революция обошла весь мир. Надзор старался следить за всеми этими собраниями и заметить главных говорунов; но, ввиду того, что все ограничивалось простой болтовней, ему не пришлось отметить ни одного сколько-нибудь достойного внимания факта. Главные болтуны принадлежали к высшему обществу. В средних классах, т. е. среди мелкого дворянства и купцов, особенно в провинции, Парижская революция не произвела особого впечатления. Самые смелые речи, которые приходилось отмечать, сводятся к следующему: *«Вот как-во угнетать, вот как-во не исполнять законов, вот как-во слушать мистиков и сектаторов!»* Делали некоторое сопоставление Парижской революции с 14 декабря у нас и говорили: *«И у нас Аракчеев¹⁶, да мистики взбесили народ и заставили молодых людей взбунтоваться»*. Но ни среди дворянства, ни среди купцов в провинции не было замечено каких-либо пагубных идей. Там слышатся только время от времени жалобы на администрацию.

До сих пор распространение эпидемии, произведенные ею опустошения в Москве и опасность и страх, царившие в Петербурге, поглощали все

другое, и все только и говорили, что о холере. При этом принятые правительством для спасения Петербурга мудрые и энергичные меры рассеивали старательно поддерживавшееся либералами недовольство и внушили доверие. Одним словом, холера, несмотря на свои несчастные последствия, благотворно отразилась на общественном мнении, так как она отвлекла умы от политических дел и предоставила Государю случай выявить свою любовь к народу и свои заботы об общем благе.

Наконец, революция в Варшаве¹⁷ пробудила все временно заглохшие споры и возбудила самые разнообразные чувства в разных слоях населения. Большинство становилось на сторону русских патриотов, которые жаждут не только пролития крови, но и истребления части польской нации и полнейшего порабощения последней. Принадлежащие к этой партии военные были в восторге от слов, с которыми к ним обратился монарх¹⁸, но партия либералов защищала поляков под тем условием, чтобы они не смели нападать на нашу границу или просить об отдаче им наших провинций. Некоторые молодые дипломаты и несколько учащихся из французов приняли сторону оппозиции исключительно из желания досадить правительству. Мы были очень удивлены, слыша из уст русских речи, достойные самых экзальтированных поляков. Рассуждения эти основывались обычно на нарушении конституции, как было и во Франции. Нам пришлось даже встречать сумасшедших, утверждавших, что Польша в данный момент находится в таком же положении, в каком находилась Россия во времена Владислава¹⁹, и что памятник Пожарскому и Минину воздвигнут в честь подвигов, подобных тем, которые теперь ставятся в упрек полякам. Следует, впрочем, заметить, что подобные рассуждения диаметрально противоположны чувствам массы, и, будучи развиваемы некоторыми безумцами из высших сфер, они могут произвести впечатление только на неуравновешенные головы каких-нибудь скверных либералов.

В тот момент, когда мы воспроизводим эту картину, настроение общества несколько успокоилось и устоялось, что дает нам возможность отметить три господствующих мнения.

Первое мнение – неумолимых русских патриотов, желающих суворовской резни, уничтожения конституции, разделения королевства на русские провинции и раздачи имений участников восстания и старость генералам и другим русским чиновникам. *Второе* мнение – умеренных, имеющее многочисленных сторонников, особенно в Петербурге, жители которого более европейцы, чем русские; это мнение высказывается за водворение мира. Эта партия рассуждает так: холера свирепствует в России, армия понесла большие потери во время последних турецких кампаний, наборы представляют большие затруднения, налоги поступают туго, поэтому было бы лучше избежать войны. Наконец, *третье* мнение – мнение

либералов, людей, пропитанных политическими принципами на французский манер; эти желают или войны, предполагая, что она вскоре станет европейской и что конституционная Франция одержит победу и возмутит все народы в Европе, или – мира при условии восстановления конституции в Польше, не из любви к этой стране, а из любви к конституции. Это самая скверная партия, потому что она грозит заразить общество.

Согласно правдивым информациям настроение на местах в польских провинциях тревожное, но хорошее.

Все испытывают страх и опасения за будущее. Все с удовольствием и нетерпением ждут возвращения прежней русской администрации, под управлением которой провинции эти были настолько же счастливы, насколько несчастными они оказались потом. Жители там только и говорят, что о губернаторах, как Ланской²⁰, Лавинский²¹, Щербинин²² и т.д.

Дав этот краткий обзор развития общественного мнения по вопросам политики, надзор считает долгом упомянуть о крайне важном предмете, а именно распространении у нас либерализма и особенно о все возрастающей склонности к переменам и новшествам.

Среди молодых людей, воспитанных за границей или иностранцами в России, а также воспитанников лицея и пансиона при Московском университете, и среди некоторых безбородых лихоимцев, и других праздных субъектов мы встречаем многих пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России. Среди этих молодых людей, связанных узами дружбы, родства и общих чувств, образовались три партии, одна в Москве и две в Петербурге. Цель их – распространение либеральных идей; они стремятся овладеть общественным мнением и вступить в связь с военной молодежью. В последнем отношении так называемые политические училища, – как инженерные, артиллерийские и особенно путей сообщения, где офицеры жалуются на то, что с ними обращаются как со школьниками, – способствуют пополнению их рядов, так же как и унтер-офицерская школа, представляющая богатую почву для их эксплуатации*. Люди, в этом отношении осведомленные, признают эти училища очень вредными, потому что нет ничего легче, как заронить в подобное учреждение пагубные горящие головы.

Из двух выше упомянутых партий одна в Москве и одна в Петербурге находятся вполне под влиянием нескольких литераторов, стремящихся, во что бы то ни стало, овладеть общественным мнением. Кумиром этой партии является Пушкин, революционные стихи которого, как «Кинжал» (Занда), «Ода на вольность» и т. д. и т. д., переписываются и раздаются

* Так в тексте.

направо и налево. Приверженцы этих партий выдают за своего покровителя г. Жуковского²³, который, по их словам, дружен с г.г. Блудовым²⁴ и Дашковым и пользуется особым покровительством Е. В. Императрицы. Они уверяют, что знатные особы и видные чиновники ищут его поддержки, что он находится в дружеских отношениях со всеми придворными дамами, выбирает среди детей товарищей игр для наследника. Вот почему ищущие мест и протекций молодые люди примыкают к этой партии. Некоторые члены этих партий* присоединились к парижским революционерам.

Третья партия состоит из нескольких безбородых дипломатов и других бездельничающих молодых людей из высшего общества и нескольких гвардейских офицеров. Эта третья партия сочувствует двум первым и имеет среди своих членов лиц с плохой репутацией.

Эти три партии энергично работают, стремясь парализовать намерения правительства и, особенно, распространение монархических идей; они стараются распусть ложные и тревожные слухи, искажают и известным образом окрашивают не только действия, но и характер Государя. Они считают, что приобретают влияние на общественное мнение, проповедуя недоверие и страх за будущее и рисуя монарха деспотом, не уважающим ни законы, ни личную неприкосновенность.

Стечение печальных обстоятельств: эпидемия, плохой урожай, застой в торговле, бедность, революция – все эти бедствия создали всеобщее тяжелое настроение, которым пользуются злонамеренные люди и интриганы для того, чтобы посеять сомнения относительно будущего и предсказывать репрессии. Несколько справедливых репрессий, имевших место в последнее время в литературном мире, яростно подчеркиваются. Государь обращает на это слишком много внимания, – говорят умеренные, – между тем как либералы очень этому рады и дают чувствовать, что это они в своих целях вызывают при содействии самого Великого Князя Михаила²⁵ все эти неприятности, стремясь завлечь в оппозицию всех литераторов.

С другой стороны, обманутые в своих происках и снедаемые самолюбием, интриганы стараются посеять в умах беспокойство, утверждая, что жандармерия является единственной причиной всех зол. Интриганы эти составляют многочисленную партию, распространяющую тревожные слухи и фабрикующую ложные доносы. У них есть несколько сильных покровителей, и они с невероятным рвением стараются вредить всему, что имеет отношение к надзору. Убежденное в противном, общество совершенно не верит этим инсинуациям, но все же испытывает некоторое беспокойство, и есть благонамеренные люди, которые во избежание оскорблений со стороны интриганов покинули жандармерию и боятся оказывать ей услуги.

* Как Кологривов, Полторацкий и др. (Примечание авторов документа.)

Партия мистиков усиленно старалась воздействовать на легковверных. Знаменитая речь митрополита Филарета²⁶ по поводу появления холеры в Москве возмутила всех, а сектанты ей втайне радовались. Некоторые из них даже старались завлечь в свои сети литераторов, используя покровительство в качестве приманки. У этой партии много приверженцев в городах среди дворянства, чиновников и монахов, почему они и поддерживают сношения с некоторыми раскольничьими сектами. Весьма возможно, что найденные во многих местах империи афиши и плакаты с призывами к восстанию исходят из этого источника. Главной доктриной большинства сект в той или другой форме было всегда равенство согласно Евангельскому слову. Это было доказано при раскрытии тайн секты мартинистов²⁷ или Новикова²⁸, имеющей еще приверженцев как в Москве, так и в Петербурге.

Следует прибавить, что донесения из провинции очень утешительны. Настроение там благоприятно правительству и, особенно, Государю и вообще превосходно. Происходившие в некоторых местах частичные беспорядки по поводу санитарных мер почти всегда были вызваны пороками администрации, а еще чаще недобросовестностью местных властей. Таким образом, только обе столицы требуют столь же деятельного, сколь и длительного надзора.

Коснувшись действующих против правительства партий и отдельных лиц, надзор считает своим долгом указать также на материалы, которыми пользуются злонамеренные люди, чтобы колебать устойчивость настроения и возбуждать недоверие.

Масса недовольных слагается из следующих элементов:

1. Из так называемых русских патриотов, воображающих в своем заблуждении, что всякая форма правления может найти применение в России; они утверждают, что Императорская фамилия немецкого происхождения, и мечтают о бессмысленных реформах *в русском духе*.

2. Из взяточников и лихоимцев, которые боятся суровых мер, направленных против их злоупотреблений.

3. Из гражданских чиновников, жалующихся на то, что их держат в черном теле, отдавая предпочтение военным и затрудняя им даже получение отличий.

4. Из литераторов и части читающей публики. Литераторы, как было уже сказано, испытывают некоторый страх перед преследованиями, а читатели жалуются на то, что мысли их подвергаются стеснению.

5. Из гвардейских офицеров, которые выражают определенное недовольство тем, что с ними, также как и с войсками, дурно обращаются.

6. Из некоторых армейских офицеров, завидующих гвардейцам.

7. Из помещиков, которые жалуются на недостаток правосудия и недостаточное стремление изменить ход дел.

8. Из крупных коммерсантов, разделяющих мнение последних.

9. Из раскольников.

10. з всего крепостного сословия, которое считает себя угнетенным и жаждет изменения своего положения.

Но, несмотря на все это, Государь-Император пользуется всеобщей любовью: любят лично его, несмотря на все неудовольствия, ценят его личные качества и приписывают зло другим. При всяком новом проявлении великодушия или самоотвержения со стороны монарха все инсинуации фрондирующих стушеваются.

Надзор старался ознакомиться с мнениями многих умных и порядочных людей. Все высказывают следующее.

Никогда монарх не обладал столькими средствами привязать к себе нацию. Твердый, смелый, честный, искренний, великодушный, он создан для того, чтобы быть любимым, обожаемым. Преследование порока и злоственности, награждение добрых, презрение к интриганам, большая строгость в соединении с кротостью, но никаких резких мер, особенно никаких придинок, которых боятся больше, чем самой тирании.

Вот что слышит надзор со всех сторон и что долг его повелевает ему повергнуть к стопам Государя.

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по: Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. – Красный архив. Т. 1 (38). 1930. С. 133–145.

¹ Речь идет об Июльской революции во Франции, буржуазной революции в бельгийских провинциях Нидерландского королевства, положившей начало национальной независимости Бельгии, и о восстании в Царстве Польском.

² Издатель журнала «Славянин» А.Ф. Воейков был посажен на гауптвахту за публикацию сатирического стихотворения П.А. Вяземского «Цензор», содержавшего намеки на князя А.Н. Голицына. Издатели «Северной пчелы» Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин были арестованы на сутки за статьи, направленные против М.Н. Загоскина, автора романа «Юрий Милославский», который очень понравился царю.

³ В течение 1830 г. дважды подвергался аресту цензор С.Н. Глинка, разрешивший к

печати в первой книжке «Московского вестника» заметки С.Т. Аксакова и стихи в альманахе «Денница», в которых было усмотрено противоправительственное направление.

⁴ Император приехал в Москву неожиданно, после осмотра новгородских военных поселений. Он пробыл в городе с 7 по 12 марта, осматривая различные учреждения, учебные заведения, войска, принимая представлявшихся ему чиновников, дворянство и купечество. 11 марта Николай I посетил выставку произведений московской промышленности, устроенную экспромтом по его личному желанию (хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные изделия, хрусталь, бронза и т.д.). Выставка произвела на императора благоприятное

впечатление. «Стоило приехать в Москву для того только, – сказал он, – чтобы видеть это изображение нашей промышленности» (Н. К. Шильдер. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. Спб. 1903. С. 569).

⁵ Энгельгардт Василий Васильевич (1785–1837), полковник в отставке; богат, славившийся в Петербурге своими «лукуловыми» обедами и балами-маскарадами.

⁶ Польский сейм в ранее собирался еще при Александре I в 1825 г. Император Николай, подчеркивая свое «рыцарское» отношение к польской конституции, назначил созыв сейма на 1830 г. Открытый 16 мая тронной речью Николая I сейм заседал в течение месяца, обсудив ряд малозначительных законопроектов и не затронув главного для поляков вопроса – о взаимоотношениях с Россией.

⁷ Вел. кн. Константин Павлович.

⁸ В мае 1830 г. в Севастополе произошли волнения среди матросов и жителей Корабельной слободы, которые были недовольны строгими карантинными мерами, принятыми для предупреждения занесения чумы из Турции, и протестовали против намеченного переселения их в другое место. Во время беспорядков были убиты военный губернатор генерал-лейтенант Н.А. Столыпин, полковник Воробьев и несколько чиновников. Особая следственная комиссия привлекла к ответственности 980 человек, семеро из них были расстреляны.

⁹ В 1829 г. холера была занесена из Бухары и Хивы в Оренбург, откуда в 1830 г. проникла на Кавказ и в Астрахань, а затем распространилась по Волге, дойдя к концу сентября до Москвы и охватив почти всю европейскую Россию. Неумелые и грубые действия властей в борьбе с эпидемией вызвали озлобление населения, в ряде местностей произошли так называемые холерные бунты.

¹⁰ Вероятно, Д.В. Голицын, московский военный-генерал-губернатор.

¹¹ Гежелинский Ф.Ф. – управляющий делами Комитета министров. Согласно воспоминаниям М.А. Корфа, Гежелинский всю

жизнь прослужил в канцелярии этого Комитета и сумел снискать милость начальства. К 1828 г. в Комитете министров стали наблюдаться пренебрежение делами, игнорировались резолюции министров, а иногда и самого императора. В 1830 г. за одно из подобных злоупотреблений Гежелинский на трое суток был посажен под арест. В конце того же года на Гежелинского поступил донос, оказавшийся при проверке справедливым. Несмотря на заступничество председателя Комитета министров графа Кочубея, который опасался, что огласка может произвести «невыгодное впечатление насчет всего хода высших правительственных дел», император велел отдать Гежелинского под суд. Приговор, конфирмованный Николаем I 26 июня 1831 г., гласил: «Лишить Гежелинского чинов, дворянства, орденов и знака отличия беспорочной службы, написав в рядовые, куда годным окажется, а в случае неспособности сослать в Сибирь на поселение». Службу он отбывал в Финляндии, затем был уволен в отставку без возвращения чинов и дворянства и отдан на попечение сестре. В 1839 г. Гежелинскому был пожалован чин коллежского регистратора с правом поступления на службу в одно из губернских присутственных мест, за исключением столичных. М.А. Корф. «Записки». М. 2003. С. 10–28.

¹² Путешествие Николая I в Финляндию, в котором его сопровождал А.Х. Бенкендорф, продолжалось с 30 июля по 4 августа. Император осмотрел войска, укрепления, госпитали, военные суда в Выборге, Фридрихсгаме, Свеаборге и Гельсингфорсе.

¹³ Июльская революция в Париже свергла Карла X, ставленника иезуитов и землевладельческой аристократии, ликвидировавшего конституционную хартию. Либеральной буржуазией был возведен на французский престол король Людовик (Луи) Филипп.

¹⁴ Карл X (1757–1836), король Франции (1824 – 1830), принадлежал к династии Бурбонов.

¹⁵ Людовик Филипп (1773–1850), король Франции (1830–1848) год, представитель

Орлеанской ветви династии Бурбонов. Во время Великой французской революции вслед за своим отцом, герцогом Филиппом Орлеанским, отрекся от титула герцога Шартрского и принял фамилию Эгалите. В составе революционных французских войск участвовал в сражениях при Вальми и Жемапе (1792). В 1793 г. перешел на сторону австрийцев. До 1814-го находился в эмиграции. Во время Июльской революции 1830 г. был провозглашен королем; свергнут с престола революцией 1848 г.; бежал в Великобританию.

¹⁶ Аракчеев Алексей Андреевич (1768–1836), граф, генерал от инфантерии. Окончил Артиллерийский кадетский корпус. Поступил на службу к наследнику цесаревичу Павлу Петровичу. По воцарении Павла I был назначен комендантом Санкт-Петербурга. При Александре I сохранил прежние должности – являлся инспектором артиллерии и командиром артиллерийского батальона лейб-гвардии. Участник войн с Наполеоном и Русско-шведской войны (1808–1809), военный министр (1808–1810), затем был назначен председателем департамента военных дел Государственного Совета. Создатель системы военных поселений.

¹⁷ 17/29 ноября 1830 г. в Варшаве началось вооруженное восстание, ставившее своей целью добиться независимости от России и вернуть Польше отторгнутые при разделах литовские провинции. 23 ноября было избрано временное правительство во главе с князем А. Чарторыйским, назначившее диктатором генерала И. Хлопицкого. К Николаю I отправили депутацию с требованием сохранения польской конституции и возвращения бывших ее областей. Ответом стала подготовка вооруженного подавления восстания: 1 декабря командующий русской армией в Польше был назначен И.И. Дибич; 5 декабря издано воззвание к польскому народу и войску; 12 декабря – манифест, в котором восставшим обещалось прощение при условии немедленного прекращения мятежа и освобождения русских пленных. 13 января генерал Дибич с главными силами вступил в Польшу; в тот же

день сейм провозгласил Романовых лишенными польского престола.

¹⁸ Вероятно, имеется в виду сцена, произошедшая 26 ноября во время развода Преображенского полка. Император сообщил офицерам о восстании в Варшаве и сказал, что, двинув уже войска в Польшу, он надеется, что «если будет нужно, то пойдете и вы, моя гвардия, пойдете наказывать изменников».

¹⁹ Владислав (1595–1648), королевич польский, избранный боярами на русский престол в 1610 г., в период так называемого «смутного времени»; от своих претензий отказался лишь в 1634 г.

²⁰ Ланской Василий Сергеевич (1753–1831), участник кампаний (1787–1791) против турок и кампании 1794 г. против поляков, генерал-майор (1794), занимал должность саратовского, затем тамбовского губернатора (1794–1797), гродненский губернатор (1803–1809). Президент Временного правительства бывшего Герцогства Варшавского, варшавский генерал-губернатор (1813–1815), член Государственного совета (с 1816), председатель Комиссии по принятию прошений на Высочайшее имя (1819), с 1823 г. – управляющий Министерством внутренних дел.

²¹ Лавинский Александр Степанович (1776–1844), советник Главного почтового управления (с 1800 г.), занимал должность литовского почт-директора (с 1804 г.). Виленский (1811–1816), затем таврический (1816–1819) гражданский губернатор, директор департамента государственных имуществ (1819–1822), генерал-губернатор Восточной Сибири (1822–1832). Член Государственного совета.

²² Щербинин С.А., правитель Белостокской области (1811–1816).

²³ Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт, воспитатель наследника цесаревича Александра Николаевича.

²⁴ Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864), служил по дипломатическому ведомству (1800–1822), прикомандирован к Министерству внутренних дел (1822–1826). Товарищ министра народного просвещения и главноуправляющий духовными делами

иностранных вероисповеданий (1826–1828). Управлял Министерством юстиции (1830–1831, 1838–1839), министр внутренних дел (1832–1838). В 1839 г. назначен министром юстиции, главноуправляющим II (кодификационным) отделением С. Е. И. В. канцелярии и председателем департамента законов Государственного Совета, президент Академии Наук (1855–1864), член Главного Комитета по крестьянскому вопросу (1857), председатель Комитета министров (1861–1864) и Государственного Совета (1862–1864).

²⁵ Михаил Павлович (1798–1849), великий князь, сын Павла I, генерал-фельдцейхмейстер. Главный начальник Пажеского и Сухопутного кадетских корпусов, генерал-инспектор по инженерной части, главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами.

²⁶ Филарет (Василий Михайлович Дроздов) (1782–1867), митрополит Московский

и Коломенский. Образование получил в Коломенской и Троицкой Лаврской семинарии, где затем преподавал. В 1808 г. принял монашество, был назначен инспектором и профессором философии в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую возглавлял с 1812 по 1819 г. Приобрел большую известность проповеднической и научной деятельностью. Возглавлял епархии в Ревеле и Твери, в 1821 г. переведен в Москву, в начале царствования Николая I возведен в сан митрополита.

²⁷ Одна из мистических сект XVIII века, основанная Мартином Паскалем.

²⁸ Новиков Николай Иванович (1744–1818), виднейший деятель русского франкмасонства, основатель «Дружеского Ученого Общества», из которого в 1784 г. выделилась «Типографическая компания», издавшая множество книг как общеобразовательного, так и мистического характера.

ОБОЗРЕНИЕ ПРОИСШЕСТВИЙ И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ в 1831 году

1831 год был изобилен важными событиями; событиями несчастными для Отечества нашего и которыми мнение общее, дух народный сильно и разительно был колеблем. В начале года всеобщее всех сословий внимание обращено было на мятеж, в Царстве Польском произшедший, и на движения войск наших к усмирению оног¹. Все, кроме весьма немногих, были уверены, что одного появления российской армии будет достаточно для прекращения возникшего в Варшаве беспорядка и своевольства, уверены были, что армия наша без всякого сопротивления достигнет Варшавы и сим положен будет мятежу конец; граф Дибич, недавно пред тем совершивший с толикою славою поход в Турции, внушал всеобщее доверие; но вопреки всех соображений явились трудности непреодолимые, сопротивление неожиданное, неудачи, и граф Дибич начал терять в мнении общественном; узнали о недостатках, претерпеваемых войсками, и общий голос обвинял главнокомандующего в непринятии надлежащих мер к обеспечению продовольствия армии. Сражение 7 февраля под Прагою, непременною последствием которого по общему всех ожиданию должно было быть покорение Варшавы, нанесло в общем мнении всех сословий сильный удар славе графа Дибича. Как нарочно в это самое время появилось в журнале «Сын Отечества» описание взятия Праги Суворовым². Статья сия произвела толки и сравнения в крайнюю невыгоду настоящих событий. Народ по обыкновению своему видел измену. Класс более образованный оуждал* распоряжения главнокомандующего.

По мере продолжения кампании и новых неудач неудовольствия возрастали; наконец, вторжение мятежников в наши границы, восстание в губерниях, от Польши присоединенных, навели уныние на всех благомыслящих людей. Уже многие рассуждали, что Россия не только не достигнет усмирения мятежа в Царстве Польском, но и лишится Литвы, Волыни и Подолии. Поражение мятежников при Остроленке ободрило несколько

* Так в тексте.

унывающих, но и сия победа, оставаясь без всяких видимых последствий, не остановила ропота и всеобщего неудовольствия против главнокомандующего. Восхищались неимоверною храбростию войск наших, но обвиняли фельдмаршала в том, что не умел, а многие, по предубеждению о его предательстве, что не хотел воспользоваться поражением мятежников. Неожиданное прибытие в Санкт-Петербург графа Паскевича возбудило надежды всей публики. На него обратились все взоры; с нетерпением ожидали отъезда его в армию, но отправление его замедлилось; недоумевали, к чему сие приписать. Многие начинали обвинять правительство в том, что оно общую пользу подчиняет каким-то соображениям деликатности; но внезапная смерть графа Забалканского (Дибича – М.С., Е.Щ.) и немедленное отбытие к армии графа Эриванского (Паскевича – М.С., Е.Щ.) всем сомнениям и толкам положили конец. Мудрено ли, что при таковых обстоятельствах смерти фельдмаршала Дибича все порадовались; в этом событии видели явно действие Всемогущего провидения, которое неисповедимыми путями своими в течение многих веков ведет отечество наше к славе, величию и могуществу.

О причинах смерти графа Дибича разные произошли толки; немногие верили, чтоб он умер от холеры. Иные полагали, что он сам посягнул на свою жизнь; что поводом к тому был приезд к нему генерал-адъютанта графа Орлова³; некоторые даже заключали, что он был отравлен и что правительство не чуждо было сего действия; но все, знающие благородство, возвышенность души нашего Государя, гнушались мысли сей и отвергали ее как нелепую; одни неблагомыслящие люди, которых при неудачных событиях всегда является много, давали веру таковой небылице.

С восхищением было принято известие о прибытии графа Паскевича к армии. Никто не позволял себе и думать, чтобы сей второй Суворов, со славою совершивший поход в Персии, ознаменовавший себя неимоверными победами и успехами в азиатской Турции, мог иметь неудачу. События совершенно оправдали сии надежды, и знаменитый трехдневный штурм Варшавы, покрывший новою доблестью российское воинство и изумивший Европу, увековечили славу князя Варшавского.

В половине июня эпидемическая болезнь холера, подвигаясь постепенно от юго-востока, явилась в северную столицу нашу, невзирая на все предпринятые осторожности⁴. И пред сим уже во многих губерниях жители, и в особенности простой народ, обнаруживали неудовольствие против карантинных мер. Меры сии по великому распространению болезни, конечно, были крайне стеснительны для внутренней промышленности и составляли источник величайших злоупотреблений, а как в то же время оные нисколько не преграждали ходу болезни, то вскоре общим мнением карантины признаны были вовсе бесполезными и даже вредными, ибо

скопление в них множества народа, тесное и неудобное помещение и разного рода недостатки умножали лишь только болезни. По таковым причинам мера, принятая правительством, не оцеплять С.Петербурга и свободно выпускать из него всех желающих выехать, была принята со всеобщей благодарностью, но явилось новое зло: полиция, от излишнего ли усердия или лучше сказать от невежества исполнителей, начала хватать и отсылать в холерные больницы не только больных холерою, но и всякого рода больных и даже встречаемых на улицах пьяных и слабых людей. В больницах же большая часть привозимых вскоре умирали по неопытности медиков в лечении сей новой болезни, умирали даже и не имевшие холеры от приема сильнейших лекарств, ибо их лечили наравне с холерными. Сие возбудило в народе пагубную мысль, что доктора, подкупленные поляками, отравляют народ, что никакой болезни не существует, но существует один лишь заговор на погубление россиян. 22 июня чернь собралась на Сенной площади и произвела значительные беспорядки⁵; в последующие за тем дни и в других частях города происходили буйства. Появление Государя среди народных толпищ и принятые потом строгие меры прекратили неурядицы, которые могли иметь пагубные последствия. Однако же народ долго еще своевольничал, хватал на улицах всех подозрительных ему людей и мнил, что оказывает услугу своему Отечеству и Государю, предавая врагов России или изменников в руки правительства; постепенное уменьшение силы болезни и ежедневное умножение числа выздоравливающих наконец положили предел сему вредному брожению умов, но из С.Петербурга оно распространилось и в другие места. Последовавшее в сие время повеление о повсеместном снятии карантинных было везде принято с радостью. Многие, однако же, оуждали правительство в том, что не сделало сего гораздо прежде, и изъявляли боязнь, чтобы простой народ, участвовавший или бывший свидетелем беспорядков здесь происходивших, не принял сию благоразумную меру за победу, одержанную им над правительством, и не приобьик* к мысли, что может самоуправством достигать своих желаний. В июле месяце бедственные происшествия в военных поселениях Новгородской губернии⁶ произвели всеобщее изумление и навели грусть на всех благомыслящих. Происшествия сии возбудили в то же время и толки, сколь вредно и опасно может быть для столицы соседство военных поселений, и распространившийся вслед за тем слух о намерении правительства уничтожить новгородское военное поселение радовал всех, но вместе с тем, однако же, точно так же, как и при снятии карантинных, возбудил опасение, чтоб мера сия не была принята поселянами как победа, над правительством одержанная.

---

* Так в тексте.

Въезд императора Николая I в Москву во время холеры 1831 г.

В сие время, когда столь бедственные для России обстоятельства безостановочно одно за другим следовали, явно обнаружилась преданность и любовь народа к своему Государю. И самая чернь в исступлении своем всегда была останавливаема одним появлением Монарха, и все классы общества, горя о несчастных событиях, главнейше соболезновали о Государе, разумея, сколь происшествия сии должны печалить чадолюбивое Его сердце, и потому с восхищением было принято известие о благополучном рождении Великого Князя Николая Николаевича⁷, как о событии, посланном Богом, на утешение возлюбленного Монарха. Незадолго пред сим пришло известие о кончине Великого Князя Цесаревича Константина Павловича⁸; событие сие конечно опечалило многих по участию, принимаемому верноподданными в чувствах любимого ими Государя, но в другом отношении публика рассуждала, что обстоятельство сие благоприятствует беспрепятственным распоряжениям правительства в делах с Польшею.

Последовавший за некоторое время до взятия Варшавы Указ о рекрутском наборе произвел вообще весьма неприятное впечатление. При всех неблагоприятных обстоятельствах того времени оный признавался крайне тягостным, особенно же по тому обстоятельству, что в набор сей, как и в предшествовавший, воспрещено принимать рекрут моложе 20 лет, тогда

как в прежние наборы допущен прием с 18 лет. Дарованное преимущество русским мещанам и крестьянам нанимать за себя в рекруты финляндцев подало повод при нынешнем 97-м наборе к великому злоупотреблению, состоящему в том, что многие корыстолюбцы составили из сего непозволительный торг финляндцами. К прекращению сего зла на будущее время приняты правительством нужные меры.

Обозрев таким образом главнейшие события первых восьми месяцев 1831 года, должно сказать, что дух мятежа, распространившийся в Царстве Польском и в присоединенных от Польши губерниях, имел вообще вредное влияние и на расположение умов внутри государства. Вредные толки либерального класса людей, особливо молодежи, неоднократно обращали внимание высшего наблюдения; в Москве обнаружались даже и преступные замыслы⁹. Пребывающие в России поляки всемерно старались распространять ненависть свою к нашему правительству. Нет сомнения, что при дальнейших неудачах в укрощении мятежа в Царстве Польском дух своевольтства пустил бы и в отечестве нашем сильные отрасли. Но покорение Варшавы нанесло разительный удар умам беспокойным. Внезапно явилась значительная перемена, и ныне расположение умов вообще не представляет никакого для правительства опасения. Присутствие Государя Императора в Москве доказало, сколько все сословия привержены к Монарху. Не таково, однако же, и далеко не таково расположение жителей польских наших губерний. Происшествия сего года расшевелили в них издревле питаемую к России ненависть, они подавлены лишь одною силою оружия нашего, но жаждут отделиться от России и, конечно, при первом удобном случае явят свою непокорность. Губернии сии требуют самого бдительного надзора правительства, и потому все благомыслящие люди молят Бога, да сохранит он нам Государя нашего, коего твердая рука одна может удержать Отечество наше в мире, спокойствии и тишине, и да дарует ему сподвижников мудрых, прозорливых и истинно ему и России преданных.

В заключение представляется краткое обозрение общественного понятия о главнейших высших управлениях.

1. Министерство Юстиции. Все отдают полную справедливость высоким достоинствам управляющего сим министерством статс-секретаря Дашкова. Единогласно признают его за человека умного, просвещенного, справедливого, чуждающегося всякого злоупотребления, но в то же время находят, что он не имеет достаточной деятельности, многие жалуются, что он горд и неприступен. Ход и производство дел в судебных местах несколько не улучшаются; та же медленность, то же корыстолюбие в чиновниках. Решительно отзываются, что посредством денег всякая неправда делается правдою. Принятые в начале царствования Государя Императо-

ра строжайшие меры к прекращению лихоимства никакой видимой пользы не произвели; лихоимцы сделались лишь осторожнее, но число их не уменьшилось. Мудрости правительства принадлежит изыскать средства к уменьшению сего зла, но одно лишь постепенное распространение просвещения в средних классах людей, коими наполняются судейские места, может со временем оное зло уничтожить. Высшее наблюдение не перестает обращать все бдительное внимание свое на течение дел в присутственных местах и к прекращению открываемых злоупотреблений всегда встречает самое ревностное содействие со стороны управляющего Министерством Юстиции.

2. *Министерство Внутренних Дел.* С самого вступления в управление оным министерством графа Закревского общее мнение ознаменовало его как человека, не имеющего ни того просвещения, ни тех способностей, каковые требуются в Министерстве Внутренних Дел. Его признавали человеком деятельным, но говорили, что деятельность сия обращена на одни предметы малой важности. Канцелярия и департаменты его устроены были по наружности в лучшем виде, везде чистота, красивое единообразие, скорое течение дел, точное наблюдение канцелярского порядка. Но настоящее дело, устройство в губерниях разных частей, подведомственных его министерству, вовсе не подвигалось. При таком понятии о графе Закревском все с удовольствием узнали о его отставке. Теперь с нетерпением ожидают ему преемника или нового устройства сей части; ибо и в товарище министра, управляющем ныне министерством, видят человека вовсе неспособного.

3. *Министерство Финансов.* Общее почти всех мнение согласуется в том, что никогда еще финансовая часть не была в России управляема столь хорошо, как ныне. Все отдают полную справедливость уму, познаниям и деятельности графа Канкринна. Три жестокие войны и ни одного нового налога. Вот лучшая ему похвала. Изданный в прошедшем ноябре месяце новый тариф возбудил в купечестве сильное против Министерства Финансов неудовольствие, по случаю помещенного в оном обстоятельства, чтобы прибавочные 12,5 процентов взыскать и с привезенных уже, но только пошлиною не очищенных еще товаров. Но как мера сия вслед за сим благостию Государя отменена, то и не оставила она вредных насчет министра финансов впечатлений.

4. *Министерство Народного Просвещения.* Сия важная отрасль государственного управления, от которой зависит не только настоящее, но и будущее благоденствие России, не приобрела до сего времени ни одобрения, ни доверенности благомыслящих людей. Министр народного просвещения¹⁰ единогласно признается за человека вовсе неспособного к упра-

влению вверенной ему части. Он человек отлично-добрый, честный, но стар, болезнен, не имеет достаточного просвещения, предан мистицизму и окружил себя мистиками. И потому-то подведомственные ему учебные заведения приходят в крайний упадок. Нет надлежащего учения, нет должного надзора. Зло сие существует и здесь, в виду главного управления народного просвещения, и даже в большей степени, чем в некоторых губерниях; о Дерптском университете, например, насчет учения отзываются с большою похвалою.

5. *Главный Штаб Его Императорского Величества.* Армия наша в истекшем 1831 году покрыла себя бессмертною славою. Не взирая на трудности и неудачи 9-ти месячной тяжкой кампании, российские войска постоянно сохраняли и примерный дух свой, и отличное устройство и явили пред целым светом неимоверное мужество свое к преодолению врагов и в то же время снисхождение к побежденным. В течение всего года высшим наблюдением постоянно получаемы были сведения о похвальном и примерном расположении как войск в действии находившихся, так и в здешней столице остававшихся, и в сем уважении управление Главного Штаба¹¹ Его Императорского Величества заслуживает совершенную похвалу.

6. *Главный Морской Штаб Его Императорского Величества.* Российский флот, за несколько лет пред сим находившийся в крайнем упадке и получивший, так сказать, новую жизнь по особенному вниманию на оный Государя Императора, продолжает постепенно увеличиваться и улучшаться. Начальник Морского Штаба¹² признается единогласно за человека умного, деятельного и дело свое разумеющего. Офицеры, будучи ободрены отличием, оказываемым им Государем, ревнуют и усердствуют в исполнении должностей своих, но по доходившим до высшего наблюдения сведениям тяготятся несколько фрунтовым учением.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 125–134.

¹ Восстание (1830–1831), охватившее земли Царства Польского, а также Литву, Западную Белоруссию и Западную Украину. 29 ноября 1830 г. было совершено нападение на резиденцию великого князя Константина Павловича в Варшаве, оставшие овладели арсеналом, к ним присоединились польские воинские части. Русские войска покинули столицу, а к началу декабря – и всю территорию Царства Польского. Сейм провозгласил низложение Николая I, было

образовано Национальное правительство во главе с А. Чарторыйским. 25 февраля 1831 г. в бою под Грохувом было остановлено наступление армии И.И. Дибича. В конце марта – начале апреля ряд удачных операций повстанческих войск еще более осложнили положение русской армии. Однако после поражения под Остроленкой 26 мая эти успехи были сведены на нет. В конце июля новый командующий русской армией И.Ф. Паскевич переправил войска че-

рез Вислу. 6 сентября был штурмом взят западный пригород Варшавы, в ночь с 7 на 8 сентября польская столица капитулировала. В начале октября 1831 г. остатки повстанцев перешли границы Пруссии и Австрии.

² Штурм предместья Варшавы – Праги русскими войсками под командованием А.В. Суворова 4 ноября 1794 г. Результатом этой операции стала капитуляция Варшавы, а к середине ноября польское восстание 1794 г. было окончательно подавлено. Последовал третий раздел Польши (1795), национальная государственность страны была ликвидирована. К России отошли земли Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы.

³ Орлов Алексей Федорович (1787–1861), князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант (1820), член Государственного совета (1835). Главный начальник III отделения С. Е. И. В. канцелярии и шеф жандармов (1844–1856), председатель Государственного совета, Комитета министров, Кавказского и Сибирского комитетов (1856).

⁴ Эпидемия холеры в Петербурге вспыхнула 14 (26) июня 1831 г., умирало до 600 человек в день. По свидетельству А.Х. Бенкендорфа, в городе «на каждом углу встречались траурные одежды и слышались рыдания. Духота в воздухе стояла нестерпимая. Небо было накалено, как на далеком юге, и ни одно облачко не застило его синевы, трава поблекла от страшной засухи, везде горели леса и трескалась земля. Двор переехал из Петергофа в Царское село, куда переведены были и кадетские корпуса. За исключением Царского села, холера распространилась и по всем окрестностям столицы. Народ страдал от препон, которые полагались торговле и промышленности. Правительство должно было работать за всех, подавая руку нуждавшимся, предупреждая беспорядки и заботясь о народном продовольствии» (Н.К. Шильдер. Император Николай I... Т. 2. С. 366). Под председательством Петербургского губернатора был учрежден комитет для приня-

тия мер по предотвращению развития эпидемии. Министерство внутренних дел распространяло среди населения «Наставление к распознаванию признаков холеры, предохранению от оной и к первоначальному ее лечению». Через месяц эпидемия стала утихать и «столь же скоро исчезает, как страшно скоро разлилась», – писал Николай I И.Ф. Паскевичу 15 (27) июля 1931 г.

⁵ Толпа ворвалась во временную холерную больницу – громили помещения, изувечили многих больных, несколько врачей погибло. Полиции не удалось восстановить порядок. По соглашению военного генерал-губернатора с командующим гвардейскими частями в Санкт-Петербурге на Сенную площадь был выведен батальон Семеновского полка. Толпа рассеялась. На следующий день из Петергофа прибыл Николай I. Появившись на Сенной площади, где снова собралось более 5000 человек, он обратился к народу: «До кого вы добираетесь, – спросил император, – кого вы хотите, меня ли? Я никого не боюсь, вот я! Народ в восторге и слезах кричал “ура!” (Н.К. Шильдер. Император Николай I... Т. 2. С. 365).

⁶ Восстание в Старой Руссе 15 (27) июля 1831 г. Поводом к волнениям послужило распространение холеры и слухи о том, что народ преднамеренно «травят». Было разгромлено помещение полиции, убит городничий, пострадало множество врачей и офицеров. «Генералы собрали батальоны, но не отважились идти на бунтовщиков из опасения, что приказания их останутся неисполненными. Все, что еще оставалось на стороне законной власти, было погружено в уныние и бездействовало», – писал А.Х. Бенкендорф (Н.К. Шильдер. Император Николай I... Т. 2. С. 370). Восставшие направили к Николаю I депутацию. После проведения расследования виновные были преданы военному суду. 150 человек подверглись наказанию розгами, 1599 – шпицрутенами, 88 – кнутом (в результате телесных наказаний 129 человек скончались).

⁷ Николай Николаевич (1831–1891), великий князь, сын Николая I. Родился

27 июля (8 августа) 1831 г., вскоре после возвращения императора из новгородских военных поселений.

⁸ Подробнее см.: Воспоминания княгини Н.И. Голицыной о польском восстании 1830–1831 гг. («Российский Архив», ММIII (13 Т.). М. 2004. С.132–141).

⁹ В отчете за этот же, 1831 год, приводятся более подробные сведения: «Генерал-майор граф Апраксин, проникнув свободомыслие студентов Московского университета и узнав, что некоторые из них имеют сношение с польскими уроженцами квартировавшей в Москве пехотной дивизии, открыл о составившемся обществе злонамеренных людей, мечтавших ввести в России конституцию» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 138–138 об.). Речь идет о так называемом Сунгуровском заговоре. 17 июня 1831 г. к командующему II округом корпуса жандармов графу Апраксину явился студент Иван Поллоник, сообщив-

ший, что в Москве «составилось общество злоумышленных людей, намеревающихся ввести свою конституцию» путем царевубийства и приставления к наследнику опекунов из верных людей. Тайному обществу во главе с Н.П. Сунгуровым ставился в вину химерический план «возмущения черни» и захвата Москвы.

¹⁰ К.А. Ливен.

¹¹ Главным штабом и Военным министерством с 1828 по 1832 г. управлял А.И. Чернышев.

¹² Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869), князь, генерал-адъютант (1817), адмирал (1833), начальник Главного Морского штаба и член Кабинета министров (1827–1855), одновременно генерал-губернатор Финляндии (с 1831), чрезвычайный посол в Константинополе (1853), главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму (1853–1855).

**ОБОЗРЕНИЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ УМОВ
И РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
в 1832 году***

О РАСПОЛОЖЕНИИ УМОВ

Высшее наблюдение, обращая бдительное внимание на общее расположение умов во всех частях империи, может, по всем поступившим в 1832 году сведениям, удостоверить, что на целом пространстве государства российского расположение всех сословий в отношении к высшему правительству вообще удовлетворительно. Нельзя конечно отвергнуть, чтобы вовсе не было людей неблагонамеренных, но число их столь незначительно, что исчезает в общей массе; они едва заслуживают внимания и не могут представлять никакого опасения. Все единодушно любят Государя, привержены к Нему и отдают полную справедливость неутомимым трудам Его на пользу государства, неусыпному вниманию Его ко всем отраслям государственного управления и семейным Его добродетелям. И самые не благомыслящие люди не отвергают в Нем сих высоких качеств; долг истины заставляет присовокупить, что при сих чувствах в то же время боятся Государя и находят Его строгим. Императрицу более, нежели любят, можно сказать обожают. На Нее взирают как на божество доброты. Чувства сии особенно обнаружили в нынешнем году при благополучном рождении Великого Князя Михаила Николаевича¹. В публике пронесли слухи, что Ее Величество не совсем спокойна насчет своего положения; ускоренный приезд Государя из предпринятого Его Величеством путешествия² обратил слухи сии в достоверность; надобно было видеть, с каким беспокойством всякий тогда ожидал разрешения Ее Величества и с каким чувством на другой день, 13 октября, все рассказывали о радости, которую ощутили, услышав пушечные выстрелы, возвестившие о благополучном рождении Великого Князя Михаила Николаевича.

---

* Перед текстом помета: «Государь изволил читать 6 января 1833».

Когда в исходе лета пронеслась весть, что Государь изволит предпринять путешествие в некоторые губернии, с каким восхищением повсюду ожидали Его приезда; уже задолго до совершения сего путешествия были отовсюду получаемы сведения о нетерпении видеть Его Величество; казалось, все прочее было забыто, один сей предмет занимал всех. С каким восторгом потом жители городов, удостоенных высочайшего посещения, вспоминали о пребывании Государя среди них; все сословия единодушно разделяли чувства сии. Посещение Его Величеством города Воронежа для поклонения вновь открытым мощам Святого Митрофана³ в особенности произвело между народом самое благоприятное впечатление.

Но сии чувства преданности и любви к Государю не относятся к жителям губерний, от Польши присоединенных. Происшествия прошедшего года расшевелили в них издревле питаемую к России ненависть. Силою оружия прекращены беспорядки, благоразумным управлением и бдительностью главных местных начальников сохранено спокойствие в сих губерниях и устранена даже всякая возможность к каким-либо преступным предприятиям, но злоба и ненависть таятся в сердцах. Простой народ, увлеченный в беспорядки не по собственному произволу, но силою или посредством убеждений главных мятежников, конечно, не питает сих чувств; он доволен, что может беспрепятственно обращаться в домашних и хозяйственных своих занятиях, но дворянство и католическое духовенство далеко не разделяют сего равнодушного расположения. Сии два класса не могут забыть и, конечно, долгое время еще не покинут преступной мечты своей освободиться от законного правительства и будут питать к нему злобу.

К усугублению еще сих враждебных чувств неминуемо должны были споспешествовать некоторые распоряжения правительства для наказания мятежников и меры, принятые для утверждения на будущее время спокойствия в польских губерниях, а именно:

1. Конфискование имений главных мятежников.
2. Учреждение следственных комиссий.
3. Указ о шляхте⁴ и, наконец,
4. Упразднение некомплектных католических монастырей.

Относительно сих распоряжений и в здешней публике происходили различные толки; конфискование в пользу казны имений мятежников вообще признают мерою совершенно справедливою в отношении нынешних владельцев оных, которые по виновности своей вполне заслужили таковое наказание; но многие находят сию меру несправедливою в отношении тех, коим означенные имения по праву наследства в последствии времени должны были принадлежать. Насчет следственных комиссий вообще рассуждают, что они действовали с крайнею медленностью и часто пристрастно, будучи не чужды посторонних влияний. Указ о шляхте, имеющий целью

Граф Петр Кириллович Эссен

обратить на пользу сие вреднейшее в польских губерниях сословие, всеми благомыслящими людьми одобряется как одна из необходимых мер к отклонению на будущее время беспокойств в оных губерниях. Наконец, упразднение некомплектных католических монастырей по общему понятию людей, не увлеченных приверженностью к католическому вероисповеданию, должно со временем принести плоды, полезные уменьшением влияния католического духовенства. Сие последнее распоряжение, как последовавшее внезапно и спустя уже близ полутора года по прекращении беспокойств, произвело сильное впечатление на умы жителей польских губерний, преимущественно в дворянском сословии оно пробудило враждебные чувства, которые, так сказать, начинали засыпать, и породило мысль, распространяемую духовенством, что правительство имеет намерение вовсе уничтожить в польских губерниях католицизм и что мера, ныне предпринятая, есть первый к тому шаг.

В Белоруссии особенно мера сия производит великий ропот и крайнее неудовольствие, возбуждаемое сильным влиянием в том краю духовенства иезуитского ордена.

В Царстве Польском расположение умов вовсе неудовлетворительно; поляки жаждут освободиться от законного их правительства. Они мечтают, что вся Европа, и в особенности Англия и Франция, исключительно

судьбою их занимаются, и потому относят к себе всякое новое в политике Европы обстоятельство.

В сих мечтах своих они главнейше поддерживаются сведениями и письмами, получаемыми ими особенно из Франции от соотечественников своих, укрывающихся там от заслуженного ими наказания. Сии закоренелые революционисты, пользуясь убежищем, дарованным им французским правительством, составили из среды себя в Париже так называемый ими Польский комитет⁵ и в глупости своей представили себе, что в них заключается истинное управление Царства Польского. Сколько правительственный сей комитет ни является смешным для человека благоразумного, но он имеет весьма вредное влияние на умы легковерных поляков. Под руководством сего комитета издаются сочинения, в которых со всевозможным ожесточением, посредством лжи и обмана порицается правительство наше и представляются в искаженном виде все его распоряжения.

Из комитета сего рассылаются возмутительные прокламации и, не ограничиваясь одними своими соотечественниками, он обращает таковые и к народу русскому, не понимая в безумной злобе своей, что слова их в сердцах русских никогда не найдут отголоска.

К числу коварных действий означенного комитета принадлежат составление и рассылка писем самого преступного содержания. В письмах сих говорится о заговорах против правительства, о покушениях на жизнь Государя Императора и дается разуметь, будто бы лица, на имена коих письма адресованы, знают о сих замыслах и участвуют в оных, но как по самым тщательным разведываниям всякий раз по обнаружении подобных писем открывалось, что те лица, к коим оные адресованы, ни малейшей связи с членами возмутительного комитета не имеют и ни к какому соучастию с ним не прикосновенны, и как при том и самые письма таковые пересылаются гласно чрез почту, то сие явно доказывает, что вредные сии люди прибегают к таковым средствам единственно в намерении тревожить правительство или для отклонения внимания оногo от настоящих их сообщников, или, наконец, дабы вовлечь оное в какие-либо несправедливые, насильственные против невинных людей распоряжения и тем возбудить против него неудовольствие.

Принятые ныне правительством меры к разрушению сего вредного гнезда революционистов несомненно послужат к возможному успокоению умов в Царстве Польском, тем более необходимому в настоящее время, что последние происшествия в Бельгии⁶ приметное произвели волнение в поляках, внушая им надежду на всеобщую европейскую войну, от которой они ожидают освобождения своего от настоящего их правительства.

ОБ УПРАВЛЕНИИ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ

Об управлении в Царстве Польском высшее наблюдение имеет невыгодные сведения. Говорят, что женщины, коих влияние всегда в Польше сильно, совершенно овладели главными правителями и успели в том, что большая часть должностей, не исключая даже должности вице-президента Варшавского муниципалитета, столь важной для сохранения спокойствия, заняты людьми, принимавшими ревностное участие в бывшем мятеже. Рассуждают, что хотя спокойствие и сохраняется, но сохраняется от одной невозможности что-либо предпринять и что в случае какого-либо беспорядка правительство не может нисколько положиться на верность чиновников, под покровом которых могут и ныне уже таиться преступные замыслы, тем более, что и назидательная часть, жандармерия, главнейшее составлена из поляков и сама требует за собою надзора.

О РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ*Министерство внутренних дел*

Нынешний министр внутренних дел⁷ в короткое время своего управления успел приобрести и любовь, и уважение подчиненных своих и самое выгодное мнение публики. Приветливым обращением с каждым, имеющим до него надобность, он умел всех к себе привлечь, и потому о нем вообще отзываются весьма хорошо, и до сведения высшего наблюдения не доходило ни одной собственно против него жалобы.

В отношении управления губерний по части Министерства внутренних дел не последовало в сем году никаких особенно заслуживающих внимания распоряжений, кроме нового положения о порядке дворянских выборов. Постановление сие при появлении оного было повсеместно принято дворянством с благодарностью, но в последствии произошли различные о нем суждения; находят многие недостатки и неясности. Справедливость сих суждений некоторым образом подтвердилась и бывшими в нынешнем году в некоторых губерниях выборами, при которых встретились разные недоразумения. Главнейший недостаток, в сем постановлении замеченный, состоит в том, что право иметь голос на выборах определяется владением 100 душами крестьян или известного количества земли; от чего в некоторых местностях произошло то неудобство, что почетные, но небогатые дворяне, бывшие пред тем в продолжение нескольких трехлетий дворянскими предводителями, но не владеющие постановленным числом душ или определенным количеством земли, ныне, хотя и могут быть избраны, но уже избирательного голоса и, следовательно, уча-

ствия в выборах не имеют. При бывших в недавнем времени в Черниговской губернии выборах оказалось, что из одного уезда вовсе не явилось дворян за неимением таких, кои бы владели 100 душами или положенным количеством земли.

Вообще, должно сказать, что новое сие узаконение, как видно из поступивших к высшему наблюдению сведений, не произвело при бывших в нынешнем году выборах приметного против прежних улучшения.

Обращаясь затем к полицейскому управлению в губерниях, высшее наблюдение из великого множества поступивших к нему сведений убеждается, что часть сия требует значительных улучшений. Земская полиция, коей действия составляют, так сказать, основу всякого дела и должны приуготовить оное к правильному потом о нем суждению, и посредством которой приводятся в исполнение все государственные постановления, вовсе не соответствует цели ее учреждения. Следствия производятся медленно и неправильно, преступления остаются необнаруженными; и распоряжения правительства нередко исполняются совершенно в превратном виде. Земские суды наполнены почти повсеместно людьми неблагонадежными, пекущимися единственно о собственных своих выгодах, от чего бесперывные жалобы на причиняемые ими стеснения, ропот и неудовольствие в народе, и значительное накопление казенных недоимок.

При всем разумении, при всем усердии гражданского губернатора он необходимо встречает затруднения в сохранении должного в губернии устройства и порядка. Должно к сему присовокупить, что и из числа губернаторов есть многие, которые худо разумеют свое дело и руководствуются людьми неблагонадежными. Замечают, что нынешний министр внутренних дел в выборе гражданских губернаторов гораздо разборчивее, чем был его предместник, но известно, что Министерство внутренних дел встречает затруднения находить достойных губернаторов; звание сие в общем мнении видимо потеряло свою значительность, и люди образованные и с достатком отклоняются от сей должности, зная, с какою она сопряжена трудностью и строгою ответственностью и сколь ничтожны средства, коими губернатор должен действовать.

Министерство юстиции

О министре юстиции⁸ те же отзывы, какие были и в прошлом году. Все его признают умным, справедливым человеком, но гордым и неприступным.

В Правительствующем Сенате последовало в сем году значительное улучшение. Назначение первоприсутствующих, учреждение нового общего собрания и постановление, дабы дела разрешались по вопросам, предварительно извлеченным из самого существа дела, произвели, по общему всех отзыву, то действие, что в департаментах Сената дела обсуживаются

правильнее, несравненно реже происходят в оных разногласия, следовательно, менее дел поступает в общие собрания, а потому и скорее они оканчиваются.

Что касается до губернских и уездных судебных мест, то об них должно сказать, что они представляют самую грустную картину. Решительно нет в них правосудия, и корыстолюбие существует в самой сильной степени. Губернские прокуроры и стряпчие, постановленные для наблюдения за правильным ходом судебных дел, нередко сами причастны к злоупотреблениям. Высшее наблюдение, следуя с самым рачительным вниманием за действиями судебной части, беспрестанно открывает производимые по оной неправильности. Многие чиновники по указанию высшего наблюдения начальством устранены от должностей, но при всех стараниях лихоимство не уменьшается, ибо законная улика лихоимцев едва ли когда возможна, и они, избегая всякий раз заслуженного наказания, беспрепятственно продолжают вредные свои действия, угнетая истца неимущего, находящегося в невозможности удовлетворить их корыстолюбие. Не мудрено после сего, что везде слышен ропот, везде жалуются на судебные места. Полагая, что скудное содержание губернских чиновников составляет одну из главнейших причин описанного зла, с нетерпением ожидают издания новых губернских штатов, давно уже обещанных, но доселе еще не последовавших.

Министерство финансов

И по управлению сего министерства обнаружены высшим надзором некоторые злоупотребления и беспорядки; открыты продажа золота с казенных и частных заводов Пермской губернии, противозаконные действия некоторых винных откупщиков и неправильные действия некоторых казенных палат. Но злоупотребления сии вообще малозначительны, и со стороны Министерства финансов, по указанию об оных высшим наблюдением, приняты самые деятельные меры к прекращению оных. О распоряжениях и действиях Министерства финансов постоянно отзываются с похвалою; все части управления одного год от года улучшаются, что приписывают главнейше лицу самого министра финансов⁹, которого единогласно признают человеком истинно государственным.

Обороты внешней торговли нашей в нынешнем году по общему сознанию купечества были выгодны. По Рижскому порту открылся значительный привоз контрабанды, но Министерством финансов приняты должные меры к пресечению сего зла.

Относительно главнейших наших ярмарок получены были самые удовлетворительные сведения. Товаров было привезено много, и распродажа оных происходила успешно. Фабрики наши год от года улучшаются,

и сбыт произведений оных даже и в чужие края ныне производится весьма успешно.

Министерство народного просвещения

Здесь мало удовлетворительного; действия сего министерства к улучшению учебных наших заведений ничтожны; общая молва о министре¹⁰ самая невыгодная, и единогласно отзываются, что доколе он будет управлять сею частию, дотоле ничего доброго по части просвещения у нас ожидать не можно.

Уничтожение в Москве Благородного Университетского Пансиона¹¹ и обращение оногo в гимназию произвело весьма неприятное впечатление и по общему отзыву московского и соседних губерний дворянства лишило их единственного хорошего учебного заведения, в котором воспитывались дети их.

Цензура в нынешнем году неоднократно обнаруживала неразумение своего дела или нерадение к возложенным на нее обязанностям. Справедливость требует сказать, что недостаток в хорошей, т. е. осторожной, но в то же время не стеснительной цензуре, весьма ощутителен, и потому должно желать, чтобы ускорено было окончательное рассмотрение и утверждение «Наказа цензорам», который уже года три как в проекте составлен, но до сих пор еще не состоялся. Сия мера и назначение в цензоры людей более просвещенных, и в особенности более трудолюбивых, чем нынешние цензоры, вероятно бы значительно улучшило сию часть и отклонило бы то неприятное впечатление, которое всякий раз производит в публике воспрещение высшим правительством книг, дозволенных цензурою и пущенных уже в продажу, как тому и в нынешнем году были примеры.

Военное министерство

Последовавшее в нынешнем году преобразование Военного министерства, как относящееся только до внутреннего управления составных частей оногo и не изменившее ни в чем отношений его к войскам, не обратило на себя особенного внимания публики, кроме установления генерал-аудиториата¹², которое единогласно было одобрено, представляя ручательство в беспристрастном и справедливом решении участи подвергающихся военному суду. Хотя назначение нового дежурного генерала¹³ и не было принято с удовольствием, так как он человек немногими любимый, но за всем тем отдают ему справедливость, что со времени управления его дела идут успешнее; равномерно отзываются и о Комиссариатском Департаменте¹⁴, что действия оногo с назначением нового генерал-кригс-комиссара¹⁵ производятся несравненно правильнее и точнее прежнего.

О духе войска нашего излишне почти говорить, оно всегда славилось беспредельною преданностью Государю и ныне преисполнено тех же чувств. Хотя и доходили до высшего наблюдения сведения о некоторых жалобах и неудовольствиях между офицерами, но таковые нисколько не относятся собственно до лица Государя. Так, например, в гвардии в минувшую осень довольно сильно роптали на изнурение учениями. В армии жалуются на грубое и неприличное обращение генералов с офицерами. Подобные жалобы происходят в 6-м корпусе на самого корпусного командира¹⁶, который, как сказывают, даже и с генералами бывает груб; в корпусе генерал-адъютанта Гейсмара¹⁷ на командира 2-й конно-егерской дивизии¹⁸ и в гренадерском корпусе на командующего оным¹⁹. Вообще заметно, что офицеры и даже солдаты, готовые во время военных походов переносить и самые невероятные труды, с неудовольствием и даже с ропотом подвергаются исполнению тех мелочных требований, которые, конечно, в некоторой степени необходимы для благоустройства войска, но, по общему мнению военных, обременительны по многообразности оных.

С.Петербургская полиция

Все единогласно согласуются в том, что полиция здешняя столь ничтожна, что можно сказать, она не существует. Она не пользуется вовсе ни малейшим уважением жителей, особенно со времени бывших в прошлом году беспорядков, которые поставили ее в презрении даже и в понятиях самого простого класса народа. Жалобы на полицию и, должно сказать, жалобы правильные, беспрерывны. Нет той скорости, той энергии и той деятельности, которые составляют необходимое условие полиции. Распоряжения ее медленны и неправильны и следствия производятся с крайним пристрастием. Происходившие в нынешнем году значительные в столице пожары послужили поводом к многим упрекам насчет полиции, ибо жители, недовольные ею, готовы все ставить ей в вину. Военный генерал-губернатор²⁰ человек слабый, по мнению общему не имеет надлежащих качеств, необходимых в его звании. Он сам своим лицом ничего не делает; окружающие его неблагонамеренные люди и правитель его канцелярии, человек, не пользующийся хорошей репутацией, всем у него управляют. Несогласие, существующее между военным генерал-губернатором и обер-полицмейстером²¹, немалую также составляют преграду к успешному ходу дел полиции. Насчет обер-полицмейстера отзываются как о человеке благородном и благомыслящем, но жалеют, что он совершенно вверился правителю своей канцелярии, на которого крепко жалуются. Вообще встречается надобность в совершенном преобразовании С. Петербургской полиции, ибо в настоящем ее составе она не представляет правительству никакой гарантии в случае могущих произойти значительных беспорядков, чему и был уже разительный пример.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 159–172 об.

¹ Михаил Николаевич (1832–1909), великий князь, сын Николая I. Генерал-фельдмаршал, наместник на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа (1863–1881), председатель Государственного совета (1881–1905).

² Осенью 1832 г. Николай I посетил Лугу, Великие Луки, Смоленск, Козелец, Киев, Лубны, Полтаву, Харьков, Чугуев, Белгород, Воронеж, Бобруйск, Рязань.

³ «В Воронеже при исправлении фундамента древнего собора открыли гроб архиепископа Митрофания, кончившего свою жизнь в царствование Петра Великого, особенно к нему благоволившего. Его тело, облачение и гроб были найдены нетленными и это открытие, вместе с сохранившеюся в преданиях блаженною жизнью святителя, привлекло в Воронеж множество верующих, жаждавших поклониться его мощам. Вскоре весть об их нетленности и об исходящих от них чудесах распространилась по всей России, и общий голос народа признал Митрофания святым... В Бобруйске государь получил письмо от императрицы, советовавшей и ему поклониться Св. Митрофанию. Он не замедлил это исполнить. Измененный маршрут привел нас в Воронеж. Коляска едва могла двигаться среди толпы, ожидавшей государя на улицах и у собора. Войдя в древние стены собора, государь с благоговением припал к раке Святителя. На следующее утро он подробно осмотрел госпитали, тюрьму, школу кантонистов, приказал спланировать площади и произвести разные другие улучшения» («Записки А.Х. Бенкендорфа» – «Русская старина». 1898. № 1. С. 292–293).

⁴ Так называемый «разбор» шляхты – перевод мелкой шляхты в однодворцы (категория государственных крестьян), то есть в податное сословие.

⁵ Для осуществления идеи независимости польская эмиграция образовала множество литературных и политических обществ. В том числе бывшими членами

варшавского повстанческого правительства в Париже был основан Польский комитет под председательством Б. Немоевского.

⁶ Имеется в виду буржуазная революция 1830 г. в бельгийских провинциях Нидерландского королевства, приведшая к образованию независимой Бельгии.

⁷ Д.Н. Блулов.

⁸ Д.В. Дашков.

⁹ Е.Ф. Канкрин.

¹⁰ К.А. Ливен.

¹¹ Благородный Университетский пансион, закрытое среднее учебное заведение для детей дворян с шестилетним сроком обучения, предоставлявшее право на поступление в Университет, был создан в 1779 г. по инициативе М.М. Хераскова. В пансионе в разное время обучались А.П. Ермолов, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов и др. В 1830 г. это учебное заведение было преобразовано в 1-ю дворянскую гимназию, в 1833 г. – в Дворянский институт.

¹² До проведения военно-судебной реформы 1867 г. генерал-аудиторiatы являлись высшими ревизионными судами в России. Они существовали при Военном и Морском министерствах, при Министерствах финансов и Государственных имуществ, а также при Главном управлении путей сообщений и публичных зданий. Решения этих органов приводились в исполнение только после высочайшего утверждения, министры обладали властью наблюдательной и прокурорской. В 1867 г. функции генерал-аудиторiatов перешли к Главному военному суду.

¹³ Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869), граф (1839), с 1832 г. являлся дежурным генералом Главного штаба. Главноуправляющий департаментом военных поселений (1826–1836); председатель комитета для устройства телеграфной линии между Петербургом и Варшавой (1834), главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий (1842–1855). Под его руководством построены «Дом трудолюбия»,

Чесменская богадельня, новое здание Эрмитажа, Николаевский мост.

¹⁴ Комиссариатский департамент, ведавший обеспечением войск предметами хозяйственного довольствия и денежным содержанием, а также содержанием госпиталей, существовал в Военном министерстве с 1812 г. Возглавлял это учреждение генерал-кригс-комиссар. В 1864 г. Комиссариатский департамент объединили с Провиантским и на этой базе было создано Главное Интендантское управление.

¹⁵ Шипов Сергей Павлович (1790–1876), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор. Участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии (1813–1814), Русско-турецкой войны (1828–1829) и военных действий в Польше (1831). Командир Перновского гренадерского полка, затем – лейб-гвардии Семеновского полка. Генерал-кригс-комиссар, член Военного Совета (1832–1833), директор Правительственной Комиссии внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского (1837–1840). Казанский военный губернатор (1841–1843).

¹⁶ Рот Лонгин Осипович (1780–1851), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Из французских дворян, на русской службе с 1797 г. Участник наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии (1813–1814), Русско-турецкой войны (1828–1829).

¹⁷ Гейсмар Федор Климентьевич (1783–1848), барон, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Участник Отечественной войны 1812 г., Русско-турецкой войны

(1828–1829). Командир I пехотного корпуса в Вильно.

¹⁸ Заборинский Александр Никифорович (1786–1853), генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814), командир 1 бригады Литовской уланской дивизии. Командир 2-й конно-егерской дивизии (1831–1833); командир 2 уланской дивизии (1833–1835). Комендант Шлиссельбургской крепости (1836–1849).

¹⁹ Шаховской Иван Леонтьевич (1777–1860), князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник похода в Польшу (1794), Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии (1813–1814) и военных действий в Польше (1831), командовал гренадерским корпусом (1823–1836), председатель Генерал-аудиториата (с 1836), член Государственного совета.

²⁰ Эссен Петр Кириллович (1772–1844), граф (1833), генерал от инфантерии, шеф Выборгского пехотного полка. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814), оренбургский военный губернатор (1817–1830), командир Отдельного Оренбургского корпуса. Военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга (1830–1842), член Государственного совета.

²¹ Кокошкин Сергей Александрович (1795–1861), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник Отечественной войны 1812 г. Санкт-Петербургский обер-полицмейстер (1830–1847), генерал-губернатор черниговский, полтавский и харьковский (1847–1856). Сенатор (1856).

ОБОЗРЕНИЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ УМОВ И РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ в 1833 году*

О РАСПОЛОЖЕНИИ УМОВ

В конституционных государствах постановлено законом, что особа государя неприкосновенна и что за все действия правительства отвечают министры; у нас в России чувство народное заменяет сей закон. В России никому (говоря вообще) и мысль не приходит, чтоб Государь сделал худо, чтоб Государь мог сделать худо. Ропшут на министра, губернатора, судью и так далее, но никогда на Государя. Государь есть светлое солнце русских; второе Провидение их! Решается ли дело с утверждения Высочайшего; проигравший жалуется на несправедливое, по его мнению, решение и говорит, что дело верно Государю представлено было превратно. Является ли распоряжение правительства, признаваемое тягостным, стеснительным, никому и на мысль не придет приписывать оное Государю, но скажут: «Где ж Государю знать все, что делается». Возьмем, наконец, для примера рекрутский набор, который значительную часть народонаселения погружает во временное уныние. Народ знает, что сия мера проистекает прямо от воли Государя. Что же? Ропшет он на Государя? – Нисколько. Он смиренно исполняет сию тягостную для сердца его повинность и говорит: «Царь знает, что делает; стало, нужны Ему солдаты; ведь врагов у него много».

Таковы чувства русского народа к своему Государю. Чувства сии искони составляют отличительную его черту и поныне нисколько не изменяются.

Совершенные в настоящем году Государем Императором путешествия в Ригу, Ревель и Финляндию свидетельствуют, что и в сих местах, хотя и не составляющих коренную Русь, чувства преданности к Особе Его Величества не чужды сердцам жителей их. И здесь все стремилось радушно

---

* Перед текстом пометка: «Государь изволил читать 3 января 1834».

встретить и приветствовать своего Государя. Дни Высочайшего присутствия в тех местах были для жителей дни торжественные, и память о них долго служила им утешением. Но последняя поездка Государя в Москву, сие сердце, так сказать, России, и в нынешний раз, как и всегда, показала во всей ее силе пламенную любовь русских к Царю своему.

Когда в мае месяце достигло всеобщего слуха о преступных намерениях некоторых извергов из поляков против Особы Его Величества¹, то сильно было негодование; сперва и верить тому не хотели, а, наконец, когда известие о таком злоумышлении подтвердилось, тогда с новою силою пробудилась народная ненависть ко всему, носящему имя польское. Находящиеся в здешней столице поляки по сведениям, собранным в то время, не очень смело появлялись на улицах и особенно среди народных собраний; и не без причины, ибо малейший случай мог быть тогда для них пагубен. Народ, так сказать, стерег их, что особенно заметно было при случавшихся в начале лета довольно частых пожарах, которые, разумеется, приписывались полякам, что, впрочем, по самым тщательным изысканиям оказалось неосновательным. Негодуя на поляков за злобный их умысел, в то же время рассуждали о глупости их: как они не понимают, говорили, что с существованием Государя соединено собственное их существование? Что могут они себе ожидать от успехов в преступном их замысле? Бедствие для России будет конечно велико, но какая мощная рука сильна будет тогда удержать порыв мщения русских против Польши? Кто охранит ее тогда от совершенного разрушения?

Высшее наблюдение, обращая бдительное внимание на расположение умов, может и в сей раз удостоверить, что преданность и любовь к Государю подданных Его нисколько не ослабевают и что вредные наущения и козни, извне приходящие, служат лишь к обнаружению с новою силою чувств народа к Царю своему.

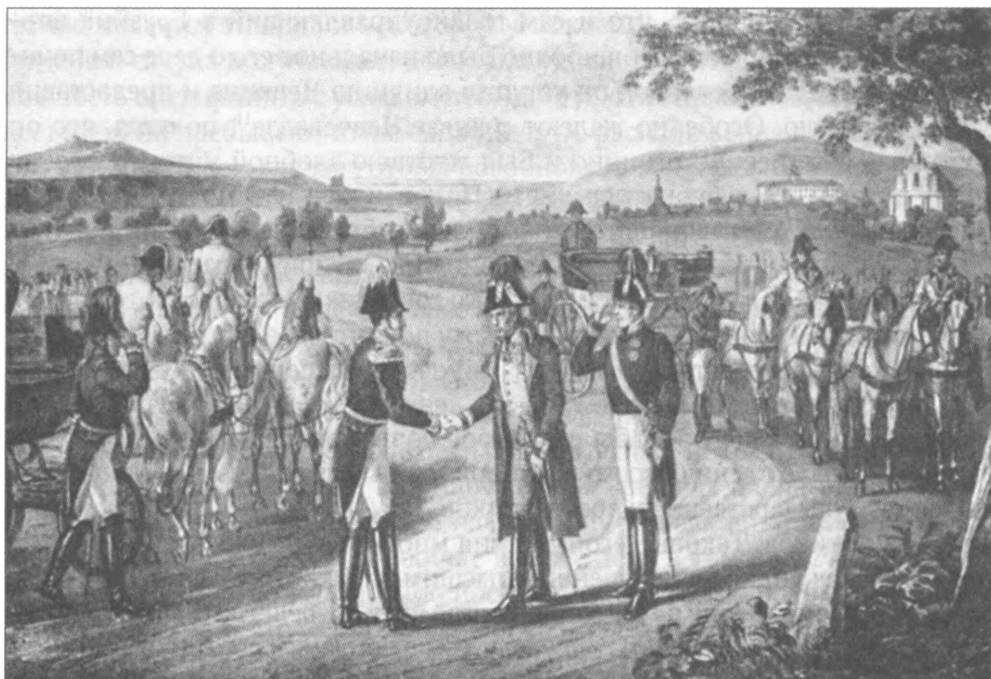
В начале года обращено было всеобщее внимание публики на действия нашего правительства в отношении к делам турецким². Действия сии произвели самое выгодное впечатление. Публика сравнивала в сем случае политику нашего правительства с политикою Франции и видела, с одной стороны, твердость, искренность и благородство, с другой – какое-то смешное шарлатанство и нахальство. Особенно разительное произвело тогда впечатление данное Государем повеление эскадре и войскам нашим, посланным на помощь султану, оставаться в занятых ими местах, доколе Ибрагим не очистит Малой Азии и не перейдет обратно за Тавр, а паша египетский не покорится условиям, предложенным Портою. Народное самолюбие вполне было удовлетворено таковою твердостью правительства. Повеление сие тем более тогда всех порадовало, что оно последовало в такое время, когда уже по дошедшим сведениям о решительных

требованиях французского адмирала, дабы флот наш удалился, начинали бояться, что требования сии исполнятся и что дело сие кончится не к славе России.

Предпринятое Государем в августе месяце путешествие для свидания с императором австрийским³ и королем прусским⁴ не произвело никакого особенного впечатления. Поездка сия изумила всех, ибо последовала совершенно неожиданно. Она в то же время послужила новым убеждением любви к Государю подданных Его. Велика была тревога во время свирепствовавшей тогда бури. Знали, что Государь поехал водою, и все помышления были обращены к Нему. Двое суток продолжалась страшная неизвестность; народ усердно молился о сохранении драгоценной для него жизни, пока, наконец, пришла радостная, точно радостная весть о благополучном возвращении Его Величества. Весть сию принимали не иначе, как перекрестясь, и потом пошли толки и рассуждения, для чего Государь подвергает Себя таковой опасности; как Он должен хранить Себя для благополучия миллионов подданных Его и тому подобное.

Предмет свидания и совещаний Государя с высокими своими союзниками остался тайною для публики⁵ и потому много было различных толков. Некоторые полагали, что всеобщая европейская война будет последствием сих совещаний, каковое предположение подкреплялось объявленным перед отъездом Государя указом о рекрутском наборе. Другие говорили о разделении Царства Польского и присоединении частей оною к Австрии и Пруссии, взамен чего Россия должна получить Молдавию и Валахию и тому подобное. Впрочем, все сии толки как гадательные малое приобретали доверие, весьма недолго продолжались и по возвращении Государя вовсе прекратились.

Предпринятая в 1833 году мера опровергать посредством иностранных газет клеветы, возводимые некоторыми из них против нашего правительства⁶, в короткое время принесла уже значительную пользу. Многие, особенно в Петербурге, и преимущественно из молодежи, не имея истинного понятия о действиях правительства и не желая дать себе труда вникать в оные, готовы всегда всякую предпринятую меру оуждать; почерпая сведения о нашем государстве из одних чужестранных газет, они в них находили обильную пищу к удовлетворению такового их расположения, особенно со времени прекращения силою оружия возмущений в Царстве Польском; ибо с того времени иностранные газеты с неимоверною злобою принялись клеветать против России и в особенности против Государя. Ныне орудие сие с пользою обращено против их самих, и всякая ложь немедленно опровергается неоспоримыми фактами. В сем отношении особенно заслуживает нашей благодарности издатель «Франкфуртской газеты» г. Дюран⁷, который с особенным искусством пользуется получаемыми

Свидание Николая I с Францем I. 29 августа 1833 г.

от нас сведениями и с похвальною смелостью употребляет их в своей газете на поражение клеветы. Таким образом, читающая публика поставлена ныне в возможность почерпать даже и из любимого ее источника истинные относительно России сведения и нередко вместе с Дюраном смеется над нелепыми выдумками иностранных газетчиков и удивляется их наглою лжи. Нет сомнения, что дальнейшее постоянное продолжение сей меры принесет со временем ту двоякую пользу, что суждения нашей публики получают должное на пользу правительства направление и что, наконец, и самые газеты прекратят гнусные свои против России выдумки, увидя, что оным никто уже веры не дает.

В 1833 году обнаружен в Грузии заговор против правительства⁸. Обстоятельство сие вовсе почти не обратило внимание нашей публики и для большей части осталось вовсе даже неизвестным. По сведениям, полученным о деле сем высшим наблюдением, можно заключить, что оное при самом начале представлено было от тамошнего начальства в весьма преувеличенном виде. Говорят, что посланный отсюда для исследования сего дела генерал Чевкин⁹, желая придать более важности возложенному на него поручению, сумел из самых ничтожных обстоятельств и пустых и даже непонятных показаний глупых грузин составить нечто огромное и весьма значительное, между тем как в деле сем было более болтовни, чем

существенного. Говорят, что и сам главноуправляющий в Грузии¹⁰ впоследствии усмотрел, сколь ошибочно было начальное его о деле сем понятие, но как человек слабый, он уступил влиянию Чевкина и предоставил все на его волю. Особенно жалеют о князе Чевчевадзе¹¹, полагая, что он пострадал совершенно невинно и был жертвою злобной интриги против него Грузинского губернатора князя Половандова и тамошнего губернского предводителя дворянства князя Багратиона-Мухранского.

Полученные правительством сведения из Сибири о преступном замысле находящегося в городе Таре статского советника Горского, который обвиняется в намерении возбудить к мятежу посланных в тот край на службу поляков, также представляются едва ли заслуживающими полного доверия. Горский известен высшему наблюдению за человека беспокойного, сварливого, имеющего как бы некоторое повреждение в рассудке. Он сам со времени нахождения своего в Сибири присылал доносы как на находящихся там государственных преступников, так и на разных служащих в Сибири чиновников. Таковые его действия многих против него возбудили, и сия злоба, как видно из полученных высшим наблюдением сведений, была поводом к взведенному на него обвинению чрез посредство одного каторжно-ссылного. Подозревают, что делу сему придана особенная важность тамошним главным начальством по видам одного доверенного при генерал-губернаторе Вельяминове¹² чиновника, известного за весьма вредного по тамошнему управлению человека, который, желая удержать генерал-губернатора от поездки в С.Петербург, воспользовался сим представившимся ему удобным для его видов случаем.

Обнаруженное высшим наблюдением между студентами Дерптского Университета тайное общество под наименованием «Burschenschaft» оказалось, по произведенному исследованию, не имеющим никакой политической цели и никаких преступных замыслов; но не менее того открытие оного представляется полезным в том отношении, что доказало бдительность правительства и, вероятно, послужит к воздержанию на будущее время от составления подобных тайных обществ.

Краткое сие обозрение, основанное на сведениях, полученных в 1833 году высшим наблюдением, ведет к заключению, что расположение умов вообще удовлетворительно; что любовь и преданность к Государю несколько не ослабевают; что распространению либеральных и вредных понятий посредством иностранных газет поставлены преграды, которые приметным уже образом произвели благоприятное действие, и, наконец, что и самые происшествия, последовавшие в некоторых местах и обратившие внимание правительства, не заключают в себе существенной важности.

Все сказанное выше не относится, однако же, до польских наших губерний. Здесь долго еще нельзя ожидать ни преданности к правительству, ни приверженности к Государю. Достаточно уже и того, если в губерниях

тех оказывается тишина и некоторое успокоение умов. В сем отношении сведения, оттуда получаемые, довольно удовлетворительны. Видя невозможность предпринять с успехом что-либо против правительства, жители тех губерний пребывают ныне спокойны, но расположение их таково, что они при малейшем случае готовы возобновить мятежнические свои действия. Отправленные в начале 1833 года из Франции польские эмиссары, прибыв в Литовские губернии для возбуждения жителей к мятежу, везде находили приют и убежище, чрез что довольно долгое время имели возможность избежать поисков, невзирая на бдительность тамошнего начальства. В сие время, как доказывает произведенное исследование, успели они приобрести себе довольно значительное число соучастников, и дело сие, как оказывается из собранных высшим наблюдением сведений, могло бы иметь весьма важные последствия, если б не были они упреждены задержанием эмиссаров и обнаружением вредных их замыслов. Скорый суд и немедленное предание наказанию главных виновников имели весьма выгодное влияние, и вообще все сие дело в том виде, как оно совершилось, принесло пользу, ибо послужило хорошим уроком для жителей. Они увидели, что козни их не могут укрыться от бдительности правительства и что строгое наказание неминуемо достигает виновных. За всем тем общее расположение поляков крайне еще ненадежно и вероятно долго пребудет таковым. Одно время, и время продолжительное, при строгом притом, но справедливом управлении, может обратить их к чувствам истинно верноподданническим. Но замечательно, что управление польскими губерниями не имеет единства. Так, например, в двух литовских губерниях, хотя и подчиненных одному главному начальнику¹³, оно оказывается весьма разнообразным: Виленская губерния пользуется управлением мягким, может быть и не в меру снисходительным; губерния же Гродненская управляется совершенно на других правилах; здесь строгое взыскание преследует всякую вину, и нет снисхождения. В губерниях, подведомственных генерал-адъютанту графу Левашову¹⁴, более единства; ибо там управление более сосредоточено в руках генерал-губернатора. В сих губерниях, хоть нет той строгости, на которую жалуются в губернии Гродненской, но, с другой стороны, встречались неоднократно действия произвольные, не основанные на прямой справедливости, особенно при высылке в дальние губернии людей по одним подозрениям, не имеющим правильного основания.

В Царстве Польском умы начинают успокаиваться. Ветреные и легкомысленные поляки, столько раз в течение сего года обманутые в своих мечтах, видят, что надежды их на покровительство держав иностранных тщетны; что все правительства, и даже французское, от которого они столь много себе ожидали, не только не покровительствуют единопольцам

их, там укрывающимся, и не содействуют злобным их замыслам, но еще всячески стараются удалить из своих владений сии скопища презрительных людей, яко вредных и нестерпимых. Поведение польских выходцев везде, где они появлялись, было столь предосудительно, что они заслужили себе всеобщее, можно сказать, презрение, и ныне большею частию скитаются в бедности, без надежного приюта. Эмиссары их, в Царстве Польском в начале года появившиеся, мало встретили единомышленников, скоро были схвачены и немедленно понесли должное по делам своим наказание. При совершении казней над сими преступниками не было замечено даже и в жителях Варшавы особенного неудовольствия, а при одном случае народ оказал даже содействие свое в исполнении приговора. Вообще можно сказать, что расположение умов в Царстве Польском, в сравнении 1832 года, улучшилось, особенно в течение последних шести месяцев; но и здесь должно повторить, что преданности и любви к Государю от жителей Царства еще долго ожидать не можно, и по сим-то понятиям действии Государя, не удостоившего на возвратном пути из Мюнхенгреца¹⁵ Варшаву Своим посещением, как не заслуживающую еще таковой чести, было принято здешнею публикою с особенным одобрением.

О РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Министерство внутренних дел

Нынешний министр внутренних дел¹⁶, при вступлении своем в управление вверенной ему части, умел вначале приобрести самое выгодное мнение публики ласковым и вежливым обращением своим и вниманием ко всем, имеющим до него дело. Далее ожидали найти в нем и делового человека, ожидали от него улучшений в частях его управления, почитая его человеком умным и просвещенным. Но ожидания сии не сбылись. Министр внутренних дел очевидно упал в мнении общем. Ныне о нем говорят, что, хотя он и имеет просвещение, но просвещение иностранное; что он знает очень хорошо о том, что происходит в других государствах, но весьма малое имеет понятие о положении и потребностях своего отечества; что он мало занимается делами, но читает всевозможные иностранные журналы, любит общества и ведет жизнь рассеянную. Наконец, отзываются, что со времени управления его министерством никаких улучшений по части внутреннего устройства не последовало и что министерство сие находится в некотором, так сказать, усыплении. По общему понятию, министр внутренних дел никакого или весьма малое имел участие в благодетельных и решительных мерах, принятых по случаю оказавшегося в 1833 году во многих губерниях голода от неурожая. Все сии ме-

ры приписывают собственному распоряжению Самого Государя, а министру ставят в вину, что не умел своевременными распоряжениями в начале лета предупредить того крайнего недостатка, коему подверглись жители от неурожая, и говорят, что Государь, видя таковое бездействие, Сам взялся за сие дело. Вот рассуждения и мнение публики.

В отношении управления губерний высшее наблюдение и в нынешнем году, по полученным им сведениям, сообщило Министерству внутренних дел о многих беспорядках и злоупотреблениях. Оно указало ему на нескольких гражданских губернаторов или неблагонамеренных, или неспособных, но некоторые из них* и поныне остаются при должностях своих ко вреду службы.

Министерство юстиции

Министр юстиции¹⁷ еще более упал в мнении общем, чем министр Внутренних Дел. О нем уже решительно говорят, что он ничем не занимается; жалуются, что никакого доступа к нему нет, и никто его видеть не может; даже обер-прокуроры Сената по несколько месяцев не могут до него добраться и, наконец, и самый директор департамента Министерства юстиции с трудом имеет к нему доступ. От того дела в департаменте сего министерства, по общему отзыву, производятся крайне медленно и часто даже неправильно; ибо никакой проситель не допускается к словесным объяснениям. Говорят, что министр Юстиции скучает своею должностью, требующей постоянного труда и деятельности, к чему он по свойствам своим не сроден, хотя, впрочем, отдают полную справедливость высокому уму и дарованиям его.

О товарище министра графе Панине¹⁸ отзываются с особенною похвалою. Во время управления его министерством, за отсутствием министра, заслужил он всеобщее одобрение. Замечают в нем еще неопытность, но полагают, что с умом его и при том внимании, которое он на дела обращает, и сей недостаток скоро уничтожится.

В делах Правительствующего Сената хотя и были замечены некоторые неправильности, но вообще должно сказать, что со времени учреждения первоприсутствующих дела в Сенате решаются быстрее и правильнее. Сие особенно относится к С.Петербургским департаментам, о Московских же отзываются не столь выгодно.

Что же касается до губернских и уездных судебных мест, то в оных не заметно никакого улучшения. Под прикрытием законных форм совершаются в них дела самые незаконные, и деньги составляют главную пружину их действий. Высшим наблюдением открыто в 1833 году по Виленской губернии весьма важное злоупотребление в составлении фальшивых ак-

* Демидов, Тюфяев. (Примечание авторов документа).

тов¹⁹. Зло сие, как оказывается, с давнего времени безнаказанно там существовало. Произведенным по указанию высшего наблюдения исследованием оно вполне обнаружено; виновные найдены, и приняты надлежащие меры к прекращению такового злоупотребления.

Изданный в начале года Свод Российских Узаконений был принят с особенным одобрением²⁰. Общее мнение дало надлежащую цену сему произведению огромного труда, совершенного под непосредственным наблюдением Его Величества. Появление свода составляет важную эпоху в летописях российского законодательства. Так мыслит класс людей просвещенных, но стряпчим и приказным он не нравится; они его чуждаются, как некоего враждебного для них произведения. Не предчувствие ли это? Дай Бог, чтоб было так!

Министерство финансов

С сожалением видят, что министр финансов²¹ дряхлеет и физически ослабеваает. Он продолжает пользоваться самым выгодным мнением публики. О нем вообще отзываются как о настоящем государственном человеке и боятся его лишиться, не видя, кто бы мог его заменить. Несколько раз уже носились слухи, что граф Канкрин просит увольнения и что на место его назначается или государственный контролер²², или князь Любецкий²³, но ни тот, ни другой выбор не одобрялся, ибо первого считают человеком мало способным, а последнего боятся как поляка и не надеются на искреннюю его преданность к правительству.

Привоз контрабандных товаров в 1833 году, по отзывам торговцев и по сведениям, собранным высшим наблюдением, был довольно значителен, особенно в С.Петербурге и Риге; и хотя при окончании навигации захвачено оной здесь большое количество, но говорят, что в течение лета промысел сей производился весьма удачно и что большая часть здешних иностранных торговцев имели в оном участие.

В губерниях вообще жалуются на крайний недостаток ассигнаций и на стеснение, претерпеваемое от несоразмерности курса, по коему серебряная монета принимается в казенные места, с тем курсом, который существует в оборотах между частными людьми.

Высшее наблюдение и в 1833 году сообщало Министерству финансов многие сведения о разных злоупотреблениях и неправильностях, замеченных по управлениям оному министерству подведомственным, и всегда встречало со стороны министра ревностное содействие к прекращению таковых.

Министерство народного просвещения

Последовавшее в 1833 году назначение тайного советника Уварова²⁴ управляющим Министерством народного просвещения было вообще при-

нято с одобрением. Его почитают человеком умным и просвещенным и ожидают от него улучшения вверенной ему важной части государственного управления. С удовольствием замечают, что со времени его назначения появилась в Министерстве народного просвещения деятельность, которая уже несколько лет была оному чужда. Обращено внимание на цензуру, и цензоры ненадежные заменены другими, достойнейшими. Издатели журналов также имели уже случай удостовериться, что произведения их не остаются без должного надзора.

Указ об учреждении в Киеве университета Св. Владимира был принят с особенным удовольствием всеми желающими распространения в отечестве нашем правильного просвещения²⁵.

Относительно состояния учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения, высшее наблюдение имеет следующие сведения:

Московский университет значительно против прежнего упал и находится в весьма неудовлетворительном состоянии, что приписывается главнейше попечителю князю Голицыну²⁶.

Здесь университет далеко еще не достиг того, чего бы можно ожидать от высшего в столице учебного заведения. Здесьние 1-ая и 2-ая гимназии равномерно не в весьма удовлетворительном положении; 3-ая же гимназия, напротив, ничего не оставляет желать. В Педагогическом институте учение вообще идет хорошо, но надзор худой. Учащиеся нередко возвращаются в нетрезвом виде; некоторые даже были изобличены в краже.

Министерство военное

Военный министр²⁷ вообще не пользуется добрым расположением. Его боятся, но не любят. Управление его, говорят, несколько жестко; снисхождения у него нет. Те же отзывы и о дежурном генерале. Затем отдают справедливость, что дела в Военном министерстве идут быстро и правильно, кроме, однако ж, департаментов комиссариатских и провиантских, где, хотя злоупотреблений несколько и меньше прежнего, но все еще много гнездится.

В отношении войск высшее наблюдение может удостоверить, что дух в них отличный, верность и преданность к Государю неограниченны. То же расположение существует и в Гвардейском Корпусе, как между офицерами, так и между нижними чинами. Заметно только, что Его Высочество²⁸ потерял несколько ту любовь, которую приобрел себе во время последнего похода гвардии, что проистекает единственно от мелочных Его требований и строгих за неточное выполнение оных взысканий. И солдаты, и офицеры признают таковые крайне для себя отяготительными и ропщут на оные, будучи, впрочем, готовы с радостью в военное время переносить величайшие трудности, как сие неоднократно доказали.

Военно-учебные заведения находятся в весьма удовлетворительном положении. Родительское попечение Государя об образующихся в них дворянах, снисходительность и внимание к ним Его Величества приемлются всеми с самую искреннейшею благодарностью. С нетерпением ожидают учреждения новых предположенных в некоторых губерниях кадетских корпусов, ибо число существующих ныне оказывается весьма недостаточным к удовлетворению всех тех, кои бы желали видеть детей своих образующихся в сих полезных заведениях.

Управление путей сообщений

По сей части вкралось много неправильностей, много злоупотреблений. Полагают, что вновь назначенный главноуправляющим оною частью²⁹, человек строгий и деятельный, скоро приведет ее в должный порядок; но боятся, что он по крутому обращению своему многих разгонит от себя и останется без надежных помощников. Говорят, что он в короткое время своего управления успел уже многим наделать большие неприятности и распространил всеобщий страх и уныние между своими подчиненными.

С.Петербургская полиция

По сей части никакого приметного улучшения не последовало. Высшее наблюдение и ныне имеет обязанность сказать, что полиция здешней столицы находится в самом неудовлетворительном положении и, по общему мнению, требует изменения во всем составе ее, не изъемя и самого главного начальника столицы³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 195–214.

¹ А.Х. Бенкендорф вспоминал: «Нам было писано из Лондона, Парижа и Гамбурга, а, кроме того, мы прочли в нескольких перехваченных письмах, что целое, довольно многочисленное общество, состоящее большей частью из польских выходцев, поклялось лишить жизни государя, и что для исполнения этого гнусного замысла выбраны окрестности Динабурга и Риги. Слух об этом замысле распространился и в публике; русские, путешествующие по Германии, писали о нем своим родственникам в Санкт-Петербург, как о вещи гласной, для предвещения о том государя...» (Н.К. Шильдер. Император Николай I. Т. 2. С. 667)

² Речь идет о так называемом египетском кризисе 1831–1833 гг., возникшем в

связи с борьбой египетского паши Мухаммеда Али против турецкого султана, вассалом которого он являлся, за независимость Египта. Осенью 1831 г. египетские войска под командованием сына Мухаммеда Али Ибрагима-паши вторглись в Сирию и Ливан, спустя год они овладели Киликией, горными проходами Тавра и вступили в пределы Анатолии. 11 декабря 1832 г. в битве у Коньи турецкие войска были разгромлены, командующий взят в плен, египетская армия продвигалась к Стамбулу. Султан Махмуд II, не получив помощи от западноевропейских держав, обратился к России. В феврале 1833 г. русская эскадра и десантные войска прибыли в Босфор, что вынудило египетскую армию приостано-

вить наступление. Опасаясь усиления позиций России на Ближнем Востоке, Англия и Франция склонили султана к заключению соглашения с Мухаммедом Али (май 1833 г.), по которому в обмен на формальное признание власти Махмуда II к Египту отходили Сирия, Палестина и Аданский пашалык. После подписания Ункяр-Искелесийского договора о мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией (1833) русские войска покинули Босфор.

³ Франц I (1768–1835), последний император Священной Римской империи (1792–1806, под именем Франца II). В 1804 г. принял титул «император Австрии». Из Габсбургско-Лотарингского дома.

⁴ Фридрих-Вильгельм III (1770–1840), прусский король с 1797 г. Отец императрицы Александры Федоровны.

⁵ «Уже несколько лет сряду австрийский император Франц изъявлял желание лично познакомиться с нашим государем. Революции французская, бельгийская, безумный польский мятеж, волнения в Италии и Швейцарии, преобразовательные доктрины в Англии и порывы к общему равенству в Германии, – все это вместе испугало венский двор и заставило его забыть обычную свою завистливость к могуществу России и искать возобновить те связи с нею, которые в 1814 и 1815 годах возвратили Австрии ее независимость и первенство в Германии... Пруссия, всегда шаткая в своих планах, всегда возбуждаемая воинственным и неосторожным жаром своих принцев, в противоположность с постоянным спокойствием своего короля, раздвоенная в своих правительственных началах между монархической армией и либеральным средним сословием, также чувствовала необходимость снова присоединиться к старому союзу... Австрия и Пруссия сознали наконец, что император Николай был краеугольным камнем, о который должны были опираться силы монархических держав и мир Европы. Он один мог сопротивляться замыслам демократии и революционного движения, связавшего Лондон с Парижем.

Отсюда родилась мысль о личном совещании между монархами Австрии, Пруссии и России, с жаром воспринятая императором Николаем, постигавшим всю необходимость для поддержания мощною его рукою колебавшихся тронов. Но, чтобы не слишком встревожить прочие кабинеты созванием официального конгресса, он решил свидеться с императором австрийским и королем прусским порознь с каждым. Для этого свидания король прусский выбрал Швердт, а австрийский император городок Мюнхенгрец...» («Записки А.Х. Бенкендорфа». – Н.К. Шильдер. Император Николай I... Т. 2. С. 670, 678).

⁶ Из записок А.Х. Бенкендорфа: «Во время нашего пребывания в Теплице князь Меттерних старался со мною сблизиться и показывал мне всевозможные знаки доверия. С год перед тем я послал в Германию одного из моих чиновников (имеется в виду барон Швейцер) с целью опровергать посредством дельных и умных газетных статей грубые нелепости, печатаемые за границей о России и ее монархе, и вообще стараться противодействовать революционному духу, обладавшему журналисткою. Последнее обстоятельство очень интересовало и князя Меттерниха. Увидев, что у него нет чиновника способнее к этому моему, который имел случай сделаться ему лично известным, он просил прислать его на жительство в Вену, чтоб им работать там соединенными силами на пользу России и Австрии и на распространение добрых монархических начал. Я тем охотнее на это согласился, что мне не хотелось возбуждать подозрение об участии в сем деле нашего правительства, слишком высоко стоявшего для борьбы с журналами. Вследствие того, мой чиновник, разъезжавший по Германии как совершенно частное лицо, поселился в Вене в такой же роли» (Там же. С. 713, 714).

⁷ Дюран Шарль (?–1848), главный редактор и издатель французской газеты «Journal de Francfort» (1833–1839). По ходатайству заграничного агента III отделения барона Швейцера получал от русского

правительства (с 1833 г.) по 1200 рублей в год, «чтобы он продолжал издание в монархическом духе и помещал в оном статьи благоприятные для России. Вскоре назначенные суммы были удвоены и ему передавались многие статьи для напечатания во Франкфуртской газете, но статьи эти облекались в такую форму, которая скрывала наши прямые с ним отношения» (ГА РФ. Ф. 109, 1 экспедиция, 1831. Д. 761. Л. 5).

⁸ Заговор грузинского дворянства (Э. Эристави, С. Додашвили, А. Орбелиани, Я. Палавандишвили и др.), стремившегося к восстановлению престола Багратионов и своих привилегий в самостоятельном национальном государстве.

⁹ Чевкин Константин Владимирович (1802–1875), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участвовал в кампаниях в Персии и Турции (1827–1829), Польше (1831). Чевкин уже выполнял аналогичное поручение, когда в 1827 г. был прикомандирован к И.И. Дибичу для расследования доносов на А.П. Ермолова. В дальнейшем сенатор, генерал-лейтенант, исправляющий должность главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий, член Военного Совета и Совета Корпуса горных инженеров (1856).

¹⁰ Розен Григорий Владимирович (1782–1841), барон, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник наполеоновских войн, Русско-шведской войны (1808–1809), Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814). Назначен командиром Отдельного Литовского корпуса (1831), главнокомандующий на Кавказе (1831–1837). В Московском департаменте Сената (с 1837).

¹¹ Чавчавадзе (Чевчевадзе) Александр Гарсеванович (1786–1846), князь, генерал-лейтенант русской армии (1841). За участие в восстании против русских властей в Грузии был сослан в Тамбов (1805). Вскоре возвращен в Петербург, окончил Пажеский корпус (1809). В заграничных походах русской армии (1813–1814) был адъютантом М.Б. Барклая-де-Толли. В Грузии занимал видные военно-административные посты.

Участник Русско-турецкой войны (1828–1829). За причастность к заговору грузинского дворянства (1833) сослан в Тамбов. В 1834 г. вернулся в Грузию, был членом Совета Главного управления Закавказским краем.

¹² Вельяминов Иван Александрович (1771–1837), генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии (1813–1814). Командир Отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатор Западной Сибири (с 1827). Назначен членом Военного Совета (1833).

¹³ Долгоруков Николай Андреевич (1792–1847), в военной службе с 1813 года, участник заграничных походов русской армии (1813–1814), Персидской кампании 1827 г. и Русско-турецкой войны (1828–1829). Назначен минским (1831), а затем – виленским и гродненским генерал-губернатором. С 1840 г. – генерал-губернатор харьковский, полтавский и черниговский.

¹⁴ Левашов Василий Васильевич (1783–1848), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Командовал лейб-гвардии Гусарским полком (1815–1822 и 1824–1826), был членом Следственной комиссии по делу декабристов. Генерал-губернатор киевский, подольский и волынский (1832–1835). Председатель Государственного совета и Комитета министров (1847–1848).

¹⁵ 6 (18) сентября 1833 г. в городе Мюнхенгец была подписана русско-австрийская конвенция, которая предусматривала совместные действия обоих государств в случае повторения кризиса в Турции, направленные на сохранение в стране правящей династии. Этот документ также содержал статьи о взаимных гарантиях относительно польских владений Вены и Петербурга, обоюдной военной помощи в случае восстания и выдаче политических преступников. Вскоре последовало аналогичное соглашение с Пруссией, а 3 (15) октября был заключен русско-австро-пруссский договор, согласно которому каждый из монархов в случае внутренней или вне-

шней опасности получал право на поддержку со стороны других участников соглашения.

¹⁶ Блудов Д.Н.

¹⁷ Дашков Д.В.

¹⁸ Панин Виктор Никитич (1801–1874), граф, с 1819 года на дипломатической службе. Товарищ министра юстиции (1833), управляющий (с1839), министр юстиции (1841–1861. Член Секретного (1857) и Главного (1858) комитетов по крестьянскому вопросу, а после смерти Я.И. Ростовцева (1860) – председатель Редакционной комиссии при Главном комитете по крестьянскому делу. Член Государственного Совета.

¹⁹ В 1833 г. в III Отделение стали поступать сведения о подделке документов на дворянское достоинство в городе Вильно и близлежащих уездах. Эти документы вшивались в метрические, актовые и родословные книги. Секретному агенту было поручено войти в контакт с преступниками и заказать им подобные бумаги на имя некоего вымышленного лица. Таким образом преступники были взяты с поличным. В связи с этим делом в Западных губерниях России Высочайшим повелением были учреждены специальные комиссии для проверки и приведения в порядок метрических и актовых книг. Комиссии разработали правила для ведения записей такого рода, фальшивые документы из книг были изъяты (ГАРФ Ф. 109. 1 экспедиция. 1833. Д. 237).

²⁰ Работа по сбору и систематизации всех законодательных актов началась под руководством М.М. Сперанского в 1830 г. Собрание, составившее 45 томов (из них 5 томов указателей), включало 31 тысячу законов за период с 1649 – 12 декабря 1825 г. Кроме того, был изготовлен 15-томный «Свод законов Российской империи», отражавший действующее законодательство. «Свод законов» переиздавался в 1842 и 1857 г. Тома «Полного собрания законов Российской империи» печатались погодно, их издание завершилось к 1883 г., 55-й том

включал законодательные акты по февраль 1881г.

«31 января император Николай неожиданно явился в Государственный Совет и, заняв место между его членами, произнес длинную подробную речь, поразившую всех своею ясностью, последовательностью и силою, о необходимости для России систематического свода изданных в разные времена законов, еще сохраняющих свою силу. Он заключил ее тем, что этот «Свод» теперь окончен и всякому члену предоставляется выразить свое мнение о его достоинствах и о той эпохе, с которой, по рассмотрении его во всех частях, он должен будет воспринять свою силу. Министр юстиции Дашков представил некоторые замечания собственно на редакцию «Свода», не оспаривая впрочем основной его идеи, и все прочие члены признали ее в высшей степени полезной. Сперанский и государь не отстаивали своей работы, сознавая, что и она, как всякое дело рук человеческих, может иметь свои недостатки. Положено было: «Свод» обнародовать, присвоив ему с того же времени силу закона, и назначить двухлетний срок на представление от подлежащих властей всех замечаний, какие могли бы представиться по той или другой статье. По окончании этого достопамятного заседания государь, не выходя из Совета, обнял Сперанского и надел на него снятую с себя Андреевскую звезду в награду славного его труда, памятника долговечнейшего, чем все завоевания, столь часто обращающиеся в несчастье народов» (Н.К. Шильдер. Император Николай I. ... Т. 2. С. 644).

²¹ Е.Ф. Канкрин.

²² А.З. Хитрово.

²³ Друцкий-Любецкий Франциск Ксаверий (1779–1846), князь; воспитывался в Сухопутном кадетском корпусе; участник итальянских походов А.В. Суворова; предводитель дворянства Гродненской области. С 1821 г. министр финансов Царства Польского; член Государственного совета (1832).

²⁴ Уваров Сергей Семенович (1786–1855), граф. Попечитель Петербургского

учебного округа (1811–1822), президент Академии Наук (1818–1855), товарищ министра народного просвещения (с 1832 г.), управляющий министерством (1833), министр (1834–1849), председатель Главного управления цензуры, автор знаменитой формулы «самодержавие–православие–народность».

²⁵ Императорский указ Сенату от 8 ноября 1833 г. гласил, что Волынский лицей – высшее учебное заведение в Кременце – переводится в Киев и переименовывается в университет. Профессорский состав остался прежним, было сохранено (для желающих) преподавание польского языка. Учреждение в Киеве Университета Св. Владимира было призвано обеспечить полномасштабное развитие в Западном крае русской образовательной традиции. «Новый университет...», – писал С.С. Уваров, – должен ... по возможности сглаживать те особенные характеристические черты, которыми польское юношество отличается от русского, и в особенности подавлять в нем мысль о частной народности... Слияние политическое не может иметь другого начала кроме слияния морального и умственного» (М.М. Шевчен-

ко. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М. 2003. С. 100.).

²⁶ Голицын Сергей Михайлович (1774–1859), действительный тайный советник. В 1807 г. был назначен почетным опекуном в Московский опекунский совет и главным директором Голицынской больницы, президент Московского попечительного комитета о тюрьмах (с 1809 г.), попечитель Московского учебного округа (1830–1835). Член Государственного совета, вице-президент Комиссии по сооружению в Москве храма Христа Спасителя.

²⁷ Чернышев А.И.

²⁸ Вел. кн. Михаил Павлович

²⁹ Толь Карл Федорович (1777–1842), генерал-адъютант, участник Швейцарского похода А.В. Суворова и Отечественной войны 1812 г. С декабря 1830г. – начальник штаба армии И.И. Дибича, действовавшей против польских повстанцев. Главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий (1833–1842).

³⁰ Эссен П.К.

ОБОЗРЕНИЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ УМОВ И РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ в 1834 году*

О РАСПОЛОЖЕНИИ УМОВ

Высшее наблюдение, продолжая внимательно следовать за всеми движениями и изменениями общественного мнения в отношении верховного правительства, может и на сей раз представить самое удовлетворительное заключение.

Русские, по врожденному чувству национальности, во всякое время более или менее чуждались рабского подражания иностранцам и введения у нас обычаев их. История повествует нам, какие противоборства следовало Петру I преодолеть для исполнения мысли своей преобразовать нас на европейский, по тогдашнему – на немецкий, лад; сильная, железная, так сказать, воля его победила препятствия, и с тех пор русские высшего и среднего классов постепенным образом сроднились с иностранцами обычаями, одеждою, изучением языков их. Таковое сближение наше с европейскими народами было, конечно, до некоторой степени полезно и даже необходимо для приобретения того истинного просвещения, коим гораздо прежде нас пользовались Германия, Англия и Франция; однако ж, вместе с сим просвещением начались в последние времена водворяться между нами и то безнравие** и то вольнодумство, которые были главнейшими причинами происшедшей в конце XVIII столетия во Франции революции¹.

Революция сия наводнила Россию французскими наставниками; многие из них были люди весьма достойные, но далеко не все. Юношество нашего высшего сословия приобретало образование чуждое национальности; оно всему научалось, приобретало все познания, кроме познания Отечества своего. Множество наших молодых людей все образование

---

* Перед текстом помета: «Государь изволил читать 3 января 1835».

** Так в тексте.

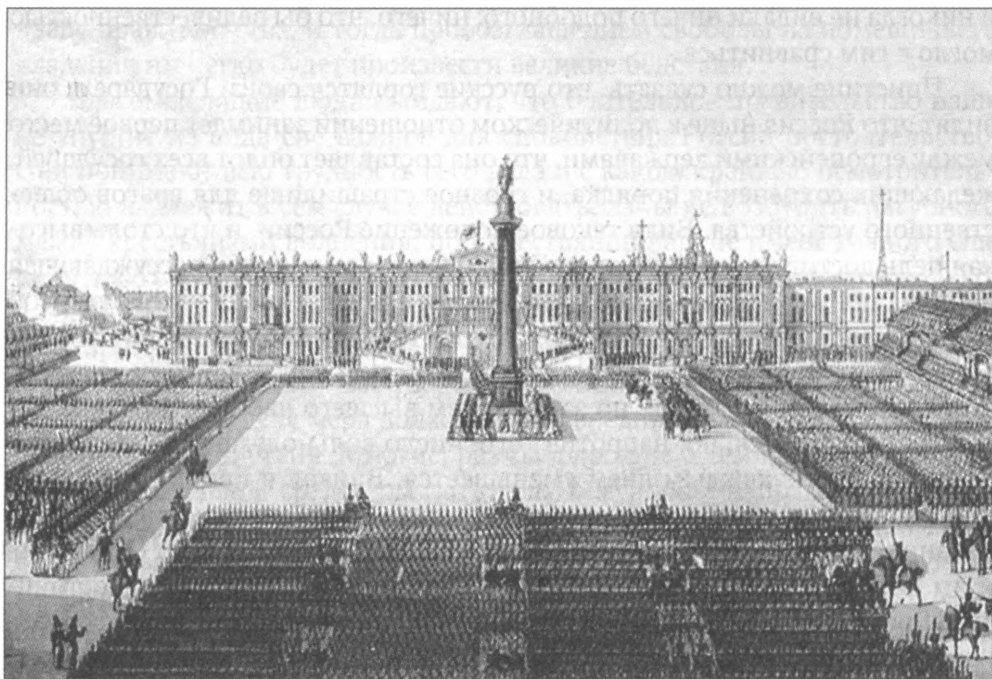
свое получали в чужих краях. Таким образом в высшем разряде нашего дворянства поселилось пристрастие к иностранцам и ко всему иностранному. Вот причины, по которым с самых времен Петра I сохранилось в России понятие, что и самое высшее правительство, скажем просто, что Государи наши преимущественно даже пред русскими покровительствуют иностранцам. Таковое предпочтение иностранцев всегда общественным мнением оуждалось, всегда против оно роптали, ибо оно было противно народной нашей гордости; и потому можно удостоверительно сказать, что никакая черта царствования нынешнего Государя не приобрела Ему столько любви, столько похвал, столько всеобщего одобрения, как постоянное стремление Его, с самого первого дня царствования Своего, к возвеличению всего русского, к покровительству всему отечественному и к постепенному искоренению рабского подражания иностранцам. И самый высший класс нашего дворянства, убеждаясь событиями последних годов в некоторых европейских государствах, и особенно во Франции², видит, куда бы нас вело дальнейшее послабление правительства к отношениям нашим с иностранцами, а потому чувствует всю пользу данного Государем направления.

6 декабря прошлого 1833 года появились в первый раз во дворце дамы наши и Сама Государыня Императрица в национальном платье и русском головном убранстве³. Независимо от красоты сего одеяния, оно по чувству национальности возбудило всеобщее одобрение. Многие изъявляют желание видеть дальнейшее преобразование и в мужских наших нарядах, и судя по общему отголоску, можно наверное сказать, что такое преобразование сближением нынешних мундиров к покрою одеяния наших бояр прежнего времени было бы принято с крайним удовольствием. Новый гимн «Боже Царя храни», оригинальное отечественное произведение, искусно приносивший к русскому напеву, возбудил всеобщее восхищение, как в Москве, так и здесь; ибо заменил музыку, хотя прекрасную, но от иностранцев взятую⁴.

Мы приведем здесь один случай, который в существе своем ничтожен, но, однако же, может служить доказательством, сколько публика наша радуется всякому действию Государя, в котором мнит видеть склонность Его к национальности: во время происходивших в сем году торгов на содержание питей* в здешней столице произошло состязание между двумя обществами, из коих одно состояло из русских откупщиков, другое – из компании жителей Остзейских губерний. Государь просто по чувству справедливости, вопреки предположению министра финансов**, изволил

* Так в тексте.

** На полях против подчеркнутых слов карандашная помета рукой Николая I: «Несправедливо, он сам был по чувству того же мнения».

Парад 1834 г. по случаю открытия Александровской колонны

решить дело сие в пользу русских откупщиков; но публика приняла такое решение в виде предпочтения, оказанного русским. Вот, говорили, настоящий русский царь. И в этом смысле решение Государя произвело, можно сказать, восторг; а откупщики, увлеченные чувством народной гордости, тотчас пожертвовали в пользу жителей города Тулы ту сумму, которую соперники их предлагали в наддачу*.

Высшее наблюдение в отчетах предшествовавших годов свидетельствовало о верноподданнических чувствах всех сословий к Государю. На сей раз, по всем поступившим в сем 1834 году сведениям, имеем счастье удостовериться, что чувства преданности, уважения и любви к Его Величеству с каждым годом возрастают. Все единогласно признают, что личные действия Государя носят на себе отпечаток некоего величия. Долго останется в памяти великолепное посвящение монумента, в честь блаженной памяти Императора Александра I воздвигнутого⁵. И самый монумент, и посвящение оно произвели всеобщее изумление. Все присутствовавшие были поражены величием зрелища сего и проникнуты чувствами благочестия Государя при сем случае. Не только русские, но и иностранцы, бывшие свидетелями сего торжества, единогласно признавали, что нигде

* Так в тексте.

и никогда не видали ничего подобного; ничего, что бы величием могло с сим сравниться.

Поистине можно сказать, что русские гордятся своим Государем; они видят, что Россия ныне в политическом отношении занимает первое место между европейскими державами, что она составляет оплот всех государей, желающих сохранения порядка, и грозное страшилище для врагов общественного устройства. Видя таковое положение России, и что столь высокая цель достигнута не силою оружия, не потоками крови, рассуждающая публика понимает, что сим обязана Россия единственно стойкой, твердой и прямодушной политике Государя. Хотя в течение последних четырех лет либерализм сильно распространился во многих европейских государствах, со всем тем дух сей, по замечаниям высшего наблюдения, у нас не только не усилился, но, напротив того, число вольнодумцев в отношении политическом с каждым днем уменьшается. Вникая в причины сего, мы видим, что сие происходит именно от того, что Государь, так сказать, сроднился с Своим государством. И либералы по-своему любят Отечество; и им не чужда национальная гордость. Ныне же они видят, что достоинство России, величие ее крепко соединены с качествами той мощной руки, которая нами управляет. При сих понятиях либерализм должен исчезнуть, и действительно он у нас сильно упадает.

При таком расположении умов правительство едва ли может опасаться какого-либо волнения в России от причин извне происходящих. Напрасны замыслы революционной пропаганды что-либо произвести у нас посредством своих агентов. Агенты сии не найдут здесь себе единомышленников; чувство национальности отвергнет их вредные внушения, и с этой стороны мы можем быть совершенно покойны; но по внимательному наблюдению представляется у нас другая слабая сторона, которая может быть источником величайших для России бедствий: год от года распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности. В 1834 году много было примеров неповиновения крестьян своим помещикам, и почти все таковые случаи, как по произведенным исследованиям оказывалось, происходили не от притеснений, не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу. В таковых случаях всегда являются злонамеренные люди, которые, пользуясь заблуждением крестьян, из одних видов личной выгоды поддерживают их в оном и возбуждают к неповиновению. Поныне все случаи сии были отдельны один от другого, не имели между собою никакой общей связи, и потому правительство без особенных усилий имело возможность прекращать таковые беспорядки. Но могут явиться неблагоприятные обстоятельства: внешняя война, болезни, недостатки; могут явиться люди, которым придет пагубная мысль воспользоваться сими обстоятельствами ко

вреда правительству, и тогда провозглашением свободы из помещичьего владения им легко будет произвести великие бедствия.

Благомыслящие люди ожидают, что бдительное правительство наше не упустит из вида сие важное для спокойствия России обстоятельство. Они понимают всю трудность сего дела и с какою крайнею осмотрительностью надлежит в сем случае действовать, дабы не возбудить пагубного между крестьянами волнения, ибо крестьянин наш не имеет точного еще понятия о свободе и волю смешивает с своевольством. А потому, сколько, с одной стороны, признается необходимым, дабы правительство исподволь приближалось к цели освобождения крестьян из крепостного владения, столько с другой – все уверены, что всякая неосторожная, слишком поспешная в сем деле мера должна иметь вредные последствия для общественного спокойствия. Многие, размышляющие о сем предмете, полагают самым лучшим средством дать делу сему такое направление, чтобы освобождение крестьян происходило от самих помещиков. В таком случае крестьяне увидят в них не злодеев, но благодетелей своих. Впрочем, высшее наблюдение имело обязанность указать лишь на сие обстоятельство, важное для будущего счастья России; но какими мерами может быть достигнута благотворная цель уничтожения крепостного права, это подлжит уже соображениям мудрого правительства.

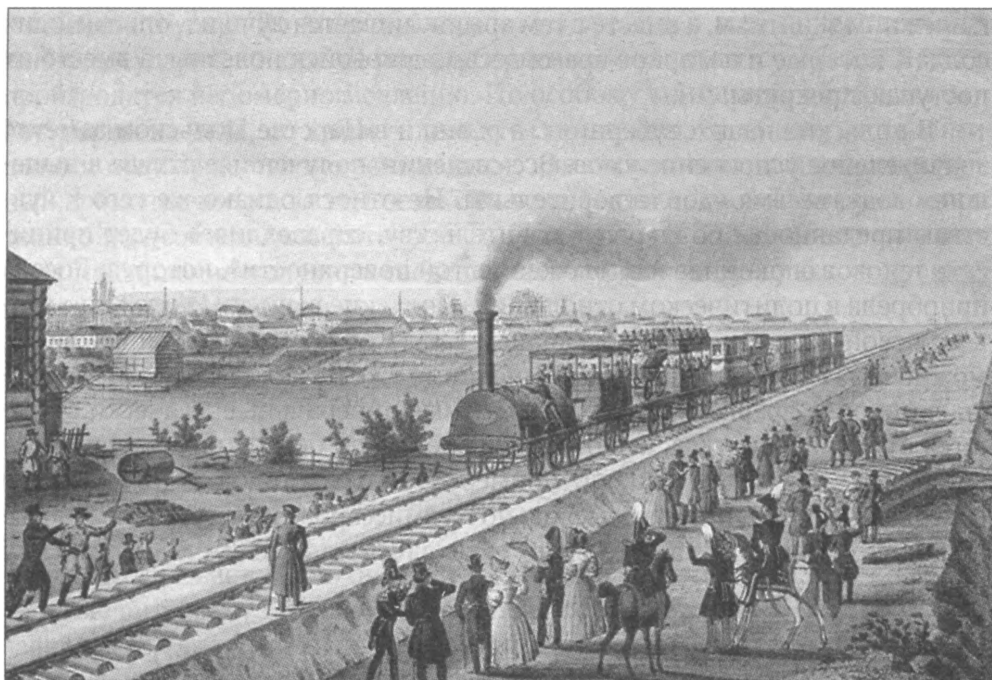
Необыкновенно много и гораздо более чем в предшествовавшие годы поступило в 1834 году вызовов от разных лиц открыть правительству тайны: о покушениях на жизнь Государя, о существовании злоумышленных обществ и тому подобное. Все таковые изветы были рассматриваемы со всею тщательностью и все без исключения оказались не имеющими ни малейшего основания. Большая часть таковых изветов поступили от людей или содержащихся под стражею или предназначенных к ссылке за содеянные преступления, и сколько можно заключить, были делаемы в одном лишь намерении избегнуть заслуженного наказания. Из всех таковых показаний два обратили на себя особенное внимание по важности их: одно из Сибири, некоего разжалованного в рядовые Медокса, который сделал извет на находящихся там государственных преступников в новых будто бы злоумышлениях их. Извет сей, весьма хитро сплетенный и подкрепленный подложно составленными письмами, был сделан еще в конце 1832 года, но в сем 1834 году, по собственному признанию Медокса, оказался вымышленным⁶. Другое показание сделано было пензенским купцом Кузнецовым, который объявил, что слышал от чиновника Антонова о существующем обществе, состоящем из 3 тысяч человек, к которому и он, Антонов, принадлежит, и коего цель есть ниспровержение существующего в России правительства. Для исследования сего дела учреждена была в Москве особая комиссия, и оказалось, что хотя Антонов действительно

говорил Кузнецову о существовании будто бы злоумышленного общества, но что он просто лгал, желая придать себе важность в глазах простодушного и необразованного Кузнецова.

Происшедший в прошлом 1833 году во многих губерниях неурожай хлеба был крайне тягостен для народа, особенно в некоторых губерниях, более пострадавших, и которые по положению своему труднее могли получить хлеб из других мест. Но невероятные, можно сказать, усилия правительства, обильные вспомоществования и решительные меры, принятые в сем случае, имели полный успех, и, по мнению общему, предупредили много бедствий⁷. Все сословия, увлеченные благодетельными действиями правительства, старались по мере средств своих помогать неимущим, и в сем отношении особенно ознаменовало себя купечество, и преимущественно московское. Не известно, чтобы люди умирали с голода; волнения в народе, собственно по причине недостатка, также нигде не происходило. Умножилось число нищих, число бродяг; сие последствие было неминуемо. Но от оногo явилось новое зло – пожары, которые в нынешнем году много истребили. Хотя не должно приписывать всяких бывших в 1834 году пожаров зажигательству, но не менее того, по исследованиям, оказались оные во многих местах умышленно произведенными.

В Москве пожары начались с июня месяца, сперва незначительные, но потом выгорели: часть Семеновской слободы, Лефортова и часть Рогожской. Народ гласно приписывал пожары сии умышленному зажигательству поляков, будто бы тайно скрывавшихся в Москве; даже высший класс публики разделял некоторым образом подозрения черни, полагая, что пожары происходят от причин политических. Роптали и на правительство, что оно не принимает будто бы мер к открытию злодеев. В это время были взяты в Москве под арест молодые люди, певшие пасквильные стихи⁸, и их сочли сообщниками в зажигательстве. Страх увеличил толки и слухи сии до того, что начинались обнаруживаться некоторые знаки самоуправства, и жители Москвы, не исключая особ высшего звания, опасаясь оставлять дома свои, сторожили оные. Многие отправляли драгоценные свои вещи; в жителях заметно было совершенное уныние, и Москва как бы ожидала большого несчастья. В это время прибыл в древнюю столицу Государь Император. Жители встретили Его Величество с обычным восторгом, и с сей минуты Москва как будто воскресла. Миновался страх, водворилась бодрость. Некоторые схваченные поджигатели были немедленно наказаны, и пожары прекратились⁹. Произведенные впоследствии исследования обнаружили, что зажигатели были одни лишь мошенники, приходившие в Москву из других неурожайных губерний, которые, сокупившись в одну шайку, делали поджоги единственно из корысти. И вообще все поджоги, произведенные в нынешнем году в разных губерниях, не имели, как оказывается, никакой политической цели.

Железная дорога из Петербурга в Павловск

Из числа изданных в нынешнем году узаконений два, по замечаниям высшего наблюдения, особенно возбудили толки в публике: 1. Указ, коим воспрещается российским подданным более пяти лет пребывать за границей, под опасением взятия имений их в опеку. Указом сим вообще были недовольны; его находят стеснительным и нарушающим некоторым образом Жалованную российскому дворянству Грамоту¹⁰. 2. Манифест о разделении Российской империи по отбытию рекрутской повинности на южную и северную полосы с тем, чтобы каждый год одна половина отбывала сию повинность с 1000 душ пятью человеками. Находят, что сим постановлением рекрутская повинность соделывается обременительнее прежнего, ибо постановлено уже постоянным правилом и в мирное время всегда производить набор, тогда как прежде проходили во время мира два, три и четыре года без рекрутских наборов. А как в то же время последовало постановление об увольнении в бессрочные отпуска нижних чинов, прослуживших 20 лет, то и рассуждали, что полезнее бы было, не давая сих отпусков, сократить рекрутские наборы, тем более, что увольняемые в отпуск нижние чины, не быв совершенно в отставке, ничем не займутся и будут в тягость своим семействам или совершенно избалуется, потому что, отвыкши от сельских работ, будут искать разных легких средств к пропитанию, ибо и совершенно отставные редко возвращаются

к прежним занятиям, а вместе с тем армия лишается лучших, опытнейших солдат, которые и в мирное время весьма для войск полезны, а вместо их поступают рекруты.

В польских наших губерниях, а равно и в Царстве Польском заметно значительное успокоение умов. Все сведения, полученные оттуда в нынешнем году, весьма удовлетворительны. Не относя однако же сего к чувствам преданности поляков к правительству, справедливее будет приписать таковое спокойное их положение, той поверхности*, которую Россия приобрела в политическом отношении. Польские выходцы хотя и продолжают свои козни, но они поведением своим обратили на себя всеобщее, можно сказать, презрение. Они ныне нигде уже не находят себе единомышленников, а правительства, даже и самые либеральные, всячески стараются от них избавиться, как от людей вредных и беспокойных. И в нынешнем году высылали они, по примеру прошлых годов, эмисаров для совершения преступных замыслов, но из эмисаров сих не один не достигнул наших границ, и многие были перехвачены прусским и австрийским правительствами.

О РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Министерство внутренних дел

По части управления губерний не представляется разительных улучшений. И в нынешнем году определены некоторые гражданские губернаторы, которые далеко не удовлетворяют цели их назначения. Земская полиция почти повсеместно не хороша. Следствия производятся худо, и весьма многое остается необнаруженным. Вообще должно сказать, что сия часть у нас еще в весьма слабом положении, и, к сожалению, не видно со стороны Министерства внутренних дел никаких особенных распоряжений к приведению оной в лучшее устройство. В некоторых губерниях дворянские выборы и в нынешнем году были сопровождаемы большими беспорядками; и в сем отношении особенно обратила на себя внимание губерния Курская, которая и до сего времени остается без губернского предводителя дворянства.

Министерство юстиции

В прошлогоднем обозрении высшее наблюдение с подробностью изложило о мнении общем насчет министра юстиции¹¹ и его товарища¹². В сем отношении мы ничего нового сказать не можем. О первом те же отзывы, что он неприступен и по расположению своему мало способен к по-

* Так в тексте.

стоянным трудам. Во втором ожидают со временем видеть человека истинно государственного. Дела в губернских и уездных судебных местах производятся непомерно медленно. По особому вниманию, обращаемому Государем на дела, по коим содержатся арестанты, судебные места сими делами преимущественно занимаются, для окончания оных в поставленный срок; прочие же за тем остаются в забвении и извлекаются из оногo только по особенным искательствам участвующих. На сих днях еще высшее наблюдение получило сведение, что в курском губернском правлении имеется до 80 тысяч нерешенных дел.

Министерство финансов

Министр финансов¹³, по общему всех отзыву, есть настоящий хозяин своей части. Несмотря на его недуги и преклонные лета, он не ослабевает в своих трудах и, бдительно следуя за всеми отраслями своего управления, преследует зло и по мере надобности вводит улучшения. Высшее наблюдение, постоянно доставляя ему, равно как и прочим министрам, сведения по предметам, до него относящимся, всякий раз имеет случай удостовериться, что никакой предмет не оставляется им без внимания и зависящего с его стороны распоряжения.

Высшее наблюдение не может еще представить никакого общего заключения относительно последовавшего в сем году преобразования горной части¹⁴ и должно ограничиться одним замечанием, что преобразование сие принесло значительную пользу для Горного кадетского корпуса¹⁵, который при деятельности начальника штаба Чевкина¹⁶ с каждым днем приходит в лучшее устройство.

Министерство народного просвещения

Со времени вступления в должность нынешнего министра народного просвещения¹⁷ замечается по сей важной части государственного управления особенная против прежних годов деятельность. И в сем 1834 году последовали многие новые распоряжения к лучшему устройству учебных заведений, которые вообще в наружном своем составе, в отношении порядка и надзора за учащимися много выиграли. Министр обращает на сей предмет строгое свое внимание. Но что касается собственно до учения и образования юношества нашего, то в сем отношении еще много остается желать. Заметен чувствительный недостаток в хороших наставниках и учителях не только в губерниях, но даже и в самых столицах. Московский университет при всем внимании, которое обращено на него со стороны министерства народного просвещения, не восстает из своего упадка, и министр, как нам известно, даже не имеет надежды улучшить положение сего университета при нынешнем попечителе Московского учебного округа¹⁸. О Дерптском университете отзываются хорошо. Студенты душою

преданы Государю, но требуют строгого надзора в отношении спокойствия городских жителей, нередко нарушаемого шалостями сей многочисленной молодежи.

О военно-учебных заведениях

Обращенное на сии заведения непосредственное внимание Самого Государя Императора и бдительное попечение Его Высочества Великого Князя Михаила Павловича об образующихся в них дворянах приемлются всеми с искреннюю благодарностью, но назначение главного директора решительно никем не одобрено¹⁹. Общее мнение о нем весьма невыгодно. Его понимают человеком не нравственным и потому находят, что он в настоящем своем звании не только не может принести пользы, но еще вреден. Высшее наблюдение имеет обязанность со всею искренностью сказать, что в течение последних четырех лет оно не имело еще случая заметить, чтобы какое-либо назначение было столь противно общему мнению, как назначение генерала Сухозанета в должность главного директора корпусов. Оно всех привело в удивление, и с того времени высшее наблюдение не переставало слышать отзывы о его неприличном и грубом обращении, о несправедливых его действиях и даже о его жесткостях. Отзывы сии, вероятно, преувеличены, но не менее того, должны иметь некоторое справедливое основание и служат доказательством, сколь невыгодно общее о нем понятие.

В отношении войск высшее наблюдение и в сем году из всех полученных сведений могло извлечь удостоверение, что дух в них отличный. С восторгом и с особенною признательностью к Государю был принят в войсках Высочайший приказ 30 августа о сокращении в мирное время срока службы нижних чинов и о бессрочных отпусках. Сия оказанная войскам милость, дарованная с условием беспорочного служения, будет, по мнению начальников, иметь весьма полезное влияние на поведение нижних чинов, а им доставляет новое и сильное средство приобрести усердие к себе и преданность солдата, так как сей последний не иначе может воспользоваться отпуском, как по засвидетельствованию начальства о беспорочном его служении.

В отношении гвардейского корпуса заметим, что хотя генералы и офицеры и тяготятся по временам мелочными требованиями и взысканиями Великого Князя Михаила Павловича, но, испытав неоднократно всю доброту Его Высочества, они вообще любят Его и душевно ему преданы. В первые годы командования Своего Его Высочество был и моложе и менее опытен, естественно не мог внушать еще полного к себе уважения. Особенно старейшие генералы нетерпеливо переносили замечания и требования Его. С того времени прошли годы, Его Высочество приобрел опытность воинскую; между тем некоторые из старших генералов из

гвардейского корпуса выбыли, и места их заступили младшие. Все сии обстоятельства имели то выгодное действие, что ныне уже в гвардейском корпусе взирают на Его Высочество как на старого и опытного командира и имеют к Нему то уважение и ту доверенность, которые необходимы для пользы службы.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 2. Л. 1–17.

¹ Великая французская буржуазная революция 1789–1794 гг.

² Имеются в виду буржуазные революции во Франции (июль 1830 г.), в Бельгии и в Испании (июльские восстания 1834 г.).

³ 27 февраля 1834 г. было утверждено «Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору». Платья, которые имели разрез книзу от талии, открывавший юбку из белой материи, полагались для гофмейстерин малинового цвета, для статс-дам и камер-фрейлин – зеленого, для фрейлин – пунцового. В качестве головного убора замужние дамы должны были иметь «повойник или кокошник», девицы – повязку произвольного цвета с белой вуалью. Наряд получил название «русского платья» (*Л.Е. Шепелев. Чиновный мир России XVIII – н. XX в. СПб. 2001. С. 430–431.*)

⁴ Российский гимн “Боже, Царя храни!” А.Ф. Львова на стихи В.А. Жуковского, заменил прежний, который исполнялся с 1814 г. на музыку английского национального гимна.

⁵ Открытие Александровской колонны, сооруженной по проекту А.А. Монферрана на площади Зимнего дворца, состоялось 30 августа 1834 г. в честь победы в Отечественной войне 1812 г. Монолит из красного гранита был добыт и обработан в Пютерланской каменоломне близ Выборга, погружен на судно и двумя пароходами отбуксирован в Петербург. Колонна высотой 47,5 метра и массой 600 тонн была поднята с помощью системы блоков и 60 кабестанов и без каких-либо креплений установлена на постамент. В подъемных работах, продолжав-

шихся около двух часов, участвовало три тысячи человек. Венчает колонну фигура ангела (скульптор Б.И. Орловский), лицу которого приданы черты Александра I.

⁶ Медокс Роман Михайлович (ок. 1793–1859), сын англичанина М.Е. Медокса (1747–1822), театрального антрепренера. Первую громкую авантюру он осуществил в 1812 г., когда под именем поручика лейб-гвардии Соковнина, адъютанта министра полиции, отправился на Кавказ, чтобы составить ополчение из горских народов для борьбы с Наполеоном. «Он почти успел в своем предприятии, но вскоре настоящее звание его (корнет и адъютант атамана донских казаков Платова) было открыто, и он был препровожден в Петропавловскую крепость». В 1825 году Медокс был послан в Омск рядовым линейного батальона, позже состоял преподавателем в Омском кадетском корпусе, а в 1829 г. оказался учителем дочери иркутского городничего А.Н. Муравьева, судившегося по делу декабристов. Медокс подал донос о том, что в доме Муравьева поддерживают связь с “государственными преступниками”, содержащимися в Петровском заводе, который был подкреплён «шифрованными письмами». Втянув в интригу III отделение и навязавшись в секретные агенты, Медокс в качестве «эmissара» измышленного им «Союза великого дела» отправился в Москву для налаживания конспиративных связей. Постоянно ускользая из-под контроля жандармского офицера, пытавшегося руководить его действиями, Медокс умудрился выгодно жениться и исчез из Москвы. Когда же, промотав приданое, он вернулся

(1834), семья жены передала его в руки прежним «коллегам». Авантюра раскрылась, и Медокс очутился в Шлиссельбургской крепости, откуда был выпущен в 1855 г.

⁷ «Государь настоятельно повелел Комитету министров озаботиться о мерах отращения народных бедствий и обеспечения продовольствия и будущих посевов; разослал своих флигель-адъютантов для надзора за раздачею хлеба и денег наиболее нуждающимся. Снабдив начальников губерний и предводителей дворянства особыми полномочиями, велел открыть повсеместно казенные магазины и сделать значительные закупки хлеба в немецких портах для восполнения недостатка; наконец, предназначил из государственного казначейства для покрытия настоятельных нужд свыше 20 млн. рублей» («Записки А.Х. Бенкендорфа». – Н.К. Шильдер. Император Николай I. ... СПб. 1903. Т. 2. С. 669). В 1834 г. был образован комитет для пересмотра положения «О народном продовольствии». По действовавшему положению 1822 г. в каждой губернии под председательством губернатора существовало временное собрание, решавшее в каждом конкретном случае образовывать ли в данной местности хлебные запасы или денежный капитал. По новой системе 1834 г. во всех губерниях вводились денежные сборы и магазины для того, чтобы местные продовольственные комитеты всегда располагали обоими способами борьбы с голодом. Однако мера эта оказалась недостаточно эффективной, всякий раз при неурожае приходилось принимать экстраординарные меры. «Важная часть эта в беспорядке, – говорилось во всепопданнейшем отчете министра внутренних дел Л.А. Перовского, – всеобщая бедность в урожайные годы причиною тому, что каждый новый неурожай заставлял... всех врасплох».

⁸ А.И. Герцен, привлеченный к следствию как «соприкосновенный к делу праздника», на котором пелись «пасквильные стихи», посвятил этим событиям несколько глав «Былого и дум». На студенческой пирушке

«молодые люди перепились, дурачились, танцевали мазурку и между прочим спели хором известную песню Соколовского:

Русский император
В вечность отошел,
Ему оператор
Брюхо распорол.
Плачет государство,
Плачет весь народ,
Едет к нам на царство
Константин урод.
Но царю вселенной,
Богу высших сил,
Царь благословенный
Грамотку вручил.
Манифест читая,
Сжалился Творец,
Дал нам Николая, –
Сукин сын подлец».

Через несколько дней молодые люди (среди которых, кстати, ни Герцена, ни Огарева не было) собрались снова, приглашенные неким Скаряткою. «Все поехали. Шампанское явилось, и хозяин, покачиваясь, предложил еще раз спеть песню Соколовского. Середь пения отворилась дверь, и взошел Цынский с полицией». (А.И. Герцен. Собр. соч. в 30 тт. Т. 8. М. 1956. С. 203–204). Несмотря на то, что самим следователям было ясно, «хотя поступки эти, по видимому, и заслуживают особенное порицание, но, впрочем, источник оных, кажется, есть не иное что, как нетрезвое людей сих поведение, а не какое-либо преступное намерение» («Голос Минувшего». 1918. № 7–9. С. 80), искали тайное общество. Следов существования общества злоумышленников «при всей строгости и предусмотрительности розыска» обнаружено не было. Однако, согласно приговору, Соколовский, живописец Уткин и офицер Ибаев, обвиненные в оскорблении величества, отбывали в Шлиссельбург «на бессрочное время»; Герцен и Огарев, «в пении пасквильных стихов не участвовавшие, но...зараженные духом времени», были отправлены «в дальние губернии на гражданскую службу и под надзор местного начальства»;

прочие попадали под надзор полиции по месту жительства.

⁹ «Распространившийся в древней столице панический страх, – писал А.Х. Бенкендорф, – скоро привлек в нее нашего неумолимого государя... С его появлением возвратилась к москвичам успокоительная надежда, что пожары прекратятся, и весь город превозносил доброго царя, никогда не забывающего своей первопрестольной столицы в часы испытаний. Со всем тем, на другой же день вечером загорелся в Замоскворечье деревянный дом, окруженный множеством таких же. Государь взял меня с собою, и мы прибыли на пожар почти вместе с пожарными трубами. Он лично принял команду над ними и распорядился, стоя посреди узкого загроможденного двора у самого пламени... Два дня спустя загорелось снова на бульваре близ казарм. Государь прибыл туда с тою же поспешностью, и в несколько минут дом, горевший как костер, был разобран до последнего бревна, и огонь потушен... Напоследок открыли действительно несколько зажигателей. Суд над ними был короток, и их прогнали сквозь строй на месте преступления каждого. Эти наказания успокоили жителей, не сомневавшихся, что виновные были открыты только благодаря высочайшему присутствию. Пожары прекратились, а с этим вместе возвратились сознание безопасности и чувство доверия, выражавшееся в благоговейной благодарности к избавителю города, совершившему в несколько дней то, чего полиция не могла достигнуть целые месяцы» (Н.К. Шильдер. Император Николай I. ... Т. 2. С. 68).

¹⁰ Жалованная Грамота дворянству или «Грамота на права, вольности и преимуществ благородного российского дворянства» – свод дворянских привилегий, оформленный законодательным актом от 21 апреля 1785 г. императрицей Екатериной II. Подтверждалось освобождение дворян от обязательной службы (провозглашенное в 1762 г.),

от уплаты податей и телесных наказаний; подсудность только дворянскому суду. Лишь дворяне имели право владеть крепостными крестьянами и землей, а также недрами своих имений. Они могли заниматься торговлей и устраивать заводы; дома их были свободны от постоя войск; имения не подлежали конфискации. Дворянство получило право на самоуправление, составило «дворянское общество», органом которого являлось дворянское собрание, созывавшееся в губерниях и уездах раз в три года, избиравшее губернских и уездных предводителей дворянства, судебных заседателей и капитан-исправников.

¹¹ Д.В. Дашков.

¹² В.Н. Панин.

¹³ Е.Ф. Канкрин.

¹⁴ В 1834 году горное ведомство получило военную организацию: был образован Корпус горных инженеров, главным начальствующим которого являлся министр финансов.

¹⁵ Одно из старейших отраслевых высших учебных заведений, основанное в 1773 г. как Горное училище; в 1804 преобразовано в Горный кадетский корпус, в 1834 в Институт корпуса горных инженеров, а в 1866 – в Горный институт.

¹⁶ К.В. Чевкин

¹⁷ С.С. Уваров

¹⁸ С.М. Голицын

¹⁹ Сухожанет Иван Онуфриевич (1785–1861), генерал от артиллерии, генерал-адъютант. Участник всех войн России против Наполеона; во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов исполнял должность начальника штаба войск, осаждавших Браилов; в польскую кампанию 1831 г. командовал артиллерией действующей армии. Начальник артиллерии Гвардейского корпуса, первый директор Военной Академии. С сентября 1832 г. – главный директор Пажеского и всех сухопутных корпусов и Дворянского полка. Член Военного Совета.

ОБОЗРЕНИЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ УМОВ И РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ в 1835 году*

О РАСПОЛОЖЕНИИ УМОВ

Одно из прекраснейших свойств русского народа есть, конечно, то беспредельное, безусловное чувство преданности, которым он исполнен к своему Государю. Свойство сие несомненно составляет главнейшую силу нашего государства, и дай Бог, чтоб оно долго еще сохранилось в той степени, в которой существует ныне. Мы сказали, что чувство сие безусловно, и действительно, оно не основано ни на познании Государя, ни на качествах, ни на добродетелях Его. Каков бы ни был Государь, народ Его любит, предан Ему всей душой и телом и всегда готов за Него положить живот свой. Сколько в обширной Российской империи мест, в которых народ и понятия не имеет ни о личности Государя, ни о действиях Его, но в слове Государь заключается для него все великое, все прекрасное, все совершенное. Это есть чувство врожденное, которое благодать Божия даровала русскому народу. Однако же, ежели чувство сие безусловно существует собственно в народе, то не так является оно в средних и высших классах общества, особенно же в столицах; здесь уже понятия о Государе основываются более на действиях Его; здесь их обсуживают и нередко оуждают, и потому в этом кругу представляется источник наблюдений относительно расположения умов к высшему правительству.

Говорят, что английский посол Дургам¹ по приезде своем в Петербург сказал нашему министру иностранных дел²: “Votre Empereur a grandi de deux tetes”³. Он, конечно, разумел это в отношении политическом. Но мы то же можем сказать в отношении понятий о Государе нашей публики; и в этом отношении Государь возвеличился, вырос, так сказать. Следуя со вниманием за различными суждениями, мы можем удостоверить, что и

---

* Перед текстом имеется пометка: «Государь изволил читать 3 января 1836».

** «Ваш император вырос на две головы». (Пер. с фр.)

самый либеральный класс общества признает, что Россия нынешним спокойствием, благоденствием и постепенным возвеличением своим при смутных обстоятельствах в некоторых европейских государствах, где революционный дух столь злобно и иногда столь удачно действует к разрушению всякого устройства, обязана единственно твердости и высоким качествам Государя; и сии люди мыслят, что Государь есть единственная опора своих союзников, единственный оплот, удерживающий дальнейшее распространение смуты и беспорядка в Европе, и страшилище злых революционеров; и сии люди ныне гордятся своим Государем.

Ежели в предшествовавшие годы мы часто имели случай слышать, что упрекали Государя за Его строгость, то ныне понятие сие едва ли не совсем уничтожилось, но уже со всею справедливостью можем сказать, что у многих оно заменилось сознанием, что в настоящие времена строгость и твердость в Государе необходимы и что с иными свойствами едва ли при нынешних обстоятельствах возмог Государь удержать Россию на той степени величия, на которой она стоит. Не можем, однако ж, здесь умолчать, что и в нынешнем году неоднократно доходили до нас сведения о невыгодном впечатлении, произведенном на военных строгими с них взысканиями Государя. Впрочем, частные сии случаи не имеют никакого влияния на общий дух войска, который продолжает быть отличным. Мы в особенности можем сказать сие о войсках гвардейского корпуса, как ближайшего нашему наблюдению. Корпус сей знаменует себя особенною преданностью к Государю.

Таким образом, высшее наблюдение и в нынешнем году более, чем когда-либо, может свидетельствовать, что расположение умов в отношении к Государю есть самое удовлетворительное.

Государыня Императрица равномерно обращает к Себе всеобщее расположение. Семейные Ее добродетели, приветливость, отличная доброта и благотворительность Ее приобрели Ей любовь всех сословий.

О Наследнике Престола³ мало еще говорят. Любуются Его прекрасною, приветливою наружностью, знаменующей добрейшее сердце, но свойства Его мало известны и не составляют предмета суждений публики.

Его Высочество Великого Князя Михаила Павловича любят за Его отлично доброе сердце, однако же, жалуются на Его вспыльчивость, во многих случаях оскорбляющую даже генералов гвардейского корпуса. В военно-учебных заведениях воспитанники любят Его Высочество как самого нежного отца.

Его Светлость Принц Ольденбургский⁴ с каждым днем приобретает себе более и более уважение публики. Отличные его достоинства, соединенные с кротостью нрава и с чрезвычайною скромностью, заслужили ему всеобщее одобрение. В нем предвидят полезного и отличного

помощника Государю в исполнении благодетельных для России намерений Его Величества.

Поездка Государя в нынешнем году в Калиш и потом за границу⁵ породила здесь и в Москве необыкновенное множество различных слухов. Чрез несколько дней по отбытии Государя пришло известие о беспорядках, происходивших в Берлине. Из этого составилось здесь целое возмущение берлинских жителей против короля⁶; говорили, что народ прусский изъявил королю свое неудовольствие о намерении его ехать в Калиш; что будто бы народ решительно противится сей поездке; что по сему случаю король отказался от престола в пользу наследного принца и что последствием сего была отмена предположенных в Калише маневров. Потом разнеслись слухи, что в Царстве Польском открыт заговор⁷; что в Калише злоумышленники покушались на жизнь Государя во время первого Его Величеством смотра войск; что 60 человек заговорщиков схвачены; что Калиш до основания выжжен, и экипажи Государя, отправленные в Данциг, на границе польской злоумышленниками остановлены. Невозможно было дойти до источников, из которых слухи сии проистекали, но они могут служить доказательством, сколько понятие публики обращено к возможности и к вероятию подобных событий и как публика наша судит о расположении поляков к Государю. Вообще из всех собранных сведений мы удостоверились, что поездка Государя публикою не была одобрена. Не имея в виду, чтоб поездка сия имела какую-либо особенную важную в отношении государственном цель, полагали вообще, что она предпринята единственно для осмотра одного корпуса войск, говорили о значительных расходах, употребленных по сему случаю как на перевозку гвардейского отряда, так и на все приготовления, сделанные в Калише. По общей молве расходы сии составляли 16 миллионов рублей, некоторые даже простирали их до 40 миллионов рублей. Притом же, отбытие Государя за границу всегда производит в мнении публики неприятное впечатление, к чему присоединилась еще и мысль об опасностях, которым Государь по общему разумению себя подвергал. Пожалование Андреевского ордена⁸ графу Остерману-Толстому⁹ и генералу Ермолову по случаю заложения монумента в память Кульмского сражения¹⁰ весьма понравилось здешней публике; более сего еще понравилась неожиданная поездка Государя в Вену для посещения вдовствующей императрицы австрийской¹¹. Поездка сия в продолжении нескольких дней составляла общий предмет разговора здешней публики. Все любовались внезапности, ловкости, так сказать, с которыми Государь исполнил намерение свое приятным образом изумить императрицу Шарлотту-Августу; молодец, говорили, Государь; одним словом, любовались Государем. Но впечатление, произведенное речью, произнесенною Государем представшей пред Его Величеством депутации в Варшаве, было неописанно. И здесь, и в Москве и везде, куда только до-

Великий князь Михаил Павлович

стигла сия речь, она была принята с восторгом. Все ею восхищались, находили в ней изображение именно тех достоинств, которые столь нравятся в Государе: прямоту, твердость и истинно русскую душу. Можно безошибочно сказать, что речь сия еще более ныне связала, сроднила Государя с его подданными, к ней мы со всею справедливостью можем приложить слова, сказанные лордом Дургамом: «Votre Empereur a grandi de deux tetes». Речь к полякам действительно возвеличила Государя в общем мнении русских. Нисколько не удивительно, что речь сия ни англичанам, ни французам не понравилась. Исказивши ее и дав ей превратный смысл, они наполнили журналы свои порицаниями, даже грубыми ругательствами. Одна из сих статей, быв по Высочайшему повелению перепечатана в нашей официальной газете, чрезвычайно всех изумила. Наша публика не привыкла читать подобные статьи, но русский здравый смысл тотчас дал надлежащую цену этому произведению бессильной злобы. Что же, говорили, заключает в себе речь Государя? Его Величество объявляет полякам, что не может верить изъяслениям их преданности; убеждает их не предаваться мечтам несбыточным; предупреждает, что он принял меры к воспрепятствованию им вновь бунтовать; советует им пребывать мирными гражданами и в таком случае обещает им защиту и покровительство могущественной России. Что же в этом худого? Достойного

порицания? И из этой-то речи, в которой является лишь твердое намерение Государя сохранить должный порядок в подвластном ему государстве и в то же время желание сделать подданных своих счастливыми, английские и французские журналы вывели какую-то драму нынешнего времени, со всеми принадлежащими к ней ужасами: варварства, жестокости, тиранства и разрушения.

Сии бредни иностранных журналистов произвели в нашей публике различные впечатления, смотря по свойству каждого; иные, и это, сколько мы заметили, составляло самое большее число, просто смеялись над бессмыслицею и даже не верили, чтоб столь нелепое искажение и толкование Государевой речи было написано журналистами по искреннему их разумению, а рассуждали, что революционная шайка в ненависти своей к нашему Государю рада была придаться к этому случаю, чтоб выпустить свою желчь, сама, впрочем, не веря тому, что пишет. Другие сердились, что с такою неслыханною для них дерзостью осмеливаются порицать Государя, и рассуждали, что это есть обида для всей России, а потому заключали, что таковое действие не может оставаться без отмщения и что последствием сего будет война с Францией. Суждения сии особенно обнаружались в Москве. Наконец некоторые были опечалены таковым оскорблением, Государю нанесенным; таковым превратным толкованием прямодушных чувств Его. Соединяя сии разнородные впечатления, нельзя не заключить, что источником всех их были преданность и любовь к Государю; чувства сии в настоящем случае обнаружались во всей их силе. Многие намеревались и готовились писать опровержения, но правительство остановило сей порыв, воспретив что-либо по сему предмету печатать по-русски.

Сим изложением мы на сей год ограничим замечания наши относительно расположения умов к Государю, заключив тем, что, сколь ни удовлетворительно оно было в предшествовавших годах, но ныне расположение на пользу Государя соделалось более общим, и при всей взыскательности публики, которая в настоящие времена с особенною строгостью взвешивает и обсуживает всякое действие Государя, число порицателей приметно уменьшается, и ежели таковые решаются иногда излагать свои замечания, то скоро умолкают, ибо не встречают себе единомыслия.

О жителях польских губерний мы можем только повторить то, что сказали в обозрении за 1834 год и что, вероятно, долго еще будем повторять, они не расположены, не привержены к правительству; но, однако же, умы их постепенно успокаиваются, и в этом отношении есть и в нынешнем году улучшение; четырехлетний опыт показал им, что ни политические интриги, ни преступные замыслы не могут иметь успеха. Тяжкие для них последствия польского возмущения и вторжения в 1833 году эмисаров

многих образумили, других утрашили, и если они в душе своей и сохраняют чувства враждебные, то обнаруживать их не осмеливаются.

Собранные нами ближайшие сведения относительно литовских губерний показывают: что Пинский уезд в Минской губернии более всех содержит в себе так называемых патриотов, и там расположение умов неудовлетворительно. Уезд сей, изобилующий лесами и болотами, отдаленный от губернского города, представляет возможность недоброжелательствующим уклоняться от внимания властей; обстоятельства сии были причиною, что там наивящие* происходили беспорядки в 1831 году, и потому представляется весьма полезным, если б назначен был туда особый надежный штаб-офицер для надзора. В Гродненской губернии расположение умов до сего времени весьма неудовлетворительно; причины тому: во-первых, сопредельность сей губернии с Царством Польским; во-вторых, непрерывные сношения ее с Вильною и, наконец, несколько жесткое управление бывшего губернатора Муравьева¹², которое многих против правительства восстановило.

В Виленской губернии вообще расположение умов лучше, чем в Минской и Гродненской, кроме, однако же, Самоштии и самого города Вильны, который и ныне, невзирая на бдительность начальства, продолжает быть сборищем патриотов и людей праздных.

Не подвержено никакому сомнению, что жители польских губерний не прекратили тайных сообщений своих с родственниками и друзьями, за границу удалившимися, но сообщения сии производятся с крайнею осторожностью, весьма редко письменно, а более изустно, посредством лиц, под разными предлогами за границу едуших.

С совершенною почти достоверностью можно сказать, что ныне не существует между жителями польских губерний никаких тайных политических обществ, но являются отдельные агенты заграничных выходцев, которые собирают сведения о расположении жителей, распускают слухи, неблагоприятные для правительства, и тому подобное. Агенты сии действуют с крайнею осторожностью и избегают всяких письменных сношений, так что, сколько ни убеждены мы в существовании таковых агентов, но обнаружить их и еще более уличить их представляется почти невозможным.

Все вышеизложенное ведет нас к заключению, что правительство не имеет ни малейшего повода опасаться какого-либо неприязненного движения в литовских губерниях, доколе не будем иметь внешней войны, но в сем, последнем, случае нельзя ручаться, чтобы губернии сии пребыли спокойными, ибо жители оных имеют все расположение к восстанию,

* Так в тексте.

удерживаясь в должном повиновении лишь одною невозможностью что-либо предпринять.

В этом отношении губернии Киевская, Волынская и Подольская более надежны. Хотя и в них помещики и вообще дворянство далеко не преданы правительству, но здесь едва ли представляется им возможность и при самых затруднительных для России обстоятельствах что-либо предпринять. Здесь крестьяне большей частью состоят в греко-российском исповедании и нисколько не разделяют расположения своих помещиков.

В Белорусских губерниях дух неудовольствия против правительства поддерживается продолжающимися распоряжениями к обращению унии в православие. Распоряжения сии, как видно из получаемых сведений, не сопровождаются там всегда должным благоразумием и надлежащей умеренностью и дают повод католическому духовенству питать в жителях чувства неприязненные.

По сведениям из Царства Польского можно заключить, что и там умы продолжают постепенно успокаиваться, но с тем вместе видно, что поляки по легкомыслию своему не перестают обращаться к мечтам при всяком происшествии в Европе. Они из каждого маловажного даже обстоятельства выводят всеобщую войну, которая, в понятиях их, должна иметь последствием восстановление независимости Польши.

Речь, произнесенная Государем в Варшаве, имела на поляков сильное и благодетельное действие. Она привела их в крайнее уныние, но в то же время положила конец многим мечтам их. Впрочем, она не возбудила в них ни злобы, ни негодования. Они находили, что слова, произнесенные Государем, строги, но вместе с тем признавали, что слова сии содержат в себе самую истину, и многие из них уверились, что от них ныне зависит поведением своим заслужить милостивое обращение к себе Государя.

В нынешнем году необыкновенно много поступило от разных лиц вызовов открыть правительству важные тайны о преступных против Государя замыслах. По принятому правилу ни один из таковых вызовов не был оставлен без внимания, хотя большая часть из них по первому взгляду представлялись незаслуживающими уважения, как сделанные людьми, содержащимися за преступления в тюрьме или уже наказанными и предназначенными к ссылке. По всем таковым объявлениям были отобраны подробные от извечников показания и произведены нужные изыскания. Но ничего важного не обнаружено. Некоторые из сих изветов, из польских губерний и из-за границы сделанные, подтвердили лишь известные уже правительству обстоятельства: что пребывающие во Франции и Англии поляки продолжают свои злобные против правительства козни и что тайные сношения их с Польшею и поныне существуют. Что же касается до того, будто преступные замыслы имеют соучастников и в России, как не-

которые вызывались сие обнаружить, то таковые изветы все без исключения оказались не имеющими ни малейшего основания.

Еще в прошлом 1834 году было получено сведение о явившемся в Сибири слухе, будто бы блаженной памяти Цесаревич Константин Павлович жив и приглашает народ к возведению его на принадлежащий ему российский престол. Источник такового слуха был тогда изыскан, и оказалось, что он произошел от какого-то пьяного бродяги; затем принятыми местным начальством мерами прекращено дальнейшее там распространение сей нелепости. В нынешнем году подобные слухи появились в Москве и, главнейше, в войсках 5 корпуса. По собранным под рукою высшим наблюдением сведениям, есть подозрение, что слух сей распускается находящимися в означенном корпусе поляками. До сих пор не заметно, чтоб таковой слух произвел особенное впечатление, и так как на обстоятельство сие обращено ныне бдительное внимание правительства, то можно со всей вероятностью полагать, что нелепые толки сии в скором времени прекратятся.

Из всех обнародованных в нынешнем году государственных постановлений более всех обратило на себя внимание вышедшее в недавнем времени Положение о гражданских чинах и должностях¹³. Впечатление, произведенное сим новым узаконением на всех служащих, до коих оно касается, весьма невыгодно; и вообще никто его не одобряет.

У нас служащие по гражданской части могут быть разделены на два разряда: первый составлен из людей богатых, детей знатных родителей, мало трудящихся и достигающих чинов посредством покровительства. Другой составляется из чиновников бедных, трудолюбивых, способных. Сии последние, занимая исключительно должности и получая по местам своим надлежащее содержание, достигают трудами своими и высших чинов, и высших должностей и службою приобретают себе хлеб насущный. Таким образом, при существовавшем донныне порядке не было между сими двумя разрядами никакого столкновения, один другому нисколько не мешал, и оба шли своей дорогой. Новое Положение преграждает ныне возможность достигать чинов без исполнения должностей. Последствием сего неминуемо будет то, что и богатые и знатные обратятся к получению должностей, которых конечно будут достигать преимущественно пред бедными, хотя и более способными чиновниками. А сии последние хотя и будут продолжать трудиться, хотя по существу вся тяжесть службы и будет на них лежать, но занятие высших должностей и сопряженных с ними выгод не будет уже их уделом или, по крайней мере, будет гораздо реже. Вот последствия, которые предвидятся от нового Положения. Вместе с тем оно уже и ныне имеет то действие, что многие чиновники, занимающие должности несоответственные по Положению чинам их, должны мест своих лишиться, а начальство

чрез то лишается чиновников, ему полезных ежели и не по особенной способности сих чиновников, то уже по долговременному их опыту. Вот общее почти всех заключение о новом Положении о чинах.

О НЕКОТОРЫХ ЧАСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Министерство внутренних дел

Сведения, полученные о сей отрасли государственного управления, и общие отзывы представляют его в весьма невыгодном положении. Нет единства, нет общих распоряжений, нет никакой энергии в действиях министерства. Губернаторы управляют, как умеют, и многие из них жалуются, что не имеют для действий своих надлежащего руководства и что в нужных случаях лишены они всякого содействия со стороны министерства к исполнению предполагаемых ими полезных мер. С другой стороны, не заметно, чтобы министр внутренних дел¹⁴ обращал должное внимание на гражданских губернаторов. Предмет сей, хотя бы и долженствовал быть для него главнейшим, не много, однако, кажется, его озабочивает. Мы приведем в пример Вологодскую губернию. Странно и невероятно может быть покажется, ежели мы скажем, что тамошний губернатор¹⁵ горький пьяница; министру это известно, и за всем тем он его терпит.

Земская полиция во многих губерниях не только ничтожна, но вредна; она не только не прекращает злоупотреблений, но неосновательными и незаконными действиями своими нередко порождает их. Есть случаи, что неповиновение крестьян помещикам в некоторых местах возникало единственно от бессмысленных распоряжений земской полиции, которыми крестьяне приводились в заблуждение. Разительным примером такого иногда вредного действия земской полиции может служить бывшее в нынешнем году значительное возмущение между казенными крестьянами Пермской губернии. Начало оно хотя и было произведено посторонним обстоятельством, но распространение беспорядков явно произошло от злоупотребления земской полиции, которая именно желала из видов корысти дать делу сему больший объем. Истина нами приводимого ясно обнаружена произведенным исследованием.

Министерство юстиции

Со времени управления нынешнего министра юстиции¹⁶ ход дел в Правительствующем Сенате по общему отзыву приметно улучшился. Но в средних и нижних судебных местах не заметно улучшения. Лихоимство не прекращается и, ограждаясь формами закона, укрывается от должного наказания. При существовании нашего законоположения, подвергающего лихоидателя одинаковому наказанию с лихоимцем, нередко случается, что

Цесаревич отражает нападение чеченцев, во время своего путешествия по Кавказу

давший деньги для получения себе надлежащего удовлетворения подвергается наказанию, тогда как взявший или, лучше сказать, исторгнувший оные остается свободным от всякого взыскания за недостатком улики. До сведения нашего доходило неоднократно, что таким образом бедные крестьяне подвергались тягчайшему наказанию, когда приносили жалобы, что с них взяты были деньги. Вот один разительный пример тому, как обсуживаются иногда дела о лихоимстве. Бывший в Новгороде штаб-офицер корпуса жандармов Кованько, обнаружив некоторое злоупотребление винного откупщика, представил о том губернскому начальству. Началось следствие. Откупщик, желая остановить дальнейшее действие по сему делу Кованьки, принес ему 2000 р. Кованько в то же время представил деньги сии местному начальству. Дело о сем подкупе было рассматриваемо в губернском правлении, которое определило, за неимением достаточных доказательств в даче Кованьке денег, откупщика от всякого взыскания освободить; деньги же отдать в пользу Приказа Общественного Призрения¹⁷

Министерство финансов

Министр финансов¹⁸ продолжает пользоваться самым выгодным о нем мнением. Он обращает тщательное внимание на все части вверенного

ему управления, хорошо знает всех вице-губернаторов, умеет ценить их достоинства, не будучи, впрочем, ослеплен насчет их недостатков. С крайней разборчивостью их определяет и ежели иногда в выборе ошибается, то всегда готов ошибку свою исправить, коль скоро в ней удостоверится. Мы не можем, однако же, прейти молчанием одну важную отрасль его управления, которая весьма неудовлетворительна.

Казенные крестьяне, сия значительная часть нашего народонаселения, почти повсеместно находятся в самом худом положении. Не имея должного надзора или, лучше сказать, не имея никакого за собою надзора и будучи жертвою своих голов и алчной земской полиции, они год от года беднеют и развращаются. Говорят, что составляется новое о управлении их Постановление¹⁹. Для пользы их и для пользы государства весьма бы желательно было, чтоб Положение сие скорее состоялось и предупредило бы совершенное и конечное расстройство казенных крестьян.

Министерство народного просвещения

Сия важная отрасль государственного управления со времени назначения нынешнего министра²⁰ получила, можно сказать, новую жизнь. В два года необыкновенные сделаны успехи в отношении устройства и размножения учебных заведений. Министр по общим отзывам одарен большою деятельностью и обращает постоянное и бдительное внимание на все части его управления, изыскивая все, что может служить к улучшению их. В сем отношении его признают хорошим помощником Государя в исполнении благодетельных намерений Его Величества к распространению истинного и прочного у нас просвещения.

Министерство военное

Дела в сем министерстве по общему сознанию производятся с примерною быстротою и точностью, что и приписывают неусыпной деятельности как самого военного министра²¹, так и дежурного генерала²². По части сего министерства последовало в нынешнем году важное в видах государственной пользы постановление относительно образа заготовления провианта для войск. Сим постановлением отменяется покупка провианта комиссионерами, а назначено производить ее посредством торгов в комиссиях и казенных палатах, допуская к поставке всех имеющих на то право раздробительно и на небольшие количества, не требуя в обеспечение исправности поставки залогов и подвергая неисправных поставщиков платежу одной лишь неотяготительной неустойки. Не сомневаются, что посредством нового сего распоряжения правительство достигнет ту пользу, которую оно в сем случае имело в виду, а именно: облегчение военного министерства в его действиях, отклонение злоупотреблений комиссио-

неров и, наконец, доставление особых выгод частным капиталистам открытием им нового источника оборотов на огромные суммы.

В заключение сего обозрения присовокупим, что и в нынешнем году высшее наблюдение все доходившие до него сведения о замеченных беспорядках и злоупотреблениях по разным ведомствам государственного управления сообщало тем министерствам, до которых они касались. Сведения сии более или менее были гг. министрами принимаемы к своему соображению. В сем отношении должно заметить, что министр финансов в особенности обращает свое внимание на таковые доставляемые ему сведения и всегда оказывает ревностное свое содействие к обнаружению и прекращению указываемых ему по части его управления беспорядков.

Заметно, что в губерниях гражданские губернаторы год от года более постигают пользу, какая и для них проистекает от губернских штаб-офицеров корпуса жандармов, и гораздо менее уже их ныне чуждаются. Многие из них убедились, что жандармские штаб-офицеры наилучшие им помощники в благонамеренных их действиях. Таким образом постепенно достигается столь желательное между властью управительною и частью наблюдательною сближение, которое, доставляя сей последней возможность действовать с большим успехом, представляет ей средства достигнуть ту благодетельную цель, которую правительство имело в виду при учреждении корпуса жандармов.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 2. Л. 57–80об.

¹ Дургам (Дургэм) Джон Джордж (1792–1840), граф, лорд, английский посол в Санкт-Петербурге. Лорд Дургам прибыл в Петербург через Одессу и Константинополь, желая «увериться собственными глазами в отношениях России к Порте и в приготовлениях наших на Черном море, в которых английское министерство все еще доискивалось чего-то неприязненного против Турции. Дургам на деле убедился в противном... Он был поражен всем, дотоле встреченным в России, в особенности же качествами наших высших местных чиновников в сравнении с теми, которым обыкновенно вверяется местное управление в Англии. Все, что ни видел он у нас, говорило в нашу пользу и совершенно уничтожало предубеждение, вывезенное Дургамом с собою из своего отечества; где он ожидал найти произвол и бедность, там ему представи-

лись напротив порядок, безопасность и довольство, и он продолжал свой путь к нашей столице, исполненный чувством удивления к благородному характеру императора Николая и к огромным средствам его державы» (Н.К. Шильдер. Император Николай I ... Т. 2. С. 723).

² К.В. Нессельроде

³ Цесаревич Александр Николаевич

⁴ Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Начал службу в 1830 году в Преображенском полку. Друг наследника-цесаревича Александра Николаевича. Сенатор (1834), член Государственного совета (1836), президент Вольного Экономического общества (1841–1859); председатель вновь учрежденного Совета женских учебных заведений (с 1845 г.). В 1860 году назначен главноуправляющим IV отделения Собственной

Его Императорского Величества канцелярии (учреждений Ведомства императрицы Марии). Его деятельность на этом посту и значительные личные денежные пожертвования способствовали развитию женского образования и богоугодных заведений. В 1889 году на Литейном проспекте в Петербурге ему был воздвигнут памятник с надписью: «Просвещенному благотворителю».

⁵ Вслед за кончиной Франца I Австрийского и вступлением на престол Фердинанда I последовали встречи трех монархов в Теплице и объединенные маневры русских и прусских войск в Калише, приуроченные к годовщине Кульмского сражения. В октябре 1835 г. в Праге состоялась встреча Николая I и Фердинанда I. Результатом этих встреч была договоренность по вопросу о вольном городе Кракове, который превратился в центр польского национального движения. Было решено включить город в австрийскую таможенную систему и временно занять его союзными войсками (окончательное присоединение этого важнейшего стратегического пункта, прикрывающего так называемый «Богемский коридор» между Карпатами и Татрами, к Австрии произошло 15 апреля 1846 г.). Кроме того, покушение на французского короля Луи Филиппа, по словам А.Х. Бенкендорфа, стало «новым призывом для всех правительств вооружиться против гнусного скопища, поклявшегося ниспровергнуть троны и разрушить общественный порядок. Теперь было необходимо, чем когда-либо, чтобы северные кабинеты гласно заявили свету единство начал, связывавших их союз... Решен был новый съезд трех монархов, но на этот раз долженствовавший сопровождаться всем блеском военных торжеств, достойным воспоминаний совокупных побед 1813 и 1814 гг.» (Н.К. Шильдер. Император Николай I. ... Т. 2. С. 701). В Калише был освящен памятник союзу европейских монархов. На четырех гранях чугунного обелиска имелись надписи: 1) «Всемогущий! благослови союз и дружбу России с Пруссией для мира и благоденствия обеих держав, к страху их общих врагов.» 2) «24 августа 1813 г. Госу-

дарь Император Всероссийский Александр I заключил союз в Калише с Фридрихом Вильгельмом III Королем Прусским для освобождения Европы». 3) «31 августа 1835 г. Соединились вновь Российские и Прусские ратники в Калише после 20-летнего мира, утвержденного их победами, в присутствии Николая I Императора Всероссийского и Фридриха Вильгельма III Короля Прусского». 4) «Верному Другу и Союзнику Императоров Российских Александра I и Николая I Фридриху Вильгельму III Королю Прусскому».

⁶ Фридрих-Вильгельм III.

⁷ Слухи, вероятно, были вызваны тем, что, как писал А.Х. Бенкендорф: «В Торне незадолго до нашего проезда загорелся большой мост, и мы, проезжая по нем, видели еще сторожевых его солдат. Зажигатели остались неоткрытыми; в этой злонамеренной попытке подозревали, может быть, не без основания поляков, думавших воспользоваться беспорядком для какого-нибудь покушения против особы государя. На границе Царства Польского он отпустил приготовленный для него конвой, и мы проехали до Калиша краем, еще кипевшим горькою ненавистью к России, совершенно одни.» (Там же Т. 2. С. 703).

⁸ Орден Андрея Первозванного – высшая награда Российской империи. Был учрежден Петром I в 1698 г. Знак ордена – изображение Святого Андрея, распятого на синем косом кресте, на тыльной стороне которого помещен двуглавый орел, – носился либо на шее на цепи ювелирной работы, либо у бедра с левой стороны на широкой голубой муаровой ленте, перекинутой через правое плечо. Девиз ордена: «За веру и верность».

⁹ Остерман-Толстой Александр Иванович (1770–1857), граф (1796), генерал от инфантерии (1817), генерал-адъютант. Участник Русско-турецкой войны (1787–1791); войны с Наполеоном (1805–1807); Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. В сражении при Кульме потерял левую руку; награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. Шеф Павловского полка, командир Гре-

надерского корпуса (1816). С 1817 г. – в отставке; долгое время проживал за границей, где и скончался.

¹⁰ 17–18 (29–30) августа 1813 г. при Кульме произошло сражение между армией союзников (Россия, Пруссия, Австрия) и французским корпусом генерала Д. Вандама. Союзную армию, отступавшую через Рудные горы после неудачной битвы под Дрезденом, прикрывал отряд генерала А.И. Остермана-Толстого, которому удалось остановить наступление превосходивших сил противника. Подошедшие ночью 18 августа части основных сил во главе с генералом М.И. Барклаем-де-Толи разгромили изолированный корпус генерала Вандама, что явилось переломом кампании 1813 г., вынудив Наполеона начать отход к Лейпцигу. Торжества по случаю закладки в Теплицкой долине монумента в память сражения при Кульме состоялись 17 сентября 1835 г. «На месте, где предназначалось, воздвигнуть памятник, поставили модель его в настоящих размерах, а вокруг собрали все находившиеся в окрестностях войска. ...Явились вместе священники римско-католический, лютеранский и один православный, а также выписанные из Петербурга дворцовые гренадеры из числа сражавшихся и раненых в Кульмском бое. В назначенный час приехали и разместились в красивой беседке все три монарха, обе императрицы и все принцы и принцессы. Совершена была панихида по положившим свой живот в этой достопамятной битве... Церемония закончилась закладкой фундамента для памятника» (*Там же*. Т. 2. С. 713) Сам же памятник – чугунный обелиск, который венчает статуя музы истории Клио, а на гранях помещены имена павших воинов, – был открыт 30 августа 1838 г.

¹¹ Каролина (Шарлота) Августа Баварская (1792–1873), четвертая жена австрийского императора Франца I, скончавшегося в 1835 году.

¹² Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866), граф; участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814). С 1828 г. – моголиевский гражданский губернатор, инициатор введения в управление и судопроизводство края русского языка. Губернатор в Гродно (1831); военный губернатор в Минске (1832). Сенатор (1842), член Государственного совета (1850), министр государственных имуществ (1857–1861). Генерал-губернатор шести северо-западных губерний с чрезвычайными полномочиями (1863–1865).

¹³ Имеется в виду «Расписание должностей гражданской службы по классам от XIV до V включительно», которое позволяло более последовательно реализовать один из основных принципов организации государственной службы: примерное соответствие класса должности классу чина служащего.

¹⁴ Д.Н. Блудов.

¹⁵ Вологодским губернатором с 1834 по 1836 г. был Степан Иванович Кузмин.

¹⁶ Д.В. Дашков.

¹⁷ Приказ Общественного Призрения включал губернские органы, созданные по административной реформе 1775 г. Возглавлялись губернаторами. Ведали местными школами, больницами, богадельнями, некоторыми тюремными учреждениями. Располагали средствами на благотворительные цели, получаемыми как от правительства, так и от частных лиц. Ликвидированы в 60–70-е гг. XIX века.

¹⁸ Е.Ф. Канкрин.

¹⁹ «Учреждение об управлении государственными крестьянами в губерниях» было утверждено в 1838 г. В 1835 г. был создан Секретный комитет по крестьянскому делу.

²⁰ С.С. Уваров.

²¹ А.И. Чернышев.

²² П.А. Клейнмихель.

ОБОЗРЕНИЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ УМОВ И РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ в 1836 году*

О РАСПОЛОЖЕНИИ УМОВ

Приступая к изложению замечаний высшего наблюдения за 1836 год, мы обратимся общим взглядом на протекшее пятилетие: 1831 год был тяжелою, можно сказать – несчастною для России эпохою. Возмущение в Царстве Польском и Западных губерниях, холера в столице и волнение в ее жителях; наконец, бунт в военных поселениях и кровавые его последствия. Среди сих бедствий Государь являлся всегда твердым, непоколебимым; качества сии вполне тогда были оценяемы; все видели и разумели, что Его единственно присутствие сильно было останавливать дальнейшее развитие беспорядков, но не менее того залегла у многих на сердце грустная мысль, что царствованию Его не предназначено быть счастливым. Приводили себе на память все события, совершившиеся со дня восшествия Его на престол: день 14 декабря 1825 года, две войны, хотя и со славою оконченные, но дорого стоившие России¹, появление болезни, дотоле в Отечестве нашем небывалой, наконец, чуму и бунт в Севастополе. Никто, конечно, не думал винить Государя. Ему отдавали полную справедливость, но, присоединяя сии события Его царствования к происшествиям 1831 года, в который все бедствия в одно время разразились, так сказать, на Россию, рождалось невольно сомнение, что Бог не благословляет царствования Государя. Миновал, наконец, 1831 год, и с ним прекратились война, болезни и беспорядки. Год сей был, так сказать, годом кризиса, переворота для России. С того времени Россия пребывает спокойною внутри ее и в мире со всеми державами, Россия процветает. Внутренняя ее промышленность и заграничная торговля с каждым годом распространяются. В 1833 году повсеместный почти неурожай хлеба хотя и остановил на некоторое время развитие народного благосостояния,

---

* Перед текстом помета: «Государь изволил читать 3 января 1837»

но скорое и неимоверно щедрое пособие, оказанное при сем случае правительством, и попечительные его распоряжения в короткое время изгладили следы сего бедствия. В 1835 году не было уже и помину о бывшем неурожае, а в 1836 благодаря Всевышнему явилось необычайное изобилие хлеба. В отношениях своих к иностранным державам Россия в течение последних пяти лет постоянно возвеличивалась и ныне достигла той высоты, на которой никогда еще не стояла. Она составляет сильнейшую опору и крепчайшую надежду своих союзников и является страшлищем и предметом зависти ей недоброжелательствующих. Таковое в течение последних пяти лет развитие внутреннего благосостояния России и политического ее веса совершенно изгладило мысль о несчастном царствовании и заменило скорбное чувство сие общим чувством доверия к Государю как к виновнику настоящего блестящего положения России. Существование Государя признается ныне необходимым условием для удержания Отечества нашего в сем цветущем положении и для приведения к успешному концу всех посеянных Им начал усовершенствований и улучшений. Высшее наблюдение неоднократно уже излагало плоды своих замечаний относительно любви и преданности российского народа к Государю; в сем отношении наблюдения наши и ныне ведут к не менее удовлетворительному заключению, но к сим чувствам должно в настоящее время присовокупить еще чувство всеобщего доверия к Государю, утвердившееся в последние пять лет. И потому остается только просить Бога, да сохранит Его благодать чувства сии навсегда в народе русском как источник благосостояния и силы его. Лучшего народного расположения к Государю поистине и желать не можно.

С какую силою обнаружили чувства сии при постигшем Его Величеством несчастном приключении во время Высочайшего Его путешествия²¹ Первое полученное о сем здесь известие, тотчас обнародованное, произвело всеобщий испуг. Все пришли в крайнее недоумение; худо верили напечатанному известию; подозревали, не скрывают ли истину от всеобщего сведения. Страшились большего несчастья, страшились лишиться Государя, и всякий взирал на возможность сего события, как на истинное для всех бедствие. Если б можно было еще сомневаться в общем всех сословий и всякого понятия людей разумении о необходимости сохранения дней Государя для общего блага России и, в частности, для блага каждого, то день получения известия о приключении с Его Величеством уже совершенно показал бы неосновательность подобного сомнения. Последовавшие затем известия мало-помалу всех успокоили, и тогда уже начались рассуждения, и толки, и нарекания. Для чего, говорили, Государь так мало Себя бережет; для чего так быстро ездит; какая надобность Ему ездить по ночам и тем подвергать Себя опасности и

в то же время лишать целые населения счастья узреть своего Царя, счастья, столь жадно ими ожидаемого. Государь, говорили другие, и перед Богом имеет святую обязанность Себя беречь, Ему вручено благоденствие 50 миллионов народа, тесно связанное с Его существованием; для Него не дорожить Собою значит не дорожить участью своих подданных. Публика, успокоившись насчет драгоценных дней Государя, со строгостью, с укоризнами, можно сказать, обсуживала несчастное с Его Величеством приключение. Очевидно было, что происшествие сие исключительно занимало помышления каждого; оно было предметом всех разговоров; оно у всех лежало на сердце, именно на сердце, ибо и самые строгие суждения были излагаемы с чувством любви, с чувством искреннего участия, с чувством, с каковым бы дети могли говорить о любимом ими отце, которого существование необходимо для их счастья. Усердно благодарили Бога за сохранение жизни Государя и молили о скорейшем Его выздоровлении. Верноподданнические чувства сии разлились по всему пространству государства, как свидетельствуют о том со всех мест полученные сведения, но в здешней столице, конечно, с большею силою, чем где-либо. Здесь мы ближе к Государю, ближе ко всем Его действиям; здешняя публика имеет более возможности дать настоящую цену Его достоинству и понимать необходимость Его существования для блага общего. Ежели во всей России были встревожены приключением Государя по врожденному в русских чувству безусловной преданности и любви к Царю, то здесь к чувству сему присоединялось еще и другое чувство, более обдуманное, присоединялось понятие, которое с продолжением дней нынешнего Государя тесно соединяет счастье, спокойствие и процветание России. Никогда не представлялось лучшего случая убедиться, сколь малозначащи мелочные критические замечания, делаемые иногда о Государе, о Его распоряжениях, об издаваемых Им постановлениях, сколь ничтожны они даже и в понятиях тех, которыми излагаются, в сравнении с понятиями их о личных достоинствах Государя. В это время, когда общее всех помышление было обращено к Его Величеству, когда все говорили об одном только предмете, никому и в голову не приходило говорить о Его недостатках. Проходили все царствование Его и с восхищением приводили себе на память случаи, в которых Он столь разительно и примерно обнаружил Свою твердость, неустрашимость, силу характера, самоотвержение для пользы Своего народа; приводили Его семейные добродетели, беспримерные в истории наших Государей; с самодовольствием говорили об уважении, которое приобрел Он Себе и государству от иностранных держав, и все сие заключали благодарением к Богу, что сохранил нам сего Государя, и в одном лишь обвиняли: для чего Себя не бережет. Нетерпеливо ждали возвращения Государя в столицу; жители здешние жаждали собственными глазами удостовериться в Его выздоров-

Император Николай I и герцог Лейхтенбергский

влении. Быстрый переезд Его Величества из Москвы порадовал здешнюю публику; она заключила из сего, что здоровье Его совершенно восстановлено, но, с другой стороны, однако же, сожалели, что Государь и после бывшего с ним приключения продолжает Себя не беречь. Во время пребывания Его Величества в Царском Селе носились здесь слухи о Его нездоровье, но слухи сии мало тревожили. Болезнь Государя не почитали важною и полагали ее обыкновенным последствием перелома. Наконец Государь прибыл в столицу и на другой день посетил театр. Здесь публика в первый раз Его видела. Приятно и трогательно было быть свидетелем сего первого свидания. По появлении Его Величества все встали, но пребывали в безмолвии. Видно было желание публики изъявить свою радость, обнаружить свои чувства, но ей показалось, что Государь уклонился от приветствия, и никто не смел нарушить тишины. Когда же в конце представления русский инвалид запел куплеты о здравии Царя, тогда мгновенно все зрители обратились к Государю и изъявили чувства свои громким и продолжительным рукоплесканием. Восторг был неописанный. На всех лицах являлось чувство умиления, видна была радость всех, что могли высказать то, что лежало у них на сердце.

Сведения о духе жителей Польских губерний убеждают, что со времени бывшего там смятения чувства поляков к правительству едва ли улучшились. Мы изложим здесь примечания по сему предмету начальника тамошнего округа корпуса жандармов генерал-майора Дребуша³.

Назначение в 1830 году временных военных губернаторов было, пишет он, тогда спасительно; решительные действия их, совершенно противоположные вялому управлению прежних начальников, считавших губернии своим уделом, заставили многих образумиться; врожденная трусость народного характера весьма охладила порывы непокорности, но убежденные, что не имеют совершенно справедливой защиты, а зависят от произвола главного начальника, они, не переставая питать чувства неприязни, поддерживаемого в них католическим духовенством, злейшим врагом России, прибегли к подлостям и низостям всякого рода. В краю сем опасно в особенности влияние женщин; они приобрели себе сильных защитников в делах частных, приносящих часто большой вред общему. Великодушные и милосердие, руководившие при рассмотрении содеянных ими преступлений, не только не исправили и не поселили в них ни приверженности, ни доверия, но дали им более повода думать, что правительство вынуждено к послаблению. Допущение занимать важные по выборам места людям, бывшим сильно в мятеже замешанным, подтверждает их предположение в том, что они непременно получают всеобщее прощение по примеру 1812 года. Нельзя не сознаться, продолжает генерал Дребуш, что правительство много способствовало прошедшим беспорядкам и ныне единообразным судопроизводством и управлением сего края не обещает ни жителям оно, ни России спокойствия. Со всем правдоподобием заключить можно, что со времени революции, не чувства их, а планы переменились; убежденные, что собственными силами в настоящем положении дела ничего произвести не могут, кажется, в том крае никаких важных покушений ожидать нельзя; но нет сомнения, что они работают внутри государства и что деятельность их обращена на столицы, где они имеют сильные связи; надежда их: воспользоваться внутренним смятением для достижения своей цели.

О замечании генерала Дребуша, что деятельность поляков обращена на столицы, можно сказать, что сие весьма правдоподобно. Здесь есть несколько поляков, которые в сем отношении обращают на себя особенное внимание высшего наблюдения. Есть вероятие, что люди сии суть агенты неблагонамеренной части своих соотечественников. В действиях их ничего нет противозаконного; уловить их в чем-либо, что могло бы дать правительству подвергнуть их взысканию, невозможно; но противозаконие состоит в их образе мыслей, в изъявлении коих они, впрочем, крайне осторожны. Они не составляют особенного между собою общества, но разумеют друг друга, и каждый мыслью про себя действует в одном духе, в ду-

хе поляцизма. Высшее наблюдение тщательно следит все их шаги. Один из таковых, Пршесмыцкий, находившийся здесь при редакции польских узаконений, в нынешнем году выслан отсюда на свою родину, в Волынскую губернию.

В подтверждение того, сколь враждебно расположение жителей польских губерний к правительству и в особенности к российским войскам, изложим здесь сведения, сообщенные одним офицером, следовавшим с 1 бригадой 4 легкой кавалерийской дивизии из Вознесенска в Царство Польское.

Во время прохождения означенной бригады чрез Волынскую губернию никто, начиная от бригадного командира до последнего офицера, не испытал привета; никто даже не имел столь удобной квартиры, какая могла быть доставлена по возможности жителям: в г. Заславле помещик князь Сангушко, имея огромный замок в самом городе, запер оный, и не доверяя даже людям своим, на сие время оставил ключи при себе, чтобы не было возможности никому из русских проникнуть в дом его. При выступлении Вознесенского уланского полка из г. Острога живущий там князь Яблоновский, не довольствуясь тем, что не допустил к себе постоя, при встрече с бригадным адъютантом просил его сказать генералу о сожалении, что не мог принять его у себя в доме, изъявляя сим поручением одну дерзкую наглость свою. В местечке Варковичах, по совершенной невозможности сыскать хотя несколько удобное помещение, была просима только одна комната для квартиры бригадного генерала в доме помещика Млодецкого, но тот, имея огромный дом в два этажа, отвечал, что не только для генерала, но и ни для кого в доме его комнаты нет. На другой день, при вступлении полка, собрав более 40 человек окружающих его и дворовых людей, выставил себя и их пред открытыми окнами, как будто напоказ, в опровержение сделанного им ответа о неимении в доме места; а отведенная квартира генералу была назначена в ветхом, совершенно негодном доме, так что по невозможности занять оную, необходимо было остановиться в дурной и неопрятной корчме. Наконец, чтобы выразить с точностью решительную ненависть и явное презрение, оказываемое жителями Волынской губернии ко всему, что только носит имя или мундир русский, следует присовокупить, что даже дети их в самом нежнейшем возрасте уже считают забавою изъявлять чувства враждебные, питаемые старшими. Так, четырехлетний ребенок безбоязненно с открытым лицом и твердостью выше лет его подбежал к генералу, произнося своим детским голосом ругательство против русских, что, казалось, веселило его.

Конечно, одно лишь время продолжительное может сроднить или, лучше сказать, помирить поляков с русскими, но сблизить их с правительством

есть неоспоримое дело Государевых в том краю наместников. Прозорливый и неукоснительный надзор и твердое, даже строгое, но справедливое и единообразное управление, предупреждая, с одной стороны, исполнение всякого вредного замысла, конечно, составляют вернейшие средства к достижению таковой цели. Но генерал-губернаторы Западных губерний, по замечаниям высшего наблюдения, не всегда руководствуются сими основаниями. Граф Гурьев⁴, например, принял за некоторое правило отстранять от полицейских должностей чиновников, впрочем, им самим одобряемых, единственно за то, что они исповедуют римско-католическую веру. Мера сия, касаясь самой чувствительной струны, религии, имеет вид какого-то гонения, противного, впрочем, духу нашего правительства, всегда славившегося веротерпимостью, и дает повод католическому духовенству поддерживать в жителях враждебные против правительства чувства. В Белорусских губерниях заметно какое-то чрезмерное домогательство обращать униатов в православие. Тамошнее начальство, конечно, думает угодить этим правительству, но что же оно производит? Волнение и беспорядки между крестьянами. Тогда прибегает к силе для приведения их в повиновение и, наконец, с торжеством доносит, что столько-то сот крестьян добровольно приняли православие. Таковых примеров несколько было в нынешнем году. В Литовских губерниях генерал-губернатор добротой своею умел приобрести себе расположение жителей. Мы не имеем сведений, чтоб им допускаемы были какие-либо притеснения, но его, напротив, можно обвинить в некотором послаблении. Будучи пристрастен к женщинам и крайне доступен лести, надлежащий с его стороны надзор не может иметь полной проницательности. Поляки ловко этим пользуются, и влияние их на дела, и в особенности на назначение в том краю чиновников, весьма сильно и вредно для правительства. Скажут, что в тех губерниях все тихо и безмятежно, – справедливо. Поляки только то понимают, что в настоящем положении дел всякое гласное, неприязненное против правительства действие было бы с их стороны безрассудно; но нет сомнения, что они молчно* действуют в видах своей к нам вражды. В чувствах своих к нам они единодушны и, конечно, при первом неблагоприятном для России обстоятельстве крайне затруднят ее положение.

О духе жителей в Царстве Польском высшее наблюдение не имеет положительных сведений, кроме тех, которые доставляются от тамошнего начальства. Из сведений сих можно заключить, что расположение жителей Царства не улучшается, и хотя не открыто ни секретных обществ, ни заговора, но неприязнь и безмолвное противодействие распоряжениям правительства равны почти во всех поляках. Частные сведения, полученные высшим наблюдением относительно управления тамошним краем,

* Так в тексте.

представляют оное в самом неудовлетворительном виде. Кроме медленности, с которою производятся дела, успех каждого дела зависит единственно от того, сколько за него заплачено. О наместнике Царства⁵ отзываются с похвалою; говорят, что его справедливость, беспристрастие и добрые намерения не подлежат никакому сомнению, но что по слабости своего характера и по неведению его гражданского управления, он совершенно вверил себя людям, которые непрерывно доверенность его употребляют во зло. В доказательство сего приводят, что не редки примеры, что по одному и тому же делу его заставляли подписывать два и даже три несогласных между собою решения. Большая часть чиновников, окружающих фельдмаршала, суть уроженцы Белоруссии или Литвы, и потому чиновники сии и по политическим их понятиям весьма неблагонадежны. Из числа многих фактов, сообщенных высшему наблюдению в подкрепление вышеизложенного, мы приведем здесь некоторые:

1. Управляющий канцелярией фельдмаршала по гражданской части Бруевич пользуется полным доверием его светлости. Все дела проходят чрез его руки и составляют для него источник обогащения. Он имеет связь с женою одного переkreщенного еврея, которую помещает в доме графини Потоцкой и дает ей все содержание. К этой женщине обращаются все, имеющие дела в канцелярии фельдмаршала, и дела те чрез ее посредство получают ход сообразно тому, что ей за них заплачено.

2. Начальник квартирной комиссии полковник Игнатьев в короткое время приобрел значительное состояние. Он имеет своими данниками всех богатых домохозяев, которые ему платят за освобождение их от воинского постоя, и за тем вся тяжесть постоя обращена на недостаточных.

3. Капитан Массон и некто Козачковский, употребляемые по части секретной полиции, еще большие несправедливости себе позволяют для приобретения денег. Вот, между прочим, одна из их проделок: взведут на богатого помещика какое-либо политическое преступление, испросят повеление начальства о доставлении его в Варшаву и с сим повелением посылают к нему своего агента. Агент сей принимает на себя роль медиатора* и предлагает помещику уладить дело за известную сумму. Невинно обвиненный находится в необходимости заплатить требуемое от него для избавления себя от больших неприятностей, и тогда доносят начальству, что извет оказался неосновательным. Таким образом исторгли 500 червонцев у помещика Полетило, на сына коего взвели какое-то политическое преступление, о котором он и не помышлял.

4. Генерал Феньш взял на откуп все кабаки в Варшаве. Управление оными поручено им одному еврею, и все кабаки снабжались корчемным вином. Нашелся доносчик, который довел о сем до сведения начальства,

* посредника

но генерал Феньш, по тесной связи своей с Фурманом, освободился от взыскания, и всю вину сложили на управляющего еврея, которого и посадили в тюрьму; но как сей последний представил собственноручные письма генерала Феньша, ясно доказывающие его виновность, то и нельзя было сделать иначе, как оправдать и еврея. Оставался доносчик, который уверен будучи в справедливости своего извета, требовал награды, предоставленной ему по закону. Надобно было и этого заставить молчать, и для сего испросили под каким-то предлогом повеление фельдмаршала о выдаче ему из казны 6000 золотых.

5. Госпожа Вонсовичева, которой имение было взято в секвестр за участие, принятое ею во время возмущения, получила имение то обратно чрез посредство статского советника Старинкевича, которому заплатила за то 20 тысяч золотых.

6. Когда о некоторых подобных злоупотреблениях доходит до сведения фельдмаршала, то он обыкновенно исследование оных поручает генералу Стороженке, но этот человек есть один из главных лихоимцев, и следствия, им производимые, только лишь служат к увеличению зла. Вот один пример, каким образом действует генерал Стороженко: еврей Шпиро из Щучина имел значительную претензию к казне по устройству шоссе. Преследуемый сперва генералом Стороженкою он никак не успевал в своем деле, пока, наконец, по внушению еврея Гурвича, фактора Стороженки, не дал сему последнему 1000 червонцев, и тогда претензия его тотчас была признана.

7. Председатель комиссии финансов Фурман лично участвует во всех почти значительных подрядах и поставках для казны.

Из многих злоупотреблений местного начальства в Царстве Польском, сообщенных высшему наблюдению, мы привели выше сего изложенные, как подтвержденные многими лицами, и потому имеющие большую степень вероятия, хотя, впрочем, они, может быть, и преувеличены несколько. Не подлежит, однако же, сомнению, что окружающие фельдмаршала люди, пользующиеся полною его доверенностью, могут действовать в противозаконных своих видах безбоязненно и смелее, чем в России, где всякое злоупотребление, даже и мелочное, чрез штаб-офицеров корпуса жандармов доходит до сведения высшего правительства, между тем как в Царстве Польском все оканчивается тамошним начальством и далее не достигает.

О СУЖДЕНИЯХ ПО ПОВОДУ ИЗДАНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

Назначенный в нынешнем году повсеместный рекрутский набор в противность изданного за два года пред сим постановления, чтобы наборо-

ры в мирное время производить ежегодно с одной только половины государства, заставил сначала многих думать, что правительство имеет в виду войну, и некоторое время происходили по сему случаю разные толки и догадки. Но когда предположение сие миновалось, тогда много слышали мы жалоб на отяготительность повеленного всеобщего набора. Самое побуждение, приведенное в Манифесте, что набор делается для пополнения большого числа нижних чинов, уволенных в бессрочные отпуска, несколько не казалось удовлетворительным для публики, которая и поныне, как мы уже упомянули в обозрении 1834 года, не признает полезным постановления о бессрочных отпусках.

При строгом внимании, которое обращено ныне на рекрутские наборы, злоупотребления по оным против прежнего до такой степени уменьшились, что весьма даже редко встречаются. В прежние времена легко можно было за некоторую плату приобрести снисхождение приемщиков в отношении меры, лет и здоровья рекрут; в настоящее время таковое снисхождение никак не допускается. В прежние времена приемщики обогащались от рекрутских наборов; ныне имеют они один лишь труд в свой удел. Таковое улучшение сей части в отношении правительственном, конечно, весьма удовлетворительно; но, с другой стороны, тягость рекрутской повинности сделалась от сего еще чувствительнее. Особенно жалуются на прибавление в нынешний набор одного вершка росту рекрут, что крайне затрудняет, наипаче в северных губерниях, где народ вообще малорослее, чем в южной полосе.

Постановление о размежевании земель общего владения всеми благомыслящими помещиками принято как благодеяние, оказанное правительством⁶. При исполнении сего постановления несомненно встретятся великие трудности, но трудности сии, однако же, значительно уменьшатся дарованным трехгодичным сроком, в который предоставлено помещикам самим между собою полюбовно размежеваться. В нынешнем году, как нам известно, уже весьма многие помещики приступили к сему делу, от исполнения которого ожидают весьма важных выгод в отношении сохранения лесов, улучшения хлебопашества и прочности сельского хозяйства.

Приведенное в нынешнем году в действие новое Положение об управлении Донского войска⁷ принято там, сколько известно высшему наблюдению, с особенною благодарностью и вообще признается весьма удовлетворительным. Некоторые, однако же, статьи того Положения возродили замечания о неудобствах их для войсковых обывателей. Излагаем здесь кратко дошедшие нам о том сведения:

1. О добывании соли

Доселе войсковые обыватели за добываемую ими Манычскую соль платили в пользу войска Донского десятый воз оной. Нынешним постановлением определено вместо десятого воза взysкивать денежный акциз по

30 копеек с пуда и акциз сей брать при самых озерах по числу фур, считая каждую фуру в 60 пуд, что и составляет по 18 рублей с фуры. При исполнении правила сего войсковые обыватели, отправляясь из жилищ своих для добывания соли, должны непременно иметь и наличные деньги для заплаты акциза по 18 рублей за каждый воз и таковой величины и исправности самые возы, чтобы оные могли поднять не менее 60 пуд, дабы акциз не обходился дороже 30 копеек с пуда. Доселе и беднейшие обыватели, если только имели пару волов и воз, могущий привезти хотя 30 пуд, могли брать соль, платя десятую часть оной в доход войска, но ныне они лишаются сей выгоды.

2. О рыболовстве

Новым Положением велено, чтоб очки в неводах собственно для Дона были не менее, как в два с половиною вершка, и воспрещено смоление рыболовных снастей как препятствующее свободному ходу рыбы.

Против сего замечают, что снастями, имеющими очки в 2,5 вершка, может ловиться одна лишь крупная рыба, мелкая же будет свободно проходить, между тем как сия последняя составляла главную промышленность жителей низовых станиц Дона и в особенности так называемая рыба тарань, которой до сего времени жители Дона снабжали ежегодно в большом количестве не только все Западные губернии, но даже Царство Польское. Запрещение же смолить рыболовные снасти послужит единственно к возвышению цены на них, ибо снасти чрез смоление предохраняются от порчи в воде. Мысль же, будто бы смоление снастей препятствует свободному ходу рыбы, несправедлива.

3. О наделении чиновников землею

Чиновников войска Донского велено наделить землею по числу душ крестьян, за ними состоящих, в 15-тидесятинной пропорции. Сим постановлением те из мелкопоместных чиновников, кои имеют одну, две и даже пять душ крестьян, неизбежно должны подвергнуться стеснению; ибо получив на означенное малое число крестьян по 15 десятин, с тем вместе обязаны на основании положения выйти из станиц жительства своего на места, впусе лежащие, которые могут иногда достаться им и в весьма дальнем расстоянии. Чрез таковое переселение имеющие недостаточное состояние и выслужившиеся из семейств казачьих чиновники должны неизбежно подвергнуться или совершенному расстройству хозяйства их или, чтоб оставаться в станичном довольствии, сбыть крестьян, состоящих большею частью из одного или двух работников, обеспечивающих пропитание семейств их.

Последовавшее в недавнем времени Высочайшее повеление, коим постановляется в обязанность каждому дворянину непременно начинать

службу в губернских местах⁸, произвело здесь довольно общее впечатление и возбудило много толков. Мысль Государя – обратить образованных людей в губернские места – всеми признается истинно полезною и мудрою, но способ достижения сей цели многим кажется стеснителен и нарушающим некоторым образом дарованное дворянству преимущество служить, где кто пожелает. Иные находят, что мера сия не достигнет желаемой цели, полагая, что многие для избежания сей налагаемой на них обязанности, будут поступать в службу военную и оттуда уже переходить в гражданскую. Впрочем, теперь ожидают окончательного по сему предмету постановления, долженствующего последовать по рассмотрении дела сего гг. министрами.

О НЕКОТОРЫХ ЧАСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Высшее наблюдение неоднократно уже излагало замечания свои относительно мнения публики о министрах: внутренних дел⁹, юстиции¹⁰, финансов¹¹ и народного просвещения¹², и потому мы на сей раз, не имея ничего нового сказать по сему предмету, упомянем только о тех сведениях, которые имеем относительно некоторых частей их управления.

По Министерству внутренних дел

В нынешнем году последовали некоторые назначения гражданских губернаторов, которые вполне оправдывают выбор их в сии должности. Вологодский¹³, человек умный и образованный, обращает самое бдительное внимание на все отрасли управления, вверенной ему губернии. С.Петербургский¹⁴ оказывает в действиях своих особенную деятельность, твердость и настойчивость. Давно уже, говорят, дела в здешнем губернском правлении не производились с тою быстротою и правильностью, как в его управление. Об Олонецком губернаторе¹⁵, хотя и не в давнем времени еще определенном, отзываются весьма выгодно, особенно по сравнению с предместником его¹⁶. По части Приказов Общественного Призрения и подведомственных им заведений заметно постепенное улучшение. Министерство внутренних дел на сию часть своего управления обращает, как кажется, прозорливое внимание, и распоряжения его имеют заметный успех. Что же касается до части собственно полицейской, то сведения о сей отрасли управления весьма неудовлетворительны. Действия земской полиции не только не соответствуют цели ее, они не только слабы до ничтожества, но нередко даже вредны. Много представляется таких случаев, где вместо восстановления порядка она неуместными своими распоряжениями его нарушает. Следствия производятся крайне худо, и жалобы на притеснения повсеместно слышны.

По Министерству юстиции

Соображая все имеющиеся в виду сведения о ходе дел в судебных местах, высшее наблюдение не видит никакого по сей части улучшения. Прибавление окладов жалования не послужило, кажется, к уменьшению лихоимства. Зло сие существует, как и прежде, и продолжает ограждать себя формами закона, за которыми преследование оного едва ли возможно. Таким образом, нельзя и ожидать правильных решений, и дела большею частью оканчиваются в пользу того, кто более может заплатить за успех. В Правительствующем Сенате, по общему отзыву, дела ныне идут против прежнего несравненно лучше. Здесь весьма заметно благотворное влияние непосредственного наблюдения министра юстиции, который, как по строгой справедливости, так и по познаниям его в судебной части, приобрел себе всеобщее доверие.

По Министерству финансов

Мнение публики о действиях сего министерства вообще выгодно. Говорят, что финансы государства находятся в весьма удовлетворительном положении; внешняя торговля наша ежегодно увеличивается в своем объеме, и нет новых налогов. Не все, однако же, отрасли управления министерства финансов заслуживают одобрения: часть лесная находится в крайнем пренебрежении. Хотя и издано много узаконений в ограждение сего государственного богатства, но не менее того казенные леса с неимоверной быстротой уничтожаются. Относительно управления конфискованными в пользу казны именьями, принадлежавшими помещикам, принимавшим участие в мятеже, сведения также весьма неудовлетворительны. Доходы с оных имений расхищаются, и самые именья приводятся в жалкое положение. Мы не будем уже здесь повторять изложенные нами в прошлогоднем обозрении замечания насчет худого управления казенными крестьянами, приходящими год от года в большее расстройство. Предмет сей уже обратил на себя благотворное внимание высшего правительства, и никто не сомневается, что под непосредственным бдительным надзором Государя часть сия в короткое время приведена будет в желаемый вид. Не излишним считаем к сему присовокупить, что избрание генерал-адъютанта Киселева¹⁷ для устройства нового управления казенными крестьянами общим мнением совершенно одобрено.

По Министерству народного просвещения

Министерство сие продолжает действовать с деятельностью, и замечают, что по вниманию, обращенному на училища, они в отношении наружного порядка и надзора за учащимися много улучшились; но учение еще крайне плохо не только в губерниях, но даже и в здешних гимназиях. Не-

достаток в хороших учителях и наставниках весьма ощутителен, и можно со всею справедливостью сказать, что учебное наше просвещение еще в колыбели.

*Комиссия прошений*¹⁸

Место сие, кажется, вовсе не соответствует цели его учреждения, и в общем мнении не пользуется ни должным уважением, ни доверием. Соображая великое множество и каждодневно почти доходящие до высшего наблюдения жалобы на Комиссию прошений, мы можем заключить, что она и по составу своему, и по образу действий ее не удовлетворяет своему предназначению. Статс-секретарь у принятия прошений обще с Комиссией есть единственный законный путь, которым жалобы и просьбы подданных должны достигать Государя. Но в настоящем своем виде Комиссия составляет ни что иное, как судебное место. Она облекла себя формами, вовсе ей не соответственными, и ограждая себя сими формами, сама разрешает подаваемые Его Величеству просьбы; и в чем главнейше заключаются разрешения Комиссии? В том, что она просьбы оставляет без уважения и часто потому только, что не показано место жительства просителя или не означено, кто переписывал прошение. Случается, что подвергший себя за что-либо наказанию, просит Всемилостивейшего помилования: кто может разрешить подобную просьбу, кроме сердца Государева? Но Комиссия объявляет от себя просителю, что просьба его удовлетворена быть не может, так как он понес наказание по судебному приговору; как будто бы просьба его обращена была к лицу Комиссии. Он просил своего Государя и с покорностью, безропотно принял бы решение Его, какое бы оно ни было, но негодует, и по праву, что просьба его не доведена до Высочайшего сведения. Бывают жалобы на высшие правительственные лица, например на министров. Комиссия предоставляет просителю обратиться, куда следует по порядку. Спрашивается, куда же? Таковой образ действия Комиссии удостоверил всех, что она не есть то место, чрез которое просьбы могут доходить до Государя, и потому для достижения сей цели ищут других путей, а статс-секретарь у принятия прошений получил прозвание статс-секретаря при отказах. Насчет действий Комиссии по рассмотрению тяжёбных дел, по жалобам на сенатские решения также отзываются невыгодно, говоря, что заключения ее составляются по мере домогательства или значительности просителя, без особенного внимания к самому существу дела. О статс-секретаре Лонгинове¹⁹ отзываются, как о человеке мало сведущем в делах и еще того менее ими занимающемся.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 2. Л. 161–183.

¹ Речь идет о Русско-иранской (1826–1828) и Русско-турецкой (1828–1829) войнах. После первой из них по Туркманчайскому мирному договору Россия получила Нахичеванское и Эриванское ханства, свободу плавания торговых судов по Каспию и крупную контрибуцию; по Адрианопольскому договору Турция уступала России дельту Дуная, восточное побережье Черного моря и крепость Ахалкалаки на Кавказе.

² А.Х. Бенкендорф вспоминал об этом происшествии следующее: «Мы мчались с ужасающей быстротою, впрочем по хорошей дороге и на славных лошадях. Ночная темнота, застигшая нас по выезде из Пензы, нисколько не умалила скорости нашей езды. Государь и я крепко спали в коляске, как вдруг, в час пополудни 26 августа нас разбудил крик форейтора и кучера; лошади понесли, и почти в ту же минуту коляска опрокинулась с грохотом пушечного выстрела... «Выходите!» – закричал я государю; но так как он не ответил, то я схватил его за воротник шинели и вытащил из коляски... Первые слова его были: «Я чувствую, что у меня переломано плечо; это хорошо; значит Бог вразумляет меня, что не надо делать никаких планов, не испросив Его помощи...» (Н.К. Шильдер. Император Николай I... СПб., 1903, Т. 2, С. 757–758.)

³ Дребуш Александр Федорович (1783–1855), генерал-майор, действительный статский советник, сенатор. Окончил кадетский корпус, служил в Новгородском мушкетерском полку, участник похода в Галицию (1799). Находился при принце Гольштейн-Ольденбургском по особым поручениям (1809). Участник Отечественной войны 1812 г. Обер-прокурор города Твери. В Корпусе жандармов с 1829 г. Назначен минским губернатором (1831), начальник IV округа Корпуса жандармов (1837).

⁴ Гурьев Александр Дмитриевич (1786–1865), граф, сенатор; одесский градоначальник. С 1835 г. был генерал-губернатором Киевским, Подольским и Волынским, затем

– председатель департамента экономии Государственного совета.

⁵ И.Ф. Паскевич

⁶ В конце XVIII – первой половине XIX веков было проведено Генеральное межевание – установление на местности и юридическое оформление границ земельных владений. В 30–50-х г. XIX века при активном участии помещиков осуществлялось размежевание совместных владений, так называемое «полюбовное межевание».

⁷ В 1802 году территория войска Донского была разделена на 7 округов, для казаков устанавливался 30-летний срок службы со своим оружием и двумя конями. Тяжесть службы и обеднение рядового населения края, вынудили правительство в 1818 году создать комиссию по устройству войска Донского, которая выработала новое Положение, введенное в действие в 1836 г.

⁸ Имеется в виду подготовленное в 1835 г. «Расписание должностей гражданской службы по классам от XIV до V включительно». В 1836 г. общее «наблюдение за службой всех гражданских чиновников» было возложено на I отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

⁹ Д.Н. Блудов

¹⁰ Д.В. Дашков

¹¹ Е.Ф. Канкрин

¹² С.С. Уваров

¹³ Бологовский Дмитрий Николаевич (1780–1852), генерал-лейтенант, сенатор (1840); участник Отечественной войны 1812 г. Вологодский гражданский губернатор (1836–1840).

¹⁴ Жемчужников Михаил Николаевич (1788–1865), действительный тайный советник, сенатор; получил образование в 1-м кадетском корпусе. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814). В Корпусе жандармов с 1827 г. костромской (с 1833 г.),

санкт-петербургский гражданский губернатор (1835–1840). Производил ревизию присутственных мест Восточной Сибири (1842), Таганрогского градоначальства (1843), Тульской губернии (1843–1845).

¹⁵ Дашков Андрей Васильевич (1790–1865), участник войн с Наполеоном, Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814). Служил чиновником особых поручений в Министерстве финансов (с 1826 г.), назначен вице-губернатором Рязанской губернии (1830), олонецкий гражданский губернатор (1836–1839), затем обер-прокурор Сената.

¹⁶ Яковлев Александр Николаевич, олонецкий гражданский губернатор (1827–1836).

¹⁷ Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), граф, флигель-адъютант Александра I. Участник Отечественной войны 1812 г., начальник штаба 2-й армии (с 1819 г.). После Русско-турецкой войны (1828–1829) управлял Молдавией и Валахией. С 1835 г. – постоянный член секретных комитетов по крестьянскому вопросу (еще в 1816 году он представил на высочайшее рассмотрение записку о постепенном осво-

бождении крестьян от крепостной зависимости). С 1837 г. – министр государственных имуществ, провел реформу управления государственными крестьянами (1837–1841), русский посол во Франции (1856–1862). В отставке (с 1862 г.).

¹⁸ В 1810 г. для рассмотрения жалоб на высочайшее имя при Государственном совете была образована Комиссия прошений, которая в 1835 г. стала самостоятельным учреждением, состоящим в ведении императора. Помимо жалоб на высшие судебные и административные инстанции в Комиссию поступали прошения о наградах или милостях, представлялись различные проекты. Комиссия была упразднена в 1884 г.

¹⁹ Лонгинов Николай Михайлович (1775–1853), действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета. Служил секретарем императрицы Елизаветы Алексеевны, впоследствии заведовал учреждениями ведомства императрицы Марии Федоровны. В 1826 г. был назначен статс-секретарем по принятию прошений и членом Комиссии прошений Комитета призрения заслуженных гражданских чиновников.

ОБОЗРЕНИЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ УМОВ И НЕКОТОРЫХ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ в 1837 году*

О РАСПОЛОЖЕНИИ УМОВ

Внимательно следя за расположением умов, высшее наблюдение ежегодно имело утешительную обязанность свидетельствовать о чувствах верноподданнической любви и преданности русского народа во всех его сословиях к Государю и всей Императорской Фамилии. И на сей раз высшее наблюдение может лишь повторить неоднократно уже сказанное. Безусловная любовь и неограниченная преданность к Царю принадлежат, так сказать, к природе русского народа, и чувства сии при всяком случае, прямо до лица Государя или до Царственного Его Семейства относящемся, разительно обнаруживаются.

Последовавшее 17 декабря бедствие – истребление пламенем Зимнего дворца¹ – послужило новым доказательством того сердечного участия, которое народ всегда принимает и в радостях и в печалях Венценосцев своих. Вид народа представлял в эту бедственную ночь что-то неизъяснимо великое! Не было слышно того шума, того говора, тех различных толков, которые обыкновенно при пожарах в толпе существуют. Здесь господствовала тишина; жители столицы, со всех концов города сбежавшиеся, стояли вокруг пылающего дворца в безмолвии; они с ужасом и вместе с тем с каким-то благоговением смотрели на это разрушение царственного дома. Им сначала не верилось, чтоб мог сгореть дворец, но когда, наконец, увидели его всего объятго пламенем, тогда изумились этому огромному происшествию; втихомолку изъявляли один другому свой ужас, свое соблезнование, и ведая свойства Государя, пренебрегающего всякою опасностью, сообщали друг другу опасения свои о Нем. Многие плакали; мы были свидетелями, как одна женщина, по-видимому из простого звания, заливалась слезами и громко рыдала. «О чем же ты так

* Перед текстом помета: «Государь изволил читать 12 января 1838».

плачешь», – спросили ее. – «Ах, – отвечала она, – ведь Он Сам, наш Батюшка тут жил!» Войско, поставленное для составления цепи вокруг дворца, с особенным усердием исполняло порученное ему дело: и самые солдаты, не говоря уже об офицерах, не только с обычною им дисциплиною строго держались данных им приказаний, но каждый из них со сметливостью делал свои распоряжения, придерживаясь и самого смысла полученного им приказания. Казалось, что они действуют в собственном своем деле, и каждый из них представлял из себя как бы некоего полицмейстера, и народ охотно им повиновался. Государь Сам изволил быть свидетелем, в каком порядке и с каким рачением действовали нижние чины гвардейского корпуса, употребленные во внутренности дворца для переноски вещей; любопытно было слышать, с какою бережливостью они обращались с каждой даже маловажной вещью. Всякую безделицу, которую знали принадлежностью кого-либо из Императорской Фамилии, несли они как бы некую святыню и клали на назначенное место. Бедственная ночь с 17 на 18 декабря, конечно, не могла не огорчить сильно Государя, но мы можем утвердительно сказать, что горесть сия глубоко и искренно разделялась всеми сословиями жителей северной нашей столицы. Таковое участие несомненно послужит лучшим утешением для Его Величества, доказывающего всеми действиями Своими, сколько Он дорожит любовью Своих подданных.

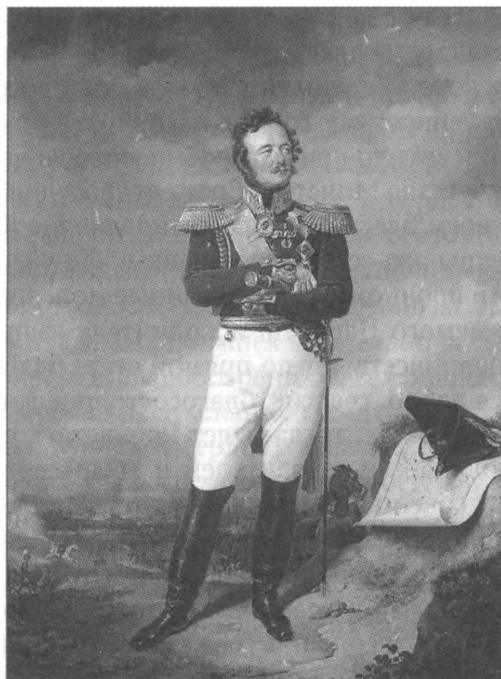
На другой же день купечество здешнее и некоторые дворяне просили принять пожертвования их на постройку дворца; но Государь не соизволил на сие приношение. Какая разительная разность в сем случае представляется с тем, что мы видим во Франции и Англии: там в парламентах представители народа спорят о доходах королевских; у нас, напротив, Царь отклоняет приношения своих подданных, которые бы счастливы были пожертвовать Ему своим достоянием. Когда первые впечатления, произведенные разрушением дворца, несколько охладились; когда узнали, что Государь остался невредим, что Он принял бедствие сие как испытание, Свыше Ему посланное, и с смирением христианина без ропота, без уныния ему покорился; когда услышали, как Он с обычным Ему хладнокровием и благоразумием во все время пожара делал Свои распоряжения, обращая главнейшую попечительность на то, чтобы люди, бывшие в дворце, не подвергали себя излишней опасности и были все спасены; наконец, когда узнали, что Его Величество, постигая, сколь ничтожно в денежном отношении для Царя русского истребление одного дворца, объявил, что немедленно будет приступлено к возведению его вновь, тогда внимание публики обратилось к причинам пожара. Строго укоряли дворцовое начальство, особенно когда дошли сведения, что пожар произошел не мгновенно от чьей-либо неосторожности, но что огонь таился

уже несколько дней и что несколько дней слышался в дворце дым. Вообще даже не могут постигнуть подобного небрежения, тем более что князь Петр Михайлович Волконский² в общем понятии всегда слыл за человека скорее пугливого, нежели беспечного и даже мелочно точного в исполнении своих обязанностей. Не менее того настоящий случай сильно возбуждает против него всю здешнюю публику.

И нынешнее путешествие Государя³ повсюду ознаменовано было восторгом народа зреть своего Царя. Смотр войскам в Вознесенске величием своим, как свидетельствуют очевидцы, превышает всякое описание⁴: с восхищением рассказывали о великолепном выезде Государыни Императрицы, представлявшем зрелище необычайное; с удивлением говорили о красоте и стройности многочисленного собранного там войска и о неутомимой деятельности Государя. Относительно духа сего войска мы приведем точные слова сообщенных высшему наблюдению сведений из источника достоверного: «По всем точнейшим разысканиям и тщательным расспросам я убедился, что в войсках сих существует наилучший дух, который доходит даже до энтузиазма. Приехав в Вознесенск еще прежде Государя, я видел, как сии же самые войска маневрировали и проходили пред графом Виттом⁵; оно было очень хорошо, прекрасно, но мы увидели совсем другое, когда войска сии предстали пред Государя: казалось, то было совсем иное войско; казалось, что и люди, и самые лошади друг пред другом соперничествовали, дабы заслужить одобрение Государя». Излишне бы было далее о сем предмете распространяться; Его Величество Сам изволил быть свидетелем, с какою радостью собранное в Вознесенске войско Его приветствовало, и сердце Его, конечно, умело оценить сию награду единодушную для Царя за труды Его и попечение о благе своих подданных. И самые иностранцы, приглашенные в Вознесенск, были приведены в изумление величием всего того, что там видели. Не всем им, конечно, было сладко зреть на могущество русского Царя, окруженного на границах Царства Своего многочисленным, великолепным и обожающим своего Государя войском. Все иностранные журналы возвестили о Вознесенском смотре; но так как нельзя же было не примешать какой-нибудь глупости, то и изобрели они нелепость о привезенных будто бы в Вознесенск женщинах для забавы иностранцев!

В числе прочих войск, бывших в Вознесенске, находилось там и 24 эскадрона кантонистов⁶, которые стройностью своею, ловкостью и сметливостью обратили на себя всеобщее внимание. Вникая в образование, получаемое сею молодежью, многие сделали замечание, что оно несоответственно будущности их и что образование сие, быв распространено в значительной массе людей простого звания, которые впоследствии войдут в ряды простых солдат, может произвести значительный вред.

Граф Эриванский, Светлейший князь Варшавский Иван Федорович Паскевич

Из числа распоряжений, сделанных графом Виттом по случаю Вознесенского смотра, одно оказалось весьма стеснительным. Оно состояло в том, что на генералов и полковых командиров было возложено снабжать всем нужным посетителей, прибывших в Вознесенск: они обязаны были доставлять им продовольствие, экипаж, мебель и прислугу без всякого за то вознаграждения. Это исполнено было со всею точностью, но для большей части было крайне отяготительно, и хотя никто гласно на сие не жаловался, но все почти роптали.

Посещение Государем Грузии и Армении произвело на тамошних жителей весьма сильное впечатление. Вот краткое извлечение из разных полученных оттуда писем: «Восторг наш справедлив и чистосердечен. Ничто и никто не может сравниться с великодушием, вниманием и неутомимостью нашего могущественного Царя. Получены были известия о посещении Монарха; и верили, и сомневались. Дальнее, многотрудное путешествие казалось преградою⁷. Наконец совершилось невероятное и важное событие: появление Императора оживило всю страну Азии, и все племена изумились. Мужественный и величественный вид Венценосца, соединяющего с тем вместе кротость и правоту, поистине одушевил всех и каждого. Всякое описание приезда Государя в Армению будет слабо; невозможно избобразить того, что чувствовали, и что поднесь ощущают. Все

сердца воспламенились новою силою и живейшею преданностью к своему земному Богу, сияющему не властью, но справедливостию. Это было шествие благодати, от которой ожидают плодов благоустройства; торжество незабвенное, единственное; как солнце на Арарате показалось и вдруг и далеко удалилось. Восхитило прибытие Императора, но более еще восхитили возвышенные чувства Монарха. Врата правосудия отверзлись. Соломон наш явился в своем блеске! В быстрое появление Его Императорского Величества не укрылись тайные неправды. Даруй, Боже, счастливых перемен к лучшему и прочному. Общие, единые моления, о долготе благодетельных дней обожаемого Царя. Да исполнителя священной Его воли и спасительной Его цели шествуют по прямой стезе благоустройства и правоты, тогда оснуется добро, счастье, благосостояние многих подвластных и приверженных подданных; тогда будет процветать страна отдаленная, требующая сердобольных руководителей и мудрых правителей, подвижающихся с верою, с совестью, с знанием и с опытностью». Пример строгости, употребленной Государем Императором в Тифлисе над князем Дадианом, сколь он ни представляется необычайным, не дал, однако, повода между здешними военными к невыгодным толкам⁸. Вообще признавали, что неимоверные злоупотребления сего бывшего полкового командира требовали и примерного наказания и что Государю, посетившему край столь отдаленный, в который с трудом может достигать наблюдение высшего правительства, надлежало ударом сильным остановить, по возможности, возродившееся там зло, тем более что многие другие полковые командиры закавказских войск не чужды подобных злоупотреблений, почитая вверенные им полки как бы своими отчинами.

Напротив того, устранение генерал-адъютанта Муравьева⁹ от командования корпусом не было принято с одобрением. Таковая мера взыскания показалась слишком строгою в отношении к генералу, всею армиею уважаемому, отличившему себя во всех войнах настоящего царствования и удостоенному Его Величеством в 1833 году особенным знаком доверия, возложением на него весьма важного поручения, с успехом им исполненного. Вообще жалеют сколько о самом Муравьеве, столько и том, что Государь лишается полезного Ему в военное время слуги.

Нынешний 1837 год ознаменован важным для России событием – путешествием Наследника Престола¹⁰. Доселе мы мало имели случая в обозрениях наших говорить о Его Императорском Высочестве; круг Его действий ограничивался одними Семейными отношениями и отношениями к лицам, Его окружающим, но ныне сие будущее Солнце России появилось на нашем горизонте и озарило его светом Своих прекрасных, истинно ангельских свойств. С каким же восторгом и Россия Его приветствовала! Нельзя без умиления читать описания того восторга, которым одушевлялся народ повсюду, где появлялся Наследник. Путешествие Его уподобля-

лось некоему торжественному шествию: жители съезжались, сбегались в города, чтобы Его увидеть. Они проводили целые дни и целые ночи на улицах и площадях, ожидая Его прибытия. Местные начальства, дворянство, купечество повсюду изыскивали, изобретали наперерыв одни пред другими, чем бы достойно приветствовать, угостить неоцененного посетителя; но лучшее угощение заключалось в сердечных всех чувствованиях, во всеобщей радости и в неопisanном восторге. Государь Наследник приветливым обращением Своим, соединенным с прекрасною Его наружностью, добротою Своею, пронизательным умом и обширными Своими познаниями, выразившимися в замечаниях Его о предметах, повсеместно представленных Его обозрению, всех очаровал, всех к себе привязал и произвел всеобщее изумление. Память Его путешествия неизгладимо напечатлелась в умах и сердцах всех тех, кои осчастливились Его лицезрением, и еще паче в памяти тех, кои удостоились Его разговора.

Вот, что писал начальник II округа корпуса жандармов¹¹ о чувствах, возбужденных в жителях Москвы посещением Государя Наследника:

«Все сословия от высшего до низшего, все разнородные круги московского общества, все мнения, никогда до сих пор несогласующиеся между собой, на сей раз были согласны. Охотники порицать безотчетно, люди, поставившие себе за правило ничего не хвалить, наконец, даже люди, злоязычные по характеру – отсутствием которых никакое общество в мире похвалиться не может, – все были увлечены одним чувством. Похвала Наследнику сделалась общею истинною народною мыслью, которую искренно невольно повторял каждый. Всем нравилась Его прекрасная наружность, выражение сердечной доброты во всех словах и движениях, приветливое, ласковое обращение и при всем этом необыкновенное по летам какое-то достоинство, разлитое во всей Его Особе. С восхищением видели в Наследнике Высокое Лицо, беспримерное в русской истории, как в нравственном, так и в политическом отношении: Император, царствующий, ищет всеми средствами любви народной Своему преемнику, не опасаясь умалить силу этой любви к Себе Самому. Все знали, что изъявление преданности и восторга, возбуждаемого присутствием Наследника, будет приятно Императору, что можно торжественно поклоняться будущему светилу без опасения оскорбить настоящее. Одним словом, появление Государя Наследника в Москве Одного с личною самобытностью по совершении Им большей половины путешествия по России, оставившего везде следы Своего внимания, участия и прекрасного сердца, произвело общий восторг».

Недоступно нашему заключению, в какой степени полезно было для Государя Наследника путешествие Его в отношении познания местностей России. Многие полагают, что столь быстрое протечение огромных про-

странств и обозрение в короткое время столь великого числа губерний по разнородству жителей их, произведений, промышленности и даже быта народного едва ли могло доставить Его Высочеству основательное понятие об обозренных Им краях и что даже таковое множество виденных Им в самое короткое время предметов могло произвести некоторую сбивчивость в понятиях Его об них. Что же касается до пользы политической, моральной, сим путешествием достигнутой, то она по всеобщему всех разумению огромна. Наследник и народ российский взаимно познакомились, полюбили друг друга и соединились узами неразрывными¹². Пусть, говорят, Наследник теперь путешествует по землям иностранным, пусть встретит в них предметы приятные, забавы, веселья, они, наверное, не изгладят в сердце Его тех впечатлений, которые врезались в Него искреннюю любовь и преданностью, изъявленными Ему народом русским.

Путешествие Государыни Императрицы с Великою Княжною Марией Николаевной¹³ равномерно повсюду было ознаменовано радостными приветствиями народа. Посещение Ее Величеством города Воронежа для поклонения Святым Мощам Угодника Митрофанья произвело самое благоприятное впечатление не только на жителей Воронежа, но и на здешнюю публику как знак особого Ее Величества благочестия, являющего в Ней истинно российскую Царицу.

Сведения о духе жителей Польских губерний показывают, что расположение их к правительству ежели и не совершенно враждебно, то по крайности весьма сомнительно и что продолжение самого бдительного за ними надзора необходимо. Это заключение выводим мы об общей массе населения тех губерний, но среди того населения есть многие, которые, постоянно упорствуя в ненависти своей к правительству, продолжают питать безрассудные свои мечты и стараются сколь возможно распространять понятия сии и чувства между соотечественниками своими. Действуя с крайнею осторожностью, с большою скрытностью и, так сказать, урывками, при встречающемся каком-либо кажущемся им благоприятном для них обстоятельстве, они в поступках своих едва ли уловимы*. Всякое следствие ничего бы не обнаружило, а произвольные строгие меры над подозреваемыми произвели бы одно лишь новое против правительства неудовольствие, имея вид несправедливости. Нам и самим трудно бы было в сем случае дать определительные**, точные указания, но получаемые по сему предмету от разных источников сведения не могут, однако же, не убедить высшее наблюдение в справедливости нами сказанного. Впрочем, должно присовокупить к сему, что влияние подобных беспокойных умов видимо с каждым годом уменьшается, и сами они начинают терять надеж-

* Так в тексте.

** Так в тексте.

ду в успех своих происков, видя бесполезность оных в продолжении последних шести лет, протекших с возмущения в Царстве Польском. За всем тем, однако же, мы повторяем, что продолжение неослабного надзора необходимо, и высшее наблюдение, держась неукоснительно сего правила, бдительно следит все получаемые указания и с тем вместе каждый раз поставляет о них в известность местные начальства.

Последовавший 1 января сего года Высочайший Указ о передаче духовных дел греко-униатского исповедания в ведение обер-прокурора Святейшего Синода¹⁴, как видно из собранных сведений, ни на духовенство греко-униатское, ни на жителей сего исповедания не произвел никакого вредного впечатления. Духовенство, приготовленное уже введенными в образ богослужения униатского переменами к той мысли, что правительство имеет намерение присоединить униатов к греко-российскому исповеданию, полагает, что настоящее распоряжение есть предварительный знак, что скоро последует повеление о совершенном уничтожении и присоединении унии к православию. Многие из униатских священников, особенно те, кои пообразованнее, даже довольны распоряжением о передаче дел их в ведение синодального обер-прокурора в надежде, что это распоряжение послужит к устройству в духовенстве их порядка, которого доньше не было, и что дела их получают приличнейшее направление. На простой же народ униатского исповедания, находящийся в крайнем невежестве, совершенно равнодушно ко всему до религии относящийся и едва имеющий понятие о различиях вероисповеданий, упомянутое распоряжение правительства решительно не произвело никакого действия. Но католическое духовенство, видя в распоряжении правительства новый шаг к совершенному присоединению униатов к греко-российской церкви, весьма оным недоволено. Влиянием своим оно умело распространить таковое неудовольствие свое и между помещиками и другими жителями католического исповедания, внушив им мысль, что нынешнее распоряжение правительства будет иметь последствием присоединение волею или неволею и самых католиков к православной церкви. Мысль сия значительно уже распространена ими особенно в Белорусских губерниях, где она составляет почти общий предмет толков, даже в кругу самых образованных людей.

В Царстве Польском расположение умов к правительству равномерно ненадежно. Жители тамошние требуют продолжения неукоснительного наблюдения за ними. Они остаются неисправимы, и, нисколько не убеждаясь в истинных своих пользах, не перестают питать себя бессмысленными мечтами своими о независимости от российского правительства и с крайним неудовольствием принимают всякую меру, долженствующую сблизить и слить их с Россиею. С давнего времени, – писал генерал-лейтенант

Головин¹⁵, – ни одна мера правительства не производила в Варшаве столь сильного впечатления, как вновь сделанное подтверждение о недозволении принимать на будущее время в государственную службу чиновников, не знающих русского языка. Жители Польши постигают истинное направление сего постановления и предвидят, какое важное влияние оно должно иметь на будущность края, а в особенности на воспитание юношества. От того мера эта крайне раздражает так называемых патриотов.

Объявление об издании в Варшаве с начала 1838 года на русском и на польском языках официальной газеты послужило новым доказательством худого расположения умов. Хотя газета сия, в которой будут помещаться все Высочайшие Указы, постановления и распоряжения, относящиеся к Царству Польскому, по содержанию своему должна быть не только любопытною, но и необходимою для всех сословий, невзирая, однако ж, на то, ни один частный человек в Царстве Польском не подписался на оную.

Множество было в нынешнем году доставлено от посольств наших в чужих краях, особенно же из Парижа от графа Палена¹⁶, сведений об отправленных будто бы в Россию и Польшу эмиссарах; но указания сии по самым тщательным изысканиям и по самому внимательному наблюдению не оправдались, за исключением только прибытия в здешнюю столицу в начале осени англичанина Брауна. До приезда еще его было получено случайным образом известие, что он отправлен из Англии обществом покровителей польских выходцев для собрания как в столицах, так и в Царстве Польском, разных сведений и для исполнения каких-то поручений. Сведения сии, хотя и были весьма неопределительны*, но по ним можно было заключить, что англичанин Браун посылается с целью неблагонамеренною для нашего правительства, и потому немедленно по прибытии его сюда было ему сделано надлежащее внушение, убедившее его, что цель его приезда известна, и он, увидев себя обнаруженным, охотно последовал данному ему совету возвратиться, откуда приехал, и чрез несколько дней по прибытии сюда вновь отплыл на первом отходящем пароходе. Кажется вообще, что сколько польские выходцы не тормозятся и не храбрятся во Франции и в Англии, но что неудача, испытанная эмиссарами в 1833 году, отняла у них охоту к новым попыткам сего рода.

Много также было получено в сем году высшим наблюдением доносов о злоумышлениях, заговорах, существовании преступных скопищ и тому подобного. Большая часть сих доносов поступила от людей, за преступления в тюрьмах содержащихся, и хотя по сему уже одному не подлежали они доверию, но не менее того ни один из сих доносов не был оставлен без внимания и должного рассмотрения. Все те из доносителей, кои не согласились открывать мнимых тайн своим местным начальствам и штаб-офи-

* Так в тексте.

церам корпуса жандармов или изложить оные на бумаге, были доставлены в С.Петербург, и здесь показания их рассмотрены с надлежащею осмотрительностью. Ни один, однако же, из сих доносов не оправдался; все они оказались или неосновательными, или намеренно вымышленными людьми, как сказано выше, содержащимися в тюрьмах, которые сим средством надеялись отдалить время ожидающего их наказания или получить возможность к побегу.

Здесь излишне будет упомянуть об одном весьма странном обстоятельстве, обнаруженном в Москве во время пребывания там Государя Императора: помещичий крестьянин самых ограниченных понятий, род юродивого, неспособный ни к какой почти работе, и по сей причине освобожденный даже своею помещицей от платежа оброка, слыша жалобы крестьян на помещиков и земские начальства, людей фабричных – на фабрикантов, солдат – на тягость службы, возымел мысль о составлении некоего посредничества между правительством и народом чрез избранных из среды народа представителей для улучшения быта простых людей. Мысль сию обдумывал он, как по исследованию оказалось, в продолжение нескольких лет и толковал о ней с разными людьми простого звания, которые его слушали и на которых он, невзирая на свою юродивость, имел в этом отношении и значительное влияние. Все это, однако, делал он, не полагая нисколько, чтоб замышлял что-либо противное правительству, ибо намеревался о сей мысли своей представить Государю и просить Его соизволения на приведение оной в исполнение; однако ж он не был к тому полицией допущен и взят ею и потом по Высочайшему повелению отправлен, согласно собственному его желанию, на житье в монастырь. Частный случай сей, взятый отдельно, конечно, сам по себе не представляет особой важности; но он неволью ведет к заключению, что и у нас в простом сословии народа могут порождаться мысли об изменениях в образе правительства для ограждения себя от притязаний и несправедливостей начальств своих и помещиков.

В начале сего года умер от полученной на поединке раны знаменитый наш стихотворец Пушкин. Пушкин соединял в себе два отдельные существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями Государя он, однако же, до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъявлении оных. Сообразно сим двум свойствам Пушкина образовался и круг его приверженцев: он состоял из литераторов и из всех либералов нашего общества. И те и другие приняли живейшее, самое пламенное участие в смерти Пушкина; собрание посетителей при теле было необыкновенное; отпевание намеревались делать торжественное; многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской

губернии; наконец, дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к тому жителей Пскова. Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-поэту. В сем недоумении, и имея в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы народное изъявление скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов, – высшее наблюдение признало своею обязанностью мерами негласными устранить все сии почести, что и было исполнено.

О НЕКОТОРЫХ ЧАСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

*Комитет о раскольниках*¹⁷

Назначение с 1836 года управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии¹⁸ членом секретного комитета о раскольниках доставило высшему наблюдению возможность ближе следить за ходом раскольничьих дел и обязывает нас изложить здесь некоторые по сему предмету замечания.

Россия всегда славилась веротерпимостью своею. Основными законами нашими даровано каждому повсеместно пользоваться свободным отправление его веры и богослужения по обрядам оной. Законоположения сии сколько сообразны с учением Христовым, столь же согласуются, можем сказать, и с правилами мудрого управления. Собственно о раскольниках постановлено в законах наших, что они не преследуются за мнения о вере; но впоследствии, в начале царствования нынешнего, и именно, в сентябре 1826 года последовало воспрещение раскольникам не только строить новые церкви, часовни и молитвенные дома, но и переделывать или возобновлять старые. Согласно ли таковое постановление с приведенными коренными и основными законами нашими? И не есть ли это сильнейшее преследование, ведущее прямо к уничтожению богослужения раскольников? Далее преграждена им возможность получать себе вновь священников; и, наконец, постановлено даже правилом, чтобы браки раскольников, по их обрядам совершенные, не признавать за браки и детей, от тех браков рожденных, не признавать детьми законными. Здесь представляется вопрос, с какою целью все это делается? Неужели полагают таковым преследованием обратить раскольников к православию? Но разве история всех времен не свидетельствует о противном? Разве были примеры, чтобы гонение религиозное послужило к обращению? Мы видим, напротив, что преследования скорее возрождали фанатизм. Полагают, что эти стеснения убедят раскольников присоединиться к единоверию; но для

достижения сей цели надлежало бы, по крайней мере, чтобы в церквях единоверческих были в точности соблюдаемы все обряды, весь образ служения раскольников; но это не исполняется, как о том доходили до нас неоднократные жалобы. По сведениям, собранным в Москве, оказывается, что число посещавших тамошнюю единоверческую церковь было сначала довольно значительно, но когда раскольники заметили постепенное отступление от обрядов их богослужения, тогда они начали уклоняться от единоверческой церкви, заключая, что правительство имеет скрытную цель обратить их сим средством к православию; одним словом, они жаловались, что по недостатку священников дети их остаются без крещения, умирающие – без напутствования; но на жалобы сии не обращается никакого внимания. Достойно замечания, что все сии стеснения достигают самую безвредную часть раскольников, т. е. тех, кои имеют церкви и попов. Сии раскольники, называющие себя старообрядцами, везде оказываются людьми трезвого поведения, исправными в исполнении обязанностей своих к правительству и приверженными ему, одним словом, – полезными гражданами; между тем как прочие беспоповщинские раскольники, все более или менее вредные, не имея ни церквей, ни священников, проживая в разврате, вовсе не подвержены подобным стеснениям. Здесь представляется важный вопрос: не будут ли меры стеснения, обращенные на поповщинских раскольников, иметь последствием переход их в беспоповщину, когда они будут лишены и священников и церквей своих? Вопрос сей неоднократно был предлагаем в комитете о раскольниках, но духовные члены оного не хотят войти в сию мысль, как равномерно не хотят принять к соображению своему, сколько вредно и даже опасно для правительства иметь в различных краях государства значительные массы людей недовольных и стесненных в исполнении обрядов своего верования. Можно ли ручаться, чтоб люди сии при каких-либо неблагоприятных для правительства обстоятельствах не сделались орудием неблагонамеренных и не затруднили бы правительство?

Из всего сказанного здесь не должно, однако же, заключить, чтоб мы полагали дать полную свободу раскольникам в их противозаконных действиях. По разумению нашему следует строго наблюдать, чтобы раскольники не могли склонять кого-либо в раскол свой, чтобы они не разводили скитов, не скрывали у себя беглых попов и другого звания людей, одним словом, – чтоб они ни малейше не уклонялись от обязанностей своих к правительству и местным властям; но считаем вредным и противным духу нашего правительства стеснять их в отправлении их богослужения и лишать их вовсе церквей и священников. Пусть будут и на них распространены те правила, коими правительство наше руководствуется в

отношении всех других исповеданий, не только христианских, но и магометанского и даже еврейского.

Новое управление казенными крестьянами

В нынешнем году приступлено к предварительным распоряжениям введения нового управления казенными крестьянами. Предмет сей, объемлющий все части пространного нашего государства и касающийся значительной массы его народонаселения, не мог по важности своей не обратиться на себя особенного внимания высшего наблюдения. Всем известно, до какой степени расстроено положение казенных крестьян; все знают, что причина тому – отсутствие всякого за ними призора, и потому предположение правительства об устройстве быта их и поручении управления ими особенному начальству было единогласно признано мерою не только полезною, но и необходимою. Выбор главного начальника сего управления равномерно был одобрен, как уже и сказали мы о том в прошлогоднем нашем обозрении¹⁹. Дальнейший успех сего благотворительного предположения правительства будет зависеть от образа приведения оногo в исполнение. Находят вообще, что в деле сем надлежит действовать с крайнею осторожностью, исподволь, не спеша, дабы не произвести волнения между крестьянами. Из поступивших сведений видно, что одно появление чиновников, отправленных в нынешнем году для приведения в известность положения и имущества казенных крестьян, в некоторых местах произвело в умах сих последних беспокойство и недоумение.

Казенные крестьяне, приобывшие* к жизни совершенно свободной, разгульной, к безотчетному распоряжению своими действиями, своим имуществом, с неудовольствием смотрят на всякую в положении их перемену, которая стеснит или ограничит свободу их. Составленные под руководством генерал-адъютанта Киселева различные положения об управлении казенными крестьянами, быв рассмотрены некоторыми призванными сюда по Высочайшему повелению гражданскими губернаторами, найдены ими весьма неудовлетворительными, писанными крайне опрометчиво, без знания местностей и общего даже крестьянского быта. Множество ими сделано на сии положения замечаний; многое признано вовсе неудобным в исполнении.

Нам неизвестно, в каком виде положения сии состоятся, но вообще опасаются, чтобы приведение оных в исполнение разом во многих губерниях не произвело между казенными крестьянами неудовольствия и не встретило даже между ими сопротивления. Опасения сии тем более в настоящем случае представляются сбыточными, что в губерниях много имеется людей, которым весьма не нравится обращение казенных крестьян к

* Так в тексте.

более правильному быту и которых вредные толки и внушения неминуемо послужат к усугублению неудовольствия крестьян. Сверх того рассуждают, что одни и те же правила не могут в подробностях своих приличествовать всему сословию казенных крестьян, живущих на всем пространстве обширного нашего государства и столь разнообразных в обычаях, образе жизни и даже понятиях своих. Многие рассуждают, что полезнее и надежнее было бы на первый случай ограничиться назначением в разные губернии благонадежных людей, которые, приняв казенных крестьян в свое ведение, управляли бы ими по распоряжению министерства государственных имуществ. Мера сия, доставив казенным крестьянам попечителей, обязанных заботиться об их благосостоянии и ограждать их от посторонних притязаний, удовлетворила бы главной цели правительства. Затем сии попечители казенных крестьян, ознакомившись с бытом крестьян, вникнув в надобности их, каждый по месту его управления, представляли бы свои замечания и соображения министерству, которое на основании оных с большею уже основательностью могло бы составить для казенных крестьян законоположение. Между тем самые крестьяне равномерно бы ознакомились исподволь с новым образом их управления; умы их приготовились бы постепенно к принятию тех составленных для них законоположений и законоположения сии не могли бы произвести над ними того сильного впечатления, которого теперь ожидать можно.

Таково мнение относительно введения нового управления между казенными крестьянами весьма многих благомыслящих и по опытности своей заслуживающих доверия людей. Вообще весьма опасаются, чтоб излишняя в сем деле поспешность не имела затруднительных для правительства последствий.

Министерство юстиции

В течение последних четырех лет многое сделано для улучшения нашего судопроизводства. Законы приведены в известность и в должный порядок и сделались доступными для всех. Положение судей значительно улучшено увеличением их окладов; но за всем тем часть судебная представляется в весьма неудовлетворительном положении. Вообще, как оказывается из сведений, полученных высшим наблюдением, класс судей у нас разделяется на два разряда: одни честны, но незнающие своего дела; другие сведущие, так называемые дельцы, но зараженные корыстолюбием. Исключения редки; весьма немного встречаешь судей опытных и сведущих в своем деле, самостоятельных и твердых в своих действиях и с тем вместе совершенно бескорыстных. Судебное же преследование и обнаружение лихоимства представляется, как мы уже неоднократно замечали, совершенно невозможным; оно всегда прикрывается формами закона и

всегда остается ненаказанным. Оно видимо, но недостигаемо. В Правительствующем Сенате дела равномерно производятся и решаются не даром. Несправедливо было бы упрекнуть сенаторов в корыстолюбии; мы по самой истине скажем, что ни одного сведения не доходило до высшего наблюдения, которое могло бы подать в сем отношении и тень подозрения на них; но здесь сильно влияние канцелярий, обер-секретарей, повиытчиков. Конечно, между сенаторами есть люди отлично дельные и рачительные, но число их невелико. Большая часть, достигшие сего звания в преклонных летах, утомленные от долговременной службы, смотрит на Сенат как на место отдохновения и равнодушно взирают на дела; другие же имеют о делах весьма слабое понятие или вовсе никакого. Таким образом, канцеляриям сенатским представляется обширное поле действия, которым они особенно пользуются в летние вакантные месяцы, улавливая для исполнения беззаконных видов своих время отсутствия тех сенаторов, которые бы им могли помешать. Министру юстиции²⁰ отдают справедливость, что он все внимание свое обращает на уменьшение влияния сенатских канцелярий, строгою разборчивостью в представлениях своих о назначении сенаторов, и вообще министр юстиции пользуется самым выгодным о нем понятием в отношении знания дела и строгой, неколебимой его справедливости; жалеют только, что он неприступен и что никто, сколь ни велика бы была необходимость, его видеть не может.

Министерство внутренних дел

Изданный в нынешнем году Наказ гражданским губернаторам, огромный по своему объему, никем не одобряется. Губернаторы, коих суждения мы имели случай слышать, отзываются, что Наказ сей, особенно та часть оного, которая касается до губернских правлений, крайне затруднит их в их действиях по управлению губерниями, что он даже во многих частях его совершенно неудобноисполним, ибо составлен вовсе без практического знания губернского управления; почему и заключают, что законоположение сие не может долгое время остаться в настоящем его виде, что оно непременно подвергнется скоро многим изменениям, и, во всяком случае, не будет по неудобству в точности исполняемо. Находят, наконец, что Наказ губернаторский уже окончательно разрушает существовавшее еще поныне предубеждение, что губернатор есть начальник, хозяин губернии, наместник в ней Государя; что во всей наготе обнаруживает его ничтожность, являя его ни чем более, как старшим членом губернского правления. Издание сего Наказа много повредило министру внутренних дел²¹, не скажем – в общем мнении, ибо не многие его читали, но в мнении тех должностных людей, и особенно губернаторов, которые имели надобность в него вникнуть. Мы должны сознаться, что ни здесь, ни в Москве ни от кого не слышали ни слова одобрения сему пространному собранию узаконений, но,

напротив, все те, кои обратили на него свое внимание, единогласно его оуждают.

В нынешнем году особенно заметно было необыкновенно частое перемещение гражданских губернаторов из одной губернии в другую. Перемещения сии для успеха в ходе дела представляются весьма неудобными. Губернатору, вновь определенному, едва достаточно целого года, дабы ознакомиться с делами, местными обстоятельствами и лицами вверенной ему губернии; по истечении лишь года может он с основательностью приступить к каким-либо распоряжениям; с перемещением же его чрез год или два в другую губернию приобретенные им местные сведения остаются потерянными, и он снова должен знакомиться, осматриваться. Таким образом, невозможно и ожидать от губернаторов полезных распоряжений к улучшению управляемых ими губерний, каковые распоряжения могут произойти лишь при основательном познании того, что управлению их вверено. Таковое частое смещение и перемещение губернаторов приписывают, во 1-х тому, что назначение их делается не с довольною разборчивостью, и, во 2-х, что они нередко определяются и перемещаются в губернии несоответственно их желанию, несоответственно их домашним обстоятельствам, так что, отправляясь в губернию, они уже замышляют о перемещении их из оной в другую. Впрочем, должно присовокупить, что и приискание хороших губернаторов ныне для правительства представляется несравненно затруднительнее, чем в прежние времена; звание губернатора весьма упало в мнении общем, и люди, заслуженные, опытные в делах, имеющие независимое состояние, уклоняются от губернаторства, предпочитая с меньшей ответственностью и с большею приятностью служить в столицах.

Полиция обеих столиц

И С.Петербургская и Московская полиция в отношении соблюдения наружного порядка и благоустройства, чистоты улиц, охранения тишины в народных собраниях и публичных съездах, а также в отношении исправности пожарной части ничего не оставляют желать. По части следственной, в розысках о воровствах и других преступлениях, а также о людях беспаспортных и подозрительных Московская полиция, как оказывается по наблюдениям, берет преимущество. Московский обер-полицмейстер взыскательнее к своим подчиненным, они его очень боятся; да и сам он чрезвычайно деятелен, подвижен и, можно сказать, охотник своего дела. Что же касается до судебной части полиции, то должно сказать, что дела как в С.Петербургской, так и в Московской управе благочиния идут весьма худо.

Министерство финансов

Невзирая на значительные беспорядки и злоупотребления, обнаруженные, как уже всем теперь известно, по управлению Государственными Имуществами, бывшему в заведывании министра финансов²², он, однако же, продолжает пользоваться общим уважением публики. Не считая его лично причастным к тем злоупотреблениям, общее мнение оправдывает его тем, что он обременен столь обширными занятиями по многочисленности заведываемых им частей, что не может наблюдать за исправным ходом каждой из них. Его считают человеком государственным, необходимым и которого трудно будет заменить, и потому с сожалением замечают, что он год от году приметно слабеет, что год от году уменьшается его самостоятельность и увеличивается влияние на дела окружающих его лиц, влияние вредное и далеко не бескорыстное.

Изданный в начале 1837 года новый тариф сначала крайне встревожил наших фабрикантов, особенно фабрикантов шелковых изделий. Они боялись значительных для себя убытков, но опасения сии впоследствии оказались неосновательными и ныне, как убедились мы из тщательно собранных нами сведений в Москве, центре нашей мануфактурной промышленности, фабриканты в этом отношении успокоились; но осталась в них некоторая недоверчивость к твердости правительства в сохранении запретительной системы. Увидев пример изменения в тарифе, они боятся новых перемен, и сия недоверчивость остановила некоторых в приведении к исполнению мануфактурных их предприятий.

Министерство народного просвещения

Министру народного просвещения²³ все отдают справедливость, что он усердно и деятельно занимается вверенною ему частью. Со времени вступления его в управление министерством значительно умножено число учебных заведений и тем дарованы средства к распространению образования нашего юношества. Конечно, легче было умножить училища, чем найти достойных профессоров, учителей и наставников, и потому более, чем где-нибудь, заметен в сей части недостаток людей способных и надежных, и результаты как в отношении учения, так и в отношении надзора за учащимися весьма еще неудовлетворительны не только в отдаленных от столицы местах, но и в здешних гимназиях.

Московский университет в короткое время управления генерал-адъютанта графа Строганова²⁴ сделал значительные успехи и быстрыми шагами восстает от того упадка, в котором находился за несколько пред сим лет. Одобрительные отзывы о графе Строганове в Москве единогласны, его и любят, и уважают, и в должную меру боятся, и все соглашаются, что едва ли Московский учебный округ когда-либо имел подобного попечителя, который в такой полноте соединял бы в себе все нужные качества.

Мы считаем излишним пространно говорить здесь о неблагонамеренных действиях некоторых студентов университета Св. Владимира в Киеве. Происшествие сие подробно исследовано, виновные студенты наказаны; сам министр народного просвещения, по воле Государя, входил на самом месте в исследование сего дела и представил по оному подробное свое донесение Его Величеству; но мы не можем умолчать здесь о вредном влиянии в Киевском университете определенных в оный профессоров и учителей Виленского университета и Кременецкого лицея²⁵. Министр в донесении своем говорит, что назначение сих людей было сделано в том намерении, дабы привлечь юношество Польских губерний к поступлению во вновь учрежденный университет; но мы смеем думать, что никакие причины не могли быть сильны к побуждению правительства назначать в наставники юношества учеников и сподвижников Лелевеля²⁶, и каких же плодов можно было от того ожидать? Опыт их показал, и слава Богу, что показал еще вовремя, когда зло еще может быть не очень распространилось, и слава Богу, что опыт сей убедил и министра народного просвещения, что пришло время – как он в донесении своем пишет – перевести означенных профессоров и учителей из Киевского университета. К сему неизлишним считаем присовокупить, что студенты Киевского университета требуют особенно строгого и бдительного надзора, к чему едва ли способен тамошний попечитель, человек весьма достойный, но с тем вместе довольно слабый.

Военно-учебные заведения

О военно-учебных заведениях мы также должны сказать, что не все они находятся в удовлетворительном положении. Вообще замечен и в них недостаток присмотра за питомцами, и хотя наружный порядок, чистота, стройность наблюдаются, но внутренний призор за поведением и надзор во время классов весьма слаб; от этого происходит, что между питомцами много бывает шалостей, и они крайне мало успевают в учении. Недостатки сии особенно заметны в 1 и 2 кадетских корпусах и в Дворянском полку. О Павловском кадетском корпусе отзываются с особенною похвалой. Училища Артиллерийское и Инженерное насчет учения, особенно наук математических и военных, весьма одобряются. Что же касается до Пажеского корпуса, то он и ныне продолжает иметь преимущество пред всеми другими военно-учебными заведениями.

Гвардейский корпус

Войска гвардейского корпуса продолжают отличать себя особенною приверженностью своею к Государю. Видя часто Государя, будучи каждодневно в столь близких к Нему отношениях, они все, не только генералы и офицеры, но и нижние чины, любят Его, можно сказать, от души.

Какое уныние заметно между всеми ими, когда Государь недоволен учением или смотром, и какая радость, когда удостоиваются одобрения Его Величества. Его Высочество Великий Князь Михаил Павлович равномерно пользуется полною любовью гвардейского корпуса. Гвардейцы видят в Нем не одного начальника корпуса, но и Брата Государя, а посему и чувства их к нему теплее, чем могли бы быть ко всякому другому начальнику; но по сей же самой причине и всякая неприятность от него для них более чувствительна. Его Высочество по возвращении Своем прошедшею осенью в С.Петербург произвел в умах гвардейского корпуса самое невыгодное впечатление чрезмерною взыскательностью и строгостью, изъявлением неудовольствия Своего в выражениях, едва ли приличных, и оскорблением даже многих генералов. Многие роптали, некоторые негодовали, и всеми овладело уныние, тем более, что поселилась мысль, будто и Государь имеет неудовольствие против гвардейского корпуса, и что Великий Князь действует по указанию Его Величества. Но Государь, наконец, приехал, и умы успокоились и ободрились приветствиями Его Величества, а, наконец, несчастное событие 17 декабря, при котором Его Высочество оказал Себя столь попечительным о сохранении чинов гвардейского корпуса, при сем случае действовавших, послужило к уничтожению, кажется, ныне и последних остатков бывшего в гвардии неудовольствия.

В заключении сего нашего обозрения упомянем о том приятном впечатлении, которое произвела на здешнюю публику, и в особенности на войско, оказанная Государем почесть монументом фельдмаршалов Кутузова и Барклая-де-Толли²⁷. Присутствовавшие при сем старейшие генералы наши, бывшие участниками в незабвенной и славной борьбе России против Европы, были особенно тронуты таковым торжественным изъявлением Государем уважения Своего к памяти героев того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 23. Д. 3. Л. 73–104об.

¹ Вечером 17 декабря, когда император со всем августейшим семейством был в театре, где «танцевала славная Талиони», в Зимнем дворце вспыхнул пожар. Сильный ветер быстро распространял пламя, спасти здание оказалось невозможно. «Все вещи под прикрытием гвардейских караулов были складываемы на Дворцовой площади и в экзерциргауз, а драгоценности в Кабинет и в Аничковский дворец. Моши, ризницы, образа и вся утварь были спасены, равно как и

большая часть драгоценностей». Мусор вывозили на Монетный двор для выжигания из него драгоценных металлов. Специально учрежденная Следственная комиссия установила, что «истинною причиною пожара был отдушник, который оставлен незаделанным при последней перестройке Фельдмаршальской залы. Отдушник сей находился в печной трубе и пролегал весьма близко к доскам задней перегородки. Как уверяют, князю Волконскому предлагаемо

было заменить сей деревянный свод каменным, смета была сделана в 230 тыс. Князю показалось дорого, и для сохранения казне 230 тыс. рублей дворец весь принесен в жертву» («Из дневника Московского почт-директора Александра Булгакова» – «Независимая газета», 4 августа 1999 г.). 19 декабря 1837 г. была образована строительная комиссия в составе ведущих российских архитекторов: В.П. Стасова, А.П. Брюллова, А.Е. Штауберта, инженера А.Д. Готмана и др. Руководство работами по восстановлению дворца царь поручил П.А. Клейнмихелю, которого просил «починить ему дом поскорее». На Пасху 1839 г. обновленное здание было освящено, а Клейнмихелю пожалован титул графа; в его гербе изображался Зимний дворец, девиз гласил: «Усердие все превозмогает».

² Волконский Петр Михайлович (1776–1852), светлейший князь, генерал-фельдмаршал. Участник Отечественной войны 1812 г., начальник Главного штаба. Министр Двора (1826–1852).

³ Маршрут путешествия включал Псков, Ковно, Вильно, Киев, Вознесенск, Николаев, Одессу, Севастополь, Закавказье, земли войска Донского.

⁴ В Вознесенске предполагалось провести смотр 1-го, 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, сводного корпуса из двух пехотных дивизий, дивизии из 40 эскадронов, образованных из бессрочноотпускных, 12 резервных батальонов 5-го корпуса и 16 батальонов с тремя батареями артиллерии. В своих записках А.Х. Бенкендорф пишет: «...местечко Вознесенск, дотоле лишь штаб-квартира одного из кирасирских полков, было менее чем в год превращено в настоящий город с дворцом для царской фамилии, обширным садом, театром, двумя десятками больших домов для знатных особ и приглашенных на этот смотр генералов и офицеров... Этот огромный военный сбор сильно занял чужестранные журналы и навел беспокойство на кабинеты Парижский и Лондонский при всякой подозрительности к России. Австрия и Пруссия, хотя им ближе были известны планы нашего

правительства, тоже остались не совсем довольны показом с нашей стороны таких сил и в завистливости своей всячески старались убедить и себя и других, что тут гораздо менее войска, чем утверждают, и что притом оно дурно обучено. Одна Турция, вполне доверяя императору Николаю, как своему благодетелю и спасителю, не обнаруживала никакого неудовольствия против такого чрезвычайного сбора войск близ ее границы...» (Н. К. Шильдер. Император Николай I... Т. 2, С. 743–744)

⁵ Витт Иван Осипович (1781–1840), граф, генерал от кавалерии. С 1802 г. служил в Лейб-кирасирском полку, вступил волонтером в армию Наполеона и проделал с ней австрийскую кампанию. Затем участвовал в войнах с Наполеоном, совершил ряд поездок в герцогство Варшавское с разведывательной миссией (1811–1812). С началом Отечественной войны сформировал на Украине четыре казачьих полка, во главе которых принимал участие в боевых действиях. Участник заграничных походов русской армии (1813–1814), Русско-турецкой войны (1828–1829) и военных действий в Польше (1831), за что был удостоен ордена Св. Георгия 2-й степени. С 1832 г. – инспектор всей резервной кавалерии.

⁶ Кантонисты – солдатские сыновья, числившиеся со дня рождения за военным ведомством. Для подготовки мальчиков к военной службе были созданы гарнизонные школы (1721), воспитанники которых (с 1805 г.) и стали называться кантонистами. С 1824 г. эти учреждения подчинялись ведомству военных поселений, после ликвидации которого частью были расформированы, частью преобразованы в училища военного ведомства. Упразднены в 1856 г.

⁷ Из записок А.Х. Бенкендорфа: «При дворе в это время крайне беспокоились о государе, зная, что он за Кавказом, откуда обратный путь лежал через горы, обитаемые неприязненным нам населением. Один я, которому были известны нравы горцев, их благоговение к имени русского царя, никогда не обвиняемого ими в злоупотреблениях или строгости его чиновников и,

напротив, составляющего единственную их надежду на лучшую будущность, – один я утверждал, что жизнь государя безопаснее между этими полудикими племенами, чем была бы в образованных странах Европы, где демагогия уже полвека как подрыла уважение к коронованным главам...» (Там же Т. 2. С. 739.)

⁸ Дадиан (Дадианов, Дадиани) Александр Львович (1801–1865), князь, командир Эриванского карабинерного полка. Вернувшись из Закавказья, император Николай рассказывал Бенкендорфу, который не мог сопровождать его из-за тяжелой болезни, о своих впечатлениях: «Виденное мною в Грузии вообще довольно меня удивлетворило... Но в администрации есть разные законные беспорядки, превосходящие всякое вероятие... В числе прочих частей, и военные начальники позволяли себе неслыханные злоупотребления. Так, князь Дадиан, ...мой флигель-адъютант, командовавший полком всего в 16-ти верстах от Тифлисской заставы, выгонял солдат и особенно рекрут рубить лес и косить траву, нередко еще в чужих помещичьих имениях, и потом промышлял этою своею добычею в самом Тифлисе, под глазами начальства; кроме того, он заставлял работать на себя солдатских жен, и выстроил с своими солдатами, вместо казармы, мельницу, а в отпущенных ему на то значительных суммах даже не поделился с бедными нижними чинами; наконец этот молодчик сданных ему 200 человек рекрут вместо того, чтобы обучать их строю, заставил, босых и необмундированных, пасти своих овец, волов и верблюдов... В виду таких мерзостей надо было показать пример строгого взыскания. У развода я велел коменданту сорвать с князя Дадиана, как недостойного оставаться моим флигель-адъютантом, аксельбант и мой шифр, а самого его тут же с площади отправить в Бобруйскую крепость для предания неотложно военному суду» (*Н.К. Шильдер*. Император Николай I... Т. 2. С. 753–754). Александр Дадиани был разжалован в солдаты с лишением чинов, орденов, княжеского и дворянского достоинства.

⁹ Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794–1866), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Брат декабриста А.Н. Муравьева, один из организаторов преддекабристских кружков «Юношеское братство» (1811) и «Священная артель» (1814–1818), позже от движения отошел. Участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии (1813–1814) и чрезвычайного посольства А.П. Ермолова в Персию (1816). Совершил военно-дипломатическую поездку в Хиву и Бухару, а также в Египет и Турцию (1819–1820). Помощник начальника штаба Кавказского корпуса во время Русско-персидской войны (1826–1828); во время Русско-турецкой войны (1828–1829) командовал Кавказской гренадерской резервной бригадой. Командирован в Александрию (1832); начальник штаба 1-й армии (1834); командир 5-го армейского корпуса (1835). Уволен в отставку (1836). Вновь на службе с 1848 г. Участник венгерского похода (1849). Наместник на Кавказе (1854–1856). Член Государственного совета (1856).

¹⁰ Самостоятельному путешествию (без родителей, в сопровождении наставника) традиционно отводилась серьезная роль в воспитании отпрысков аристократических фамилий. Наследник российского престола по мысли отца-императора должен был «узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 287. Л. 3) Николай I лично подготовил для сына «Наставление» и «Инструкцию для путешествия», в которых подробно излагал цели поездки и регламентировал правила поведения великого князя и его свиты. Александра Николаевича сопровождали его воспитатели и педагоги – В.А. Жуковский и К.И. Арсеньев, князь Х.А. Ливен, полковник С.А. Юрьевич, генерал-адъютант А.А. Кавелин, полковник В.А. Назимов, друзья цесаревича – А.В. Адлерберг, И.М. Виельгорский и А.В. Паткуль, лейб-медик И.В. Енохин, фельдъегери, камергер и кухня. Маршрут корректировался несколько раз и в результате должен был охватить громад-

ное пространство от Санкт-Петербурга через Новгород, Тверь, Ярославль и Кострому за Урал; через Екатеринбург, Тюмень и Тобольск в Поволжье; через Воронеж, Тулу, Рязань, Смоленск и Бородино в Москву, а затем через Владимир и Нижний на юг. За полгода предстояло объехать всю Россию и даже увидеть Сибирь. «...Ты первый из нас в сем отдаленном крае! – писал сыну Николай I. – Какая даль! Но какое и тебе на всю жизнь удовольствие, что там был, где еще никто из Русских Царей не бывал...» («Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с Николаем I в 1837 г.» М. 1999. С. 138).

¹¹ Перфильев Степан Васильевич (1796–1878), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814). С 1827 г. в Корпусе жандармов. Гражданский губернатор Рязани (1831–1836), затем снова в Корпусе жандармов, начальник II округа, в который входила Москва. Генерал-лейтенант (1847).

¹² В.А. Жуковский сравнивал путешествие цесаревича «с чтением книги, в которой теперь великий князь прочтет только оглавление, дабы получить общее понятие о ее содержании. После начнет читать он каждую главу особенно. Эта книга – Россия; но книга одушевленная, которая сама будет узнавать своего читателя. И это-то узнавание есть главная цель ... нашего путешествия..» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1545. Л. 10–11).

¹³ Во время путешествия (31 июля – 28 октября 1837) императрица и ее спутники посетили Москву, Воронеж, смотр войск в Вознесенске, Одессу, Севастополь и Алуку. Великая княжна Мария Николаевна (1819–1876), в замужестве герцогиня Лейхтенбергская, являлась президентом Академии художеств и председателем Общества поощрения художников (1852).

¹⁴ После разделов Польши униатской церковью ведала Римско-католическая коллегия в Петербурге, а с 1828 г. особая Униатская коллегия. В связи с начавшейся в 30-х гг. XIX в. ликвидацией униатской церкви (завершена в 1839 г.; в Холмской

епископии – в 1875 г.) в 1837 г. она была подчинена обер-прокурору Синода.

¹⁵ Головин Евгений Александрович (1782–1858), участник войн с Наполеоном и Отечественной войны 1812 г. Военный губернатор Варшавы (1828–1837); затем командовал отдельным корпусом на Кавказе; назначен генерал-губернатором Прибалтийского края (1845). Член Государственного совета (1848).

¹⁶ Пален Федор Петрович (1780–1863), русский посланник в Вашингтоне, Рио-де-Жанейро, Мюнхене и Париже. Член Государственного совета (1832).

¹⁷ «Секретный комитет о раскольниках и отступниках православия» (1817–1855) состоял из духовных лиц и представителей высшей бюрократии (министров внутренних дел, народного просвещения и др.), координировал мероприятия духовных и гражданских властей в отношении раскольников. Его исполнительными органами с 1838 г. являлись губернские раскольничьи комитеты, учрежденные в 21 губернии.

¹⁸ Мордвинов Александр Николаевич (1792–1869), действительный тайный советник, сенатор. Участник Отечественной войны 1812 г. Управляющий III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1831–1839).

¹⁹ Имеется в виду назначение П.Д. Киселева министром государственных имуществ.

²⁰ Дашков Д.В.

²¹ Блудов Д.Н.

²² Канкрин Е.Ф.

²³ Уваров С.С.

²⁴ Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882), граф, член Государственного совета (1856). Участник Отечественной войны и заграничных походов русской армии (1813–1814), Русско-турецкой (1828–1829) и Крымской (1853–1856) войн. Меценат, коллекционер и археолог. В 1825 г. основал бесплатную художественную школу (Строгановское училище). Председатель Московского общества истории и древностей российских (1837–1874). Основатель (1859) и президент

Археологической комиссии. Попечитель Московского учебного округа (1835–1847). Содействовал преобразованию системы среднего и высшего образования в России. Московский генерал-губернатор (1859–1860).

²⁵ В связи с обнаружением участия 35 студентов Университета Св. Владимира в польском политическом заговоре университет был на год закрыт (однако жалование профессорам сохранялось, а студенты получали право быть принятыми в любой российский университет с зачетом времени обучения в Киеве). Преподавание польского языка по возобновлении обучения было прекращено.

²⁶ Лелевель Иоахим (1786–1861), польский историк и общественный деятель. Окончил Виленский университет (1808), где занимал кафедру истории (1815–1818, 1822–1824). После раскрытия тайных сту-

денческих обществ “филоматов” и “филаретов” был отстранен от преподавания, как их идейный вдохновитель, и переехал в Варшаву. В 1830 г. Избран депутатом сейма (1830). Во время восстания (1830–1831) – председатель Патриотического общества, член Национального правительства. После поражения восстания эмигрировал во Францию. Возглавлял Национальный польский комитет, объединивший демократическое крыло эмиграции. За публикацию воззвания к русским, содержавшего призыв к совместной борьбе против самодержавия, в 1833 г. выслан из Франции; продолжал научную и общественную деятельность в Брюсселе.

²⁷ Речь идет о памятниках М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю-де-Толли перед Казанским собором в Петербурге, установленных в 1837 г.; скульптор – Б.И. Орловский, архитектор – В.П. Стасов.

**ОБОЗРЕНИЕ ДУХА НАРОДНОГО
И РАЗНЫХ ЧАСТЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
в 1838 году***

О ДУХЕ НАРОДНОМ

Лучшим мерилom расположения народного к Государю несомненно служат те впечатления, которые производят на публику различные обстоятельства, собственно Особы Его Величества и Семейства Его касающиеся. Высшее наблюдение, обращая постоянное внимание на дух народный и поверяя замечания свои теми резкими изъявлениями общественного мнения, которые обнаруживаются при всяком замечательном в Царственном Доме событии, каждый год получает новое удостоверение, что народ русский нисколько не утратил свое древнее наследие, наследие драгоценное, которому Россия обязана своим величием, спокойствием, которому во времена бедствия она обязана была своим спасением, одним словом, что русские и ныне всею душою любят Царя своего, безусловно Ему преданы и почитают Его не иначе, как всеобщим Отцом своим, благодатию Божескою им дарованным. И никогда, может быть, чувства сии не распространялись в той силе на весь Царственный Дом, как ныне, ибо никогда Семейство Царя Русского не представляло того патриархального единства, того согласия или, лучше сказать, той взаимной, искренней всех Его членов друг к другу любви, как сие является ныне. В Государе видят примерного Супруга и примерного Отца. Здесь мимоходом упомянем об одном обстоятельстве, которое, может быть, в сущности своей покажется и маловажным, но которое производит на публику самое приятное впечатление; мы хотим говорить о посещении Государем театров в кругу Своего Семейства. Ныне уже к этому привыкли, не менее того, однако же, всегда с удовольствием и с восхищением даже замечают, что Его Величество в часы Своего отдохновения от забот госу-

* Перед текстом помета: «Государь изволил читать 17 января 1839».

дарственных разделяет удовольствия Своего Семейства и в кругу его находит Себе отраду и наслаждение.

Обратимся теперь к тем событиям истекшего 1838 года, на которых основывается вышеизложенное заключение наше относительно чувств народных к Государю и всему Царскому Дому.

В самом начале весны сделалось известно, что Государь и Императрица изволят лето провести в чужих краях и что Его Величество посетит Варшаву. Это известие произвело самое заботливое в здешней публике впечатление. Не доверяя полякам, зная козни их в иностранных государствах и свободу, которою самые злейшие враги Его Величества в тех государствах пользуются; наконец, сомневаясь в бдительности там за ними надзора, все единогласно оуждали таковое намерение Государя, или справедливее сказать, сожалели, что Его Величество подвергает Себя столь видимой (так понимала публика) опасности. Наконец, в мае месяце Его Величество изволил оставить столицу, и тут сомнения достигли высшей степени. Нетерпеливо ожидали известий из Варшавы, и как отлегло у всех от сердца, когда узнали о благополучном совершении сего первого опасного шага. В то время общественное мнение как бы помирилось с варшавскими жителями и было им благодарно за изъявленные ими радость и восторг при посещении Государя. При сем случае многие замечали, что Государь худо отплатил полякам за таковое их приветствие, возобновив в их памяти примерным штурмом Воли потерпенное* ими в 1831 году поражение. Находили действие сие несоответствующим обычному великодушию Государя и полагали, что оно должно было произвести на поляков неблагоприятное впечатление, что и действительно оказалось справедливым по известиям, впоследствии из Варшавы полученным. Не менее того однако же, услышав, как Государь один, без всякого сопровождения, ходил в толпе гуляющего народа, многие оуждали таковое действие, признавая его крайне неосторожным, другие же, напротив, одушевленные русским удалством, восхищались этою смелостью. Молодец, говорили они, у нас Государь; поляки думали, что Он не смеет приехать в Варшаву; вот же Он им доказал, что не боится их.

Распространившиеся вскоре после того слухи о нездоровье Его Императорского Высочества Великого Князя Наследника произвели в публике самое грустное впечатление. С живейшим участием и со страхом доискивались положительных сведений, не верили официальным известиям, полагая, что скрывают настоящее положение Его Высочества. И как в то время обнаружилась здесь на многих корь, то говорили, что и Его Высочество подвергся этой болезни, но что она скрылась и легла на грудь. Опасение было всеобщее; частные известия, здесь получаемые, еще усиливали стра-

* Так в тексте.

хи сии, представляя положение здоровья Его Высочества очень сомнительным. Весьма живо в сем случае оказались чувства любви к Царственному Дому; горевали о Наследнике, но в то же время горевали и о Государе и Императрице, зная чадолюбивое их сердце и понимая, какой бы жестокий был для Них удар – потеря Их первенца. Здоровье Его Высочества долго составляло общий предмет разговоров и помышлений, и не прежде, как в начале уже осени, опасения прекратились.

Получавшиеся здесь чрез частные письма и приезжих известия о пребывании Государя в Германии все согласовались в том, что Его Величество и там среди населений, не весьма расположенных на пользу Царя русского, сделался предметом всеобщего удивления, что даже в некоторых местах появление Его возбудило истинный восторг. Эти известия были принимаемы здесь с особенным удовольствием; они льстили самолюбию народному и вполне удовлетворяли патриотическим чувствам русских, привыкших в доблестях Государя своего видеть собственную свою славу. Со всем этим с окончанием лета начинали уже изъявлять нетерпение о возвращении Государя; отсутствие Его казалось уже слишком продолжительным; боялись, чтоб Его Величество не взял привычку посещать чужие края, чтоб Ему там не полюбились; припоминали, как покойный Император¹ в последние годы царствования своего часто удалялся из Отечества и вне оно находил себе услаждение и отдохновение от царственных трудов своих. Из различных толков и рассуждений, собранных нами в то время, мы могли совершенно убедиться, что повторенные отсутствия Государя из России, конечно бы, произвели самое неприятное впечатление, особенно в среднем сословии рассуждающей публики, и ослабили бы в нем понятия о национальности нынешнего Государя, которая, как резкая черта, отличающая Его от всех предшественников Его со времен Петра I, приобрела Его Величеству столь много похвал, любви и всеобщее одобрение. Любя Государя превыше всего, подданные Его не чужды чувства ревности к Нему. Они не равнодушны, ежели видят, что Государь находит Себе удовольствие и расточает Свои милости вне Отечества, и хотя 13-ти летнее Царствование Его Величества убедило в постоянном и исключительном стремлении Его к возвышению всего русского, к покровительству всему отечественному и к искоренению рабского подражания иностранцам, не менее того, однако же, справедливо будет заметить, что русские, приобывшие* в продолжении более ста лет видеть предпочтение наших Государей к иностранцам, готовы и ныне вновь обратиться к тому понятию при малейшем благоприятствующем оному обстоятельстве.

* Так в тексте.

Изложив, таким образом, со всею точностью замеченные нами впечатления, произведенные здесь пребыванием Государя прошедшим летом за границую, мы обратимся теперь к событию, которое сильно расшевелило сердца всех верноподданных Его Величества и разительно обнаружило чувства их к Царственному Дому. Известие о помолвке Великой Княжны Марии Николаевны никого не оставило равнодушным. Участие при сем случае было всеобщее. Если некоторые лица высшего круга, приобывшие хладно разбирать всякое событие, и рассуждали со всею строгостью этикета о неравенстве сего союза, о политическом положении герцога Лейхтенбергского², то можем утвердительно и безошибочно сказать, что эти расчеты и в голову не входили общей массе публики. Напротив, тому-то и радуются, что Великая Княжна не приносится в жертву каким-либо политическим видам, но что Она выходит по избранию сердца Ее за человека молодого, красивого, приятного, а более всего радуются, что Ее Высочество, согласно собственному Ее желанию, остается в России в том твердом убеждении, что нигде Ей не может быть лучше и что нигде не найдет Она столько любви, как в семействе и отечестве Своем. Герцога Лейхтенбергского с самой первой минуты полюбили здесь как своего, как родного. Публика здешняя жаждала излить сии чувства и, получив на то позволение, с непритворным восторгом приветствовала в театре Их Императорские Величества и прибывших вместе с Ними Великую Княжну и герцога. Москва нетерпеливо ожидала к себе Государя, и восторг ее жителей, обычный при появлении Его Величества, на сей раз еще с большею силою обнаружился во всех ее жителях. И на площади народной, и в театре, и в многочисленном Собрании дворянства Его Величество мог убедиться в живом участии подданных Своих к счастливому событию в Его Семействе. И в торжественный день обручения Ее Высочества можно было заметить, сколько все стремились изъявить свое сочувствие: чертоги Царские редко представляют такое многочисленное собрание, какое было в этот день; не было отсталых, все находилось налицо. Узнав, что вечером Их Величества изволят посетить театр, все туда стремились, желая еще раз приветствовать Новообрученных. Театр был полон до невозможности и если б был в 10 раз обширнее, то все-таки не вместил бы в себя всех жаждавших видеть Царственное Семейство в сей торжественный день. Появление Их Величеств было ознаменовано громкими и единодушными восклицаниями, и во весь сей вечер публика столь же нетерпеливо ожидала всякий раз опущения занавесы, сколько обыкновенно ожидает ее поднятия. Не для Тальони³ собралась она в сей день, не ею занималась она, но к Императорской ложе обращены были и сердца и взоры всех присутствовавших.

Все эти приведенные нами здесь факты ясно доказывают, что общественный дух в отношении к Государю и ко всему Царскому Дому совершенно удовлетворителен и ничего желать не оставляет.

О РАСПОЛОЖЕНИИ УМОВ В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ

В прошлогоднем обозрении нашем, говоря о жителях Польских губерний, мы упомянули о получаемых высшим наблюдением от разных источников сведениях, что среди населения тех губерний находятся многие, которые, постоянно упорствуя в ненависти своей к правительству, продолжают питать безрассудные свои мечты и стараются, сколько возможно, распространить сии понятия и чувства между своими соотечественниками. Мы тут же присовокупили, что сколько ни убеждено высшее наблюдение в справедливости сего, но что определительных указаний оно дать не может. Очевидно было тогда уже существование болезни, но скрыты были члены, ею зараженные. Задержание в начале прошедшего лета эмиссара Канарского⁴ наконец яснее указало зло и злоумышленников. Излишним считаем распространяться здесь об обстоятельствах сего дела, известного Государю в малейших его подробностях, но заметим, что ничто не доказывает лучше неблагонадежности расположения поляков к правительству, как эта быстрота, с которою Демократическое общество⁵ во все стороны пустило свои отростки, и та возможность, которую имел Канарский в продолжение двух лет тайно жить, разъезжать и злоумышлять в границах наших. Следствие обнаружило большое число лиц, знавших о его приезде, видевшихся с ним, принявших участие в его замыслах и предприятиях, но не нашелся из них ни один предатель, ни один, который бы по чувству верности к Государю решился открыть пред правительством присутствие злоумышленника. Конечно, нет сомнения, что обнаружение Демократического общества и наказание виновных на время разрушит предпринятое дело и остановит других в подобных предприятиях; но ежели спросить, надолго ли, то решительно можно ответить: до удобного только времени. По получении здесь известия об открытом в Варшаве тайном обществе и об арестовании в Вильно эмиссара Канарского высшее наблюдение обратило особенное внимание на живущих в здешней столице поляков, стараясь узнать, как они об этом рассуждают, и вот результат: осторожные молчат и держат мысль свою про себя; прочие в искренних своих беседах говорят, что в настоящее время глупо составлять общества, что все поляки должны сохранять чувство своего патриотизма в сердце и общими силами действовать, когда явятся обстоятельства, им благоприятствующие, как, например, европейская война; что составление обществ лишь вредит общему делу поляков, ибо, будучи неминуемо открываемы, они возбуждают только противодействие правительства. Изыскания наши не встретили никого из здешних поляков, который бы винил членов обнаруженных обществ в измене своему Государю, находил бы действие их преступным или даже предосудительным. Все виновные признаются ими не иначе как жертвами необдуманного

патриотизма, достойными сожаления. Таким образом, расположение поляков к правительству не представляет ничего удовлетворительного; нет сомнения, что враждебные их чувства главнейше поддерживаются удалившимися за границу поляками, которые, пользуясь покровительством в неприязненных нам державах (ныне преимущественно в Англии, Франции и Бельгии) и не ослабевая в безумных своих мечтах о самостоятельности Польши, не перестают всеми возможными средствами возбуждать в Западных наших губерниях неприязненный дух к правительству; но с тем вместе многие находят, что и самые распоряжения правительства, с одной стороны, к уничтожению национальности поляков, а с другой – к ограничению их в некоторых преимуществах, коими пользуются прочие Его Величества подданные, способствуют к поддержанию враждебного в поляках духа. Меры сии, принимаемые правительством исподволь, по временам и признаваемые поляками стеснительными, всякий раз возбуждают в них новое неудовольствие и держат их в раздражительном положении. Мы даже слышали, что некоторые из поляков радуются таковой системе правительства, признавая ее способствующей их вредным замыслам. Рассуждают, что полезнее бы было и ближе к достижению желаемой цели, если б правительство единожды сделало все изменения, признаваемые им нужными, чему самый удобный случай представлялся по прекращении в 1831 году Польского возмущения, и затем уже оставило бы поляков в совершенном покое, чрез что постепенно изгладилось бы произведенное впечатление и не возбуждалось бы беспрестанно новыми распоряжениями.

Заграничные польские комитеты, как видно из поступивших от миссий наших и агентов высшего наблюдения сведений, отправили от себя в начале весны большое число эмиссаров, которые должны были проникнуть как в Западные наши губернии, так и в Царство Польское, а некоторые и в здешнюю столицу, с преступными против Священной Особы Государя Императора намерениями; однако же, сколько известно, ни один из них не проник в наши границы. Впоследствии, когда сделалось известно предположение Его Величества провести лето в Германии, действия сих злоумышленников были направлены туда, но и там принятые строгие меры правительствами австрийским, прусским и баварским разрушили их замыслы.

ОБ УНИАТАХ

Из сведений о положении униатов оказывается, что приуготовленные меры правительства в цели присоединения их к православной церкви имели совершенный успех в губерниях Литовских; в губерниях же Белорусских дело сие находится не в столь удовлетворительном положении. Здесь

оказывается противодействие помещиков-католиков и вредное влияние их на крестьян униатского исповедания, оказавших в некоторых местах сопротивление при восстановлении в церквях их надлежащего устройства и богослужения. Впрочем, ни один из сих случаев не имел важных последствий, и заметно, что крестьяне действовали не по собственным религиозным побуждениям, но единственно по внушениям посторонним.

Генерал-майор Дребуш⁶ находит, что при настоящих обстоятельствах, когда по поводу дела Канарского поляки ныне опасаются важных для себя последствий и ожидают, что правительство, имея повод к общему невыгодному о них заключению, примет уже решительные меры, представляется самый удобный случай к исполнению предположения о совершенном присоединении униатов к православной церкви, чем будет положен конец влиянию римско-католического духовенства, от которого, по мнению генерала Дребуша, могут произойти весьма вредные последствия.

О ДУХЕ ЖИТЕЛЕЙ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО

О Царстве Польском высшее наблюдение, как в прошедшие годы, так и в истекшем 1838, не имело никаких официальных и достоверных известий, по которым можно было бы сделать положительное заключение о духе тамошних жителей и расположении их к правительству. Если верить сведениям, доставляемым от Варшавского начальства, то должно заключить, что расположение жителей Царства Польского постепенно улучшается и довольно удовлетворительно, хотя, впрочем, те же сведения показывают, что всякое несколько занимательное политическое в европейских государствах событие не перестает возбуждать, конечно, не во всех, но во многих из поляков враждебные для России толки и возобновляет мечты их о возможности достигнуть независимости. Но, с другой стороны, некоторые частным образом полученные сведения представляют совсем иное: говорят, что никогда жители Царства не были так худо расположены к правительству, так недовольны, как в настоящее время; говорят, что злоупотребления, существующие в разных частях тамошнего управления, возбуждают общий ропот. Жалуются, что наместник Царства⁷, мало сам вникая в дела гражданские, вверился людям совершенно недостойным, что несправедливости встречаются на каждом шагу и что важнейшие дела решаются и должности раздаются не иначе, как за деньги. В одном из предшествовавших наших обозрений были уже в некоторой подробности изложены злоупотребления сии; с того времени они, как слышно, не только не уменьшились, но еще более вкоренились и распространились в Царстве повсеместный дух неудовольствия против русского правительства.

Мы слышали, что во время пребывания Государя прошедшим летом в Варшаве тамошние жители приняли Его Величество с изъявлением восторга; верим искренности этого восторга, но многие здесь при этом случае замечали, что и при короновании Государя Императора Царем Польским подобные же были изъявления восторга, между тем как в то же самое время уже таились преступные замыслы, а вскоре после того последовало и всеобщее восстание, из чего заключают, что восторги поляков, ежели они и искренни, то все-таки весьма ненадежны.

ПРЕДМЕТЫ, ОБРАТИВШИЕ ВНИМАНИЕ ПУБЛИКИ, РАЗНЫЕ ТОЛКИ, СУЖДЕНИЯ И СЛУХИ

Оконченная весной железная дорога отсюда до Царского Села и вслед за тем до Павловска⁸ в продолжение всего лета весьма много и приятно занимала здешнюю публику. В самом почти начале открытия сего нового еще у нас пути сообщения произошел неприятный случай: сгорел один вагон от искр, летевших из трубы паровоза; случай сей, вероятно бы, имел весьма невыгодные последствия для общества железной дороги, но поездка, совершенная по ней вслед за тем Государем и всю Императорскою Фамилиею, магически уничтожила в публике всякое опасение, и предприятие это имело совершенный успех. Сей первый опыт и сведения об устраиваемых повсеместно в Европе железных дорогах обратили внимание многих на возможность и выгоду устройства подобного сообщения между обеими нашими столицами. Явились различные по этому поводу статьи в журналах наших. Некоторые из капиталистов, людей сведущих в движении нашей внутренней торговли, желали бы предпринять это дело, быв уверены в пользе, долженствующей от него произойти; но как у нас никакое значительное предприятие не может совершиться без особенного покровительства и содействия правительства, министр же финансов⁹ и Главное Управление Путей Сообщения, как сказывают, не признают устройство подобной дороги полезным и выгодным, то и остается ныне дело сие без дальнейшего движения.

Возобновление Зимнего Дворца после несчастного происшествия 17 декабря 1837 года равномерно обращало внимание здешней публики. Она с участием следовала* за быстрым восстановлением нашей Капитолии. Произшедшие два случая обрушения свода и железных балок возродили много толков и опасений насчет прочности работ. Приписывали случаи сии той непомерной скорости, с которою работа производилась; единогласно оуждали такую поспешность в возведении дома Царей наших, рассуждая, что поспешность сию мудрено соединить с должным на каждую

* Так в тексте.

часть вниманием; и ныне многие остаются при той мысли, что от чрезмерно скорой отделки неминуемо должно во вновь возведенных стенах и в каменных сводах остаться много сырости, соображая, какое огромное количество воды было влито во время пожара и при совершении работ.

Не столько удивились здесь внезапному приезду Государя в июне месяце в здешнюю столицу, сколько поразило всех известие, что Его Величество посетил Шведского короля¹⁰ в Стокгольме; это уже было совершенно неожиданно и, как событие необыкновенное, дало повод к разным суждениям и заключениям. Принимая в соображение сомнительные наши сношения с Англией, полагали, что у нас будет с ними война и что Его Величество посетил короля Шведского для нужных по сему случаю соглашений и для укрепления союза нашего с Швецией. В подтверждение этих предположений разнеслись здесь вслед за вторичным отбытием Государя слухи о повсеместном и значительном рекрутском наборе; говорили, что Манифест о том подписан и оставлен военному министру¹¹ для обнародования чрез некоторое время. Слухи сии и толки о войне недолго, однако же, продолжались, и вскоре за тем все внимание и участие публики обратилось на поездку Государя в Варшаву и на положение здоровья Его Императорского Высочества Государя Наследника; тревожились также насчет здоровья Государыни Императрицы по достигшим сюда сведениям о продолжающемся у Ее Величества кашле.

Последовавший в июле месяце Указ о рекрутском наборе с северной половины России был на сей раз принят с особенным неудовольствием по причине прибавки одного с тысячи против постановленного недавним еще узаконением числа в мирное время. Уже и самое постановление о постоянном каждый год наборе с одной половины государства по 5 человек с тысячи признается довольно тягостным, и потому прибавка, последовавшая в нынешнем году без всякой видимой причины, единственно для пополнения обыкновенной убыли, возбудила довольно заметный между помещиками ропот. Рассуждали, что за таковым изменением государственного постановления нельзя уже быть уверены, чтоб сия столь тягостная повинность не была впоследствии еще более увеличена. Не столько жаловались на Государя, сколько винули военного министра и дежурного генерала¹², и изъявляли сожаление, что нет из числа министров человека с характером твердым, который бы принял на себя представить Государю, сколь тягостны для государства подобные наборы, а есть только угодники Его Величеству, которые из личных своих выгод желают сделать приятное Ему тем, что армия наша будет в полном комплекте. Сколь ни строги и, может быть, несправедливы таковые суждения, но высшее наблюдение считает себя не вправе умолчать о них в сем совершенно откровенном обозрении.

О РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Излагая каждый год в обозрениях наших замечания высшего наблюдения относительно общих суждений о министрах и ходе дел в управляемых ими частях, мы на сей раз могли бы только повторить неоднократно нами сказанное, так как и самые министры остаются те же и, следовательно, и в образе управления подведомственных им частей нет заметных изменений, и потому из полученных в истекшем 1838 году высшим наблюдением сведений мы извлекаем только предметы особенно замечательные и те, кои собственно принадлежат к истекшему году. Таким образом, мы преходим молчанием Министерство Юстиции, как не представившее наблюдению ничего нового и особенного.

Министерство внутренних дел

И в минувшем году последовало увольнение нескольких гражданских губернаторов по оказавшейся неблагонадежности их. Кроме сих, имеются в виду высшего наблюдения еще некоторые, которые равномерно далеко не удовлетворяют требованиям звания их. Неразборчивое назначение губернаторов есть главный упрек, который в общественном мнении лежит на нынешнем министре внутренних дел¹³. Замечают, что он мало заботится узнавать людей, способных к занятию сей важнейшей для благосостояния государства должности, и что, не имея никого в виду, он берет кого попало и кого ему дадут. Назначение генерал-лейтенанта Бибикова¹⁴ генерал-губернатором заслужило одобрение всеобщее, во всем пространстве сего выражения. Управляя губерниями, населенными и русскими и поляками, он справедливостью, деятельностью и благоразумными распоряжениями своими приобрел в течение года всеобщее к себе доверие и уважение. Он действительно в этом отношении представляет пример, ежели не единственный, то, по крайней мере, совершенно необычайный. Вышнее наблюдение не имеет в виду ни одной жалобы на него, ни даже намека о каком-либо против него неудовольствии, хотя он в действиях своих не только не слаб, а скорее еще строг и взыскателен, но как свойства сии сопровождаются у него совершенным беспристрастием и непоколебимую справедливостью, то и приобрели ему всеобщее уважение и одобрение.

Вообще заметно улучшение в земских полициях. Со времени увеличения окладов исправникам и заседателям земских судов поступают в сии звания по выборам дворяне не из одних видов корысти. Учреждение станových приставов¹⁵ оказывается учреждением весьма полезным; желательное только, чтобы было обращено большее внимание при назначении в сию должность, которая хотя и составляет самый низший разряд в государственном управлении, но не менее того, или правильнее сказать, имен-

Князь Карл Андреевич Ливен

но потому имеет самое непосредственное влияние на благосостояние и спокойствие народное. Весьма естественно, что на первый раз при назначении вдруг всего потребного числа станowych приставов неминуемо поступило много людей недостойных, но от попечительности местных начальств будет зависеть исподволь улучшить состав сих чиновников устранением неблагонадежных.

Министерство народного просвещения

Сия отрасль государственного управления при неусыпных трудах нынешнего министра¹⁶ продолжает ознаменовывать себя особенною деятельностью. Каждый год являет новые учебные заведения и новые улучшения. Надзор за учениками в здешних гимназиях, по общим отзывам, ныне гораздо удовлетворительнее и даже в продолжение истекшего года значительно улучшился. Московский университет под благодетельным и истинно просвещенным начальством графа Строганова постоянно возвышается. Усилия министра к водворению русского языка в учебных заведениях Западных губерний оказывают значительные успехи, но с тем вместе возбуждают в тамошних жителях крайнее неудовольствие. Что же принадлежит до университета Св. Владимира в Киеве, то здесь результаты оказались весьма неудовлетворительными: наполнение его профессо-

рами и учителями бывших Виленского университета и Кременецкого лицея и назначение тамошним попечителем человека чрезмерно слабого принесли горькие плоды и поставляют ныне правительство в необходимость прибегнуть к строгим наказаниям там, где одни меры хорошего надзора могли бы все предупредить.

Министерство финансов

Мы не принимаем на себя судить, до какой степени зависит от министерства финансов прекратить повсеместно распространившийся с некоторого времени лаж* монеты на ассигнации, но скажем только, что зло сие составляет общий предмет неудовольствия, крайне стеснительно особенно для рабочего класса народа и год от года увеличивается. Все единогласно жалуются на недостаток в ассигнациях, который столь велик, что внутри государства, в губерниях, отдаленных от столиц, их вовсе нет в обращении. По сему недостатку, чувствительно затрудняющему денежные обороты, общее мнение, не одной толпы народной, но и купечества признает необходимым выпуск новых ассигнаций; но министр финансов, основываясь на своей системе, никак не склоняется на таковое общее требование. Его обвиняют, что он, придерживаясь финансовой теории иностранных государств, не хочет или не умеет постигнуть, что ассигнации наши не имеют никакого сходства с ассигнациями английскими и французскими. Там ценность их основана на кредите; их почитают не иначе, как векселями; у нас же они просто деньги, всякий их признает таковыми, и они только тогда могут упасть в цене своей, когда количество их превзойдет существенную в них надобность для оборотов торговли и промышленности. Ныне же явно, что при быстром развитии в России и той и другой, существующее в обороте количество денег крайне недостаточно. Справедливы ли сии упреки, мы решать не осмеливаемся, но они всеобщие; претерпеваемое стеснение очевидно, и потому обстоятельство сие, конечно, достойно внимания и заботливости высшего правительства.

Министерство государственных имуществ

Все полученные в продолжение истекшего года сведения и общие отзывы свидетельствуют о благоразумных и полезных распоряжениях сего министерства. Генерал-адъютант Киселев¹⁷ с большою разборчивостью принимает к себе чиновников, так что до сего времени весьма немногие подвергли себя нареканию, но и те – не по предосудительным каким-либо поступкам, а по недостатку осторожности или по неосновательным действиям, происшедшим от новости предмета. В деле сем, где можно было опасаться неприятных столкновений, не произошло доселе еще ни одного подобного случая. Между тем замечают, что управление государственно-

* Так в тексте.

ми крестьянами и казенными имуществами из хаоса, в котором оно находилось, приводится постепенно в надлежащее устройство, и потому ожидают от сей новой части государственного управления весьма полезных плодов.

Комитет о раскольниках

Назначение членом сего комитета генерал-адъютанта Киселева имело самое благотворное действие на дела, в нем обсуждаемые. До того времени духовные члены комитета, мало способные к государственным соображениям и одушевляемые более религиозным фанатизмом, имели в комитете перевес; один министр внутренних дел состязался с ними в духе терпимости, но усилия его большей частью побеждались настойчивостью митрополитов; ныне назначение генерал-адъютанта Киселева совершенно уничтожило таковой перевес духовных членов, и можно быть уверено, что дела раскольничьи будут обсуждаемы с должным беспристрастием в видах пользы и спокойствия общественных, и ежели будут представляемы Его Величеству какие-либо меры строгости, то не по духу гонения к раскольникам, но единственно для искоренения существующих между ими злоупотреблений, несообразных государственному благоустройству.

С.-Петербургская полиция

Высшее наблюдение неоднократно в обозрениях своих указывало на неудовлетворительное положение полиции здешней столицы. Часть сия требовала совершенного преобразования. В истекшем 1838 году преобразование сие по долгом рассмотрении последовало. Сделаны изменения в судебной части полиции и увеличены оклады. Нельзя еще произнести основательного заключения о пользе, какую принесет новое сие положение; до сего времени никакого еще изменения не заметно, все остается в прежнем виде, та же медленность в производстве дел, тот же недостаток в порядочных людях. Мы слышали, что обер-полицмейстер¹⁸ и ныне крайне затрудняется в приискании людей для занятия должностей квартальных надзирателей и поручиков и что при всем возвышении окладов оклады сии далеко не удовлетворяют действительной потребности.

О гвардейском корпусе

Войска гвардейского корпуса в течение минувшего года вновь отличили себя сколько усердием, столько же и духом безусловной преданности к Престолу. Значительных происшествий не было; неизбежные неисправности существовали только в самой малой степени. Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Павлович искоренял и даже предупреждал их с обычною Ему деятельностью. В сих случаях взыскания Его Высочества всегда были справедливы, но образ взыскания иногда производим был не с тою кротостью и милостью, которых всегда ожидать дол-

жно от Особы столь высокого звания. Это породило во время лагеря в войсках некоторый ропот и неудовольствие, так что высшие власти ожидали окончания лагерного времени с некоторым нетерпением, опасаясь неприятных последствий. Смирение, с которым гвардейские полки переносили гнев Его Высочества, и празднества сих полков в высокаторжественные дни рождения Государя Императора и Государыни Императрицы, в особенности же в день Преображения Господня, служат новым и убедительным доводом, что никакие обстоятельства не могут поколебать верности и преданности сих войск к особе Его Императорского Величества.

Сведения о войсках армии также весьма удовлетворительны. Высшее наблюдение не имело в продолжение года в виду ниоткуда жалоб на воинских чинов, не исключая Западных губерний и Царства Польского.

Последовавшая 6 декабря прибавка содержания военным и дарованные преимущества офицерам военно-учебных заведений произвели здесь самое благоприятное впечатление. Мы не имеем еще по сему предмету сведений из других мест, но нет сомнения, что таковая милость в войсках армии будет принята не с меньшею благодарностью, ибо там прибавка содержания более еще будет ощутительна. Гвардейский же корпус принял сию милость за новый знак постоянного стремления Государя к улучшению, при малейшей возможности, положения всегда Ему верных и преданных войск.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 3. Л. 151–169 об.

¹ Александр I (1777–1825), российский император (1801–1825).

² Максимилиан (Эжен Жозеф Огюст Наполеон) Богарне (1817–1852), князь Эйхштедтский; герцог Лейхтенбергский (1835), сын Эжена Богарне (1781–1824), первого герцога Лейхтенбергского и Августы Амалии, принцессы Баварской. На русской службе с 1839 г.: командир 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Почетный член Императорской Академии наук (1839) и Академии художеств (1842), президент Академии художеств (1843–1852), главноуправляющий Институтом Корпуса горных инженеров (1844). Умер от туберкулеза на о. Мадейра.

³ Тальони Мария (1804–1884), знаменитая танцовщица, в замужестве графиня де Ваузен.

⁴ Канарский Шимон (1808–1839), польский революционер; после поражения восстания (1830–1831) жил в эмиграции. Участник похода итальянских карбонариев в Савойю (январь 1834). Один из основателей организации «Молодая Польша» (1834–1836) и издателей газеты «Пулноц», проводившей идею польско-русского революционного союза. В 1835 г. в качестве эмиссара «Молодой Польши» прибыл в Краков; создавал ячейки «Содружества польского народа» на территории Украины, Белоруссии и Литвы. Арестован в мае 1838 года, казнен в 1839 г..

⁵ Демократическое общество – польская политическая организация, основанная в 1832 г. в Париже группой польской эмиграции. Манифест Демократического общества (1836) провозглашал лозунги «народной революции», главной движущей силой которой должно было стать крестьянство, и

восстановления Польши в границах 1772 г. Демократическое общество подготовило Краковское восстание (1846); члены организации принимали активное участие в европейском революционном движении 1848–1849 гг. Самоликвидировалось в 1862 г. после создания Центрального национального комитета.

⁶ Дребуш А.Ф.

⁷ Паскевич И.Ф.

⁸ Строительство дороги было начато 1 мая 1836 г. по проекту австрийского инженера Ф.А. Герстнера; открытие состоялось 30 октября 1837 г. В начале поезда ходили на конной тяге и только по воскресеньям и праздникам – на паровой. 22 мая 1838 г. дорога была открыта на всем протяжении от Санкт-Петербурга до Павловска (27 км), тогда же полностью перешли на паровую тягу. Дорога служила главным образом для увеселительных поездок.

⁹ Канкрин Е.Ф.

¹⁰ Карл XIV Юхан (1763–1844), Жан Батист Бернарот, князь Понтекорво, маршал Франции (1804). Был усыновлен шведским королем Карлом XIII (1810), король Швеции (с 1818 г.).

¹¹ Чернышев А.И.

¹² Клейнмихель П.А.

¹³ Блудов Д.Н.

¹⁴ Бибииков Дмитрий Гаврилович (1791–1870), генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г. владимирский (1819), саратовский (1820) и московский (1821) вице-губернатор; директор Департамента внешней торговли (1825). В декабре 1837 г. был назначен киевским военным губернатором, подольским и волынским генерал-губернатором, проводил русификаторскую политику. Разработал инвентарные правила, регламентировавшие отношения крестьян и помещиков в юго-западных губерниях (1846–1847). Член Государственного совета (1848); министр внутренних дел (1852–1855).

¹⁵ Становой пристав – полицейская должность, учрежденная в 1837 г. в России для заведывания станом. Назначался губернатором по представлению местного дворянства, подчинялся исправнику и земскому суду (с 1862 – уездному полицейскому управлению).

¹⁶ Уваров С.С.

¹⁷ Киселев П.Д.

¹⁸ Кокошкин С.А.

ПРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ за 1839 год*

Никогда правительство не было в столь строгой необходимости напрягать все свое внимание на распространившееся в Европе желание к перемене порядка вещей, которое чрез путешествие русских подданных за границу и иностранцев в наши пределы, как равно и чрез посредство облегченных сообщений и торговых сношений, проникает отчасти и в Россию. Желание сие побудило высшую полицию, усилив наблюдение за движением умов в пределах государства, прибегнуть ко всем возможным средствам устроить бдительное сношение и с лицами вне оною находящимися, и пользуясь их благонамеренными извещениями, предупреждать вредные замыслы, могущие поколебать спокойствие России. Бесперывные внешние сношения высшей полиции представляют в истекшем 1839 году ряд замыслов доселе небывалых в видах столь различных и только неусыпное преследование и наблюдение за оными уничтожало их исполнение. Князь Меттерних и Рохау¹, князь Варшавский, граф Нессельроде, посланники наши в Париже, Лондоне, Вене, в Риме, Берлине и Стутгарде**, военные губернаторы Киевский и Виленский, агенты: в Париже Толстой² и Бакье; в Вене Вернер; в Франкфурте, а потом в Париже Дюран, в Стутгарде барон Швейцер³ и Биндер сообщили нам предостерегательные известия о намеревающихся проникнуть в пределы государства польских выходцах и разных эмиссарах революционной пропаганды, имевших поручение учредить тайные общества, распространить возмутительные сочинения, приготовить народ к всеобщему восстанию, и даже с другими, еще преступнейшими намерениями.

Главнейшие из сих известий в течение 1839 года получены были:

а. От Бакье доставлено подробное описание положения эмиграции за границую с показанием учрежденных и вновь учреждаемых польскими выходцами комитетов в Париже и во всей Франции, особенно в Пуатье, в Лондоне и в Брюсселе, под руководством и начальством известных рево-

* Перед текстом помета Л.В. Дубельта: «Его величество изволил читать. Генерал-майор Дубельт».

** Здесь и далее совр. – Штутгарт.

люционеров: во Франции Чарторижского⁴, Платера, Островского⁵, Ходзьки⁶, Рожинского и Дембинского⁷; в Англии Дверницкого, Олимского и Мазини⁸; в Брюсселе Лелевеля, – из коих Чарторижский хотя и потерял уже много в глазах самих поляков, но по оказываемому неприязненными нам державами предпочтению к его партии (le party des conservateurs) и к лицу его, равно как и по богатству своему, продолжает играть первую между выходцами роль. Английское министерство в начале 1839 года отправило к нему агента, вошедшего с ним в переговоры о пособии, какое поляки могут ожидать от Англии. Условий сих Чарторижский даже не смел вполне изъяснить своим соотечественникам, но старался в частных с ними совещаниях убедить их в чрезвычайной пользе приобрести посредничество Англии, какую бы то ни было ценою. Далее Бакье поименовал многих лиц, кои, служа орудиями эмиграции, назначаются к отправлению в пределы наши с различными поручениями, клонящимися к одной общей цели, к возбуждению всеми средствами патриотизма поляков и к вовлечению их в новые мятежные замыслы. К сему Бакье присовокупил взгляд вообще на политическое и материальное положение за границею польских выходцев, которые, встречая всюду некоторую симпатию в так называемых либеральных чувствах народных, не могут, однако ж, при всех их воззваниях возбудить к себе истинное на самом деле участие, и потому они, постигнув, что до какого-либо важного в Европе события они должны терять надежду на полный успех их предприятий, употребляют ныне все усилия, дабы поддержать упадающий дух общей массы поляков, и продолжают готовить оную к ожидаемому счастливому перевороту; а между тем большая часть эмигрантов, особенно в Англии, находясь в бедности, нередко доходит до отчаяния и готова на все, ожидая от каждой перемены обстоятельств лучшего своего положения.

б. Дюран сообщил сведения о соединении в Париже до времени партии Чарторижского и демократов, о появившейся вместе с тем новой деятельности между главными эмигрантами с целью распространить вредные сношения с Царством Польским и Западными нашими губерниями, равно как и с Галициею и Познанью, посредством установления постоянной корреспонденции с сими местами и отправления туда эмиссаров. К такому оживлению выходцев немало содействовало оказываемое им с некоторого времени участие в Англии, где члены первых фамилий под предлогом либерализма вторят безрассудным возгласам мятежников. Сверх того, начальники партий и главные члены оных побуждены были к усиленным действиям и последовавшею в начале 1839 года в Вильне казнью Канарского, которая на многих навела уныние и ослабила их предприимчивость. В числе эмиссаров, долженствовавших отправиться в пределы России, Дюран показал майора Урбановича, который впоследствии,

намереваясь пробраться под чужим именем в Литву, задержан Прусским правительством.

с. Посол в Париже, граф Палец, уведомил:

1. О находимом польскою эмиграциею некотором покровительстве со стороны французского министра внутренних дел графа де Монталиве⁹, который не препятствует выходцам проживать в Париже и старался выставить в виде безвредном издаваемый в Париже поляком Форстером журнал под названием «Древняя Польша».

2. О намерении значительного числа поляков отправиться из Франции в Бельгию для предложения своих услуг в защиту ее национальности и о встреченном ими затруднении со стороны короля Леопольда¹⁰, который принял весьма немногих.

3. Об отправлении Дверницким и Лелевелем в Польшу эмиссаров Тржембского, Годлевского, Киселевского, Адольфа и Константина Залеских и Шемиота.

5*. О составившемся в Париже по старанию графа Монталамберта¹¹ обществе, называемом Католическим, из самых отчаянных революционеров, которое имеет целью образовать миссионеров и посылать их в Польшу для проповедания с распятием в руке вольности полякам. Общество сие будто бы нашло опору и в Риме.

6. Об издании Лелевелем журнала на польском и русском языках под названием «Белый Орел» с девизом: «За нашу и вашу вольность», – от распространения коего в пределах наших он ожидает особенную пользу.

d. Посол в Вене Татищев¹² уведомил, по донесению агента нашего Вернера, о сделанном им в Страсбурге известным революционером Раутенплатом сообщении насчет отправления по распоряжению Мазини с преступным намерением в С. Петербург эмиссаров: Фишера (механика), Зибера, Бедрины и известного уже несколько лет итальянца Карачелли под именем Сищи, из коих первый имеет при себе рисунок машины наподобие machine infernale.

e. Посланник в Стутгарде барон Брунов¹³, по донесению агента Биндера, уведомил о раздаче в последнее время значительного количества денег между находящимися в Швейцарии поляками, из коих до 200 человек поселились в городах, сопредельных с Франциею. Выходцы сии, избрав местечко Каруж в Женевском кантоне местом свидания для революционеров, имеют сношения с Польшею чрез литераторов: Гермеса и Андре, из коих последний должен находиться в Любеке.

f. Вице-канцлер граф Нессельроде, по донесениям консула нашего в Бродях, сообщил об открытом в Галиции заговоре, бывшем последствием действий польских эмиссаров, преимущественно выходца Кульчицкого,

* Ошибка в нумерации, должно быть – 4.

руководствовавшего и Канарского в преступных его действиях и ныне при поимке полицейским начальством лишившего себя жизни. Согласно с сим сведения получены и от Киевского военного губернатора.

g. Князь Варшавский, состоя в непрерывных сообщениях с высшею полициею о замыслах революционной пропаганды, доставил дошедшее до него сведение: 1. О прибытии в Мемель из Франции и Англии политических агентов с значительными суммами с намерением проникнуть в Литву и учредить там масонские ложи. 2. Об отправлении в Польшу и Россию с преступною целью многих эмиссаров, как-то: живописца Штаблера, Карла Брукера, приобретшего* революционным образом мысли известность, Сульковского, Бужинского под именем Марио Дюге, графа Ворцеля под именем живописца Астеля, Зеелановского под именем Мессингера, Сперчинского, Жабу, Шиллинга, Рудзинского и еще некоторых других.

h. Виленский военный губернатор князь Долгорукий¹⁴ уведомил о полученном им чрез секретного агента сведении насчет задержания в Берлине шатавшегося около королевского дворца и обратившего на себя расспросами у придворных служителей подозрение некоего Ланге, который при следствии сознался в подкуплении его польскими злоумышленниками посягнуть на жизнь короля прусского.

i. Князь Меттерних, содействуя со своей стороны предостерегательными известиями к предупреждению исполнения в России вредных замыслов, – уведомил сверх того о дошедшем до него из Неаполя сведении насчет существования в России политического заговора, и вслед за тем прибыл из Неаполя чрез Вену в С. Петербург отставной французских войск полковник граф Дорер (d'Horger) с выданным ему по распоряжению князя Меттерниха паспортом под именем барона Форстнига, который сделал здесь показание, основанное на словах проживающего в Неаполе племянника его дворянина Александра Жеребцова¹⁵ о существовании в разных местах России и Царстве Польском тайных лож с преступною политической целью; причем на основании слышанного им от Жеребцова, наименовал и многих членов означенных лож, но без всяких тому доказательств, ниже каких-либо к обнаружению истины улик.

С одной стороны, последовавшая в начале 1839 года казнь польского эмиссара Канарского произвела сильное влияние на пребывающих за границею польских выходцев и участников злоумышлений их против России, представляя пример грозный для тех, кои вознамерились бы идти по его следам; с другой – деятельные внешние сношения, самое бдительное наблюдение за всеми происками злоумышленников и строжайший надзор за прибывающими в пределы государства в большом количестве иностранцами, в особенности в летнее время, с усердною помощью генерал-

*Так в тексте.

губернаторов на границе империи и обер-полицмейстеров в обеих столицах предвзяли таковые покушения и останавливали их в самом начале, так что год от году репутация нашей полиции утверждается.

В течение 1839 года получено значительное число доносов от разных лиц с изъявлением желанья объявить тайны касательно злоумышлений внутри государства. Большая часть доносов последовала от содержащихся под стражею подсудимых, кои домогались быть вытребованы в С. Петербург, а иные даже лично к Государю для открытия известных им важных тайн*.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ И ОБЩЕГО МНЕНИЯ И СЛУХИ, НОСЯЩИЕСЯ В ПУБЛИКЕ

Внешняя политика

Продолжительный мир и продолжительная война, две крайности, производят в людях одинаковые последствия: колебание умов, жажду перемен положения, а это самое производит толки, из которых образуется мнение общее. Но как умы неодинаково просвещены и образованы, то толки различны в разных слоях общества, а равномерно различны надежды и желанья, хотя в некоторых пунктах и здесь крайности сходятся. Таким образом, во всех обществах, где только заговорят о политике, обвиняют правительство в излишней уступчивости Австрии и Англии и в излишней ненависти к правительству французскому, особенно к Людовика-Филиппу.

По общему мнению Австрия не может никогда желать явного разрыва с Россиею, однако ж, по непреложным законам человечества, не может и желать величия, славы и силы своему могущественному соседу, ибо в политике аксиома, что усиление соседственной державы всегда тяготит того, кто остается на одной и той же точке. Но в этом положении дел Австрия, видя, что она не может препятствовать возрождающемуся величию России, без всякого сомнения склоняется ей сопутствовать и только из политической предосторожности, может быть, сближается с Франциею, видя отступление от оной русского кабинета, дабы этим сближением с Франциею иметь равновесие, ежели Россия усилит свои дружественные связи с Англиею.

Не совершенно искренно расположенная к России Австрия есть теперь для поляков: Заря спасения, цель всех надежд. Они надеются составить некогда королевство под австрийским правлением вроде Венгрии.

* В отчете о действиях III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии видны распоряжения, сделанные как по полученным из заграницы известиям, так и по доносам. (Примечание авторов документа.)

Граф Егор Францевич Канкрин

Австрийские эмиссары, люди не кровожадные, не либералы, но смиренные и тихие, распространяют повсюду эту мысль и питают в польских сердцах надежду избавиться от русского правительства. Даже при нынешних делах Востока Австрия, как говорят в дипломатическом круге, отступилась от древней своей союзницы России и решилась на всевозможные жертвования, чтобы воспрепятствовать России принять деятельное и решительное участие в защите султана, тогда как, напротив, многие находят справедливым поддержать его, тем более, что после долговременной столетней борьбы Турция последнюю войною поставлена в необходимость для своего существования искать союза с Россией, без помощи коей исчезло бы ее могущество, а честь России требует поддержать соседа уже ей не опасного.

Пруссия, по родству и по чувствам царствующего короля должна быть самою искреннею союзницею России, по враждебному духу неприязненна ей. Либерализм сильно развился в Пруссии со времени министра Штейна и Тугенбунда и укрепился присоединением к Пруссии Рейнских провинций. Видели, что общее мнение в Пруссии, вопреки народному благу, обнаруживалось даже в пользу польского мятежа и что жители восточной Пруссии осмелились даже подносить адреса королю¹⁶, прося о строгом нейтралитете. В Германии даже печатают, что Пруссия до

тех пор спокойна, пока жив нынешний король, которого пруссаки уважают за то, что он страдал с ними и торжествовал, и любят за его необыкновенное добродушие. Говорят даже, что и принцы прусские не расположены к России и желали бы устранить всякое ее влияние на Германию.

Англия, принимая возможность за самое дело, всегда подозревает Россию в интригах к разрушению английского могущества в Индии и влияния в Средней Азии. Кроме того, к этой мысли Англия склоняется тем более, что, употребляя политику единственно для возвышения своих торговых интересов, она обязана отчасти России упадку своей континентальной торговли и кредита. Все ее внимание обращено на Восток и в Среднюю Азию. Она знает, что при распространении торговой и мануфактурной промышленности в России сия держава никуда не может выслать избытков своих произведений, как на тот же Восток и в ту же Среднюю Азию! Оттого соперничество и политические козни англичан на Востоке, в Персии и в ханствах, соседних с Персией и на Кавказе, примыкающем к морю. В публике слышен ропот, что наша дипломатия пожертвовала нашими интересами Англии, и последние ноты наши по восточным делам привели в негодование многих. По общему мнению, нет никакого сомнения, что Хива подстрекается англичанами к грабежу наших караванов. Когда разнеслись слухи, что генерал-адъютанту Перовскому¹⁷ поручена экспедиция в Хиву, здешнее английское посольство улыбалось, и в публике утверждали, что Англия уничтожит своим золотом все проекты России на основание влияния или владычества в Азии. Но русские находят эту экспедицию необходимою и делом справедливым, тем более что она послужит ясным доказательством прямоты действий русского правительства, что оно идет своею дорогой и не обращает внимания на то, найдет ли Англия сие предприятие полезным или будет охуждать оное.

Несмотря на то, что Англия есть центр всех политических интриг, она имеет однако же слабое влияние на Польшу, хотя и покровительствует польских эмигрантов и даже дает деньги эмиссарам. В польском народном духе гнездится предрассудок против Англии: ей не верят, зная, что она не может поддержать на суше и продаст несколько чужих царств за один выгодный пункт в торговом трактате.

Насчет Франции все убеждены в той истине, что если б не было на престоле Людовика-Филиппа, то Европе не миновать общей революционной войны, которая была бы весьма опасна для монархий. Он один удерживает Францию в монархических узах, и все убеждены, что после Людовика-Филиппа будет замешательство во Франции, которое непременно выбросит пламя в Европу и зажжет ее. Людовик-Филипп жаждет искренней дружбы с Россией. Говорят в шутку, что он исправляет во Франции должность русского полицмейстера и, наблюдая за польскими выходца-

ми, доносит об них русскому правительству. Общее мнение утверждает, что лишь только Людовик-Филипп закроет глаза – Франция будет республикой, хотя бы год или полгода; на это надеются все европейские либералы и Польша и уверены, что тогда возгорится война за мнения и что восстание народов принудит правительство уступить им. Вот мечта, на которой основаны все планы либералов, которых центр во Франции. В России действие французской пропаганды вовсе незначительно и можно сказать ничтожно.

Швеция, хотя, по-видимому, слабая, но может быть опасною для России в случае европейской войны тем уже, что может сделать нам диверсию. Ненависть шведов к России сильна, и король тем именно лишился своей популярности, что придерживается дружбы России и на ней основал твердость своего престола. Наследный принц не смеет объявлять своего мнения, но кажется, что он более придерживается народной партии, если не по душе, то по выгодам. Шведы постоянно поддерживают в Финляндии свои связи и никак не могут расстаться с мыслью, что Финляндия снова будет принадлежать Швеции. Англия сильно интригует в Швеции, чтобы удержать ее на своей стороне. Австрия и Пруссия не верят Швеции и полагают, наверное, что если б возгорелась европейская война, то шведское правительство увлечено будет с народной партией в войну против России. Дипломатия наша, по мнению общему, слаба в Швеции, – быть может, Матушевич¹⁸ возвысит ее силу.

Истинное положение России, извлеченное из общего мнения в отношении внешнем, есть то, что она не имеет искренних союзников и что все либералы в окрестных государствах стараются возбуждать против России народную ненависть.

СВОД МНЕНИЙ НАСЧЕТ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ РОССИИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ЕЕ СОСТОЯНИЕ

При каждом новом царствовании, при каждом важном событии при дворе или в делах государства издревле и обыкновенно пробегает в народе весть о предстоящей перемене во внутреннем управлении и возбуждается мысль о свободе крестьян; вследствие этого происходят и в прошедшем году происходили в разных местах беспорядки, ропот, неудовольствия, которые угрожают хотя отдаленною, но страшною опасностью. Так и теперь, по поводу бракосочетания Великой Княжны Марии Николаевны, в народе разнеслась весть, что крестьяне будут освобождены. Толки всегда одни и те же: царь хочет, да бояре противятся. Дело опасное, и скрывать эту опасность было бы преступлением. Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет пред сим. Подьячие, тысячи мелких чиновников, купечество и выслуживающиеся кантонисты, имеющие один

общий интерес с народом, привили ему много новых идей и раздули в сердце искру, которая может когда-нибудь вспыхнуть.

В народе толкуют беспрестанно, что все чужезычники в России, чухны, мордва, чуваша, самоеды, татары и т.п. свободны, а одни русские, православные – невольники, вопреки Священному Писанию. Что всему злу причиной господа, т.е. дворяне! На них сваливают всю беду! Что господа обманывают царя и клеветуют пред ним на православный народ и т.п. Тут даже подводят тексты из Священного Писания и предсказания по толкованиям Библии и предвещают освобождение крестьян, месть боярам, которых сравнивают с Аманом и фараоном. Вообще весь дух народа направлен к одной цели, к освобождению, а между тем, во всех концах России есть праздные люди, которые разжигают эту идею, и в последние годы преследование раскольников вооружило и их против правительства так, что их скиты сделались центром этого зла. Там наиболее пророчеств и толков, основанных на Священном Писании. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же и что ныне составила огромная масса беспоместных дворян из чиновников, которые, будучи воспалены честолюбием и не имея ничего терять, рады всякому расстройству. Благоустройство удельных крестьян и оказываемая им защита сильно подействовали на возбуждение еще большего омерзения к крепостному состоянию. В этом отношении обращают на себя внимание солдаты, уволенные в бессрочный отпуск. Из них хорошие остаются в столицах и городах, а по деревням расходятся люди, большею частью ленивые или дурного поведения. Потеряв привычку к крестьянским трудам, не имея собственности, чуждые на родине, они возбуждают ненависть против помещиков своими рассказами о Польше, Остзейских губерниях и вообще могут вредно действовать на ум народа. Хорошие из бессрочно отпускных не могут противодействовать вредному влиянию, потому что лстящее страстям мнение принимается охотно.

Мнение людей здравомыслящих таково: не объявляя свободы крестьянам, которая могла бы от внезапности произвести беспорядки, – можно бы начать действовать в этом духе. Теперь крепостные люди не почитаются даже членами государства и даже не присягают на верность Государю. Они состоят вне закона, ибо помещик может без суда сослать их в Сибирь. Можно было бы начать тем, чтобы утвердить законом все существующее уже на деле (de facto) в хорошо устроенных поместьях. Это не было бы новостью. Так, например, можно было бы учредить волостные управления, сдачу в рекруты по жребию или по общему суду старшин волости, а не по прихоти помещика. Можно было бы определить меру наказания за вины и подвергнуть крепостных людей покровительству общих законов; а что всего важнее, разделив Россию на полосы по качеству поч-

вы, климату и промышленному положению края, определить число рабочих дней на господина по мере занимаемой крестьянином земли и определить по той же мере оброк.

Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Тогда только мера будет спасительна, когда будет предпринята самим правительством тихо, без шума, без громких слов и будет соблюдена благоразумная постепенность. Но что это необходимо и что крестьянское состояние есть пороховая мина, в этом все согласны*.

В середине России 12 губерний подверглись в минувшем году необыкновенному бедствию: пожарам и волнению народному. Начало этих беспорядков являет Симбирская губерния, где происходили значительные пожары в удельных имениях Сызранского и Сенгилеевского уездов. Пожары сии приписывались народною молвою поджогам.

Вслед за тем распространились слухи, что поджоги производят помещики для разорения своих крестьян, которые назначены быть вольными или отданными в приданое ее императорскому высочеству Великой Княгини Марии Николаевне. Говорили о появлении покойного Великого Князя Константина Павловича; о казни дворянам и наконец поверили, что поджигает правительство для переселения усадеб по новому плану.

Губернское начальство и свидетели ежедневных опустошений не сомневались, чтобы пожары происходили от умышленного зажигательства. И действительно, подобные слухи и внушения ожесточили крестьян, потерявших доверие к помещикам и земским чиновникам, и были причиною буйства неимоверного. Крестьяне, убежденные в том, что поджигают, кидались на первого, кто подавал сомнения, били и арестовывали сельских писарей, приказных голов, станowych приставов. Одного бурмистра избили и привязали к лошадиному хвосту. Исправника Корсунского уезда бросили в огонь. В помещичьих имениях происходило то же: один помещик жестоко избит, другой брошен в огонь вместе с управляющим отчиной.

Это самоуправство, многочисленные пожары и безнадежность урочая грозили гибельными последствиями. Все жители были в унынии.

Губернатор¹⁹, объезжая все уезды с воинскою командой, строго наказывал буйствовавших.

---

* К умножению доказательств об основательности этого мнения здесь прилагаются бумаги, полученные от генерал-майора Фалькенберга. Книга, из которой почерпнуто рассуждение об условиях помещика с крестьянами, изданная в 1809 году, находится в продаже! Больно видеть, как правительство, как будто бы старалось приготовить государство к перемене и само давало мысль о возможности к изменению существующего порядка, не ожидая действий для сего правительства. (Примечание авторов документа.)

По следствиям впрочем обнаруживалось, что были и поджоги, производимые местными жителями и солдатами в намерении грабить или по злобе. В с. Новоспасском 12-летний дворовый мальчик сделал 6 поджогов.

В то же время подобные беспорядки происходили и в других губерниях. В Саратовской слухи о поджогах распространились быстро. Пожары начались в пограничных уездах с Симбирскою. Им предшествовала молва и даже подметные письма. Пожары в г. Кузнецке подтвердили справедливость распущенных слухов. Народ в ужасе и волнении искал зажигателей, бросил в огонь трех человек и, наконец, поймав одного жида, побоями заставил его признаться, что он виновен. Дальнейшие последствия сего послужили к утверждению всеобщей мысли, что поджигают евреи по тайному влиянию поляков и в отмщение за повинность рекрутскую.

Отсюда начало зла, продолжавшегося в течение всего лета и разлившегося не только по смежным губерниям, но и далее. Везде говорили об евреях, прибавляя, что сначала они будут жечь по всей России дома и хлеб на корне, а потом морить людей ядом.

Между тем пожары были многочисленны и по всей губернии. Подметные письма в Саратове и других местах грозили опустошением – и угрозы иногда сбывались. Ожесточенный народ буйствовал, видя истребление домов и имуществ. В селе Балтаве два человека брошены в огонь. В с. Хованщине оказано сопротивление и насилие земской полиции. Жители как погоревших, так и уцелевших селений были напуганы до того, что выбрались с имуществом на бивуаки.

В Сердобском и Николаевском уездах обнаружены поджигатели – нижние чины внутренней стражи, нищие и местные жители. Повод к поджогам был грабеж.

Посреди сих волнений несколько чиновников в г. Кузнецке, желая водворить порядок и общую безопасность, захватили власть, им не принадлежащую, и посреди правительства устроили так сказать другое: Кузнецкий уездный комитет. Они приняли на себя звание членов одного и верховную власть в городе, учредили чрезвычайную полицию и назначили следственную комиссию для допросов евреев и других арестованных по подозрению в поджогах лиц. Порядок в городе был восстановлен, но следователи, не имея улик к обвинению арестованных, побоями и притязаниями довели их до ложных сознаний. Саратовский губернатор²⁰ по прибытии в Кузнецк застал, что все сии меры приведены уже были в исполнение, и, не обратив внимания на беззаконность их, утвердил оные; а Государю Императору донес, что он сам устроил попечительный комитет и водворил спокойствие в сем городе.

В Пензенской, в пограничном с Симбирскою и Саратовскою губерниями Городищенском уезде, дошедшие слухи о пожарах такое имели влияние на жителей, что в одном селении проезжавший во время пожара

губернский землемер сочтен зажигателем, избит и оставлен два дня при-
вязанный к городьбе. В другом крестьяне не гасили уже пожары, но иска-
ли виновных и, схватив одну женщину, хотели бросить в огонь.

Вскоре Саратовский губернатор уведомил официально Пензенского²¹,
что поджигают жидаы, подкупленные поляками, для ослабления России и
что открыта переписка их с чиновником Друкертом. Из Симбирской гу-
бернии перешли слухи, что поджоги делают помещики и земские чинов-
ники. Все это навело такой страх и уныние по губернии, что жители, со-
брав имущество, оставили дома свои и с ужасом ожидали пожаров.
Губернатор, проезжая по селениям с штаб-офицером Корпуса жандармов,
убеждал их возвратиться, наказывая строго виновных в буйстве и оста-
вляя в селениях военные команды.

За всем тем слухи увеличивались. Говорили, что Его Высочество На-
следник женится на дочери турецкого султана, и на радостях сожгут три
губернии. Крестьяне верили!

С половины июля начались частые пожары; открывали поджигате-
лей: женщин, малолетних детей, безумных и развратных людей. Не про-
ходило дня, ни ночи, чтобы селения не пылали. К этому присоединился
неурожай; цены на хлеб возвысились. Жители были в унынии, выезжали
в поле, разбирали уцелевшие дома свои. Беспорядки и самоуправство уве-
личивались. Подозревая помещиков в поджогах, в Керенском уезде кре-
стьяне одного сковали, другого не пустили в имение; задерживали проез-
жающих; а в Нижеламовском одного проезжего мещанина бросили в
огонь.

Наконец обнаружилось, что поджигали слепые нищие как в Пензен-
ской и Саратовской губерниях, так и в войске Донском по наговору двух
старообрядцев, озлобленных за уничтожение их монастыря. Раскольники
ни в чем, однако, не признались, хотя и были уличаемы на очных ставках
нищими. Запирательство их и обстоятельства дела дают повод подозре-
вать, что если они и не главные злоумышленники, то имели влияние на
поджоги.

В Тамбовской губернии беспорядки достигли также высшей степени.
Слухи о беспокойстве в смежных губерниях поселили в народе опасения
и недоверчивость. Несмотря на бдительное наблюдение в августе месяце
пожары распространились в уездах: Тамбовском, Спасском и Кирсанов-
ском. Крестьяне взволновались. Веря общим слухам, что поджигают по-
мещики, они в последнем уезде во время пожара присудили двух к смер-
ти и одного заколотили палками и кольями; другой бежал. Двух
дворовых людей имели намерение повесить. Старосты селений, собрав-
шись, хотели осудить всех помещиков к виселице. В выгоревшем селе

Рассказове Тамбовского уезда крестьяне делали заговор бросить в огонь всех помещиков и земских чиновников.

Между тем жители сих уездов, оставляя дома, выезжали в поле и с дерзостью задерживали по дорогам проезжающих, подозревая всех в поджигательстве.

В губерниях: Воронежской, Харьковской, Тульской и Рязанской были также частые и значительные пожары и поджоги, особенно в городах: Богородухове, Сумах, Крапивне и Епифани. В Воронеже и Новохоперском уезде подбрасывали письма, и указываемые в них места часто горели. Жители приведены были в большое волнение и оставляли дома.

В Костромской губернии по случаю значительных пожаров в казенных и помещичьих лесах носились слухи, что их умышленно поджигают лесные чиновники для сокрытия производившейся с давнего времени запрещенной порубки.

В Нижегородской и Казанской губерниях обнаружены также поджоги. В городах Нижнем Новгороде и Горбатове подкидывали записки с угрозами и требованиями денег. В г. Василе поджигали рядовые этапной команды за дурную будто бы пищу от жителей. В Казанском уезде крестьяне губернского предводителя дворянства Еремеева пришли в волнение от слухов, что он намерен выжечь свое имение, не имея права владеть им.

В Оренбургской губернии известие о пожарах в Симбирской распространилось в исходе мая, – и когда Саратовский военный губернатор уведомил, что пойманный в Кузнецке еврей Симкин обвиняет находящихся в Уфе и на Сергиевских водах четырех евреев в зловредных умыслах, возникли повсюду толки, что Уфа и другие города обречены на сожжение и что жида действуют по наговору поляков. Жители везде были в страхе и опасности и укладывали имущество для вывоза из домов.

Между тем в Оренбурге действительно произведено 11 поджогов, которым предшествовала молва, и хотя вскоре обнаружено, что они произведены были по личной злобе, без постороннего влияния, однако толки и беспокойство в народе увеличилось.

Наконец, по примеру прочих губерний и в Пермской также оказались поджоги. В исходе сентября начали подбрасывать в г. Екатеринбурге записки, заключавшие угрозы сжечь город и убить генералов, и бывшим вслед за тем пожаром истреблено более 30 домов на 250 тысяч рублей.

Таким образом, едва ли не вся внутренняя Россия представляла в продолжение целого лета ряд происшествий дотоле беспремерных. Губернские начальства относили все беспорядки не к одному только невежеству и минутному заблуждению толпы исступленной, но видели в них последовательность преступлений. Они доносили, что возмутители подкупают людей к поджогам и разглашениям и что даже время их действий условлено; ибо вдруг обнаружались пожары и одинакие беспорядки в разных уез-

дах губерний. Общее мнение относилось к злоумышленным действиям к полякам. В Симбирской и Тамбовской губерниях подозрение падало и на раскольников: не мстили ли они вследствие принятых правительством мер к уничтожению сект? Тем более что некоторые из них, не признавая никакой земской власти, готовы на все решиться из фанатизма, и обнаружено следствиями, что они действительно поджигали и производили возмущение в народе против властей, и что даже в тех местах, где находится менее раскольников, и беспорядков было менее.

Командированные по Высочайшему повелению для укрощения буйства народного и для строжайших розысканий о причинах пожаров в этом крае Корпуса Жандармов генерал-майор Перфильев и несколько флигель-адъютантов Его Императорского Величества нашли, что пожары происходили большею частью от неосторожности жителей при обыкновенных жарах и продолжительной засухе. Открывались, однако, и поджигатели, люди порочной нравственности, имевшие намерение грабить во время пожаров, или местные жители, заживавшие из мщения к соседям и в уверенности, что злодеяния их будут отнесены к евреям.

Евреи, арестованные в Кузнецке, признаны невиновными. Злоумышления со стороны поляков не найдено и вообще по всем строжайшим исследованиям и розысканиям не открылось никакого общего обдуманного направления умов, никакого внешнего наущения или политической цели к расстройству Империи.

Везде, где зажигательству предполагалась цель важная, оно произведено было без малейшей связи между собою и даже ни малейшего вероятия не представлялось о каком-либо постороннем влиянии.

Отыскивая же начало слухов и подозрений, генерал Перфильев и прочие жандармские штаб-офицеры заключили, что слухи те были следствием одних только догадок о поджогах. В селениях, где крестьяне наиболее буйствовали, при появлении генерала Перфильева они являли искреннее в том раскаяние и со слезами на коленях просили пощады, доказывая тем, что увлечены были порывом минутного заблуждения.

По предании виновных военному суду и по строгом их наказании спокойствие водворено повсеместно.

Движение умов в прошедшем 1839 году является в различных странах видах! Так, близ Москвы в Сергиевской Лавре разнесся слух и нашел себе в самой Москве последователей, что собор пустыни три ночи сряду освещался светом необыкновенным, что в третью ночь наместник Лавры пошел в собор с некоторыми из братьев и увидели, что Преподобный Сергий, восстав из раки своей, подходил к царским вратам, что они сами собою растворялись, что в них являлась Мать Божия и рекла следующие слова: «Еще продолжатся голодные годы за грехи правителей народа».

В течение 1839 года убито крестьянами за жестокое обращение и дурное содержание: восемь помещиков и один управитель.

Слышны жалобы на общий недостаток в деньгах. Иные приписывают это чрез меру возвысившимся ценам на винные откупа, другие, как кажется, с большею основательностью, – на распространившуюся повсеместно роскошь.

Люди благонамеренные при человеколюбивом желании отклонить этот недостаток по крайней мере от самого бедного класса людей с высочайшего разрешения учредили в С. Петербурге и Москве в нескольких местах обеденные столы. За рубль серебряный каждый бедный получает в течение целого месяца здоровую пищу, состоящую из хлеба, щей, каши и кружки квасу. В С. Петербурге посещает сии обеденные столы ежедневно до 300, в Москве до 200 человек. Замечательно, что в Москве в числе пользующихся обеденными столами, учрежденными для бедных, часто видят чиновников из разных присутственных мест.

МНЕНИЕ ОБЩЕЕ НАСЧЕТ МИНИСТЕРСТВ

Министерство финансов

О министре финансов²² общее мнение таково. Человек он честнейший, умный и благонамеренный, любит Россию, но вовсе не знает ее. Некоторая часть изданных им законоположений, начиная с Гильдейского, оказались неудобноисполнительными. Важнейший недостаток министра финансов: непреклонное упрямство. В этом согласны все его приверженцы. Что не он выдумал или что прошло не чрез его руки – все у него дурно и возбуждает в нем противодействие.

Многие толкуют в обществе, что величайшее его искусство состоит в займах, которые в течение его управления министерством удвоили количество процентов, платимых за капиталы, занятые за границую.

Фабрики и мануфактуры наши не в лучшем состоянии и не могут соперничать ни с одним государством. Однако по рассуждению людей опытных, они беспрерывно улучшаются*, и дурную отделку мануфактурных произведений и дороговизну приписывают алчности фабрикантов, которые более обращают внимание на скорую выручку барышей, нежели на прочное усовершенствование своих произведений.

Многие порицают и таможенную систему. Люди, знающие дело торговое, говорят, что Петр Великий делал величайшие усилия, чтобы приобрести Остзейские губернии, которые нужны ему были только для гаваней, а ныне употребляют все возможные средства, чтобы запретить эти

* Так в тексте.

гавани и разорить торговые города. В целом мире нет примера, чтобы в одном государстве одни гавани, лежащие на одном и том же море, пользовались большими или меньшими торговыми преимуществами. У нас уничтожены Ревель, Пернов, Либава и Виндава единственно по проискам торгового сословия Риги и Петербурга.

1 июля 1839 года последовал Высочайший Манифест о восстановлении денежной системы²³. По важности сего закона, прекратившего вдруг произвольный курс на деньги и изменившего все расчеты, учреждено было секретное наблюдение повсюду посредством Корпуса Жандармов за тем: какое влияние произведет Высочайший Манифест на все сословия Империи и какие будут происходить об оном толки и рассуждения?

Наблюдение сие имело результат самый удовлетворительный. Новый закон везде принят был с чувствами признательности, и уничтожение лажа, как гласит публика, есть для народа истинное благодеяние, проистекающее от отеческого попечения Государя Императора; ибо тут выиграл тот класс людей, который более всех терпел от произвольной ценности денег. Прекращение лажа в начале произвело некоторое волнение, но мерами, принятыми министром финансов, все или по крайней мере большая часть неудобств разрушена, и это важное государственное дело приведено к окончанию легче, нежели думали.

При всех недостатках министерства граф Канкрин пользуется общою любовью и уважением во всех сословиях народа за его прямоту и благородство.

Министерство юстиции

Дашков был министр юстиции, каких Россия едва ли когда имела. Проницательный ум, познание дела, праводушие и твердый, сильный характер составляли редкое сочетание в одном человеке. Общим голосом находили в нем один только порок – непреодолимую леность. Его ужасно боялись взяточники. Но и Дашков жаловался, что он не может водворить правосудия по недостатку способных людей. Сенат наполнен людьми мало сведущими в юриспруденции, а что всего важнее, весьма мало дельных Обер-прокуроров и обер-секретарей. По губерниям способных людей еще менее.

Министр Блудов в общем мнении почитался всегда остроумным человеком, хорошим редактором бумаг, но никогда не пользовался репутациею делового человека. Он не имеет в характере довольно твердости и терпения, чтобы вникнуть в дела процессные, и хотя все вообще понимают его за человека честного и благородного, но не надеялись, чтобы он предпринял что-либо к усовершенствованию правосудия, а более всего опасались его легковерия и слабости характера, допускающего окружающих его руководствовать им по своим видам. На него имеет влияние и высшее

общество, и дамы, чего не бывало при Дашкове, которого называли каменным министром.

Настоящее назначение графа Панина²⁴ нравится публике, и все надеются, что его ум, молодость и способности дадут ему возможность преодолеть предстоящие ему трудности.

Министерство народного просвещения

Это министерство было в прежнее время в величайшем упадке. Положение русских профессоров было самое жалкое, как в отношении жалованья, так и выгод, доставляемых службою, и потому только и существовали они частными уроками по домам и пансионам. Но истрачивая время на уроки для приобретения пропитания, они не успевали следовать за ходом наук и оставались всегда позади, а потом совершенно отстали. Оттого в русских университетах и других заведениях науки преподавались по обветшалой методе и успехи в науках были слабы, а недостаток в хороших преподавателях становился беспрерывно ощутительнее. Мера, предложенная и исполненная при князе Ливене, чтоб лучших студентов из русских университетов послать в Дерпт, а оттуда в Берлин – произвела самое благое действие, и этим воспользовался Уваров. Он отставил устарелых профессоров и заместил их людьми молодыми и деятельными, питомцами Дерпта и Берлина. Это подняло университеты. Наконец, новые штаты дали ученому званию более средств, более охоты и надежд на будущее и водворили новую деятельность.

Нет никакого сомнения, что Уваров человек умный, способный, обладает энциклопедическими сведениями; но по характеру своему он не может никогда принести той пользы, которую можно было бы ожидать от его ума. Ненасытимое честолюбие, фанфаронство французское, отзывающееся XVIII веком, и непомерная гордость, основанная на эгоизме, вредят ему в общем мнении.

Прежние товарищи его Дашков, Блудов и другие никогда не оказывали ему уважения; а между подчиненными утверждено мнение, что он готов пожертвовать каждым и всем для своего возвышения. Ни высшее общество, ни подчиненные, ни публика не верят ему, и это во многом парализует ход дел. Впрочем, Уваров старается единственно о том, чтобы наделать более шуму и накрыть каждое дело блистательным лаком. Отчеты его превосходно написаны, но не пользуются ни малейшею доверенностью. Это то же, что бюллетени Наполеоновской армии. Правда, что по воле Государевой вводится в польских и в немецких провинциях изучение русского языка; но можно ли верить, чтоб успехи были таковы, как написано в отчетах, когда в самой столице нет хороших русских учителей. Даже число учащихся преувеличено, и всем известно, что в этих отчетах предположение, сделанное на бумаге, уже почитается исполнением меры.

Ни один министр не действует так самовластно, как Уваров. У него беспрерывно в устах имя Государя, а между тем своими министерскими предписаниями он ослабил силу многих законов, утвержденных Высочайшею властью. Цензурный устав вовсе изменен предписаниями, и теперь ни литераторы, ни цензура не знают, чего держаться и чему следовать. В управлениях университетских то же; но учебная часть без всякого сомнения при Уварове лучше, нежели была при прежних министрах, по причине вышеобъясненной, т. е. от изменения старых профессоров новыми, и вообще в заведениях учебных более порядка, особенно в столице. Казанский университет процветает своим попечителем Пушкиным, Харьковский в полном упадке, в Москве действует самовольно граф Строганов; а любимое детище Уварова, его создание, Киевский университет, которым он сам занимался как образцом, с самого начала не попал на истинный путь и теперь с трудом восстанет, ибо учебные заведения легче заводить, нежели исправлять. В самом существе Уваров старается, чтобы цифры учащихся возвышались, но самое учение еще на весьма низкой степени в русских округах с сравнением даже с Дерптским, и русский магистр едва ли получит патент студента в Дерпте.

При шумном, громком управлении Уварова должно сознаться, что у нас нет до сих пор порядочных учебных книг, потому что никто не вступит в состязание по этой части, зная, что преимущество будет отдано тому, кто пользуется милостью министра. Французский посланник Барант²⁵ сказал в кругу своем о Министерстве Народного Просвещения: «de loin c'est quelque chose, de pres – ce n'est rien»*.

Министерство внутренних дел

Губернаторы, приезжающие в столицу, и правители канцелярий военных губернаторов единогласно говорят, что во время управления Блудова дошло до того, что предписаний его вовсе не исполняли по невозможности исполнить и, зная медленность в переписке, даже перестали переписываться с министром. Изменение в Учреждении о губерниях оказалось вредным, и большая часть нового положения вовсе не исполняется.

Со времени назначения графа Строганова²⁶ исправляющим должность Министра Внутренних Дел не возникло ни одной хулы насчет его действий. Он принимается за вверенное ему дело осторожно, так сказать, не ломит, а между тем в короткое время уже видна возрастающая сила в его управлении. Сожалуют только, что его гордые приемы и надменность заставляют его день ото дня терять то, что он приобрел в начале. На образ его обращения уже начинают жаловаться.

* «Издали это нечто, вблизи – ничто». (Пер. с фр.)

Управление путей сообщения

Это управление издавна имеет самую дурную репутацию. и надежды на улучшение его графом Толем вовсе не сбылись. Искусный стратегик, умный, ученый и бескорыстный, граф Толь совершенно несведущ в технической части. Он вверился совершенно генералу Девятину. Граф Толь по вспыльчивости весьма сердится, когда до него доходят слухи о злоупотреблениях или когда Государь недоволен шоссе, и, посердившись, иногда попадает даже в болезнь. Девятин не допускает к нему истины и представляет все в розовом цвете, утверждая, что должно беречь здоровье графа. Дела в департаментах производятся соблазнительно. Девятин призывает к себе начальника отделения и велит ему представить самое нечистое дело в блистательных красках. Если начальник отделения скажет, что он по этому делу видит упущения, то Девятин возражает, что если начальник отделения не хочет смотреть на дело его глазами, то может выйти в отставку. Неправильное направление дела о Смоленском шоссе заставило вице-директора Безаки²⁷ оставить Департамент Путей Сообщения несмотря на то, что сам граф Толь отдавал справедливость его достоинствам.

Доверенность Толя к генералу Девятину и власть его возбуждают ропот всего корпуса.

Один и всеобщий слух утверждает, что все постройки, производимые чрез посредство чиновников путей сообщения обходятся втрое дороже их ценности. Но справедливость требует сказать, что самый образ торгов, законами утвержденный, чрезвычайно тому способствует.

Министерство государственных имуществ

Графа Киселева признают умным и способным человеком, и он употребляет все возможные усилия усовершенствовать вверенное ему министерство. Иные хвалят действия его министерства, другие бранят, как обыкновенно это бывает, но мнение общее ни на счет собственный его, ни насчет вверенной ему части еще не утвердилось, ибо еще не видят никаких результатов; видят однако же необходимость изменить порядок дел в Государственных Имуществах, ожидают многого от графа Киселева и понимают, что подобное дело не может иметь полного развития, как только чрез несколько лет.

Министерство военное

Государь Император видел в Бородине значительную часть своей армии и мог удостовериться в добром ее духе²⁸. Вообще блистательное состояние войск в составе своем, а еще более в нравственном отношении, по мнению общему, служит явным доказательством, что они управляются милостиво, правосудно и что начальники понимают свое дело. Гвардия, исполненная самым лучшим духом, всегда встречает Государя с нели-

цемерным восторгом. Он может видеть радость в глазах ее; не только на учениях, но даже у разводов смотрят они на Государя с какою-то неограниченною любовью, и это чувство поддерживается милостью к ним Его Величества и непрерывным его между ими пребыванием.

Ось, около которой все дела военного ведомства, доведена до возможной степени совершенства. Военный министр граф Чернышев неутомим в трудах своих, и общий голос отдает ему справедливость, что во всех действиях его он руководствуется чистою благонамеренностью и самыми благородными побуждениями. В числе последних его государственных дел находится одно, которое доказывает его смелую предприимчивость: он указал новый путь продовольствия столицы доставлением жизненных потребностей в одно лето из Курской, самой хлебородной губернии, – дело, казавшееся в течение целого столетия совершенно невозможным. Этот подвиг доставит государству две очевидные выгоды: понижение цен на муку и крупу в столице и возможность легкого сбыта произведений земли в Курской губернии, жители которой должны были уступать свои избытки за совершенно ничтожные цены.

Сотрудник его граф Клейнмихель в последнее время заслужил общую похвалу и уважение. Труды его, превосходящие всякое понятие, сопутствуются хотя строгим, но правосудным управлением вверенных ему частей так, что мнение общее в последнее время склонилось совершенно в его пользу.

Министерство морское

Князь Меншиков, обладающий обширными познаниями, делающие его способным на всякое государственное дело, управляя флотом, явил и здесь свои способности. Все части его управления возведены до возможной точки совершенства. Управляет он ими строго, но самым благородным образом, поселившим во всех чинах его ведомства дух честолюбия, лучшее средство к возбуждению усердия на службу Государя Императора.

Князь Меншиков дал своему министерству некоторую степень самостоятельности, обратил на себя общее внимание, приобрел общее уважение и любовь всех своих подчиненных.

Общее мнение говорит, что вообще часть военная доведена до высшей степени совершенства от того, что царь сам ежедневно над нею трудится и ею занимается; а некоторые сожалеют, что Его Величество не обращает такого же внимания на часть гражданскую, столько же важную, и которая от него же ожидает своего усовершенствования.

Почтовое ведомство

Почты, собственно гоньба почтовая, как известно самому Государю Императору, находятся в самом дурном положении. Неисправности и за-

пущение по этой части год от году увеличиваются, и можно сказать утвердительно, что почты несмотря на то, что до сего времени не определительные издержки на них чрезмерны, что издержки сии тяготят земскую повинность, существуют только для фельдъегерей и имеющих счастье носить на эполетах вензелевое изображение Его Величества.

Министерство императорского двора²⁹

Все не любят князя Волконского а между тем все сознаются в его честности, бескорыстии и беспредельной преданности службе и августейшей фамилии. Жестокие формы князя Волконского заглаживаются правдивостью. Хотя доведение до превосходной степени удельных имений и есть дело Перовского³⁰, но выбор к местам людей способных делает честь начальнику, и сверх того князь Волконский постигает все хорошее и содействует Перовскому всеми силами. Дворцовое управление, казенные фабрики, все зависящее от князя Волконского приведено в лучшее состояние, и по сознанию самих врагов его, это одно только министерство, которое непрерывно совершенствуется и переходит от одного успеха к другому. Только насчет выбора придворных чинов в публике неблагоприятное мнение, хотя и в этом виноват не князь Волконский, а министры, представляющие в камер-юнкеры и камергеры людей, не совершенно достойных этого звания.

Ведомство духовное

Граф Протасов³¹ исполняет свою обязанность превосходно, но между духовенством существует тайная оппозиция, главою которой есть Муравьев³² и все фанатики православия. Они явно утверждают, что власть духовная несовместна с светскою, что светское лицо не может быть главою православной церкви и что Россия должна иметь патриарший престол, только по части исполнительной, в отношении к светским людям, подчиненный светскому престолу. Эти идеи распространяются в обществе и даже между купцами фанатиками и святошами, а люди здравомыслящие прозвали в шутку Муравьева патриархом.

В публике удивляются, что правительство не предпринимает никаких деятельных мер к улучшению белого духовенства, находящегося в крайней бедности и оттого лишенного всякого уважения, и не приступает к преобразованию монашества, в которое принимают без разбора людей грубых, необразованных, иногда и порочных.

Вообще монашествующее духовенство питает ненависть к духовенству белому и угнетает его при всяком случае.

Минувший год представил для истории важный, блистательный в религиозном отношении факт – воссоединение униатов с православною церковью после двух с половиною векового духовного их разделения³³. Это

торжество православной церкви обрадовало всех русских и сделало самое хорошее впечатление на всю Россию.

При восстановлении в униатских церквях порядка богослужения по обрядам греко-восточным замечено самое благоприятное к тому расположение умов в западных губерниях. Народ, вообще покорный и весьма религиозный, хотя и опасался изменения обрядов, однако не оказал при сем случае никакого сопротивления, и в двух только селениях – Волынской губернии в Овручском и Могилевской в Сеннинском уездах – прихожане, подстрекаемые неблагонамеренными священниками, взволновались и не допустили введения в своих церквях древнего порядка.

Греко-униатские священники, будучи приглашены своею консисториею к письменному согласию на присоединение к православию, изъявили общую на то готовность. Только трое оказали непослушание.

Влияние католического духовенства на униатов было ощутительнее в Белорусских губерниях, нежели в Литовских. В последних униаты, находясь среди католиков, считали себя русскими, между тем как в первых, окруженные жителями греко-российского исповедания, они называли себя поляками.

Во время присоединения униатов, хотя духовенство и помещики католического исповедания оказали себя вообще равнодушными к этому событию, не менее того однако проявляются случаи действий неблагонамеренных. Могилевской губернии в дер. Мартюхове спокойствие было нарушено во время богослужения по влиянию постороннему.

Но самое воссоединение униатской церкви происходило вообще торжественно и спокойно. Народ многими тысячами стекался на совместное служение обою духовенства, сохраняя везде благочиние и порядок.

Религиозных толков во все это время замечено не было.

Военно-учебные заведения

Директоры постигают, что страх, это дурное средство, может удержать в пределах своих обязанностей только взрослых людей, а отнюдь не юношей, и, постигнув эту истину, они кротким обращением с своими питомцами приобретают их любовь, которая всегда предшествует чувству уважения.

Директоры корпусов, по общему отголоску, – люди достойные и детьми чрезвычайно любимы, исключая директора Института горных инженеров генерал-майора Вейценбрейера, которого воспитанники чрезвычайно не любят. Не любим также и начальник штаба Чевкин, от чего иногда и происходят в том Институте некоторые неисправности и беспорядки.

Кадетские корпуса еще никогда не были в таком цветущем состоянии, как ныне; но в публике все еще носится слух и сожаление, что во всех кор-

пусах более обращено внимание на часть строевую, нежели на нравственное воспитание юношей.

Управление Западными губерниями

Общее мнение отдает полную справедливость личным достоинствам генерал-лейтенанта Бибикова и его способностям в управлении вверенными ему губерниями. Начало его действий в том крае заслуживает похвалы и было согласно с намерениями Государя Императора; но мало-помалу развилась в нем мысль, что строгость в величайшей степени есть единственное средство удержать тот край в пределах должного порядка и послушания к властям. Мысль эта вовлекла его в действия, не всегда правосудные, и превратила кроткое монархическое правление в какое-то преследование лиц при малейшем подозрении, что дает повод к жалобам и возрождает желание к перемене.

Следующий пример, хотя в существе своем не заключающий в себе особенной важности, не менее того в настоящем положении Западных губерний обращает на себя особенное внимание: после кончины графа Дульского генерал-лейтенант Бибилов, основываясь на положении отбирать у жителей оружие, предписал взять и привезти в Киев арсенал покойного, заключающий в себе предметы древности и редкостей. Таковое превратное толкование постановлений правительства, принятие за вредное оружие арсенальных редкостей, так сказать игрушек, дозволенных иметь для своего удовольствия каждому гражданину, не дает ли повода и права скорбеть на правительство и разглашать, что посягают на право собственности.

По известиям, полученным из Киева, Житомира и Каменец-Подольска, несколько лиц мужского и женского пола привезено в Киев по единственному подозрению. Из них некоторые оказались невинными и обращены в дома свои. Подобные действия, разглашенные в преувеличенном виде, были поводом к распространению страха между жителями и возбуждению их неудовольствия и ропота.

В случае зловердных сборищ и преступных покушений или во время самого мятежа внезапные арестования лиц и удаление их из принадлежащих им имений необходимо; всякий благонамеренный гражданин признает подобное действие правильным и не будет прибегать к ропоту, но в мирное время подобные действия, вместо пользы и удержания края в спокойном положении, раздражают жителей и приготавливают их к преступным замыслам.

Царство Польское служит нам лучшим и убедительнейшим доказательством, что после бунта кроткое, правосудное и осторожное управление должно предпочитать излишней строгости. Глубокие раны Царства еще не зарылись, и там уже все тихо, уже явилась любовь и преданность к

начальству, неминуемое последствие обеспечения личной свободы. Литва показывает нам те же результаты. Здесь, как и в Царстве, хотя есть много недовольных в политическом отношении, хотя и есть готовые к нарушению общественного порядка, но по крайней мере не имеют тому явных причин и более или менее довольны управлением князя Долгорукого.

К прискорбию, получаемые известия из Волыни и Подолии удостоверяют, что расположение умов и дух жителей того края далеко в худшем положении, нежели был до мятежа. Такой порядок дел не принесет хороших плодов. К несчастью, и Белоруссия имеет причины жаловаться! Здесь, хотя дух народный не представляет тех преступных замыслов, которые встречаются на Волыни и в Подолии, но вспыльчивость генерал-адъютанта Дьякова, происходящая, как говорят, от болезни, несмотря на его благонамеренность и старание быть правосудным, часто вредит делам во вверенных ему губерниях³⁴.

Финляндия

Финляндцы любят, уважают Государя и довольны тихим управлением князя Меншикова, но против графа Канкринна вопиют единогласно, который таможенными мерами уничтожил всякого рода промышленность. По словам самых благонамеренных финляндцев, на тариф следовало бы обратить внимание правительства. Вера, язык, память прежней свободы, все это привязывает образованное сословие в Финляндии к древнему отечеству – Швеции. Одни материальные выгоды могут привязать Финляндию к России, а именно, выгоды торговых сношений, и с этой именно стороны страдает Финляндия, потому что ей нельзя теперь вывозить произведения своей индустрии ни в Россию, ни в Швецию. Дать тариф более выгодный для Финляндии – и все жалобы исчезнут.

Изложив общее мнение о министерствах, нельзя не присовокупить, что люди рассудительные знают, как легко критиковать всякую часть государственного управления, и что ежели спросить самих критиков: кем заменить тех министров, о которых общая молва не совсем благоприятная, то сами они сознаются, что лучшего выбора нельзя сделать, и вообще публика утешается тою мыслью, что в Англии и Франции, где назначение министров зависит от игры партий, не могут найти людей, которые не имели бы с какой-нибудь стороны хотя некоторых недостатков; и ежели здесь изложены таковые относительно высших сановников России, то сие сделано по той обязательности, которая возложена на III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии о доведении до Высочайшего сведения общего голоса публики насчет всех предметов государственного управления и тех, коим поручены части оною.

О ГОСУДАРЕ ИМПЕРАТОРЕ И ВЫСОЧАЙШЕЙ ФАМИЛИИ

Только в начале царствования блаженной памяти императрицы Екатерины Великой и императора Александра Благословенного общее мнение насчет Государя императора равнялось с нынешним его состоянием. Теперь можно решительно сказать, что внутри России даже недовольные правительством и даже могущие иметь личное неудовольствие против Его Величества согласны в одном, что он при нынешнем состоянии России и Европы необходим для блага России. Твердость его характера, непоколебимое мужество, правосудие, великодушие и щедрость в наградах убеждают всех, что таковой именно царь должен владеть Россиею. Но что всего более привязывает к Нему сердца русских, это видимое покровительство русской национальности. Об нынешнем Государе люди благонамеренные и недовольные говорят согласно, что это истинно русский царь и что такого русского царя не было на престоле от времен Петра Великого, и это самое составляет величайшую, нравственную силу Государя во всех сословиях народа.

Никогда не было результатов, столько удовлетворительных насчет преданности и любви всех сословий к царскому дому, как во время свадьбы Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Николаевны и в прошедшую осень, когда разнеслась весть о болезни Государыни³⁵.

Сначала в публике не одобряли брак русской царевны с лицом, напоминающим России о ее бедствии в 1812 году, и брак сей почитали ниже достоинства нашего царственного дома; но впоследствии, когда разнеслась весть, что Ее Императорское Высочество и по замужестве останется в кругу своего августейшего семейства, ропот умолк и вся Россия искренно разделила радость празднества бракосочетания. Это был праздник семейный!

Благоговейно любимая Царица своим недугом наинула на всех без изъятия скорбь невыразимую. Болезнь Государя Наследника и Великой Княжны Ольги Николаевны³⁶, а еще более видимая, непрерывная, неутешная грусть Государя сделали самое глубокое впечатление на все сословия. Как здесь, так и во внутренних губерниях, явились признаки самой неутешной печали, даже с некоторым ужасом начали разноситься слухи о предстоящей опасности лишиться Царицы-матери, молились Богу и только в безграничной любви и преданности к Царю находили некоторое утешение. Вот два неоспоримые, убедительные факта, до какой степени все сословия преданы Государю и всему царственному дому.

Наследника престола просто обожают. В необыкновенной доброте его сердца и в его расположении ко всему благородному и великому все убеждены, и настоящие русские даже боятся излишней доброты его.

Назначение принца Ольденбургского членом Совета девичьих учебных заведений обрадовало всех без исключения. Со времени его назначения в сию должность воспитанники, наставницы и наставники увидели свет и чистоту не только наружную, которая всегда поддерживалась в высшей степени, но и внутреннюю. В неопределенные часы, днем и вечером, его светлость посещает институты, вникает во все подробности, осматривает здания от их основания до самых крыш, самые чердаки не ускользнули от его наблюдения. Он сделался полным и самым попечительным хозяином вверенной ему части, и все благословляют Государя за это назначение.

Его светлость истинно и достойно уважаем всеми без исключения; тысячи добрых дел ставят его образцом для принцев, и он употребляет все средства быть достойным принадлежать царскому семейству.

Принц Лейхтенбергский с тою же заботливостью, как и принц Ольденбургский, вникает во все подробности, относящиеся до вверенных ему госпиталей. Его Императорское Высочество усердно и человеколюбиво принялся за это дело, уже начал своими достоинствами обращать на себя общее внимание, и, сверх того, его скромность и вежливость склоняют к нему всех без исключения.

Публика находит, что подобные назначения, какие даны сим двум высоким особам, есть прямое дело царственных лиц.

Вообще мнение об августейшей фамилии самое благоприятное, и можно сказать утвердительно, что ни один Государь не пользовался такой любовью русского народа, так долго и постоянно, как Его Императорское Величество.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нельзя не повторить, что общее мнение чрезвычайно выгодно для Государя в России – собственно взятой, и русские всякое зло приписывают не ему, а все доброе – ему. Войско верно, но европейские идеи о свободе мыслей, о равенстве пред законом и т.п. пробрались и кружат в разных видах в среднем сословии дворянства и даже между купечеством. Благонанмеренные люди полагают, что для противодействия занесенным в Россию идеям надобно действовать на народ нравственными средствами, т.е. чрез воспитателей.

Государь имеет великую нравственную силу тем, что его почитают истинным русским, и каждый великодушный его поступок приводит в восторг русских людей. Важное то: что Государю верят и убеждены в его прямодушии, следовательно, вообще дух России – самый благоприятный для Его Величества, в котором Россия видит всю свою силу и полагает все свои надежды.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 4. Л. 80–142

¹ Рохау Август Людвиг (1801–1873), немецкий историк. В 1833 г. за участие в нападении на франкфуртскую гауптвахту был приговорен к 20 годам каторги, бежал в Париж, вернулся в 1848 г. Сторонник объединения Германии. В 1871 г. избран в рейхстаг.

² Толстой Яков Николаевич (1791–1867), агент российского правительства в Париже. По окончании Пажеского корпуса (1808) был зачислен прапорщиком лейб-гвардии гренадерского полка, вскоре подал в отставку (1810), сдал экзамены за курс наук в Педагогическом институте и получил чин коллежского асессора. Участник Отечественной войны и заграничных походов русской армии (1813–1814). За личную храбрость награжден орденом Св. Владимира с бантом. Адъютант дежурного генерала Генерального штаба (с 1817 г.); член общества «Зеленая лампа» и «Союза Благоденствия». В 1823 г. по состоянию здоровья испросил годичный отпуск и уехал в Париж, сотрудничал в российских и зарубежных периодических изданиях. После восстания 14 декабря 1825 г. получил предписание вернуться в Россию, но отказался это сделать. Жил в Париже литературным трудом; выступал против тенденциозного освещения истории и современного состояния России во французской печати. Был вызван в Петербург (1836), где его принял шеф жандармов и главноуправляющий III Отделением А.Х. Бенкендорф. После чего Толстой, зачисленный на службу по Министерству народного просвещения, вернулся во Францию (1837) в качестве его «парижского корреспондента», откуда в течение 30 лет направлял в III Отделение донесения «о состоянии Франции, о течении дел, о переворотах, о борьбе партий и вообще обо всем, касающемся до высшей политики Европы».

³ Швейцер Карл (?–1847), агент III Отделения в Германии. С 1831 г. состоял при А.Х. Бенкендорфе чиновником особых по-

ручений. Помимо создания агентурной сети в Австрии и Пруссии (1832–1833) и снабжения российского правительства различного рода информацией, выполнял поручения Бенкендорфа, связанные с «обузданием излишнего либерализма западной прессы». С 1845 г. в отставке.

⁴ Чарторижский (Чарторыйский) Адам (1770–1861), польский и русский государственный деятель. Личный друг Александра I; с 1802 г. товарищ министра, министр иностранных дел Российской империи (1804–1806). Сенатор Королевства Польского (с 1815 г.). Во время польского восстания (1830–1831) возглавлял Национальное правительство. После поражения восстания эмигрировал. Лидер аристократического крыла польской политической эмиграции.

⁵ Островский Кристиан (1810–1882), польский писатель и общественный деятель, эмигрант.

⁶ Ходзько Леонард (1800–1871), историк и публицист, после восстания 1830–1831 гг. жил в эмиграции.

⁷ Дембинский Генрик (1791–1864), польский политический деятель, генерал. Как офицер наполеоновской армии, принимал участие в кампаниях 1809–1812 гг. Во время Польского восстания был главнокомандующим Национального правительства. После поражения эмигрировал в Саксонию, позднее – во Францию. Участник Венгерского национально-освободительного восстания 1849 г., после его поражения жил в Турции, затем во Франции.

⁸ Мазини (Мадзини) Джузеппе (1805–1872), один из вождей итальянского национально-освободительного движения, идеолог и лидер республиканско-демократического направления. Образование получил в Генуэзском университете. В 1827 г. вступил в общество карбонариев, был арестован (1830); эмигрировал. В Марселе основал патриотическую организацию «Молодая Италия» (1831). Создал сеть тайных рево-

люционных обществ: «Молодая Европа» (1834), «Союз итальянских рабочих» (1840–1841), «Интернациональный союз народов» (1846). После поражения революции 1848–1849 гг. примкнул к отряду Гарибальди. Основал республиканскую «Партию действия» (1853).

⁹ Монталиве Март Камилл Башассон (1801–1885), граф; после Июльской революции 1830 г. был министром внутренних дел, а затем министром народного просвещения Франции. С 1832 г. – снова министр внутренних дел; сенатор (с 1879 г.). По его инициативе основан Версальский музей, расширен Лувр, отреставрированы замки Фонтенбло.

¹⁰ Леопольд I (1790–1865), король Бельгии (1831–1865). Младший сын герцога Саксен-Кобургского, служил в русской армии; после женитьбы на Шарлоте герцогине Кендалл, дочери английского короля Георга IV, принял английское подданство (1816). На королевский престол возведен после Бельгийской революции 1830 г. по настоянию английского правительства.

¹¹ Монталамберт (Монталамбер) Шарль (1810–1870), граф, французский политический деятель, лидер воинствующего клерикализма. В годы Июльской монархии – член палаты пэров; депутат Учредительного и Законодательного собраний в период Второй республики (1848–1852); депутат Законодательного корпуса Второй империи (до 1857г.). С 1852 г. – член Французской академии.

¹² Татищев Дмитрий Павлович (1767–1845), действительный тайный советник, обер-камергер, сенатор. Посланник в Неаполе (1802–1803), чрезвычайный посланник и полномочный министр в Испании (1815–1821). С 1822 – уполномоченный чрезвычайной миссии при Австрийском дворе, затем посол в Вене (1826–1841). С 1838 – член Государственного Совета с оставлением в должности посла.

¹³ Брунов (Бруннов) Филипп Иванович (1797–1875), барон, граф (1871), действительный статский советник. По окончании Лейпцигского университета (1818) служил

в Государственной коллегии иностранных дел, участвовал в работе российских представителей на конгрессах Священного союза (1821–1822). С 1823 г. состоял при Новороссийском генерал-губернаторе М.С. Воронцове, редактировал газету «Одесский вестник»; начальник дипломатической канцелярии управляющего Дунайскими княжествами Ф.П. Палена (1828–1829), управляющий дипломатической канцелярией А.Ф. Орлова во время его чрезвычайной миссии в Константинополе (1829–1830). С 1832 г. руководил личной канцелярией министра иностранных дел К.В. Нессельроде. Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Штутгарте и Дармштадте (1839–1840); посланник в Лондоне (1840–1854, 1858–1860); посланник при Германском союзе, в Гессен-Касселе и Гессен-Дармштадте (1855–1856); посланник в Берлине, Мекленбург-Шверине и Мекленбург-Стрелице (1856–1858). Посол в Лондоне (1860–1874). Посол в Париже с мая по ноябрь 1870 г. В отставке с 1874 г.

¹⁴ Н.А. Долгорукий.

¹⁵ Жеребцов Александр Дмитриевич по окончании Санкт-Петербургского университета служил в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел (1834), переведен в комиссариатский департамент Военного министерства (1837), вскоре уволен от службы. Уехал за границу, предпринял попытку возродить «политическое течение» в масонстве. По возвращении в Россию арестован, выслан в Пермь (1841) Определен заседателем Пермского совестного суда (1848), сблизился со ссыльными поляками и был переведен в Казань. Выслан в Вятскую губернию (1867). Его мать, Софья Филипповна Жеребцова, урожденная Доррер.

¹⁶ Фридрих-Вильгельм III.

¹⁷ Перовский Василий Алексеевич (1795–1857), генерал-адъютант (1833), генерал от кавалерии (1843), граф (1855). Участник Отечественной войны 1812 г. и Русско-турецкой войны (1828–1829); директор канцелярии Морского штаба. Военный губернатор Оренбургской губернии и

командир Оренбургского корпуса (1832–1842, 1851–1857). Руководил походом в Хиву (1839–1840). Член Государственного Совета.

¹⁸ А. Ф. Матушевич был посланником в Неаполе, затем в Стокгольме (1831–1840).

¹⁹ Симбирским губернатором в 1839 г. был Николай Иванович Комаров.

²⁰ Саратовский губернатор – Илларион Михайлович Бибииков (1837–1839).

²¹ Пензенский губернатор – Александр Алексеевич Панчулидзе (1831–1859).

²² Е. Ф. Канкрин.

²³ Денежная реформа 1839–1843 годов (так называемая реформа Канкрин) была проведена в связи с резким обесцениванием ассигнаций (до реформы существовало бумажно-денежное обращение, бумажными деньгами финансировали военные расходы, особенно возросшие во время войн с Наполеоном). Необходимость укрепления государственного кредита и нормализации хозяйственной жизни страны заставила правительство в 1839 г. положить в основу денежного обращения серебряный рубль и установить обязательный курс ассигнации (1 рубль серебром равнялся 3 рублям 50 копейкам ассигнациями). В 1843 г. ассигнации начали постепенно изыматься из обращения и обмениваться на кредитные билеты, размениваемые на серебро.

²⁴ В 1839 г. В. Н. Панин был назначен управляющим министерства.

²⁵ Барант Амбаль Гильом Проспер Брюжьер (1785–1866), барон; историк, публицист и политический деятель, французский посол в Петербурге (1835–1841).

²⁶ Строганов Александр Григорьевич (1796–1891), граф; в военной службе с 1813 г. В 1831 г. назначен членом временного управления Царства Польского. Товарищ министра внутренних дел (с 1834 г.), генерал-губернатор Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний (1836), министр внутренних дел (1839–1841). Член Государственного Совета (1850), Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор (1855–1862); президент Одесского общества истории и древностей российских.

²⁷ Очевидно, Безаки Михаил Павлович (1810 – до 1886), генерал-лейтенант. Окончил Военно-строительное училище путей сообщения. Участник военных действий в Польше (1830) и Венгрии (1849), Крымской войны. Начальник Финляндского военного округа (1860–1870).

²⁸ 26 августа 1839 года на Бородинском поле состоялся военный парад. Князь А. В. Мещерский так описывал это событие: «Государь Николай Павлович стоял верхом на пригорке перед Бородинской колонной, пропуская мимо себя церемониальным маршем, без перерыва в продолжение 8 часов, все 250 тысяч собранного в это время на Бородинском поле войска. Нельзя было не удивляться его необыкновенной силе и энергии: он стоял все время недвижимо на своем высоком коне, как великолепная мраморная статуя древнего рыцаря, не переменив почти ни разу своего положения» (Н. Тальберг. «Человек вполне русский». – «Николай I и его время. Документы, мемуары, дневники, письма». Т. 1. М., 2000, С. 361).

²⁹ Согласно «Учреждению об Императорской фамилии» (1897) были выделены недвижимые имущества, так называемые «удельные», доходы от которых шли на содержание царской семьи. Управлялись они департаментом уделов во главе с министром. В 1826 г. этот департамент был объединен с министерством императорского двора. До 1852 г. объединенным министерством управлял князь П. М. Волконский.

³⁰ Перовский Лев Алексеевич (1792–1856), граф, в военной службе с 1811 г. Причислен к Государственной коллегии иностранных дел (1823). Назначен вице-директором департамента уделов (1828). Сенатор (1831), товарищ министра уделов и член Государственного совета (1840); министр внутренних дел (1841–1852); министр уделов и управляющий Кабинетом Его Императорского Величества (1852–1856).

³¹ Протасов Николай Александрович (1799–1855), генерал-адъютант; в лейб-гвардии Гусарском полку (с 1817 г.). Участ-

ник Русско-турецкой войны (1828–1829) и военных действий в Польше (1830–1831). Перешел на гражданскую службу членом Комитета по устройству учебных заведений (1834); исправлял должность товарища министра народного просвещения (1835); обер-прокурор Святейшего Синода (1836–1855). Барон М.А. Корф так упоминает о нем в своих «Записках»: «Императрица смеясь отвечала, что имеет разрешение от митрополита танцевать...; что разрешение это привез ей синодальный прокурор (гусарский генерал граф Протасов)... (Николай I. Муж. Отец. Император М. 2000. С. 423.)

³² Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874), действительный статский советник, камергер (1836). Начиная службу как чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Обер-прокурор Святейшего Синода (1833–1836). Поэт, писатель, автор книг духовного содержания; в молодые годы примыкал к кругу «любомудров», был участником «Московского вестника». Член Российской Академии наук.

³³ Н. Тальберг писал: «В царствование императора Николая сильно подвинулось дело воссоединения униатов. Государь желал только соблюдения осторожности в проведении этого вопроса, чего и указано им было придерживаться в 1834 г. 12 февраля 1839 г. собор униатских епископов и высшего духовенства, собравшийся в Неделею Православия в Полоцке, составил торжественный акт о присоединении униатской церкви к православной и всеподданнейшее прошение о том государю, подписанное 1305 духовными лицами. 25 марта царь написал на прошении: «Благодарю Бога и принимаю». За пастырями присоединилось и все полуторамиллионное униатское население Литовских и Белорусских епархий. Торжественные богослужения совершены были в Витебске, Орше, Полоцке, Вильне. Выбита была медаль с надписью на одной стороне: «Отторженные насилем (1596) воссоединены любовью (1839)», на другой – под ликом Спасителя

на убрусе: «Такова имама Первосвященника». Бывшие униатские архиереи получили православные епархии Западного края. Владыка Иосиф (Семашко) назначен архиепископом Литовским, владыка Василий (Лужинский), епископом Полоцким, Антоний (Зубко), Минским». (Н. Тальберг. «Человек вполне русский»... С. 359).

³⁴ Дьяков Петр Николаевич (1788–1847), генерал-адъютант (1831), генерал от кавалерии (1843). Участник войн с Наполеоном и Отечественной войны 1812 г. Назначен генерал-губернатором смоленским, витебским и могилевским (1836). В дневнике А.В. Никитенко, побывавшего в Витебске во время его управления, имеется следующая запись: «Много наслушался я тут любопытного об управлении этого края и особенно о генерал-губернаторе [П.Н.] Дьякове. Несколько лет уже он признан сумасшедшим, и тем не менее ему поручена важная должность генерал-губернатора над тремя губерниями. Каждый день его управления знаменуется поступками, крайне нелепыми или пагубными для жителей. Утро он обыкновенно проводит на конюшне или на голубятне: он страстный любитель лошадей и голубей. Всегда вооружен плетью, которую употребляет для собственноручной расправы с правым и виноватым. Одну беременную женщину он велел высечь на конюшне за то, что она пришла к его дворецкому требовать 150 рублей за хлеб, забранный у нее на эту сумму для генерал-губернаторского дома. Портному велел отсчитать 100 ударов плетью за то, что именно столько рублей был ему должен за платье. Об этих происшествиях и многих подобных, говорят, было доносимо даже государю» (А.В. Никитенко. Дневник в 3 томах. М. 1955. Т. 1. С. 212).

³⁵ Осенью 1839 г. в семье императора сильно болели: сначала императрица Александра Федоровна, затем дочь вел. кнж. Ольга и цесаревич Александр. Император писал И.Ф. Паскевичу 30 сент. (12 окт.) 1839 г.: «...Здоровье жены моей, которую перед отъездом оставил поправляющеюся,

видимо, к несчастью, вновь столь расстроилось, что должен был, внезапно оставя Москву, спешить к ней сюда, в жестоком беспокойствии найти ее опасно больною. Но милосердием Божиим опасения мои были напрасны... Теперь ей лучше, ...но крайне слаба... Вслед за тем заболела дочь моя Ольга сильной простудой и сегодня только, после 14-дневной лихорадки при жестоком кашле, ей, кажется, получше... Наконец, сын заболел дорогой и, судя по первым призна-

кам болезни, надо было опасаться повторения прошлогодней... Из всего этого заключить ты можешь, в каком я расположении духа, но что делать, это воля Божья; надо терпеть и покоряться – но очень, очень тяжело.» (Николай I. Муж. Отец. Император... С. 496).

³⁶ Ольга Николаевна (1822–1892), великая княжна. С 1846 г. замужем за принцем Вюртембергским; королева Вюртембергская (1864).

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ за 1840 год*

Продолжающееся в Европе, особенно во Франции, стремление к изменению существующего порядка вещей, колеблющийся дух Польши и губерний, от нее возвращенных, налагали на высшую полицию и в 1840 году первый долг наблюдать за движением умов в Европе, предупреждать вредное влияние этого движения на наше Отечество и уничтожать все, что могло клониться к нарушению спокойствия в оном. Посланники и агенты наши в европейских державах, наш министр иностранных дел¹, наместник Царства Польского² и генерал-губернаторы Западных губерний беспрерывно сообщали нам предостерегательные известия о положении дел в Европе, о замыслах польских выходцев и о тех идеях, которые проникали к нам или уже обнаруживались в пределах нашего государства.

Наблюдения и деятельность высшей полиции в течение 1840 года состояли в следующем:

О польских выходцах за границей

Находящийся в Париже польский выходец Викентий Иванов (Михаловский), который под руководством бывшего нашего агента Бакье наблюдал за другими эмигрантами, желал лично приехать в С.Петербург для открытия их замыслов, и это было разрешено ему. Здесь он представил описание польской эмиграции, составленное им с основательным знанием этого предмета. Он разделяет эмиграцию на следующие семь партий или обществ:

1. Партия охранителей (conservateurs).
2. Партия демократов.
3. Партия общего союза.
4. Тайное общество.
5. Партия нейтральная.**
6. Комиссия фондов и, наконец,

* Перед текстом помета Л.В. Дубельта: «Его Величество изволил читать. Генерал-майор Дубельт».

** Так в тексте.

7. Общество благотворительности.

Состав сих обществ, их цель и все подробности оного были представлены на Высочайшее воззрение, а Иванова предложено было отправить по-прежнему в Париж и поручить ему сообщать нам чрез одного из членов нашего посольства собираемые им сведения; но впоследствии полученные из Гамбурга известия доказали неблагонадежность Иванова, почему и устранен он совершенно от возложенного на него поручения.

Никогда во всех упомянутых партиях не было замечено такого движения, как при заключении европейскими державами без участия Франции трактата о восточных делах³. Польские эмигранты с тех пор во множестве стремились в Париж и Брюссель и уверены были, что не замедлят возвратиться в Польшу вслед за французскою армиею. В этой-то надежде предводители партий, между которыми главные действующие лица генералы Уминский⁴ и Роман Солтык⁵, имели частые секретные совещания о том, какими средствами и на каком основании удобнее произвести общее восстание в Польше. По иным проскользнувшим между разговорами их выражениям можно подозревать, что французское правительство поощряло их замыслы, и хотя польские выходцы вообще полагают, что восстановление независимости Польши вскоре будет исключительным делом Франции, которая, завладев Бельгиею, вознаградит короля ее Леопольда тронном Польши; между тем заграничные известия более и более подтверждают, что большая часть выходцев находится в совершенной нищете, что их положение ежедневно становится хуже и что они уже начинают чувствовать перемену французского министерства, ибо некоторые из них, более восторженные, уже изгнаны из Парижа. Некоторые из главнейших эмигрантов в Париже совещались о созвании Польского Сейма, но весть об этом, распространившаяся в Варшаве прежде, чем она опубликована была в журналах, вместо того, чтобы произвести, как надеялись эмигранты, сильное впечатление в Польше, по нелепости своей принята была так называемыми патриотами с презрением.

Образовавшееся в Риме католико-политическое тайное общество намеревалось отправить в Польшу эмиссаров из духовенства. В Лондоне польские и итальянские демократы совещались о приведении в действие преступных своих замыслов в Италии, Галиции и Великом герцогстве Познанском, где, по мнению их, умы в сильном брожении и приготовлены к перевороту. Однако же, по совету других польских выходцев, имеющих более весу, положено было не приступать к делу, пока не окончатся переговоры демократов с Чарторижским о соединении их с аристократами; по последним же известиям кредит Чарторижского между поляками исчезает.

В Бельгии эмиссары пропаганды стараются составить оппозицию против правительства, которое они подозревают в намерении соблюдать неу-

Дмитрий Васильевич Дашков

тралитет* в случае европейской войны. Даже в бельгийской армии составилось тайное общество, в котором, кроме офицеров, участвуют многие унтер-офицеры.

В Германии открыты в рабочем классе отрасли тайного общества «Изгнанников», которое составлено первоначально во Франции политическими выходцами, а оттуда чрез немецких путешественников распространяет по Германии революционные правила свои с целью освободить сию страну от разновластия мелких владетелей и основать Германскую республику. Это общество полагает к тому надежнейшим средством провозглашение политического и общественного равенства и соединение воедино всех народов Германии.

Суждения при путешествии Государя Императора за границу

Путешествие Государя Императора в 1840 году за границу долго занимало поляков и дало повод к толкам насчет воображаемой цели этого путешествия. Ложный слух о том, будто Его Величество прибыл в Париж, сколько бы ни должен показаться несбыточным, принят был за достоверную новость и погрузил в уныние так называемых патриотов. Политики со

* Так в тексте.

своей стороны, приняв новость эту с жадностью, предавались разным нелепым толкам и, теряясь в догадках, вдруг удивлены были известием по телеграфу о благополучном возвращении Государя в С.Петербург. По сведениям, полученным тогда из Франкфурта, герцогства Нассауского, Бельгии и Рейнских провинций, известно, что везде заметно было глубокое впечатление, произведенное внезапным появлением российского императора на берегах Рейна в такую эпоху, когда политические страсти, казалось, достигли высшей степени брожения и когда совершившееся недавно сближение различных тайных обществ давало возможность польским выходцам простирать в даль преступные свои замыслы. Появление Государя в тех странах в такое время показало всем всю великость духа Его и действие спокойной совести! На всех лицах выразалось благоговейное изумление и даже преданность, и, между прочим, один известный республиканец во Франкфурте при виде Государя выразился следующими словами: «Смотрите, это великолепный движитель (locomotive), который все увлекает за собою!».

Хотя во время пребывания Его Величества за границею не было обнаружено никакого злодейского умысла; но не менее того замечено было необыкновенное движение между польскими выходцами и в клубе Лелевеля. По этому случаю в Великом герцогстве Нассауском и во Франкфурте на Майне приняты были самые деятельные меры и разосланы были агенты в Бельгию и даже во Францию для бдительного наблюдения за польскими выходцами.

О расположении умов в Варшаве

Помещаемая ежегодно в адресе, подносимом Палатами королю французам, статья о восстановлении Польши год от году теряла свое значение даже в глазах самых восторженных и легковерных поляков. Они сами, наконец, убеждались, что включаемые в адрес выражения о симпатии французам к полякам суть одни простые фразы. Но в нынешнем году надежды их на это пробудились с прежнею силою после речи первого французского министра, маршала Сульта⁶, который в Палате Пэров между прочим объявил, что французский кабинет самым молчанием своим относительно восстановления Польши не одобряет настоящий образ правления и порядка вещей в Царстве Польском. Слова Сульта разнеслись в Варшаве с быстротою молнии, произвели различные толки и воскресили все сумасбродные надежды патриотов. Более же всего обрадовала их повторенная многими французскими журналистами фраза, что «в глазах Франции Польша 1814 года не погибла». Слова эти, при всей нелепости своей, произвели сильное впечатление на шаткие умы поляков, которые, по национальной своей гордости, думают, что эти слова суть выражение общего мнения всей Франции и будто один король Людовик Филипп противится восстановлению независимости Польши.

Известие о трактате, заключенном великими европейскими державами без участия Франции, принято было варшавскими патриотами также с восхищением. Они воображали, что европейская война, неминуемое, по мнению их, следствие этого трактата, исполнит все их надежды и желания. Но с прибытием Государя в Варшаву все изменилось! Когда в начале нынешнего года разнесся в Варшаве слух о предполагаемом путешествии Государя Императора по Царству Польскому, все с живейшим нетерпением ожидали прибытия Его Величества. Здравомыслящая часть народонаселения, постигая, что благоденствие Польши может зависеть только от тесного соединения сего Царства с Империею, искренно радовалась намерению Монарха удостоить поляков присутствием Своим и видела в этом новое доказательство, что Его Величеству угодно было предать забвению прошедшее. В массах же народных с обычным легкомыслием предавались пустым мечтаниям о необходимо долженствующих последовать переменах в Царстве и даже воображали, что составлены будут польские полки.

Государь Император, удостоив дважды в прошедшем году присутствием Своим Варшаву, Сам видел дух жителей оной, и сердце Его должно было радоваться, получив удостоверение в возможности изменить совершенно чувства того края под твердым, но кротким правлением фельдмаршала князя Паскевича.

Расположенные в Царстве Польском войска наши приняли распространившиеся при заключении восточного трактата слухи о войне с восторгом и тем с большим нетерпением ожидали прибытия Государя Императора, что надеялись из уст Его Величества услышать объявление похода.

Положение дел в Кракове

Положение дел в Кракове не улучшается. Сенат не имеет там ни той власти, ни той силы, которая могла бы внушить должное уважение к верховному судилищу. Молодые люди являют собою жалкую картину развращения умов, зараженных ядовитым потоком революционной литературы, которою пропаганда наводнила всю республику. Вместе с сим ненависть к австрийцам ежедневно возрастает, между тем как число тех, кои желают окончательного присоединения республики к Царству Польскому, увеличивается в той же соразмерности.

Впечатления, произведенные в Царстве Польском различными постановлениями

При нынешнем расположении умов поляков, мечтавших с европейскою войною поднять знамя свободы, еще сильнее, нежели когда-нибудь, порицаются в Польше принимаемые правительством меры и всякое новое постановление. Таким образом, Высочайший Указ об отмене в Западных

губерниях Литовского Статута⁷ и употребления в делопроизводстве польского языка произвел в Варшаве сильное впечатление, возбудив опасения, что и в Царстве Польском со временем последуют подобные важные перемены. Равно и другой Высочайший Указ, которым строжайше запрещается употреблять титулы, непризнанные Герольдиею, произвел громкий ропот, особенно между поляками: ибо число присвоивших себе дворянское достоинство и высшие титулы в Польше весьма значительно. Ропот сей утих только при новом распоряжении правительства, дозволившем жителям Царства Польского доказывать права свои на дворянское достоинство еще в продолжение одного года. Милость эта принята была тем с большею благодарностию, что от непрерывных политических переворотов, во все времена терзавших Польшу, подлинные дипломы и документы были повсюду разметаны, и затруднительное отыскание их было единственною причиною, что многие фамилии несвоевременно представляли доказательства о своем происхождении.

Другое благоприятное впечатление на поляков произвели государственные преступники, получившие Всемиловительшее прощение. Возвратясь ныне из Сибири в Польшу, они сделались предметом общего любопытства, и те, которые принимают в них особенное участие, были удивлены, когда, вместо жалоб на ужасы дальнего заточения, услышали описание уединенного, но совершенно спокойного пребывания ссыльных в Сибири.

Слух о предполагаемом в настоящем году распространении рекрутской повинности на евреев в Царстве Польском принимается с благословениями от всех жителей христиан и нашел многих приверженцев даже между самими евреями, которые надеются этим средством освободиться от множества единоверцев, погруженных в глубокую нищету и не имеющих возможности когда-либо улучшить судьбу свою.

Равно и слух об ожидаемых вскоре переменах в таможенном тарифе относительно ввозимых из заграницы в Царство Польское товаров делается в публике более и более достоверным и всех радует.

Злоумышления

Минувший 1840 год не представляет случаев, которые бы обнаруживали важные злоумышления внутри России, кроме того, шаткое положение поляков требовало бдительного внимания над ними, и принимались меры к остановлению не только вредных действий, но и самых намерений злоумышленников.

В Вильне и Киеве учреждены особые комиссии для строжайшего исследования, не существуют ли там тайные общества, по тому случаю, что в апреле месяце двое студентов бывшей Виленской Медико-Хирургической Академии и один ученик тамошней гимназии намеревались бежать за гра-

ницу, а задержанный по этому же случаю дворянин Заливайко, между прочим, объявил, что в Вильне существует тайное общество под именем «Человеколюбие»; в Киеве же перехвачены письма тамошних жителей с польскими выходцами, и из писем сих рождалось подозрение о существовании там тайного общества, называемого «Союз мести». Комиссия Виленская деятельно продолжает свои розыскания; что же касается до Киевской, то она обнаружилла подлог упомянутых писем.

С другой стороны, получены были сведения, что польские выходцы предполагают распространить свои действия в южных губерниях России. По этому случаю в Одессе и Бессарабии учреждена постоянная тайная полиция, присоединенная к карантинному управлению в Одессе, под непосредственным ведением Новороссийского генерал-губернатора для неусыпного наблюдения за поступками и сношениями людей разного звания, приезжающих туда из заграницы.

Еще в отчете за 1839 год было упомянуто, что после предуведомления князя Меттерниха в С.Петербург приезжал отставной полковник французских войск граф Дорер, который, основываясь на словах племянника своего дворянина Александра Жеребцова, объявлял о существовании в России и Царстве Польском политического заговора. В 1840 году Жеребцов был вытребован в С.Петербург. Произведенным строжайшим следствием открыто, что заговора никакого нет, но что сам этот молодой человек, от сближения с людьми ветреными и наслушавшись об одних предположениях насчет возможности заговора, а еще более от собственного своего легкомыслия и разгоряченного воображения, составил в голове своей несуществующий заговор, распространяя молву о нем за границу и склоняя других к участию в оном. Этими мыслями Жеребцов столько был занят, что, по собственному его сознанию, сам он был совершенно уверен в действительности небывалого заговора и, если б представился случай, то немедленно сделался бы действующим лицом какого бы ни было политического общества.

Еще получено было от Лондонского посольства нашего сведение, что из числа польских выходцев Северин Чапский, отправившийся из Лондона в Познань, и двоюродный брат его граф Карл Чапский, жительствующий в Лондоне, по уму и средствам своим имеют сильное влияние на своих соотечественников и питают самые вредные для нашего правительства замыслы. Для предупреждения их преступных намерений III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии сделано сношение о строгом наблюдении в пограничных губерниях, дабы Чапские, в случае покушения их проникнуть в наши пределы под чужими именами, были немедленно задержаны. Подобное распоряжение сделано и относительно других двенадцати польских выходцев.

Кроме того, в течение 1840 года были получаемы доносы от разных лиц с изъявлением желанья объявить тайны о политических злоумышлениях. Одни из доносителей были вытребованы в С.Петербург; другие домогались того же или даже личного представления Государю Императору; но как просьбы их, по собранным сведениям, оказывались неуважительными, то и были оставляемы без внимания*. Вообще в продолжение года употребляемо было самое бдительное наблюдение за всеми происками злоумышленников и строжайший надзор за приезжающими в пределы государства иностранцами, особенно в летнее время, и здесь действовали, с одной стороны, деятельные внешние сношения, а с другой – усердная помощь генерал-губернаторов на западной границе империи и обер-полицеймейстеров в столицах.

СВЯЗЬ И ОТНОШЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ К РОССИИ

Франция

Публика вообще, одобряя союз наш с Англиею, не отступает от мысли, что дружественные наши сношения с Франциею были бы невыразимо полезны для положения пределов распространяющейся торговле Англии, которая со временем будет вредна для всей Европы. Но при этом случае даже и те, которые видят всю пользу нашего союза с Францией, полагают, что достигнуть сих дружественных отношений нет возможности, ибо Франция не имеет правительства.

Австрия

Австрия находится и ныне в тех же отношениях к России, как и прежде. По общему мнению она не желает с нею разрыва, но из предосторожности сближается и с Франциею, чтобы сохранить свою степень в Европе, если Россия усилит свои дружественные связи с Англиею.

Пруссия

При кончине прусского короля Вильгельма III⁸ Россия и вся Европа ожидала больших политических перемен, но, к счастью, опасения были напрасны, ибо в сущности положение наше и отношения к нам Пруссии остались те же, исключая того, что народная к нам ненависть выказывается более прежнего.

* В отчете о действиях III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии видны распоряжения как по полученным из заграницы известиям, так и по доносам. (Примечание авторов документа.)

Англия

Несмотря на дружеское наше отношение к Англии, по общему мнению и по течению дел видно, что держава сия, как прежде, так и ныне, подзревает Россию в интригах к разрушению английского могущества в Индии и влияния в Средней Азии, ибо при усилении нашего влияния в Азии пострадала бы торговля Англии.

Швеция

Насчет Швеции мнение общее говорит, что государство сие в случае европейской войны увлечено будет с народною партией в войну против России, и потому должно державы сей остерегаться.

Таким образом, Россия, как и прежде, по общему мнению, в отношении внешнем не имеет искренних союзников.

О журналисте Дюране.

Здесь нельзя умолчать о журналисте Дюране, который явил собою разительный и вредный пример необыкновенной гибкости ума, в высшей степени способного с равным искусством защищать и проповедовать самые противоположные мысли. Издавая «Франкфуртский журнал», Дюран был ревностным поборником монархического правления и защитником законного порядка; силою красноречия своего, а более неоспоримую основательностью доводов он всегда с блестящим успехом опровергал клеветы и лжеумствования революционных журналов. Но тот же Дюран вдруг решился оставить это возвышенное поприще и, видя смуты во Франции, предположил себе другую цель, воспользоваться расположением умов и под благовидным предлогом спасти Францию от ужасов анархии, ей угрожающей, возвести на престол Франции династию Наполеона. Для достижения этой цели он основал в Париже в 1839 году журнал под именем «Капитолий», в котором, лаская и либералов и наполеонистов, надеялся соединением этих партий и силою красноречия своего уничтожить замыслы демократов, стремящихся к возобновлению республики, и приуготовить переворот в пользу Людовика Бонапарте⁹, а вместе с сим утвердить прочный союз между Франциею и Россиею. Такая быстрая перемена действий Дюрана дала повод к оскорбительному для достоинства России заключению не токмо журналистов, но и самого французского кабинета, будто бы наше правительство поощряет политическую интригу Дюрана. Независимо от возникавшей по этому обстоятельству дипломатической переписки в журнале «La Presse» помещена была статья, писанная нашим агентом, в которой были решительно опровергнуты оскорбительные для России наветы и объявлено, что если Дюран как редактор «Франкфуртского журнала», получал некоторое пособие от нашего правительства за помещаемые опровержения ложных статей насчет России,

то со времени основания им журнала «Капитолий» всякое с нашей стороны сообщение с ним прекращено. Здравомыслящая часть французской публики совершенно одобрила как эти статьи, так и действия в сих обстоятельствах нашего поверенного в делах графа Медема¹⁰. Наконец, и сам Дюран написал сильное возражение противу помянутых наветов, помещенное в журнале «Капитолий». Лучшим же доказательством того, какого мнения наше правительство о принце Людовике Бонапарте, могло служить французскому правительству сделанное распоряжение, когда разнеслись слухи о намерении этого принца прибыть в Россию, дабы ему не был свидетельствуем нашими миссиями паспорт на проезд в Россию, а вместе с тем было бы воспрещено ему дальнейшее следование в наши пределы, если бы он, несмотря на означенное распоряжение, вознамерился перейти границу. Нынешний редактор «Франкфуртского журнала» барон Вринц с успехом продолжает редакцию в том же монархическом духе, каким она отличалась в предшествовавшие годы.

Впрочем, потеря журналиста Дюрана принесла нашему правительству очевидную пользу, ибо в последнее время «Франкфуртский журнал», несмотря на то, что он находился под непосредственным наблюдением шефа жандармов, начал приходить в ощутительный упадок, а заступивший место Дюрана барон Вринц под тем же влиянием и наблюдением издает его с большею благонамеренностию. Что же касается до немецких журналов, то к прискорбию должно сказать, что они не столь охотно принимают, как прежде, статьи от наших агентов, и странно, что Германия, так сильно восставшая против Франции, ныне очевидно выказывает свое недоброжелательство к России!

СВОД МНЕНИЙ НАСЧЕТ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ РОССИИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

При наблюдении над внутренним состоянием России одною из важных перемен в 1840 году представляется окончательное присоединение греко-униатов к православию¹¹. Перемена эта, замечательная не только в религиозном, но и в политическом отношении, совершилась спокойно и утверждена на прочном основании: ибо новоприсоединенные православные, с охотою принимая все правила греко-российской церкви, теснее будут сближаться с русскими и самою национальностию. Столь полезное для нашего государства событие, естественно, произвело возражения и неудовольствие в недоброжелателях России. Даже признанные нам журналисты, особенно легитимистской партии (католики), сильно негодовали против этой правительственной меры, по мнению их, посягающей на права Папы.

Суждения в публике ныне более, нежели когда-либо, имеют предметом внутреннее благоустройство, и общая молва гласит, что на этот важный предмет не обращается довольно внимания. Повсюду слышны жалобы на злоупотребления и лихоимство; повсюду жалобы эти приводят к заключению, что злоупотребления не могли бы достигать до такой степени наглости и бесстыдства, если бы в начальники губерний избираемы были люди более достойные. По общему мнению, весьма немногие губернаторы соединяют в себе такие качества и в этом обвиняют вообще особ, близких к Государю Императору: ибо Его Величеству невозможно знать лично во всех отношениях тех, которые предназначаются в начальники губерний.

Строгая справедливость требует, однако же, сказать, что мнение сие неосновательно. Главные начальства напрягают все свои усилия к искоренению лихоимства между мелкими их подчиненными, и по возможности их усилия увенчиваются успехом, ибо ежели зло сие и существует, то далеко не в такой степени, как бывало прежде, когда сами начальники были причастны сему пороку. Здесь более, нежели где-нибудь, видна вся польза бдительного наблюдения, производящего очевидную боязнь между мелкими чиновниками, – боязнь сия делает их осторожными, а это уже есть выигрыш, – искоренение же совершенно злоупотреблений зависит от улучшения нравственного воспитания должностных людей.

О станových приставах

Другие жалобы обращены на станových приставов, которые с 1837 года определяются в виде земских начальников, имея каждый под своим ведением округ, составленный из нескольких селений и деревень. Цель этого учреждения не подлежит никакому осуждению; но опыты показали, что, независимо от злоупотребления лиц, в самом учреждении находятся недостатки и станových пристава не оправдывают ожиданий правительства. Жалобы на это столь общи, что необходимо надлежало собрать ближайшие сведения как о настоящих недостатках, так и о средствах к улучшению сего учреждения. Из сведений, доставленных Министерством Внутренних Дел, гражданскими губернаторами, предводителями дворянства и жандармскими штаб-офицерами, видно, что главный недостаток происходит от дурного выбора в станových пристава чиновников, и оттого, что им не дано довольно средств исполнять свои обязанности. Быв назначаемы от Короны, в станových пристава определяются люди малоспособные и необразованные, необходимое следствие недостаточного жалования, и единственно по этой причине звания сего не принимают на себя люди хорошие и способные, так что, по общему мнению, как равно и из возникшей по сему предмету переписки, обнаруживается, что звание станových приставов есть только прибавление к тем злоупотреблениям, кото-

рые происходили от исправников, с тою только разницею, что жалобы на исправников можно было относить к вине выбиравшему их дворянству, тогда как вопли на станových приставов справедливо укоряют правительство.

Хотя назначение флигель-адъютантов и жандармских штаб-офицеров для наблюдений за рекрутскими наборами принесло в отношении существовавших до сего времени злоупотреблений, неисчислимую пользу, но жалобы повсеместны на частыеборы.

После губельной засухи и истребления огнем в 1839 году многих городов и селений, провидению угодно было и в 1840 году посетить часть России бедствием неурожая, от которого наиболее пострадали губернии: Московская, Тульская, Калужская, Орловская, Рязанская, Тамбовская и Енисейская. Если бы Бог не благословил почти повсеместно яровые хлеба и если бы не отеческое о подданных попечение Монарха, то губернии сии подверглись бы всем ужасам голода. По Министерству Внутренних Дел, несмотря на неоднократные представления предводителей дворянства, долго не было предпринимаемо мер к отвращению сего бедствия. А между тем, с истощением запасов цены на хлеб непрерывно возвышались и наконец достигли до необъятной степени. От этого поля в некоторых местах не были засеяны и даже яровым хлебом. Падеж, наиболее в Калужской губернии, истребил множество скота. Помещики, раздавши весь хлеб свой и деньги на прокормление крестьян своих, оставались сами в величайшей нужде. От совершенного недостатка в пропитании и прекращения многих работ города наполнились нищими и особенно в Москве стекались они отовсюду во множестве как к месту, истари гостеприимному; на больших дорогах и на станциях толпы голодных окружали проезжих, на коленях прося помощи. Замечательно, что эти несчастные нигде почти не употребляли насилия и не нарушали общественного спокойствия. Народ погружен был в глубокое уныние, но не предавался отчаянию, оставаясь в уверенности, что Царь прострет щедрую длань к своему народу. Так и было. Едва достигла до Престола весть о постигшем Отечество наше бедствии, как повелением Его Величества немедленно приняты были самые бдительные меры к отвращению ужасов нищеты и голода. Дозволенный привоз хлеба из-за границы; командирование министра внутренних дел¹² и нескольких флигель-адъютантов с огромною суммою денег для раздачи нуждающимся в городах и селах; пожалованные дворянам некоторых губерний заимообразно суммы на обсеменение полей, а мелкопоместным и безвозвратно; выдача из кредитных установлений помещикам, наиболее потерпевшим от неурожая, надбавочных ссуд для засева озимых полей; отсрочки на два года платежа долгов государственному казначейству по губерниям Тульской, Калужской, Рязанской и Тамбовской; и, наконец, распоряжение о наполнении ныне же магазинов семенами – вот меры, ко-

торые при милости Божией, даровавшей повсюду обильный урожай яровых хлебов, обеспечили продовольствие народное в настоящее время, а с обсеменением озимых полей и сохранением яровых семян воскресили надежды на будущий урожай. Милость Царская и принятые меры к отклонению сего бедствия произвели самое лучшее впечатление на дворян, которые во все это время вели себя отлично и, отказывая себе во всем, делились с неимущими и тем удержали крестьян в повиновении, что делает честь и тем и другим и служит новым доказательством, до какой степени еще хорош дух в России.

Хотя при таковых бедствиях вообще дух народный не изменял чувству преданности к установленным властям, однако нельзя умолчать, что одно из распоряжений правительства было вредно в своих последствиях: частые и строгие подтверждения о понуждении помещиков к оказанию помощи крестьянам произвело то, что многие из них, находящиеся в хорошем быту, беспокоили господ своих!

Таковое недоверие к помещикам или, лучше сказать, несоблюдение в совершенной тайне от простого народа понудительных распоряжений правительства породило в народе дурное понятие, что помещики обязаны всегда, и без особенных к тому причин, кормить крестьян своих, а помещиков поставило в затруднительное положение и произвело между ими ропот, тем более справедливый, что банк в самое трудное для них время прекратил выдачу ссуд и капиталов.

Неосновательное мнение крестьян насчет обязанностей помещиков тем более для них приятно, что мысль о свободе тлеет между ими непрерывно и в смутных обстоятельствах обнаруживается более или менее опасными вспышками. Мы видели разительные тому примеры в 1839 году во время пожаров и в 1840-м имеем новый опыт, как простой народ легковверен, и до какой степени наглый обманщик, красно говорящий черни, самыми нелепыми рассказами и провозглашениями легко может возмутить и увлечь к беспорядкам. В Калужской губернии в селе Сильковицах во время ярмарки явился крестьянин Барышев и начал разглашать, что последовал указ, которым крепостные люди призываются к переселению в Кишинев с освобождением из помещичьего владения и что он прислан отсюда по воле правительства для приглашения их переселиться. Слова эти мгновенно разнеслись в народе, и в несколько минут собралась около провозгласителя многочисленная толпа; дабы речь Барышева была слышнее, поставили его на возвышение, и таким образом он продолжал провозглашать свободу и призывать к переселению. Хотя присутствие духа станового пристава остановило беспорядки, не менее того разглашения Барышева имели последствием большие побегы по направлению к Киши-

неву, для остановления которых местное начальство должно было принять деятельные меры.

Вообще мысль о свободе вкореняется более и более и бывает причиною не только беспорядков, но порождает часто и важнейшие преступления: посягательство на жизнь самих помещиков и управителей имениями! Постепенное увеличение числа преступлений этого рода должно обратить на себя особое внимание правительства. В 1840 году число лишенных жизни помещиков простирается до 17-ти; кроме того, убито 3 управителя; безуспешных покушений на жизнь владельцев имений обнаружено 3; следовательно, всех случаев было 23. В предшествовавшие годы число это было далеко менее, а в 1836 не превышало 10-ти.

Верноподданническая преданность обязывает сказать, как было сказано и в отчете прошедшего года, что мысль крестьян о свободе год от году более угрожает опасностью будущие времена России.

МИНИСТЕРСТВА

Финансов

Министр финансов¹³ действует в прежнем духе с непреклонною волею и, следуя только тем предначертаниям, которые им введены или выдуманы. В 1840 году он явил новый опыт, до какой степени в нем всегда встречается противодействие всяким, даже полезным для государства, предприятиям, если они не им предложены! Прибывшие из Берлина и Варшавы банкиры Магнус и Френкель, также начальник Главного Надворного Почтамта в Варшаве Миткевич вызывались устроить в России на пространстве 7000 верст шоссе, но со стороны министра финансов нашли непреодолимое препятствие, так что это полезное государственное дело в самом начале своем осталось без всякого успеха.

Тот же банкир Магнус при рассуждениях с графом Канкриным доказывал чрезвычайный вред запретительной системы. По мнению этого банкира: «Державы, даже враждебные, всегда имеют между собою торговые сношения, тогда как Россия и Пруссия, быв соединены узами родства, ведут на границе непрерывную контрабандную войну, уничтожающую обоюдные выгоды, которые были бы велики, если бы торговля между сими двумя государствами была менее затруднительна.»

В Пруссии и Силезии ненависть к России возрастает с каждым днем. Наша запретительная таможенная система может почесться одною из главных причин раздражения умов, которое весьма часто проявляется самими неумеренными выражениями в газетах Кинисбергских, Данцигских и Бреславльских.

В публике, хотя отдавая справедливость честности графа Канкрин, слышен, однако же, общий ропот насчет лихоимства подчиненных ему чиновников, и это пятно более всех падает на Дружинина¹⁴ и зятя его камергера Афросимова.

Общее мнение отдает полную справедливость отличной, умной и честной администрации Вронченки¹⁵ во время отсутствия графа Канкрин, и слышны повсюду толки, что шестимесячное отстранение его от дел вверенного ему министерства не могло испортить наших финансов, тогда как ныне сам граф Канкрин говорит и говорил даже некоторым министрам об ужасном положении оных; таковое собственное сознание министра финансов должно неминуемо приводить всех в испуг и опасение.

Заем, сделанный нашим правительством в истекшем году в Голландии, также произвел, как здесь, так и в Варшаве, общие суждения между торговым классом, и все утверждают, что условия, на коих этот заем сделан, невыгодны до такой степени, что можно было сделать оный на выгоднейших условиях даже в Варшаве.

Внутренних дел

Деятельность, усердие и честность графа Строганова дали его министерству самое лучшее направление, и вообще все, отдавая ему полную справедливость, жалуется, однако же, на его суровое обращение и на не довольно строгую разборчивость при назначении губернаторов.

Юстиции

В Министерстве Юстиции возникла новая деятельность под управлением графа Панина, хотя ум его и правосудие не могли еще достигнуть до провинций, где по-прежнему совершаются многие несправедливости.

Сенат также получил хорошее направление от графа Панина, и должно надеяться много полезного в будущем. Лучшим доказательством его деятельности и распорядительности служит то, что мелкие чиновники и стряпчие вопиют против него.

Народного просвещения

Об этом министерстве сказать нового ничего нельзя, потому что ничто не переменялось, и как зло, так и добро существуют по-прежнему.

Управление статс-секретаря Вилламова¹⁶

Об этой части государственного управления, к сожалению, сказать можно только то, что ломбарды не имеют денег для выдачи по билетам, которые, чего никогда не было, должно дисконтировать, особенно в Москве, от 8 до 10 процентов.

Управление путей сообщения

Управление путей сообщения то же, что и было, – систематическое злоупотребление! Здесь первый закон: защищать своих подчиненных. Суммы издерживаются огромные, но не видно благих последствий от этих издержек в той степени, в какой того ожидать должно. По общему в публике суждению, все, видимо, сделанное стоило бы в половину менее, если бы часть эта существовала на иных основаниях.

Большое количество генералов, штаб- и обер-офицеров сего ведомства всех удивляет и порождает вопрос: что они делают?!

Государственных имуществ

Русский крестьянин не любит нововведений и потому при вопросах: лучше ли им теперь? обыкновенно отвечают двусмысленно или в неясных выражениях дают уразуметь свое неудовольствие. Об этом министерстве еще нельзя сказать ничего положительного, и нужен год, другой, чтобы дать верный очерк о сей части государственного управления. Собственно о министре¹⁷ отзываюся с уважением и как о человеке с умом и способностями и обладающем благороднейшими движениями души, но вместе с тем жалуются на характер его, до того пылкий, что он не может иначе выражать мнений своих, как с порывами гнева.

Уделов

Примерное министерство во всех отношениях есть Министерство Уделов. Князю Волконскому и Перовскому все отдают справедливость; честно, умно и практически ведутся дела этого министерства, и последствия самые благие.

Военное

Войско и флот находятся в самом отличном положении, и это приписывают единственно тому, что Государь Император лично занимается этою частью, имея исполнителями воли Своей графа Чернышева и князя Меншикова, сановников усердных и до чрезвычайной степени деятельных.

Наружный вид гвардии едва ли был когда-либо в таком блестящем положении, как ныне, и преданность ее собственно к особе Государя Императора не подвержена никакому сомнению. Ропоту не слышать, и в войске этом господствует с некоторого времени какая-то тишина. Нельзя скрыть, что тишина сия происходит не от удовольствия, напротив, кроется вообще какое-то глухое чувство, заставляющее употреблять скрытность и осторожность в самых выражениях, и вообще в молодых офицерах веселость очевидно уменьшилась, – они реже начали показываться в обществах и проводят свободное время более между собою. Здесь является странная противоположность, обращающая на себя внимание даже самых кротких

людей: чем более правительство и частные лица стараются дать лучшее образование юношеству и тем уже развили в них понятие о личном своем достоинстве, тем взыскательнее и невежливее с ними обходятся! И это грубое обращение падает на молодых людей, которые за доброе слово готовы за Царя и свое Отечество броситься в огонь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надо благодарить Бога, что в прошедшем году, кроме неурожая в некоторых губерниях, не было событий особенной важности; но нельзя сказать, чтобы 1840 год являл нам общественное стремление духа в тех же хороших видах, в каком проявлялся дух народный во все предшествовавшие годы царствования Государя Императора. Прискорбно говорить неприятную истину, но эта обязанность, хотя тяжкая, есть, однако же, первая III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, и потому не должно умалчивать, что собственно на лицо Государя нет еще ропота, но кроется повсюду какое-то общее неудовольствие, которое можно выразить одним словом, писанным к шефу жандармов из Москвы: «не знаю, а что-то нехорошо!», и это выражение мы часто слышим вырывающимся у людей самых кротких, самых благонамеренных. Конечно, еще нет ничего дурного, но, к несчастью, подобное выражение есть оттенок расположения умов и чувств, менее хороших, нежели были они во все прошедшие 15 лет, и доказывает, что все сословия вообще находятся в каком-то неловком положении, которому никто, даже сам себе, отчета дать не может.

Прошедший год в двух случаях являет новое убедительное доказательство любви народной к Царственному Дому: рождение внуки Государя¹⁸ и въезд в столицу высокообрученной невесты Государя Наследника¹⁹.

Когда Всевышний даровал Государю первую внуку, радостно было видеть, с каким восторгом в столице повсюду принимаема была весть о благополучном разрешении от бремени Великой Княгини Марии Николаевны. Все русские и иностранцы искренно сорадовались доброму отцу семейства – Монарху и доброй Царице, которой здоровье от этого счастливого события несомненно должно было восстановиться. На бирже весть сия разнеслась в одно мгновение с необыкновенными изъявлениями преданности к Их Императорским Величествам. При торжественном въезде в столицу Государыни Императрицы в сопровождении высокообрученной невесты Государя Наследника Цесаревича войска и народ с искренним русским усердием приветствовали юную княжну, предназначенную Господом к продолжению счастья Императорского Дома и всей России.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 5. Л. 95–149 об.

¹ К.В. Нессельроде.

² И.Ф. Паскевич.

³ В ходе второй Турецко-египетской войны (1839–1841) снова проявились противоречия между европейскими державами. Россия поддерживала султана, «Франция же поощряла домогательства Мехмед Али». Напавшие на египтян турецкие войска были разбиты в первом же сражении, флот перешел на сторону Мехмеда Али. Весной 1840 г. между Россией, Австрией, Англией и Пруссией была заключена конвенция, согласно которой египтяне выводили свои войска из Сирии и Палестины, с Аравийского полуострова и о-ва Крит. За это Египет и Восточный Судан объявлялись наследственными владениями Мехмеда Али, который признавал себя данником султана, на территорию Египта распространялись все договоры Османской империи с другими державами. Однако Мехмед Али, подстрекаемый Францией, отказался принять эти условия. В военные действия на стороне Турции вмешались Австрия и Англия. Египет капитулировал.

⁴ Уминский (Ян Непомук) (1780–1851), польский генерал. В период народного движения 1794 г. был добровольцем. Когда Наполеон сформировал польское войско (1806), Уминский организовал почетную охрану императора. В войне против Австрии командовал авангардом генерала Домбровского (1809), гусарским полком (1812), под Лейпцигом был ранен и попал в плен (1813). При образовании польских войск состоял некоторое время на службе (1816), а затем отошел от дел и поселился в своих имениях в Познани. Как один из организаторов «Общества коссиньеров» был арестован русским правительством (1821), выдан Пруссии и приговорен к 6 годам заключения в крепости. В 1830 г., когда вспыхнуло Польское восстание, Уминский бежал и, прибыв в Варшаву, получил командование дивизией. После поражения восстания эмигрировал.

⁵ Солтык Роман (1791–1845), польский писатель и политический деятель. Получил

образование в Парижской политехнической школе; командовал сформированной им на собственные средства конной батареей; состоял при Сокольниковом, генерал-адъютанте Наполеона (1812), под Лейпцигом попал в плен (1813), после освобождения оставил военную службу. Находясь в Польше, Солтык оказался замешанным в политический заговор; арестован, но по недостатку улик выпущен на свободу (1826). Когда началось восстание 1830 г., ему была поручена мобилизация национальной гвардии в воеводствах правого берега Вислы, затем Солтык находился в войсках генерала Скржинецкого. После поражения восстания эмигрировал.

⁶ Сульт Никола Жан (1769–1851), французский военный и государственный деятель; маршал Франции (1804); герцог Далматский (1807). Сын нотариуса; на военной службе с 1785 года. Участвовал в революционных войнах Франции, дивизионный генерал (1799). В наполеоновской армии командовал пехотным корпусом; армией в Испании и Португалии (1808–1813). После отречения Наполеона стал ярким роялистом, был назначен военным министром и пэром Франции (1814). Во время «Ста дней» – начальник штаба у Наполеона. После реставрации 1815 г. оказался в изгнании, вернулся во Францию в 1819. После Июльской революции 1830 г. Сульт снова стал военным министром; председатель Совета министров (1832–1834, 1839–1840, 1840–1847).

⁷ Имеется в виду Литовский Статут 1588 г., наиболее разработанный среди кодексов феодального права Великого княжества Литовского (1529, 1566, 1588). Статут содержал нормы государственного, земельного, уголовного, процессуального и наследственного права; действовал в отдельных своих частях в Восточной Белоруссии до 1831 г.; в других районах Белоруссии и Литве был окончательно отменен в 1840 г.

⁸ «В конце мая Государь прибыл в Берлин и присутствовал при кончине короля Фри-

дриха-Вильгельма III. При гробе несли дежурство русские генерал-адъютанты, флигель-адъютанты и чины Кавалергардского полка. Вступивший на престол сын покойного, король Фридрих-Вильгельм IV, брат Императрицы Александры Феодоровны, принял отряд кавалергардов, обнял старшего унтер-офицера и рядового, обласкав каждого; он говорил о своих наследственных чувствах к России. Король опубликовал завещание отца. В нем говорилось и об иностранной политике: «Постарайся сохранить по мере возможности доброе согласие, существующее между европейскими державами, в особенности, чтобы Пруссия, Россия и Австрия никогда не разделялись». (Н. Гальберг. «Человек вполне русский». Император Николай I в свете исторической правды // «Николай I и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков». Т. 1. М. 2000. С. 363).

⁹ Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), сын падчерицы Наполеона I Гортензии Богарне и его брата Луи. Находясь в изгнании (до 1848), вел жизнь политического авантюриста. В 1836 (Страсбург) и в 1840 (Булонь) предпринимал попытки захвата власти во Франции. Правительством Июльской монархии приговорен к пожизненному заключению в крепости Гам, откуда бежал в Бельгию (1846). После февральской революции 1848 г. вернулся в Париж, но Временное правительство приказало ему покинуть страну. В июне 1848 г. был избран депутатом Учредительного собрания; затем 10 декабря 1848 г. добился избрания президентом Франции. 2 декабря 1851 г. осуществил государственный переворот; в 1852 г. был провозглашен императором Наполеоном III. Во время Франко-прусской войны, в сражении при Седане (2 сентября 1870) попал в плен. Низложен в результате революции 4 сентября 1870 года в Париже. После заключения Франкфуртского мира (1871) был освобожден из прусского плена и до конца своих дней жил в Великобритании.

¹⁰ Медем Павел Иванович (1800–1854), граф, российский дипломат, служил послом в Лондоне, Штутгардте, Вене.

¹¹ Имеется в виду Собор униатских епископов и высшего духовенства 1839 г. в Полоцке, заявивший о присоединении униатской церкви к православной.

¹² А.Г. Строганов.

¹³ Е.Ф. Канкрин.

¹⁴ Я.А. Дружинин, директор канцелярии Министерства финансов (1811–1830).

¹⁵ Вронченко Федор Павлович (1780–1852), сын священника; по окончании Московского Университета служил в канцелярии Н.Н. Новосильцева (до 1805). Затем ведал «отправлением письменных дел» в свите Александра I, главным образом был «употребляем для редакции военных реляций». Определен письмоводителем при совете и правлении Комиссии составления законов (1809); начальник отделения в Министерстве финансов (1810); вскоре получил новое назначение – в Министерство внутренних дел; перешел в Министерство финансов (1820), заведовал 3-м отделением, преобразованным в особенную канцелярию по кредитной части (1824), которой он управлял до назначения товарищем министра финансов. После отставки Е.Ф. Канкрин, был назначен министром финансов (1844–1852).

¹⁶ Вилламов Григорий Иванович (1771–1842), статс-секретарь. В 1788 г. был принят в Коллегию иностранных дел; с 1792 г. служил в Стокгольмской миссии; с 1794 г. – переводчик в иностранной коллегии. В 1801 г. назначен «быть у исправления дел» при императрице Марии Федоровне. С 1828 г. – статс-секретарь по IV отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

¹⁷ П.Д. Киселев.

¹⁸ Александра Максимилиановна (1840–1843), дочь герцога Лейхтенбергского и великой княгини Марии Николаевны, старшей дочери Николая I.

¹⁹ Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария (1824–1880), принцесса Гессен Дармштадтская; с 1841 г. – жена наследника цесаревича Александра Николаевича, будущая императрица Мария Александровна.

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ за 1841 год*

Спокойно истекший год для России не налагал на высшую полицию обязанности усугублять наблюдений за движением умов вне государства, и вся внешняя деятельность ее, оставаясь в прежней силе, обращена была более на внутреннее положение дел.

Обязанность знать и видеть те действия государств иностранных, которые могут или могли иметь влияние на наше, заставляла пробегать со вниманием все журналы, вести переписку с агентами, иметь внимательные разговоры и делать подробные расспросы всем иностранцам, прибывающим в наши пределы. Из этих источников почерпнуты некоторые понятия о делах Европы, которые, впрочем, более или менее поверхностны.

Результаты известий и изустных сказаний, как внешних, так и внутренних, представляются в следующих видах.

ДЕЛА ВНЕШНИЕ

В Германии: на Рейне, в Франкфурте, в Вене, в Дрездене и Берлине идет все тихо, хотя не везде по желанию. Ганзиатические города** – Гамбург, Любек, с которыми мы имеем более сношений, занимаются исключительно торговлею, а на политику смотрят, лишь поколику она имеет влияние на прейскурант. Жители тамошние ничего не желают, кроме спокойствия и мира.

Прусское королевство представляет собою образец правления правосудного, благоустроенного. Удивления достойно, каким образом оно успело искоренить на левом берегу Рейна приверженность жителей к французам и внушить любовь и преданность к прусскому престолу. Впрочем, сказать должно, что французы нелепою своею Июльскою революциею¹ и жалкими ее последствиями усилили любовь соседних народов к их правительствам и законам.

---

* Перед текстом помета Л.В. Дубельта: «Его Величество изволил читать. 2 февраля 1842. Генерал-майор Дубельт».

** Имеются в виду города Ганзейского союза, существовавшего в XIV–XVI вв.

Король прусский² пользуется уважением Германии, но не в такой степени, как можно было того ожидать. Он обещал много, но доньше ничего не сделано вполне, и тем более становится священной память покойного короля³, который более делал, нежели говорил.

При дворе усиливаются набожность, пиетизм⁴, чему особенно способствует королева, которая, говорят, мучится совестью, что оставила католическое исповедание. Придворные в Берлине судят, что набожность царей есть слава и защита народов, но излишняя, неискренняя порождает лицемерие в придворных и в государственных сановниках. Под эту маску люди, недостойные доверенности, прокрадутся в чертоги царские и в совет, и король будет слушать не людей опытных, а лицемеров, если не злодеев. Что иезуиты в странах католических, то пиетисты у протестантов. Они составляют отдельную партию, которая при первой возможности опутывает верховную власть, захватывает в руки силу, почести и деньги и деятельно старается рассеять повсюду своих приверженцев. Жаль будет, если величественное здание образцовой прусской монархии подкопано и потрясено будет этими мечтателями. Впрочем, дела в Пруссии идут быстро: юстиция, администрация, полиция превосходны, но армия не в состоянии будет вести войну с воинственным неприятелем. Солдаты молоды, неопытны, не привязаны к своему ремеслу и думают только о том, как бы отбыть три года урочной службы, ибо дух их по самой организации есть более гражданский, нежели воинственный. В оборонительной войне, когда должно бы было защищать отцов, матерей, жен и детей, они, может быть, будут драться храбро, но в наступательной, заграничной не выдержат воинских трудов.

В Пруссии носятся слухи, что король намерен переменить форму мундиров для того, чтобы пруссаки не походили на русских.

Несмотря на многое прекрасное в Пруссии, дух времени и желание политической вольности под личиною конституции все более и более распространяется и, присоединяясь к прению вражды религиозной, не обещает хороших последствий.

Ганновер волнуется раздором между королем⁵ и земскими чинами, и эти распри производят действие горестное и пагубное, уменьшая уважение народа к царскому сану и слову. Король, ниспровергнув государственное постановление, возбуждает против себя общий ропот и негодование. Оппозицию составляют не либералы, не юноши – в противных ему рядах находятся первые мужи народа, всеми чтимые и уважаемые, приверженцы монархии и законов. Это обстоятельство, горестное и пагубное, как ядовитый червь, подтачивает основание царских тронов в Германии. Добра из этого не будет.

Голландия не представляет утешительной картины! Король⁶ ее действиями своими навлек на себя всеобщее неудовольствие и теряет всю доверенность своих подданных. Ежели он продолжит свои колеблющиеся действия, то может кончить тем, что должен будет оставить престол и пределы своего государства, и это тем вероятнее, что отец⁷ его уже сделал в преданности народной сильное потрясение.

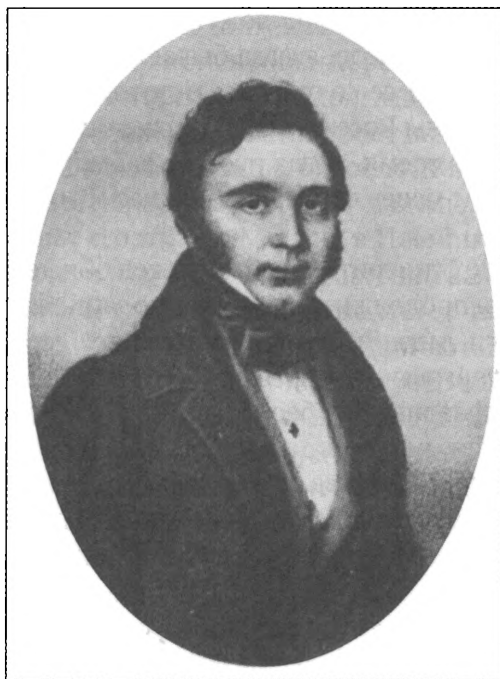
Меньшие королевства и другие владения Германии наслаждаются совершенным благоденствием. Саксония процветает и обогащается. Виртенберг* есть одна из самых счастливых стран и сим обязана своему государю⁸. Нельзя того же не сказать о Баварии! Непомерная страсть короля⁹ к изящным искусствам препятствует успехам других частей. Бавария видимо отстает от всех прочих стран Германии.

Сии известия, извлеченные из различных донесений и изустных сказаний, коснулись некоторых недостатков и слабых сторон в разных немецких землях, но все это ничтожно в сравнении с целым. Почти везде господствуют благоустройство, уважение к религии, приверженность к правительствам и к государям. Просвещение, промышленность, обилие распространяются видимо под сению мира и внутреннего спокойствия. Если раздаются где-либо крики недовольных, они большею частию происходят от людей ничтожных, неуважаемых и большого действия не производят. Доколе государи Германии будут поступать с подданными своими правосудно, откровенно, на основании законов, как то делается в Австрии, Пруссии, Саксонии, Виртенберге, Бадене, дотоле можно не только ручаться за спокойствие Германии, но и быть уверенным, что в случае войны все подданные сих держав будут защищать их усердно и с самоотвержением.

Против России сильно предубеждены в Германии. Источником недоброжелательства к русским почеть можно, с одной стороны, предания старинной политики германских народов, с другой – зависть, внушаемую величием и силою нашей империи, и мысль, что ей Провидением предопределено рано или поздно привлечь в недра свои все славянские племена и, наконец, злобу против России партии революционеров, которые беспрестанно появляющимися в Англии, Франции и Германии пасквилями, изображая Россию самыми черными красками, гнусною клеветою стараются вселить к ней общую ненависть народов. Этот дух неприязни к России, конечно, не может вредить внутреннему развитию сил империи, но ненависть эта не может не ослабить нравственное влияние России в сношениях с другими державами.

Любимые правительственные идеи в Германии находятся в совершенной противоположности с неограниченною преданностью народа русско-

* Здесь и далее совр. – Вюртемберг.

Яков Николаевич Толстой

го к своим царям, и потому весьма естественно, что народы Германии не имеют никакого сочувствия к русским, а напротив, любят врагов ее, которые не перестают распространять между ними ненависть к России.

Относительно дел восточных в Германии твердо убеждены, что исламизм уже на исходе своего существования, что Турция, видимо, клонится к совершенному разрушению, и все, что не предпринимают великие державы, дабы поддержать шаткое здание этой империи, может только на время остановить ее неминуемое падение; и потому в Германии не постигают, каким образом Россия до сего времени не воспользовалась благоприятными обстоятельствами, дабы завладеть Константинополем, который был бы важнейшим условием преобладания ее политики в Европе. В одном частном разговоре о сем предмете один из королей германских*, отдавая полную справедливость великодушию и умеренности Императора Российского, выразился о политике следующими словами: «Я должен сказать, что монархи, как и все смертные, должны покоряться закону необходимости. Они не могут рождать события, но должны искусно пользоваться ими, и потому стоит только взглянуть на карту и убедиться, что при всяком событии на востоке долг Императора Российского сообразовать

* Король Вюртембергский барону Швейцеру. (Прим. авторов документа).

политику свою с географическим положением и выгодами Его империи. В политике, как и во всяком деле, всегда бывает труднее вновь занять утраченную позицию, нежели ее сохранить; и потому, признаюсь, я не верю совершенному со стороны России самоотвержению, а, напротив, убежден, что неминуемо придет время, когда русские займут Константинополь». В этих словах более или менее отражается общее мнение большинства германской публики.

В Германии не хотят верить, чтобы дружелюбные сношения России с Англией могли быть продолжительны; там полагают, что Россия никогда не насытит алчности Англии, разве принесет все свои выгоды в жертву морской ее силе и торговым интересам. Те, которые не хотят признавать русскую политику правдивою и бескорыстною, подозревают в действиях ее скрытые намерения, кои вскоре должны обнаружиться. Другие же полагают внутренние неурядицы причиною ее бездействия или что личные отношения Императора к Людовику Филиппу и желание во что бы то ни стало расторгнуть союз англо-французский побуждают Государя к такому пожертвованию несомненного доселе сильного влияния на Востоке. Одним словом, большинство германской публики убеждено, что Россия сделала английской политике большие уступки, а сама не приобрела никаких выгод при решении турко-египетского спора и что ей весьма трудно будет восстановить политический перевес на востоке, коим она пожертвовала Англии, слишком полагаясь на ее добросовестность. В разговорах о сем предмете князь Меттерних и граф Фикельмон¹⁰ не скрывали опасений своих, что Англия слишком далеко простирает свое преобладание на Востоке и что такое решительное изменение политической системы нашего правительства при столь значительных пожертвованиях в пользу Англии могут быть оправданы только необыкновенною деятельностью, с кою Государь предпринимает многоразличные внутренние преобразования и следит за успехами нововведений.

В Италии и Швейцарии, в особенности в сей последней, мало утешительного: там все в брожении и хаосе. Подражание Июльской революции взволновало Швейцарию. Дело не доходило до кровопролития, но распри, раздоры, споры бесконечны! Католическое духовенство еще более раздувает пламя несогласия своими происками. Кто хочет убедиться в выгодах монархического правления, тот должен пожить в Швейцарии. Эта страна была бы первою в Европе под законною властью мудрого государя – теперь это двадцать два стада без пастырей!

В Италии правительство австрийское, кроткое, постоянное, правосудное, никак не может приобрести любви, уважения и привязанности; там ненавидят австрийцев и в каждом немце видят врага и злодея. Спокойствие, безопасность, обилие, распространение торговли, промышленности

и народного богатства, кажется, должны бы были внушить им другие чувства и понятия, но нет: ненависть их неискоренима.

Сардиния процветает торговлею и промышленностью; армия находится в отличном положении, но все это стонет под ненавистным игом иезуитов, которые овладели верховною властью. Король¹¹ повинуется им беспрекословно, как бы опасаясь, что при малейшем покушении свергнуть их иго, они лишат его жизни. Монахи в Пьемонте и Генуе расплодились до невероятности и как чужеродные растения высасывают весь питательный сок. Маркиз Паулучи¹² горько жалуется на их преобладание, говоря, что наш север идет вперед, а они подвигаются назад и вскоре будут в XIII веке. Известия оттуда удостоверяют, что вскоре иезуиты свергнут его с генерал-губернаторского места и возведут на оное своего любимца графа Местра, нынешнего губернатора в Ницце.

Неаполитанское королевство находится в прежнем и всегдашнем хаосе. Между тем врожденная беспечность народа, леность его и невежество устраняют беспокойства и не дают неудовольствию превратиться в ропот и мятеж. Войско хорошо одето и вооружено, но король не успевает в их выправке, они вялы, неповоротливы, неисправны и в первом сражении дадут тыл, как бывало всегда. Хороши только полки швейцарские.

В Риме дела идут прежним беспорядком, но Папа¹³ расположен к нашему правительству. Финансы его чрезвычайно расстроены, доходы с католических земель непрерывно уменьшаются и получили последний удар отделением Испании. Между тем Священная Коллегия действует в прежнем духе для поддержания и распространения католицизма. Большая часть неурядиц, терзающих Европу, происходят от происков этого духовенства. Главная цель их есть утверждение папской власти и усиление доходов римского двора. Паписты не пренебрегают никакими средствами к достижению своей цели: считают важным обращение в свою веру и слабоверной барыни и молодого полувоспитанного иностранного юноши лишь бы не уменьшить доходы, которыми поддерживается колеблющаяся власть Папы. Переходу русских в католическое исповедание содействует неимение русских священников в заграничных городах. Полезно было бы учреждение православных церквей в городах, где пребывают русские посольства. Неважные для сего издержки вознаградились бы существенно пользою.

После падения Тьера¹⁴ заметно всеобщее охлаждение к Людовику Филиппу даже между его сильнейшими приверженцами, а ненависть радикалов усилилась до того, что некоторые даже стали замышлять о возможности переворота в пользу герцога Бордоского¹⁵. В прошедшем году Моген доказывал в одной речи, что Франция должна воевать не против Европы, а против Англии, представляя возможность союза с Россией. Эта речь

весьма одобрена была французскою публикой, сильно восстановленною против Англии Июльским трактатом. Успехи англо-австрийских войск в Сирии и приведение в покорность Мегемета Али увеличили ненависть французов к Англии, и с того времени во всех партиях заметно сильное влечение к России. Даже Лафит¹⁶, которого называют гением-покровителем республиканцев, говорил, что если бы он был главою правительства, то кроме чести Франции он всем бы пожертвовал, дабы заключить союз с Россией. Одно только это государство, по его мнению, может почесться самостоятельным и действовать независимо от прочих; что Императору стоило бы только объявить, не поднимая оружия, что Он отвергает союз с Франциею до тех пор, пока нынешняя династия будет царствовать, и Лафит убежден, что в то же время Людовик Филипп был бы свержен с престола и его фамилия изгнана навсегда из Франции. Одним словом, унижительное положение, в которое поставлен был французский кабинет Июльским трактатом и которое французы приписывают англичанам, наконец, неприязненное расположение Германии, где обнаруживается сильное противодействие гибельному потоку пропаганды, все это повлекло раздраженные умы во Франции желать союза с Россией; и хотя не должно полагаться на прочность союза с нациею, коей все сословия заражены ядом безначалия и коей правительство так слабо и шатко, что прилично назвать оное устроенным беспорядком (*desorde organise*), не менее того нельзя упускать из виду, что хотя многие и замышляют о возможности переворота в пользу герцога Бордоского, но должно более опасаться республики – и тогда ничто не будет в пользу России! Возникнут все ужасы войны, ибо вообще таково направление умов, и война эта будет уже не кабинетная, а борьба двух противоположных правил.

Никогда еще секретные общества в столице Франции не были так деятельны, как ныне, в особенности замечательны: Общество друзей народа и Общество будущности, кои соединенными силами стремятся произвести всеобщий переворот.

В Германии вообще высоко ценят способности Людовика Филиппа и убеждены, что доколе он царствует, ни буйство партий, ни воинственный дух нации не успеют погрузить Европу в ужасы всеобщей войны.

Англию почитают единственною державою, которой система внешней политики не изменяется, хотя в ней преобладает самый утонченный эгоизм и дух завоеваний. Предугадывая все политические перевороты, Англия всегда умеет искусно ими воспользоваться и таким образом упрочивает за собою перевес политики, коммерции и морской силы. В Германии утвердились в этом мнении после последних событий на Востоке. Есть, однако же, голоса, предвещающие Англии быстрое падение от несоразмерно обширного распространения владений ее в Индии, огромности ее долга и повинностей, отягощающих народ.

ПОЛЬСКИЕ ВЫХОДЦЫ, ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ
И ВОЗВРАЩЕННЫЕ ОТ ПОЛЬШИ ГУБЕРНИИ

Пропаганда усиливается ныне приобретать партизанов в низших классах народа, указывая на правительство и на дворянство как на источники всех зол, от коих они могли бы избавиться всеобщим восстанием. По всем вероятностям люди неблагонамеренные стараются также возбудить евреев против правительства, ибо в разных местах евреи говорят, что помещики совершенно переменили крутое с ними обращение и, лаская их, дают уразуметь, что обоюдная их польза требует доброго согласия, ибо они все равно подвергаются преследованиям.

По случаю данного королем прусским дозволения некоторым польским выходцам водвориться в Познани правительство Царства Польского увидело себя в необходимости принять меры к предупреждению вредных с жителями Царства сношений людей с превратными правилами, которые может быть имеют какие-либо тайные поручения от эмиграции.

Поднесенный прусскому королю адрес от провинциальных штатов Великого Герцогства Познанского, в коем, между прочим, депутаты изъявили стремление к поддержанию незыблемости польской национальности, дал повод к замечательной статье, помещенной в Деннике Народном, издаваемом в Париже, в коей утверждают, что невзирая на разрушение самостоятельности Польши и на тиранскую систему правления обладателей сего края, чувство национальности там не погибло, а, напротив, усилилось.

Как бы в опровержение этой статьи, мы читаем письмо польского выходца Гордашевского: «Если бы мог я у престола Его Императорского Величества найти отголосок чистосердечному моему раскаянию и получить позволение возвратиться в отечество, с каким восхищением расстался бы со странами Запада, где царствует один эгоизм и разврат, и волнуются умы неудобоисполнительными, отвлеченными политическими системами. С какою ревностию подвизался бы я, как славянин, для пользы славянского племени, когда уже Всевышнему угодно было навсегда исключить Польшу из числа независимых государств. Рассудок и опыт доказывают, что бургундец должен быть настоящим французом, шотландец – англичанином, наварец – испанцем. Отчего же поляк не мог бы быть ревностным славянином и подвизаться для славы, могущества и единодержавия этого великого семейства под скипетром того, которого Провидение назначило царствовать над всеми племенами славянскими? Сим племенам предопределено свыше со временем повелевать на западе государствами, коих порча и разврат быстро клонят к разрушению. Нельзя себе представить, коль тягостное сердцу зрелище являют эти народы, коих поэты и политические фанатики стараются изобразить такими блестящими красками. Здесь не знают дружбы, любви, братства! Всякий для

себя, – вот общее правило. Не таковы славяне, коих все чувства и добродетели возвышенны. Здесь богатые не заботятся о славе, величии, благоденствии своего отечества, Польша не может и не должна полагаться на содействие этих презренных, безжизненных наций, и потому желаю вырваться отсюда и возвестить правду моим соотечественникам. Хотел бы сорвать с их очей покров заблуждения и показать им, что история и судьба призывают нас к подвигу для славы и могущества славянского племени и что для этой высокой цели Государь России должен иметь в нас достойных сподвижников».

Чарторижский в речи, произнесенной им в конце 1841 года, между прочим, говорит, что в настоящее время нет никакой надежды на восстановление Польши и что только один король прусский, уже своими действиями доказывающий большое к полякам расположение, может поднять ее или что этого восстановления можно ожидать единственно от всеобщего переворота во всех государствах.

Варшавские патриоты впали в глубокое уныние с того времени, в которое начали во Франции рассуждать о пользе союза с Россией. Никогда они так не отчаивались в счастливой будущности Польши и никогда не были столько раздражены против Людовика Филиппа, которому они приписывают идею союза с Россией.

В исходе декабря 1840 года обнаружено было в Галиции новое собрание возмутителей, имевших связь с злонамеренными жителями Венгрии и Буковины. В числе лиц сего общества находились братья Кемплицы, из коих одному поручено было объезжать губернии Волынскую и Подольскую.

В течение прошедшего года эмиссары с новою деятельностью продолжали распространять в Галиции дух возмущения и уверенность, что если возгорится война с Францией, то Царство Польское и Галиция, оставаясь незанятыми войсками, легко могут отложиться и восстановить прежнюю свою независимость. Благомыслящие из жителей Галиции порицают австрийское правительство в недостатке бдительности над ковами* революционеров. Продолжая обнаруживать заговорщиков в войсках, расположенных в Галиции, австрийское правительство, не менее того, оставляет полки, зараженные духом возмущения, на тех же кантонир-квартирах и тем ободряет революционеров надеждою, что, постепенно разливая превратное учение свое в рядах тех войск, они, наконец, силою оружия достигнут своей цели. Не менее того уличенные в государственной измене и нарушении общественного спокойствия 14 человек приговорены к тюремному заключению на разные сроки и в том числе бывший русский подданный, изгнанник и эмиссар Залесский, который умер прежде исполнения над ним судебного приговора. При производстве сего дела не открыто ни-

* Так в тексте.

какого следа, чтобы осужденные имели какие-либо сношения с русскими подданными, и вообще замечательно, что большую часть задержанных лиц составляют немцы и что направление существовавшего в Галиции заговора не клонилось уже исключительно в пользу поляков, но имело целью ниспровержение существующего порядка и введение демократического образа правления.

Польские эмиссары основали было вновь в Кракове тайное общество под названием «Товарищество народа польского», которое, однако же, рушилось вместе с очищением сего города от людей неблагонамеренных.

В числе различных нелепых слухов между поляками о восстановлении их самостоятельности замечательно придуманное ими исчисление времени, по коему они надеются достигнуть своего возрождения в 1842 году. В исчислении этом они ставят 1794, то есть год раздела Польши, под последнею цифрою подписывая цифры 1.7.9.4. одну под другую, складывают и сумма дает 1815, то есть год восстановления Польши, потом, написавши под последнею цифрою одну под другую 1.8.1.5., опять складывают и выходит 1830, время последнего возмущения, наконец, под последнею цифрою пишут поодиночке 1.8.3.0, и сумма дает 1842 год, в который, по их мнению, последует новое возрождение Польши.

Указы, коими Государь Император по случаю бракосочетания августейшего сына Своего¹⁷ явил новые доводы милосердия и отеческой заботливости к Его поданным Царства Польского, были приняты во всех сословиях того края с чувством живейшей признательности.

Благодетельная мера уничтожения Литовского статута в возвращенных от Польши губерниях везде принята была жителями без ропота, а благомыслящими людьми и с благодарностью к правительству. Одни только адвокаты, лишённые чрез водворение судопроизводства по русским законам тех средств к обогащению, кои доставлял им Литовский статут, обнаруживали некоторое неудовольствие, но и они скоро должны были умолкнуть, когда постигли преимущество русских законов над прежнею разорительною процедурою по статуту, остававшемуся несколько веков без изменения и улучшения.

Вообще, сия мера подвинула этот край к слиянию его с Россиею, но вместе с тем нельзя умолчать, что горестные события мятежа, вспыхнувшего в 1830 году и вовлекшего волею и неволею многих дворян Западных губерний к участию в преступных предприятиях польских мятежников, поставили дворянство этих губерний в опалу, заслуженную лишь некоторою его частью, но тяготеющую почти над всем вообще сословием! Тщетно дворянство с этой злополучной эпохи, ежели не с искреннею, то, по крайней мере, с видимою покорностью, старалось загладить вину и заблуждение тех из своего сословия, которые в минуту треволнения дерзнули

забыть долг присяги и чести. Насылаемые гнездящиеся во Франции пропагандою в Западный край эмиссары поселили у исполнителей воли высшего правительства не только извинительную, но даже основательную мысль, что эти безумные фанатики прибывают сюда по сочувствию к ним или даже по приглашению местных жителей. Но, к счастью, эта мысль, по многим доказательствам, может быть признана ошибочною, ибо личные выгоды людей, обладающих большим или меньшим состоянием, видя из опыта горестные последствия и прибегая к рассудку, поняли заблуждение своих соотчичей и уже стремятся к тому, чтоб заслужить благоволение Августейшего Монарха и сохранить в крае законную власть, устройство и общее спокойствие. Следя за ходом преступных покушений эмиссаров, мы видим, что они успевали привлечь к единомыслию и к содействию лишь весьма немногих, большею частью низшего разряда и незрелого возраста дворян. Прискорбно, что некоторые губернские начальники Юго-Западного и Западного края, конечно от избытка усердия, смотрели на эти дела с преувеличенной точки зрения и иногда по одним ни на чем не основанным оговорам содержали в заточении людей невинных. Лишь немногие начальники Западных губерний поступали в делах сего рода с должною осмотрительностью и действовали согласно с Высочайшею волею правосудного Монарха и с Его всегда благими намерениями. Зато у них в губерниях благоустройство, тишина, доверенность к правительству, тогда как в других заметны были смятение, расстройство и уныние. Такая противоположность в губерниях, одним и тем же законам подчиненных, доказывает, что слепым и не всегда на чистых побуждениях основанным усердием низших чиновников главные начальства поставлены бывают в ошибочные заключения и что подобными действиями оказывается услуга не правительству, а революционной пропаганде, которой тайная цель всегда была и будет – во ожидании благоприятной минуты не допускать запад России до успокоения и содержать его в бесперывном волнении.

Последние события в Виленской губернии¹⁸ сколько содержали жителей Западного края несколько лет в страхе, столько же чувствуют они себя ныне внезапно и снова благодетельствованными Государем Императором. Генерал-адъютант Кавелин¹⁹ и генерал-майор Назимов²⁰ прозорливым и правосудным действием произвели на весь тот край самое благодетельное впечатление и доказали жителям оною, как душа Царская всегда наклонна к строгому правосудию. Оттуда достигают сюда бесперывные отголоски, что когда правда дойдет до Государя, то Его решения всегда бывают самые справедливые и отеческие. Смутное положение Западных губерний во время виленского следствия и счастливое развитие оною правосудною волею Монарха доказывает, с какою осторожностью должны действовать те, которые имеют счастье быть приближены к Государю, и как должны они стараться привязывать к престолу все сословия, а не от-

талкивать их от оного, и что тот, кто действует в противном духе, есть враг Государя и Отечества. Строгость должна существовать, но она должна быть основана на самой утонченной справедливости и действовать на людей в равной степени, – тогда только можно ожидать хороших последствий.

Царство Польское, конечно, может ныне почестся одною из счастливейших стран Монархии Российской и обязано своим благоденствием строгому, твердому, но кроткому управлению князя Варшавского. Его Величество лично удостоверился, в каком страна эта пребывает спокойствии, и ежели, может быть, и кроются там чувства неприязненные, то, по крайней мере, мы не видим неприятных прений. В течение 1841 года не было ни одного случая, обратившего на себя особенного внимания, и тишина эта может служить порукою будущего, прочного благоденствия той страны, благоденствия, служащего одним из лучших украшений иных доблестей фельдмаршала.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ

Последствия наблюдений 1841 года насчет внутреннего положения государства представляют следующие виды.

Несомненны общее мнение и уверенность в том, что Государь исполнен великого ума, желания добра, силы духа, добрый семьянин, рыцарь своего слова. Несомненно и то, что войско и народ любят Государя, но должно сказать, что оба сии сословия всегда подлежат действию высших властей, так что и хорошее и худое отражается на тех и других.

Внимание публики и толки ее обращены были наиболее на увеличившееся лихоимство, на рекрутские наборы, на бессрочно отпусковых, на недостатки от неурожайных годов, на худой дух крестьян, на Манифест 16 апреля и, наиболее, на духовенство.

В прежние годы слышны были жалобы на лихоимство в присутственных местах, как духовных, так и светских, но никогда жалобы сии не были столь многочисленны, как ныне! Это язва, поедающая благоденствие нашего Отечества, и общий вопль возносится в сем отношении со всех концов России.

Нельзя умолчать, что частые рекрутские наборы также производят некоторый ропот. В иных местах государства чувствуют уже большое затруднение в исполнении сей повинности.

Бессрочно-отпусковые вообще не приемлются иначе, как косвенным налогом на земство. Леность и нерадение многих распространили к ним недоброжелательство. Вообще желание жителей состоит в том, чтобы бессрочно-отпусковые, как люди вышедшие уже из рядов воинских, находились под общими гражданскими законами, ибо преимущество им

дарованное – чтобы при суде и расправе находился при них депутат от военного ведомства, придает им некоторую самонадеянность и опору, и поэтому, как равно и потому, что не знают, как часто будут и в какое время их отвлекать от их частных обязанностей, помещики и другие сословия с трудом принимают их к себе в услужение, невзирая на большое их к тому желание. Таким образом, большая часть бессрочно-отпускных, оставаясь праздными, весьма естественно могут предаваться жизни порочной. Несмотря на это, нигде не обнаруживалось желание, чтобы бессрочные отпуски были уничтожены, – напротив, видят в этом облегчение для воинских чинов и, зная, что это есть любимая и обработанная мысль Царская, безропотно ее принимают.

Тяжкий опыт голода, свирепствовавшего уже два раза в России, в последнее время не обратил на себя полного попечения тех, кому о том думать должно. Нельзя не опасаться, что о запасных магазинах опять забудут, если теперь настанут урожайные годы. Предмет этот особенно важен, ибо благодать Государя всегда истощает последние средства для прокормления неимущих, и тем расстраиваются государственные финансы, тогда как при бдительном наблюдении о непрременном существовании запасных магазинов расход этот не только уменьшится, но и совершенно прекратится.

В предыдущем отчете упомянуто было, что мысль о свободе крестьян тлеет между ими непрерывно. Эти темные идеи мужиков все более и более развиваются и сулят нечто нехорошее. События в Лифляндии²¹ еще более поселили боязни в помещиках, а неурожаи, породив в крестьянах дух уныния, делают их еще более готовыми к послушанию и содержат их в каком-то неопределительном, безотчетном ожидании. Одним словом, семена беспокойства брошены в умы, и идея свободы и возможности переселения кружится в народе, чему видели мы примеры в Лифляндской, Могилевской, Витебской, Саратовской и Пермской губерниях. Ежели мысль об освобождении крестьян уже зреет в предначертаниях Государя, то должно просить Бога, чтобы Он указал Своему Помазаннику все подводные камни, коих избежать должно во время сего важного государственного переворота.

Всякое счастливое событие в Царственном Доме ознаменовывается благодатью Государя. Но благодать сия, по мнению общему, должна распространяться на людей порочных с крайнею осторожностью. В доказательство основательности этого мнения приводят то, что многие преступники, содержащиеся в тюрьме за похищение чужой собственности и освобожденные в утро 16 апреля, вечером того же дня и за тот же порок снова были заключены в тюрьму. Таким образом, милость, даруемая людям порочным, часто делается вредною для тихих и добрых обывателей.

Духовное управление не избегает общего всех упрека, и многих изумляет сила, которую они, как кажется, захватить желают. Они внушают

даже, хотя и весьма тайно, что Синод равен властью Государю и что даже Сам Помазанник Божий должен покоряться Синоду*.

Веротерпимость, отличавшая до сего времени Россию, была даже примерною во всех летописях государств. Ныне духовенство, имея волю Государя с кротостью пресекать вредные расколы, в исполнении этого дела берет какое-то фанатическое направление и, удаляясь от кроткого обращения, превышает власть свою гонением раскольников и униатов.

Нет сомнения, что правительство должно пресекать тайные и вредные расколы и секты, но не постигают, для чего духовенство преследует старообрядцев – людей честных, преданных своему Государю и по сущности своего учения безвредных! Преследование раскольников еще более ожесточает их и может иметь весьма вредное последствие. Следить их замыслы, этих людей доселе тихих и покорных, с примерною исправностью исполняющих все повинности, соделается вне возможности III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, ибо если у них родятся помыслы тайные, то проникнуть в среду их не будет уже средств. Они разбросаны по всему пространству обширного государства, обладают огромным богатством, торговля у них в руках и, видя гонение их церкви, а с другой стороны – свое конечное разорение, они как бы ни были преданы престолу, могут внезапно во всех точках своего пребывания вспыхнуть, и тогда никакая власть, никакая сила не удержит их, тем более что и в войсках большое их количество.

По частным донесениям известно, что в Пруссии приняли бы охотно наших раскольников, что прусское правительство обещает им различные льготы: оно готово позволить им свободно устраивать моленные, звонить в колокола и беспрепятственно отправлять свое богослужение и что эти меры соседственного государства могли быть причиною известных побегов в прошедшем году крестьян-раскольников из некоторых имений Витебской и Могилевской губерний. Из тех же известий мы почерпаем следующие мысли: «Раскольникам воспрещено строить новые и починять старые моленные. Цель правительства в этом запрещении, конечно, клонилась к тому, чтоб раскольники с разрушением у них моленных, восчувствовав нужду в отправлении богослужения, обратились для оного в православные церкви и по необходимости отстали от своего заблуждения; но, судя по степени успеха в этом деле, не скоро еще можно ожидать, чтобы они отстали от закоренелого упорства в неправильных понятиях истин веры христианской и, считая для себя упомянутое запрещение притеснением их вероисповедания и насилием совести, готовы будут обольститься и воспользоваться обещаемою им в Пруссии свободою богослужения. Далее рождается вопрос: что ежели впоследствии от воспрещения строить

* Слова Андрея Муравьева. (Прим. авторов документа).

новые и поддерживать старые моленные они совершенно уничтожатся, а между тем раскольники, оставаясь в прежнем упорстве своих религиозных заблуждений, не захотят быть православными, – то где же отправлять они будут по своим обрядам богослужение и мирские требы?».

Предвидя большие беды и несчастья, я по совести не могу умалчивать и не обратить на этот предмет самого строгого внимания Государя Императора. Дело раскольников становится слишком важно, и тогда-то раскол соделается действительно опасен: они для исполнения обрядов своего богослужения будут собираться в погребях и в лесах, будут явными врагами правительства, мешающего им молиться Богу.

В предыдущих отчетах было упомянуто, что меры, предпринимаемые против раскольников духовенством, не только не останавливают их, но, напротив, раздражают и связуют их неразрывными узами. Сословие раскольников от мер, ныне против них принимаемых, будет самым опасным внутренним врагом, ибо вера более всего действует на человека и есть самый надежный щит, служащий покровом даже и для тех, которые не имеют никакой религии и только радуются беспорядкам.

Воссоединенные к православию униаты или, по крайней мере, многие из них не в лучшем положении! Их воссоединение приносит честь и славу веку и правительству, но ближайшие местные исполнители воли этого правительства искажают его веления и порождают непрерывный ропот и жалобы. Бывали случаи, что дети оставались два года без Святого крещения, усопшие без обряда погребения! От них отказывались священники православной церкви по случаю их несовершенно к оной присоединения, а католические опасались исполнять их требы, считая их вне своей паствы.

Помещики Гродненской губернии, действительные статские советники князя Константин и Густав Четвертинские просили Министерство Внутренних Дел о дозволении возвести в принадлежащем им имении над прахом их матери, княгини Четвертинской, урожденной графини Холоневской, согласно с ее последним желанием, часовню в самом малом размере для отправления в ней по временам только панихид по усопшей. Генерал-губернатор Миркович²² ходатайствовал об этом дозволении по следующим причинам:

а) Что просьба князей Четвертинских заключает в себе Богу угодный предмет сыновней любви к родительнице.

б) Что оба брата Четвертинские всегда оказывали непоколебимую приверженность к законному правительству, дослужились почетного чина, имеют большое влияние на общественное мнение, и из них князь Константин был 15 лет сряду губернским предводителем дворянства, а в 1831 году оказал правительству важную услугу, снабдив русскую армию прови-

антом и фуражом в такое время, когда войска крайне нуждались в продовольствии.

с) Что отец их в 1794 году погиб в Варшаве позорною смертию по подозрению в приверженности его к России и, наконец,

д) Что римско-католическая каплица самого малого размера не может принести вред православию, тогда как по соседству имеются католические церкви.

После сношения по сему предмету Министерства Внутренних Дел с синодальным обер-прокурором Святейший Правительствующий Синод решил: что сооружение каплицы среди православного народонаселения может служить соблазном и потому допущено быть не может.

Князья Четвертинские, пораженные глубокою горестью души, намерены просить о разрешении перевезть прах их матери в Галицию для помещения в фамильной гробнице графов Холоневских.

Отказ Синода в исполнении обета детской любви, на желании и воле усопшей родительницы основанного, произвел печальное и невыгодное впечатление на общественное мнение, тем более, что повод отказа существует в одном только раздраженном веронетерпимостью воображении и что князья Четвертинские пользуются общим уважением и родством связаны с знатнейшими фамилиями Западного края.

Таким образом, действия духовенства произвели общую неосновательную мысль, что правительство имеет намерение присоединить всех без исключения к православию, так что все находятся в каком-то испуге и стоят в оборонительном положении.

Общие понятия насчет сей части государственного управления дают повод к заключению, что распространение власти духовенства не только бесполезно, но даже производит вредные последствия, тем более что оно по сие время стоит не на весьма высокой точке просвещения и, следовательно, чуждо возвышенных чувств. Есть случаи, где оно испрашивало дозволения не подводить под милостивейший Манифест 16 апреля такие преступления, которые по строгому смыслу должно было подвести под оный!

Мнение общее говорит, что духовенство, поставленное Петром Великим в известные пределы, смирилось и вело себя с довольно видимым приличием. Ныне же, стараясь захватить неприметно в свои руки власть, оно уже начало выказывать дух гонения, какого нельзя было ожидать в XIX столетии, и не внемлет, что различие между католиками, лютеранами и православными в одном и том же царстве несовместно с общими законами, с нравами и обычаями и противно духу общества, – не внемлет, что оно и по смыслу христианского учения, и по видам правительственным

должно, не касаясь совести, стараться сливать всех подданных в одно целое, как то делалось до сего времени для славы и спокойствия России.

МИНИСТЕРСТВА

Финансов

Граф Канкрин приобрел лично любовь и доверие в России своим добродушием, доступностью, простосердечием, умом и желанием добра общего и частного. Он принимает каждого, и своего и чужого чиновника, и прожектера, и купца, и помещика, дает добрый совет и, если видит общую пользу в деле или заслугу в человеке, то покровительствует всеми силами. Замечательно, что граф Канкрин никогда не употребляет имени Государя всуе, не рассказывает чиновникам и просителям, что угодно, что не угодно Его Величеству, не хвастает доверенностью Царскою. У него две слабости: упрямство и излишняя снисходительность. В первой он может быть оправдан собственным убеждением в справедливости своего мнения, во второй граф Канкрин сам сознается, говоря: «Выгоню ворушку, а должен буду принять большого вора! Уж по крайней мере этого я знаю, и он меня не обманет, а другой может быть будет хитрее!» Добро, сделанное графом Канкриным заведением разных технических школ и для народной промышленности, превышает добро, сделанное другими министерствами вообще, исключая военного. Впрочем, должно сказать, что ни одно министерство не имеет таких способных чиновников и в таком числе, как Министерство финансов, потому что нигде не обходятся лучше с чиновниками и нигде так их не награждают.

В публике толкуют, что граф Канкрин незаменим, ежели выйдет в отставку, – ни один министр не пользовался такою популярностью, и распространившиеся слухи, что он остается на службе Царской, поставили его еще выше в мнении общем, тем более что знают, сколько он своими представлениями способствовал к уменьшению армии. Вообще все полагают, что уменьшение числа войск даст большую силу государству, ибо, с одной стороны, можно будет с вящею удобностью двигать другие части государственного управления, с другой – и самая военная получит более существенных способов для войны, которые при настоящем положении дел довольно скудны.

Не должно, однако же, умалчивать, что в Министерстве финансов, как и везде, есть недостатки. Относительно промышленности нельзя не заметить следующих.

Выставки произведений промышленности уклонились от своей цели. До сих пор не развили они ни одного из источников коренных государ-

ственных богатств и сделались только средством к приобретению наград чиновникам и купцам, более думающим о наградах, нежели о пользе.

По мнению многих, великое зло причиняют филатуры, или хлопчатобумажные прядильни, которые вводят у нас чужеземный продукт, истребляют нашу льняную, пеньковую и меховую промышленность, усиливают вредный класс фабричных людей и увлекают народ в бесполезную роскошь одежды, не свойственной климату нашему.

Казенные фабрики и заводы следовало бы подвергнуть строгому пересмотру. Вообще правительство должно учреждать их или для образца, или для предметов роскоши, необходимых для поддержания государственного блеска. Но весьма вредно, когда казенные заведения входят в конкуренцию с народом и отбивают у него работу, причем можно сказать, что вещи правительству всегда достаются, если не хуже, то, конечно, дороже, нежели от частных производителей.

Последний тариф производит всеобщий ропот, который все более и более распространится по всей России. Правительство полагает, что возвышение пошлины на предметы роскоши увеличит государственный доход, но предположение сие подвергнуто чрезвычайному сомнению – оно прибавит только контрабанду, ибо, давая средство к умножению барышей, даст еще большее желание контрабандистам обманывать правительство. Поощрения же нашим фабрикам не будет – и в доказательство справедливости этого мнения приводят то, что для этого, при дешевизне нашего работника, и прежний тариф был достаточен и что ежели и тот не мог возвысить наших фабрик, то видно мы для этой части просвещения еще не созрели. Сверх того, последний тариф будет иметь последствием то, что менее будет открытого привоза товаров, а между тем большая часть предметов роскоши по нынешнему воспитанию и привычкам соделались как бы необходимостью, то всякое возвышение пошлины, сверх вышеупомянутых неудобств, делается и налогом самым чувствительным.

С давнего уже времени распространились в высшем кругу публики слухи, что наша казна истощена! Слухи сии в последнее время перешли из высшего в средний класс и делаются предметом общего и непрерывного разговора.

Государственных имуществ

Ни одно учреждение не вооружало против себя в такой сильной степени общего мнения, как Министерство государственных имуществ. В публике рассуждают, что желание отличиться законотворением обнаружилось в этом министерстве в сильной степени и что до сего времени ничего не издано, что бы сообразно было с положением России и потребностью крестьян. Говорят, что учреждением этого министерства нарушена крепость основания Российской Монархии ко вреду самодержавия, что

это государство в государстве (*status in statu*) с своею законодательною, административною, судебною и исполнительною властью – пример вредный для крепостных людей – уважение дворянства к властям и крестьян к помещикам потрясено.

Новое положение определять русских помещиков в администраторы польских имений ни в политическом, ни в хозяйственном отношении не принесет пользы. Кто из хороших помещиков, отец семейства, захочет покинуть свою благоустроенную отчину и родину, чтоб в Польше управлять казенным имением? Поедет туда промотавшееся, безнравственное дворянство, которое скорее переймет польский дух, нежели водворит там дух русский. На нравственность народа действуют люди нравственные, отличающиеся высшим образованием, но поставить в единственное достоинство русское происхождение – недостаточно! Напротив, увидев людей не совершенно достойных, поляки потеряют последнее уважение к России.

Наконец, мнение публики гласит, что Министерство государственных имуществ представляет собою более блеска, нежели истинной пользы.

Граф Киселев²³, муж просвещенный, благомыслящий, с доброю волей, конечно, должен подавать большие надежды в деле, за которым трудится неусыпно, но по сие время мы слышали одни только жалобы и опасения.

В предыдущем отчете сказано было, что мнение публики не одобряет нововведений этого министерства, и замечено, что рано судить о столь важном деле, так и ныне должно сказать, что всякий суд о Министерстве Государственных Имуществ еще преждевременен, ибо такое дело призывает ждать еще несколько лет, чтоб иметь право судить основательно.

Внутренних дел

Сколько публика приняла с радостью весть о назначении Перовского²⁴ министром внутренних дел, судя по блистательному положению, в котором находятся уделы, столько же всеобщи ныне жалобы на его излишне жесткое обращение. Впрочем, от него ожидают много хорошего по его уму и твердому характеру. Особенно надеются на его внимательный и разборчивый выбор губернаторов, что должно служить прочным основанием всего в империи. Посещение Перовским Управы благочиния²⁵ произвело сильное и полезное действие. Заключение насчет министерства сделать невозможно. Последствия покажут успехи благонамеренных трудов нового министра. Ему предстоит труд великий, и внимание должно быть обращено на многие предметы.

Народное здравие, одно из важнейших дел благотельного правительства, требует принятия больших, решительных мер. По числу народонаселения у нас большой недостаток в лекарях, а какие есть, и те не доволно сведущи, и положение их достойно сожаления. Полезно было бы

усилить для сего обучение медицине духовенства, снабжая притом сельских священников медицинскими средствами.

Прививание оспы также у нас слабо. Большое количество детей гибнет и уродуется. Нельзя без улыбки читать отчетов Вольного Экономического Общества, которому особенно поручена эта часть и которое для сего имеет большие капиталы, но ничего не делает.

В столицах пожарные команды доведены до совершенства, но в городах губернских, исключая некоторых, средства против пожаров весьма недостаточны, не говоря уже об уездных, которые предоставлены в жертву огня без всякой защиты.

Становые пристава, как упомянуто было и в отчете 1840 года, остаются в том же положении, – на них жалобы непрерывные! Долго медлил я доводить положительно до Высочайшего сведения о пристрастных и вредных их действиях, опасаясь, что доходящие до меня слухи не вполне основательны. Не упуская, однако ж, из вида сего важного предмета, было предписано всем штаб-офицерам Корпуса жандармов, и я сносился со всеми губернскими предводителями дворянства о доставлении мне сведений, до какой степени основательны доходившие до меня невыгодные слухи. Донесения штаб-офицеров Корпуса жандармов и ответы предводителей дворянства не заключали в себе ничего положительного: одни подтверждали справедливость неблагоприятных слухов, другие защищали сие нововведение, не менее того, общий результат их донесений привел к заключению, что учреждение сие, само в себе действительно благодетельное, при настоящем образе исполнения далеко не достигает цели правительства, состоящей в том, чтобы доставлять обывателям законное на месте удовлетворение и ускорить вообще течение полицейских дел. Так как влияние становых приставов обращено преимущественно на крестьян, то есть на класс самый трудолюбивый и полезный, а вместе с тем по положению своему и необразованности самый беззащитный против злоупотребления власти, то я и не осмелился более умалчивать, что жалобы крестьян и помещиков на притеснительные и корыстолюбивые действия становых приставов сделались почти всеобщими.

Становые пристава принадлежат к низшему разряду государственных чиновников, содержание их самое ограниченное, а занятия обременительны и неприятны, из чего следует, что в эту должность поступают только такие люди, которые по неспособности или по другим, не в их пользу клонящимся обстоятельствам не могут приискать себе лучшей службы, или которые, будучи движимы корыстолюбием, стремятся к обогащению себя чрез притеснение крестьян. Ежели вообще трудно найти между чиновниками низшего разряда людей совершенно честных, благородных и усердных, то, конечно, выбор таковых еще более затруднителен

для должности станowych приставов, количество коих в государстве столь велико, почему часто губернаторы определяют и терпят дурных, опасаясь заменить их еще худшими. Между тем и расстояние станов от губернских и уездных городов, независимость станowych приставов от предводителей дворянства и исправников, наконец, беззащитное положение крестьян, с которыми они имеют дело, суть причины, по которым при уклонении их от долга службы и совести они делаются весьма вредными.

В недавнем времени статс-секретарь Карнеев²⁶, проезжая многие губернии и убедясь на опыте во всех неблагоприятных и даже в высшей степени преступных действиях станowych приставов, подал мысль, что для удостоверения, могут ли быть они полезны, стоит только вытребовать их из двух или трех уездов в столицу и взглянуть на них!

Юстиции

Покойный Дашков поднял это министерство умом своим и познанием дела. В графе Панине нашли Дашкову преемника, если не равного ему способностями, то равного честностью и желанием добра. Уничтожение продажности в министерской канцелярии и в департаментах министерства; истребление старых обер-прокуроров и принятие новых, людей образованных и честных; развитие действий и силы консультации (хотя и ко вреду власти Сената) – суть учреждения и труды Дашкова, прекрасно поддерживаемые графом Паниным, – и на этом основании начало воздвигаться новое здание юстиции, которое, если будет продолжаемо, принесет великие благодеяния России.

Теперь Сенат совершенно в другом виде, нежели был за двадцать пять лет пред сим, – и ежели секретари могут взять деньги, то редко, тайно и, по крайней мере, с некоторою благопристойностью. Правда, что для правосудия в провинциях еще не много сделано, но, по крайней мере, есть надежда, что если правое дело дойдет до министра, то в его канцелярии, у Данзаса²⁷ и на консультации можно найти справедливость.

Нельзя умолчать, что граф Панин, еще не совсем ознакомившийся с своею новою обязанностью и в чистоте души своей не воображающий, до какой степени люди неблагонамеренные, облекающие свои вредные действия в формы законные, могут обижать людей тихих и добрых, взирает на свою святую обязанность не совсем с правильной точки зрения. Он не сливает нравственных убеждений для доказательства правоты или неправоты дела с формами законов и требует только соблюдения последних в решении дел. Так видим мы в прошедшем году несколько вопиющих, в которых стороне явно обиженной нет возможности оказать правосудия единственно потому, что обидчики облекли свои действия в законные формы.

Если бы граф Панин убедился, что правосудие заключается не столько в соблюдении форм, сколько в справедливом решении дел и если бы он, так сказать, сливал законы с нравственными убеждениями, то лучшего министра юстиции нельзя и желать.

Народного просвещения

В прошедшем году не было возможности дать об этом министерстве хорошего отзыва – в нем добро и зло существовало в равной степени. Наблюдения настоящие дают не лучшие результаты.

Отчеты министерства чрезвычайно блестящи, но не всем заключают в себе строгую истину.

В русской литературе мы видим совершенное бесплодие дарований. Книжная торговля, при банкротстве главных книгопродавцев, упала. Журналы едва держатся, книги не продаются.

Замещение русской Академии по новому уставу²⁸ ее произвело всеобщее сожаление. Говорят, что поместивши людей, которые ничего не могут делать в Академии, как то: Данилевский, князь Вяземский²⁹, митрополит Филарет, Панаев³⁰, министр дополнил ее своими любимцами, людьми ничтожными, каковы профессора Давыдов³¹, Погодин³², Рауберх и проч., которые заняты своим делом, не живут даже в Петербурге и получают только жалованье.

Большое зло причиняет просвещению дозволение профессорам и вообще учителям и чиновникам различных учебных заведений содержать у себя воспитанников для приготовления к поступлению в заведение. Такие содержатели получают по 2000 и по 3000 рублей в год, воспитанник у них ничему не учится, а, заплатив деньги, получает, наверное, хороший экзамен и аттестат, умножая потом число невежд и шалунов в обиду других.

Путей сообщения

Умный, ученый и честный граф Толь, человек гордый и неприступный, всегда руководим был теми, которые умели вкрасься в его доверенность. Ныне всем управляет товарищ его Девятнин, человек умный, деятельный, но вместе с тем не довольно обращающий внимания на тех, которые из порученных им работ извлекают свои выгоды.

Так судят в публике и вообще полагают, что все постройки могли бы быть производимы с гораздо меньшими, почти половинными, для казны издержками.

Императорского Двора

Это министерство пользуется репутациею честности и порядка благодаря правосудной строгости князя Волконского и Перовского.

Иностранных дел

Министерство иностранных дел не любимо массою публики и, отдавая полную справедливость честности и многим добрым качествам графа Нессельроде, не жалуют его единственно из предположения, что он действует не в духе русской народности.

Почтовое Управление

Также не пользуется хорошим мнением! Состав этой части государственного управления делает честь главному начальству – тут выбор чиновников чрезвычайно хорош, – все чиновники от высших должностей до низших, люди честные, добросовестные, но собственно на почтовую гоньбу жалобы повсеместны. Конечно, содержание и исправность почтовых станций более зависят от Министерства внутренних дел, но дело сие находится в столь близкой связи с Почтовым департаментом, что большая деятельность онога могла бы иметь полезное последствие.

Последние учреждения почтового ведомства принесли публике большие выгоды: почтовые кареты похваляются единогласно, но, к сожалению, слышны жалобы от содержателей лошадей на станциях, что, обязанные возить эти кареты на шести, а иногда и на восьми лошадях, они редко получают прогонов более, нежели на две.

Вообще почтовая гоньба во всей России, можно сказать, не существует. Станции дурны, повозки и лошади в самом худом положении, ящики в рублищах! Все это подало повод частным лицам во многих местах устроить вольные поезды, и на лошадях почтовых, кроме генерал- и флигель-адъютантов, почти никто не ездит. Огромная масса денег, собираемая с земской повинности, для публики бесполезна.

Контроль

Труда много в Контроле, но полагают, что эта часть более стоит государству, нежели приносит пользы, ибо до сего времени работа Контроля состояла только в поверке цифр, и если найдут неисправность, то снесутся с министерствами и переправят.

Морское

Это министерство обращает на себя особенное внимание публики. Зная, что Государь лично действует для усовершенствования флотов, все вообще радуются, что часть столь важная и обширная поручена князю Меншикову, который довел ее до возможной степени совершенства. Одно, по мнению общему, ослабляет до некоторой степени силу морскую – это в избытке строевая служба, – и опасаются, чтобы частое отвлечение матросов от их прямой обязанности не имело во время войны пагубных последствий.

Молодые офицеры обожают Великого Князя Константина Николаевича³³ и только ожидают, чтобы он вырос для славы российского флота.

Военное

В публике скорбят о бесконечности войны на Кавказе и рассуждают, что для прекращения сей борьбы должно прибегнуть к иным мерам. Жалуются также на то, что офицеры, назначаемые в армию из кадетских корпусов, прибывают в полки, так сказать, не свежие, не с бодрым духом, не с тою безотчетною доброю волею, которую от юноши, поступающего на военное поприще, ожидать должно, – они прибывают к войску как бы усталые, и это приписывают фронтовым их занятиям в корпусах, где от излишнего напряжения уже потухает их первый огонь.

Вообще замечают, что дух войска вовсе не тот, как был за 25 и за 30 лет пред сим. В массе офицеров заметно какое-то уныние, какая-то неохота к делу! Общая страсть критиковать все меры и общая мода жаловаться на тяжесть службы, на дурное обхождение и на излишнюю строгость. Нет прежней беспечности, веселости, удалства, сопряженного с воинским званием.

Теперь почти нет генералов ни в гвардии, ни в армии, о которых можно бы было сказать, что они обожаемы офицерами и солдатами, но при всем том тишина и порядок в войсках примерные.

Все административные части Военного министерства доведены до возможной степени совершенства, и в этом отношении отдают полную справедливость неутомимым трудам и деятельности князя Чернышева и ближайшего его сотрудника графа Клейнмихеля, который к этим трудам успел присоединить и общую к себе признательность за вежливое и снисходительное обращение и за то, что чем более он возвышается, тем более делается доступен и обнаруживается в нем желание добра общего.

Если бы части комиссариатские и провиантские могли быть доведены до того совершенства, в какой находятся другие, то не было бы ни малейшей тени на этом министерстве. Впрочем, этот недостаток служит только доказательством, что ничего нет совершенного.

Учебные заведения

Об учебных заведениях ничего нельзя сказать, ни более, ни менее, как то, что сказано было в предшествовавших отчетах; но заведения, подчиненные принцу Петру Ольденбургскому, год от году усвершенствуются и приобретают всеобщую признательность родителей. Часть учебная в самом цветущем положении, но более радует всех то, что нравственная часть воспитания сделала неимоверные успехи: дети, порученные попечению принца, чрезвычайно религиозны, вежливы и видимо счастливы. Все эти утешительные последствия приписывают принцу Петру Ольденбургскому,

который заботится о воспитании юношества, как муж просвещенный и как самый заботливый отец.

О министерствах вообще

Ежели во всяком министерстве публика видит некоторые недостатки, то она же говорит, что общий итог разбора оных представляет более хорошего, нежели дурного; но, к сожалению, с некоторого времени замечают нерасположение одного министерства к другому! Нет общей связи, всякое действует только в собственных своих видах, не внимая, что действия одного имеют неизбежное последствие и влияние на другое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бракосочетание Государя Наследника Цесаревича как здесь, так и в Москве разлило в русских сердцах истинное счастье и радость. Его Величество был очевидным свидетелем этой радости.

Всемирно известно, как усердно занимается принц Лейхтенбергский³⁴ частью горною, и надеются, что со временем он даст быстрое движение этому важному источнику государственного богатства. Он нравится публике и радуется подданных Государя тем более, что эти труды, эту вежливость и снисходительность встречают в особе, столь близкой к Царскому Дому.

В последние дни истекшего года мы видели оттенок общего мнения и разительный пример, до какой степени чувства подданных Государя, так сказать, сроднились с Царским Домом! Один шаг поверенного в делах Франции заставил всех без исключения и без воли и указания высшей власти затворить ему в домах своих двери и на бале дворянского собрания уклоняться от него, давать ему дорогу как особе знатной, но с коею никто не хочет иметь никакого сношения.

Вот убедительные и достаточные доказательства искренней народной преданности к своему Государю. Сверх того при всех, впрочем неизбежных, недостатках во всех частях государственного управления общая молва не переставала и не перестает гласить, что Россия не имела еще Государя столь правосудного. Эта мысль, которою проникнуты все Его подданные, и эта уверенность производит то утешительное последствие, что при виде и ощущении некоторых недостатков не слышно ни ропота, ниже неудовольствия, но только некоторая скорбь и соболезнование, и полагают, что устранение зла по всем частям и предметам, зла, существующего большею частью уже издавна, даже десятками и сотнями лет, требует предварительных и обширных соображений и величайшей осторожности, что все новое должно быть вводимое с наивозможною осмотрительностью, тихо, медленно, кротко, но чего не совершит Госу-

дарь наш, если воззовет к деятельности русский ум и заговорит с русским сердцем?

ДОПОЛНЕНИЕ К НРАВСТВЕННОМУ ОТЧЕТУ ЗА 1841 ГОД*

В предшествовавших годах не было упоминаемо о молве на счет Корпуса Жандармов единственно по той причине, что отчеты нравственные представляются начальником этого Корпуса³⁵. Нет сомнения, что если бы эти отчеты представлялись другим, посторонним лицом, то оное выставило бы многих противников этого учреждения и действующих в нем чиновников. Шеф жандармов не довольно ослеплен, чтобы не видел недостатки и слабые стороны своего Корпуса, но с тем вместе дозволяет себе сказать, что Корпус жандармов не может не иметь недостатков, ибо в состав оного входят люди, подверженные большим или меньшим неизбежным слабостям, так точно как и во всех других государственных учреждениях. Весьма естественно, что Корпус жандармов более всех прочих управлений в государстве обращает на себя немилость, а иногда даже и негодование всех начальствующих лиц, начиная от министров до губернаторов, которые видят в нем род контроля их действиям и в чувстве этого неудовольствия приписывают ему далеко обширнейший круг действия, нежели Вашему Императорскому Величеству благоугодно было ему начертать. В разговорах об этом предмете с шефом жандармов употребляют всегда некоторую вежливость, что это учреждение при его управлении заключает в себе много полезного и что в иных руках оно должно и может иметь весьма пагубные последствия, и эти рассуждения заставляют шефа жандармов давать всегда один и тот же ответ: что Государь будет уметь сделать выбор хороший и что весьма ошибаются, ежели полагают, что можно обманывать прозорливость и опытность Царя во вред частных лиц. Этим судьям неизвестно, что до сего времени не было ни одного случая, где бы чиновников сместили с занимаемого им места или вообще лицо частное было наказано, основываясь на одних сведениях, от жандармов полученных, и что в этих случаях делу дается окончательное течение только тогда, когда получены бывают подробные исследования от губернаторов, предводителей дворянства и самих министров, которым все и всегда предварительно сообщается. Добросовестно сказать можно, что ежели в высшем слое общества слышны неудовольствия против Корпуса жандармов, то, конечно, это сторицею заменяется отголосками всех других сословий в публике и угнетенными в столицах и губерниях, которые

* На первом листе документа резолюция Николая I: «Много справедливого, но когда совесть чиста, то подобное превозмогать можно».

не только не жалуются, но во всех случаях прибегают к защите Корпуса жандармов, а зная, что когда нигде уже не найдут правосудия, то здесь не отвергнут их и это действие сделало то, что шефа жандармов называют больницей неизлечимых. Несмотря на это, никто более шефа жандармов не знает, что между офицерами его ведомства, которых хотя старается он принимать под начальство свое с строгой разборчивостью, могут находиться люди не совершенно способные, что есть и такие, которые обладают хорошими качествами, но не имеют необходимой ловкости ладить со всеми в тех или других случаях, в которых положение их почти всегда затруднительно, ибо лица начальствующие всегда взирают на них как на людей им неприязненных.

При этом нерасположении многих начальств к Корпусу жандармов и при этой, так сказать, боязни, конечно, скорее обнаружили бы они действительное злоупотребление или лихоимство кого-либо из членов Корпуса жандармов составляющих, если бы эти пороки между ними существовали, и, конечно, никто не был бы благодарнее шефа жандармов за подобное открытие, как то уже и случилось в недавнем времени при рассмотрении дела, порученного генерал-адъютанту Кавелину, когда этот благородный и истинно преданный своему Государю чиновник, по дружбе к шефу жандармов, имел с ним по этому предмету откровенный разговор и на просьбу указать на те злоупотребления, которые он приписывает Корпусу жандармов, указал: на защиту в 1838 году жандармским полковником Гейкингом³⁶ Костромского губернатора Приклонского, впоследствии смещенного, по участию, которое генерал-адъютант Кавелин принимал в этом деле, ибо в оное вовлечены были Костромские председатель уголовной палаты Васьков и вице-губернатор Юренев, которых он полагал правыми, может быть и с основанием. Далее генерал-адъютант Кавелин полагал, что камер-юнкер князь Огинский³⁷ содержался в крепости единственно по донесению уволенного из Корпуса Жандармов генерал-майора Фрейганга³⁸, тогда как донос о князе Огинском был сделан евреем, впрочем, с подкреплением и от генерал-майора Фрейганга, и тогда как мера строгости против князя Огинского возникла уже после донесения генерал-лейтенанта Мирковича, который писал к Вашему Императорскому Величеству в выражениях далеко сильнейших, нежели доносил Фрейганг. Впрочем, примеры доказывают, с какой поспешностью были удаляемы из Корпуса Жандармов чиновники, которые по тем или иным причинам не заслуживали оставаться в оном: генерал-майор Фрейганг – единственно за то, что неясно видел Виленское дело, уволен от службы; подполковник Лобри³⁹ за то, что только увлекся неблагонамеренными происками коллежского асессора Анисимова⁴⁰, удален из Корпуса; по тому же делу майор Гарижский⁴¹ отставлен, коллежский асессор Стратанович⁴² переведен в другое ведомство. Далее подполковник Гейкинг, Душенкевич⁴³, Быков 1-

ый⁴⁴, Быков 2-ой⁴⁵, Огарев⁴⁶, майор Шишмарев и, сверх, того некоторые обер-офицеры по разным случаям, но никогда за лихоимство, были удалены из Корпуса.

Соблюдая, таким образом, строгость в необходимых случаях, шеф жандармов видит с утешением, что тот же генерал-адъютант Кавелин нашел себе самого полезного сотрудника в Виленском деле в одном из чиновников Корпуса жандармов, полковнике Радищеве⁴⁷, что во всей следственной комиссии только один член видел дело так же ясно, как генерал-адъютант Кавелин, и деятельно способствовал к развитию оною и, так же как он, сильно доносил по сему делу, и этот член принадлежит к Корпусу жандармов, полковник Ломачевский⁴⁸. Наконец, что сам генерал-адъютант Кавелин лично доводил до сведения шефа жандармов о бедности штаб-офицеров сего Корпуса и о необходимости удвоить и даже утроить их содержание, говорил о бедности, которая не доказывает ли ясно их бескорыстие. В доказательство же, что выбор людей в Корпус жандармов часто бывает удачен, можно представить то, что нет почти ни одного министра, ни одного генерал-губернатора, который не просил бы шефа жандармов уступить ему чиновника. Так получили назначения из Корпуса жандармов, по собственному избранию Вашего Императорского Величества, генерал-лейтенант Руперт⁴⁹, генерал-майор Языков⁵⁰ и полковник Ребиндер⁵¹. По просьбам графа Канкрин, графа Киселева, бывших министров внутренних дел и разных генерал-губернаторов: тайные советники Жемчужников и Дребуш, генерал-майоры Перфильев, Марин и Эйлер⁵², действительный статский советник Огарев, полковники Сидоров, Радищев, Микулин, Озерецковский⁵³, Пригоровский, Бренчанинов, Бегичев⁵⁴ и Поль⁵⁵, подполковники Стогов⁵⁶, Баранович⁵⁷ и Анненков и многие другие. Шеф жандармов всегда охотно уступал в другие ведомства подчиненных ему чиновников, ими были новые их начальства довольны, и ежели один из выбывших из Корпуса жандармов чиновников в последнее время, генерал-майор Флигель⁵⁸, не был в состоянии приобрести доверенность и расположение генерал-лейтенанта Бибикова⁵⁹ и лишился своего места, ибо дозволил себе писать к нему письма излишне смелые, но это событие не отнимает у него достоинство честного и усердного человека, тем более что в Подольской губернии он оставил по себе самое лучшее мнение. Флигель-адъютанты Вашего Императорского Величества, ежегодно бывающие во всех губерниях, люди в этом деле совершенно беспристрастные, по просьбам шефа жандармов всегда собирали местные известия о жандармских штаб-офицерах и передавали о них самые лучшие отзывы, в чем от них самих легко удостоверится можно, и по всем сим причинам можно вывести безошибочное заключение, что существование высшей полиции в известном мундире далеко полезнее, нежели тайные агенты, которых

боялись бы видеть в каждой одежде, в каждом человеке. Приемник же шефа жандармов увидит, сколь трудно его место и сколько должно быть в беспрерывной борьбе не против публики, но против лиц, составляющих государственное управление. В обществе не обращают внимание на то, что в губерниях нет ни одного штаб-офицера, к которому не обращались бы обиженные и не искали бы его защиты; не говорят, что нет дня в Петербурге, чтобы начальник округа, начальник штаба, дежурный штаб-офицер не устраняли вражды семейные, не доставляли правосудия обиженному, не искореняли беззакония и беспорядков – о хорошем молчат, а малейшее дурное, стараются выказать как зло важное! Многие, не желая обвинять шефа жандармов, сначала обвиняли доброго, честного, умного Фон-Фока⁶⁰ оставившего по себе самую блистательную репутацию; обвиняли Мордвинова⁶¹, о котором, после оставления им места, не слыхать ни одного дурного слова и который ныне может почесться одним из лучших губернаторов, ибо вверенная ему губерния по всем сведениям благоденствует; обвиняют Дубельта⁶², который сколько можно уделяет времени на добрые дела, ибо честность и доброта суть наклонности его сердца, – и все это делается потому, что обвинители находят легче обвинять второстепенных чиновников, которые не столь сильны, нежели их начальника, который, может быть, имеет более пороков, нежели все его подчиненные.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 6. Л. 72–158 об.; 161–174.

¹ Буржуазная революция 1830 г., в результате которой в столице перешла в руки «муниципальной комиссии», во главе которой встали влиятельные деятели умеренно-либерального крыла буржуазии. 31 июля собрание депутатов и пэров провозгласило герцога Людовика-Филиппа Орлеанского, тесно связанного с финансовой олигархией, «наместником королевства»; 7 августа, после отречения от престола Карла X, он был провозглашен «королем французов».

² Фридрих-Вильгельм IV (1795–1861), король Пруссии с 1840 г.; был женат на Елизавете, принцессе Баварской (1801–1873).

³ Фридрих Вильгельм III.

⁴ Мистическое течение в протестантизме, возникшее в конце XVII в. Пиетизм ставил религиозное чувство выше религиозных догм; отвергал внешнюю церковную

парадность. Ставил целью усиление влияния религии на основе строгого благочестия и религиозного подвижничества в повседневной жизни.

⁵ С 1837 по 1851 г. королем Ганновера был Эрнст-Август.

⁶ Вильгельм (Виллем) II, Фридрих Георг Людвиг (1792–1849), король нидерландский (с 1840 г.), герцог люксембургский, принц оранский-нассауский. Был женат с 1816 г. на вел. кн. Анне Павловне, дочери Павла I.

⁷ Вильгельм (Виллем) I, Фридрих (1772–1843), первый король нидерландский, герцог люксембургский, принц оранский-нассауский. 7 октября 1840 года отрекся от престола в пользу сына, пожелав, после смерти своей супруги Вильгельмины Луизы, сочетаться морганатическим браком с графиней Генриеттой д'Ультермон, на увлечение которой в обществе смо-

трели крайне неодобрительно, т. к. она была бельгийкой и католичкой.

⁸ Вильгельм I (1781–1864), король юртембергский. Был женат вторым браком (с 1816 г.) на вел. кн. Екатерине Павловне.

⁹ Людовик I (1786–1868), король Баварии с 1825 года. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала об этой художественной натуре: «Во время одной прогулки, когда мы случайно очутились одни, король передал мне лист бумаги: “Прочтите это.” Я прочла стихи “Роза и лилия” по-французски. “Это вы”. Затем он быстро прибавил: “Я хотел бы вас иметь в мраморе и масляными красками”, и все в таком роде. Я только смеялась. И все-таки в этом человеке было что-то, что отличало его от остальных людей светского общества и его круга. Он был, вероятно, деспотичен в семье и придиричив, но по отношению к посторонним мог быть в высшей степени любезен, говоря на свойственном ему языке красок и поэзии» («Николай I. Муж, отец, император». М. 2000, С. 273).

¹⁰ Фикельмон Карл Людвиг (1777–1857), австрийский посланник в Санкт-Петербурге.

¹¹ Карл Альберт (1798–1849), король Сардинии с 1831 г.

¹² Ф.О. Паулучи в это время был государственным министром при сардинском короле. В 1845 г. он получил от Николая I орден св. Владимира 1-й степени.

¹³ Григорий XVI – Папа Римский (1831–1846)

¹⁴ Тьер Луи Адольф (1797–1877), французский государственный деятель, историк, член Французской академии. Накануне Июльской революции 1830 г. был членом Государственного совета, являлся одним из руководителей либерально-буржуазной оппозиции, содействовал вступлению на престол Людовика Филиппа. Министр внутренних дел (1832–1836); возглавлял правительство, одновременно занимая пост министра иностранных дел (1836–1840).

¹⁵ Генрих (Карл Мария Дидоний) де Бурбон (1820–1883), герцог Бордоский,

граф де Шамбор, сын герцога Беррийского Шарля Фердинанда (1778–1820) и Марии Каролины, урожд. принцессы Бурбон-Сицилийской, внук французского короля Карла X, отрекшегося от престола в ходе Июльской революции.

¹⁶ Лафит Жак (1767–1844), французский политический деятель, банкир, член Палаты депутатов (1814); управлял Французским банком (1814–1819). Во время Июльской революции был одним из руководителей “муниципальной комиссии”, способствовал восшествию на престол Людовика Филиппа. Глава правительства и министр финансов (1830–1831).

¹⁷ Бракосочетание наследника цесаревича Александра Николаевича состоялось 16 апреля 1841 года и было ознаменовано Манифестом «О всемилостивейше дарованных милостях и облегчениях ...» – прощались недоимки по рекрутским наборам, ссудам и вексялям; от суда и следствия освобождались все, чьи преступления не заключали «святотатства, смертоубийства, разбоя, грабежа, лихоимства, похищения казенной собственности» (ПСЗ. Собр. 2. Т. XV. Отделение I. 1841, С. 308–313). Однако в обществе ожидали, что к этому событию будет приурочена отмена крепостного права (см. Л.А. *Вяземский*. Старая записная книжка. Л., 1929. С. 264). Запись от 16 апреля в дневнике А.В. Никитенко отразила настроения, связанные с этой несбывшейся надеждой: «Прекрасный теплый день. Пошел на площадь, где выстроены балаганы. Много народу; мертвая тишина, безжизненность на лицах; полное отсутствие одушевления» (А.В. *Никитенко*. Дневник. Т. I. С. 231).

¹⁸ В 1840 г. на прусской границе были задержаны три поляка, у одного из них была обнаружена рукопись, направленная против русского засилья и призывающая к восстанию. Следствие по делу возглавил В.И. Назимов. Были проведены массовые аресты; однако вскоре выяснилось, что многие давали ложные показания и оговаривали невиновных под давлением чиновников комиссии, желавших “раскрыть”

серьезный заговор. Новая следственная комиссия под председательством А.А. Кавелина восстановила справедливость (Виленские события подробно описаны А.И. Ломачевским в его воспоминаниях “Записки жандарма”).

¹⁹ Кавелин Александр Александрович (1793–1850), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Флигель-адъютант Николая I; комендант императорской Главной квартиры (1828); директор Пажеского корпуса (1830–1834), один из воспитателей наследника цесаревича Александра Николаевича (1834–1841); член Совета военно-учебных заведений (1841); петербургский военный генерал-губернатор (1842–1846); член Государственного совета. В июле 1841 г. был назначен в Вильно сопредседателем комиссии, после разногласий между генерал-губернатором Мирковичем и председателем комиссии Назимовым.

²⁰ Назимов Владимир Иванович (1802–1874), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, генерал-майор свиты, член Государственного совета (1861). Участник Русско-турецкой войны (1828–1829). В 1836 г. назначен состоять при наследнике цесаревиче. В начале 1841 г. назначен председателем особой следственной комиссии в Вильно над злоумышленниками в Западном крае. Начальник штаба 6-го пехотного корпуса (1842–1849); попечитель Московского учебного округа (с 1849 г.); виленский генерал-губернатор (1855–1863); был инициатором подачи помещиками края адреса на высочайшее имя об устройстве быта принадлежащих им крестьян, последствием чего явился рескрипт 20 ноября 1857 г. об образовании губернских комитетов по крестьянскому вопросу, положивший начало подготовке реформы 1861 г.

²¹ В формулярном списке А.Х. Бенкендорфа указано, что 16 сентября 1841 г., по особому распоряжению императора он «отправился через Ревель в Лифляндию, где распространяемые с давнего времени злоумышленными людьми ложные слухи о возможности тамошним крестьянам переселиться в южные губернии России с

большими для них выгодами произвели, наконец, в некоторых уездах Лифляндии, особенно с июля месяца настоящего года, сильное между поселянами волнение, которое принятыми местным начальством и правительством мерами не только не было утишино, но все более и более развиваясь, начинало принимать вид явного возмущения. В самое короткое время успокоив все умы и совершенно восстановив прежний порядок, возвратился в Санкт-Петербург» (ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 977. Л. 28 об. – 30 об.).

²² Миркович Федор Яковлевич (1790–?), генерал-лейтенант; с марта 1840 г. виленский генерал-губернатор.

²³ Будучи министром, Киселев не прекращал своей деятельности в Секретном комитете по подготовке крестьянской реформы. Им и его сотрудниками был подготовлен ряд указов и постановлений, в том числе о запрещении крепостного права в Сибири. Император называл его «мой начальник штаба по крестьянскому вопросу».

²⁴ Л.А. Перовский был назначен министром внутренних дел 23 сент. 1841 г. с оставлением в прежней должности товарища министра уделов.

²⁵ Управы благочиния или полицейские управы возникли в 1772 г., после смерти Екатерины II были закрыты и восстановлены при Александре I только в Петербурге и Москве, где просуществовали, соответственно, до 1877 и 1881 г.

²⁶ Карнеев Егор Васильевич (1773–1849), по окончании Московского университета служил в лейб-гвардии Семеновском полку. В гражданской службе с 1800 г.; начальник отделения медицинской экспедиции МВД (1804); отделение государственного хозяйства (1805); директор департамента мануфактур и внутренней торговли (1811). Управлял департаментом горных и соляных дел, был директором Горного корпуса (1824). Неоднократно командировался в разные губернии для обозрения промышленных предприятий.

²⁷ Данзас Борис Карлович (1799–1868), тайный советник (1847), сенатор (1851).

Получил воспитание в Царскосельском лицее; начал службу в 1820 г. в Министерстве финансов; прикомандирован к московскому генерал-губернатору в качестве чиновника особых поручений (1829), определен в I отделение 5-го департамента Сената (1835), комитет при V отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1837); обер-прокурор (1838), директор департамента Министерства юстиции (1839).

²⁸ По уставу 1841 г. к Академии наук в виде одного из отделений (русского языка и словесности) была присоединена Императорская российская академия. С этого времени Академию наук составляли три отделения: физико-математических наук, русского языка и словесности, исторических наук и филологии.

²⁹ Вяземский Петр Андреевич (1792–1876), князь; поэт и литературный критик. Товарищ министра народного просвещения и член Главного управления цензуры (1855–1858).

³⁰ Панаев Владимир Иванович (1792–1859), писатель, статс-секретарь. С 1832 г. – директор канцелярии Министерства Императорского Двора.

³¹ Давыдов Иван Иванович (1794–1863), профессор философии, затем литературы Московского университета. Директор Главного педагогического института в Санкт-Петербурге (1847–1858). Из дневника А.В. Никитенко: “Профессор Давыдов в большой милости у Уварова. Он добился этого грубою лезтью, которую министр всегда принимает с простодушием ребенка, чему нельзя не удивляться, ибо у него нельзя отнять ума, если не глубокого, то во всяком случае сметливого. Давыдов особенно завоевал его сердце статьею “О Поречье”, деревне Уварова – статьею до того льстивою, что она насмешила всех в Петербурге, где нравы не так уже наивны, как в Москве. Уваров теперь принял здесь Давыдова с распростертыми объятиями”. (А.В. Никитенко. Дневник. С. 243).

³² Погодин Михаил Петрович (1800–1875), русский историк, писатель и

публицист. Сын крепостного, отпущенного на волю в 1806 г. Окончил Московский университет. Профессор всеобщей и русской истории Московского университета (1826–1844); издавал журналы «Московский вестник» (1827–1830), «Москвитянин» (1841–1856). Академик Петербургской Академии наук (1841).

³³ Константин Николаевич (1827–1892), великий князь, генерал-адъютант, генерал-адмирал и шеф Гвардейского экипажа. Первое морское плавание совершил в 1835 г. на военном судне “Геркулес”. Участник Венгерского похода (1849), награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Главноуправляющий флотом и Морским министерством (1853–1881); вице-адмирал (1853); член Комитета министров; председатель Главного комитета по крестьянскому делу (1860–1861); Наместник Царства Польского; председатель Государственного совета (1865–1881). Председатель Русского географического (1845), Русского археологического (1873) и Русского музыкального (1873) обществ.

³⁴ Герцог Максимилиан Лейхтенбергский занимался гальванопластикой, оборудовав лабораторию в Зимнем дворце, построил под Петербургом гальванопластический завод, производивший бронзовые отливки, где были изготовлены первые паровозы для Царскосельской дороги.

³⁵ Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844), граф (1832), участник войн с Наполеоном, Русско-турецкой войны (1806–1812), Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814). Начальник штаба Гвардейского корпуса (1819–1821); член Следственной комиссии по делу декабристов (1825); шеф жандармов и главный начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826–1844).

³⁶ Гейкинг Карл Федорович, участник Отечественной войны 1812 г.; командовал сводной ротой Отдельного корпуса военных поселений в городе Романове (1821);

штаб-офицер Корпуса жандармов по Владимирской губернии (1830–1839).

³⁷ Огинский Ириной – владелец имений на прусской границе, обвинялся по Виленскому делу как принадлежавший к “тайному обществу”. Оправдан, пожалован чином коллежского советника и орденом Св. Анны 2 ст., просил о прощении оклеветавших его лиц.

³⁸ Фрейганг Петр Иванович (1788–?), генерал-майор, участник войн с Наполеоном, Отечественной войны 1812 г. Командовал 3-й бригадой Гренадерской дивизии (1827–1831); начальник 4-го округа Корпуса жандармов (1840–1841).

³⁹ Лобри Федор Яковлевич (1803–?), в Корпусе жандармов с 1838 г., штаб-офицер в Виленской губернии, член Виленской комиссии. В 1842 г. из-за неудовлетворительной аттестации А.А. Кавелина в связи с Виленским делом переведен в Ревельский егерский полк

⁴⁰ Анисимов, советник Виленского губернского правления.

⁴¹ Гарижский Илья Семенович (1802–?), в Корпусе жандармов с 1833 г., адъютант штаб-офицера по Белостокской губернии, член Виленской комиссии.

⁴² Стратанович, делопроизводитель Виленской комиссии, секретарь начальника 5-го округа Корпуса жандармов.

⁴³ Душенкевич Дмитрий Васильевич, штаб-офицер Корпуса жандармов по Тульской губернии.

⁴⁴ Быков 1-й Аркадий Иванович, участник военных действий в Польше (1831), служил в Несвижском карабинерском полку, затем в лейб-гвардии Волынском полку. Состоял при начальнике 4-го округа Корпуса жандармов по особым поручениям (1835–1836).

⁴⁵ Быков 2-й Петр Михайлович служил в Уланском полку (1832–1838), адъютант в штабе Казанского военного губернатора (1838); адъютант начальника 7-го округа Корпуса жандармов (1839–1847).

⁴⁶ Огарев Григорий Михайлович (1797–?), с 1838 г. служил штаб-офицером Корпуса жандармов по Иркутской губернии.

⁴⁷ Радицев Афанасий Александрович, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814). Назначен в Корпус жандармов старшим адъютантом (1827). Во время Русско-турецкой войны (1828–1829) состоял адъютантом при коменданте Главной Императорской квартиры; переведен в лейб-гвардии жандармский полуэскадрон (1829); полицмейстер Санкт-Петербурга (1835), председатель Петербургской управы благочиния (1838). С 1839 г. состоял при киевском военном губернаторе.

⁴⁸ Ломачевский Асинкрит Иванович (1810–?), штаб-офицер Корпуса жандармов по Минской губернии (1838). В 50-х годах управлял почтовым ведомством в Минской губернии, был мировым посредником в Игуменском уезде. Автор воспоминаний “Записки жандарма” («Вестник Европы», 1872, март–май).

⁴⁹ Руперт Вильгельм Яковлевич (1787–1849), из голландских дворян; участник Русско-турецкой войны (1806–1812), Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814). Переведен в Корпус жандармов с назначением начальником 5-го округа (1834). Иркутский и енисейский генерал-губернатор и командующий войсками Восточной Сибири (1837–1847). Административные мероприятия Руперта с самого начала вызывали сомнения Главного Управления Сибири, что и привело к его отставке после сенаторской проверки в 1847 г.

⁵⁰ Языков Дмитрий Семенович (1793–1856), генерал-майор; участник войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814). Начальник 4-го округа Корпуса жандармов; директор департамента внешней торговли (1835–1850); член совета министра финансов (1850–1853).

⁵¹ Ребиндер Григорий Максимович (1792–?), участник войн с Наполеоном и Отечественной войны 1812 г. Служил полицмейстером в Астрахани (1825); начальник 4-го округа Корпуса жандармов (1827); комендант Петровского завода в Нерчинске (1837–1838).

⁵² Эйлер Павел Христофорович, участник войн с Наполеоном и Отечественной войны 1812 г. В Корпусе жандармов с 1830 г., штаб-офицер по Курляндской и Волынской губерниям. Причислен к Министерству внутренних дел (1839).

⁵³ Озерецковский Яков Николаевич (1804–1864), сын профессора Московского университета, этнографа и путешественника Н.Я. Озерецковского (1750–1827). Начал службу в лейб-гвардии Московском полку подпрапорщиком, поручик (1824); участвовал в русско-турецкой и русско-иранской войнах (1826–1828); чиновник инспекторского департамента Главного штаба (1830–1832). В Корпусе жандармов с 1832 г. Управляющий Крымским соляным правлением (1841–1863). (подробнее см. «Тайная миссия подполковника Я.Н. Озерецковского» // «Российский Архив». Вып. 12. М. 2003. С. 304–367).

⁵⁴ Бегичев Михаил Львович (1797–?), подпрапорщик Лейб-гвардии Преображенского полка (1813); зачислен в Штаб отдельного корпуса жандармов, служил во 2-ом округе (1827–1837). Уволен из Штаба корпуса с назначением старшим полицмейстером Московской управы благочиния (1837).

⁵⁵ Поль состоял чиновником особых поручений при начальнике 6-го округа Корпуса жандармов (с 1833 г.). Назначен полицмейстером в Казань (1837).

⁵⁶ Стогов Эраст Иванович (1797–1880), жандармский офицер, впоследствии правитель канцелярии киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибилова, автор воспоминаний, опубликованных в журнале «Русская Старина», 1903, № 1–5, 7–8.

⁵⁷ Баранович Михаил Степанович, в Корпусе жандармов с 1832 г., штаб-офицер по Рязанской губернии. По просьбе П.Д. Киселева переведен в управление Государственных имуществ (1837).

⁵⁸ Флиге Карл Яковлевич (1785–?), участник Отечественной войны 1812 г. В Корпусе жандармов с 1833 г., штаб-офицер в Курской, Минской и Черниговской губерниях. Курский военный и гражданский губернатор (1839–1840), губернатор в Каменец-Подольске (с 1841 г.).

⁵⁹ Д.Г. Бибилов был в это время киевским, подольским и волынским генерал-губернатором.

⁶⁰ Фок Максим Яковлевич (1777–1831), директор Особенной канцелярии Министерства внутренних дел (1807–1826); управляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826–1831).

⁶¹ А.Н. Мордвинов был снят с должности управляющего III Отделением за то, что пропустил в печать сборник «Сто русских литераторов» с портретом декабриста А.А. Бестужева-Марлинского в 1839 г. и назначен губернатором в Вятку (1840).

⁶² Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814), адъютант Н.Н. Раевского и Д.С. Дохтурова. Командир Староскольского пехотного полка (1822–1828); зачислен в Корпус жандармов дежурным штаб-офицером (1830); начальник штаба Корпуса жандармов (1835), одновременно занимал должность управляющего III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1839–1856). С 1856 г. в отставке.

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ за 1842*

ДЕЛА ВНЕШНИЕ

При составлении нравственно-политических отчетов нет возможности не коснуться, хотя несколько, положения дел внешних и особенно дел и образа мыслей в тех государствах, которые сопредельностью с Россиею имеют на нее влияние.

Германия вообще

Трудно составить себе точное понятие о брожении политических страстей, которые волнуют всю Германию и направляют ее к неизвестной будущности. От государя до крестьянина каждый может применить к себе выражение Гёте: «*Wohin?*»**; но из всех государств Европы Пруссия в настоящее время должна преимущественно обращать на себя внимание России.

Пруссия

Кончина короля Фридриха-Вильгельма III облекла в траур не одно его августейшее семейство, но и всю его монархию. Эта совокупность сетованной династии и народа и твердость, которую наследник престола¹ обнаружил в первые минуты своего воцарения, были причиною, что вся нация безотчетно предалась ему с тою же любовью, которую так долго и столь искренно питала к его предшественнику. В некоторых провинциях популярность короля в самом начале восшествия его на престол возвысилась даже до восторга, но этот национальный порыв вскоре исчезнул, и мнение о короле в несколько месяцев заметно изменилось. Не отвергая в этом случае непостоянства народа, утверждают, что и сам король много повредил своей народности, изменив торжественному обету – «*идти по стопам своего родителя*». Он собрал провинциальные штаты, учредил постоянные

* Перед текстом помета Л.В. Дубельта: «Его Величество изволил читать. 20 января 1843. Г[енерал]- М[айор] Дубельт».

** *Wohin?* (нем.) – куда?

комитеты сих штатов в Берлине – и это произвело то, что настоящее брожение умов в Пруссии сделалось повсеместным! А как сопредельность этого государства с Россиею и проистекающие от того беспрестанные сношения их жителей, в особенности же смежность прусских провинций, зараженных духом свободомыслия, с нашими провинциями, на верность и преданность которых мы вполне полагаться не можем, переносят к нам тот же бедственный образ мыслей, то Россия и должна стоять на страже и недремленно блюсти за движением своего опасного соседа.

Австрия

Другой сосед – Австрия –

не представляет в будущем той же опасности нашему Отечеству. Монархическое правление этого государства, несмотря на то, что Фердинанд I² не имеет почти никакого влияния на дела своей империи, в началах своих сливается с началами нашего правления и, поддерживаемое аристократиею, всегда будет более способствовать, нежели вредить нам.

Турция

Южная наша граница также вне опасности; но со временем турки могут сделаться нам опасными по той нравственной слабости, которая предаст их в руки Англии или Франции и заставит их действовать по их произволу.

Англия

Внимание нашего правительства, по мнению общему, должна обратить на себя Англия. Ей верить не должно. Мы скоро увидим, что Англия введет монополию и покроет китайское поморье своими таможенями. Она уже сделала распоряжения о съемке берега, на котором лежат торговые гавани, и после последних своих успехов, утвердившись на северном берегу Китая³, англичане приблизились к нашим владениям в Камчатке, на Кадьяке, Уналашке и на других Алеутских островах, где им весьма легко будет не только с такою значительною флотилией, какая находится у них теперь в Китайском море, но даже с одним фрегатом – расстроить все заведения нашей беззащитной Американской компании⁴ и положить там основание своих укреплений. Петербургское купечество думает, что наша торговля задавлена будет *дешевизною* и достоинством английских мануфактурных произведений, с которыми не выдержат соперничества наши плохие товары, обходящиеся дорого по причине далекого их сухопутного доставления в Кяхту.

Сочинения о России

Из сочинений, в прошедшем году изданных за границей и которые имеют непосредственное отношение к России, и из заграничных журналов (те и другие собираются и пересматриваются в III отделении Соб-

ственной канцелярии Его Императорского Величества) видно, что отзывы прусских публицистов о России не только не уступают, но еще превосходят своею запальчивостью пасквили французской и британской журналистики! В особенности рейнские и кенигсбергские газеты осыпают нас клеветами, а цензура союзных нам правительств дает им полную свободу!

Сочинения и статьи сии не заслуживают подробного описания: многие Государь Император сам изволил читать; а главнейшие две заключают в себе следующее.

В английской газете «*Times*» напечатана была отвратительная статья против России, написанная польскими выходцами под руководством лорда Дудлей-Стюарта⁵ и герцога Суссекского⁶. В ней между прочим сказано: «Супруга сына и наследника Императора Николая⁷ (хотя ныне беременная) решилась оставить своего мужа и возвратиться к отцу своему⁸ в Дармштадт по причине постоянно грубого обращения, которое она претерпевает. Герцог Лейхтенбергский искренно сожалеет о том, что покинул свое счастливое пребывание в Мюнхене для женитьбы с русскою Великою Княжною⁹ и что поселился в Петербурге, где уже перенес много неприятностей от своего тестя, Императора. Неблагоприятные сведения, полученные в Мюнхене о дворе Петербургском, воспрепятствовали супружеству баварского принца с Великою Княжною Ольгою¹⁰, рука которой предлагается теперь герцогу Бордосскому»¹¹.

Редактор газеты «*Morning Post*» отвечал на это следующее: «Нет ни одного англичанина, жившего в Петербурге или имевшего случай посетить эту столицу, который бы не был поражен семейным счастьем, дружескою связью и благородством домашнего и общественного обхождения, отличающих российскую Императорскую фамилию. Каждый из наших соотечественников, возвратясь на родину, с восторгом отзывался об этом сочетании добродетелей, окружающих престол самодержавного Государя и служащих украшением, счастьем, славою семейств, стоящих и не на столь высокой степени могущества.

Российская Императорская фамилия также безмятежно радуется ожиданием прямой наследственной линии, как бы могло в таком случае радоваться каждое добродетельное семейство, с тою, может быть, только разницею, что чувство счастья в этом царственном доме должно быть тем сильнее, чем более важности имеет это событие.

Герцог Лейхтенбергский не только не претерпевает никаких неприятностей от тестя своего, императора, но даже постоянно употребляется Им во многих делах государственных и особенно по тем отраслям наук, где герцог более всего может проявить свои высокие дарования; доказательством, что это внимание выражает величайшую доверенность Императора может, служить то, что Он собственному сыну своему, наследнику престола, предоставляет участие в делах государственных и еще недавно

поручил ему устройство железной дороги, предположенной между обеими столицами.

Что же касается дерзких строк, относящихся к Великой Княжне Ольге, на которую, вероятно, непочтительные замечания устремлены единственно потому, что она предмет пламенной нежности державного своего родителя, то мы не унизим себя опровержением этих строк; но поздравляем их сочинителя, который сумел в немногих словах соединить оскорбления, ложь и клевету против трех царственных домов: России, Баварии и Франции».

Царство Польское

Прошло одиннадцать лет, как в Царстве Польском восстановлено спокойствие. Волнение умов и разорение края – неизбежные последствия революции, – казалось, должны были послужить назидательным, хотя и горестным уроком для жителей. Можно было надеяться, что они, вразумленные опытом, возвратятся к исполнению своих обязанностей и снова примут то полезное направление, которому следовали до 1830 года.

Но это ожидание исполнилось только частью и то в отношении одного материального благосостояния, которого успехи теперь очевидны. Постоянная заботливость нашего правительства о поддержании в Царстве Польском земледелия, промышленности и торговли, истребленных революцией; пожертвования и льготы, сделанные от казны для этой цели; наконец, изобретательность и предприимчивость, составляющие отличительный характер нашего века и возбуждаемые у поляков потребностью иметь занятие полезное и выгодное взамен военного и политического поприща, на котором они подвизались прежде, – все это должно было произвести хорошее действие на вещественное благосостояние края. И если в Царстве Польском теперь уже не столько больших мануфактурных заведений, как было до революции, то это следует отнести не к упадку, но к успехам промышленности, которая прежде сосредоточивалась только в некоторых округах, а теперь разлилась по всему краю и дала ему этот вид довольства, которого нельзя не заметить.

Но зато здесь и предел успехам: ибо в нравственном отношении опыт не исправил поляков, и политические мнения их не только не улучшились, но стали несравненно хуже. Можно утвердительно и без всякого преувеличения сказать, что общественный дух в Польше или расположение ее жителей к России и ко всему русскому сделался гораздо враждебнее, нежели как был до революции. Тогда горячих голов и врагов порядка являлось не много в сравнении с массою народонаселения. Большая часть народа не питала мятежных намерений, но увлеклась меньшею частью потому, что не имела довольно силы и смелости воспрепятствовать восстанию, хотя и видела в нем свою погибель.

В настоящее время нерасположение к России и ненависть к имени русского сделали общими: они проникли в массы народа и равно одушевляют как городских, так и сельских жителей.

Впрочем, должно, однако ж, сказать, что это недоброжелательство не касается особы Государя Императора; напротив того, Его любят в Польше, как везде, и прибытие Его Величества в Варшаву всякий раз возбуждает радость, надежду и восторг столь же пылкий, как непритворный и повсеместный. Поляки не любят только русского народа и всего, что от него происходит.

Это враждебное расположение умов и ожесточение противу всего русского не есть случайность или явление, которого нельзя было бы объяснить: напротив, причины явны. Но при всей очевидности своей эти причины неуловимы собственно потому, что исключительно принадлежат к разряду нравственных или к области *мнений*: вот почему они ускользают и вечно будут ускользать от действия правительственных мер.

Четыре главные причины непосредственно и непрестанно действуют на мнение польской публики и дают ему это вредное направление, несмотря на все усилия фельдмаршала князя Варшавского, который там любим и вполне уважаем:

1. Тщеславие польской нации.
2. Злоумышленность латинского духовенства под личиною религиозного рвения.
3. Влияние прусских демагогов, и, наконец
4. Необразованность и дурной выбор наших чиновников. Поляки, встречая в сих последних грубое обращение и видя, что они действительно опередили их в просвещении, составили себе совершенно ошибочное понятие о русских, отчего происходит то, что они почитают за унижение находиться под владычеством народа, который столь низко стоит в их мнении. Опытные люди полагают, что это обстоятельство не должно почитать маловажным, потому что оно-то и подстрекает национальное их самолюбие.

Духовенство

Но еще сильнее влияние веры. Духовенство латинское, искони взиравшее с завистью на благосостояние российской православной церкви, сокупило теперь фанатизм политический с фанатизмом религиозным и заставляет первого действовать под личиною второго. Из всех классов польского общества ни один столько не враждебен России, как духовенство, которого власть тем опаснее, что служители церкви находятся в непосредственном и ежедневном соприкосновении с народом, безусловно покорным их неограниченному влиянию. Выдавая себя за очистительных жертв угнетаемой религии, духовенство употребляет ее как орудие и под

ее покровом таит свои средства к развращению умов народа и к распалению в нем собственных своих страстей. На каждую благую меру нашего правительства ксендзы указывают как на святотатство: упразднение монастырей, возвращение греко-униатов в лоно православной церкви, передача в ведомство и управление Министерства Государственных Имуществ всех недвижимых имений духовенства в Западных губерниях и другие подобные распоряжения правительства в руках польского духовенства суть орудия, с которыми оно нападает на Россию и старается отторгнуть от нее умы народа и нанести ей всевозможное зло.

Эти козни и хищрения совершаются не только внутри, но и вне Царства. Из имеющихся сведений можно с достоверностью заключить, что духовенство ведет деятельную и постоянную переписку с католиками других государств и, в особенности, с Римом, где оно пронырствует совокупно с приверженцами *Чарторижского*, который собственно для этой цели по временам посылает туда своих эмиссаров. Краков, где заклятые демагоги скрываются под монашескою рясою, есть средоточие сношений (большею частью изустных) между Польшею и другими странами. Но как воспрепятствовать этому политическому и религиозному заговору, когда большая часть духовных учреждений в Кракове суть не что иное, как отделения подобных учреждений, существующих в Польше, и когда ксендзы и монахи переходят из одних в другие без ведома правительства по одному произволу своих настоятелей?

Самый могущественный довод, употребляемый польским духовенством для привлечения народа на свою сторону, заключается в распространении и утверждении толков о том, что Россия намеревается обратить его в греко-российское вероисповедание.

Речь Папы¹², известная всему польскому духовенству, также много способствовала к распалению тайной злобы духовенства. При всей неусыпности полицейских наблюдений, многие экземпляры этой речи прокрались в Варшаву и ходят по рукам в публике. Католицизм, столь ослабевший в последнее время как в Царстве, так и в Западных губерниях и оставивший уже почти одну только тень своего существования, внезапно так воспламенился, что ныне церкви этого исповедания не могут вмещать в себе толпы, в них стремящиеся. Вот какие последствия произошли от действительного или мнимого опасения насчет преследования их религии. Не менее того полагают, что есть еще возможность уничтожить враждебное к нам чувство католического духовенства; все уверены, что без больших затруднений, ежели не совсем, то, по крайней мере, в сильной степени, можно привлечь его на нашу сторону. Средства эти состоят в скромном и ласковом обращении с духовными лицами; в изъявлении им всех возможных знаков уважения и в денежных пособиях, которые докажут,

что правительство входит в их положение и отнюдь не преследует ни их самих, ни их религии. Одно чувство признательности заставит их делать народу внушения, совершенно противоположные тем, которые они ему теперь делают, и народ, как в Царстве, так и в наших Западных губерниях, не подстрекаемый духовенством, а с другой стороны, видя свое благоденствие и заботы об нем правительства, переменит свой образ политических мыслей, и брожение умов мало-помалу успокоится.

Польские выходцы

Из переписки с нашими посольствами видно, что и эмигранты польские не остаются в бездействии! Известный демагог *Чайковский*¹³ вошел в сношение с живущими в Царьграде сербами; он весьма хорошо принят французским посольством и вкрался в милость у некоторых пашей, которым внушает недоверчивость к политике России относительно Турции. *Чайковский* с сею же целью ездил к некрасовцам и завел с ними связи. Другой, *Верещинский*, находится ныне в Персии и сильно поддержан там английским посольством. Он намерен по распоряжению польской эмиграции отправиться в Константинополь и учредить там коммерческий дом, дабы скрытным образом иметь сношения с закавказскими племенами и при первом удобном случае увлечь даже войска Кавказского корпуса в преступные действия. Все эти замыслы польской эмиграции заставили прибегнуть к мерам осторожности, которые и приняты чрез посредство военного министра¹⁴ и Новороссийского генерал-губернатора¹⁵. Третий, *Задорновский*, намеревался пробраться из Кракова в Россию для исполнения преступных поручений эмиграции, и насчет его должно было принять и приняты меры предосторожности чрез посредство наместника Царства Польского и Западных генерал-губернаторов.

Посланный за границу по распоряжению князя Варшавского секретный агент достоверно донес, что в герцогстве Познанском существуют комитеты, учрежденные собственно с тою целью, дабы пересылать денежные пособия к польской эмиграции. Один из сих комитетов находится в самой Познани, другой – в Шамотулах. Комитеты сии, желая скрыть настоящую цель свою, представляют себя: один – в виде заведения торгового, а другой – учреждения ученого. Сверх того, общества сии имеют обязанностью печатать книги, преисполненные начал революционных, и распространять их в народе. Они выписывают из-за границы большое число возмутительных сочинений и тайно отправляют оные в Царство Польское, даже и в Россию и находятся в постоянной переписке с польскими выходцами.

По сведениям из Кракова, кондукторы прусских дилижансов привозят туда разные возмутительные сочинения и книги, печатанные за границую, и Прусская почтовая контора подозревается участницею таковой контра-

банды. Значительное число получаемых ею газет в сравнении с ограниченным числом местных подписчиков дает повод думать, что этот излишек принадлежит субскрибентам* Царства Польского.

Чарторижский не перестает прониырствовать и всем легкомысленным своим соотечественникам беспрерывно обещает средства к прочному восстановлению самобытности Польши.

Наконец, польские эмигранты ищут то покровительства Англии, то заступничества короля прусского, и там и здесь домогаются ходатайства о всепрощении.

Подобные надежды одушевляли некоторое время и жителей Царства Польского. Они ожидали, что по случаю празднования торжественного дня 25-летнего брачного союза Государя Императора им оказаны будут большие милости. Они надеялись, что имения участвовавших в мятеже возвратятся прежним владельцам и что им самим дозволено будет безнаказанно возвратиться из заграницы, что городу Варшаве выдана будет заимообразно огромная сумма, что молодые поляки, определенные в армейские полки, будут возвращены на родину, что налоги значительно уменьшатся, что город Варшава будет объявлен третьей столицей империи, что чиновникам убавится пятью годами срок службы для получения права на эмеритальную пенсию¹⁶, что все преступники будут освобождены из заточения, что значительно уменьшатся таможенные пошлины за вывозимые в Россию товары Царства. Этот последний предмет в особенности занимал варшавскую публику, и так называемые *патриоты*, которые ни одной правительственной меры не оставляют без порицания, находили, что упразднение таможен будет последним ударом для польской национальности и послужит России самым действительным средством к тому слиянию поляков с русскими, которого она так неотступно домогается.

Известия о повышениях и наградах, дарованных полякам, служащим в Кавказском корпусе, за отличие в делах против горцев, произвело благоприятное впечатление на жителей Царства. Люди благомыслящие видят в этом отеческую благодать Государя и готовность забыть прошедшее. Столько же утишительно** было для них правосудное внимание к обстоятельствам произведенного в Вильне генерал-адъютантом Кавелиным следствия.

Высочайший Указ, данный Совету управления Царством в 25 день октября, коим повелено именовать на будущее время: обводы – уездами; поветы – округами; обводных комиссаров – уездными начальниками; адъютантов смотрителей городов – помощниками уездных начальников, а название муниципальных управлений заменить названием магистратов, –

* Подписчикам.

** Так в тексте.

принят был в Царстве Польском за явное стремление нашего правительства к уничтожению последних признаков польской национальности. Люди, наблюдавшие дух польского народа, находят, что для него было бы сноснее, если бы все подобные распоряжения введены были в Органический статут¹⁷, то есть сделаны были в самом начале и с одного раза: ибо эта постепенность только тревожит и раздражает поляков, заставляет их опасаться еще и других, не нравящихся им постановлений; доказывает как бы некоторую к ним вражду и заключает в себе также одну из главных причин их неудовольствия и ропота против правительства.

Евреи

Постановление, на основании которого евреи Царства Польского отныне будут подлежать рекрутской повинности, произвело самое благоприятное впечатление на жителей католического и других христианских исповеданий. Сии последние смотрят на эту меру как на самую справедливую; но евреи не разделяют общего мнения и в особенности обнаруживают неудовольствие против распоряжения, по коему дети их должны быть вносимы в очередные рекрутские списки с 12-летнего возраста. Варшавских евреев встревожил также слух о намерении распространить и улучшить Прагское предместье. Они вообще опасаются, что правительство принудит их туда переселиться.

Вообще евреи, которые были преданы нашему правительству, хотя, может быть, из единых видов корыстолюбия, приписывая последние о них распоряжения некоторому преследованию, начинают, видимо, от нас отклоняться. Должно сожалеть о таковой перемене внутренних их чувств: ибо они были, так сказать, весьма полезным политическим орудием для надзора за поляками. Война 1812 года и последнее в Польше возмущение служат доказательством, какая в этом отношении извлекалась от них польза, и поляки в то время оказывали им совершенное презрение. Ныне же, напротив, видя их неудовольствие, поляки тому радуются и всеми мерами стараются ласкать их и привлечь на свою сторону.

Известие о дарованном Его Величеством пособия Ченстоховскому монастырю на разные исправления зданий принято было жителями с признательностью и рассеяло слухи о намерении правительства превратить этот монастырь в крепость.

Чиновники, торговцы и вообще жители Варшавы охотно приняли участие в пожертвованиях в пользу погоревших города Казани. До сих пор подписка продолжается и составляет уже довольно значительную сумму.

В заключение, о положении дел в Царстве Польском должно сказать, что общий голос отдает полную справедливость всем административным действиям князя Варшавского и что только его кроткое, но твердое и во всех отношениях благоразумное управление удерживает тот край в преде-

лах повиновения и распространяет в нем то благоденствие, которое еще более было бы ощутительно, если бы мнения народа не увлекались превратными идеями Западной Европы.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ

Утешительно видеть, что брожение умов в Европе по сие время не поколебало ума России, и хотя, в частности, мы встречаем головы пылкие, но масса общего мнения еще не потрясена и находится в хорошем положении. Все здравомыслящие люди говорят, что Россия, хранимая от преткновений державною рукой Государя, идет спокойно к своему высокому назначению и что настоящим благоденствием своим она обязана твердости монархического правления. Эта мысль есть основание общего духа во всем государстве, духа, который приводит к тому благодетельному последствию, что среди всеобщей европейской анархии Россия пребывает спокойно и что ни заразные примеры века, ни хула злонамеренных завистников и порицателей не в состоянии были доселе поколебать русского народа в приверженности к вере предков и в благоговейной преданности к престолу. Повсеместный урожай после трехлетней бескормицы также много способствовал общему спокойствию и произвел благотворное влияние на дух народа.

Но в столь обширном государстве, какова Россия, населенная народом, который при всех усилиях пекущегося о нем правительства доселе еще не вполне воспользовался даруемым ему просвещением, некоторые беспорядки, как результат полубразованности, – неизбежны. Беспорядка, возникшие в 1842 году в пяти губерниях, были именно следствием невежественных понятий народа, но отнюдь не проявлением замыслов политических или вольнодумных идей. Поводом к таковым беспорядкам, прекращенным в самом начале мерами строгости и даже простыми внушениями, которым не внял бы народ, зараженный духом либерализма, были некоторые нововведения, недоступные ограниченному понятиям наших поселян.

С особенною признательностью к Его Величеству вообще все сословия отзывались в минувшем году о двух важных предприятиях, из коих одно обещает неисчислимые выгоды для торговли и промышленности всех губерний; а другое принесет несомненную пользу для С.-Петербурга – это железная дорога до Москвы¹⁸ и предполагаемое сооружение моста чрез Неву¹⁹. Публика рассуждает, что царствующий Государь, подобно державному предку своему великому строителю России, не останавливается препятствиями к достижению полезных целей; что Он спешит совершить при себе все, что можно, и не одного важного предмета не оставляет без живительного внимания; что все части государственного

управления равно влекут на себя попечительную его заботливость. Россия с умилением видит ту готовность, с которою и все члены Августейшего семейства спешат разделить державные его заботы. Благотворительные учреждения и высшие учебные заведения женского пола в империи и Царстве процветают под высоким покровительством Государыни Императрицы. Наследник престола наравне с высшими сановниками участвует во многих государственных делах и общепользных предприятиях, заранее развивая и укрепляя силы к поднятю царственного бремени. Главному начальству и попечительству государя Великого Князя Михаила Павловича вверено лучшее наше воинство, воспитание благородных юношей и успокоение престарелых инвалидов. Герцог Лейхтенбергский, независимо от командования вверенною ему частью войск, покровительствует и лично изучает горное дело в России. Принцу Ольденбургскому мы обязаны рассадником законоведцев. Ее Императорское Высочество Мария Николаевна и даже Великие Княжны имеют в своем заведывании детские приюты, учрежденные в разных частях столицы и наравне с другими членами женского Патриотического общества управляют благотворительными заведениями. Люди благомыслящие справедливо утверждают, что все эти благодеяния брошены не на бесплодную почву и что русский народ, – этот правдивый ценитель доблестей Государя Императора, – любит его глубоко, истинно, – *по-русски!*

Кавказ

Известия из Тифлиса доказывают, как признательны жители Кавказа за те попечения, которые правительство принимает об их благосостоянии. Об экспедициях рассуждают, что оные ведены были с переменным успехом и неудачею, и ожидают, что предполагаемые изменения в системе военных действий на Кавказе послужат к сокращению издержек и к сохранению людей, потеря которых до сего времени была чрезвычайно ощутительна.

Бессрочноотпускные нижние чины

Из полученных донесений о бессрочноотпускных видно, что большая часть сих нижних чинов обратилась к возделыванию полей и домоводству, так что в настоящее время число сих хлебопашцев, к общей массе уволенных в бессрочный отпуск, относится как *один к трем*: ибо из числа 149 235 человек 56 826 занимаются собственно хлебопашеством.

Только в немногих местах России отпускные солдаты не занялись земледелием. В Великом княжестве Финляндском возделывание полей по причине каменистой и бесплодной почвы не представляет им достаточных выгод; в Лифляндии из числа 963 не более 43 человек обзавелись сельским хозяйством на отведенных им участках, собственно потому, что родствен-

ники, односельцы и даже помещики дают отпускным пропитание безвозмездное, почитая их отслужившими за свои семейства и отчины. В Тульской губернии большая часть из них находится по найму в услужении, а во Владимирской губернии, где промышленность преобладает над земледелием, они усвоили себе местные способы пропитания.

При совокупном желании правительства и дворянства устроить судьбу бессрочноотпускных нижних чинов они действительно могли бы достигнуть завидного благосостояния, если бы время, как слышно из общих отголосков, назначаемое для ежегодного сбора их при войсках, ближе приноровлено было к условиям сельского хозяйства. Таковой сбор бессрочноотпускных, не прослуживших 20-ти лет, который доселе происходил с 30-го июня по 1-е августа, то есть в самую рабочую пору*, а ныне по Высочайшей воле, объявленной в приказе Военного министра, назначается с 1-го сентября по 1-е октября, – был и будет важною помехою их земледельческим занятиям и домоводству. По сей, собственно, причине уволенные в бессрочный отпуск, неохотно принимаются в услужение помещиками, с трудом находят для себя занятия на фабриках и заводах, а в такие должности, которые не могут оставаться праздными даже на самое короткое время, помещают их с затруднением, предпочитая им нижних чинов, получивших чистую отставку. Те же самые причины, по мнению общему, служат поводом, что бессрочноотпускные редко избираются в должности сельских десятских и старост: ибо в случае призыва на смотр они не успели бы сдать дел, находящихся в их ведении, и вовлекли бы сельские общества в ответственность пред начальством. В Риге и других портовых городах бессрочноотпускные могли бы найти для себя занятия, но торговцы предпочитают им отставных солдат из туземцев, заключая с ними условия на целый год, или же нанимают квартирующих там армейских нижних чинов, в которых находят более выгодных работников. Сии последние, получая от казны полное содержание, нанимаются за самую умеренную плату, тогда как бессрочноотпускные не могут брать за работу дешево, ибо не получают от казны провианта и, сверх того, обязаны одевать себя на свой счет, дабы сохранить в целости к предстоящим смотрам даваемую им при увольнении в отпуск форменную одежду.

* По Расписанию на 1841 год бессрочноотпускные нижние чины, коим назначено было собраться в г. Ковель (Волынской губернии), находящийся в 470 верстах от их селений, должны были выступить из мест жительства 1-го числа июня, дабы успеть явиться на смотр к определенному сроку. Столько же времени употребили они и на обратный путь, т.е. возвратились в свои дома к концу августа. Таким образом, они в продолжение целого лета отлучены были от сельских своих занятий. Прикомандированные к полкам 4-й Легкой кавалерийской дивизии должны были также собраться в г. Ковель, т.е. пройти 498 верст от мест жительства. *(Примечание авторов документа.)*

Но все таковые невыгоды большей частью касаются бессрочноотпускных, поступивших на службу из крестьян помещичьих: ибо солдаты из казенных крестьян пользуются особенными преимуществами, дарованными им Высочайше утвержденным в 16-й день апреля 1841 года Положением²⁰. Получая по прибытии на место постоянного жительства участки земли и значительное пособие к обзаведению, они при самом начале своей сельской жизни обеспечиваются во всем для них необходимым.

Бессрочноотпускные солдаты, по водворении в казенных селениях получившие особые участки земли, обязаны наравне с крестьянами отбывать сельские повинности, подлежа таким образом зависимости и надзору земской полиции и местного сельского начальства. Напротив того, помещики, которым не предоставлено никакой власти над сими нижними чинами, неохотно принимают их к себе на жительство, опасаясь с их стороны своеволия и беспорядков. К таковому опасению владельцы имеют основательные причины: ибо в числе бессрочноотпускных немало оказывалось таких, которые сданы были в рекруты за дурное поведение и снова предавались пьянству и другим порочным наклонностям, как скоро прекращалось над ними действие военной дисциплины.

Многие владельцы жалуются на то, что вместо отданного на службу молодого и здорового работника к ним по прошествии 15-ти лет возвращается тот же самый крестьянин, но уже несколько от них не зависящий, и который менее всякого другого может быть употреблен к сельским занятиям, не будучи вполне свободным от воинской службы. Некоторые помещики твердо убеждены, что правительство при учреждении бессрочных отпусков имело целью постепенно перевести в ряды войск всех молодых и способных людей с тем, дабы впоследствии те же самые люди, возвратившись на родину, менее или даже вовсе не были подчинены влиянию прежних своих владельцев. Уничтожение крепостного состояния в России составляет ныне постоянный предмет толков и опасений, к которому помещики применяют все меры правительства, сколько-нибудь имеющие отношение к быту их крестьян.

Из донесений и повсеместных слухов о бессрочноотпускных видно, что они возвращаются ныне на родину не в том бодром духе и не с тою безусловною преданностью начальству и даже правительству, как солдаты прежних времен; что люди сии сделались склонными к ропоту, пересудам и толкам, иногда весьма свободным, о предметах, вовсе до них не касающихся. Эту невыгодную перемену в нравах русского солдата относят не к каким-либо вредным внушениям, но единственно к продолжительно мирному времени, в котором почти все выходящие ныне в отставку или увольняемые в бессрочный отпуск провели большую часть своей службы. Без настоящих воинских занятий, коснея в

однообразной жизни казарм или кочуя с одних квартир на другие, – нижние чины привыкают к праздным суждениям и приносят эту привычку домой еще в цвете лет, тогда как прежний солдат, возвращаясь на родину изувеченный, с полным запасом рассказов о военных подвигах, не позволял себе и даже не имел понятия рассуждать о делах, до него не относящихся.

Мнения о бессрочноотпускных различны, но существует одно общее, что сбор их должен быть производим в зимние месяцы и что надлежало бы усилить строгость взыскания за их неповиновение и другие поступки, дабы устранить поводы к жалобам помещиков и заградить уста порицателям столь важного в государстве учреждения.

Нельзя, однако ж, не отдать справедливости вообще хорошей нравственности бессрочноотпускных. В течение девяти лет только немногие из них обращены в исправительные роты и на службу в войска за дурное поведение, и весьма незначительное число в сравнении с общею их массою судились за проступки большею частью не столь важные.

Рекрутские наборы

Мнение общее признает учреждение бессрочных отпусков корнем другого, весьма тяжкого для земства налога: ибо с установлением бессрочного отпуска встречается надобность в укомплектовании войск новыми рекрутами, отчего общие наборы, кроме частных, учрежденных Манифестом 1 августа 1834 года²¹, производятся в виде исключений почти каждые два года и не могут не возбуждать некоторого ропота.

При этом случае выражается одно всеобщее мнение и желание, состоящее в том, что как по существовавшим прежде сего положениям принимались в рекруты люди молодые, 18-ти летнего возраста, и должны были служить 25 лет, то ныне, когда срок их действительного служения ограничивается 15 годами, полезно было бы принимать в рекруты людей не моложе 24-х летнего возраста. Из этого извлекают обоюдную пользу как для правительства, так для народонаселения, рассуждая, что ныне юноши, большею частью не женатые и при поступлении их в рекруты не оставляющие в домах своих ни хозяйства, ни собственного семейства, возвращаются чрез 15 лет еще в цвете лет так сказать *ни к чему*, – тогда как, оставаясь в селениях до 24-х летнего возраста, они успевали бы жениться, завестись хозяйством и, прослужа 15 лет, возвращались бы в дома свои к женам и к детям, на готовую пашню, на готовое, им принадлежащее хозяйство. Сверх того, полагают, что поступление в рекруты людей 24-х летнего возраста имело бы и то преимущество, что 18-летние юноши еще слишком молоды, не укрепились в телесных силах и, поступая на службу, долго еще, так сказать, воспитываются, прежде нежели сделаются настоящими солдатами.

Становые приставы

Насчет станowych приставов уже было сказано в предыдущем отчете. Те же самые жалобы умножаются, и корень зла находят в том, что становые приставы назначаются от короны, а исправники избираются из среды своего сословия. Сии последние удерживаются более или менее в пределах своих обязанностей или честолюбием, или связями родства, тогда как первые, чуждые всех местных родственных отношений, лихоимствуют и потом, скрываясь в другие губернии, спокойно пользуются плодами своих злоупотреблений.

Возмущение казенных крестьян

Религиозное рвение Преосвященного *Иринарха*²², даже и по отбытии его из Риги, оставило неблагоприятное в том крае впечатление. После него священник единоверческой церкви *Емельянов*, желая привлечь крестьян Венденского уезда в православие, начал распространять между ними слухи, что земли, ими занимаемые, будут предоставлены в их собственность. Таковые внушения, а равно вредные толки псковских торговцев, бродивших по Лифляндии, и некоторые стеснительные распоряжения Министерства Государственных Имуществ, – усилили неудовольствия лифляндских крестьян до того, что волнение между ними приняло в 1842 году оборот весьма опасный; но эти беспокойства прекращены были в самом начале мерами необходимой строгости правительства и похвальною заботливостью лифляндского дворянства об улучшении быта поселян.

Таковые же беспокойства возникали и внутри России. Для усмирения казенных крестьян в *Казанской* и *Вятской* губерниях, по неуспешности обыкновенных мер, употреблено было огнестрельное оружие, а поселяне *Олонецкой*, *Пермской* и *Московской* приведены в повиновение строгим наказанием: многие из них уступили даже кроткому убеждению.

Все сии беспорядки произошли: от опасения крестьян поступить в удельное управление, от слишком крутых нововведений Министерства Государственных Имуществ и, в особенности, от злоупотреблений многих служащих в этом ведомстве лиц. Причины сии не могли не сделаться известными публике и утвердили в ней единодушное желание, чтобы правительство не только не увеличивало, но старалось бы, по возможности, уменьшить число этого рода чиновников.

Обязанные крестьяне

Между помещичьими крестьянами примеры неповиновения владельцам были в особенности следствием невежественных разглашений по случаю обнародованного Высочайшего Указа относительно *обязанных* крестьян²³.

Начальники округов и губернские штаб-офицеры Корпуса жандармов, которым предписано было иметь неослабное наблюдение о том, какое произведено будет этим Указом впечатление на помещиков, крестьян и другие сословия, – донесли, что сия правительственная мера произвела некоторое волнение, в особенности в губерниях: Новгородской, Тверской, Московской, Смоленской, Костромской, Нижегородской, Пензенской, Черниговской и Полтавской.

Большая часть владельцев с некоторым унынием видели в этом указе первый приступ правительства к последующим распоряжениям об отчуждении их собственности по освобождении крестьян из крепостного состояния; но дворяне просвещенные, вникая в цель и разум сего закона, убедились в пользе преобразования и даже изъявляли готовность испытать оное в своих владениях, если бы правительство приняло на себя устранение многих к тому препятствий. К освобождению крестьян из крепостного состояния и к заключению с ними обязательств опытные владельцы приводили следующие неудобства.

1. Бедность крестьян-хлебопашцев во всех почти губерниях.
2. Превратное мнение крестьян о свободе, почитающих вообще волею уничтожение прав господина с приобретением его собственности и с переходом из владения помещичьего в ведомство казенное.
3. Несуществование закона, определяющего гражданское состояние русского крестьянина, свободно живущего в помещичьем имении.
4. Приумножение дел в нижних судах и притеснение крестьян земскою полицией: ибо помещик с утратою власти своей над крестьянами не только не обязан за них отвечать, но и оказывать им того покровительства, которое способствовало их благосостоянию.
5. Трудность наделения крестьян участками земли при общей почти чрезполосности помещичьих владений.
6. Неопределительность взаимных отношений помещиков и крестьян или неизвестность о том, имеют ли помещики право, в случае неисполнения условий, удалять из своих владений неисправных крестьян, и, наоборот, будет ли дозволено крестьянам оставлять отведенные им земли и переселяться в другие места по собственному желанию.

Не входя в дальнейшее рассмотрение различных нужд и выгод, не исчисляя способов, необходимых для успешного исполнения указанной правительством меры, люди сведущие считают главнейшим к тому препятствием нравственное состояние двух классов, к которым ближе относится эта реформа. Они разумеют здесь дворян, не получивших надлежащего образования, и крепостных крестьян, доселе пребывающих в совершенном невежестве. Рассуждают, что только временем и мудрыми

внушениями правительства те и другие могут быть приготовлены к предназначенному для них обновлению.

По их мнению, излишняя поспешность в исполнении помянутой меры повернула бы оба класса (дворян и крестьян) в смятение, гибельное для них самих, тягостное для правительства, опасное, может быть, для спокойствия общественного и вредное для успехов земледелия. Дворяне, о коих здесь идет речь, почитают существенною для себя невыгодою ограничение власти их над крепостными людьми; а крестьяне, напротив, ожидают таких преимуществ, которые не могут быть им предоставлены. Отсюда последует то, что обе стороны не в состоянии будут заключать условий, обоюдно полезных и справедливых, и тем паче выполнять их с ненарушимою точностью.

Весьма заметно, что дворянство вообще почитает себя в необходимости отложить на время преобразование своих поместий по новому Указу. По мнению многих, должно с терпением выжидать поры, когда этот дух обновления проникнет все умы и в них созреет, когда вполне совершатся все приуготовления, то есть: когда со стороны помещиков будут обдуманы средства, необходимые для устройства судьбы обязанных крестьян и для обеспечения собственных доходов, а со стороны правительства изданы будут все местные и общие по сему предмету постановления.

Отзывы дворян разных губерний по случаю настоящего Указа свидетельствуют о том, что многие вопросы доселе остаются для них неразрешенными. Если с первого взгляда кажется легко ввести новую систему управления в имениях хлебопашных, где число душ соразмерно количеству земли, то как надлежит поступать там, где народонаселение в отношении к пространству земли или слишком обильно, или вовсе недостаточно? Будут ли дозволены переселения и в какой мере? Равным образом, как совершить преобразование в таком имении, которого ценность по малоземелью зависит собственно от числа душ и от способов их промышленности, или там, где крестьяне по особым причинам не возделывают полей, но ходят по оброку? Распространится ли на обязанных крестьян сила постановления (Свода Законов тома IX статья 454), относящегося до свободных хлебопашцев²⁴, то есть: будут ли обязанные крестьяне, в случае нарушения с их стороны договора, обращаемы по-прежнему в крепостное состояние? Как Указ уже существует и может почтаться действительным ручательством за будущее благоденствие народа, то полагают, что правительство обязано войти в подробности этого дела, без какой помощи оно вперед не подвинется. Основательность сего мнения доказывается следующим разительным примером: генерал-адъютант граф Воронцов желал сделать своих крестьян С.-Петербургской губернии *обязанными* и уже приступил к исполнению своего намерения. С одной стороны, сами крестьяне, хотя не противились, но убеждали оставить их в первобытном положении, а с дру-

гой – граф Воронцов более половины года не может окончить сего дела по причинам, от присутственных мест зависящим. Это обстоятельство обескураживает других и приводит к основательному заключению, что ежели такой сановник не может окончить своего предприятия, то как исполняют это другие, менее знатные люди.

Убийства

Независимо от беспокойств, произведенных влиянием Указа 2 апреля, в некоторых помещичьих имениях случались убийства и покушения на жизнь владельцев и управителей. В течение 1842 года обнаружено подобных убийств – *тринадцать*, покушений на жизнь помещиков *шесть*; управлявших имениями убито *два*. Преступления сии совершены большею частью в Великороссийских губерниях. Причина этих злодеяний заключалась преимущественно в ненависти и личной злобе убийц к господам своим за строгое их обращение и взыскательность. Только в одном имении костромского помещика, действительного статского советника *Шульца* обнаружен общий заговор всех крестьян, негодовавших и лишивших его жизни за перемену образа управления ими и слишком крутые нововведения по хозяйству. В Вологодской губернии помещик *Михайлов* умерщвлен по подговору сына своего, а в Подольской – помещица *Головинская*, завещавшая имение своей воспитаннице, убита мужем последней, желавшим скорее воспользоваться наследством.

Пожары

В 1842 году повторялись неоднократно случаи злоумышленных поджогов и произошли весьма значительные пожары, преимущественно в городах.

Нет никакого сомнения, что поджоги существовали; но огромное пространство государства и класс людей, к которому принадлежат обнаруженные поджигатели, не допускают мысли, чтобы здесь существовала общая связь покушений или заговор к произведению такового бедствия. Эти преступные действия мы встречаем ежегодно, но всегда в частности, и видим даже из истории прошедших времен, что зажигательства совершались или из мщения, или с намерением грабить при общем смятении. Высочайшее повеление о суждении поджигателей военным судом сделало благодетельное впечатление.

ГЛАВНЫЕ УПРАВЛЕНИЯ

По примеру прошедших лет, этот обзор будет заключен характеристикой главных государственных управлений.

Министерство внутренних дел

Гофмейстер Перовский еще по управлению Удельным департаментом снискал известность человека деятельного и строгого. Новому назначению его предшествовала молва, что он именно такой министр, от которого можно ожидать многих полезных преобразований. Приверженцы Перовского в особенности указывали на то, что он много путешествовал по России, знаком с бытом народа, местностью и потребностями империи и, управляя около 15 лет департаментом уделов, имеет большую опытность даже в канцелярском делопроизводстве, но крутой его нрав и холодность породили много противников истинным его достоинствам, – словом, вступление нового министра в свою должность сопровождалось столь высоким о нем мнением и столь явным недоброжелательством, что ему также трудно было оправдать все ожидания публики, так и отразить ее нападения.

Справедливо предполагая, что избрание губернаторов заключает в себе особенную важность: ибо им вверяется благосостояние целого края, и что, сообразно с настоящим просвещением России, главою общества в губернии должен быть человек не только деловой, благонамеренный и умный, но и соединяющий с этими качествами светскую *представительность*, наконец, что без сего последнего условия даже при величайшей деятельности и познаниях губернатор не достигнет той цели, которая столь ясно изображена в мудром Наказе Императрицы Екатерины II²⁵, то есть: нравственного первенства государственного сановника в том кругу и на том поприще, где ему указано быть представителем высшей власти. Гофмейстер Перовский не назначает никого в сию должность без предварительного испытания, и мера сия со временем принесет хорошие плоды.

Все предметы, относящиеся до Министерства внутренних дел, обращают равное на себя внимание министра: мостовые; правильная продажа медикаментов в аптеках; уничтожение безменов и повсеместное введение весов; таксы, утверждаемые начальством и выставляемые для всеобщего сведения; устранение влияния полиции на площадную торговлю; наблюдение за правильностью продажи жизненных потребностей и примеры строгого взыскания с торговцев, виновных в злоупотреблении, – много способствуют к уменьшению зла и восстановлению порядка. Трудолюбие его и желание общей пользы простираются до того, что он лично посещал несколько раз Управу Благочиния; собственно по департаментам Министерства усилил быстроту делопроизводства; наконец, сей министр действиями своими обращает на себя общее внимание и сосредоточивает все надежды благомыслящих людей. Он правосуден, бескорыстен до высшей степени, и все его меры, все начинания отзываются общим благом.

Министерство финансов

Граф Канкрин с умом просвещенным и знанием своего дела соединяет еще и то редкое качество, что умеет избирать способных сотрудников. От того департаменты и кредитные установления Министерства финансов отличаются порядком делопроизводства и строгою отчетностью, а Казенные палаты, Горные правления и таможни благоустроеннее всех других губернских присутственных мест.

Публика порицает в графе Канкрине два главные недостатка: *упрямство и односторонность*. Предначертав за 20 лет пред сим план своего управления, он следует ему неуклонно и противится всякому нововведению, если оно не им предложено. Это пристрастие к началам, которые он однажды навсегда принял за основание своих действий, препятствует ему идти наравне с веком. Россия имела бы уже теперь в готовности 3 тысячи верст шоссейных путей, если бы граф Канкрин в 1839 году не отвергнул предложение варшавских и берлинских капиталистов, желавших принять на себя эту операцию. Нет сомнения, что он помешал бы и железной дороге между столицами, если бы Государь не произнес: «*да будет!*».

Не унижая достоинств графа Канкрина, публика рассуждает, что его система ожидает многих улучшений. Скудость финансов России не совместна с важностью ее значения: мы не можем обойтись без внешнего займа в случае войны и не имеем собственных достаточных способов для того, чтобы возвысить внутреннее наше благосостояние во время мира. Частный кредит наш заметно клонится к упадку; коммерческий – не вполне соответствует размерам нашей торговли и, если еще не ослабел наш государственный кредит, то этим Россия обязана не финансовой системе, но политическому своему весу. Несмотря на сие, в долголетнее управление Министерством финансов граф Канкрин приобрел уважение публики и доверенность торгового и промышленного сословий в России.

Но последний тариф произвел неумолкаемый ропот: в нем видят не косвенный, а уже прямой налог, ибо чрезмерно высокою пошлиной обложены не только предметы роскоши, но даже и самые обыкновенные необходимые потребности жизни. Подобная мера произведет такую контрабанду, что никакая стража не остановит ее; торговля встретит не только препятствие, но и самое потрясение, и потеря будет общая, а выигрыш на стороне одних контрабандистов.

Ныне, когда во всех государствах путешественники имеют повсюду свободный въезд и выезд, у нас даже сановники высшие, которые не могут и помышлять о контрабанде и имеют только при себе вещи, купленные для собственного употребления, останавливаются на заставах таможни по целым дням. Кроме всеобщего в высшей степени ропота полагают, что доход таможенный, ежели и увеличится в настоящее время, то это

возвышение дохода не будет продолжительно и, как сказано, даст только обильные выгоды контрабандистам.

Министерство государственных имуществ

Установленный Министерством государственных имуществ порядок управления казенными крестьянами, по общему мнению, мало приноровлен к их быту и требует бесчисленных усовершенствий*. Составленные для них на скорую руку Наказы, хотя и заключают в себе некоторые полезные правила; но между ними встречаются и такие, которые в частном применении своем не всегда удовлетворяют условиям местности и во многом противны нравам и духу русского народа.

При передаче государственных крестьян из ведения Казенных палат в управление палат Государственных имуществ недостатки, ошибки и даже злоупотребления прежней администрации обнажились пред новою во всей своей наготе. Казалось, что этот важный переворот произведет благие последствия; но ожидания не сбылись, и вместо существенных и необходимых улучшений крестьянского быта в нем произведено то пагубное брожение, которое неоднократно проявлялось даже в мятежах и бунтах.

Беспременная перемена управляющих палатами Государственных имуществ служит доказательством, что не многие из них признаются сведущими и полезными. Командируемые от Министерства для ревизии особые чиновники осматривают палаты и управления окружные, волостные и сельские, не стараясь вникать в положение и нужды крестьян.

Теперь остается решить: улучшилось ли их положение с учреждением над ними нового управления? Этот вопрос разрешили сами крестьяне. Беспокойства, возникшие в прошедшем году между ними в Олонецкой, Вятской, Пермской, Казанской и Московской губерниях, имели два главных повода: притеснение и поборы чиновников Государственных имуществ и желание остаться по-старому под ведением земской полиции, которая, если не более заботилась о благе крестьян, то, по крайней мере, не так дорого им стоила: ибо прежде целый уезд жертвовал для одного исправника и двух или трех заседателей, а ныне на счет крестьян живут десятки чиновников. Прежде правосудие или, точнее сказать, расправа шла скорее, а теперь жалоба обиженного крестьянина, пока достигнет (если достигнет) до палаты Государственных имуществ, должна пройти чрез три инстанции: сельское, волостное и окружное управления. Таковое мытарство не только тягостно и разорительно для крестьянина, но и отвлекает его от сельских работ и домоводства.

В предшествовавших отчетах сказано было, что нельзя судить обстоятельно о новом, столь обширном Министерстве и что должно выждать го-

* Так в тексте.

ды, чтобы видеть благотворные или неудачные оного последствия. Эти годы прошли, и теперь видно, что здесь все начато, но ничто не кончено, и потому Министерство государственных имуществ все еще кажется учреждением новым, как здание поспешно возведенное, но недостроенное.

Министерство юстиции

В общем Наказе министерствам²⁶ (в статье, относящейся собственно до предметов государственного хозяйства) заключается правило, которое могло бы послужить основанием и для действий каждого министра в особенности. По приблизительному смыслу этого правила, министру юстиции более надлежало бы пещись об устранении препятствий, заслоняющих правду, нежели о том, чтобы стоять на страже ведущего к ней пути. Граф Панин слишком стесняет круг своих обязанностей, полагая, что они заключаются в одном наблюдении форм и буквальном исполнении существующих законоположений. Если доводят до его сведения о неправильных действиях какой-либо судебной инстанции, он, не прекращая сих действий, отвечает, что рассмотрит дело, когда оно дойдет до него *«установленным порядком»*; приносят ли жалобу, что такой-то процесс решен вопреки всякой справедливости, он отвечает (особенно в тех случаях, когда тяжбы окончена Сенатом), что ничего не может сделать *«за силою последовавшего решения»*; сообщают ли ему, что под таким-то актом скрывается явный обман, он пишет, что акт *«облечен в законную форму»*. Словом, сколь бы ни очевидным было злоупотребление производивших дело или прикосновенных к оному лиц, – министр юстиции не внемлет нравственным убеждениям.

Публика полагает, что если власть министра юстиции по законам и ограничена, то он, как высшее докладывающее Императорскому Величеству лицо, всегда мог бы предоставлять на усмотрение Государя те дела, по которым закон не допускает изменений, но по которым справедливость и совесть обязывают его быть защитником истины, тем более что преимущество власти самодержавной заключается именно в том, что самодержавный Государь имеет возможность действовать по совести и в некоторых случаях даже обязан, отстраняя закон, вершить дело, как отец решает дела между детьми: ибо законы – создание ума человеческого, не могли и не могут предвидеть всех случаев и всех ухищрений сердца человеческого. Буквальным же применением существующих законов ко всем без исключения случаям часто подавляется истина и совершается самое очевидное неправосудие, тогда как намерение правительства и цель мудро законодательства состоит не в том, чтобы только соблюдались его уставы, но в том, чтобы при действии законов охраняема была строжайшая справедливость.

Судебные места вообще находятся в таком же положении, как они были в конце минувшего столетия. Новое поколение приказнослужителей не изменяет обычаям предков: та же продажность в судах; те же обветшалые формы делопроизводства многосложного, запутанного и темного, которое, утомляя внимание присутствующих, представляет удобство и простор ябеде и злоупотреблению. В низших инстанциях тяжёлые дела делятся целые годы; просители напрасно теряют время и деньги и не всегда доживают до окончания своих процессов, оставляя детям заботы вместо достояния. И не одни только апелляционные, но даже частные дела производятся по ведомству Министерства юстиции с такою же медленностью, особенно если сравнить это ведомство с другими. Так, например: представления в чины военных офицеров, восходя чрез инспекторский департамент Военного министерства, не позже как чрез месяц получают окончательное разрешение; представления же о производстве гражданских чиновников по герольдии Правительствующего Сената остаются без всякого движения по два и по три года, тогда как процесс делопроизводства по этому предмету и там и здесь один и тот же. Не менее многочисленны по судебным местам и другие злоупотребления. Дела, по коим нет *ходатайства*, остаются вовсе без производства или в бесполезной переписке делятся несколько лет, а при окончании решаются в пользу той стороны, которая *ходатайствовала*.

Но первый шаг к юридической реформе уже сделан. Теперь при соединении в стройный Свод отечественных законов²⁷ обновление судебных мест или, точнее сказать: общее коренное их преобразование становится возможным. По мнению людей благомыслящих, составление особого комитета, который бы начертал проект нового и сообразного с нынешним состоянием просвещения порядка производства дел, есть необходимость и ожидание целой России. Но это важное предприятие, как и все, что в широких размерах совершается для вековых польз нашего Отечества, не будет иметь успеха без личного настояния и неослабного действия державной воли Государя Императора.

Впрочем, лично насчет графа Панина отзывы совершенно в его пользу. Его признают человеком честным, трудолюбивым и в высшей степени бескорыстным и ему отдают полную справедливость, что правосудие в столице идет далеко лучше, нежели шло при его предшественниках.

Управление путей сообщения

О назначении генерал-адъютанта графа Клейнмихеля главноуправляющим путями сообщений и публичными зданиями вскоре после смерти графа Толя разнеслись слухи в публике как отголосок Высочайших намерений. Граф Клейнмихель до своего назначения уже собирал подробные об этой части сведения, в особенности о характеристике слу-

жащих в ней лиц, так что, вступив на новое поприще, ему оставалось только взглянуть на все своими глазами и поверить слухи собственным наблюдением. Распоряжаясь многими государственными сооружениями, граф Клейнмихель имел случай приобрести навыки и познания в технической части строительного искусства, а долголетняя опытность и природная сметливость при содействии таких даровитых сотрудников, каковы многие из генералов, штаб- и обер-офицеров сего корпуса, служат порукою, что часть, ему вверенная, процветет, как процветает и та часть, которою он прежде заведовал.

С самого вступления своего в настоящее звание граф Клейнмихель обратил особенное внимание на *способ производства работ; на состояние отчетности* управления; положил решительную преграду *хозяйственным* распоряжениям; учредил особый аудиториат, и видно, что намерен приступить к коренному изменению многих частей вверенного ему управления и что все эти части находились в чрезвычайном запущении. Здесь, к прискорбию, представляется случай сказать тоже, что неоднократно доводимо было до Высочайшего сведения изустно и в годовых отчетах о необходимости таковых преобразований.

При всей, однако же, настоятельности графа Клейнмихеля устроить вверенную ему часть и искоренить вкравшиеся в оную злоупотребления, он предвидел, что с подчиненными образованными меры фронтальной строгости не могут быть успешны: он избрал орудием взыскания *насмешку*. Большинство просвещенной публики сначала не одобряло его приказов, полагая, что они бросают нарекание на целое ведомство, в составе которого есть много людей истинно полезных и достойных; но это суждение умолкло, когда увидели, как все действия графа Клейнмихеля стремятся к общественной пользе. Наконец, все сословия верят в бескорыстие и чрезвычайную деятельность графа Клейнмихеля и предвещают, что часть водных и сухопутных сообщений, которая в прежние времена была в ужасном запущении и гнездом всех злоупотреблений, воскресает и воскреснет так, что его ведомство в короткое время будет образцовым.

Государственный Контроль

Из последнего отчета Государственного Контролера видно, что в 1841 году обревизовано счетов на сумму 2.254.159.372 руб. серебром; а неправильных расходов открыто только на 155.460 руб. серебром. За порядок, существующий многие годы в этом ведомстве, все отдают справедливость действительному тайному советнику Хитрово²⁸.

Министерство иностранных дел

Публика, могущая судить о делах только поверхностно, недовольна действиями Министерства Иностранных Дел. Она думает, что правительство

много утратило от прежнего своего сильного положения и того влияния, которое оно имело на дела света.

В высшем обществе с особенным удивлением и даже некоторою колкостию отзываются о том, что при последних событиях в Китае и присвоенных англичанами выгодах, угрожающих стеснением нашей торговле, — правительство наше остается равнодушным зрителем и не принимает никаких мер для успокоения встревоженного русского купечества. Здесь, однако же, должно заметить, что публика, к сожалению, никогда не вникает в возможность или невозможность такового рода дел.

Министерство военное

Армия, составляющая одну из важнейших частей государственного состава, постепенно подвигается к усовершенствованию. Стройности наших войск отдают полную справедливость, и утешительно слышать, что нравственная ее сила также сделала большие успехи: подчиненность нижних чинов к офицерам, равно офицеров к старшим начальникам не оставляет ничего желать, так что в истекшем году случаи неповиновения были чрезвычайно редки. Со всех концов государства получались также весьма удовлетворительные известия насчет спокойного и кроткого квартирования войск, расположенных по деревням и, ежели на этот счет были какие-либо жалобы, то это должно приписать единственно случайности и тому, что в столь огромном составе, в каком содержится армия, невозможно, чтобы там или тут не встретилось неисправности. Говорить о гвардии было бы излишне: в ней существует порядок примерный, и в прошедшем году не слышно было ни малейшего ропота.

При обзоре положения войск мысль невольно обращается к толкам насчет публичных работ в государстве. Люди благонамеренные, и в большом количестве, рассуждают, что войска в течение года без ущерба нужных по службе занятий могли бы посвящать некоторое время для публичных работ еще в большей степени, нежели ныне посвящают.

Военные поселения

Насчет военных поселений нельзя сказать столько же хорошего; цель их учреждения утрачена желанием начальства дать один токмо наружный блеск вверенной им части. Управление военного поселения зависит совершенно от произвола корпусного командира, который, заботясь о наружном виде поселения, не соображает ни рабочей поры, ни рабочей силы. В самое дорогое для посева время поселяне и их волю отвлекаются от полей и перевозят материалы для прихотливых строений или для пересадки деревьев из Черкасских лесов.

При таком произволе начальства не определена повинность крестьян! Поселянин работает в казну не три положенные дня, а столько,

сколько его заставляют, и иногда до тех пор, пока не падет последняя пара его волов. Хозяин пары волов выгоняется на работу с парюю, а тот, у кого две, три пары, с двумя, тремя парами. При распределении постояльцев начальство смотрит не на число поселян, а на их средства, и зажиточный хозяин наказывается за свое довольство, неся на себе тягость своих бедных собратий.

Вследствие таковых распоряжений в прошедшем году для 2-го корпуса к произведениям земли требовалось от казны овса и провианта на сумму до 2 миллионов рублей, тогда как почва Новороссии так изобильна и при ином управлении поселения ее должны бы были не только довольствовать расположенные в оных полки, но в случае неурожая быть запасною житницею для целого края.

Публика, мало-помалу ознакомясь с военными поселениями, делает вопрос: что они стоят государству, ежели принять в расчет: имения, которые без поселений давали бы доход; людей рот служащих инвалидов; временных рабочих рот; рабочего батальона, которые отвлекаются от прямых своих обязанностей и употребляются только для бесплодных работ; огромное количество волов и лошадей; жалование, которым пользуются все нестроевые офицеры, и проценты с тех огромных капиталов, которые употреблены на различные постройки и на возведение этих поселений?

Что же касается собственно до Военного министерства, то в публике называют оное *брегетовыми часами*: везде порядок и точность, и при сравнении этого министерства с тем, что оно было в прошедшие времена, нельзя не отдать полной справедливости князю Чернышеву, трудами и деятельностью коего военно-судная часть, продовольствие войск, одежда, вооружение – все усовершенствовалось.

Военно-учебные заведения

Нельзя не отдать благоговейной признательности Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу за постепенное усовершенствование этой важной части государственного состава. Публика и родители детей, его заботливости отданных, с некоторого времени более и более начинают выражать к нему свои чувства признательности. Общий голос утверждает, что военно-учебные заведения никогда не были в столь отличном положении, как ныне и, что всего важнее, часть нравственная подвинута вперед до неимоверной степени. Здесь также отдают справедливость помощнику его генералу Ростовцеву²⁹, одному из самых благонамеренных, благородных и просвещенных людей, которого в публике называют вторым Перовским (МВД) только в нежных формах. Ту же справедливость отдают директорам корпусов и школ, приписывая этот удачный выбор собственной прозорливости Его Императорского Высочества.

Министерство морское

Странно, что о Морском министерстве нет никакой молвы! Ничего не слышать, а глаз видит: флоты год от года усовершенствуются, довольство, тишина в этом министерстве примерны, и было бы большое счастье, если бы и о прочих министерствах также мало говорили: это служило бы доказательством скромного, правосудного и мудрого управления.

Министерство народного просвещения

Общие отголоски не в пользу этого министерства. Рассуждают, что блистательное оно состояние существует только на бумаге, в годовых отчетах; а на деле нет отличных профессоров и совершенный недостаток в учителях, так что из всех учебных заведений, сему министерству подведомственных, не появилось поныне ничего замечательного.

Управление духовных дел

Духовенство с некоторого времени ропщет на действия графа Протасова³⁰, но ропот сей не имеет никакого справедливого основания; напротив, граф Протасов водворил порядок в своем управлении, и дела получили в нем правильнейшее движение.

Департамент почтовый

Со времен незапамятных этот департамент имел своими начальниками и чиновников вполне благонамеренных и желающих пользы общей. Передача корреспонденций доведена в оном до той исправности, какая только возможна в столь обширном государстве и при нынешней почтовой системе. Но зато часть почтовой гоньбы, как видно из получаемых донесений, почти не существует. Вполне заслуживающие доверия отзываются, что часть сия не достигнет лучшего устройства, доколе не изменятся ее начала и доколе Главное почтовое управление будет ограничиваться только одними предписаниями, чтобы ямщики, лошади и повозки были исправны, ибо опыт доказал, что эти предписания, повторяемые в течение 50 лет, не принесли никакой существенной пользы.

Впрочем, должен сказать, что генерал-адъютант Адлерберг³¹ и тайный советник Прянишников³² неутомимо заботятся о вверенной им части и нет сомнения, что они, заметя истинный корень зла, истребят его.

Жандармы

В предшествовавшем отчете Его Императорское Величество изволил сделать замечание, что шеф жандармов никогда не излагает общего мнения о вверенном ему Корпусе. Хотя трудно говорить о себе и о своей части, но это замечание вынуждает преодолеть трудность и сказать, что народ любит жандармов; к ним прибегают всегда, как к последнему средству исцеления и часто исцеляются. В тех губерниях, где губернаторы не боятся контроля, жандармы хороши; другие считают их учреждением вред-

ным. Министры почти все против жандармов; но между тем все и часто благодарят шефа за получаемые от него известия, и почти нет ни одного министра, который не просил бы его уступить из жандармов того или другого чиновника во вверенное ему министерство. В высшем кругу мнение о жандармах различно: одни бранят их, другие хвалят; одни считают их вредными, другие, видя необходимость высшей полиции, признают их полезными и необходимыми и сознаются, что лучше видеть голубой мундир, нежели не знать, откуда то или другое дошло до сведения правительства.

Если есть лица, которые ропщут на управляющего III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал-майора Дубельта, то это должно приписать не ему, а месту, им занимаемому. На шефа жандармов не смеют роптать, и потому разглашают, что Дубельт дает произвольный тон своим докладам, тогда как всякое дело, заключающее в себе наималейшую важность, он не докладывает, а читает шефу, который произносит по оному собственное решение, без его на то влияния. То же было при его предшественниках фон Фоке и Мордвинове, то же будет при его преемниках, и шеф жандармов не умалчивает, что он вообще все более и более находит в Дубельте своего усердного помощника. Ему, генералам и штаб-офицерам Корпуса жандармов он обязан как исправностью дел III отделения, так и Корпуса жандармов.

Шеф жандармов не отвергает, что между штаб-офицерами вверенного ему Корпуса проявляются иногда и такие, которые в том или другом случае не вполне постигают прямой своей обязанности, но это, конечно, не от недостатка в усердии и благонамеренности, а единственно от недоумения, и он счастлив, по крайней мере, тем, что между его подчиненными нет примеров нечистых, корыстолюбивых дел.

Что же касается до самого шефа жандармов, то он прилагает всевозможное старание о приглашении во вверенный ему Корпус людей добрых и честных, – и, в случае неудачного выбора, сейчас удаляет от себя недостойных, как это и в прошедшем году несколько раз случилось. Главная же цель шефа жандармов состоит в том, чтобы смягчать, по возможности, все меры необходимой строгости так, чтобы она не только не производила ропота, но, напротив, считалась милостью по своей умеренности; а самая утишительная мысль его есть та, что люди благомыслящие не чувствуют действий высшей полиции, хотя все более или менее видят плоды ее существования.

Впрочем, самый верный и безошибочный суд публики о шефе жандармов будет в то время, когда его не станет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложив, таким образом, все добро и зло, существующее в обширном государстве нашем, остается заключить отчет этот выражением общего всей России голоса, что едва ли есть в Европе один государь, которому бы народ так верил, как Императору Российскому! Все доброе приписывают ему одному, все злое – его министрам и приближенным, которые якобы скрывают перед ним настоящее положение дел. Рассуждения всех классов людей и общие отголоски доказывают неоспоримо, что Его Величество любим всеми сословиями и что вера в Его правосудие непоколебима. «Твердость духа Государева, – говорят во всех концах России, – есть общее спасение. Им все держится, и все будет держаться, доколе Его сильная рука, которой Бог вручил бразды правления, не ослабнет, и если министры и правители областей будут представлять Ему дела в их настоящем цвете».

Граф Бенкендорф

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 7. Л. 131–224.

¹ Фридрих-Вильгельм IV.

² Фердинанд I, австрийский император (1835–1848).

³ Речь идет об Англо-китайской (опиумной войне) 1840–1842 гг. Поводом к столкновению послужило уничтожение китайским правительством большого запаса опиума, контрабандную торговлю которым вели англичане. В середине 1842 г. английские войска подошли к Нанкину; Китай капитулировал; был подписан договор, устанавливающий выгодные для английской торговли ввозные и вывозные пошлины, во владение Великобритании перешел Гонконг.

⁴ Американская компания – торговое объединение, учрежденное в 1799 г. в целях освоения территории Русской Америки и Курильских островов. Правление компании располагалось в Иркутске и Петербурге; ей предоставлялись в монопольное пользование все промыслы и полезные ископаемые на этих землях и право торговать с соседними странами. В Русской Америке был создан целый ряд постоянных поселений, построены верфи и мастерские; компания

организовала 25 экспедиций, производила исследовательские работы на Аляске, участвовала в заселении Сахалина и Приамурья. Ее деятельность серьезно осложнялась острой конкурентной борьбой с английскими и американскими предпринимателями, стремившимися овладеть местным рынком. Компания была ликвидирована в 1868 г. в связи с продажей русских владений США.

⁵ Дадли Стюарт, вероятно, Вен Чарльз Вильям (1778–1854), дипломат, член торийской оппозиции в парламенте. В 1837 г. побывал в Петербурге, по пути в Константинополь и далее на Восток.

⁶ Август Фредерик, герцог Суссекский (1773–1843), шестой сын английского короля Георга III. Отказался от всех наследственных прав, женившись в 1793 г. на католичке Августе Муррай. В палате лордов примыкал к оппозиционной партии, выступал за эмансипацию католиков, уничтожение невольничества, парламентскую реформу и т. д.

⁷ Вел. кн. Мария Александровна.

⁸ Великий герцог Гессен-Дармштадтский Людвиг II, правил в 1830–1848 гг.

⁹ Герцог Лейхтенбергский и вел. кн. Мария Николаевна жили, в основном, в своем имени Сергиевское, не принимая активного участия в придворной жизни. Вот что пишет об этом вел. кн. Ольга Николаевна: «Родители были обижены этим, они страдали от того, что Мэри точно отвернулась от семьи, но ведь они сделали все, что было в их силах, для ее счастья с Максом, Что Макс не чувствовал себя счастливым, они были невиновны... С каким восторгом приехал он в Россию! И тем не менее ему постоянно давали чувствовать, что он иностранец, его обременяли второстепенными постами или неприятными обязанностями» (Николай I. Муж. Отец. Император. С. 282).

¹⁰ О сватовстве баварского кронпринца, будущего короля Максимилиана II (1848–1864), великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: «В Шарлоттенбурге был завтрак с танцами, который запомнился мне потому, что котильон я танцевала с кронпринцем баварским Максом, племянником тети Элизы (кронпринцессы прусской). Там хотели, чтобы Макс женился на одной из нас. Подумали, конечно, сейчас же о Мэри. Но кронпринц, который нашел во мне сходство с владелицей старого замка Гогеншвангад, изображенной на одной фреске, сказал себе: эта или никто. Он постоянно рассказывал о преданиях своих гор, своих поэтах, своей семье, своем отце, который не понимает его, своей мечте о собственном доме, а также о том, какие надежды он возлагает на свою будущую супругу, – словом, только о том, что явно вертелось вокруг него самого. Я часто говорила невпопад, оттого что страшно скучала, не понимая, что это его манера ухаживать. Никто не решался при нем приглашать меня танцевать, чтобы не прерывать нашего разговора, что меня очень сердило. Уже ожидали официального объявления нашей помолвки. Только я одна в своем ребячестве ничего об этом не подзревала... Наконец, на помощь подоспела Мама. Она отвела Мэри и меня в сторону, объяснила намерения кронпринца Макса и рассмеялась громко, когда я в отчаянье зак-

ричала: «Нет, нет, нет!» (Там же. С. 252–253).

¹¹ Генрих де Бурбон, герцог Бордосский, граф де Шамбор.

¹² Григорий XVI.

¹³ Чайковский Михал (1808–1886), политический авантюрист, писатель. Участник Польского восстания (1830–1831), эмигрант, эмиссар польской аристократической партии на Балканах. Принял ислам (1850) и возглавил одно из подразделений «оттоманских казаков» во время Крымской войны. Получил амнистию (1872), перешел в православие и вернулся в Россию.

¹⁴ А.И. Чернышев.

¹⁵ М.С. Воронцов.

¹⁶ От лат. *emeritus* (заслуженный), специальная пенсия уволенным в отставку государственным служащим, пособие вдовам и сиротам из сумм эмеритальной кассы, средства которой составлялись из обязательных отчислений от жалованья государственных служащих.

¹⁷ Органический статут Королевства Польского 1832 г. – Конституционный статут, введенный после восстания вместо Конституции 1815 г. Упразднял существовавшие ранее элементы польской государственности (сейм, армию и т. п.), но сохранял ряд автономных учреждений (наместничество, Государственный совет и Совет управления при наместнике), которые по мере распространения на территории Царства Польского административных норм Российской империи постепенно ликвидировались.

¹⁸ Железная дорога Петербург–Москва (Николаевская) была введена в эксплуатацию в 1851 г. Общая протяженность – 649,7 км. Построена по проекту П.П. Мельникова, который отличался тщательной проработкой и внимательным выбором технических параметров. К началу эксплуатации на линию было поставлено 164 паровоза, 2669 вагонов. «Государь считал необходимым, – писал Н. Тальберг, – постройку железной дороги для преодоления столь огромных в России расстояний. Приходилось ему выслушивать разные возражения. Отрицательно

относился к этому вопросу главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями граф К. Толь... 1 февраля последовал Высочайший Указ о постройке на средства казны железной дороги между обеими столицами. Председателем Комитета, наблюдающим над постройкой, назначен наследник цесаревич. На место скончавшегося графа Толя назначен был граф П.А. Клейнмихель, известный своей исполнительностью и настойчивостью. Изыскания велись весь 1842 г. и частично 1843 г. Шоссе, соединяющее Петербург и Москву, шло через Новгород, Вышний Волочек, Торжок и Тверь. Мельников приготовил два плана. По одному – дорога придерживалась шоссе, по другому, – минуя помянутые города, шла по прямому направлению на Тверь. Получалось сокращение, представляющее выгоду для пассажиров и грузов. Государь, выслушав доклад, приказал вести дорогу прямо» (*Н. Тальберг*. Человек вполне русский. Т. I. С. 364–365).

¹⁹ Первый постоянный мост через Большую Неву. Построен в 1843–1850 гг. инженером С.В. Керbedзом и архитектором А.П. Брюлловым. Имел 7 пролетов, перекрытых ребристыми арочными пролетами и один – разводной у правого берега. Соединял Благовещенскую площадь с 7-й линией Васильевского острова. Назывался Благовещенским (1850–1855), затем Николаевским (до 1918 г.), в настоящее время – мост Лейтенанта Шмидта.

²⁰ Положение «Об устройстве военных нижних чинов и о пособии им при водворении в казенных селениях», утвержденное 16 апреля 1841 г., гласило, что бессрочноотпускные могут устраивать для себя особые усадьбы и хозяйства, получают для этого места, лес, единовременное пособие, а по старости определяются в богоугодные заведения с назначением пенсии.

²¹ Согласно Манифесту «О замене общих в государстве рекрутских наборов частными, ежегодно в одной половине государства, и о производстве в сем году первого набора в Южной полосе» в мирное время общие рекрутские наборы отменялись; го-

сударство делилось на Южную и Северную полосы, между губерниями которых устанавливалась очередь по исполнению рекрутской повинности (см. также Отчет за 1834 г.).

²² Иринарх (Попов Яков Дмитриевич) (1790–1877), архиепископ рязанский. Окончил Петербургскую духовную академию, преподавал в орловской семинарии, принял постриг (1817). Состоял при российских миссиях в Риме и Флоренции (1820-е гг.); находился в Греции (1831–1835). Епископ рижский (1836–1841), переведен в воронежскую епархию (1841); епископ вологодский (1842–1844), кишиневский (с 1844 г.), рязанский (1866). В 1867 году уволен на покой в монастырь.

²³ Указ 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах явился результатом работы Секретного Комитета по крестьянскому делу, учрежденного в 1839 г. для видоизменения закона о вольных хлебопашцах (20 февраля 1803 г.). По Указу 1842 г. право помещиков действовать на основании закона о вольных хлебопашцах сохранялось. Одновременно помещики получали возможность заключать с крестьянами договоры о передаче им участков земли в пользование за исполнение повинностей. В указе были намечены правила для составления подобных договоров. Крестьянам предоставлялась личная свобода; помещики могли учреждать вотчинное управление. Никакой фиксации обязанностей крестьян, размеров наделов и ограничения вотчинной власти помещиков Указ не предусматривал. Практического значения не имел. До 1855 г. на вольное состояние было переведено всего 24 тысячи крестьян.

²⁴ По Указу о вольных хлебопашцах от 20 февраля 1803 г. помещики получили право освобождать крестьян как поодиночке, так и целыми селениями с обязательным наделением их землей. Крестьяне при этом должны были заплатить выкуп или обязывались исполнять повинности в пользу помещика. При невыполнении обязательств крестьяне возвращались в крепостное со-

стояние. В царствование Александра I таким образом было освобождено 47 153 человека. С 1848 г. «вольные хлебопашцы» стали именоваться государственными крестьянами.

²⁵ Имеется в виду Указ 21 апреля 1764 г. – «Наставление губернаторам», в котором сказано, что губернатор есть «глава и хозяин всей врученной его смотрению губернии».

²⁶ «Под Наказами или инструкциями разумеются у нас законы, определяющие порядок деятельности тех или других органов управления. Таков – общий Наказ министерствам (Учреждение министерств 25 июня 1811 г.), устанавливающий пределы и степень власти министров, отношения их к высшим государственным установлениям, их ответственность и проч.» («Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона». СПб., 1897. Т. Хха. С. 484).

²⁷ Свод законов 1842 г. – собрание действующих законодательных актов. Состоял из 15 томов, сгруппированных по тематическому признаку. В свод не входили военные и военно-морские законы. Первый подобный свод опубликован в 1832 г., следующий – в 1857 г. Между изданиями выходили ежегодные продолжения с указанием на упраздненные и измененные статьи. От «Полного собрания законов Российской Империи» отличался тем, что включал только действовавшие законы.

²⁸ А.З. Хитрово был государственным контролером с 1827 г.

²⁹ Ростовцев Яков Иванович (1803–1860), граф, генерал от инфантерии, член Государственного совета. С 1835 г. являлся начальником штаба по военно-учебным заведениям, с 1849 – их главным начальником. С 1857 г. – член Секретного комитета по крестьянскому делу, в 1859 году был председателем Редакционных комиссий.

³⁰ Н.А. Протасов, обер-прокурор Синода.

³¹ Адлерберг Владимир Федорович (1791–1884), граф, генерал-адъютант. С 1817 г. – адъютант великого князя Николая Павловича, ближайший друг Николая I в течение всего царствования. Главнначальствующий Почтовым департаментом (1842–1857), при нем в России были введены почтовые марки. Министр Императорского двора и уделов (1852–1857).

³² Прянишников Федор Иванович (1793–1867), действительный тайный советник, член Государственного Совета. С 1824 г. служил по почтовому ведомству, был командирован в Англию (1827) для изучения постановления почтового дела. Директор Почтового департамента (1841–1854), ушел в отставку (1857), снова главнначальствующий Почтовым департаментом (1857–1863).

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ за 1843 год*

ДЕЛА ВНЕШНИЕ

Сведения, полученные в течение 1843 года из-за границы, и вообще наблюдение политического характера сопредельных с нами государств свидетельствуют о том, что в Австрии и Пруссии народ, особенно в сей последней, таит неприязненное чувство к России, хотя правительства их и стараются в глазах света показывать к нам доброе расположение. Причиною этой ненависти есть германский либерализм, который смотрит на Россию как на главную в Европе представительницу самодержавия.

Отсюда проистекают в Германии превратные заключения о России. Немцы вообще не верят искренности нашей политики и каждое наше движение почитают стремлением к преобладанию.

Оппозиционные журналы поддерживают и распространяют подобные мнения в публике и даже приписывают влиянию Государя внезапную перемену, замечаемую в характере царствующего короля Прусского¹, который в последнее время совершенно утратил свою блестящую народность.

В течение минувшего года парижская журналистика, к немалому удивлению, в сравнении с предшествующими годами, хранила глубокое молчание о России, обезоруженная презрением, которым мы отвечали на ее нападения. Но, с другой стороны, это молчание приписывают тому, что все внимание Франции обращено было на укрепления Парижа, на войну в Алжире², на Маркизские острова, на Испанию³, Ирландию⁴ и на предметы личных совещаний королевы Виктории с Людовиком-Филиппом⁵.

Заключенный в конце декабря 1842 года между Государем Императором и королевою Великобританскою трактат о мореплавании, имеющий целью распространить, усилить и утвердить торговые сношения подданных обоих государств, почитается вообще зрело обдуманым в пользу России. В Англии этот трактат не избегнул осуждения партии недовольных, которые в каждом распоряжении правительства видят нарушение прав народных.

* Перед текстом помета: «Его Величество изволил читать».

Сочинения о России

Из различных сочинений в 1843 году о России наиболее обратила на себя внимание книга маркиза Кюстина *La Russie en 1839*⁶. Она произвела всеобщее негодование и самое лучшее впечатление на тех, которые имели случай читать эту дерзкую клевету. Два опровержения на сочинение Кюстина уже вышли в свет⁷, одно еще выйdet. Но самым беспристрастным изобличителем наглой клеветы Кюстина будет его соотечественник Оже (Auger)⁸, природный француз, который с 1814 до 1817 года находился в русской службе. Движимый благодарностью к гостеприимной России, он печатает свое путешествие и в нем на каждом шагу опровергает Кюстина.

Польские выходцы и Царство Польское

В польской эмиграции заметны с некоторого времени необыкновенная деятельность и особенное стремление к систематическому образу действий. Известно, что толпы мятежников, после покорения Варшавы бежавшие за границу, разделились сначала на многие отрасли, из коих каждая старалась приобрести первенство в деле народной польской самобытности. От такого разделения и непрерывных распрей эмиграция при крайней скудности своих способов находится ныне в состоянии безначалия, которое было поводом уничтожения в прошедшем году так называемой партии соединения (Partyi Zjednoczenia), самой значительной по числу своих членов. После упадка этой партии силы эмиграции сосредоточились в двух других партиях, именуемых Польским Демократическим Обществом и Партией Династической, в главе которой состоит Адам Чарторижский, получивший полномочие (30 сентября 1832 года) от польских обществ, находившихся тогда в Берже, Безансоне, Салине, Лонле-сонье и Пюи. Убедившись долговременным опытом, как много вредит предприятиям польских выходцев междоусобие партий, и видя, что одно токмо единомыслие эмиграции и дружное стремление всех ее членов к предположенной цели может снискать им некоторое доверие в отечестве и у иностранцев, Чарторижский употребляет теперь все усилия, дабы соединить под свое знамя как можно более выходцев; создать род верховного правления и сделаться самовластным распорядителем политических действий эмиграции повсеместно. Этим способом он надеется:

1) приобрести доверие и расположение правительств, недоброжелательствующих России, и, если можно, склонить их к содействию для восстановления польской независимости;

2) открыть себе кредит если не у правительств, то, по крайней мере, у банкиров, спекулирующих* на тайные политические волнения в Европе; и

* Здесь – «рассчитывающих». (Прим. публ.)

3) произвести повсеместное восстание в Царстве и в возвращенных от Польши провинциях и руководствовать оным по своему произволу.

С этою целью Чарторижский обратил особенное внимание свое на дела Востока и послал в Турцию агентов, дабы ближайшим образом разведать о тамошних событиях, о видах и намерениях в отношении к Турции соседственных с нею держав и, наконец, о современном расположении, образе мыслей и материальных силах славянских племен, находящихся под владычеством Турции. Из полученных сведений Чарторижский заключает, что Турция недолго будет существовать как независимое государство, что виды держав, благорасположенных к Польше (Франции и Англии), совершенно противны видам держав, ей неприязненных (России и Австрии), и что славянские народы, подведомственные Турции, враждебные ей как разноверцы, дружат полякам как соплеменники и ожидают только каких-либо важных переворотов, чтобы провозгласить свою и польскую независимость. Этим-то колебанием умов и сомнительным положением славян Чарторижский намеревается воспользоваться, полагая, что восстание их неминуемо отзовется в Польше; а потому, чрез посредство своих агентов, питает в них воинственное стремление, выжидая слушая обратить искру в пламень.

Утвердившись в этом мнении и зная, что число недовольных в Турции простирается до двенадцати миллионов, Чарторижский пронырствует, чтобы уничтожить влияние России и Австрии на турецких славян и приготовить их так, чтобы они могли составить авангард против России, если бы она вторгнулась в пределы Турции, тогда как в тылу ее возникло бы польское восстание.

Между тем Чарторижский употребляет все старания, дабы сблизиться с кабинетами: французским и великобританским. Тайные агенты наши в Париже доносят, что он находится в бесперывных сношениях с французскими министрами, пользуется их расположением, часто у них бывает и сам получает от них посещения. Равным образом и английское правительство не вовсе еще охладело к полякам, что доказывается произнесенною Робертом Пилем⁹ речью в защиту их независимости.

Для исполнения своих политических планов Чарторижский предполагает сделать большой заем. До сего времени он и эмигранты существуют на счет денег, собираемых по подписке французскими католическими священниками, и сумм (довольно значительных), ежегодно присылаемых из Англии некоторыми лицами, кои обязались снабжать Чарторижского деньгами на польское дело, а именно: Бомоном¹⁰, Русселем¹¹, Дудлей-Стюартом и недавно умершим герцогом Суссекским. Кроме того, чрез содействие лазаристов¹² Чарторижский собирает с французских филантропов деньги в пользу поселившейся близ Константинополя колонии поляков¹³, выкупленных из плена у черкесов и курдов, и, таким образом, исподволь

и понемногу готовит копейку про черный день. Политическим замыслом Чарторижского способствует также некто Рессинг – коммерческий агент французских и немецких банкиров, спекулирующих на политические потрясения в Европе. Это тот самый, который сделал значительную денежную ссуду дону Карлосу¹⁴ и дону Педро¹⁵ на произведение волнений в Испании и Португалии. Подобные спекулянты не заботятся: успешны или неудачны будут эти волнения, им нужно только знать о том заранее, чтобы уронить или возвысить курс бумаг как той державы, в которой предполагается возмущение, так и союзных с нею государств. Применяясь к обстоятельствам, они скупают или продают эти бумаги и всегда с барышом выручают данную ими заимообразно сумму.

Для приготовления элементов к восстанию в Царстве Польском Чарторижский предположил: обеспечить денежные свои способы к открытию революционных действий и по составлении нужных капиталов начать заговор в Польше между мелкою шляхтою и служителями помещиков как-то: экономами, писарями и т. п. Заговор этот начать за два или за три месяца до восстания в том предположении, что всякий долго таящийся политический умысел слабеет или бывает открыт до начала восстания.

Между тем Чарторижский все усилия употребляет, дабы 1) приобрести расположение эмиграции, 2) развивать в Царстве Польском, в Познани и Галиции идею о восстании и о династии, 3) привлечь на свою сторону умы значительнейших помещиков в разных местах Польши и распространить свое влияние на Востоке и, в особенности, между тамошними славянами. С сею последнею целью Чарторижский отправил своих эмиссаров к Дунайским казакам, в Константинополь и в Булгарию.

Непонятное снисхождение прусского правительства к распространяющемуся в королевстве духу либерализма также подает мечтателям некоторые надежды. Познанские поляки, не довольствуясь милостями короля Фридриха-Вильгельма IV, действуют в смысле эмиграционной пропаганды, проповедуемой в Познани возвращающимися с позволения прусского правительства выходцами польскими из Франции, Англии и Бельгии, в числе коих находятся даже многие эмиссары под разными вымышленными именами. В ноябре месяце, в день воспоминания Варшавского бунта, в Познани в литографии Курнатовского собрались все законенные революционеры и положили учредить в княжестве особую комиссию для сношений с эмиграцией и с польскими провинциями.

Усилия Чарторижского привлечь на свою сторону большинство эмиграции остались не без успеха. Поверенный его, Нарсис Олизар¹⁶, успел разными пронырствами почти повсеместно восстановить прежнее влияние Чарторижского на соотечественников, учредил открытый союз под названием «Unsurrection Monarchique» и привез Чарторижскому из многих

мест письменное полномочие – действовать в защиту польской независимости по своему усмотрению.

Кроме Династической партии, во главе которой находится Чарторижский, некоторые из упорнейших мятежников не перестают издавать к польскому народу прокламации, заключающие в себе самые наглые клеветы на русское правительство, угнетающее будто бы жителей и католицизм в Царстве Польском. Христиан Островский в речи, произнесенной 17/29 ноября минувшего года в собрании парижских эмигрантов, резкими чертами изображает быстрое возрастание сил России и предсказывает скорое порабощение всей Европы русскому владычеству. Замечательно, что польские выходцы, видя безуспешность употребляемых ими усилий возбудить участие правительств и народов изображением своих бедствий, изменили в последнее время устаревшую методу воззваний и ныне стараются поселить в европейских державах опасение насчет собственной их независимости, которой, по словам их, угрожает год от года распространяющееся влияние России и стремление ее к преобладанию. Произнесенная в английском парламенте Робертом Пилем речь в защиту польской национальности возбудила надежды эмиграции: она ожидала со стороны Англии какого-либо явного и сильного ходатайства о восстановлении в Польше прежнего порядка вещей; а командовавший во время революции мятежническими войсками Рыбинский¹⁷ представил английской Палате депутатов адрес, в котором, объясняя, что Россия и Австрия в отношении к польской нации действуют в явное нарушение Венского трактата 1815 года¹⁸, ходатайствовал о заступлении; но эта выходка не имела никакого действия и возбудила только полемику со стороны соотечественников Рыбинского, которые отвергали права его на звание представителя польского народа.

Российский поверенный в делах в Париже сообщил о намерении приверженцев Чарторижского выслать в Польшу эмиссара с паспортом умершего во Франции надворного советника Теплякова. Немедленно приняты были надлежащие меры о задержании на границе того, который появится с таким паспортом; но донныне никто еще не являлся. После того в конце 1843 года получено из Швейцарии известие, что три поляка: Изиковский, под именем Брауна, Яблонский, под именем Бродбека, и Зилинский уже отправились в С.-Петербург с намерением в высшей степени преступным; что они должны прибыть сюда к 6-му января и что их сходбище назначено в доме Ларета. Это известие возбудило бдительность высшей полиции, и приняты деятельные меры к задержанию злоумышленников в случае их появления.

Все усилия Чарторижского и его клеветов к возбуждению в поляках упавшего революционного духа не имеют, по-видимому, сильного влияния на жителей Царства Польского. Или не доверяя благонадежности предпринимаемых мер, или опасаясь уронить себя в глазах правительства, поляки смотрят издали, без явного участия, на волнения эмиграции, и ни в действи-

ях их, ни в образе мыслей не проявляется никаких враждебных замыслов. В Варшаве с некоторого времени замечается общее религиозное направление. Все изданные в последнее время сочинения на польском языке носят на себе отпечаток преобладания пиетизма; многие знатные обою пола лица, известные со стороны небрежного исполнения обрядов веры, явно изменили свое поведение: они стекаются в церквах, посещаемых прежде одними простолюдинами, усердно слушают своих проповедников и по наружности тщательно исполняют все обряды католического исповедания. Христианское милосердие составляет главный предмет их занятий: они собирают бедных, раздают им пищу и даже сами им прислуживают. С достоверностью можно сказать, что, не смея явно обнаружить духа оппозиции настоящему правительству, они предались религиозным занятиям, скрывая, может быть, под личиною набожности живое чувство патриотизма.

Князь Варшавский¹⁹ и тайный советник Туркул²⁰

Между тем в принимаемых правительством нашим мерах к внутреннему устройству края так называемые патриоты видят посягательство на их народную самостоятельность, о которой не перестают мечтать как о событии возможном. И если эти меры доселе не встречали явного противодействия, но приводились в исполнение почти незаметно, то этим правительством обязано князю Варшавскому, который в течение 12-летнего наместничества в Царстве Польском успел снискать всеобщее к себе уважение. Жители всех состояний имели неоднократно случаи убедиться в правоте его действий, в прекрасных свойствах его сердца и во всегдашней готовности быть полезным всем и каждому.

В этом отношении большую заслуживает похвалу и другой проводник Монаршей воли к польскому народу – министр статс-секретарь Царства тайный советник Туркул. Хотя поляк родом, он искренно привержен к нашему правительству, будучи, так сказать, очевидцем всех благих его распоряжений в отношении к Царству Польскому и твердо веруя, что родина его только под охраною Российской державы может наслаждаться своим политическим благосостоянием. Туркул в особенности предан особе Государя Императора, которого он считает личным своим благодетелем. Трудно было бы сделать лучший выбор: с просвещенным умом и светскою образованностью тайный советник Туркул соединяет еще совершенное познание внутреннего состояния Царства, потребностей оно и духа его жителей, а потому, легко соображая нужды этого края с видами нашего правительства, он на настоящем месте приносит службе несомненную пользу. В частые поездки свои в Варшаву он имеет возможность лично совещаться с главными властями по всем важнейшим делам, восходящим чрез него на Высочайшее утверждение и, как природный поляк, пользуясь доверенностью и уважением соотечественников, много способствует той

спокойной покорности, с которою поляки принимают и исполняют все распоряжения правительства.

Ежегодные поездки Государя в Варшаву также делают весьма хорошее влияние на все Царство Польское. Самолюбие поляков видит в этих частых посещениях любовь к ним Царя, и, конечно, никто не мог этого лучше заметить, как сам Государь, всегда встречая на их лицах чрезвычайную радость.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ

Наблюдения общие

Если бы Император Петр I посмотрел теперь на Россию, вызванную им из состояния дикого невежества, и на столицу, которой основание положил он на зыбком болоте, то не узнал бы своих созданий: ибо успехи вкуса и просвещения равно отразились на граните и на людях. Сколько нужно было усилий его преемникам, чтобы преобразить эту страну и развить начала ее величия! Мы, современники царствующего Государя, в течение 18-ти лет видим необъятные труды Его: усовершенствование законодательства; устройство различных частей государственного управления; поощрение наук, искусств, художеств и промышленной деятельности; воспитание юношества; образование войск; усиление флота; распространение внутренних сообщений, шоссе, железных дорог; устройство городов; сооружение крепостей, публичных зданий и памятников славы народной – на все обратил Он свое животворное внимание!

Одним из замечательнейших явлений в минувшем году было новое издание Свода законов Российской империи. Этот обширный и полезный труд окончен под непосредственным личным наблюдением Его Величества. Вслед за тем по Высочайшему повелению приступлено к собранию и приведению в совершенную ясность всех древних постановлений, которые на основании особых прав, в разное время дарованных Малороссийскому краю, сохраняют в нем силу и действие. Все сии постановления, без всякого в точном их содержании и разуме изменения, будут помещены в общем Своде законов империи при новом издании.

Для вящего успеха своих предначертаний и с этим истинно царским стремлением – поставить Россию на той нравственно-политической высоте, которая соответствовала бы громадным размерам ее материальных сил и пространства, Государь разделяет великие труды свои с членами своего Августейшего семейства. Главному начальству Великого Князя Михаила Павловича подчинены военно-учебные заведения, которые доставили уже армии по всем родам оружия офицеров усердных, нравственных, образованных и способных. Царскосельский Лицей, с наименованием его Александровским в память незабвенного основателя, поступил в минувшем году под на-

чальство Его Светлости Принца Ольденбургского; Ее Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Николаевна изволила пожертвовать значительный капитал на учреждение в Царском Селе училища для дочерей священнослужителей православного исповедания. Это событие составит эпоху в истории русского духовенства как первое благодетельное начало к приличному воспитанию дочерей наших священников, которые доселе по недостатку средств оставались без всякого образования. Герцог Лейхтенбергский с Высочайшего соизволения принял на себя новые обязанности по званиям председателя Императорской Академии художеств и члена комиссии о построении Исакиевского собора; а наследник престола²¹, спешествуя своему державному родителю, продолжает участвовать в делах государственных – действие, на которое все подданные взирают с благоговейною признательностью, тем более что видят в этом единственный, изумительный пример в истории, чтобы царствующий Государь с такою заботливостью обращал внимание на счастье своей державы и за пределы своего царствования и в такой степени приготавливал и приучал к великому труду своего наследника.

Торговля и всегдашние спутники ее в кругу промышленной деятельности – улучшение существующих средств сообщения и учреждение новых – каждый год могут похвалиться каким-либо важным успехом. В этом отношении не отстал и минувший 1843 год от предыдущих. Между многими улучшениями на поприще отечественной промышленности нельзя не упомянуть о распространении пароходства по Волге, несущей на север произведения низовых губерний²², и об учреждении на Черном море новой линии пароходных сообщений с Константинополем, обещающей значительные выгоды внешней торговле нашей и облегчающей сношения между южной Россией и всеми берегами Средиземного моря.

Многие весьма полезные учреждения и предприятия частные представили в минувшем году весьма удовлетворительные результаты своих действий: Императорское Вольное Экономическое Общество²³ всеми зависящими от него средствами способствовало распространению полезных сведений по сельскому хозяйству и народной промышленности. Общество поощрения художников²⁴ старалось поддерживать их, сообразуясь с предоставленными ему способами и строго наблюдая за правильным и полезным употреблением состоявших в его распоряжении сумм. Общество освещения газом С.-Петербурга²⁵ заметно расширило круг своих действий; по всеподданнейшему докладу министра государственных имуществ, в южных губерниях учреждено училище шелководов для приуготовления людей с практическими по разным отраслям шелководства сведениями; Общество для страхования пожизненных доходов и капиталов к 1 января 1843 года считало уже у себя до 4 миллионов руб. серебром, при всей несоразмерности числа застрахователей с народонаселением

России, что, без сомнения, происходит от того, что наибольшая часть наших соотечественников или вовсе не знает о существовании и настоящей цели сего общества, или имеет о нем самое поверхностное понятие. Успехи частной золотопромышленности были весьма значительны: по доставленным сведениям, в одной Восточной Сибири с открытия работ на приисках по 1 июля 1843 года вынута уже было из земли более 366 пудов золота. Состояние тонкорунного овцеводства в России было также удовлетворительно. Вообще все сии отрасли государственного хозяйства получили в минувшем году значительное развитие, и только 2-е Российское Страхование от огня Общество²⁶ понесло огромный ущерб, заплатив в разных местах за пожарные случаи 716 994 руб. серебром. При всей великости таковых потерь в них же заключается и отрадная надежда, что невежественное «авось», или привычка русских оставлять на произвол случая свое имущество, наконец, исчезнет и число новых застрахователей с избытком вознаградит понесенные Обществом потери.

В минувшем году почти все члены Императорской фамилии совершили путешествия в разные места Европы. Нам, русским, с достоверностью известно, что путешествия сии предприняты были для свидания с Августейшими родственниками, для пользования минеральными водами или для удовольствия и любознательности; но заграничные публицисты подозревали в этом движении Царской фамилии какую-то особенную политическую цель, которую, однако же, разгадать не могли при всех своих усилиях.

Во время обратного следования Государя Императора из Берлина в Варшаву в г. Познани сделан был выстрел в один из сопровождавших Его Величество экипажей²⁷. Слухи об этом происшествии проникли в Россию и быстро распространились в народе; все с душевным соболезнованием помышляли об опасности, угрожавшей драгоценной жизни Монарха и негодовали на прусское правительство, которое по наружности сохраняет дружеские к нам отношения, а между тем в тайне как будто потворствует подобному злодейству. Говорили также, что Государь, по свойственным Его Величеству неустрашимости и великодушию, просил прусского короля о прекращении предпринятых розысканий.

Радость верноподданных Его Императорского Величества при известии о благополучном прибытии Его в пределы России была невыразима. Стечение богомольцев в церквах обеих столиц было неизмеримо: все спешили воздать Господу Богу благодарение за счастливое избавление Государя от угрожавшей Ему опасности, и здесь-то проявились чувства глубокой преданности и пламенной любви к Нему русского народа!

«Пусти нас, Государь, на Познань, – говорили все, – камня на камне не оставим!».

Первый день нового 1843 года ознаменован был редким по своей случайности и единственным по своему празднованию торжеством. В этот день

исполнилось пятидесятилетие службы генерал-адъютантов князей Волконского²⁸ и Васильчикова²⁹. Оба сановника удостоились личного посещения Государя императора и Великих Князей и осыпаны благоволением и щедротами высокого ценителя знаменитых заслуг их Отечеству. Смело можно сказать, что нигде нельзя найти примера такого искреннего, душевного выражения милости монаршей к верным подданным, старым слугам на поприще военном и гражданском, как в России, и нигде выражение это не встречает такого сильного отголоска в душах всех тех, которые удостоились быть его свидетелями. К сожалению, в истекшем году Россия понесла весьма важную потерю двух заслуженных сынов своих – генерал-фельдмаршала князя Витгенштейна³⁰ и генерала от кавалерии графа Орлова-Денисова³¹.

Кавказ

В старину жители Закавказского края не столько из боязни русского оружия, сколько из уважения к русскому правосудию с покорностью исполняли все распоряжения поставляемых над ними правительством нашим властей, выбор которых был тогда вообще довольно удачен. Впоследствии времени народ охладел в своем доверии к правительству, видя в главных представителях одного или жестокое самоуправство, или сонливое бездействие, в второстепенных лицах – неспособность, а в низших чиновниках – безнаказанных злоупотребителей.

Неожиданное появление Государя Императора в этом крае воскресило надежды его жителей на лучшую будущность; а за исполнение этих надежд ручалось прибытие туда сенатора барона Гана³² для улучшения административной системы в Закавказских провинциях. Это улучшение в видах действительной потребности и существенных польз народа должно было коснуться только обрядов правосудия и облегчить к нему доступ, без изменения коренных условий и местных обычаев. Барон Ган увлекся заманчивостью своих утопий и впал в ошибку: начертанное им Положение 1840-го года оказалось совершенно неудобно в своем применении³³. Жители, обманутые в своих надеждах, сначала упали духом; но когда увидели, изучая новое Положение, что этот закон уничтожает заветные права агаларов над людьми, им подвластными, и лишает их других усвоенных им нравами и обычаями преимуществ, то недоверчивость к правительству снова запала им в душу, и это всеобщее негодование, без сомнения, разразилось бы в мятежах и смутах, если бы князь Чернышев личным присутствием не успел успокоить волнения жителей³⁴. В этом новом послании к ним одного из высших государственных сановников они увидели залог отеческой заботливости Государя Императора об их благоустройстве; а принятые тогда же князем Чернышевым меры к облегчению судебного разбирательства и многие другие, сделанные им распоряжения, восстановили доверие их к правительству.

Военные действия на Кавказе в последнее время стоили нам больших потерь. Бесперывные стычки с отважным предводителем горских племен Шамилем³⁵ и быстрота внезапных нападений его на наши отряды и укрепления проявили в нем опасного врага. По имеющимся сведениям, Шамиль готовится кавардинцев к восстанию, старается подвигнуть против нас жителей Аварии и соседственное с Кахетией лезгинское племя дидойцев, распространяя между тем влияние свое на юг Кавказа.

Общее мнение чрезвычайно обвиняет в этих неудачах мелочный характер генерал-адъютанта Нейдгардта³⁶ и, приписывая ему все дурное на Кавказе, полагает, что вообще дела того края дурно кончатся, ежели правительство к восстановлению оных не примет самых усиленных мер.

Финляндия

Финляндия, напротив, представляет нам прекрасную картину, которая может служить утешением попечительному сердцу Монарха. Шеф жандармов³⁷ во время поездки в Финляндию в прошедшем году был очевидным свидетелем счастья той страны и преданности оной к нашему правительству: начальство там довольно народом, народ – начальством, всюду ощущаемо правосудие, видна попечительность – то и другое может служить лучшим доказательством, что преданность побежденного народа к завоевателю может быть стяжаема лишь тогда только, когда управляют им кротко и правосудно, не тревожат его привычек и древних обычаев и не выказывают стремления к нововведениям – достоинства, которыми князь Меншиков³⁸ обладает в высшей степени.

Обязанные крестьяне

Высочайший Указ 2 апреля 1842 года об учреждении в России сословия обязанных крестьян до сей поры остается еще предметом различных толков и суждений; но взгляд дворянства на этот важный предмет заметно изменился и сделался, кажется, совершенно благоприятным благодетельной Его Императорского Величества цели.

Главным опасением помещиков было то, что со временем, прямо или косвенно, все они будут вынуждены сделать своих крестьян обязанными. Известная нерадивость, даже к собственным своим пользам, крестьян наших, привыкших все делать на авось и кое-как; совершенное отсутствие в них чувства исполнения своих обязанностей, составляющего удел одной образованности; невозможность земской полиции, даже благонамеренной и деятельной, удержать общий порядок при размножении в государстве обязанных крестьян – заставили помещиков, может быть, справедливо, опасаться, что с обращением их крестьян в обязанные они почти лишатся своих имений. Первый пример, данный в прошедшем году графом Воронцовым увольнением в обязанные крестьяне Мурунской его волости, про-

Граф Сергей Семенович Уваров

извел совсем не то впечатление, которого бы можно было ожидать. Общий голос говорит, что графу Воронцову, как одному из богатейших русских владельцев, ничего не стоило исключить 500 душ из огромной массы крестьян своих для того, чтобы, с одной стороны, сделать угодное Государю, а с другой – произвести государственный опыт, который, однако ж, по малости своего объема и обращению на него особенного внимания земской полиции может быть обманчив. Милостивый же Его Императорского Величества на имя графа Рескрипт еще более встревожил помещиков, будучи ими принят за косвенное изъявление Высочайшей воли на то, чтобы и другие последовали этому примеру. Здесь, в утешение помещиков, явилось даже несчастное положение русского дворянства, состоящее в том, что большая часть помещичьих имений заложена в казну и что это, по самому существу кредитных постановлений и по смыслу Указа о крестьянах обязанных, помешает исполнению меры. Впоследствии это волнение утихло. Помещики увидели, что правительство, предложив им сию меру не в виде обязанности, а в качестве права, не настаивает о непременном ее исполнении, и чистая, благодетельная мысль Его Величества о возможности освобождения в России помещичьих крестьян при благоприятных обстоятельствах проявилась во всем своем блеске. Теперь это нововведение считается уже удобоисполнимым, полезным и государ-

ственно важным, но требующим времени, большего развития образованности, улучшения нравственного и хозяйственного быта крестьян или особых случаев принорования.

В этом последнем отношении весьма замечателен проект одного сибирского старожила, отставного обер-бергмейстера Порецкого. Ему пришла мысль приноровить Высочайший Указ 2 апреля 1842 года к населению обязанными крестьянами Сибири и привести тем в порядок и лучшее развитие сельскую промышленность и разработку золотоносных песков.

Сочинитель проекта представляет сначала в кратком, но ясном изложении теперешнее состояние Сибири в отношении сельского хозяйства и золотопромышленности; ненаселенную глушь, совершенное отсутствие сообщений, дороговизну жизненных потребностей вследствие беспечности и лености сибиряков; недостаток в благонадежных работниках, безнравственность и своеволие ссыльно-поселенцев; чрезмерные от золотого промысла выгоды, коими они пользуются, не заслуживая оных ни по своему политическому положению, ни по вреду, причиняемому ими в таком важном деле; беспорядки, от того проистекающие в разработке золотосодержащих песков, и великие государственные и частные потери, невозвратимые ни в настоящем, ни в будущем времени. По плану обер-бергмейстера Порецкого Сибирь без всяких со стороны правительства издержек или употребления понудительных мер и с выгодами для золотого промысла, а потому на счет частных лиц, может быть населена в короткое время помещичьими крестьянами из многолюдных или малоземельных губерний. Проект этот заслуживает быть передан на рассмотрение Комитета министров*.

Возмущение крестьян

Возмущение казенных крестьян произошло в 1843 году в 8-ми губерниях: Вологодской, Олонецкой, Оренбургской, Пермской, Тобольской, Казанской, Екатеринославской и Симбирской.

В трех из сих губерний казенные крестьяне под предводительством бессрочноотпускных и уволенных в отставку нижних чинов с оружием в руках встретили посланные для усмирения их воинские команды, и только усиленными отрядами приведены в повиновение, причем ранено и убито 43 человека. К усмирению непокорства помещичьих крестьян, возникшего в девяти имениях, содействовали также воинские команды**.

---

* После рубрики на полях пометы Николая I, а затем Л.В. Дубельта. Приводим последнюю, дублирующую автограф императора: «Собственно Его Величества рукою написано карандашом: «Мне он не известен, надо сообщить его министру финансов и графу Киселеву». Г[енерал]-м[айор] Дубельт».

** Рядом с этой фразой на полях пометы Николая I, а затем Л.В. Дубельта. Приводим последнюю, дублирующую автограф императора. «Собственно Его Величества рукою написано карандашом – «и бессрочноотпускные». Г[енерал]-м[айор] Дубельт».

Кроме того, из Пензенской и Тамбовской губерний бежало значительное число помещичьих крестьян по случаю разглашений о даровании свободы тем, которые переселяются на земли, будто бы пожалованные Государыне Цесаревне в Закавказских провинциях.

Поводом к таковым беспокойствам со стороны казенных крестьян были: притеснения и поборы волостного начальства; желание перейти из ведомства Палат Государственных Имуществ под зависимость земской полиции; распоряжения о посеве картофеля; учреждение общественной запашки и вообще невежественный взгляд крестьян на вводимые по сельскому их хозяйству улучшения, а со стороны помещичьих крестьян: дурное управление и жестокость некоторых владельцев и желание освободиться из крестьянского состояния.

Убийства

В течение минувшего года крепостными крестьянами убито 13 помещиков и 15 управителей. Случаи сии замечены в Смоленской, Тверской, Тульской, Саратовской и в Западных губерниях, где от жестоких истязаний помещиков, приказчиков и старост умерло до 40 крестьян обоего пола и 10 беременных женщин разрешились мертвыми младенцами.

Пожары

Пожары в 1843 году были не столь опустошительны, но число умышленных зажигательств в сравнении с числом оных, замеченных в 1842 году, не уменьшилось. Поджоги большею частью производили местные жители с намерением грабежа или из мщения. В Ярославской губернии тринадцатилетний дворовой мальчик помещицы Зиновьевой зажег господский дом, полагая избавиться тем от учения грамоте; а крестьянин Андреев, питая злобу на крестьян своей деревни, изобличивших его в краже, производил поджоги в продолжение пяти лет и сжег 43 дома.

Все поджигатели предавались суду военному на основании особо состоявшегося о том постановления. Исполнение приговоров над виновными совершалось гласно, при многочисленном собрании окрестных жителей, для удержания их впечатлением страха от подобных преступлений.

ГЛАВНЫЕ УПРАВЛЕНИЯ

Министерство внутренних дел

Ни один министр не приобрел в столь короткое время такую популярность, как Перовский. Он доступен, терпелив и сделался вежлив. В душе его горит пламя любви к добру и ненависть к злоупотреблениям.

Улучшение городского хозяйства и усиление городских доходов составляют предмет особенной его заботливости. Преимущество внимание

его обращено по-прежнему на столицу, где злоупотребления по торговле в лавках и на площадях съестными припасами и другими жизненными потребностями глубоко укоренились под защитою низших полицейских чиновников. Для устранения таковых беспорядков на будущее время учреждена особая торговая полиция. Примеры строгого взыскания с избобличенных во взимании денег свыше таксы при продаже съестных припасов восстановили некоторый порядок, и потребители не опасаются уже безнаказанного обмана со стороны торговцев. Невзирая, однако же, на меры строгости, слышны многие жалобы на злоупотребления самих торговых смотрителей, которые, пользуясь доверием начальства, извлекают из своей должности большие для себя выгоды. Таким образом, власть и сила полиции потрясены, а польза от этих нововведений не совсем оправдалась.

Увеличивающиеся ежегодно расходы, относимые на счет городских сумм здешней столицы, заставили Министерство внутренних дел обратиться к изысканию способов усиления источников городских доходов. С этой целью учреждены особые комиссии для оценки недвижимых имуществ в С.-Петербурге и изданы правила для взыскания 10-типроцентного сбора. Мера сия, без сомнения, послужит к увеличению городских доходов; но вместе с тем составит косвенный, обременительный налог на нанимателей квартир, и без того жалующихся на чрезмерную дороговизну квартир в С.-Петербурге.

Для приведения в ясность всех городских податей и налогов и пресечения существовавших по сему предмету злоупотреблений издана от Министерства Внутренних Дел памятная книжка, в которой ясно изложены все учреждения касательно порядка взимания и количества городских налогов и податей. Действие сие находят весьма полезным, и всюду обнаруживается желание, чтобы подобные памятные книжки составлены были и по другим министерствам.

По примеру С.-Петербургской больницы для чернорабочих, мысль учреждения коей принадлежит бывшему военному генерал-губернатору графу Эссену³⁹, учреждена в настоящем году такая же больница и в Москве. Польза заведения сего очевидна: в столицах, где стечение рабочих людей, особенно в летнее время, бывает весьма многочисленно, болезни, от чрезмерного скопления народа в тесных квартирах происходящие, нередко обращаются в повальные. Не желая подвергнуться платежу за лечение в городских больницах, заболевающие часто остаются вовсе без врачебных пособий. Ныне за весьма умеренную плату (60 к. серебром в год), которая взимается с каждого чернорабочего при выдаче ему адресного билета, он в случае болезни пользуется в больнице чернорабочих бесплатно.

Но одним из главнейших действий Министерства внутренних дел в настоящем году есть открытие новой Управы Благочиния, разделенной на два департамента. Крайнее запущение дел в прежней Управе, обращен-

ной ныне во Временную; корыстолюбивые действия чиновников и неимоверная медленность полицейских взысканий возбуждали в жителях столицы всеобщий ропот и неудовольствие. Учреждение новой Управы Благочиния дало сначала быстрое движение всем делам; но, к сожалению, должно сказать, что успех этот не будет продолжителен. Невзирая на предоставленные новой Управе способы и на ближайший надзор за ее действиями самого министра, многосложность форм делопроизводства, не соответствующих самому свойству полицейских дел, затрудняет оное до того, что в действиях новоучрежденной Управы и теперь уже замечается медленность, угрожающая новым значительным накоплением дел.

Хотя в течение 1843 года министром Перовским сделаны многие полезные распоряжения, но вообще его упрекают в излишней страсти к нововведениям. Жалобы на это были повсеместны: на Сенной вопияли и просили защиты шефа жандармов, который не имел другого средства к утишению этих жалоб, как пересылать жалующихся к обер-полицмейстеру; не менее того жалобы эти оставили по себе дурное впечатление, какое всегда происходит от излишнего трения и вмешательства высших властей в мелочи, до промышленности народной относящиеся.

Другие, еще важнейшие жалобы слышны были и еще таковые поступают насчет отобрания различных фундушей, дарованных католическим, как мужским, так и женским, монастырям. Не говорят и не жалуются насчет имений, собственно монастырям принадлежавших, но вопиют против того, что в числе тех имений находятся такие, которые дарованы монастырям собственно для воспитания детей из семейств завещателей. Эти дары влиты в общую массу монастырских имений, и многие дети, которые до сего времени воспитывались на счет завещанных фундушей, теперь остаются без призрения. По общему мнению, подобные жалобы и понятны, и основательны: ибо какое право имеют отымать у внуков тот капитал, который дедами внесен для определенного употребления?

Но главное неудовольствие на министра внутренних дел проявилось от учреждения им нового способа поимки воров! Полагают, что для сего не было нужды в учреждении особенной комиссии, как будто для чрезвычайного происшествия, для государственного преступления! Полагают, что всякая исключительная мера есть язва, которую наносит само правительство гражданскому телу, т.е. себе, давая явно знать, что пружины, из которых правительство составлено, слабы. Сожалея о том, что между заключенными в крепость были и есть многие невинные, думают, что должно бы учредить, как в Париже, Police de jurete, т. е. особое отделение полиции против воров, хранителей краденых вещей, против людей беспаспортных и их предержателей и вообще против посягателей на чужую собственность. Но эта охранительная полиция не должна быть временным учреждением,

т. е. не должна быть временным поручением чиновнику без репутации с прикомандированием к нему отряда казаков. Напротив, эта охранительная полиция должна быть вверена человеку способному и испытанной честности, у которого Синицын может быть только агентом, вроде знаменитого Видока⁴⁰, а не самостоятельным действователем.

Это почти общее мнение кажется тем более основательным, что в каждом большом городе гнездятся воровы, против которых наша обыкновенная городская полиция не имеет средств действовать, потому что одна чистота и порядок в городе, одни исполнения приказаний начальства отымают у нее почти все время.

Сказывают, что министр внутренних дел послал во все губернии своих чиновников наблюдать как за служащими там лицами, так и за действиями самих губернаторов. Один слух этот породил всеобщее неудовольствие, и слышны были жалобы многих губернаторов, что их достоинство унижено. При этом случае рассуждают, что нет возможности набрать в таком количестве истинно добросовестных чиновников, которым можно бы было поручить следить за действиями губернаторов, и, следовательно, донесения одних, по личности, других, по незнанию дела, будут большею частью односторонни и несправедливы, и, таким образом, всегда возбуждать основательный ропот.

Прислушиваясь в течение года к мнению общему, должно вывести следующее заключение: что при любви Перовского к добру ему бы надлежало устроить и разделить полицию на три части: на словесно-судную, на исполнительную и на охранительную, вверив каждую часть особенному начальнику. Надлежало бы ему обратить внимание на полицию в городах губернских и уездных и на полицию земскую, которая мало имеет силы и власти. Надлежало бы по всем городам завести пожарные инструменты и команды. Обратит особое внимание на раскладку и употребление земских повинностей; принудить помещиков иметь хлебные магазины в натуре, а не в деньгах; заняться устройством госпиталей, постройкою квартирных домов для войск, по крайней мере для офицеров, что возвысило бы города, ибо помещики боятся строить дома в городах, чтобы их не заняли постоями и госпиталями. Врачей и аптек весьма мало в России и, что всего удивительнее, в целой Империи нет ни одного русского аптекаря! В южных провинциях надлежало бы развести ботанические сады и распространить вообще возделывание аптекарских материалов. Внутри России, особенно на пути к Казани и в Сибирь, венерическая зараза свирепствует, и повальные болезни похищают множество народа. Пусть министр внутренних дел задаст задачи ученым в России и в Европе к истреблению разных болезней. Скарлатина в России сделалась то же, что чума на Востоке; горячки опустошают целые селения, вот чем должен заняться Медицинский департамент. Вот дела и тысячи подобных, которые предлежат человеку с сердцем и голо-

вою. Наконец, все говорят, что министр внутренних дел должен обращать внимание на правосудие и благоустройство в государстве, а не тратить драгоценное время на второстепенные занятия. Впрочем, было бы несправедливо требовать, чтобы министр мог в столь короткое время усовершенствовать все части, вверенные его управлению. Он уже сделал много и, без сомнения, совершит еще более. В прошедшем году одним из весьма важных его подвигов было начертание проекта нового Учреждения Губернских Правлений⁴¹, представленного им ныне в Государственный совет на рассмотрение. При составлении этого проекта приняты были в соображение все сведения о недостатках нынешнего Учреждения, рассмотрены имевшиеся в большом числе представления и мнения по сему предмету, и все это сообщено с отчетами ревизоров и с суждениями людей, известных своею опытностью, преимущественно бывших долгое время начальниками губерний, и окончательно обсуждено в учрежденном для сего комитете. Собственные сведения Перовского, почерпнутые им из долголетнего управления Департаментом Уделов, и в особенности его ум и благонамеренность были светильниками при совершении этого великого труда и служат порукою в несомненной пользе оногo для России.

О евреях

Удаление евреев от границы на 50 верст произвело ропот и неудовольствие. По получении Указа об этом на всей западной границе между евреями не было другого разговора, как о бедствии, в которое ввергает их это распоряжение. В заграничных журналах сначала даже не верили, чтобы могло последовать такое повеление. «Подобное распоряжение, – сказано было в Allgemeint Zeitung, – очевидно было бы жестоким притеснением. Куда девались бы тысячи недостаточных евреев, жительствовавших вблизи границы и там снискивающих себе скудное пропитание? Многочисленные семейства не могут совершить переселение, не понеся величайших убытков; к тому же, внутренность пограничных губерний уже переполнена евреями. Если означенное распоряжение приведено будет в исполнение, то с достоверностью можно предсказать, что три четверти переселяемых евреев пойдут по миру!» Сами евреи в представляемых жалобах объяснили, что упомянутое распоряжение, разоряющее тех из них, которые имели недвижимую собственность на границе, еще более обременяет участь бедных, не имевших никакого состояния, которые даже могут сделаться жертвою голода и совершенного уничтожения. Генерал-майор граф Буксгевден⁴², объезжавший в то время вверенный ему 4-й округ Корпуса жандармов, был очевидным свидетелем того общего уныния, в которое приведены евреи, и отзывался, что с его стороны было бы преступлением умолчать, что переселение евреев на 50-верстное расстояние почитается не только в России, но и за границую великим для них угнетением.

Слышны были рассуждения, что ежели евреи будут удалены на 50 верст от границы, то оставленное ими пространство, конечно, займется другими жителями, которые прибегнут к тем же средствам пропитания; и что как совершенное уничтожение контрабанды есть вещь невозможная, то не лучше ли было бы вместо переселения евреев удвоить цепь стражи и тем, по крайней мере, не разоряя предназначенных к переселению, уменьшить зло запрещенного провоза хотя в некоторой степени.

Генерал-губернаторы: князь Голицын⁴³ и князь Щербатов⁴⁴

Князь Голицын в течение долголетнего управления Москвою успел заслужить всеобщую к себе любовь и уважение жителей и сделался, так сказать, народным достоянием Москвы. Князь Щербатов, напротив, при самом вступлении в должность Московского военного генерал-губернатора произвел неблагоприятное впечатление. Во время общего представления ему чиновников он в резких и обидных выражениях упрекал почти всех, но мало-помалу изменил свое обращение, и теперь более или менее им довольны.

То же самое должно сказать и о генерал-адъютанте Кавелине, в котором теперь, не так, как в первое время его управления, видят начальника правосудного и желающего добра общего.

Граф Воронцов и генерал-лейтенант Федоров⁴⁵

Управление Новороссийским краем по случаю отъезда графа Воронцова за границу поручено генерал-лейтенанту Федорову, не в первый уже раз заступающему его место. Испытанная благонамеренность графа Воронцова – этого образца русских сановников, кротость его нрава и благоразумные распоряжения приобрели ему всеобщую любовь и уважение новороссийских жителей. Он сделал то, что край, ему вверенный, есть единственный, в котором не слышны жалобы и который, процветая, приходит ежегодно в лучшее устройство и, между тем, менее всех других дает забот правительству. Одно токмо доньше постоянно ставят ему в упрек: это излишнее пристрастие его к Крыму и Бессарабской области.

Генерал-лейтенанту Федорову приписывают многие хорошие качества и некоторые способности; но вместе с тем упрекают его в излишней строптивости характера и неумении обращаться с подчиненными. Принимаемые им строптивные меры заставляют сожалеть о частых отлучках графа Воронцова; а сделанное в последнее время распоряжение о непременно взыскании недонятых податей, невзирая на повсеместные в предыдущих годах засухи, неурожаи и скотские падежи, возбудили против него явный ропот жителей. Рассказывают, что командированные по распоряжению местного начальства чиновники для взыскания недоимок употребляют с помещиками неслыханные до того меры насилия, что неминуемо должно ослабить в жителях уважение к распоряжениям правительства.

Генерал-адъютант Бибиков⁴⁶

Генерал-адъютант Бибиков при вступлении в свою должность, с одной стороны, излишнею суровостью своею восстановил против себя неудовольствие жителей; но с другой – неусыпное старание водворить во вверенных ему губерниях правосудие и порядок мало-помалу изгладили это неблагоприятное впечатление, и теперь смотрят на него уже не с прежним недоброжелательством. Вообще, должно сказать, что управление генерал-адъютанта Бибикова этим краем, благосостоянию коего положил основание граф Левашев⁴⁷, управляя оным в самое трудное время (после мятежа), заслуживает похвалы, и жители того края поняли, что ежели сами не дадут повода к преследованию, то под его управлением они могут быть спокойны и счастливы.

Генерал-лейтенант Миркович⁴⁸

Сначала и до сего времени, управляя кротко вверенными ему губерниями, он приобрел между всеми сословиями всеобщее уважение.

Генерал-адъютанты: князь Долгоруков⁴⁹ и Дьяков и генерал от кавалерии барон Пален⁵⁰

То же можно сказать и о сих трех сановниках; в особенности же изменился генерал-адъютант Дьяков, который прекратил странности, подававшие повод к жалобам.

Генерал-лейтенанты: Руперт и князь Горчаков⁵¹

Как об том, так и о другом в течение года были получаемы различные сведения: иные хвалят, другие порицают их действия, но по отдаленности края нет возможности судить об них безошибочно.

Министерство финансов

Министерство финансов продолжает действия свои по принятой системе. Банковые установления идут постоянно по предназначенному для них пути и содействуют, по мере возможности, развитию торговли и промышленности. Но внешняя торговля наша не представляет утешительных результатов, и в прошедшем году баланс заграничной торговли склонился в пользу привоза на сумму до 400 тыс. руб. серебром. Причиною тому полагают: избыток товаров за границую и повсеместный неурожай хлеба в России в 1842 году.

Большая в прошедшем году выставка мануфактурных изделий в Москве показала, как быстро может развиваться у нас фабричная промышленность. Замечательно, что лучшие изделия на сей выставке принадлежат большею частью к числу полезнейших учреждений, восприявших начало в благополучное царствование Императора Николая Павловича.

Сберегательная касса в первый еще раз представила на суд публики отчет о своих действиях. В течение десяти месяцев со дня открытия оной число вкладчиков, большею частью разночинцев, простиралось до 6 т. Влияние этого учреждения на нравственность народную несомненно; рабочие люди, имея верное место, куда без опасения потери могут они положить для приращения процентами в поте лица приобретенные ими деньги, приучаются к бережливости и к труду и обеспечивают собственное и семейств своих содержание.

Мнение всех благомыслящих людей согласно, что непомерное возвышение цен на откупа, вместо умножения доходов, разорит Россию фальшивыми спекуляциями и конфискациями имений. Бедность и разорение сообщительны, как болезни, и падение нескольких капиталистов или отчинников в губернии чувствительно на большое пространство. Министерство распространяло возвышенные сметы, и агенты его Фейгин и Гарфункель обманывали откупщиков ложными слухами о постройке новых дорог, о возведении новых зданий, кадетских корпусов и фабрик по городам и т. п. Полагают, что нынешние откупа произведут большой переворот в финансах России и что банкротство откупщиков и залогодателей отразится на бедных крестьянах, и тысячи семейств пойдут по миру.

Никогда ведомство таможенное не производило подобного всеобщего ропота, как ныне! Российские подданные, проезжая свободно по всей Европе, встречают в своем Отечестве неожиданные, даже нестерпимые затруднения! Они не могут выручить из таможи в течение двух, даже трех недель своих вещей первой необходимости! Даже министры: из Швейцарии Криднер⁵², из Мюнхена Северин⁵³ ожидали 14 дней вещей своих! Отступление от своих обязанностей нижних чинов таможенных доходит до того, что они, вскрывая для осмотра полученные из-за границы ящики с фруктами или другими съестными припасами, отбирают часть оных для себя без согласия на то тех лиц, к которым они адресованы! Секретная экспедиция, по общему голосу, есть вред и зло. Она составлена, как иначе и быть не может, из людей корыстолюбивых, которые идут на эти места только в надежде обогатиться и ищут или там, где могут удовлетворить свою алчность, или там, где обладатели товаров не удовлетворяют их алчности.

По общему мнению, правительство может и должно бы усилить на границе свою таможенную линию; сделать две, три линии, но товары, раз уже ввезенные внутрь государства, а тем паче в столицы, должны быть неприкосновенны. Действия противные могут быть свойственны маленькой торговле и не такой, какую производит наше обширное государство, и то же мнение полагает, что шаток тот доход, который основан на ропоте народа, и что такой доход может увеличиться только первые годы, но впоследствии и сам упадет и торговлю расстроит.

Одно из замечательных событий по кредитной части в прошедшем году есть новое постановление относительно монетной системы, которое произвело самое благоприятное влияние: все довольны, и как всем известно, что это была мысль Самого Государя, даже вопреки мнению министра финансов, то и питают за это постановление благоговейную признательность к Его Величеству.

Но, несмотря на откупную и запретительную системы, память графа Канкринна останется незабвенною в истории финансов, в особенности после системы графа Гурьева⁵⁴. Он утвердил кредит России за границей, дал правильный ход администрации и возвел на высшую степень учебные и ученые заведения. Ему обязаны Технологической школой, рисовальной школой, Училищем мореплавания и усовершенствованием Горного корпуса, учреждением коммерческих судов, коммерческих банков – вот славные дела, которые дают самый светлый блеск нынешнему славному царствованию.

Министерство государственных имуществ

В Министерстве государственных имуществ заметно особенное старание исправить недостатки поспешно составленного управления, хотя меры к улучшению быта казенных крестьян доселе не совершенно успешны: ибо в 1843 году слышен еще был ропот на неудобства нового порядка и на некоторые притеснения со стороны чиновников, коим вверено управление казенными крестьянами. Министерство не оставляет жалоб сих без внимания, виновных немедленно удаляет от службы, и справедливость требует сказать, что этот ропот и жалобы слышны были далеко в меньшей степени, нежели в предшествовавших годах.

Особенное внимание министра государственных имуществ⁵⁵ обращено ныне на способ изменения налогов на крестьян. Неуравнительность податной системы в России влекла за собой значительные ежегодные недоимки и, с одной стороны, препятствовала правительству собирать полное количество податей, а с другой – вынуждало прибегать к мерам взыскания, всегда тягостным для народа. Эти причины вызвали необходимость введения кадастровой системы или подати с земли.

Действия кадастровых комиссий коснулись до сего времени, для опыта, только четырех губерний: С.-Петербургской, Воронежской, Пензенской и Тамбовской. В двух первых оценка земли уже кончена, и новые подати объявлены государственным крестьянам для платежа с 1 января 1844 года. Воронежская губерния, вся без исключения, принимает с видимым удовольствием и признательностью к правительству перемену податной системы, более уравнивающей и потому более справедливой, так что самые помещики обнаруживают желание подвергнуть той же системе и собственные имения.

Вообще, к чести министерства должно сказать, что средства для оценок, употребляемые кадастровыми комиссиями, совершенно народные:

измерение земель предоставлено самим крестьянам; определение качества земли (классификация) делается также по собственным их указаниям. Доверие, оказываемое в этом случае государственным крестьянам, имеет ощутительное влияние на расположение их к действиям правительства. Система эта, уничтожая дефицит государственных доходов, происшедший от ежегодных недоимок, чрезвычайно важна, сверх того, как могучее средство для развития производительности народа и умственного его образования.

Граф Киселев совершил в прошедшем году лично обозрение губерний юго-восточного края России. О последствиях этого обозрения хотя нет еще никаких положительных сведений, но должно сказать, что неуспынными его трудами по государственным имуществам сделано много улучшений: оброчные статьи увеличились; вместе с постепенным устройством казенных имений возвысились и доходы с оных; формальные долги, на этих имениях лежавшие, уплачены; Лесной институт и Корпус лесничих находятся в цветущем состоянии; положены общие основания русскому лесному хозяйству, которое должно постепенно, но непрерывно развиваться и, наконец, обнять все лесные пространства; возобновлено разведение лесов; положены основания к разработке торфяных болот; приступлено к разработке каменного угля; земские сборы постепенно увеличиваются; обращено внимание на религиозно-нравственное образование народа; построено много церквей и обеспечено содержание духовенства при оных; учреждено более 200 училищ; многие селения уже выстроены по плану; принято за правило строить дома на каменных фундаментах или, по крайней мере, на каменных столбах; обращено внимание на запасы народного продовольствия; для охранения народного здоровья призваны многие врачи; устроено уже несколько больниц и приступлено к устройству окружных лечебниц; увеличен посев хлеба; приняты меры ко введению травосеяния; сделаны улучшения земледельческих орудий; предположено учредить по губерниям вспомогательные и сберегательные кассы; шелководство оживляется; для улучшения скотоводства сделаны многие полезные распоряжения, – и вообще ежели граф Киселев изыщет средства прекратить жалобы крестьян на чиновников, то нет сомнения, что государственные имущества возведены будут на ту степень совершенства, на которую возвел Перовский удельные имения.

Министерство юстиции

Суждения об этом министерстве в течение 1843 года были те же, как изложено в предыдущем отчете, с некоторыми, впрочем, хотя немногими, изменениями к лучшему. Ныне замечают в этом министерстве некоторые признаки движения, и носят слухи, что под личным руководством графа Панина готовится проект коренного преобразования судебных мест в Империи

– действие, которое с признательностью приписывают державной воле Государя исполнить на этот счет необходимость и ожидание всей России.

Управление путей сообщения

Первая половина прошедшего года истекала в похвалах насчет всех распоряжений, которые делались по разным отраслям Управления путей сообщения; как вдруг несчастный случай в Институте и последовавшие оному наказания⁵⁶ пробудили общее усыпленное недоброжелательство к графу Клейнмихелю! Сколь ни важно преступление воспитанников Института путей сообщения и как ни заслуживали они примерного наказания, не менее того ропот и даже страх распространились не только здесь, но даже и в Москве. В порыве естественного чувства родители и родные наказанных упрекали правительство, которое, видимо, принимая меры к смягчению наказаний в войсках и в народе, допускает в то же время всю строгость над детьми дворян, несоответствующую ни родовым правам их, ни их возрасту! Вообще, полагают, что родители отдают детей своих в учебные заведения не на службу, а для воспитания; что на них должно взирать, как на детей в частных пансионах, и ежели юноша провинится до степени непростительной, то должно его, как негодного, возвращать родителям. Наконец, полагают, что подвергать детей такому наказанию, какому подвергнуты были воспитанники Института путей сообщения, должно не иначе, как по суду, а не приговаривать их произвольно. Здесь является утешительная мысль, что решительно никто не винит Государя в этой излишней строгости, и только говорят, что Он должен и не может иначе вершить дела, как по смыслу представляемых Ему докладов.

В последнее время разнеслись слухи, якобы Государыня Цесаревна испросила помилование наказанным юношам, и эти слухи произвели было всеобщую радость.

В этом заключалась в 1843 году темная сторона Управления путей сообщения, зато она искупается многими обширными и полезными распоряжениями графа Клейнмихеля, который неутомимою деятельностью и неусыпным желанием привести вверенную ему столь важную часть государственного управления в блистательное положение, конечно, в этом отношении заслужит признательность не только потомства, но даже и современников.

Министерство народного просвещения

Если верить обещаниям этого министерства, то Россия в скором времени станет на ряду с самыми просвещенными государствами Европы. В своих отчетах, ежегодно печатаемых министром⁵⁷ для всеобщего сведения, он не перестает повторять, что образование нашего юношества совершается в духе Православия, Самодержавия и Народности, что в Западных и Остзейских губерниях, очевидно, развивается любовь ко всему русскому, что

на изучение отечественного языка обращено особенное внимание училищного начальства и что старания оного сопровождаются полным успехом.

К сожалению, эти результаты противоречат действительности. В некоторых университетах и высших заведениях ученое и нравственное направление не отвечает ожиданию правительства; а поляки и немцы по-прежнему неохотно учатся и плохо говорят и пишут по-русски, что наиболее происходит от слишком ограниченного числа опытных и сведущих по своей части преподавателей и, в особенности, от недостатка в хороших учебных курсах.

Варшавский учебный округ, как кажется, составляет предмет преимущественного попечения министра. Он ежегодно лично обзореваает училища этого округа и старается приохотить учащихся к русскому языку; но усилия его доселе не имели большого успеха, ибо религия и влияние родителей служат большим препятствием к образованию польского юношества в видах и по предначертаниям правительства.

Почтовое ведомство

Ни в одном из управлений Империи не было заметно в течение прошедшего года такой деятельности, как в Управлении почтовом. Со времени поручения оного главному начальству генерал-адъютанта Адлерберга приняты многие меры к улучшению почтовых сношений, как внутренних, так и заграничных, и он как будто пробудил от 30-летнего сна эту важную часть государственного управления.

К числу важнейших событий по части Почтового управления относятся: почтовые конвенции, заключенные с Австрией и Пруссией, и уменьшение с 1 января 1844 года страхового и весового почтового сбора за внутренние сношения посредством установления однообразной платы по 10 коп. серебром с лота и фунта на все расстояния. Это последнее учреждение в благодетельных видах успехов торговли и промышленности много будет способствовать к облегчению денежных оборотов и к усилению внутренних сношений в государстве, а конвенции с Австрией и Пруссией, имеющие целью учреждение более правильного размена корреспонденций между государствами, послужит к распространению почтовых сношений и к пользе заграничной торговли.

Кроме того, для облегчения путешественников учреждены вновь скорые и удобные сообщения посредством почтовых карет и дилижансов между С.-Петербургом, Ригою и Тауроеном, а на время Нижегородской ярмарки установлено таковое же сообщение между Нижним Новгородом, С.-Петербургом и Москвою за весьма умеренную плату. Почтовое начальство не ограничивается этими улучшениями и принимает меры к учреждению постоянных сообщений между всеми главными торговыми пунктами России. Ход экстра-почты усилен почти повсеместно, и приня-

ты меры к лучшему устройству почтовых станций; большая часть почтовых домов на главных трактах поступили в непосредственное ведение почтового начальства; сделан им подробный осмотр и приняты решительные меры к приведению их в лучшее устройство. К чести почтового начальства должно сказать, что теперь уже менее слышно жалоб на беспорядки и задержки на станциях и что вообще почтовая часть заметно улучшается: деятельность генерал-адъютанта Адлерберга и опытность благонамеренного сотрудника его Прянишникова ручаются, что в короткое время эта часть станет на чреду образцовых управлений в Империи, и сожалеют только о том, что некоторые из этих улучшений встречают сильное сопротивление других министерств.

Управление духовных дел

В духовной иерархии произошла в течение прошедшего года весьма важная перемена, равно близкая всей массе столичного народонаселения, а потому долгое время служившая предметом разговора в обществе и толков народных. На место скончавшегося преосвященного Серафима⁵⁸, более 20 лет управлявшего С.-Петербургскою митрополией, по Высочайшему избранию назначен бывший Варшавский архиепископ Антоний⁵⁹ – человек не столько ученый, сколько умный, во многих случаях проявивший твердость своего характера и всегда отличавшийся неукоризненным образом жизни. Приветливым обхождением своим он ободрил духовенство, запуганное суровостью покойного Серафима. Так точно жил он и в Варшаве, равно чтимый православным и католическим духовенством и любимый поляками и русскими.

Вскоре по прибытии в С.-Петербург преосвященный Антоний посетил по очереди все здешние православные церкви и в каждой лично совершал богослужение.

Делами митрополии преосвященный Антоний занимается весьма усердно. От его опытности и прозорливости ожидают многих улучшений.

Униаты

Разыскания о перешедших в католицизм униатах, продолжавшиеся и в 1843 году, возбудили за границею толки о преследовании католической церкви. Невежественное и даже жестокое обращение местных чиновников с присоединяемыми дали этим отзывам некоторую достоверность. Примеры подобного насилия наиболее замечены были: 1) Свенцянского уезда (Виленской губернии) в имении помещицы Кублицкой, где земская полиция, не успевшая принудить одно семейство крестьян к воссоединению, отправила их по этапам в Минскую консисторию, куда они, обремененные оковами, достигли чрез месяц, переходя между тем из одной тюрьмы в другую, и 2) в казенном имении Дудаковичи (Могилевской

губернии) местные гражданские власти, действуя именем Государя Императора, при отобрании в православное ведомство тамошнего костела за два дня до Пасхи довели жителей до явного сопротивления и потом усиленным в их домах воинским постоем вынуждали у них согласие на присоединение. Впрочем, на подобные меры, противные законам гражданским и духу христианского милосердия, обращено Святейшим Синодом особенное внимание местного духовного начальства.

Конно-заводское управление

В прошедшем году совершилось преобразование Конно-заводского управления на прочных началах. Опытность и настойчивость графа Левашева устраняют всякое сомнение в улучшении этой важной отрасли государственного хозяйства.

Предположенное ремонтное лошадыми кавалерийских полков без участия полковых командиров вообще произвело самое лучшее впечатление и устранило от полкового начальства обязанность изыскивать средства к увеличению штатной ремонтной суммы, а от офицеров-ремонтников те часто огромные издержки, которые тяготили их.

Министерство военное

Как прежде, так и теперь войскам нашим отдают полную справедливость: подчиненность соблюдается в высшей степени, и спокойное их квартирование приобрело им право на общую признательность. Дела по этому министерству идут быстро и успешно. Невозможно выразить достаточно похвалы князю Чернышеву за его неусыпную деятельность и правоту, с которой он ведет вверенное ему министерство. Между тем два предмета обращают теперь на себя внимание общее: Кавказ и новая обмундировка. О Кавказе говорят, что войско наше не обучено для горной войны, что у нас нет искусных стрелков и даже хороших ружей и что наш солдат не умеет сражаться по одиночке, т. е. пользоваться каждым кустом, каждым камнем, каждым рвом; обнимать взорами местоположение и отыскивать удобную ретираду в случае нужды. Наш солдат дерется храбро в массе, в виду начальников. К тому же он одет неудобно для горной войны. Общее желание состоит в том, чтобы Государь дал войску казакины и панталоны с гульфом. Это бы спасло, конечно, третью часть рекрут от госпиталей и смерти, и чем солдат одет удобнее, тем он бодрее, веселее и храбрее.

Гвардия

В прошедшем году слышно было много жалоб на излишне строгое наказание нижних чинов и, в особенности, на грубое и часто дерзкое обращение с офицерами генерал-адъютанта Арбузова⁶⁰, тогда как ничто не убивает так благородного рыцарского духа не только в офицерах, но даже в нижних чинах. Дух этот может быть поднят только вежливо-важным об-

ращением начальников с своими подчиненными. Насчет генерал-адъютанта Арбузова слышно было всеобщее негодование, когда он присутствовал при наказании шпицрутенами Лейб-Гвардии Егерского полка фельдфебеля Тищенко, которому он даже не позволил помолиться Богу перед наказанием, которого обременял самыми отвратительными ругательствами и за которым следовал шаг за шагом во время его наказания, поощряя и понуждая солдат к сильнейшим ударам.

При этом случае вообще слышны были суждения против шпицрутенов: мудрые, чадолюбивые правители России отменили смертную казнь, говорили в публике, но злость или раболепство заменило это благодетельное постановление шпицрутенами, которые в большом количестве делают сторицею ужаснее смертной казни. При расстреливании преступника или при отсечении ему головы на эшафоте он чувствует мгновенное страдание, тогда как, напротив, при назначении ему 6 тысяч ударов шпицрутенами тело его разрывается на куски, удары касаются костей, и он всегда или почти всегда умирает чрез несколько часов и иногда только чрез несколько дней в ужасных и невыразимых страданиях. Таким образом, смертная казнь заменена другою, далеко ужаснейшею, и, следовательно, человеколюбивая цель Государя не только не достигнута, но, напротив, усугублена самым варварским образом. Из этого рассуждения выводят еще и то заключение, что рано или поздно целый батальон из сострадания и по причине отвратительности вида иссеченного, так сказать, изорванного преступника, откажется продолжать наказание и делается слушателем воли высшего начальства, и тысяча человек будут виновны, тогда как по совести нельзя будет обвинять их. Еще другое выводят суждение по этому случаю: говорят, что во время привода преступника на место наказания все присутствующие обыкновенно обременяют преступника ругательствами и, так сказать, радуются, что его преступление будет наказано; но потом, чрез несколько времени, когда увидят отлетающие куски его тела, начинают чувствовать к нему сострадание и, вооружаясь уже против законной власти, обвиняют оную в излишней жестокости. Так было при наказании убийцы князя Гагарина: когда он приведен был на площадь, все кричали: вот злодей, убийца! – но когда он упал, окровавленный, под ударами шпицрутенов, тогда выразилось явное участие к тому же убийце, и слышны были возгласы: зачем не убьют его, зачем его мучат?

Намерение устроить лагерь для Гренадерского корпуса вблизи Гвардейского не одобрялось, и, лишь только разнесся слух об уничтожении этого намерения, заметно было общее удовольствие и радость.

Школа Гвардейских Подпрапорщиков сделала в прошедшем году значительные успехи. Новый начальник этой школы, полковник Сутгоф⁶¹, внушил юнкерам тот дух честолюбия, который между этими юношами существовать

должен и который единственно и может дать войску хороших офицеров, а правительству – хороших подданных. Полковник Сутгоф, умеренно строгий, правосудный, приобрел общую любовь вверенного ему юношества.

Жандармы

О жандармах шеф их ничего не может сказать, кроме того, что им сказано было в прошлогоднем отчете и что он совершенно доволен их общим усердием. Но ежели и случались между ними ошибочные действия, то это от недоразумения, а отнюдь не от недостатка благонамеренности. Из них находящийся на самом трудном месте генерал-майор граф Буксгевден вполне оправдал ту милость и доверенность, которая ему оказана была назначением в 4-й округ. Как генерал-губернатор того края, так вообще и все жители чрезвычайно довольны его действиями. Что же касается до нижних чинов, то они, очевидно, гордятся своим званием, и нравственность их превзошла даже ожидания шефа. Доказательством тому служит то, что выключено из Корпуса в течение 1843 года только 25 человек и те за самые маловажные проступки, тогда как они по роду службы своей имеют беспрерывные случаи вести себя нетрезво и недобропорядочно.

В заключение шеф жандармов обязанностью и справедливым долгом почитает засвидетельствовать, что он год от года более и более доволен усердием, добросовестностью и знанием дела генерал-майора Дубельта, которое увеличилось еще от долговременной опытности.

Министерство морское

Это министерство представляет те же утешительные результаты, как и прежде. Здесь в точности исполняются благие предначертания Государя, все растет и движется, как машина, коей части составлены в совершенстве.

Министерство иностранных дел

До сего времени общий отголосок в 1842 году насчет действий этого министерства оказывается неосновательным. Упрекали его в недейтельности и равнодушии при последних событиях в Китае, но вот прошел год, и все тихо, все сношения внешние идут стройным порядком, без всяких обоюдных неудовольствий и огорчений, что, конечно, должно приписать мудрой политике нашего кабинета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из настоящего отчета можно вывести заключение, что в государстве нашем, как и везде, есть много хорошего, есть много и дурного, что в смысле политическом все спокойно и что современное направление умов не дает ни малейшего повода к опасениям.

Высшее общество, которое в прежнее время позволяло себе рассуждать о действиях правительства, гласно хваля или порицая принимаемые им меры, уклоняется ныне от подобных суждений и ко всему хранит какое-то равнодушие. То же самое замечается и в других слоях общества, все как будто поражены какою-то апатией! Но с другой стороны, дух европейской положительности (*le positif*) проникнул и в Россию. Наши юноши, которые еще недавно думали только о блестящем мундире, обратились теперь к хозяйству и к добыче денег. Причины этого направления понятны: долговременный мир везде и всегда обращал людей от меча к плугу; но нет сомнения, что при первой вести о войне подданные Государя снова воспрянут и явят великодушные чувствования безусловной преданности к Монарху и любви к Отечеству, которые под влиянием продолжительного мира кажутся как бы угасшими.

Граф Бенкендорф

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 6. Л. 114–215.

¹ Фридрих-Вильгельм IV.

² В 1843 г. начался новый этап войны в Алжире, куда французские войска вторглись в 1830 г. 100-тысячная армия генерала Бюжо, применяя тактику «выжженной земли», продвигалась на юг и постепенно захватила всю территорию страны. Руководитель сопротивления алжирцев эмир Абдаль-Кадир потерпел поражение и бежал в Марокко. Полностью Алжир был подчинен к 1847 г.

³ После смерти в 1833 г. короля Фердинанда VII в Испании началась борьба («карлистские войны») между сторонниками регентши Марии Кристины, матери королевы Изабеллы II (1830–1904), и его брата Дона Карлоса, претендента на испанский престол, перешедшая в третью Испанскую революцию (1834–1843), в результате которой была установлена конституционная монархия и осуществлен ряд серьезных преобразований: уничтожены майораты и сеньориальные права помещиков, инквизиция. В 1843 г. в стране произошел военный переворот Нарваэса, восстановивший власть земельной аристократии. Рамон Мариа Нарваэс оставался фактическим диктатором Испании до 1854 г.

⁴ В начале 1840-х гг., когда у власти оказались тори (с 1841 г.), обострились противоречия между английским Кабинетом и ирландскими патриотами. О'Коннел – адвокат, член Палаты общин, лидер Ирландской католической лиги – развернул агитацию за отмену унии с Великобританией. В 1843 г. О'Коннел был арестован и присужден к годичному заключению.

⁵ Английская королева Виктория (1837–1901) и французский король Людовик Филипп, вероятно, обсуждали проекты так называемых «испанских браков». В результате достигнутых договоренностей Людовик-Филипп женил своего сына, герцога Монпансье, не на королеве Испании Изабелле II, а на ее сестре, инфанте Луизе; Изабелла же вышла замуж за племянника своего отца Франсиско де Асиза де Бурбона.

⁶ Маркиз Астальф де Кюстин (1790–1857), аристократ и консерватор, автор романов из великосветской жизни и путевых заметок, отправился в 1839 г. в Россию, чтобы, как писал М.Н. Лемке, «искать аргументов против представительного правления, а возвратился во Францию сторонником конституции». А.И. Герцен о его сочинении сказал: «Без сомнения, это самая

значительная и умная книга, писанная о России иностранцем. Есть ошибки, много поверхностного, но есть истинный талант путешественника, наблюдателя, глубокий взгляд, умеющий по нескольким образчикам догадаться о массе. Всего лучше он схватил искусственность, поражающую на всяком шагу, и хвастовство теми элементами европейской жизни, которые только и есть у нас для показа...». Николай I, прочитав книгу, бросил ее на пол со словами: «Моя вина, зачем я говорил с этим негодяем?». «И что любопытно, – пишет далее М.Н. Лемке, – негодовали не за ложь, которой не видели, а за правду, высказанную так просто иностранцем. Жуковский говорил, что нападать надобно не на книгу, ибо в ней много правды, но на Кюстина» (М.Н. Лемке. Николаевские жандармы и литература. СПб. 1909. С. 141–142).

⁷ Имеются в виду брошюра «Реплика о сочинении маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» К. Лабенского, поляка на русской дипломатической службе, выпущенная (анонимно) в Париже в сентябре 1843 г., и статья французского журналиста Ж. Шод-Эгу в журнале «Revue de Paris» в декабре того же года.

⁸ Ипполит Оже, служивший в юности юнкером в Измайловском полку, планировал совместно с Н. И. Гречем написать водевиль «Voyage en Russie», в котором высмеивался бы маркиз де Кюстин. Предполагалось поставить пьесу на сцене парижского театра De la Porte St. Martin. Греч просил денег на постановку у III отделения. Чтобы поддержать Оже, Греч предлагал также купить для России 250 экземпляров текста водевиля по 10 франков каждый и прислал предисловие к будущей пьесе А. Х. Бенкендорфу для представления императору. Николай I распорядился удовлетворить просьбу литераторов; но когда в январе 1844 года Оже приехал в Петербург, его отношения с III отделением были внезапно прерваны. «По крайней мере, – пишет М.Н. Лемке, – на одной из его записок есть рецензия Дубельта: «Граф приказал никако-

го дела с ним не иметь»» (М.Н. Лемке. Николаевские жандармы и литература, С. 152).

⁹ Пиль Роберт (1788–1850), английский государственный деятель. Учился вместе с Байроном и Пальмерстоном в Гарроу, затем в Оксфордском университете. Избран в палату общин (1809), примкнул к тори; возглавил Кабинет министров (1841). Проводил политику компромисса, стремясь сохранить значение консервативной партии путем уступок требованиям низших слоев буржуазии. В 1846 г. вышел в отставку.

¹⁰ Бомон Гюстав-Огюст де ла Бонниньер (1802–1866), французский публицист; внук Лафайета. В 1840 г. избран в палату от Сартского департамента, принадлежал к оппозиции. После Февральской революции (1848), член Учредительного и Законодательного собраний; умеренный республиканец. Был посланником в Лондоне, затем в Вене. После государственного переворота 2 декабря 1851 г. отошел от политической деятельности.

¹¹ Руссель (Россель, Рассел) Джон (1792–1878), английский государственный деятель; третий сын 6-го герцога Бедфорда; учился в Эдинбурге. В 1813 г. избран в палату общин, примкнул к вигам. Член либерального кабинета Грея (1830–1834), проводившего парламентскую реформу по проекту Рассела (1832). Министр внутренних дел (1835–1839); министр колоний в кабинете Мельбурна (1839–1841). С 1841 г. – глава оппозиции. В 1846 г., после падения кабинета Пила, Расселу как лидеру партии вигов было поручено составить кабинет, продержавшийся до 1851 г. Позднее он входил в состав других кабинетов, в 1859 г. стал министром иностранных дел. Сочувствовал освободительному движению в Италии и Польше. Получив графский титул, перешел в палату лордов (1861); премьер-министр (1865), в 1866 г. его кабинет пал.

¹² Лазаристы – члены конгрегации, основанной в 1642 г. Св. Винсентом Депенем. Занимались миссионерской и благотворительной деятельностью, воспитанием юношей, избравших духовную карьеру. Во вре-

мя Великой французской революции конгрегация была уничтожена; восстановлена в 1816 г.

¹³ Вероятно, имеется в виду Адамполь (совр. Полонез-кей), эмигрантская колония, основанная на азиатском берегу Босфора в 1842 г. Михалом Чайковским, знаменитым впоследствии Садык-пашой. Потомки славянских поселенцев проживали на территории этого местечка до 1992 года; христианское кладбище сохраняется до сих пор.

¹⁴ Дон Карлос (1788–1855), сын Карла IV, брат Фердинанда VII. Претендент на испанский престол, родоначальник карлистской ветви. С его именем связаны так называемые «карлистские войны» (1833–1840). Борьбу за трон проиграл и был выслан в Португалию.

¹⁵ Педро IV (1798–1834), король Португалии (1826) и Бразилии (1822–1831), которую объявил независимой. Передав португальский престол своей дочери, Марии II да Глория (1827–1828), вскоре свергнутой Мигелем I Браганским (1828–1834), участвовал в борьбе за ее восстановление на троне. Во второй период правления Марии да Глория (1834–1853) произошла Сентябрьская буржуазная революция (1836), в результате которой права монарха были ограничены; в январе 1842 года в стране установилась военная диктатура, продержавшаяся до 1846 года

¹⁶ Олизар Нарсис (?–1862 г.), граф, сенатор Царства Польского.

¹⁷ Рыбинский Матвей (1784–1874), польский генерал. Служил во французской армии, затем в войсках Великого герцогства Варшавского и в армии Царства Польского. В 1830–1831 гг. сражался на стороне восставших; принял на себя командование вместо павшего генерала Цмирицкого; был назначен генералиссимусом польской армии. После поражения восстания жил в эмиграции.

¹⁸ Венским трактатом международный конгресс (сентябрь 1814 – июнь 1815) завершил войны коалиции европейских государств с Францией. Трактат утвердил вто-

рой раздел Польши, по которому Варшавское герцогство отошло к России (ранее, в 1807 г., к России было присоединен Белостокский округ), Познань осталась в составе Пруссии, Краков объявлен «вольным городом». В 1815 г. в Царстве Польском была провозглашена довольно либеральная конституция, которая вскоре стала ограничиваться.

¹⁹ И.Ф. Паскевич.

²⁰ Туркул Игнатий Лаврентьевич (?–1856 г.), тайный советник, сенатор, камергер, член Комитета министров, министр-статс-секретарь Царства Польского, член Государственного совета.

²¹ Великий князь Александр Николаевич.

²² Очевидно, имеется в виду движение пароходов по каналу герцога Вюртембергского (ныне Северо-Двинская водная система), открытому в 1829 г. и соединившему северные реки и озера с Волгой в одну систему. На канале действовала прекрасная система шлюзов. Управляла каналом специальная дирекция, находившаяся в Кириллове.

²³ Вольное Экономическое общество – одно из старейших в мире и первое в России экономическое общество. Учреждено в Санкт-Петербурге в 1765 г. крупными землевладельцами, стремившимися рационализировать сельское хозяйство и повысить производительность труда в своих имениях. С 1766 по 1915 г. было опубликовано более 280 томов «Трудов ВЭО», издавались также первые статистико-географические исследования России. Конкурсы ВЭО способствовали внедрению в сельское хозяйство технических культур, усовершенствованию орудий труда, развитию животноводства, пчеловодства, винокурной промышленности и др. Деятельность общества фактически прекратилась в 1915 г., формально оно было ликвидировано в 1919 г.

²⁴ Общество поощрения художников (с 1875 года – Общество поощрения художеств) основано в Санкт-Петербурге в 1821 г. меценатами И.А. Гагариним, П.А. Кики-

ным, А.И. Дмитриевым-Мамоновым. Организовывало выставки и конкурсы, отправляло художников на учебу за границу, награждало их и приобретало их произведения. С 1857 г. содержало в Санкт-Петербурге школу рисования. Издавало журнал «Искусство и художественная промышленность» и серию «Художественные сокровища России».

²⁵ «Общество освещения газом Санкт-Петербурга» было учреждено в 1835 г., имело монополию на промышленное производство и продажу газа. В 1839 г. с помощью газовых фонарей (в результате постройки газового завода в районе Обводного канала) были освещены Дворцовая площадь, Невский проспект и ряд центральных улиц.

²⁶ «2-е Российское страховое от огня общество» возникло в 1835 г. Его председателем был А.Х. Бенкендорф, учредителями – Н.М. Логвинов, Ф.А. Половцев, Л.З. Хитрово. Осуществляло страхование от пожаров городских каменных строений, фабрик и заводов на основе государственной страховой монополии.

²⁷ Когда возвращавшийся из-за границы Николай I проезжал через Познань, в городе проходили похороны генерала Грольмана. Во избежание суетонок от встречи на узких улицах двух процессий, экипажи царского поезда были направлены кружным путем, минуя город. Отставшая коляска, в которой находились два чиновника военно-походной канцелярии, была обстрелена. Преступников в наступившей темноте обнаружить не удалось. А. В. Никитенко передает версию происшествия почти из первых рук. Сын лейб-медика М.А. Маркуса говорил ему, что «Государыня показывала отцу его письмо Государя, где он извещает ее о злоумышлении. Государь проезжал мост в Познани, в Пруссии, и, не желая встретиться с какими-то похоронами, вышел из своей кареты и пересел в другую. Когда экипажи поехали по мосту, раздалось семь выстрелов, и семь пуль полетело в ту карету, в какой обыкновенно ездит Государь. Но его там на этот раз не бы-

ло, и злое дело кончилось ничем» (А.В. Никитенко. Дневник. Т. I. М. 1955, С. 269).

²⁸ 22 авг. 1843 г. князь П.М. Волконский был награжден знаком отличия беспорочной службы за 50 лет.

²⁹ Васильчиков Илларион Васильевич (1776–1847), генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии (1813–1814). Командир Отдельного Гвардейского корпуса. Генерал-инспектор кавалерии и Ахтырского гусарского полка (с 1833); председатель Государственного совета и Комитета министров (с 1838).

³⁰ Витгенштейн Петр Христианович (1768–1843), князь, генерал-фельдмаршал. Участник войн с Наполеоном, после смерти М.И. Кутузова, с 16 апреля по 19 мая 1813 г. являлся главнокомандующим русскими войсками. В 1818 г. – главнокомандующий 2-й армии. Шеф Мариупольского гусарского полка. Член Государственного совета. С 1828 г. – в отставке.

³¹ Орлов-Денисов Василий Васильевич (1775–1843), генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Участник войн с Наполеоном, Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814). С 1826 г. – в отставке. Вернулся на службу во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., по ее окончании снова вышел в отставку.

³² Император посетил Закавказье в 1837 г., тогда же сенатором В. Ганом была проведена ревизия края.

³³ «Учреждение 1840 года для управления Закавказским краем», принятое 10 апреля, разделяло Закавказье на Грузино-Имеретинскую губернию, включавшую Армянскую, Ахалцихскую и Джаро-Белоканскую области, и на Каспийскую область. Во главе края стоял главноуправляющий с правами генерал-губернатора. Верховное грузинское правительство, куда входили представители знати, было ликвидировано. Эта административная реформа и сопровождавшие ее проведение злоупотребления чиновников вызвали серьезное недоволь-

ство местного населения, как дворянства, так и крестьян.

³⁴ А.И. Чернышев был направлен в Закавказье с обширными полномочиями для разрешения дела на месте. В результате барон Ган был исключен из службы, и уволен из членов Государственного совета.

³⁵ Шамиль (1797–1871), имам, глава исламского военно-теократического государства в Дагестане, руководил борьбой горцев Чечни и Дагестана против России в 1834–1859 гг.

³⁶ Нейдгардт Александр Иванович (1784–1845), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Начальник штаба Гвардейского корпуса и генерал-квартирмейстер Главного штаба (1830–1833); командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий Закавказским краем (1842–1844). Член Военного совета.

³⁷ А.Х. Бенкендорф.

³⁸ Князь А.С. Меншиков, с 1831 г. генерал-губернатор и главнокомандующий войсками в Финляндии.

³⁹ Больница для чернорабочих, богадельня и училище для малолетних мешанских детей обоего пола были построены на пожертвования, собранные П.К. Эссеном.

⁴⁰ Видок Эжен-Франсуа (1775–1857), знаменитый французский сыщик. Был солдатом, дезертировал; осужден за измену и воровство; 6 лет провел на галерах, бежал. Был принят сыщиком в парижскую полицию, дослужился до звания начальника Brigade de surete – отряда, составленного из помилованных преступников. В 1836 г. учредил в Париже частное Bureau de renseignements.

⁴¹ «Практика обнаружила, что при существующем распределении обязанностей, ни губернатор, ни члены губернского правления фактически не могут выполнять всего на них возложенного. Перовский проектировал передать председательство в губернском правлении и заведование канцелярией вице-губернатору. Все дела распределялись на несколько разрядов, которые решались вице-губернатором и советниками, каждый по своему отделе-

нию. Таким образом, губернатор получал «свободное время для важнейших занятий», т. к. к нему восходили только дела распорядительные, а губернское правление приобрело определенную компетенцию, в сфере которой действовало самостоятельно. В формах делопроизводства предполагалось дальнейшее упрощение. Проект был разослан во все губернии для подробного обсуждения в местных комитетах под председательством губернаторов, а 2 января 1845 г. получил Высочайшее утверждение и был введен во многих губерниях. Окончательное утверждение нового порядка последовало в 1852 г.» (Министерство Внутренних Дел. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1901. С. 63–64).

⁴² Буксгевден Петр Федорович (1790–1863), на российской службе с 1805 года; участник войн с Наполеоном, Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии (1813–1814), Русско-турецкой войны (1828–1829). С 1829 г. находился на гражданской службе по Министерству внутренних дел. В 1840 г. определен в Корпус жандармов. С 1842 г. – начальник IV (Виленского) округа Корпуса жандармов. С 1850 г. – сенатор.

⁴³ В 1843 г. Д.В. Голицын выехал за границу для лечения, намереваясь вернуться к январю 1845 г. – 25-летнему юбилею управления Москвой. 27 марта 1844 г. он умер в Париже после операции.

⁴⁴ Щербатов Алексей Григорьевич (1776–1848), князь, генерал от инфантерии. Службу начал в Семеновском полку. Участник войн с Наполеоном, Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии (1813–1814), военных действий в Польше (1830–1831). Член Государственного совета (с 1839). В 1843 г. «исправлял должность» московского генерал-губернатора. Московский генерал-губернатор (1844–1848).

⁴⁵ Федоров Павел Иванович (1791–1855), окончил 2-й Санкт-Петербургский кадетский корпус; участник Русско-турецкой войны (1806–1812), Отечественной войны 1812 года и заграничных походов

русской армии (1813–1814). Полицмейстер (1820), комендант города Николаева (1833). «Исправлял должность» николаевского и севастопольского военного губернатора (с 1834). бессарабский военный губернатор (1836). «Исправлял должность» новороссийского и бессарабского генерал-губернатора (1838–1854).

⁴⁶ Д.Г. Бибииков, киевский военный губернатор, волынский и подольский генерал-губернатор.

⁴⁷ В.В. Левашов, киевский военный губернатор, волынский и подольский генерал-губернатор (1831–1835)

⁴⁸ Ф.Я. Миркович, виленский генерал-губернатор.

⁴⁹ Н.А. Долгоруков с 1840 г. генерал-губернатор харьковский, полтавский и черниговский.

⁵⁰ Пален Матвей Иванович (1776–1863), барон, генерал от кавалерии. Участник войн с Наполеоном и Отечественной войны 1812 года. Ландрат дворянства Эстляндской губернии (1821–1828), попечитель Дерптского учебного округа (1828). С 1830 г. – генерал-губернатор Остзейского края. Член Государственного совета (с 1845).

⁵¹ Горчаков Петр Дмитриевич (1789–1868), князь; участник Русско-шведской войны (1808–1809), Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813–1814). С 1822 г. – управляющий Имеретией; с 1826 г. – генерал-квартирмейстер 2-й армии. Назначен командиром Отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатором Западной Сибири (1836). Вышел в отставку (1849). С 1854 г. снова на военной службе, ему была поручена оборона Севастополя. Член Государственного совета (с 1855).

⁵² Криднер (Криденер) Павел Александрович (?–1858 г.), российский посланник в Вашингтоне, затем – в Берне.

⁵³ Северин Дмитрий Петрович (1792–1865), русский дипломат; воспитанник иезуитской коллегии. Находился в свите Александра I на конгрессах в Троппау и Лайбахе, состоял при графе К.В. Нессельро-

де. Российский посланник в Швейцарии, затем – в Баварии.

⁵⁴ Гурьев Дмитрий Александрович (1751–1825), начал службу в Лейб-гвардии Измайловском полку; камергер (1795); сенатор (1799). В 1801 г. был управляющим Кабинетом Его Императорского Величества. Назначен товарищем министра финансов (1802); министром уделов (1806). С 1810 г. – член Государственного совета, министр финансов (до 1823).

⁵⁵ П.Д. Киселев.

⁵⁶ Из дневника А.В. Никитенко: «В Корпусе путей сообщения мальчики освистали какого-то учителя-офицера, обращавшегося с ними нестерпимо грубо, и грозили выгнать его из класса, если он не переменит с ними обращения. Дерзкая шалость, которая заслуживала школьного взыскания. Но как же поступили с этими бедными неразумными детьми? Сначала их, числом шесть, бросили в какой-то подвал, пока последует высочайшее распоряжение. Потом их секли перед всем заведением, и так, что доктор, при этом присутствовавший, перестал отвечать за жизнь некоторых из них; затем лишили дворянства, разжаловали в солдаты и по этапам, как обыкновенных колодников, отправили на Кавказ. Ужас, ужас и ужас! Генерал-лейтенант А.Д. Готман, директор заведения отстранен от должности. Это варварство, эта казнь детей, как будто они были уже полноправными гражданами и настоящими преступниками, потрясла все умы. Несколько матерей, говорят, на другой же день взяли из Корпуса своих сыночек. Нет! Говоря словами Талейрана, это более чем преступление, это ошибка. Тот, кто посоветовал подобную меру, изменник и враг существующего порядка» (А.В. Никитенко. Дневник, т. I. С. 270).

⁵⁷ С.С. Уваров.

⁵⁸ Серафим (1757–1843), митрополит. Преподавал риторику в Московской духовной академии, тогда же постригся в монашество (1787). В 1795 г. стал архимандритом московского Лужецкого монастыря и членом московской консистории. С 1799 г. – ректор Московской духовной академии.

Епископ Вятский и Слободской (1804), Смоленский (1805); архиепископ Тверской (1814); митрополит Московский (1819). С 1821 г. – митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский.

⁵⁹ Антоний (Григорий Антонович Рафальский) (1789–1848), митрополит, богословское образование получил в Киевской духовной академии; в 1809 г. был рукоположен в сан священника. В 1818 г. стал кафедральным протоиереем и благочинным в Кременце. Постригся в монашество и занял пост наместника Почаевской лавры (1831). Назначен епископом Варшавским, затем архиепископом (1834). С 1843 г. – митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский.

⁶⁰ Арбузов Алексей Федорович (1792–1861), окончил 2-й кадетский корпус; участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии (1813–1814), Русско-турецкой войны

(1828–1829) и военных действий в Польше (1830–1831). С 1837 г. командовал 3-й Гвардейской пехотной дивизией, с 1841 г. – 1-й. В 1842 г. был назначен командующим пехотой Отдельного гвардейского корпуса. С 1849 г. – командующий запасными батальонами Гвардейского корпуса. В 1854 г. командовал войсками, оставленными в Санкт-Петербурге и окрестностях.

⁶¹ Сутгоф Александр Николаевич (1800–1874), окончил Институт инженеров путей сообщения; участник Русско-турецкой войны (1828–1829) и военных действий в Польше (1830–1831). С 1832 г. – чиновник особых поручений в Министерстве финансов, с 1834 г. – снова на военной службе, в Лейб-гвардии Измайловском полку. Директор Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, инспектор военно-учебных заведений (1842–1863).

ПРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ за 1844 год*

1844 год протек спокойно для России и не представлял особенно важных опасений ни внутри государства, ни во внешних сношениях.

ДЕЛА ВНЕШНИЕ

Европейские державы по-прежнему взирали на Россию с предубеждением и недоброжелательством, но это происходит не от того, чтобы Отечество наше подавало повод враждовать против него или бы не заслуживало уважения, а таково политическое направление народов, что все они смотрят неприязненно друг на друга, особенно слабые на сильных. Империя наша безмерна пространством, могущественна своим Государем, душевною приверженностью к Нему подданных, блестящим состоянием войска и тем необоримым единодушием, с которым народ наш готов восстать на врага всеми своими силами. Европейские государства не могут не видеть этого превосходства над ними России и, естественно, не могут ей доброжелательствовать. Сильнейшие из этих государств отстаивают свое первенство в Европе, слабые страшатся за свою независимость – и все с опасением следят за возрастающим могуществом России. В случае нужды, когда европейские народы, подобно как в 1813, 14 и 15 годах, встретят надобность в силе России, они снова будут унижаться и молить нас о спасении их, а без этой надобности они ненавидят нас за ту же самую силу. Ведомая своим монархом Россия, шествуя к предназначенной ей цели, не обращает и внимания на бессильную неприязнь других народов.

Журнальные статьи и сочинения о России

Недоброжелательство к России, как и в прежние годы, проявлялось наиболее в журналах. Они продолжали объявлять клеветы на Россию и каждый замечательный случай перетолковывали в дурную для нас сторону.

---

* Перед текстом помета Л.В. Дубельта: «Его Величество изволил читать. 30 янв[аря]: 1845. Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт».

Известное сочинение маркиза де Кюстина о России было предметом толков и в 1844 году. Замечательно, что в *Revue de Paris* и других журналах помещены были многие опровержения против книги Кюстина. Впрочем, сочинение это имело за границею обширный успех, который породил зависть в других спекуляторах, и некто Витт объявил в журналах о намерении своем издать книгу под заглавием: *Cinq annees de residence en Russie depuis 1828 a 1843**. *Le journal des Débats*, извещая об этой книге, присовокупил, что в ней будут описаны вопиющие несправедливости, будто бы происходящие в России. Сочинитель должен быть какой-либо спекулятор, бывший в России и обманувшийся в своих надеждах. Другое вышедшее в 1844 году сочинение о России под названием: *Russie, Allemagne et France, ou révelations sur la politique Russie***, par Fournier обнаружилось в полном смысле ложный, злонамеренный и невежественный взгляд писателя на предметы. Полагают, что последняя брошюра составлена графом Яблоновским, и мнение это правдоподобно: ибо многие места в ней, относящиеся до Польши, изложены таким образом, что заставляют предугадывать в сочинителе поляка. За сим следует книга: «*Les Mysteres de Russie!*»***. Книга, которую правильнее должно бы назвать: «*Les calomnies sur la Russie!*»****. Впрочем, все выходки писателей 1844 года столько незначительны по достоинству сочинений, что не обратили на себя особенного внимания даже недоброжелателей России.

Польские выходцы

Польские выходцы, рассеянные по многим государствам Европы, не переменили своего легкомыслия и беспокойного характера. Они составляют многие партии, из которых важнейшие суть: *Аристократическая* во Франции, *Демократическая* – там же и партия *Соединения* – в Бельгии. Глава первой партии Адам Чарторижский устремляет цель свою более ко введению в Польше монархического правления; третья партия, *Соединения*, многочисленнейшая всех прочих, под руководством Делевеля, предпочла прежде восстановить Польшу, а потом уже заботиться об учреждении в ней какого-либо образа правления. Но во всех этих обществах беспрерывно происходят отпадения членов, перебежничество, составление новых партий, и ни в одном нет ни единомыслия, ни прочного основания. Деятельнее всех – партия *Чарторижского*. Знатность происхождения его, прежняя известность в отечестве, придаваемое ему имя начальника падшей революции, его богатство, блестящая жизнь в Париже и связи, кои он старается вести с кабинетами и министрами Франции и

* Пять лет в России. 1828–1843 (франц.).

** Россия, Германия и Франция, или разоблачение русской политики (франц.).

*** Тайны России (франц.).

**** Клевета на Россию (франц.).

Англии, – все это производит то, что партия его по крайней мере сама всегда считала и считает себя главою всей эмиграции и распорядительницею ее действий.

Чарторижский придает своим действиям вид как бы государственно-го управления. Из главных действующих лиц при нем: Владислав Замойский¹ заведывает делами партии, наблюдает за духом эмигрантов и за посылаемыми в разные страны агентами; Нарцис Олизар употребляется для убеждения к принятию династических идей тех выходцев, которые желают демократического или республиканского правления. Из копий писем Замойского к находившимся в Турции агентам Велегловскому и Равскому видно, что он приказал им возвратиться в Париж. В этих письмах Замойский объявляет выговор Велегловскому за то, что он ссорился с другими агентами в Турции и не следовал политике Чарторижского, угрожает ему гневом князя (Чарторижского) и вообще объясняется выражениями, кои употребляются в официальных предписаниях законных правительств. Из тех же писем видно, что польские выходцы, быв назначаемы от своих партий к разным обязанностям, считают себя состоящими в государственной службе, получают жалование, деньги на разъезды, выходят в отставку, – словом, действуют как бы члены благоустроенного общества.

Между польскими эмигрантами есть общее то, что все они ненавидят Россию, стараются распространять везде, где возможно, неприязнь к нам, возжигают искры восстания в Галиции и княжестве Познанском, покушаются умножить в Царстве Польском и Западных губерниях России идеи о новом мятеже и склонять в свою пользу умы значительнейших помещиков того края. Приготовляя таким образом восстание, они ожидают удобного случая, чтобы замыслы свои привести в исполнение внезапно, составить заговор в Польше не ранее, как за два или за три месяца до самого мятежа, в том предположении, что всякий долго таящийся заговор слабеет или бывает открываем прежде своего начатия.

Но исполнимы ли эти замыслы? Несмотря на все происки польских выходцев, люди сии только губят самих себя и, конечно, никогда не достигнут своей цели. Многочисленнейшая часть эмигрантов, скрывшись из отечества, оставили в оном все свое состояние или и на родине находились в бедности. Денег, жертвуемых Чарторижским и прочими богатыми эмигрантами, также выслаемых из Галиции, княжества Познанского и других мест, равно ссужаемых капиталистами и собираемых во Франции и Англии под видом благотворения бедствующим изгнанникам, всех этих денег далеко недостаточно не только на замышляемое ими обширное предприятие, но и на поддержание нескольких тысяч год от году более и более беднеющих изгнанников. Выходцы, быть может, еще были б в состоянии и за границу устроить свое счастье, если бы деятельно занялись

Светлейший князь Петр Михайлович Волконский

промыслами и честными трудами, но, увлекаясь политической интригой и обманывая себя ложною надеждою на успех ожидаемого ими восстания, они большею частью ничем иным не занимаются и, ввергаясь в нищенское состояние, становятся в тягость и своим покровителям. Многие из эмигрантов претерпевают такую крайность, что походят более на ссыльных, нежели на людей, добровольно оставивших отечество. Во время пребывания Государя Императора в Лондоне² до 20 человек выходцев представляли просьбы о помиловании³, и те, которые получили Высочайшее разрешение, уже возвращаются в Россию, несмотря на сделанные им объявления, что они будут преданы суду и ответственности по законам. Если бы не существовало воспрещения принимать от изгнанников просьбы, то они возвращались бы к нам толпами. Замечательно, что вслед за дозволением вышепомянутым эмигрантам возвратиться в Россию, получены были сведения, что многие из них за границею обвинялись в разных преступлениях, особенно в воровстве, и вели беспорядочную жизнь, а потом сделалось известно, что один из них, Петрашевский, сбежал из Кракова. Должно полагать, что таковы большая часть выходцев: ибо от людей, живущих в бедности и праздности, а между тем все еще увлекающихся политическими интригами, невозможно ожидать, чтобы они были добросовестные и полезные члены общества.

В этой безнравственности и ничтожности польских выходцев заключается главная причина, отчего они постепенно теряют доверенность у самих иностранцев, которые уже не оказывают им прежнего покровительства и терпят их, можно сказать, из единого сострадания.

Эмиссары

Как в прежние годы, так и в 1844, от посольств и агентов наших были получаемы сведения насчет отправляемых польскими изгнанниками в Россию эмиссаров. В январе извещали, что в руках польского выходца Воронеча, одного из приверженцев Чарторижского, видели паспорт англичанина Гилля, из чего возникало сомнение, не намерены ли выходцы отправить с этим паспортом в Россию какого-либо эмиссара. В мае уведомляли, что между польскими выходцами во Франции и Англии заметно необыкновенное движение и что они предполагают послать несколько эмиссаров, которые будут стараться проникнуть в Россию под именами венгерских купцов. В июне сообщали из Галиции, что несколько польских эмигрантов, в числе которых будто бы находятся Сарнецкий и известный Мицкевич⁴, намерены отправиться с фальшивыми паспортами чрез Австрию в Молдавию. В продолжение года были получаемы и другие подобные сведения, и всякий раз III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии сообщало наместнику Царства Польского и всем главным начальникам по западной границе России, дабы приняты были строжайшие меры на случай приезда эмиссаров, но последствий никаких не было. Равно поступали донесения, что эмиссары будто бы уже проникли в пределы России, например: в исходе 1843 года познанский уроженец Колянковский, приехав в Варшаву, объявлял, что в Литву должны прибыть из-за границы двое эмиссаров, Ясинский и Скибинский, и вызвался обнаружить их. Наместник Царства Польского доставлял Колянковскому способ исполнить этот вызов, но доноситель, пробыв два месяца в Вильне, не сделал никакого открытия, а между тем вел себя столь беспорядочно и распутно, что надлежало за ним самим иметь строгое наблюдение. В апреле лондонское посольство наше сообщало, что по южным губерниям России разъезжает эмиссар, который в письме из Киевской губернии к одному эмигранту в Лондоне подписался буквами: J.W. В письме этом означенный эмиссар объяснял, что он в разных губерниях входил в связи с помещиками, равно с офицерами поселенных полков, имея главную цель приготовить восстание в Западном крае. По этим сведениям, при самом тщательном наблюдении, ничего не обнаружено. Наконец, из Швейцарии получено было сведение, что общество «Юной Европы»⁵ предположило отправить агентов своих, поручая им посягнуть на жизнь государей главнейших держав Европы. В то же время извещали, что и в С.-Петербург должны прибыть с намерением в высшей степени преступным польские

выходцы Изиковский (под именем Брауна), Яблонский (под именем Бродбека) и Зилинский. К счастью, означенные сведения не подтвердились.

Только один польский выходец действительно появлялся в Подольской губернии в конце декабря 1843 года под именем англичанина Катаро – Иосафат Петровский, но и тот не успел возмутить спокойствия края, а только завлек в знакомство с собою нескольких молодых людей и подверг себя и их справедливому наказанию.

Таким образом, польские выходцы в течение 1844 года не сделали вреда России. Замечательно, что с 1839 года, в который последовала казнь эмиссара Конарского, не происходило от злоумышлений выходцев ни одного важного случая, и все слухи об эмиссарах оканчиваются большей частью одними слухами.

Галицийские и познанские поляки

В исходе 1843 года офицеры австрийских 10 и 15 (Марцукелли и Бартолетти) пехотных полков, и прежде обнаруживавшие дух крамолы, распространяли в Галиции свои вредные мнения, подговаривая жителей к возмущению. Заговорщики предполагали начать восстание в январе 1844 года, и помещики галицийские находились в беспрерывных сношениях с познанскими. По обнаружении этого заговора виновные подвергнуты строгому взысканию. Вообще галицийские поляки питают ложный патриотизм и революционный дух не менее поляков познанских.

В Познани в январе 1844 года распространился слух, что два корпуса русской армии, один в Польше, а другой в Литве, возмутились, что мятеж этот был условлен с русскими и польскими перебежчиками, находящимися в Познани, и что последние, при помощи городских жителей, намерены овладеть арсеналом, ограбить публичные кассы и соединиться потом с возмутившимся корпусом в Польше, который будто бы должен был 24 января прибыть к прусской границе. Слух этот о возмущении русских войск был совершенно ложный. В то же время прусский помещик Мальчевский назначил в пограничном имении своем большую охоту, на которую пригласил многих владельцев познанских и польских. Как охота была только предлогом, а истинная цель состояла в том, чтобы помещики познанские и Царства Польского могли иметь свидание и удобнее совещаться о политических делах, то со стороны прусского правительства и нашей приняты были строжайшие меры к непропуску туда никого из жителей Царства. Охота у Мальчевского состоялась в половине января, и на оной было около 2 тысяч человек. Из Царства Польского покушались пробраться или успели быть на этой охоте весьма малое число незначительных людей, из которых одни были задержаны на самой границе, а другие доставлены из Пруссии в Варшаву и преданы законной ответственности.

Вследствие этих событий прусское правительство удалило всех польских выходцев, находящихся в Пруссии и княжестве Познанском, за левый берег Эльбы.

В сентябре месяце в Галиции в лесах около Тарнополя задержано шесть эмиссаров, для поимки которых учреждена была облава, и арестовано еще несколько лиц, вследствие показаний других, состоящих под судом политических преступников; а австрийское правительство открыло запас оружия у галицийских помещиков князей Любомирских.

В последнее же время в Познани составились четыре клуба, в кои принимаются только поляки и французы, и главное действующее лицо между ними есть граф Рашинский. Сказывают, что они испрашивали у прусского короля конституции, но в этом им отказано, и как прусское правительство после того приняло свои меры, удвоив во всем княжестве Познанском гарнизоны, то между познанским дворянством, вместо прежней привязанности к королю, господствует большое неудовольствие.

Говорят также, что жители Кракова, стесняемые Австриею в своей промышленности, изъявляют желание присоединиться к Польше, под владычество Российского Императора.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ

Наблюдение за духом жителей Царства Польского представляет мало утешительного. Продолжающиеся тишина и порядок в Царстве должно относить не столько к улучшению духа жителей, сколько к бдительности наместника и к тому, что в Польше сосредоточены главные силы русской армии. Несмотря на милости и льготы, даруемые полякам, несмотря на то что они ни в самобытности и ни под чьим другим правлением не достигнут того благосостояния, в каком находятся ныне, этот народ, конечно, при первой возможности отделится от нашей Империи или станет на сторону врагов ее. В этом отношении поляки и ныне точно таковы же, какими были до мятежа 1830 года: враги России в душе и чувствах, покорные ей потому только, что не могут быть непокоримыми.

Почетнейшие и более благоразумные из жителей Царства, по крайней мере, ведут себя осторожно: они не принимают участия в злоумышлениях и явно не одобряют оных, но смотрят как бы с надеждою на действия польских эмигрантов за границу и на выходки соотечественников своих, менее осторожных и менее рассудительных. Простой народ, занятый работами, естественно не питает политических замыслов, но, как всякая чернь, легко может увлекаться неблагонадежными руководителями. Эти руководители суть: молодые дворяне, экононы, подсудки и прочие низшего класса люди, которые или еще не умеют ценить выгод спокойной жизни или столь мало имеют собственного состояния, что в случае беспорядков

скорее могут что-либо приобрести, нежели потерять. Ксендзы, под предлогом защиты будто бы потрясаемой католической веры, поддерживают в поляках прежний национальный дух, тем сильнее, что действуют именем религии, к которой католики привержены до энтузиазма. Женщины, наиболее увлекаемые внушениями духовенства и с своей стороны неограниченно владеющие юношеством, связывают разнородные слои общества. Наконец природное легкомыслие поляков, склонность их к занятиям политикою и память о прежней вольнице, а всего более продолжающаяся несколько веков, как бы врожденная, неприязнь к русским – все это делает Польшу более вредящим, нежели полезным достоянием, и если Россия не должна отказаться от поляков, то потому только, что представилось бы еще более невыгод, когда бы эти враги наши составили самобытное государство.

Характер поляков ясно выразился в графе Адаме Гуровском⁶, который, вместе с другими, участвовавшими в польском мятеже, удалился за границу и в 1835 году получил Всемилостивейшее дозволение возвратиться в Россию; здесь он удостоен был многих монарших милостей, но, невзирая на это, в апреле 1844 года скрылся за границу! Таковы почти все поляки: сколько ни изливают на них милостей, они все смотрят врагами России!

В 1844 году в Варшаве продолжалось производство дела о Денкере, Венцковском, Гроссе и других лицах, которые еще в 1843 году обнаружены были виновными в распространении между простым народом демократической пропаганды. В марте же 1844 года была открыта в Варшаве новая политическая связь между молодыми людьми, до 29 человек, наиболее из учеников из сверхштатных писарей, которые замыслили произвести восстание. Они предполагали, собрав до 3 тысяч человек и получив оружие из Познани, стараться хитростью завладеть варшавской цитаделью и в то же время напасть на бывший королевский замок и Лазенковский дворец. Заговор этот имел связь с охотою, бывшею в княжестве Познанском у помещика Мальчевского. Более виновный по этому делу, Крживицкий, предан военному суду, а прочие подвергнуты разным исправительным наказаниям.

В июне трое молодых людей: сверхштатный писец Вокулинский и ученики реальной гимназии Люце и Пржевлотцкий намеревались в случае прибытия Государя Императора в Царство Польское собрать около 20 человек и, скрывшись где-либо на пути, напасть на Императорский экипаж, овладеть Высочайшею особой, требовать восстановления Польши и удаления русских войск из польских провинций. Вокулинский, Люце и Пржевлотцкий в то же время были арестованы и преданы следствию.

В октябре ксендз Сцегенный⁷ в окрестностях города Кельца подговаривал крестьян к восстанию и истреблению помещиков, а в Радоме намерены были произвести подобное волнение двое молодых людей из канцеляристов. Виновные задержаны, и в Варшаве учреждена следственная комиссия.

Кроме того, в Царстве Польском, как и в прежние годы, были открываемы у разных лиц книги и рукописи возмутительного содержания, которые тайными путями, неуловимыми для самого зоркого правительства, беспрерывно ввозятся из-за границы.

Впрочем, невозможно и требовать, чтобы характер, мысли и, так сказать, природа поляков изменилась в течение десятков лет: для слияния столь разноречящих элементов, каковы поляки и русские, необходимо продолжительнейшее время, и то успеха можно ожидать в таком только случае, если поляки постоянно будут видеть справедливость к ним нашего правительства, дружелюбие со стороны самого русского народа и выгоды находиться под властью Империи.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ОТ ПОЛЬШИ ГУБЕРНИИ

Жители возвращенных от Польши губерний, так же как и Царства Польского, почти не изменились после беспорядков, происходивших там в 1831 году: по-прежнему легкомысленны, вольнодумны и расположены к возмущению, хотя ныне не то время, чтобы замыслы их имели успех: ибо правительство наше приняло все меры к остановлению наследственной их болезни.

Из Западных губерний менее всех благонадежна вновь учрежденная, Ковенская, потому что она заключает в себе Самоштию, театр действий последних волнений, и в пределах ее жительствовают многие именитые фамилии древнего польского происхождения, закоренелые в недоброжелательстве к России. Жители Виленской губернии столько же исполнены вредного образа мыслей, но губерния эта обессилена происшествиями 1831 года и отторжением от нее некоторых уездов в состав Ковенской, уездов, наполненных богатыми имениями литовских помещиков. Таким образом, значение Вильны в системе Западных губерний упало, но тем опаснее усилено Ковно, и город этот может сделаться таким же гнездом революционеров, каким некогда была Вильна. Гродненская, Каменец-Подольская и Волынская губернии по нерасположению жителей к нашему правительству составляют продолжение Ковенской и Виленской. Киевская губерния как центр в настоящее время воспитания юношества Западного края и как сборный пункт польских семейств, съезжающихся туда для свидания со своими сыновьями, требует наибольшего против прежнего наблюдения. В Минской губернии не заметно политического волнения

умов, и главное зло состоит в чрезмерно худом обращении помещиков-католиков с крестьянами, большею частию перешедшими из унии в православие. В Белорусских же губерниях, Могилевской и Витебской, в настоящее время умы спокойны и не представляется причин к опасениям.

По замечаниям начальника IV округа Корпуса жандармов графа Буксгевдена, особенно тремя средствами должно действовать на сближение жителей Западного края с русскими; средства сии суть: религия, законы и язык, и как правительство наше в последние четыре года обратило внимание на эти предметы, то с сего только времени надобно ожидать, что жители Западных губерний будут постепенно терять прежнюю свою национальность и сливаться с русскими. Из означенных мер принято было радушно только распространение на Западные губернии, вместо Литовского статута, российских законов: потому что литовское судопроизводство имело многие недостатки, устраненные введением наших законов. Прочие же меры, преподавание в училищах русского языка и обращение униатов в православие, наиболее последнее, произвели между жителями сильный ропот. Ныне там не столько думают об отпавших униатах, сколько опасаются, чтобы не был поколеблен самый католицизм. Черное духовенство по закрытии некоторых монастырей и отобрании в казну монастырских имений потеряло средства к роскошной жизни, которую вело оно прежде, и значительно упало. Естественным следствием этого было негодование католического духовенства, быстро сообщившееся женщинам, почитательницам монахов, и нет угла, в котором бы не слышно было жалоб на утеснение веры. Жалобы эти кажутся им тем основательнее, что в казну отобраны имения и от таких монастырей, при которых существовали благотворительные заведения, также деньги приданные, внесенные монахинями на свое содержание, и капиталы, дарственные или завещанные разными лицами именно на воспитание детей.

В Западных губерниях число женщин, недоброжелательствующих правительству, несравненно превышает число мужчин вредного образа мыслей, и дух свободы и непокорности развит в женщинах сильнее, нежели в мужчинах. Доселе дух этот был передаваем женщинам при самом воспитании их, которое находилось в руках духовенства, и в этом отношении воспрещение воспитывать детей при женских католических монастырях весьма благотельно. Но для содействия успеху этого распоряжения, по мнению графа Буксгевдена, следовало бы с уничтожением школ при монастырях распространить в этой же мере женские учебные заведения под наблюдением благомыслящих надзирательниц из русских дам, тем более что Западный край чрезвычайно беден пансионами для девиц. Наконец, зло в Западных губерниях происходит от множества молодых людей, принадлежащих к лучшим семействам, которые проводят жизнь

праздно и, подвластные внушениям женщин, держат умы дворянства во всегдашнем колебании. Число праздных молодых людей в Западных губерниях увеличивается более и более от существующего постановления, на основании которого не могут быть избираемы в должности по выборам дворянства не прослужившие 10 лет в военной или гражданской службе. Граф Буксгевден полагает, что было бы полезным сократить этот срок до 3 лет, по примеру тому, как он был сокращен в Киевской губернии, дабы молодые люди обратились к служебным занятиям, имели менее времени на вредные замыслы, рождаемые праздностью.

Справедливость требует также упомянуть, что жители Западных губерний умеют ценить милости и правосудие нашего правительства. Высочайшее повеление, объявленное в исходе 1843 года о даровании всем лицам, кои были неправильно записаны в дворянские роды и по решению центральной комиссии обращены в подушный оклад, права поступить в военную службу вольноопределяющимися, произвело в жителях Западных губерний несказанную радость, особенно в тех, которые, быв уже причислены к податному состоянию, совершенно лишались надежды поступить в службу иначе, как по рекрутскому набору. При окончании тяжбы, продолжавшейся многие годы между князем Витгенштейном и графом Тишкевичем, внимание жителей Западных губерний было тем более усилено, что дело это в Государственном совете клонилось в пользу князя Витгенштейна, но когда получено было сведение, что Государь Император, по личном рассмотрении дела, Высочайше соизволил присудить имение графу Тишкевичу, в Западном крае невольно вырывалось из уст каждого восклицание о справедливости Его Величества, и вообще этот случай произвел на умы дворянства того края самое благоприятное впечатление.

Таким образом, общий вывод о жителях Западных губерний составляет тот, что если край этот не предан душевно России, то в меньшей мере, нежели Царство Польское, и по времени будет мало-помалу забывать вражду свою и сливаться с Россией.

ОСТЗЕЙСКИЕ ГУБЕРНИИ, ФИНЛЯНДИЯ И КАВКАЗ

Остзейские губернии, несмотря на то что уже более столетия принадлежат России, также доселе не слились с Россиею, но от причин других. Память о рыцарских временах, немецкое тщеславие и, должно признаться, большая образованность заставляют остзейских дворян гордиться пред русскими дворянами и считать их ниже себя. Поддерживаемые сверх того некоторыми старинными правами остзейские дворяне с величайшим трудом допускают в свое сословие русских дворян; равно и местное купечество поставляет нашим купцам разные препятствия к торговле. Напротив того, в России уроженцы остзейских губерний пользуются всеми правами нарав-

не с русскими и во множестве водворяются в наших губерниях. От этого происходит то, что русские и уроженцы остзейских губерний смотрят друг на друга с некоторою неприязнью. Впрочем, в этой неприязни не заключается ничего политического, и Остзейские губернии как в мирное время, так и в тяжкие годы России всегда были самыми верными, и там никогда не обнаруживалось политических интриг и замыслов.

По другим причинам не сливается с Россиею Финляндия. Здесь дворянство и прочие сословия не только не питают гордости против русских, но, кажется, чувствуют их превосходство над собою, и слияние их с нами может произойти легче, нежели Остзейских губерний. Оно останавливается только потому, что к финляндцам еще близко время, когда они завоеваны Россиею, и еще свежа в них память о подданстве Швеции⁸. Притом же им не только оставлены прежние права и законы, но они отделены от нас таможенною границею, и Великому Княжеству Финляндскому по самым установлениям дана тень самобытности и отдельности от России.

Несмотря на то Финляндия, подобно Остзейским губерниям, принадлежит к числу лучших и самых верных провинций России.

Дела в Закавказском крае, по отзыву приезжавшего в С.-Петербург начальника VI округа Корпуса жандармов генерал-майора Викторова⁹, доселе не приведены в желаемое устройство. Все преобразования более или менее состояли в том, что были вводимы там формы судопроизводства и управления внутренних губерний России, тогда как жалобы по установленной форме, производство дел по судебным инстанциям, апелляционные сроки и другие правила, извлеченные из быта благоустроенных обществ, чрезвычайно стеснительны и даже неисполнимы для племен диких и полудиких, для которых в большей части случаев достаточна одна административная расправа. Поэтому гражданское управление в Закавказском крае должно подвергнуться многим преобразованиям, доколе законы для оного не будут извлечены из самого быта и нравов жителей.

ВНУТРЕННИЕ ГУБЕРНИИ РОССИИ

Собственно Россия, внутренние и южные губернии (не исключая Малороссии, земли Войска Донского и Бессарабии) и Сибирь в политическом отношении представляют самое спокойное население: ибо здесь преобладают русские, которые в общей массе доньше сохраняют благоразумные, основанные на вековых опытах, мнения предков, искреннюю преданность к своим Государям и душевно уверены, что всякое изменение в нашем образе правления повлекло бы Отечество к одним беспорядкам и уменьшению благоденствия. Русские иного образа мыслей весьма редки и составляют исключения, бывающие во всех землях.

В течение 1844 года было несколько доносов о заговорах во внутренних губерниях. Несмотря на благонадежность массы русского народонаселения, доносы эти могли возрождать сомнение, не существует ли колебания умов в России, тем более что неблагонамеренные люди могут быть во всяком и в самом лучшем народе, но, к счастью, все означенные доносы оказались совершенно ложными. Разысканиями обнаружено, что одни из доносителей, если не были повреждены в уме, то не обладали благоразумием; другие простодушно поверили ложным рассказам и слухам; третьи объявлением государственной тайны надеялись обратить на себя внимание правительства или доносили по привычке к ябедам, или, наконец, доносили люди злостные с целью повредить тем, которые по долгу службы преследовали собственные их злоупотребления.

Таким образом, целый истекший год, в течение которого не произошло ни одного действительного злоумышления, и прошедшие 19 лет доказывают, что Отечество наше, исключая Западного края (Польши и возвращенных от оной губерний), твердо и благонадежно в преданности к своим Государям и настоящему образу правления.

Возмущения крестьян в 1844 году происходили в 3 казенных волостях и 16 помещичьих имениях разных губерний. В семи из сих случаев для усмирения крестьян должно было употребить содействие воинских команд, а в прочих спокойствие водворено полицейскими мерами или убеждениями местного начальства и губернских штаб-офицеров Корпуса жандармов.

Таковые возмущения происходили: между казенными крестьянами от разных недоразумений и от внушения неблагонамеренных людей, а в помещичьих имениях частью от желанья крестьян получить свободу из крепостного состояния, наиболее же от обременения их работами и от дурного обращения с ними владельцев и управляющих, но везде без всяких политических целей.

В дурном обращении с крестьянами изобличено в течение 1844 года 27 помещиков и владельцев посессионных имений. Из них 14, преимущественно в Западных губерниях, обвинялись в смертельном наказании крестьян. В подобном злодеянии замечены 59 сельских старшин, приказчиков и управителей.

Число крестьян, лишенных таким образом жизни, простирается до 80 человек обоого пола, считая, в том числе, 18 младенцев, рожденных мертвыми после наказания их матерей.

Необходимым следствием этого бывает то, что и крестьяне, сверх возмущений, иногда посягают на жизнь своих помещиков и управляющих. В 1844 году лишено жизни крестьянами 10, смертельно ранено, избито и отравлено 7 помещиков; посягательств на жизнь управляющих имениями и старост обнаружено 13, всего 29 случаев. В немногих только случаях нападение произведено было из видов корысти, а в большей части или из

мщения за побои или для избежания наказаний, или от преднамеренного желания крестьян освободиться от господской власти, желания, вынужденного продолжительными притеснениями, жестокостью и развратным поведением владельцев и управителей.

К сожалению, многие из дворян наших, особенно мелкопоместные, по недостатку образования и грубому образу жизни, который ведут они в деревнях, доселе мало понимают, что кроткими внушениями можно успевать более, нежели постоянною строгостью, и не умеют иначе взыскать, как только телесными наказаниями. Равно и крестьяне наши находятся еще в том состоянии, в котором человек работает для другого и даже для себя нерадиво и сам вызывает против себя строгость. Это соединение двух малообразованных, но характерных сил производит нередко случающееся противодействие между властью и покорностью, которое не могут совершенно уничтожить ни учреждение опеки над некоторыми из владельцев, ни наказание крестьян, восстающих на своих помещиков.

Впрочем, сравнивая настоящее время с прежним, оказывается, что в Отечестве нашем уже многое улучшилось: ибо прежде жестокое обращение с крепостными людьми было повсеместным, а ныне оно производит негодование даже в кругу дворян, и правительство тотчас принимает меры, как скоро кто-либо из помещиков дозволяет себе неумеренные или несправедливые поступки с своими крестьянами.

ВЫСШЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Сохранению спокойствия в государстве, конечно, должны способствовать и все действия высшего правительства; но как в предшествовавшие времена все права граждан постепенно уже определены, то потребности современные и новые постановления правительства не могут заключать в себе тех беспрерывных милостей и привилегий, которые даровались в старые годы; не менее того масса народа, не вникая в причины действий правительства, часто не одобряет клонящихся по духу времени в ее же пользу новейших постановлений! Так и в прошедшем году ежели и были слышны иногда ропот и неудовольствия, то большею частию то и другое не имело рассудительной к тому причины, и только редкие случаи давали на то некоторое основательное право, как-то: Указ 15 марта о заграничных паспортах; повеление министра внутренних дел в подтверждение забытого закона о числе лошадей и экипажах; запрещение органной музыки в трактирах и вообще излишне строгое требование полиции, чтобы везде соблюдалась тишина ненарушимая. От этих начал утратилась прежняя веселость народная, и в черни заметно некоторое уныние и неопределенное, боязливое чего-то ожидание. Здесь должно заметить, что, к счастью, все сии стеснения приписываются не верховной власти, но

министрам и главноуправляющим отдельными частями, которые, без всякого сомнения, представляя различные постановления более об ограничении существующих прав, нежели о распространении оных, конечно, действуют по убеждению чистой совести и с самою благонамеренною целью.

Неограниченная преданность к своим Государям в русских есть, можно сказать, чувство наследственное и природное; с другой стороны, и Царствующий Император тем сильнее воспламенил в них это чувство, что всеми действиями своими убеждает их в высоких царственных качествах души своей и непрерывно обнаруживает собственную привязанность к своим подданным. Если иностранные народы взирают на него с уважением, как на Государя, первенствующего своими достоинствами между всеми государями Европы, если поляки и жители Западных губерний из всех русских только к нему одному питают невольную любовь, тем более русские вполне понимают своего Императора. В 19-летнее спокойное, большею частию протекшее в мире царствование Он совершил множество дел, достойных истории, для славы и блага Отечества. Продолжающиеся громадные работы по возведению С.-Петербурго-Московской железной дороги, постоянного моста через Неву, необозримая сеть шоссе, будущее благо государства и другие исполинские предприятия удивляют иностранцев и русских, обещая последним неисчислимыя выгоды. Любовь народная обращена и на членов Императорской Фамилии, которые в пример подданным несут на себе многие обязанности службы. Государь Наследник Цесаревич¹⁰, кроме командования войсками, которые Его боготворят, заседающий во всех комитетах, учреждаемых по важнейшим государственным делам и предприятиям, есть надежда царства. Великий Князь Михаил Павлович, превосходнейший начальник вверенных ему войск и военно-учебных заведений, пользуется лучшим из всех имен, именем добрейшего человека, благодетеля своих подчиненных, и вернейшим подданным Государя. Герцог Лейхтенбергский и принц Ольденбургский также отправляют разные обязанности по государственному управлению. В 1844 году занимали публику события в Царском Семействе. Все отдавали искреннюю похвалу, что при бракосочетании Великих Княжон Александры Николаевны¹¹ и Елисаветы Михайловны¹² не было сделано ни малейшего различия. Но общая радость вскоре была нарушена слухами о болезни Великой Княгини Александры Николаевны, а потом безвременною ее кончиною. Это тяжкое для сердца Государя Императора и горестное для всей России событие не должно и возобновлять в памяти Его Величества. Государь Император сам изволил видеть всю любовь, которую изъявляли Его подданные к покойной Великой Княгине, и как эта любовь была неллицимерна; рескриптом же своим на имя С.-Петербургского военного генерал-губернатора¹³ довершил Он выражение общей неограниченной приверженности народа к Августейшему Семейству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в минувшем году не произошло ни одного важного случая, который бы представлял опасность в политическом отношении; происки заграничных недоброжелателей наших были ничтожны; Польша и возвращенные от оной губернии бдительностью нашего правительства удерживаются в пределах должной покорности, а жители всей прочей России сохраняют самую твердую преданность к престолу и настоящему порядку вещей; если здесь иногда происходят беспорядки или продолжаются разные злоупотребления, то они не имеют в себе ничего политического и время от времени слабеют или вовсе искореняются. В нравственном отношении еще остается желать многого для блага нашего Отечества, но оно не останавливается на одном месте, а шествует к улучшению быстрыми стопами. Вообще события 1844 года приводят более к утешительным, нежели неприятным результатам о России.

Шеф жандармов¹⁴ обязывается присовокупить, что отчет сей составлен им из различных сведений, имеющихся в III отделении, несколько применяясь к прежним примерам; в оном не помещены только суждения о министерствах и других главных управлениях, как по недавнему вступлению его в настоящую должность, так и потому, что в течение 1844 года значительных перемен не произошло по министерствам, но он представляет себе изложить суждения о них в будущем времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 9. Л. 120–161.

¹ Замойский Владислав, граф, один из семи сыновей С.А. Замойского (1775–1856), члена Государственного совета и Софьи Адамовны Чартарыйской (1778–1837), в замуж. гр. Замойской. До восстания 1830 г. – адъютант вел. кн. Константина Павловича, после – активный помощник А. Чарторыйского. Во время Крымской войны был одним из организаторов Корпуса «оттоманских» казаков, генерал-майор турецкой армии.

² Николай I посетил Англию в начале июня 1844 года. «Много ходит разнообразных слухов насчет настоящей цели его визита; всего вероятнее и проще, это посещение объясняется желанием поддержать хорошие отношения с Англией и уравновесить возрастающее влияние Франции на Сент-Джемский кабинет. Во всяком случае,

император своей необходимостью и щедростью сильно затруднил игру французскому королю, которого ждут сюда осенью» (Ч. Муррей. Королева Виктория и Николай I. Отрывки из дневника. // «Николай I и его время». Т. 2. М. 2000. С. 331). При либеральном правительстве лорда Роберта Пилля произошел разрыв франко-британского союза, что дало Николаю I надежду на возможность достичь договоренности с Англией на случай распада Османской империи. Проведя ряд встреч с королевой Викторией, принцем-консортом Альбертом, Р. Пилем, Дж. Эбердином, Г. Дж. Пальмерстоном и А. У. Веллингтоном, российский император пытался прозондировать проблему наследства «больного человека». Предполагалось решение по формуле «Проливы за Египет». Однако русско-британское сближение не

состоялось; новое правительство лорда Росселя возобновило альянс с Францией.

³ О других проявлениях активности польской эмиграции в Англии во время визита Николая I отчет умалчивает. Сэр Ч. Муррей же сообщает, что 6 июня «произошло несколько попыток сделать враждебную демонстрацию, но они не удались, и полиция арестовала одного оборванца, который раздавал польские прокламации с угрозой, что император будет убит в Англии... Раньше была произведена попытка одним поляком пробраться в комнату императора. Он принял на себя роль портного и уверял, что принес панталоны, заказанные императором. Так как он предлагал значительную сумму денег одному из придворных слугителей, чтобы его допустили к императору, то явилось подозрение, и его передали полиции, которая нашла на нем стилет» (Там же. С. 330).

⁴ Мицкевич Адам (1798–1855), польский поэт, активный участник европейского революционного движения. В 1823 г. был арестован и выслан из Литвы, до 1829 г. находился в России. С 1830 г. – в эмиграции. В 1848 организовал польский легион, сражавшийся за свободу Италии. Во время Крымской войны с политической миссией отправился в Константинополь, где умер от холеры.

⁵ В 1834 г. на конгрессе представителей «Молодой Италии» (1831–1848), «Молодой Польши» (1834–1836) и «Молодой Германии» (1833–1850) возник союз этих обществ под названием «Молодая Европа». Руководителем объединенной организации был признан Джузеппе Мадзини, девизом провозглашались «свобода, равенство и гуманность». Целью общества являлось установление республиканского строя в странах Европы. Предпринимались попытки создать также организации «Молодая Франция», «Молодая Испания» и «Молодая Бельгия». Общество просуществовало до 1836 г., когда распалось на составные элементы.

⁶ Гуровский Адам (1805–1866), граф, польский публицист. Принимал деятельное участие в польском восстании 1830–1831 гг. После поражения восстания жил в эмиграции, много писал, критикуя политику России. Увлечен идеями панславизма (1835). Получил позволение вернуться в Россию, жил в Познани и Бреславле. В 1848 г. переселился в Северную Америку.

⁷ Сцегенный Петр (1800–1890), ксендз. В начале 40-х годов основал крестьянскую революционную организацию, совершившую попытку восстания (1844). Был приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами. Находился в ссылке в Перми (1861–1871).

⁸ Финляндия отошла к России в результате Русско-шведской войны 1808–1809 гг.

⁹ Викторов Владимир Михайлович, службу начал в Инженерном корпусе (1805); участник Отечественной войны 1812 г. В 1819 г. уволен с военной службы по болезни. Зачислен в Корпус жандармов (1835) штаб-офицером в Пензенскую губернию, затем был штаб-офицером в Тифлисе; назначен чиновником особых поручений при командире Отдельного Кавказского корпуса Е. Голловине (1840). С 1843 г. – начальник VI (Кавказского) округа Корпуса жандармов (ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2, Д. 561, 859).

¹⁰ Вел. кн. Александр Николаевич.

¹¹ Александра Николаевна (1825–1844), великая княжна, дочь Николая I, семейное прозвище «Адини». 16(28) января 1844 г. вышла замуж за ландграфа Гессен-Кассельского Фридриха-Вильгельма. Умерла от преждевременных родов 29 июля (10 августа) 1844 г. В память о ней в Санкт-Петербурге была основана Александринская женская больница.

¹² Елизавета Михайловна (1826–1845), дочь великого князя Михаила Павловича. 19 января 1844 г. вышла замуж за герцога Нассауского Адольфа I.

¹³ А.А. Кавелин.

¹⁴ А.Ф. Орлов.

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ за 1845 год*

1845 год, подобно нескольким предшествовавшим, протек спокойно для России. Правительство наше для ограждения целости и внутренней безопасности империи давно уже не встречало надобности прибегать не только к силе войск, но даже к необыкновенным распорядительным мерам. Все действия высшей полиции ограничивались одним наблюдением, не имеют ли основания иногда получаемые доносы о злоумышлениях, и наблюдения сии, к счастью, оканчивались убеждением, что или предостерегательные сведения были неосновательны, или умыслы неблагонамеренных людей оставались без исполнения, а если иногда и приводились в действие, то были уничтожаемы распоряжениями нашего правительства при самом их начале. Подтверждением этому служат все дела и наблюдения высшей полиции в 1845 году.

ДЕЛА ВНЕШНИЕ

Европейские государства по развитию промышленности, искусств и торговли, по увеличивающимся богатству городов, удобствам и удовольствиям жизни находятся в возрастающем и цветущем виде, но с политической и нравственной стороны представляется иная, ни мало не утешительная картина. Не говоря о Франции, как бы источнике и поддержке правительственных неустройств, не говоря о Швейцарии, гнезде самых вредных обществ, коммунистов и других, в последние годы соседственные нам державы более и более приходили в колеблющееся и смутное состояние.

Дух беспокойства усилился в Германии особенно с того времени, как прусский король¹ имел неосторожность подать надежду своим подданным на перемену в образе правления. Во всей Германии обнаруживается направление умов, жаждущее беспредельной свободы; партия революции и республики распространяется, дерзкие, возмутительные сочинения год от году умножаются и волнуют народ, преимущественно горожан. Рассудительность

---

* Перед текстом помета Л.В. Дубельта: «Его Величество изволил читать. 11 февраля: 1846. Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт».

германцев не только не подает надежды на исправление, но заставляет опасаться, что зло укоренилось тем сильнее, чем хладнокровнее их характеры.

Среди собственных неустройств иностранцы не упускали случая изъяслять свое недоброжелательство к России. Пруссаки, домогаясь исполнения обещаний о конституции, приписывали единственно России отлагательство и нерешимость короля их в этом деле. Распространяли слухи, что Император российский настаивает, дабы прусский король всеми силами удерживался от выдачи конституции, могущей произвести вредное влияние на подданных соседних держав, особенно России. Прежние толки, что должно положить преграду чрезмерному влиянию России на другие государства, что на Венском конгрессе не было обращено надлежащего внимания на могущество России в отношении общего положения Европы, продолжались и в 1845 году.

Все это доказывает только, что другие державы невольным образом признают первенство пред ними сильной, самостоятельной и неприступной России.

Сочинения и журнальные статьи о России

Из вышедших в 1845 году сочинений против России «Les mysteres de Russie»* не имело никакого успеха и еще до окончания издания предано было забвению. В этом сочинении Фридерик Лакруа, человек без всякого таланта, по примеру Кюстина собрал большею частью прежние клеветы о России, а парижская публика не обращает внимания на то, что не заключает в себе особенно нового и любопытного. Головин², к собственному несчастью его отложившийся от своего Отечества, наконец, также издал давно обещанную им книгу «La Russie sous Nicolas I»**, наполненную разными оскорбительными выдумками насчет России, но эта книга написана столь дурно и так мало обнаруживает таланта, что ее почти никто не читает, и ни один журнал не похвалил.

К распространению клевет и лжей на Россию много способствуют польские выходцы; они участвуют и в составлении французских пасквилей: это обнаруживается, между прочим, из того, что в статьях и книжках с клеветами на Россию все иноязычные собственные имена искажены и только польские написаны правильно. В Париже, а потом в Риме появилась какая-то полька, которая разгласила, будто бы она была игуменьей базилианского монастыря³ в Минской губернии, будто архиепископ Иосиф (Симашко)⁴ намерен был обратить ее и 34 монахини в православие, но, видя, что они остаются твердыми в католической вере, отправил их, под арестом, в Витебск, и там будто бы подвергли их самым жестоким истязаниям, мучали, многих убили, некоторых предали любострастию солдат и у 8 монахинь выкололи

* Тайны России (фр.).

** Россия при Николае I (фр.).

глаза! Если о столь гнусной клевете невозможно слушать без гнева, то еще более надобно удивляться, что в иностранных журналах напечатан рассказ этот во всей полноте и нашлись люди, которые ему верят, а поляки ходили по церквам и служили обедни за упокой усопших мучениц.

Католики находят заступников преимущественно во Франции; поводом к войне германской журналистике служат наиболее: распространение православия и русского языка в Остзейских губерниях, переселение евреев от границ во внутренние места Западных губерний, а также строгое и неумолимое наблюдение таможенных правил на русской границе; за последнее одни бранят нас явно, другие с мнимою благонамеренностью, доказывая, что этим мы, разоряя их, вредим и самим себе.

Некоторые думают, что правительство наше должно бы иметь за границею на своей стороне нескольких писателей и журналов для опровержения вымыслов иностранцев. Но журнальная война и возражения ни к чему не ведут: они только возбудят внимание и породят бесконечные распри, в которых затмевается самая истина. Несравненно лучше следовать принятому нами правилу – возражать молчанием и презрением, тем более что зло уничтожается собственным своим излишеством; нелепость и огромность обвинений сами собою доказывают их неосновательность и ничтожность.

Польские выходцы

Польские выходцы, находящиеся за границею, не перестают питать мысли о восстановлении древней Польши; между ними продолжают прежние партии и по временам составляются новые. В 1845 году существовали следующие:

1. Общество демократическое.

Оно отличается от других обществ наибольшею деятельностью и постоянством. Главные поверенные этого общества: Теофил Вишне夫斯基, Иоанн Алциато и Виктор Гельтман. Оно издает журналы под названием: «Le Democrate Polonais»* и «Przonka»; редактор первого – Алберт Дораский, а второго – Зенкович⁵. Число членов простирается до 400 человек.

2. Общество аристократическое

Представитель этого общества Адам Чарторижский действует наиболее по влиянию Владислава Замойского и Нарцисса Олизара. Происки Чарторижского преимущественно обращены на дела Востока и Рима: находящиеся в разных владениях Оттоманской империи эмиссары его имеют поручение отклонять влияние России на дела турецкого Дивана и возмущать славянские племена; а римское правительство он старается восстанавливать на защиту будто бы притесняемой в Польше католической

* «Польский демократ» (фр.).

церкви. Число сообщников Чарторижского простирается до 500 человек. Из них под редакцию Олизара и Вронича издаются журналы: «Le 3 mai» и «L'Echo Polonais»*.

3. Общество соединения

Общество это с 1838 года находится в постоянном разладе, так что члены не могли даже согласиться насчет избрания пяти лиц, должствующих составить комитет их, и наименовали только трех: Лелевеля, Зверковского и Одинского. Вследствие этого общество мало-помалу распадается. Число членов оногo в настоящее время не простирается свыше 450 человек. Издаваемый Дворчевским и Залеским журнал этого общества под названием: «L'Aigle blanc»** равным образом распространен весьма мало даже между эмигрантами.

4. Общество военных Рыбинского

Оно состоит из нескольких пожилых военных людей, принадлежавших прежде к партии аристократической и присоединившихся к Рыбинскому после разрыва его с Чарторижским. Не имея средств и нужных качеств, Рыбинский долгое время оставался спокойным, но когда получил в наследство от графини Малаховской 200 000 флоринов, то из самолюбия поставил себя на собственный счет главою особой партии. Советники Рыбинского не столько разделяют его намерения, сколько стараются выманивать у него деньги. Общество это, число членов коего простирается до 400 человек, не имеет никакой прочности, и действия оногo ограничиваются единственно ничтожными, напыщенными и лживыми объявлениями, распространяемыми посредством журнала «La nouvelle Pologne»***, издаваемого Островским.

5. Секта Товянского⁶

Товянский основал политическо-религиозную секту и находит безумцев, предающих себя в пожизненное рабство для слепого и беспрекословного исполнения его повелений. За всем тем дух этой партии, в которой считается до 69 человек, в том числе известный Мицкевич, сближаясь более с так называемым панславянизмом, не питает против России такой непримиримой вражды, как другие. От этого демагоги бранят всегда и везде товянщину, а самого основателя провозгласили русским шпионом. С тех пор, как Товянского стали преследовать и изгонять из каждого места, где он поселялся, секта его начала уменьшаться и обратила на себя общие насмешки, несмотря на усилия Мицкевича, который всеми мерами старается возвысить ее в глазах своих почитателей.

* «Третье мая», «Польское эхо» (фр.).

** «Белый орел» (фр.).

*** «Новая Польша» (фр.).

6. Резюррекционисты*

Общество это преимущественно состоит из польских священников. Оно имеет два монастыря – один в Париже, а другой – в Риме и учредило приют для убежища престарелых, больных и неимущих соотечественников. Утверждают, что общество это производит обширные сношения с духовенством французским, римским и польским, обладает денежными средствами более всех других партий, уважается эмигрантами и имеет на них сильное влияние, особенно на партию Чарторижского.

Из всех партий, только демократическая, аристократическая и резюррекционистов требуют особенного наблюдения и то потому только, что члены сих партий посредством переписки и распространяемых ими сочинений стараются поколебать и возмутить народ польский, подвластный России. Собственная же сила выходцев год от году ослабляется более и более. Постоянные неудачи в замыслах охладил самых пылких революционеров, и большая часть эмигрантов, оставив напрасные попытки, обратились к существенным занятиям для улучшения своего быта. Из находящихся во Франции до 5000 польских выходцев ныне не более 1800 человек принадлежат к разным обществам и из них 3/4 только считаются членами, не оказывая партиям своим никакого содействия. Один из самых ожесточенных врагов России Островский сказал, что если бы всем польским эмигрантам объявлено было прощение, то из них не осталось бы за границу и 60 человек.

Эмиссары

Из предыдущей статьи видно, что Адам Чарторижский предположил возмущать славянские племена, подвластные Турции. Эти интриги уже возбудили внимание правительства Оттоманской империи, которое чрез агента своего Леона Радо узнало подробности предположений Чарторижского. Эмиссары, им отправляемые, обязаны внушать славянским племенам, подвластным России, Австрии, Турции и Пруссии, что они, дети одной крови, должны забыть старую вражду, соединиться и произвести общее восстание, сбросить с себя иго других племен, составить одно славянское огромное царство в 90 или более миллионов жителей. Мечтатели думают разделить это царство на четыре штата: русско-славянский, польско-славянский, чехо-славянский и иллирико-славянский. В первый удел должно войти Российское государство, за исключением Царства Польского, Литовских и Украинских губерний, которые присоединяются к польско-славянскому штату; Пруссия, Австрия и Турция также лишаются всех польских и славянских областей. Штаты сии будут управляемы каждый особенными правами сообразно правилам и обычаям господствующих народов на либеральном основании, но под одним федеративным панством, быть может, наподобие

* От resurrection (фр.) – Воскресение.

Американских штатов или по форме Германского союза, как определено будет по общему соглашению. Таким образом несколько сот безземельных и бесприютных изгнанников предполагают разрушить четыре огромные монархии для того, чтобы воскресить одну Польшу.

Намерение партии Чарторижского возмущать славянские племена относительно России проявилось в том, что находящийся в Константинополе эмиссар его Чайковский в исходе 1845 года отправил к Донским и Черноморским казакам галицийского уроженца Свидзинского, которому поручено было возбуждать казаков к неудовольствию против нашего правительства и склонять их к союзу с польскими выходцами. Но избранный для этого человек оказался более жалкою жертвою, нежели опасным орудием, он не имел ни способностей, ни средств исполнить возложенное на него поручение. Казаки же при этом случае показали непоколебимую преданность к престолу, всегда их отличавшую; все, к кому Свидзинский ни обращался с злоумышленными намеками, были столь далеки от политических интриг, что даже не понимали его; а первый, выразумевший* цель послания Свидзинского, генерал-майор Греков, предал его в распоряжение правительства.

Получались такие сведения, что эмиссары намерены были проникнуть в Польшу и возвращенные от оной губернии. Эти сведения, несколько раз возобновлявшиеся, оказывались, однако же, неосновательными. Нет сомнения, что польские выходцы изыскивают все средства вторгнуться в пределы России, но здесь путь им от строгих мер, принимаемых нашим правительством, столько затруднен, что эмиссары остаются при одних своих замыслах.

Галицийские и познанские поляки

Хотя австрийское и прусское правительства принимают меры против злонамерений поляков, но меры сии несравненно слабее, нежели в России. Оттого Галиция и Великое герцогство Познанское представляют почти свободное поприще для действий эмиссаров и местных жителей из польских уроженцев.

В апреле 1845 года шайка, состоявшая из подмастерьев, гимназистов и солдат познанского ландвера, покушалась овладеть в Познани крепостью и арсеналом, истребить военные и гражданские власти и по данному будто бы из Варшавы сигналу провозгласить независимость Польши. Покушение это предупреждено было правительством, которое, впрочем, нерешительно противодействуя опасным предприятиям злоумышленников, хотя арестовало зачинщиков Адольфа Мальчевского и братьев Римаркевичев, но на другой же день освободило их на поруки, а Римаркевичи потом бежали из-под присмотра полиции.

* Так в тексте.

Описанное здесь происшествие случилось в Познани в страстную пятницу. Замечательно, что в тот же самый день в Галиции несколько сот крестьян и других людей из черни по наущению коммунистов намеревались ворваться в Краковскую область для истребления там высших сословий. Злоумышления в Галиции были также остановлены, но враги общественного порядка, нимало не упавая духом, провозглашали, что если они в этот раз не имели успеха, то через несколько времени дела их непременно примут счастливейший для них оборот.

Подобные беспорядки в Галиции и герцогстве Познанском происходили почти непрерывно в течение 1845 года; один после другого были открываемы то эмиссары, то заговоры, то приготовления в разных местах оружия, воинской амуниции и лошадей, то вспыхивали самые возмущения, так что в последнее время наместник Царства Польского⁷ признал необходимым усилить меры осторожности на нашей границе.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ

Политическая и нравственная порча, распространившаяся по западным государствам Европы, мало проникла в Царство Польское. Происки коммунистов и польских выходцев, находящихся за границею, хотя оказывали иногда влияние на поляков, но правительство наше управляет этим краем столь твердою рукою, что всякие умыслы, встречая непреодолимые себе препятствия, тотчас уничтожаются, и 1845 год принадлежит к тем годам, в которые наименее происходило политических беспорядков в Польше.

В начале 1845 года обнаружена была подложная булла папская, заключающая в себе разрушительные правила коммунизма: ее злоумышленники читали хлебопашцам. Хотя ложность буллы не подлежала сомнению, но по невежеству лиц, которым она читана была, и это грубое средство имело довольно сильное влияние. Как с тем вместе распространились слухи, будто булла эта составлена с целью оклеветать перед правительством католическое духовенство, то наместник Царства Польского приглашал в Совет католических епископов и, объяснив, сколь вредные правила для всех сословий общества изложены в булле, старался уверить их, что такая бумага могла быть составлена только людьми злонамеренными и врагами правительства.

В апреле месяце в Польских провинциях появлялись белые и красные конфедератки⁸, которые, как признак близкого исполнения мнимо патриотических надежд поляков, и в 1830 году были замечены за 6 недель до начала возмущения. Но эти опасения не имели никаких последствий.

Кроме того наместником Царства Польского были получаемы доносы о заговоре в Польше, распространенном будто бы даже на Украине и имеющем связь с открытыми прежде злоумышлениями, также об эмиссарах,

будто бы проникших из Швейцарии в Царство Польское и проч. По таким доносам в то же время принимались строгие меры как со стороны наместника, так и генерал-губернаторов Западной России, но многие из этих доносов оказывались неосновательными, а другие, хотя неопределенно, но обозначают только общее дурное расположение умов польского народа в политическом отношении.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ОТ ПОЛЬШИ ГУБЕРНИИ

Еще менее возвращенные от Польши губернии подавали в 1845 году поводов к опасениям. Здесь открывалось одно только сомнение, но и то почти не подтвердилось. В Варшаве перехвачены были письма графини Ледуховской, из которых возродилось подозрение, что в Волынской губернии существовал секретный комитет, учрежденный с целью распространения католической веры; что члены комитета, посредством графини Ледуховской, находились в сношениях с Римским двором и с Лионским комитетом, пересылали деньги за границу и сообщали в Рим в неприязненном к нашему правительству духе все, что делается в России и Польше относительно католической веры. Для раскрытия этих действий сверх распоряжений, сделанных генерал-фельдмаршалом князем Варшавским в Царстве Польском, сообщено было по Высочайшему повелению Киевскому военному губернатору⁹ о производстве розыскания на Волыни, и были арестованы в Варшаве графиня Ледуховская и в Волынской губернии каноник Ожаровский, Миончинские, Дунин и Глассер. Но по всем розыскам существование тайного комитета на Волыни не подтвердилось; графиня Ледуховская не открыла лицо, через которое посылала свои письма в Рим, а прочие признаны совершенно невинными, кроме каноника Ожаровского, который, впрочем, навлек на себя только сомнение и положительно не уличен.

Заметно, что в Западных губерниях многие именитые польские семейства удалились в свои поместья; избегая этим необходимого за ними наблюдения, они в деревенской жизни крепче и теснее соединяются друг с другом; вдали от городской суетности свободнее предаются вредным замыслам и, наконец, копят деньги, которые составляют сильное пособие всему, даже народному восстанию.

ОСТЗЕЙСКИЕ ГУБЕРНИИ

Еще в 1842 году между лифляндскими крестьянами заброшена была ложная мысль, что они получают казенные земли, если примут православие. Беспорядки, тогда происходившие по этому случаю, были в то же время прекращены, но искра продолжала тлеть и в 1845 году вновь вспыхнула.

В марте месяце некоторые жители города Риги изъявили желание присоединиться к православию, и в то же время представители лифляндского дворянства, опасаясь возобновления прежних волнений, ходатайствовали о принятии мер против этого. Опасения дворян признаны напрасными, и по Высочайшему повелению объявлено, что латышам можно дозволить присоединение к православию с тем только, чтобы они просили не через поверенных, а лично, и богослужение для них отправлять на латышском языке в одной из наших церквей. В июне в Дерптском и Верроском уездах распространились слухи, что наступил срок к приписке на перемену веры, и лифляндские крестьяне потекли толпами к священникам в Ригу, Верро и Дерпт. Местное начальство принимало все меры осторожности к устранению беспорядков. Крестьянам было внушаемо, чтобы они не иначе являлись, как с увольнительными видами от помещиков и не более десятой части населения, но латыши приходили даже без видов, по 300 и более человек; им объяснили, что от перемены веры они не получают никаких мирских выгод, но крестьяне оставались в убеждении, что положение их должно улучшиться и что если не Государь Император, то Наследник Его дарует им казенные земли.

Весьма естественно, что с этими событиями соединились ропот дворян и беспорядки со стороны крестьян. Последние бросали работы, оказывали дерзости и ненависть; и в октябре месяце волнение возрастало до того, что Дерптский уездный предводитель дворянства ходатайствовал о присылке войск для сохранения спокойствия.

Едва ли можно определить причины настоящих событий. Русские объясняют, что стремление латышей к перемене веры происходит от их собственного желания; что протестантское духовенство для сохранения своих выгод интригует против этого стремления и всеми силами старается удержать крестьян в прежней вере; что лифляндские дворяне, принимая настоящие события за опасное волнение, представляют дело в ложном виде. Напротив того, высшие и средние сословия в Лифляндии доказывают, что крестьян подстрекает православное духовенство, что латыши переменяют веру без всякого убеждения, единственно для избежания помещичьей зависимости, и что перемена исповедания, не обещая прочных успехов православию, есть не религиозный, а политический переворот, грозящий бедствиями краю. Опять повторим, трудно определить, на которой стороне здесь справедливость, но, тем не менее, общее стремление латышей обратиться к православию возросло до такой степени, что останавливать этот порыв столько же опасно, как и содействовать оному. Поэтому Государем Императором Высочайше повелено: предоставить латышей относительно перемены веры собственному их убеждению, но строго преследовать тех, которые осмелятся подстрекать их к беспорядкам; равно наблюдать, чтобы

лифляндские дворяне и протестантское духовенство не отклоняли желающих от православия.

Замечают еще, что было бы полезно отменить в Остзейских губерниях те из местных привилегий, которые не согласны с обстоятельствами времени и находятся в противоречии с распоряжениями нашего правительства. Например, министр народного просвещения¹⁰ старается распространять в тех губерниях русский язык, а на основании привилегий в присутственных местах там производятся дела только на немецком и даже не примут просьбы на русском языке! Ныне распространяется в Остзейских губерниях православное исповедание, а по местным привилегиям православные там не могут заниматься иностранным торгом, потому что это предоставлено Большой гильдии, в которую записываются одни лютеране; русские не допускаются ни к каким ремеслам в городах, потому что мастером может быть только лютеранин; наконец, русский дворянин не может пользоваться всеми правами своими в Остзейских губерниях; словом, – православная вера и русские в Остзейских губерниях унижены пред местными верою и жителями.

Находящийся в Лифляндии жандармский штаб-офицер доносил, что сколько он ни старается уступчивостью и вежливостью приобрести расположение к себе местного начальства, но оно всегда удаляет его от всякого влияния на дела. Полицмейстеры, определяемые там от короны, также не имеют никакой власти, и городами управляют бургомистры, которые безбоязненно дозволяют себе разные злоупотребления. Более 40 лет Остзейские губернии не были никем ревизуемы. В октябре 1845 года министр внутренних дел¹¹ признал необходимым отправить в Ригу чиновника своего, коллежского советника Ханыкова¹², поручив ему обревизовать экономическую часть городского управления. Встретив надобность в проверке подлинных протоколов Большой гильдии, Ханыков потребовал к себе эти документы, но рижские купцы отказали ему в этом; потом, когда генерал-губернатор¹³ предложил гильдии доставить ревизору протоколы, купцы, вместо немедленного исполнения, произвели болтировку* и, положив все шары на противную сторону, донесли генерал-губернатору, что они, по привилегиям своим, не обязаны выдавать на рассмотрение своих протоколов и что почтут себя не в праве не исполнить воли генерал-губернатора в таком только случае, если он не предложит, а подпишет им.

Таким образом, высшие и средние сословия в Остзейских губерниях, отделяя себя от общих прав и обязанностей господствующего народа в России, держат себя как бы в самобытном положении. Поэтому, особенно ныне, с распространением в Остзейских губерниях православия, надлежало бы постепенно и осторожно ослаблять силу тех местных привилегий, которы-

* Так в тексте. Совр. – баллотировка.

ми ограничиваются права русских, и поставить там православных в то положение, в котором господствующий народ должен находиться в пределах своей Империи.

ВНУТРЕННИЕ ГУБЕРНИИ РОССИИ

Внутренние губернии России в 1845 году были совершенно спокойны в политическом отношении. Только один молодой человек, коллежский секретарь Бердяев, занимался составлением возмутительных воззваний и подобных бумаг. Впрочем, он трудился в уединении, никому не показывал своих сочинений и, считая занятия свои литературными, сам себе не мог дать отчета, для чего он, таким образом, губил время и свои способности. Никакие обстоятельства не обнаружили, чтобы Бердяев питал вредные замыслы, а напротив того, многие причины заставляли подозревать, не расстроен ли он в рассудке. Последствия подтвердили эту догадку: быв отправлен из С.-Петербурга в Симбирск, Бердяев оказался поврежденным в уме, а потом даже покушался на самоубийство.

В продолжение 1845 года мало получено и самых доносов о злоумышлениях во внутренних губерниях; полученные же оказались или ложными, или не заключающими в себе ничего важного, и доносители желали только открыть собственные свои нужды и просьбы. III отделение обращало бдительное внимание на всякий политический донос, так как предмет этот столько важен, что здесь никакие меры осторожности не могут быть излишними. Но с тем вместе обращалось строгое внимание и на качество доносителей, дабы по оговорам их не пострадали невинные: ибо доносители большею частью бывают сами люди безнравственные, нередко клеветуют по личностям или по собственным видам, делая из доносов своих род промысла.

Другие замечательные события в государстве были следующие:

Западные губернии России, Псковская, Витебская, Могилевская, Виленская, Ковенская и Гродненская находились в бедственном положении от неурожая хлеба. В некоторых уездах этих губерний недостатки простирались до такой степени, что жители питались самым дурным хлебом и вследствие этого распространялись эпидемические болезни, а скот от недостатка корма подвергался падежу, так что во многих местах не осталось и наполовину скота, необходимого для успехов земледелия. Правительство наше принимало всевозможные меры: в Псковской губернии находится сенатор Пешуров, а в прочие губернии отправлен был товарищ министра внутренних дел¹⁴; помещикам отпущена значительная ссуда денег из кредитных учреждений, казенные крестьяне поддерживались суммами, рассылаемыми от Министерства Государственных Имуществ, почти все порты Балтийского моря были открыты для беспощадного ввоза иностранного хлеба, и, наконец, из плодородных губерний двинулись в Западные караваны с хлебом. Надежды на

будущее также не совершенно благоприятны. От недостатка хлеба на семена поля во многих уездах Западных губерний засеяны в меньшем против прежнего количестве; всход озимых хлебов был весьма дурен; в прошедшем году оставались еще запасы хлеба, и помещики, входя в долги, помогали крестьянам собственными средствами; в 1846 году хлебных запасов вовсе не будет, и помещики, обремененные долгами, более не в состоянии будут оказывать им помощи. Поэтому правительство и в 1846 году должно будет употребить если не более, то столько же жертв и деятельности для поддержания крестьян в губерниях, страдающих от голода.

Возмущения крестьян в 1845 году происходили в 6 казенных и 23 помещичьих имениях разных губерний. В первых поводом к неповиновению было уравнивание повинностей и стремление крестьян поступить на оброчное положение; в последнем – дурное управление владельцев и, наиболее, желание крестьян освободиться от крепостного состояния. Важнейшее из возмущений было между крестьянами Воронежской губернии, где оказалось необходимым принять особенные меры предосторожности. В Западных губерниях составление инвентарей¹⁵ для частных имений возрождало превратные толки насчет освобождения крестьян от помещичьей власти. В Псковской – недостаток в продовольствии подавал повод помещичьим крестьянам к волнению и жалобам на владельцев и управителей.

Кроме того, в Смоленской и Екатеринославской губерниях были значительные побегии крестьян из 7 помещичьих имений, большей частью по причине ложных слухов о дозволении переселиться на Кавказ.

Все эти беспорядки прекращены были мерами краткими или исправительными. В 9 случаях обнаружено было постороннее подстрекательство, в том числе в 3 – местными священниками, которые и подвергнуты взысканию.

В продолжение 1845 года убито крестьянами 8 помещиков и 9 управителей; безуспешных покушений к тому обнаружено 12, всего 29 случаев. Кроме того, в 11 имениях открыто зажигательство крестьянами домов своих владельцев. Причины этих преступлений заключаются также в намерении освободиться от крепостного состояния, в мщении за строгое обращение или в видах корысти.

Жестокости владельцев над своими крестьянами обнаружены в 9 имениях; 24 помещика и 70 управителей и приказчиков обвинены в смертельном наказании крестьян. Число умерших от того простирается до 80 человек обоего пола, исключая 9 малолетних и 34 мертворожденных вследствие наказаний. Последние случаи замечались преимущественно в губерниях Западных.

ВЫСШЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В 1845 году Государь Император и почти все особы Августейшей Фамилии предпринимали путешествия. В этих случаях всего более являются

доказательства самой искренней преданности, можно сказать, детской любви русского народа к своим Государям. Из донесений жандармских штаб-офицеров видно было, что везде, где следовали Государь, Государыня Императрица, возбуждавшая тем живейшее участие, что всех беспокоило здоровье Ее Величества¹⁶, Государь Наследник Цесаревич, Великий Князь Константин Николаевич и другие особы Императорского Семейства, все жаждали видеть Их, все встречали Их с восторгом и провожали с благословениями. Иностранцы и наши путешественники решительно утверждают, что в Европе осталось только одно Русское царство, в котором так любят своих Государей.

Во время путешествия в Палермо¹⁷ Государь Император явил редкий в Истории пример, поручив власть свою Государю Наследнику Цесаревичу, и сколько Государь Император оказал доверенности своему сыну, столько Наследник оправдал Его доверенность. Разрешая доклады министров, это был не неопытный правитель, но в полном смысле Наследник Великого Государя. Везде следуя правилам управления своего Родителя, он ни разу не вышел из пределов, ему указанных Августейшим Родителем, и всем казалось, что Государь Император как бы находился в России и во время Своего отсутствия.

Не менее того, по весьма естественному чувству, возвращение Государя из Италии произвело необыкновенный восторг в народе, тем более, что отсутствие Его Императорского Величества продолжалось несколько месяцев, а последовавший за тем Высочайший рескрипт, в коем воздана справедливая похвала заслугам Наследника Цесаревича на государственном поприще, был истинным торжеством для русских, которые столько же дорожат славою обожаемого ими Наследника, сколько он любим Августейшим своим Родителем.

Управление государством в 1845 году шло прежним стройным порядком. По части законодательства особенно важен Высочайший Манифест 11 июня об ограничении прав военных и гражданских чинов на приобретение дворянского достоинства¹⁸. По наблюдению жандармских штаб-офицеров Манифест этот не только не породил каких-либо неблагоприятных толков, но все сословия в государстве признали, что ограничение было необходимо: ибо легкость приобретения дворянства чрез меру умножило число дворян, бедных и недостойных этого звания. Более всех довольны родовые дворяне, достоинство которых возвышено тем, что доступ в круг их затруднен для других сословий. Молодые люди не из дворян, образовавшиеся в высших учебных заведениях, ободряют себя надеждою, что каждый из них дослужится до чина 5 класса статской или до чина майора в военной службе. Одни чиновники, которым оставался незначительный срок для получения чина коллежского асессора, а с ним

и дворянства, естественно огорчились новым постановлением, но огорчение их было кратковременное, потому что они сами не могли не признать справедливости этого закона.

Еще благотворнее будет по своим последствиям издание Уложения о преступлениях и наказаниях¹⁹, которое воспримет действие с мая 1846 года. Главная перемена состоит в том, что в новом Уложении исчислены все, сколько можно было предвидеть, преступления, отненены все степени каждого преступления, умышленное и неумышленное, пагубное по последствиям и непроизведшее никакого зла и проч.; высшее наказание полагается только за вредное для других или закоренелое преступление, а чем менее в проступке было умысла и зла и чем больше убеждений, что действие совершено от невежества, неосторожности или стечения обстоятельств, тем слабее полагаются наказания; кроме того, из числа орудий наказания уничтожен кнут. Таким образом, правила нового Уложения, согласные с правосудием, с понятиями нашего времени и, карая истинное зло, допускают милосердие везде, где только представляется к тому возможность. Словом, в новом Уложении устранены многие недостатки прежнего уголовного права, на которое давно указывало общее мнение, как на недостатки, требовавшие неперменного исправления. Это Уложение останется навсегда памятником мудрой заботливости Государя Императора о своем народе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, 1845 год можно отнести к одним из спокойнейших для России в политическом отношении. Недоброжелательство заграничных врагов наших, шаткость Польши и возвращенных от нее губерний, все это не может радовать, но и не составляет важной опасности для сильной России, которая презирает интриги заграничные, а в своих пределах в состоянии держать властью то, что не держится любовью и искренней преданностью. Для России остается поле внутренних усовершенствований, и здесь-то деятельность нашего правительства является в полном своем развитии. Войско наше доведено до такого отличного положения, что составляет непреоборимую ограду, за которою спокойно все прочее народонаселение Империи. Устройство внутреннего управления и быт всех сословий граждан постепенно совершенствуется; а возведение железных дорог и другие государственные предприятия обещают в скором времени уравнивать наше Отечество с прочими европейскими державами в быстроте сообщений, в успехах торговли и промыслов. Надобно желать одного, чтобы при этом стремлении дел русские не переняли европейской порчи нравов, сохранили свою народность и остались навсегда, по примеру прародителей своих, преданными своей Вере, своим Государям и Отечеству.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ, Ф. 109. Оп. 223. Д. 10. Л. 87–124.

¹ Фридрих-Вильгельм IV.

² Головин Иван Гаврилович (1816–?), публицист, эмигрант. Образование получил в Дерптском и Берлинском университетах, служил в Министерстве иностранных дел. Уехал за границу и в 1845 г. перешел в английское подданство. Известен рядом сочинений о России на французском и немецком языках. Книга «La Russie sous Nicolas I» надолго лишила его возможности вернуться на родину. Жил в Италии (1852–1852), в Америке (1853–1855). После смерти Николая I был прощен императором Александром II и возвратился в Россию.

³ Базилиане, греко-униатский орден Св. Василия Великого, существовавший в пределах Польши с XVII века. Базилианские монастыри возникли в результате преобразования православных обителей по римско-католическому образцу. В 1828 г. базилианские монастыри в пределах Российской империи были закрыты. После 1831 г. базилиане оставались в пяти обителях Царства Польского (в Варшаве, Люблине, Холме, Белой и Замостье), откуда были удалены в 60-х годах.

⁴ Иосиф (Симашко, Семашко) (1798–1868), один из главных поборников воссоединения униатов с православной церковью. Сын небогатого дворянина, впоследствии – униатского священника в Киевской губернии. Учился в Немировской гимназии, затем в духовной семинарии при Виленском университете, магистр богословия. В Луцкой епархии был рукоположен в священнический сан (1820); получил назначение в униатский департамент Римско-католической духовной коллегии в Петербурге (1822). Разработал проект, легший в основу Высочайшего указа 22 апреля 1828 г., который положил начало преобразованию униатской церкви. Самостоятельный Литовский епископ (с 1832 г.). Назначен членом Секретного комитета по униатским делам (1835). Литовский и Виленский архиепископ (с 1840 г.), митрополит (1852).

⁵ Зенкович Леон (1808–1870), участник Польского восстания 1830 г., эмигрант. Публицист и литературный критик, издавал сатирический журнал «Пшонка» (1839–1844). Активный деятель Демократического общества, член «Централизации» (1846–1847 и 1853–1855).

⁶ Товянский Андрей (1799–1878), известный польский мистик. Своей миссией считал реализацию слова Божьего на земле. Прибыв в Париж в 1840 г., совершил «чудо» исцеления жены Адама Мицкевича и приобрел в его лице горячего сторонника. 27 сентября 1841 г. в соборе Парижской Богоматери произнес речь, в которой говорил, что «польский народ, верно хранивший веками христианство в душе своей, призывается ныне через дело Божье провести христианство в свою частную и общественную жизнь и таким образом сделаться народом-службой Бога, примером жизни христианской для мира». Речь произвела сильное впечатление и положила начало организации «верных».

⁷ И.Ф. Паскевич.

⁸ Конфедератка, головной убор (обычно трехцветный), получивший распространение во время польского восстания (1830–1831); название происходит от слова «конфедерация» – в средневековой Польше дворянский союз с определенной целью; цвета имитировали национальную одежду краковских крестьян – синие кафтаны с белым воротником и красные шапки.

⁹ Д.Г. Бибииков.

¹⁰ С.С. Уваров.

¹¹ Л.А. Перовский.

¹² Ханьков Яков Владимирович (1818–1862), чиновник особых поручений при министре внутренних дел; впоследствии – оренбургский губернатор. Известен своими картографическими трудами, печатал очерки с описанием местностей России. Член Географического общества.

¹³ Е.А. Головин.

¹⁴ Сенявин Иван Григорьевич (1801–1851), тайный советник, сенатор. Поступил на военную службу (1817); участник Русско-турецкой войны (1828–1829). С 1831 г. – на гражданской службе, в Департаменте уделов, член Кабинета Его Величества (с 1834 г.); новгородский губернатор (1838–1840); московский гражданский губернатор (1840–1845). С 1844 г. – товарищ министра внутренних дел, командировался в различные губернии с ревизиями.

¹⁵ Инвентари (Инвентарные правила), положения, определявшие размеры наделов и повинностей помещичьих крестьян, были изданы 26 мая 1847 г. и дополнены 29 декабря 1848 г. Составлялись для западных губерний России. Первоначально сохраняли за крестьянами земельные участки, которыми они владели к моменту введения инвентарных правил. Позднее был установлен «нормальный» размер участка, а излишки отходили к помещику. Регламентация взаимоотношений крестьян с помещиками выглядела для последних как покушение государства на их исконные права и вызывала серьезное недовольство.

¹⁶ Императрица Александра Федоровна страдала сердечно-сосудистым заболеванием. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала, что летом 1845 г. «здоровье Мама становилось все хуже. Оно трепетало

как пламя свечи, грозящей погаснуть, и сделало необходимым консилиум врачей. Они все требовали скорого отъезда на юг, не ручаясь в противном случае ни за что... Предложили Крым, но Папа отверг это ввиду того, что там бушевала малярия. Вопрос о юге Франции даже не поднимался из-за короля Луи-Филиппа. Неаполь не подходил оттого, что там был Двор, а следовательно, обязанности по отношению к нему. Поэтому остановились на Палермо. Там будет спокойнее. Предполагалось, что Мама уедет на девять месяцев» («Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846». – «Николай I. Муж. Отец. Император». М. 2000. С. 308–309).

¹⁷ В конце 1845 г. Николай I навещал в Палермо императрицу Александру Федоровну.

¹⁸ Манифест 11 июня 1845 г. (№ 19086, опубликован 22 июня) «О порядке приобретения дворянства службою» значительно повышал класс «Табели о рангах» для получения потомственного (VI – для военной и V – для гражданской службы) и личного (с IX класса) дворянства; чиновники X–XIV классов попадали в полупривилегированную прослойку почетных граждан.

¹⁹ Это собрание правовых норм, изданное в 1845 г., носит название «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных».

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ за 1846 год*

Происходившие в начале 1846 года беспорядки в Галиции и великом княжестве Познанском¹ побудили и наше правительство поставить себя в готовность предупредить всякое беспокойство, которое могло бы начаться в нашем Отечестве. Хотя обстоятельство это придавало политическим делам нашим вид менее спокойный, нежели в предшествовавшие годы, но с одной стороны, заграничные беспорядки почти не проникли в наши пределы, а с другой – опасения представлялись только в Западном краю России; спокойствие же в прочих областях государства не было нарушено ни одним важным обстоятельством. Поэтому общий обзор дел по части высшей полиции приводит к тому убеждению, что Отечество наше, несмотря на некоторую шаткость Западного края, и в 1846 году вообще сохраняло прежний вид твердости и неизменности в политическом отношении, так что если бы другие державы европейские не представляли совершенно другого вида, то правительству нашему оставалось бы только пользоваться плодами своего попечения.

ДЕЛА ВНЕШНИЕ

В Германии и Швейцарии религиозные секты, дух своевольства и пагубное учение реформаторов, стремясь разрушить не только политический быт общества, но и самые священные верования человека, быстро распространяются по всем слоям общества и достигли в настоящее время до той степени необузданности, которая, по словам даже французских демагогов, превосходит всякое вероятие. Нельзя еще определить с точностью конечного результата этого зла, но, во всяком случае, должно опасаться, чтобы нравственная зараза, по соседству к нам Германии, не перешла и в наши пределы.

Франция и Англия представляют для нас причины беспокойства другого рода, тем, что укрывают в пределах своих всех эмигрантов. Прави-

---

* Перед текстом помета Л.В. Дубельта: "Его Величество изволил читать. 18 января 1847. Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт".

тельства этих держав если не содействуют явно интригам польских выходцев, то, по крайней мере, ведут дела свои таким образом, что выходцы считают себя под их покровительством. Поляки убеждены, что с кончиною короля Людовика-Филиппа² Франция, а с тем вместе и Англия не откажутся открыто помогать им в деле восстановления прежней Польши. Все неприязненные действия их совершаются в виду правительств Франции и Англии без всякой преграды, и вообще судьба поляков находит там большое сочувствие.

Сочинения и журнальные статьи о России

Французские журналисты в 1846 году заняты были преимущественно сочинением статей о судьбе поляков. Из клевет собственно на Россию они только продолжали от предыдущего года грубый вымысел игуменьи Мечиславской о жестоком гонении, будто бы понесенном монахинями базилианского монастыря в Минске. К этому журналисты присоединили еще клевету какого-то ксендза Чарковского, который разгласил, будто бы он, не согласившись переменить веру своих предков, был сослан в Сибирь вместе с 240 других польских священников; что одни из них во время перехода, в Тобольске, пали под ударами кнута, а другие, в том числе и он, Чарковский, скрылись и успели пробраться за границу. Впрочем, вслед за тем журналы сами объявили, что басня Чарковского неосновательна.

Нет сомнения, что эти вымыслы и клеветы составляются частью находящимися в Париже обществами поляков с тою целью, дабы, возмущая умы против нашего правительства, иметь большую подпору при исполнении своих замыслов, а частью – французскими писателями из личных их выгод. Примером последнему может служить профессор славянской литературы в Парижском коллегииуме Киприан Роберт, который, вопреки прежним своим мнениям о России, ныне обнаруживает к нам самую непримиримую ненависть. Причина этой перемены заключается в том, что журналисты провозгласили его приверженцем России, а потому и лекции его оставались без слушателей; избрав же направление, согласное с духом времени, он снова привлек к себе слушателей.

Побужденный этою выгодою, он даже вступил в общество поляков, цель которого состоит в распространении коммунизма между низшим классом племен славянских.

Находящийся во Франции изгнанник наш Головин, несмотря на то что напечатанная им в 1845 году книга о России не обратила на себя никакого внимания, готовится издать новое сочинение с клеветами на свое отечество. Кроме недостатка в таланте, Головин и по нравственным качествам нигде не пользуется хорошим о себе мнением. Он настоятельно просил о принятии его сначала в английское, а потом во французское подданство, но правительства отказали ему в этом более по невыгодным све-

Граф Петр Андреевич Клейнмихель

дениям о его характере и нравственности. Непринимаемый ни в чье подданство и находясь почти без всяких средств к существованию, он сделался отверженцем всех наций и терпит жалкую, заслуженную им участь.

Польские выходцы

В 1846 году из польских обществ во Франции секта Товянского и Военная партия Рыбинского почти совершенно утратили свое существование. Такая же участь ожидает общества Соединения и Резуррекционистов, которые по бездарности своих правителей лишились большей части своих последователей. Этот ущерб делается, впрочем, в пользу Адама Чарторижского, партия которого неутомимо стремится к осуществлению легкомысленной надежды изгнанников на восстановление прежней Польши. Не менее деятельности оказывают ревнители польской независимости, находящиеся в Бельгии и Англии, и последние беспорядки в Кракове и Галиции были следствием обширного заговора, составленного в Лондоне.

План этого заговора заключался в том, чтобы сначала приготовить восстание во всех областях прежней Польши и, когда уже созреют предварительные распоряжения, произвести общее возмущение. План этот передан был главным членам всех партий польской эмиграции только для

сведения. Но Польский демократический комитет без ведома прочих обществ отправил эмиссаров Мирославского³ и Алциато, первого в великое княжество Познанское, а второго в Галицию и Краков, поручив им немедленно открыть мятежные действия. Естественно, такое рановременное* начало не имело успеха. Правительство прусское, открыв следы злоумышлений, предупредило восстание в Познани, и Алциато, узнав об этом, разослал приказания остановить неприязненные действия в Галиции, но это было уже поздно. Впрочем, мятеж, вспыхнувший в Кракове, был в скором времени подавлен распоряжениями покровительствующих держав.

Казалось, этого опыта было бы довольно для уничтожения несбыточных замыслов поляков, но, к несчастью, они столько слепы, что не видят необходимых неудач и снова стремятся к тому, чего никогда не достигнут. Центральный комитет демократической партии в Париже сделал воззвание к сообщникам, в котором, обвиняя Алциато в неточном исполнении возложенного на него поручения, изъяснил свои виды и предначертания к произведению нового восстания в областях прежней Польши.

Присоединение Кракова к Австрийской империи еще более возбудило деятельность польских выходцев. Адам Чарторижский вошел в сношение с министрами Франции и Англии, подстрекая правительства к защите Венского трактата относительно Кракова, а между тем делает заем и сборы денег, предположил разослать во множестве экземпляров революционные воззвания и отправить в польские провинции новых эмиссаров. Нет сомнения, что эти замыслы будут столько же ничтожны, как прежние, или даже окончатся одними похвальбами, свойственными полякам, но, тем не менее, со стороны высшей полиции в империи и Царстве Польском приняты все меры наблюдения и предосторожности.

Эмиссары

Главнейшие пункты, в кои стекались эмиссары, высылаемые польскими выходцами, были в 1846 году великое княжество Познанское и Галиция. Особенно Краков всегда был, можно сказать, гнездом злоумышленников. Наше правительство получало также сведения о намерении эмиссаров проникнуть в Царство Польское и другие места империи, но они или не могут успевать в этом по строгим принятым у нас мерам, или немедленно задерживаются. Не говоря о Свидзинском, которого польские выходцы в конце 1845 года выслали в самую Россию для возмущения Донских казаков, и который, как жалкая жертва, тотчас был схвачен верными казаками, даже в Царство Польское не проникнул ни один важный эмиссар, хотя на этот край преимущественно обращены были замыслы изгнанников. В Литовских губерниях появлялись из княжества Познанского нес-

* Так в тексте.

колько эмиссаров, но двое выехали обратно, потому что не в состоянии были сделать ничего важного, а один, Рер, задержан в Гродненской губернии.

В 1846 году завелось еще гнездо польских выходцев у границ Бессарабии, в окрестностях Тульчи. Там поляки составили из себя целое поселение. Главный из них Пулавский, именуясь Ахмет-Беем, руководил прочими и поддерживал их денежными пособиями. Цель этого скопища определенно не известна, по одним сведениям – они намерены действовать неприязненно на Отечество наше, по другим – возмущать славянские племена, подвластные Турции, но, во всяком случае действия их располагаются по указаниям Чарторижского и его главного агента в Константинополе Чайковского. Управляющий Новороссийским краем⁴ находится по этому предмету в непрерывных сношениях с нашими консулами в соседственных областях Турции и имеет там своих агентов по отношениям высшей полиции, государственный канцлер⁵ входил в переписку с нашим посланником в Константинополе⁶ для предупреждения правительства Оттоманской империи. Сначала по распоряжению этого правительства один из главных выходцев, Александр, был задержан, препровожден скованным в Русук и оттуда в Константинополь, а за ним отправился и Пулавский, так что польские выходцы близ Тульчи были сильно поражены этим случаем; но впоследствии получено известие, что Александр в Константинополе освобожден из-под стражи и в скором времени вместе с Пулавским возвратится в Тульчу. Как Пулавский с сотоварищами своими летом 1846 года приезжал для охоты к нашей брантвахте⁷ у Георгиевского рукава Дуная, то командиру этой брантвахты прапорщику Баркареву, который в прежние приезды поляков видался с ними и приобрел от них доверенность, поручено завлечь их под каким-либо предлогом к нашей брантвахте и задержать.

Великое княжество Познанское и Галиция

Главным поводом к беспорядкам, произшедшим в Галиции и великом княжестве Познанском, было послабление со стороны правительств австрийского и особенно прусского, которые дозволяли польским выходцам иметь там беспрепятственное пребывание. Стекавшиеся туда из Парижа, Лондона, Бельгии и Швейцарии эмиссары, действуя на жителей то правилами коммунизма, то революционными внушениями, приготавливали народ к волнению. Новым эмиссарам, Мирославскому и Альциато, прибывшим для начатия действий, уже нетрудно было поднять восстание.

Прусское правительство успело предупредить беспорядки в своих провинциях, но в Кракове они обнаружались во всей силе: бунтовщики овладели вольным городом и, упразднив сенат, утвердили революционное правление. В Галиции влияние возмутительной пропаганды нашло

многих поборников из среды арендаторов, обедневших помещиков и других, не имеющих значительного состояния лиц. Не прибегая к государственным мерам, австрийское правительство старалось восстановить крестьян на мятежников, и это распоряжение оказалось слишком пагубным. Видя в нарушителях общественного спокойствия всегдашних своих притеснителей, крестьяне воспользовались этим случаем для отмщения им и обратили свою жестокость не только на виновных, но и на мирных помещиков. Наконец, крестьяне потребовали уничтожения податей, рекрутской повинности и совершенного освобождения от помещичьей зависимости. Владельцы, оставленные без защиты, искали убежища в пределах нашей империи.

Вступление в Краков войск покровительствующих держав скоро восстановило там прежний порядок; беспокойства же в Галиции, уже не политические, но общественные, продолжались весьма долго. Наконец, Краков присоединен к Австрийской империи, и эту меру должно считать одною из благодетельнейших.

С другой стороны, имеются сведения, что между поляками великого княжества Познанского и Галиции образовалась особая партия, которая, видя неудачи покушений к восстановлению прежнего королевства, убеждена, что для польской нации не может быть другого блага, как соединение всех отдельных частей ее под одно российское подданство. Партия эта называется Славянским обществом. Поборники этой мысли полагают достигнуть своей цели не насильственными мерами, но взаимным соглашением трех покровительствующих держав.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ

При всех деятельнейших мерах нашего правительства к устранению влияния заграничных беспорядков на Царство Польское, краковские и галицийские происшествия по сочувствию поляков к действиям заграничных соотечественников их, не могли остаться без отголоска в Царстве. Это влияние обнаруживалось общим, хотя скрываемым, но, тем не менее, заметным ожиданием успехов заграничных происшествий, невольными выражениями мнимого польского патриотизма, там и здесь находимыми революционными воззваниями и другими случаями.

В одном Седлецком уезде горсть безрассудных людей, соблазненная помещиком Потоцким, решила было действовать открыто и вооруженною рукою, но они тотчас были схвачены жителями же Седлеца. Главным возмутителем здесь был помещик Домбровский, которому заграничные злоумышленники поручали начальство в бунте на правом берегу Вислы, но который, не видя возможности действовать, скрылся и не успел произвести никакого беспорядка.

Следственная комиссия, учрежденная в Варшаве, встречала большие затруднения к разысканию виновных, как потому, что явных и единодушных умыслов в Царстве не было, так и по невозможности иметь факты к обличению одних только намерений. Сознания познанских арестантов, сообщенные в Варшаву, дали потом возможность к более положительным разысканиям, но и здесь обстоятельства убеждают не более как только в том, что если бы в княжестве Познанском и Галиции заговорщики успели произвести решительное восстание, то, быть может, многие и в Царстве сбросили бы с себя личину и последовали бы заграничному примеру. Движение российских войск к усмирению мятежников и решительные меры в наказании открывшихся бунтовщиков способствовали к удержанию их мечтательных намерений.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ОТ ПОЛЬШИ ГУБЕРНИИ

В Западных губерниях империи во время происходивших за границею беспорядков сделаны были строжайшие распоряжения к наблюдению за всеми действиями жителей. Наблюдение это сверх местных властей поручено и войскам, там расположенным. Для большего же единства в распоряжениях возвращенные от Польши губернии объявлены на военном положении и подчинены непосредственному управлению главнокомандующего действующею армиею⁸. В Киеве и Вильне учреждены постоянные следственные комиссии над политическими преступниками по примеру Варшавской комиссии.

Замечательно, что заграничные недоброжелатели весьма мало устремляли свои злоумышления на губернии, вверенные управлению генерал-адъютанта Бибикова, и там не произошло ни одного важного случая в политическом отношении. Напротив того, в Литовских губерниях были и эмиссары, и предположения к внутренним волнениям. Сюда из великого княжества Познанского приезжали для узнания духа жителей и приготовления мятежа три эмиссара: Сломчевский, Магдзинский и Рер; первые два в скором времени выехали обратно, а последний задержан в Гродненской губернии.

Рер и Магдзинский от познанского общества злоумышленников назначены были начальниками восстания – Рер в Литве, Магдзинский в Самоштии; им было поручено завладеть Вильной, Слонимом и Брест-Литовским, а в случае неудачи присоединиться к отряду Домбровского, долженствовавшему действовать на правом берегу Вислы.

Производимым в Вильне следствием открывается, что Магдзинский и Рер приобрели в Литве многих сообщников. Из них особенную деятельность оказывал лекарь Реньер, который хранил у себя революционную инструкцию и разные возмутительные бумаги, распространял идеи

о восстановлении прежней Польши и завлекал в свои замыслы других. Прочие молодые люди и мелкопоместные дворяне только разделяли мнения эмиссаров и Реньера, имели свидания с Рером или укрывали его, но, не ожидая успеха от возмутительных замыслов, советовали ему удалиться из России. Впрочем, дело это при дальнейшем ходе обнаруживает более и более злоумышлений, таившихся в Литве, и обстоятельства убеждают, что если там не было явного покушения к беспорядкам, то это нисколько не происходило от чувства привязанности к правительству, но от совершенного убеждения в недостатке средств произвести возмущение.

Равным образом и возмущение поселян в Галиции против помещиков не осталось без отголоска в наших пограничных губерниях. Общее спокойствие жителей нарушено не было, но в некоторых имениях Гродненской, Виленской и Ковенской губернии раздражения помещичьих крестьян против своих владельцев проявлялись сначала жалобами на притеснения и толками об освобождении их от барщины, потом явным неповиновением, особенно в Белостокском уезде. Здесь крестьяне шести владельцев, отказываясь от свидетельских присяг по следственным и уголовным делам в том предубеждении, будто бы после того они подвергнутся вечной барщине, собирались толпами и произносили угрозы против помещиков. Впрочем, это волнение в скором времени прекращено было местными начальствами при содействии военных отрядов.

В подстрекательстве крестьян к возмущению обнаружено до двадцати местных жителей; замечено также, что некоторые католические ксендзы имели неблагоприятное влияние на умы поселян и ожесточали их против владельцев. Кроме того, ожесточение крестьян происходило от самих помещиков, арендаторов и управляющих, которые большею частью не обращают внимания на нужды их, даже в неурожайные годы, заботясь только о собственных своих выгодах.

Должно еще упомянуть, что в этих немногих случаях неповиновения крестьяне не оказывали ни буйства, ни особого сопротивления; не доверяя только убеждениям чиновников, они изъявляли беспредельную преданность высшей власти.

Постоянная заботливость правительства об улучшении нравственного и материального состояния других обитателей Западных губерний – евреев – начинает уже приносить желаемые плоды. Многие из них немедленно перестали носить еврейскую одежду и уже менее прежнего чуждаются обществом. Число евреев, желающих переселиться на казенные земли для хлебопашества, также увеличивается.

ОСТЗЕЙСКИЕ ГУБЕРНИИ

В Лифляндии присоединение иноверцев к православию продолжалось и в 1846 году. В Феллинском, Перновском и Валкском уездах желающих присоединиться записалось около 5 тысяч человек. Обнародование определенных правил насчет присоединения и установленный для принятия в православие 6-ти месячный срок убедили крестьян в ложности мнения их, будто бы с переменою веры изменится быт их. Успокоению их способствовали также внушения флигель-адъютантов и других чиновников, которые были туда посылаемы, равно назначение рекрутского набора, коему православные латыши подвергнуты наравне с лютеранами.

Виновные в прежних волнениях латышей, большею частью местные жители различных вероисповеданий, были преданы суду. Разысканиями открыто, что подстрекатели действовали не по данному кем-либо направлению, но единственно потому, что сами были увлечены обстоятельствами.

Впрочем, если одни склоняли латышей к принятию православия, то с другой стороны, местные помещики всеми мерами старались отклонить их от этого. Еще более противудействовали православию пасторы, которые угнетали переходивших в нашу веру, произносили проповеди и даже протестовали официально. Оба эти сословия – светское и духовное, соединенные одинакими выгодами и не расположенные к русским, от которых отделены языком, нравами и обычаями, действовали в том предубеждении, что крестьяне оставляют лютеранский закон по проискам лиц, ненавидящих немцев, и что последствием этого будет совершенное отчуждение земледельцев от помещиков.

В июне 1846 года возникало движение крестьян на острове Эзеле. Прежде они оставались спокойными, и потому правила о переходе в православие им обнародованы не были. Разнесшиеся на Эзеле из других уездов Лифляндии превратные толки о льготах начали привлекать толпы жителей в г. Аренсбург. Местный священник обещал им раздать катехизисы, дабы они приобрели предварительные познания в православии, но крестьяне, думая, что в этой книге заключаются постановления о льготах, собрались в числе человек и требовали освобождения от помещичьей зависимости. Беспорядки эти были непродолжительны, и латыши тотчас расходились, как только им объяснено было их заблуждение.

Вообще спокойствие в Лифляндии по религиозным делам столь упрощено, что в сентябре 1846 года признано возможным отозвать находившийся там дивизион казачьего полка.

Но если низшее сословие в Лифляндии успокоено, то в высшем заметно раздражение умов и неудовольствие против русских. Увеличение там числа русских чиновников, проезд лиц, особо командиремых, и возникшие

слухи об изменении некоторых местных привилегий возбуждали толки и ропот в Лифляндии.

В конце 1845 года обнародованы были дополнительные правила о повинностях лифляндских крестьян, коим предоставлены некоторые льготы, и учрежден в С.Петербурге особый комитет при участии предводителя и депутатов лифляндского дворянства для нового рассмотрения положения об устройстве крестьян. Эстляндцы также представили свои предположения по этому предмету, и дворянству уже предоставлено начертать окончательное постановление о повинностях крестьян в Эстляндии. Остается желать, чтобы хозяйственное положение крестьян в Курляндии, содержащее в себе также некоторые неудобства, было подобным образом пересмотрено для лучшего устройства этого края.

ВНУТРЕННИЕ ГУБЕРНИИ

Политическое спокойствие во внутренних губерниях империи ничем не было нарушено. Только чиновник Ромашов прислал к камер-юнкеру графу Коновницыну экземпляр революционной конституции, впрочем, не для того, как он объяснял, чтобы забросить искру мятежа, а с той целью, дабы мысли его о разных преобразованиях могли дойти до Высочайшего сведения. Разысканиями открыто, что Ромашов уже несколько лет питал в уме своем подобные идеи, не сообщая, однако же, их никому, конечно же, по той причине, что во всей России не встречал людей, которым бы мог открыть свои предположения. Пример Ромашова не наводит никакого сомнения на верноподданность вообще россиян: он составляет исключение, к счастью, редко являющееся в нашем Отечестве. Это был человек погибший, который развратил свою нравственность, менял жен, пускал в оборот фальшивые билеты Харьковского приказа общественного призрения, похитил казенную сумму, бывшую в его распоряжении, и, наконец, падая из преступления в преступление, скрылся и объявил себя утопшим, подобно тому как первая жена его несколько лет слыла умершею. Весьма естественно, что в человеке столь развращенной нравственности были и мысли развращенные. Действия его происходили не от далекой политической цели, не от обширных соображений, а единственно от того, что он погряз в пороках. Во всяком случае Ромашов не мог быть терпим в обществе, но его должно считать не столько опасным злоумышленником, сколько человеком, который поведением своим наносил стыд своему Отечеству.

В течение 1846 года даже ложных доносов, как бывало в прежние годы, о политических замыслах собственно в России почти не поступало. Один только венденский мещанин Гердень, жительствуя в Смоленской губернии, отправил под вымышленным именем два письма в Лифляндию, вызывая жителей Остзейских губерний к возмущению, а вслед за тем

объявил жандармскому штаб-офицеру, что имеет открыть важную тайну. Гердень делал все это единственно для того, что, находясь в стесненных обстоятельствах, надеялся получить деньги или от лифляндцев для пособия к возмутительным действиям, или от правительства за открытие тайны. Все объяснения его заключали в себе одну ложь и одно безрассудство.

Прочие получавшиеся донесения относились или до злоупотреблений по службе, или до беспорядков в обществе и разных преступлений граждан. Хотя нельзя не сознаться, что беспорядки в этом роде у нас многочисленны, но, с одной стороны, зло никогда совершенно не истребится, как недостаток, сродный всем народам, а с другой – улучшений в гражданском быту должно ожидать только от времени, от распространения образования и постепенного усовершенствования государственного благоустройства.

Другие замечательнейшие события в Отечестве нашем были следующие.

Недостаток продовольствия от прежних неурожаев в Западном крае и бедность жителей, изнуренных дурною пищею, породили там эпидемические болезни, особенно в губерниях: Псковской, Лифляндской и Витебской. В некоторых имениях Псковской губернии умерло от трети до половины рабочих крестьян. По этому случаю для облегчения помещиков в платеже податей повелено исключить умерших из ревизий. Из казенных имений той же губернии по всегдашним почти неурожаям и недостатку удобных земель для хлебопашества переселено до 6000 душ крестьян в Тобольскую губернию.

К последствиям этих бедствий в Западном крае можно отнести и разные беспорядки: нападения крестьян на дома помещиков и священников для грабежа и добытия съестных припасов. Таких случаев было 17, в том числе: в Виленской губернии 4, в Ковенской и Подольской по 3, в Витебской, Минской и Смоленской по 2. Командирование туда состоящего при шефе жандармов генерал-майора Ахвердова, быстрое преследование грабителей и строгое наказание их на месте преступления успокоило встревоженных жителей.

Для отвращения недостатка продовольствия в Западных губерниях правительство и в 1846 году продолжало принимать деятельные меры: назначало пособия, разрешало разные льготы и непрерывно наблюдало за состоянием неурожайных губерний.

Несмотря на то что поля в Западных и Остзейских губерниях на 1846 год по недостатку семян не могли быть обсеяны надлежащим образом, урожай оказался частью хотя посредственный, но достаточный для обеспечения продовольствия жителей местными средствами до новой жатвы; частью же скудный, и потому для облегчения быта жителей Виленской и

Ковенской губернии Высочайше дарованы уже некоторые льготы, а в Минскую, Могилевскую и Витебскую губернии командирован был товарищ министра внутренних дел⁹ для соображения на месте о мерах к оказанию пособия. В Псковской губернии хотя также не достанет местных способов к продовольствию до нового урожая, однако, кроме содержания казенных запасов хлеба и раздачи ссуд из оставшихся 100000 руб<лей> сереб<ром> от ассигнованной на то суммы, необходимости новых пособий со стороны правительства не предвидится.

Возмущения крестьян происходили в 5 казенных и 20 частных имениях. В первых поводом к неповиновению было отобрание от крестьян земель спорных или отшедших по люстрации¹⁰; в последних дурное управление владельцев и особенно желание крестьян освободиться от крепостного состояния. Беспорядки в этих имениях прекращены были большею частию мерами исправительными; в 9 случаях употреблено действие воинских команд. Постороннее подстрекательство обнаружено в 5 случаях; между обвиненными по этому предмету находятся два отставные чиновника и один священник. Все они действовали по видам личной корысти.

Из имения помещика Херсонской губернии Муравьева бежало 173 семейства в Екатеринославскую губернию по случаю неплодородия земли и смертности между крестьянами. В двух имениях: орловском – князя Трубецкого и костромском – помещика Купреянова происходили побеги крестьян от дурного с ними обращения. Из Грузино-Имеретинской губернии 9 семейств скрылись за границу. Кроме того, находилось в бегах и поймано в разных губерниях 3716 человек.

Посягательств крестьян на жизнь своих владельцев обнаружено в 1846 году 26, в том числе 10 было безуспешных; управителей убито 6, из всех убийств 7 совершено женщинами за дурное обращение и принуждение к разврату. Целию прочих убийств и покушений было приобретение свободы, мщение за притеснения или корыстные виды.

Кроме того, в 10 имениях обнаружены поджигательства крестьянами помещичьих домов также из мщения за дурное обращение.

Из числа всех этих преступлений совершено: в Западных губерниях 6, в Малороссийских 4 и в Великороссийских 26.

В жестоком обращении с крестьянами замечены 18 помещиков и 7 управителей в разных губерниях.

В смертельном наказании людей обвинены 20 владельцев и 60 управителей, приказчиков, сельских старшин и писарей. Вследствие этих наказаний умерло: крестьян обоего пола 73 и малолетних 7, рождено мертвых детей 19 и доведено до самоубийства 8 – всего 107 человек.

ВЫСШЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Государственное управление в России шло прежним стройным порядком. Войско наше находится в таком блестящем положении, что составляет предмет удивления иностранцев; гражданские учреждения совершенствуются по мере возможности. При внутреннем мире С.-Петербургско-Московская железная дорога, крепостные и другие обширные постройки продолжаются быстро, разные предприятия по части промышленности, торговли и художеств беспрерывно умножаются; и вообще все государство по развитию сил своих делает большие успехи.

Из учреждений гражданских замечательно было в 1846 году новое уголовное уложение, приведенное в действие с мая месяца. Несмотря на благотворность этого уложения, многие опорочивают его, полагая, что оно не соответствует ни нравам, ни духу русского народа.

Гражданские чиновники были утешены тем, что Государь Император Высочайше удостоил как бы лично на Себя принять попечение об их службе учреждением Инспекторского департамента при Собственной Его Императорского Величества канцелярии¹¹. С полным уважением к трудам и лишениям, кои переносят военные чины во время войны, гражданские чиновники не могли не скорбеть, что им предпочитают военные и в мирное время, тогда как труды их имеют свою тяжесть, заслуги – свою важность.

Образование в России уже столько распространилось, что в министерствах почти все должности заняты чиновниками достойными. Недостаток способных людей остается ощутительным только в провинциях, потому что образованные чиновники еще уклоняются от службы в губерниях.

Замечательно было еще положение об устройстве общественного управления в столице¹², по которому в купеческие выборы введены все владельцы домов, дворяне и чиновники. Сначала постановление это возбуждало толки и даже жалобы между купцами тем более, что у нас купцы и дворяне образом жизни, занятиями и степенью образованности столько различествуют между собою, что почти никогда не сближаются в общественной жизни; но выборы происходили мирно, без всяких предубеждений одной стороны к другой, и дворяне с купцами в этом случае действовали как бы лица одного сословия.

Еще более все сословия в империи единоклюбно в той пламенной приверженности, которую они питают к Государю Императору и всей Августейшей фамилии. Это чувство, передаваемое от поколения к поколению, можно сказать наследственное в России, усиливается еще теми высокими качествами, коими украшены Особы нашего Августейшего дома, и теми благотворениями, которые от Них изливаются на Россию. В последнее

время все с живейшим участием следили за горестными событиями в семье Великого Князя Михаила Павловича¹³, и вообще, сколько счастливые случаи в Царском семействе радуют, столько печальные всегда производят самое искреннейшее соболезнование во всем русском народе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обозрение происшествий 1846 года приводит к тому заключению, что в политическом отношении один Западный край России требует бдительного внимания и готовности противопоставлять даже военные силы тем беспорядкам, которые там могут случаться; вся же прочая Россия в этом отношении совершенно спокойна и представляет обширное поле только для внутренних улучшений. Ни переменить политического образа мыслей почти целого народонаселения в Западном крае, ни уничтожить всех остающихся еще гражданских злоупотреблений во внутренней России вдруг невозможно: одни постепенные меры и одно время исправят то и другое. Правительство наше употребляет всю свою заботливость и деятельность для блага России: ему остается продолжать эту деятельность, усилить оную по мере возможности и полного совершенствования во всех частях государственного управления ожидать с мудрым терпением.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 11. Л. 104–142.

¹ Имеется в виду Краковское восстание (февраль – март 1846 г.) против иностранного господства и феодальных порядков. Подготовлено польскими национально-освободительными организациями во главе с Демократическим обществом; планировалось как часть общепольского восстания. 22 февраля, овладев Краковом, повстанцы сформировали Национальное правительство Польской республики, которое в своем манифесте призывало народ к решительной борьбе за национальную независимость, провозглашало демократические права, отмену феодальных повинностей, передачу в собственность крестьян их земельных наделов. 3 марта революционный Краков пал под ударами объединенных сил России и Австрии. Статус Кракова – «вольный, независимый и строго нейтральный город Краков с округом», определенный Венским конгрессом (1815), был ликвидирован. Ре-

шением «держав-опекунов» – России, Пруссии и Австрии (6 ноября 1846) территория Краковской республики была присоединена к Австрии, что закрепило существовавшее положение вещей, так как еще в 1836–1841 годах эти земли были оккупированы австрийскими войсками под предлогом борьбы с деятельностью польской эмиграции (после восстания 1830–1831) и тайных патриотических обществ.

² Людовик Филипп, получивший власть в результате революции 1830 г., не привел страну к гражданскому миру, а лишь открыл дорогу новым распрям, принявшим форму республиканских, бонапартистских и роялистских заговоров и восстаний. К 1846 г. противоречия обострились, что и привело к взрыву. Французский король был свергнут в 1848 г.

³ Мирославский (Мерославский) Людовик (1814–1878), польский политический

деятель. Участник Польского восстания (1830–1831), в эмиграции (во Франции) написал о восстании большую работу, которая принесла ему славу военного теоретика. С 1842 г. – один из лидеров Демократического общества. В 1845 г. направлен в Познань для организации национально-освободительного восстания. Незадолго до намеченного срока выступления был арестован прусскими властями и приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Освобожден в результате революции в Германии в марте 1848 г. Руководил сформированными в Познанском княжестве польскими отрядами; после их разоружения выслан во Францию. Командовал революционными силами Сицилии (дек. 1848–апр. 1849), армией баденско-пфальцских повстанцев (июнь 1849 г.). Проживал во Франции (1850–1860-е гг.). В начале польского восстания (1863–1864) был провозглашен диктатором, после его поражения вновь уехал за границу.

⁴ П.И. Федоров.

⁵ К.В. Нессельроде.

⁶ Титов Владимир Павлович (1805–1891), российский дипломат, член Государственного совета, беллетрист и критик.

⁷ Пост на берегу или на судне для наблюдения за пожарной безопасностью в районе порта.

⁸ И.Ф. Паскевич.

⁹ И.Г. Сенявин.

¹⁰ Люстрация – периодическая опись государственных имуществ для определения их доходности. Проводилась с 1562 г. до конца XVIII в. в Польше; в 1778–1876 гг. – русским правительством в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине. Фиксировала численность податного населения, его имущественное положение и повинности,

состав и ценность земельных угодий, доходы с арендных статей. Наибольшее значение имела люстрация 1844–1857 гг. в связи с переводом казенных имений с барщины на оброк после реформы П.Д. Киселева.

¹¹ Инспекторский департамент гражданского ведомства учрежден положением 5 сентября 1846 г. при I Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии в целях централизованного учета гражданских чиновников, прежде проводившегося Департаментом герольдии Сената. Подразделялся на 4 экспедиции: 1-я заведовала чинопроводством по министерствам и составлением высочайших приказов; 2-я – чинопроводством по губерниям; 3-я – утверждением в чинах и должностях, переименованием, назначением, переводами, увольнением в отпуска; 4-я – проверкой и правкой формулярных списков. Департамент ведал определением и увольнением со службы всех классов чинов, вел списки всех состоящих на службе гражданских чиновников. В 1858 г. эти функции вновь были переданы Департаменту герольдии Сената.

¹² Новое городское положение регламентировало создание общей городской Думы, состоящей из пяти сословных групп: 1) потомственные дворяне, 2) личные дворяне, почетные граждане и разночинцы, 3) купцы, 4) мещане, 5) цеховые ремесленники. В Думу избиралось 750 гласных, представляющих интересы всего населения. Исполнительные функции осуществляла Распорядительная дума под руководством городского головы. Дума ведала городским хозяйством и благоустройством.

¹³ У великого князя Михаила Павловича умерла дочь Мария (1825–1846).

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ за 1847 год*

В продолжение 1847 года почти непрерывно происходили случаи, заставлявшие правительство принимать меры осторожности. Польские выходцы рассылали своих эмиссаров; в Западном крае, преимущественно в Литве, обнаруживались один за другим неблагонамеренные люди; ученые из малороссиян задумывали о временах гетманщины и самобытности; в Остзейских и Белорусских губерниях, в первых от принятия крестьянами православия, в последних от недостатка в содержании, происходили волнения; холера, пожары от поджогов и разные бедствия колебали благосостояние многих губерний. Хотя многие политические предвещения оказались ложными, по другим вредные последствия предупреждены или обнаружались еще в незрелости, но доносов и событий, наводивших опасения, в 1847 году вообще было более, нежели во многие из предшествовавших годов.

ОТНОШЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕРЖАВ К РОССИИ И СОЧИНЕНИЯ О НАШЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Присоединение Кракова к Австрийским владениям произвело весьма сильное впечатление на французскую публику, так что журналы долгое время наполнялись суждениями об этом предмете, оставляя почти без внимания другие политические вопросы. Хотя Австрия с присоединением Краковской республики одна приобретала выгоды, но вся ответственность в этом деле обращена была на кабинет российский: ибо все, согласно объявлению немецких газет, думали, что Австрия должна была согласиться на присоединение Кракова к своим владениям по требованию нашего правительства. Считая это обстоятельство нарушением Венского трактата¹, французы ожидали неперемнной войны в Европе, и неприязнь их к России выказывалась без пределов.

Между тем покупка французских фондов много способствовала к утишению ненависти и даже оставила в иностранцах весьма выгодное мнение

---

* Перед текстом помета Л.В. Дубельта: «Его Величество изволил читать. Января 30 дня 1848. Генерал-лейтенант Дубельт».

о России. В этом отношении особенно замечательны были статьи, помещенные в журналах «Le Portefeuille» Кардонном, который, описав тягостное положение Франции от недостатка хлеба и денег, изобразил в виде самой мудрой и предусмотрительной меры то действие нашего правительства, что оно ссудило Франции 50 000 000 франков. С этого времени исчезло мнение, что Россия по недостатку денег не может предпринять никакой внешней войны.

Изданное в Париже сочинение Тургенева² о России под заглавием «La Russie et les Russes»* принято было некоторыми журналистами с одобрением, но, не заключая в себе ничего любопытного для иностранцев, не имело большого успеха. Изображая настоящее положение России и простирающиеся отсюда будущие ее отношения, сочинитель говорит о необходимости многих преобразований, согласованных, впрочем, с неограниченной властью Государя. Но большая часть предположений Тургенева без его указаний уже усвоена нашим правительством. Вообще он представляет состояние России в таком виде, в каком она была лет за 20 перед сим, и ему, по-видимому, неизвестно о гигантских успехах, сделанных нашим Отечеством с того времени. Между прочими замечательна та мысль Тургенева, что Российское правительство, озабочиваясь освобождением крепостных людей от помещичьей власти, оставляет другие сословия под прежнюю неограниченную властью и что с дарованием свободы крестьянам прочие сословия, по естественному порядку вещей, будут помогаться и для себя такой же свободы.

Головин также издал сочинение под названием «Types a caracteres Russes»**. Эта книга есть сбор грубых вымыслов с намеками на известных лиц, доказывающий только дурные качества самого сочинителя; он не пощадил ничего самого священного в России и излил на все оскорбительные ругательства. Он коснулся даже некоторых государственных лиц Франции, и это послужит, без сомнения, если не к совершенному его изгнанию отсюда, то по крайней мере к строгому за ним наблюдению.

Этой участи уже дождался другой изгнанник наш, бывший дворянин Тверской губернии Бакунин³. 17/29 ноября в заседании польских выходцев в Париже по случаю празднования ими годовщины польского мятежа Бакунин произнес речь, в которой, представляя положение России в мнимом угнетении, изливая клеветы на Ваше Императорское Величество, он приглашает поляков оставить вражду к русским и, соединясь с ними, действовать заодно против Вашего Величества. Речь его была сопровождается шумными одобрениями поляков! По настоянию посольства нашего Бакунин уже изгнан французским правительством из Парижа.

* «Россия и русские» (фр.).

** «Русские типы и характеры» (фр.).

Польские выходцы

Число польских выходцев во Франции ныне простирается до 4790 человек, но из них большая половина вовсе не участвует в действиях революционных клубов, особенно с того времени, когда присоединение Кракова к австрийским владениям, вопреки предположениям поляков, оставлено со стороны Франции и Англии без всяких споров. Сверх того, общества польской эмиграции сами себя ослабляют взаимными несогласиями и спорами.

Несмотря на это, особенно партии Аристократическая и Демократическая в 1847 году несколько раз высылали своих эмиссаров, а случившееся в исходе года убийство в Кракове председателя уголовной палаты Заечковского показывает решительность, с какою действует парижский комитет Демократического общества. Заечковский в начале ноября получил из Парижа посылку, в которой оказались веревка и пуля, и письмо, извещающее его, что он за донесения его австрийскому правительству во вред поляков приговорен комитетом к смерти. Для охранения Заечковского местное начальство тогда же назначило одного полицейского служителя и жандарма, которые везде сопровождали его. Но это не избавило Заечковского от убийц. Возвращаясь поздно от должности, Заечковский был остановлен на улице двумя людьми, один из них выстрелил в Заечковского двумя пулями и тот пал на месте. На другой день в Кракове найдены были объявления, что вскоре будут исполнены такие же приговоры и над другими лицами, сообразно их преступлениям.

В последнее время французское правительство не только не поощряло преступных намерений польских выходцев, но даже по настоянию нашего поверенного в делах в Париже решилось предписать членам Центрального комитета разъединиться и прекратить выпуск всякого рода изданий, и профессору славянской литературы Киприяну Роберту воспрещено продолжать возмутительные его лекции о необходимости освободить поляков от зависимости.

Из разных обществ польской эмиграции перед сим особенную деятельность выказывала секта Резюррекционистов, которая успела приобрести многих последователей в странах католических. Действуя во мраке, согласно правилам своей касты, Резюррекционисты вели тайные сношения и призывали своих единоверцев к защите религии, будто бы преследуемой русским правительством, но в последнее время и они принуждены были оставить пределы Франции и удалиться в Рим.

Эмиссары

Несмотря на все неудачи, польские революционные общества продолжали высылать из Франции эмиссаров с преступными замыслами, но при самом строгом наблюдении не обнаружено, чтобы злоумышленники мо-

Наполеон III и Франц Иосиф

гли проникнуть в наши пределы, кроме Антона Велички, который за границу назывался Иосифом Опацким.

Как Опацкий показывался уроженцем Шавельского уезда, то, сверх общих мер, Ковенский губернатор⁴ посылал от себя чиновника для секретных разысканий; а между тем помещик Шавельского уезда Иван Величко донес, что сын его Антон, ездивший самовольно в Париж, входил там в связи с польскими выходцами и, возвратясь на родину, намерен был лишить его, своего отца, жизни, чтобы тот не мог воспрепятствовать злоумышленным его покушениям. Антон Величко немедленно арестован и сознался, что он действительно был в Париже под именем Опацкого, познакомился с несколькими польскими выходцами и, получив от одного из них 400 франков, принял поручение доставлять им нужные из России сведения.

Сверх того, Величко показал, что в феврале 1848 года должен проникнуть в Ковенскую губернию эмиссар Позорский и что, если ему, Величке, сделают доверие, то он не только предаст Позорского в руки нашего правительства, но надеется открыть и многие другие политические замыслы поляков. По внимательном рассмотрении этого дела оказалось, что Величко не заслуживает никакого доверия, и решение его участи предоставлено генерал-фельдмаршалу князю Варшавскому.

Другие эмиссары были направлены в Венгрию, Банат и Молдавию, где на них менее всего обращается внимания. В 1847 году скопища польских выходцев в окрестностях Тульчи действовали под главным руководством Пулавского и Александра. На них обращено было внимание Оттоманской порты, по распоряжению которой Александр был арестован и отправлен сначала в Рущук, а потом в Константинополь. Не желая быть переданным в Россию, он согласился принять магометанскую веру и определен в турецкую военную службу. Пулавский же более не показывался в окрестностях Тульчи. За тем действия поляков на Востоке не представляли ничего достойного примечания.

Замечательно также, что в числе лиц, арестованных в Милане во время происходивших там беспорядков, находились и 12 польских выходцев, присланных пропагандою нарочно для усиления мятежа. Итак, в поляках столько укоренился мятежнический дух, что они волнуют не одну родину свою, но готовы являться повсюду, где могут производить народные беспокойства.

ВЕЛИКОЕ ГЕРЦОГСТВО ПОЗНАНСКОЕ И ГАЛИЦИЯ

Ход следствий по делам политическим, возникшим с 1846 года, показывает, что гнездом заговора поляков было герцогство Познанское. Главные и решительные действия их развились с того времени, как прусское правительство дозволяло эмигрантам селиться в Познани; они являлись туда во множестве и успели воспламенить умы шляхты и других сословий. Скоро в Познани образовалась провинциальная централизация, которая, по сближению своему с прочими частями прежней Польши, могла с большим удобством приводить в действие планы Главной Парижской централизации. Следствием этих интриг были беспорядки, происходившие в 1846 году особенно в Галиции и частью в герцогстве Познанском.

Из обвинительного акта, представленного королевским прокурором Прусскому Верховному трибуналу, видно, что число лиц, замешанных в возмутительных действиях, простирается до 254. Арестованные преступники избрали себе защитниками таких адвокатов, которые известны по либеральному образу мысли. Адвокаты сии давали такой оборот делу, что арестованные поляки считались не политическими преступниками, а людьми, желавшими возвратить прежние свои преимущества и оказать помощь соотечественникам, будто бы страждущим под скипетром России и Австрии. Вообще, пруссаки оказывают сочувствие к полякам и говорят, что, если бы последних осудили строго, то разве для того только, чтобы сделать угодное нашему правительству.

Возмутительный же дух народов в герцогстве Познанском обнаружился неоднократно и в 1847 году, так что в некоторых случаях была упо-

треблена военная сила и несколько десятков человек были убиты и ранены; многие места близ границы нашей были совершенно разграблены.

В Галиции наказание виновных только временно могло навести страх на мнимых патриотов. Легкомыслие до того овладело умами, что там, несмотря на давнюю неудачу заговорщиков, снова проявлялись случаи гибельного направления и весь край находится в тревожном положении. Женщины играют в Галиции важную роль во всех политических интригах; они составили между собой обширный заговор, цель которого состоит в том, чтобы возбуждать в крестьянах и в войске ненависть к правительству. Патриотки действуют с величайшим одушевлением, обязавшись взаимною клятвою не отступать ни пред какою опасностью.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ И ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ

В Царстве Польском в продолжение 1847 года не было особенно важных политических событий; продолжались только разыскания, начавшиеся со времени последнего Краковского возмущения, и изобличено несколько лиц, которые принимали участие в этом возмущении; открыто еще, что некоторые из жителей Августовской губернии имели тайные сношения с польскими выходцами, получая от них возмутительные сочинения и распространяя их между жителями смежных губерний. Главные виновники в этом – двое сыновей помещика Скаржинского, преданные военному суду. Впрочем, дух жителей Царства Польского остается прежний; сочувствие пруссаков к преступникам познанских злоумышлений и то, что там из заговорщиков никого не подвергли заслуженному наказанию, произвело в жителях Царства общее удовольствие, а в течение карнавала 1847 года не было в Варшаве никаких увеселений в ознаменованье, как говорили, траура по Кракову!

В губерниях, вверенных управлению генерал-адъютанта Бибикова, кроме незначительных доносов и открытия запрещенных книг, производилось только одно важное дело о дворянине Вещицком, который в Киеве подговаривал чиновника Сосновского действовать соединенными силами к составлению заговора для поднятия нового восстания в Западном крае, обнаруживая при этом самые неистовые и кровавые замыслы. Но Вещицкий еще не успел приступить ни к каким действиям, как был задержан и заключен в Шлиссельбургскую крепость.

Напротив того, учрежденная в Вильне следственная комиссия над политическими преступниками была непрерывно обременена* делами. Главное внимание этой комиссии обращено было на дела об эmissарах Рере и Магдзинском, которые в начале 1846 года приезжали из Познани, чтобы

* Так в тексте.

возбуждать жителей Литвы к восстанию, вербовать недовольных и направлять их за границу, где готовился общий мятеж. Комиссиею открыто, что хотя Рер по краткому пребыванию в Западном крае не мог распространить преступных своих намерений, но, тем не менее, оказалось, что до 15 человек знали о его намерениях. Более других виновен по этому делу лекарь Рениер, который имел сведения о приготовлениях к мятежу в Познани, получал запрещенные книги, распространял их и подговаривал других к участию в своих замыслах. Следственная комиссия сначала подозревала, что Рер и Рениер успели составить в Литве тайное общество, или, по крайней мере, род общества, но подозрение это по сие время не оправдалось.

Другой же эмиссар Магдзинский, приезжавший из Познани в Ковенскую губернию, пробыл там только двое суток и не мог ни завести связи, ни распространить преступных замыслов. Из всех лиц, арестованных по этому делу, одна только девица Пржещишевская оказалась виновною в том, что слышала от самого Магдзинского о политической цели его пребывания, и то в общих выражениях.

По донесениям лекарей Тераевича и Койсевича, еще возрождалось сомнение, что князь Ксаверий Сапега и другие дворяне Брестского уезда составляют тайное общество, имеющее цель распространять правила коммунизма. Донос этот, в сущности, не подтвердился, но Сапега и некоторые другие дворяне навлекли подозрение тем, что имели у себя запрещенные книги или в разговорах своих обнаруживали мнимый польский патриотизм. Поэтому князь Сапега удален из Литвы, а за оговоренными дворянами Брестского уезда учреждено секретное наблюдение.

Кроме разысканий об обширных злоумышлениях, представлялись случаи и частичных политических преступлений в Литве. Бокшанский⁵ желал возмутить крестьян, предполагая, не начнется ли от этого и политическое волнение в крае; Висловский обвиняется даже в намерении во время Высочайших путешествий через Литву покуситься на жизнь Вашего Величества; у монахов базилианского монастыря в Вильне и у разных помещиков найдены были возмутительные книги и бумаги; даже девицы, воспитывавшиеся в пансионе Германа, хранили у себя подобные бумаги, питая дух мнимого польского патриотизма.

Было даже безымянное донесение, что поляки, составляя обширный заговор, переписываются из Ковно, Острова и Луги с С.-Петербургом и намерены здесь 17 ноября произвести возмущение. Как донесение это подтверждалось предостережением, полученным от короля прусского⁶, то приняты были деятельнейшие меры осторожности, но все наблюдения показали только ложность этого доноса, и 17 ноября прошло без всяких особенных событий.

Вообще разысканиями не открыто, чтобы ныне в Западных губерниях существовали тайные общества, но это нисколько не утешительно: ибо

злоумышленники находятся и без обществ в стране, где большая часть жителей сочувствует им в преступных намерениях. Уроженцы Западных губерний, с немногими исключениями, и духовенство, и женщины, и молодые люди, и даже старцы столько легкомысленны, что как бы непреодолимую силой влекутся к неустройству, хотя Россия предоставляет им спокойствие и счастье, а со стороны противной нет для них ничего, кроме потерь и волнений.

МАЛОРОССИЯ

Украина всегда была одной из самых спокойных областей, так что в общем мнении малороссияне были почти то же, что великороссияне. Тем прискорбнее было открыть, что ученые люди из малороссиян старались поколебать верность этой страны. Учителя и воспитанники университета Св. Владимира по близости к западным славянам переняли у них страсть к старине и народности и, рассуждая о всех славянских племенах, пришли к мысли о соединении их в одно государство. Как наши ученые в Киеве были большею частью из малороссиян, то они преимущественно предавались рассуждениям о восстановлении языка, обычаев и народности Малороссии. В это время явился в Киеве коллежский секретарь Гулак⁷, воспитанник Дерптского университета, с стремлением составить общество какое бы то ни было. Киевские ученые Костомаров⁸ и Белозерский⁹, сблизившись с ним, составили тайное общество Св. Кирилла и Мефодия¹⁰. Общество вскоре само собою разрушилось, но мысль о восстановлении малороссийской народности распространилась. Учитель Кулеш¹¹ в своих исторических сочинениях и художник Шевченко¹² в стихотворениях, которыми восхищались малороссияне, описывали вольность прежнего казачества, наезды гайдамаков и прославляли времена гетманщины. Нет сомнения, что стремление это, продолжаясь и расширяясь, могло бы укоренить в малороссиянах мысль о мнимом угнетении их Российской державою и возможности существовать отдельно, подстрекать к возмутительным попыткам и поставить край в такое же зыбкое положение, в каком находится Польша и возвращенные от нее губернии. Но зло обнаружено было в самом начале, и, с одной стороны, зараза еще не проникла в умы жителей Украины, а с другой – наказание, которому подвергнуты виновные, без сомнения удержит молодых малороссиян от преступных замыслов.

В то же время сделалось известно, что идею о соединении славянских племен заняты не одни малороссийские, но и другие ученые, особенно в университетах Св. Владимира, Харьковском и Московском. Люди сии не заговорщики, не злоумышленники и даже полезные двигатели в государстве: ибо заботятся об утверждении образа мыслей собственно русских

и очищении нашей народности от излишних примесей иноземного. Но, как с одной стороны, возгласы славянистов о присоединении к России иноземных славян могли навлечь неудовольствие соседственных держав, а с другой – подвластные России народы с рассуждениями о народности каждого племени могли бы, подобно малороссиянам, перейти к желанию достигнуть самобытного существования, то и объявлено Высочайшее повеление о наблюдении со стороны начальников учебных заведений и цензуры, чтобы ученые и на лекциях и в издаваемых ими книгах все выводы свои клонили к возвышению не Малороссии, Польши, Литвы и других подвластных стран отдельно, но Российской империи и чтобы они не касались ни расширения пределов государства, ни других политических предметов, не входящих в круг науки.

ОСТЗЕЙСКИЕ ГУБЕРНИИ

Неурожаи предшествовавших лет привели в Лифляндии многих домохозяев к несостоятельности. Это положение и равнодушие помещиков, особенно к тем из крестьян, которые оставили лютеранскую веру, было причиною, что многие покушались на явные кражи, дабы получить продовольствие в тюремном заключении!

В начале марта до 40 жителей ближайших к Псковской губернии мест, узнав о переселении оттуда крестьян в Тобольскую губернию, пошли в Псков и просили об отправлении их «в теплый край». Слухи об этом быстро разнеслись по уездам Дерптскому и Верроскому, и в то время как делались распоряжения к возвращению бежавших, прочие крестьяне означенных уездов начали толпами уходить в Псковскую губернию. Распоряжения, сделанные к прекращению этих беспорядков, увенчались полным успехом.

В исходе 1846 года крестьяне, принявшие православие, освобождены от платежа повинностей в пользу пасторов. Это много способствовало распространению православной веры в Лифляндской губернии: с 1845 года до состояния указа об этом присоединенных эстов и латышей считалось до 37 000 душ; в первые же два месяца после того число изъявивших желание оставить лютеранизм возросло до 76 000 душ.

Производство следствий, возникавших в Лифляндии по обоюдным жалобам лютеран и православных, возбуждали ропот со стороны дворян; находили, что назначение для этих следствий особых чиновников нарушает местные привилегии. Вообще, усиление православия в Лифляндии и действия нашего правительства по этому предмету огорчили многих лиц в Остзейских губерниях, которые всегда верною и полезною службою доказывали правительству свою преданность. Жаль будет, а не удивительно, ежели их преданность потрясется.

РАЗНЫЕ СОБЫТИЯ

Холера

В пределах Империи в конце 1846 года появилась эпидемическая холера. Сначала действие этой болезни было слабо, но с наступлением весны 1847 года она возобновилась с большею силою, распространяясь по всему Закавказскому краю; в мае перешла в Ставропольскую губернию, в первых числах июля – в Астраханскую, потом достигла земли войска Донского, Саратовской, Воронежской, Пензенской губерний; в августе распространилась по Курской, Орловской, по Южному краю; в сентябре появилась в Тамбовской, Казанской, Симбирской, Оренбургской, Московской и Киевской губерниях. Болезнь эта наиболее опустошительна была в Ставропольской и Саратовской губерниях, потом в Москве, Киеве и в губерниях Астраханской, Симбирской и Казанской; в прочих губерниях действие эпидемии было слабее, а с наступлением осени она во многих местах прекратилась.

Учреждением холерных комитетов и временных лазаретов, в которые принимались только добровольно желавшие поступить в оные, дозволение, дабы обозы и транспорты следовали безостановочно, и другие распоряжения правительства сохранили общее спокойствие. Народ не унывал, не чуждался медицинских пособий и подвергался с кротостью предписанным мерам¹³.

Пожары

В Костроме в конце августа разнеслись слухи, что город истреблен будет огнем. Поводом к этому была найденная в доме помощника почтмейстера записка, в которой угрожали убийством и поджогами за утайку пересылаемых солдатских денег. Виновных в сочинении записки не открыто; но вскоре произошел опустошительный пожар. Между встревоженными жителями возникла молва, что поджоги происходят от поляков. В последовавшие за тем дни начали подкидывать записки и писать на стенах угрозы, и когда предрекаемые пожары действительно происходили, жители не сомневались уже, что поляками составлен заговор. Гражданский губернатор Григорьев¹⁴, поверив народной молве, заключил в тюрьму чиновников, дворян и нижних чинов из поляков, всего до 90 человек. Назначенная следственная комиссия и сам губернатор пристрастными действиями своими вынудили двух мальчиков, бывших в услужении у польских дворян, к показанию, что заговор действительно составлен в доме штаб-лекаря Ходоровича. К этому присоединилось подобное же объявление дворовой женщины означенного медика. Следственная комиссия и губернатор, еще более доверив обвинениям, вытребовали других подозреваемых лиц из Москвы, Ярославля и Владимира.

Между тем пожары не возобновлялись, мальчик и дворовая женщина Ходоровича признались в оклеветании господ своих, и комиссия не обнаружила никаких фактов к обвинению оговоренных лиц. Вслед за тем по Высочайшему повелению неосновательно обвиненные освобождены из-под ареста, а губернатор Григорьев отрешен от должности и предан военному суду.

Беспорядки между крестьянами

Составление в Западных губерниях инвентарей для уравнивания повинностей и облегчения податного состояния поселили в крестьянах ложную мысль, будто бы им Высочайше дарована свобода и будто бы владельцы стараются скрыть это в тайне. Последствием этих превратных толков в Могилевской губернии в начале года случилось происшествие, встревожившее все местное дворянство. Два дворовых человека помещика Лесневского, озлобленные наказанием брата их, убили управителя и потом, не успев лишить жизни своего господина, отправились в соседние имения для отмщения другим помещикам за угнетение крестьян: в несколько часов на расстоянии 18 верст они убили шесть и ранили восемь дворян. Свидетели зверства этих людей, крестьяне, не остановили их и допустили скрыться, но они вскоре были задержаны. По исследованию дела оказалось, что ни предварительного заговора на совершение этого злодеяния, ни сообщников убийц не было, а 14 крестьян не защитили своих владельцев оттого, что были испуганы неожиданностью событий. Виновные суждены военным судом и подвергнуты примерному наказанию, которое произвело на местных жителей сильное впечатление.

Вскоре после этого произошло волнение в Витебской губернии. Там разнеслись слухи, что крестьянам, работавшим три года на Московской железной дороге, даруется свобода. Крестьяне, изнуренные недостатком продовольствия, легко поверили этим слухам, распродавали свои имущества, истребляли земледельческие орудия и уходили из селений. В начале мая некоторые имения опустели; остались только те, которых удержала на месте крайняя нищета!

Губернское начальство медлило своими распоряжениями до того, что в Дризинском уезде движение крестьян приняло вид совершенного возмущения. Они угрожали помещикам смертью, вооружались и отправлялись толпами. Некоторые из этих партий устремились через Псковскую губернию с целью достигнуть С.-Петербурга и подать жалобы на владельцев. Напрасно местные чиновники, посланные с слабыми отрядами внутренней стражи, старались остановить уходивших; они бросались на нижних чинов, ранили их, жестоко били чиновников и дворян.

Для прекращения этих беспорядков посланы были флигель-адъютанты Опочинин и Назимов¹⁵ и приказано направить туда находившиеся в

ближайших местах войска. Бежавшие толпы задержаны, обращены на место жительства, и спокойствие в губернии восстановлено. Зачинщики беспорядков и виновные в буйствах арестованы и преданы военному суду. По исследованию, злоумышленных подстрекателей не открыто, но оказалось, что предписание о скорейшем составлении инвентарей дало повод к превратным толкам о свободе; наем людей на железную дорогу, самовольный уход туда многих крестьян в надежде лучшего пропитания и долговременное нахождение там беспаспортных распространяли еще более ложные слухи, которые поддерживали местные жители в видах корысти. Виновные в подстрекательстве также преданы суду.

В других губерниях Западного края крестьяне возмущались против помещичьей власти в 12 имениях. Это большею частию происходило от обременения крестьян работами, от дурного обращения с ними и от стремления крепостных людей к свободе. Особенное упорство оказано было крестьянами двух имений помещиков Подольской губернии Гижицкого и Поповского, где ни меры исправительные, ни воинский постой не обратили крестьян к покорности, и только жестокое наказание зачинщиков усмирило возмущившихся. В прочих имениях волнения прекращены мерами кроткими. В подстрекательстве крестьян открыты виновными жители смежных казенных имений, сочинители просьб, руководимые корыстью, и несколько сельских священников, возбуждавших в крестьянах дух неповиновения из личных неудовольствий к владельцам.

Крестьяне внутренних губерний возмущались в 26 имениях. Спокойствие восстановлено было большею частью при содействии воинских команд, а в имении помещика Ярославской губернии Томановского по упорству крестьян и вредному примеру для других вотчин, в которых замечен был также дух своеволия, признано было необходимым предать виновных военному суду.

В Воронежской губернии распространены были закубанскими поселенцами из беглых жителей этой губернии ложные слухи, будто бы помещичьим крестьянам дозволено переселяться на Кавказ, и будто бы там даруют им льготы. Эти слухи, перешедшие и в Курскую губернию, взволновали умы до того, что крестьяне начали продавать свои имущества, и из имения воронежского помещика Харкевича несколько семейств ушли в Курскую губернию для получения билетов на дальнейшее следование. Они вскоре были задержаны, водворены на местах жительства, и волнение, принятыми губернским начальством мерами, прекращено.

В Курской губернии в то же время до 75 крестьян помещика князя Трубецкого отправились на Кавказ через Воронежскую губернию; когда же были остановлены в имении графа Бобринского, то, не желая возвращаться к своему владельцу, возмутились против местных чиновников и

вместе с тамошними крестьянами, подстрекаемые двумя священниками, напали на воинскую команду, рассеяли ее и жестоко избили чиновников. Они вскоре усмирены кроткими внушениями, а зачинщики преданы суду.

Покушений крестьян на жизнь помещиков своих было 20, большею частью в Великороссийских губерниях, но 14 таких покушений были безуспешны. На жизнь управителей и сельских старшин было 15 посягательств, и в том числе совершено 10 убийств. Причина этого рода преступлений относится наиболее к строгому обращению или взыскательности за проступки виновных и к личному мщению за притеснения.

Случаев жестокого обращения помещиков с крестьянами обнаружено 22, в том числе в Западных губерниях 6, в Тульской 4, в Смоленской 3. Кроме того, уличились в жестокостях 9 управителей.

В смертельном наказании крестьян обвинено 16 владельцев и 59 управителей, приказчиков и старшин.

От жестоких наказаний умерло крестьян обою пола 54, малолетних 5; рождено мертвых младенцев 17, доведено до самоубийств 5 человек; всего 81, менее против 1846 года 26-ю случаями.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ВЕЛИКОРОССИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ И НАРОДНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ

В политическом отношении Великороссийские губернии и в 1847 году, как в предшествовавшие годы, были совершенно спокойны. К ним не относятся опасения, возбужденные в ноябре месяце тем доносом, будто злоумышленники, переписывающиеся из Ковно, Луги и Острова с С.-Петербургом, намерены были произвести возмущение в самой столице: ибо злоумышление это, по самому доносу, если бы оный и был справедлив, приписывалось полякам. Собственно из русских в продолжение всего года обвинялись в дерзких политических разговорах только двое молодых людей, чиновник Афендик и поручик Корпуса Горных инженеров Банников. Но первый позволял себе рассуждения о республиканском правлении более для того, чтобы раздражать прежнего сотоварища своего чиновника Мамышева, пламенного приверженца монархизма; а второй впадал в возмутительные суждения, частью от болтливости, а частью от того, что, предавшись чтению книг, он еще не умел извлекать из них полезное и перетолковывал все прочитанное в дурную сторону. Нимало не уменьшая вины Банникова и Афендика, которые и подверглись должностному наказанию, нельзя, однако же, не заметить, что политические преступники из русских представляют совершенную противоположность преступникам из польских уроженцев. В последних политические интриги составляют как бы основной элемент их природы; будучи задержаны, они, кажется, жалуют о том только, что не исполнились их замыслы, и даже после наказа-

ния, затаивая злонамерения свои, они, при удобном случае, готовы снова погрязнуть в том же преступлении. Напротив того, Банников и Афендик, при первом объяснении им в истинном виде поступков их, сами с ужасом взирали на свое безрассудство, изъявляя столь глубокое раскаяние и давая столь искренние обеты в исправлении, что, без сомнения, они будут одними из вернейших подданных Вашего Императорского Величества. Совоспитанники же Банникова, офицеры Горного института, хотя не донесли о его разговорах начальству, но никто из них не соблазнился его доводами, удалялись от него, и все вполне понимали как ложность его суждений, так и святость монархической власти. Смею удостоверить, что таковы все русские, с немногими разве исключениями.

Это счастливое расположение русских в политическом отношении не изъе­млет, однако же, некоторых из них от склонности к толкованиям и рассуждениям, нередко против распоряжений правительства. По заведенному порядку в течение целого года Ваше Императорское Величество изволите постепенно знать о всех событиях, худых или хороших, коими год изобилывал, а потому считаю излишним утруждать Ваше описанием предметов, которые по краткости времени не могли изгладиться из памяти и непрерывного Вашего наблюдения, и, в заключение, осмеливаюсь изложить здесь только о тех случаях и общественных рассказах, которые сделали на меня особенное впечатление.

В течение прошедшего года главным предметом рассуждений во всех обществах была непонятная уверенность, что Вашему Величеству непременно угодно дать полную свободу крепостным людям. Эта уверенность поселила во всех сословиях опасение, что от внезапного изменения существующего порядка вещей произойдут неповиновение, смуты и даже самое буйство между крестьянами. Осчастливленный доверенностью Вашего Величества и зная истинные намерения Ваши, я, лично, и через другие находящиеся в моих руках средства, старался быть оплотом против распространения подобного мнения. Я внушал и уверял всех и каждого, что Ваше Императорское Величество и не думает о внезапном перевороте, что различные указы и постановления, изданные в последнее время насчет крестьян, суть только предшественники таким мерам, которые улучшили бы быт их, не нарушая необходимой и умеренной власти помещиков, одним словом, что заботы Вашего Величества клонятся единственно к ненарушимому правосудию, к удержанию порядка и общественного спокойствия. Но в то самое время, когда я действовал сообразно известным мне мыслям и намерениям Вашего Величества, другими, мне не ведомыми путями, доходили и ныне еще доходят во все сословия такие рассказы и внушения, которые противоречат моим убеждениям. Эти рассказы находят

столько веры в обществе, что составляют в оном непостижимое брожение умов, которое предотвратить я уже не имею возможности.

При всех неусыпных моих наблюдениях я был не в состоянии обнаружить истинных виновников распространения подобных слухов, не могу даже определить, есть ли это последствие неблагонамеренности или только необдуманного рассуждения о действиях правительства; но вижу, что разглашатели внушили и поддерживают тревогу общественную, которая, к сожалению, производит неумолкаемое в умах волнение.

Большая часть публики рассуждает, что свобода крестьян во всех государствах Европы не привела их к тому счастливому быту, которого от свободы ожидать должно, что, напротив, где более свободы, там более беспорядков, что теперь, когда все умы в брожении, не время преступать к уменьшению власти помещиков и что со всяким нововведением должно приостановиться, по крайней мере на некоторое время.

Указ, дарующий крестьянам право выкупать себя на волю, если заложенное имение продается с публичного торга¹⁶, произвел на помещиков грустное впечатление. Одни говорят, что крестьяне с намерением будут увеличивать недоимку оброков, чтобы поставить помещиков в затруднительное положение и, воспользовавшись их несостоятельностью, выкупаться на волю; другие – что правительство с некоторого времени употребляет излишнюю бдительность и настойчивость к освобождению крестьян.

Не входя в правильность или неправильность таких рассуждений, я считаю только обязанностью не скрывать оных от Вашего Императорского Величества.

Второй, и столько же важный, предмет общественных рассуждений были и есть рекрутские наборы. Не умолчу перед Вашим Величеством, что эти рассуждения часто превращаются в неумолкаемый ропот. Одни говорят, что по расчету народонаселения от частых рекрутских наборов в непродолжительном времени останутся в поместьях только старцы и дети; другие утверждают, что уже и ныне многие помещики не имеют, кого отдать в рекруты.

Прошедший год, едва ли не более предыдущих годов, изобиловал доносами и предвещаниями о готовящихся возмущениях. Многолетние опыты доказали, как мало веры можно давать этим доносам. Не менее того моя обязанность требовала не упускать из вида этих предвещаний, тем более что сведения о духе народном в Западных губерниях показывали, что расположение умов к правительству, ежели не совершенно враждебно, то, по крайней мере, весьма сомнительно, и что продолжение самого бдительного в таких губерниях надзора необходимо. Проникнутый этою необходимостью, я добросовестно исполнил свою обязанность, принимал наистрожайшие меры предосторожности, и, к счастью, большая часть до-

носов доказала только, что есть люди неблагонамеренные, желающие своими предвещаниями содержать правительство в тревожном положении.

Сколько в предыдущие годы намерения этих доносчиков были безуспешны, столько в прошедшем они, к сожалению, достигли цели своей: ибо в ноябре месяце не только правительство, но вся столица была в такой тревоге, что даже в высших обществах при пушечных выстрелах во время возвышения воды полагали, что возмущение начинается!

По этому случаю приемлю смелость доложить Вашему Императорскому Величеству, что лучшие меры предосторожности суть те, которые покрыты непроницаемою тайною, и потому я поставил себе за правило действовать так, чтобы никто и не догадывался о принимаемых мерах предосторожности и чтобы в публике не могла родиться и самая мысль о возможности произвести возмущение во время твердого правления Вашего Императорского Величества.

Вообще, в прошедшем году более, нежели когда-нибудь, общественное мнение порицало меры правительства: в особенности роптали при слухе об уничтожении чинов и несколько вооружались против образа воспитания, которое дается юношеству в учебных заведениях Министерства Народного просвещения. Впрочем, по строгом размышлении об этом предмете, нельзя винить министерство, ибо коренное университетское положение, как и везде, препятствует иметь за учащимися бдительный надзор.

Слухи об армии и флоте были в течение целого года самые удовлетворительные: безусловная преданность к правительству, строгая подчиненность и вообще о состоянии войск, как сухопутных, так и морских, всегда и везде отзывались с похвалою. Войска Гвардейского корпуса преисполнены самого лучшего духа, и во время несколько тревожного положения публики в ноябре месяце я лично удостоверился, что в преданности нижних чинов и офицеров нет и не может быть ни малейшего сомнения. О состоянии военно-учебных заведений я умалчиваю потому, что упомянутое состояние войск есть очевидное и неоспоримое последствие того воспитания, которое преподается юношеству под главным надзором Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича.

Передавая это Вашему Императорскому Величеству с чистосердечною откровенностию, и видя, что рассуждения и умствования публики не имели вредных последствий, я, к утешению Вашему, сказать должен, что любовь и преданность всех сословий, бесспорно, принадлежат Вам и Вашему Царственному дому. Впрочем, все, что пишу, есть только повторение моих изустных докладов Вашему Императорскому Величеству, и доказательством справедливости моего заключения служит то, что при

распространившемся слухе о болезни Вашего Величества и Государя Наследника Цесаревича¹⁷ вообще все, без исключения, приведены были в тревогу и невыразимое уныние, так что все рассуждения, занимавшие прежде публику, внезапно прекратились и не было в городе другой думы, другого разговора, как только о недуге Вашего Величества и Его Высочества! Даже церкви наполнились молящимися о Вашем исцелении и, когда молитва была услышана, тогда снова и повсюду воцарилась общая радость и спокойствие.

Граф Орлов¹⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 12. Л. 112–152.

¹ По Венскому трактату 1815 г. Краков был объявлен «вольным городом».

² Тургенев Николай Иванович (1789–1871), образование получил в Московском и Геттингенском университетах. Российский комиссар административного департамента союзников в Германии (1813). По возвращению в Россию – помощник статс-секретаря Государственного совета (1816); служил в министерстве финансов (с 1819 г.). Участвовал в деятельности ранних декабристских обществ, член “Союза благоденствия”. В 1824 г. уехал за границу. Был заочно осужден и приговорен к каторжным работам навечно. В 1857 г. возвратился в Россию и был восстановлен в правах. Автор многих работ экономического характера.

³ Бакунин Михаил Александрович (1814/19–1876), один из виднейших идеологов анархизма и народничества. Окончил Артиллерийское училище в Петербурге, получил офицерский чин, в 1835 г. вышел в отставку. Жил в Москве, был членом кружка Н.В. Станкевича. В 1840 г. уехал за границу (Германия, Швейцария, Франция), где примкнул к левым гегельянцам. Требования русского правительства возвратиться на родину не подчинился; заочно приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы в Сибирь (1844). После высылки из Франции принял участие в Славянском съезде в Праге и стал одним из лидеров вспыхнувшего во время съезда восстания (12–17 июня 1848). В числе ру-

ководителей Дрезденского восстания (1849) арестован и приговорен саксонским судом к смертной казни, замененной пожизненным заключением; передан в руки австрийского правительства и вторично приговорен к смертной казни, снова замененной пожизненным заключением (1851). Выдан России и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, где написал покаянную “Исповедь”, предназначенную для императора. Отправлен на поселение в Сибирь (1857); через Японию и США бежал в Лондон (1861), сотрудничал с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. Желая принять личное участие в польском восстании 1863 г., отправился к берегам Литвы в составе неудачной морской экспедиции. После подавления восстания переехал в Италию (1864–1867), затем жил в Швейцарии. Во время Франко-прусской войны участвовал в Лионском восстании (сентябрь 1870); в выступлениях анархистов в Болонье (1874). Последние годы провел в Локкарно, умер и похоронен в Берне.

⁴ Ковенским губернатором в 1847 году был действительный статский советник Калкатын Иван Степанович.

⁵ Бокшанский Юлиан (1824–1863), бывший студент Московского университета; участник революционного движения 40-х годов и Польского восстания 1863 г.

⁶ Фридрих-Вильгельм IV.

⁷ Гулак Николай Иванович (1822–1899), один из организаторов Кирилло-Мефоди-

евского общества. Образование получил в Дерптском университете; служил в канцелярии киевского генерал-губернатора. В Кирилло-Мефодиевском обществе занимал радикальные позиции. 18 марта 1847 г. был арестован, заключен в Шлиссельбургскую крепость. Приговорен к ссылке, которую отбывал в Перми (1850–1855).

⁸ Костомаров Николай Иванович (1817–1885), историк, этнограф, писатель. Окончил Харьковский университет. С 1846 г. – профессор Киевского университета. Один из организаторов Кирилло-Мефодиевского общества и авторов его программы. В 1847 г. арестован, сослан в Саратов; служил в Саратовском статистическом комитете (до 1857 г.), собирал сведения об экономическом состоянии губернии. Профессор русской истории Санкт-Петербургского университета (1859–1862).

⁹ Белозерский Василий Михайлович (1823–1899), известный украинофил; редактор журнала «Основа».

¹⁰ Украйно-славянское, или Кирилло-Мефодиевское, общество возникло в конце 1845 – начале 1846 г. в Киеве, насчитывало несколько десятков человек. Лидеры: Н.И. Костомаров, В.М. Белозерский, Н.И. Гулак. Организационные и программные положения изложены в «Уставе» и так называемом «Законе Божьем». Общество ставило задачей национальное и социальное освобождение Украины и включение ее в будущую федерацию славянских государств. Раскрыто в 1847 г. по доносу А.М. Петрова, присутствовавшего на одном из собраний.

¹¹ Кулеш (Кулиш) Пантелеймон Александрович (1819–1897), писатель, этнограф, историк. Член Кирилло-Мефодиевского общества, в 1847 г. арестован и приговорен к ссылке. В дневнике А.В. Никитенко за 1847 г. имеется следующая запись: «В нескольких номерах детского журнала «Звездочка»... была в прошлом году напечатана краткая история Малороссии. Автор ее Кулиш. Теперь из-за нее поднялась страшная история. Кулиш был лектором русского языка у нас в университете: его выписал сюда и пристроил Плетнев. По

ходатайству последнего он был признан Академией наук достойным отправления за границу на казенный счет. Его послали изучать славянские наречия. Он поехал и взял с собой пачку отдельно напечатанных экземпляров своей «Истории Малороссии» и по дороге раздавал их, где мог. Теперь эту историю и самого Кулеша схватили... С этой маленькой книжкой, впрочем, соединены, говорят, гораздо более важные обстоятельства. На юге, в Киеве, открыто общество, имеющее целью конфедеративный союз всех славян в Европе на демократических началах, наподобие Северо-Американских Штатов. К этому обществу принадлежат профессор Киевского университета Костомаров, Кулиш, Шевченко, Гулак и проч. Имеют ли эти южные славяне какую-нибудь связь с московскими славянофилами – неизвестно, но правительство, кажется, намерено за них взяться» (А.В. Никитенко. Дневник. Т. 1. С. 303–304). В 1856–1857 гг. П.А. Кулиш издавал литературно-этнографический сборник «Записки о Южной Руси». Основал в Санкт-Петербурге украинскую типографию, где печатал сочинения Т.Г. Шевченко, И.П. Котляревского, Марко Вовчок и др. В 1861–1862 гг. издавал в Петербурге украинский либеральный журнал «Основа».

¹² Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861), украинский поэт и художник. Родился в семье крепостного крестьянина, выкуплен К.И. Брюлловым (1838). Первый сборник стихов «Кобзарь» вышел в свет в 1840 г. Окончил Петербургскую Академию художеств (1845), работал в Киевской археологической комиссии. Член Кирилло-Мефодиевского общества; арестован, сослан солдатом в Оренбургскую губернию с запрещением писать и рисовать (1847). В 1858 г. по амнистии вернулся в Санкт-Петербург, затем выехал на Украину. Был снова арестован за революционную агитацию и доставлен в Петербург под надзор III Отделения.

¹³ «Ходят слухи о время от времени повторяющихся случаях холеры. Врачи для утешения умирающих называют ее спора-

дическою – и успокаиваются сами, полагая, что ученым словом все изъяснили и поправили; но люди умирают... Холера, раскинувшая свои широкие объятия на всю Россию, медленным, но верным шагом приближается к Санкт-Петербургу. Но в публике пока заметно больше любопытства, чем страха. Может быть это оттого, что она грозит еще издалека, а может быть оттого, что жизненность нашего общества вообще хило проявляется: мы нравственно ближе к смерти, чем следовало бы, и потому смерть физическая возбуждает в нас меньше естественно-го ужаса» (А.В. Никитенко. Дневник. Т. 1. С. 307–308).

¹⁴ Григорьев Константин Никифорович.

¹⁵ Опочинин Константин Федорович (1808–1848), флигель-адъютант (1840), полковник свиты его Императорского Величества. Участник польской кампании 1831 г.; В.И. Назимов в 1842–1849 гг. – начальник штаба 6-го пехотного корпуса.

¹⁶ Указ за № 21689 от 8 ноября 1847 г. «О предоставлении крестьянам имений, продающихся с публичных торгов за долги, права выкупать себя с землею» гласил, что крепостные могут выкупить себя «чрез взнос последние-состоявшейся на торгах цены или, при неявке покупателей, полной оценочной суммы»; они «поступали в государственные крестьяне», приобретая «право собственности на земли и все прочие принадлежности имения, с коими они выкупились», и подлежали всем установленным для государственных крестьян подалям и повинностям за исключением оброка,

«соответственно чему и получали наименование безоброчных» («Полное собрание законов Российской империи». Собрание 2-е. СПб. 1848. Т. XXII. С. 841–842).

¹⁷ «В марте император Николай очень часто жаловался на свое здоровье. Он страдал сильными приливами крови, головокружением и колющем в боку. Постепенно из соединения этих припадков образовалось нечто вроде горячки, и мы только пиявкам и другим энергическим средствам были обязаны спасением его жизни. Дошло до того, что рассмотрение дел, восходящих к высочайшему лицу, было передано наследнику цесаревичу... В начале декабря государь снова захворал и притом так, что 6 декабря, в день своего тезоименитства, не мог даже присутствовать у обедни. Сделался род катаральной болезни, сопряженной с расстройством желчного отделения, и недуг тотчас принял характер если еще не совершенно опасный, то, по крайней мере, очень серьезный... Наследник цесаревич также сильно занемог. По выложенным бюллетеням он страдал ревматическими болями и лихорадочными припадками и принужден был слечь в постель. Болезнь цесаревича была непродолжительна, но, как говорили врачи, сильно подействовала на его нервы» (М.А. Корф. Записки. М. 2003. С. 377, 392, 394.).

¹⁸ После смерти А.Х. Бенкендорфа 11 сент. 1844 г. шефом жандармов, командующим Императорской главной квартирой и гл. начальником III отделения 17 сент. 1844 г. был назначен А.Ф. Орлов.

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ за 1848 год*

ВНЕШНЕЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ К РОССИИ

Заграничные демагоги, видя в России законный порядок, противный их предприятиям, в прошлом 1848 году еще более усилили свою к ней ненависть. Главным орудием для изливания неприязненных чувств служили журналы, наполненные неистовыми выходками противу нашего правительства, и иностранцы продолжали мечтать о завоевательных предположениях России или, по крайней мере, недоброжелатели наши старались поддержать эту мысль; но, с одной стороны, укрощение безначалия в различных государствах¹ силою своего собственного оружия ободрило и успокоило честных людей; а с другой – манифест Вашего Императорского Величества 14 марта 1848 года² и, в особенности, последовавшее объяснение политического его значения доказало Европе миролюбивые начала политики Вашего Величества; а грозным ополчением Вашим, собравшимся по одному Вашему слову, указали ей, что оно собрано не для пролития крови Ваших подданных, но только для собственной защиты государства и, как бы сказав им: «Не тронь меня!» – показали целой Европе, что есть Россия, и таковое действие, успокоив волнующиеся державы насчет нашей политики, заставило отчасти умолкнуть и наших недоброжелателей.

ПОЛЬСКИЕ ВЫХОДЦЫ И РУССКИЕ ИЗГНАННИКИ

Польские выходцы, упавшие было духом после неудач в Кракове и Познани, вновь ободрились переворотом дел во Франции³; но вскоре, разочарованные насчет содействия французского революционного правительства вооруженною рукою восстановить независимость Польши, они бросились в объятия приверженцев так называемой во Франции красной республики. Демонстрация в Париже 15 мая, когда мятежники ворвались

* Перед текстом помета Л.В. Дубельта: «Его Величество изволил читать. 1 марта 1849. Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт».

Император Австрийский Франц Иосиф

в народное собрание, требуя с угрозами защиты угнетенной Польши, лишила эмигрантов последнего сочувствия со стороны Франции. Оставалась им надежда на единомыслие в Германии, но и тут они ошиблись в своих догадках. За сим уже ухватились они за мысль о панславянизме: составилось общество славян, проповедующее соединение всех западных славянских племен, и для сей цели на Славянском сейме в Праге⁴ собралось большое число поляков. Вообще же польские выходцы видят теперь спасение свое только в распространении безначалия, и по сему при всех происходивших в течение 1848 года в Европе возмущениях они были одною из главных к тому пружин. Между прочим, влияние их оказалось сильным в Валахии и Молдавии. Найденная в последнем из сих княжеств переписка польских выходцев доказывает обширный заговор, имевший целью приготовить восстание в одно и то же время в Дунайских княжествах, в Венгрии и во всех польских провинциях.

Русские изгнанники: Головин и Бакунин перед самою революциею во Франции удалены были оттуда влиянием российского посольства; но при перемене обстоятельств они немедленно возвратились в Париж, где оба вместе с Тургеневым и бывшим при тамошнем посольстве протоиереем Лавровым участвовали в депутации поляков, которая после ниспровержения монархии во Франции приносила поздравление временному прави-

Императрица Австрийская Елизавета

тельству с изъявлением готовности составить особый легион народной гвардии. Бакунин являлся впоследствии во Франкфурте в клубах, в Праге на Славянском сейме и в Бреславле, где, по донесению польского выходца Малановского, он подкупил двух братьев Выховских посягнуть на жизнь Вашего Императорского Величества.

ЭМИССАРЫ

По сведениям, доставленным от российских посольств, многие эмиссары отправляемы были в 1848 году заграничными выходцами в пределы Империи. Из числа этих эмиссаров Дейчинский, Бабский и Рымкевич намеревались прибыть в Россию через северо-восточную Пруссию; Кулинскому и Козиебралскому поручено было непременно проникнуть в С.-Петербург. Участвовавший в беспорядках в Берлине доктор Либельт⁵ должен был отправиться в Литву. Туда же назначен был еще эмиссар Почей, а на Волынь – Еловицкий*. Наконец, известный Мирославский, получив английский паспорт, под названием негоцианта намеревался отправиться в Курляндию; но при настоящем насторожайшем наблюдении со

* В Вене расстрелян Эдуард Еловицкий. (Прим. авт. док.)

стороны жандармов, полиций и таможен, равно со стороны самых войск, охраняющих западную границу, никто из них не успел проникнуть в Империю. Был, однако же, случай в мае месяце минувшего года, что в Россиенском уезде к арендному владельцу Бернацкому явился неизвестный человек, который назвал себя эмиссаром Стравинским, присланным в Литву для возбуждения жителей к мятежу. Быв преследуем, он бежал за границу.

ПОЗНАНЬ И ГАЛИЦИЯ

По случаю возмущения в Берлине⁶ и в Вене⁷ многочисленная толпа польских выходцев из Франции и других государств прибыла в Познань и Галицию. Упомянутые события и предшествовавшая оным революция во Франции предоставили обширное поле политическим замыслам всех вообще тамошних поляков. Полагаясь на сладкозвучные слова Ламартина⁸ и на успехи мятежников в Берлине, легкомысленные мечтатели видели уже воскресающую независимость Польши, но замыслы их были подавлены противодействием пруссаков и прусским оружием.

В Галиции равномерно революционная польская партия обессилена внутренним несогласием. Крестьяне со времени неистовств 1846 года сделались страшными для помещиков⁹. Получив от правительства большие льготы, они оказывают оному преданность и ненавидят дворян. Только благоразумные меры, принятые бывшим галицийским губернатором графом Стадианом, и решительные действия командующего там войсками генерала Гаммерштейна не допустили край тот до явного мятежа, хотя между шляхтою и польским народонаселением городов существует и поныне сильное брожение умов, которое, к несчастью, имеет весьма вредное влияние на Царство Польское и на Западные наши губернии.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ

Царство Польское по нравственному его состоянию и по смежности открытых его границ с Познанью и Галициею не могло не возбудить в начале истекшего года некоторого опасения насчет нарушения там спокойствия. Поляки следили с живым участием за каждым политическим событием, занимая воображение свое мечтами, которые появлялись и исчезали по мере успехов или неудач заграничной революционной пропаганды. Даже умеренные польские патриоты признавали во время тревоги в Познани невозможным для России удержать за собою Царство Польское в теперешнем его виде. Мнение это отчасти разделяли и пребывающие в Варшаве иностранные консулы и другие лица, преданные Российскому правительству, так что доходившие в течение года сведения убеждают, что

расположение умов жителей Царства Польского не было и не есть благонадежно. Дворянство, не вмешиваясь в замыслы заграничных демократов, смотрит на оные как на средство к достижению главной цели и терпеливо выжидает событий. Большая часть жителей среднего класса, в том числе второстепенное духовенство и мелкопоместная шляхта как бы готовы при первой возможности поднять знамя бунта – одни противу русских, другие вообще противу законного порядка. Что же касается до крестьян, то они столько получили благоденствий от правительства, что остаются благодарными, но как католическое духовенство имеет на них сильное влияние и как оказанная им в 1846 году милость уменьшением некоторых дворовых работ не совершенно их удовлетворила, то они ожидают больших льгот, на кои указал им в будущем Высочайший указ того же года, и потому на их чистую преданность правительству положиться невозможно.

Кроме обыкновенных предметов жалоб, коими беспокойные поляки стараются оправдать неприязнь свою к России, недоброжелатели правительства в 1848 году искали еще повод к неудовольствию: в назначении платной поставки определенного количества провианта и лошадей для российских войск, хотя тут ничего не было обременительного и начальство предупреждало всякие при исполнении сего притеснения, и особенно во введении нового уголовного уложения¹⁰, которое признают чрезмерно строгим и потому неудобоисполнимым.

Сосредоточенная в Царстве Польском значительная военная сила, отобрание у жителей оружия и вообще строгое внимание и решительные действия наместника, пользующегося притом по высоким его личным достоинствам всеобщим уважением и между поляками, сохранили совершенное в крае спокойствие; но революционный дух обнаруживался отдельными случаями, особенно же многочисленными побегами за границу молодых людей из всех состояний. Довольно замечательно между прочим, что из числа служащих в Августовском губернском правлении бежало в короткое время в Пруссию 24 человека.

ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ

Западные губернии в отношении расположения умов жителей высшего и среднего классов равномерно не всеяют к себе доверия; но крестьяне, исповедующие греко-русскую веру и находящиеся хотя в крепостном, но в лучшем положении, нежели крестьяне Царства Польского, преданы правительству и внушают опасение помещикам. В тех губерниях, где введены в прошедшем году инвентарные правила, опасение это возросло еще по причине обнаружившегося в некоторых местах между крестьянами неповиновения, хотя это было только по недоразумению насчет

новых взаимных отношений. Впрочем, отчаянные польские патриоты в Западных губерниях не составляют большинства; даже между дворянами есть довольно таких, которые сближаются с русскими, состоя с ними под одними законами и пользуясь теми же правами и преимуществами. В 1848 году меры предосторожности в Западных губерниях были столь же строги, как и в Царстве Польском, и потому никакая попытка к неповиновению, ниже какие-либо важные замыслы не могли иметь места. Побег за границу, хранение возмутительных сочинений и оружия и толки служили, однако ж, признаками некоторого волнения между жителями.

Исполнение в начале прошлого года в Вильне конфирмации над эмисаром Рером, задержанным еще в 1846 году, и над семью другими лицами, причастными к возмутительным его действиям, послужило поучительным примером для жителей Западного края.

ОСТЗЕЙСКИЕ ГУБЕРНИИ

Весьма непродолжительное только время в начале прошлого года взгляды правительства с недоверчивостью обращены были на Остзейские губернии вследствие замеченного в некоторых местах волнения между крестьянами и появившихся из-за границы воззваний к дворянству с целью пробуждения в оном чувства германской народности. Но вскоре получено удостоверение, что дух тамошних крестьян есть вообще самый благоприятный для правительства, за исключением небольшого числа имений на пограничной черте с Пруссиею, где существуют, по воспрещенной торговле, тесные отношения между обоюдными жителями. Дворянство же и купечество поспешили уничтожить насильно накидываемую на них заграничными возмутителями личину желанья отпасть от России. Доказав на деле свою преданность правительству благородными пожертвованиями для военных сил в крае и для призрения семейств, отозванных под знамена бессрочноотпускных солдат, дворянство трех губерний и граждане города Риги в поднесенных ими адресах изъявили чувства неизменной вековой их верности Российскому престолу.

Конечно, помещики не совершенно равнодушно смотрят на усиливающийся переход крестьян, латышей и эстонцев в православие, но причина неудовольствия дворян большею частью не есть политическая; она скорее заключается в опасении, дабы через отчуждение от них крестьян различием в религии не лишиться части выгод от своих имений.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ И НАРОДНЫЙ ДУХ

После взгляда на внешние современные события глаз наблюдателя с утешительным спокойствием смотрит на Россию: здесь все части внутрен-

него состава, как бы в противоположность общему заграничному разрушению, еще более обыкновенного соединяются между собою, несмотря на то что различные бедствия искушали в истекшем году смирение низших классов народа, ибо во всех почти губерниях и в обеих столицах свирепствовала холера¹¹, с которою вновь распространились слухи об отравлении злоумышленниками пищи и воды; от продолжительной засухи, неосторожности, частью же и от поджогов происходили опустошительные пожары не только в селениях, но и в значительных городах, которые вообще приписывались злонамеренности. Сверх того, во многих губерниях следствием неурожая оказывался недостаток в хлебе. От важных этих причин случались в некоторых местах волнения в народе, но они не имели политического характера, и почти везде порядок восстановлен краткими мерами. В здешней же столице одно Царское слово к народу, как бы волшебною силою, пресекло беспокойство, объяввшее умы при виде многочисленных жертв смертоносной болезни.

В предшествовавшие годы и в начале 1848 волновали еще умы и меры правительства к улучшению крестьянского быта и всеобщая уверенность о постепенном их освобождении. Слышны были также рассуждения, что восставшие против нашего крепостного состояния, вероятно, не знают или не хотят знать отношений нашего помещика к крепостным людям; не хотят знать, что связь между ними столь крепка, что она, сливаясь в самодержавии Государя, служит твердым оплотом благоденствия и тишины в государстве и что лучшим и единственным способом к благосостоянию крестьян есть строгое наблюдение, чтобы владельцы не позволяли себе выходить из пределов той власти, которая законами им предоставлена. Но Высочайший манифест в марте месяце в самом пылу заграничных смутений дал умам внезапное, другое направление и встретил в русском народе не только готовность отразить угрожавшую государству опасность, но возбудил даже восторженные чувства, где просияло воспоминание 1812 года.

Войска Вашего Императорского Величества без наименьшего исключения воспламенились тем же чувством; все с каким-то восторгом готовы были стать за Вас и за Россию; а бессрочноотпускные явили в сем случае в высшей степени достойное похвалы рвение: быстрота, с которою они собрались и сформировались в батальоны и порядок, в каком совершили дальние переходы, превзошли всякое вероятие, и блистательный успех этот оправдал вполне ту государственную меру, которую собственно Ваше Императорское Величество приняли, вопреки общего мнения.

Итак, все русские уже по здравому их суждению чужды настоящего бессмысленного стремления иностранцев к невозможному, и по врожденному благоговению к власти Монарха всякое противодействие этой власти признают преступлением равным святотатству, и современные

события еще более убедили, что Россия не должна завидовать восхваленному просвещению Франции и Германии, которые от брожения умов ныне гибнут в безначалии.

Таковы были в истекшем году повсеместные в России отголоски всех сословий. Особенно дворянство запылало усердием доказать свою преданность престолу, делая значительные пожертвования для армии и изъявляя перед Вашим Величеством желание запечатлеть верность свою кровью. Это единодушное нравственное движение, уничтожающее все надежды революционеров найти себе какую-либо добычу в России, доказывает беспредельную любовь русских к особе Вашего Императорского Величества и всему Августейшему Вашему дому, любовь должную со стороны вернопопданных, и вместе с тем, если смею выразиться простым языком сердечного их сознания, заслуженную отеческим, неусыпным попечением Вашего Императорского Величества о счастии состоящих под Скипетром Вашим народов.

Граф Орлов

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 13. Л. 125–141.

¹ Имеется в виду волна буржуазно-демократических революций, прокатившаяся по Европе в 1848–1849 гг. Революционными событиями, непосредственным толчком для которых послужил неурожай 1845–1846 гг. с последующим экономическим кризисом, были охвачены Франция, Германия, Австрия, Венгрия, Италия.

² Высочайший манифест 14 марта 1848 г. гласил: «После благословений долголетнего мира, запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства. Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии и, разливаясь повсеместно с наглостию, возраставшее по мере уступчивости Правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных Нам империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумии своем, и Нашей, Богом Нам вверенной России.

Но, да не будет так! По заветному примеру Православных наших предков, приз-

вав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов наших, где бы они не предстали, и, не щадя себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашей Русью защищать честь имени Русского и неприкосновенных пределов наших. Мы удостоверены, что всякий Русский, всякий вернопопданный наш, ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за веру, Царя и отечество, и ныне предрекает нам путь к победе: и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем:

С нами Бог! Разумейте языци и покоряйтесь: яко с нами Бог!» («Николай I и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков». В 2-х тт. М. 2000. Т. 1. С. 121).

³ Февральская буржуазно-демократическая революция во Франции привела к падению Июльской монархии. 25 февраля была провозглашена республика, объявлены демократические свободы, опубликован декрет о «праве и на труд» и т. д. Поворот-

ным моментом в революции стало подавление Июньского восстания пролетариата. В ноябре была принята конституция так называемой Второй республики, президентом которой был избран принц Луи Наполеон Бонапарт.

⁴ Пражский съезд был организован славянскими политическими и культурными деятелями летом 1848 г. в ответ на пангерманистские заявления Франкфуртского национального собрания. 340 делегатов (237 чехов, 42 представителя южных славян, 60 поляков и 1 русский – М.А. Бакунин) обсуждали проект создания союза славянских народов для взаимной защиты и поддержки и выпустили Манифест к народам Европы, в котором провозглашался принцип равноправия национальностей в рамках федеративной Австрийской империи, осуждали разделы Польши и национальное угнетение славян в Пруссии и Саксонии, выдвигался проект созыва общеевропейского конгресса для разрешения международных вопросов. 12 июня работа съезда была прервана Пражским восстанием.

⁵ Либельт Кароль (1807–1875), философ. Участник Польского восстания 1830 г. и революционных событий 1848 г. Руководил конспиративным Познанским комитетом, принимал участие в работе Славянского съезда в Праге (1848), основал газету «Дзенник польский», был депутатом прусского ландтага (1859–1870).

⁶ В начале марта 1848 г. в Берлине, как и во многих других германских городах (Бадене, Кельне и др.), происходили массовые сходки и демонстрации, 18 марта они вылились в народное восстание, в результате которого прусский король был вынужден вывести войска из столицы и сформировать либеральное правительство во главе с представителями крупной рейнской буржуазии Кампгаузенем и Ганземаном. 22 мая открылось Прусское национальное собрание, на обсуждение которого был поставлен проект новой конституции, предусматривавшей сохранение монархии и учреждение двухпалатного парламента с высоким имущественным цензом; во Франкфурте, в свою оче-

редь, заседало общегерманское Национальное собрание, призванное решить вопрос о создании единого германского государства. Однако осенью Национальное собрание, погрязшее в бесплодных словопрениях, было разогнано; сменился правящий кабинет; в Берлин ввели войска. 6 декабря правительством графа Бранденбурга и барона Мантейфеля была обнародована новая конституция, которая расчищала путь для восстановления в Пруссии абсолютизма.

⁷ 13 марта 1848 г. в Вене началось народное восстание, канцлер Меттерних вынужден был подать в отставку. Новое правительство опубликовало проект конституции, однако фактически вся власть оставалась в руках императора и назначаемой им верхней палаты рейхстага; избирательный закон 11 мая устанавливал высокий имущественный ценз и ценз оседлости. Ограниченность политических и аграрных преобразований (личные повинности крестьян были отменены безвозмездно, барщина и оброк – за выкуп) вызвало недовольство населения столицы. В октябре в Вене вспыхнуло новое восстание, подавленное правительственными войсками.

⁸ Ламартин Альфонс (1790–1869), французский политический деятель, историк, поэт. В молодости служил в гвардии; был секретарем французского посольства в Неаполе и Флоренции (1823–1829). Выступил против Июльской монархии как представитель дворянства, оттесненного от власти событиями 1830 г. Избранный в Палату депутатов (1833), Ламартин примкнул к роялистской оппозиции, но вскоре сблизился с либералами и стал поддерживать их прогрессивную парламентскую реформу, не скрывая отрицательного отношения к развитию рабочего движения. Во время Февральской революции 1848 г. играл видную роль во Временном правительстве; был министром иностранных дел до мая 1849, стремился к союзу с Россией. После 1849 г. от политической деятельности отошел.

⁹ В борьбе с польским национализмом правительство Меттерниха спровоцировало выступление православных крестьян

против польских помещиков-католиков. На эти события повлияли также мероприятия по введению инвентарей в соседних губерниях, принадлежавших России: за крестьянами сохранялась вся земля, находившаяся в их пользовании, регламентировались барщинные работы и другие крестьянские повинности, отменялись дополнительные платежи в пользу помещиков (см. также Отчет за 1846 год).

¹⁰ «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.

¹¹ Под 22 августа 1848 года в дневнике А.В. Никитенко имеется следующая запись: «Четыре месяца не вносил ничего в свой

дневник, но за это время легко могло бы случиться, что и дни перестали бы для меня существовать. С первых чисел июня в Петербурге начала свирепствовать холера и до половины июля погубила до пятнадцати тысяч человек. Каждый в этот промежуток времени, так сказать, стоял лицом к лицу со смертью. Она никого не щадила, но особенно много жертв выхватила из среды простого народа. Малейшей неосторожности в пище, малейшей простуды достаточно было, чтобы человека не стало в четыре, в пять часов. Ужас повсюду царствовал в течение целого лета...» (А.В. Никитенко. Дневник. Т. 1. С. 312).

ПРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ за 1849 год*

ВНЕШНЕЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ К РОССИИ

После неприязненных истолкований многими заграничными журналами Высочайшего Манифеста от 26 апреля минувшего года насчет ополчения России противу венгерских мятежников¹ блистательный успех этой войны не только не усилил вражды противу России иностранной журналистики, но заставил ее почти умолкнуть. Хотя пребывание войск наших в Дунайских княжествах и служило часто поводом к повторению периодическими изданиями, в том числе и английскими, обветшалых мнений насчет завоевательных намерений России на Востоке, но статьи эти писались не столько в духе враждебном к нам, как в общих политических видах. Из отзывов же всех прибывших сюда в последние два года из Германии и Франции образованных лиц можно заключить, что по мере распространяющихся в Европе бедствий от революционных действий возрастают в благонамеренных иностранцах уважение и расположение к России и к ее правительству.

ПОЛЬСКИЕ ВЫХОДЦЫ

Во Франции приняты в 1849 году насчет польских выходцев строгие меры: главные возмутители высланы из ее пределов; по поводу же того, что в Риме сражались противу французских войск большое число поляков², и притом такие, которые долгое время пользовались пособием во Франции, сделано распоряжение о не впуске туда многих обратно. Выдаваемые пособия польским выходцам уменьшены и даже вовсе прекращены тем, которые прибыли во Францию после 1847 года, и, наконец, чтоб ограничить, сколь возможно, число пребывающих во Франции поляков, правительство способствовало отправлению партий выходцев в Сардинию.

* Перед текстом помета Л.В. Дубельта: «Его Величество изволил читать. 9 февраля, 1850. Г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт».

По окончании военных действий в Италии и Венгрии³ участвовавшие в оных поляки рассеялись по разным странам. Преимущественно они удалились в Швейцарию, где их находится ныне до 1500 человек, и в Англию, куда стекаются с некоторого времени главные члены эмиграции в надежде произвести там большую демонстрацию в пользу восстановления Польши.

Адам Чарторижский по поводу Венгерского возмущения вновь оказался деятельным. Он имел совещания на счет политической будущности Венгрии с депутатами венгерских мятежников в Париже и рассылал во все польские области эмиссаров для приготовления восстания. Наставления его по этому предмету и на счет действий будущих предводителей мятежа в Польше, Литве и Курляндии найдены были у задержанного в Бреславле эмиссара Шаптицкого.

Некоторые члены аристократической польской партии начали издавать в Париже новый революционный журнал «La tribune des peuples», коего редакция поручена была поэту Мицкевичу. Это издание по неогласию участников вскоре прекратилось.

Еще обратила на себя внимание издаваемая уже второй год в Париже Славянским обществом газета «La Pologne», которая проповедует свободу всех славянских племен и соединение их под покровом Польши, предсказывая в случае неуспеха неизбежное слияние всех славянских племен с Российской державою.

По последним известиям из Парижа, тамошние польские выходцы совершенно упали духом. Между ними носится молва об амнистии, и многие даже изъявили намерение просить российское посольство об исходатайствовании оной.

Годовщина последнего польского мятежа, 17/29 ноября⁴, в первый раз в прошлом году не была празднована в Париже. Выходцы в тот день собрались только в церкви, где отслужен молебен священником из поляков. Произнесенные им в речи упреки за вмешательство поляков в действия повсеместной демократической пропаганды приняты были присутствовавшими выходцами с громким негодованием. Из французов никого не было в церкви, тогда как в 1848 году их было на этом торжестве несколько тысяч человек.

Русские изгнанники

Изгнанник Головин, быв в начале 1849 года, вследствие произнесенной им на помянутом торжестве поляков возмутительной речи, вторично удален из Франции, отправился в Женеву, где издал новое свое сочинение под заглавием «L'Europe revolutionnaire». Он же издал в прошедшем году «Записки русского священника», в которых доказывает несовершенство Господа Бога и даже опровергает Его существование;

Великий Князь Александр Николаевич

описывает невежество, разврат и сребролюбие русского духовенства; излагает в виде правды известную вымышленную историю Мечиславской; порицает отсутствие в России веротерпимости и религиозное преследование и, наконец, выказывая различные несправедливости нашего правительства, предвещает, что, по примеру бунта Новгородского поселения⁵, возмущение в России, ежели оно совершится, будет самое ужасное.

Известный Бакунин, соединяясь в прошлом году с германскими демагогами, был одним из главных руководителей мятежа в Дрездене⁶, но был схвачен и предан суду.

Кроме этих двух лиц, замечены еще в сношениях с парижскими революционерами российские подданные: Ксаверий Браницкий⁷, пожертвовавший капиталом для издания журнала «La tribune des peuples»; надворный советник Герцен⁸ и дворянин Сазонов⁹, участвовавшие в учреждении Герmano-российского общества, которое вскоре уничтожилось по случаю преследования оною парижскою полициею. Все три подвергнуты силе наших законов*.

* Подробности сделанных о них распоряжений видны в отчете о действиях III отделения, глава 2-я, о политических преступлениях. (Прим. авт. док.)

ЭМИССАРЫ

По дошедшим сведениям, революционная пропаганда посылала в 1849 году в пределы наши многих эмиссаров, из коих одни направляемы были в Царство Польское, другие – в Западные и Южные губернии и даже в С.-Петербург. Имена некоторых сделались известными, как то: венгерцы Бетте, Перчело и Васвари; польские выходцы Кашовский, Ружицкий¹⁰, Корсак, Малиновский, Залеский и Атанаскович. Двум последним приписывались намерения в высшей степени преступные. То же самое было сказано и о двух других лицах, коих имена не были сообщены.

По всем таковым сведениям приняты были строжайшие меры предосторожности, и лица те не успели проникнуть в наши пределы.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ И ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ

Жители Царства Польского, удерживаемые твердыми и благоразумными мерами наместника от явного участия в волнениях Познани и Галиции, оставались, так сказать, зрителями этих смут. Тем не менее, событие Венгерского мятежа, обещавшее, по мнению поляков, важнейшие для них последствия, пробудило в Царстве и Западных губерниях надежды, которые поддерживались заграничными революционными внушениям.

Наместник, следя постоянно за всеми действиями возмутителей в Познани и Галиции, обратил в прошедшем году особое внимание на составившееся в первой из сих провинций вредное скопище под названием «Лиги Польской». Гласная цель этого союза состоит в поддержании польской народности и улучшении быта земледельческого и ремесленного классов, но под этою вывескою скрывается намерение обессилить в Познани влияние жителей германского племени и приготовить умы к восстанию во всех областях, входивших в состав прежней Польши.

Заговоры в Царстве в 1849 году не открыты; но были случаи преступных замыслов и неблагонамеренных действий со стороны отдельных лиц, предваренные каждый раз благовременным арестованием виновных и другими мерами предосторожности. В Вильне обнаружены возмутительные замыслы ремесленников и учеников. В Волынской губернии помещики, недовольные введением инвентарных правил, старались навлечь подозрение правительства на крестьян, домогаясь ссылки многих из них, под предлогом неповиновения, в Сибирь на поселение. Внимание обратило также распространение возмутительных стихов, которые в большом количестве обращались даже между крестьянами Западных губерний. Наконец, побеги за границу, особенно из Царства Польского, жителей среднего класса, наиболее же конскриптов¹¹, продолжались в прошлом году в сильной степени, так что рекрутские присутствия находились в большом

затруднении и не могли поставить к сроку партий в надлежащем количестве.

При всем том в Царстве и Западных губерниях сохранилось полное наружное спокойствие и порядок, и сделано утешительное замечание, что в Польше, как равно и во всех католических землях, большая часть духовенства после падения Папы убедилась, что выгоды служителей церкви не сопряжены с успехами демократов.

Великое нравственное влияние произвело на Варшаву и все Царство Польское пребывание там Вашего Императорского Величества¹². Свободное появление Вашего Величества при тогдашних обстоятельствах среди польского народа было принимаемо одними как знак доверия к полякам, другими же приписывалось бесстрашию Вашего Величества; но как то, так и другое возвышенное чувство, пленив благонамеренных, обезоружило нерасположенных к правительству. Вообще, четырехмесячное пребывание Вашего Величества в Варшаве оставило там надолго следы общего благодарного впечатления.

НАРОДНЫЙ ДУХ В РОССИИ

Между тем как во всей Западной Европе демократические начала волнуют умы и сильно потрясают гражданское устройство, Россия и в 1849 году не только продолжала наслаждаться совершенным спокойствием, но нравственное ее состояние оказывалось в высшей степени удовлетворительным. Всякое важное происшествие, как внутреннее, так и внешнее, производило на сердца русских впечатления, согласные с впечатлениями их Царя, и при каждом таковом событии, радостном ли или печальном, они, подобно верной дружине, еще ближе сроднялись чувствами со своим венценосным Владыкой.

Порывы народной любви особенно видны были во время Высочайшего пребывания Вашего Величества и всей Августейшей фамилии в Москве¹³. Во всех сословиях постоянно выражался искренний восторг, и всюду повторялись излияния чувств преданности к Вашему Величеству. Память этого счастливого для Москвы события ознаменована со стороны купечества и мещан многими патриотическими пожертвованиями.

Объявленный Высочайшим Манифестом 26 апреля поход российских войск против венгерских мятежников принят был повсеместно как мера мудрой политики в деле, касающемся безопасности наших границ, а со стороны войск – с безусловным повинованием и с полною верою в правоту и необходимость сей войны. Но и при этом случае люди, имеющие неблагонамеренную склонность видеть во всем неблагоприятную сторону, предвещали, даже среди успехов оружия Вашего Величества, нравственную порчу войск наших и угрожали, что армия заразится западным со-

циальным духом. Зловещее их предсказание не сбылось, и ежели кто-либо и старался потрясти обычный образ мыслей войск Вашего Императорского Величества, они, несмотря на то, оказав подвиги врожденной им храбрости, возвратились с теми же чистыми и вернопопданническими чувствами, которые отличали и отличают их с незапамятных времен.

Во внутренних губерниях движения войск из мест их квартирования к границам сопровождалось повсеместно приветствиями и пожертвованиями в пользу нижних чинов со стороны дворян, граждан и духовенства, и то же приветствие встретили они и в губерниях Остзейских и Западных. Во время же нахождения в Австрийских владениях и Дунайских княжествах войска наши примерною попчиненностью и кротким обращением с мирными жителями заслужили там общую похвалу и уважение. Наконец, блистательный успех, увенчавший подвиги нашей армии, возвысил, как среди оной, так и вообще в целой России, чувство народной гордости и доверие к мудрым предначертаниям Вашего Величества.

Вскоре после того, переходя от радости к глубокой скорби, все русские и даже самые поляки, бывшие свидетелями печального события в Варшаве, искренно разделяли ниспосланное Всевышним испытание Царствующему Дому¹⁴. Вся Россия, в строгом смысле слова, оплакивала великую и для нее потерю; особенно же близко она тронула Гвардейский и Гренадерский корпуса и военно-учебные заведения, для которых утешением могло служить одно то, что место царского брата заступил царский сын¹⁵, еще более близкий сердцу вернопопданнных.

Физическое состояние Империи в 1849 году равномерно благоприятствовало сохранению повсюду в низших классах спокойствия. Тревожившие Россию в течение последних лет бедствия от холеры, неурожаев и частых пожаров в прошлом году прекратились, и, вместе с тем, случаи неповиновения крестьян, возникавшие от этих причин, были весьма редки. Поводом же происходивших между помещичьими крестьянами в разных местах беспорядков большею частью было стремление их к свободе по неблагонамеренным наущениям.

Вообще не происходило в Империи никаких замечательных происшествий, могущих иметь вредное влияние на общество, кроме, однако ж, обнаруженного правительством сбираища молодых людей, которые, заразившись заграничным учением социализма и гражданского равенства, мечтали о распространении оных и в России для произведения политического переворота¹⁶. Общественное мнение обрекло участников этого преступного замысла на посмеяние и презрение и, вместе с тем, признало их заслуживающими строжайшего наказания. Таким образом, произведенное упомянутым обстоятельством общее негодование явно приводит к утешительному заключению, что большая часть попданнных Вашего Импе-

раторского Величества чужды идей, волнующих Запад и Юг Европы, и что спокойствие в России не легко и не скоро может быть нарушено.

Таковы последствия наблюдений в настоящее время; но, дабы предупредить и отклонить и вдалеке грозящие смуты, благоразумие и осторожность требуют не усыпляться существующим спокойствием и наблюдать непрерывно как за духом времени, так и за поклонниками социальных и либеральных начал, которых число в России хотя и не велико, но и те без неусыпного за ними наблюдения могут привести свои замыслы к важным и бедственным последствиям.

Граф Орлов

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 14. Л. 117–132 об.

¹ Манифест 26 апреля 1849 г. «О движении армий наших для содействия Императору Австрийскому на потушение мятежа в Венгрии и Трансильвании».

² В результате народного восстания 16 ноября 1848 г. в Риме было образовано светское правительство, папа Пий IX бежал в неаполитанскую крепость Гаэту, откуда обратился к главам католических держав с призывом к интервенции против образовавшейся 9 февраля 1849 г. Римской республики. Летом Римская республика пала.

³ Речь идет о революции 1848–1849 гг. в Австро-Венгрии, главной задачей которой было образование отдельных национальных государств. Восстание в Палермо 12 января 1848 г. положило начало Итальянской революции. На первом этапе была предпринята попытка объединить страну «сверху», вокруг Савойской династии или папы Пия IX, и провести назревшие буржуазные преобразования в рамках конституционных реформ. Король Сардинии Карл-Альберт объявил Австрийской империи войну, в которой потерпел поражение. С осени 1848 г. руководство движением берут на себя лидеры революционной демократии Дж. Мадзини и Дж. Гарibaldi, военные действия против Австро-Венгерской империи возобновляются, целью провозглашается созыв Всеитальянского учредительного собрания для демократического переустройства и объединения страны. Однако к концу лета

1849 г. Итальянская революция была подавлена превосходящими силами Франции, Австрии, Испании и Неаполитанского королевства.

В Венгрии нижняя палата Государственного собрания 3 марта 1848 г. приняла обращение к императору с требованием создания независимого венгерского правительства, введения конституции и установления гражданских свобод. Верхней палатой венгерского Государственного собрания это обращение было отклонено. 15 марта в Пеште вспыхнуло восстание, власть перешла в руки Комитета общественного спасения. 17 марта император Фердинанд I согласился назначить «независимое и ответственное венгерское правительство» во главе с графом Л. Баттяни. В конце мая собор в Загребе провозгласил национальную автономию Хорватии, Славонии и Далмации. Венгерское правительство не признало равноправия славян. Венский двор, воспользовавшись этим конфликтом, направил хорватские войска под командованием И. Елачича против Венгрии. Разбитые революционной армией Л. Кошута войска И. Елачича отступили к Вене. Подавив Октябрьское восстание в столице Австрийской империи (См. Отчет за 1848 г.), Габсбурги двинули главные силы на Венгрию, 5 января 1849 г. пал Пешт. 4 марта новый император Франц-Иосиф издал так называемый Оломоуцкий манифест, превращавший

Венгрию в австрийскую провинцию. Но вскоре, потерпев ряд тяжелых поражений, австрийские войска вынуждены были очистить почти всю территорию Венгрии. 14 апреля венгерское государственное собрание приняло «Декларацию независимости», по которой Габсбурги объявлялись низложенными. 21 апреля Франц-Иосиф обратился с просьбой о помощи к Николаю I. В мае 1849 года русские войска перешли границу Австрийской империи, к началу осени революция была подавлена.

⁴ Имеется в виду восстание 1830–1831 годов.

⁵ «Холерный бунт» в Старой Руссе в июле 1831 г.

⁶ Дрезденское восстание (3–9 мая 1849 г.) произошло в результате отказа саксонского короля Франца-Августа признать имперскую конституцию, принятую франкфуртским Национальным собранием 28 марта 1849 г.

⁷ Браницкий Ксаверий (ок. 1814–1879), граф, офицер русской армии, один из богатейших польских магнатов. В 40-х годах поселился во Франции, принимал активное участие в деятельности польской эмиграции; финансировал целый ряд ее предприятий, в частности, на его средства издавалась газета А. Мицкевича «Трибуна народов» (1849); являлся членом польского комитета в Париже (1863).

⁸ Герцен Александр Иванович (1812–1870), русский революционный деятель, философ, писатель и публицист. С 1847 г. жил в эмиграции (Париж, Женева, Ницца, Лондон). После поражения европейских революций 1848–1849 гг. разочаровался в революционных возможностях Запада, разработал теорию «русского социализма», став одним из основоположников народничества. В 1850 г., ответив отказом на требование русского правительства вернуться на родину, был лишен всех прав состояния и признан навсегда изгнанным из отечества. Создал в Лондоне Вольную русскую типографию (1853), где издавалась газета «Колокол», альманах «Поляр-

ная звезда» и др.; поддержал Польское восстание 1863–1864 гг. Умер в Париже.

⁹ Сазонов Николай Иванович (1815–1862), окончил физико-математический факультет Московского университета. Был близок с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. После ареста кружка (1834) остался на свободе, уехал в Италию, через год вернулся в Петербург. В начале 1840-х гг. окончательно поселился за границей, сотрудничал в различных французских периодических изданиях. Как и Герцен, был лишен всех прав состояния и признан навсегда изгнанным из отечества (1850). Подал императору Александру II прошение о помиловании и получил разрешение возвратиться в Россию с дарованием прав потомственного дворянства (1858). Умер и похоронен в Женеве.

¹⁰ Ружицкий Эдмунд (1827–1893), офицер русской армии, член провинциального комитета русских земель, Исполнительного отдела, командовал повстанческими силами на Волыни (1863). Генерал, агент Национального правительства в Константинополе. После восстания – страховой чиновник в Галиции.

¹¹ Конскрипция (от лат. *conscriptio* – «внесение в списки, набор»), способ комплектования войск. Основан на принципе всеобщей воинской повинности, но допускались заместительство и денежный выкуп. В Российской империи существовал в 1815–1874 гг. только для жителей Царства Польского.

¹² Николай I посетил Варшаву по пути к войскам, стоявшим на венгерской границе.

¹³ Императорская фамилия находилась в Москве с 25 марта по 20 апреля. «Великолепный, громадный новый дворец в Московском кремле был окончен к весне 1849 года, и у императора Николая родилась поэтическая мысль освятить этот новый памятник его царствования в праздник Светлого Воскресения (3 апреля – М.С. Е.Щ.), дав при том древней столице случай посмотреть на новобрачных (великий князь Константин Николаевич и его супруга Александра Иосифовна. – М.С. Е.Щ.) и на всю свою семью» (М.А. Корф. Записки. С. 455.).

¹⁴ В 1849 г. умер великий князь Михаил Павлович.

¹⁵ Цесаревич Александр Николаевич.

¹⁶ Речь идет об участниках кружка М.В. Буташевича-Петрашевского – кандидата права, чиновника Министерства иностранных дел, фюрериста, сторонника уничтожения самодержавия и крепостного права. Петрашевский и его единомышленники стремились использовать различные практические пути для пробуждения политической активности общества от дружеских бесед до издания «Карманного словаря иностранных слов» («Краткой энциклопедии понятий, внесенных к нам европейскою образованностью») и распространения в Петербургском дворянском собрании литографированной записки «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений». Собрания у Петрашевского начались в 1844 году, а с осени 1845 года приняли регулярный характер («пятницы»). Кружок не имел организационных рамок,

целью собраний первоначально являлись самообразование и знакомство с теориями утопического социализма. В 1848–1849 гг. в связи с европейскими событиями в центре внимания кружка оказались политические проблемы, обсуждался вопрос о неотложности реформ и создании тайного общества для руководства предполагаемым крестьянским восстанием. 23 апреля 1849 года посетители «пятниц» Петрашевского подверглись аресту. К следствию было привлечено 123 человека, из них 32 отданы под секретный надзор, двое умерли в тюрьме, один отправлен унтер-офицером в Кавказский корпус, 22 человека преданы военному суду. Согласно заключению генерал-аудиториата 21 человек подлежали расстрелу, по конфирмации императора они были сосланы на разные сроки на каторгу, в арестантские роты и рядовыми в линейные войска. (подробнее см. *Л.В. Дубельт* «Записки для сведения... 1849 г.» // «Российский Архив». Вып. 14. М. 2005. С. 146–249).

ПРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ за 1850 год*

Минувший 1850 год был не обилён происшествиями в нашем Отечестве, и протек столь тихо, что невозможно указать ни на один случай, который бы представлял опасность для государственного благоустройства. Спокойствию политическому соответствовало и спокойствие внутреннее. В продолжение целого года жители Империи не были потревожены ни одним важным бедствием. Обнаруживались разные недостатки, случались пожары, волнения крестьян и тому подобное, но некоторые из этих событий произошли по естественному ходу дел, другие без всякого злоумышления со стороны кого-либо, и все не имели обширных последствий. Таким образом, год, в который совершилось 25-летие царствования Вашего Императорского Величества, был одним из спокойнейших и счастливейших годов для России.

Такое положение дел не могло не пробуждать старого недоброжелательства к России иностранцев, тем более что там не умолкают беспокойства, не перестает брожение умов и продолжают составляться разные злоумышленные предприятия. Волнуясь в собственных смутах, иностранцы видят, что влияние России стесняет поле их беспокойной деятельности, и стараются перенести смуты свои в пределы нашей Империи, дабы поставить ее в то же положение, в каком находятся государства Западной Европы.

Несколько раз получались из-за границы сведения, что там составилось множество обществ и клубов с целию распространять идеи о демократической и социальной республике во всех государствах, что члены в эти общества избираются преимущественно из людей простого звания и работников и что иностранцы стремятся в Россию, дабы посеять у нас вредные правила и возмутить наше спокойствие.

---

* На титульном листе помета Л.В. Дубельта: «Его Величество изволил читать. 18 февраля 1851. Генерал-лейтенант Дубельт». Перед текстом – рукой Николая I: «Слава Богу!» и далее рукой Л. В. Дубельта: «Собственною Его Величества рукою написано карандашом: «Слава Богу!». Генерал-лейтенант Дубельт».

Все это приводит к тому убеждению, что более всего надлежит стараться усугубить осторожность насчет впуска иностранцев в Россию и предупреждать то влияние, которое они могут производить у нас. В этих видах уже приняты меры к неусыпному наблюдению за всеми иностранцами в России, в том числе и за людьми простого звания, а посольствам и миссиям нашим предписано свидетельствовать паспорта иностранцам на проезд в Россию с величайшею разборчивостью и только тем из них, которые совершенно известны по своей благонадежности.

Нет сомнения, что при строгих мерах, которые наше правительство принимает и будет принимать, иностранцы не увидят у нас, чего желают, и русский народ пребудет навсегда верен и предан своим Государям, столько же, сколько он ныне верен и предан Вашему Императорскому Величеству.

Граф Орлов

**ОТЧЕТ
О ДЕЙСТВИЯХ III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ
И КОРПУСА ЖАНДАРМОВ
за 1852 год***

Политические вопросы, возмущавшие спокойствие Западной Европы, видимо теряют свое прежнее значение, и народы, утомленные волнениями, начали оставлять свои заблуждения и обращаться к прежним занятиям. Во всей Германии первые места заняли люди благомыслящие, а возмутители и недовольные законным порядком дел, которые в предшествовавшие годы двигали событиями, опустили на низший план, и имя демократа сделалось почти укором.

Враги общего спокойствия не могут не видеть, что этот благотворный переворот в Европе произошел более всего от примера благоустройства в России и поддерживается ее влиянием. В собственном бессилии своем, питая ненависть нашему Отечеству, они стараются поколебать общее уважение к нам, то изливая клеветы на правительство наше, то доказывая, что Империя наша не так могущественна, как ее представляют, то

* На титульном листе помета Л.В. Дубельта: «Его Величество изволил читать. 19 января 1853. Генерал-лейтенант Дубельт». Перед текстом – Николая I: «Слава Богу!» и далее Л.В. Дубельта: «Собственно Его Величества рукою написано карандашом: «Слава Богу!». 19 января 1853. Генерал-лейтенант Дубельт».

угрожая другим государствам разрушительною политикою России, которая будто бы со времен Императора Петра I и по его завещанию руководствуется системою вечной войны и жаждою всемирного владычества.

Эти враги спокойствия еще более желают поколебать в русском правительстве доверие к собственному народу. Без сомнения, с этою целью присылались несколько раз из-за границы доносы, что существующие в Лондоне демократические комитеты успели найти в некоторых местах нашего Отечества сочувствие и быстро распространяют свои ветви. Доносы эти, будучи поверены чрез доверенных агентов, оказались совершенно ложными. В Лондоне развился даже особый род промышленности доносами, так что некоторые из заграничных миссий сделались игрищем этих спекуляторов, и удостоверились в обмане не прежде, как после многих жертвований.

Напротив того, непрерывное наблюдение доказало, что внутреннее спокойствие на всем пространстве обширного и разноплеменного государства нашего в продолжение 1852 года было совершенно непоколебимо. Несчастные события на Западе¹, соделавшие великое зло для Европы, принесли большую пользу России тем, что многие из заразившихся у нас вредными мечтаниями увидели свое заблуждение и обратились на путь истинный. Этого нельзя сказать вообще о литераторах: ибо некоторые из них остаются при своих преступных понятиях и, не убедясь примерами несбыточности ложных теорий, умолкли только от страха; но мы не верим их угрюмому молчанию и продолжаем строго наблюдать за ними. В прочих сословиях случаи свободномыслия и вредного направления проявляются у нас весьма редко, исключительно между молодыми людьми, которые, как по внимательном рассмотрении обстоятельств оказывается, в проступки впадают не столько по злоумыслию, сколько по неопытности или от легкомысленного желания блеснуть своим мнимым образованием и знанием современных заграничных теорий. О людях же истинно образованных и возмужавших опытом, равно как обо всей массе низших классов русского народа, безошибочно можно засвидетельствовать, что все они неизменно преданы своему Государю и Отечеству. Если нельзя отнести этого к Западному краю Империи, то, по крайней мере, и там жители увидели, что они, в сравнении с другими народами Европы, благоденствуют под сильною державою России; поэтому они начали возвращаться к благоразумной деятельности, и в течение 1852 года там не произошло ни одного покушения к какому-либо злоумышлению.

Правительство наше в мудрой заботливости своей всеми мерами старается, чтобы это благоустройство Империи не было нарушаемо никакими соблазнами Западной Европы и не только сохранялось бы в нашем поколении, но перешло бы во всей чистоте своей и к будущим поколениям. В этих видах оно продолжает неусыпно смотреть за всеми

приезжающими в Россию иностранцами, с осторожностью и разбором увольняет наших подданных за границу и внутри Империи строго преследует все проступки, от которых при послаблении может распространиться разврат умов и нравов. Строгость правительства, хотя бы она была и несколько тягостна молодому поколению, благословляется всеми людьми опытными: ибо на ней зиждется настоящее и будущее благоденствие государства.

Граф Орлов

12 января 1853.

**ОТЧЕТ
О ДЕЙСТВИЯХ III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ И
КОРПУСА ЖАНДАРМОВ
за 1853 год***

Война России против Турции² дала новую пищу зависти и недоброжелательству иностранных держав к могущественной Империи, и с тем вместе возбудила деятельность изгнанников разных стран. Преступные выходцы надеются достигнуть своих целей, если бы Англия и Франция успели возжечь европейскую войну. Вообще с прискорбием рассуждая о непонятном действии этих двух держав, все с изумлением взирают на то, что правительства христианские подают руку помощи Турции в деле христианском!

При этом случае, как в прежние времена, когда нашему Отечеству угрожали опасности, в России раскрывались те внутренние силы, владея которыми она всегда и из всех бед выходила победительницею. Люди высшего и среднего сословий преисполнены удивления, что Турция еще не научилась опытами и вновь осмеливается вступать в борьбу с нашей Империей; они, хотя видят, что борьба будет трудная, но, надеясь на Бога и на Царя, не сомневаются в успехе; простой же народ не вдается в рассуждения, но как бы инстинктивно верит, что русским никто и ничто противустоять не может.

* Перед текстом помета Николая I: «Слава Богу!» и далее Л.В. Дубельта: «Собственною Его Величества рукою написано карандашом: «Слава Богу!». 11 января 1854. Генерал-лейтенант Дубельт».

Губернские жандармские штаб-офицеры доносили, что Манифесты о начале войны и передвижении российских войск в Придунайские княжества³ приняты были всеми сословиями с полным и нелицемерным восторгом. Русские увидели новые доказательства тех неутомимых забот и попечений о поддержании православия, о благе, чести и славе России, которые они привыкли видеть в продолжение последних 28 лет. Усматривая же из Манифестов самые умеренные чуждые видов завоевания, благородные и с тем вместе твердые намерения своего Монарха, все с народною гордостью и умилением повторяли: «Не завоеваний ищем мы, в них Россия не нуждается!». Не говоря о военных, которые нетерпеливо ожидали войны, жители всех губерний изъявляли готовность на всякие пожертвования и каждый готов принести все на дело общее. Сначала дворяне Тамбовской, потом Московской, Киевской, Рязанской и других губерний вызвались на разные жертвования.

Только в Царстве Польском и в Литовских губерниях многие из местных уроженцев, по обыкновению, предаются беспокойным и несбыточным мечтам. И здесь не может быть ничего явного; но заметны тайные надежды, что турецкая война вовлечет Россию в войну европейскую и что при этом возобновятся в Европе беспорядки 1848 года, от которых мнимые польские патриоты в легкомыслии своем ожидают выгодного для себя переворота.

Несмотря на это, спокойствие внутри Империи в течение года ничем не было нарушено. Уроженцы Западного края покорны по необходимости; жители же всей остальной России душою и сердцем преданы своему Государю. Безошибочно можно сказать, что собственно в России ныне не таится ни одного заговора, ни одного общего злоумышления, и хотя получались доносы о подобных преступлениях, но доносы эти, по точнейшим исследованиям, оказались совершенно ложными. В этих случаях разыскания постоянно оканчивались обнаружением, что доносители или избегают наказания за свои преступления или желают выслужиться, или мечтатели и с тем вместе всегда суть люди порочные, которые, делая донос на других, сами дают правительству возможность обнаружить собственные их безнравственные действия. Все же подтвердившиеся политические провинения состояли только или в хранении запрещенных книг и рукописей, большею частью по одному любопытству, или в противозаконных суждениях, иногда проистекающих от молодости и легкомыслия. Равным образом в сочинениях русских писателей и в журналистике более не заметно желания блеснуть мыслями коммунистическими, социальными и им подобными, которые потеряли цену даже у людей, следящих за ходом европейского просвещения. Вообще политическое направление России таково, что если можно желать лучшего, то разве потому, что правитель-

Граф Карл Васильевич Нессельроде

ство всегда обязано заботиться о большем и большем усовершенствовании нравственности своего народа.

При всем том со стороны высшей полиции ни одно сомнение о возможности политического преступления не было оставлено без строжайшего исследования: ибо преступления могут родиться и развиваться от самой слабости в преследовании их. Столько же внимания было обращено на то, дабы не проникла к нам зараза из-за границы. Замыслы выходцев, революционные партии, Кошут⁴, Мадзини и другие возмутители опасны; но еще опаснее в Западной Европе общее развращение, легкость, с которою безнравственный народ пристаёт к возмутителям, и слабость многих правительств. Все это, взятое вместе, скорее влечет государства к разрушению, нежели действия лондонских и всех прочих революционных комитетов. Поэтому, еще в начале 1852 года, когда, после восстания в Милане, сделано было в Вене покушение на жизнь австрийского императора⁵ и получались известия о рассылке эмиссаров, предписано было принять деятельнейшие меры к наивозможному усилению надзора за австрийскими подданными и американцами, приезжающими с английскими паспортами; а посольствам и миссиям нашим вменено в обязанность, дабы они свидетельствовали паспорта иностранцам с величайшею разборчивостью, предупреждая наше правительство о всяком сомнительном случае.

С началом же войны Турецкой сообщено было командующему 4-м и 5-м корпусами, также сделано распоряжение по всем границам со стороны Турции, о наистрожайшем наблюдении, чтобы ни выходцы, ни другие злонамеренные люди не могли проникнуть в наши пределы.

Возвращаясь к настоящим недоразумениям между нашим правительством и Турциею, должно сказать, что всеобщее расположение народного духа, мнения и чувства готовности способствовать правительству всеми силами и средствами в деле против наших врагов находятся в раздражительном состоянии, и я, зная мысли и правила Государя Императора, должен был до сего времени удерживать этот общий восторг в пределах благоразумной умеренности для того, дабы это святое чувство выказалось во всей полноте своей только тогда, когда верховная власть признает это нужным и того потребует, – и нет сомнения, что одно слово Царя двинет всех Его подданных ко всевозможным жертвованиям и, призывая благословение Божие на виновника славы и благоденствия России, они докажут Ему на деле свою верность и свою признательность.

Граф Орлов

4 января 1854 года.

ОТЧЕТ
О ДЕЙСТВИЯХ III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ
И КОРПУСА ЖАНДАРМОВ
за 1854 год*

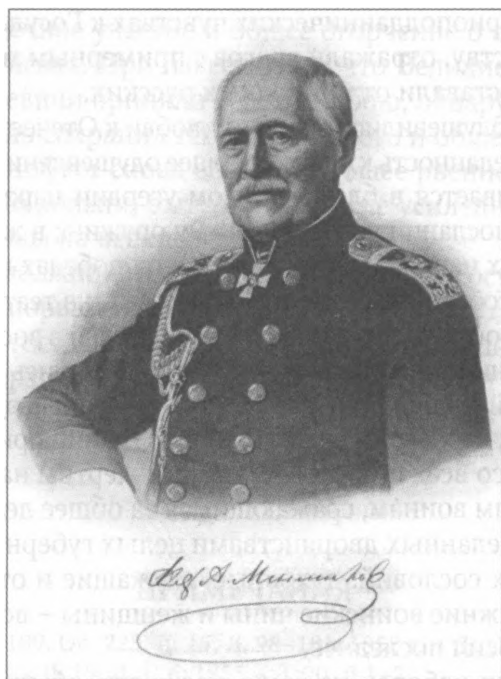
1854 год ознаменовался явным к нам недоброжелательством Франции и Англии, которые в союзе с Турцией употребляли все возможные средства восстановить против нас и прочие державы Европы.

С нападением на Россию вооруженных неприятелей польские выходцы рассылали эмиссаров, направляя их преимущественно в Царство Польское; англичане и французы старались водворить возмутительные листки и брошюры в Финляндию, в южные и западные губернии наши; предполагали провезти оружие в Литву и выпускали в обращение русские фальшивые деньги.

Было бы излишне говорить здесь о военных событиях; Государь Император Сам изволил видеть, с каким непреодолимым мужеством войска

---

* Перед текстом помета Николая I: «Дай Бог, чтоб было так!» и далее рукой Л.В. Дубельта: «Собственною Его Величества рукою написано карандашом: «Дай Бог, чтоб было так!». 15 января 1855. Генерал-лейтенант Дубельт».

Князь Александр Сергеевич Меншиков

наши действовали к защите Отечества; внимание III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии устремлено было особенно на дух жителей и расположение умов в Империи.

К сожалению, должно сказать, что в жителях Царства Польского война возбудила преступные чувства и мечты. Они надеялись, что Россия не выдержит борьбы, по их мнению, неравной с европейскими державами, и мечтают о восстановлении прежней Польши. Но при благоразумно принятых мерах правительством спокойствие до сего времени и там не нарушалось.

В губерниях, возвращенных от Польши, собственно Польские патриоты также питают нерасположение к нам и мало сочувствуют успехам нашего оружия. При всем том, в этих губерниях представляется менее опасности, нежели в Царстве Польском, потому что в них, особенно в Волынской, Подольской и Киевской, жители низших сословий почти все русские родом и православные по вере, вполне преданные нашему правительству. Если в этих губерниях, и еще более в Литве, найдутся отдельные личности с вредными намерениями, то они не встретят в общей массе ни одобрения, ни поддержки.

При этих неблагоприятных обстоятельствах утешительно было видеть, что финляндцы, несмотря на недавнее присоединение к нам⁶, явили

себя твердыми в верноподданнических чувствах к Государю Императору и к новому их Отечеству, отражали врагов с примерным мужеством и в самоотвержении не отставали от природных русских.

Русские же все одушевились чувством любви к Отечеству; повсюду разгорелась истинная преданность к Царю, и общее одушевление объяло все сословия. Оно обнаруживается в благочестивом усердии народа при церковных молебствиях о ниспослании успехов нашему оружию; в живом сочувствии к известиям о победах наших, в рассказах об этих победах и во всех рассуждениях о настоящих событиях; везде, и в обществах и в театрах, каждая речь о славных подвигах войск наших приводит слушателей в восторженное состояние. Чувства преданности и усердия в русских оказались так велики, что не только нет никакой надобности возбуждать или поддерживать, но иногда должно умерять их, чтобы они не выходили из границ приличия.

В то же время со всех сторон посыпались жертвы на алтарь Отечества и в помощь раненым воинам, сражающимся за общее дело. Кроме важных пожертвований, сделанных дворянствами целых губерний и обывателями городов, люди всех сословий: духовные, служащие и отставные, купцы и крестьяне, даже нижние воинские чины и женщины – все жертвовали, чем могли; иной приносил последнее.

При рекрутских наборах не было прежнего, обыкновенного уныния рекрут и плача родственников; при составлении Морского ополчения явилось столько охотников, что должно было многим отказывать, и все отправлялись на места войны не столько для дарованных преимуществ, сколько из усердия. Дворянства нескольких губерний в совещаниях своих выражали готовность на поголовное вооружение. Студенты Московского университета, а за ними воспитанники и других учебных заведений сами вызывались стать в ряды воинов, и трое студентов Ришельевского лицея уже явили подвиги мужества в Одессе при отражении неприятельского флота. Одна девица (дочь отставного профессора Спасского), исполненная чувств патриотизма, просила определить ее в службу, чтобы и она, наравне с братьями своими, могла удостоиться счастья пролить кровь свою. Словом, народ преисполнен желанием ополчиться на врага, за Веру, за Царя, за честь и неприкосновенность государства. Старые защитники наши в Отечественную войну, переносясь воспоминаниями к славному миновавшему времени, сознаются, что и ныне русские преисполнены теми же заветными чувствами, которыми они пламенели в двенадцатом году.

Одним из явных доказательств хорошего духа внутри государства служит то, что со времени объявления войны все недоброжелательные, безымянные доносы, так часто тревожившие правительство, внезапно прекратились, и повсюду водворилась совершенная тишина.

В столице спокойствие не нарушалось, и мысли всех обращены только на военные события. При неблагоприятных известиях из Крыма всегда

заметно было сердечное участие и общее огорчение о великих потерях в наших храбрых войсках. При известии же, что Великие Князья Николай и Михаил⁷ Николаевичи приняли участие в бою, обнаружилась всеобщая радость, что Господь сохранил Их для Царского и общего утешения.

Последний Манифест снова возбудил общее рвение⁸. Читая его, предугадывают, что это должно быть предварение усиленной войны, и в таком случае все готовы на всякие жертвы.

В заключение должно сказать, что только воля Государя Императора удерживает общий порыв народа. Видя 29-летнее благотворное царствование над обширным государством, русские вполне предались всему, что Господь положит на сердце Государя, и уверены, что пути и средства, которые будут Им избраны, непременно приведут дела к самому лучшему окончанию.

Граф Орлов

10 января 1855

ПРИМЕЧАНИЯ

1850 г. – ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 15. Л. 98–101; 1852 г. – Д. 17. Л. 2–5 об.; 1853 г. – Д. 18. Л. 1–6 об.; 1854 г. – Д. 19. Л. 1–6; 1855 – Д. 20. Л. 1–2.

¹ Имеются в виду европейские революции 1848–1849 годов.

² Поводом к началу Крымской войны стал спор о Святых местах. В январе 1852 г. был издан фирман султана, в котором католики, наряду с греками и армянами, получали ключ от пещеры Рождества Христова в Вифлеемском храме и некоторые другие права в Святой Земле. Николай I поначалу согласился с этим решением, но вслед за ним Порта пошла на новые уступки католической церкви. В начале 1853 г. российское правительство попыталось добиться обнародования фирмана о привилегиях Православной церкви, особом покровительстве России православному населению Турции, а также заключить с Османской империей оборонительный договор против Франции. При активной поддержке Великобритании султан отверг предложения российской стороны, даже когда они были предъявлены в ультимативной форме. В ответ на это русские войска заняли Дунайские княжества. 31 июля Великобритания, Франция, Австрия и Пруссия приняли редакцию ноты, содержащую компромиссное решение проблемы.

Российское правительство согласилось принять ее; со стороны Турции последовало требование изменений в тексте документа. После отказа русского главнокомандующего генерал-адъютанта князя М.Д. Горчакова очистить Дунайские княжества последовал разрыв дипломатических отношений; Турция объявила России войну. С октября 1853 по апрель 1854 г. война, которая традиционно велась в Закавказье, на Дунае и Черном море, была успешна для русских войск. Разгром турецкого флота в Синопской бухте 8 (30) ноября 1853 г. подтолкнул к вмешательству Великобритании и Францию.

³ Манифест о движении российских войск в Придунайские княжества был обнародован 14 июня 1853 г. «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России». Манифест о войне с Оттоманской Портой от 20 октября 1853 г. знаменовал начало Крымской войны. (ПСЗ, 2-е Собр. Т. XXVIII. С. 290, 490.)

⁴ Кошут Лайош (1802–1894), один из руководителей национально-освободительного движения 1848–1849 годов в Венгрии. Лидер оппозиционного крыла Государ-

ственного собрания. После восстания в Пеште 15 марта 1848 г. возглавил делегацию к императору с требованием реформы государственного строя Венгрии. Являлся министром финансов в первом венгерском правительстве Баттяни. Инициатор создания национальной армии. Глава Комитета защиты родины, которому парламент передал функции правительства. 2 мая 1849 г. был избран правителем-президентом Венгрии. После сокрушительного поражения под Темешваром 9 августа 1849 г. он вместе с правительством ушел в отставку 11 августа, передав власть главнокомандующему А. Гергею, и эмигрировал.

⁵ Франц-Иосиф I (1830–1916), император Австрии и король Венгрии из династии Габсбургов. Взошел на престол в 1848 году; подавил революцию в Венгрии и восстановил в стране абсолютизм; в 1867 году преобразовал государство в двуединую монархию Австро-Венгрию.

⁶ Финляндия отошла к России сорок пять лет назад, после Русско-шведской войны 1808–1809 гг.

⁷ Великие князья Николай и Михаил были направлены императором к войскам в Крым в октябре 1854 г.

Великий князь Михаил Николаевич участвовал в сражении под Инкерманом 24 октября; 24 ноября – в артиллерийском сражении на Константиновском форте Волоховой башни.

⁸ Манифест 14 декабря 1854 г. «О воззвании к России по случаю настоящей войны» гласил: «... Мы не можем желать продолжения кровопролития и конечно не отклоним мирных предложений и условий, если они будут согласны с достоинством Державы нашей и пользами любезных наших подданных. Но другой, не менее священный долг велит нам быть готовыми на усилия и жертвы, соразмерные с устремленными против нас действиями... Буде нужно, мы все, Царь и подданные... с железом в руках, с крестом в сердце станем перед рядами врагов, на защиту драгоценнейшего в мире блага: безопасности и чести Отечества». (ПСЗ. 2-е собр. Т. XXIX. С. 90–91.)

**ЦАРСТВОВАНИЕ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II**

Император Александр II

**ОТЧЕТ
О ДЕЙСТВИЯХ III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ
И КОРПУСА ЖАНДАРМОВ
за 1855 год***

В 1855 году внезапная кончина Императора Николая Павловича поразила всю Россию; скорбь была общая, непритворная, но известные качества Августейшего преемника⁹ служили для всех некоторым утешением. Нет необходимости исчислять первых действий нового венценосца, которые Ему в подробности известны по той неутомимой деятельности, с которою Он лично вникает во все отрасли государственного управления; но нельзя прейти молчанием, с какою радостью было встречено Его прибытие к армии, и какую неисчислимую пользу принесло личное Его обозрение оной. Государь почти скрывал Свое намерение, и, следуя влечению Своего сердца, предпринял путешествие в Крым вопреки замечаний приближенных к Нему лиц. Впоследствии те самые лица, которые не одобряли этого намерения, увидя, с каким восторгом был принят Государь, своею армией и как она оживилась Его присутствием, согласились в преувеличении своих опасений.

Наблюдение за общим духом народным во время настоящего тяжкого испытания приводит к самому утешительному заключению, что вся собственно Россия готова принести наивеличайшие жертвования, и, в чувстве благоговейной преданности к Отечеству и к своему Государю, готова исполнить все, что мудрость Его укажет.

Тем не менее, нельзя умолчать, что война чрезвычайно тягостна для России: рекрутские наборы, ополчение, остановившаяся торговля умножают нужды и бедность, и хотя русские готовы переносить и дальнейшие бедствия, но если бы правительство, сохраняя твердость и свое достоинство, достигло мира на условиях честных, то это было бы общеою радостью в Империи.

Граф Орлов

9 января 1856 года.

---

* Перед текстом помета Л.В. Дубельта: «Его Величество изволил читать. Генер[ал]-лейт[енант] Дубельт. 14 января 1856 г.»

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ за 1857 год*

ОБЩИЙ ОБЗОР

Согласно с Высочайшею волею, выраженною Вашим Императорским Величеством в минувшем году, я вмещаю себе в обязанность представить при сем на благоусмотрение Ваше обзор нравственно-политического состояния и главных управлений России. Обзор этот основан на сведениях, почерпнутых из разных источников, наиболее достойных доверия. Он включает в себе предметы, не вошедшие в общий мой годовой отчет.

В 1857 году внутреннее положение государства заслуживало особенного внимания. Важные преобразования, в нем произведенные, как то: уменьшение армии и флота, сокращение штатов, понижение банковых процентов, изменения в тарифе, в особенности же мероприятия к улучшению быта помещичьих крестьян¹, должны были неминуемо возбудить некоторое волнение в умах, и потому направление их требовало самого бдительного наблюдения. Для достижения этой цели, независимо от средств, употребленных по всем губерниям со стороны Корпуса жандармов, тайный надзор за сословиями здешней столицы усилен был совокупным, единоклубным действием III отделения с местною полициею и увеличением способов сей последней. Кроме того, по взаимному соглашению с Наместником Царства Польского² мы сообщали друг другу все данные, которые могли подавать повод к малейшему подозрению в нарушении общественного порядка. Соединенные таким образом меры послужили к обнаружению проявлявшихся иногда неудовольствий на разные нововведения или опрометчивых суждений о распоряжениях высшего начальства; но неблагоприятные последствия, которые бы могли от этого произойти, предупреждались вовремя, и Отечество наше было бы вполне счастливо, если бы все лета его существования протекали также благополучно, как 1857 год. За продолжение подобного спокойствия, конечно, ручаться нельзя, ибо теперь, при безнравственности, которая, к прискорбию, позорит род

* Перед текстом помета: «Государь Император изволил читать. 19 февраля 1858 года».

человеческий, самые лютые злодеяния совершаются с непостижимою неожиданностью; но до сих пор нет еще положительной причины полагать, чтобы у нас, между русскими, гнезилось где-либо злоумышленное противодействие правительству или чтобы составлялись тайные общества с намерением произвести политический переворот.

Впрочем, так как в настоящих обстоятельствах ничем не должно пренебрегать, то в С.-Петербурге наблюдение учреждено было даже за собраниями, принявшими название фаланстера. Члены сих собраний принадлежат к разным званиям и во взаимных своих сношениях придерживаются равенства. Они занимаются музыкою, сочинением стихов, веселыми разговорами и, по-видимому, не имеют решительно никакой политической цели, но, тем не менее, дальнейшее развитие подобных сборищ, не отличившихся, во всяком случае, строгою нравственностью, казалось неудобным. Внушения, сделанные главным приверженцам фаланстера, получили желаемый успех, и в течение нынешней зимы члены одного собирались только частями четыре или пять раз.

Кроме сего, в июне минувшего года получено было безымянное письмо о существующем будто бы в России обширном заговоре, члены коего должны собраться в Москве, а потом в течение ярмарки в Нижнем Новгороде. Несмотря на неправдоподобие этого извещения, опытный чиновник был командирован в Москву, где сочинительница письма, выдававшая себя за воронежскую помещицу, обещала по условленному знаку явиться к посланному отсюда лицу, дабы указать ему на заговорщиков и доставить случай с ними познакомиться. Мнимая эта помещица не явилась, и хотя письмо, вероятно, было послано только с тем, чтобы тревожить правительство, но командированный чиновник тщательно следил за содержанием оною как в Москве, так и в Нижнем Новгороде во время съезда туда помещиков и дворян из разных губерний и лично мог убедиться, что там не было ни подозрительных сходбищ, ни признаков существования заговора.

Из разных мест Империи поступало еще несколько других доносов о готовящихся будто бы в России преступных замыслах, но по самым тщательным разысканиям доносы эти нигде не подтвердились.

Весною прошедшего же года приехал из Лондона американский подданный Эрнест Никола, который, проведя несколько времени в С.-Петербурге, Москве, Варшаве, Гродненской губернии, Киеве, Одессе, Кишиневе, за Кавказом, арестован был в Тифлисе и доставлен сюда вследствие сделанного им объяснения, что он послан в Россию лондонским демократическим обществом для покушения на жизнь Вашего Императорского Величества. Допросы, произведенные здесь Эрнесту Никола, убедили в том, что он был употребляем за границу демократическими обществами

для развозки их переписки и много знает об их предположениях; что же касается до главного его показания, то о нем нельзя еще было сделать основательного заключения, так как оно не подкреплено никакими доказательствами. Теперь ожидаются по этому предмету разъяснения из Парижа, ибо по отзыву посла нашего³, которому показания Эрнеста Никола были сообщены, они с первого взгляда показались имеющими некоторое сходство с данными французской полиции.

Ныне же наместник Царства Польского доставил полученное им от директора ганноверской полиции показание задержанного в Мангейме польского беглеца Альберта Валенкевича о действиях Лондонского центрального революционного комитета, который состоял из главных, известных в Европе демагогов, как-то: Ледрю Роллена⁴, Бланки⁵, Мацини⁶, Кошута⁷ и проч., высылает будто бы в настоящее время эmissсаров для приобретения соучастников меж университетскою молодежью. Валенкевичем названы эmissсары пропаганды во Франции, Швейцарии и Германии и поименованы книгопродавцы в Берлине, Бреславле, Лейпциге, которые занимаются распространением возмутительных сочинений.

Князь Горчаков, не давая большой веры словам Валенкевича, продолжает, однако, поверку оных в отношении к названным в числе эmissсаров нескольким польским выходцам. Со стороны же III отделения имеются в виду имена всех вообще лиц, встречающихся в показаниях Валенкевича, на случай появления которого-либо из них в пределах Империи.

Наконец, из Бухареста получены телеграфические известия об отправлении из Галац в С.-Петербург с злыми замыслами трех эmissсаров, из коих названы венгерец Ладислас и итальянец Жакомо; имя третьего осталось неизвестным. За прибытием этих лиц имеется наблюдение, и вообще меры предосторожности против всякого посягательства на общественное спокойствие будут принимаемы со всем возможным усердием.

ОБ УЛУЧШЕНИИ БЫТА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН

Из всех предметов, наиболее занимающих теперь Россию, самым важным является предположенное освобождение помещичьих крестьян. Случи об изменении их быта, начавшиеся тому около трех лет, распространились по всей Империи и привели в напряженное состояние как помещиков, так и крепостных людей, для которых дело это составляет жизненный вопрос.

Суждения по сему вопросу различны:

Дворяне беспоместные, писатели и люди разных сословий, не имеющих в виду никаких потерь, все с восторгом прославляют мысль об уничтожении крепостного права. Они доказывают – и весьма справедливо – что положение крепостного человека есть состояние неестественное, про-

Князь Василий Андреевич Долгоруков

тивное разуму и христианской вере, что человек в рабстве перестает быть человеком и делается вещью, что ныне время для преобразований настало и что обстоятельства достаточно для сего созрели.

Дворяне, владеющие крепостными людьми, но образованные, понимающие дело в истинном виде и предпочитающие благо общее личным выгодам, рассуждают также в смысле правительства. Многие из них, однако же, находят, что теперь ни крестьяне, ни помещики, ни начальствующие в губерниях лица, ни законоположения, ни весь существующий у нас порядок не приготовлены еще к такой перемене, а потому полагают, что освобождение крестьян рановременно*.

Наконец, помещики полуобразованные, постоянные жители деревень и все мелкопоместные страшатся даже мысли об изменении крепостного права. В отнятии у них власти над крестьянами они видят уничтожение дворянства. По мнению их, крестьяне, получив свободу, предадутся праздности и пьянству; тогда поля останутся без обработки, имения потеряют ценность и дворяне разорятся. Далее они утверждают, что преобразование не принесет пользы самим крестьянам: ибо последние лишатся покровительства и, в случае голода, пожаров или других бедствий, – помощи

* Так в тексте.

владельцев, подвергнутся стеснениям от земских полиций и не только не улучшатся, но упадут в нравственном и физическом отношениях. Кроме того, большинство дворян думает, что наш крестьянин слишком еще необразован, дабы понимать гражданские права, что он на полной свободе – лютее зверя, что волнения, грабежи и убийства будут почти неизбежны, и что во многих губерниях, особенно Приволжских, памятно еще страшное время пугачевщины!

Это опасение хотя и имеет некоторое основание, но кажется преувеличенным. По крайней мере, с тех пор, как мысль о свободе занимает умы крестьян, беспорядки происходили довольно редко, самые незначительные, и прекращались весьма скоро.

Опыт этот подает надежду, что и в последующем времени, если не будет каких-либо внешних, неожиданных подстрекательств, мы не увидим ни тех огромных смут, ни тех ужасов, которыми у многих тревожится воображение.

Другого рода опасение состоит в том, чтобы помещики, которые лишатся способов существования, не предались отчаянию и враждебным против правительства действиям. К этому прибавляют, что русские Государя в манифестах, грамотах и других актах всегда называли дворян опорою, столпами Престола. Мысль эта, согласная с юридическими началами, укоренена в умах русских. По общему убеждению, монархическая власть основана на дворянской, и власть помещиков над крестьянами казалась необходимым иерархическим продолжением самодержавной. Последствия от разрушения этой связи и, в особенности, от обеднения части дворян могут действительно быть вредны, но они, с Божиею помощью, также устроятся, если на них будет обращено попечительное внимание заблаговременно.

Теперь главные основания, на коих преобразование в быте помещичьих крестьян должно совершиться, объявлены определительно*. Они приняты с благоговейною покорностью, и в нескольких губерниях комитеты, по Всемилостивейшему соизволению учрежденные для развития сих оснований, приступили к делу; но при всем усердии своем и при полной готовности исполнить Высочайшую волю, они в применении означенных начал встречают затруднения.

Из сих последних самые существенные заключаются в следующем:

1) Предоставление крестьянам усадеб в их собственность признается во многих местностях весьма неудобным: ибо тогда в имениях произойдет чересполосность, которая повлечет за собою в хозяйственном отношении величайшие невыгоды. Кроме того, одна часть крестьян может не быть в состоянии, а другая – не пожелает выкупить усадьбы. Из сего рождается

* Так в тексте.

вопрос: как поступить с первыми и почему принуждать последних к исполнению того, что противно их пользе и желанию.

2) Крестьяне малоземельных имений, занимаясь большею частью промыслами в разных местах Империи, платят помещикам оброк и весьма неохотно остаются в вотчинах для обработки полей. По этому самому с освобождением крестьян владельцы таких имений без обеспечения от правительства могут лишиться оброка и по ограниченному количеству земли не получают дохода от хлебопашества.

3) Мелкопоместные дворяне, владеющие малыми усадебными имениями, подвергнуться совершенному разорению, если насчет их не будут постановлены какие-либо особенные меры.

4) Обращение дворовых людей к земледелию с предоставлением в их пользование участков земли полагается весьма затруднительным, как по значительному во многих имениях числу дворовых, так и по неспособности их к полевым работам. Притом замечают, что часть дворовых, не принося помещикам никакой пользы, находятся на полном их содержании; по освобождении же, при общей склонности простого народа к нетрезвой жизни, они останутся без пропитания или в самом жалком положении. Затем право дворовым откупаться помещики считают также мерою, требующею пояснения: ибо откупаться могут только люди, обученные ремеслам и надеющиеся трудом или службою по найму обеспечить свое существование, словом, люди, необходимые для помещика, тогда как он не освободится от обязанности иметь на своем попечении прочих бесполезных людей.

и 5) Признается необходимым: а) обеспечить уплату недоимок, которые до сих пор взыскиваются с имуществ помещиков; б) определить с точностью обязанности касательно уплаты кредитным учреждениям лежащих на имениях долгов и, если это отнесено будет к дворянам, то каким образом будут уплачиваться долги теми мелкопоместными, которые сами останутся может быть без дохода; в) кто будет платить за ссуды, позайствованные у правительства в неурожайные годы для прокормления собственно крестьян; и г) постановить правила для залога имений на будущее время, так как крестьяне более закладываемы не будут.

Вопросы эти имеются в виду высшего начальства; но обсуждение их потребует времени, а между тем работа открытых уже губернских комитетов может от того быть неполною или замедлиться.

Особенная польза во всех отношениях ожидается от комитета С.-Петербургской губернии, который, сколько известно, занимается составлением положения усердно и основательно. Хотя пространство этой губернии невелико, но на нем находятся все роды помещиков, имений и крепостных людей: тут есть дворяне бедные и обремененные

семействами, имения малоземельные, на плодородной или бесплодной почве, заложенные в кредитных учреждениях и с накопившимися недоимками, крестьяне, состоящие на хлебопашестве, оброчные, занимающиеся промыслами и ремеслами, дворовые, служащие при господах своих и по найму у посторонних лиц. Следовательно, здесь будут разбираемы почти все вопросы, приводящие в затруднение дворян прочих губерний, и если правительство поможет С.-Петербургскому комитету постановить справедливые отношения между помещиками и крестьянами, а также не оставит без покровительства тех дворян, которые лишатся средств к существованию, в таком случае все дело может быть кончено с успехом.

О МЕРАХ К СОХРАНЕНИЮ СПОКОЙСТВИЯ В ИМПЕРИИ

До тех пор нет сомнения, что строгое наблюдение за сохранением существующего порядка необходимо. Каков бы ни был этот порядок, он должен быть исполняем во всей точности, доколе само правительство его не изменило. В этих видах всякое нарушение помещиками предоставленных им прав подлежит немедленному взысканию, – а с другой стороны, всякое волнение или даже неповиновение крестьян должно быть тотчас подавляемо в самом его зародыше. Сверх сего было бы крайне нужно улучшить состав местных властей и земских полиций, особенно же достичь выбора достойных начальников губерний. Г<осподин> министр внутренних дел⁸ убежден в этом лично; несколько губернаторов в последнее время уже переменены; но, к сожалению, отыскание людей, соответствующих требованиям нынешнего времени, весьма трудно, и от того не все новые назначения могут назваться счастливыми.

Спокойствие России много будет зависеть и от сообразного обстоятельством расположения войск. С разрешения Вашего Величества я совещался об этом с г<осподином> военным министром⁹, и он обещал сделать надлежащие по сему предмету распоряжения.

Впрочем, я не могу не повторить, что до сего времени везде в Империи тишина, за весьма малыми исключениями, была сохранена. Иные указывают на бессрочноотпускных нижних чинов и на уволенных за штатом офицеров как на людей, которые теперь могут быть опасными; но к подтверждению этого я фактических сведений не имею и обязан сказать, что бессрочноотпускные вообще ведут себя осторожно. Равным образом, хотя некоторые из уволенных офицеров находятся в нужде, и иные из них, особенно тяжело раненые, не могут не быть недовольны; но надобно отдать им справедливость, что они переносят свое положение с терпением и не дозволяют себе ничего, что производило бы вредное влияние на умы других.

О ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ И КАВКАЗЕ

Царство Польское и Кавказ управляются отдельными властями, и, так как 3 и 6 округа Корпуса жандармов подчинены непосредственно наместникам, то официальным путем секретные сведения оттуда не получаются.

По частным известиям генерал-адъютант князь Горчаков пользуется лично общим уважением; но чины, ему подведомственные, большею частью признаются мало заслуживающими доверия и влиянием своим препятствуют процветанию края. Впрочем, народонаселение в Царстве вообще до сих пор спокойно.

С Кавказа доходят слухи, что генерал-адъютант князь Барятинский¹⁰ любим всеми; что начальник главного его штаба, генерал-майор Милютин¹¹, почитается человеком способным, деятельным, вполне благонамеренным и что жители Кавказа главным управлением довольны.

ОЧЕРКИ ГЛАВНЫХ УПРАВЛЕНИЙ

В настоящую эпоху государственных преобразований более чем когда-либо, заслуживают внимания внутреннее устройство Главных Управлений, развитие их деятельности и степень нравственности личного их состава. Хотя не все эти Управления в одинаковой мере участвуют в общем государственном движении, тем не менее, успех в достижении правительственных видов зависит от совокупности и единодушия действий. В представляемом кратком очерке изображены: мнения, коим пользуется каждое из помянутых Управлений и начальственные их лица, а также те из общественных суждений, которые по благонамеренности своей могут быть приняты к соображению.

1. Министерство внутренних дел

Министерство это занимает в государстве одно из первенствующих мест, ибо оно приводит в исполнение все предпринимаемые правительством меры.

Министр, действительный статский советник Ланской почитается человеком вполне благородным и имеющим много практических сведений, которые он приобрел долговременною службою в гражданских должностях внутри России и в столице. Отдавая справедливость его достоинствам, замечают, однако, излишнее его доверие к лицам, его окружающим, которые не всегда оправдывают его ожидания.

Самые приближенные к оному чиновники суть директоры 3-х департаментов: общих дел – Гвоздев¹², полиции исполнительной – Жданов¹³ и хозяйственного – Милютин¹⁴. Первые два отличаются большою деятельностью, но,

к прискорбию, хотя положительных доказательств к обвинению их представить невозможно, нравственные их свойства осуждаются повсеместно. Милютин гораздо выше их способностями и многосторонним образованием. Он путешествовал за границу, пристрастен к западным идеям и известен участием в преобразовании здешней распорядительной Думы, при коей, по его проекту, учреждена особая Общая Дума с европейскими представительными формами.

Дела в министерстве текут вообще спокойно, нет прежних преследований раскольникам и иноверцам, нет также вынужденных нововведений. Но, к общему сожалению, находят, что в замещении высших должностей в губерниях не соблюдается надлежащей разборчивости и что оно нередко зависит собственно от лиц, приближенных к министру. Недостатку его энергии приписывают равномерно медленность в принятии решительных мер к улучшению состава земских полиций, которые в жалком положении, а между тем, особенно теперь должны иметь надежную самостоятельность.

2. Министерство государственных имуществ и уделов

Министерство государственных имуществ с самого учреждения своего имело весьма важное предназначение. Кроме устройства быта вверенных ему многих миллионов казенных крестьян правительство желало практически изыскать способы к улучшению состояния крестьянского сословия вообще. Предначертанные для министерства уставы исполнены полезных правил, но от обширности ли ведомства, от недостатка ли верных исполнителей или от слишком слабого наблюдения за точным исполнением постановлений благодетельная цель правительства до сих пор не достигнута.

Новый министр генерал от инфантерии Муравьев¹⁵ одарен качествами, необходимыми для столь сложного дела, хотя к нему, как к человеку, не питают искреннего сочувствия. Он известен проницательностью ума, силою воли и познаниями почти во всех частях гражданской службы, а потому, полагаясь на его способности, надеются, что для приведения части, ему вверенной, в надлежащий порядок он употребит самые действительные средства.

Что касается до Министерства уделов, то по общим отзывам, внутреннее устройство его, образованное покойным графом Перовским, весьма удовлетворительно. Может быть, оно потребует только немногих изменений, которые признаны будут нужными при общем преобразовании быта крестьянского сословия.

3. Министерство народного просвещения

По участию народного образования в деле современных вопросов это министерство составляет ныне особенно важное звено в государственном

управлении. К главнейшим его обязанностям принадлежат наблюдение за нравственным воспитанием юношества, охранение порядка и тишины в учебных заведениях и строгий надзор за выполнением цензурой изданных для нее правил.

В лице нынешнего министра, действительного тайного советника Норова¹⁶, соединяются многие отличные свойства: религиозно-нравственный образ мыслей, истинная любовь к просвещению, стремление к выполнению своих обязанностей; но в нем замечают также вредную слабость, происходящую от чрезмерного благодушия. Он подчиняет себя влиянию окружающих и притом, желая снискать в кругу ученых имя поборника просвещения, нередко вполне предается их внушениям.

Кроме сего находят, что некоторые нужные дела в министерстве не имеют надлежащего течения. Так, например: тому уже около двух лет последовало Высочайшее разрешение на пересмотр цензурного устава, но по этому предмету ничего еще не исполнено, тогда как пересмотр устава и применение правил цензуры к современным обстоятельствам становится более и более необходимым.

Наконец, справедливо полагают, что выбор попечителей учебных округов требует более строгой осмотрительности; что избираемые для этих мест люди должны иметь качества, внушающие уважение и доверие, – многостороннюю образованность, силу воли, опытные лета и, если возможно, некоторую известность в ученом мире. Достоинейшими попечителями в настоящее время признаются – Московского учебного округа Ковалевский¹⁷, Дерптского – фон Брадке¹⁸ и Одесского – Пирогов¹⁹.

4. Управление военно-учебных заведений

Благоустройство военно-учебных заведений, несомненно, составляет предмет постоянных забот главного начальства оных. Генерал-адъютант Ростовцев²⁰ исполняет свои обязанности с примерным рвением, но он имеет недоброжелателей, и многие, признавая в нем ум проникательный, соединенный с большою сметливостью, полагают, что личное образование его не довольно основательно, дабы он мог с полным успехом направлять вверенную ему часть. Этому самому приписывают, что воспитанникам означенных заведений преподается много предметов весьма сложных, которые изучаются или только поверхностно и без особенной пользы для последующей их службы, тогда как они не приготавливаются к обыкновенному делопроизводству, столь необходимому для письменных занятий в штабах и канцеляриях. Что касается до боевого поприща, то в последнюю войну питомцы военно-учебных заведений ознаменовали себя воинственным духом, достойным полной похвалы.

5. Главное духовное управление

Духовное ведомство не менее Министерства народного просвещения имеет влияние на нравственное образование юношества. Оно в училищах своих образует преподавателей закона Божия для всех вообще учебных заведений и prepares сельских священников для назидания прихожан. Духовенство могло бы оказывать правительству большое содействие в достижении благотворных его видов; но, несмотря на все меры, принимаемые для возвышения духовенства, оно до сих пор, по большей части, остается еще на низкой ступени образования.

Нынешний обер-прокурор Святейшего Синода²¹, соединяя в себе отличные качества ума и сердца, всемерно стремится к улучшению частей, ему вверенных; но для преодоления представляющихся препятствий необходима непреклонная воля, которою едва ли он обладает: повсюду он будет встречать тайное противодействие со стороны ближайших своих сотрудников – директоров департаментов и канцелярий. Находясь с давних пор в ведомстве, они, несомненно, будут всеми средствами поддерживать прежнюю, ими же принятую систему.

6. Министерство иностранных дел

Управление этим министерством было принято князем Горчаковым²² в весьма трудное время. Сначала он имел много порицателей и увеличивал число их необыкновенным своим самолюбием и уверенностью в своих дарованиях; но теперь ему большей частью отдают заслуженную справедливость. В нем видят человека неутомимого, исполненного способностей, самостоятельного, во всей силе слова благородного, душою преданного Престолу и коренного русского.

При столь редких свойствах министра нельзя не льстить себя надеждою, что политическое наше значение будет соответствовать величии Империи.

7. Военное министерство

Обширность обязанностей по управлению сим министерством, несмотря на мирное время, требует непрерывной деятельности и бодрости физических сил. Генерал-адъютант Сухозанет ведет многосложное дело с необыкновенным усердием и благонамеренностью; но по общественному мнению, замещение должностей в министерстве не всегда бывает счастливо, в производстве многих дел встречается сбивчивость, и злоупотребления не прекращаются. Впрочем, надобно сознаться, что достижение этой цели крайне затруднительно, и должно надеется, что директор канцелярии Военного министерства, генерал-адъютант князь Васильчиков²³, будет деятельным помощником Министра к отвращению недостатков в военном ведомстве существующих.

8. Морское министерство

Круг деятельности управляющего этим министерством²⁴ ограничивается наблюдением за правильным производством дел и внутренними обыкновенными распоряжениями.

Действительным морским министром почитается генерал-адмирал Великий Князь Константин Николаевич, так как на Его усмотрение представляется все важное, требующее высших соображений. Он дает направление всем главным мерам к улучшению и преобразованию разных отраслей морского ведомства, с неусыпной заботливостью входит во все подробности оных, старается об искоренении зла и при обширном уме, с разнородными познаниями, стремится неуклонно к возвышению наших морских сил.

9. Министерство финансов

Эта важная часть так тесно связана с вещественными интересами всех сословий, что управление ею повсюду составляет предмет постоянных толков и часто несправедливых порицаний. Публика желает иногда от министра финансов невозможного: она требует от него постоянно государственных мер, блестящих операций, но с одною оговоркою «без всяких новых налогов». При этом она не принимает в рассуждение, что государство по многосложности состава и разнородности условий политической жизни не может быть банкирским домом и что смелые финансовые теории новейшего времени часто не оправдываются на деле и ведут к гибельным ошибкам, оканчивающимся кризисами; чему и ныне представляются веские примеры.

Министр финансов, действительный тайный советник Брок²⁵, не простирая притязаний на гениальность финансовых соображений, отличается точным умом и деятельностью. По приобретенным практическим сведениям на финансовом поприще он с благоразумною осторожностью направляет вверенное ему дело и, невзирая на трудные обстоятельства в продолжение бывшей изнурительной войны и после оной, успевает, без введения новых налогов, удовлетворять всем государственным потребностям. Это уже одно служит лучшим оправданием его управлению.

Из числа же недостатков, замечаемых по Министерству финансов, более или менее заслуживают внимания следующие: упрекают министра в отсутствии самостоятельности и в излишнем, может быть, доверии к первенствующему у нас банкирскому дому бар. Штиглица и К.²⁶; причем находят, что министру надлежало бы до сих пор озаботиться об основании в России другого банкирского дома, равносильного, для устранения существующей монополии, нередко весьма неблагоприятной для правительственных видов; полагают, что следовало бы принять деятельные меры к

восстановлению общественного кредита, который более и более приходит у нас в упадок; жалуются на продолжение злоупотреблений по винным откупам и делаемые откупщикам послабления; жалуются также на постоянно возрастающую дороговизну, в особенности на предметы первых потребностей и приписывают это отчасти ошибочному введению в наш курс, еще при гр. Канкрине, серебряной, вместо ассигнационной единицы; наконец, слышен ропот на совершенный недостаток в обращении золотой и серебряной монеты и на значительный вывоз оной за границу.

По обширности финансового управления и специальности некоторых его частей полагают необходимым, чтобы министр в Совете министерства находил настоящую помощь и содействие в многосложных своих занятиях. Для сего признают неизбежным совершенное преобразование означенного Совета с возложением на его обязанность не столько обсуждение текущих административных дел, сколько глубокое исследование современных финансовых вопросов, из коих иные могли бы получить полезное практическое применение. При сем полагают, что в члены сего Совета должны бы быть определяемы исключительно люди известных способностей и посвятившие себя финансовым наукам и специальным предметам, относящимся к ведомству министерства, так как из среды этих членов могли бы впоследствии возникнуть люди достойные для занятия высших в министерстве должностей и даже звания министра.

В настоящее время в числе самых приближенных лиц к министру полагают: его товарища тайного советника Норова²⁷ – человека весьма благонамеренного, но без практических сведений и притом болезненного; тайного советника бар. Гревеница²⁸, с давних пор управляющего общемо канцелярией министерства, и тайного советника Переверзева²⁹, недавно определенного в должность директора Департамента податей и сборов, известного своим умом, практическим взглядом и специальным знанием вверенной ему части.

10. Министерство юстиции

Министерство юстиции имеет обширное нравственное призвание: в подведомственных ему судебных местах решаются во всей Империи дела о чести и достоянии людей всех сословий; но, к общему сожалению, эта важная часть находится в неподвижном застое, с прежними вековыми формами и порядками.

Между тем, граф Панин, при всех достоинствах столбового дворянина, имеет вид твердого, опытного и деятельного министра; но опытность его ограничивается теоретическими сведениями в законах и знанием течения дел собственно в министерстве, деятельность его обращена исключительно на общие административные распоряжения по ведомству и рассмотрению дел, поступающих установленным порядком на его разре-

шение; независимость же его мнения заключается в принятом им правиле, что министр юстиции есть только блюститель буквального исполнения законов и обрядов и не должен увлекаться никакими нравственными убеждениями, как ни велика была бы их сила. В пример приводит следующие случаи: ему приносят жалобу на неправильное направление дела в нижнем или среднем судебном месте, он спокойно отвечает, что по закону надлежит выждать решения и тогда подать в следующую инстанцию апелляционную жалобу. Тяжущиеся описывают ему конечное свое разорение от многолетнего и неправосудного делопроизводства и просят обратить на это внимание, он отвечает, что по закону не имеет права входить в рассмотрение дела, пока оно до него не дойдет. Словом, в лице гр. Панина является не столько министр, сколько обыкновенный бюрократ, который не смеет переступить обведенного произвольно им же самим около себя круга, и судебная часть находится у нас в положении не лучшем, в каком была при генерал-прокурорах.

Сенат, средние и нижние места, руководствуясь устарелыми формами, подавлены работою и производят дела с невероятною медленностью. Они стеснены составлением огромных записок, журналов и протоколов, в которые вносят содержание всех бумаг, находящихся в деле, почти от слова до слова. Сверх того, течение суда останавливается справками, часто произвольными, к стеснению тяжущихся, письменными сношениями о том, о чем можно узнать без всякой переписки, апелляционными сроками и переходами дела по инстанциям, число коих могло бы быть уменьшено наполовину. При таком многосложном и затруднительном производстве, дела продолжают в каждом судебном месте по нескольку лет и, проходя через все инстанции, иные оканчиваются через десятки годов. Но всего горестнее, что суды не славятся бескорыстием. По общему мнению, иметь в них дела есть величайшее несчастье. Ропот против них повсеместный и громкий.

11. Главное Управление путей сообщения и публичных зданий

Ведомство путей сообщения и публичных зданий с давних пор пользуется в обществе самым невыгодным мнением. Для прекращения существующих в нем злоупотреблений правительство неоднократно обращалось к разным мерам. После излишне снисходительного и мягкого управления герцога Вюртембергского даны были ведомству главноуправляющие, известные своею взыскательностью, – генерал-адъютант гр. Толь и гр. Клейнмихель. Но, несмотря на всю строгость их, нравственность Корпуса не улучшилась.

Назначение нового начальника генерала Чевкина³⁰ было встречено общим сочувствием: в нем видели качества, необходимые для управления ведомством, в коем расходуются миллионные суммы и производится

самая трудная поверка загадочных работ. Теперь его упрекают в излишней иногда односторонности взгляда и упрямстве; не менее того, полагаясь на пронизательный его ум, технические познания, неутомимое трудолюбие и терпение, надеются, что если физические силы ему не изменят, то вверенная ему часть может принять лучшее направление.

12. Главное Управление почт

Главначальствующим над почтовым департаментом состоит ныне действительный тайный советник Прянишников³¹, который в продолжение прежней долговременной службы по почтовой части более других способствовал благоустройству оной. Соединяя в себе многостороннее образование с стремлением ко всему общеплезному и искренним сочувствием к добру, он пользуется общим уважением и возбуждает надежду, что по опытности своей не оставит вверенную ему часть без новых значительных усовершенствований. В настоящее время по почтовому ведомству замечаются, между прочим, следующие недостатки: медленность в пересылке почтовой корреспонденции внутри России, происходящей наиболее от задержек в промежуточных почтовых контролах, и слабость наблюдения за станционными смотрителями, на самовольные поступки коих начали снова возникать частые жалобы от проезжающих.

13. Государственный контроль

Государственный контролер генерал-адъютант Анненков³² был всегда известен особенною деятельностью и необыкновенною точностью. Эти качества его получили новое применение в настоящей его должности. В отношении самого контрольного управления замечают, что хотя правительство посредством поверки отчетов и открытия в них неверностей не достигает положительных результатов, не менее того, польза от высшего счетного контроля уже та, что он составляет грозу для других ведомств и заставляет их быть осмотрительнее в расходовании казенных сумм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом кратком очерке главных управлений я почел вернопопданническим долгом изложить, со всею откровенностью и истиною, сведения, о них имеющиеся. Руководствуясь общественными отзывами, заключающими нередко верные указания, я в особенности имел в виду изобразить слабые стороны сих управлений и те улучшения, которые вызываются потребностью времени или общим движением к нравственному возвышению всех отраслей государственного состава.

В заключение я не могу не коснуться и той части, которая Высочайше мне вверена.

III отделение Собственной Вашего Императорского Величества канцелярии и Корпус жандармов сосредоточивают в себе высшее наблюдение за направлением умов и общественной жизни в государстве. Учрежденные в начале царствования блаженной памяти Августейшего Родителя Вашего Императорского Величества, в смутную эпоху мятежных злоумышлений, они и впоследствии оказывались неоднократно полезными. В настоящее время эти наблюдательные учреждения приобретают особенное значение. Приемлемое ими участие при разрешении всех почти современных вопросов – по освобождению крепостного сословия, расколу, книгопечатанию, проявлению новых политических идей, требуют постоянной заботливости. При разнородности обязанностей этих управлений цель их учреждения тем благотворнее, что она заключается не столько в самом преследовании открываемых беспорядков и злоупотреблений, сколько в изыскании мер к благовременному пресечению и предупреждению оных.

Сознавая вполне важность назначения вверенного мне ведомства, я всемерно стараюсь о точном выполнении подчиненными моими всех требований службы и, отдавая справедливость усердному содействию большей части из них, должен, по совести, сказать, что в лице генерал-майора Тимашева³³ я имею достойнейшего и самого ревностного помощника.

В отношении общественного мнения о Корпусе жандармов, нельзя не заметить, что оно довольно разнообразно: одни полагают, что часть эта не достигает цели своей, ибо жандармские чины не проникнуты вполне сознанием своих обязанностей и, обживаясь на месте, предпочитают иногда спокойное бездействие, нередко же из личных видов делаются равнодушными зрителями злоупотреблений; другие находят, что наблюдение посредством сих чинов за действиями местных властей выражает недоверчивость высшего начальства к этим последним и роняет в глазах общества их значение. Кроме того, замечают, что учреждение жандармской части, обнаружив подозрения правительства, поселило с самого начала горестное чувство во всех сословиях.

Но едва ли эти суждения могут быть признаны основательными. Отвергать пользу жандармской части, особенно в нынешнюю эпоху, кажется невозможно, и я надеюсь, что находящиеся в губерниях жандармские чины, по независимости их положения от тамошнего начальства и по прямой цели их обязанностей, будут принадлежать к числу ревностнейших охранителей общественного порядка.

Генерал-адъютант князь Долгоруков³⁴

С.-Петербург

14 февраля 1858 года

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 22. Л. 70–100.

¹ В 1857 г. начал работу Секретный комитет «для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии», преобразованный в 1858 г. в Главный комитет по крестьянскому делу. Были учреждены также губернские комитеты «по улучшению быта крестьян», которые составлялись из одного выборного представителя дворянства от каждого уезда и двух дворян от губернии по назначению губернатора; их задачей являлось обсуждение условий освобождения крестьян на местах.

² Горчаков Михаил Дмитриевич (1792–1861), князь, генерал от артиллерии (1844). Участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии (1813–1814) и Русско-турецкой войны (1828–1829). Командовал артиллерией во время военных действий в Польше (1831) и Венгрии (1849). Во время Крымской войны – командующий войсками на Дунае, с 24 февраля до конца 1855 г. – в Крыму. С 1856 г. – наместник Царства Польского.

³ П.Д. Киселев.

⁴ Ледрю-Роллен Александр Август (1808–1874), французский политический деятель, адвокат. Член Палаты депутатов (с 1841 г.), придерживался республиканских убеждений. Один из основателей радикальной газеты «La Reforme» (1843). Активный участник революции 1848–1849 гг., член временного правительства. После подавления революции бежал в Англию. В 1870-х гг. вернулся в Париж.

⁵ Бланки Огюст Луи (1805–1881), французский революционер. Активный участник республиканско-демократического движения периода реставрации Бурбонов (1814–1830), Июльской революции 1830 г. и июльской монархии. Организатор и руководитель тайных республиканских обществ – «Общества семей» (1835–1836) и «Общества времен года» (1837–1839). После неудачной попытки поднять восстание в Париже 12 мая 1839 г. был осужден на смертную казнь, замененную пожизненным заключе-

нием. Освобожден из тюрьмы революцией 1848 г. Основатель клуба «Центрального республиканского общества». После демонстрации 15 мая 1848 г. в Париже арестован и осужден на 10 лет. Отбыв срок, вернулся в Париж, но снова был арестован (1861), бежал и поселился в Брюсселе (1864). После Сентябрьской революции 1870 г. вернулся во Францию. Принял участие в восстании 31 октября 1870 г., за что был арестован и вновь приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Освобожден по амнистии (1879).

⁶ Дж. Мадзини.

⁷ Эмигрировав в 1849 г., Л. Кошут временно обосновался в Османской империи, где написал проект новой конституции (1851), поддерживал активные революционные действия в Венгрии, надеясь на «великий европейский переворот» в конце 1850-х гг.; во время поездки в Соединенные Штаты и Великобританию (1851–1852) выдвинул лозунг: «вмешательства (со стороны западных великих держав) ради невмешательства (со стороны иных сил, особенно России)» в случае новой освободительной войны в Венгрии. Получал реальную помощь деньгами и оружием (см. *Ласло Контлер «История Венгрии»*. М. 2002. С. 351).

⁸ Ланской Сергей Степанович (1787–1862), граф (1861). Был гражданским губернатором в Костроме и Владимире (1831, 1832). Член Государственного Совета (1850). Министр внутренних дел (1855–1861).

⁹ Сухозанет Николай Онуфриевич (1794–1871), генерал от артиллерии, член Государственного совета (1861). Участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии (1813–1814), военных действий в Польше (1831). С 1849 г. занимал должность начальника артиллерии действующей армии. Назначен командиром Пехотного корпуса (1855). Некоторое время исполнял обязанности наместника Царства Польского; военный министр (1856–1861).

¹⁰ Барятинский Александр Иванович (1815–1879), князь, генерал-фельдмаршал. Состоял в свите наследника цесаревича Александра Николаевича (1836–1845). С 1845 г. участвовал в военных действиях на Кавказе; начальник штаба Кавказского корпуса (1853–1854), командующий войсками и наместник на Кавказе (1856–1862). Вышел в отставку и был назначен членом Государственного совета (1862).

¹¹ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), граф (1878), генерал-фельдмаршал (1898). Окончил Благородный пансион Московского университета (1833) и Военную академию (1836). Служил в гвардейском генеральном штабе (1836–1839), в войсках Кавказской линии и Черноморья (1839–1845). Профессор Военной академии по кафедре военной географии и статистики (1845–1856); начальник штаба на Кавказе (1856–1859); назначен товарищем военного министра (1860), военный министр (1861–1881), провел серию реформ. С 1881 г. в отставке.

¹² Гвоздев Александр Александрович.

¹³ Жданов Семен Романович.

¹⁴ Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), брат Д.А. Милютина. Окончил Благородный пансион Московского университета. С 1835 г. служил в министерстве внутренних дел. Автор Городового положения 1846 г. для Санкт-Петербурга. Товарищ министра внутренних дел (1859–1861), член Редакционных комиссий. Разработал проект положения 19 февраля 1864 г. «Об устройстве быта крестьян» в Польше. Начальник канцелярии по делам Царства Польского (1866). С 1867 г. в отставке.

¹⁵ 24 ноября 1856 г. М.Н. Муравьев назначен председателем Департамента уделов, 17 апреля 1857 г. – министром государственных имуществ.

¹⁶ Норов Авраам Сергеевич (1795–1869), участник Отечественной войны 1812 г. Перешел на гражданскую службу (1823). Чиновник особых поручений Министерства внутренних дел (1827); правитель канцелярии статс-секретаря по принятию про-

шений (1839–1840). Сенатор (1849). Товарищ министра народного просвещения (1850), министр (1853–1858). Член Государственного совета. Лингвист и библиофил, член Академии наук.

¹⁷ Ковалевский Евграф Петрович (1790–1867), по образованию горный инженер. Служил в департаменте горных и соляных дел министерства финансов (1816–1837); инспектор классов Горного кадетского корпуса (1823), командир этого военно-учебного заведения (с 1826 г.). Томский гражданский губернатор (1830–1835), в 1834 г. временно исполнял обязанности генерал-губернатора Западной Сибири. С 1837 г. – директор департамента горных и соляных дел министерства финансов. Сенатор (1843). С 1856 г. – попечитель Московского учебного округа. Член Государственного совета, президент Вольного экономического общества. Автор «Проекта цензурного устава 1859 г.». Министр народного просвещения (1858–1861).

¹⁸ Братке (Брадке) Егор Федорович фон (1796–1861), основатель и первый попечитель Киевского университета (1834–1839). С 1839 г. – директор 3-го департамента Министерства государственных имуществ. Сенатор. С 1854 г. – попечитель Дерптского учебного округа.

¹⁹ Пирогов Николай Иванович (1810–1881), великий русский медик. Окончил Московский университет. Профессор теоретической и практической хирургии Дерптского университета (1836–1840). Профессор Госпитальной хирургической клиники патологической и хирургической анатомии и руководитель Института практической анатомии Петербургской медико-хирургической академии (1841–1856). Участник Севастопольской обороны (1855). Попечитель Одесского учебного округа (1856–1858). Во время Франко-прусской (1870–1871) и Русско-турецкой (1877–1878) войн выезжал на театр военных действий, основоположник военно-полевой хирургии.

²⁰ Я.И. Ростовцев, будучи начальником штаба наследника цесаревича Александра Николаевича, после вступления его на трон получил звание начальника Главного Штаба его Императорского Величества по военно-учебным заведениям с правами и обязанностями Главного Начальника военно-учебных заведений в 1855 г.

²¹ Толстой Александр Петрович (1801–1873), на службе с 1817 г., адъютант И.И. Дибича. С 1826 г. в гражданской службе, по Государственной коллегии иностранных дел причислен к посольству в Париже, затем – в Константинополе. С 1831 г. – чиновник особых поручений министерства внутренних дел, затем директор хозяйственного департамента этого ведомства. Тверской губернатор (1834), одесский военный губернатор (1837). Обер-прокурор Синода (1856–1862). Член Государственного совета.

²² Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), князь, российский дипломат, государственный канцлер. Образование получил в Царскосельском лицее. На дипломатической службе с 1817 г. В 1856–1882 гг. – министр иностранных дел (с 1879 г. фактически отошел от управления министерством). С 1882 г. в отставке.

²³ Васильчиков Виктор Илларионович (1820–1878), князь, генерал-майор, генерал-адъютант. Окончил Пажеский корпус корнетом Лейб-гвардии Конного полка (1839). С 1842 г. на Кавказе, адъютант командующего войсками Кавказской линии, флигель-адъютант (1844). Участник событий в Венгрии (1849). Во время Крымской войны был начальником штаба Мало-валахского отряда в Дунайских княжествах, с ноября 1854 г. – начальник штаба севастопольского гарнизона, начальник штаба Южной армии (1856). Директор канцелярии Военного министерства (1857); товарищ военного министра (1858); управляющий Военным министерством (1858–1860). С 1867 г. в отставке.

²⁴ Метлин Николай Федорович (1804–1884), адмирал (1858). На военной службе с 1819 г. Получил орден Георгия 4 ст. «за вы-

слугу 18 полугодовых морских кампаний» (1839). В Крымскую войну и. д. начальника штаба Черноморского флота и портов (1854–1855). Морской министр (1857–1860). Член Государственного совета (1860).

²⁵ Брок Петр Федорович (1805–1875), образование получил в Московском университете, службу начал в 1821 г. по ведомству путей сообщения, затем в департаменте внешней торговли министерства финансов (1825); помощник начальника отделения канцелярии Комитета министров (1831); помощник управляющего делами Комитета министров (1844); министр финансов (1852–1858). Член Государственного совета.

²⁶ Банкирский дом барона Штиглица был основан уроженцем города Арользена (Вальдекское княжество) Людвигом Ивановичем Штиглицем (1777–1842), российским придворным банкиром. Его сын Александр Иванович (1814–1884) был председателем Санкт-Петербургского биржевого комитета (1846–1860), а затем – управляющим Государственного банка (1860–1866).

²⁷ Норов Николай Николаевич (1802–1860), обер-прокурор 4-го департамента Сената (1849); сенатор; товарищ министра финансов (1853–1872).

²⁸ Гревениц Александр Федорович (1806–1884), барон (1851), сенатор (1858). С 1844 г. – директор канцелярии министерства финансов.

²⁹ Переверзев Федор Лукич (1807–1861), окончил Харьковский университет, с 1823 г. чиновник особых поручений министерства финансов. Нижегородский вице-губернатор (1825), киевский гражданский губернатор (1835), член совета министра внутренних дел (1839). С 1856 г. – директор департамента податей и сборов министерства финансов; исполнял обязанности товарища министра финансов (1860).

³⁰ «Перемена царствования, – как писал Д.А. Милютин в своих дневниках, – совершилась спокойно, без всякой ломки... личный состав высшего правительства остался прежний... Из министров только двое дол-

жны были уступить свои места новым лицам: главноуправляющий путями сообщения генерал-адъютант Клейнмихель и министр внутренних дел Д.Г. Бибииков. Первого заместил К.В. Чевкин, второго – действительный тайный советник Сергей Степанович Ланской...» (Д.А. Милютин «Воспоминания. 1843–1856». М. 2000. С. 331).

³¹ Ф.И. Прянишников в 1854 г. по состоянию здоровья был уволен от должности директора почтового департамента с назначением членом Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел. С его именем связаны реформы почтового ведомства, такие, как введение единой оплаты за письма по всей России, невзирая на расстояния, учреждены городские почты для пересылки корреспонденции в пределах столиц, заключен почтовые конвенции с Австрией и Пруссией (1843), Швецией (1846), Грецией (1848) и др.

³² Анненков Николай Николаевич (1799–1865), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Образование получил в Богородском пансионе Московского университета. С 1813 г. в военной службе; адъютант великого князя Михаила Павловича, участник Русско-турецкой войны (1828–1829) и военных действий в Польше (1831). Коман-

довал Измайловским полком (1836). Назначен директором канцелярии Военного министерства (1842). новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1854–1855); государственный контролер (1855–1862); киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1862). Член Государственного совета.

³³ Тимашев Александр Егорович (1818–1893), генерал от кавалерии, генерал-адъютант; на военной службе с 1835 г. Начальник штаба Корпуса жандармов и управляющим III отделения (1856–1861); временный генерал-губернатор Казанской, Пермской и Вятской губерний (1863); министр почт и телеграфов (1867); министр внутренних дел (1868–1877). Член Государственного совета (1878).

³⁴ Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868), князь, генерал-адъютант. На военной службе с 1821 г. Товарищ военного министра (1848), член Военного совета (1849), управляющий Военным министерством (1853); член Кавказского и Сибирского комитетов, а также Главного комитета по крестьянскому делу. Шеф жандармов и главноуправляющий III отделением (1856–1866). Член Государственного совета (1856). Обер-камергер (1866).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ за 1858 год*

Независимо от общего отчета по Высочайше вверенному мне управлению я поставляю себе долгом всеподданнейше представить при сем Вашему Императорскому Величеству обзор действий революционной пропаганды и политический очерк внутреннего состояния России в 1858 году.

О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЕ

Польская эмиграция, утратив постепенно политическое значение в Европе и убедясь, по окончании последней войны, что западные державы не помышляют о восстановлении Польши, была, наконец, обессилена переворотом в расположении умов жителей Царства Польского и Западных губерний вследствие попечительных забот правительства о благосостоянии их края. Таково было положение польской эмиграции при наступлении 1858 года. Из двух ее партий аристократическая лишилась притом главного своего деятеля графа Ворцеля¹, скончавшегося в Лондоне в самом начале минувшего года. Демократическая партия, известная под названием революционной, увидев еще прежде невозможность получить успех при отдельном образе действий, протянула руку Мащини² и Коссути³, дабы вместе с ними стремиться к одной общей цели, то есть к разрушению настоящего политического и общественного порядка в Европе.

После уныния, в которое впала вся заграничная революционная пропаганда от неудачи в покушении Орсини⁴ и от участи, его постигшей, волнения, начавшиеся затем в Ломбардии и между славянским населением Турции, ободрили вновь возмутителей, породив у них надежды извлечь для себя пользу из запутывающихся политических обстоятельств Европы и могущей возникнуть всеобщей войны. Вместе с тем влияние новой деятельности революционеров начало проявляться в Галиции и Познани беспорядками между школьною молодежью, обнаруживанием польского патриотизма в публичных местах и распространением возмутительных сочинений. В Царстве Польском и в Западных наших губерниях влияния

* Перед текстом помета: «Государь Император изволил читать. 9 марта».

сего заметно не было; но это происходило, как повторялось в разных заграничных донесениях, от того, что революционеры, видя либеральные вообще преобразования в Российской Империи, освобождение крестьян из крепостного состояния, повсеместную постройку железных дорог и учреждение многочисленных промышленных обществ, считали такое социальное у нас движение до времени достаточным и занялись приготовлением умов к мятежным началам в польских областях в Австрии и Пруссии.

В Лемберге в начале прошлого года открыт был заговор 18-ти воспитанников тамошнего училища, которые условились, по их поступлении в сельские учителя, стараться примирить поляков с галицийским простым народом (русяками) и, распространив в оном демократические идеи, достигнуть низвержения Австрийского владычества. Если б этот заговор был только плодом воспламененного воображения нескольких несовершеннолетних учеников, то он не заключал бы в себе ничего особенно важного, но, быв составлен под руководством демократической пропаганды, которая в этом случае не ограничилась бы Лембергским училищем, но распространила бы свои действия на все юное поколение сельских учителей в Галиции, приготовляя чрез них целое сословие тамошних крестьян к возмущению, — замысел представлялся опасным не для одной Галиции, но и для России; ибо галицийские крестьяне могли бы распространять те же вредные идеи между соседними с ними крестьянами Волынской и Подольской губерний.

Вслед за изложенным событием в Лемберге наместник Царства Польского⁵ получил от прусских властей предостережение, что польское революционное общество в Лондоне, по соглашению с польскими аристократами в Париже, замышляет поднять новые восстания, что планы свои они провозглашают в двух издаваемых в Париже польских журналах: «Przegląd rzeczy Polskich» и «Wiadomości Polskie» и, кроме того, во многочисленных брошюрах, рассылаемых из Лондона, что оттуда же польская эмиграция распространяет прокламации, призывая всех поляков вооружаться и всемерно готовить себя к близким событиям и что два таковых воззвания обращаются уже в Познанской области.

Приписывая неудачу восстаний 1848 года тому, что тогда поляки заботились только о самих себе, и, полагая, что ныне все европейские народы чувствуют потребность политического переворота, злоумышленники в прокламациях своих проповедают о возмущениях не в одних уже польских областях, но и в других европейских странах. Для этого они советуют полякам соглашать виды Польши с политикою прочих государств; скрепить союз со всеми славянскими племенами и еще более с русскими, произвести мятеж одновременно на всех пунктах славянского мира*, по единодушному

* Эти предположения польских революционеров различествуют с изложенным ниже сего новейшим планом Маццини. (Примечание авторов документа.)

соглашению с жителями Галиции, Кракова и Украины; а за ними, для развлеченя сил Пруссии, Австрии и России, восстановить немцев, итальянцев и русских против их правительств. Целью этого заговора должно быть вообще уравнение прав людей и народов, и в особенности – основание Славянских соединенных штатов, в которых бы каждое славянское племя существовало независимою жизнью и самостоятельным устройством.

Прусские власти, перехватывая прокламации, приняли меры к уничтожению оных в самых местах их появления. В Царстве Польском и в Западных губерниях сделаны равным образом распоряжения, дабы надзор был усилен как за возмутительными воззваниями, так и за подозрительными сношениями наших поляков с заграничными.

Необходимость этих распоряжений подтвердилась полученным в октябре минувшего года сведением о новейшем плане Маццини, который изложен в издаваемом им в Лондоне итальянском журнале «Pensiero ed azione»*.

Маццини вызывает всех демагогов Европы, которые в чем-либо разделяют демократические его виды для блага человечества, соединиться между собою для составления партии действия (le parti d'action). Отделения этой партии, по плану его, имеют образоваться во всех землях, страждущих под чужим игом, в том числе и в Польше. Каждому отделению предоставляется действовать с полною независимостью во всем, что относится до национальной цели оною; в совокупности же все отделения должны стремиться к низвержению тиранов, к изменению карты Европы чрез новое, более соответственное разделение земель, и к установлению повсеместно свободы и равенства людей. Депутаты из всех различных отделений составят центр действий. Возлагая на каждое отделение и каждого члена оною служить общему делу словом, пером и денежными пожертвованиями для составления частного, в отделениях, и, кроме того, общего фонда, необходимого при начатии действий вооруженною рукою, Маццини, в отношении сих последних, признает единовременное на всех пунктах восстание для успеха вредным, во-первых, потому, что никак нельзя определить вперед удобнейшего для начатия возмущения момента, зависящего от политических событий, а, во-вторых, по причине раздробления сил партии, легко преодолеваемых в таком положении враждебными свободо правительствами. Посему он предоставляет каждому отделению начать явные действия по своему соображению, с тем, чтобы к воздвигнутому впервые на каком-либо пункте знамени свободы немедленно устремились вооруженные силы из всех прочих мест.

Князь Горчаков, признавая исполнение плана Маццини о соединении в одно целое республиканцев всех оттенков делом, хотя трудным, но, по

* «Мысль и действие» (итал.).

общему везде сходству в направлении умов, не невозможным, нашел нужным, в дополнение принятых с его стороны мер предосторожности, усугубить по почтовому ведомству наблюдение за заграничною перепискою, особенно же за посылкою денег в Лондон. То же самое было сделано в Империи и сверх того сообщено послу нашему в Париже⁶, не признает ли он возможным узнать от французского правительства, не получены ли оным, вследствие наблюдений с его стороны за помянутым планом Маццини, какие-либо указания на существование сношений заграничных революционеров с подданными Российской Империи.

В ответ на сие посол граф Киселев доставил следующие, сообщенные ему префектом парижской полиции сведения:

Маццини состоит в связи с польским революционным обществом в Лондоне. Общество это довольно ограничено, имея только до 40 членов, находящихся в Англии и Франции, оно управляется центральным комитетом под председательством выходца Забицкого. Агенты общества во Франции, Бельгии и Швейцарии стараются о присоединении к оному тех из находящихся там поляков, кои разделяют революционный образ мыслей. Имена и место пребывания 18 агентов, находящихся во Франции, все известны полиции. Самый деятельный и опасный агент общества есть Дарош⁷, хирург бывшей польской армии и выходец 1830 года, который *после пребывания его в Польше с 1848 по 1853 год, возвратился во Францию** и тогда же был выслан. В сентябре 1858 года Дарош, прибыв вновь во Францию из Лондона, под именем Адриана Хозинского, был арестован и отправлен в Африку под военный надзор. Лондонское общество действует также на умы поляков посредством распространения периодических сочинений, из коих самое неистовое есть «*Democrata polsky*», издаваемое в Лондоне; но чтобы существовали прямые сношения сего общества с жителями Царства Польского и России, того по сие время французскою полициею не замечено.

В декабре Познанская полиция сообщила наместнику Царства Польского о циркуляре Лондонского общества к эмиссарам оного в Пруссии и Австрии, на которых возлагалось склонить тамошних помещиков к уступке известной части их земель тем из поляков, служащих в прусской и австрийской армиях, которые примут участие в борьбе за свободу.

Вслед за тем он же, князь Горчаков, получил известие о плане венгерца Клапки⁸, прочитанном будто бы представителем американских демократов,

* Выделенный курсивом текст подчеркнут карандашом, рядом на полях имеются помета и ее расшифровка – «Собственно Его Величества рукою написано карандашом: «Каким образом мог он к нам воротиться, и было ли оно нам известно, или только по сведениям, полученным от Киселева». 9 марта». Далее карандашом: «Объяснение по этому вопросу доложено Его Величеству».

полковником Моксом, прошедшею осенью в собрании у Герцена. Клапка того мнения, что демократический дух в Европе развит до такой степени, что и без помощи пропаганды следует ожидать весной 1859 года взрыва, который начнется в Польше между крестьянами; к ним присоединятся ремесленники Силезской и Саксонской провинций Пруссии, доведенные до крайней нищеты; в то же время вспыхнут революции в Италии и Венгрии, и таким образом Европа примет опять вид 1848 года. В случае же, если возмущение в Польше не совершится до 1 мая, представится надобность подать сигнал к оной в Париже; Швейцарский национальный банк даст нужные для начатия действий средства, а выходцы, находящиеся в Америке, по первому знаку поспешат на помощь их товарищам.

В декабре же месяце арестован познанскою полицией эмиссар Рерит, обвиненный в распространении возмутительной польской прокламации. Рерит объявил, что он послан из Лондона книгопродавцем Тхоржевским⁹ для узнания истинного положения края. Он предан в Познани суду.

Почти в то самое время арестованы были в Кракове десять лиц, между коими ксендз, мясник, сапожник, магазинщик, студент и две публичные женщины. Лица эти, составив клуб, предавались оргиям и распространяли самые тревожные слухи, готовя грабеж и убийство всем богатым.

Наконец, в том же декабре месяце получены от заграничного секретного агента III отделения донесения: о возмутительном воззвании Коссута к венграм и всем славянам южной Европы, и об отправлении из Лондона известным либеллистом* Свентославским¹⁰ сына его в Бреславль, Лемберг и Царство Польское для распространения возмутительных сочинений. Сведения эти были сообщены немедленно наместнику Царства Польского.

При соображении всего вышеизложенного представляется, независимо от явного легкомыслия и мечтательности в планах революционеров, опасных однако ж по случаю общего брожения умов в Европе от распространения идей социализма, что в течение минувшего года деятельность польской пропаганды, при союзе с первыми демагогами, Маццини и Коссутом, постепенно усиливалась и что со времени более либерального направления в действиях прусского правительства Познанское герцогство сделалось главным пунктом политических интриг польских возмутителей.

Доказательством, до какой степени увлекаются за границу в мечтах своих даже те поляки, которые не принадлежат к республиканской партии, могут служить мысли выходца Лемпицкого, получившего, по просьбе его, Высочайшее разрешение прибыть в Варшаву: Лемпицкий предсказывает, что общественная революция в западной Европе для низвержения монархических правлений неизбежна, так как злоупотребления монархий дошли ныне до того, что уже не закон составляет силу, а сила – закон и что

* От латинского libellus – книжка, небольшое сочинение; памфлет, пасквиль.

Князь Михаил Семенович Воронцов

вследствие этого общественный порядок и устройство могут быть поддерживаемы не иначе, как вооруженною силою. Вместе с тем, изъясняя свое убеждение, что одна Монархия спасительна для народов как учреждение священное, Лемпицкий умоляет Ваше Величество освободить крестьян, приступить к преобразованию всех прочих составных частей государства, дать России конституцию и соединиться дружно с Польшею, для которой он предлагает написать органический устав.

О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ ГОСУДАРСТВА

Несмотря на все замыслы выше сего изложенные, у нас, благодаря Бога, спокойствие сохранялось в 1858 году повсеместно. Нет сомнения, что в Царстве Польском аристократия и духовенство продолжают питать надежды на восстановление когда-либо прежней независимости; но они ничего действительного не предпринимают, и в последние годы влияние их на народ значительно ослабело. Прежде польские дворяне смело передавали свои внушения крестьянам, зная, что их будут слушать; теперь же не всякий на это решится, ибо земледельческий класс, составляющий массу польского населения из собственных выгод придерживается существующего порядка вещей. От сего теперь правительство наше стоит в Польше

на более прочных основаниях, нежели в прежнее время; и пока в Европе нет революции, пока не затронут польский вопрос, до тех пор едва ли можно опасаться в Царстве важных беспорядков.

Это же самое может быть сказано и о Западных губерниях, в которых дух народности проявляется иногда довольно явственно.

Относительно Литвы получен был донос, будто бы там заметны какие-то неприязненные приготовления; но генерал-адъютант Назимов¹¹ удостоверил, что во все время пребывания его в сем крае он не только не замечал в жителях оного ничего предосудительного или враждебного, но еще имел утешение видеть, как все правительственные меры, разные милости и льготы, оказанные по случаю священного коронования, благотворно действовали на вверенные ему губернии, возрождая в них довольство, спокойствие, а с тем вместе и расположение к нам; что помещики, прежде чуждавшиеся общения с коренными русскими и с местными властями, все более и более съезжаются в города и в нужных случаях охотно, с доверенностью обращаются к начальству; что предводители дворянства и многие помещики при настоящих рассуждениях по крестьянскому делу сами убедительно просят о введении большего числа войск в уезды, как верной опоры для удержания существующего порядка; что в последние годы спокойствие нигде не было нарушено; что существующая в Вильне при генерал-губернаторском управлении секретная следственная комиссия по делам политическим оставалась почти без занятий, тогда как в прежнее время она постоянно была завалена делами; что хотя на всех и каждого нельзя положить, ибо легкомысленные и пылкие головы находятся везде, но он, генерал-адъютант Назимов, имеет полное право утверждать, что прежнее нерасположение к нам значительно ослабело, что общее направление и состояние края весьма удовлетворительно и что нынешняя система управления, основанная на тщательном наблюдении, соединенном с кротостью, начинает уже приносить благие последствия и есть лучшая в отношении к польским уроженцам.

Во всех прочих местах Империи не оказывалось также злоумышленного мероприятия правительства противодействия.

Ныне умы русских заняты иным. Вводимые Вашим Императорским Величеством преобразования, особенно улучшение быта помещичьих крестьян, столь важны, что они поглотили общее внимание. Тем не менее, никогда, быть может, не требовалось столько бдительности, сколько в настоящее время: ибо хотя преобразования у нас вводятся законным путем, но сильно затронутые интересы двух многочисленных сословий, дворянства и крестьян, весьма естественно влекут за собою неудовольствия, жалобы или уклонение от должного порядка. Притом и непричастные к этому делу люди, особенно из молодого поколения, при общем движении к улучшениям, забегают слишком далеко вперед и желали бы ввести преобразования по всем частям вдруг, тогда как правительство может допускать их не

иначе, как тихо и постепенно. От сего происходят общественные и журнальные возгласы о публичном судопроизводстве, об уничтожении служебных злоупотреблений, о свободе мысли и неограниченном книгопечатании. Таким образом, в минувшем году два главных предмета вводили в соблазн и в проступки, хотя не собственно политические, но требовавшие наблюдения постоянного, именно: преобразование быта крестьян и общественное мнение. Последнее вместе с тем сильно раздражалось сочинениями Герцена и другими книгами и другими книгами, печатаемыми вне России.

О РУССКИХ КНИГАХ, ИЗДАВАЕМЫХ ЗА ГРАНИЦЕЮ

За границу русские типографии находятся в Лондоне, Париже, Берлине, особенно же в Лейпциге, где их учреждено несколько книгопродавцами, промышленяющими изданием сочинений на разных языках и по дешевым ценам. Кроме помянутых главных пунктов, русские книги печатаются еще и в некоторых других мелких германских городах, между прочим, в Наумбурге. Деятельнее же всех прочих типографий лондонская, принадлежащая Герцену, который в 1858 году напечатал 4-ю часть «Полярной звезды», продолжал газету «Колокол» и приступил ко второму изданию почти всех прежних своих сочинений. В 1857 году присоединился к нему выехавший из России по паспорту помещик Пензенской губернии Николай Огарев¹². Сделавшись вполне сотрудником Герцена, он помещает в «Колоколе» статьи либерального направления и злостные выходки против русского правительства. Им же напечатан разбор книги, сочиненной статс-секретарем бароном Корфом¹³ «Восшествие на престол Императора Николая I».

Другие русские книги издаются: в Лейпциге парижским книгопродавцем Фивегом под фирмою Франк и К «Русский заграничный сборник»; в Лейпциге же книгопродавцем Гергардом «Русская библиотека» и в Берлине книгопродавцем Шнейдером, отдельные книжки разных русских сочинений.

Полагать, что издатели помянутых книг разделяют вредную для России цель их сочинителей, достаточного основания нет. Подобные издания предпринимаются большею частью как денежные спекуляции, и часто издатели даже не знают вполне содержание отдаваемых ими в печать сочинений на чужих языках. Парижский книгопродавец Фивег объявил даже, что он не только отказывается от статей, направленных против нашего правительства, но будет стараться противодействовать Герцену. В вышеозначенных изданиях помещаются статьи, недозволенные нашею цензурою к напечатанию или по безнравственности, или по откровенному описанию недавних событий, или по личностям.

Несколько раз уже были делаемы распоряжения к строжайшему наблюдению по границам нашим и внутри Империи, дабы не было допускаяемо ни ввоза в Россию изданий Герцена и других вредных сочинений, ни обращения

их в наших пределах; но, несмотря на это, помянутые книги или выписки из них появляются у довольно многих лиц. Кроме водворения оных скрытыми путями и привоза путешественниками, заграничные комиссионеры иногда, без всякого требования, присылали подобные книги к нашим правительственным или частным лицам и к книгопродавцам. Некоторые (генерал-адъютант граф Строганов 2-й, журналист Греч¹⁴, московский книгопродавец Кунт) сами представляли эти книги в III отделение или в цензурные комитеты.

Донесения штаб-офицеров Корпуса жандармов доказывают, что запрещенные издания преимущественно обращаются в С.-Петербурге и Москве. В губерниях Западных, Прибалтийских и в Финляндии, где русские книги не читаются, о сочинениях Герцена почти не знают. Во внутренних губерниях известны более других изданий «Колокол» и «Голоса из России». Впрочем, сколь трудно приобретать у нас подобные книги, видно из того, что даже случайные люди, желающие из любопытства иметь о них понятие, иногда, при всем старании своем, не могут их достать. Если они передаются от одного к другому, то с величайшею осмотрительностью и лишь по личной особенной доверенности.

Обнаружение, кем и какими способами пересылаются из России за границу рукописи неблаговидного содержания, составляло предмет особенного внимания. Но сношения эти производятся с такою осторожностью, что, хотя имеется отдаленное подозрение на нескольких лиц: Кошелева, Самарина, Селиванова, Павлова, Погодина, Пальчикова, Тетеру¹⁵ и других; однако ж, доселе не было возможности их обличить, и положительно открыта переписка с Герценом одного только князя Ю.Н. Голицына¹⁶, который подвергнут за это заслуженному взысканию.

Озабочиваясь о средствах положить более решительную преграду как ввозу к нам вредных изданий, так и пересылке рукописей за границу от нас, я имел совещание с министром финансов¹⁷. Сначала полагалось предписать, чтобы таможни наши производили самый точный досмотр багажу всех без исключения проезжающих, а в случае подозрения осматривали бы и самих путешественников. Но потом министр нашел в этом важные неудобства, как по той причине, что поголовный досмотр причинил бы большую остановку в пропуске проезжающих, так и потому, что это подало бы повод ко многим жалобам на несправедливое подозрение и оскорбление чести. Сверх того предполагаемая мера, по мнению министра, не достигла бы своей цели, ибо ни одному правительству не удавалось еще прекратить тайный ввоз и вывоз не только предметов столь малого объема, как книги и рукописи, но даже громоздких товаров, а у нас это, по огромному протяжению наших границ, еще менее возможно. За сим книги и рукописи могут легко провозиться дипломатическими лицами и их курьерами, которые по порядку, принятому всеми европейскими правительствами, не подвергаются никакому досмотру.

По всему вышеизложенному необходимость заставляет ограничиться ныне принятыми мерами, т.е. общим таможенным досмотром, обыском тех лиц, которые опозданы*, и секретным наблюдением.

О КРЕСТЬЯНСКОМ ДЕЛЕ

События, сопровождающие вопрос об улучшении положения помещичьих крестьян, по важности последствий, которые они могут за собою повлечь, требуют величайшего внимания.

Считаю обязанностью изложить здесь с полною откровенностью собранные по сему предмету сведения.

Первые Высочайшие рескрипты об изменении крестьянского быта произвели грустное и тревожное впечатление. Хотя, по предварительным слухам, все этого распоряжения ожидали; но выраженное официально оно озаботило даже тех, которые прежде одобряли означенную меру. Большая часть помещиков смотрит на это дело, как на несправедливое, по их мнению, отнятие у них собственности и как на будущее их разорение.

При таком взгляде, не общее желание, как выражалось в адресах, но только настояние местного начальства и содействие немногих избранных помещиков, побудили дворян литовских, а за ними с.-петербургских и нижегородских просить об учреждении губернских комитетов. После того, до возобновления подобных просьб, протек довольно значительный промежуток времени; даже Москва медлила подражать данному примеру; а прочие губернии ждали, что скажет древняя первопрестольная столица? У многих таилась и доселе еще таится мысль, что само правительство, увидев разные неудобства объявленной меры, может быть, ее отменит.

Между тем, однако ж, несмотря на внутреннее нерасположение, помещики не могли не убедиться, что дело это началось и продолжается по непреложной воле Вашего Величества. Посему в течение восьми месяцев после первого рескрипта¹⁸ (с 20 ноября 1857 по 11 июля 1858 года) дворяне 43 губерний, т.е. всех, где находятся значительные помещичьи имения, испросили разрешение открыть губернские комитеты. Относительно сибирских и других губерний, где таких имений мало и где наличных дворян почти нет, предписано начальникам оных составить соображения, согласные с местными обстоятельствами, но на тех же основаниях, какие указаны для губерний внутренних. Таким образом, теперь суждения насчет улучшения быта помещичьих крестьян происходят уже во всей России, где только существует крепостное право.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы у нас не было вовсе дворян, сочувствующих крестьянскому вопросу. Напротив, некоторые, более образо-

* Так в тексте.

ванные и благомыслящие, с полною готовностью содействуют видам правительства; но от этого смешения малого числа современных людей с большинством тех, которые держатся прежних правил, естественно происходят разногочия и остановка в исполнении. Одни из дворян желали бы расширить, а другие сократить пределы преобразования, указанные в Высочайших рескриптах: первые полагают необходимым предоставить крестьянам не только усадьбы, но и участки пахотной земли в их собственность с обязанностью выкупа, или уступить им усадьбы без всякого вознаграждения и признают за лучшее ныне же даровать им все права свободных сословий без переходного состояния; вторые же с трудом соглашаются на уступку крестьянам пахотных участков даже во временное пользование и на продажу им усадебной оседлости; считают необходимым оставить крестьян в полном подчинении владельцам и желали бы сохранить на них все или почти все нынешние права. Разрешение крестьянского дела, по чрезвычайной важности его, и особенно при недостатке многих сведений, соединено с величайшими трудностями; но оно еще более замедляется многими напрасными и несогласными с Высочайшими рескриптами в комитетах рассуждениями. Сверх того, в некоторых местах происходили споры и личности, хотя неизбежные при многочисленных собраниях и в делах, столь близких каждому; но, тем не менее, крайне прискорбные.

С этим вместе некоторые дворяне и в отдельном быту выходили из пределов осторожности, требуемой нынешними обстоятельствами. Одни переносили крестьянские усадьбы на новые места или переменили у них земляные участки; иные переселяли крестьян в другие свои имения, уступали их степным помещикам не только за бесценок, но и даром; третьи – отпускали крестьян на волю без земли и вопреки их желанию, сдавали их в рекруты в зачет будущих наборов, отправляли в Сибирь на поселение; одним словом, вообще употребляли разные средства, чтобы избавиться от излишнего числа людей и чтобы сколь возможно меньшее число их надевать землю. За сим некоторые, но весьма немногие помещики, не изменяя прежнего управления, своими несправедливыми и суровыми поступками выводили крестьян из терпения.

Крестьяне, с своей стороны, при ожидании переворота в их судьбе, находятся в напряженном состоянии и могут легко раздражиться от какого-либо внешнего повода. У них, как выражаются помещики, руки опустились, и они не хотят не за что приниматься с усердием. Многие понимают свободу в смысле вольницы; некоторые думают, что земля столько же принадлежит им, сколько помещикам; еще же более убеждены, что им принадлежат дома и усадьбы. Как помещики, страшась чересполосности и не желая иметь соседями крестьян-домовладельцев, более всего возражают против уступки им усадеб, так и крестьяне не могут понять, почему они

должны будут выкупать усадьбы, которые ими обстроены и в которых жили отцы и деды их. Беспорядки, наиболее теперь случающиеся, состоят в том, что крепостные люди или уклоняются от платежа оброка и от других повинностей или оказывают неповиновение старостам и самим владельцам. Волнения целых деревень, требовавшие личного действия высших губернских властей или пособия воинских команд, происходили там, где помещики в распоряжениях своих не сообразовались с настоящим духом времени или где являлись подстрекатели. Такие волнения, более или менее важные, проявлялись в продолжение года в 25 губерниях.

Для устранения злоупотреблений помещичьей власти и для прекращения неурядиц между крестьянами меры принимались немедленно. В отношении дворян – Главным комитетом по крестьянскому делу объявлены Высочайшие повеления, чтобы усадьбы не переносились и чтобы крестьяне не были переселяемы даже в одном и том же имении иначе, как по очевидной надобности, без малейшего обременения крестьян; чтобы крепостные люди без земли отпускались на волю только по обоюдному согласию обеих сторон; чтобы при представлении крестьян в рекруты и для переселения в Сибирь были соблюдаемы все правила, постановленные законами в отвращение несправедливого произвола владельцев. Сверх того, Главным комитетом потребованы сведения о положении мелкопоместных дворян, в видах заботливости о будущей их участи; предположены меры к размежеванию помещичьих земель и приступлено к соображениям об устройстве как местного управления, так и учреждений для разбора недоумений и споров между помещиками и крестьянами.

В отношении крестьян, при слушаниях их и волнении, земские и полицейские власти, совместно, в нужных случаях, с жандармскими штаб-офицерами, действовали с надлежащею быстротою; иногда являлись на место происшествия сами начальники губерний, и требовалось содействие воинских команд. К счастью, русский народ, хотя легко увлекается опрометчивыми порывами и верит всяким внушениям, но столь же скоро покоряется твердости и благоразумным действиям. Ни одна смута не принимала значительных размеров и долго не продолжалась. Хотя случаев неповиновения было в сложности довольно много; но в обширной Империи они почти незаметны. Если же взять во внимание покорность крестьян в большей части помещичьих имений, то можно сказать, что общее спокойствие сохранено *и что беспорядков доселе происходило несравненно менее, чем ожидали и предсказывали**.

---

* Здесь и далее выделенный курсивом текст подчеркнут карандашом, рядом на полях пометы и их расшифровки – Собственною Его Величества рукою написано карандашом: «Это так действительно и надобно благодарить Бога!» 9 марта.

Равным образом, хотя почти все дворяне недовольны и хотя некоторые из них выражаются иногда даже с ожесточением; но подозревать их в злоумышленном противодействии правительству или в наклонности к каким-либо тайным замыслам нет еще основания. *Весь ропот их проистекает от опасений, что достаток их уменьшится, а у многих даже уничтожится, и эти опасения столь близки к сердцу каждого, что ропот дворян есть явление весьма естественное. Он тем боле понятен, что помещики не имеют никакого доверия к составу Главного комитета по крестьянскому вопросу, будучи убеждены, что ни один из членов сего комитета не имеет практических сведений о сельском быте и местных потребностях России**.

Теперь весь успех дела будет зависеть от выбора опытных дворян, которые должны образовать одну из редакционных комиссий Главного комитета. Выбор этот чрезвычайно важен и один может успокоить сословия, ожидающие нового порядка; по сему, назначение в комиссии людей известных во внутренних губерниях своими познаниями по разным отраслям хозяйства есть неперемнное условие будущего благосостояния Империи.

Здесь я обяываюсь выразить уверенность, что в конце текущего года объявление, хотя в главных чертах, положительных оснований правительства для улучшения состояния помещичьих крестьян, необходимо. При начале работ, возложенных на Главный комитет, я твердо надеялся, что в течение двух или трех** лет ими можно будет заниматься без всяких затруднений и без успокоительных указов, о коих в то время так много говорили. Надежды мои с помощью Божьею оправдались, но ныне обстоятельства другие, терпению при ожиданиях есть предел; следовательно, окончанием означенных работ долго медлить невозможно.

В заключение я не могу не повторить сказанное мною в обзоре 1857 года, что *строгое соблюдение существующего порядка, каков бы он ни был; улучшение состава местных управлений, в особенности тщательный выбор начальников губерний, и правильное расположение войск, должны составлять существенные ручательства за дальнейшее сохранение спокойствия в государстве***.*

* Собственною Его Величества рукою написано карандашом: «Справедливо.» 9 марта.

** Собственною Его Величества рукою написано карандашом: «Неперемненно и, тем более, что с Божьею помощью надеюсь, что главная работа будет к октябрю кончена.» 9 марта.

*** Собственною Его Величества рукою написано карандашом: «Совершенно справедливо.» 9 марта.

О ГЛАВНЫХ УПРАВЛЕНИЯХ

Все, что заключается в очерке главных управлений государства, представленном мною Вашему Императорскому Величеству в минувшем году, я нахожусь в необходимости повторить и теперь. Главные начальствующие лица, кроме министров народного просвещения¹⁹ и финансов, остались те же самые и потому означенные управления измениться не могли. Я прибавлю, что надежды, возлагавшиеся на некоторых из помянутых лиц, доселе еще не осуществлены. Настоящий год будет, может быть, счастливее. Что касается до новых министров, то мнения о каждом из них не получили еще твердого основания, так как, по недавнему поступлению их в должности, ими занимаемые, время не позволило намерениям их обраться положительными действиями.

Тайный советник Ковалевский одарен, по общему заключению, высоким благородством, хладнокровием и рассудительностью. Он исполняет свои обязанности, придерживаясь во всем середины, и, хотя с умеренностью, но останавливает порывы литературы. Качества эти, при настоящих обстоятельствах, весьма важны, ибо стремление к высшему просвещению и желание распространить образование на все сословия возбуждены в сильной степени, а писатели наши желают усвоить себе право общественного голоса и суда. За тем, достаточно ли в т. с. Ковалевском предприимчивости и твердости для чрезвычайных случаев, это может решиться одним только опытом.

Тайный советник Княжевич почти всю службу свою провел в министерстве финансов и, при способностях своих, должен был приобрести по этой части опытность несомненную. Она доказывается на деле; но вышедший его взгляд на жизненную ветвь государственного управления, ему вверенную, вполне еще не объяснился. Все, однако же, с радостью видят решимость его изменить откупную систему, которая, по вредности ее влияния на нравы, естественно признается несоответствующею достоинству правительства. Желательно, чтобы предложения министра удовлетворяли общие ожидания, ибо не должно терять из вида, что откуп составляет, хотя прискорбный, но один из главных доходов казны.

Вообще трудности, с которыми Вашему Императорскому Величеству предопределено вести борьбу, – неисчислимы; но Бог видит чистоту Вашего сердца и благословит Ваши дела на славу и благоденствие России*.

Генерал-адъютант князь Долгоруков

6 марта 1859 года

* На полях помета карандашом и ее расшифровка – «Собственно Его Величества рукою написано карандашом: «Да поможет нам Бог! 9 марта»

ПРМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 23. Л. 106–133 об.

¹Ворцель Станислав (1799–1857), граф; участник Польского восстания 1830–1831 гг., эмигрант. Один из деятелей «Централизации» – коллегияльного руководящего органа Польского Демократического общества, созданного в 1836 г.

²Мадзини.

³Кошут.

⁴Орсини Феличе (1819–1858), деятель итальянского Рисорджименто, член тайного общества «Молодая Италия». Участник освободительного движения во Флоренции (вторая половина 1846–1847), войны против Австрии и обороны Венеции во время революции 1848–1849 гг., депутат римского учредительного собрания, комиссар Римской республики. После подавления революции эмигрировал. В 1854 г. был арестован австрийскими властями, бежал. 14 января 1858 г. в Париже бросил бомбу в карету Наполеона III. Казнен.

⁵М.Д. Горчаков.

⁶П.Д. Киселев.

⁷Дарош (Дараш) Павел (1811–1872), врач; эмигрант. В 1846–1852 годах являлся эмиссаром «Централизации» в Галиции и Познани.

⁸Клапка Георг (1820–1892), венгерский политический деятель. Участник вооруженной борьбы против Австрии в 1849 г. За отличия на поле боя произведен в генералы, временно заведовал Военным министерством. 27 сентября 1849 г. был вынужден сдать ся. Эмигрировал. Поступил на прусскую военную службу в чине генерал-майора (1866), организовал венгерский легион. Позже воспользовался амнистией, вернулся на родину и был избран в Венгерский сейм.

⁹Тхоржевский (Тхужевский) Станислав, эмигрант с 1845 г.; участник революции в Германии (1848). Владел книжной лавкой в Лондоне с 1850-х гг., сотрудничал с А.И. Герценом в издании и распространении его сочинений.

¹⁰Свентославский Зенон Болеслав (1813–1875), участник Польского восстания 1831 г.; эмигрант. Один из основателей

революционно-демократической организации «Lud Polski». Владелец типографии в Лондоне, издатель.

¹¹В.И. Назимов.

¹²Огарев Николай Платонович (1813–1877), русский революционный деятель, поэт и публицист. С 1856 г. в эмиграции. Присоединился к начатой А.И. Герценом революционной пропаганде и возглавил вместе с ним «Вольную русскую типографию». Один из инициаторов издания газеты «Колокол», где выступал за отмену крепостного права и другие социально-политические реформы. Поддержал Польское восстание 1863–1864 гг. Умер в Гринвиче близ Лондона.

¹³Корф Модест Андреевич (1800–1876), барон, русский государственный деятель, историк. Окончил Царскосельский лицей (1817); служил во II отделении императорской канцелярии под руководством М.М. Сперанского, участвовал в подготовке «Полного собрания законов» и «Свода законов Российской империи». Управляющий делами Комитета министров (1831), государственный секретарь (1834), член Государственного совета и Цензурного комитета (1855–1856 – его председатель). Управляющий Императорской публичной библиотекой (1849–1861); начальник II отделения Императорской канцелярии (1861–1864); председатель департамента законов Государственного совета (1864–1872). В 1858 г. вышло третье издание его книги «Восшествие на престол Николая I».

¹⁴Греч Николай Иванович (1787–1867), журналист, писатель, филолог. Редактор-издатель журнала «Сын Отечества» (1812–1839), в 1831–1859 годах – газеты «Северная пчела» (1831–1859), совместно с Ф.В. Булгариным.

¹⁵Вероятно, Кошелев Александр Иванович (1806–1883), общественный деятель и публицист. Окончил Московский университет, был близок с братьями Киреевскими и В.Ф. Одоевским. В 30-х гг. – помещик-

предприниматель, откупщик. В 40-х гг. вошел в кружок славянофилов. Издавал и редактировал журналы «Русская беседа» (1856–1860) и «Сельское благоустройство» (1858–1859). Участвовал в подготовке крестьянской реформы в качестве члена Рязанского губернского комитета. Работал в органах земского и городского самоуправления.

Самарин Юрий Федорович (1819–1876), общественный деятель, историк и публицист. Окончил Московский университет. С 1844 по 1852 г. находился на государственной службе. С 1853 г. занимался литературно-публицистической деятельностью, работал в городских и сословных организациях. Участвовал в подготовке и проведении крестьянской реформы, являлся членом редакционных комиссий.

Селиванов Илья Васильевич (?–1882), писатель, представитель «обличительной литературы». В 1850 г. арестован и выслан в Вятку. Позже был пензенским предводителем дворянства.

Павлов Платон Васильевич (1823–1895), историк и общественный деятель. Окончил Главный педагогический институт в Петербурге. Профессор русской истории Киевского университета (1847–1859); доктор исторических наук, политической экономии и статистики, член Археографической комиссии в Петербурге (с 1859 г.). В марте 1862 года после публичной лекции о тысячелетии Руси, в которой призывал интеллигенцию к сближению с народом, выслан в Ветлугу. Вернулся в Петербург (1866), преподавал в военных училищах; профессор истории и теории искусств Киевского университета (1875–1885).

М.П. Погодин.

Пальчиков Николай Евгеньевич (1838–1888), собиратель русского фольклора.

Окончив Казанский университет, поселился в Уфимской губернии; во время проведения крестьянской реформы был избран мировым посредником.

Тетера (Таневский) Александр (1833–?), офицер австрийской армии. В 1863 г. был начальником Кракова, затем – начальником штаба при командующем Восточной Галиции. После подавления восстания служил чиновником в Кракове.

¹⁶ Вероятно, Голицын Юрий Николаевич (1823–1872), князь, известный своим пристрастием к хоровой музыке. В 1842 г. в Москве был очень популярен хор, состоявший из 70 крепостных тамбовского имения князя, которым он лично дирижировал. После освобождения крестьян Голицын составлял хоры из любителей и с успехом концертировал в России и за рубежом.

¹⁷ Княжевич Александр Максимович (1792–1870), выпускник Казанского университета, служил в министерстве финансов – директором канцелярии министра, затем директором департамента Государственного казначейства. Сенатор (1854). Министр финансов (1858–1862), член Государственного совета (1862).

¹⁸ 20 ноября 1857 г. был издан рескрипт виленскому генерал-губернатору В.И. Назимову, содержащий правительственную программу «изменения быта сельских обывателей». Она предусматривала: уничтожение личной зависимости крестьян при сохранении всей земли в собственности помещиков; предоставление крестьянам определенного количества земли, за которое они обязаны будут платить оброк или отбывать барщину, и со временем – права выкупа крестьянских усадеб.

¹⁹ Е.П. Ковалевский.

ПРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ за 1859 год*

По примеру предшествовавших лет, независимо от общего отчета по Высочайше вверенному мне управлению, я поставляю себе долгом всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству обзор действий революционной пропаганды и политический очерк внутреннего состояния России в 1859 году.

О ЗАГРАНИЧНЫХ ВОЗМУТИТЕЛЯХ И ПРОИСКАХ ПОЛЬСКИХ ВЫХОДЦЕВ

Деятельность заграничных возмутителей начала уже в конце 1858 года принимать огромные размеры. Она объяснилась при развитии весной 1859 г. итальянского вопроса¹, который обращал на себя все их внимание, обещая им обильную жатву на поле революции. Хотя главы демократической партии, как видно было из печатаемых ими в Лондоне и Париже периодических изданий, не доверяли политике императора Наполеона и предпочли бы, вместо вооруженного заступничества монархической державы, видеть в Италии общее восстание; но, тем не менее, они надеялись, что война увлечет государя Франции далее, чем он предполагает, и что между тем они успеют раздуть пламя мятежа по всей Европе. Мадзини, соединившийся в этих видах с венгерскими и польскими демократами в Лондоне, встретил, однако же, неожиданное им противодействие со стороны Сардинского правительства, которое перед тем потворствовало его интригам, допустив его даже в свои пределы. В самом начале войны издаваемый Мадзини революционный журнал «Pensiero ed azione»** был запрещен в Пьемонте и конфискован уже на дороге туда во Франции, а итальянским выходцам, которых он намеревался отправить в Италию, отказано со стороны сардинского и французского посольств в Лондоне в засвидетельствовании их паспортов. Затем Мадзини обратил все свои усилия на возмущение средней

* Перед текстом помета: «Государь Император изволил читать. 11 марта».

** «Мысль и действие» (итал.).

Италии, куда он неоднократно отправлялся с главными своими друзьями, а в журнале своем восставал против Наполеона и Виктора Эммануила² внушая итальянцам, что единство и независимость Италии могут быть достигнуты не иначе, как чрез революцию. В духе этом он написал еще недавно прокламацию к юным волонтерам, состоящим под итальянским знаменем.

Представители венгерских выходцев Коссут, Клапка и Телеки³ снабжены были в мае минувшего года от французского в Лондоне посольства паспортами для выезда в Сардинию, откуда они, по сведениям различных политических журналов, должны были отправиться в Венгрию для возбуждения там восстания. Заключение мира в Виллафранке⁴ остановило исполнение этого плана. Коссут и его товарищи возвратились в Лондон, но посеянные ими семена восходят в Венгрии, как доказывает усиливающееся там народное волнение. Коссут недавно еще выразил в собрании выходцев, что дело Венгрии может уже обойтись без пропаганды и внутренних заговоров, ибо меры эти делаются излишними там, где одна общая мысль овладела всем народом.

Германская демократическая эмиграция весьма многочисленна в Англии, но главный пункт ее политических интриг находится в Швейцарии. Выходцы этой партии были весьма деятельны в продолжение минувшего года. Из секретных заграничных сведений было видно, что немецкие выходцы особенно старались действовать в своем отечестве на класс работников распространением между ними прокламаций коммунистического содержания, каковые появились в Гамбурге и Франкфурте-на-Майне, и что они имели влияние на образовавшиеся впоследствии политические партии в Гота и Эйзенахе. В главе германских демократов стоит известный демагог и бывший профессор Боннского университета Кинкель⁵ бежавший из крепости Шпандау, где он содержался после участия принятого им в 1848 г. в возмущении в Бадене, и издающий ныне в Лондоне журнал под названием «Герман»*. Выходец Бискамп издает другую возмутительную газету «Das Volk»**, а доктор Леве⁶ бывший президентом Германского парламента в 1848 году, состоит в тесной связи с Женевским демократом Фези. Немецкие выходцы образовали между собою различные общества в Лондоне и принимают сильное участие в «международном союзе», для которого один из них, Гильман, написал в 1859 году новые статуты. Общество это, в совете которого заседают по два члена из всех поступивших в оное национальностей, не исключая русской, представляемой там Герценом, как известно ныне положительно, а вероятно

* Прусское правительство в недавнем времени строжайше запретило для всего королевства распространение этого журнала. (Примечание авторов документа.)

** «Народ» (нем.).

еще и Огаревым, – состоит в сношениях с английскими чартистами* и американскими демократами. Распространяя влияние свое на государства Европы, оно имеет целью ниспровержение всех правительств и уничтожение всех привилегий для создания общей социально-демократической республики. По частным донесениям в 1859 г. образовался в Лондоне новый союз под названием «Thomas Munzer Verein»**, которого главный предмет состоит в развитии революционных замыслов в разных государствах Европы; отправленные же союзом этим эмиссары состоят преимущественно из швейцарских и французских ремесленников, которые носят на себе для узнавания друг друга особый знак. Рисунок одного также сообщен. Сведения по сему предмету были переданы заместителю Царства Польского⁷ и генерал-губернаторам Западных губерний.

Французская эмиграция ослабла в 1859 году относительно численности вследствие общей амнистии, дарованной императором Наполеоном политическим преступникам; но главные революционеры, как-то: Феликс Пиат, Ледрю-Роллен, Виктор Гюго⁸ Луи Блан⁹ Таландьё и Жара, оную не воспользовались, а существующая в Лондоне «Commune revolutionnaire» (Magianne), в которой председательствует Пиат, усугубила в последнее время свою деятельность и, по секретным оттуда донесениям, готовит новые планы против жизни Наполеона. Другие французские выходцы, из числа более замечательных, воспользовавшись амнистиею, взяли в Брюсселе паспорта на возвращение во Францию чрез Швейцарию и Италию, что возбудило подозрение в намерении их совещаться с тамошними демократами пред возвращением во Францию. Основательность сведений о новых замыслах, готовящихся против существующего во Франции правления, подтверждается предпринимаемыми со стороны Наполеона мерами предосторожности, особенно же преобразованием Парижской префектуры. В минувшем декабре месяце она освобождена от значительной части прежних ее обязанностей, с возложением на нее исключительно наблюдения за порядком и общественною безопасностью и с распространением круга ее действий в последнем отношении уже не на один Париж, а на все департаменты Империи.

Польская эмиграция несравненно многочисленнее во Франции, нежели в Англии, ибо в первой остаются поныне около 4000 человек, тогда как в последней находятся не более 700; но гражданские учреждения Англии и соединение в Лондоне злейших демократов из всех стран Европы дают сравнительно небольшому там числу поляков более возможности к революционным проискам. Впрочем, и в Париже польская демократия***

* Совр. – «чартистами».

** «Дело Томаса Мюнцера» (нем.).

*** Так в тексте.

Барон Филипп Иванович Брунов

имеет усердного поборника в лице известного Людвига Мирославского, прославившегося уже в 1846 и 1848 годах начальником мятежнических польских шаек. Отделяясь в 1858 году от «Центрального польского общества» в Лондоне, которое он упрекал в бездеятельности и неспособности, Мирославский образовал в Париже особый союз под названием «Kolo Miroslawkiego» (Круг Мирославского). Он сам преподает польскому юношеству военные науки и упражняет оное в военной службе, а вместе с тем партия его издает журнал под названием «Przegled rzeczy polskich» (Обзор дел польских), в котором в 1859 году обратили на себя особое внимание две приписываемые ему статьи: о необходимости восстания Польши и о возможности этого восстания посредством систематической организации во всех польских провинциях «революционных кадров».

Аристократическая партия польской эмиграции, представляемая во Франции Адамом Чарториским, а в Англии Ладиславом Замойским, совершенно отделилась от демократов, как видно из выходящего в Париже органа помянутой партии «Wiadomosci polskie», восстающего против возмутительных статей Мирославского и против подобных внушений Лондонского журнала «Demokrata polski», издаваемого под руководством выходцев Тхоржевского и Свентославского. Аристократическая партия ожидает осуществления своих надежд на восстановление независимости Польши

преимущественно от посредничества наполеоновой Франции, считая необходимым условием сего посредничества, чтобы весь край, подобно Италии, чрез умножение и сосредоточение своих нравственных и материальных сил и чрез оживление национального чувства, приготавлил энергическое восстание к тому времени, которое наполеоновская политика найдет удобнейшим для приведения в порядок так называемого польского вопроса. Посему партия эта опасается всякой преждевременной вспышки со стороны поляков и противодействует подстреканиям возмутителей, требующих неотлагательного восстания. Аристократы не теряют при этом из вида и личные свои выгоды, которым сильно угрожают идеи социализма противной партии.

По секретным сведениям, в продолжение последней войны Ладислав Замойский обращался к императору Наполеону с предложением составить польский легион в Италии, но предложение его принято не было. Отдельные польские выходцы записывались волонтерами в корпус принца Наполеона, а некоторые поляки, служившие прежде в Сардинской армии и уволенные из оной в 1850 году, поступили вновь туда на службу. Из дошедшей до наместника Царства Польского выписки из письма одного из упомянутых офицеров, Пионтковского, видно, что, находясь среди итальянских войск, он старался возбуждать участие их к своему отечеству. Между тем, Чарториский был деятелен в Париже: польские аристократы обоего пола ежедневно собирались в его доме до поздней ночи, и все кипело там надеждою на окончательное участие Наполеона в деле восстановления Польши, с подкреплением этой надежды частыми молитвами под назиданием католических монахов. Чарториский и после окончания войны не переставал поддерживать дух своих соотечественников, хвастая влиянием своим на Европейские кабинеты, а вместе с тем недавно еще требовал сбора денег в его распоряжение. Он имеет жарких приверженцев, но, вообще говоря, совершенно потерял прежний вес, расстроив свое состояние на политические интриги, на пособия выходцам и на учреждение разных воспитательных заведений в Париже для польского юношества, из коих замечательнейшие суть: Батиньольское училище, военная школа Мон-Парнас в Монмартре и девичье училище в отеле Ламберт, под личным надзором княгини Чарториской. Демократическая партия, указывая в своих журналах на происки Чарториского и на искательства его то в Париже, то в Вене, то опять в Париже, называет его человеком ничтожным и вредившим Польше с самого восстания 1830 года, которое не удалось будто бы по его вине.

29 минувшего ноября польские выходцы в Париже и в Лондоне праздновали годовщину последней польской революции, но и в этом случае не было сближения между партиями аристократическою и демократическою. Каждая из них собиралась отдельно, утром в церквях для молебствия, а вечером в избранных ими частных домах для произнесения патриотических речей. Князь Чарториский не присутствовал в собрании

своей партии по причине смерти его тещи, княгини Сапиега, но выходец Моравский¹⁰ прочел его письмо, коим князь просил эмиграцию сохранить и к сыновьям его, и к мужу дочери его, графу Дзялынскому¹¹, ту преданность и доверие, которое он, Чарториский, заслужил 70-летним его попечением о благе Польши. По словам журнала «Demokrata polski», помянутое письмо Чарториского выражает династические его виды. Собрания демократов были гораздо многочисленнее и более оживлены. Из произнесенных в Париже речей замечательна речь Людвига Мирославского, который, бросив на воздух красную шапку с павлиным пером* в знак, что будущая польская республика должна быть красною, упрекал Польшу, что она не вооружилась ни в 1848 году, ни во время Крымской войны, и возбуждал поляков к скорейшему восстанию. В Лондоне председательствовавший в собрании выходцев Булевский¹² вещевал членов демократического союза быть каждую минуту готовыми поднять оружие для освобождения отечества, хотя нельзя определить, когда наступит для того срок. Указывая на настоящие уступки «угнетателей» Польши, как на знак политической их слабости, оратор советовал требовать все более и более подобных уступок, дабы, восстановив постепенно народные силы, исторгнуть ими то, чего нельзя ожидать от дипломатических соображений.

В Познани и Галиции не было в 1859 году никаких громких происшествий, и тамошние поляки воздержались в продолжение войны от всяких демонстраций. Тем не менее, в Познани замечено было еще в начале года возбуждение национального чувства, восхваленное органами эмиграции, по случаю выбора нескольких польских патриотов депутатами на Прусский сейм в Берлине и оказанной ими в прениях самостоятельности в глазах Европы. Один депутат, Бентковский¹³ жаловался на систематическое ограничение и преследование преподавания польского языка в герцогстве Познанском. Другой депутат, Негеловский¹⁴ обнаружил перед сеймом умышленное распространение чиновниками познанской полиции экземпляров возмутительной прокламации, дабы набросить подозрение на замыслы поляков. Наконец, граф Дзялынский отказался от звания депутата, не желая дать своего голоса на предложение прусского министерства по предмету экстренной подати на военные потребности. Прочие же польские депутаты по обсуждению между собою этого обстоятельства хотя и изъявили на предложение министерства согласие, дабы не навлечь притязаний на их провинцию со стороны прусских властей, но поставили условием своего согласия, чтобы деньги, которые поступят от помянутой меры, были употреблены не против итальянского дела, а единственно для охранения прусских границ. Заграничные двигатели польского вопроса с особым ожесточением смотрят на успехи германизации в Познани и порицают тамошних дворян за их

* Так в тексте.

расточительность и дурное управление их имениями, из коих уже 550 по несостоятельности помещиков проданы и поступили во владение немцев.

В Галиции, несмотря на удаление оттуда во время войны значительной части австрийских войск, жители также оставались спокойными. Бывший губернатор Галиции, граф Голуховский¹⁵, в течение 10-тилетнего его управления краем очистил оный от выходцев. Благоразумными уступками просьбам поляков насчет преподавания в училищах польского языка и насчет других предметов, в сущности, не изменившимися, впрочем, их быта, он приобрел их расположение, так что при назначении его министром внутренних дел они устроили в честь его публичное торжество. В ноябре месяце краковские студенты, следуя примеру венгерских, отправили в Вену депутацию с ходатайством, чтобы лекции читались им на польском языке. Это было единственным в минувшем году изъявлением национальных чувств в Галиции, где, по словам демократических органов, все мертво, особенно в классе дворян, обедневших и находящихся еще под влиянием испытанных ими бедствий со стороны их крестьян. Между теми последними, на преданность коих надеется австрийское правительство, начинает, по замечанию тех же органов демократии, являться реакция: став в непосредственные отношения к местному начальству и испытывая часто несправедливость и притеснения, они делают к нему враждебными. В доказательство этого приводят те же органы, что во всех тюрьмах Галиции можно видеть крестьян, судимых за оскорбление словами австрийского правительства и императора. Эмиграции известно, что в Галиции от распространения панславянизма рождается сочувствие к России, и таковое стремление объясняется желанием тамошних жителей избавиться, во что бы ни стало, от ненавистного владычества немцев.

В Царстве Польском в течение минувшего года все было тихо, хотя нельзя допустить, чтобы туда не доходили возмутительные подстрекания заграничной демократии и чтобы события в Италии, которым поляки оказывали сильное сочувствие, не порождали в них тайных надежд на восстановление Польши. Судя по направлению действий наших поляков должно думать, что они более внимлют наставлениям аристократической партии насчет приготовления будущей их независимости увеличением внутреннего благосостояния и оживлением национального чувства, чем возмутительным воззваниям заграничных демократов. В продолжение войны удалились тайно из Царства Польского с намерением сражаться за свободу Италии не более трех молодых людей, тогда как в 1846–1848 годах число бежавших за границу для присоединения к мятежникам того времени было очень значительно. Учрежденное в Царстве агрономическое общество под председательством графа Замойского¹⁶, имеющее уже до 4000 членов, старается об улучшении сельского хозяйства. При строгом наблюдении начальства за этим обществом, оно не могло приобрести политического зна-

чения, хотя нельзя ручаться, чтобы эта цель была совершенно чужда мысли об его учреждении. Журнал «Demokrata polski» в одном из последних его листков поместил ответ безымянного члена агрономического общества на сделанный тем журналом упрек в холодности общества к отечественному вопросу следующего содержания: «Обвинение целого общества несправедливо; оно должно пасть на президента и на членов совета, которыми вообще недовольны. С другой стороны, нельзя не заметить, что им всем следует действовать с крайнею осторожностью, дабы не навлечь подозрения местного начальства, весьма недоверчивого к этому учреждению». Литературная деятельность в Царстве с некоторого времени очень развилась. Там печатаются сочинения по разным отраслям наук и выходят многие журналы, из которых самый замечательный «Gazeta Warszawska» имеет 10 000 читателей. С недавнего времени издается в Варшаве журнал под названием «Biblioteka», который стремится к учреждению в Царстве общества литераторов, так как другое периодическое издание «Roczniki Gospodarstwa» достигло уже своей цели учреждением агрономического общества. Завязавшаяся в минувшем году ссора между редактором Варшавской газеты Лешновским и зажиточными евреями, которых он, по поводу невнимания их к таланту артистки Неруда, обвинял в своей газете, что они покровительствуют только своим единоверцам, тотчас обратила нарекания заграничной пропаганды на таковой поступок Лешновского как вредящий сохранению политического единства жителей Царства, необходимого для достижения общей народной цели.

Пограничный наш комиссар по делам с Пруссиею донес в июле минувшего года, что Нейденбургский ландрат задержал тринадцать центнеров пороха, назначенных к отправлению в Царство Польское, и что в Нейденбурге неизвестный поляк хотел заказать 200 ружей, обещав делать таковые заказы и впредь. Наместник Царства Польского, которому сообщено было донесение пограничного комиссара, отозвался, что в одно время с этим сообщением он получил уведомление о большом транспорте пороха, задержанном близ Кенигсберга, но что, несмотря на все принятые с его стороны меры для удостоверения в действительном назначении сказанного порохового транспорта, получены только такие сведения, по которым можно заключать, что порох предназначен был к ввозу в Царство Польское не с политической целью, но в виде контрабанды, для распродажи по мелким частям на обыкновенные потребности. Что же касается оружия, заказанного будто бы в Нейденбурге для Царства Польского, то, по произведенному разысканию, никаких сведений о нем невозможно было собрать.

Наместник бдительно следит за происками заграничных руководителей поляков и вообще сим последним не доверяет. По поводу появившейся

в минувшем декабре в «Demokrata polski» статьи, которою дается полякам наставление волновать народ всеми способами, дабы довести раздражение его против правительства до высшей степени, князь Горчаков писал, что он удостоверился, что всякое снисхождение, оказанное правительством, служит только поводом к новым подобным домогательствам с целью довести постепенно народное волнение до той точки, на которой явный мятеж мог бы быть поднят с успехом. Должно ожидать от опытности наместника, что изъясненный, без сомнения справедливый, взгляд его на положение дел в Царстве не увлечет его к мерам, которые имели бы вид незаслуженного преследования поляков.

В Западных губерниях равным образом не замечено со стороны поляков никаких противозаконных покушений под влиянием революционной пропаганды. Доходили сведения о появившихся между ними возмутительных брошюрах, из коих одна под заглавием «Coteraz robic» (Что теперь делать), а другая с предсказаниями на 1860 год. Сверх того в июле месяце, т. е. при самом разгаре войны, получено возбуждавшее надежды поляков письмо выходца Оборского¹⁷ к неизвестному лицу, которое указывало на существование в Познанском герцогстве центрального комитета заговора (Comite central de conspiration), а в особом, приложенном в копии письме этого комитета к лондонским полякам заключалась просьба выслать возмутительную прокламацию для распространения оной во всех польских провинциях, особенно же в Царстве Польском и Западных губерниях, где расположение умов представляется наиболее для того выгодным. По всем таковым сведениям делаемы были местными главными начальниками самые тщательные разведывания, но помянутых воззваний нигде не обнаружено и никто не подавал подозрения в хранении у себя подобных сочинений. На освобождение крестьян в Западных губерниях заграничные демократы смотрят как на меру, которою только дворянство должно было бы воспользоваться, став в главе этого предприятия и даровав крестьянам свободу безусловную, дабы привязать их к себе, причем поставить их в положение свободных граждан, вместо того чтобы принять предоставленную дворянству в губернских комитетах жалкую роль, и вынуждено соглашаться на потерю собственности, не приобретая взамен оной свободных помощников в деле восстановления польской независимости. Действия дворян не доказали до сего времени, чтобы они покорялись столь коварным наставлениям эмиграции, и каковы бы ни были сокровенные их чувства, но они не дали повода подозревать их в положительном злоумышлении против правительства. Заготовленный подольскими дворянами адрес, который они желали подать лично Вашему Императорскому Величеству в Каменце, указывал, однако ж, на мечты их восстановлении польской народности в Западном крае.

ЭМИССАРЫ

В мае минувшего года президент Познанской полиции сообщил российскому пограничному комиссару имени 4-х эмиссаров, отправленных будто бы из Парижа польскою революционною партией в бывшие польские провинции. Против лиц этих были приняты меры предосторожности, но они, по-видимому, в пределах наших не появлялись. Кроме того, прусский консул в Галацах донес своему правительству о 10-ти эмиссарах, большею частью венгерцах, которые были посланы панславянскою заграничною партией в Придунайские княжества и, показываясь часто в Тульче, Браилове, Измаиле и Галацах, состояли в постоянных сношениях с французским консулом в Сулине и сардинским – в Галацах. Наместник Царства Польского признал нужным установить и за этими эмиссарами наблюдение, подозревая, что кроме распространения идей панславянизма они легко могут иметь поручение приготовить возмущение в Венгрии или соседней с Царством Галиции. В декабре 1858 года задержан был в Кракове подозрительный монах Кассевич. Человек этот показал себя при допросах уроженцем Царства Польского Карвицким, исключенным из духовного звания, отданным в солдаты, успевшим бежать за границу, где состоял в связях с главными польскими выходцами, и потом поступившим вновь в Риме в орден капуцинов, от которого имел поручение в Кракове по делам ордена. Австрийское правительство сначала предполагало передать Карвицкого в Царство, но впоследствии уведомило, что он освобожден и что местопребывание его неизвестно. В 1858 же году арестован был в Познани Эгмонт Ревит, оказавшийся польским беглецом Яковом Маевским. Навлекши на себя подозрение в прибытии в Познань в качестве эмиссара революционного общества, он приговорен в исходе 1859 г. к двухгодичному заключению и к высылке затем из Прусских владений. Сделано распоряжение, чтобы как Маевский (Ревит), так и вышеупомянутый Карвицкий (Кассевич) не были пропущены в пределы империи. Подобная мера принята была и в отношении венгерца Баниа, которого австрийская полиция замечала блуждающим в окрестностях Кракова.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЛИЯНИИ КАТОЛИЦИЗМА
НА ПОЛЯКОВ

Римский двор, не оставляя без внимания религиозные чувства поляков, с давнего времени и поныне пользуется оными для утверждения своего влияния в землях, населенных племенами польского происхождения. Действия в этом отношении католицизма производятся самым тайным, но вместе с тем упорным образом, и прикрываются завесою законности. Партия Чарториского, которой сочувствует почти вся польская шляхта,

особенно женский пол, упирается на преданности и уважении ее к католическому престолу. Доказательством же, что сей последний поддерживает это направление польского дворянства для собственных политических видов, может служить, между прочим, оказываемое со стороны оного особое покровительство учрежденному недавно в Риме и Париже польскими выходцами Кейсевичем, Семененкой и Еловецким духовному ордену под названием «Smertwostancy» (Pretres de la resurrection). По восторженному взгляду, выраженному в брошюре Альберта Jijot под заглавием «La Pologne en 1859», Польша представляется страной, избранною Богом, испытанною мучениями и имеющею великое в будущности призвание установить власть Евангелия в делах мирских. Миссионеры этого ордена заботятся о поддержании колеблющейся веры и об оживлении патриотических чувств между польскими выходцами. Вообще влияние католицизма на положение дел в Царстве Польском и в Западных губерниях носит отпечаток самого неприязненного российскому правительству. В Царстве неприязнь эта имеет значение чисто политическое, а в Западном крае с ним соединяется и религиозная цель по причине соревнования там двух церквей, православной и римско-католической. Хотя в том крае несравненно менее католиков, нежели православных, но в числе первых состоят почти все помещики и дворяне и вообще образованный класс жителей, тогда как большинство народонаселения, исповедующее греко-российскую веру, составлено из крестьян, которые, быв униатами, недостаточно еще укрепились в добросовестном исполнении обрядов православной церкви. К сему присоединяется еще различие в положении духовенства обеих церквей: православные сельские священники, обремененные семействами, живут в бедности, не получая от помещиков никакого пособия, и, по низкой степени их образования, вообще равнодушны к исполнению своих обязанностей. Напротив того, католические ксендзы, будучи одиноки, живут в довольстве и принадлежат по просвещению, а иногда и по происхождению, к кругу дворян, пользуются их покровительством, занимаются воспитанием юношества и вообще неутомимы в кругу их деятельности. Таким образом, несмотря на ограниченность числа католических священников в сравнении с русскими, они имеют гораздо более влияния на развитие нравственного и политического духа народа, не исключая и православной части оного. Неблагоденность ксендзов к правительству обнаруживается, между прочим, совращением в католицизм перешедших в православную церковь униатов и крещением детей их по католическому обряду. В последние годы замечено, что они действовали в этом отношении с большею противу прежнего отважностью, не довольствуясь соблазнением отдельных лиц, но стараясь о совращении даже целых селений. Главные два примера таковых действий были в 1858 году. 1) В Витебской губернии принадлежащие к православной церкви крестьяне помещика Корсака, подученные, по-види-

тому, ксендзами, в проезд митрополита Жилинского¹⁸ бросились ему в ноги и просили о принятии их вновь в католическую веру, а потом они, по совету митрополита, обратились по сему предмету со всеподданнейшим прошением. После продолжительных неуспешных стараний местного начальства, которому крестьяне отвечали, что в настоящее царствование всем подданным Империи предоставлена полная свобода вероисповеданий, – они были, наконец, приведены к послушанию и принятию Св. причастия по обряду православному благоразумными распоряжениями посланного в Витебскую губернию сенатора Щербинина¹⁹. 2) В Гродненской губернии в казенном селе Порозове совращены были в католицизм около ста православных крестьян. Об этом произведено было следствие, и местное окружное начальство должно было принять меры строгости для возвращения упорствовавших на лоно православия. По окончании сего дела, в 1859 году возникло между Литовским митрополитом Иосифом²⁰ и генерал-губернатором²¹ несогласие, и хотя генерал-адъютант Назимов главную причину случившегося приписывал нерадению русского священника Станкевича, но митрополит Иосиф пред тем еще обратился к Вашему Императорскому Величеству с письмом, в коем изъяснил опасения свои насчет общего ниспровержения великого подвига, ознаменовавшего прошедшее царствование присоединением униатов к православию. Кроме вышеизложенного, в минувшем году получены сведения из Гродненской губернии, что с некоторых пор католическое духовенство с особенным рвением проповедует своим прихожанам как о превосходстве католической веры, так равно о необходимости поддерживать оную всеми возможными средствами, не допуская никого совращаться в другие исповедания и стараясь о распространении католицизма. Вместе с тем, имеется известие, что в числе богомольцев, отправляющихся в м. Яново в Царстве Польском на поклонение мощам Св. Виктора (присланным недавно Папою²² графине Потоцкой), бывают и воссоединенные униаты, которые *одинаково с католиками допускаются там к исповеди и Св. причастию**. В Ковенской губернии ксендз Юрашко был заключен в монастырь за говоренные им крестьянам проповеди коммунистического содержания, а некоторые другие католические священники дозволяли себе произносить крестьянам возмутительные речи против помещиков. В течение минувшего года замечалось также неоднократно и в Ковенской, и в Минской губерниях изъяснение крестьянами несвойственного вообще им желанья, чтобы дети их были обучаемы польскому языку. Наконец, от помещиков Волынской губернии поступила к Киевскому военному губернатору просьба о разрешении

* Слова, выделенные курсивом, подчеркнуты карандашом, рядом на полях помета и ее расшифровка: «Собственно Его Величества рукою написано карандашом: «Обратить на это внимание князя Горчакова, чтобы впредь подобное не повторялось». 11 марта».

приходскому католическому духовенству преподавать крестьянским детям первые начала веры в костелах, но в таком домогательстве князь Васильчиков усмотрел скрытную мысль дворян иметь чрез духовенство влияние на крестьян в видах польского патриотизма, и потому оно оставлено без последствий. Подобные попытки, без всякого сомнения, будут возобновляться и впредь. Внимательное наблюдение за ними необходимо и предупреждение вредных последствий, которые могут ими быть произведены, должно составлять предмет особенной заботливости местных властей*.

О ВНУТРЕННЕМ СОСТОЯНИИ РОССИИ

Внутреннее состояние России в течение 1859 года было вообще удовлетворительно. Народное спокойствие хотя в некоторых губерниях и нарушалось, но было восстанавливаемо скоро и без особенных затруднений. Вредные замыслы на самом деле не обнаруживались; однако же мысли о преобразованиях в духе широкой независимости и неудовольствие против правительственных распоряжений в существенных государственных вопросах оказывались во многих случаях.

Преимущественное внимание образованных сословий обращено было на крестьянское дело и на некоторые другие новые предположения особенной важности.

Предположения эти не могли не возникнуть с наступающим освобождением крестьян. Действительно, для устройства их быта и введения нового порядка в хозяйстве помещиков нужны кредит и земские банки. Между тем чрезмерный наплыв бумажных денег, исчезновение монеты, а также колеблющееся доверие к нашим акционерным компаниям и к другим промышленным предприятиям произвели падение курсов, застой в торговых делах и тягости для жизни, особенно бедных людей. Кроме того, при соображении средств к восстановлению доверия к финансам и ценности денег, открылись ошибочные основания наших кредитных учреждений.

С другой стороны, давние жалобы на лицепрятие и злоупотребления в судах убедили, что упрощение судопроизводства необходимо без отлагательства.

Затем, непомерное усиление литературной деятельности потребовало новых цензурных правил.

Одним словом, все части государственного управления более или менее подвергаются изменениям, и хотя, может быть, Россию ожидает будущность счастливая, но настоящее переходное ее состояние естественным образом возбуждает опасения и порицания.

* Слова, выделенные курсивом, отчеркнуты на полях карандашом, рядом помета: «Собственною Его Величества рукою написано карандашом: "Непременно". 11 марта».

Впрочем, трудность борьбы не может и не должна останавливать правительство в исполнении предначертаний, клонящихся к благу государства. Никакое важное предприятие без противодействия не совершалось, и успех его несомненен, если оно основано на пользе, беспристрастии к условиям и законности.

О КРЕСТЬЯНСКОМ ВОПРОСЕ

В 1859 году все губернские комитеты по крестьянскому делу привели свои занятия к концу. Учрежденные в С.-Петербурге редакционные комиссии составляли свод из положений этих комитетов и общие по оным соображения. Журналам комиссий дана была некоторая известность. Дворяне, нетерпеливо следящие за ходом этого дела, столько для них существенного, разбирали каждое постановление комиссий в подробности и, образуя из себя огромное множество заинтересованных* судей, находили, что ожидания их не удовлетворялись.

Главные замечания их состояли в том:

что выводы редакционных комиссий не верны и не могут быть верными, ибо статистические данные, полученные ими из Министерства внутренних дел, относятся большею частью к старому времени, сведения же, представленные губернскими комитетами, собирались только приблизительные, в каждом уезде по разным способам, во многих местах со слов приказчиков и старост и везде – без достаточной поверки на деле;

что, кроме того, в заключениях комиссий не рассчитаны разность климатов, производительность или непроизводительность земли, близость или дальность от мест сбыта продуктов и другие выгоды или невыгоды каждого поместья;

что даже губернские комитеты не могли представить точных по сим предметам определений, ибо предписанного для их занятий 6-месячного срока было слишком недостаточно, и

что назначение наделов землею, повинностей крестьян и меры вознаграждения помещикам за отходящую от них собственность по сведениям неверным повлекло бы за собою бедствие половины России.

Независимо от общих причин тревожного состояния дворянства, которые я полагаю неуместным здесь повторять, так как они были выражены в отчете моем за 1858 год, помещики думают:

что при утверждении того расчета, по которому надел земли определен редакционными комиссиями для полосы черноземной, нечерноземной и степной, две трети их должны будут лишиться всей земли без остатка;

* Так в тексте.

что крестьяне, неумеренно наделенные землею, не будут иметь ни времени, ни надобности работать по найму, или несоразмерно возвысят цену за труд;

что от этого помещичьи земли останутся невозделанными;

что за тем неизбежно последуют многолетний недостаток хлеба, застой торговли, дороговизна, расстройство дворянства и самих крестьян, а быть может – и беспорядки в государстве.

Вызванные в С.-Петербург члены губернских комитетов первого приглашения желали все это представить на благоусмотрение правительства; но мнения их, как они жаловались, приняты были без благосклонности, от чего последовала неправильность и опрометчивость в их собственных действиях. Высшее начальство нашлось вынужденным выразить большей части из них неудовольствие, и, возвратясь в губернии оскорбленными, они усилили чувство озлобления, которое, к сожалению, распространено уже было между дворянством прежде.

Теперь находятся в С.-Петербурге члены второго приглашения. Они занимаются делом своим усердно и искренно признательны за милостивые слова, которыми Вашему Величеству благоугодно было их удостоить. После того прием, сделанный им графом Паниным, произвел на них впечатление тем более неприятное, что скромным поведением своим они до того времени не заслужили никакого упрека. Но впечатление это изгладится, когда они увидят благонамеренность действий графа, и можно надеяться, что под опытным его руководством труды комиссий получат направление, если не вполне соответствующее всем желаниям, то, по крайней мере, самое близкое к тому, которое дозволит сложность вопроса.

Вообще, раздражение целого сословия всегда почти горестно отражается на будущности государства. К прискорбию, не все лица, стоящие в главе управления, верят этой истине и довольно заботятся о том, чтобы устранять поводы к таковому раздражению. Действия их в этом отношении были часто неосторожны, они не согласовались с тем благорасположением, коего ясное выражение дворянство слышало из собственных уст Вашего Величества, и от того в нем невольно развилось чувство сословной защиты.

Сам покойный генерал-адъютант Ростовцев не мог не сознать в одном из своих всеподданнейших писем, что предпринятое в России преобразование, по праву гражданскому, есть несправедливость от начала до конца, но прибавил, что по праву государственному оно священо и необходимо.

Последнее мнение понятно только для тех, которые близки к Престолу и готовы к самоотвержениям, но первое мнение очевидно для всех без изъятия. Каким же образом можно было ожидать, чтобы 115 000 помещиков, из коих половина (около 55 000) владеют самым ничтожным состоянием (от 1 до 21 души), а потому не могли получить высокого образования, сроднились с мыслью о государственном праве или, лучше сказать, о

государственной необходимости (raison d'Etat)! Они видели в предположенных мерах одно только посягательство на их собственность, сопряженное с разорением. При таких убеждениях беспокойство их было неизбежно, и хотя многие из них за неуместные свои поступки достойны были взыскания, но общее нравственное волнение может быть успокоено одною только благосклонностью к человеческим слабостям, тем более заслуженною, что правительство не принимает на себя никакого пожертвования, подобного тому, которое требуется от дворян.

В заключение нельзя не подтвердить, что окончание дела об освобождении крестьян в исходе настоящего года было бы крайне желательно. Трудно с полною уверенностью отвечать, чтобы преобразование это не было сопровождаемо где-либо частными сопротивлениями; но вообще потрясение будет устранено, если внутренняя полиция получит благовременно устройство более надежное и если за действиями как помещиков, так и крестьян, будет неусыпное наблюдение местных властей. *Первою их обязанностью должно быть, как до сих пор, предупреждение всякого самоуправства. Допускать его не следует, даже если бы оно казалось вызванным справедливым неудовольствием, ибо при общем тревожном состоянии потворство произволу, на каких бы доводах он ни был основан, ведет к самым пагубным последствиям, давая оружие под разными другими предложениями людям неблагонамеренным. Прежде всего, должен быть подавлен беспорядок, и тогда уже можно приступить к разбору виновных и невинных. Это единственное средство сохранить общественную безопасность во всяком государстве, но особенно в таком разнородном и еще мало образованном, какова Россия*.*

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ТРЕЗВОСТИ

В течение 1859 года случилось у нас событие совершенно неожиданное. Жители низших сословий, которые, как прежде казалось, не могут существовать без вина, начали добровольно воздерживаться от употребления крепких напитков. Это проявилось еще в 1858 году в Ковенской губернии под влиянием римско-католического духовенства, которое с разрешения епархиального начальства в церквах приглашало народ присоединиться к братству трезвости, установленному Папою Пием IX, с обещанием за то его благословения и отпущения грехов. Проповеди сии имели такой успех, что до февраля 1859 года почти вся Ковенская, а вскоре и более половины населения Виленской и Гродненской губерний, принадлежали к братству трезвости.

* Слова, выделенные курсивом, отчеркнуты на полях карандашом, рядом помета: «Собственно Его Величества рукою написано карандашом: "Совершенно справедливо". 11 марта».

В то же время подобное стремление возникло в Приволжском крае. Возвышение новым откупом цен на вино, весьма дурное его качество и увеличение дороговизны на все вообще предметы привели крестьян к решимости отказаться от употребления вина, если не навсегда, то, по крайней мере, временно. Это началось в Саратовской, и вслед за тем зароки повторились в Рязанской, Тульской и Калужской губерниях. Крестьяне на мирских сходках добровольно отрекались от вина, целыми обществами составляли о своих обетах письменные условия с назначением денежных штрафов и телесных наказаний тем, которые изменяют этому соглашению, и торжественно, с молебствиями, приступали к исполнению условий. Этим примерам последовали в скором времени жители разных местностей Самарской, Орловской, Владимирской, Московской, Костромской, Ярославской, Тверской, Новгородской, а также Воронежской, Курской, Харьковской и других губерний.

Содержатели откупов всемерно старались отклонить крестьян от трезвости: угрожали взысканием правительства за уменьшение питейных доходов, понижали цены на вино, даже предлагали оное в некоторых местах безвозмездно. Но крестьяне твердо хранили свои обеты и только в двух случаях отступили от своих намерений: 1) в Сердобском уезде Саратовской губернии откупщик объявил, что цена водки возвышена для того, чтобы уделять по 1 рублю с ведра на их выкуп, – и это удержало крестьян от составления условий о трезвости; 2) Московской губернии в Серпуховском уезде содержатель откупа заплатил за жителей села Дракино недоимки 85 рублей и также успел от зарока их отклонить.

Правительство признало нужным при таковых обстоятельствах обратить внимание только на самовольные поступки ревнителей трезвости, которые принуждали других к воздержанию штрафами и взысканиями, а потому местным начальствам было предписано не допускать произвольного составления жителями каких-либо обществ и письменных условий, а также самоуправных наказаний.

О РАЗБИТИИ ПИТЕЙНЫХ ДОМОВ

С другой стороны, содержатели питейных откупов, пользуясь правом продажи улучшенного вина по возвышенным, вольным ценам, отпускали потребителям только это вино, отказывая в полугаре, который они обязаны продавать по 3 руб. сер. за ведро. Таким образом, дороговизна вина и дурное его качество возбудили в народе, кроме обетов трезвости, общее неудовольствие. Еще в феврале месяце возник в С.-Петербурге слух о намерении крестьян разбивать питейные дома. Этот слух не имел последствий; но тогда же здесь произведено было дознание, которым подтвердилось, что полугаров продаж не было, а равно, что вино отпускалось по

ценам возвышенным и неполною мерою. По Высочайшему повелению об этом было предъявлено Совету гг. министров и сообщено министру финансов для общего соображения, вследствие чего министр сделал распоряжение о внушении откупщикам, чтобы они непременно отпускали полугарное вино по надлежащей цене. Сообразно с этим были даны предписания по ведомствам Министерства внутренних дел и Государственных имуществ. Крестьяне, узнав о таком распоряжении, начали толковать об указе против откупа и требовать из питейных заведений дешевого вина, а отказ в том был поводом к буйному самоуправству народа.

Первое волнение обнаружилось 20 мая Пензенской губернии в городе Наровчате, где во время базара толпа угрожала разбить питейные дома. Хотя наиболее виновные были немедленно арестованы, но беспорядок не прекратился, и в течение трех недель разграблено в семи уездах той же губернии более 50 питейных домов. При этом местные начальники и сельские старшины были оскорбляемы, подвергались побоям и даже смертным угрозам; в селе Исе ранен офицер, а в городе Троицке толпа с кольями напала на прибывшую воинскую команду.

В то же время Московской губернии в Волоколамском уезде крестьяне, собравшиеся на ярмарку близ Иосифова монастыря, разграбили три питейных дома, а вслед за тем местные жители разбили такие же дома в семи селениях Волоколамского и Богородского уездов.

Слухи об этих событиях, переходя из одного места в другое, произвели подобные беспорядки в Тамбовской, потом в Саратовской, Самарской, Симбирской, Тверской, Оренбургской и Казанской, наконец, во Владимирской, Смоленской и Вятской губерниях. Замечено, что в Самарской губернии грабежи произведены из одних только корыстных видов, а в Вятской, по ограблении питейного дома в селе Петровском, опились до смерти 8 человек.

Буйства эти происходили большей частью при сборищах крестьян на ярмарки и на базары, сопровождалась нанесением побоев служителям откупов, сельским старшинам и в некоторых местах чиновникам земской полиции, из которых одного крестьяне ранили, а двух покушались убить. В Самарской губернии староста села Тирша от полученных побоев умер. В городе Волгске крестьяне избили нижних чинов, переломали их оружие и ранили городничего. В городе Бугуруслане толпа смяла призванную команду казаков.

Во многих местах для укрощения буйства было употреблено содействие воинских команд, а по губерниям Пензенской, Тамбовской, Саратовской и Самарской были командированы штаб- и обер-офицеры Корпуса жандармов с частью нижних чинов. По Высочайшему повелению в Пензенскую губернию для принятия более деятельных мер к прекращению

беспорядков был отправлен генерал-адъютант Яфимович; по Тамбовской губернии восстановление спокойствие было возложено на генерал-адъютанта Толстого; в Самарскую послан был генерал-лейтенант Ладыженский с жандармским офицером и двумя сотнями казаков. Сверх того в Пензенской губернии содействовал прекращению беспорядков ревизовавший означенную губернию сенатор Сафонов²³.

Распоряжениями этих лиц, а по другим губерниям – местных начальств народное волнение прекращено совершенно.

Оказалось, что в 12 губерниях разграблено 220 питейных заведений; предупреждено 26 покушений. Участвовавших в буйствах обнаружено до 400 человек. В числе подстрекателей замечены: в Пензенской губернии помещик Либенау, дьякон, 2 дьячка, несколько мещан и бессрочноотпускных нижних чинов; в Самарской – 2 купца Худяковы, мещанин Васильев и бессрочноотпускной рядовой Кузнецов, назвавшийся Великим Князем Константином Николаевичем; в Симбирской – отставной прапорщик Попов и чиновник Никольский.

Наиболее виновные заключены под стражу и преданы суду, другие подвергнуты исправительным наказаниям. Из Пензенской губернии удален в Сибирь изобличенный в разных предосудительных поступках мещанин Линьков; об отпускных нижних чинах дела переданы военному начальству.

По возвращении своем генерал-адъютант Яфимович представлял, что за поведением бессрочноотпускных нижних чинов, по значительному их числу в Пензенской губернии, следовало бы учредить строгое наблюдение и что для удержания откупщиков от стеснительных для народа действий необходимо принять особые меры. Кроме того, он донес о неуместных распоряжениях управлявшего Пензенскою палатою государственных имуществ статского советника Сумарокова, который, возложив на подчиненных ему лиц наблюдение за продажей вина в казенных селениях, дал первый повод крестьянам к превратным толкам об указе продавать вино только по 3 руб. сер. за ведро, к негодованию на откуп и, наконец, к началу своеволия, распространившихся оттуда по другим губерниям.

По Высочайшему повелению донесения эти были представлены на рассмотрение Комитета министров и получили окончательное решение Вашего Величества.

О ГЛАВНЫХ УПРАВЛЕНИЯХ

Круг деятельности главных управлений государства в 1859 году мало в чем различествовал от предшествовавших лет. Улучшения по разным отраслям, ими предпринятые, еще не осуществились, и потому Россия находится в ожидании. Возгласы на злоупотребления и неправосудие бесчи-

сленны, и одни только благомыслящие люди чувствуют, сколь трудно искоренить закоснелые недостатки. Совершенно уничтожить их едва ли даже возможно; но они могут быть уменьшены. Для этого необходимо, чтобы главные правительственные лица, поработив свое самолюбие, откинув упорство и свергнув, хотя в некоторой степени, иго формальностей, часто чрез меру подчиняющее их влиянию лиц, им подведомственных, вникали в сущность общественных потребностей и не теряли слишком много времени на изыскание средств к их удовлетворению. Настоятельное направление их к этой цели, особенно по Министерствам внутренних дел, народного просвещения, юстиции, финансов и по управлению путей сообщения, принесет чувствительную пользу и послужит, с помощью Божию, к преуспеянию драгоценного нашего отечества.

Генерал-адъютант князь Долгоруков

10 марта 1860 года

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 24. Л. 169–201.

¹ В 1859 г. начался решающий этап Рисорджименто, результатом которого была ликвидация территориально-политической раздробленности Италии. В ходе Австро-итало-французской войны, способствовавшей созданию революционной ситуации в Центральной Италии, была освобождена от австрийского гнета Ломбардия; в Модене, Парме, Тоскане и Романье победили народные восстания.

² Виктор-Эммануил II (1820–1878), король Сардинии (1849–1861) и первый король объединенной Италии (1861–1878).

³ Телеки Ладислас (1811–1861), венгерский политический деятель, поэт. Депутат Трансильванского сейма, член палаты магнатов, президент «Оппозиционного клуба». Активный участник революционных событий 1848 г. В 1860 г. схвачен в Дрездене и выдан австрийцам. Освобожден по приказу императора.

⁴ Виллафранкское перемирие было заключено 11 июля 1859 г. между Австрией и Францией сепаратно от Пьемонта, союзника последней в австро-итало-французской войне. Стороны обязывались содействовать созданию Итальянской конфедерации под почетным председательством Папы

римского. Австрия должна была уступить свои права на Ломбардию Франции, а Франция – передать эту территорию Пьемонту. Венеция оставалась под властью Австрии. Изгнанные во время народных восстаний правители государств Центральной Италии могли вернуться к власти.

⁵ Кинкель Годфрид (1815–1882), немецкий поэт и художественный критик. Активный участник революционных событий 1848 г., осужден и заключен в Шпандау. В 1850 г. бежал, жил в Англии, Америке и Швейцарии.

⁶ Леве Карл (1814–1886), немецкий политический деятель. Активный участник революционных событий 1848 г., первый президент Франкфуртского парламента. Приговорен к тюремному заключению. Освобожден по амнистии 1861 г.

⁷ М.Д. Горчаков.

⁸ Гюго Виктор Мари (1802–1885), французский писатель. Во время революции 1848 г. защищал республику в печати и с трибуны Национального собрания. После провозглашения Луи Бонапарта императором (1852) был вынужден покинуть Францию. Вернулся в 1870 г., после падения империи.

⁹ Блан Луи (1811–1882), представитель французского утопического социализма, историк. Активный участник революции 1848 г., входил в состав республиканского временного правительства. Организатор «Люксембургской комиссии» по вопросу о положении рабочего класса. После подавления июньского восстания 1848 г. провел около 20 лет в эмиграции. Вернулся во Францию в 1870 г.

¹⁰ Моравский Федор (1797–1879), польский историк. Участник восстания 1830–1831 гг., после его подавления эмигрировал во Францию.

¹¹ Дзялынский Иоанн (1832–1880), граф, глава аристократической партии в прусской Польше. Активный участник восстания 1863–1864 гг. Заочно приговорен к смертной казни, помилован.

¹² Булевский Людвик (1824–1883), деятель польской демократической эмиграции. В 1848 г. был эмиссаром в Познани. С 1851 г. член «Централизации» Польского Демократического общества. В 1864 г. организовал Польский республиканский центр с радикально-демократической программой.

¹³ Бентковский Владислав (1817–1887), польский писатель и общественный деятель. Участник Венгерского восстания (1848–1849), после его подавления бежал в Турцию. Вернулся в герцогство Познанское. Депутат Прусского парламента (1852–1863), защищал национальные интересы поляков.

¹⁴ Неголевский Анджей (1786–1857), полковник польских войск, участник наполеоновских войн. В 1847 г. был избран в объединенный ландтаг в Берлине. Неоднократно избирался депутатом познанского сейма.

¹⁵ Голуховский Агенар (1812–1876), австрийский государственный деятель; наместник Галиции (1849–1859), проводил мероприятия по налаживанию судебной системы, развитию железнодорожного транс-

порта и сельского хозяйства; министр внутренних дел (1859–1860); в отставке (1861–1866); снова наместник Галиции (1866–1871).

¹⁶ Замоийский Андрей (1800–1874), граф, на государственной службе с 1823 г. Участник восстания 1830–1831 гг., после его подавления по протекции И.Ф. Паскевича вернулся в Польшу. Занимался улучшением быта крестьян в своих имениях. Основал «Сельскохозяйственный ежегодник» (1842), «Сельскохозяйственное общество» (1857). Общество было закрыто в 1862 г. из-за политического характера, который приобрели его заседания. Замоийский был выслан из империи, жил в Париже.

¹⁷ Оборский Людвик (1787–1873), полковник; участник восстания 1831 г.; эмигрант. Член «Молодой Польши» и Польского Демократического общества. Во время Познанского восстания 1848 г. руководил косиньерами. В 70-х годах был членом «III Люда польского» в Лондоне.

¹⁸ Жилинский Вацлав (1803–1863), архиепископ могилевский.

¹⁹ Щербинин Михаил Павлович (1807–1881), на государственной службе с 1825 г. В 1840-х гг. являлся директором Главного статистического комитета Новороссийского края. Сенатор (1856), ревизовал Витебскую губернию. В 1860 г. был председателем Московского цензурного комитета. С 1865 г. – начальник Главного управления по делам печати.

²⁰ Митрополит Иосиф (Семашко).

²¹ В.И. Назимов.

²² Пий IX – Папа римский (1846–1878).

²³ Сафонов Степан Васильевич (1811–1862), на государственной службе с 1825 г., участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1843 г. причислен к Министерству внутренних дел, исполнял секретные поручения в Калужской и Нижегородской губерниях. Сенатор (1851).

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ за 1860 год*

О РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЗАМЫСЛАХ

Скопища политических выходцев в Англии, Франции, Бельгии и Швейцарии в течение тридцати уже лет составляли источник всех разрушительных в Европе замыслов. В главе революционной пропаганды постоянно стоял Иосиф Мадзини как неутомимый поборник итальянской свободы и всемирной республики, в которой мечтатель сей видит счастье рода человеческого. В 1833 году он основал в Лондоне общество юной Италии, и вслед затем, в связи с оным, учредились общества юной Германии, юной Польши и юной Европы. Влияние этих обществ на дух народов постепенно усиливалось, и главным успехом их были повсеместные возмущения в 1848 и 1849 годах. Прекращение республиканского правления во Франции, в 1852 году¹ и последовавший вместе с тем разрыв Людвига Наполеона с демократическою партией, хотя нанесли сей последней сильный удар, но не могли остановить деятельности Мадзини и соединенных с ним главных революционеров всех стран. Кроме существовавшего уже в Лондоне французского общества под названием «Commune revolutionnaire» или «Marianne»**, составленного из Феликса Пиата, Бернара Леру, Рибероля², Виктора Гюго с некоторыми другими коммунистами и глубоко пустившего корни свои по всей Франции, образовался в Лондоне «Международный союз», который, имея основанием правила социализма, нашел особенно сильное сочувствие со стороны выходцев, переселившихся в Северо-Американские штаты, и оттуда получал значительные денежные пожертвования. «Центральный комитет демократов Европы» в Лондоне же под председательством Мадзини, Ледрю Роллена, Луи Блана, Пиаци, Кинкеля, Руге³, Коссута и Герцена усердно продолжал революционные действия и влияние свое на образовавшиеся отдельные комитеты

* Перед текстом помета: «Государь Император изволил читать. 26 марта».

** Именем этим называли в первую французскую революцию гильотину. (Примечание авторов документа.)

различных народностей, из числа коих особенно деятельными оказались венгерский и итальянский. Сей последний, по-видимому, пользовался скрытным покровительством пьемонтского правительства, ибо Мадзини неоднократно проживал тайно в Генуе, откуда он родом, и был терпим местным начальством, несмотря на предуведомления парижской префектуры.

Брошенные в 1858 году в Париже бомбы Орсини доказали крайнюю опасность, которая грозила французскому престолу, воздвигнутому на революционном основании, от сопротивления идеям итальянской эмансипации. Вскоре после того Людвиг Наполеон объявил себя торжественно защитником угнетенной Италии и вместе с тем воздвигнул начало возрождения национальностей. Мадзини и его приверженцы оставлены были на время в стороне; но вызванная миром в Виллафранке реакция побудила пьемонтское правительство опять протянуть руку Мадзини. Рядом с ним стал Гарибальди⁴, и этим началось торжество революции. С того времени пламя мятежа все более и более распространяется, и во всей почти Европе готовятся политические перевороты. Французское правительство внешнею своею политикою и твердостью внутреннего управления старается охранять у себя порядок, но и во Франции демократическая партия очень сильна: число приверженцев общества Марианны, по частным сведениям, дошло до 200 000 человек. В Германии так называемая национальная партия, имевшая свои собрания во Франкфурте на Майне, Эйзенахе и Кобурге, проникнута республиканским духом и грозит опасностью престолом государей. Ею руководят находящиеся в Лондоне германские демократы, ибо неоднократно мнения помянутой партии были отголоском демократического журнала «Герман», издаваемого в Лондоне выходцем Кинкелем, которого недавно заменил Бауер. Они оба известны как самые деятельные члены демократического комитета. Особенное же внимание обращает на себя ныне волнение умов в Венгрии, Польше, Черногории, во всех придунайских и греческих областях Турции. Доказательством тому служит: а) скрытный привоз в эти области и в Молдавию на сардинских и английских судах военных снарядов; б) стечение значительного числа венгерских и польских выходцев в Молдавии, а именно в Яссах и Галацах, где местное начальство оказывает им снисхождение, несмотря на настояние Австрии, требующей их высылки; в) существование в Генуе комитета из Коссута, Клапки и Пульского⁵, для распоряжения помянутыми выходцами, готовыми вооружиться, как сообщают оттуда дипломатические агенты, и вторгнуться по первому сигналу в Венгрию для распространения там мятежа; г) поездки Коссута, Клапки и Тюрра в минувшем декабре в Константинополь и, наконец, д) отправление из Парижа в Геную, Турин, Неаполь и Капреру Людвигу Мирославского, о котором полу-

Граф Владимир Федорович Адлерберг

чены были сведения, что он согласился принять на себя начальство над образующимися мятежническими legionами.

Политики видят в совершающихся приготовлениях к сильной народной борьбе признаки слияния итальянского вопроса с венгерским, польским и возобновляющимся восточным вопросами. Близкая будущность, может быть, подтвердит эту догадку; но между тем, орудие, избранное для задуманных планов, достаточно уже доказывает чисто революционный, демократический характер сих последних.

О ПОЛЬСКИХ ВЫХОДЦАХ

Польская эмиграция состоит из выходцев 1832 и 1848 годов. Первые, по числу их и по нравственному влиянию, гораздо важнее последних, которые большею частью оставили Польшу в молодых годах по увлечению к праздной жизни, не имея твердых политических убеждений. Общее число польских выходцев не превышает ныне 1500, из коих 300 находятся в Англии, 100 – в Бельгии и Швейцарии и остальные – во Франции. В Лондоне бедные выходцы получают от правительства гласное незначительное пособие, а в Париже с 1852 года таковое выдается негласным образом префектуре. Лондонские поляки почти исключительно принадлежат к

демократической партии. Замечательнейшие между ними суть: Антон Забицкий, редактор журнала «Demokrata polski», Зенкович, Штольцман, Фаддей Забицкий, Жаба, Тхоржевский и Свентославский. Лица эти составляют демократический польский комитет. Из небольшого числа польских аристократов в Лондоне заслуживают внимание только Жульчевский, секретарь и кассир существующего там литературного польского общества, учрежденного покойным лордом Стуардом, и полковник граф Вержинский, отчаянный патриот; но и эти два лица находятся под влиянием парижских польских аристократов как обладающих богатством и весом в обществе. Главнейшие из них суть: князя Чарториские (отец Адам, с двумя его сыновьями – Витольдом и Ладиславом); Ладислас Замойский, Ксаверий Браницкий, Ледуховский, Рыбинский и Барзиковский. Все они пользуются благосклонностью и знакомством принца Наполеона⁶. Редакторами журнала этой партии «Wiadomosci polskie» суть выходцы Клачко и Вронтовский, заклятые враги России. Главами демократической польской партии в Париже суть Мирославский и Высоцкий⁷. Оба они знают военное дело и обучают оному в Батиньольской школе, в которой находятся 275 сыновей польских выходцев. Школа эта состоит под ведением выходца из Вильно доктора Голензовского и под покровительством принца Наполеона*.

Между польскими демократами еще заслуживают внимания Быстрожевский, находившийся в Карсе во время последней восточной войны⁸; Островский, деятельнейший политический интригант, который уже в 1837 году был изгнан из Франции; Яновский и Ходзько⁹, корреспонденты лондонского журнала «Demokrata polski»; Хоецкий, пишущий брошюры и статьи под именем Charles Edmond; и, наконец, Елзановский, редактор демократического журнала под названием «Przegląd rzeczy polskich» (revue polonaise). Из числа помянутых демократов принц Наполеон оказывает особое внимание Хоецкому, который слышет его секретарем и другом, и Мирославскому, которого он в истекшем году лично представлял императору. В надежде на желанное соединение партий демократической с аристократической принц сблизил Мирославского с Замойским, но общих от сего последствий до сего времени не было, хотя доходили сведения из Лондона, что и там видны старания о сближении двух партий для единодушного стремления к общей цели. В Париже, где польская эмиграция сделалась орудием французской политики относительно России, выходцы уже с лета минувшего года, по поводу итальянских и венгерских дел, находились в постоянном движении. Совещания их у князя Чарториского и у

* В этой школе был 11 августа торжественный акт, на котором адъютант принца Наполеона раздавал медали и где произнесены были патриотические речи, кончавшиеся пением гимна «Еще Польша не погибла». (Примечание авторов документа.)

принца Наполеона повторялись часто. В них участвовал, кроме вышеупомянутых лиц, и граф Понятовский, делающий пособия неимущим полякам, и тут зашла речь о сформировании польского легиона для совокупного действия с итальянцами и венгерцами. Раздражение парижских поляков сообщилось, наконец, и лондонским под влиянием ультралиберальных английских журналов, в том числе «Daily news», в котором появились самые злые статьи после Высочайшего путешествия Вашего Императорского Величества в Вильно и в Варшаву. Вообще свидание трех Монархов в сем последнем городе очень взволновало заграничных поляков, при несомненном подстрекательстве со стороны французского правительства.

29 ноября польские выходцы праздновали тридцатую годовщину последней их революции. В Лондоне на празднестве этом произнесены были разные речи, доказывающие надежды эмиграции на восстановление Польши. В Париже поляки с нетерпением ожидали речи князя Адама Чарториского, соединившегося с ними после богослужения в польской библиотеке. В сущности, содержание его речи заключало следующие мысли: «Между тем, как для всего человечества наступила новая эра, эра справедливости, и в политические соображения Запада входит также священное право национальности, в одной только Польше возобновляется жестокая система, которая на короткое время было прекратилась. Но не следует ни отчаиваться, ни торопиться. Угнетатели Польши ослаблены и ослеплены, что доказывается последним собранием их в Варшаве. Среди поляков, напротив того, оказывается счастливый прогресс и сознание прежних ошибок, ограждающее от возобновления оных. Следует выждать событий. Галицийские поляки, конечно, не упустят употребить переворот в их положении¹⁰ для общей пользы, и жизнью одного члена Польши оживятся и все прочие. В русской Польше улучшение положения крестьян, удерживаемых варварскими законами в рабстве, составляет предмет особых стараний со стороны владельцев заселенных имений, и они готовы понести величайшие жертвы для счастливого решения сего жизненного вопроса». Затем, отдав похвалу познанским полякам за единодушное поддержание на законном поприще их народных прав, князь Чарториский предупреждал обитателей прочих польских провинций, чтобы они не поддавались коварным искушениям полиции, по примеру прусской, уличенной в недавнем времени в вызове познанских поляков на политический замысел. Упомянув о проекте составления польского легиона в Италии, Чарториский сказал, что никто не усомнится в сочувствии поляков к итальянскому вопросу и в готовности их сражаться вместе с итальянцами против Австрии, но что, тем не менее, поляки не захотят вмешаться во внутреннюю их борьбу и никогда не решатся поднять

оружие против столицы католического мира. Наконец, он изъявил благодарствие Всевышнему за дозволение находящимся в Болгарии польским выходцам содействовать религиозному движению болгар к воссоединению с всемирною церковью, движению, которое лишает Россию навсегда влияния ее на эту страну.

Речь Чарториского была отправлена из парижского «bureau de presse» в Геную, Турин, Милан и во все департаменты Франции под адресом префектов для напечатания в тамошних журналах, откуда она перешла во все периодические издания Европы.

Согласно с духом этой речи посланы из Парижа наставления к полякам в Царстве, чтобы ничего не предпринимать до устройства судьбы крестьян, так как в настоящем положении вещей сии последние обратились бы против мятежных дворян и граждан, но что должно стараться внушить крестьянам, будто польское дворянство исторгло у Царя льготы в их пользу.

Между тем, главные надежды польских выходцев, как в Париже, так и в Лондоне, основаны на событиях, готовящихся в Венгрии. Они рассуждают следующим образом: или возмущение в Венгрии, в котором поляки примут участие, будет выгодным для их собственного дела, или же Венгрия, быв преобразована Австриею, даст полякам большую нравственную силу, дабы требовать преобразования Польши.

О РУССКИХ ВЫХОДЦАХ

В 1860 году число русских, оставивших Отечество и явно присоединившихся к оппозиции против законного правительства, увеличилось несколькими лицами. Лица эти суть следующие: 1) Князь Петр Долгоруков¹¹, сочинитель книги под заглавием «La verite sur la Russie». Издав оную в Париже в начале минувшего года, он вскоре после того отправился в Лондон и сблизился там с Герценом и Огаревым. По дошедшим сведениям, помянутое его сочинение признано и за границею злостным помрачением всего существующего в России порядка, ее истории и царствующей в ней Династии и повредило ему во мнении всех благомыслящих людей. В Лондоне неодобрение Долгорукова выразилось еще ярче в высшем кругу тамошнего общества по причине заключающейся в означенной книге клеветы на покойного князя М.С. Воронцова, которого имя пользуется в Англии большим уважением. По поводу сей же клеветы ожидает Долгорукова в Париже, куда он вызван судом, уголовный процесс¹², и каков бы ни был исход сего последнего, но он, вероятно, уронит его еще более в общественном мнении. Долгоруков издает с прошедшей осени русский журнал под заглавием «Будущность», который печатается в Лейпциге. До сего

времени появились оного 8 номеров, которые по примеру «Колокола» тайным образом доходят в Россию.

2) Князь Юрий Голицын, бежавший из России вследствие навлеченного им на себя справедливого взыскания за nepепиcкy с Герценом. По ограниченности его умственных способностей, Голицын, прибыв в Лондон, не мог подвизаться на литературном поприще, и, нуждаясь в средствах к жизни, он извлекает таковые из музыкального его таланта, давая концерты в Лондоне и в разных городах внутри Англии. Концерты его возбуждали вначале особенное любопытство англичан, а самое предприятие это, как необыкновенное со стороны русского аристократа, заслужило похвалу Герцена в «Колоколе». Герцену посвящено было одно из петых на концертах сочинений Голицына. По отзыву находящегося при посольстве нашем в Лондоне священника Попова, к которому обращался Голицын, сей последний едва ли решился на бегство из Отечества по причине политических его убеждений, но скорее по расстроеным его денежным обстоятельствам.

3) Некто Кислеев или Кистельцев, молодой человек 28 лет, называющий себя доктором медицины, между тем, как другие считают его священником, и занимающийся в Лондоне переводом на русский язык Библии под именем Вадима. Священник Попов только слышал о нем, но не видал его, ибо вообще русские выходцы не ходят в посольскую церковь. 17/29 ноября, в день празднования польскими выходцами годовщины их революции, Кислеев (Кистельцев) присутствовал на этом торжестве и говорил речь в пользу революции*.

4) Иеродьякон Агапий (состоявший при посольстве нашем в Афинах), который, поссорившись с архимандритом, бежал в Лондон. Священник Попов полагает, что иеромонах Агапий (до пострижения в монахи называвшийся Андреем Гумницким) участвует с Кислеевым в переводе Библии.

Все помянутые выходцы пристали к обществу Герцена и Огарева, которые, с своей стороны, продолжают вредные свои издания и сношения с революционною пропагандою в Лондоне. По секретным сведениям, кроме помянутых лиц, находятся за границею еще другие русские подданные, которые, не огласив враждебных чувств своих к законному правительству, тем не менее, тайно участвуют в революционных замыслах и издании вредных сочинений. В недавнем времени сделалось известным, что двое русских, Дитмарс, отставной офицер, и Мечников¹³, отставной чиновник, сражались в войсках Гарибальди.

* На полях карандашная помета императора: «Откуда есть?» и далее пером: «Его Величеству должно, что происхождение Кислеева положительно еще не дознано».

ПОЗНАНЬ

Конституционные права, которыми пользуется Великое Герцогство Познанское, дают тамошним полякам, в лице депутатов на Берлинском сейме, возможность явно вступаться за их национальность, проповедуя патриотические чувства с кафедры и выражая ненависть к немецкому элементу, в местных журналах, отзывающихся вообще необузданным духом изданий заграничной польской пропаганды*. Правительство же смотрит на все это очень снисходительно, как бы остерегаясь решительных мер. Хотя в минувшем году познанские поляки, следуя предначертанному плану, не предпринимали никаких мятежных действий, но между ними заметно было сильное волнение, и они пользовались каждым случаем, чтобы жаловаться на распоряжения начальства, с целью уронить оное в общественном мнении, приготовляя таким образом польское население к восстанию в ожидании благоприятных тому внешних обстоятельств. Главным в сем отношении орудием в минувшем году послужило обвинение познанской полиции депутатом Неголевским на сейме в коварном вызове поляков, посредством рассылки вымышленных прокламаций, на политические замыслы. Не совсем удовлетворительное оправдание членов полиции против сего обвинения имело последствием окончательный разрыв в сношениях поляков с немцами. С другой стороны, беспрестанно повторялись настоятельные требования о вводе употребления польского языка в судебных инстанциях, и были примеры, что подсудимые отказывались отвечать на немецком языке, притворяясь, будто не понимают оного. Польский патриотизм познанцев выразился равномерно в демонстрациях: 29 февраля в Гнезине в францисканской церкви служили с необыкновенным торжеством панихиду по генерале** Скржинецком¹⁴ при огромном стечении жителей всех сословий из окрестных мест, перед коими священник Ивицкий произнес надгробную речь, кончившуюся молитвою с изъявлением надежд на лучшую будущность. Панихиды о Скржинецком служили и в других местах Великого Герцогства Познанского, наконец, поляки намеревались исполнить это и в самом г. Познани в кафедральном соборе, избрав для сего время карнавала, когда съезжается туда все польское дворянство. Но правительство, предвидя демонстрацию в огромном размере, запретило служить панихиду по Скржинецком на том основании, что он был революционер. Мера эта произвела между поляками самое дурное впечатление. 25 ноября в Познани же по случаю похорон депутата Потваровского, одного из самых теплых патриотов, находившегося 30 лет в гла-

* Wiadomości polskie, издаваемый в Париже орган аристократической партии, недавно запрещен в Пруссии. (Примечание авторов документа.)

** Так в тексте.

ве национальной партии, все почти народонаселение присутствовало на церемонии, и знатнейшие граждане несли гроб на большое пространство.

ГАЛИЦИЯ

Пример Венгрии имел нравственное влияние на Галицию в том отношении, что жители обеих земель заметно сблизились в своих чувствах. Между прочим, это довольно резко выразилось прошедшим летом в некоторых пограничных местах, где существуют заведения минеральных вод: посетители, венгерцы и поляки (в том числе и уроженцы русской Польши), попеременно переходили несколько раз одни к другим, устраивали балы, обеды и прогулки в национальных костюмах, провозглашали тосты за Венгрию и Польшу, пели патриотические песни и во время национальных плясок, которые исключительно только были допускаемы, раздавали трехцветные кокарды и букеты. Наиболее оказывалось патриотическое движение в Кракове между студентами: они домогались ввода польского языка в учебных курсах, отправив для сего депутацию в Вену; прибили на улице своего инспектора, удержавшего их в университете для предупреждения демонстрации; во время утренних их прогулок, известных под названием «Маювек», пели песни времен мятежа 1830 года и имели частые сходки в одном из городских кофейных домов. По поводу этих сходок получено было в июне месяце местным начальством безымянное письмо, что студенты составили между собою нечто вроде тайного общества. Назначенное по сему предмету следствие до сего времени продолжается. К нему оказались прикосновенными и обучавшиеся в Краковском университете уроженцы Царства Польского: Левенгард и Свионтковский и бывший студент Киевского университета Милович¹⁵.* Более всех оказался замешанным по этому делу отставной поручик российских войск Нарциз Янковский, на которого было сделано указание в помянутом безымянном письме. Выехав до получения сего письма в Париж, Янковский при возвращении в минувшем сентябре был арестован на границе и доставлен в Краков. Сначала тамошнее начальство предполагало передать Янковского в Россию, коль скоро он не окажется против австрийского правительства виновным, но передача его длилась весьма долго**. Австрийское правительство даже явно уклонялось от сообщения сведений о ходе сего дела наместнику Царства Польского¹⁶, который официально о том отнесся, считая нужным и с своей стороны войти в разыскания о

* Лица эти в мае месяце за политические происки были высланы из Кракова: Левенгард выехал в Лейпциг, Свионтковский – в окрестности Берлина, а Милович – в Гейдельберг. О строгом их осмотре таможеню в случае возвращения в пределы империи сделано распоряжение. (Примечание авторов документа.)

** Янковский передан в Варшаву в январе 1861. (Примечание авторов документа.)

Янковском. Из этих разысканий и конфиденциальных сведений, доставленных гражданским начальством Краковского циркула, надворным советником Вокусевичем, оказалось следующее.

Поручик Нарциз Янковский, сын умершего помещика Киевской губернии, после увольнения в 1857 году из Ольвиопольского уланского полка жил около трех лет в Варшаве, посещал там разные курсы и неоднократно выезжал во внутренние места Царства для обозрения образцовых хозяйств. Он заводил знакомства с варшавской молодежью, открывал у себя собрания, на которых происходило чтение разных сочинений, и, кроме того, занимались у него фехтованием и стрельбой из пистолета. 6 мая Янковский отправился в Краков, где записался в ученики художественной школы и находился в постоянных сношениях с студентами, а в июне уехал чрез Познань и Бреславль в Париж. При арестовании Янковский очень смутился и успел некоторые свои бумаги уничтожить, а другие даже проглотил. Из захваченных бумаг особенно возбуждает подозрение: писанный его рукою очерк программы польского демократического комитета в Париже вместе с инструкцией образования тайных обществ для произведения одновременно во всех местах Польши вооруженного восстания и записка чужою рукою о передаче ему 100 брошюр 15 и 30 июня «Przegląd gzeszy polskich» для взятия их с собою в Варшаву*. Из бумаг Янковского еще видно, что ему поручались при отъезде письма в Познань для переговоров об установлении путей для пересылок, что он имел письменные сношения с помянутыми студентами Свионтковским и Миловичем, а равно с студентом Киевского университета Фомою Тромбчинским, который находился прежде в Варшавской медицинской академии. Оказалось еще, что Янковский дал взаймы 600 рублей матери вышеозначенного студента Левенгарда и что он делал денежное пособие некоему его другу Ивану, находящемуся в Париже. Затем в Варшаве узнано, что за Янковским во время отсутствия его оставалась квартира и что приставленный к оной служитель имел поручение все получаемые письма на имя его господина отправлять к нему в Краков. Слуга этот, получив приказание представлять таковые пред** в варшавскую полицию, передал, однако ж, одно письмо знакомому Янковского, служащему в варшавской лютеранской консистории Болеславу Денелю. По отобрании письма оно оказалось от некоего Осипа, двусмысленного содержания.

Варшавская следственная комиссия, по рассмотрению всех бумаг Янковского, как найденных в его квартире, так и переданных в копиях из

* В этих книжках польского обзора заключаются враждебные статьи о российском, австрийском и прусском владычестве над Польшею и изъяснение убеждения, что найдется Гарибальди и в Польском отечестве, которое полагает свои надежды особенно на юношество. (Примечание авторов документа.)

** Так в тексте.

Кракова, и по соображении сообщенных оттуда конфиденциальных сведений с разведаниями, сделанными в Варшаве, вывела следующее заключение.

Нарциз Янковский, проживая в Империи и находясь в военной службе, вовсе не занимался политикою, но впоследствии, незадолго до приезда его в Варшаву, вероятно, вошел в связи с неблагонамеренными людьми и, по всему правдоподобию, с студентами в Киеве, где он бывал по семейным своим делам, ибо с этого именно времени замечается переписка его с помянутыми студентами. Не подлежит сомнению, что на Янковского имели влияние и другие лица, что он допущен к тайне зловредных намерений против нашего правительства и что даже был одним из главных деятелей. Происки его и связи имели место в Париже, Гейдельберге, Познани, Бреславле, Кракове, Киеве и Варшаве, но комиссия полагает, что в сем последнем городе они ограничивались приготовлением молодежи, собиравшейся у него, и что он не оставил там прямых участников, кроме разве Болеслава Денеля, скрывшегося в м. декабре, вероятно, за границу.

После обнародования в минувшем октябре императора австрийского о перемене в образе правления всех отдельных частей империи положение дел в Галиции приняло новый оборот. Патриотические демонстрации перестали быть преступлением, доколе они не выходят за пределы закона, и на основании сего в м. декабре избранному в Лемберге членом депутации для подания в Вене прошения о допущении в Галиции в курсах учения польского языка профессору Смолке, который играл важную роль в событиях 1848 года, сделана была студентами факельная овация, на которую они испросили по телеграфу разрешение министра Шмерлинга¹⁷. Смолка с балкона своего говорил речь, которую народ слушал, сняв шапки, и потом мирно разошелся по домам.

Примечание. В декабре месяце в издаваемом в Париже польском обзоре (*Przegląd rzeczy polskich*) помещена была статья, в которой автор, упоминая о манифестации в мае студентов Краковского университета, утверждал, что восстановление польской самостоятельности может осуществиться только усилиями воспитывающегося юношества, а потому советует сему последнему усугубить свою патриотическую ревность, не обращая внимания на то, что они за таковое похвальное усердие навлекли на себя порицание многих старых корифеев польской народности.

ЭМИССАРЫ

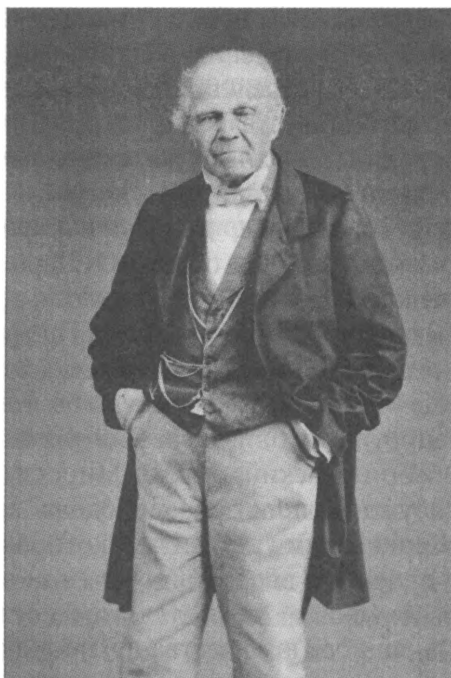
Наместник Царства Польского сообщил в начале минувшего года полученное от президента познанской полиции сведение, что польский эмиссар Лисецкий появился в Великом Княжестве Познанском и распро-

странял возмутительные брошюры, выдавая себя за эмиссара, посланного Мирославским для разведания, можно ли в Познани и в Царстве Польском произвести возмущение, что Лисецкий снабжен французским паспортом, засвидетельствованным миссиею, и что по слухам он отправился уже чрез таможду Слупцы в города Лодзь и Люблин для свидания с его родственниками. По дополнительному же сведению, полученному равномерно из Познани, Лисецкий был в половине 1859 года в Иновроцлаве и Тржемешке, находя убежище у польских жителей среднего и низшего классов, отличавшихся в 1846 и 1848 годах демократическим образом мыслей, что 21 февраля прошлого года он отправился, как представляется вероятным, в западную Пруссию и что из перехваченного письма из Парижа (rue neuve St. Genevieve № 2) от 14 февраля действительное имя этого эмиссара, называющегося то Лисецким, то Гнатовским, есть Артур Трок. Вместе с тем был доставлен и его портрет.

Вследствие сего приняты были как в Царстве Польском, так и в западных и вообще пограничных губерниях самые строгие меры к задержанию помянутого эмиссара, если он появится где-либо в пределах империи. Хотя по производству следствия над молодыми людьми в Варшаве и Вильне, обличенными в неблагонамеренных действиях, были сделаны ими некоторые указания на пребывание в тех местах эмиссара Лисецкого, но положительные указания эти основывались единственно на слышанных речах и не могли служить к открытию следов эмиссара.

В сентябре прошлого года получены были частным образом сведения, что некто Антон Садовский, который бежал в 1848 году из австрийской армии в сардинскую, откуда в 1849 году перешел к Мадзини в войска Римской республики, а в 1852 году находился в Лондоне в распоряжении венгерско-польского революционного комитета, в истекшем году заказывал в Бельгии ружья и заплатил за них 16 сентября значительную сумму, говорил, что они назначаются в Италию, тогда как они отправлены были чрез Антверпен в Венгрию; 17 же сентября, объявив и о себе, что идет в Италию, отправился в Берлин в сопровождении трех других поляков, а оттуда вместе с ними 20 числа в Варшаву.

Сведения эти вместе с описанием примет помянутого Садовского переданы были наместнику Царства Польского и Виленскому военному губернатору. Князь Горчаков уведомил, что в 1845 году задержан был в Царстве подозрительный человек, выдававший себя за прусского подданного Антона Садовского и предъявивший паспорт, выданный ему на имя Ходацкого, у которого отобраны были две книги с возмутительными стихами, пара пистолетов, пули и форма для литья пуль, но что по доставлении сего человека в г. Калиш он успел из-под ареста бежать и не мог быть отыскан ни в тамошнем крае, ни в Пруссии. К сему князь Горчаков присовокупил, что за неимением ввиду примет сего последнего лица, не известно,

Граф Дмитрий Николаевич Блудов

относятся ли прописанные о нем сведения к отыскиваемому ныне Антону Саловскому, но что, между тем, приняты самые деятельные меры для удостоверения, не находится ли злоумышленник сей в Царстве Польском.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ

По доходившим в прошедшем году сведениям из Царства, тамошние поляки горячо сочувствовали событиям, совершившимся в Сицилии и Неаполе, как равно национальному движению в Венгрии и Галиции, но они оставались спокойными в ожидании, конечно, благоприятного для себя переворота внешней политики. Между тем, они обращали всю свою деятельность на развитие внутренних народных сил: улучшением нравственности низшего класса чрез воздержание его от пьянства и побуждения чаще посещать церкви; учреждением земских банков для освобождения сельской промышленности от разорительного влияния на оную евреев и, особенно, усовершенствованием земледелия, как главного в Польше источника народного богатства. Главным к сему орудием было учрежденное в 1859 году Земледельческое общество, которое в короткое время приняло огромные размеры, состоя в связи с подобными же обществами в Познани и Галиции, несмотря на строгое за оным наблюдение,

стало уже в начале минувшего года проявлять стремления к вредному для правительства политическому значению в Царстве, особенно в деле улучшения быта крестьян. Посему представилось необходимым ограничить влияние Земледельческого общества, закрыв провинциальные собрания оною, но главное сохранилось, однако же, в Варшаве. Означенная мера произвела между поляками неудовольствие, и против оной сильно восставали заграничные революционные польские журналы, которые, как объяснено выше, проникают тайным образом в Царство.

Из числа сих последних «Польские ведомости», орган Чарториского и вообще аристократической партии, поддерживая патриотизм поляков, постоянно советует им не предпринимать никаких преждевременных против правительства явных действий, которые могли бы только повредить отечественному делу. Напротив того, издаваемый также в Париже демократический журнал «Обзор польский», орган Мирославского и юной партии, беспрерывно возбуждает польскую молодежь к мятежу. По случаю же движения между Краковскими студентами, отправившими в мае месяце в Вену депутацию просить о вводе при обучении в университете польского языка, «Обзор польский», выхваляя этот поступок, старался действовать на умы обучающегося юношества и в прочих областях польских.

В июне месяце по поводу похорон вдовы полковника бывших польских войск Савинского, оказавшего храбрость при защите в 1831 году предместья Воля, сделана была со стороны Варшавских жителей патриотическая демонстрация. Они собрались на кладбище в числе нескольких тысяч человек, и когда священник назвал покойницу вдовою полковника Савинского, то толпа одним голосом закричала: генерала, генерала! чтобы доказать уважение свое к памяти отечественных своих героев.

В октябре последовали в Варшаве более важные беспорядки. К углам некоторых улиц прибиты были в ночное время воззвания и таковые же рассылались публике по городской почте, в театре разливали зловонную жидкость и на иллюминации обливали одежду зрителей купоросною кислотой с целью удержать публику от принятия участия в увеселениях и торжествах по случаю съезда в Варшаву монархов. Виновниками сих беспорядков обнаружены несколько человек несовершеннолетних учеников реальной гимназии и художественной школы, из коих наиболее причастны: Филиппович, Тромбчинский, Клечинский, Семионтовский и Моравский. Все эти лица арестованы. Главный виновник Филиппович показал, что он получил помянутые воззвания в трех экземплярах по почте из Парижа с пересылкою из Познани в обертке, на которой адрес был написан рукою, похожею на почерк Болеслава Денеля*, и, отгадав цель, для кото-

* Денель, как выше объяснено, после отобрания у него письма на имя Янковского скрылся, как полагают, за границу. (Примечание авторов документа.)

рой они были присланы, он вместе с Тромбчинским, Семионтовским и Моравским, списав некоторое число экземпляров, разослали оные по городской почте. С показанием Филипповича более или менее согласовались и показания прочих учеников, кроме Клечинского, сделавшего во всем заpiresательство. Эти самые лица оказались виновными в беспорядках, случившихся в театре и на иллюминации при содействии других учеников. Сверх этого при допросах открылось, что у Филипповича были собрания учеников, подобные тем, которые происходили у отставного поручика Янковского во время пребывания его в Варшаве и на которых побывали Филиппович, Тромбчинский и Клечинский. Следствие продолжается для доведения причастных лиц до более точных и полных сознаний, но полученные до сего времени достаточно уже обнаруживают источник действия виновных. Показания Янковского, вероятно, разъяснят это дело окончательно.

Основываясь на производстве означенного следствия, наместник Царства Польского отозвался, что, соображая открывшееся по оному, полученными из Кракова и других мест сведениями, он не сомневается в существовании между студентами всех областей прежней Польши зловерного сообщества, что цель оногo дoныне, по крайней мере, относительно Царства, ограничивается наведением на благомыслящих людей страха и что даже самая неблагонамеренная тамошняя партия не одобряет подобных попыток, представляющих, так сказать, ребяческие шалости, а между тем она не умеет или не может оный остановить. К сему князь Горчаков присовокупил, что он видит более действительную опасность в замеченном в Галиции и в Царстве сближении революционных деятелей, подобных Янковскому, с низшим классом, ремесленниками и поселянами, коих они привязывают к себе посредством раздачи пособия, не посвящая их до времени в тайны своих предначертаний, коих исполнение зависеть будет от оборота дел в Венгрии.

17/29 ноября, в годовщину польской революции, сделаны были приготовления к отслужению молебствия в церкви кармелитов, но это было предупреждено полициею, и вечером по обыкновению, принятому в Варшаве, на церковной площади перед изображением Богородицы происходило только церковное пение, на котором присутствовало значительное число жителей. Беспорядков не было, однако же, никаких.

6/18 декабря наместник давал у себя раут с нарочным намерением испытать расположение публики. К нему приехала, по обыкновению, вся бывшая в Варшаве польская знать, но в ночи брошены были два камня в окна квартир прусского консула и генерал-майора Йолшина. По разведанию оказалось, что намерение существовало сделать демонстрацию в большем виде, но что она была остановлена бдительностью полиции.

Накануне нового года вновь был у наместника съезд, во время которого не происходило на улицах варшавских никаких демонстраций. После того возобновлялось неоднократно кидание камней в окна и посылка безымянных писем насчет воздержания от увеселений. Подобные шалости делались и в Люблине.

Между тем, быстрые успехи революционной партии в Венгрии, смелое письмо Пестского епископа Цитовского к императору австрийскому, дарование конституционных прав, в числе прочих австрийских владений и Галиции, наконец, почти несомненное политическое подстрекательство извне, усилили волнение умов между поляками Царства. Следствием сего было то, что в Варшаве произошли демонстрации: 13 февраля, в годовщину Гроховской битвы, 15 – в день окончательного заседания Агрономического общества и 18 – при похоронах пяти лиц, убитых выстрелами русских солдат. Найденная при арестованных полициею 13 февраля зачинщиках прокламация Мирославского указывает на истинный характер бывших демонстраций. Направление оных выразилось столь же ясно в поданном епископом Фиалковским¹⁸ прошении на Высочайшее Имя Вашего Императорского Величества, в котором подписавшие оное лица под предлогом возбужденных на улицах беспорядков присвоили себе право охуждать* весь ход государственного управления.

Будущие события покрыты мраком, но могут быть крайне горестны, если меры к восстановлению порядка в Царстве будут приняты несвоевременно или несоответственно обстоятельствам. Каждый день для сего чрезвычайно драгоценен.

Кроме вышеизложенных обстоятельств, представляющих очерк политического положения Царства Польского, обратила там в 1860 году внимание личность польского выходца Михаила Лемпицкого, который вследствие начавшихся с 1857 года домогательств его объявить Вашему Императорскому Величеству мысли свои касательно блага России и Польши, получил в 1858 году дозволение прибыть из Кракова в Варшаву. Лемпицкий, принадлежащий к религиозно-социальной секте, образованной в Париже выходцем из Вильно Товянским, изложив мысли свои об упадке в европейских государствах монархического начала и о средствах к восстановления оного силою веры и закона, выразил убеждение, что Ваше Императорское Величество вызваны провидением для спасения европейских престолов от разрушения чрез имеющую неминуемо последовать всеобщую революцию. Для этого он советовал, чтобы Россия и Польша соединились тесным союзом и чтобы той и другой даны были конституционные права, с полным признанием отдельных их национальностей, каковой союз, по его мнению, совокупил бы под скипетром России все славянские

* Так в тексте.

племена и открыл бы ей путь в Константинополь. Лемпицкий, признанный наместником Царства безвредным мечтателем, оставлен был на жительстве в Варшаве, где в поведении его не замечено ничего предосудительного. В октябре минувшего года Лемпицкий отказался принять присягу на верность подданства, коей требовали от него как от возвратившегося в Отечество изгнанника, объявив, что доселе все поляки без исключения лгут, обещая верность российскому правительству в Польше, и что таковою присягою он только помрачил бы прекрасные чувства, которые в глубине души питает к Вашему Величеству и которые выразил в своих письмах. В декабре Лемпицкий вновь обратился к наместнику с письмом, в котором выразил, что прежние предсказания его все сбылись и что, если с того времени, к несчастью, политика Франции воспользовалась теми выгодами, которые могли бы пасть на долю России, то сей последней все еще предстоит возможность предупредить грозящее отпадение от нее Польши, восстановив ее гражданскую независимость. К сему он присовокупил, что освобождение в России крестьян должно повлечь за собою и возрождение национальной жизни народов, соединенных под одним скипетром, для развития элемента цивилизации и устранения всех злоупотреблений власти, нравственного разврата, обеднения и всякого рода вреда и несчастий, проистекающих от настоящего неестественного отношения России к Польше, между тем, как сия последняя в высшей степени способна к слитию с Россией в одно могущественное государственное тело.

Для предупреждения вредного влияния, которое, при настоящих политических обстоятельствах, могло бы иметь на поляков распространение мыслей Лемпицкого, Ваше Величество Высочайше повелеть соизволили, отправить его на жительство в г. Самару, назначив ему там содержание и учредив наблюдение за его перепиской.

ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ

Молодые люди в Западных губерниях вообще проникнуты вредным духом и заражены идеею о возможности восстановления независимости Польши. Польский патриотизм постепенно развивается в них ввиду политических событий настоящего времени, за которыми они следят с любопытством, усваивая себе господствующие в Европе революционные мысли. Приведенное выше мнение наместника Царства Польского, что между студентами всех областей прежней Польши существует род политического сообщничества, отчасти подтвердилось по наблюдению в минувшем году за студентами в Виленской и Киевской губерниях. В Вильно во время вакационного времени съехалось до 180 человек тамошних уроженцев, обучающихся в разных российских университетах и академиях.

По отзыву главного местного начальника, они вели себя, за немногим изъятиями, весьма дурно, показываясь на улице не иначе как в развратном виде, с отпущенными бородами, длинными по плечам волосами и проводя весь день в трактирах и винных погребах, где предавались порочным суждениям и громко распевали неприличные песни. Кроме того, замечено, что они раздавали своим знакомым привезенные с собой запрещенные сочинения и издаваемые в Париже «Польские ведомости»*.

В сентябре месяце получены были генерал-адъютантом Назимовым сведения, что в Вильно образуется общество, коего цель состоит в том, чтобы пробудить в народе усыпленный дух патриотизма, и что основателем оного бывший ученик виленской гимназии, мещанин Викентий Витковский, при содействии дворянина Вишневого, также обучавшегося в той гимназии. При внезапном арестовании и обыске этих лиц у Витковского найдены: неоконченная брошюра собственного его сочинения под заглавием «Да возлюбим друг друга» и на тему «Да упадут троны из своего поднебесного величия и воссияет повсеместная свобода», а также восторженные патриотические стихи под названием «Госты». По произведенному следствию оказалось, что Витковский, сын виленского сафьянного мастера, имеющий от роду 19 лет и преисполненный идей республиканских, возмечтав устроить движение в пользу восстановления Польши, в этих видах начал сблизиться с учениками гимназии, с находившимися в отпуску студентами университетов и с ремесленниками, и что он приглашал сих молодых людей к себе в особую квартиру, где сам постоянно не жил, угощал их и возбуждал к пению вместе с ним неблагонамеренных польских песен, в числе которых одна начиналась словами: «За оружие, братцы, за оружие!». По собственному показанию Витковского, он имел намерение составить общество для изъявления в приезд Вашего Императорского Величества в Вильно вида уныния по поводу отказа в дозволении открыть там университет. Между тем, он уличен был сознанием ремесленника, из дворян, Ивана Наркевича, в обращенных к нему однажды в загородном месте следующих словах: «Если бы здесь были какие-либо замыслы для освобождения Отчизны, имел ли бы он желание принадлежать к их товариществу?». Дворянин Карл Вишневский, также сын ремесленника, оставивший гимназию по причине крайней бедности его родителей, оказался человеком совершенно потерянным, который от разврата сделался беспамятным и тупоумным. Дабы получить деньги на свое содержание, он взялся приводить к Витковскому ремесленников и вообще делался его соучастником в распространении замысла, ему известного. Вишневский показал на разных лиц, бывавших у Витковского, читавших

* Список бывшим в Вильно в отпуску студентам из разных университетов сообщен был министру народного просвещения. (Примечание авторов документа.)

преступные его сочинения и певших у него патриотические песни, но в этих показаниях отчасти оказалась неосновательность, а иногда он сам себе противоречил, выказывая притом особую склонность к оговору лиц, которых потом признал невинными. Вообще же из обстоятельств этого дела ясно видно, что замысел Витковского не созрел и не получил развитие в той степени, чтобы сделаться опасным для общественного спокойствия страны. Вследствие сего генерал-адъютант Назимов, освободив арестованных по сему делу ремесленников, двух братьев Наркевичевых, учителей Домбровского и Яковицкого, дворянина Янковского и еврея Асса (из коих последние два обвинялись только в имении у себя недозволенных цензурою книг), оставил всех этих лиц под секретным надзором; насчет же главных виновников Витковского и Вишневецкого вошел с представлением, дабы в избежание огласки не предавать их суду, но отправить обоих рядовыми в Отдельный Оренбургский корпус, на что и последовало в м. декабре Высочайшее соизволение.

В ноябре месяце дошли частным образом сведения, что в Киевском университете составились между студентами польского происхождения общества с целью действовать в пользу польской национальности и что таковых обществ образовалось пять: Волынское, Подольское, Украинское, Царства Польского и Литовское.

Вследствие сего генерал-губернатор князь Васильчиков уведомил, что между студентами, русскими и поляками, действительно нет единства. Они разошлись на партии и составляют, так сказать, отдельные корпорации. Быть может, студенты польского происхождения делятся еще и на свои особые кружки: Подольский, Волынский, Украинский, Царства Польского и Литвы, по названию губерний или мест, которых они уроженцы, но об этом положительных данных у него, князя Васильчикова, нет. Хотя в действиях студентов не обнаружено еще неблагонамеренных целей, но не подлежит сомнению, что на них имеет влияние заграничная революционная пропаганда, в чем удостоверяет, между прочим, и обстоятельство дела задержанного в Кракове поручика Янковского, с которым находились в близких сношениях некоторые студенты, кончившие курс в Киевском университете, и находящийся там поныне студент Фома Тромбчинский*, брат вышеупомянутого Адама, одного из главных участников в бесчинствах в Варшаве. До князя Васильчикова доходили также сведения, что студенты-поляки стремятся сблизиться с простым народом и действовать на него внушением вредных понятий. По учрежденному в этом отношении надзору, два лица навлекли на себя подозрение. К сему князь

* Фома Тромбчинский подвергнут был допросам в Киеве, но оказал в ответах своих уклончивость и заpiresательство, а потому князь Васильчиков отнесся к наместнику насчет отправления его в Варшаву для уличения свидетелями. (Примечание авторов документа.)

Васильчиков присовокупил, что разъединение студентов, русских и поляков, в настоящее время приносит ту пользу, что первые, будучи недовольны тем, что их товарищи польского происхождения чуждаются общения с ними, следят за их действиями.

Находящийся в Киевской губернии подполковник Корпуса жандармов Грибовский представил донесение, согласное с отзывом князя Васильчикова, дополнив оное сведением, что в Киеве появились национальные костюмы, чего прежде не бывало. Поляки стали обзаводиться шапками, известными под именем конфедераток, а многие студенты, католики и малороссияне, носят простонародные костюмы украинский и малороссийский, весьма схожие между собою: высокую баранью шапку, кобеняк с каптуром простого крестьянского сукна с прорезами на глаза и сапоги с длинными голенищами.

Подполковник Грибовский, отзываясь вообще о необузданном поведении студентов Киевского университета, коих считается вместе с вольнослушателями до 1900 человек, не признающих над собою власти полиции и успевающих всегда в случаях преследования за шалости и бесчинства скрывать виновных, представил о необходимости в настоящее время для удержания студентов в пределах строгой законности издать для них положительную инструкцию, которой до сего времени они не имеют, насчет поведения их в публичных местах и обществах, со внушением, что за нарушение правил благочиния они будут подвергнуты исключению из университета. *О таком представлении передано на уважение министра народного просвещения*.*

Во время бывших в Киевской губернии в июне минувшего года дворянских выборов дворяне представили Вашему Императорскому Величеству Всепопданнейшее прошение о дозволении ввести в учебных заведениях тамошнего края преподавание польского языка. Впоследствии обнаружено и между студентами намерение послать в С.-Петербург депутацию с прошением на Высочайшее Имя об открытии в Киевском университете кафедры польского языка, но исполнение сего было отклонено.

ФИНЛЯНДИЯ

По сведениям, полученным от генерал-губернатора графа Берга¹⁹, в Финляндии образовалось тайное общество из лиц, не расположенных к российскому правительству, которые, состоя в связи с некоторыми финляндскими выходцами в Швеции, посылают туда для напечатания в шведских

* Выделенный курсивом текст отчеркнут на полях карандашом, рядом помета императора: «Что решено?» и далее пером: «Его Величеству доложено, что со стороны министерства народного просвещения надлежащее распоряжение по сему предмету сделано».

Константин Владимирович Чевкин

газетах статьи, враждебные России, с целью возбудить против нее финляндцев, особенно же юное поколение учащихся, между коим в Гельсингфорсском университете замечается весьма вредный дух. Интриги эти обратили внимание шведской политики, видящей в них свою пользу, и следствием сего было назначение в конце 1859 года в Гельсингфорс шведским генеральным консулом Дальфельда, который, принадлежа к обществу масонов, очень сильного в Швеции и составляющему опору короля, пользуется особенным расположением Его Величества. При всей осторожности и тонкости Дальфельда замечено, что он вошел в знакомство с мелкими литераторами, которые именно суть орудием распространения враждебных понятий о России, и что с ним действуют заодно консулы английский и американский. У последнего, между прочим, в загородном его доме бывают собрания лиц, подозреваемых в принадлежности к тайному против России обществу. По поводу отправления осенью минувшего года Дальфельда в Данию и Францию на 6 месяцев граф Берг приписывал сей поездке политическую цель, так как, по его мнению, за границую кроется начало интриг, развивающихся в Финляндии против нашего правительства.

На предмет сей обращено особенное внимание находящегося в Гельсингфорсе полковника Корпуса жандармов Тобизена, который в присутствии его в С.-Петербурге подкрепил вышеизложенные сведения. Согласно

с предположением графа Берга, на Тобизена возложено стараться проникнуть далее в замеченные в Финляндии политические интриги и обнаружить участников, с предоставлением в его распоряжение, под руководством графа Берга, необходимых для сего средств.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ

В 1860 году из внутренних вопросов, наиболее занимавших умы на всем, можно сказать, пространстве Империи, весьма естественно был самым важным, как и в предшествовавшие три года, вопрос об освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости. Тяготясь неопределенностью взаимных отношений, помещики и крестьяне ожидали с нетерпением скорейшей развязки этого жизненного для них вопроса. Вообще надеялись, что решение одного последует к концу года, но при всех усиленных стараниях правительства ожидание народа не могло к тому сроку осуществиться, и только в настоящем 1861 году дело это получило положительное окончание. Между тем о нем происходило много разнородных суждений. Никто, однако ж, не мог не сознать высокой нравственной и государственной цели, с которою было связано освобождение крестьянского сословия. Полная независимость, допущенная Вашим Величеством в прениях об этом вопросе, немало содействовала к обстоятельному его рассмотрению. В разных местах России опасались, что при объявлении крестьянам свободы произойдут между ними беспорядки. Для предупреждения их приняты были при обнародовании Высочайших Ваших решений соответственные меры, и вследствие сего, а также благодаря здравому смыслу народа, событие, которого ожидали с столь тревожным чувством, совершилось не только безмятежным, но самым спокойным образом.

Введение в действие разных положений, относящихся к преобразованию в быте крестьян, живущих на помещичьих землях, встретит, несомненно, некоторые затруднения в подробностях, но с помощью Божьею затруднения эти будут преодолены, и тогда сердце Вашего Величества порадуетя вполне благополучному исходу знаменательного предприятия, постоянно заботившего Ваши мысли.

Великое это преобразование не коснулось сословия крестьян в Прибалтийских наших губерниях, как пользующихся уже свободою, но, не менее сего, в том крае, где дворянство на основании древних одного привилегий имеет исключительное право владеть землею, правительство изданием в минувшем году нового постановления насчет продажи казенных имений частным лицам без различия званий явило пример, который может со временем иметь влияние на переворот в тамошнем сельском устройстве, сблизив оное с новым порядком в прочих частях России. В Лифляндии и Эстляндии означенная мера не возбудила со стороны дворян-

ства особых возражений, но у некоторых дворян Курляндии родилось опасение, что их привилегии будут нарушены и что новый класс землевладельцев получит равное с ними право как в обсуждении местных общественных вопросов, так и в занятии должностей по выборам.

На бывшем в начале 1860 года в Митаве ландтаге дворяне рассуждали о необходимости изменить такое распоряжение, дабы предупредить беспорядки, могущие произойти оттого, если крестьяне, живущие на арендуемых ими землях, будут требовать уступки им таковых за плату, по примеру тех крестьян, кои приобрели земли покупкою от казны. Вследствие сего, дворяне поручали губернскому предводителю ходатайствовать о предоставлении покупки казенных земель одним только местным дворянам, но старания его по этому предмету остались без успеха, и пять казенных ферм проданы на основании нового положения.

Между тем часть рабочего населения помещичьих имений в Прибалтийском крае неоднократно выражала желание переселиться на юг России. Это стремление в 1860 году наиболее проявлялось в Лифляндской и Эстляндской губерниях. Из первой многие крестьяне подали просьбы о водворении их в Самарской губернии, и хотя помещики старались им в этом намерении препятствовать, опасаясь недостатка в работниках для возделывания земли, однако на казенные участки означенной губернии перечислено до 400 душ, впрочем, без предоставления им льгот и пособий.

После того в Верроском уезде Лифляндской губернии число решившихся на переселение в ту же губернию в августе месяце превышало установленную для того норму, $1/5$ часть волостного населения. Местные власти отказали крестьянам в разрешении на выход из губернии, но крестьяне объявили, что на помещиков работать более не будут, и были обращены к порядку только личными распоряжениями генерал-губернатора.

К предмету преобразований в сельском быту можно отнести и последствия особого явления, оказавшегося в минувшем году на Таврическом полуострове, именно переселение значительного числа крымских татар и ногайцев в Турцию. Переселение это угрожало землевладельцам полуострова невозможностью продолжать хлебопашество за неимением рабочих рук. По этому случаю дворяне Таврической губернии съезжались в Симферополь и соображали средства к замене уходящего населения наймом работников из внутренних губерний, а также введением машин и усовершенствованных орудий земледелия. Они постановили собрать подписки от всех местных землевладельцев на учреждение там земского банка и составить необходимый для поддержания хозяйства капитал посредством выдачи закладных листов на заложенные в банк имения.

Между тем было сделано распоряжение о приостановлении выдачи татарам паспортов на выезд за границу, не касаясь тех, которым билеты

уже выданы. Сверх того, по Высочайше утвержденным основаниям для поддержания производительности страны Министерству государственных имуществ предоставлено переселять казенных крестьян на владельческие земли Таврической губернии из ближайших или малоземельных губерний по добровольному желанию крестьян и по предварительному их с землевладельцами соглашению, с дарованием переселенцам льгот на срок от двух до восьми лет.

Сообразно с сим Министерство государственных имуществ назначило уже к водворению в Крыму до 1200 семейств из Черниговской и Полтавской губерний.

Одновременно с попечением правительства о политическом и материальном устройстве крестьян, появились и частные старания как об улучшении нравственного их положения, так равно о развитии умственного их образования, первое – посредством учреждения обществ трезвости, а второе – чрез открытие воскресных школ для молодого поколения простого народа.

Развитие обществ трезвости в 1859 году оказалось неестественно быстрым, быв вызвано в Великороссийских губерниях вооружением людей низшего класса против злоупотреблений винного откупа, а в Западном крае влиянием католического духовенства, действовавшего по начертаниям учрежденного Папою Пием IX братства трезвости. После воспрещения начальством насильственных мер со стороны ревнителей нравственности, успехи их в 1860 году потеряли прежнюю свою резкость.

Мысль учреждения частных воскресных школ для низшего класса народа обоего пола нашла замечательное сочувствие. В короткое время воскресные школы открыты в значительном числе не только в обеих столицах, но в губернских и уездных городах. Теперь же при содействии высшего духовенства стараются учредить таковые и для крестьян, обитающих на помещичьих землях. Делу умственного развития народа одни спешествуют деньгами, другие посвящают оному безвозмездно свои познания и досуг. В числе последних находятся, кроме священников, большей частью молодые люди из учебных заведений и некоторые офицеры.

Воскресные школы состоят под надзором учебного начальства, но дабы предупредить вредные последствия, которые могли бы произойти от ложного учения и превратных толкований, на эти школы обращено внимание и местных управлений.

О ГЛАВНЫХ УПРАВЛЕНИЯХ

По всем отраслям государственного управления существовала в минувшем году большая деятельность, вызванная постепенным приближе-

нием решения крестьянского вопроса, который влечет за собою обширные нововведения и перемены в существующем порядке, по частям административной, судебной, хозяйственной и финансовой. Труды по предмету этих нововведений еще продолжают, следовательно, суждение о них принадлежит позднему времени. Между тем, нельзя не надеяться, что справедливость и сочувствие к народным потребностям, которые должны сопровождать великое дело уничтожения крепостной зависимости, возымеют благотворное влияние на всех исполнителей высокой Вашей воли и возбудят в них благородное соревнование к достижению государственной цели.

По Министерству финансов исполнено в 1860 году важное преобразование. Все кредитные учреждения соединены в одно под названием Государственного банка, к которому присоединены и находившиеся при опекунских советах сохраненные казны. По кратковременности действий Государственного банка нельзя еще сделать положительного заключения, соответствует ли это финансовое учреждение его назначению, которое, как сказано в указе об устройстве его, состоит в содействии развитию торговли и промышленности, а также в распоряжении на сей предмет оборотами Государственного казначейства. Среди купечества и промышленного класса слышны уже некоторые отзывы, что отпускаемые казначейством банку 15 миллионов рублей в год для поощрения, посредством выдачи займы, торговой и промышленной деятельности России недостаточно и что самые основания банка, как учреждения государственного, действующего не своими капиталами, а суммами казначейства, связывают его в их употреблении слишком строгою ответственностью. Впрочем, правильность подобных суждений может разъясниться только дальнейшим опытом.

О главной финансовой мере в 1860 году, состоящей в определении постепенного выпуска 4% билетов нового внутреннего займа в 100 миллионов рублей, нет равным образом положительных в публике заключений, кроме опасения за больший еще упадок кредита от постоянного накопления государственных бумаг.

О ДВИЖЕНИИ НАРОДНОГО ДУХА И ВНУТРЕННЕМ ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ ИМПЕРИИ

В заключение сего отчета нельзя не выразить, что народный дух в России с каждым годом более стремится к обеспечению и расширению гражданских прав, к зависящему от оною развитию материальных сил народа и к распространению круга умственной его деятельности на современных либеральных основаниях. Печатным выражением этих стремлений

или, скорее, возбуждением оных служат журналы, в которых, несмотря на наблюдение за ними цензуры, часто проявляются суждения и взгляды на правительственные предметы слишком свободные и даже опасные. Правительство, будучи связано в своих действиях к улучшению народного быта столь многими затруднениями, которые вдруг преодолеть невозможно, делается страждущим лицом перед порывами либеральной журналистики. Сия последняя подстрекает свойственное и без того настоящей эпохе брожение умов и как бы дает руку водворяемым тайно из-за границы революционным русским изданиям, направленным против существующего в России порядка и самой монархии. То, что было и есть истиною для других государств, должно быть таковою и для России: необузданность печати, которую, конечно, следует понимать сравнительно, смотря по государственному устройству, есть величайшая опасность для сохранения существующего порядка, с другой же стороны, в руках правительства печать может быть и лучшим орудием для достижения его целей.

Кроме стремления к свободным постановлениям, проникли в Россию и обуревающие Европу мечты о возрождении начала отдельных национальностей. Мечты сии небезопасны для Российской империи по разнородности составляющих ее племен. Они стали проявляться не только в Западных наших губерниях, в различных и там оттенках сообразно историческим преданиям, но даже в Малороссии и Финляндии. Современная политика Запада дает этим мечтам более значения, особенно в отношении к подданным польского происхождения, на привязанность коих российскому престолу и прежде нельзя было положиться. Домогательства о введении в учебных заведениях и в судопроизводстве польского языка, учреждение публичных польских библиотек, издание исторических книг и журналов на польском языке, употребление в частности польских костюмов, собиранье между польской молодежью для чтения польских авторов и пения патриотических песен, наконец, оvationи, делаемые в честь умерших польских знаменитостей новейших времен, – все это в совокупности указывает ясно на сильное пробуждение между русскими поляками национальных чувств и на надежду их восстановить свою независимость.

Судьбы государств в руке Божией, и определения Всевышнего неизбежны. Много предстоит Вашему Императорскому Величеству забот и трудов. При помощи Провидения и юной силе России Вы можете восторжествовать над замышляемыми в Отечестве нашем переворотами, но предвидеть их необходимо и указать на оные я поставил себе священной обязанностью.

Генерал-адъютант князь Долгоруков

22 марта 1861 года

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 25. Л. 169–193 об.

¹ Имеется в виду государственный переворот 2 декабря 1851 г., в результате которого в стране была восстановлена монархия, а императором 2 декабря 1852 г. провозглашен Людовик Наполеон. Империя во Франции просуществовала до 1870 года.

² Рибероль Шарль де (1812–1861), французский публицист. С 1848 г. редактор журнала "Reforme". В 1849 г. был приговорен к ссылке. После переворота 1851 г. жил на острове Джерси, редактировал еженедельную газету "L'Homme".

³ Руге Альфред (1802–1885), немецкий писатель и общественный деятель. В 1848 г. в Лейпциге, а затем в Берлине издавал демократическую газету "Die Reform", был избран депутатом Франкфуртского парламента. Участник революционных событий 1849 г. в Саксонии. После подавления революции бежал в Англию.

⁴ Гарибальди Джузеппе (1807–1882), народный герой Италии, генерал, один из лидеров революционно-демократического крыла национально-освободительного движения. Участвовал в Савойской экспедиции мадзинистов (1834); был заочно приговорен к смертной казни. Эмигрировал в Южную Америку, где свыше 10 лет сражался за независимость республик Риу-Гранда и Уругвай. Вернувшись на родину, участвовал в Австро-итальянской войне (1848–1849); был одним из руководящих деятелей Римской республики. После ее падения с 4-тысячным отрядом совершил поход на помощь Венеции. Был арестован и выслан пьемонтским правительством (1849–1854). Во время Австро-итало-французской войны (1859) командовал добровольцами в Ломбардии. В 1860 г. возглавил «Тысячу» – отряд, выступивший на помощь восстанию на острове Сицилия. Экспедиция Гарибальди и сопутствовавшие ей народные восстания привели к освобождению юга Италии от власти Бурбонов. Во главе отряда добровольцев участвовал в Австро-итальянской

войне (1866), в результате которой Венеция отошла к Италии. Во время Франко-прусской войны (1870–1871) предложил свои услуги республиканскому правительству Франции, командовал Вогезской армией.

⁵ Пульский Франц-Аврелий (1814–?), венгерский писатель и политический деятель. Был приглашен на должность секретаря в министерство финансов сначала в Пешт, а затем в Вену (1848). Заподозренный в причастности к октябрьскому восстанию, Пульский покинул Вену и открыто встал на сторону революции. После ее подавления выехал за границу. Принимал участие в калабрийском походе Гарибальди (1862); получил разрешение вернуться на родину (1866); был избран членом венгерской палаты парламента (1867).

⁶ Наполеон Жозеф-Шарль-Поль Бонапарт (1822–1891), младший сын короля Вестфальского Иеронима Бонапарта. Приехав в Париж, заслужил своим радикализмом прозвище «Красный принц»; был выслан из страны. После провозглашения во Франции империи считался наследником престола. В 1858 г. был министром колоний. Будучи сенатором, настаивал на оказании помощи полякам во время восстания 1863–1864 гг. Был выслан из Франции (1872); жил в Швейцарии и Италии.

⁷ Высоцкий Иосиф (1809–1874), польский генерал, участник восстания 1830 г. После его подавления бежал во Францию, где работал в военных мастерских Тулузы и Метца. Сформировал польский легион для венгерской повстанческой армии (1848); участвовал в Польском восстании 1863 г., после его подавления выехал в Париж.

⁸ Имеется в виду Крымская война (1853–1856).

⁹ Леонард Ходзько.

¹⁰ 20 октября 1860 года австрийским правительством был издан Диплом, согласно которому усиливалось влияние местных ландтагов на общеимперские дела.

¹¹ Долгоруков Петр Владимирович (1816–1868), князь, специалист в области генеалогии. С 1859 г. жил за границей; не явился в Россию по вызову правительства и был лишен всех прав состояния. Занимался книгоиздательской деятельностью.

¹² Подготовка процесса С.М. Воронцова против П.В. Долгорукова, начавшаяся в мае 1860 г., затянулась. Только 15 ноября 1861 г. в первой инстанции гражданского суда в Париже начались заседания по этому делу и 3 января 1862 г. был оглашен приговор, определивший вину Долгорукова. (подробнее см. *И.Н. Ермолаев «Жизнь и борьба князя Петра Долгорукова»*. Псков. 2001).

¹³ Мечников Лев Ильич (1838–1888), географ, социолог и публицист. Изучал медицину в Харькове и Санкт-Петербурге, не окончив курса, присоединился в качестве переводчика к дипломатической миссии Мансурова и посетил Константинополь, Афон, Иерусалим. В 1860 г. вступил в знаменитую «Тысячу» Гарибальди. В 1873 г. отправился в Иеддо, где организовал русскую школу. Сотрудничал в «Geographie Universelle»; получил кафедру сравнительной статистики и географии Невшательской академии (1884).

¹⁴ Скржинецкий Ян (1787–1860), польский генерал, служил в войсках Наполеона и в армии Царства Польского. Во время восстания 1830 г. командовал дивизией, затем был избран главнокомандующим. По-

сле взятия Варшавы бежал за границу; служил в бельгийской армии.

¹⁵ Милович (Милевич) Владзимеж (1838–1884), участник «Тройницкого союза» в Киеве; с 1862 г. член варшавского «Академического комитета», являлся связным с эмиграцией; в Галиции был арестован.

¹⁶ М.Д. Горчаков.

¹⁷ Шмерлинг Антон фон (1805–1893), австрийский политический деятель. Особую популярность приобрел после падения Меттерниха. В 1848 г. был председателем Франкфуртского парламента. Возглавлял министерство юстиции в кабинете Шварценберга, затем являлся президентом Верховного кассационного суда. В 1867 г. был назначен пожизненным членом австрийской Палаты господ.

¹⁸ Фиалковский Антоний Мельхиор (1778–1861), варшавский митрополит, председатель Варшавского благотворительного общества.

¹⁹ Берг Федор Федорович (1793–1874), генерал-фельдмаршал, участник Отечественной войны 1812 г., Русско-турецкой войны (1828–1829), кампании в Польше (1831). Генерал-квартирмейстер Главного штаба (1843–1863); командовал войсками в Эстляндии, затем в Финляндии (1853), вскоре был назначен финляндским генерал-губернатором. Наместник Царства Польского (1863–1866).

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ за 1861 год*

О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДУХЕ В ЕВРОПЕ

Революционный дух, овладевший большею частью Европы, сделал в истекшем 1861 году значительные успехи. Главными его действиями были: окончательное падение Неаполитанского престола¹, возмущение южных славянских племен, непокорность венгров и поляков, волнения в Греции² и – покушения юношей-фанатиков Бекера и Дозиоса на жизнь двух венценосцев, короля Прусского³ и королевы Греческой. По доходившим из разных источников сведениям, назначено было, сначала весною, а потом осенью, открытие вооруженной борьбы революционеров в Венеции, Венгрии, на берегах Дуная, в Польше и отчасти в Германии. Политические обстоятельства и строгие меры правительства заставили отложить исполнение этого плана. Между тем восстание приготавливалось несомненно: распространением прокламаций, отправлением оружия в порты Придунайских княжеств, сбором в сии княжества и в Геную значительного числа политических выходцев разных краев, выпуском в Лондоне Коссутом венгерских ассигнаций, частыми совещаниями предводителей европейской революции в Лондоне, Париже и Генуе, а также на острове Капрера, у Гарibaldi, которого голос неоднократно ободрял партию действия, и наконец, стараниями, преимущественно Мирославского, Клапки и Тюрра, образовать легионы из польских, венгерских и итальянских выходцев, которых в конце года собралось в Генуе несколько сот человек. Для вспомоществования им составилась там благотворительный комитет под покровительством Гарibaldi, и для образования офицеров учреждена военная школа под руководством Мирославского.

Кроме исчисленных наиболее выдающихся событий и фактов, революционное движение развивалось почти везде под покровом начала народностей. Составившийся в 1859 году в Германии народный союз (National verein), которого гласная и ближайшая цель есть соединение всех

* Перед текстом помета: «Государь Император изволил читать 8 марта 1862 г.».

Германских владений под один венец, имел в июне и августе минувшего года два общие собрания во Франкфурте-на-Майне и в Гейдельберге. Из произнесенных на этих собраниях речей и прочитанных отчетов, подтвержденных секретными сведениями, видно, что союз состоит уже из 16 000 членов, тогда как в 1860 году было их не более 3000; что при возрастающем к нему доверии народном и сочувствии он имел сильное влияние на выборы депутатов в Палаты, как это оказалось недавно в Пруссии и самом Берлине; что он смело готовит народ к государственному перевороту, образуя под предлогом ограждения Германии от внешней опасности общества военных и гимнастических упражнений, сливающиеся с прежними того же рода и с обществами национального пения; наконец, что, собирая на сооружение Германского флота деньги, с передачею оных в Прусское Морское министерство, Союз представляет в совокупности своих действий как бы отдельную власть в Германии, располагающую более и более нравственными и материальными ее силами. По последним сведениям, Германский народный союз, состоя в связи с Польским Комитетом в Париже, по общему между ними соглашению решил отправить агентов в Прибалтийские наши губернии для приготовления оных к присоединению к Германской конфедерации. Главным же действующим лицом в этом предприятии есть известный в Германии с 1849 года революционер Штурц, проживающий ныне тайно в Париже и бывающий часто у принца Наполеона*. В Лондоне среди германских выходцев существует по названию и направлению подобный описанному National verein союз для достижения единства и свободы Германского отечества. Многие члены сего союза, в том числе прославившиеся еще в 1848 году демократы Герги, Шульце-Делич, Унру, Леви, Рейс, Штрейт, Якоби воспользовались амнистиею, дарованною Королем Прусским при вступлении на престол, и возвратились в Германию и Пруссию, где личное влияние их воспламеняет либерализм. В Лондоне главными деятелями Германской пропаганды суть Кинкель, Бекер⁴ и Карл Блинд⁵, напечатавший в 1861 году замечательную брошюру о необходимости исключения из Германского союза славянских областей Австрии, дабы, ослабив влияние сей последней на Германию, действовать скорейшему достижению ее единства. Под руководством упомянутых двигателей издается в Лондоне журнал «Герман», имеющий равным образом сильное влияние на внутреннее политическое состояние Германии. В Лондоне между немецкими выходцами существуют еще: общества Concordia и Germania и союзы для покровительства ремесленников. В собраниях этих обществ не скрывается чисто демократическая их цель. Там развевается красное знамя, тогда как в народном союзе выста-

* О ближайшем разведывании по этим сведениям и о наблюдении за появлением политических агентов сделано распоряжение. (Примечание авторов документа.)

А. А. Перовский

вляют трехцветное Германское, но это делается только для одной личины и временно. Республиканцы идут пока заодно с конституционною партией и с приверженцами германского единства, дабы достигнуть общими силами разрушения ныне существующего порядка; впоследствии же, оставив за собою прочих, они намерены идти далее, то есть к учреждению конфедеративной республики.

Во Франции в минувшем году внутреннее спокойствие поколеблено не было; но, тем не менее, есть повод полагать, что революционная пропаганда, пользуясь раздором между правительством и духовенством и оживлением чрез то самого духа партий, была деятельна и там. В июне месяце арестован был и осужден к 4-хлетнему заключению возвратившийся из Англии на основании амнистии Императора Наполеона в 1859 году известный революционер Бланки, которого клуб прославился в Париже в 1848 году и который провел 25 лет жизни своей в различных острогах за политические преступления. На него пало этот раз обвинение в принятии на себя поручения от пребывающего в Англии выходца Феликса Пиата, одного из глав тайного общества Марианны, восстановить во Франции упавшее его влияние. Бланки в этом не сознался, но не мог отвергнуть, что состоял в Лондоне в связи с Пиатом, Луи Лебланом и Бернаром. Вместе с Бланки осуждена его сообщница, некая Фремо.

к годичному заключению. В ноябре месяце правительство, видя опасность от распространившегося в последние годы по всей Франции религиозно-филантропического общества «St Vincent de Paul», принявшего политическое значение под влиянием высшего духовенства, решилось закрыть центральное его управление в Париже, подчинив комитеты общества в департаментах действию общих законов, то есть надзору административной власти. По секретным сведениям, полученным Российским посольством в Париже, после бывшего в Лондоне под председательством Мадзини конгресса демагогов отправились оттуда с преступными замыслами противу коронованных особ 15 выходцев разных наций, которые в июне задержаны во Франции и заключены в Мазас для тайного над ними следствия. Кроме этих фактов, сделалось еще известным содержание письма французского выходца Виктора Гюго, не воспользовавшегося амнистиею 1859 года и находящегося в Брюсселе, к центральному революционному союзу в Палермо, во главе коего стоит Мадзини. Знаменитый поэт обещал в этом письме действовать всеми силами в пользу союза, выразившись в следующих словах: «Дело Италии есть дело просвещения. Будущая великая Европа развивается. Народы группируются по племенам, дабы потом группироваться континентально. За первым единством, почти уже совершившимся, последует второе, еще до истечения XIX столетия. Будет время, когда падут все границы; войны уничтожатся братством племен и наступит великий день отчизны человечества (le grand jour de la patrie humaine)».

В Италии смерть Кавура⁶, умевшего обратить в пользу Пьемонтского правительства многолетние труды революционеров, став во главе их предприятий и удалив их, так сказать, на задний план, ободрила сих последних. Они спешат в мечтах своих идти далее; хотят завоевать Венецию и Рим, а потом одним ударом раздробить итальянскую корону о краеугольный камень мадзиниевской республики. На поступившие к Гарибальди революционные адреса, между прочим, из Калабрии, и на разные патриотические письма он всегда отвечал наставлениями быть готовым к скорой борьбе вооруженною рукою. В ноябре было общее собрание итальянских патриотов в Генуе, и вследствие статьи газеты «Times», будто на этом собрании произошел разрыв между партиями Мадзини и Гарибальди, главные приверженцы сих последних: Саффи, Бертани, Компанелло, Мосто, Сакки, Сави и Марио, протестовали в той же газете противу помянутого известия, уверяя, что все патриоты согласны между собою насчет избранной цели. Вообще видно, что в Италии составляется план предстоящего взрыва при соглашении тамошних революционеров с главами венгерской и польской эмиграции, в некоторой же степени с Германским народным союзом, и что для сего взрыва

готовы подкопы в избранных ими пунктах, на которых оказались* уже политические потрясения.

В Италии, как в Германии, революционная пропаганда в высших ее слоях приняла введенное во французских клубах в 1848 году известным демагогом Ледрю-Ролленном правило лжи (*principe menteur*), то есть, чтобы скрывать пред народом истинную цель стремления, привлекать его мыслями, льстящими его самолюбию и выгодам, а потом, в минуту достижения мнимой цели, ловким образом заменить ее другою. По сему самому подобоострастие, оказываемое в Италии Виктору Эммануилу, а в Германии – Королю Прусскому и герцогу Кобургскому⁷, едва ли не есть применение означенного правила. Мадзини, с своей стороны неотступно стремящийся уже 30 лет сряду к осуществлению мечты о всемирной республике, в одном из своих революционных наставлений выразился так: «Если к мыслям вашим пристанут владетельные особы, то влеките их за собою, сколько будет возможно, а когда они откажутся идти дальше, то покиньте их. Прочих же князей старайтесь гласным и печатным словом, обвинениями и унижением лишить доверия и уважения их подданных».

ПОЛЬСКИЕ ВЫХОДЦЫ

Старания некоторых польских патриотов за границу насчет соединения различных партий польской эмиграции по примеру прошлых лет остались тщетными и в 1861 году. В начале оно по поводу событий в Царстве Польском происходили совещания между представителями партий. Одни, аристократы, советовали ограничиваться мирными демонстрациями для заявления перед Европою стремлений польского народа; другие, демократы, требовали открытого восстания, быв уверены, что наступило время возрождения Польши. Последние, составляя так называемую партию действия (*parti d'action*), учредили в Париже центральный Комитет под председательством Мирославского. Заодно с ним действуют Ксаверий Браницкий, Высоцкий, Ледуховский⁸ и Хоецкий (*Charles Edmond*)⁹, пользующийся особою доверенностью принца Наполеона, а за ними следует почти вся нетерпеливая польская молодежь. Аристократическая партия, лишившаяся в минувшем году долголетнего своего представителя, князя Адама Чарториского, и еще одного деятельного члена, бывшего генерала польских войск Моравского, представляема ныне князьями Ладисласом и Витольдом Чарторискими, графом Станиславом Замойским и графом Понятовским. Обе помянутые партии в планах своих не теряют из вида положения России: аристократическая надеется достижением больших реформ в Польше вызвать политическое соревнование в

* Так в тексте.

России и вместе с тем ослабить власть ее правительства. Демократическая же, сближаясь с Герценом, рассчитывает на выгодный для Польши оборот от возбуждения революции в нашем отечестве. Польская эмиграция, без различия в ее оттенках, воспользовалась еще в минувшем году расширением во Франции свободы печати, дабы помещать в тамошних главных журналах клеветы насчет действий Российского правительства в Польше. Подобные враждебные статьи являлись часто в «Journal des Dѣbats», «la Patrie», «le Courrier du Dimanche» и в «Monde», составляющем орган католического духовенства. Но совершенно неожиданно для поляков возвысил против их мятежного брожения голос в журнале «la Presse» знаменитый социалист Прудон¹⁰, высказав им горькую правду и указав на Россию как на единственный источник возможного для них в будущем благоденствия.

В предыдущей статье уже было упомянуто о деятельности Мирославского, о его прокламациях, совещаниях с главами итальянского и венгерского движения и о стараниях его на счет составления в Генуе польского легиона. По плану Мирославского сей последний должен был вместе с итальянцами и венграми ворваться чрез Далмацию в Австрийские владения, но если верить частным сведениям, то Гарибальди объявил недавно Мирославскому, что король Виктор Эммануил решительно противится совместному действию итальянцев с польским легионом, дабы не подать повода России к нареканиям. После таковой неудачи Мирославский будто бы сблизился с Клапкою, замышляя соединенными силами венгерцев и поляков распространить междоусобие в Галиции и Трансильвании. Мирославский располагает большими деньгами, собранными для него посредством подписки в Царстве Польском и Западных губерниях, а отчасти происходящими от пожертвований графа Браницкого и принца Наполеона. Средства эти употребляются им для содержания его пропаганды, постепенно усиливающейся, и для покупки и отправления воинских припасов в разные места. В настоящее время Парижский Польский Комитет требует у него отчета в полученных им деньгах, но он не намерен выпустить их из своих рук, представляя необходимость употребления в скором времени значительных средств на военные действия. Ввиду таковой деятельности Мирославского, возбуждающей некоторое опасение, посол граф Киселев счел нужным обратить на сей предмет внимание министра Тувенеля¹¹, который отвечал, что за Мирославским уже учрежден надзор полиции.

В 1861 году продолжалось издание польскою эмиграциею революционных журналов: «Польского обзора» (Przegląd zczeszy polskich), органа Мирославского, «Польского демократа» и «Польских ведомостей» (Wiadomosci polskie), органа аристократической партии. В последних было, между прочим, напечатано духовное завещание князя Адама Чарториского, умершего в июле месяце. Он завещал старшему своему сыну Ладиславу

продолжать идти по пути, им указанному, сказав, что дело Польши в руках самого народа, которому принадлежит выбор средств и людей для достижения своей независимости, но что обязанность эмиграции состоит в том, чтобы объяснять перед Европою положение и труды народа, возбуждая к оному справедливое сочувствие иностранных государств.

Для увековечения памяти князя Адама Чарториского эмиграция предположила выстроить в Париже польскую церковь на капитал 500 т. франков, в число коих 100 т. уже собраны посредством подписки. При сем оказывают особенную деятельность граф Станислав Замойский, зять Чарториского, граф Понятовский, с помощью преданных ему клерикалов, и ксендз Яловицкий, принадлежащий к числу учредителей польского духовного ордена Смертвостанцев (l'ordre de la resurrection) и бывший исповедником Чарториского.

Яловицкий в октябре говорил в церкви «de l'afsomption» проповедь, которая навлекла на него негодование демократов. Он выразил в ней, что повторяемая повсюду в польских землях известная песня: *Boze coz Polsce* не есть чисто церковная, ибо она в настоящем, измененном, ее виде не утверждена высшею духовною властью, и что неоднократно его, Яловицкого, представления по предмету ее к епископам и в самый Рим остались до сего времени без последствий. Яловицкий тем не менее пламенный польский патриот, а церковь, в которой он служит, есть место совещаний выходцев и средоточие политических их сношений, письменных и личных.

При праздновании поляками в Париже 17/29 ноября годовщины возмущения 1831 года так называемое литературное общество собралось в Польской библиотеке, где Ладислас Чарториский в первый раз занял место покойного его отца. Он прочитал патриотическую речь, которая не произвела большого впечатления. Были читаны и другие еще речи, между прочим, выходцем Боржиковским. Кроме того, другое собрание происходило в Батиньольском училище, из приверженцев партии Мирославского, и третье, из чистых демократов, под председательством Ледуховского. Затем выходцы всех оттенков польской эмиграции и находящиеся в Париже приезжие поляки из разных провинций отправились на кладбище Монмартр, где в минувшем году воздвигнут их иждивением каменный крест в память погибших при беспорядках в Варшаве и Вильне. После совершенного на кладбище богослужения ксендз Каменский произнес проповедь.

В Лондоне также соединились в тот день польские выходцы и вместе с ними несколько английских консерваторов и радикалов. Из числа сих последних адвокат Белес не успел вполне прочесть письмо Станислава Замойского, ибо был прерван выходцем Бенявским. Сей последний стал

бранить Замоиского и Белеса; тогда произошел общий шум и драка между демократами и приверженцами Замоиского, чем и кончилось собрание. Впоследствии граф Замоиский сам приезжал в Лондон с целью соединения двух партий, но демократы, в том числе Забицкий, заменивший умершего в 1860 году графа Ворцеля, как главу их, отвергли его предложение. Польские выходцы в Лондоне в настоящее время немногочисленны и большею частью люди бедные. Многие поляки отправились оттуда в Соединенные Американские Штаты, другие во Францию, в Италию и на Дунай, третьи, наконец, переселились во внутренность Англии, дабы снискивать себе пропитание. Великобританское правительство, хотя производит польским выходцам денежное вспомоществование, но в весьма ограниченном размере, тогда как во Франции официально отказано им в пособии, но зато оно выдается им довольно щедро из рук полицейской префектуры.

Наступивший во Франции в конце 1861 года финансовый кризис и связанная с ним осторожность во внешней политике ослабили и степень предприимчивости польской эмиграции; но она надеется, что скоро появятся опять во Франции деньги и вместе с тем возобновится еще с большею силою покровительство началу народностей. Сближение в последнее время нашего Двора с Римским породило сильное неудовольствие между польскими выходцами.

РУССКИЕ ВЫХОДЦЫ

О русских выходцах за границу получены были в 1861 году следующие сведения.

Герцен и Огарев, продолжая жить в Лондоне в тесной между собой связи, сделались еще большими противу прежнего демагогами, заглушив в себе совершенно уважение, которое в прошлые годы они в известной степени оказывали к личному направлению Вашего Императорского Величества по делам государства. В церковь Герцен и Огарев никогда не ходят, и родившийся у последнего в минувшем году сын, по примеру прочих его детей, не крещен. Для увеличения своей популярности в России они приглашают к себе по воскресеньям на обед всех русских, которые их навещают. Герцен был в июне месяце в Париже. Так как он был выслан оттуда в 1850 году с воспрещением возврата по настоянию Российского посольства, то французское министерство уведомило графа Киселева, что разрешение приезда в Париж дано Герцену по его просьбе на короткое время для устройства его частных дел. Ему сделана была в Париже овация со стороны польских выходцев, соединившихся для сего в числе до 500 человек. Герцена видели прошедшим летом и в Дрездене, где живет его дочь. В декабре же месяце 20-тилетний сын Герцена¹² приезжал в Гейдельберг.

По сему случаю проживающие там в значительном числе русские давали обед, пригласив на оный и поляков, и тут провозглашены были тосты в честь Александра Герцена с отдачею ему похвалы за старания его о соединении национальностей русской и польской.

Юрий Голицын, который в начале его пребывания в Англии прославился там своими концертами, впал потом в долги и в минувшем году дважды посажен был в долговую тюрьму. Герцен ему не оказывал никакого пособия, не будучи вообще склонен к благотворительности и не имея лишних денег, ибо доход от «Колокола», как говорят, покрывает только расходы издания. В августе месяце Голицын, по освобождении из тюрьмы, объяснял священнику Российского посольства в Лондоне Попову¹³ о несчастном своем положении и о желании его возвратиться в Россию на каких бы то ни было условиях. Вслед за тем он обратился по сему предмету к Вашему Величеству с прошением, на которое и последовало Высочайшее разрешение на его возврат. До сего времени он еще остается за границею.

Олимпий, бывший дьякон при Российском посольстве в Афинах, продолжает заниматься у Герцена. В ночь на Светлое Христово Воскресение он в первый раз вошел в посольскую церковь в Лондоне.

Кельсиев¹⁴, который перевел в Лондоне под именем Вадима пять книг Ветхого Завета, уехал в Шотландию в качестве секретаря известного русского выходца Джунковского¹⁵, сделавшегося иезуитом и находящегося ныне настоятелем одной из древних католических церквей на Шетландских островах. О Кельсиеве священник Попов узнал, что учился несколько медицине и в 1860 году отправлялся в Ситку, но в Лондоне переменил свое намерение, оставшись при Герцене.

Михайловский, занимавшийся короткое время у Герцена, определился в минувшем году на великобританский флот. О происхождении его и прежней жизни сведений не имеется, но из собственных слов его при разговоре со священником Поповым сей последний мог заключить, что он находился в морской службе.

Головин, уклонявшийся от воспользования дарованным ему в 1859 году дозволением возвратиться в Россию без всяких ограничений и высланный в 1860 году из Берлина за неприличные поступки и слушание полиции, находился в минувшем году в Мюнхене, вступил там в брак с девицею Гессе и вскоре после того уехал в Ниццу.

Бакунин, который в 1857 году отправлен был из Шлиссельбургской крепости на житье в Сибирь, а в 1860 получил право вступить в Иркутске в службу канцелярским чиновником 4-го разряда, в минувшем году бежал из Сибири в Японию, откуда, отправясь морем в С.-Франциско и перебравшись

через Панамский перешеек, приплыл в Нью-Йорк, а в конце декабря прибыл через Ливерпуль в Лондон, где встречен был Герценом.

Петр Долгоруков провел часть минувшего года внутри Франции на водах, а другую в Париже. Он продолжал издавать революционную газету «Будущность», которая печатается в Лейпциге. Ему нанесен сильный нравственный удар решением в Парижском суде против него процесса его с князем Воронцовым.

ЭМИССАРЫ

В числе возмутительных средств, к которым прибегала польская эмиграция, было и отправление эмиссаров в Царство Польское и Западные наши губернии с печатными воззваниями к народу, с письмами и с изустными наставлениями. Имена и назначение некоторых эмиссаров сделались известны, как то: Милевский – назначался в Вильно; Новицкий – в Киев; Вольский и Гуттемер – в Волынскую губернию; Комаровский – в Гродно; Чиборовский и Блажиевский – в Варшаву. Более близких сведений о сих лицах из заграницы получено не было, кроме описания примет некоторых из них. Собранные, по возможности, на их счет справки в секретном архиве 3-го Отделения о польской эмиграции были немедленно переданы местным начальствам и пограничным таможням для строгого за их появлением наблюдения.

ПОЗНАНЬ И ГАЛИЦИЯ

В великом герцогстве Познаньском в продолжение минувшего года польское население оставалось по наружному виду довольно спокойным, не делая никаких против правительства демонстраций, но тем не менее были признаки внутреннего волнения и стремления к народной самостоятельности. Поляки пели в церквах религиозно-политические гимны, праздновали годовщины событий из отечественной истории и дни смерти национальных знаменитостей, они с упорством возобновляли домогательства насчет введения польского языка в общее употребление, в местных журналах, особенно в «Dziennik polski» и в «Nadwislianin», печатались беспрерывно статьи, очень резкие, в пользу восстановления подавленной польской народности с выражением сочувствия затеям по сему предмету польской эмиграции, наконец, католическое духовенство выказывало потворство развитию национального движения.

Ввиду такого поведения поляков Прусское правительство сначала оставалось без опасений, надеясь на большое развитие в великом герцогстве Познаньском германского элемента, который там преобладает, хотя не по численности, но по умственным и материальным его средствам. Од-

нако же, в конце года выборы в Познани депутатов на Берлинский Сейм приняли невыгодный для правительства оборот. Несмотря на то что число немецких избирателей превышало число таковых же польских, из сих последних выбрано на Сейм 20 человек, тогда как из немцев выбрано только 8. Эту неудачу немцев объясняют несогласием их между собою и тем, что евреи поддерживали сторону поляков. Выбраны, между прочим, Пробоиз Прусаковский, бывший в 1848 году деятельным членом национального комитета, и Неголевский, произведший уже много шума на сеймах прошлых лет поддержанием польской национальности и обвинением местного начальства в умышленном вызове беспорядков. Этот раз он не принял посланного к нему объявления о его избрании потому, что оно было написано на немецком языке, и затем оно было прибито к дверям его жилища. В сем обстоятельстве виден был зародыш прений на сейме относительно всеобщего ввода в употребление в Познани польского языка.

В Галиции поляки хотя также пели патриотические гимны, но вообще вели себя скромно. Галицийский губернатор граф Менедорф¹⁶ снабжен был полномочием прекращать порядком военного суда всякое нарушение спокойствия. С другой стороны, содействовал мерам правительственным конкордат Австрии с Римским Двором. В декабре месяце Лембергский архиепископ Вержхлейский и суфраганы его, епископы Пршемысльский и Тарновский, издали публичное неодобрение пения в церквах, в противность духовным правилам, возмутительных гимнов, угрожая вместе с тем строгим взысканием тех ксендзов, которые впредь допустят таковое пение. Неоднократно отправленные к помянутым духовным сановникам депутации галицийских поляков с просьбою взять обратно запрещение насчет пения гимнов не имели никакого успеха.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ

При взгляде на политическое положение Царства Польского в 1861 году представляется от начала до конца грустная картина возмутительных замыслов, враждебных манифестаций и борьбы правительства с революционными стихиями, между которыми религиозно-политическая занимала главное место. Духовенство всего края, забыв истинное свое призвание, тайным влиянием и примером своим возбуждало прочие сословия к непокорности и измене, допустив в храмах Божьих пение возмутительных патриотических гимнов. Таким образом, правительство, в распоряжениях своих для восстановления законного порядка, потеряло всякую опору, ибо не могло уже полагаться ни на чиновников, прямых его орудий, ни на ксендзов, ни на дворян. Сии последние отказались от содействия гражданской власти не только в лице их предводителей, поспешивших в самую

опасную минуту оставить свои должности, но и в полном почти составе дворянства, собранного в Варшавском земледельческом обществе, которое после событий 13/25 и 15/27 февраля выказало политическое значение, совершенно противное правительству. Сильная демонстрация, вызванная распушением в апреле месяце земледельческого общества, подтвердила вредное его влияние на народ.

Когда не утихавшее волнение и слушание поляков заставили, наконец, объявить 2 октября Царство Польское на военном положении, а на другой день упорное, вопреки строгого запрещения, празднование в Варшаве памяти Костюшки вынудило для прекращения оногo окружить церкви войском и ввести в одну из них, по необходимости, солдат, без ружей, то немедленно за тем духовенство заперло все храмы в Варшаве под предлогом предохранения алтарей от осквернения. Беспрецедентная сия в летописях мера продолжалась четыре месяца, и если она не достигла возмутительной ее цели, то неуспех этот должно отнести к строгому наблюдению местного начальства и благоразумному оглашению истинных причин, лишающих народ богослужения.

Военное положение немедленно усмирило поляков. Они пользовались долготерпением и снисходительностью правительства до последней крайности, считая их выражением слабости и как бы не понимая, что давно уже заслуженная поведением их строгость отлагалась для того единственно, чтобы не остановить исполнения дарованных им льгот, а именно, выбора членов во вновь учреждаемые городские и уездные советы, составляющие вместе с учреждением Государственного Совета Царства Польского важный шаг к осуществлению желаемого поляками самоуправления.

Наступившая наружная тишина в Царстве не должна, однако же, служить ручательством в продолжительном спокойствии того края. Кроме крестьянского сословия, преданного в ожидании личных выгод Российскому правительству и не доверяющего дворянству, несмотря на все его обещания и ласки, – прочее население Царства неприязненно России и проникнуто надеждою на скорое восстановление самобытности Польши. Расположение это распространяется даже на евреев, невзирая на оказанные им в минувшем году благодеяния, предоставлением равных с христианами гражданских прав. Образованные и богатые евреи в Польше, как равно в Германии, суть самые злые демагоги и горячим патриотизмом стараются прикрыть свое происхождение. Бедные же находятся в зависимости от богатых и вообще под влиянием страха перед польским населением.

Революционный дух перешел в Польшу из Италии и Венгрии и встретил в легкомыслии и воспламенительности поляков плодотворную почву

при несомненном подстрекательстве со стороны польской эмиграции и ее политических покровителей.

Во влиянии эмиграции убеждают печатаемые в ее журналах наставления и распространяемые между народом прокламации Мирославского. Те и другие оказались в самом начале движения у арестованных учеников варшавских училищ, которые были увлечены к преступным действиям наущениями Нарциса Янковского, задержанного потом за таковые же действия в Кракове и находившегося в сношениях с польскими выходцами в Париже.

Янковский как уроженец Киевской губернии и отставной поручик наших войск в начале минувшего года передан был из Австрии в Варшаву. При допросах в тамошней следственной комиссии он отвечал уклончиво и упорно запирался, но за всем тем из показаний его и некоторых лиц, имевших с ним сношения, он оказался виновным в том, что по прибытии два года тому назад в Варшаву открыл у себя собрания для молодых людей с видимою целью распространения между ними вредных идей и запрещенных сочинений. Сверх того оказались при нем отрывки из очерка какого-то неизвестного общества. Янковский, по-видимому, имел и в Киевской губернии, где он помещик, многих соучастников в злоумышлениях противу правительства, и потому он по Высочайшему повелению отправлен в апреле минувшего года из Варшавы в Киев для предания военному суду. Об окончательном решении сего последнего еще не получено уведомление.

Судя по секретным сведениям, полученным из-за границы, события в Варшаве в начале минувшего года были для глав революционной пропаганды, в том числе и для представителей польской эмиграции, явлениями, превзошедшими их ожидание, почему и последовали немедленные между ними совещания. С другой стороны, в самом волнении варшавской черни и ее видимых руководителей не замечалась готовность к вооруженному восстанию. Следовательно, можно допустить, что случайные обстоятельства увлекли манифестации за предел начертанного плана действий и что вслед за тем Варшавское агрономическое общество, которого патриотический труд еще вполне не созрел, вынуждено было выступить на политическую арену преждевременно, а католическое духовенство захватило в свои руки общее движение.

Все тщательные в Царстве разведывания не обнаружили по сие время существования тайного общества заговорщиков. Между тем присутствие движущей силы ощутительно по согласию и точности в исполнении революционных манифестаций, равно как распоряжение насчет воздержания в известных случаях от беспорядков, избежания публичных и частных

увеселений, ношения траура и известных патриотических знаков, – все это под явным страхом взыскания за ослушание.

По уважению изъясненного выше убеждения, основанного на фактах, о сильном влиянии католического духовенства на политическое состояние Царства Польского, можно надеяться, что назначение в Варшаву нового епископа Фелинского¹⁷, человека достойного и благоразумного, понимающего истинную пользу поляков, упрочит настоящее спокойствие края. Внешние польские возмутители уже восстают против Фелинского, называя его «Московским», и вообще после открытия в Варшаве церквей они нападают на тамошнее духовенство за уступки его правительству.

Немаловажным также ограждением спокойствия в Варшаве служат преобразование и усиление в минувшем году тамошней полиции, равно близкое наблюдение за внешними происками поляков, сосредоточившимися последнее время в Кракове. Все таковые меры предосторожности могут, однако, оказаться недействительными, если разразится вдруг на юго-западе Европы скопляющаяся там громовая туча революции.

ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ

Все, что сказано выше насчет революционного движения в Царстве Польском, повторялось более или менее и в Западных, возвращенных от Польши, губерниях. События варшавские отозвались там сильным сочувствием. Едва ли остался во всем крае город, в котором бы не было произведено церковных процессий при пении польских патриотических гимнов. Особенно многолюдные и торжественные ходы совершены были 31-го июля в память соединения за 300 лет пред сим Литвы с Польшею. Из Ковно, Белостока, Россиен и из разных пограничных местечек процессии эти отправлялись в ближайшие местечки Царства Польского и соединялись с другими, выходящими оттуда. Наиболее замечательна была ковенская процессия. Из Ковно утром 31-го июля выступило до 6 т. народа, и хотя по распоряжению управлявшего губерниею выведены были из моста на Немане два плашкота, а у самого моста поставлена сотня казаков, но толпа прорвалась сквозь эту сотню, овладела плашкотами, ввела их в мост, перешла через реку и там была встречена почти столько же многолюдною и торжественною процессиею из жителей Царства Польского. Эти большие демонстрации оканчивались угощением простого народа, пением патриотических песен и народными плясками, в которых помещики плясали с крестьянками, а дамы с крестьянами. В эти дни дамы одевались в блестящие, праздничные наряды, но на другой день, по-прежнему, все были в трауре.

Увещание со стороны местных начальств и полицейские меры не имели в сих случаях никакого успеха. Пение возмутительных гимнов и поли-

тические демонстрации не останавливались даже в присутствии полиции; местные же власти, городничие, директора гимназий и другие, делались иногда предметом насмешек и даже гонения. В Житомире 10-го марта при совершении панихиды по убитым в Варшаве один из частных приставов, находясь при входе в костел, был оскорблен до крайности. Над ним смеялись, пришиливали к нему польские кокарды, клали их в его карманы и кололи его булавками. Подвергались оскорблениям и жандармские офицеры в Ковно, в Бельске, в Тельшах. Вообще полицейские чины теряли всякое значение и нередко во время беспорядков скрывались, чтобы не подвергаться обидам. Многие из них, самые усердные и благонамеренные, просили об увольнении их от службы, находя положение свое невыносимым.

Во главе всех демонстраций стоят, как и в Царстве Польском, католические священники. За ними следуют польские дамы, а потом студенты, гимназисты и другие юноши и дети. Неблагонамеренные люди выдвигают их вперед, полагая, что дам и детей, во всяком случае, не подвергнут жестокому наказанию. Много неблагонамеренных являлось и из дворян, но они, особенно служащие по выборам и чиновники, участвуя в манифестациях, тотчас прекращали возмутительное пение, как скоро замечали, что в церковь входили наблюдающие лица.

Нельзя сказать, чтобы между уроженцами Западных губерний не было людей, понимающих неприличие поступков своих соотечичей, но многие из них не имеют довольно твердости, чтобы противиться влиянию других. Отставать от неблагонамеренных людей там почти и невозможно: ибо тех, которые не поют возмутительных гимнов, заставляют силою выходить из костелов; не участвующих в политических процессиях преследуют насмешками и оскорблениями, даже угрожают им убийством; цветные платья обливают серной кислотой или изрезают; в окна домов, где составился вечер для удовольствия, бросают камнями и разбивают стекла. Напротив того, лица, подвергшиеся за участие в манифестациях взысканиям, приобретают сочувствие, и молодые люди, до того времени никому не известные, не только становятся заметными личностями, но пользуются почетом. Некоторым из них устраивали восторженные встречи, других защищали от законного преследования. Так, гродненские жители 24-го июля, ожидая отправления в сопровождении жандармов за участие в одной манифестации из Гродно в Тамбов поручика Вольского, вышли в числе до 1000 человек за город, там приостановили Вольского, бросали вверх шапки, кричали: «Ура! Да здравствует Вольский!» и снабдили его деньгами. В начале сентября в Поневеже двое крестьян, участвовавшие в пении возмутительного гимна, были задержаны и вскоре освобождены; ксендзы тотчас сняли с них фотографические портреты, дабы

этими личностями привлекать на свою сторону других из простого народа; когда же упомянутые крестьяне были потребованы в полицию для допроса, в то время толпа женщин, предводительствуемая ксендзами, пришла в квартиру городничего и нанесла ему оскорбления.

Несмотря на это, по отзыву местных начальников, половина польских помещиков и наибольшая часть служащих чиновников остаются верными правительству. Но, к сожалению, люди тихие и скромные всегда затираются теми дерзкими выскочками, которые при спокойном положении дел составляют худшую часть общества, а при народном волнении делают руководителями и господствующими лицами.

Что касается до крестьян, то они не только в юго-западных, но и в литовских губерниях хорошо расположены к правительству и устраняются от политических беспорядков. Если в некоторых местах крестьяне участвовали в процессиях, то единственно по религиозному побуждению, будучи обмануты ксендзами и помещиками; но как только начинали видеть истинную цель процессии или понимали смысл гимнов, они тотчас, с выражениями: «Это против Царя», отставали от процессии или выходили из костела. Ни пляска с крестьянами и крестьянками, ни обещание некоторых дворян отдать им даром поземельные участки не склонили их на сторону помещиков. Вообще низшие классы народа в Западных губерниях смотрят на нынешних руководителей беспорядков подозрительно и недружелюбно.

К прекращению неурядиц в Западном крае принимались одна за другою различные меры. Везде войска расположены так, что они могут быть передвинуты всюду, куда потребует их надобность. Простые манифестации предписано (5 апреля) предупреждать более увещаниями, но в случае упорства толпы или неблагонамеренных предприятий разрешено употреблять и силу оружия. Отобрано у жителей, за несколькими исключениями, всякое оружие; запрещена или ограничена продажа частным лицам пороха. Во всех городах учреждены временно полицейские суды. За участие в демонстрациях и пении возмутительных гимнов несколько предводителей дворянства уволены от должностей; довольно много чиновников, особенно в северо-западных губерниях, удалено от службы; многие помещики и помещицы высланы из городов в их имения, а студенты отправлены в те университеты, к которым они принадлежат. Особенно же неблагонамеренные лица высылаются в великороссийские губернии.

Из помянутых мер учреждение временных полицейских судов, по замечанию местных властей, не приносит ожидаемой пользы. Председатели этих судов (уездные судьи) сами польские уроженцы, и некоторые из них участвовали в манифестациях. Они обыкновенно держат сторону обвиняемых соотчицей своих. При том же ныне в Западных губерниях никакое политическое преступление не подтверждается фактами: все допрашивае-

мые свидетели отвечают, что пение возмутительных гимнов или процессии происходили по общему желанию народа, что зачинщиком и руководителем никто не был и что они никого из певших или бывших в процессии лично не знают и не заметили.

Другие меры, особенно размещение повсюду войск, повеление действовать в случае надобности вооруженною силою, отобраение у жителей оружия и высылка некоторых из них во внутренние губернии, производили впечатление, и после каждой из них жители Западного края несколько времени удерживались от беспорядков. Но вскоре потом неблагонамеренные люди принимались петь возмутительные гимны и устраивать демонстрации.

Сильнее всех вышепомянутых мер подействовало военное положение, которое местные генерал-губернаторы, уполномоченные Высочайшим Указом от 6-го августа¹⁸, вынуждены были объявить: в исходе того же августа в северо-западных губерниях, за исключением нескольких мест, и в сентябре – в некоторых частях юго-западных губерний. Это объявление навело на жителей панический страх, и хотя впоследствии боязнь ослабла, но уже с того времени возмутительные гимны поются с некоторою осторожностью, манифестации прикрываются более, чем прежде, благовидными предложениями, траурные платья и конфедератки появляются реже и вообще дерзость смельчаков смягчилась.

Впрочем, во внутреннем настроении жителей Западного края не произошло никакой перемены. В Виленской губернии – по отзыву тамошнего жандармского штаб-офицера – «для посторонних глаз все кажется спокойною, но стоит всмотреться в лица поляков, чтобы убедиться в выражении злости и ненависти ко всему русскому». Общий смысл и других донесений показывает, что во всех Западных губерниях политическое положение дел такое же, как в Виленской губернии.

Имея это в виду, некоторые (наприм. бывший Ковенский, ныне Вологодский губернатор Хоминский) полагают, что на нынешнее польское движение следует смотреть как на заразу нашего времени, занесенную к нам с Запада, и что беспорядки у нас, без особых внешних обстоятельств, сами собою прекратятся.

Генерал-адъютант князь Васильчиков 1-й в одном из донесений своих писал, что польские уроженцы в Западных губерниях на открытые враждебные действия не решаются: потому, что они находятся среди русского православного населения; что ныне, с освобождением помещичьих крестьян, дворянство не может, как было в 1831 году, рассчитывать на их содействие; что везде расположено достаточное число войск, готовых остановить возмущение; и, наконец, потому, что поляки не имеют ни оружия, ни других средств, необходимых к успешному восстанию. Общественное

спокойствие – по его мнению – могло бы нарушиться только в таком случае, если б в Западные губернии вторгнулись извне шайки мятежников.

Генерал-адъютант Назимов, с своей стороны, доносил, что во вверенных ему губерниях масса народонаселения равным образом состоит из русских и что поэтому надежда поляков на присоединение Литвы к Польше – есть одна мечта.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ

Неоднократно выраженные генерал-адъютантом графом Бергом опасения насчет существования в Финляндии секретного политического общества под влиянием Швеции, Англии и Франции были в 1861 году предметом тщательных разведываний. Подозрение графа Берга не основывалось ни на каких данных, кроме сообщения в Швецию неблагонамеренных сведений, которые, по напечатании в тамошних журналах, распространялись, посредством ввоза оных, в Финляндии. Сверх того замечены были графом Бергом частые секретные свидания между некоторыми финляндцами и консулами шведским, английским и французским, из числа которых первый, Дальфельдт, пользуется особым расположением и доверенностью Его Величества Короля Шведского.

Возбужденное графом Бергом подозрение подкрепилось некоторым образом появившеюся в минувшем августе в парижском журнале «la Patrie» статьею о Финляндии, до того времени никогда еще не занимавшей французскую журналистику. В статье выражалось сочувствие к стеснению прав финляндцев и выведена параллель между ними и венгерцами.

Вскоре за тем французский журналист Леонс Дюпон получил от Короля Шведского¹⁹ орден Вазы за написание брошюры в пользу составления скандинавского государства присоединением к Швеции Дании и Финляндии.

Для удостоверения во внешнем влиянии на расположение умов в Финляндии обращено было на сей предмет внимание Российских посольств в Стокгольме, Париже и Лондоне и собирались сведения в самой Финляндии с соблюдением крайней при том осторожности. Генеральный консул наш в Христиании, статский советник Мекелин, с разрешения его начальства принял поручение съездить в Гельсингфорс, где он имеет знакомых и родных, дабы лично узнать об истинном положении вещей и необходимости учредить там согласно представлению графа Берга тайную полицию.

Вследствие сего статский советник Мекелин донес:

1. Что он нашел между финляндцами общее неудовольствие по случаю учреждения выборного Комитета вместо созвания народного Сейма для рассуждения о нужных реформах и вместе с тем убедился в довольно

сильном нерасположении жителей к графу Бергу, особенно же класса либераторов и университетской молодежи.

2. Что идея скандинавизма действительно развилась в Финляндии и что тлеющие повсюду искры ее легко могут быть раздуваемы шведскими агентами, но что не видно признаков организованной для сей цели пропаганды в прямом смысле сего слова, и, наконец, что сношения его с лицами, на которых указал граф Берг, не возбудили подозрения его, Мекелина; в том числе и английский консул Браун показался ему молодым человеком, неспособным к политическим интригам.

3. Что в течение последних годов мысль национальности сильно стала занимать финляндцев, несмотря на различие направления существующих между ними двух партий: финноманов, старающихся исключительно в духе национальном о нравственном и материальном развитии их земли, и так называемой шведской партии или финляндских либералов, склонных к идее скандинавизма, которые смотрят на владычество России как на узурпацию. Обе партии усердно домогаются полного и скорого восстановления законодательного порядка в виде Сейма.

4. Что, доколе Финляндия наслаждалась благосостоянием, противные российскому владычеству идеи не пускали глубоких корней, быв опровергаемы ощутительными выгодами существующего положения; но с появлением денежных затруднений вследствие последней войны, в коих обвиняют русское правительство, неудовольствие противу оногo стало возрастать.

5. Что на основании всего вышеизложенного можно полагать, что старания правительства о финансовом устройстве Финляндии с удовлетворением, на пути законном, желания финляндцев насчет восстановления их конституционных прав пресекут влияние в крае идеи скандинавизма.

Донесение статского советника Мекелина получено было в октябре месяце. С того времени назначение Финляндским генерал-губернатором генерала от инфантерии барона Рокасовского²⁰, который приобрел уже прежним его управлением расположение Финляндцев; объявление его тотчас по приезде своем в Гельсингфорс в разговоре с представившимися ему сенаторами о безотлагательном созвании Сейма по окончании предварительных работ Высочайше учрежденного Комитета из выборных членов от всех сословий для обсуждения изменения некоторых узаконений и других вопросов; и, наконец, переданное им, бароном Рокасовским, последнее Высочайшее повеление об открытии Сейма, коль скоро рассмотрены будут Комиссиею главные проекты новых законов, не дожидаясь окончания прочих работ, суть меры, которые не могут не убедить финляндцев в попечительности правительства.

Первое объявление генерала Рокасовского насчет созыва Сейма возбудило общую радость, выразившуюся в Гельсингфорсе иллюминацией города и великолепным освещением во время представления в театре Императорской ложи, причем пропет был с необыкновенным одушевлением народный гимн Vart Land (Отечество). Однако вместе с тем происходила уличная демонстрация, толпою более 300 молодых людей, которая направлена была противу финляндского почт-директора генерал-майора Гриненберга и двух цензоров, обвиняемых в излишней строгости. В этой демонстрации принимали участие многие студенты и некоторые другие лица образованных классов, но она была опорочена людьми благомыслящими, в каковом смысле отозвались и местные журналы.

ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДЕЛУ

Начало 1861 года ознаменовано блистательным в истории России событием – уничтожением крепостного состояния. Чувства народа выразились во многих местах, особенно внутренних губерний, молебствиями, крестными ходами, жертвованиями на приобретение икон, на устройства в церквах приделов во имя Св. Александра Невского, на сооружения в Москве, Рязани и в Таврической губернии храмов, а также памятника Пермской губернии в Очерском заводе, на учреждение богаделен, училищ, в С.-Петербурге же – на устройство больниц для рабочего населения.

Крестьяне нескольких губерний, равно дворяне Ветлужского уезда, Костромской и Покровского Владимирской губернии представили всеподданнейшие адреса; кроме того, крестьяне многих имений и фабричные люди имели счастье поднести Вашему Величеству хлеб-соль в С.-Петербурге, Царском селе, Москве, Туле и других городах.

Главные правила положений 19 февраля последовавшими потом узаконениями повелено применить к имениям государственным, удельным, горнозаводским, посессионным, а также к тем, которые принадлежат на помещицьем праве учебным и другим заведениям с увольнением населения их от обязательных работ. Приведение к одним общим началам сего крестьянского состояния возложено на учрежденный по сему предмету главный комитет.

Между тем, для введения в действие законоположений 19-го февраля были командированы во все губернии, населенные помещицкими крестьянами, лица Свиты Вашего Величества, облеченные доверием устранять недоумения жителей и в случаях нарушения ими спокойствия принимать по соглашению с губернаторами соответственные меры.

Обнародование Высочайшего Манифеста сопровождалось везде тишиною и замечательным в некоторых частях империи проявлением трезвости; но этот порядок вскоре был нарушен. Большинство крестьян надея-

Государь вручает графу Ланскому Положение 19 февраля 1861 г.

лось получить совершенное освобождение от обязательных повинностей помещикам и даровой надел земли. Не понимая достаточно нового положения, они обращались за объяснением к священникам, дьячкам, отставным солдатам и разным малограмотным людям; но из сих лиц одни, по своей необразованности, особенно в селениях, отдаленных от городов, не могли дать наставлений, а другие, из личных выгод, старались применяться к желанию крестьян и толковали положение превратно. Это дало крестьянам повод уклоняться от прежних обязанностей, не доверять помещикам и местным властям, наконец, предаваться своеволию. В то же время в Казанской и Смоленской губерниях появились самозванцы – посланники Царские для разъяснения воли. В Нижегородской один беглый солдат объявил, что он принадлежит к числу 36-ти защитников крестьянского условия, избранных Великим Князем Константином Николаевичем; в Пензенской губернии крестьянин Егорцев, назвавшись Великим Князем Константином Павловичем, произвел там возмущение; в Самарской бессрочноотпускной Орловского пехотного генерал-фельдмаршала князя Варшавского полка рядовой Василий Храбров разглашал, что он Император, обещал в скором времени свободу и одного ямщика наградил медалью. Иные лица разъезжали по деревням под названием чиновников и неправильно толковали жителям об их правах, собирая за это деньги.

Крестьяне, смущаемые таким образом, одновременно в разных губерниях перестали повиноваться, и для усмирения их оказалось необходимым командировать во многие имения воинские отряды. Важнейшими из этих случаев по упорству крестьян были: Казанской губернии в имении сенатора Мусина-Пушкина, куда собралось несколько тысяч крестьян окрестных селений, приведенных в заблуждение выдавшим себя за пророка раскольников Петровым. Они не допускали арестовать его и не могли быть рассеяны иначе, как только вооруженною рукою. То же происходило в Пензенской губернии, сначала в Чембарском поместье графа Уварова, где от ложных разъяснений священника Померанцева сборище из 2 т. человек, сопротивляясь исправнику, заковало его, а также управителя, приказчика, трех нижних чинов и нанесла побои нескольким солдатам; потом в имении помещика Волкова в Керенском уезде более 10 т. человек, собранных по подстрекательству упомянутого крестьянина Егорцева, сопротивлялись всем убеждениям властей. В обоих случаях для прекращения беспорядков признано также неизбежным употребить силу. Подобное же возмущение было в Смоленском имении князя Павла Голицына, где более 3 т. крестьян при увещеваниях исправника были окружены 3-мя ротами пехоты; но крестьяне напали на солдат, отняли у некоторых ружья и трех из них ранили; причем толпа эта была стеснена прикладами и тем обращена к покорности. Кроме того, для усмирения неповиновавшихся, оружие было употреблено в 4-х имениях Витебской, Подольской, Екатеринославской и Пермской губерний. При всех означенных случаях лишились жизни 140 и ранены или ушибены* 170 человек.

Большая часть прочих волнений прекращена кроткими внушениями; содействие же воинских команд потребовалось только или к арестованию возмутителей и наказанию на месте зачинщиков беспокойства, или в виде кратковременного поста для сохранения восстановленного порядка.

При тщательном изыскании причин бывших возмущений постороннего злоумышленного к тому подстрекательства не открыто; и во всех случаях сопротивления местным властям намеренного неповиновения Высочайше утвержденным правилам не оказалось. Напротив того, крестьянами постоянно выражалась непоколебимая вера в Царскую волю. Одно опасение уклониться от оной и вновь подвергнуться крепостной зависимости доводило их до послушания по сомнению вообще в помещиках и чиновниках, которых они во многих местах обвиняли в сокрытии настоящего Манифеста.

Это сомнение подкрепили впоследствии разнесшиеся повсюду слухи, что по истечении 2-х летнего срока будет объявлено новая полная воля с дарованием земли и что этого права будут лишены те, которые согласятся

* Так в тексте.

на предлагаемые теперь помещиками условия. Посему введение уставных грамот встретило везде упорное сопротивление; в надежде получить более выгод в будущем крестьяне под разными предлогами не соглашались на условия помещиков, хотя весьма многие из последних предлагали значительные в их пользу уступки. Было несколько случаев, что грамоты, составленные по соглашению с крестьянами, они отказывались подписывать, обещаясь и без этого исполнять все повинности; не давали выборных для проверки представленных помещиками грамот; не принимали тех, которые были уже утверждены и в некоторых имениях бросали их к ногам мировых посредников. Беспорядки сего рода прекращены частью воинским постоем, а частью арестованием зачинщиков.

Вообще дарование прав бывшему крепостному населению не произвело, за немногими исключениями, таких важных беспорядков, каких многие помещики в предшествовавшем году опасались. Только полевые работы шли неуспешно: крестьяне или уклонялись от них, упуская удобное время, или работали небрежно и большим против прежнего числом рук, а за наемный труд требовали чрезмерно высокой платы; от этого некоторая часть хлеба осталась необранною с полей, и посев на 1862 год уменьшен местами до третьей части, в Рязанской же и Самарской губерниях до половины прежнего количества.

О ВПЕЧАТЛЕНИИ НА ДВОРЯН И О ДЕЙСТВИЯХ ИХ ПО ПОВОДУ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН

Впечатление, произведенное на дворян положениями 19-го февраля, было различно: в первое время по обнародовании их помещики оставлением земли их собственностью и назначенными за пользование ею повинностями крестьян были довольны, но потом начали находить обеспечение последних значительным наделом для себя невыгодным, опасаясь, что они будут отказываться от наемного труда, нарекали на предоставление крестьянам пятилетнего пользования прежними угодьями и сожалели о невозможности немедленного перевода их, без соглашения с ними, на оброк. В нескольких губерниях замечен ропот помещиков на уменьшение их доходов, на общее уклонение крестьян от повинностей и на потворство им со стороны губернских властей. В Калужской все предводители дворянства жаловались на односторонние действия начальника губернии ко вреду землевладельцев, в Нижегородской, Курской и Псковской губерниях дворяне обвиняли губернаторов в том же и ожидали беспорядков от безнаказанности своеволия крестьян.

Вообще из хода дел видно, что помещики к устройству своего хозяйства на новых основаниях не приготовились и что, не имея капиталов,

они претерпевают чувствительные лишения от крайнего затруднения в частном кредите.

Кроме того, во многих местах помещики обвиняли мировых посредников в пристрастных к крестьянам действиях, а в некоторых губерниях присовокупляли нарекание, что многие из них назначены к должностям вопреки желанию дворянства, что, следуя данному от начальников губерний направлению, они оставляли жалобы одного без последствий или потворствовали самоуправству крестьян, оправдывая таковое неизбежным проявлением новой их гражданской жизни.

Эти нарекания были в нескольких случаях не без оснований. Хотя посредники большею частью беспристрастным и дельным разбирательством недоумений и споров оказались весьма полезными в деле устройства крестьянского состояния, однако некоторые из них действительно выказали себя несоответствующими своему назначению: одни – не имея достаточных сведений о сельском хозяйстве и быте крестьян, руководствовались произволом и произносили несообразные с обстоятельствами решения; другие – односторонностью или же личными своими качествами не могли приобрести ни доверия, ни уважения общества; наконец, некоторые превышали свою власть, считая себя подчиненными не губернскому начальству, но одному только Сенату, которым были утверждены в должностях. На действия всех этих лиц обращено надлежащее внимание министра внутренних дел²¹.

Что касается до губернских начальств и губернских же по крестьянским делам присутствий, то в их действиях замечалась тоже неравномерность. Там, где, строго следуя новому положению, они требовали того же и от уездных учреждений, оказывалось в народе более спокойствия; в тех же губерниях, где хотя не встречалось противодействия новому порядку, но не было и надзора за точным исполнением новых правил, или где губернские власти при одностороннем на дело взгляде считали крутые меры необходимыми и составляли урочные положения обременительные для крестьян, там ослаблялось доверие народа к властям и скорее развивались мечты о полной свободе.

В общей сложности нельзя сказать, чтобы во внутренних губерниях дворянство не старалось привести крестьянское дело к устройству на данных началах и не содействовало тому возможными уступками и пожертвованиями в пользу крестьян. Доказательством тому служит то, что отчасти оно успевало достигать добровольных с крестьянами соглашений. Таким образом, в последнее время составлены и введены уставные грамоты во многих имениях и из числа их в довольно значительном размере с предоставлением крестьянам земли в собственность и с прекращением всех обязательных отношений.

О КРЕСТЬЯНАХ ПРИБАЛТИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ

Меры, принимаемые в Прибалтийских губерниях к улучшению быта тамошних крестьян, находят мало сочувствия между дворянством этого края и дают ему даже повод видеть в них посягательство на привилегии всего дворянского сословия. Размер арендных обязательств крестьян зависит преимущественно от землевладельцев, которые притом пользуются правом удаления каждого крестьянина из своего имения, так что последнему остается или соглашаться на условия для него обременительные, или же оставлять свою оседлость; но в последнем случае он не принимается в других имениях иначе как с обязательством повинностей более тягостных, чем прежде.

Таким образом, по неопределенности труда в пользу помещиков и по отсутствию права наследственного владения землею, находящеюся в пользовании крестьян, сии последние ожидают перемен и продолжают желать переселения во внутренние губернии.

Допущенная в числе упомянутых выше мер продажа казенных земель прибалтийским крестьянам в собственность шла довольно тихо. Для приобретения покупкою земли определено требовать взноса пятой части ценности покупаемого участка, а потом ежегодной уплаты в продолжении тридцати лет по 6% со всей суммы, что составляет значительно высшую плату в сравнении с арендным оброком. По сему большая часть желающих удерживается от покупки по недостатку средств и остается в надежде, что земли со временем будут или продаваемы дешевле, или же раздаваемы безвозмездно.

Назначенных в продажу участков куплено: в Лифляндской губернии, где казенные земли составляют $1/7$ часть всего пространства губернии, на два миллиона рублей, а в Курляндской, где казенному ведомству принадлежит $1/3$ часть всех земель, только на один миллион рублей.

Замечено, что положение крестьян-собственников весьма хорошо и что они составляют самый зажиточный класс земледельцев.

Перевод крестьян с барщины на оброк или на денежную арендную плату продолжался более успешно. В казенных имениях барщина уже уничтожена; в Эстляндской губернии предполагают достигнуть того же в продолжение двух лет; но в Лифляндской и Курляндской губерниях барщинную систему отстаивают еще владельцы некоторых имений, особенно пожалованных правительством в прежнее время, а также таких, которыми в Курляндии пользуются служащие лица в виде жалованья или содержания.

Впрочем, нельзя не полагать, что и в последних двух губерниях все крестьяне в непродолжительном времени будут переведены на оброк, тем

более что барщина в немногих имениях, когда большая часть примет другую систему повинностей, будет уже невозможна.

В тех имениях, где оброк введен, крестьяне делаются вообще бережливее и быт их заметно улучшается.

О ЗАСЕЛЕНИИ КРЫМА

Для заселения мест, оставленных в 1860 году вышедшими в Турцию татарами и ногайцами, число которых простирается до 230 т. душ обоого пола, в конце того же года был сделан вызов в 11-ти губерниях крестьян, желающих переселиться в Крым, а между тем для занятия опустевших после выхода ногайцев казенных селений, равно как и для обеспечения путей сообщения, были переведены туда из трех северных уездов Таврической губернии свыше 5 т. душ. В 1861 году разрешено водворение более 16 т. семейств государственных крестьян, а также из отошедшего к Молдавии участка – жителей бывших русских казенных селений и болгарских колоний. Из этого числа переселилось, как в означенные три, так и в другие уезды, государственных крестьян малороссийских, равно Тамбовской, Рязанской, Орловской и Калужской губерний более 2 т. семейств; кроме того перешло выходцев из Турции и Молдавии до 1380 семейств, что составляет, с переселившимися в 1860 году из внутренних губерний крестьянами, до 50 т. душ обоого пола.

Большая половина сих переселенцев водворена в Бердянском, Мелитопольском и Днепровском уездах; одни из них построили уже дома, другие поместились в купленных у ногайцев и, по-видимому, положением своим довольны.

Семейства, прибывшие из Турции, явились большею частию в крайней бедности, лишены всего необходимого, так что местные жители, особенно в Евпатории, поспешили, по возможности, облегчить их положение добровольным пожертвованием припасов и других пособий. Для обеспечения нужд этих людей командированы особые чиновники с тем, чтобы они старались удовлетворить самым необходимым потребностям каждого семейства.

В Перекопском уезде недостаток воды весьма затрудняет новых жителей и даже был поводом неповиновения местным властям выходцев из Добруджи, которые желали перейти оттуда в северные уезды; но, по надлежащем внушении, согласились остаться на указанных им местах.

Духовные требы между переселенцами не могли быть исполняемы по неимению церкви и причтов. Посему было сообщено епархиальному начальству о назначении на места новых поселений нескольких священников и причетников.

Сверх вышеупомянутых выходцев осенью прибыло в наши пределы 3086 семейств болгар из Виддина и из колоний в числе более 18 т. душ обоего пола, которые по случаю позднего перехода размещены временно по разным селениям Новороссийского края.

Между тем увольнение татар, желавших удалиться за границу, продолжалось. С другой, стороны из числа переселившихся в Турцию татар и ногайцев до 1000 семейств просили дозволения возвратиться и некоторые из них, получив на то разрешение, прибыли уже обратно.

О ДВОРЯНСКИХ ВЫБОРАХ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СОБРАНИЯХ ДВОРЯНСТВА

Происходившие в 1861 году в некоторых великороссийских губерниях дворянские выборы сопровождались вообще оживленными прениями, доказывавшими раздраженное состояние умов. В Тульской же губернии крестьянское дело было предметом особенных рассуждений дворян. Тут были рассмотрены мнения разных лиц насчет положения всего поместного дворянского сословия и угрожающих ему разорения и других бедствий. Согласно такому взгляду составлен за подписью большинства членов собрания адрес на Высочайшее имя Вашего Величества. Дворяне ходатайствовали в оном: 1. О дозволении переводить крестьян с издечной повинности на оброк без предварительного их на то согласия и с обеспечением оброка правительством; 2. О разрешении немедленного разверстывания угодий; 3. О дозволении продажи в казну наделов, если крестьяне сами не пожелают приобрести их в собственность; 4. О скорейшей выдаче нуждающимся мелкопоместным дворянам следующих им по положению денежных пособий. К сему дворяне присовокупили просьбу следующего содержания: «Для спокойствия государства, для благоденствия всех верноподданных устранить на будущее время в издаваемых узаконениях ту неприменимость к делу, которая доселе так часто в них встречалась. Как единственное же для достижения сего средство, вместо отдельных Комиссий, трудящихся над составлением проектов преобразований по разным отраслям государственного управления, учредить одну Комиссию, в которую назначить членами по выбору из каждой губернии хотя по несколько собственников, присоединив к ним экспертов от тех частей управления, до которых относятся изготавливаемые узаконения. Комиссии этой предоставить право представлять проекты законов прямо на Высочайшее благоусмотрение Императорского Величества».

Таковой исход совещания тульского дворянства имел более или менее близкие отголоски на открытых в январе и феврале месяцах текущего года обыкновенных собраниях дворянства в Москве и чрезвычайных

в С.-Петербурге и в Твери, разрешенных для обсуждения вопроса о земских банках. Вопрос этот встретил большое различие в мнениях, и окончательного заключения не последовало по оному нигде. Между тем некоторые дворяне возбудили на сих собраниях ряд других важных вопросов, относящихся к крестьянскому делу, и выражали мысли свои о несоответственности во многих отношениях государственного порядка в империи. В Москве прочитано было Николаем Безобразовым²² предложение тамошнему дворянству о необходимости выйти со всепопданнейшим ходатайством насчет пересмотра положения 19-го февраля избранными дворянством из среды своей уполномоченными для исправления недостатков оного и в видах соглашения положения с основаниями жалованной российскому дворянству грамотою. Предложение Безобразова, хотя произвело довольно сильное впечатление на дворян, но оставлено без последствий. Затем, однако же, московское дворянство обратилось со всепопданнейшим адресом, в котором просило почти того же, что тульское.

Наконец, в С.-Петербургском чрезвычайном собрании было также выслушано означенное мнение Безобразова, но здесь оно совершенно забаллотировано как несвоевременное.

В числе прочих, отчасти резких, рассуждений о последствиях нового положения поместного дворянства в отношении к поселенным на их землях крестьянам обратило на себя общее внимание читанная царскосельским уездным предводителем Платоновым записка, в которой, упомянув о заседаниях в прежние времена Земской Думы при разрешении дел особенной важности, он полагал и ныне полезным для совещания по вопросам государственным собирать представителей от всего земства империи. Обсуждение этой записки по желанию самого составителя отложено до будущего съезда дворян в 1863 году.

Заседания С.-Петербургского дворянства составляли предмет необыкновенного любопытства публики, собиравшейся каждый день в зале дворянского собрания в числе нескольких сот человек большею частью из высшего общества, а также лиц дипломатического корпуса и иностранцев. Мнения, обличавшие прогрессивные идеи, высказанные на прениях с увлечением, вызывали восторженное одобрение со стороны слушателей; вообще же заседания шли довольно чинно.

В Тверской губернии случилось событие особой важности. На чрезвычайном собрании 1-го, 2-го и 3-го февраля дворянство составило прошение Вашему Величеству, в котором заявило: 1. Несостоятельность закона 19-го февраля; 2. Необходимость предоставления земли крестьянам в собственность; 3. Несостоятельность сословных привилегий; 4. Несостоятельность правительства удовлетворить общественным потребностям, – причем указать единственный неизбежный к тому путь, то есть собрание представителей всего народа без различия сословий. Вслед за

тем поступило 6-го февраля в Тверское губернское по крестьянским делам присутствие заявление 13 лиц, в том числе 9-ти мировых посредников, одного кандидата в эту должность, двух уездных предводителей и во главе их всех члена помянутого губернского присутствия от правительства Николая Бакунина²³, о том, что они считают долгом принять убеждения, высказанные дворянством, за единственное руководство их деятельности, признавая всякий противный этим убеждениям образ действий враждебным обществу.

Начало этого дела относится еще к минувшему году, ибо уже 12-го декабря мировые посредники Тверской губернии высказали свое мнение, что единственный исход из настоящего положения дел есть обязательный выкуп и установление общественного порядка на взаимном доверии между правящими и управляемыми.

Виновные в нарушении законного порядка 13 лиц, подписавшие помянутое заявление, арестованы и преданы суду 1-го Отделения 5-го Департамента Правительствующего Сената. Что касается до разных предметов, о коих собрания дворян ходатайствовало несогласно с существующими постановлениями, то им объявлено, что эти ходатайства по сему самому оставлены без уважения.

О РАЗНЫХ ОТРАСЛЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Следуя за ходом событий, можно утвердительно сказать, что в течение настоящего столетия не существовало еще в государственной жизни Российской Империи подобной деятельности, какая вызвана была в минувшем году по поводу Положения о крестьянах. Деятельность эта не ограничивалась прямым исполнением сего важного законоположения, но по связи его с целым организмом государства она распространялась на все части внутреннего управления. За тем повсюду предприняты и продолжают великие преобразования и усовершенствования существовавшего поныне порядка по частям хозяйственной, административной, судебной и полицейской.

Кроме такового огромного в империи переворота, политические обстоятельства в Царстве Польском, в Западных губерниях и отчасти в Великом княжестве Финляндском потребовали неусыпной бдительности для сохранения спокойствия и приведения в действие, среди сильного брожения умов, правительством постановленных мер и дарованных льгот.

В то же время возникшие в русских университетах со стороны учащегося юношества беспорядки, обратив внимание правительства на несоответственное потребностям времени образование этих высших учреждений

народного просвещения, вызвали труды для поспешных реформ по учебной части²⁴.

По Министерству финансов, сверх многосложных мер, совместных с изменением положения крестьян на землях помещичьих и государственных по предмету раскладки и взимания податей, делались распоряжения насчет введения с будущего года новой акцизной системы по продаже питей, и предпринято преобразование кредитных учреждений; в связи же с сим последним решено оглашение впредь государственной росписи. Мера эта составляет эпоху в государственной жизни России, она заслужила уже благодарность русских и одобрение всей Европы.

В 1861 году произошли некоторые перемены в составе лиц, коим вверены главные части государственного управления. По недавности их назначения основательное суждение о пользе их действий принадлежит позднейшему времени.

О ВНУТРЕННЕМ ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ РОССИИ

Обращаясь к переходному состоянию, в которое Россия вступила по случаю изменения одной из главных основ ее гражданского устройства, нельзя не видеть, что оно сопряжено с неизбежным болезненным ощущением, проявляющимся с различными оттенками во всех слоях общества. Земледельцы, понимая, что в настоящую минуту решается вековая их судьба, и питая свойственное всем людям желание стяжать по возможности большие выгоды, как бы не сознают пожертвований, делаемых в их пользу помещиками, не доверяют им и по сие время не оставляют надежды на предоставление им правительством постепенно еще значительнейших льгот. Таковое настроение умов крестьян нарушает между ними и землевладельцами согласие, столь необходимое при устройстве новых обоюдных их отношений. Без посредничества и твердости правительства оно могло бы повести к плачевным последствиям.

Дворянство, повинувшись необходимости отречься от старинных прав своих над крестьянами и от многих связанных с оными преимуществ, жалуетя вообще на свои вещественные потери, которые оно считает несправедливыми и проистекающими от положения государственной казны, не дозволяющего ей доставлять им удовлетворение. Таким образом, все бремя, мудрой, впрочем, меры предупреждения в России пролетариата, составляющего главное бедствие прочих государств Европы, падает ныне исключительно на русское дворянство, угрожая ему чувствительным расстройством.

Неудовольствие дворян не произвело еще в большинстве сословия явных помыслов о каком-либо политическом перевороте. Отдельные

Император Александр II с цесаревичем Николаем на Сенатской площади принимают хлеб-соль от крестьян

личности, первенствующие в разряде дворянских либералов, выступили, однако ж, из сельского их уединения на политическое поприще, распространяя печатным и изустным словом мысли свои о свободе гораздо далее намерений самого правительства. Мыслители эти принадлежат к образовавшейся в России в последние годы партии прогресса, которая составлена преимущественно из молодых литераторов, наполняющих статьями своими периодические русские издания. Число сих последних возрастает постоянно, и надзор за ними цензуры весьма нередко оказывается недействительным, частью по искусству авторов избегать применения к их изворотливым выражениям строгости правил, частью же по невольной уступке цензоров усиливающейся с каждым днем стихии либерализма. Периоды обширной свободы всегда выдвигают вперед подобных народных руководителей, которые во времена большей строгости держатся в стороне, но, скрываясь, смотрят неприязненно на необходимые связи общественного благоустройства. Нет сомнения, что этот класс людей в России действует под влиянием заграничной русской революционной пропаганды посредством главных ее органов, но вместе с тем и по вдохновению либерально-мятежной эпохи в прочих европейских государствах.

К сожалению, под сим пагубным влиянием находится более или менее все юное поколение России, не исключая воспитанников казенных гражданских и военных учебных заведений, откуда политическая язва проникает в присутственные места и в ряды армии. Немало к тому содействует также распространившийся у нас повсюду польский элемент, умевший в последнее время снискать расположение русских либералов. Подтверждением выраженного убеждения служили в минувшем году события во всех российских университетах, в Николаевской Инженерной Академии и в Технологическом Институте, как равно сочувствие, оказанное нарушителям порядка и закона, не только со стороны воспитанников прочих главных училищ, но и со стороны молодых людей, состоящих на службе, которые увлеклись публично к необдуманным словам и действиям.

В 1861 году обнаружилось в столицах империи в высшей степени преступные происки распространением посредством подкидывания на улицах и в домах возмутительных воззваний под заглавиями: «Великоросс» и «К юному поколению»²⁵. Замечательно, что мятежный замысел этот вызвал в отдаленной Европе радость известного демагога Мадзини, прославлявшего оный в статье за его подписью в Миланской газете как доказательство зрелости России к политическому перевороту с низвержением Царствующей Династии. К счастью, Мадзини и русские подражатели его ошиблись насчет степени этой зрелости; воззвания не произвели никакого особенно дурного действия; некоторые же из главных распространителей оных были открыты и преданы суду.

Из вышеизложенного обозрения оказывается, что настоящее внутреннее политическое положение чрезвычайно натянуто. Оно делается некоторым образом опасным потому еще, что общее безденежье, застой в торговле и промышленности и предвидимая по примеру истекшего года неуспешность полевых работ в продолжение неопределенного времени угрожают России бедствиями пауперизма, на которых обыкновенно рассчитывают злоумышленные руководители народов. Все это подтверждает необходимость продолжать неусыпное наблюдение за расположением умов. Сверх того правительство, составляя стражу государства, должно употреблять все средства, дабы удержать в руках своих знамя начатого им передового движения, неуклонно руководствуясь правилом подавлять преступные замыслы возмутителей систематическою последовательностью действий, беспристрастною справедливостью и силою закона.

Генерал-адъютант князь Долгоруков

6 марта 1862-го года

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 167–220.

¹ В результате экспедиции войск Дж. Гарибальди на юг Италии в июле 1860 г. от австрийского владычества была освобождена Сицилия, в сентябре революционная армия вступила в столицу Королевства обеих Сицилий Неаполь. Все освобожденные территории были присоединены к Сардинскому королевству, которое в 1861 г. конституировалось в единое Итальянское государство.

² Политика короля Оттона I (1832–1862), систематические нарушения конституции и расстройство финансов вызывали серьезное недовольство населения. Ответственность за положение дел в стране многие возлагали на королеву Амалию (1818–1875), дочь вел. герцога Ольденбургского Августа. После покушения на ее жизнь был раскрыт разветвленный военный заговор.

³ Фридрих-Вильгельм IV после кратковременного увлечения либерализмом перешел к крайне жестким методам управления, что вызывало нараставшую враждебность к личности короля. В 1861 г. на его жизнь было совершено покушение, несмотря на то, что с 1858 г. страной фактически управлял его брат Вильгельм (1797–1888), будущий король Вильгельм I (1861–1888), с 1871 г. – германский император.

⁴ Бекер (Беккер) Иоганн Филипп (1809–1886) в революционном движении участвовал с 1830-х гг., во время Баденского восстания 1849 г. командовал народным ополчением. После революции 1848–1849 гг. примкнул к сторонникам К. Маркса и Ф. Энгельса. Активный деятель I Интернационала, редактор журнала «Форбайте».

⁵ Блинд Карл (1824–?), находясь в Гейдельбергском университете, принимал участие в студенческом движении. В 1847 г. был арестован за распространение памфлета «Немецкий голод и немецкие князья». Активный участник революционных событий 1848 г. в Карлсруэ и Франкфурте. С 1852 г. жил в эмиграции в Лондоне.

⁶ Кавур Камилло Бенсо (1810–1861), итальянский государственный деятель эпохи Рисорджименто. Министр земледелия и финансов (1850–1852), премьер-министр Пьемонта (1852–1861). Конечной целью проводимой им политики было объединение Италии под скипетром Савойской династии. После провозглашения единого Итальянского королевства (март 1861 г.) стал первым премьер-министром Италии.

⁷ Эрнест II (1844–1893), герцог Саксен-Кобург-Готский. Время его правления отмечено рядом либеральных преобразований: провел реформу избирательного закона; даровал свободу слова, печати, собраний, петиций. В 1849 г. октроировал демократическую конституцию, однако в 1852 г. заменил ее новой, во многом представлявшей собой возврат к Кобургской конституции 1831 г. Заключил военную конвенцию с Пруссией (1862); вступил в Северо-германский союз (1867).

⁸ Ледуховский (Ледоховский) Ян (1791–1864), председатель Временного комитета польской эмиграции.

⁹ Хоецкий Кароль Эдмунд (1822–1898), поэт и публицист (литературный псевдоним Шарль Эдмон). В 1844 г. поселился во Франции; принимал активное участие в деятельности польской эмиграции. С 1856 г. – личный секретарь принца Наполеона.

¹⁰ Прудон Пьер Жозеф (1809–1865), французский социалист, теоретик анархизма. В период революции 1848 г. вел активную политическую деятельность, был избран депутатом Учредительного собрания, редактировал ряд газет. Выдвигал проекты экономического сотрудничества классов и теорию ликвидации государства. В 1849–1852 гг. был заключен в тюрьму за свою литературно-публицистическую деятельность. Эмигрировал в Бельгию (1858), вернулся на родину после амнистии (1862).

¹¹ Тувенель Эдуард-Антуан (1818–1866), французский дипломат. Посланник в Афинах (1849–1850), в Мюнхене (1850–

1851). Сенатор (1856); министр иностранных дел (1860–1862), покровительствовал объединению Италии.

¹² Александр Александрович Герцен (1839–1906).

¹³ Попов Евгений Иванович (1813–1875), сын священника Ярославской губернии, окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию (1835). С 1838 г. состоял священником при посольской церкви в Копенгагене, с 1842 г. – в Лондоне.

¹⁴ Кельсиев Василий Иванович (1835–1872), деятель русского общественного движения. С 1859 г. находился в Лондоне, являлся сотрудником Вольной русской типографии. В 1862 г. конспиративно посетил в Россию, привозил издания А.И. Герцена. В декабре 1862 г. был привлечен к делу о «сношениях с лондонскими пропагандистами» и вызван российским правительством на родину. За отказ вернуться приговорен к изгнанию, жил в Турции и Австро-Венгрии. В 1867 г. добровольно приехал в Россию, был арестован. Написал покаянную «Исповедь» и получил помилование.

¹⁵ Джунковский Степан Степанович (1821–1870), католический писатель и миссионер. В 1854 г. «за заслуги перед католической церковью» был изгнан из России с лишением всех прав состояния. К концу жизни вернулся в православие и получил разрешение возвратиться на родину.

¹⁶ Менедорф-Поульи Александр (1813–1871), австрийский государственный деятель, генерал. Чрезвычайный посол при русском дворе (1853), командовал кавалерийской дивизией (1859). Наместник в Галиции и Буковине. С 1864 г. – министр императорского двора и иностранных дел. В 1870 г. наместник Богемии.

¹⁷ Фелинский Сигизмунд Феликс (1822–1895), профессор Римско-католической духовной академии в Петербурге (1855). С 1862 г. – архиепископ Варшавский. Находился в ссылке в Ярославле (1863–1883).

¹⁸ Указ № 37328 был утвержден 5 августа 1861 г. «Вследствие постоянно возрастающих в Западных губерниях беспорядков, Его Императорскому Величеству благоу-

годно было повелеть составить в Комитете министров правила на случай необходимости объявить на военном положении какие-либо местности означенных губерний». Главным начальникам Западных губерний предоставлялись особые права, в частности, они могли вводить военное положение в подведомственных им местностях по своему усмотрению, не испрашивая Высочайшего соизволения, увольнять от должностей чиновников любого ранга и ведомства, подвергать жителей военному суду. Начальник губернии обязан был всеми мерами «препятствовать вредным подстрекательствам или изъявлению наружного неуважения к Правительству и местным властям».

¹⁹ Карл XV (1826–1872), король Швеции с 1859 г. Вскоре после восшествия на престол вынужден был согласиться на парламентскую реформу (1865–1866), ограничившую власть монарха. Выступал за укрепление межскандинавских связей.

²⁰ Рокасовский (Рокоссовский) Платон Иванович (1799–1869), барон, генерал от инфантерии, член Государственного совета. Помощник финляндского генерал-губернатора (1848–1854), генерал-губернатор Финляндии (1861–1866).

²¹ Валуев Петр Александрович (1815–1890) службу начал в 1831 г. в канцелярии московского генерал-губернатора. Состоял в распоряжении рижского генерал-губернатора (1845–1852); курляндский губернатор (1853–1858); служил по Министерству государственных имуществ (1858–1861); министр внутренних дел (1861–1868); член Государственного совета (1868); министр государственных имуществ (1872–1879); председатель Комитета министров (1879–1881).

²² Безобразов Николай Александрович (1816–1867), публицист, видный деятель дворянской оппозиции либеральным реформам.

²³ Бакунин Николай Александрович (1818–1901), штабс-капитан, артиллерист. В числе 13 тверских дворян, подписавших известное заявление о несостоятельности

крестьянской реформы, подвергся аресту и пять месяцев провел в Петропавловской крепости, после чего был лишен права занимать государственные и выборные должности.

²⁴ Наиболее серьезными были беспорядки в Санкт-Петербургском университете. Поводом послужила отмена лекции Н.И. Костомарова «О значении критических трудов К. Аксакова по русской истории», назначенной на 8 февраля 1861 г. 13 февраля масса студентов приняла участие в панихиде по полякам, убитым в Варшаве при разгоне манифестации. Учебное начальство, не чувствуя себя в силах справиться с ситуацией полицейскими мерами, обратилось к профессорам, хотя, по университетскому уставу, последние устранились от общественного влияния на студенчество. К.Д. Кавелину было поручено составить комиссию «для упорядочения студенческой общины». 12 апреля 1861 г. А.В. Никитенко отмечает в дневнике: «Государь призвал к себе министра и объявил ему, что... он намерен... закрыть некоторые университеты. Министр на это представил, что такая мера произведет всеобщее неудовольствие, и просил не прибегать к ней. “Так придумайте же сами, что делать, – сказал государь, – но предупреждаю вас, что долее терпеть такие беспорядки нельзя...”. Министр растерялся совсем: он ни о каких мерах до сих пор и не думал, как будто все обстоит благополучно» (А.В. Никитенко. Дневник. Т. 2.

М. 1956. С. 184). Новые правила, выработанные комиссией К.Д. Кавелина, были утверждены министром просвещения Е.В. Путятиным со значительными изменениями, в частности, проректору присваивались полицейские функции. Затем император назначил комиссию «о коренном преобразовании университетов относительно обучающихся в них студентов». Результатом ее деятельности стали «Временные правила», ограничившие доступ в университеты разночинцев. Это спровоцировало новые студенческие выступления, которые поставили на очередь пересмотр университетского устава. Проект устава, подготовленный Г.А. Щербатовым, и отзывы крупнейших университетов были рассмотрены новой комиссией в составе попечителей ряда учебных округов и представителей от университетов. К началу 1862 г. комиссия завершила свою работу, ее материалы легли в основу университетского устава 1863 г.

²⁵ Прокламация «Великоросс», появившаяся в июле 1861 г., обращалась к образованным классам, способным «взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства». Более радикальная прокламация «К молодому поколению», призывавшая молодежь готовить народ к революционным боям, была написана Н.В. Шелгуновым и М.И. Михайловым, отпечатана в лондонской типографии А.И. Герцена и распространена в Петербурге в начале сентября 1861 г.

ПРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ за 1862 год*.

О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В ЕВРОПЕ

Начало народностей, продолжающее волновать умы в Европе, и современное общее стремление к либеральному прогрессу составляли в 1862 году главные революционные силы, которыми пользовалась демократическая пропаганда, чтобы нанести решительный удар монархическим престолом и существующему гражданскому порядку. Для этой цели революционеры различных оттенков – республиканцы, радикалы и анархисты – положили действовать заодно, и хотя их замыслы не имели полного успеха, но, тем не менее, они произвели в некоторых государствах важные политические потрясения, а в других усилили напряженность политического состояния. О сем свидетельствует следующий краткий обзор главных в минувшем году революционных действий.

Вооруженная борьба черногорцев и сербов против Оттоманской Порты¹ имела поводом, кроме вековых, справедливых жалоб христиан на угнетения турок, и внешнее революционное подстрекательство. По сознанию самого Кошута, напечатавшего в итальянском журнале “Allianza” свой план дунайской конфедерации, и по объяснению органа германской эмиграции в Лондоне “Негтманн”, помянутая борьба была началом обширного движения южных славян, к которому должны были присоединиться венгерцы, поляки, греки, итальянцы и немцы.

Возмущения греков, прежде в Навплии, а потом в Афинах², были продолжением и развязкою революционной драмы, начавшейся в 1861 году с выстрела студента Дозиоса в греческую королеву и кончившейся падением короны с головы короля Оттона. По газетным сведениям, убийца Дозиос во время мятежа в Афинах получил свободу и ходил, увенчанный по улицам столицы. В обстоятельстве этом отражается характер главного события, заключающего в себе зерно будущих волнений на востоке.

* Перед текстом помета: «Государь Император изволил читать. 10 марта».

В Италии, ввергнутой в политический хаос, сильно волновались революционные страсти. На конгрессе патриотов в Генуе, в марте месяце, решили требовать у правительства амнистии для Мадзини, назвав его достойнейшим итальянцем, которому сам король³ обязан короною Италии; а в мае, на таковом же собрании в Милане, положили протянуть руку германскому коммунистическому союзу в Лондоне для совокупного старания низвести Габсбургскую династию, препятствующую свободе Италии и Германии. В вышеупомянутом журнале "Neigmann" были напечатаны письмо по этому предмету Гарибальди к начальнику партии коммунистов, венскому выходцу Блиндю, и согласный ответ сего последнего. За конгрессами итальянских патриотов последовали попытки вторжения вооруженных шаек в Тироль и отправление толпищ волонтеров, собранных из выходцев различных наций и военных дезертиров, в Южную Италию с целью возбудить междоусобную войну и низвергнуть папский престол. В главе всех этих революционных действий стояли: Гарибальди, идол Италии, которого мятежная стопа остановлена была на время роковою пулею при Аспромонте⁴, и старец Мадзини, с несокрушимой твердостью преследующий мысль свою об итальянской и о всемирной республике.

В Австрийской империи продолжалось пассивно-революционное сопротивление правительству со стороны разных племен – венецианцев, кроатов, поляков, особенно же со стороны венгерцев, несмотря на дарованную их политическим преступникам в минувшем году полную амнистию. Кроме того, замечено чрезвычайно усилившееся народное волнение между чехами, которые возмечтали об отделенном королевстве Богемии и Моравии. Волнением этим руководят профессеры и литераторы, старающиеся в речах и сочинениях оживить национальное чувство чехов. В 1863 году предположено праздновать тысячелетие введения в Богемии Св. Кириллом христианской веры, в каком торжестве намерены участвовать и познанские поляки. При настоящем движении чехов замечаются происки и панславянской пропаганды в Лондоне, ибо между оною и Прагским университетом обнаружались сношения.

В Германии национальный союз (National Verein), состоящий уже из 25 т. членов, сделался необыкновенно влиятельным чрез избрание многих членов оного народными представителями в палаты, между прочим – в Прусскую. В минувшем году она была собираема дважды в преимущественно демократическом составе, и главными противниками королевского министерства были члены национального союза, как то: адвокаты Мец, Шульце-Делич, Унру и другие, восстававшие противу военной реформы и бюджета армии. Противодействие их по сим вопросам объясняется направлением национального союза к крайнему ограничению германских постоянных армий и замене оных народным вооружением

(Landwehr). Сие последнее предполагается образовать из обществ стрельбы и гимнастики, более и более распространяемых по всей Германии. В августе 1862 года национальный союз составил из этих обществ во Франкфурте на Майне огромную вооруженную народную демонстрацию, на которую соединился весь германский элемент, даже австрийские тирольцы и швейцарцы. Среди сего народного собрания явилось одно владетельное лицо, герцог Кобургский. Он говорил речь в духе германского единства и был предметом общего восторга.

Совещания комитетов национального собрания происходили в 1862 году по несколько раз во Франкфурте, Берлине, Лейпциге, Гейдельберге, Нюрнберге и Кобурге. Национальный союз составлен почти исключительно из граждан (burger), людей зажиточных; но на прошлогоднем общем собрании во Франкфурте решили соединение "National Verein" с тамошним "Handwerker Verein" (союз ремесленников), и этот шаг подал повод к заключению, что приближается время открытых действий посредством народной силы.

Существующий в Англии германский национальный союз из выходцев, между коими первенствуют Беккер, Блинд, Шерцер и Кинкель, имел также собрания в Лондоне, Бадфорде и Ливерпуле, и на оные приезжали из Германии многие члены тамошнего главного союза. В произнесенных на этих собраниях речах, вошедших в орган национального союза, еще яснее выразались планы сего последнего, стремящегося к единству Германии в виде конфедеративной республики или империи, если этого на первый раз избежать нельзя, но не иначе как с упразднением многих мелких престолов, с возобновлением конституции 1849 года и с учреждением на основании оной германского парламента. Пруссия, как передовая по своему благоустройству и образованности чисто германская держава, имеет быть поставлена в главе конфедерации. Для сего на нее устремлено ныне особенное влияние демократии, и дабы победить существующее против нее предубеждение в южной Германии, положено изолировать в глазах сей последней консервативного короля и его правительство от направления самого народа, выражающегося будто бы в палате в либеральных речах его представителей, которые, вместе с тем, преследуют, таким образом, и общую их демократическую цель.

Во Франции, несмотря на твердость ее правителя⁵, опирающегося на преданность армии и на строгую бдительность полиции, при постоянном его благоразумном внимании к нуждам рабочего класса, существует сильное внутреннее волнение, поддерживаемое различными партиями. Между сими последними самая опасная есть партия республиканцев 1848 года, которая не прощает Наполеону совершенной им 2 декабря 1852 года измены⁶, как ей, так и началу, которое его возвысило. Хотя парижские газеты умалчивают об арестованиях, последовавших в 1862 году, но по секрет-

Федор Иванович Прянишников

ным сведениям они были многочисленны, причем следствием обнаружения деятельности тайного общества «Марианны»*, сего неизводимого страшилища Франции, которое можно сравнить с сицилийской «Каморрою»⁷ по его неуловимости и по всесущности его влияния.

В течение года парижская учебная молодежь неоднократно выказывала возмутительный свой дух, делая шумные демонстрации, в театрах по поводу представления пьес, написанных в угоду империализму, и раз в медицинском факультете, по причине назначения туда самим императором декана не из профессоров. Вообще так называемый Латинский квартал в Париже стал подымать голову, что выражается между прочим в песне, сочиненной будто бы Виктором Гюго, которую студенты поют с прошлой весны, и которая начинается следующими стихами: “Non, la jeunesse n’est pas morte, dans sa colère elle a surgi; que César garde bien sa porte, le jeune lion a rugi”**.

После поражения и пленения Гарибальди в отдаленных кварталах Парижа, населенных рабочим классом, явились на стенах домов возмутительные воззвания, и полиция неоднократно разгоняла шумные собрания

* Магianne называли, в первую Французскую революцию, гильотину. (Примечание авторов документа.)

** «Нет, молодежь не умерла, она восстала в гневе; пусть Император охраняет свои врата, молодой лев рыкнул». (Пер. с фр.)

народа. В конце года разнесся, с большими подробностями, слух о покушении на жизнь Наполеона во время охоты в Компьене; а вслед за тем много говорили и писали о полученном предостережении на счет опасности, грозящей Наполеону при церемонии открытия бульвара принца Евгения. Отлагательство этого торжества, принятые со стороны полиции и военного начальства строгие меры предосторожности при исполнении оногo 7 декабря; оказанные в то же время попечительные милости сословию рабочих и, наконец, лесть, расточенная сему сословию в речи императора, назвавшего улицу по имени ткача Ришара Ленуара, все это в совокупности доказывает, что действительно был важный повод к политическому опасению, ввиду которого Наполеон нашел нужным подкрепить расположение к себе простого народа. Опасение это можно объяснить и сообщенными посольством нашим секретными сведениями, по коим парижская полиция отыскивала высланных от Мадзини заговорщиков, в числе их неаполитанца Бенетти, принадлежащих к Лондонскому обществу убийц под названием «Meniane»*, которое составляет отделение французской «Марианны». Мадзини усугубил злобу свою противу Наполеона со времени переворота политики его в Италии и готовит вновь орсиниевские бомбы, взяв в помощники известного Рудио, который за участие в замысле Орсини сослан был в Каенну и оттуда бежал.

После учреждения в Париже правительственного официозного органа «La France» под редакциею Лагероньера, стала выходить в Лондоне французская газета под названием «La France libre», которой редакцию принял на себя эмигрант Феликс Пиат, красный республиканец.

В числе революционных действий в 1862 году занимает значительное место волнение поляков в трех государствах – в России, Австрии и Пруссии. К прискорбию должно присовокупить, что рядом с польским движением выступило на политическом горизонте, уже в более ярком свете, движение юной России. Два эти движения занимают в этом отчете особые отделы.

Из всего вышеизложенного видно, что демократический дух в Европе быстро усиливается и что общее положение делается с каждым годом опаснее. Если б программа развивающейся социально-политической революции была плодом зрелых, честных убеждений со стороны двигателей, имея действительно в виду благоденствие народов и сохранение общественного спокойствия, то правительства могли бы стать, безусловно, в главе прогрессивного движения, приобретая тем славу и прочность собственного их владычества. Но ближайший взгляд на деяния и цель демократической пропаганды обнаруживает, что она, под личиною прогресса, жаждет лишь анархии, кровопролития и коммунизма, дабы на развалинах

* Meniane в архитектуре называется балкон, терраса. (Примечание авторов документа.)

престолов утвердить свою собственную власть. Следовательно, против такой революции необходимо бороться всеми силами, то есть материальными и нравственными, разумея под первыми исполнение строгости законов противу намеревающихся нарушить государственный порядок, а под последними – полезные преобразования, согласные с требованиями века, дабы отнять у агитаторов самое опасное их оружие – возбуждение жалоб встречающих сочувствие в народе.

О ПОЛЬСКИХ ВЫХОДЦАХ

О замыслах польской эмиграции получались в 1862 году многочисленные сведения от императорского посольства в Париже, от консульств российских и австрийских в Придунайских княжествах и от особых секретных агентов. Сущность всех этих сведений заключается в следующем фактическом выводе:

Начальник партии движения польской эмиграции, Людвиг Мирославский, очевидно участвовал вместе с главными мятежниками итальянскими, венгерскими, греческими и германскими в составленном в начале года обширном революционном плане, на котором значилось и восстание всех польских земель. Располагая большими денежными средствами от пожертвований польских патриотов, Мирославский содержал во Франции, в Придунайских княжествах, преимущественно же в Генуе, значительное число польских выходцев, стекавшихся с разных сторон под знамена образуемого им польского легиона. Он обучал их военной службе, вместе с тем заготовлял оружие, боевые снаряды и морские суда для перевозки шаяк его на места действий.

Неожиданный переворот в политике туринского кабинета в мае месяце вдруг остановил деятельность Мирославского на главном пункте, в Генуе. Польские выходцы не только лишились там прежнего покровительства, но были подвергнуты надзору полиции, а массы должны были разойтись. Около того же времени была распущена переведенная уже перед тем из Генуи в Кунео военная школа Мирославского вследствие беспрерывно случавшихся между учениками беспорядков и дуэлей. Воспитанники, в числе 120 человек, разошлись в разные стороны; большая часть отправилась в Париж и в Лондон, а некоторые остались в Италии. Мирославский, приписывая свои неудачи проискам польской аристократической партии в Париже или влиянию российского правительства по поводу признания оным Итальянского королевства, надеялся, однако ж, еще на успех общего революционного плана со стороны Гарибальди. Между тем денежные средства Мирославского ограничились, ибо комитет польской эмиграции в Париже сделал распоряжение, чтобы народные пожертвования поступали впредь уже не к нему в руки, а в кассу комитета.

От отчета, потребованного сим последним у Мирославского в издержанных им огромных суммах, он уклонился, удержав в своем распоряжении остальные деньги на военные потребности, и таковым поступком вооружил противу себя всю влиятельную часть эмиграции. Тем не менее, Мирославский не унывал, продолжая действовать на молодое поколение издаваемыми под его руководством демократическими журналами «Wacznosc» («Бдительность») и «Przegląd rzeczy polskich» («Польский обзор»), распространением в народе возмутительных воззваний и личным подстрекательством рассылаемых им многочисленных эмиссаров. Главные его приверженцы и сотрудники суть выходцы: Бржозовский⁸ и Эльяновский⁹, редакторы помянутых двух журналов, Куржына¹⁰, его секретарь, Мицкевич¹¹, сын поэта, и Юлий Бялобржеский. Хоецкий (Charles Edmond) и Ксаверий Браницкий, приближенные к принцу Наполеону, также оказывали Мирославскому содействие.

В продолжение всего года притоном польских выходцев и эмиссаров партии Мирославского были Молдавия и Валахия. Области эти служили этапом для сношений их с польскими землями, Италиєю и Константинополем. В Галацах проживал главный агент центрального генуэзского комитета венгерец Берзенци, который снабжал деньгами и направлял являвшихся к нему выходцев разных наций. В Константинополе существует польский комитет под названием Восточного, учрежденный выходцем Бранским, которого называют генералом. Из этого комитета направлялись революционные происки, между прочим, в Бугарию и Армению. В самых княжествах на границах Турции, Австрии и России составлялись тайные склады оружия, в чем удостоверляли неоднократно замеченные на Дунае транспорты военных снарядов на французских судах Mysageries. Сардинские консулы в княжествах, до вышеупомянутого переворота в политике, покровительствовали польским выходцам, выдавая им паспорта и деньги. Со стороны же владетельного князя Кузы¹² хотя и было оказываемо внимание к представлениям российских и австрийских консулов насчет козней выходцев польских и венгерских и неоднократно отдавались со стороны его приказания удалить всех тех, кои проживают в княжествах без законных видов, но местные полицейские власти слабо исполняли таковые приказания, и положение не изменялось. Вследствие сего представилось необходимым в конце года усилить там наши средства секретного наблюдения. Австрийское правительство также строго наблюдает за происками польских и венгерских выходцев в Молдавии. Из последних, сообщенных австрийскими дипломатическими агентами сведений было видно, что польские выходцы усиливают свою дерзость, учредив патрули по российской границе, на берегу Прута, на довольно большом расстоянии, для содействия переходу беглецов, и что они получили приказание соединиться в исходе декабря в Ботошанах, где будет сформирован из

них батальон, который должен вторгнуться в пределы наши при первом известии о восстании поляков. Подобного же содержания донесение было получено в конце декабря и от консула нашего в Яссах¹³, который указал на поляка Мелько, или Мельковского, проживающего в Михалени, как на главного в настоящее время деятеля, получающего наставления из Варшавы и соединяющего около себя самых фанатических выходцев. Кроме того узнано, что вышепомянутый генерал Бранский приезжал в конце года из Константинополя в Яссы и учредил там польский комитет взаимного пособия, сделавшийся новым центром революционных действий.

Аристократическая партия польской эмиграции, имеющая в главе двух братьев Чарториских, Ладисласа Замойского, Понятовского и Ледуховского (родственника графа Валевского¹⁴), а равно остатки бывшей военной партии, генералы Дембинский и Рыбинский, порицали опрометчивые действия Мирославского. Аристократы стремятся также к восстановлению независимости Польши, но совершенно различными путями: они советуют продолжать пассивное сопротивление, которое принесло уже столько пользы их отечеству; ищут участия к делу Польши в высшей правительственной сфере в Париже; помещают статьи в журналах в духе, соответственном их направлению; обращаются к Папе¹⁵ о духовном содействии, и ожидают успеха от покровительства императора Наполеона, помня, конечно, завещание князя Адама Чарториского, который выразился в оном, что после событий в Варшаве в 1861 году польской эмиграции остается уже только внешнее, политическое содействие патриотическому делу, коего корень укоренился* в самом Царстве Польском. Приезд в Париж графа Андрея Замойского, который держит себя там очень осторожно, привел в движение отель Ламберт. Аристократы выхваляют в высшем парижском обществе патриотизм Замойского, вызвавший своим примером адреса подольского и минского дворянства. Между парижскими польскими аристократами и так называемую «Дворянскую дирекцию» – «Direction noble» в Царстве есть связь; сия последняя высылает в Париж значительные суммы для раздачи бедным выходцам, адресуя деньги на имя Людвигу Воловского¹⁶, которого рекомендовал граф Андрей Замойский. Ладисласа Чарториского и Ладисласа Замойского называют претендентами на польскую корону. Посему весьма естественно, что они и приверженцы их не могут согласоваться с демократическим направлением партии движения; но, тем не менее, общим старанием польских журналов, твердивших в минувшем году с особою настойчивостью о необходимости единодушных действий для пользы отечества, удалось, наконец, соединить, хотя для наружного вида, все оттенки

* Так в тексте.

эмиграции. В Париже составил комитет, называющийся «Центральным народным комитетом», под председательством Ледуховского; но большинство членов составляют демократы, и в числе их находится генерал Высоцкий, принадлежащий к партии действия.

Несмотря на существование этого комитета, различные партии все-таки продолжали свои отдельные происки. Единственным настоящим средоточием действий революционной пропаганды была передаваемая ей частным образом воля императора Наполеона. По секретным сведениям, органом этой высочайшей воли в отношении к политическим выходцам различных наций есть сенатор Пьетри, у которого часто собираются главы эмиграции, прислушиваясь к его наставлениям. Он постоянно давал им надежды, но вместе с тем отклонял от мятежных вспышек. Наконец, утомленные тщетными обещаниями, демократы, в том числе Мирославский, видя участь, постигшую Гарибальди, и застой в деле Италии, решились действовать по собственному внушению. Центр интриг перенесен был в Лондон, так как парижская полиция ввиду грозящей императору Наполеону опасности от неистовства революционеров под руководством Мадзини приняла в отношении к политическим выходцам вообще самые строгие меры наблюдения.

Между тем учрежденный в Париже «Центральный народный комитет польской эмиграции» постепенно более подчинялся влиянию революционной власти, управляющей внутренним польским движением и издающей свои приказания от имени «Центрального народного комитета в Варшаве». Некоторые члены и агенты сего комитета, находящиеся за границу, сделались известны, как то: Цверцякевич¹⁷, издававший в Варшаве подметный листок «Straznica»; Годлевский¹⁸, Чапинский¹⁹, Милович, Анборский²⁰ – студент из Варшавы, якобинец и яростный враг России; он удален по ходатайству нашего посольства из Парижа в Перпиньян под надзор полиции; Булевский²¹, бывший издатель в Лондоне газеты «Demokrata», намеревающийся издавать ныне листок центрального комитета; Сохновский, служивший офицером в российской армии; Подлесский, Пршеволоцкий, Косицкий, Бобровский²², Вольский²³, Сикорский²⁴ и другие, большею частью беглые студенты из Царства Польского и из российских университетов. Из числа помянутых членов центрального комитета в ночи с 9/21 на 10/22 января арестованы были парижскою полициею: Цверцякевич, Годлевский (называвшийся Шмидтом) и Чапинский, только что возвратившийся из Лондона. При этих лицах найдены важные бумаги, обнаружившие их сношения с Мадзини, от которого они привезли письмо к Евгению Араго²⁵, и с Царством Польским, а также сделанные ими заказы оружия в Англии и Бельгии для доставления оного в конце декабря в складочные места на границе прусский Силезии и Познани. Цверцякевич и Годлевский вскоре были освобождены с возвращением им бумаг и

денежных документов, но с тем, чтобы они немедленно выехали из Франции. На освобождение их от судебного преследования имело влияние ходатайство сильных покровителей, между прочим, графа Валевского, и с другой стороны, то обстоятельство, что к обвинению их в возмутительных действиях против французского правительства не представилось достаточных юридических доказательств. Третье названное лицо, Чапинский, оставлен под арестом, ибо он оказался Игнатием Хмиленским, который участвовал вместе с Радовичем, равномерно бежавшим за границу, в преступном замысле, исполненном Ярошинским²⁶ противу особы Е. И. В. Великого Князя Константина Николаевича. Кроме помянутых, проживающих в Париже и Лондоне членов «Варшавского центрального народного комитета», оказались агенты оного и в Гейдельберге. В этом городе образовалось сборище поляков, человек около пятидесяти, посещающих университет и сблизившихся временно с находящимися там русскими. Начало сего сближения было в январе минувшего года, когда русские, сделав обед в честь прибывшего в Гейдельберг сына Герцена, пригласили на оный и поляков.

Между вышеозначенными двумя «Центральными народными комитетами» вскоре возникло открытое несогласие по следующему поводу: варшавский комитет, вступив в союз с русскою революционною пропагандою в Лондоне, стал разделять мнения сей последней насчет предоставления Литве, Белоруссии и Малороссии выбора между присоединением к Польше или к России. Вследствие сего Мирославский протестовал не только в польских, но и во французских журналах против родившегося предположения насчет тождества обоих центральных комитетов, назвав изменою мысль об уступке хотя одной из областей, принадлежавших Польскому королевству.

Торжественное празднование годовщины последней польской революции 17/29 ноября было в прошедшем году запрещено парижскою полициею, и это чрезвычайно раздражило эмиграцию. Молебствия в церквях и обычных больших обедов не было, но происходили частные собрания: партия Мирославского соединилась в различных местах, между прочим, в Батиньольском польском училище, где провозглашен был тост: «Смерть всем монархам Европы», а партия Чарториских – в польской библиотеке. Ладислас Чарториский говорил патриотическую речь, выразив, что меры принимаемые русским правительством в Царстве Польском, особенно рекрутский набор, видимо побуждают поляков перейти из пассивного сопротивления к открытой борьбе; но что народ к оной достаточно не приготовлен, и если возмущение вспыхнет в скором времени, то это поведет к окончательному разрушению Польши.

В Лондоне выходец Жаба устроил в означенный день на деньги Ладисласа Замойского митинг в гостинице, на который приглашены были и некоторые члены английского нижнего парламента. Из сих последних, однако, не явился ни один. Празднество кончилось спором и дракою по поводу вышепомянутого выходца Булевского, члена «Варшавского центрального народного комитета», который требовал, увлекаясь притом до произнесения угроз, чтобы вся польская эмиграция, в Англии и во Франции, подчинилась исключительно варшавскому комитету. Волнение между членами собрания дошло до того, что многие хватались уже за ножи, но ловкая английская прислуга потушила газ, и наступившая вдруг темнота заставила присутствующих разойтись.

В Гейдельберге полиция равномерно запретила полякам церковное торжество по случаю годовщины революции; но они придумали совершить молебствие в синагоге. Затем соединились в гостинице 42 поляка и 10 русских. Поляки Пиентковский, Зебровский, Мелицер и Оссоцкий произнесли речи. Первые три предсказывали скорое восстание, а последний возразил, что таковое не будет иметь успеха, ибо есть одни генералы, без солдат. За эти слова Оссоцкий выброшен был прочими из комнаты. В тот же день гейдельбергские поляки отправили телеграмм* Гарибальди, изъявив свое уважение к освободителю угнетенных народов. Гарибальди не замедлил, также по телеграфу, выразить свою признательность за оказанное ему внимание и сочувствие делу Польши.

Годовщина польской революции праздновалась еще в Турине. На данном обеде было 106 поляков и несколько человек венгерцев, но ни одного итальянца. Первенствовал на оном и говорил речь князь Марцелий Любомирский.

Наконец, польские выходцы вспомнили революцию и в Константинополе, где партия Мирославского находит покровительство со стороны ренегата Садика Паши – выходца 1831 года, Чайковского.

ПОЗНАНЬ И ГАЛИЦИЯ

Прусское правительство успокаивается насчет политического состояния Великого Герцогства Познанского мыслью об успехах германизации того края; но по полученным оттуда секретным сведениям, немцы берут верх только в самом городе Познани, где находится большое число немецких чиновников и военных; во внутренних же частях провинции, за исключением известного числа помещиков из пруссаков, все население остается чисто польским, состоя под влиянием католического духовенства. Ненависть к немецкому языку обнаруживается везде столь сильно, что по-

* Так в тексте.

ляки дали себе слово употреблять оный только в самых крайних случаях. Они настаивают на введении польского наречия во всех отраслях местного управления. При выборах депутатов на Берлинский сейм поляки одержали успех: выбрано 19 поляков и только 9 немцев. Духовенство поощряет польский патриотизм; особенно отличаются в этом отношении пробоиз Прушинский и сам епископ Гнезненский и Познанский Пршылуцкий. Сей последний ездил в минувшем году, в мае, на собрание епископов в Рим и повез с собою к Папе меморию о притеснениях, претерпеваемых католиками в Польше, Литве и Белоруссии.

В Познани повсюду распространяются земледельческие общества, и недавно тамошние поляки учредили на акциях союз под названием «Теллус», которого цель есть удержание сельских недвижимостей в польских руках. Эти два общества сближают познанских поляков с жителями Царства Польского и Литвы, принимающими в оных деятельное участие.

Выходящие в Познани газеты “Dziennik Pozanski”, “Nadwislianin”, “Prziaciel ludu”, особенно же “Dziennik polski”, издаются в духе крайнего польского патриотизма, знакомя население с содержанием революционных журналов польской эмиграции.

В конце года обнаружено между учениками 1 и 2-го высших классов познанской гимназии существование тайного общества под названием «Национального», которое имело целью приготовить искусных освободителей поработенного отечества.

Женский пол в Познани, как во всех польских землях, носит черную одежду. Дамы высшего общества послали минувшим летом изящную работу своих рук графу Монталамберту, который после посещения того края написал брошюру под заглавием: “Une nation en deuil”.

Минувшей осенью неоднократно замечались на протекающей чрез герцогство Познанское реке Варте транспорты с порохом, а в декабре обнаружилось, как объяснено в предыдущей статье о польских выходцах, что на границе Познани назначались складочные места для заказанного польскими заговорщиками в Англии оружия.

В Галиции предоставлено полякам много конституционной свободы при настоящем государственном преобразовании всей Австрийской империи. Они пользуются таким положением для развития идей о польской самостоятельности, особенно в Кракове, куда стекается в Ягеллонский университет молодежь всего края. Журналы “Czas” и “Glos” издаются в духе патриотически-возмутительном. Вождем демократической партии в Галиции есть доктор Смолка, который состоит депутатом в государственном совете и членом земского сейма. Австрийское правительство хотя и обращает внимание на настроение поляков, но не опасается возмущения в Галиции иначе как от внешнего толчка, и потому не принимает особых

мер предосторожности. Спокойствие правительства в сем отношении основано, между прочим, на несогласии между поляками, обитающими в Западной Галиции, и русинами, населяющими восточную часть. Сии последние желают вовсе отделиться от поляков, избирая на сейм особого от себя депутата. Сверх того во всей Галиции дворянство помнит еще кровопролитие 1846 года²⁷, и, не доверяя крестьянам, обращается с ними крайне осторожно.

В лесах галицийских появились в конце минувшего года вооруженные шайки, состоящие, по-видимому, из выходцев не простого звания из Царства Польского и Западных наших губерний. Шайки эти грабят в селах, но выдают жителям квитанции в том, что отнимают; равно нападают они на проезжающие по дороге дилижансы и только в случае сопротивления употребляют насилие. Жители повинуются их требованиям и видят в явлении этом приближение времени открытого восстания поляков.

ОБ ЭМИССАРАХ

В продолжение минувшего года часто доходили из-за границы сведения о посылке эмиссаров, преимущественно от Мирославского, в Царство Польское и в Западные губернии, с письмами и с поручением личного приготовления умов к возмущению. Большая часть должна была проникнуть в наши пределы со стороны Молдавии; другие чрез Галицию; третьи, отправленные их Константинополя, морем. Главные эмиссары, по донесениям агентов, были следующие: Высоцкий, Новацкий, Подлесский, Бобровский, Кржеменецкий, Оборский, Милевский, Пржесловкевич, Мавевский, Грегорович, Чапский, Кучковский и Островский. Все имена эмиссаров, которые, впрочем, отправляются обыкновенно с фальшивыми паспортами, были сообщаемы вместе с описанием лиц, когда оно встречалось в донесениях наместнику Царства²⁸, генерал-губернаторам Западных губерний и вообще пограничным начальствам для принятия мер предосторожности.

О ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ

В продолжение всего минувшего года в Царстве Польском действовали два совершенно противоположные политические стремления. Со стороны правительства шли безостановочно, несмотря ни на какие революционные препятствия, коренные для пользы края преобразования в духе желанного поляками самоуправления и вместе с тем оказывались изъявления попечительных милостей, как то: 1) учреждение Государственного совета, городских и уездных советов; 2) пересмотр некоторых стеснительных для католического духовенства законов, между прочим закона о сме-

шанных браках, и восстановление сношений с Римом на правилах, существовавших до 1845 года*; 3) труды в сфере общественного воспитания, преобразованием начальных школ, а также учреждением Варшавской главной школы на правах университетских, Технологического и Сельскохозяйственного институтов, без всякого в оных стеснения национального развития юношества; 4) очиншевание²⁹ и *усобствование крестьян***; 5) издание законов о гражданской равноправности еврейского народонаселения и об уничтожении некоторых тягостных для оного податей; 6) восстановление самостоятельного управления почт и путей сообщения; 7) преобразования в Польском банке и кредитных установлениях и выдача дополнительных ссуд под заложенные имения; 8) прекращение исков казны с значительного числа частных имуществ, подлежавших конфискации; и, наконец, 9) многочисленные помилования политических преступников. С другой, мрачной стороны революционного противодействия, являлись: 1) покушения на жизнь лиц, стоящих у кормила правления, в том числе императорского брата и царского наместника на другой день приезда Его Высочества в Варшаву с преступною целью предупредить благодетельное влияние на край, связанное с высоким Его назначением; 2) религиозно-политические демонстрации посредством пения возмутительных гимнов на непрерывных по всему краю процессиях в дни торжественные и на панихидах по усопшим «мученикам свободы», а равно чрез патриотические надписи на крестах в память убитых и чрез всеобщее ношение траура с насильственным устранением публики от развлечений всякого рода; 3) старания поколебать верность русских войск посредством подбрасывания возмутительных сочинений; 4) такие же меры в отношении к польским крестьянам, не приставшим к революционному движению городов; 5) образование в Варшаве и Люблине обществ для вербования под присягою охотников в мятежную армию; 6) издание возмутительных листов «Стражницы», «Руха» и «Косиньера», которые предписывали всему населению законы, угрожая, в случае неисполнения оных, поджогом имущества, телесными мучениями и насильственную смертью, каковые угрозы неоднократно осуществлялись над минными жителями края.

Революционный ареонаг, управляющий всем этим преступным движением, принял название «Варшавского центрального народного комитета», о котором уже упомянуто выше в статье о польских выходцах. Организация представляемого им обширного заговора составлена по образцу французского общества «Марианны» с разделением членов на десятки, сотни, округа, подчиненные городским отделам и провинциальным комитетам,

* На полях напротив этой даты карандашная помета императора: «не 1847-го ли?».

** Выделенные курсивом слова подчеркнуты, рядом на полях рукой императора поставлен восклицательный знак.

над коими состоит центральный комитет. * Выбывающие члены, по арестованию или смерти, немедленно заменяются другими. Приказания комитетов исполняются слепо и с величайшею точностью на всем пространстве Царства, а уполномоченные их собирают с жителей на дело вольности и независимости Польши народную подать. *Сила центрального комитета возросла до невероятных пределов и, по имеющимся сведениям, опирается на 7000 лицах ремесленного, фабричного и вообще городского простого класса, обязанных присягою по первому знаку восстать с оружием в руках против русского правительства и русских войск.* ** После Варшавской губернии, самая развращенная в политическом отношении есть Люблинская, затем Радомская*** и Плоцкая; Августовская же – менее прочих, как полагать должно из того обстоятельства, что тамошние городские советы отчасти исполняли требование начальства о назначении от себя членов в рекрутские комиссии, тогда как советы прочих губерний все от этого уклонились и некоторые даже подали в отставку. Католическое духовенство в Царстве, с самого начала беспорядков в 1861 году руководившее народными демонстрациями, не посовестились подать руку центральному комитету, действуя с ним заодно. Мелкая беспоместная шляхта равномерно подчинена и сочувствует революционной власти. Помещики же более независимые по их положению исполняют требования комитета насчет наружных знаков траура и взноса денег, но вообще стараются держаться от мятежного движения в стороне, преследуя свои собственные виды под влиянием так называемой “Direction noble”. Тем не менее, и они в сентябре месяце решились в поданном графу Андрею Замойскому адресе выразить дерзкое домогательство полной автономии Царства с присоединением к нему всех областей, входивших некогда в состав Польского королевства.

Огромный вред в отношении настроения умов в Царстве причинили заграничные органы польской публицистики, особенно краковский “Czas”, осуждая и искажая все правительственные меры и усиливая, вместе с подметными листками, революционный дух жителей.

Изложенный краткий очерк внутреннего состояния Царства Польского представляет плачевную картину болезненного политического тела, которое мечется под разрушительным действием революционной отравы, не сознавая благодетельных мер, изливаемых на него щедрою рукою правительства.

---

* Выделенный курсивом текст отчеркнут на полях карандашом, рядом рукой императора поставлен знак рассмотрения.

** Выделенный курсивом текст отчеркнут на полях карандашом, рядом помета императора: «Оригинально! Все это знали, и ничего не делали!».

*** Выделенные курсивом слова подчеркнуты, рядом на полях карандашная помета императора: «Радомская гораздо хуже Люблинской».

ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ

По связи, существующей между революционным движением поляков во всех странах, ими населенных, почти все то, что делалось в Царстве Польском, отражалось в 1862 году и в политическом положении Западных губерний. Враждебные правительству силы сосредоточиваются и там, в католическом духовенстве, помещиках, учениках и молодых чиновниках польского происхождения. Опору же законной власти составляют, кроме расположенных в каре войск, одни крестьяне, как православно-го, так и католического вероисповеданий. На откровенную преданность евреев, несмотря на оказанную им милость предоставлением всех гражданских прав, рассчитывать нельзя, по причине их материальных выгод от сношений с польскими помещиками и по природной трусости, подчиняющей их революционному давлению. Но сельское население Западного края, помня из рода в род угнетение страшного польского владычества и иезуитов, не доверяет настоящим обещаниям помещиков, старающихся привлечь его на свою сторону, и католическая часть оно не поддается, по крайней мере, до сего времени, фанатическим наущениям ксендзов. Крестьяне благодарны правительству за их освобождение из крепостного состояния и от него же ожидают для себя еще новых милостей, именно бесплатной уступки земель, находящихся в их пользовании. По этой причине они уклонялись в минувшем году от составления уставных грамот, и неприязненные столкновения их с помещиками требовали нередко вмешательства земской полиции или мировых посредников. Сии последние отчасти уже оказывались в Западных губерниях опасными деятелями польской пропаганды, и, следовательно, правительство приобрело в них новых врагов. Ввиду такового, вообще невыгодного положения правительства еще более чувствительно отсутствие религиозного влияния православного духовенства в Западном крае, где две трети населения принадлежат к греческой церкви. По недостатку образования и нерадению, а еще более по корыстолюбию, объясняемому, некоторым образом, скудностью содержания, русские священники вообще не пользуются уважением от крестьян. Сверх того, православные храмы не поддерживаются помещиками, а крестьяне оказываются к сему предмету равнодушными, между тем как католические костелы содержатся роскошно и ксендзы находятся под покровительством высшего сословия. Католическое духовенство и польские революционеры старались в 1862 г. еще более уронить русских церковнослужителей в глазах народа, сделав их предметом преследований, публичных обид и насмешек. Но система эта в последнее время отчасти изменилась. Согласно с наставлениями «Варшавского центрального комитета», в разных местах проявлялось желание поляков сблизиться с русскими всех сословий, к которым они, будто бы, всегда питали, как к

соплеменникам, доброе расположение, ненавидя одно правительство, деспотически угнетающее всех своих подданных. В этом духе составлялись и возмутительные воззвания, которые злоумышленники подбрасывали русским войскам.

В начале 1862 г., сравнительно с 1861 годом, когда политические страсти поляков были в полном разгаре, в Западных губерниях, по примеру Царства, водворилось повсеместно наружное спокойствие. Пение в церквях патриотических гимнов если не совсем прекратилось, то являлось довольно редко, и из прежних манифестаций осталось лишь ношение женским полом траура. Причины наставшей тишины объяснялись различно: по уверениям одних, коноводы польского дела, находя, что Польшею и Западным краем достаточно заявлено перед целым светом непоколебимое их намерение отделиться от России, положили не раздражать более без всякой пользы гласными манифестациями российское правительство, а выждать событий в Италии и Венгрии и тогда действовать единодушно и энергично. *По мнению других, польские злоумышленники ожидают скорой революции в России, что и будет сигналом для общего восстания.** Только немногие соглашались, что *твердые меры правительства*** объявлением в разных губерниях военного положения имели главное влияние на успокоение края. Помянутое спокойствие поляков хотя и не было нарушено уличными беспорядками и впоследствии, но, тем не менее, под ним заметно скрывалась неугасаемая внутренняя злоба, и по временам в разных местах повторялись как панихиды по убитым и казненным в Варшаве, так равно духовные процессии в память исторических событий, пение в церквях возмутительных гимнов и сборища с патриотическою целью в народных костюмах. Главные манифестации в Литовском крае происходили в день 31 июля, в годовщину Люблинской унии или соединения Литвы с Польшею в 1569 году³⁰. Празднование этого события, которое вызвало в 1861 году столь серьезную демонстрацию, исполнялось и в минувшем году почти повсеместно в Литовских губерниях, но с умеренностью, определенной в тайно распространенных перед тем между поляками воззваниях из Варшавы. В губерниях: Киевской, Волынской и Подольской достаточно, по-видимому, огражденных верою, языком и преданиями от искушений польской пропаганды, являлись равным образом революционные попытки. Еще сильнее оказались они в Минской губернии и даже в Белорусском крае, под влиянием нескольких неблагонамеренных лиц, воспользовавшихся снисходительностью местного начальства.

* Выделенный курсивом текст отчеркнут на полях карандашом рукой императора.

** Выделенные курсивом слова подчеркнуты, рядом на полях имеется карандашная помета императора: «Хороши они были!».

Из различных манифестаций в Западных губерниях в минувшем году наиболее замечательны следующие.

В Брест-Литовске происходила 30 апреля демонстрация по поводу проезда из Бобруйска в Варшаву всемилостивейше прощенного епископа Бялобржеского. Он был встречен толпою мужчин и женщин, которые выпрягли лошадей *из его экипажа* и на себе везли *оный** до почтовой станции, где, прощаясь с ним, стали на колени и обнажили головы. Гродненской же губернии в м. Друзгениках, на минеральных водах, праздновали 31 июля соединение Литвы и Польши. На отслуженном молебствии все посетители вод были в костюмах. Вечером на пароме среди Немана поставлен транспарант, изображавший две протянутые с двух противоположных берегов руки. После обедни угощали до 100 человек крестьян завтраком в клубном зале, разыграли в пользу их лотерею и под конец дворяне гуляли вместе с простым народом по иллюминированному саду. В Каменец-Подольске в сентябре епископ Фиалковский по случаю приведения к присяге дворян, собравшихся в губернском городе для выборов, сказал им патриотическую речь, в которой говорил только о крае, о народе, об исторических воспоминаниях, но ни слова о должностных обязанностях и о преданности престолу. Речь эта очень понравилась дворянам, которые затем стали съезжаться в Каменецком клубе и составили свой дерзкий адрес о присоединении Подольской губернии к Царству Польскому.

В Минске 17 апреля разбиты камнями стекла в занимаемом католическим епископом Войткевичем доме, который был иллюминирован по поводу торжественного дня. По случаю провоза чрез Минскую губернию политических преступников из Варшавы часто происходили демонстрации, сопровождаемые иногда и беспорядками. В числе оных главное произошло 2 июня: при отправлении трех преступников из Минска толпа в двести человек вышла провожать их за заставу; женщины бросали на дорогу цветы, а при дальнейшем следовании около 500 человек, скрытых в лесу, бросились с палками к повозкам арестантов; но, видя сзади себя отряд пехоты, удалились. Из задержанных при этом 79 человек большею частью оказались гимназисты, которые и подвергнуты взысканиям. Доказательством нерасположения к правительству минских дворян послужило намерение их следовать примеру подольского дворянства представлением адреса о присоединении Минской губернии к Царству Польскому. В Витебске неоднократно происходило пение гимнов при участии заседателя гражданской палаты Корсака, который также был замечаем в ношении польского костюма, в коем он являлся даже на службу. За сие Корсак был выслан по Высочайшему повелению в Вятку. Между крестьянами

* Выделенные курсивом слова подчеркнуты, рядом на полях рукой императора поставлен вопросительный знак.

Витебской губернии, присоединившимися к православию, распространяем был гимн, который пели прежде в униатских церквях. *Полоцкий архиепископ** жаловался обер-прокурору Св. Синода³¹ на ухищрения вообще католического духовенства для увлечения бывших униатов в прежнюю их веру. В сентябре в костеле местечка Уллы Лепельского уезда ксендзы перестали одно время поминать на суппликациях³² Ваше Императорское Величество, но простолоюдины католического и православного исповедания, вознегодовав за это, восстали против ксендзов и настойчиво требовали поминания имени Вашего Величества при богослужении.

Кроме революционных в различных местах манифестаций, замечены были в Западных губерниях еще общие злонамеренные действия, имевшие важное значение, как то: 1) *Католические ксендзы наущали народ на исповеди лжесвидетельствовать в полицейских судах и возбуждали сопротивление правительству***; 2) Повсеместно распространялись на различных наречиях возмутительные воззвания и листки, которые приклеивались к костелам и домам; 3) Помещикам и вообще дворянам и зажиточным людям возбранялось от имени центрального революционного комитета выкуривать вино и предаваться излишеству в жизни и удовольствиям под страхом пожаров и убийств. Вместе с тем от них требовались деньги на дело освобождения Польши; 4) С большим единодушием старались вовсе исключить из употребления русский язык и распространять народные училища с целью возрождения между простым народом польской национальности.

Ввиду необходимости противоборствовать столь опасному настроению поляков в Западном крае восстановлен в сентябре минувшего года по Высочайшему повелению Западный комитет. На этот комитет возложено обсуждение предположений и мер, относящихся к водворению в означенном крае порядка и упрочению в нем спокойствия.

О РУССКИХ ВЫХОДЦАХ И О ИХ СНОШЕНИЯХ В РОССИИ И ЗА ГРАНИЦЕЮ

Прибытие в начале минувшего года в Лондон бежавшего из Сибири Михаила Бакунина оживило деятельность русской пропаганды. Он немедленно вступил в сообщество с Герценом, Огаревым и Кельсиевым и заявил в «Колоколе» необузданную свою революционную решимость. Следовало ожидать усиленных замыслов для низвержения в России законного порядка, тем более, что наступавший срок открытия в Лондоне всемирной

* Выделенные курсивом слова подчеркнуты, рядом на полях рукой императора поставлен вопросительный знак.

** Выделенный курсивом текст отчеркнут на полях карандашом, рядом имеется помета императора: «Неблагонадежность духовного сословия у нас».

выставки представлял эмиграции удобный случай сблизиться с отправлявшимися туда многими русскими. Посему осторожность требовала учредить в Лондоне самое близкое секретное наблюдение, как за политическими выходцами, так и за их посетителями. Предпринятые по сему предмету меры имели полный успех. Одному, отправленному отсюда с этой целью, лицу удалось приобрести доверие Герцена и Бакунина, которые чрез несколько времени, видя в нем полезного соучастника в деле революции, объяснили ему задуманную ими программу. Сия программа, в общих ее чертах состоит в том, чтобы на всем пространстве России учредить отдельные кружки, каждый из пяти лиц, не более, привлекая в члены кружков, кроме образованного класса, и мещан и дворовых людей как посредников между тем классом и низшим слоем народа; на составленные же таким образом кружки возложить, как ближайшую задачу, утверждение крестьян в мысли, что земля принадлежит и должна принадлежать им; вместе с тем, поколебать всеми средствами доверие народа к правительству, склонять войска на сторону переворота и, наконец, подготовить *общее требование о созыве Земской думы**.

По словам самого Герцена, программа эта в отношении к народу не получила еще достаточного развития; без народа же, говорил он, ничего сделать нельзя, и потому невозможно начинать открытых действий до наступления окончательного срока для представления уставных грамот. Тогда, по его мнению, непременно будут восстания крестьян и вместе с тем наступит для них, революционеров, пора действовать, сосредоточивая восстания, дабы нельзя было оные подавить. Между тем, он, Герцен, старается об увеличении своих корреспондентов в России и поддерживает волнение умов посредством своего журнала и других сочинений.

В разговоре о русских выходцах Блюмере³³, Петре Долгорукове и Головине Герцен выразился следующими словами: «Мы их в грош не ставим; печатаем же статьи, которые они нам присылают и защищаем их потому, что они принадлежат к партиям, действующим против правительства»**.

По предмету пересылки из Лондона в Россию «Колокола» и других сочинений заведывающий типографией Герцена выходец Тхоржевский³⁴

* Выделенные курсивом слова подчеркнуты, рядом на полях карандашная помета императора: «Теперь ушли гораздо дальше».

** Блюмер продолжал издавать в Берлине, а по удалении его оттуда, в Брюсселе «Свободное слово». Долгоруков, находясь в Брюсселе, издавал сначала газету «Правдолюбивый», которая печаталась в Лейпциге у книгопродавца Вольфганга; а потом, поссорившись с сим последним, он предоставил ему продолжение этого издания, а сам стал издавать на французском языке «Le Veridique», которое вышло уже несколько номеров, и сверх того на русском языке «Листок». Головин сделался в минувшем году известен напечатанным в газетах письмом его к графу Андрею Замоискому, в котором он изъявлял сочувствие свое самостоятельности Польши. (Примечание авторов документа.)

объяснил, что «Колокол» посылается к подписчикам по почте в виде писем в обыкновенных обертках, а более объемистые посылки доставляются по назначению чрез контрабандиров*.

По наблюдению за русскими, посещавшими Герцена в июне месяце минувшего года, оказалось, что их было человек до тридцати и что они делились на таких, которые приходили к нему в определенные приемные дни преимущественно из любопытства, и на таких, которые участвуют, более или менее, в преступных его намерениях. К сей последней категории принадлежали, кроме постоянно бывших у Герцена известных выходцев, следующие приезжие лица, большей частью мелкие журнальные писатели: Альбертини³⁵, Достоевский³⁶, Мартьянов³⁷, Писемский³⁸, Черкесов³⁹, Косаткин⁴⁰, Калиновский⁴¹, Сатин⁴², Стасов⁴³, Ковалевский⁴⁴, Давыдов и Ветошников⁴⁵.

Вследствие дознания в Лондоне же, что из числа помянутых, Ветошников, оказавшийся потом купеческим приказчиком здешнего торгового дома Фрума, принял на себя при отъезде в Россию поручение от Герцена, сделано было распоряжение о его задержании на границе и об осмотре его бумаг. Между ними оказались революционные сочинения и письма от Герцена, Бакунина и Кельсиева, обнаружившие степень развития опасных их замыслов и несомненную виновность лиц, которым письма были адресованы. Письма эти были переданы в Высочайше-учрежденную под председательством статс-секретаря князя Голицына секретную следственную комиссию, где по ним производились подробнейшие разыскания. О сих последних изложено ниже, в кратком обзоре действий комиссии.

Между тем, дознания, сделанные в Лондоне, дополнялись в Париже посредством учрежденного и там секретного наблюдения за перепискою Герцена и Бакунина. Вследствие сего, кроме лиц, значившихся в бумагах, привезенных Ветошниковым, открыты еще многие другие корреспонденты и участники в Париже, Флоренции и Гейдельберге, как-то, из русских: Лугинин⁴⁶, Бакст⁴⁷, Михайлов⁴⁸, Миротворцев⁴⁹, Тургенев⁵⁰. Из поляков же: названные в предыдущей статье члены «Варшавского центрального народного комитета» – Цверцякевич, Анборский и Сохновский, некий Теодор в Гейдельберге, оказавшийся по разведанию Новицким и глава польской партии движения – Мирославский. Содержание всех писем, сделавшихся известными, относится к политическим замыслам, обнаруживая в России деятельные приготовления к возмущению и собрание подписей для адреса насчет созвания Земской думы. По польскому же вопросу выражается ожидание скорого взрыва, но в то же время со стороны Герцена и даже Бакунина слабая надежда на успех по причине недостаточного приготовления польских крестьян и русских войск. Бакунин в пись-

* Так в тексте.

ме к Цверцякевичу выразился, что если вспыхнет мятеж в Варшаве, хотя бы преждевременный, то он немедленно явится туда под знамена революции. Из перехваченного же письма Мирославского к Бакунину видно было, что, хотя они разошлись в мнениях насчет пределов будущего Королевства Польского, но что они сохраняли еще свои связи, стремясь вместе, прежде всего, к революции. В том же письме Мирославский старался уверить Бакунина, что «Варшавского центрального комитета» вовсе не существует, что это лишь обман, но что главная революционная сила заключается в партии его Мирославского. В конце года письма Бакунина обнаружили уже явный его с Мирославским разрыв, который произошел отчасти под влиянием одного ловкого анонимного подстрекательства. Тогда Бакунин стал печатать во французских и польских журналах колкие статьи против Мирославского. Вместе с тем, Бакунин, сблизившись еще более с «Варшавским центральным комитетом», писал, под адресом Косиловского, в Париж, следующие слова: «Nous avons donne notre main à ce noble comité de héros obscures, journaliers, mais don't le dévouement sans bornes affrontait les plus terribles dangers a se creer une formidable puissance polonaise au centre même de l'oppression muscovite-petersbourgeoise. Nous lui avons donne et nous lui garderons notre foi*. – Вы жалеете, что комитет состоит из людей темных, никому неизвестных – апостолы из кого состояли?» и проч.

Наконец, из письма Бакунина же во Флоренцию под ложным адресом, сделалось известным, что он имеет намерение приехать в С.Петербург, когда представится к тому серьезный повод.

КРАТКИЙ ОБЗОР ДЕЙСТВИЙ ВЫСОЧАЙШЕ-УТВЕРЖДЕННОЙ СЕКРЕТНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ⁵¹

Следственная комиссия под председательством статс-секретаря князя Голицына была учреждена в мае минувшего года по поводу распространения в столице возмутительных воззваний под разными наименованиями, как то: «К молодому поколению», «Молодая Россия», «Что делать войску», «К офицерам», «Что нужно народу», «Граждане»** и других, указывавших вообще на существование революционных замыслов. Некоторые распространители воззваний были уже задержаны по распоряжению III отделения,

* «Мы поддержали сей благородный комитет героев безвестных, повседневных, но коих безграничная преданность пренебрегала самыми большими опасностями дабы создать грозную силу в самом центре московско-петербургского гнета. Мы поверили ему, и сохраним нашу веру». (Пер. с фр.)

** Выделенные курсивом слова подчеркнуты, рядом на полях имеется карандашная помета императора: «Где находятся эти воззвания? Их бы нужно сличить с нынешними».

в том числе несколько женщин. Комиссия, приступив к допросам этих лиц, вскоре признала нужным произвести еще значительное число арестований, преимущественно между студентами здешней Медико-хирургической академии и университета. По следствию они были уличены в составлении, печатании, на заведенных ими для сего станках, и распространении возмутительных сочинений, в преступном сближении с народом в воскресных школах и читальнях и даже в подговаривании солдат в казармах. Особенно виновными оказались студенты: Рымаренко⁵², Гюбнер⁵³, Баллод⁵⁴, Яковлев⁵⁵, литератор Писарев⁵⁶ и типограф Марков⁵⁷. Обнаружилось, что начало этих преступных действий относится еще ко времени содержания в 1861 году студентов за открытое сопротивление начальству под арестом в Кронштадте, где они придумывали между собою способы проводить в народе преступный их образ мыслей ко вреду правительства. Но, вместе с тем, комиссия уверилась, что допрошенные ею лица суть лишь орудия скрывающихся главных злоумышленников. Затем, захваченные в июле месяце у возвращающегося из Лондона вышеупомянутого Ветошникова бумаги и письма, порученные ему Герценом, Бакуниным и Кельсиевым, объяснили, что средоточие всех преступных замыслов против Российской империи и ее правительства составляет лондонская пропаганда.

По уличительному содержанию означенных писем, комиссия тотчас сделала распоряжение об арестовании литераторов Серно-Соловьевича⁵⁸, Чернышевского⁵⁹, отставного штабс-капитана Петровского⁶⁰, кандидата Набалдина⁶¹, купца-раскольника Шibaева⁶², купеческого приказчика Владимирова⁶³ и отставного поручика Белозерского⁶⁴. По рассмотрении бумаг этих главных соучастников последовало арестование в разных местах России еще многих лиц, числом более ста, из служащих и отставных чиновников, офицеров, учителей, лиц, занимающихся книжною торговлею и студентов, отчасти удаленных уже из университетов. В числе сих последних арестован и родной брат Кельсиева⁶⁵, участвовавший в 1861 году в беспорядках московских студентов.

К следствию над этими лицами присоединены были временно и переданные из военного и морского ведомств делопроизводства об офицерах Л.-гв. саперного батальона Еллинском⁶⁶, Энгеле⁶⁷ и Посникове, о подпоручике Л.-гв. Измайловского полка Григорьеве⁶⁸, о юнкере 24-го флотского экипажа Трувелере⁶⁹ и о гардемарине Дьяконове⁷⁰, судившихся военным судом за неблагонамеренные действия и вредные внушения нижним чинам.

Общая доказанная виновность всех арестованных лиц состоит в распространении возмутительных воззваний и других сочинений с целью поколебать верность народа и войска престолу. Подобные воззвания должны были быть разбросаны и 8 сентября как в С.Петербурге, так и Новгороде по случаю празднования торжества тысячелетия России.

Участники злоумышленных действий оказались, кроме столиц, почти во всех частях России, даже в самых отдаленных – в Сибири, на Кавказе и в Оренбургской губернии. В городе Уфе открылось гнездо неблагонамеренных чиновников, распространявших возмутительные правила; в числе их были: служащий в канцелярии оренбургского генерал-губернатора чиновник Ильин; судебные следователи Жуковский⁷¹, Рязанцев⁷², Бобров; оренбургский мировой посредник Циолковский⁷³; самый злой возмутитель и враг правительства, начальник канцелярии оренбургского гражданского губернатора Поллонский, который принадлежал к особой еще польской партии, собиравшейся у ксендза Боярского, и член оренбургского губернского по крестьянским делам присутствия отставной инженер-капитан Авдеев⁷⁴. Сей последний уличен, между прочим, в преступной политической переписке с женою бывшего оренбургского, а потом саратовского гражданского губернатора Барановского⁷⁵, и с отставным подполковником Корпуса лесничих Щелгуновым⁷⁶, отправившимся вместе с женою в Сибирь для свидания с государственным преступником Михайловым.

В Полтавской губернии обнаружено общество, предположившее действовать в видах отделения Малороссии; к нему оказались между прочими прикосновенными: капитан Корпуса инженеров путей сообщения Добода, учитель Стронин⁷⁷, судебный следователь Харьковской губернии Лялин⁷⁸, состоявший в сношениях с Бакуниным, и бывший студент С.Петербургского университета Чубинский⁷⁹. Сей последний представлял из себя в Киеве малороссийского патриота и, под предлогом отправления на поклонение праху национального поэта Шевченко, ездил с шайкою студентов, одетых в фантастические костюмы, по деревням Киевской губернии, сближаясь с народом, и пел возмутительные малороссийские песни. В Золотоношенском уезде появилось мятежное воззвание, которого сочинение приписано было тому же Чубинскому.

Главные происки заграничной пропаганды направлены были на возмущение раскольников. Это видно из переписки Кельсиева, привезенной Ветошниковым, и из писем Бакунина, взятых у весьма близкого ему и по домашним отношениям кандидата Набалдина, и, наконец, из показаний разных лиц, между прочим, вышепомянутого Лялина и здешнего корреспондента Бакунина, маркиза Траверсе⁸⁰, сознавшегося, что, находясь в Лондоне, он давал деньги на издание сочинений о расколе. Наиболее деятельные помощники Кельсиева и Бакунина по части раскола были, в С.Петербурге – Николай Серно-Соловьевич, а в Москве – отставной штабс-капитан Петровский; первый по книжной его торговле, а последний как переводчик и издатель разных иностранных сочинений о религиозных сектах. Сочинения эти вместе с «Общее вече» и

«Сборником» Кельсиева предполагалось распространять в большом числе в Москве, во внутренних губерниях и, особенно, на Нижегородской ярмарке, причем имелось в виду, кроме возмутительной цели, приобретение денег, в коих лондонская пропаганда для своих действий нуждается. Обнаружение этого обстоятельства побудило к учреждению в Нижнем Новгороде и в Приволжских губерниях строжайшего надзора и к Высочайшему возложению особого по сему предмету поручения на генерала от кавалерии Фон-дер-Лауница⁸¹, который исполнил свои обязанности с совершенным успехом.

Исследования комиссии подали также повод к предположению, что Кельсиев ездил в марте минувшего года по делам пропаганды в Константинополь чрез С.Петербург и Москву, жил в обеих столицах короткое время по турецкому паспорту, выданному на имя Василия Яни, и возвратился из Константинополя в Лондон опять чрез С.Петербург; что в октябре месяце он вторично был в Москве под тем же именем, что в марте месяце Кельсиев имел сношения здесь с Серно-Соловьевичем; литератором Максимовым; книгопродавцем Кожанчиковым и коллежским регистратором Ничипоренкой; а в Москве, кроме главных его соучастников, литератора Петровского и раскольника Шибяева, с московским мировым посредником князем Павлом Трубецким, помещиками Орфано⁸², надворным советником Афанасьевым, отставным поручиком Ошмянным, учителем Козловым и писателем Косаткиным, выехавшим потом за границу; но подробные дознания всего, здесь изложенного, положительно не подтвердили.

Из вышепомянутых лиц обратил на себя особенное внимание коллежский регистратор Ничипоренко. В июне минувшего года, прибыв из Лондона в Пескиеру, он был обыскан австрийской полициею. При нем оказались прокламации к итальянцам, письма к Гарибальди от друга его Саффи и к секретарю его Беллаци, а также в большом числе экземпляров воззвания к русским о пожертвовании для предприятий Герцена и Огарева. Ничипоренко успел отправиться из Пескиеры в Константинополь и оттуда приехал в Россию. Из взятых при арестовании Ничипоренко бумаг видно, что он состоял в близких сношениях с Бакуниным, который поручал ему отвезти письма в Прагу, и что вместе с ним должен был явиться к Гарибальди Потехин. Сей последний принадлежит к числу здешних мелких писателей. Он подвергнут аресту.

Следственная комиссия окончила рассмотрение дел о большей части арестованных лиц, испросив Высочайшие решения насчет дальнейшего с ними поступления. Об остальных главных преступниках исследования продолжаются.

О ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ

По наблюдению за расположением умов в Финляндии в минувшем году не обнаружено влияния тех внешних политических происков, которые в 1861 г. нашли сочувствие среди финляндцев, преимущественно в кругу профессоров, студентов и литераторов. Стокгольмские газеты продолжали, однако ж, печатать статьи, имевшие целью ослабить доверие финляндцев насчет созвания сейма, и вообще из тех газет было видно, что Швеция, питая к России неудовольствие, обнаружившееся, между прочим, в минувшем году по случаю сохранения у нас празднования Полтавской победы, не отказывается от видов своих на Финляндию в неопределенном будущем. Король Карл⁸³ послал пострадавшим от неурожая жителям северной части Великого Княжества денежное пособие в 25 000 риксдалеров, или 10 000 рублей. Расчетливое великодушие это, исчезавшее, впрочем, перед щедрыми знаками сострадания нашего двора и российского народа, не произвело, сколько было слышно, того впечатления, на которое, вероятно, надеялся шведский король. Главный интерес, занимающий умы финляндцев, составляет народный сейм, которого созыв приближается по мере успеха производящихся в глазах населения приготовительных трудов финляндского сената. Общее настроение финляндцев выражает признательность к Вашему Императорскому Величеству за попечение о их крае и за уважение к его конституции; но, следуя за журналами, издаваемыми в Гельсингфорсе, и за отдельными публичными фактами, можно заключить, что чувство самостоятельности в короткое время значительно выросло в крае. Таким образом, по поводу финляндского заграничного займа немедленно завязалась полемика: в опровержение доводов, объявленных сенатором Лангеншельдом⁸⁴, управляющим финансовою комиссиею, доказывали, что, хотя необходимость может оправдать заключение займа без согласия сословий, но что мера эта не должна быть названа законною; что приведенные сенатом примеры подобных произвольных действий шведских королей Густава III и Густава-Адольфа⁸⁵ не могут служить оправданием, ибо государи эти не славились уважением к законам, и что за это, под конец, они сами, как свидетельствует их участь, не были ими защищаемы. Кроме того, в местных журналах проявлялись притязания на назначение за границу отдельных от империи финляндских консулов и на предоставление финляндскому торговому флоту особого флага. Впоследствии таковой являлся уже на некоторых мелких финляндских судах, состоя из цветов желтого, синего и белого, указывавших на симпатию к Швеции. Наконец, довольно резким действием оказалось обращенное кемнерским судом к финляндскому генерал-губернатору барону Рокасовскому чрез ньюландского губернатора требование, чтобы он явился в тот суд для объяснения по жалобе некоего

Бреннера на неисполнение им заключенного условия по найму под укрепление, во время последней войны, принадлежащей ему, Бреннеру, местности. Суд, вследствие отказа барона Рокасовского в личной явке, как несоответствующей его званию, объявил себя некомпетентным для решения самого дела. По этим отдельным чертам можно ожидать, что на предстоящем сейме, несмотря на определение предметов, подлежащих его обсуждению, не обойдется без жарких прений и смелых выходов со стороны представителей сословий под влиянием шведской партии. Сия последняя, в соединении с чисто финскою, составляют оппозицию против русской партии, самой малочисленной в крае, и против российского престола.

О НАРОДНОМ ДУХЕ

В представленном в начале минувшего года политическом обозрении я всепопданнейше доносил Вашему Императорскому Величеству о неблагоприятном вообще настроении умов в империи под влиянием двух главных партий, из которых одна стремится к народно-представительному порядку правления, надеясь приобрести в палате личное, нравственное значение взамен потерянного крепостного над крестьянами права; а другая, при подстрекательстве революционной заграничной пропаганды распространяет за пределы благоразумия либеральные, демократические свои притязания, угрожающие общественному спокойствию и монархическим основаниям государства.

После того положение становилось постепенно хуже. Публичные чтения профессоров, начавшиеся в январе минувшего года и имевшие целью заменить для учащегося юношества университетские лекции, вскоре обратили на себя внимание вредным направлением преподаваемого с кафедры учения. Оно оказывалось тем более опасным, что в публичных чтениях вне стен университета теряется чисто научная цель, извиняющая иногда несоответствующий существующему в государстве образу правления взгляд преподавателей на обсуждаемые ими политические предметы. Ни в одном, впрочем, конституционном даже государстве не было бы, вероятно, позволено профессору, читающему при открытых дверях, сказать перед тысячею собравшихся с улицы людей, «что вполне обязательных законов не существует, и если закон оказывается вредным для народа, то сей последний имеет право его отвергнуть». Между тем, слова эти и много подобных речей были произнесены на здешних публичных чтениях. Когда же профессору Павлову за преступные намеки, сделанные им на литературном вечере, данном, как оказалось после, в пользу сосланного в Сибирь Михайлова, и вызвавшие шумное одобрение со стороны толпы его приверженцев, запрещено было читать, то и прочие профессеры отказались от своих кафедр, кроме одного Костомарова. Молодежь не допустила, од-

нако ж, и его к чтению, сделав ему при общем смятении публичную обиду. Лекции были закрыты, а возмутители воспользовались этим обстоятельством и удалением Павлова из столицы, чтобы навлечь на правительство нареkania в несправедливости и стеснении народного просвещения.

Вскоре затем стали появляться в столицах разные революционные воззвания, которые подбрасывались в частных домах, в казармах и даже в Зимнем Вашего Величества дворце. В мае начались опустошительные пожары, которые общественное мнение приписало поджигательству, убеждаясь в том еще более смыслом воззвания «*Молодая Россия*»*, написанного в духе политического иступления.

В июне из захваченных на границе писем главных русских возмутителей в Лондоне обнаружилось, сколь далеко распространилось уже во всей империи злоумышление и сколь необходимо было принять противу оно-го решительные меры для отвращения великих несчастий.

Вследствие сего состоялись, по Высочайшему Вашего Величества повелению, закрытие всех в империи воскресных школ и публичных читален, как служивших проводниками революционных идей, запрещение некоторых вредных журналов, закрытие здешнего шах-клуба, как сборища неблагонамеренных литераторов, усиление цензуры изданием некоторых дополнительных правил и увеличение вообще надзора со стороны исполнительной в столице полиции. С другой стороны, Высочайше учрежденная около того же времени особая секретная следственная комиссия, обнаруживая, по сообщаемым ей III отделением сведениям, революционных деятелей, задержала, как изложено выше, главных виновников и многих сообщников.

Исчисленные здесь меры** строгости имели успех; волнение умов видимо успокоилось***; бывшие в столице пожары, составляя сами по себе большую вещественную потерю, возбудили в публике, особенно же в пострадавшем наиболее торговом и низшем классе здешнего населения, чувство самосохранения, и, вместе с тем, общее негодование против подозреваемых в поджигательстве беспокойных студентов, поляков и вообще против мятежных голов. Герцен и его пропаганда понесли чрез это довольно сильный удар, которому потом содействовали еще издатели московского журнала «Русский вестник» Катков⁸⁶ и Леонтьев⁸⁷, первые в России выступившие печатным, резким словом против несбыточных, пагубных теорий Герцена. Посыпавшиеся на помянутых издателей злые на-

* Выделенные курсивом слова подчеркнуты, рядом на полях рукою императора поставлен знак «Nota Bene».

** Под выделенными курсивом словами карандашная помета императора: «были только паллиативными».

*** Выделенные курсивом слова подчеркнуты, рядом на полях рукою императора поставлен вопросительный знак.

падки со стороны либеральных российских журналов доказывают меткость удара, нанесенного пропаганде, и, вместе с тем, солидарность с оною большей части литературного нашего общества.

Таким образом, удалось на этот раз рассеять скопившуюся над русской землею революционную тучу, которая грозила разразиться при первом удобном случае, и этот случай возмутители предвидели, между прочим, в готовившемся возмущении поляков. Тем не менее, происки заграничной пропаганды продолжают с большим ожесточением, в возмездие за потерю многих усердных ее деятелей. Внутри же России пропаганда поддерживается еще либеральною журналистикою, представляющею, наподобие прессы некоторых западных государств, могущественный рычаг нравственно-политического переворота.

Взгляд на сборник запрещенных в продолжение 1862 года журнальных статей, составляющий два больших тома, вполне обнаруживает направление нашей литературной фаланги. Направление это имеет две главные исходные точки: одна есть школа так называемой «Юной России», которая отрицает весь существующий со времен Петра Великого государственный строй, стремясь к первичной земской самоуправе в духе чистого славянизма; другая есть отвлеченное, западное утопическое учение социализма и коммунизма, примененных к расколу. По словам наших реформаторов, многочисленные, независимые общины раскольников образованы на основаниях братского равенства, выборного начала и солидарности, группируясь в виде федерации, которая состоит уже из 10 миллионов душ, и которая, под личиною религиозного принципа, имеет главною целью сохранение гражданской свободы.

Названные две школы существуют отдельно, но обе они имеют в предмете передачу верховной власти в руки народа и, следовательно, обе противоборствуют правительству. Действия их сливаются в преследуемой ими системе «нигилизма» или отрицания всего существующего государственного порядка при старании унижать публично достоинство правительственных лиц и охудать принимаемые правительством меры судебные, финансовые, административные и, особенно, полицейские. В системе этой революционные деятели обеих партий видят громадную силу для достижения своих целей.

Изъясненное преступное направление выражается и в большей части статей, невольно разрешаемых цензурою по более отвлеченному их изложению, но в которых, тем не менее, прозорливому читателю скрытый смысл понятен. Таким образом, нравственный яд постепенно проникает в слои читающего общества, особенно же он поражает пылкое, восприимчивое воображение молодежи.

Принятые во второй половине истекшего года меры против пропуска в периодических изданиях статей, написанных в дурном политическом ду-

хе, и арестование нескольких главных литературных возмутителей имели уже некоторое влияние на журналистику. Для более успешного за оною наблюдения составляется, по повелению Вашего Величества, новый цензурный устав. *Положить окончательный предел журнальному волнению тем необходимее, что, по мере распространения грамотности и развития общественной жизни между низшими сословиями, это революционное орудие получает постоянно большую важность**. Можно даже утвердительно сказать, основываясь на горьких опытах западных держав, прошедших трудный путь народного развития, на который вступает в настоящий период быстрыми шагами Россия, что устранение, или, по крайней мере, ограничение опасности, грозящей ей со стороны прессы, избавит ее от главных бед, сопряженных обыкновенно с политическим пробуждением народов.

В заключение я считаю себя в обязанности повторить, что, несмотря на раскрытие революционной в империи стихии, сия последняя не слабеет, и Лондонская пропаганда, конечно, воспользуется для своей преступной цели новым затруднением, которое правительство встречает в Царстве Польском и Западных губерниях. Поэтому крайне необходимо не только продолжать, но усилить еще неусыпное наблюдение за происками революционеров, дабы отвратить пагубное их влияние на общее положение государства и на главный оплот его силы, на войско, в рядах которого также стали проявляться признаки сего влияния.

Генерал-адъютант князь Долгоруков

2 марта 1863 года

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 27. Л. 255–308.

¹ В июле 1862 г. случайная уличная драка в Белграде между турками и сербами вылилась в народные волнения. Турецкий квартал был разгромлен, город покрылся баррикадами, османский гарнизон из цитадели бомбардировал Белград. Под давлением европейских держав Порты пошла на уступки – турецкий квартал в Белграде был ликвидирован, в 1866 г. из города был выведен гарнизон. В 1867 г. османские войска окончательно покинули территорию Сербии.

² Крымская война вызвала в Афинах бурные демонстрации с требованием освобождения греческих областей, остававшихся в руках турок. Бездействие правительства вызывало в широких общественных кругах сильное раздражение. 13 февраля 1862 г. произошло выступление военных в Навплии, 22 октября в Афинах было составлено временное правительство, объявившее короля Оттона низложенным «по единоголосному решению нации».

³ Виктор-Эммануил II.

* Выделенные курсивом слова подчеркнуты, на полях имеется карандашная пометка императора: «Только невозможно».

⁴ В июне 1862 г. Гарибальди призвал своих приверженцев на Сицилии к походу на Рим. Высадившись с 3000 волонтеров на материк, он столкнулся с войсками короля Виктора-Эммануила, который выступал против этого предприятия. 28 августа в сражении при Аспромонте Гарибальди был ранен в ногу и взят в плен.

⁵ Наполеон III.

⁶ 2 декабря 1852 г. Шарль Луи Наполеон Бонапарт был провозглашен «милостью Божией и волей народа императором французов».

⁷ Каморра — мафия (пер. с ит. яз.); Наибольшего развития достигла в эпоху правления в Неаполитанском королевстве Бурбонов; после объединения Италии пришла в упадок.

⁸ Бржозовский (Бжозовский) Людвик — член Общества польской молодежи.

⁹ Эльяновский (Эльжановский) Северин (1821–1874), секретарь Комитета новой эмиграции; комиссар Западной Галиции от Национального правительства (1863); после разгрома восстания эмигрировал в Париж.

¹⁰ Куржина Ян (1833–1865), студент Медико-хирургической академии в Варшаве. С 1859 г. в эмиграции; из сторонников Мирославского создал революционный комитет (1862); назначен уполномоченным Национального правительства (1864). Убит на дуэли.

¹¹ Мицкевич Владислав Юзеф — сын поэта Адама Мицкевича.

¹² Куза Александр Иоанн I (1820–1873), с 1859 г. князь соединенных княжеств Молдавии и Валахии, с 1861 г. князь объединенной Румынии; в 1866 г. был свергнут с престола в результате военного заговора.

¹³ Гирс Николай Карлович (1820–1895), с 1838 г. служил в Азиатском департаменте министерства иностранных дел, был первым секретарем миссии в Константинополе, директором канцелярии полномочного комиссара в Молдавии и Валахии; состоял в распоряжении генерал-губернатора новороссийского и бессарабского (1855); генеральный консул в Египте, затем в княже-

ствах Молдавии и Валахии (1856–1858). С 1863 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Персии, затем при Швейцарском союзе. Назначен товарищем министра (1875), министр иностранных дел (1882).

¹⁴ Валевский Александр Флориан (1810–1868), граф, побочный сын Наполеона I. Министр иностранных дел Франции (1855–1866).

¹⁵ Пий IX.

¹⁶ Волровский Людвиг (1810–1876), французский экономист.

¹⁷ Цверцякевич Юзеф (1822–1869), агент Центрального народного комитета в Лондоне; занимался транспортировкой оружия в Польшу; после разгрома восстания 1863 г. жил в Швейцарии.

¹⁸ Годлевский Францишек (Шмидт) (ок. 1834–1863), участник молодежных организаций конца 50-х — начала 60-х гг.; вел агитацию среди варшавских ремесленников; один из основателей Городского комитета; редактор подпольной газеты «Побудка». Член Центрального народного комитета; в декабре 1862–январе 1863 г. отправился во Францию для закупки оружия, но был задержан французской полицией. Погиб в сражении во время восстания 1863 г.

¹⁹ Чапинский (Хмеленский, Хмелинский) Игнаций (1837 или 1839–?), студент Киевского университета; участник подпольной организации варшавской молодежи; один из организаторов Городского комитета. Член Центрального народного комитета; 5 (17) сентября возглавил Национальное правительство; в конце сентября эмигрировал.

²⁰ Анборский (Амборский) Ян Дарослав (1838–1905), член Общества польской молодежи, участник восстания 1863 г., эмигрант.

²¹ Булевский Людвик (1824–1883), член Центрального комитета Польского демократического общества в Лондоне (с 1851 г.).

²² Бобровский Стефан (1840–1863), студент Петербургского университета; организатор революционного подполья в Киеве

(1861–1862); член Общества польской молодежи. В 1863 г. входил в Центральный национальный комитет и Временное Национальное правительстве, был начальником Варшавы. Убит на дуэли.

²³ Вольский Казимеж (?–1863), бывший офицер русской армии; в 1859 г. служил в войсках Д. Гарибальди. Во время восстания 1863 г. командовал повстанческим отрядом в Плоцкой губернии, попал в плен; был казнен.

²⁴ Сикорский Марек, член Общества польской молодежи; слушатель польской военной школы в Италии.

²⁵ Араго Этьен, французский журналист и политический деятель; участник революции 1848 г.

²⁶ Ярошинский Людвик (1840–1862), варшавский подмастерье, совершивший 21 июня (3 июля) 1862 г. неудавшееся покушение на наместника Царства Польского великого князя Константина Николаевича. Казнен.

²⁷ В Галиции австрийским властям, узнавшим о подготовке восстания, удалось убедить крестьян выступить против повстанцев. В феврале 1846 г. произошла так называемая «галицийская резня»: разграбление усадеб, убийства тех, кого принимали за агитаторов.

²⁸ Лидер Александр Николаевич (1790–1874), граф, генерал, член Государственного совета (1862). Участник польской кампании (1830–1831), похода в Венгрию (1849) и Крымской войны (1853–1856). С ноября 1861 по июнь 1862 г. «исправлял должность» наместника Царства Польского.

²⁹ От польского *czynsz* – податная перепись имущества.

³⁰ Люблинская уния – соглашение, заключенное 28 июня 1569 г., об объединении Польши и Великого княжества Литовского, в результате которого возникла Речь Посполитая. Во главе единого государства стоял король, избираемый на общем сейме.

³¹ Ахматов Алексей Петрович (1817–1870), с 1836 г. служил в Кавалергардском полку, участник похода в Венгрию 1849 г. и

Крымской войны. В 1860 г. назначен Харьковским военным губернатором. С 1862 по 1865 г. – обер-прокурор Священного Синода. Член Государственного совета.

³² От латинского *supplicatio* – общее мольбствие.

³³ Блюммер Леонид Петрович (1840–1888), журналист; в 1861 г. выехал за границу, где издавал журналы «Свободное слово», «Весть», «Европеец», выходившие в Берлине, Брюсселе и Дрездене; в 1865 г. вернулся в Россию и был приговорен к каторжным работам на 10 лет, замененным ссылкой в Сибирь.

³⁴ Станислав Тхоржевский подозревался в связях с III отделением. По завещанию был владельцем архива П.В. Долгорукова, который затем продал агенту III отделения. ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1 Д. 397.

³⁵ Альбертини Николай Викентьевич (1826–1890), публицист, сотрудник «Отечественных записок», газеты «Голос»; в 1866 г. был арестован по делу «Гейдельбергской читальни».

³⁶ Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель. В 1849 г. за участие в кружке М.В. Петрашевского был приговорен к смертной казни, замененной каторгой (1850–1854) с последующей службой рядовым. В 1859 г. получил разрешение вернуться в Петербург. Вместе с братом М.М. Достоевским издавал журналы «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865). В библиотеке А.И. Герцена обнаружен экземпляр книги Ф.М. Достоевского «Записки из мертвого дома» с дарственной надписью: «19(7) июля 1862 г. Александру Ивановичу Герцену в знак глубочайшего уважения от автора».

³⁷ Мартыанов Петр Алексеевич (1834–1865), из крепостных графа А.Д. Гурьева; осенью 1861 г. прибыл в Лондон по торговым делам, сблизился с А.И. Герценом. В 1862 г. через «Колокол» обратился к Александру II с письмом, в котором развивал идею внесловной монархии с земским царем. В 1863 г. возвратился в Россию, был

арестован и сослан на каторгу с пожизненным поселением в Сибири.

³⁸ Писемский Алексей Феофилактович (1821–1881), писатель. Выпускник математического факультета Московского университета (1844), впервые выступил в печати в 1848 г. Редактировал журнал «Библиотека для чтения» (1857–1863).

³⁹ Черкесов (Черкасов) Александр Александрович (1839–1908), владелец книжных магазинов в Петербурге и Москве; участник революционного движения; привлекался к следствию по делам Д. Каракозова и С. Нечаева.

⁴⁰ Косаткин (Касаткин) Виктор Иванович (1831–1867), член общества «Земля и Воля», активный участник революционной пропаганды 1861–1862 годов; в июне 1862 г. выехал за границу. Привлекался к следствию по делу о связях с «лондонскими пропагандистами». На требование русского правительства возвратиться на родину ответил отказом и был приговорен к изгнанию. Работал в типографии в Берне.

⁴¹ Калиновский Балтазар (1827–1884), адъюнкт-профессор Петербургского университета, преподаватель 2-го кадетского корпуса. В 1862 г. за поддержание контактов с А.И. Герценом выслан в Астраханскую губернию.

⁴² Сатин Николай Михайлович (1814–1873), выпускник Московского университета, поэт-переводчик.

⁴³ Стасов Дмитрий Васильевич (1828–1918), выпускник Училища правоведения (1847), до 1861 г. служил в Сенате. В 1858 г. организовал юридический кружок, из которого вышли многие деятели судебной реформы 1864 г. С 1866 г. занимался адвокатурой, был первым председателем Петербургского совета присяжных поверенных; выступал защитником на целом ряде политических процессов; находился под секретным надзором.

⁴⁴ Ковалевский Владимир Онуфриевич (1842–1883), близкий друг А.И. Герцена, учитель его младшей дочери Ольги; участник польского восстания 1863 г.

⁴⁵ Ветошников Павел Александрович.

⁴⁶ Лугинин Владимир Федорович (1834–1911), химик; окончил Михайловское артиллерийское училище; участник Крымской войны. В 1862 г. выехал за границу, где сблизился с А.И. Герценом, Н.П. Огаревым и М.А. Бакуниним.

⁴⁷ Бакст Владимир Игнатьевич (1835–1874), участник студенческого движения (1861), член «Земли и воли». С 1862 г. деятель «Молодой эмиграции», один из организаторов Гейдельбергской читальни и типографии в Берне. С 1863 г. перешел на положение политического эмигранта.

⁴⁸ Михайлов Михаил Илларионович (1829–1865), писатель, публицист; в 1860 г. вошел в состав редакции «Современника», возглавив отдел иностранной литературы. В 1861 г. за распространение прокламации «К молодому поколению» был приговорен к шести годам каторги и пожизненному поселению в Сибири.

⁴⁹ Миротворцев Василий Васильевич (1838–1896), магистр богословия, преподаватель Казанской духовной академии по кафедре гражданской истории.

⁵⁰ Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель, первые работы были опубликованы в журнале «Современник». В 1838–1840 годах продолжал образование за границей, где сблизился с Н.В. Станкевичем и М.А. Бакуниним. В 1842 г. познакомился с А.И. Герценом.

⁵¹ Следственная комиссия по делам о распространении революционных воззваний и пропаганде в империи была учреждена в мае 1862 г. под председательством А.Ф. Голицына (с 1864 г. – П.П. Ланского). Комиссия имела статус самостоятельного учреждения, неподконтрольного прокурорскому надзору; подчинялась непосредственно императору; ей было предоставлено право создавать отделения для проведения дознаний на местах. Ликвидирована в мае 1871 г.

⁵² Рымаренко Сергей Степанович (ок. 1839–1870), студент Харьковского и Петербургского университетов, член ЦК «Земли и Воли», в 1862 г. был арестован.

⁵³ Гюбнер Юлий Юльевич (1841–1901), студент Петербургской Медико-хирургической академии, привлекался к следствию за участие в революционной пропаганде.

⁵⁴ Баллод Петр Давидович (1839–1918), студент Петербургского университета, организатор «карманной типографии», был сослан на каторгу.

⁵⁵ Яковлев Алексей Александрович (1844–1866), студент Петербургского университета, участник студенческого движения 1861 г. В 1862 г. был арестован за распространение прокламаций и пропаганду среди солдат; приговорен к каторжным работам.

⁵⁶ Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868), публицист и литературный критик. В 1862 г. был арестован в связи с обнаружением антиправительственной статьи его сочинения в подпольной типографии П. Баллода. Отбывал заключение в Петропавловской крепости, освобожден в 1866 г.

⁵⁷ Марков Илья, петербургский купец, владелец типографии, был связан с революционными кругами.

⁵⁸ Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834–1866), член ЦК «Земли и Воли», арестован в 1862 г. по делу о связях с «лондонскими пропагандистами». В 1865 г. выслан на поселение в Сибирь.

⁵⁹ Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), писатель и публицист, революционный демократ.

⁶⁰ Петровский Николай Федорович.

⁶¹ Набалдин (Налбандян) Михаил Лазаревич (1829–1866), писатель, революционер-демократ; выпускник медицинского факультета Московского университета. Во время поездки за границу (1860–1862) сблизился с А.И. Герценом, Н.П. Огаревым и М. А. Бакунным. По возвращении в Россию был арестован.

⁶² Шibaев Иван Иванович.

⁶³ Владимиров Николай Михайлович.

⁶⁴ Белозерский Александр Михайлович.

⁶⁵ Кельсиев Иван Иванович (1841–1864), брат В.И. Кельсиева. Студент Московского университета, участник студенческого движения 1861 г.; член общества

«Земля и Воля». В 1862 г. был арестован по делу о связях с «лондонскими пропагандистами», бежал за границу.

⁶⁶ Еллинский Семен Федорович (1836–?), поручик лейб-гвардии Саперного батальона; после окончания Инженерной академии служил в Петербурге; принимал участие в пропагандистской деятельности революционных кружков.

⁶⁷ Энгель, штабс-капитан лейб-гвардии Саперного батальона, уволен со службы за «бездействие и недонесение о пособничестве» при аресте А.А. Яковлева.

⁶⁸ Григорьев Николай Александрович, подпоручик Измайловского полка; осужден за революционную пропаганду среди солдат.

⁶⁹ Трувелер Владимир Васильевич, юнкер 24-го флотского экипажа фрегата «Олег»; арестован за распространение лондонских изданий.

⁷⁰ Дьяконов Владимир Александрович (1841–1887), гардемарин 8-го флотского экипажа; арестован за распространение лондонских изданий.

⁷¹ Жуковский Николай привлекался к следствию по делу о «карманной типографии» П.Д. Баллода; бежал в Лондон.

⁷² Оренбургский жандармский штаб-офицер Колычев в отчете от 1 мая 1862 г. сообщал: «Уфимский судебный следователь Рязанцев и чиновник канцелярии губернатора Ильин, бывшие недавно воспитанниками Казанского университета и обнаружившие во многих мелочах свои крайние мнения, на днях сделали на свой счет вечер, на который пригласили прислугу разных домов: горничных, лакеев и других подобных лиц, а также тех немногих здесь молодых людей, которые разделяют их образ мыслей. После этого вечера Рязанцев и Ильин рассказывали, что сделали опыт в виде опыта прекращения неестественной в обществе классификации званий и сближения всех классов народа. Есть слух, что это толковали они и гостям своим» (ГА РФ. Ф. 95. Оп 1. Д. 43. Л. 22).

⁷³ Николай Циолковский «обвиняется молвою в чтении в дер. Троицкой какого-то

указа, как говорят крестьяне, о свободе исповедания всякой веры, последствием чего было, как утверждают, что сбитые с толку раскольники объявили о своем желании отлучиться от прихода». В сентябре 1863 г. поступило новое сообщение о том, что Циолковский «продолжает прежнюю систему действий относительно крестьян, старается приобрести популярность и их симпатию недобродетельным способом и ... самовластничает в уезде» (ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1862 год. Д. 230. Ч. 148. Л. 12–12 об.).

⁷⁴ Авдеев Михаил Васильевич, член оренбургского губернского присутствия по крестьянским делам, куда был рекомендован саратовским губернатором Е.И. Барановским. Лицо, «предосудительное в политическом отношении», высказывал «мнения, противные интересам» помещиков. Подозревался в распространении в Уфе прокламации «Великорус». В 1862 г. был арестован в связи с перехваченными письмами о предполагавшемся побеге М.И. Михайлова и выслан в Пензу.

⁷⁵ Барановский Егор Иванович, саратовский губернатор.

⁷⁶ Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891), публицист, сотрудник журналов «Современник», «Русское слово», «Дело»; автор прокламаций «К молодому поколению» и «К солдатам».

⁷⁷ Стронин Александр Иванович.

⁷⁸ Лялин Пимен Петрович в 1862 г. был арестован в связи с делом о «сношениях с лондонскими пропагандистами».

⁷⁹ Чубинский Павел Платонович (1839–1884), студент Петербургского университета, участник студенческого движения 60-х годов; впоследствии этнограф.

⁸⁰ Траверсе Николай Александрович (1829–1864), маркиз, чиновник особых поручений в ведомстве государственного контроля; в 1862 г. привлекался к следствию по делу о «сношениях с лондонскими пропагандистами».

⁸¹ Лауниц Василий Федорович, фон дер (1802–1864), генерал от кавалерии, генерал-адъютант; начальник Отдельного корпуса внутренней стражи (с 1857 г.).

⁸² Братья Орфано входили в революционный кружок преподавателя 2-го кадетского корпуса П.А. Спиридова; в 1866 г. привлекались к следствию по делу Д. Каракозова.

⁸³ Карл XV, король Швеции.

⁸⁴ Лангеншельд Карл Фабианович, барон, член финляндского Сената.

⁸⁵ Густав III и Густав IV Адольф, короли Швеции в 1771–1792 и 1792–1809 гг.

⁸⁶ Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист консервативного направления; редактор-издатель «Московских ведомостей» (1850–1855, 1863–1887) и «Русского вестника» (1856–1887).

⁸⁷ Леонтьев Павел Михайлович (1822–1874), профессор Московского университета; ближайший сотрудник М.Н. Каткова и соредатор «Московских ведомостей».

НРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ за 1863 год*

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ

Представляя Вашему Императорскому Величеству нравственно-политическое обозрение за 1862 год, я почел долгом указать зародыш социально-политической революции, вызываемой и подготовляемой демократическою пропагандой, которая, под личиною прогресса, жаждет лишь анархии, кровопролития и переворотов, дабы на развалинах престолов утвердить свою собственную власть. События 1863 года, плод революционного движения, обнявшего всю Европу, служит новым, грустным подтверждением этой мысли.

Обращая более зоркое внимание на свойство революционных происков, господствующих в наше время, нельзя не заметить два главных направления, отличающихся и целью и образом действия. Одно из них, поставившее себе задачею возвышение благосостояния и политического значения низших классов народа, распространяет преимущественно свои убеждения путем печати и устной пропаганды, не упуская, впрочем, случая осуществить свои идеи и иными, не столь спокойными средствами. Известное под названием социального, оно опасно, может быть, правительствам западной Европы, где сосредоточение поземельной собственности и капиталов в руках аристократии и среднего сословия образовало многочисленный безземельный пролетариат; но для России это направление особенной опасности не представляет, ибо в большей части империи крестьянское сословие, получившее гражданские права вследствие уничтожения крепостного состояния, в то же время наделено землею и тем самым обеспечено в удовлетворении первых своих потребностей.

Совершенно иное значение имеет другое направление, которое один из замечательнейших писателей социальной партии, Прудон, чрезвычайно метко назвал якобинизмом. Это направление, ведущее свое начало от французской революции 1789-го года¹, не вносит в общество никакой новой

* Перед текстом помета: «Государь Император изволил читать. 9 марта 1864».

идеи и стремится только к ниспровержению существующего порядка, чтобы, под благовидною личиною всенародного господства, утвердить собственное владычество и удовлетворить своему властолюбию. Чуждое всяких убеждений, это направление естественно не может рассчитывать на торжество путем мирного обсуждения, и потому главным своим орудием всегда считало и считает насильственные перевороты. Оно обращается к народным страстям, предрассудкам и, не пренебрегая никакими средствами, стремится постоянно к одной цели – волнению масс. Идеи самые противоположные одинаково для него хороши, если могут привести к переворотам. Права народов и естественные границы, начало национальностей и насильственные присоединения, все одинаково служит якобинизму, отвергающему начала порядка и законности. Столь опасное для спокойствия Европы направление было на время обуздано трактатами 1815 года² и низложением революционного правительства во Франции; но в последнее десятилетие беспрерывно усиливалось и достигло полного развития, найдя центр и точку опоры в правительстве одной из великих держав Европы, основанном на шатком начале всеобщей подачи голосов (*le suffrage universele*). Это правительство, поддерживаемое искусно разжигаемым антагонизмом капиталистов и рабочего класса, сознает свою слабость и надеется упрочить свое существование внешними войнами, удовлетворяющими народному славолюбию. Европейские державы скоро разгадали политику второй Империи³ и поняли, что нельзя рассчитывать на прочный с ее правительством союз. Чувствуя себя не принадлежащим к семье законных государей, император французов необходимо должен был сблизиться с революционной партией и принять ее разрушительные принципы. Начало народностей, впервые провозглашенное патриархом революции, старцем Мадзини, которое, в сущности, есть не что иное, как отрицание истории и возвращение к первобытному состоянию, это чисто революционное начало было усвоено Людвигом-Наполеоном и сделалось в его руках опасным орудием для нарушения спокойствия и политического равновесия европейских государств. Опираясь на огромную славолюбивую армию, не щадя жертв и крови народа для удовлетворения его воинственных инстинктов, императорское правительство Франции стало во главе революционного движения, совершающегося во имя ложно истолковываемого начала народностей, и объявило связывавшие его трактаты 1815 года несуществующими. Не говорим уже об Италии, так как этот совершившийся факт признан правительством Вашего Величества; но и в деле Дунайских княжеств, и в шлезвиг-голштинском вопросе⁴, и в вопросе польском, везде политика второй Империи является представительницею начала народностей. Особенно в последнее время, когда просвещенная часть французского народа громко подняла голос против непомерных расходов и непрерывных войн, когда, несмотря на искусственную организацию всеобщей подачи голосов, выборы Парижа и главных

Граф Павел Дмитриевич Киселев

промышленных центров приняли чисто оппозиционный характер, Людовиг-Наполеон неминуемо должен был сделать новый шаг на этом скользком пути. Этим шагом было – торжественное отрицание Венского трактата и предложение всеобщего конгресса государей для утверждения нового порядка вещей в Европе. И вот теперь, когда ответы монархов Европы показали правителю Франции несостоятельность его идеи, французская официальная и полуофициальная журналистика высказывает, как угрозу, мысль о созвании конгресса представителей, избранных всеми европейскими народами, посредством всеобщей подачи голосов. Понятно, какое потрясающее действие может быть произведено подобным заявлением, если оно последует от императора французов, и какое страшное революционное движение может им быть возбуждено. Если одна смутная надежда на появление французской армии на берегах Вислы поддерживала и ободряла польских инсургентов, то прямой вызов правителя Франции поднимет всю революционную партию в Европе, значение которой и без того уже возвышено современными политическими событиями.

Падение престолов Италии перед волею народа, высказывавшегося даже не через своих законных представителей, а прямым путем восстания, представляет первый прочный успех революционного движения, опирающегося на начало народностей. Новое итальянское правительство,

признанное почти всеми государями Европы, поняло несовместность революционного начала с этим признанием; битва при Аспромонте была сигналом разрыва с якобинизмом и вступления Италии в семью держав, основанных на начале государственном. Но движение, раз вызванное правительством, не могло уже быть подавлено по желанию. Замыслы вождя итальянской революции Мадзини и его популярного орудия Гарибальди не остановились перед первой неудачей. Они неуклонно стремятся к своей цели и, опираясь на сочувствие ими же возбужденной массы, неумолимо готовятся к новой попытке. Письмо Гарибальди к знаменитому французскому изгнаннику Виктору Гюго, в котором он смело высказывает, что ему нужен миллион ружей, письмо, перепечатанное во многих иностранных и русских журналах, показывает, что революционная партия слишком уверена в успехе и не считает даже необходимым скрывать свои намерения в тайне. В то же время итальянское правительство, увлеченное потоком общественного мнения, искусно направляемого демагогами, деятельно приводит в военное положение свою армию и крепости Ломбардии. Ныне сомнения, что и с этой стороны новая буря угрожает спокойствию Европы, причем нельзя быть уверенным, чтобы весною и гарибальдийские отряды, и регулярное войско Италии не начали неприязненных действий против Австрии, а быть может, и против Рима. Готовясь к этой новой попытке, итальянские революционеры, вероятно, рассчитывают если не на содействие, то, по крайней мере, на нейтралитет правителя Франции, недовольного отказом австрийского правительства принять участие в конгрессе.

Явно преобладающая на юге революционная партия не покидает своих замыслов и в центральной Европе, волнуя Германию во имя того же начала народностей и всеобщей подачи голосов. Германский национальный союз (National-verein), имеющий почти во всех значительных городах Европы свои отделения (из коих особенно замечательно Лондонское, руководимое известными демагогами Беккером, Блиндом и Кинкелем), еще в прошлом 1862 году соединился с Союзом ремесленников (Handwerker-verein) и стремился к сближению с рабочим классом. Многочисленные общества рабочих, распространенные по всей Германии, образовали в Лейпциге центральный комитет, принявший социальные теории Фердинанда Лассалья⁵, изложенные им в открытом послании к Лейпцигскому центральному комитету (Offenes-Antwortschreiben an das Leipziger Central-Comite). Комитет обнародовал проект устава всеобщей ассоциации германских рабочих, которого главная цель должна состоять в том, чтобы добиться права всеобщей подачи голосов как главного основания всякой дальнейшей меры к улучшению быта рабочих. Программа Лейпцигского центрального комитета встретила противодействие многих рабочих обществ, примкнувших к более умеренному учению Шульце-Делича и партии Прусских прогрессистов. Поэтому на созванное Лейпцигским комите-

том собрание рабочих 23 мая явились представители далеко не всех обществ, противники же их собрались 7 июня в числе 120 человек (от 54 обществ из 48 городов) во Франкфурте-на-Майне, где единогласно учение Лассалья отвергли. Эта борьба двух разнородных теорий, ясно показывающая, что германские рабочие в высшей степени озабочены политическими вопросами, была, без сомнения, главною причиною того, что общества рабочих не примкнули еще окончательно к Национальному союзу.

Унитарные стремления, волнующие умы Германии с 1848 года, неизбежно имели сильное влияние на деятельность Национального союза. Поневоле отказавшись от надежды увлечь за собою прусское правительство, он, в лице наружного главы своего, герцога Эрнста Саксен-Кобург-Готского, решился сблизиться с Австриею. Результатом этого сближения был съезд германских государей во Франкфурте, созданный австрийским императором⁶ для рассмотрения предложенного им проекта союзной реформы. Отсутствие Пруссии, противодействие Бадена, Мекленбурга и некоторых других правительств, несмотря на поддержку герцога Эрнста и франкфуртского съезда германских депутатов, окончательно ослабили этот проект, задуманный в видах утверждения преобладания Австрии.

Демократическая партия, примкнувшая на время к императорскому проекту, поддерживала, однако же, его не безусловно: съезд германских депутатов торжественно объявил, что принимает его с известными ограничениями, и, конечно, видел в нем только средство проложить путь дальнейшим, более решительным реформам. Когда же надежды на осуществление проекта угасли, то демократическая партия созвала вновь на 9/21 декабря сейм депутатов во Франкфурте, который назначил постоянную комиссию, выдающую себя за орган германской нации и сделавшуюся центром, около которого группируются различные демократические общества. Деятельность их получила особенное значение и важность по поводу шлезвиг-голштинского вопроса.

Напряженные отношения, издавна образовавшиеся между датским правительством и германским сеймом, усложнились вследствие обнаружения Датской конституции 6/18 ноября и особенно смерти короля Фридриха VII⁷, которая возбудила вопрос о престолонаследии в герцогствах. Присоединение Шлезвига и появление претендента, принца Фридриха Аугустенбургского, вызвали резолюции так называемого депутатского сейма во Франкфурте и революционное движение во всей Германии. Отказ прусской палаты разрешить предположенный правительством заем, адрес ее королю, открытие подписки в пользу претендента, образование дружин волонтеров – были главными мерами демократической партии, которая успела увлечь большинство германского народа и мелкие государства Германии, принявшие сторону принца

Аугустенбургского вопреки Лондонскому протоколу⁸. Настойчивые усилия Англии, несмотря на содействие Австрии и Пруссии, не могли поддержать права, основанного на договорах, тем более что император Наполеон в письме к претенденту, выразил мысль, что желания населений в герцогствах, согласные с началом национальностей, могут поколебать обязательства, основанные на трактатах. В таком положении был голштинский вопрос, когда занятие Голштинии эзекуционным корпусом и прибытие в страну герцога Аугустенбургского вызвали выражение сочувствия к его особе в большинстве населения герцогств. Вслед за сим Пруссия и Австрия решились занять Шлезвиг, несмотря на противодействие датских войск, пораженных на всех пунктах.

Рядом с этою, так сказать, официальною деятельностью революционной партии, шли тайные происки ее крайних представителей, мечтавших ускорить движение. В Италии партия действия, находящаяся в непосредственных сношениях с Мадзини, образовала тайные комитеты действия в Риме и в Венеции и снова сблизилась с Кошутом, подготовляющим новое восстание в Венгрии. В Пеште образовался тайный комитет, наводнивший в начале декабря всю страну революционными воззваниями так называемого венгерского национального правительства, призывающими народ именем Кошута к восстанию.

Во Франции общество Марианна продолжало организоваться и распространяло свои ветви по департаментам, набирая участников преимущественно между рабочим населением промышленных местностей. Тесно связанное с тайными обществами других стран, оно, вероятно, не оставалось чуждым покушению на жизнь Людвига-Наполеона, предупрежденному бдительностью французской полиции и вызвавшему многочисленные аресты.

Вообще в последнее время революционеры всех стран почувствовали потребность соединить свои усилия и дать стройную организацию революционному движению в Европе. Сближение главных двигателей вызвало эту мысль, и на 26 сентября 1863 года назначен был в Брюсселе международный демократический конгресс для слияния всех оттенков революционных партий Европы и единовременного направления их к одной общей цели. Впрочем, до сих пор положительно не известно, состоялся ли и к чему привел этот конгресс.

Но главным пунктом, на котором сошлись и тайная пропаганда, и дипломатический якобинизм французского правительства, на котором сосредоточились в истекшем году стремления всех революционных элементов Европы, было Польское восстание⁹, встретившее сочувствие революционеров всех стран и возбудившее усиленную деятельность польской эмиграции.

ПОЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЮ

Главный комитет эмиграции в Париже, находящийся под исключительным влиянием князя Владислава Чарториского¹⁰ и считавший в 1862 году до 1400 членов, располагая значительными материальными средствами, издавна уже подготовлял восстание в Польше. С этой целью он сблизился с демократической партией Мерославского и чрез нее с революционерами Италии, Венгрии и России, обещавшими свое живое содействие. Царство Польское было подчинено тайной революционной организации; значительные заказы оружия сделаны были в различных городах Европы, преимущественно в Литвихе, и вооруженное восстание назначено было произвести весною, в марте или апреле. Но при напряженном состоянии Царства Польского, возбужденного тайною пропагандою заграничных эмиссаров, малейшей искры было достаточно для произведения всеобщего пожара. Рекрутский набор в Польше, падавший всею тяжестью на бездомный пролетариат, преимущественно возбужденный революционерами, ускорил подготовленный взрыв. Восстание вспыхнуло в ночь с 10 на 11 января, почти неожиданно. Аристократическая партия первое время даже колебалась, какое положение принять относительно инсургентов. Мерославский и его приверженцы были недовольны несвоевременностью взрыва, и Мадзини в письме к Саффи прямо высказывал мысль, что восстание, вызванное преждевременно, не может иметь успеха, тем более, писал он, что убийство русских солдат, приписываемое им естественному чувству озлобления противу притеснителей, уничтожило надежду на присоединение русских войск, будто бы бывших готовыми к возмущению и к соединению с поляками.

Вскоре, однако же, эмиграция поняла необходимость признать инсurreкцию и поддержать распоряжения Варшавского центрального революционного комитета. Впрочем, и здесь выражалось отсутствие единодушия, постоянно ее отличавшее. Между тем, как демократическая партия возлагала все свои надежды на успех возмущения и мечтала о границах 1772 года, партия Чарториских рассчитывала преимущественно на поддержание общественного мнения и на европейские кабинеты. Так, граф Михаил Тышкевич, в письме на имя Владислава Чарториского, советует главное внимание обратить на подкуп французских, английских и немецких журналов, на что и жертвовал 100 тыс. франков. Он указывал также необходимость приобрести участие польскому делу между дамами высшего общества, которые, по его мнению, могут быть полезны своим влиянием. Только небольшой кружок умеренных, представителем которого является Лубинский, осмеливался возвышать голос против революции, возлагая все свои надежды на милосердие Вашего Величества и

ожидая, что по подавлении революции Вам благоугодно будет даровать Царству Польскому конституцию.

Усилия принца Наполеона соединить различные партии польской эмиграции в одно целое увенчались, наконец, успехом: в Париже образовался Комитет Соединения (l'union), к которому примкнуло 1520 человек. В главе его стоял тайный комитет из 75 членов, преимущественно отчаянных революционеров; впрочем, и аристократическая партия поддерживала его, по крайней мере, денежными взносами. Так, графы Тышкевичи, Иван и Михаил пожертвовали 40 т. франков, а граф Ксаверий Браницкий, Грохольский и князь Четвертинский собрали в течение двух месяцев 200 т. франков. В то же время в Париже были устроены четыре временных комитета для выдачи пособий желающим ехать в Польшу с целью принять участие в восстании: у князя Владислава Чарториского, у генерала Высоцкого, у Северина Ельжановского¹¹, редактора «Обзора дел польских» (Przegląd rzeczy Polskich), и у доктора Галензовского. Агентом Комитета соединения в Лондоне назначен был Жабицкий¹², редактор журнала «Свободный голос» (Wolny glos).

В марте месяце все эти отдельные комитеты слились в один общий комитет содействия революции, составившийся из графа Ксаверия Браницкого, полковника Каменского, князя Понятовского, Хоецкого (Charles Edmond), Михаила Тышкевича, князя Марцелла Любомирского, Ординги¹³, Янушевича и Северина Галензовского; князь же Чарториский, Иван Тышкевич, Грохольский и Грибовский продолжали действовать отдельно.

Европейская журналистика, на приобретение содействия которой Парижский центральный комитет не жалел денег, деятельно волновала умы европейского общества и поддерживала враждебное России движение. Митинги в пользу Польши составлялись в Англии, в Швейцарии и Италии, где главными деятелями являются Антонио Мости, агент Мадзини, и Бертани, агент Гарибальди. В Швецию в начале марта отправлены были два члена тайного комитета, Янушевич и Новицкий, с целью возбудить волнения в Финляндии. В то же время не прекращались деятельные сношения с русскими эмигрантами и революционерами из западнославянских земель: так, в секретном собрании у Хоецкого (Charles Edmond), бывшем в половине марта, участвовали Герцен-сын и чех Фрич.

Между тем главный польский комитет в Париже все еще находился в руках приверженцев Владислава Чарториского. Членами его, под председательством самого князя Владислава, были Северин Галензовский, президент польской школы в Батиньоле, А. Гуттри¹⁴, депутат Познани, А. Бонольди¹⁵, депутат Литвы, А. Воловский, граф Ксаверий Браницкий и Иосиф Ординга, секретарь. Принц Наполеон принял звание почетного члена. Агентами комитета были: в Италии Крамер¹⁶, в Англии Цверцяк-евич, изгнанный в 1862 году из Франции, и в Австрии Рембелинский, за-

купавший в Вене оружие для инсургентов. Пожертвования стекались в главный Парижский комитет в огромных размерах. Князь Владислав Чарториский с января по июнь внес миллион четыреста тысяч франков, граф Ксаверий Браницкий 600 тыс., кроме 35 тысяч, переданных Крамелю. Кроме того, центральный французско-польский комитет, под председательством герцога д'Аркура, образовал отделения в значительнейших городах Франции и открыл подписку в пользу восстания при многих парижских и департаментских журналах.

В Лондоне польская пропаганда сосредоточивалась первоначально в руках Владислава Замойского, постоянно соперничавшего с Чарториским. Чрез агента своего, Жабу, и депутата Геннесси он составил Общество друзей Польши, неоднократно собиравшее митинги и дававшее ложное направление общественному мнению в Англии. Отделения лондонского комитета открыты были: в Шеффилде, в Манчестере, в Ливерпуле и на острове Джерсе*.

В Цюрихе граф Платер¹⁷ образовал центральный польский комитет, около которого сгруппировались двадцать кантональных комитетов. Комиссионерами Платера были часовые фабриканты Патек, Чапек и комп. (в Женеве), имеющие купеческие конторы в Париже и в Варшаве. Цюрихский комитет отправил в Польшу через Лондон и Стокгольм полтора миллиона франков и, кроме того, – 700 т. в Краков.

В Италии, где поляки находили постоянную опору в приверженцах Мадзини и Гарибальди, центральный польский комитет, под председательством сенатора Плецца, при участии гарибальдийца полковника Паллавичини и секретаря Бухгольца, эмигрировавшего из Варшавы в 1831 году, открыл свои действия в Генуе, центре итальянского революционного движения. Около него сгруппировались комитеты, образовавшиеся в Неаполе, во Флоренции, в Болонье, в Бресчии** и в Милане. Впрочем, Италия доставляла польскому восстанию малое число волонтеров, так как демократические общества запрещали молодежи оставлять родину, предвидя скорую необходимость в них для освобождения Венеции; зато денежные вспомоществования были значительны. Не только частные лица, но и общины делали пожертвования деньгами, оружием, вещами, и даже само правительство ежемесячно тратило на пособия эмиграции 7600 франков.

В Брюсселе центральный комитет составил под председательством Сабинского, к которому на время присоединился один из вождей демократической партии, Бобровский.

В Стокгольме также образовался центральный комитет по польскому делу, под председательством барона Раба, члена палаты дворян. Этот

* Совр. – Джерси.

* Совр. – Брешия.

комитет состоял, впрочем, только из 10 членов, между которыми замечателен один Сольман, редактор либерального журнала "Aftonblad".

В Константинополе действовали Витольд Чарториский¹⁸, агент парижского главного комитета, и Иордан¹⁹, находившийся в сношениях с Мерославским. Опираясь на дипломатических агентов Франции и на поддержку известного ренегата Садык-паши (Чайковский), они вооружали турецкое правительство против России и содействовали образованию шаек волонтеров на Дунае. Кроме того, Иордан составил обширный план восстания на Кавказе.

В Дунайские княжества парижский комитет отправил Мильковского для переговоров с князем Кузою и для устройства вторжения в южную Россию.

В Познани организацию восстания принял на себя граф Дзялынский, а в Галиции князь Лев Сапега. Кроме того, в Кракове был образован революционный комитет под председательством генерала Высоцкого, Христиана Островского и Северина Ельжановского.

Таким образом, деятельность парижского главного комитета охватила всю Европу и даже проникла в Америку, где образовался польский центральный комитет в Нью-Йорке (председатель Звольский, секретарь Яворский), и издавался даже революционный журнал «Эхо из Польши» (Echo z Polski).

Учредив сбор денег и отправление волонтеров в Польшу, парижский комитет послал в Варшаву для руководства восстанием Андрушевича, впоследствии убитого, и Савицкого, который вскоре возвратился в Париж и поселился у Владислава Чарториского, партия коего в начале весны пользовалась преобладающим влиянием на дела. Мерославский, отстраненный в участия в занятиях парижского комитета, потеряв свой орган "Wzrost" («Бдительность»), запрещенный французским правительством, продолжал, однако же, свои тайные интриги, переезжал из Парижа в Краков, оттуда в Яссы, из Ясс – в Литтих. Неудача, испытанная им в Польше, и назначение Лангевича²⁰ диктатором окончательно убили его влияние.

Не довольствуясь отправлением небольших партий волонтеров в Польшу, парижский комитет, по соглашению с варшавским революционным правительством, задумал послать отдельную экспедицию в Балтийское море. Для приобретения судов и снаряжения экспедиции собрано было до 700 т. франков, из которых 400 т. пожертвованы Ксаверием Браницким. В этом предприятии деятельное участие принял русский выходец Бакуниц, постоянно поддерживавший тесные сношения с польскими революционерами, особенно с Цверцякевичем, получившим звание главного агента варшавского революционного правительства в Лондоне. Князь Константин Чарториский из Галиции, еще в начале марта через Париж проехавший в Лондон, по совещании с Цверцякевичем отправился

вместе с польским литератором Калинкою в Стокгольм, где вошел в сношение с демократическими журналистами Швеции и Дании. Вслед за ним прибыл туда под именем профессора Сулеса из Канады, Бакунин, получивший инструкции от Цверцякевича. Князь Чарториский, принятый при дворе, старался восстановить шведское правительство против России и направить общественное мнение в пользу поляков, для чего устраивал митинги не только в Стокгольме, но и в Упсале, в Христиании, в Норкепинге. Непосредственные сношения Калинки и Бакунина с шведскими журналистами, особенно с Сольманом дополняли усилия Чарториского и распространяли по всей стране волнение в пользу Польши, возбуждая народные страсти и воспоминания, враждебные России.

Между тем, лондонский комитет подготовлял все необходимое для снаряжения экспедиции, и 11/23 марта судно "Ward Jackson", принадлежащее компании Hartlepool, нагруженное 600 бочонками с порохом, тремя нарезными орудиями, 1200 карабинами Минье и двумя тысячами сабель, с 300 волонтерами под командою мнимого полковника Лапинского²¹ и в сопровождении комиссара варшавского революционного правительства, Феликса Домонтовича вышло из Темзы. Приготовления производились в такой глубокой тайне, что наше посольство только накануне узнало о предприятии, почему и не могло воспрепятствовать выходу корабля. Впрочем, только что известие об экспедиции было получено, отсюда немедленно приняты все меры для уничтожения враждебного замысла.

16 марта "Ward Jackson" пришел в Копенгаген, где к экспедиции присоединился и Бакунин, прибывший из Стокгольма. Но капитан, узнав цель экспедиции, оставил корабль; большая часть экипажа последовала за ним. Тогда агент компании Hartlepool, желая предупредить конфискацию судна, набрал матросов в Копенгагене и немедленно отправил "Ward Jackson" в Мальме, где волонтеры принуждены были высадиться. Шведы приняли их с энтузиазмом; однако же, несмотря на происки Чарториского и Бакунина, уехавшего с Домонтовичем и Лапинским в Стокгольм, правительство наложило на корабль и на груз секвестр, и хотя судно было впоследствии возвращено владельцам, но оружие и порох остались конфискованными.

Неуспех первой попытки имел благотворные последствия: хотя лондонский комитет еще прежде зафрахтовал у Гартлепульской компании два других парохода, "Gipsy-Queen" и "Dwina", но неудача, постигшая "Ward Jackson", заставила отказаться от рискованного предприятия.

Впрочем, Чарториский и Бакунин продолжали действовать в Швеции в пользу поляков; но осторожность министерства и письма гамбургских банкиров, угрожавших шведскому правительству, в случае поддержки польского восстания, упадком кредита и невозможностью нового займа, привели к благоприятному результату. Сейм подал голос в пользу сохранения

мира, и Чарториский, видя все свои усилия тщетными, выехал из Стокгольма, где остался один Бакунин, надеявшийся еще через Сольмана и других журналистов взволновать Финляндию. Вскоре прибыл к нему Герцен-сын, и шведские демократы воспользовались этим случаем, чтобы подогреть остывший жар. Они устроили в честь Бакунина, Герцена и Домонтовича обед, в котором приняли участие не более 140 человек, в том числе президент сословия крестьян, несколько членов этого сословия и сословия граждан, незначительное число духовных и военных, три или четыре дворянина весьма сомнительной репутации и большинство ремесленников и лавочников.

В то же время волонтеры, поселившиеся лагерем в Мальме, отправлялись небольшими партиями через Гамбург в Англию, чему деятельно помогали шведское правительство и гамбургская полиция. Наконец, и Лапинский вышел 4 июня из Мальме на пароходе «Фультон» с последними 88 волонтерами, убежденными, что они возвращаются в Англию. Но ожиданиям их не суждено было исполниться. По приходе в Копенгаген, на пароход явился Домонтович и объявил, что они отправляются в Балтийское море с целью произвести высадку между Мемелем и Полангеном и через Пруссию пробраться в Польшу. Ночью, в открытом море, они перешли на ожидавшую их шкуну* «Эмилия», нагруженную оружием, купленным в Копенгагене. Беспрепятственно достигли они Пруссии; но шлюпка, на которой они начали высадку, пошла ко дну, не доведши до берега, и Лапинский, потеряв утонувшими 24 человека, отказался от дерзкого плана. Вся шайка высадилась на острове Готланд, где по распоряжению шведского правительства отобрали у них оружие и на военном судне отправили в Англию.

Между тем борьба между партиями аристократической и демократической не прекращалась. Надежда на благоприятный исход посредничества Франции, Англии и Австрии давала перевес партии Чарториского, постоянно рассчитывавшей на поддержку западных кабинетов. На польской конференции, собравшейся в апреле в Лондоне под председательством Лончинского, родственника графа Валевского, решено было принять вполне политику Франции и Англии и назначить при этих дворах уполномоченных комиссаров. В Лондон был назначен граф Владислав Замойский, а в Париж князь Чарториский.

Это решение возбудило неудовольствие партии демократической, которая после поражения Лангевича употребляла все усилия захватить власть в свои руки. Лондонская эмиграция, состоявшая, впрочем, только из 350 человек, не признала Замойского в качестве комиссара, а лондонский комитет от 24 мая заявил, что название эмиграции уничтожается и все комитеты объявляются закрытыми, почему требовал уничтожения и парижского комитета, признавая власть только варшавского революционного

* Так в тексте.

правительства и его агента в Лондоне Цверцякевича. Вслед за тем варшавское революционное правительство подтвердило заявление лондонского комитета; но, в то же время, в виде уступки аристократической партии, образовало в Париже Главный польский комитет из князя Владислава Чарториского, Северина Галензовского, Орденги, Гуттри (депутата от Познани), Бонольди (депутата от Литвы), Воловского и Ксаверия Браницкого. Кроме сего, были сведения, будто бы варшавское революционное правительство предложило этому комитету основать банк в 12 миллионов франков. Из того же источника сообщено было, будто Чарториский принял это на себя, с условием, чтобы его признали претендентом на корону и президентом революционного правительства; по согласии же варшавского комитета, королева Христина, теща Владислава Чарториского, выдала 10 миллионов, Браницкий и Замойский – 2 миллиона, Иван и Михаил Тышкевичи – по 100 т., граф Дзялынский – 165 т. и различные лица – до полу-миллиона. Впрочем, сведения эти требуют подтверждения.

Несмотря на приказ варшавского революционного правительства, польские комитеты не закрывались и продолжали свои происки. В Лондоне Цверцякевич употреблял все возможные усилия, чтобы подействовать на лорда Пальмерстона²² через его родственника лорда Шефтсбюри; Жабицкий, редактор «Вольного голоса» (*Wolny glos*), постоянно доставлял лицам, ехавшим в Польшу английские паспорта за подписью лорда Россея²³. Из Франции, Италии и Швейцарии отправлялись шайки волонтеров, проникавшие в Царство Польское преимущественно через Галицию. Ослабление волнений в Литве вызвало экспедицию Высоцкого, впрочем, неудачную.

Решительный неуспех дипломатического вмешательства возвысил значение демократической партии и дал перевес влиянию Мерославского. В самой Варшаве борьба партий разгоралась все более и более. В конце сентября три комитета сменились в течение шести дней. Наконец, при содействии Станислава Франковского²⁴ (Флата), самые ярые приверженцы Мерославского взяли верх. Его секретарь Куржина, бежавший из Лемберга, сделался одним из главных членов революционного правительства. Следствием этого было назначение Мерославского главным организатором польской армии, с подчинением ему литтихского комитета заготовления оружия. Для успокоения же умеренной партии Владислав Чарториский, удаленный из главного комитета, преобразованного в финансовый, оставлен дипломатическим агентом. Таким образом, в Париже составились три комитета:

- 1) финансовый, из Воловского, Браницкого и других; он собирает подати и пожертвования, заботится о заключении займа, заведует отправление волонтеров;

- 2) дипломатический, порученный исключительно Чарторискому;

3) военный, под ведением Мерославского, из Борковского, Грабского, Окорского и других.

Вскоре за тем последовало назначение капитана Маньяна, преданного Чарторискому, генерал-капитаном воображаемого польского флота, назначение, вызвавшее мысль о приобретении малого броненосного судна, заказанного Турцией. Но, вероятно, неудача в размене похищенных закладных листов и недостаток средств заставили отказаться от этого плана, а прокламация Маньяна, встреченная общим изумлением, вызвала протесты журналистики и угрожающее заявление Порты.

Назначение дипломатических агентов повело к учреждению в значительнейших городах Европы польских консульств, преимущественно с финансовой целью. Так, некто Ячковский, под именем консула варшавского революционного правительства, собирал с поляков, проживающих в Дрездене, по 15 зильбергрошей в день; в Париже тоже устроено было консульство, собиравшее взносы за прописку паспортов; впрочем, местная полиция, предупрежденная нашими дипломатическими агентами, остановила деятельность мнимых консулов, и, вследствие неудачи первых попыток, варшавский комитет отменил это учреждение.

Недостаток в деньгах и желание подорвать кредит России внушили Станиславу Франковскому (Флатт) и Рупрехту²⁵ мысль открыть в Лондоне подделку русских кредитных билетов на огромную сумму. Доски были уже заказаны, но нам удалось открыть этот план и принять меры, уничтожившие предприятие в самом зародыше.

Деятельность Мерославского, по назначении его главным организатором польской армии, преимущественно сосредоточилась на заготовлении оружия в Сент-Этьене, Бирмингаме и Литтихе. Ружья, отправляемые им из Лондона чрез Чарльстона, поверенного Замойских, а из Парижа чрез Гофмана (rue d'Hauteville, 58), по большей части перехватываемые Австрией, стоят на месте по 45 франков, а по прибытии по назначению обходятся до 85 франков. Они портятся в дороге или в хлебных ямах, куда приходится их зарывать в ожидании борьбы. Таким образом, деятельность Мерославского оказывается бесплодною, несмотря на огромные суммы, им затраченные. Неуспешность его действий и некоторые произвольные меры (как, напр., учреждение в Париже особого агентства под председательством Крачкевича для надзора за проживающими там русскими и поляками) возбудили против него общее неудовольствие. Варшавское революционное правительство потребовало от него отчета в израсходованных им суммах и, вместе с тем, отрешило его от должности, с обещанием поручить ему весною начальство над экспедициею в Балтийское море. Несмотря, однако же, на официальное объявление решения народного жонда, Мерославский не только по-прежнему, вместе с Гуттри, делает значительные закупки оружия, но в то же время вербует эмигрантов и иностранных

офицеров и поддерживает постоянные сношения с Варшавой. Он собрал около себя значительное число молодых людей из богатых польских фамилий и обучает их употреблению оружия и военному делу. Такой образ действия заставляет предполагать, что или увольнение Мерославского есть уловка, придуманная для успокоения партии Чарториского, или он действует независимо от революционного правительства, под собственной ответственностью.

Во всяком случае, отрешение его сосредоточило дела в руках Чарториского, который учредил особую канцелярию, разделенную на три отделения:

- 1) полиции, под начальством Калинки;
- 2) дипломатическое, порученное Клачке, и
- 3) военное, заведываемое Иорданом, вызванным из Турции, где его должность поручена Оржеховскому (Окше).

В то же время Збышевский, назначенный главным организатором флота, отправлен в Марсель для приобретения транспорта на деньги, обещанные Владиславом Замойским. Туда же направляются волонтеры, которых предполагают отправить в Черное море ко времени возобновления военных действий, т.е. к марту месяцу. Оружие отовсюду доставляется в Вену Квятковскому, шурина Ксаверия Шленкера²⁶, одного из главных виновников мятежа, а Квятковский пересылает его при случае в Галицию.

Последние аресты в Царстве Польском вызвали со стороны инсургентов новые предосторожности: теперь обыкновенно курьеры, отправляемые из Варшавы, получают депеши на границе от лиц, совершенно им неизвестных; большая же часть переписки переходит через руки Скорупки, живущего в Вене, как и Квятковский. Самые деятельные сношения производятся с Парижем, центром польского движения за границей. Туда прибыли в последнее время Пшибыльский²⁷, бывший долгое время революционным начальником Варшавы и членом народного жонда, а ныне назначенный главным комиссаром за границую и Эдмонд Ружицкий, замечательнейший из начальников банд по своим дарованиям, энергии и решимости. Необходимость соединить все силы к готовящемуся в марте восстанию вызвала новое сближение партии аристократической и демократической и повела к преобразованию главного парижского комитета. В начале января настоящего года он получил совершенно новую организацию и образовал нечто вроде министерства. Министром-президентом, заведующим иностранными делами, назначен князь Владислав Чарториский, военным министром – Мерославский, внутренних дел и журнального бюро – Галензовский, полиции – Крачкевич, финансов – Орденга; тайный кабинет князя Чарториского и контроль – Калинка и Клачко. Армия, которую предположено довести к марту месяцу до 40-тысячного состава,

разделена на четыре корпуса. Первый поручен генералу Круку*, второй Боссаку**, третий полковнику Скале, а четвертый, разделенный на две части, Топору*** (в Мазовии) и Рачковскому (в Плоцкой губернии).

Обозрев деятельность польской эмиграции и ход польского движения за границу, вообще, необходимо обратиться к странам, прилегающим к России, где восстание подготовлялось и откуда шайки волонтеров направлялись в Царство Польское и в Западные губернии, именно к княжествам Дунайским, Познани и Галиции.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА

Дунайские княжества издавна были сборными местами эмигрантов и агитаторов всех стран, особенно же стран с ними соседственных. Молдавия, по своему географическому положению между владениями русскими и австрийскими, естественно сделалась центром польских интриг. Польские выходцы благодаря своим сведениям в сельском хозяйстве и промышленности легко находили там средства к существованию. Многие из них сделались фермерами, управляющими, поверенными румынских бояр; сотни других жили на их счет. Число эмигрантов возрастало в княжествах, особенно в Молдавии, которая почти ополчилась: доктора, управляющие, фермеры, прислуга, чиновники, торговцы, рабочие – все почти поляки.

В 1862 году число выходцев из наших западных провинций значительно возросло в княжествах; туда стекались молодые люди, польские студенты наших университетов, большею частью скрывавшиеся под ложными именами. Местные власти не только не препятствовали этому приливу беглецов, но даже открыто выдавали паспорта как желавшим остаться в краю, так и отправлявшимся за границу.

К этому-то времени относится устройство правильных сношений между западными областями России и иностранными революционерами. На всем пространстве соединенных княжеств устроены были комитеты для собирания вспоможений, для вербовки и снаряжения волонтеров, станции и этапы для тайных сношений. Курьеры, депеши и оружие отправлялись из Константинополя, поднимались по Дунаю до Галаца, пересекали Молдавию и достигали до Буковины между Фольтишенами и Михайленами.

Когда восстание охватило почти все области древней Польши, когда Англия и особенно Франция перестали скрывать свои враждебные намерения, польская агитация в Молдавии приняла громадные размеры: в Бер-

* Нашей службы капитан Генерального штаба Галензовский. (Примечание авторов документа.)

** Полковник Гауке. (Примечание авторов документа.)

*** Топор (Жвиржовский) взят и повешен в Опатове 11 февраля 1864 г. (Примечание авторов документа.)

ладе, в Яссах, в Галаце, в Ботушанах, в Измаиле образовались польские комитеты, находившиеся в сношениях с парижской эмиграцией и с варшавским революционным правительством. Французские дипломатические агенты оказывали им явное покровительство, а пароходы “des messageries francaises” перевозили по Дунаю оружие и военные припасы. На жалобы нашего генерального консула²⁸ князь Куза отвечал, что он принял все меры для отстранения всякого повода к неудовольствиям со стороны нашего правительства, и объяснял неуспешность их неспособностью и недобросовестностью исполнителей. Впрочем, благодаря настояниям наших дипломатических агентов главные революционеры были изгнаны из княжеств; но пагубная легкость, с какою турецкое правительство дает паспорта полякам, позволила многим из них возвратиться в Молдавию.

Между тем сборным пунктом для волонтеров, как высланных из княжеств, так и вновь прибывших из Франции и Италии, назначены были Тульча, Шумла, Мачин и Кюстенджи, где сосредоточилось до 4 т. человек, расположившихся лагерем и находившихся в распоряжении Суходольского, зятя Садыка-паши (Чайковского), и полковника Киркора. Поляки склонили на свою сторону два полка некрасовцев²⁹. Из лагеря инсургенты небольшими партиями отправлялись через Галицию в Россию при содействии консульских агентов французского правительства; а французский вице-консул в Тульче выдавал даже денежные пособия, по одному франку на человека ежедневно. В оружии недостатка тоже не было. Князь Куза по договору обязался возвратить 10 т. карабинов и столько же ружей, которые пожертвованы были императором Наполеоном в пользу Венгерской революции, и после, с его согласия, переданы Кошутом князю Кузе. Ввиду восстания в Польше Кошут, с согласия Наполеона, предложил выдать их полякам. Вероятно, для устройства этого дела генерал Тюрр приезжал в Браилов, где имел свидания с полковником Брянским и князем Любомирским.

Сношения между Константинополем и Краковом не прекращались. В конце мая Мерославский приехал через Константинополь в княжества, где имел сношения с главными революционерами. Вслед за тем, полковник Мильковский³⁰, президент тайного революционного комитета, сформировал отряд в две тысячи человек, в числе которых было до 350 малороссиян, частью некрасовцев, частью перешедших в разное время в княжества, завербованных отставным майором русской службы Парфением Гвоздовским. План Мильковского, задуманный в Варшаве, состоял в том, чтобы овладеть Акерманом и сделать его операционным базисом восстания в юго-западных губерниях.

Попытка эта не удалась: шайка Мильковского после поражения при Констангалии принуждена была положить оружие. Мильковский, адъютант его Рошбрюн³¹ и большая часть инсургентов были взяты в плен. Хотя же за сим

они почти немедленно освобождены и выпущены из Молдавии, но Мильковский подпискою обязался ничего против России не предпринимать.

Дело при Костангалии нанесло поражение не только полякам, но и внутренним врагам князя Кузы. Убедившись, что перевес на стороне настоящего правительства соединенных княжеств, эмиграция, опиравшаяся до сих пор на румынских демагогов, тотчас же изменила свои планы и, прервав на время сношения с здешнею оппозициею, решила склонить на свою сторону самого господаря. Князь Чарториский, агент главного комитета в Константинополе и Букаресте, получил поручение выразить господарю сожаление о случившемся и уверить его, что на будущее время в княжествах ничего не будет предпринято поляками без предварительного согласия его светлости. Кроме того, в Молдавию прибыл агент, будто бы французского правительства, для убеждения князя Кузы действовать против России. Происки Франции находят здесь опору как в настроении умов городского сословия, так и в личном честолюбии господаря, который охотно прикрывает внутренние раздоры и неурядица края дипломатическими успехами, и был бы, по-видимому, готов принять на себя роль возродителя румынской народности.

Таким образом, поражение Мильковского не остановило действия поляков в княжествах, а только дало им другое направление. Сам Мильковский, отправленный на пароходе в Константинополь, вскоре после того возвратился в Молдавию под именем Скрынского для совещания с остатками своей банды. Вслед за ним прибыл агент польских комитетов в Италии граф Лещинский, посланный в Молдавию для распоряжений по перевозке из Анконы оружия, купленного на 450 т. франков, пожертвованных Владиславом Чарториским. Лещинский давно уже находится в дружественных сношениях с Кошутом, который, по его словам, ведет деятельную переписку с Мокаром, секретарем Людвига Наполеона.

Вероятно, для содействия перевозке оружия Иордан, агент главного парижского комитета в Константинополе, купил буксирный пароход «Самсон», принадлежавший прежде англичанам и употреблявшийся неоднократно для подвоза оружия на Кавказ. Впрочем, закупка оружия производилась непосредственно в Константинополе и польским комитетом, обладающим значительными денежными средствами, которые, по-видимому, доставлялись также и из юго-западных губерний. Говорят, будто бы некто Кожуховский привез из России вексель на 300 т. рублей, собранных, вероятно, между польскими помещиками и евреями.

В сентябре месяце появился в Молдавии чрезвычайный комиссар Варшавского революционного комитета, австрийский подданный, помещик Тарнопольского округа в Галиции, Михаил Мразовицкий, предприимчивый и пылкий революционер. Он учредил агентства в Галаце и Ботушанах, выбрал чиновников, привел их к присяге на верность и выдал им

шнуровые книги и печати. Эти правильно устроенные агентства вступили в сношения с Иорданом и составили проект образования польского легиона в Добрудже под руководством генерала Ружицкого из Галиции. Рассчитывают на присоединение к этому легиону русских дезертиров, которых в Болграде* считается до трех тысяч. Некто Токарский, известный под именем Панрика, поляк, проживающий в Измаиле, ездил к князю Кузе для исходатайствования от него разрешения переманить дезертиров и, как слышно, получил в ответ, что со стороны молдавского правительства предприятие это не встретит никакого препятствия.

В последнее время деятельность польских революционеров в Княжествах и в Турции чрезвычайно усилилась, особенно со времени смены Иордана, ненавидимого поляками до такой степени, что они распускают о нем слух, будто бы он сообщает сведения нашей миссии.

Есть известие, что на место Иордана назначен граф Платер; но до сих пор занимает эту должность Оржеховский (Окша), находящийся в тесных сношениях с Салык-пашою и с его другом Тачановским³², который в половине декабря прибыл в Константинополь с своим адъютантом Цилинским. По словам Окши, большая часть оружия, привозимого в последнее время в соединенные княжества на имя князя Кузы, предназначена для поляков, которых шайки будут формироваться в Измаиле и Рени, против Бесарабии и южной России. Для приготовления их к открытию военных действий весною, в марте месяце, едет туда недавно прибывший в Константинополь Яницкий.

ПОЗНАНЬ И ГАЛИЦИЯ

Тайная организация, обнявшая все Царство Польское и подготовившая восстание, распространялось также на Познань и Галицию, где все было устроено для поддержания мятежа. Но твердые меры прусского правительства не дали польской агитации возможности укрепиться, тогда как колебания Австрии содействовали развитию революционного движения в Галиции и сделали эту страну главной точкой опоры польского восстания.

Издавна уже аристократические фамилии и землевладельцы Познани, недовольные владычеством германского племени, находились в сношениях с поляками Галиции и Царства Польского, и всеми мерами противодействовали германизации края. В последнем отчете уже было указано значение познанского земледельческого собрания и общества на акциях «Теллус», имеющего целью удержание сельских недвижимостей в польских руках. Эти два общества сближают познанских поляков с жителями Царства Польского и Литвы, принимающими в них деятельное участие. Такое

* Так в тексте.

сближение поддерживается польскими газетами, выходящими в Познани, которые издаются в духе крайнего польского патриотизма и знакомят население с содержанием революционных журналов польской эмиграции.

Главою польского движения в Познани был граф Дзялынский, один из богатейших и влиятельнейших владельцев, член прусской палаты депутатов. В начале восстания он занял под залог своего имения сто тысяч талеров и употребил значительную часть своего имущества на подкуп чиновников полиции и железных дорог. Под его влиянием в Познани образовался революционный комитет, в котором отделением внутренних дел заведовал Александр Гуттри (помощником его был Владислав Коссинский), отделением полиции и прессы – известный депутат Неголевский (помощник Волькевич), финансов – сам Дзялынский (помощник Ярочевский), иностранных дел – Рачинский (помощник граф Иоанн Дзялынский). Агентом комитета в Лондоне был Роман Чарториский. Дзялынский, пожертвовавший вместе с Рачинским на польское восстание 250 т. талеров, не ограничивался одними денежными пособиями: он находился в прямых сношениях и с парижскою эмиграциею, и с варшавским революционным правительством, заготовлял оружие, формировал банды. Действия его обратили внимание прусского правительства, и он был арестован; в его замке произвели обыск, причем найдены были важные бумаги и целый склад оружия. Несмотря на это, правительство принуждено было освободить Дзялынского как депутата, и он принял начальство над одной из мятежнических шаек.

Арест Дзялынского расстроил познанский комитет: лица наиболее подозрительные, между прочим, Александр Гуттри и Рачинский бежали в Париж. Впрочем, волнения не утихали. Между Парижем и Познанью продолжались деятельные сношения, преимущественно при посредстве депутата Бентковского и графа Мычельского, постоянно ездившего взад и вперед. Главный парижский комитет назначил своими агентами в Познани депутатов Зыбликевича, бывшего агента Дзялынского, Вегнера и Лысковского. Мерославский также неоднократно посылал своих агентов в Познань для сбора денег с землевладельцев, которые, в то же время, получали подобные требования от Варшавского революционного правительства. Наконец, в начале января 1864 года в прокламации, подписанной генерал-организатором Мерославским и разосланной по всей области, объявляется, что существовавший до сих пор познанский национальный комитет упраздняется и что вместо него учрежден исполнительный комитет в прусской части бывшего польского королевства, на который возлагается доставление средств к продолжению восстания, чтобы оно могло принять весною более обширные размеры.

Польская пропаганда, подавляемая прусским правительством, нашла себе опору в прогрессивной партии. Недавнее освобождение от ареста польских депутатов Неголевского, Сулежицкого, Шумана и Лубинского,

постановленное 4/16 января 1864 года прусскою палатою депутатов по предложению Лысковского, ясно показывает неминуемую связь между революционерами всех национальностей и партий.

В Галиции, где неосторожное потворство местных властей дало время революционным страстям разгореться, положение дел более опасное, чем в Познани, и для австрийского правительства и для Царства Польского. В отчете за 1862 год были уже указаны первые признаки готовившегося мятежа. Вооруженные шайки выходцев из Польши и Западных губерний появились еще тогда в Галиции и забирали все необходимое в селах, выдавая, впрочем, квитанции. Жители исполняли их требования, предвидя приближение открытого восстания поляков.

Поднятие оружия в Царстве Польском было сигналом усиленной агитации в Галиции. Значительнейшие и богатейшие владельцы края, князь Адам Чарториский, Лев Сапега, Адам Сапега, Адам Любомирский, Константин Чарториский, Александр Чацкий, Август Чайковский и сыновья киевского помещика, Михаил и Александр Любомирские, составили центральный комитет, к которому вскоре примкнул и Адам Потоцкий. Избранные комитетом депутаты отправлены были во Францию, с целью просить содействия императора Людвига-Наполеона; но французское правительство, рассчитывавшее на сближение с Австриею, не только не вступило с ними в сношения, но даже выслало их из Франции. Эта неудача не остановила движение. По всей Галиции открылись комитеты для сбора денег, формирования волонтеров, вооружения их и отправления в Царство Польское. Центром революционной деятельности сделался Краков, издавна бывший главным местом польской пропаганды. Здесь образовался революционный комитет, составленный из Христиана Островского, Ельжановского и генерала Высоцкого и находившийся в прямых сношениях с варшавским революционным правительством. Впрочем, не все поляки увлекались мечтою об успехе восстания: к числу сомневающихся принадлежал даже один из вождей демократической партии, доктор Смолка, который открыто противодействовал вербованию молодых людей в Лемберге.

Ввиду волнения, австрийское правительство не могло оставаться совершенно бездейственным. Лев Сапега был заключен в тюрьму, но, несмотря на то, продолжал действовать через своего агента, депутат Губицкого. Беспokoйства не утихали; польские журналы, особенно "Czas", разжигали народные страсти, распространяя ложные известия то о победах повстанцев, то о мнимых жестокостях русских. Из Кракова волонтеры направлялись и в Царство Польское. Революционное движение достигло крайнего развития и покрыло всю страну сетью тайных организаций, парализовавшей действия местных властей. Убийство судьи Кучинского открыло глаза австрийскому правительству, увидавшему, наконец, что

восстание направлено столько же против него, сколько против России. Оно поняло необходимость репрессивных мер, но уже нелегко было водворить спокойствие в взволнованном крае. Агент варшавского революционного правительства Владислав Замойский (сын лондонского эмигранта), руководил планами революционеров и поддерживал деятельные сношения с Веною и Парижем. В то же время Таневский (Тетера), агент Мерославского, явившийся сюда с титулом начальника штаба и организатора банд восточной Галиции, собирал волонтеров и волновал население. Агитаторы полагали, что местные власти, несмотря на строгость данных им новых инструкций, будут по-прежнему снисходительно смотреть на их козни. Ряд арестов и почти непрерывные домовые обыски показали им ясно, что прежняя пора миновалась. Особенно поразило их запрещение на три месяца газеты «Час», подтвержденное и апелляционным судом. Хотя «Час» был немедленно заменен новой газетой «Минута» (“Chwila”), совершенно подобной ему форматом, шрифтом и числом столбцов; но урок не прошел даром, и хотя “Chwila” издается тою же партией и даже, может быть, теми же лицами, однако ж, тон ее умеренней.

За всем тем волнение не прекращалось. Место Таневского занял Ружицкий, человек умный и энергический, пользующийся большою доверенностью поляков. По его настоянию Иордан был смнен и на его место назначен, как выше сказано, Оржеховский; вместе с тем на место Замойского назначены Евгений Любомирский и Людовиг Красинский. В декабре Ружицкий уехал в Париж, поручив временно организацию банд Круку (Галензовский) и Савицкому (Strus – (страус))* . Вскоре после его отъезда в Краков были взяты под стражу несколько подозрительных лиц, и эти аресты нанесли приверженцам польского восстания тяжелый удар. В этот раз не только задержаны некоторые из деятельнейших агентов Мерославского, но в то же время у них найдены бумаги, не оставляющие никакого сомнения насчет планов, предположенных крайними польскими демократами к весне 1864 года.

Из этих документов открывается точный очерк революционного устройства Галиции в том виде, как он предположен партией Мерославского и отчасти приведен уже в исполнение. Зная по опыту, что увлечь русинов, враждебных полякам, затруднительно, агитаторы задумали действовать на них чрез духовенство, склоняемое на их сторону всевозможными уступками и льготами. За сим они устроили во всем крае тайные школы, где безденежно преподаются, преимущественно женщинами, история Польши и Галиции в духе ненависти к России и Австрии. Кроме того, учреждением ремесленных братств и так называемой национальной

* Савицкий – отставной полковник, бывший начальник штаба 4-й кавалерийской дивизии. (Примечание авторов документа)

стражи они соединили в одно целое все польское население сел и городов. Вся масса населения, по мере своей готовности к бою и преданности делу, вступает в состав национальной гвардии, обязанной под страшной клятвой образовать в данную минуту общее ополчение. В плане организации, как уверяют, обозначено уже образование отдельных кадров и снаряжение трех подвижных колонн, предназначенных для неожиданных нападений на указанные государственные кассы. Наконец, предположено образовать особую шайку гверильясов* для открытия и поддержания сношений с Венгрией через Карпаты.

Эти открытия окончательно докажут австрийскому правительству и германским приверженцам польской пропаганды, что Австрии и Пруссии грозят те же ужасы и преступления, которые в истекшем году разразились над Царством Польским и Западными губерниями России.

ВОССТАНИЕ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ

Революционная пропаганда, издавна устроенная польскою эмиграциею, постоянно поддерживала в напряженном состоянии класс помещиков в Царстве Польском и через него действовала на шляхту и мелкое городское население, возбуждая в них ненависть к русскому правительству, которую еще более воспламеняло фанатическое духовенство. Партия крайних демократов овладела общим движением и устроила таинственный центральный комитет, коему одни подчинились из сочувствия, другие — под давлением терроризма. Взволновав своими манифестациями почти все слои общества, кроме крестьян, центральный комитет скрытно подготавливал восстание. Ему удалось образовать ядро революционного войска в ремесленном классе городов, и, уверившись в участии ксендзов и помещиков, он искал лишь удобного случая, чтобы принудить их к действию. Рекрутский набор, падавший исключительно на боевые силы заговора, был главным поводом к ускорению взрыва. Еще в декабре 1862 года центральный комитет распускал слухи, что будет противиться этой мере правительства; но когда набор состоялся, между заговорщиками начало проявляться на слабость комитета неудовольствие. Это неудовольствие, как признак недоверия, деморализировало комитет, которого распоряжения по приобретению необходимых средств для восстания еще не вполне были приведены в исполнение. Кроме того, недоставало лица, которое именем своим и популярностью могло бы привлечь к общему делу партии всех оттенков, а опытностью в военном искусстве ручаться за успех.

Во время сего затруднительного положения прибыл из Кракова 7/19 января 1863 года Владислав Яновский с предложением поставить в главе

* Партизан.

народного движения Мерославского. Несмотря на возражения некоторых членов, предложение было принято и Мерославский провозглашен диктатором. Затем центральный комитет решился переехать в м. Кутно и оттуда в Плоцк, чтобы там официально провозгласить Временное народное правительство; для управления Варшавою назначен был начальником города эмигрант Стефан Бобровский. Тогда же посланы были в Литву и Жмудь воззвания к возмущению, и сделано распоряжение о высылке туда отрядов. Мильковскому поручено сформировать шайку в Молдавии и вторгнуться с нею в подольскую губернию; Галиции и Познани приказано содействовать восстанию высылкою людей, денег и особенно оружия; Бакунину предложено прибыть на Русь. Оружие, закупленное Миловичем в Германии, направлялось чрез Бреславль и чрез Данциг к Домонтовичу, главному комиссару от Литвы. Из Франции, Англии и Италии приглашались эмигранты, в числе их и генерал Высоцкий. Для привлечения крестьян издан был род манифеста, обещавший им безвозмездный надел землею. Край был разделен на воеводства, и начальниками назначены были, в Августовском – Мысловский; в Подляском – Левандовский; в Люблинском – Лангевич; в Краковском – Куровский; в Калишском – Рудзкий; в Плоцком и Мазовецком – Подлевский. При начальниках войск состояли комиссары центрального комитета и другие административные чиновники. Одним словом, для успеха движения приняты были всевозможные меры; но ускорение набора заставило временное правительство, ранее приведения их в исполнение, поднять знамя бунта, и он начался в ночь с 10/22 на 11/23 января изменническим нападением на наши войска. Известие о дне, назначенном для восстания, было получено заблаговременно и немедленно сообщено Его Высочеству наместнику³³; но первая вспышка мятежа захватила наши рассеянные по Царству отряды врасплох. Впрочем, результаты сего нападения не оправдали ожиданий мятежников. Поэтому временное правительство приказало начальникам шаек до прибытия Мерославского, избегая боя, только собирать деньги, оружие, формировать шайки и повсеместно учреждать революционное управление.

Между тем парижский комитет употреблял все усилия, чтобы привлечь на свою сторону так называемую шляхетскую дирекцию, которая после распушения земледельческого общества образовалась в Варшаве и в провинции из влиятельнейших его членов. Поверив обещаниям внешней помощи, шляхетская дирекция в заседании 9-го февраля постановила всеми средствами поддерживать восстание и разослала решение свое во все уезды с присланными для совещаний делегатами.

Первым результатом присоединения к ней умеренной партии было провозглашение диктатуры Мариана Лангевича, собравшего около себя до 6 т. инсургентов. Избранный краковской аристократичею, Лангевич был принят партией крайних демократов единственно с целью приобрести со-

действие богатейшего и влиятельнейшего в Польше сословия; но вместе с тем, желая удержать за собою власть, центральный комитет выговорил себе право по-прежнему самовластно распоряжаться в делах внутреннего управления. Помощниками же Лангевича назначены были – Бентковский, по гражданским делам, и Высоцкий, по заведыванию военною частию.

Назначение нового диктатора возбудило протест Мерославского, но почти одновременное поражение их – Лангевича под Влощовой, а Мерославского под Влодславском и последовавшее за тем удаление первого в Галицию, где он был арестован, а последнего – в Познань, уничтожило и их соперничество, и надежды инсургентов. Вследствие этого, предположение образовать открытое временное правительство было оставлено, и все распоряжения сосредоточились по-прежнему в тайном комитете, принявшем уже в начале мая месяца название «Жонда народного». Польское восстание, сосредоточившее в себе силы всех революционных партий Европы, первоначально не вызывало дипломатического вмешательства западных кабинетов; но конвенция, заключенная с Пруссией, послужила поводом для признания польского вопроса общеевропейским, международным. Император французов обратился ко всем правительствам с предложением принять в этом вопросе дипломатическое участие. Вмешательство Франции, поддерживаемое Англией и Австрией, и выразившееся, наконец, предложением известных шести пунктов, было с достоинством отвергнуто.

Однако же, отстраняя это посредничество, Вашему Величеству благоугодно было изъявить желание оказать заблуждающимся подданным новый знак монаршего милосердия и манифестом 31 марта/12 апреля даровать всемилостивейшую амнистию всем тем, кто по 1 мая положит оружие и возвратится на путь долга. Мятежники, увлекаемые надеждами на содействие европейских держав и даже на вооруженное заступничество французского правительства, не вняли голосу благоразумия: восстание не только не утихло, но с наступлением весны все более и более разгоралось. Одно сельское население оставалось большею частью верным присяги; но зато оно и страдало от повстанцев, забиравших по деревням скот, лошадей, подводы. Жонд народовой, не останавливаясь перед столь явным несочувствием мятежу многочисленнейшего класса населения, решился терроризмом запугать недовольных и насильно привлечь их к восстанию. К этому времени относится особенное развитие организации жандармов-вешателей, наполнивших своими злодеяниями самые отдаленные и глухие местечки Царства. Войска наши, занятые преследованием и истреблением мятежных шаек, не всегда и не везде могли присутствием своим защищать мирных жителей края; притом измена прокралась в самую администрацию, и многие чиновники правительства

заблаговременно предупреждали инсургентов как о всех распоряжениях, так равно о передвижении наших отрядов. Похищение из казначейства банка заставных листов на 24 миллиона злотых всего лучше показывает, что революционеры имели послушных и преданных агентов в самом составе Варшавского главного управления.

Несмотря на полный разгар мятежа, несмотря на явные признаки измены и предательства на всех ступенях служебной иерархии, правительство Вашего Величества все не прибегало еще к мерам строгости и, ограничиваясь преследованием мятежнических шаек, надеялось успокоить край мерами снисхождения.

Наконец новые злодеяния, убийства многих лиц, преданных законному правительству, и покушение на жизнь графа Берга, показали несвоевременность подобного образа действий. Графу Бергу, вступившему в права наместника, разрешено было по явной необходимости, прибегнуть к мерам строгости. За сим, хотя край, взволнованный до крайней степени, не мог быть успокоен мгновенно; хотя восстание, ободряемое иностранным дипломатическим вмешательством и поддерживаемое обширною организованною эмиграциею, не могло при столь неблагоприятных условиях быть быстро подавлено; однако же, ряд мер, направленных к одной общей цели и приводимых в исполнение с настойчивостью, не замедлили принести свои плоды. Строгое наблюдение полицейских правил, установленных в Варшаве, тщательные и непрерывные обыски подозрительных зданий и монастырей повели к открытию и арестованию многих коноводов мятежа. Изменение состава таможенного и почтового управления, а также учреждение постоянного надзора за движением по железным дорогам Царства затруднили сношения инсургентов и доставку оружия и военных припасов из Познани и Галиции. Неуклонное взыскание податей и налогов, наложение значительной контрибуции, распространенной и на духовенство, показали мятежникам, что правительство твердо решилось не делать никаких уступок, ободрило мирных жителей, страдавших от терроризма жонда, и склонило на нашу сторону хотя часть нерешительных и робких людей, всегда пристающих туда, где сила и твердость. В то же время, обращено особенное внимание на устройство быта сельского населения. Лица, избранные для исполнения столь благих начертаний, ознакомившись с состоянием крестьянского сословия в Польше, составили уже положения, имеющие целью освободить оное от влияния помещиков и соединить тесными узами благодарности с русским правительством и русским народом. Означенные положения удостоились Высочайшего утверждения 19 февраля сего года и приводятся в действие.

Совокупность этих мер с учреждением военно-полицейского управления во всем Царстве Польском обещает благоприятные результаты. Хотя иностранные агитаторы и готовят восстание к весне, хотя на-

родовой жонд и формирует на бумаге четыре отдельных корпуса; но в настоящее время, кроме небольших шаек, нет ни одного значительного скопища, даже в Люблинской губернии. Важные неудачи, постигшие их в последнее время, рассеяли остальные силы, и раздоры партий обнаруживаются более и более. В начале мятежа поляки могли рассчитывать и на собственные средства, и на поддержку извне. Теперь положение изменилось, и на Западную Европу едва ли можно им надеяться. Несмотря на это, революционная партия не прекращает своих происков. Из-за границы, из Познани и Галиции непрерывно доходят слухи о новых приготовлениях и о новых шайках, готовящихся вторгнуться в наши пределы. В Царстве же народовой жонд употребляет громадные усилия, чтобы вырвать из рук истощенного населения последнюю копейку для продолжения восстания. Вследствие сего внутреннее положение края весьма горестно. Упадок промышленности и торговли, разорение помещиков, необузданная распущенность ремесленников и глубокое нравственное падение общества, цвет которого погиб в мятеже, – грозят стране продолжительным еще неустройством.

Сравнивая последнее восстание с польскою революцией 1830 года, нельзя не заметить между ними, невзирая на единство цели – восстановление независимости Польши, поразительно резкое различие в характере. Революция 1830 года имела по преимуществу характер военно-шляхетский. Действуя открыто, от имени явно организованного правительства, мятежники придавали восстанию вид исключительно политической и правильной международной войны. Не то было в истекшем году. Мысль о борьбе за независимость в течение целого тридцатилетия была внушаема городскому населению, сословию ремесленников и фабричным рабочим. Волнуя необразованные массы, агенты пропаганды вносили в свои проповеди извращенные социальные и демократические идеи. Это изменило и самый характер восстания. Из военно-шляхетского оно сделалось клерикально-демократическим, и из чисто политического – социально-революционным. Такое направление отразилось и на деятельности жонда, не устыдившегося прибегать к тайным убийствам, кинжалу и яду, и на действиях мятежнических банд, грабивших и истязавших всех, попадавших им в руки. Число несчастных жертв, замученных или повешенных инсургентами с 10/22 января 1863 по 2/14 января текущего года, дошло до 924 человек; из казначейств и присутственных мест похищено, кроме заставных листов, до миллиона рублей. Подобные явления показывают страшную безнравственность населения, увлеченного революционным фанатизмом и утратившего всякое благородное чувство. Поэтому самое раскаяние, выражаемое в представленных и заготовляемых адресах, является скорее плодом страха и утомления, чем сознанием заблуждений.

Столь ужасное растление целого края далеко не может служить залогом существенного спокойствия; только время и постепенное воспитание грядущих поколений в состоянии уврачевать раны и поднять нравственный уровень павшего общества. В настоящее же время единственной живою силою польского народа остается сельское население, с которого и должно начаться возрождение края, призываемого к новой жизни на иных, лучших основаниях.

ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ

Западные губернии в начале 1863 года казались довольно спокойными; но это спокойствие было только наружное: местное начальство имело уже сведения о секретных съездах дворян, о сборе денег для каких то целей, о тайном противодействии распространению народных русских школ, о возмутительных воззваниях к войску и народу, наконец, о замысле ксендзов и влиятельных помещиков постепенно приготовить крестьянское население к революционным идеям чрез мировых посредников и преданных им волостных старшин или писарей. Эта партия, самая опасная, называлась умеренною, пред правительством же выдавала себя за консервативную, заявляя гласно одни желания о введении польского языка в училищах и судах, а также о восстановлении университета в Вильне и Литовского статута в крае. Она предположила идти осторожным, медленным, но более верным путем к соединению, при помощи народа, с Царством Польским, тогда как партия красных или крайних, состоявшая, за малым исключением, из мелких помещиков, незначительных чиновников, шляхты, однодворцев и мещан, желала неотлагательного восстания с оружием в руках, рассчитывая на революцию в России и помощь Франции, Италии и Венгрии. Кроме этих партий была еще третья, в сущности малочисленная, но имевшая большой авторитет в крае по богатству, образованию и связям. Уклоняясь от участия в политических манифестациях, как от заявлений, раздражающих наше правительство без пользы для дела, партия эта при всем патриотическом настроении своем, мечтала о присоединении Западного края к свободной Польше в неопределенном будущем; и, не доверяя успеху, предприятий умеренных, тем менее желала такового красным демократам, исповедовавшим принципы коммунизма и разрушения всех сословных, столь дорогих для польских аристократов, традиционных преимуществ. Ограничив участие свое в патриотическом движении денежными пожертвованиями, от которых устранять себя ввиду угроз революционного комитета было опасно, – большая часть дворян сей партии, поручив поместья свои в распоряжение арендаторов или управителей, удалилась в города, во избежание скоплавшейся на политическом горизонте грозной бури и непрерывных столкновений с крестьянами, обнаруживавшими раздражение против владельцев.

Крестьянское население, чуждое по своему происхождению польским идеям, оставалось, невзирая на все внушения ксендзов и дворян, верным своему долгу и смотрело неблагоприятно на патриотические их затеи. В юго-западном крае население это, коренное русское, и кроме немногих бывших униатов, чисто православное, готово было во всякое время истребить все польские элементы вконец; но и там дворяне выказывали враждебное расположение к правительству.

В Белоруссии, т.е. в Могилевской и Витебской губерниях, дворянское сословие, коего большинство состоит из выродившихся поляков, не обладая ни отвагою, ни энергиею западных своих соотечичей, сочувствовало им, однако же, в патриотизме и не отказывалось по требованию революционного комитета от денежных пожертвований; но на крестьян оно также рассчитывать не могло, тем более что все они, как старые русские, так и бывшие униаты, ненавидят своих помещиков. Наконец, евреи всех этих губерний, всегда малодушные и всегда продажные, хитрили на обе стороны, готовые пристать к тому, кто сильнее и от кого можно было ожидать более вещественных выгод.

При таком натянутом положении местное правительство усугубило надзор за съездами дворян и за действиями посредников, а также заменило некоторых неблагонамеренных чиновников польского происхождения, волостных старшин и писарей – людьми благонадежными. Затем распространение народных школ и, самое главное, ожидавшееся в скором времени постановление о прекращении обязательных отношений между помещиками и крестьянами, в видах разъединения их общих интересов и пресечения влияния первых над последними, подавали надежду на сохранение в крае должного порядка.

Ожидания эти, однако, не сбылись: вспыхнувший в январе в Царстве Польском и принявший неожиданно опасные размеры мятеж отразился ярким заревом в Западных губерниях, где крайняя партия приняла его как нетерпеливо ожидаемый сигнал к дружному восстанию. Шайка инсургентов вторглась из Царства в Гродненскую губернию и произвела внезапное нападение, ночью с 10 на 11 января, на роту, квартировавшую в заштатном городе Сураже (близ Белостока). Вслед за сим получено было известие о скопищах, образовавшихся на линии Виленско-Варшавской железной дороги, о порче сей последней и о бандах, появившихся в Бельском уезде в числе до 3000 человек, которые, после отчаянного сопротивления, потерпели поражение при местечке Семятичах 25 января.

Так начался в Западных губерниях мятеж, в который, кроме красных, вовлечена была впоследствии едва ли не большая часть умеренных и разная сволочь, не имевшая оседлости или упроченного пропитания. Вскоре появились шайки в окрестностях Бреста-Литовского и Пружан, в Трокском,

Свенцянском, Лидском уездах и в некоторых местностях Минской губернии; наконец, волнения возникли Ковенской губернии в Поневежском уезде, где сосредоточились многие скрывавшиеся в лесах шайки, привлеченные туда слухами о высадке у берегов Курляндии отряда заграничных инсургентов и прибытии парохода с оружием (предприятие это, как известно, не удалось). Показались также значительные скопища в Тельшевском и Шавельском уездах. К числу наиболее замечательных военных действий в этих местах принадлежат истребление шайки в 500 человек ксендза Мацкевича³⁴ (15 марта), и другой, в 700 человек, а также разбитие 9 апреля у Роговского леса банды в 2000 человек. В Виленской губернии истреблена 25 апреля шайка в 600 человек известного Нарбута³⁵, который убит. 26 апреля разбита банда в 1500 человек под предводительством Сераковского³⁶ и Кольшки³⁷, взятых в плен; а 27-го понес Мацкевич, предводительствовавший многочисленной шайкою, вторичное и решительное поражение. Кроме того, разбиты или истреблены в разных местах Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губернии более или менее значительные скопища. Немедленно после первого появления и разбития войсками шаек в Минской губернии сформирована там из крестьян и отставных солдат, для ограждения мирных жителей от нападений, местная стража, вооруженная отбитым у мятежников оружием.

Наконец, сверх всякого чаяния, обнаружилось волнение и в Витебской губернии. 13 апреля около м. Креславки (Динабургского уезда) произведено нападение на небольшой транспорт с оружием шайкою, состоявшею из местных помещиков-поляков под предводительством графа Платера; но вооружившиеся крестьяне рассеяли оную и взяли в плен предводителя и других дворян, из коих некоторые оказались агентами революционного комитета. Кроме того, под Себежем разбито небольшое скопище, скрывавшееся в лесу. В Могилевской губернии появившаяся в конце апреля шайка произвела варварское нападение на г. Горки и Горы-Горечное земледельческое училище; причем часть города сожжена, а училище ограблено. Шайка впоследствии разбита.

Характер собственно военных действий мятежников в Северо-западном крае, руководимых варшавским революционным комитетом, был чисто партизанский. Местные топографические условия, лазутчики, набираемые волею или неволею между крестьянами или евреями, в особенности же помещики, арендаторы, управители и однодворцы поддерживали усилия мятежников. Лесные дебри укрывали их от преследования войск, а подводы жителей служили пособием и даже средством для быстрых передвижений и развлечения внимания наших отрядов. При неудачах шайки раздроблялись и рассеивались по окрестностям, условившись относительно сборных пунктов. Устрашенные угрозами и беспощадными расправами крестьяне в большей части случаев хранили строгую

тайну и скрывали, под страхом смерти, следы мятежников. Войска утомялись бесполезными преследованиями; но всякая встреча с шайками при малейшей попытке к сопротивлению кончалась разбитием оных. Намерения мятежников избирать опорные пункты для систематического развития восстания решительно не удавались; и потому им оставалось волновать край способами террора. Ряд самых безобразных злодеяний, которых жертвами соделались многие преданные правительству лица, в том числе священники, чиновники земской полиции, крестьяне и попадавшиеся в плен военные – достаточно свидетельствуют о свирепости мятежа. Совсем тем, масса крестьян, почти нетронутая оболещениями, угрозами и даже истязаниями, понимая всю несостоятельность задуманного восстания, оставались в повиновении законным властям, за малым исключением случаев в Тельшевском, Трокском и Лидском уездах и на окраинах границ Гродненской губернии с Царством.

Между тем, не взирая на решительное поражение самых сильных мятежнических отрядов, вначале под м. Семятичами, а впоследствии под предводительством прославленных вождей Нарбута, Сераковского, Колышки и свирепого ксендза Мацкевича, на которых поляки возлагали большие надежды, невзирая на прекращение в марте месяце обязательных отношений между помещиками и крестьянами и на все милостивейше дарованную по 1 мая амнистию, восстание, ободренное дипломатическим вмешательством Франции и Англии, продолжалось; но свойство его стало заметно изменяться, принимая часто разбойничье направление. Весь край приходил более и более в самое напряженное состояние, испытывая всю тяжесть ненормального положения дел, настоятельно требовавшего, кроме увеличения числа войск, более суровых и решительных административных мер. Они были необходимы как для подавления мятежа, так равно для обуздания наглой заносчивости и предательства остававшихся в деревнях и участвовавших тайно в мятеже поляков, которые принимали оказываемое им в некоторых случаях великодушие и снисхождение за слабость или даже за бессилие нашего правительства.

Но им предстояло в скором времени разувериться. Назначенный на место генерал-адъютанта Назимова генерал от инфантерии Муравьев, которому с тем вместе подчинены и две белорусские губернии, прибыл в Вильну 14 мая и тотчас обнаружил сильную энергию и непреклонную строгость в распоряжениях своих, поразивших ужасом всех поляков. Военное положение в крае восстановлено во всей силе; учрежденные в разных местах по полемому уголовному уложению суды стали действовать решительно, без всякого послабления; вследствие сего казнены в Вильне предводители мятежников Колышко, Сераковский, несколько ксендзов и многие другие, а в Динабурге – граф Платер. Виленский католический

епископ Красинский³⁸, уклонявшийся от исполнения данного ему приказа, сослан в Вятку; польки должны были немедленно снять траур, а все проживающие в городах помещики – возвратиться в свои имения, с обязанностью оказывать всякое пособие проходящим войскам и доносить правительству о появлении в окрестностях мятежничьих шаек. Изобличаемые и подозреваемые в преступных намерениях или действиях лица взяты под стражу; значительнейшая часть из них сослана в отдаленные губернии; туда же отправлены некоторые служившие по выборам дворяне и мировые посредники, подавшие в отставку по распоряжению революционного комитета; другие арестованные, не подлежавшие смертной казни, сосланы в крепости или Сибирь, с сохранением или лишением прав состояния; наконец, остальные содержатся еще в тюрьмах. Многие помещичьи имения секвестрованы или конфискованы; на все же остальные наложен денежный сбор с доходов. Сбор этот предназначен для покрытия военных издержек и для пресечения владельцем средств к поддержанию мятежа. Окольная, мелкая шляхта и однодворцы подвергнуты, за преступные действия членов из их среды, солидарной ответственности своим имуществом. Военным уездным начальникам предоставлены обширные права. Наконец, чиновники польского происхождения заменены русскими. Из крестьянского же населения, как главной, после войска, опоры законной власти в крае, образована сельская стража для ограждения деревень от грабежа и неистовых мятежников.

Самые замечательные военные действия со времени вступления генерала Муравьева в управление краем, в который прибывало все более и более войска, происходили в мае и июне месяцах в Ковенской губернии. Там, при местных условиях, гнездились еще довольно многочисленные шайки Мацкевича, Станевича и Яблоновского³⁹, из коих первый успел собрать до 1600 человек, но был двукратно разбит, как равно и Станевич, имевший не столь значительное скопище. Что касается до Яблоновского, распоряжавшегося хорошо обученною бандою до 1500 человек, то атака 10 июня, произведенная на укрепленную ее позицию близ м. Попелян 4-мя ротами пехоты, была неудачна, и отряд должен был отступить с потерей; но вскоре потом банда эта была разбита другим отрядом (18 июня), как равно и несколько скопищ в Виленской губернии, в том числе одно в 800 человек, а в Гродненской – в 700 человек. Наконец, неистовый ксендз Мацкевич пойман и повешен по приговору суда 16 декабря в Ковне.

Ныне мятеж в Северо-западном крае, по-видимому, подавлен. Многие мятежники явились добровольно к местным властям с просьбою о помиловании. Но, вместе с тем, генералом Муравьевым объявлено в декабре посредством циркуляра, что с наступлением холодного времени предводители шаек распустили и расквартировали их в фольварках помещиков, шляхетских околицах и некоторых селениях государственных крестьян (в особенности в

Ковенской губернии), намереваясь, вероятно, продолжать мятеж весной. Поэтому предписаны строгие меры к обнаружению скрывающихся.

В юго-западном крае замыслы поляков не могли развиваться на неблагоприятной для них почве. В конце апреля перешедшие из Галиции шайки мятежников появились в пределах Волынской губернии, и волнение обнаружилось в Киевской: местные жители из поляков, преимущественно дворяне, студентов и мещане составили скопища и произвели несколько грабежей; показались также мятежники на Волыни, в местах, пограничных с Минской губернией и Полесьем. Но действия правительства, при помощи верного и отважного народонаселения, уничтожили все эти попытки. Мятежники разбиты или забраны в плен, и самые виновные преданы заслуженной казни; многие прикосновенные помещики арестованы с преданием суду, сосланы в отдаленные губернии и Сибирь и некоторые и в каторжную работу. Между тем, новые шайки, образовавшиеся в восточной Галиции из тамошних поляков, эмигрантов и иностранцев, пытались прорваться в наши границы, но все покушения их отражены войсками Киевского округа. 19 же июня сделано было нападение на Радзивиллов двумя отрядами, более нежели в 1400 человек, под главным начальством эмигранта Высоцкого; после упорного боя они были разбиты и удалились обратно в Галицию. Кроме того, в начале июля происходили небольшие дела на рубеже Волынской губернии с Царством Польским и Гродненской губернией, кончившиеся истреблением мятежников.

Несмотря на все вышепрописанные успехи и на строгие распоряжения генерала Муравьева, Западный край умиротворенным признан быть не может. Тревожное состояние его продолжается, злоба против правительства значительной части населения несомненна, администрация далеко еще не достигла нормального устройства, враждебное влияние ксендзов на легковверных поддерживается, надежда на внешнюю помощь не исчезает – все это представляет будущность края на долгое еще время в мрачном виде, тем более что даже крестьян католического исповедания, при фанатизме их духовенства, нельзя считать совершенно нам преданными. Что касается до поселян православных, то они бы должны при благодеяниях, на них излитых, оставаться верным оплотом правительства; но, к прискорбию, смуты часто препятствуют сохранению в массах того повиновения властям, которое необходимо для общественного спокойствия, особенно когда они чувствуют свою силу. Вот почему управление ими требует большого искусства и способных деятелей, ибо сколько драгоценна преданность народа, столько опасно его своеволие.

До сих пор заметны: в Северо-западных губерниях ряд энергических, по большей части произвольных мер, невольно рождающих жажду мести; в прочих губерниях не довольно последовательное подавление польского

элемента и слабое действие к предупреждению беспорядков, могущих вновь возникнуть при сочувствии соседних стран. Затем, крайнее затруднение заменить все туземные должностные лица коренными русскими, которые, по достоинствам, заслуживали бы уважения, и предоставлять им денежные или другие преимущества, значительно усложняет дело. Оно вызывает точное и систематическое решение вопроса о Западных губерниях на сколь возможно единообразных основаниях.

ОСТЗЕЙСКИЕ ГУБЕРНИИ

Волнение Северо-западного края, развившееся в прошедшем году, сильно потревожило Курляндскую и Лифляндскую губернии, в особенности первую, которая примыкает своими границами на значительном протяжении к губернии Ковенской. В некоторых местностях Курляндии крестьяне латышского происхождения оказали даже хозяйственным управлениям неповиновение и произвели беспорядки; но они были усмирены. Тем не менее, помещики продолжают опасаться проявившегося в народе свободного настроения умов. Вообще в поселянах Остзейского края явно обнаруживается желание достигнуть преимуществ, дарованных крестьянам всего государства, и прекращения, как в Западном крае, обязательных отношений к владельцам.

Помещики, с своей стороны, находя, что необходимые рабочие силы уменьшаются с каждым годом чрез переселение туземных крестьян на юг России, стараются привлечь немецких хлебопашцев из Пруссии, Мекленбурга и Голштинии, но предприятие это не имело до сего времени большого успеха.

Относительно улучшения быта крестьян в остзейском крае имеются в виду следующие сведения:

На конференции курляндских дворян в июне месяце постановлено: допускать продажу усадеб христианам всех сословий, с преимущественным правом купли для крестьян, занимавших усадьбы; арендный срок определен не менее 12 лет; и, наконец, для совершенного прекращения барщины назначен 4-х летний срок.

По годовому отчету лифляндской комиссии крестьянских дел, арендные участки в помещичьих имениях распределяются теперь следующим образом: на издельной повинности находится 16822 участка; на смешанной повинности (отбываемой частью работами, частью деньгами или взносами хлеба) – 8884 участка; на денежной повинности – 10062 участка; в собственности крестьян (с получением для сего ссуд из учрежденного крестьянского банка) 922 участка; причем стоимость всех проданных крестьянам участков представляет капитал до 1383000 рублей.

По сравнении этих цифр с отчетами за предшествовавшие годы, оказывается, что в помещичьих имениях Лифляндской губернии замен издель-

ной повинности оброком, в особенности же выкуп крестьянами участков, шли успешнее прежнего. Но и этот результат далеко не представляется еще удовлетворительным, в сравнении с ходом выкупной операции в Великороссийских губерниях на основании Положения 19 февраля 1861 года.

Наконец, по годовому отчету комитета крестьянских дел в Эстляндии, состоит во владении крестьян не более 76 усадеб. Столь малый успех приписывается недостатку в губернии кредитных учреждений, которые могли бы доставлять крестьянам способы к приобретению земель; число крестьянских усадеб, состоящих на денежном оброке и смешанной повинности, простирается до 10436, а 6005 хозяев отбывают еще барщину.

ФИНЛЯНДИЯ

В июле минувшего 1863 года, недель за 6 до открытия финляндского сейма, издаваемая в Гельсингфорсе на шведском языке, весьма распространенная в крае газета "Dagblad", рассуждая о положении оно, вводила заключение, что все существование Финляндии страдало и страдает от глубокой несоответственности между национальным и умственным развитием ее с внешними отношениями, которыми связан финляндский народ, составляющий отдельную нацию; что признанная в Финляндии конституция, в продолжении более полувека, фактически не выполняется; и что интересы народа часто терпят от положения к теперешней союзнице его, России, вследствие войн и денежных кризисов, которым Финляндия невольно подвергается. Основываясь на таких данных, газета заявляла широкую программу желаний для необходимого развития внутренних и внешних политических форм края, а именно, чтобы сейм собирался в периоды от 3 до 5 лет с правом предоставлять собственные предложения на утверждение монарха; чтобы взимание без согласия представителей таможенных пошлин и других непрямых налогов было уничтожено; чтобы все повинности и расходы определялись и контролировались сеймом; чтобы высшие чиновники были ответственны перед народными представителями; чтобы допущена была свобода печати; чтобы военные силы края существовали отдельно; чтобы Финляндия в случае войны России могла сохранять нейтралитет; наконец, чтобы отдельная монетная система края была совершенно независима от русской. Затем, в конце июля, перепечатана была в той же газете статья из английской "Morning Post", что шведские манифестации в пользу Польши и отказ финляндцев в требуемых Россиею верноподданнических адресах принудили русское правительство согласиться на созвание финляндского сейма и что финляндцы должны воспользоваться настоящим политическим положением России, дабы получить полную гарантию в самостоятельном и свободном правлении. Вообще, как эта газета, так равно некоторые другие в крае выказывают

явное нерасположение к России и большое сочувствие Швеции, нередко перепечатывая из тамошних газет неприязненные против нас выходки, в особенности относительно происшествий в Польше.

При таком направлении, предшествовавшем собранию сейма, можно было ожидать, что кроме предметов, определенных правительством, произойдут в оном жаркие прения в либеральном духе и по другим вопросам, тем более что в крае чувство самостоятельности заметно развилось в последнее время; но занятия сейма, после торжественного открытия его Вашим Императорским Величеством 6-го сентября, шли весьма медленно. По истечении шести недель ни один проект закона по предложению правительства не был еще представлен на обсуждение сословий. Медленность эту приписывают флегматическому характеру финляндского народа, необходимости употреблять на совещаниях финский и шведский языки, главным же образом, неопытности и непривычке к занятиям подобного рода, требовавшим установления форм заседаний и устройства различных комитетов. С образованием сих последних принята была публичность прений и учреждение общего клуба для сближения всех четырех сословий: дворянского, духовного, городского и крестьянского. За сим все четыре сословия решили ходатайствовать о периодических сеймах, чрез каждые три года, независимо от всемилостивейше обещанного созвания такового по истечении первых 3-х лет.

К представителям духовенства поступили в то же время петиция и протокол избирателей Нижне-Бьернеборга, заключающие желания, заявленные уже (как упомянуто) газетою «Dagblad». 7 протоколов избирателей разных округов и несколько петиций одинакового содержания представлены и в крестьянское сословие, но с присовокуплением двух новых требований: уничтожения сословных прав и предоставления Финляндии своего собственного купеческого флага. В мещанское сословие поступило 35 протоколов избирателей и петиций, выражающих большею частью те же самые желания.

8/20 ноября сейм, видя невозможность кончить дела в назначенный 3-х месячный срок, всепопданнейше ходатайствовал о продолжении оногo в мере необходимости для удовлетворительного решения предложенных ему столь многих обширных и так глубоко затрагивающих государственное устройство и управление страны вопросов; причем сословия дворянское и духовное просили об отсрочке до 15-го апреля будущего 1864 года, а мещанское и крестьянское – до 1-го мая. Вследствие сего Высочайше разрешено продолжить сейм еще на 3 месяца, т.е. до 15-го марта нов. ст.

Затем в заседаниях дворянского сословия приняты в течение ноября следующие наиболее замечательные постановления: 1) уничтожение исключительного права дворян владеть особыми привилегированными имениями, пользующимися довольно значительными льготами; 2) существо-

вавшие до сего различные виды личных налогов, от которых было освобождено дворянство, – заменены поголовною податью, падающею на всех без исключения жителей; 3) отменено разделение дворянского сословия на три класса, так что на будущих сеймах все дела будут решаться простым большинством голосов; бароны же и рыцари лишаются первенствующего значения. Внесенная представителем Вейсенбергом петиция о предоставлении Финляндии особого торгового флага не принята ландмаршалом на том основании, что край находится в зависимости от России и что в конституции оного о собственном флаге не упоминается ни слова.

19-го ноября, после продолжительных и оживленных прений, принято было также весьма замечательное постановление, незначительным, впрочем, большинством; что финский дворянин, не подлежащий финским законам и не платящий податей, лишается права представительства. Большое число членов протестовало против этого решения, отнимавшего у многих лиц политическое право заседать на сейме. По внесении своего veto в протокол, члены эти оставили залу заседания и не участвовали в подаче голосов по следующему, принятому оставшимися членами дополнительному пункту: что дворянин, находящийся не по финским служебным обязанностям вне пределов отечества более шести лет и по истечении оных вернувшийся в Финляндию, но не живший постоянно в пределах ее трех лет и не плативший податей, лишается равномерно права представительства.

Вообще стремление финляндцев к развитию политического прогресса, проявляется с такою силою и единодушием, что оно легко может перейти за указанные им пределы, если за ним не будет постоянного и разумного наблюдения.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ВЫХОДЦЕВ

Польское возмущение было предметом главной деятельности русских выходцев, в последние годы сблизившихся, как было указано в отчете за 1862 год, с польскою демократическою партией. Находя, что русское общество недостаточно подготовлено для открытого восстания, лондонские агитаторы употребляли чрезвычайные усилия, чтобы отложить мятеж в Польше до более удобных обстоятельств, т.е. до того времени, когда – как они надеялись – русское войско перейдет на сторону поляков. «Большое несчастье, – говорил Герцен в Колоколе, – что польское восстание пришло рано; многие, и мы в том числе, делали все, нашим слабым силам возможное, чтобы задержать его». Между тем, агитаторы и печатными статьями, и чрез тайных эмиссаров старались восстановить русских офицеров против правительства и возбудить в них сочувствие к инсургентам,

которых прославляли с восторгом, доходившим иногда до смешного. «Да, поляки-братья, – писал Герцен при первой вести о восстании, – погибнете ли вы в ваших дремучих лесах, воротитесь ли свободными в свободную Варшаву, мир равно не может отказать вам в удивлении... В вас благословенна родина ваша; она, в своем терновом венке, может гордиться своими сыновьями. В вас благородно, изящно сочетались два великих наследства двух великих покойников: все чистое, восторженное и преданное рыцаря со всем доблестным и могучим древнего римского гражданина... и когда мы возле вас, идущих на смерть, на каторгу, представляем себе бедного русского воина, мы готовы рыдать, как дети. Он должен краснеть своих побед и бояться своих успехов. Его положение страшно: быть палачом людей. Вызванных на восстание, или идти против своих – где тут воля выбора?».

Но революционная пропаганда «Колокола» осталась бесплодною: за немногими, постыдными исключениями, вся русская армия осталась верною своему знамени и присяге.

Кроме того, по сведениям, полученным из Лондона, Герценом и Огаревым было налитографировано значительное число экземпляров возвания к раскольникам, будто бы изданного в Белокриницах. Воззвание это, отпечатанное славянскими буквами и начинающееся словами: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, спаси нас грешных» – проникло чрез Швецию в Архангельскую губернию, но в других частях России не распространилось. В Лондоне же печатались подложный манифест, имеющий целью восстановить крестьян против дворянства и чиновников, и возмутительное воззвание к казакам; но распространение в России и этих изданий устранено.

Во время пребывания Бакунина и Герцена-сына в Стокгольме между ними возникла ссора, едва не вызвавшая разрыв между Бакуниным и Герценом-отцом; но усилия Огарева повели к их примирению. Герцен снова сошелся с Бакуниным в Париже, куда последний прибыл по возвращении из Швеции. Там Бакунин сблизился с Бюлозом, редактором “Revue des deux mondes”, пригласившим его принять в этом журнале участие. Бакунин согласился и осенью, поселившись в Вэве, занялся составлением статей о Финляндии и о Остзейских губерниях. В то же время он подготовлял к изданию свои собственные записки. В декабре он оставил Вэве и отправился в Италию, был на острове Капрере*, вероятно для свидания с Гарибальди, а оттуда прибыл во Флоренцию, где подружился с проживающим там русским выходцем Мечниковым (бывшим питомцем Александровского лицея). Мечников, служивший прежде в отряде Гарибальди адъютантом генерала Мильдица, живет обыкновенно в Ливорно; но в начале нынешнего года поселился во Флоренции, и на митингах в пользу Польши неоднократно говорил речи, направленные против русского правительства.

* Совр. – Капри.

В Лондоне сверх других русских революционеров поселился в 1863 году бывший князь Петр Долгоруков, изгнанный как из Бельгии, так и из Франции. Он завел в Лондоне свою типографию (14, Panton-Street, Haymarket), которою заведует Жуковский, бежавший из России в 1862 году. Издания Петра Долгорукова «Листок» и «Le Veridique», почти не раскупаются; но авторское самолюбие побуждает его рассылать их знакомым и незнакомым. Герцен, Огарев и Бакунин принимают Долгорукова у себя, но не сближаются с ним и многого ему не доверяют.

Прочие русские выходцы, первоначально жившие в Гейдельберге, где усилиями Бакста* была устроена тайная русская читальня, в начале 1863 года рассеялись по всей Европе, преимущественно по Швейцарии и Италии. Бакст поселился в Берне, открыл там русскую типографию и печатал в ней прокламации, предназначавшиеся для отправления в Россию. Не находя средств исполнить это намерение, он прибегнул к Платеру** чрез посредство Черкесова***, жившего в Цюрихе; но Платер принял его за тайного русского агента и отказал в его домогательстве.

По последним известиям, русскую типографию, устроенную в Берне, предположено соединить с типографией Герцена и Огарева, которую они намерены перевести в Италию.

В Цюрихе вместе с Черкесовым жил также Касаткин****, враждовавший с Бакстом, несмотря на усилия Герцена и Огарева примирить их. Касаткин, потом переселившийся в Лозанну, неоднократно выписывал из Лондона возмутительные издания Герцена, Огарева и Бакунина, и пересылал их разными путями в Россию. С ним в последнее время сблизился Александр Серно-Соловьевич⁴⁰, первоначально живший в Неаполе и постоянно находившийся в переписке с лондонскими возмутителями.

Отдельно от прочих выходцев действовал Блюммер, который, оставив Берлин, по принуждению прусской полиции, находился некоторое время в Брюсселе и участвовал в издании журнала "Polska". Ныне он поселился в Дрездене, где издает на русском языке еженедельную политико-литературную газету «Европеец», первый номер которой вышел 7 февраля сего года.

Но особенно опасное направление приняла в истекшем году деятельность русского выходца Василия Кельсиева, который с братом своим Иваном,

* Бакст – русский врач, отправившийся несколько лет тому назад в Гейдельберг для продолжения наук в тамошнем университете. (Примечание авторов документа.)

** Граф Платер – главный член польского центрального комитета в Швейцарии. (Примечание авторов документа.)

*** Черкесов – сын богатого помещика Новгородской губернии и московского домовладельца. (Примечание авторов документа.)

**** Касаткин – сын московских достаточных родителей, мелкий литератор и библиограф. (Примечание авторов документа.)

недавно бежавшим из России, отправился во время самого разгара польского мятежа из Лондона в Константинополь, а оттуда в Добруджу для возбуждения некрасовцев против России. В Турции братья Кельсиевы вступили в сношение с тамошними поляками, особенно с известным ренегатом Садык-пашою (Чайковский), через которого, как говорят, получили денежное пособие от общества лазаристов и поддержку французского посольства в Константинополе. Они уговаривали некрасовцев подняться всем войском и вместе с польским легионом идти через Дунайские княжества и Бесарабию на Волынь и Подолию, дабы в этих краях распространить мятеж и одновременно посредством эмиссаров возмутить во имя старой веры донских, линейных и уральских казаков. Воззвания в этом духе были отправлены к старообрядческим епископам, Иову Кавказскому и Израилю Уральскому и Бударинскому, но обоими отвергнуты. Также поступил и епископ Задунайский Аркадий, бежавший из России в начале 40-х годов.

Имея намерение основать типографию в Славе, Кельсиевы просили Аркадия принять их дело под свое покровительство; но узнав настоящую их цель, он решительно отказал им в своем содействии. Тогда Кельсиев и Садык-паша при помощи французского посольства обратили на Аркадия и преданных России некрасовцев гнев султана, обвинив их в государственной измене. Донос этот вызвал строгое следствие в Добрудже; многие некрасовцы под конвоем увезены в Константинополь и сосланы в отдаленные провинции азиатской Турции. Аркадий успел бежать в Измаил.

После неудачи в Славе Кельсиевы завели типографию в Тульче и приступили к печатанию Псалтыря с чтимым старообрядцами предисловием патриарха Иосифа, которое, по распоряжению Св. Синода, не вносится в издания московской единоверческой типографии. Если Псалтырь Кельсиевых разоидется по России, то он непременно возбудит в старообрядцах к лондонским деятелям то сочувствие, которого они доселе безуспешно добивались.

Сознательно или бессознательно, но русские выходцы избрали самое удобное место для основания новой вольной типографии. В среде русских старообрядцев лондонские листки возбуждают сомнение; но юго-запад, даже заграничный, таких сомнений между ними не возбудит: они свято почитают книги, изданные в течение XVI, XVII и XVIII столетий в Яссах, Букаресте, Вене, Венеции, Львове, Уневе, Почаеве и в других местах. Может быть, сами Кельсиевы, судя по вышедшим до сих пор лондонским изданиям, не нашли бы способа печатать старообрядческие книги в таком виде, чтобы они вселяли доверие, но у них есть какой-то беглый раскольник-монах, большой знаток старообрядческого книгопечатания. При его помощи они могут произвести действительный вред, который далеко оставит за собою пагубное влияние «Колокола», «Общего веча» и других подобных изданий. Эти революционные листки действовали только на

незначительное меньшинство, тогда как произведения новой вольной русской типографии грозят проникнуть в народную массу, среди которой десятиmillionное население старообрядцев и раскольников имеет огромное значение как по большей зажиточности и развитию, так и по тайным связям, соединяющих их в одно сильное целое.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЗАМЫСЛЫ В РОССИИ

События 1862 года показали уже ясно тесную связь революционных идей, проводимых некоторыми опасными личностями в России, с лондонской пропагандой. Эта связь была раскрыта из перехваченной переписки Герцена, Бакунина и Кельсиева с русскими злоумышленниками. Но в 1863 году к этому источнику беспорядков присоединились также происки польских агентов, надеявшихся восстанием в империи отвлечь внимание и силы от польского мятежа. Так, одновременно с появлением польского манифеста от 1-го февраля в С. Петербурге были распространены печатные экземпляры воззвания на русском языке, со штемпелем: Русский центральный комитет – «Земля и Воля»⁴¹. Воззвание это приглашало русских действовать в пользу возмущившихся поляков и отклоняло офицеров и солдат нашей армии от исполнения священного их долга. Несколько оттисков сего воззвания вместе с типографскими принадлежностями вывезены были из имения Мариенгаузен, Витебской губернии, причем захваченные с ними лица указали на бывшего студента Николая Утина⁴² как на главного по этому делу распорядителя. Утин, замешанный в беспорядках, произведенных студентами С.Петербургского университета, по освобождении из крепости отдан был на поруки отцу его, коммерции советнику Исааку Утину, который подпискою обязался наблюдать за его поведением под опасением ответственности по всей строгости законов. Кроме того, на ближайший за ним надзор обращено было особенное внимание полиции, но, несмотря на эти предосторожности, Николай Утин, предвидев, что он будет арестован, бежал за границу.

В Москве те же воззвания опускал в почтовый ящик врач Павловский⁴³, показавший, что они доставлены ему в конверте с надписью «во имя отечества». Из Москвы подобные же экземпляры посылались в приволжские губернии вместе с подложными манифестами о даровании крестьянам земли, о распусшении армии и прекращении сбора податей. Молодые люди, развозившие эти манифесты, были задержаны и заявили, что распространении их поручено им французским подданным Иеронимом Кеневичем⁴⁴, сыном возвратившегося из эмиграции помещика Минской губернии. Кеневич*, служивший прежде в управлении железных дорог,

* Он взят и предан суду. (Примечание авторов документа.)

был, как по следствию оказалось, агентом революционной партии в Москве и в Литве. Партия эта, рассчитывая на отсутствие войск, задумывала восстание в Казани⁴⁵ и с этою целью завлекала в свои сети неопытную молодежь. Из агентов, действовавших по сему делу, задержаны штабс-капитан Иваницкий⁴⁶, поручик Мрочек⁴⁷ и много других лиц, едва достигших юношеского возраста, которые принадлежат к числу несчастных жертв окружающей их крамолы.

Возмутительные прокламации появились и в Чернигове. Показания арестованного с ними Васильковского уездного землемера Андрущенко⁴⁸ и сообщников его, служивших в управлении Московско-Нижегородской железной дороги дворян Шатилова⁴⁹ и Мосолова⁵⁰ дают повод подозревать существование революционного общества «Земля и Воля», стремящегося к ниспровержению существующего порядка и употребляющего воззвания как способ для волнования умов. К сожалению, ни один из виновных, по незнанию ли или по упорству, не указал ни членов общества, ни его местопребывания, ни его средств и деятельности.

Всевозможное старание употребляется и будет употребляться к дознанию, в какой степени возбужденное подозрение основательно, ибо действительность оного никакими ясными доказательствами не подтверждена. Во всяком случае, можно с достоверностью сказать, что грустные явления, помрачающие государственный наш быт, происходят не от народных источников, а от заграничной или польской пропаганды.

НАРОДНЫЙ ДУХ

Современное состояние России заслуживает действительно глубокого изучения. Ряд самых важных преобразований обнял все стороны народной жизни, изменил основы нашего общественного устройства и не мог не произвести некоторого замешательства во взаимных отношениях сословий. Старые связи уже порваны, новые еще не установились, и общество, возрождаемое к новой жизни, на других началах, находится пока в брожении. Среди колебаний, неизбежных в эпоху подобных преобразований, естественно явились личности, желающие воспользоваться обстоятельствами для достижения своих эгоистических целей. Рассчитывая на временное неудовольствие, возникшее в сословиях, считавших свои интересы принесенными в жертву государственным потребностям, злоумышленники наделись возбудить обширное восстание; но, к счастью, они в своих расчетах ошиблись. Польский мятеж и особенно дипломатическое вмешательство иностранных кабинетов в домашнюю племенную распрю затронули чувство русской национальности. Весь русский народ, сознавая оскорбление, нанесенное его гордости, поспешил выразить верноподданническую преданность монарху; все сословия, в том числе и московские раскольники по-

повщинского толка, внезапно слились в чувствах истинного патриотизма и торжественно заявили готовность принести за целость и честь отечества не только достояние, но самую жизнь. Кроме поданных тогда всеподданнейших адресов, русский дух выразился равным образом в письмах и телеграммах к некоторым государственным нашим сановникам. Дипломатическая деятельность государственного вице-канцлера князя Горчакова⁵¹ и энергические меры генерал-губернатора Муравьева в Северо-Западном крае и наместника графа Берга в Царстве Польском дали повод неоднократной передаче этим лицам уверения общей признательности за их заслуги.

Но как не утешительно столь единодушное и повсеместное пробуждение патриотизма, для многих неожиданное, тем не менее, самый способ его проявления вызывает на размышление. Открытое, торжественное выражение народного чувства неоспоримо доказывает, что общественное мнение, до сих пор не существовавшее в России, успело в последние годы образоваться, окрепнуть и теперь сознает свое значение. Пользуясь правом изъявлять сочувствие и одобрение действиям правительства, общество незаметно привыкает к мысли, что ему одинаково принадлежит право высказывать порицание; оно приучается считать свое мнение верховным приговором и вряд ли затруднится произнести его в решительную минуту. Даже в настоящее время похвала одним из государственных деятелей была как бы косвенным осуждением других, направление которых не совпадало с народным настроением. Таковую привычку нельзя считать безопасною; ибо общество, под влиянием как собственных заблуждений, так еще более внешних подстрекательств, легко может не понимать цели и значения иных правительственных мер, вызываемых иногда государственною необходимостью и прямым благом народа. При таких обстоятельствах противодействие общественного мнения может повести к затруднениям и даже ослабить законный авторитет правительства. Поэтому необходимо не только подчинять выражение общественного мнения некоторым пределам, но и внимательно следить за его развитием, устраняя по возможности вредные внушения.

Такое наблюдение является особенно важным ввиду новых законодательных мер, которых действие на народ не всегда может быть предусмотрено. Между прочим одна из тех, которые приняты в истекшем году, не могла не отозваться на народном характере и на состоянии общественной нравственности. Уничтожение откупов произвело вследствие низкого акциза чрезмерно быстрое понижение цены на вино, увеличило пьянство до невероятной степени, и хотя во вторую треть года число умерших от неумеренного употребления вина сравнительно уменьшилось, но это утешительное явление объясняется, быть может, только наступлением рабочей поры.

Затем мера правительства, возбудившая особенное внимание общества, есть Положение о земских учреждениях, Высочайше утвержденное 1 января сего 1864 года. Трудно определить вперед, какое она будет иметь влияние на общественное хозяйство, на народное развитие; но нельзя упустить из виду того впечатления, которое она произвела на образованные классы. Только немногие видели в ней меру чисто экономическую; большинство же объясняло ее или как уступку, вызванную современными обстоятельствами, или как первый шаг к представительному правлению. Она возбудила надежды в одних и опасения за будущее в других.

С нетерпением также ожидаются новые постановления относительно народного образования. Благомыслящие тем более желают им полного успеха, что, к прискорбию, настоящие учебные заведения, особенно высшие, породили много тлетворных плодов. Довольно значительная часть политических преступников и лиц, подозреваемых в сочувствии к их замыслам, оказалось принадлежащею к числу питомцев этих училищ, и признания некоторых из них ясно обнаруживают, что вредные семена запали в их юные умы еще на школьной скамейке. Поэтому нельзя не прийти к заключению, что корень зла гнездится в воспитателях и в преподавателях, которые, усвоив себе революционное учение, нередко передают его незрелым юношам, легко увлекающимся всякою новизною.

Другим источником вредного направления молодого поколения является наша периодическая литература, получившая в последние годы особенно сильное развитие и значение. Принимая деятельное участие в обсуждении всех вопросов внутренней и внешней политики, русские журналы рассматривали важнейшие явления жизни государственной и общественной, пользуясь с ловкостью малейшим случаем для проведения и разъяснения своих воззрений. Впрочем, начало самодержавия не подвергалось ни нападкам, ни даже обсуждению наших публицистов; но, тем не менее, они иногда высказывали убеждения, несогласные с монархическим образом мыслей. Три главных направления выразились в нашей журналистике: землевладельческое, охранительного свойства, но с указанием некоторого представительства, имевшее своими органами «Русский Вестник»⁵², «Современную летопись»⁵³ и «Московские ведомости»⁵⁴; конституционно-демократическое, главными представителями которого были «С.Петербургские ведомости»⁵⁵, «Голос»⁵⁶ и «Отечественные записки»⁵⁷; и революционно-демократическое, отразившееся преимущественно в «Современнике»⁵⁸, «Русском Слове»⁵⁹, «Современном Слове»⁶⁰ и «Очерках»⁶¹, вскоре по появлении слившихся с «Современным Словом». Различие их воззрений выразилось даже в суждениях о польском вопросе, который в общей сложности разобран был, однако же, нашими публицистами в видах правительства и с сознанием собственного национального достоинства. Пользуясь различием образа действий правительственных лиц в Царстве Польском и в Северо-

западном крае, журналы выражали симпатии одному направлению, тем самым бросая тень на другое, не возбуждавшее их сочувствия. Вопрос этот вызвал жаркую полемику между «Московскими ведомостями», предпочитавшими систему, принятую в Западных губерниях, и «Голосом», защищавшим предшествовавшее управление в Царстве Польском. Было даже несколько передовых статей, в которых настаивали на необходимость даровать Царству Польскому полную автономию. Далее всех зашел в этом отношении журнал «Время»⁶², поместивший на своих страницах статью «Роковой вопрос», в которой доказывал превосходство польской цивилизации перед русскою и выводил из этого справедливость требования поляками прежних их владений. Появление сей статьи, по неосмотрительности пропущенной цензурою, вызвало прекращение издания журнала «Время».

В вопросах иностранной политики различие журнальных воззрений выражалось с тою же силою. Одна только деятельность императора Людвига-Наполеона вызывала общее несочувствие наших публицистов всех партий. Но верную оценку их убеждений можно себе составить на основании отзывов их о прусском правительстве и прусской прогрессивной партии. Между тем, как московские журналы порицают дерзость и отсутствие патриотизма в оппозиции прусской палаты депутатов, журналы конституционно-демократические осыпают насмешками министерство Бисмарка⁶³ и даже не без иронии отзываются о короле Вильгельме⁶⁴, восхваляя главных прогрессистских вождей, а издания революционно-демократические с презрением отзываются и о последних, как о людях отсталых, непрактических, продолжающих парламентскую оппозицию, тогда как, по мнению публицистов этого оттенка, настала пора действовать иным оружием.

Учение материалистов имело своими органами преимущественно «Современник» и «Русское слово», которые излагали его в общедоступной, популярной форме. К сожалению, это учение не встретило себе довольно сильного отпора в других изданиях: одни из них, главнейшее духовные, мало следят за светской литературою и имеют очень ограниченный круг читателей; другие же, как, напр., «Домашняя беседа»⁶⁵, неприличным тоном своей цинической полемики не могли заслужить ни сочувствия, ни уважения благомыслящих людей.

Таким образом, наша журналистика, даже при существовании предварительной цензуры, находила способы высказывать и распространять в массе публики учения, далеко не согласные с существующим в России порядком. Кроме того, были примеры открытого нарушения цензурных постановлений. Так, газета «Современное слово» помещала статьи без исключения мест, недозволенных цензурою, что и повело к запрещению этого издания.

Подобное положение журналистики, действующей не только на людей зрелых и достаточно развитых для самостоятельного суждения, но также на юношество и на грамотных простолюдинов, представляет один из опаснейших элементов народного развития. Не отвергая заслуг, какие может она оказать всесторонним обсуждением правительственных проектов и предположений, не отвергая выгод гласности, часто доводящей до сведения правительства факты, которые без того могли бы остаться неизвестными, нельзя не заметить, что периодическая литература, часто с непростительною легкостью решающая вопросы, едва ей известные, может иметь пагубное влияние, особенно в наше переходное время.

Из всего вышеизложенного следует, что, несмотря на всеобщее, единодушное пробуждение чувств преданности Царю и отечеству, вызванное польским восстанием и дипломатическими действиями Запада, наша общественная жизнь все еще представляет разрушительные начала, которые, особенно при постоянно усиливающейся революционной пропаганде, могут получить опасное развитие и поколебать самые основы государственного устройства.

Необходимость иметь за ними неусыпное наблюдение становится тем ощутительнее, что губительное влияние их, прежде всего, отражается на молодых поколениях, от которых зависит будущее величие и благоденствие нашего отечества.

Генерал-адъютант князь Долгоруков

2 марта 1864 года

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 28. Л. 313–406.

¹ Имеется в виду Великая французская революция.

² На Венском конгрессе 1814–1815 гг. впервые все великие европейские державы заключили общие договоры, на длительное время определившие границы государств.

³ Вторая империя во Франции – время правления Наполеона III (1852–1870).

⁴ Проведение датским правительством политики «единого государства» по отношению к Дании и герцогствам Шлезвиг и Гольштейн вызывало резкое противодействие со стороны оппозиционных сил. В 1848 г. в герцогствах вспыхнуло восстание, которое поддержали немецкие государства, прежде всего Пруссия. Военные действия проходили с переменным успехом. В 1850 г.

под давлением России Пруссия вывела свои войска с территории Шлезвига и Гольштейна. В ноябре 1863 г. датский парламент принял новую конституцию «для общих дел королевства Дании и герцогства Шлезвиг», по которой последний фактически отрывался от Гольштейна. Это стало детонатором нового взрыва. В феврале 1864 г. началась новая Шлезвиг-голлштинская война против Дании при участии Австрии и Пруссии. По Венскому миру, подписанному 30 октября того же года, Дания была вынуждена отказаться от прав на герцогства в пользу Пруссии.

⁵ Лассаль Фердинанд (1825–1864), немецкий социалист, организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего со-

юза (1863–1875), делал ставку на парламентскую активность при всеобщем избирательном праве.

⁶ Франц-Иосиф I.

⁷ Фридрих (Фредерик) VII (1808–1863), король Дании (1848–1863), последний представитель династии Ольденбургов.

⁸ В 1852 г. пять великих держав, Швеция, Норвегия и Дания подписали в Лондоне особый протокол, гарантировавший неприкосновенность монархии Ольденбургов. Согласно протоколу, после смерти Фредерика VII датский престол должен был занять представитель младшей ветви династии, принц Кристиан Глюксбург (Кристиан IX, датский король с 1863 по 1906 г.), женатый на Луизе Гессенской, дочери сестры Фредерика VII.

⁹ Поводом к восстанию 1863–1864 гг. послужил рекрутский набор, проведенный в январе 1863 г. среди городского населения. Центральный орган революционного правительства, «Жонд народовой», снабжал повстанческие отряды деньгами, вооружением, продовольствием и проч., не вмешиваясь в их действия. В ходе партизанской войны за 1863 г. произошло около 547, а за 1864 г. – около 84 боестолкновений повстанческих отрядов с российскими войсками. К середине февраля 1864 г. восстание было подавлено.

¹⁰ Чарториский (Чарторыский, Чарторижский) Владислав (1828–1894), князь; после смерти отца, Адама Чарториского, возглавил аристократическую партию польской эмиграции. В мае 1863 г. был назначен «главным дипломатическим представителем» Национального правительства во Франции, Англии, Италии, Швеции и Турции, в июле – председателем Комиссии национального долга в Париже. В апреле 1864 г. выступил за роспуск Национального правительства и прекращение восстания.

¹¹ Эльяновский Северин.

¹² Жабицкий Антоний (1810 – после 1877), участник восстания 1831 г. и венгерской революции 1848 г. Член «Централизации» Польского Демократического общества. С 1863 г. издавал журнал «Свободный

голос». Член Генерального совета I Интернационала и секретарь-корреспондент для Польши (1866–1871).

¹³ Ординга (Орденга) Иосиф (Юзеф) (1802–1879), участник Польского восстания 1830–1831 г., эмигрант, агент Жонда Народового в Париже и Турине (1863–1864).

¹⁴ Гуттри Александр (1813–1891), познанский помещик, участник восстаний 1830–1831, 1846 и 1848 годов. В марте 1863 г. возглавил Великопольский революционный комитет; входил в состав Комиссии по закупке оружия в Льеже, а также Центрального польского комитета в Париже и Общества польских патриотов в Дрездене.

¹⁵ Бонольди Джузеппе Ахилло Эльмиро (1821–1871), учитель пения, литератор, фотограф, с 1842 г. жил в Вильно; член Литовского провинциального комитета. В феврале 1863 г. был выслан из пределов Российской империи, назначен представителем комитета за границей. Участник Парижской коммуны, умер от ран.

¹⁶ Крамер Юзеф – эмигрировал в Италию в 1848 г., личный друг Д. Гарибальди, был связан с русскими революционными кругами.

¹⁷ Платер Леон – граф, участник Польского восстания, 27 мая 1863 г. расстрелян.

¹⁸ Сын Адама Чарториского.

¹⁹ Иордан Владислав (1819–1891), полковник турецкой армии; агент Национального правительства на Ближнем Востоке.

²⁰ Лангевич (Лянгевич) Марианн (1827–1887), генерал, преподаватель польской военной школы в Италии. В 1863 г. командовал крупным отрядом в Сандомирском воеводстве. 27 февраля (11 марта) был провозглашен диктатором, спустя неделю перешел границу. Находился в заключении в Австрии, позднее – в эмиграции.

²¹ Лапинский Теофиль (1827–1886), полковник, в 1863 г. руководил морской экспедицией, целью которой было доставить оружие и добровольцев в повстанческие отряды Литвы.

²² Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784–1865), английский государственный

деятель; в 1855–1858 и 1859–1865 годах – премьер-министр; занимал крайне враждебную позицию по отношению к польскому национально-освободительному движению.

²³ Россель Джон (1792–1878), английский государственный деятель; в 1859–1865 годах – министр иностранных дел.

²⁴ Франковский Станислав (1840–1899), студент Варшавской школы изящных искусств, один из основателей Городского комитета. Осенью 1862 года назначен комиссаром Мазовецкого, а в марте 1863 г. – Калишского воеводства. Прибыл в Париж с финансовой миссией, был арестован французской полицией в 1864 г.

²⁵ Рупрехт Кароль – полномочный комиссар Жонда Народового в Париже.

²⁶ Шленкер Ксаверий – банкир, член варшавской делегации 1861 г.

²⁷ Пшибыльский (Пржибыльский) Вацлав (1828–1872), виленский учитель, журналист; директор Отдела печати и секретарь по делам Литвы при Национальном правительстве. С июня по август и в октябре 1863 г. был начальником Варшавы, затем – комиссаром Национального правительства за пределами Королевства Польского.

²⁸ Н.К. Гирс.

²⁹ Казаки-старообрядцы, в XVIII веке под предводительством атамана Игнатия Некрасы покинувшие пределы российского государства и обосновавшиеся на территории Османской империи.

³⁰ Мильковский (Милковский) Зыгмунт Фортунат (1824–1915), писатель, политический деятель. Участник Венгерской революции 1848 г. После ее подавления эмигрировал в Турцию, затем в Англию. В 1863 г. по поручению Национального правительства сформировал отряд, безуспешно пытавшийся проникнуть на территорию Украины через Румынию.

³¹ Рошбрюн (Рошебрюн, Рошебрен) Франсуа (1829–1870), офицер французской армии, заведовал школой фехтования в Кракове. Во время восстания 1863 г. коман-

довал отрядом, после его подавления вернулся во Францию.

³² Тачановский Эдмунд (1822–1879), познанский помещик; в 1863 г. командовал крупными отрядами на Куявии, был военным начальником Калишского и Мазовецкого воеводств.

³³ Великий Князь Константин Николаевич.

³⁴ Мацкевич (Мацкявичус) Антанас (1826–1863), ксендз; о время восстания 1863 г. командовал крестьянскими повстанческими отрядами в Литве; казнен в Ковно.

³⁵ Нарбут Василий Федорович – из дворян Тверской губернии, воспитанник Константиновского военного училища; поручик 1-й Гренадерской артиллерийской бригады, в 1861–1863 гг. – слушатель Академии Генерального штаба, член Петербургской революционной офицерской организации.

³⁶ Сераковский Зыгмунт (1827–1863), в 1848 году, будучи студентом Петербургского университета, арестован за попытку перейти границу и сослан в солдаты. Дослужился до офицерского звания, окончил Академию Генерального штаба в Петербурге. Сотрудничал в «Современнике», был близок с Т.Г. Шевченко и Н.Г. Чернышевским; в Лондоне встречался с А.И. Герценом. В 1858 г. создал в Петербурге революционную офицерскую организацию. Во время восстания 1863 г. командовал повстанческими отрядами в Литве, был военным начальником Ковенского воеводства. Тяжело раненный в бою, попал в плен; казнен в Вильно 15 (27) июня.

³⁷ Кольшко Болеслав (1838–1863), студент Московского университета, участник студенческого движения 1861 г.; слушатель польской военной школы в Италии. В 1863 г. командовал повстанческим отрядом, входившим в соединение З. Сераковского; был взят в плен; казнен в Вильно 28 мая (9 июня).

³⁸ Красинский Адам Станислав (1810–?).

³⁹ Яблоновский (Длуский) Болеслав Роман (1826–1905), подпоручик; учился в Петербургской Академии художеств и на медицинском факультете Московского

университета. В 1862 г. был членом Литовского провинциального комитета. Во время восстания 1863 г. – военный начальник Ковенского воеводства, после его подавления эмигрировал.

⁴⁰ Серно-Соловьевич Александр Александрович (1838–1869), брат Н.А. Серно-Соловьевича; член «Земли и Воли». В 1862 г. выехал за границу, принимал активное участие в делах «молодой эмиграции».

⁴¹ «Земля и Воля» – тайное революционное общество начала 60-х гг.; насчитывало около 200 человек. Руководили обществом, предположительно, Н.А. и А.А. Серно-Соловьевичи, Н.Н. Обручев, С.С. Рымаренко, А.А. Слепцов, В.С. Курочкин, Н.И. Утин; представители за границей – А.И. Герцен и Н.П. Огарев; в качестве программного документа рассматривалась статья Огарева «Что нужно народу». Организация самораспустилась весной 1864 г.

⁴² Утин Николай Исаакович (1840/1841–1883), член руководящего центра «Земли и Воли», в 1863 г. эмигрировал. В 1868–1870 гг. – руководитель группы «Народного дела». Член I Интернационала, один из основателей его русской секции (1870). В конце жизни отошел от политической деятельности и, получив помилование, вернулся в Россию.

⁴³ Павловский Каликст Валентинович – вольнопрактикующий врач; арестован в 1863 г. за распространение прокламации «Свобода» № 1; сослан на каторгу.

⁴⁴ Кеневич Иероним Владислав (1834–1864), родился и получил образование во Франции. Служил при Главном обществе российских железных дорог (1857–1861); был тесно связан с руководящими деятелями Петербургской революционной офицерской организации. Один из организаторов «Казанского заговора» 1863 г.; казнен. Его отец – Кеневич Феликс, участник восстания 1830–1831 гг., эмигрировал во Францию, в 1857 г. возвратился в Россию.

⁴⁵ «Казанский заговор» 1863 г. – попытка польского Центрального комитета при поддержке московского и казанского отде-

лений «Земли и Воли» организовать народное движение в Поволжье, чтобы объединить усилия революционной России и восставшей Польши или, по меньшей мере, отвлечь часть правительственных войск на подавление нового мятежа.

⁴⁶ Иваницкий Наполеон Казимеж (1835–1864), штабс-капитан Охотского пехотного полка. В 1859–1860 гг. обучался в Царскосельской стрелковой школе; был тесно связан с членами Петербургской революционной офицерской организации. Один из организаторов «Казанского заговора»; казнен.

⁴⁷ Мрочек Александр (1832–1864), подпоручик Галицийского пехотного полка; член Комитета русских офицеров в Польше. В 1862 г. был переведен в Новочеркасский пехотный полк. Один из организаторов «Казанского заговора»; казнен.

⁴⁸ Андрущенко Иван Алексеевич (1840–1865), помощник землемера Васильковского уезда Киевской губернии; выпускник Межевого института. Член «Библиотеки казанских студентов» и московского отделения «Земли и Воли». Арестован в июле 1863 г., дал подробные показания.

⁴⁹ Шатилов Николай Михайлович (ок. 1843–?), студент Казанского и Московского университетов, исключен за участие в студенческих беспорядках. Один из организаторов «Библиотеки казанских студентов» и московского отделения «Земли и Воли». Арестован в 1863 г. по делу «Земли и Воли», сослан на поселение в Сибирь.

⁵⁰ Мосолов Юрий Михайлович (1839–1889), студент Казанского и Московского университетов, исключен за участие в студенческих беспорядках. Один из организаторов «Библиотеки казанских студентов» и московского отделения «Земли и Воли». Арестован в 1863 г. по делу «Земли и Воли», сослан на поселение в Сибирь.

⁵¹ А.М. Горчаков.

⁵² «Русский вестник» – ежемесячный журнал (1856–1906), основан в Москве М.Н. Катковым; в первое время своего

существования отражал умеренно-либеральное направление, с 1862 г. перешел на охранительные позиции.

⁵³ «Современная летопись» – еженедельная газета (1861–1871), издававшаяся в Москве М.Н. Катковым первоначально в качестве приложения к «Русскому вестнику», с 1863 г. – к «Московским ведомостям».

⁵⁴ «Московские ведомости» – газета, которую с 1756 г. издавал Московский университет, сдавая в аренду разным лицам; с 1863 по 1887 г. выходила под редакцией М.Н. Каткова.

⁵⁵ «Санкт-Петербургские ведомости» – ежедневная газета (1728–1917); с 1728 по 1875 г. право издания принадлежало Академии наук, сдававшей его в аренду. С 1836 по 1862 г. арендатором был А.Н. Очкин, редактировал газету с 1851 г. А.А. Краевский; с 1862 по 1875 г. правом издания пользовался В.Ф. Корш. При Краевском и Корше газета велась в духе умеренного либерализма.

⁵⁶ «Голос» – ежедневная газета (1863–1883, Санкт-Петербург), издатель А.А. Краевский.

⁵⁷ «Отечественные записки» – ежемесячный журнал (1839–1884, Санкт-Петербург), издатель А.А. Краевский; с 1847 по 1867 год являлся выразителем либерального направления.

⁵⁸ «Современник» – журнал, основанный в 1836 г. А.С. Пушкиным; издавался А.Н. Некрасовым и И.И. Панаевым при ближайшем участии Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского (1847–1866).

⁵⁹ «Русское слово» – ежемесячный журнал (1858–1866, Санкт-Петербург). Издатели: сначала Г.А. Кушелев-Безбородко, редакция Я.П. Полонского и А.А. Григорьева, затем – Г.Е. Благодетлов при ближайшем участии Д.И. Писарева и В.А. Зайцева; закрыт по распоряжению правительства.

⁶⁰ «Современное слово» – газета (1862–1863, Санкт-Петербург), редактор Н. Писаревский.

⁶¹ «Очерки» – газета «политическая и литературная» (1863, Санкт-Петербург), редактор-издатель А.Н. Очкин.

⁶² «Время» – ежемесячный журнал (1861–1863, Санкт-Петербург). Издатель М.М. Достоевский при участии Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова. Закрыт по распоряжению правительства после выхода статьи Страхова о польском вопросе в № 4 за 1863 год.

⁶³ Бисмарк Отто-Эдуард-Леопольд, фон (1815–1898), князь; представитель Пруссии во Франкфуртском союзном сейме (1851–1859); посланник Пруссии в Санкт-Петербурге (1862). Назначен канцлером Северо-Германского союза (1867); канцлер Германской империи (1871–1890).

⁶⁴ Вильгельм I (1797–1888), прусский король (1861–1888); германский император (1871–1888).

⁶⁵ «Домашняя беседа» – журнал «для народного чтения» (1858–1877, Санкт-Петербург), редактор-издатель В.И. Аскоченский.

ОТЧЕТ О ДЕЙСТВИЯХ III ОТДЕЛЕНИЯ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ И КОРПУСА ЖАНДАРМОВ за 1866 год

Всепогоднейше представляя Вашему Императорскому Величеству отчет о действиях Высочайше вверенного мне управления за 1866 г., осмеливаюсь доложить, что важнейшее событие этого года – злодейское покушение 4 апреля на жизнь Вашего Величества¹ хотя составляло предмет особого исследования Высочайше учрежденной в С.Петербурге следственной комиссии под председательством генерала от инфантерии графа Муравьева², но тем не менее оно поглотило в продолжении нескольких месяцев всю деятельность III отделения Собственной Вашего Величества канцелярии.

В самый день 4 апреля, вслед за арестованием преступника³, он первоначально был подвергнут допросам в III отделении; причем, несмотря на упорство его открыть свое имя, приобретена первая нить для последовавших о нем розысков.

Из найденных у него бумаг оказалось, что он пользовался в С.Петербурге от болезни, и спрошенный о фамилии лечившего его доктора, он назвал Кобылина⁴, последний немедленно был вызван в III отделение, и таким образом таинственность преступника стала разъясняться.

С передачею на другой день, 5 апреля, дела о Каракозове в вышеупомянутую следственную комиссию и с открытием действий другой комиссии, учрежденной по тому предмету в Москве, под председательством генерал-адъютанта князя Долгорукова-2-го⁵, деятельность III отделения в обнаружении соучастников и соумышленников главного преступника не только не прерывалась, но еще более усилилась. Поставленные в известность о событии 4 апреля чины Корпуса жандармов, не упуская из виду ни малейшего обстоятельства, могущего иметь связь с этим событием, неуклонно доносили о своих наблюдениях III отделению, которое, смотря по важности их, немедленно сообщала о том подлежащим комиссиям, служа в то же время посредником между ними; кроме того, на чинов Корпуса жандармов было возложено как строгое наблюдение за людьми подозрительными, так и производство обысков и арестов; наконец, почти все распоряжения

Высочайше учрежденной в С.Петербурге следственной комиссии относительно лиц, проживающих в столицах и во всех местностях империи, производились чрез посредство III отделения, усиленная деятельность которого не прекратилась даже и тогда, когда в августе месяце обеими комиссиями, в С.Петербурге и Москве, были обнаружены и переданы на судебное обсуждение главные виновные по событию 4 апреля. Оставались еще не вполне обследованными обстоятельства, касавшиеся второстепенных лиц, или же открывались новые данные – и во всех этих случаях III отделение неослабно содействовало как комиссиям, в исполнѣнии поручений Высочайше на них возложенных, так и другим административным учреждениям.

Обстоятельства дела о событии 4 апреля представили фактические доказательства, что те разрушительные начала и пагубное направление, которые вкоренились в известной среде нашего общества, преимущественно в юношестве, не только продолжали существовать, но приобретали все более и более последователей, не останавливающихся ни перед какими преградами и готовых на самые безнравственные и кровавые преступления.

Такого рода данные обязывали III отделение продолжать с своей стороны преследование пагубных учений во всех местах империи. В этих видах употреблены все возможные средства для пресечения зловредной пропаганды, и как при дознаниях было обнаружено, что вредное направление заразило даже многих служащих по разным ведомствам, преимущественно по министерствам: юстиции, просвещения и финансов, то III отделение постоянно настаивало на удалении подобных лиц от должностей, и нет сомнения, что в этом отношении достигнуты немаловажные результаты.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ ИМПЕРИИ В 1866 ГОДУ

Политические злоумышления

Важнейшим событием этого года было злодейское посягательство на драгоценную жизнь Вашего Императорского Величества. Оно составляет и будет иметь в дальнейшем развитии России значение историческое. Никогда еще факты, обнаруженные правительством, не свидетельствовали до какого глубокого нравственного падения, до какого страшного преступления могут быть доведены молодые неопытные умы, безнаказанно развращаемые революционными идеями. Никогда преданность русского народа Своему Государю не высказывалась столь единодушно, сознательно и благоговорно, как по случаю счастливого избавления Вашего Величества от угрожавшей опасности. Преданность эта запечатлена во всепогоднейших адресах и в полномочиях депутациям, которые со всех мест России были немедленно отправлены по этому случаю в С.Петербург. Русский народ,

Граф Петр Андреевич Шувалов

выражая свои беспредельно и неизменно верноподданнические чувства к Монарху- Освободителю, старался увековечить эти чувства разными делами благотворения: в память события 4 апреля устраивались иконы, часовни, храмы; учреждались стипендии, училища, богадельни и делались разного рода сборы и пожертвования, а самый участник спасения Вашего Величества Комисаров⁶ признан почти всероссийским гражданином. Таким образом, если в 1863 году покушение польских мятежников на отторжение Западного края Империи, оскорбив народное чувство, вызвало публичное заявление всех сословий о готовности жертвовать имуществом и жизнью за неприкосновенность отечества и, в связи с распоряжениями правительства, остановило дальнейшие злоумышленные действия мятежников, то покушение 4 апреля вызвало народное заявление несравненно величественнее и еще более богатое своими последствиями. Видя в спасении Монарха действие Божественного Промысла, русский народ громко требовал казни преступника и его соумышленников, и перед целым светом заявил, что покушение злодея считает покушением на свою собственную жизнь. Одним словом, враги Монарха-Преобразователя и враги прогрессивного правительства становятся врагами государственного порядка и общественного спокойствия, и прежде, нежели они подвергнутся каре закона, им произносится общественным мнением роковой приговор.

Народные заявления были столь единодушны и искренни, что на первых же порах можно было убедиться, что задуманному преступниками злу суждено, по неисповедимым судьбам Промысла, выйти наружу, прежде чем оно успело глубже пустить свои корни. Убеждение, что Каракозов и его соумышленники составляют в России явление исключительное, вполне подтвердилось разысканиями Высочайше учрежденной в С.Петербурге следственной комиссии, которою обнаружено, что в покушении на цареубийство участвовала горсть ничтожных личностей, хотя по преимуществу русских, но действовавших под влиянием и для цели польской пропаганды. В числе преступников, кроме нескольких молодых дворян, не оказалось ни одного сколько-нибудь известного имени ни в государственной, ни в ученой, ни в общественной деятельности; участники преступных замыслов, в числе 34 лиц, были большею частию студенты и вольнослушатели Московского университета, Технологического института и Петровской Земледельческой Академии.

Несмотря, однако, на ничтожность и малочисленность их, обнаружено, что лица эти образовали в Москве тайное общество, под названием «организация», которое имело целию распространять социалистическое учение; разрушать начала общественной нравственности; колебать веру в основы религии и путем революции ниспровергнуть существующий в государстве порядок.

Средствами для этого должны были служить:

а) пропаганда между сельским населением, с объявлением, что земля составляет собственность всего народа.

б) возбуждение крестьян против дворянства и вообще против властей.

в) устройство школ, артелей, мастерских и разных ассоциаций, дабы посредством их сблизаться с народом и внушать ему зловерные учения социализма.

г) заведения в провинциях библиотек и разных обществ в началах коммунизма.

Денежные средства для достижения таких преступных целей общества положено было приобретать чрез пожертвования, под разными благовидными предложениями, которыми прикрывались все, по наружности, благотворные и полезные для народа учреждения, предположенные этим обществом. В случаях же надобности допускались воровство, убийство богатых людей и похищение денег на почтах и в казначействах.

Общество подразделялось на отделы, с различными наименованиями, и все эти отделы для прикрытия революционной цели главных распорядителей, предполагалось облечь законною формою, испросив на это утверждение правительства. Кроме того, общество это стремилось войти в ближайшие сношения с социалистическими кружками и деятелями в С.Петербурге и других местах Империи, которые поддерживались, с од-

ной стороны, – направлением преподавания в учебных заведениях, а с другой – большею частью журналистики, явно распространявшей идеи социализма и нигилизма, с возбуждением общественного мнения против правительственной власти и государственного управления. Это разрушительное направление между молодым поколением поддерживалось также заграничною революционною прессою, находившею средства распространяться даже среди учебных заведений.

Лица, составлявшие упомянутое общество, имели два направления: одни желали достигнуть переворота в государстве постепенно, до низвержения законного правительства; другие стремились скорее к цели произвести революцию и признавали нужным, рано или поздно, прибегнуть к крайней мере – цареубийству.

Мысль об этом и, вообще, о приступе к крайним мерам разделялась немногими из них, образовавшими особый кружок, под названием «Ад», к которому принадлежал Каракозов, а главою кружка был двоюродный его брат Ишутин⁷.

Злоумышленники эти имели в виду освободить от каторжной работы государственного преступника Чернышевского, для того, чтобы он издавал в Женеве журнал, в видах содействия предполагаемому в России перевороту; Ишутин заботился о введении на заводах генерал-майора Мальцова начал коммунизма между рабочими, которые были им возбуждаемы к неповиновению владельцу. Сверх того, еще в 1865 г., предположено было освободить пересылавшегося чрез Москву в Сибирь преступника Серно-Соловьевича.

Русские революционеры имели сношения с некоторыми лицами польского происхождения, снабжавшими их ядом. Деятельность последних заключалась также в содействии к побегу и укрывательству политических преступников: Оржиховского, Домбровского⁸, Верницкого⁹, Юндзилла¹⁰ и других; в сборе денег для пересылаемых арестантов-поляков и в сбыте ввозимых из-за границы фальшивых кредитных билетов для снабжения деньгами польских эмигрантов.

Подготовка революции в России производилось несколько лет, и пункты преступных сборищ не ограничивались одною империею. В 1862 году в Гейдельберге была устроена русская читальня молодыми русскими, проживавшими там на свои средства, а частью отправленными на счет казны в заграничные университеты для окончания образования. Устройство читальни имело целию приготовить и укрепить молодых людей в противуправительственном направлении, дабы с возвращением в отечество они внесли революционные идеи. Виновные по этому делу подверглись заслуженному наказанию.

Замыслы в Сибири

Еще прежде, чем сделались известны замыслы злоумышленников произвести революцию внутри России с решимостью посягнуть на царевбийство, получены были сведения о намерении некоторых политических ссыльных произвести, с наступлением весны, восстание в Восточной Сибири. Сведения о тревожном вообще состоянии Сибири поступали еще в предшествовавшие годы; в 1865 году обнаружено даже тайное общество, имевшее целию образование из Сибири независимой республики по образцу Северо-Американских штатов. Но все подобные попытки к возмущению заключались в одном воображении воспитанников учебных заведений и некоторых молодых сибирских офицеров, между тем как событиями 1866 г. обнаружены фактические приготовления злоумышленников к приведению в исполнение их мятежных стремлений. К этому году прибыли в Сибирь предводители польского восстания, жандармы-вешатели и кинжальщики, которые, еще находясь на родине, решились перенести в Сибирь свои затаенные мысли против законного правительства и всего русского народа. Главные коноводы, следуя по этапам Сибири, менялись именами, составляли фальшивые паспорта, устраивали денежные сборы. В Канском округе Енисейской губернии завелась особая организация – тайный клуб – для приготовления побегов с каторжных работ, вследствие чего некоторые преступники и успели скрыться; по прибытии же в 1866 году в Канск главного начальника польских жандармов-вешателей, убийцы разных лиц и посягавшего на жизнь Наместника Царства Польского¹¹ – Павла Дяндовского¹², составлен план общего заговора к восстанию. Для сближения с русской партией польские мятежники вошли в соглашение с государственным преступником Серно-Соловьевичем и затем приступили к самым действиям: составили возмутительную прокламацию к жителям Сибири от имени русского комитета, а также инструкции, бланки и печати для начальников мятежа, с которыми сносились шифрованной перепискою; разослали агентов в Томскую губернию и в Иркутск с целию агитировать и вооружать смежные округа и в особенности для сближения с проходящими партиями политических преступников, которых предполагалось снабдить косами и оружием, насильственно отнятым у этапных команд, а для произведения большого смятения намеревались захватить генерал-губернатора¹³. Но один из этих агентов, отправленный заговорщиками в Томскую губернию, ссыльно-каторжный Шленкер¹⁴, был на пути следования арестован и таким образом замысел обнаружен.

Генерал-губернатор Восточной Сибири, имея в виду, что заговор остался без последствий, не желал предавать дело гласности, чтобы не возбудить тревожных идей в коренном населении, а также не заставить злоумышленников действовать еще осторожнее, и ограничился предани-

ем Шленкера, за побег, и соучастников его суду на общих основаниях, а прочих по мере обвинений приказал переместить в более отдаленные местности края. Преступник Серно-Соловьевич между тем умер.

Разъединение главных зачинщиков заговора в Канске не остановило преступных замыслов других ссыльных поляков. Выказывая постоянно дух своеволия, они в разное время возмущались в некоторых рудниках Нерчинских заводов, в тюрьме Сиваковской, близ г. Читы, и в г. Минусинске. Зачинщики, по суду, также размещены в разные пункты, с увеличением срока работ.

Между тем, находившиеся в Иркутске и окрестностях вновь замыслили произвести там возмущение, освободить содержащихся под стражею, перерезать начальников, избить караулы и поджечь город. С арестованием одного из заговорщиков, Михайловского, бедствие было предупреждено.

В видах удаления ссыльных и занятия их работами, были высланы 720 человек для устройства круго-байкальской дороги. Но умы их были уже подготовлены к восстанию. Они условились спокойно идти на работы, а там заготовлять холодное оружие и организовать восстание с целью пробраться за границу. По этому условию 25 июня они обезоружили конвойных, ограбили ближайшие станции и вступили в открытый бой с войсками. Энергическими распоряжениями местного начальства и усердием воинских отрядов, при содействии жителей, бунтовщики были рассеяны и частью взяты с оружием в руках, а частью сдались добровольно.

Все они были судимы полевым военным судом и, по конфирмации командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа¹⁵, распределены в работы по степени участия в бунте, кроме четырех предводителей, которые подвергнуты расстрелянию.

Причины беспорядков между ссыльными заключаются главнейше в недостатке за ними надзора и в небрежности или послаблении со стороны служащих лиц. Совещания поляков между собою в Восточной Сибири облегчаются тем, что им дозволено в городах помещаться десятками в одном доме, а вне городов селиться даже отдельными деревнями. Положение их вообще было неудовлетворительно, и многие из них, нуждаясь в продовольствии, не могли также и от того оставаться в спокойном состоянии.

К устройству положения их приняты возможные меры; чиновники, виновные в упущениях, преданы законной ответственности; что же касается надзора за политическими преступниками вообще, то генерал-лейтенант Корсаков признавал оный затруднительным и не всегда успешным, как по значительному пространству Восточной Сибири, так и по малочисленности воинских команд; тем не менее, к усилению за ссыльными наблюдения сделаны им надлежащие распоряжения.

Хотя результат последнего бунта усмирил их наружно, однако по влиянию находящихся в Пекине агитаторов поляки не оставляют намерения

выйти силою из настоящего положения. В конце года разнеслись слухи, что они предполагают общие побеги весною в Монголию и Среднюю Азию. На это обращено особое внимание ближайших властей; но опыт указывает, что к предупреждению всяких со стороны политических преступников замыслов необходимо усилить общие средства наблюдения за ними, дабы иметь возможность следить постоянно за настроением их умов и поступками; в видах же более деятельного и строгого заведования ими, признают необходимым учреждение в Сибири временного военно-полицейского управления.

Сведения о готовившемся восстании в Восточной Сибири были сообщены, для принятия необходимых мер, генерал-губернатору Западной Сибири¹⁶. Вследствие его распоряжения Тобольский губернатор¹⁷ отозвался, что подобного восстания в Западной Сибири быть не может, и ручался за порядок и спокойствие, не отвергая, впрочем, возможности осуществления замыслов поляков в Восточной Сибири, по поводу строгого с ними обращения тамошнего начальства. При этом действительный тайный советник Деспот-Зенович представлял, что причины неудовольствия и даже восстания поляков прекратятся с устройством материального их быта; и что 163 семейства преступников из числа сосланных в Западную Сибирь изъявили уже желание получить землю для заведения хозяйств на местах водворения, отказываясь от мысли о возможности возвращения на родину и тяготясь настоящим своим положением.

Вслед затем получены сведения, что поверка донесений о собираемом поляками в Западной Сибири оружии и складах оного Тобольским губернатором была поручена чиновникам из польских же уроженцев, не заслуживающих доверия правительства. По Высочайшему повелению было предоставлено генерал-губернатору Западной Сибири вторично проверить означенные донесения посредством лиц, при главном управлении Сибири находящихся. Результат этой проверки был, как и прежде, совершенно успокоительный и из представления о сем генерал-губернатора оказалось, что сведения о замышлявшемся в Западной Сибири восстании между поляками и татарами и о складах оружия в г. Таре были вымышлены людьми неблагонамеренными.

Совершенно в другом виде изображено политическое состояние Тобольской губернии омским жандармским штаб-офицером, по отзывам которого, значительное число поляков, как состоящих там на службе, так и ссыльных, в особенности ксендзов (всех ссыльных поляков 40 тысяч душ), при религиозном фанатизме коренного татарского населения, либерализме казацких офицеров и при отсутствии дисциплины в войске – заключает в себе все задатки для возмущения с целью отторжения от империи; тобольские тюрьмы наполнены отчаянными людьми, нередко бежавшими с каторжных работ; тюрьмы и казначейства защищены весьма слабо; полиция не удовле-

творяет своему назначению ни количественно, ни качественно; по всей губернии бродят пролетарии, ищущие работы на приисках; сибирские линейные батальоны, наполненные поляками, равным образом не надежны, и мирные жители тревожатся постоянно за свою безопасность.

Независимо сего, из сведений, поступивших в Высочайше учрежденную в С.Петербурге следственную комиссию, сделалось известным, что бежавший из Западной Сибири за границу политический преступник Минейко¹⁸, по прибытии в С.Петербург, где он проживал под чужим именем, оставил здесь адреса некоторых лиц, находящихся в Сибири, содействием которых русские злоумышленники, принадлежавшие к обществу Каракозова, предполагали воспользоваться для освобождения из Сибири государственного преступника Чернышевского, и для исполнения чего уже выбран был агент. Факты по этому делу указывали также, что злоумышленники в письменных сношениях употребляли симпатические чернила, и такой способ сообщений предполагали распространить вообще между политическими преступниками; что некоторые из сих последних, вопреки назначения, долго оставались в Тобольске и, пользуясь послаблением полиции, которая большею частию состоит из польских уроженцев, менялись именами и делали побег.

Для исследования этих обстоятельств учреждена в Омске особая следственная комиссия с участием в оной жандармского штаб-офицера.

Сведения о послаблениях, оказываемых начальствующими лицами в Западной Сибири политическим преступникам, поступили и из других источников, а потому для удостоверения в справедливости их командирован в Сибирь свиты Вашего Величества генерал-майор Сколков¹⁹.

Западный край

Польская пропаганда, ознаменовавшая себя вышеизложенными возмутительными явлениями в Сибири, не переставала, однако, действовать в Западных губерниях. По случаю назначения нового генерал-губернатора северной части этого края²⁰ тамошние жители польского происхождения выражали надежду, что правительство, отменив намерение обрусить край, восстановит прежнее его положение. В некоторых местах они проявляли и частные попытки к возобновлению демонстраций. Ковенской губернии в Вилкомирском уезде явились новые возмутительные песни, в которых поляки призываются оттачивать ножи против русских; в том же уезде 1 ноября ксендзы совершили, вопреки существующих правил, торжественную духовную процессию, в которой участвовало до 800 человек. В Минской и Виленской губерниях было три случая пения революционных гимнов во время совершения богослужения. В первой из этих губерний ксендзы по-прежнему фанатизировали на исповеди своих прихожан, и замечено, что поляки выходили из костелов ранее чтения молитвы за

царствующий дом. Вообще, несмотря на все строгие меры, предпринятые правительством в Западном крае, польское население края, за исключением крестьян, не изменило ни своих политических убеждений, ни чувств к правительству и вообще к русским. В последнее же время, с событиями в Италии, Пруссии, Молдовалахии²¹, а в особенности с назначением графа Голуховского²² наместником Галиции, поляки заметно стали чуждаться русских, считая их временными пришлецами, и дабы воспрепятствовать сим последним покупать имения в том крае, возвысили цены на оные. Даже в Киеве, где высшее польское сословие старается заискивать в представителях администрации, оно в душе враждебно всему русскому; польские идеи стали ослабевать только в одной Могилевской губернии. Что же касается до обрусения Западного края, то оно проявилось до настоящего времени только в том, что крестьяне-католики обращаются в православие; что православные священники стали говорить по-русски, а жены некоторых из них, бывшие католичками, обращены в православие. По донесению минского жандармского штаб-офицера, многие тамошние русские священники известны своею безнравственностью и корыстолюбием. В Волынской епархии они равным образом не отличаются христианскими добродетелями. Если бы наше духовенство обладало надлежащими нравственными качествами, то число обращенных из латинства значительно бы увеличилось.

Успешному исполнению предначертаний правительства в отношении Западного края, а, следовательно, и примирению там враждебных элементов, много вредило демократическое направление некоторых тамошних мировых посредников, а также членов поверочных комиссий и губернских по крестьянским делам присутствий, действовавших в ущерб интересов местного дворянства. Кроме сего, были два особенно замечательные случая нравственного оскорбления местных жителей низшими административными лицами при исполнении ими неправильно понятых распоряжений высшего правительства. Так в Минской губернии, вследствие предписания снять с полей, дорог и других мест поставленные там кресты с революционными целями, исправники распорядились снять вообще все кресты, поставленные даже с побуждениями религиозными. Командированный в Поневежский уезд Ковенской губернии состоящий по особым поручениям при генерал-губернаторе Северо-Западного края подполковник Самбикин, имея предубеждение вообще против ксендзов и желая публично опозорить их в глазах местного населения, водил некоторых из них по улицам в сопровождении женщин, которые находились у них в услужении и которых он считал за наложниц; при этом понося ксендзов разными непристойными выражениями и глумясь над ними, Самбикин надевал им на головы шутовские колпаки. Собранный заранее народ, в особенности женщины, видя унижение своих пастырей и не смея остановить ничем не извиняемых поступков генерал-губернаторского чиновни-

ка, только вздохами и слезами заявляли свой душевный протест. Не довольствуясь этим, Самбикин, арестовав 18 ксендзов и отправив их с жандармами в Поневеж, приказал ехать с ними на одних повозках, для большего их позора, и женщинам, которые проживали у них в качестве прислуги. Произведенным исследованием об этих ксендзах они не признаны виновными ни в политических, ни в нравственных преступлениях.

Польская пропаганда

Затаенная вековая вражда поляков против всего русского не ослабевает и в тех из них, которые высланы на жительство во внутренние губернии империи. Здесь они образуют отдельные кружки, группируясь преимущественно около сосланных ксендзов, и таким образом составляют особый польский мир среди русского народа. При этом большая часть из них по своему исключительному положению и уровню образования неизбежно возвышается над массою местного населения, и затем, находя сочувствие к себе в тех из своих соотечественников, которые занимают в губернии должностные места, незаметно приобретает влияние, которое повсеместно действует с явным вредом на коренное русское население, воспаляя в нем политические страсти и вообще враждебный правительству образ мыслей. Наружное влияние польских уроженцев еще более чувствуется там, где они, сравнительно с другими местностями, занимают большее число административных должностей, а в особенности высших. По отзыву командированного в Нижегородскую губернию свиты Вашего Величества генерал-майора Дена²³, поляки-чиновники, доктора, учителя, повивальные бабки и др. имеют такое же влияние на те местности, где они находятся на жительстве, а поляки, служащие в министерствах, вредно действуют на всю Россию.

Значительное число служащих поляков находится в Одессе, где они занимают самые влиятельные места и естественно покровительствуют своим единоземцам. В Вологде также образовалась польская партия, к которой принадлежит и местный губернатор, свиты Вашего Величества генерал-майор Хоминский.

В губерниях Западной Сибири высшие должностные места занимают чиновники-католики, покровительствующие своим единоверцам, и от этого установилась в тамошней администрации тесная связь, которая в данную минуту может отразиться на крае вредным образом. Об этом последнем обстоятельстве сообщено по Высочайшему повелению министру внутренних дел²⁴.

Учение нигилизма

Кроме полонизма, на современное наше общество особенно вредно действует так называемое нигилистическое учение. В последнее время оно усиливается и не только заражает учащуюся молодежь, легко увлекающуюся

всякими утопиями, но находит последователей даже в среде общественных деятелей, преимущественно между преподавателями учебных заведений; и наконец, вредное это учение стало проникать в низший слой нашего общества, и революционная пропаганда не остается бесследною среди простого народа, на который большое влияние имеют члены мировых и земских учреждений и чиновники акцизного ведомства, большею частию проникнутые демократическим направлением. В числе последних, как получены сведения из Казанской и Пермской губерний, преимущественно состоят лица, еще прежде поступления в это ведомство обратившие на себя внимание правительства своею политическою неблагонадежностью, а в Псковской губернии сделались этим известны: председатель тамошней земской управы, мировой посредник корнет Ваганов и председатель Порховской земской управы граф Ростовцев.

Дворянские собрания

Особого рода политические стремления высказаны были в 1866 году дворянами некоторых губерний империи. Так, на Тверском губернском дворянском собрании возбужден был вопрос о привлечении дворян к участию в рекрутской повинности денежным налогом; вопрос этот, однако, забаллотирован. Рязанское дворянство заявило свое сочувствие московскому дворянству за высказанные им в прошедшем году мысли насчет ходатайства о дозволении дворянам выбирать из среды себя депутатов для представления Вашему Величеству о пользах и нуждах дворянства и народа. Вследствие сего собрание рязанского дворянства было по Высочайшему повелению закрыто, а предводитель Реткин уволен от должности; впоследствии он, однако, удостоился получить Всемилощивейшее прощение и избран вновь предводителем.

С.Петербургское дворянство всеподданнейшею просьбою испрашивало Высочайшего повеления, чтобы ходатайства дворянских и земских собраний об изменении, дополнении или отмене какого-либо из действующих узаконений подвергались рассмотрению в Государственном Совете, а прочие ходатайства этих собраний, неудовлетворенные административными лицами, представлялись на разрешение Правительствующего Сената с тем, чтобы при рассмотрении тех и других просьб в Государственном Совете и Сенате избранным дворянскими и земскими собраниями лицам было предоставлено право обсуждения и подачи голоса в означенных учреждениях.

По Высочайшему повелению С.Петербургскому дворянству объявлено, что означенные ходатайства его будут оставлены без последствий, как касающиеся начал устройства и порядка действий государственных учреждений, и потому выходящие из круга предметов, до которых могут относиться, по закону, ходатайства дворянства об их пользах и нуждах.

Сельское население

Общее состояние умов сельского населения империи в 1866 году было вполне удовлетворительное. Крестьяне, сознавая уже всю важность дарованных им прав, не имеют более повода к волнениям, столь часто повторявшимся в прежнее время. Разверстание угодий во внутренних губерниях и поверка земельных наделов в Западных продолжались успешно. В нескольких удельных имениях, при введении в действие нового положения, крестьяне, не усвоившие надлежащих о том понятий или смущаемые неправильными толками, отказывались от принятия уставных грамот, поземельных участков и не соглашались на взнос выкупных платежей. Хотя было признано необходимым ввести в эти имения воинские команды, однако недоумения разъяснены без употребления силы и спокойствие восстановлено частью исправительными мерами, а частью преданием суду подстрекателей.

Таких же беспорядков ожидали и при передаче государственных крестьян в ведение мировых учреждений; но это совершилось почти везде спокойно. В некоторых местностях крестьяне эти желали остаться на прежнем положении, опасаясь, что при новом повинности их будут увеличены, для сравнения с временно обязанными частным владельцам, и что по примеру удельных крестьян количество земли им будет отведено в меньшем против прежнего размере. Впоследствии они убедились в более удобном для них новом управлении и положением своим довольны.

Прибалтийские губернии

Вводимые правила общинного управления крестьян Прибалтийских губерний и разрешение беспрепятственного всем христианским сословиям приобретения недвижимых имуществ в этом крае будет, без сомнения, основою общего благосостояния тамошнего коренного населения и способствует прекращению его нерасположения к помещикам-немцам, которое возбуждено лицами местного же происхождения и в последнее время проявляется с возрастающим ожесточением.

Кроме нескольких общих случаев сопротивления крестьян землевладельцам и местным властям при возобновлении арендных условий, были примеры и личных нападений на помещиков. Один крестьянин лифляндской мызы Любаны, встретив престарелого барона Вольфа, схватил его за платье и грозно сказал, что он из тех, которые решились истребить помещиков; другой – в курляндском имении Донданген – выстрелил в упор в молодого барона Ховена и смертельно его ранил.

С началом осени в Феллинском и Венденском уездах Лифляндской губернии повторилось несколько поджогов, преимущественно в тех имениях, где крестьяне считали арендные условия для себя стеснительными. Вместе с тем, к дворянам были подкидываемы письма с угрозами, а между

крестьянами распространены возмутительные воззвания об уничтожении огнем дворянских имуществ и об истреблении самих помещиков.

Последние были крайне встревожены. Для открытия злоумышленников и предупреждения беспорядков были немедленно командированы: со стороны Корпуса жандармов – местный штаб-офицер и от губернского начальства – полицейский чиновник. Подозрение в составлении воззваний и в содействии поджогам пало на известных там агитаторов-крестьян двух братьев Петерсон. На них было обращено особое внимание генерал-губернатора.

Дознанное еще пред тем подстрекательство ими эстов и латышей к дерзким домогательствам и неосновательным просьбам, равно участие в составлении этих просьб, находилось уже в рассмотрении суда, а потому к этому делу присоединены и означенные выше обвинения. Между тем, Правительствующий Сенат, по жалобам одного из Петерсонов, бывшего студента, предписал освободить его от ареста и от полицейского надзора; но как влияние его на жителей оказывалось весьма вредным, то по ходатайству генерал-адъютанта Альбединского²⁵ в декабре месяце он выслан на жительство в один из уездных городов Вятской губернии с подчинением надзору местной полиции.

Враждебное помещикам настроение лифляндских крестьян заметно ослабило религиозное их движение, особенно в Феллинском уезде, где недовольных православием было наиболее. Но и пасторы, с своей стороны, на бывшем съезде решили оставаться в течение года в выжидательном положении, устраняясь от столкновения с православными. Нет сомнения, что беспокойство умов относительно веры было вызвано соперничеством духовенства обоих исповеданий, и православное, по беднейшему сравнительно с лютеранским положению, не могло поддержать сочувствия народа. Как на единственный пример отсутствия враждебности между духовными в Лифляндии указывают на имение графа Ферзена, где пробст не фанатик, а священник умел сохранить дружественные отношения со всеми и привлечь прихожан к слушанию своих проповедей.

Но если, с одной стороны, выжидательная система пасторов и отмена подписок при смешанных браках о крещении детей в православие способствовали успокоению умов, то, с другой, православное духовенство, узнав, что протестанты по данному им разрешению крестят в лютеранскую веру детей и таких родителей, которые были уже обязаны подписками, и что на совершение этого обряда «по нужде» им дано разрешение, требовало от местного начальства отмены этого распоряжения и предания суду виновных родителей; не получив удовлетворения, Рижская консистория представила о том Святейшему Синоду.

Для прекращения возникшей по этому предмету между властями переписки, которая по невозможности прибегать к требуемым нашим духовенством насильственным мерам была бы бесплодна, предложено мною статс-секретарю Валуеву составить для разъяснения вопроса личное сове-

щение с обер-прокурором Синода²⁶ и прибалтийским генерал-губернатором, при моем, если окажется нужным, участии.

Мусульманская пропаганда

Религиозное брожение умов продолжается еще и между татарами Приволжского края. Сначала они были смущаемы слухами о намерении правительства обратить всех мусульман в христианство, а потом – о раздачах эмиссарами пособия на переселение их в Турцию; вследствие чего еще в 1865 году возникло стремление татар за границу, под предлогом богомолья, целыми семействами. К удержанию их и прекращению ложных толков были приняты меры, и как религиозная сторона татар не была до толе затронута, то движение их дало повод подозрению, что они волнуются по внешнему влиянию; но розыски не подтвердили этого, а открыли только, что некоторые из местных жителей, возвратясь из-за границы, распространяли между своими единоверцами превратные сведения и склоняли их к переселению.

Несмотря на предание их ответственности, мусульманская пропаганда не прекратилась. В 1866 г. жители двух деревень Казанского уезда, потомки татар, крестившихся еще в прошлом столетии, поверив двум крестьянам, принявшим татарские имена, о разрешении возвращаться в магометанство, отказались от исполнения христианских обрядов и буйно сопротивлялись уездной полиции.

В то же время в Симбирской и Нижегородской губерниях отпадение крещеных татар от православия приняло значительные размеры. Многие из них, по внушению влиятельных татар Казанской губернии, отправили на Высочайшее Имя просьбы о перечислении их в магометанство; после чего отделились от местных обществ, не допускали священников к совершению треб и обращались для того к муллам, которые, вопреки данных ими подписок, исполняли над ними свои обряды.

Главными подстрекателями оказались: купец Ягудин и два крестьянина, которые по представлению Симбирского губернатора и удалены административным порядком на жительство в Восточную Сибирь.

Развитию в Приволжском крае религиозного брожения, кроме подстрекательства, не способствовало ли, так же как и в Лифляндии, отсутствие нравственного надзора православного духовенства за своими прихожанами? Зависимое от них в материальном отношении, оно не могло приобрести надлежащего на них влияния и допустило усилиться настроению, внушенному лицами, враждебными существующему порядку. Некоторые священники, как показали жители, допускали совращенных не исполнять христианских обрядов, по их просьбам, из личных своих выгод. Равным образом и местные власти дознанных отступников оставляли без преследования.

Поэтому следовало бы строго подтвердить местным чинам полицейских, мировых и судебных учреждений неослабно наблюдать и принимать своевременные меры против распространения мусульманской пропаганды, а епархиальным начальствам вменить в обязанность обращать должное внимание приходского духовенства на нравственное направление православных жителей, особенно азиатского происхождения; вместе с тем, поручить синодальному обер-прокурору сделать соображение о возможности применения к тамошнему духовенству мер, принятых в исполнение Высочайшей воли, относительно улучшения быта священников, назначаемых в приходы, где находится наиболее раскольников, дабы тем поставить их в независимое, хотя отчасти, положение. Кроме того, как ему, так и министру народного просвещения²⁷ необходимо обратить особенное внимание подлежащих начальств на распространение между татарами здравых нравственно-религиозных убеждений.

Ввиду тревожного состояния умов татар-христиан Казанской и Симбирской губерний было поручено тамошним губернаторам стараться лично, или посредством избранных лиц, отклонять этих людей от совращения в исланизм силою убеждения; но мера эта почти повсеместно осталась без успеха. Даже высылка упомянутых выше трех лиц не произвела должного впечатления, ибо татары уверены, что они скоро будут возвращены и что затем правительство оставит это дело без последствий.

Поэтому, для предотвращения дальнейшей пропаганды и вразумления отступников, губернаторы признали необходимым удалить еще несколько лиц, оказавших наиболее упорства и вредного влияния на свою среду. Таких подстрекателей замечено: по Казанской губернии – 47, по Симбирской – 11 человек. По сношению с министром внутренних дел, согласно его предположению, предоставлено переселить их в Туруханский край Восточной Сибири, но с тем, чтобы высылать их не одновременно всех, а постепенно, давая каждому случаю возможно большую огласку, с возобновлением каждый раз внушений татарам прекратить их упорство, и притом удалять только из тех местностей и в таком случае, когда на успех этой меры можно будет надеяться.

[Генерал-адъютант граф Шувалов²⁸]

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 31. Л. 1–2 об., 114–134 об.

¹ 4 апреля 1866 г. Д.В. Каракозов стрелял в императора Александра II.

² Граф Виленский М.Н. Муравьев был уволен от должностей виленского, ковенского и минского генерал-губернатора, гл. начальни-

ка Витебской и Могилевской губерний и командующего войсками Виленского военного округа в апреле 1866 г. и тогда же был назначен председателем Верховного следственного комитета по делу Д.В. Каракозова.

³ Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866), студент Московского университета, член революционного кружка Н.А. Ишутина, автор прокламации «Друзьям рабочим»; после покушения арестован, казнен.

⁴ Кобылин Александр Александрович (1840–1924), врач, привлекался к следствию по каракозовскому делу.

⁵ Долгоруков Владимир Андреевич (1810–1891), князь, московский генерал-губернатор (1865–1891).

⁶ Комисаров Осип Иванович (1838–1892), из мещан Костромской губернии; помешал Дмитрию Каракозову, стрелявшему в Александра II; был возведен в дворянское достоинство.

⁷ Ишутин Николай Андреевич (1840–1879), вольнослушатель Московского университета; в 1863 году организовал революционный кружок. Арестован по каракозовскому делу, осужден на пожизненную каторгу.

⁸ Домбровский Ярослав (1836–1871), офицер русской армии, окончил Академию Генерального штаба, являлся одним из руководителей Петербургского военно-революционного кружка. С 1862 г. – член Центрального народного комитета, начальник города Варшавы, вел энергичную подготовку к восстанию. Был арестован и приговорен к 15 годам каторги (1862). 1 декабря 1864 года бежал из Московской пересыльной тюрьмы, эмигрировал во Францию. Главнокомандующий вооруженными силами Парижской коммуны, генерал, погиб в бою.

⁹ Верницкий Ян, студент Московского университета, участник Польского восстания 1863 г.; бежал из ссылки.

¹⁰ Юндзилл Петр Эммануэль (род. 1839), студент Петербургского университета, затем юнкер и офицер русской армии (в 1863 г. вышел в отставку); член военно-революционного кружка З. Сераковского и Польского комитета в Петербурге. Был арестован за революционную пропаганду, в ноябре 1864 г. бежал, эмигрировал.

¹¹ Ф. Ф. Берг.

¹² Ляндовский Павел (1843–1894), студент Медико-хирургической академии в Варшаве. Во время восстания 1863 г. был начальником повстанческой жандармерии и интеллигентом города, под псевдонимом «Коса» командовал повстанческим отрядом. В феврале 1864 г. попал в плен, был сослан на каторгу, участвовал в подготовке восстания в Сибири. Бежал в Китай, затем жил в эмиграции в Париже.

¹³ Корсаков (Карсаков) Михаил Семенович (1826–1871), генерал-лейтенант; в 1848 г. служил чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве. С 1855 г. военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска. Генерал-губернатор Восточной Сибири (1861–1870). Член Государственного совета.

¹⁴ Шленкер Юзеф, участник Польского восстания 1863 г.; был сослан за Урал, один из руководителей подготовки восстания в Сибири (1865–1866).

¹⁵ М.С. Корсаков.

¹⁶ Дюгамель Александр Иосифович (1801–1880), генерал от инфантерии; участник Русско-турецкой войны и польской кампании (1828–1831). Генеральный консул в Египте (1833), затем полномочный министр при Тегеранском дворе (1834–1841). Выполнял дипломатические поручения в Молдавии и Валахии. Назначен присутствовать в межвом департаменте Сената (1851). Командир Отдельного сибирского корпуса и генерал-губернатор Западной Сибири (1861–1866), с 1865 г. совмещал эту должность с постом командующего войсками Западно-Сибирского военного округа. Член Государственного совета.

¹⁷ Деспот-Зенович Александр Иванович (1828–1895), тобольский губернатор (1863–1867).

¹⁸ Минейко Зыгмунт (ок. 1840–1919), участник Польского восстания 1863 г.; сослан на каторгу, где под именем Струмилло стал во главе организации, ставившей своей

задачей подготовку восстания в Сибири. В мае 1865 г. бежал, эмигрировал за границу.

¹⁹ Сколков Иван Григорьевич (1814–1879), окончил Морской кадетский корпус. Участвовал в Абхазской экспедиции (1839), десанте в Туапсе (1840) и занятии Ангинских высот деревни Дарго (1845). В 1853 г. состоял при начальнике Главного морского штаба, участвовал в Синопском сражении. За отличие в Альминском сражении (1855), где он был тяжело ранен (ему оторвало правую ногу и повредило бедро), был награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. и назначен эскадр-майором Его Величества (1856). Сопровождал императоров в морских поездках. В 1866 г. был командирован в Западную Сибирь для ликвидации беспорядков среди политических преступников. С 1867 по 1875 г. ежегодно сопровождал императора в Крым.

²⁰ Баранов Эдуард Трофимович (1811–1884), выпускник Царскосельского лицея, в военной службе с 1829 г.; участник венгерской компании (1849); начальник штаба Гвардейского корпуса (1855–1862). В апреле 1866 г. был назначен генерал-губернатором Лифляндии, Эстляндии и Курляндии; с октября 1866 по 1868 г. – генерал-губернатор виленский, ковенский, гродненский и минский. Временно исполнял обязанности управляющего Министерством двора и уделов (1871, 1874). В 1881 г. назначен председателем Департамента государственной экономии.

²¹ В 1866 г. была освобождена от австрийцев и включена в состав Итальянского королевства Венеция. В результате Австро-прусской, так называемой «Тридцатидневной», войны Пруссия присоединила территории ряда мелких немецких государств и одержала окончательную победу в борьбе за гегемонию в Германии. Князь Молдо-Валахии, или Румынского княжества, А. Куза в феврале 1866 г. отрекся от престола, на который был избран Карл (Кароль I) Гогенцоллерн.

²² А. Голуховский, вернувшийся в политику после добровольной отставки в 1860 г. с поста министра внутренних дел Австрии, стремился к полонизации края и ослаблению русского и немецкого влияния.

²³ Вероятно, Ден Владимир Иванович (?–1888), в военной службе с 1840 г.; участник Венгерской компании (1849). В 1853 г. был назначен флигель-адъютантом к Николаю I, командирован в действующую армию, чтобы лично докладывать императору о состоянии дел на фронте. Командовал Смоленским полком (1855–1860). Военный губернатор и управляющий гражданской частью Курской губернии (1861). Состоял в свите Александра II, неоднократно командировался в различные губернии для производства следствий по поводу всевозможных беспорядков. С 1869 г. – сенатор.

²⁴ П.А. Валуев.

²⁵ Альбединский Петр Павлович (1826–1883), генерал-адъютант, член Государственного совета. В военной службе с 1843 г.; участник обороны Севастополя. Корреспондент Военного министерства при российской миссии в Париже (1856–1858). Начальник штаба войск гвардии Петербургского военного округа (1865), генерал-губернатор Лифляндии, Эстляндии и Курляндии (1866). С 1874 г. генерал-губернатор виленский, ковенский и гродненский; с 1880 г. – варшавский.

²⁶ Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), граф; обер-прокурор Святейшего Синода (1865–1880).

²⁷ Головин Александр Васильевич (1821–1886), министр народного просвещения (1861–1866).

²⁸ Шувалов Петр Андреевич (1827–1889), граф, генерал-адъютант; занимал должности петербургского обер-полицмейстера, управляющего III отделением, генерал-губернатора Остзейского края (1865–1866). Шеф жандармов (1866–1874), затем посол в Лондоне.

**ОТЧЕТ III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ
И КОРПУСА ЖАНДАРМОВ
за 1869 год**

Имею счастье всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству отчет по III отделению Собственной Вашего Величества канцелярии и по Корпусу жандармов.

ОБЩИЙ ОБЗОР

Еще под конец 1868 года заметно было брожение между молодежью, посещавшею некоторые из здешних высших учебных заведений; студенты Медико-Хирургической Академии, университета и Технологического института собирались в разных местах, то в большем, то в меньшем числе, и толковали о положении студенчества вообще, о средствах к улучшению студентского* быта и о путях к осуществлению тех улучшений, которые им казались желательными.

Эта «горячка» сходок, овладевшая академическою молодежью, и наблюдения за самими сходками вскоре привели к заключению, что не только истинные или воображаемые недостатки настоящего положения студентов были причиною постоянно возраставшего брожения, но что важную роль в целом этом движении играли посторонние влияния, преследовавшие цели, чуждые студентскому быту; влияния настолько, однако, замаскированные, что присутствие их только угадывалось, но никогда не принимало определенной, осязательной формы.

Наступил 1869 год. Сходки учащались, разгорячая молодые головы и укрепляя в них дух строптивости и запальчивого вымогательства у начальства согласия на требования, которые студенты собирались заявить. Даже царская щедрость, одарившая университет в день его юбилея столь значительным числом стипендий, хотя и повлияла на некоторых из университетских студентов, переставших с того времени принимать участие в сходках, но зато возвысило в глазах других значение требования, чтобы

---

*Так в тексте.

студенты сами, чрез выборных, имели голос в вопросе о распределении стипендий.

При таком настроении умов нужен был только случай, чтобы дать повод к явным беспорядкам; а где такой случай выжидается, там он всегда находится, потому что факт, который в обыкновенное время прошел бы незамеченным, в минуту ненормального настроения обращается в искру, воспламеняющую накопленный горючий материал.

Одному студенту Медико-Хирургической Академии, при переходе с 1-го курса на второй, было дано неудовлетворительное свидетельство. В присутствии других студентов он дерзко потребовал в том отчета от учебного секретаря конференции; товарищи приняли его сторону; произошел шум. Студент (фамилия его Надуткин) был исключен из Академии. Тогда студенты, неизвестно кем подстрекаемые и созываемые, стали собираться в числе нескольких сот человек уже в самом здании Академии и с запальчивостью требовали возвращения исключенного товарища.

Начальство Академии, выказавшее сначала снисхождение, доходившее до нерешительности и слабости, вскоре увидело необходимость прибегнуть к более энергическим мерам; когда же и эти меры оказались недостаточными для прекращения беспорядков, то было сочтено нужным на время вовсе закрыть Академию.

Спустя два дня в коридорах здешнего университета оказалось приклеенным на стенах объявление от имени медицинских студентов, приглашавшее студентов университета к участию в деле первых. Объявление тотчас было сорвано и уничтожено самими же студентами, и казалось, что в университете порядок не будет нарушен.

Между тем, произошли беспорядки в Технологическом институте, и так как, несмотря на благоразумное поведение большинства студентов университета, все же и там была партия, подстрекавшая к беспорядкам, то конференция решила удалить из университета шесть студентов, коих влияние на товарищей было особенно вредным. Но эта мера, вместо того, чтобы предупредить беспорядки в университете, приспешила* их: когда решение конференции было объявлено, толпа студентов в 73 человека отделилась и дерзко протестовала против этого решения, и так как студенты узнали, что начальство во всяком случае примет все меры к восстановлению порядка, то в среде их открыто стало выражаться намерение не уступать и, в случае надобности, «защищаться всем, чем можно, даже оружием».

Главные участники беспорядков, из числа студентов трех вышепоименованных заведений, были тогда же высланы в места родины, под надзор полиции.

* Так в тексте.

Однако, как уже упомянуто выше, некоторые обстоятельства, сопровождавшие беспорядки, указывали на влияние агитации, исходившей не из студентской среды и направленной не исключительно в духе интересов студенчества. Первым явным доказательством справедливости этого предположения была рассылка во все редакции петербургских газет печатного воззвания, или обращения студентов к обществу, в котором «дело студентов» выставлялось делом, непосредственно затрагивающим интересы всего общества.

Немедленно начатое дознание о происхождении этого воззвания обнаружило, что оно напечатано в небольшой типографии, купленной незадолго перед тем здешнею мещанкою, девицею Дементьевою¹, одною из тех крайних нигилисток, каких последнее десятилетие расплодило такое множество. Дементьева находилась в самых близких отношениях с состоящим под строгим секретным наблюдением мелким литератором Петром Ткачевым², который принадлежал к числу главных участников студентских беспорядков еще в 1861 году. Несмотря на упорное заpiresательство Ткачева и Дементьевой, едва ли подлежит сомнению, что автором воззвания «К обществу» был сам Ткачев, или кто-либо из его кружка, и что он передал это воззвание Дементьевой для напечатания.

Дело это в настоящее время передано сенатору Чемодурову³, так как связь его с производимым судебным расследованием обнаружена.

Еще во время студентских сходок, предшествовавших беспорядкам в высших учебных заведениях, внимание полиции обратил на себя учитель Сергиевского приходского училища Сергей Нечаев⁴, который, не будучи сам студентом, не только принимал самое деятельное участие в сходках и ораторствовал на них, но и собирал их у себя, в казенном помещении, которое он занимал в здании училища. На следующий день после одной такой сходки, бывшей в квартире Нечаева, он был вызван для объяснений в управление С.Петербургского обер-полицмейстера⁵. Спустя три дня полиция получила уведомление, что учитель Нечаев скрылся; начальство Нечаева считало его заарестованным; на самом же деле он бежал из Петербурга, сперва в Москву, оттуда ездил в Киев и, наконец, с чужим паспортом ушел за границу.

Свое прибытие в Женеву Нечаев ознаменовал напечатанием воззвания к «Студентам университета, Академии и Технологического института в Петербурге»⁶, которое он тотчас стал посылать сюда по почте на имена разных лиц. В этом воззвании Нечаев, рассчитывая на легкоеверие молодежи, к которой оно было обращено, утверждает, будто бы он бежал «из промерзлых стен Петропавловской крепости». Вероятно, он и перед женевскими эмигрантами дебютировал этою ложью и тем сразу придал себе в их глазах значение героя. Нечаевское воззвание подтверждало, что за студентскими волнениями скрывалась гораздо более серьезная агитация, и сам Нечаев в нем

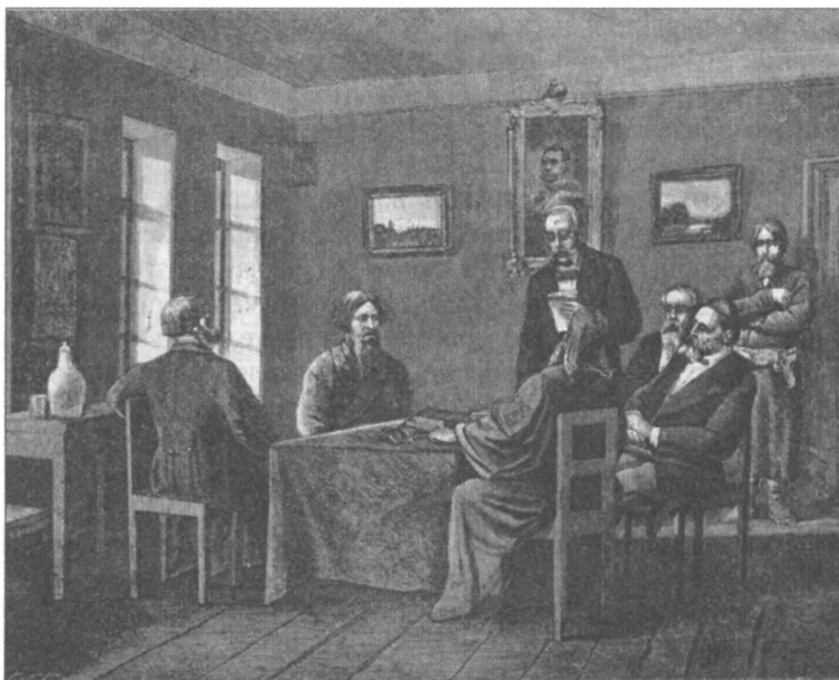

Открытие новых судебных учреждений в С.-Пб. 1866 г.

говорит, что в настоящее время все вопросы сводятся к одному, к обновлению русской жизни переворотом.

Почти одновременно с этим воззванием начало получаться по почте другое, за подписью известного агитатора Михаила Бакунина, и за ними последовал целый ряд воззваний самого возмутительного содержания.

Чтобы не дать этим воззваниям распространиться, почтовое начальство обратило особенное внимание на заграничную корреспонденцию, и преимущественно на письма из Женевы. Одно из таких писем поражало странностью своего содержания: по множеству условных выражений, употребленных в нем, смысл его нельзя было определить; только было ясно, однако, что речь шла о каком-то преступном предприятии. Письмо было адресовано к жене отставного полковника Елизавете Томиловой⁷. По справкам оказалось, что Томилова принадлежит к числу так называемых нигилисток, что она была очень близко знакома с Нечаевым до побега его за границу и что сестра Нечаева⁸ проживала у ней. За Томиловую тотчас было учреждено самое строгое негласное наблюдение; когда же, спустя несколько дней, пришло под тем же адресом другое письмо, не оставлявшее сомнения в том, что корреспондентом был никто иной, как Нечаев, и что письма его прямо относились к предмету вышеупомянутых воззваний, то у

Уездная земская управа

Томиловой был произведен внезапный обыск, и сама она, вместе с мещанкою Анною Нечаевою, была арестована и доставлена в III отделение.

С этого ареста началось дознание, которое в конце ноября привело к раскрытию организации, основанной Нечаевым в Москве и имевшей в других местах разветвления, из коих теперь еще, быть может, не все обнаружены.

Бумаги, найденные у Томиловой, доказывали сношения ее с Нечаевым, но и то, что существовало или предполагалось образовать общество для какого-то таинственного «дела». Тут были доверенности от некоего Орлова⁹, коими «все друзья по делу» приглашались именем Нечаева и других доверять Томиловой, и говорилось, что ей передан «весь план дела» и чрез нее можно узнать «друзей дела» и пользоваться средствами, собранными для «дела»; были тут и списки лиц, проживавших в разных местах империи, и лица эти большею частью оказывались такими, которые уже находились на примечании по своей политической неблагонадежности. Никаких разъяснений найденных у ней бумаг Томилова, однако, не давала.

Первою задачею дознания было разыскать Орлова и других лиц, которые по бумагам Томиловой принимали участие в таинственном «деле». Местопребывание некоторых лиц вскоре стало известно, и были приняты меры к доставлению их в С.Петербург, что, однако, требовало немало времени, так как иные находились весьма далеко. Несравненно большие

трудности представлял розыск Орлова, неизвестно куда скрывшегося, и в этом розыске можно видеть пример усердных и удачных действий чинов Корпуса жандармов. Благодаря добытой фотографической карточке Орлова, тотчас воспроизведенной в достаточном числе экземпляров и приложенной к циркулярному предписанию о его разыскании, Орлов в конце июня задержан в глухой станице Кубанского войска и доставлен в Петербург.

Но и прочие задержанные лица, так же как Томилова, не давали никаких показаний, способных разъяснить сущность «дела», которое затевалось. Можно сказать, что главнейшие указания на этот счет доставил сам Нечаев, в своих воззваниях и письмах, задержанных на почте и имевших последствием еще несколько арестов. Разнородные обстоятельства, замедлившие ход дознания, принесли ту пользу, что этим замедлением до некоторой степени заменилось отсутствие положительных улик, и в течение времени приобретались более или менее ясные указания на то, что все дело, подлежавшее с весны дознанию, было только прологом чего-то, что еще предстояло в будущем. Эти указания вполне оправдались, и связь весеннего дела с осенним так тесна, что в настоящее время уже почти все лица, задержанные начиная с весны 1869 года, привлечены к следствию, которое сенатор Чемодуров производит по Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению.

Непосредственные результаты дознания по весеннему делу можно выразить в следующих предложениях:

а) В прошлогодних студенческих беспорядках ясно обрисовываются две стороны и две категории действовавших лиц: стремление к утверждению студентского быта на измененных основаниях, и сторона политическая, заключающаяся в том, что недостатки положения студенчества вообще послужили и могут впредь служить предлогом к возбуждению волнений между академической молодежью. Относительно действовавших лиц можно сказать, что большинство студентов, принимавших участие в беспорядках и подвергшихся за то взысканиям, имели первоначально ввиду только устранение действительных или воображаемых недостатков студентского быта, тогда как лица другой категории, в революционных видах, избрали питомники легко воспламенимого юношества удобными центрами агитации с политической целью, без ведома о том самих студентов.

б) Агитация в студентской среде велась вообще только во имя студентских интересов; если несколько лиц студентского звания и были посвящаемы в другие стороны тайных подкопов и пристали к агитаторам, то это было независимо от их временного звания и не распространялось на студентское движение вообще, от которого сами студенты старательно устранили все, что имело политический характер.

в) Кроме так называемого студентского вопроса, рычагами агитации должны были служить женский вопрос и рабочий вопрос, которые будут рассмотрены в статье о признаках внутренней агитации, так же как и ясно

выражавшееся намерение пропагандировать среди низших классов народонаселения, пользуясь приближением срока, когда обязательные отношения вышедших из крепостной зависимости крестьян к бывшим своим владельцам должны были окончательно прекратиться.

г) Студентскую агитацию полагалось сообщить из Петербурга всем остальным университетам, и дознано, что для этой цели были посланы из Петербурга депутаты в Москву, Казань, Харьков, Киев и Дерпт. Действительно в Московском, Харьковском, Киевском и Новороссийском университетах произошли беспорядки, или были заметны приготовления к ним, не имевшие последствий благодаря своевременному принятию благоразумных мер. Агитаторы хорошо знали, что горсти строптивых студентов не удастся принудить правительство к уступкам и что участники беспорядков будут наказаны. Этого именно они хотели; они добивались исключения возможно большего числа студентов из учебных заведений, рассчитывая, что в лице исключенных студентов им прибудет столько же недовольных правительством, которые будут распространять это недовольство в среде, их окружающей, отчасти и даже преимущественно среди народа; для чего самым удобным путем представлялось поступление этих лиц на службу по мировым учреждениям и по земству, или на должности сельских учителей, в школы, коих размножение предполагалось устроить систематически. Это называлось: «идти в народ».

д) В других слоях, между женщинами (нигилистками), мелким чиновничеством, купеческими приказчиками и разночинцами, агитация производилась посредством распространения дурных сочинений и переписки, которая пересылалась отчасти почтою, но, вероятно, больше чрез преданных делу женщин, беспрестанно переезжавших, без видимой надобности, из одного места в другое. Цель этой агитации заключалась в сплочении всех дурных элементов и в составлении из них организованного целого, по плану и наподобие западноевропейских тайных обществ.

е) Наконец, самый прискорбный результат дознания было убеждение, к которому оно привело, что учение нигилизма, теперь уже усложненное примесью крайних социалистических начал, имеет в нашем отечестве весьма большое развитие, которое грозит быстро принять еще обширнейшие размеры, если правительство не обратит серьезной заботливости своей на прекращение этой политической и нравственной гангрены.

Отыскивая юридические улики против арестованных лиц, III отделение Собственной Вашего Императорского Величества канцелярии, в коем производилось дознание, вместе с тем тотчас приняло меры, соответствовавшие вышеизложенным выводам.

Чтобы прекратить разъезды посредниц агитационной переписки, несколько из них были арестованы, что отклонило других от продолжения

этого ремесла. Наблюдение за личностями подозрительными в том же отношении было усилено.

В начале июня всем начальникам Губернских жандармских управлений было дано циркулярное предписание, в коем указывалось на то, что последователи нигилизма, не довольствуясь более одним **отрицанием** основных начал нравственности и гражданского порядка, стремятся к утверждению и распространению учений, вредных в общественном и политическом отношениях; на каковой конец они сближаются между собою; собираются в общества; приступают к сбору денежных средств и завязывают сношения с разными местами империи. Поэтому, особенно ввиду 19 февраля 1870 г., с каковым днем должны были прекратиться обязательные отношения к владельцам бывших крепостных крестьян¹⁰, в среде коих злоумышленники предполагали агитировать, чинам Корпуса жандармов было поручено иметь самое зоркое наблюдение за сношениями сомнительных лиц с простонародьем.

По соглашению моему с министром внутренних дел¹¹ губернаторам были даны по этому предмету надлежащие инструкции.

Собраны негласным образом сведения об образе мыслей, занятиях и степени политической благонадежности лиц, на имена коих присылались из-за границы воззвания. Таким образом, в короткое время сосредоточились во вверенном мне управлении подробные характеристики более 700 лиц, проживающих в разных местностях империи и относительно коих был повод к подозрению, что агитаторы рассчитывают на их помощь. За действиями этих лиц учреждено секретное наблюдение.

Кроме сих мер, в течение всего прошлого лета были рассылаемы агенты в местности, которые по характеру населения представляют наиболее удобную почву для агитации, а именно: места фабричные и промышленные. Агенты, вращаясь среди различных классов населения, живя иногда подолгу в более интересных местах, знакомились с настроением умов вообще, прислушивались к народным толкам, старались подметить малейшие признаки противузаконной агитации, изучали образ жизни, нравы и нравственность жителей в местностях, порученных их наблюдению, и собирали сведения о лицах, выдающихся в этих местностях своим значением и влиянием на народ. Эта мера оказалась весьма полезною, и только недостаток в средствах и надежных агентах, достаточно развитых для такой задачи, не дозволил распространить ее в одно лето на большее число местностей. Исследованы были в вышеозначенных отношениях: село Иваново, весь Шуйский уезд и вообще фабричные центры Владимирской губернии; подмосковные заводы и фабрики; тульские заводы; путь от Москвы до Нижнего Новгорода и побережье Волги до Самары; путь от Москвы чрез Киев в Одессу и оттуда чрез Херсонскую и Екатеринославскую губернии в Крым; губернии Подольская и Волынская.

Спешу засвидетельствовать пред Вашим Императорским Величеством, что по всем сведениям, добытым упомянутыми мерами, нигде не заметно, чтобы политическая агитация успела привиться в народе; сами злоумышленники это понимают, и потому они вознамерились достигнуть переворота путем организованного грабежа.

В начале сентября в III отделение поступили сведения, впрочем крайне неопределенные, будто бы Нечаев прибыл из Женевы в Петербург; подтверждались эти сведения одновременно полученными из Женевы известиями, что он оттуда исчез, и два агента, еще в августе посланные в Швейцарию, собственно для наблюдения за ним, возвратились, не отыскав его там. Но указания на прибытие его сюда были так гадательны и неопределенны, в некоторых отношениях даже противуречивы, что в них невозможно было отыскать нить для систематических и последовательных поисков. В своих письмах к Томиловой, в некоторых из своих воззваний Нечаев, правда, возвещал свое возвращение в Россию, «что бы его не ожидало»; но он бы этого обещания не сдержал, если б не знал, как легко в России укрываться; как розыск лица сколько-нибудь смышленного сопряжен у нас с необыкновенными трудностями, и если б он не изучил предварительно искусства затирать за собою следы.

Следов поиски не обнаружили. Оставалось не терять из виду слуха о возвращении Нечаева; усугубить наблюдение за известными личностями, бывшими на особом примечании, и выжидать.

В то же время, при осенних допросах арестованных имелось в виду получить от них указания на лиц, у которых Нечаев мог найти приют.

В числе лиц, которые обращали на себя особенное внимание, был заведовавший книжным магазином Черкесова¹² в Москве – Успенский¹³. Его сестра¹⁴ и две сестры его жены (девицы Зосулич)¹⁵ уже были арестованы; он сам и его жена¹⁶ были известны как личности, способные ко всему, что входило в учение Чернышевского и последовавших за ним проповедников нигилизма. Вопрос об обыске и аресте Успенского был уже только простым вопросом времени, когда вновь поступили сведения такого рода, что медлить принятием решительных мер более нельзя было. 24 ноября отправлено в Москву по телеграфу предписание немедленно сделать у Успенского самый тщательный внезапный обыск, и его, арестованным, доставить в Петербург со всем, что будет найдено.

Эта депеша есть первый документ в деле, которым закончился 1869 год.

О СТУДЕНТАХ

Дознания 1869 года раскрыли и дозволили пресечь в самом начале осуществление государственного злоумышления, составляющего ныне предмет судебного разбирательства. Кроме того, они принесли немаловажную

пользу накоплением обильных материалов для оценки настоящего положения той среды, которая служит подстрекателям к беспорядкам почвою для их действий.

Рассматривая эту среду с точки зрения ее составных элементов, первым из них, по численности, является студенчество. Причины тому, насколько они разъяснены дознанием, представляют ряд обстоятельств, из коих одни общи студенчеству всех стран, другие же истекают из тех условий, в которых высшее образование находится собственно у нас в России.

К общим причинам можно отнести: возраст студентов с его естественными последствиями; корпоративность их, то есть ту общность интересов и академических преданий, которая в государстве образует из воспитанников высших учебных заведений если не юридически признанное сословие, то фактически существующую корпорацию; и наконец, накопление учащейся молодежи в университетских городах и в стенах академий. Среда, соединяющая в себе такие условия, естественно представляет самую удобную и восприимчивую почву для агитации, которая живым и печатным словом умеет эксплуатировать как хорошие стороны юношества, так и его недостатки, и труд которой облегчается плотным скоплением студентов в нескольких центрах, и заразительною заманчивостью тайны и запрещенного плода.

Влиянию вышеозначенных общих причин содействуют те условия, которыми собственно у нас определяется положение академической молодежи.

С 1861 года, когда впервые произошли значительные студентские беспорядки, периодически повторявшиеся с того времени в Петербурге, Москве и других университетских городах, изданные в 1859 году правила о надзоре за студентами, как в стенах учебных заведений, так и вне оных, неоднократно подвергались пересмотру; причем имелось в виду подчинить одинаковому надзору воспитанников всех высших учебных заведений, к какому бы ведомству последние не принадлежали. На опыте, однако, оказалось, что единство наружного надзора и дисциплинарных правил недостаточно; и что единство это должно бы распространяться и на другие предметы, на весь склад академической жизни студентов; чего достигнуть нельзя без постоянных по каждому отдельному вопросу сношений и соглашений между начальствами ведомств, коим высшие учебные заведения подчинены; а у нас почти каждому министерству подчинено какое-нибудь высшее учебное заведение, что чрезвычайно усложнило бы упомянутые сношения. Вследствие того, одно и то же желание студентов, разрешаемое или терпимое в одном заведении, не допускается в другом, и тогда как с ведома начальства студенты одного заведения имеют общественную кухмистерскую, вспомогательную кассу и собираются для обсуждения вопросов, касающихся их быта, все это в другом, соседнем заведении, считается за-

прещенным. Такое отсутствие единства было одною из главных причин беспорядков в здешнем университете, студенты коего хотели достигнуть тех же прав, которыми на деле, хотя без официального разрешения, пользовались студенты Медико-Хирургической Академии, и оно служило подстрекателям поводом к возбуждению неудовольствий и беспорядков.

Другая особенность наших высших учебных заведений, сравнительно с однородными заведениями в других странах, заключается в огромном числе студентов, не имеющих никаких средств к жизни.

В Великобритании, стране полнейшего применения экономических законов, от молодого человека, желающего получить образование в одном из университетов, требуется удостоверение в определенной цифре годового дохода. В Германии университетские правила такого требования не ставят; но там жизнь сама так правильно сложилась, что люди не ищут образования выше своих средств и состояния. К тому же, в большей части германских университетов студент платит так называемые «Collegiengelder» непосредственно тем профессорам, коих лекции он желает слушать, а кому не из чего платить, тот в университет не идет. Следовательно, если в Германии, сверх того нормального числа людей с высшим образованием, которое соответствует потребностям страны и находит себе полезные занятия и обеспеченное существование, и образуется немногочисленный ученый пролетариат, — то всегда остается достаточный контингент молодых людей, довольствующихся курсом средних учебных заведений, ремесленных училищ, учительских семинарий и проч. и не стремящихся даже выйти из своей общественной сферы, то есть из в меру образованного и столь полезного среднего сословия. Поэтому в Германии между студентами не известна та ужасная нищета, которую сплошь и рядом можно найти в России, особенно в столицах. Частые обыски, которые в прошлом году пришлось сделать у студентов, явили истинно потрясающие примеры этой нищеты.

За тысячи верст, со всех концов нашего обширного отечества, стекаются в Петербург молодые люди искать высшего образования. Собственных средств у многих едва хватает на дорогу, и они льстят себя надеждою, что в большом городе им нетрудно будет кормить себя уроками. Эта надежда если и сбывается, то большею частию не скоро и не в достаточной мере, чтобы обеспечить существование студента. Один из студентов Медико-Хирургической Академии, арестованный по делу Томиловой, Орлова и других, жил двумя уроками в неделю по 35 копеек за урок и для них ходил во всякую погоду с Выборгской стороны в Коломну. Подобные примеры весьма нередки. Тиф, чахотка и другие болезни, являющиеся вследствие истощения сил, делают ежегодно обильную жатву среди этих бедняков, которые, оставаясь при среднем образовании, без сомнения, нашли бы себе занятия и пропитание.

Нищета, с вытекающими из нее физическими и нравственными страданиями, и, с другой стороны, вид столичной роскоши – ожесточают молодого человека, и он, вместо того, чтобы винить себя за избрание ложного пути дает веру коварным наущениям людей, которые указывают ему на существующий общественный и государственный строй как на источник всех бед его и ему подобных.

Когда лица судебного ведомства приняли для формального расследования дела, по которым дознания произведены в течение 1869 года в III отделении Собственной Вашего императорского Величества канцелярии, то их поразила бедность большинства арестованных. «Да это все нищие», – говорили они.

Замечено, и некоторые студенты сами высказывали, что особенно ожесточенностью и влиянием в этом направлении на своих товарищей отличаются студенты из семинаристов. Это влияние объясняется зрелым возрастом их и установленностью характера, сравнительно с молодыми людьми, поступающими в университет из гимназий. Семинария есть заведение не только общеобразовательное, но и специальное: высший курс в ней посвящен собственно богословским и философским наукам, которые не нужны для продолжения образования в университете. Окончив курс в семинарии, молодой человек вступает в университет в возрасте от 21-го до 25-ти лет, тогда как из гимназий в высшие учебные заведения переходят юноши 17-ти или 18-летние. Кроме того, строгость семинарского воспитания рано развивает сосредоточенный и ожесточенный характер и придает молодому человеку те свойства, которые образуют фанатика и пропагандиста. Семинарист закален против бедности и всяких невзгод, он, как стоик, переносит их без ропота, и это еще более увеличивает его на юных товарищей. Всего этого не было бы, если б семинаристам было разрешено переходить в высшие учебные заведения по окончании общеобразовательного курса, равняющегося гимназическому.

Неимущих студентов в здешних учебных заведениях так много, что, несмотря на чрезвычайно большое число стипендий, их далеко недостаточно по числу лиц, которые, за отсутствием собственных средств к жизни, в них бы нуждались или желали бы их получить. К тому же стипендия, по самому своему назначению, должна быть настолько же поощрением молодому человеку, уже выказавшему способности и усердие к науке, сколько вспомоществованием, и недостаточно быть только бедным, для того чтобы иметь притязание на получение стипендии. Такой совершенно правильный взгляд, проведенный в уставах высших учебных заведений о назначении стипендий, имеет, однако, то последствие, что иной студент не может получить стипендию собственно потому, что он беден, то есть, что он, по неимению средств к жизни, уделяет большую часть своего времени преподаванию уроков и вообще занятиям, которые могли бы его прокормить; лекции же посещает нерегулярно и к экзаменам приготовлен недо-

статочно; словом, он является в глазах начальства недостаточно заслуживающим стипендии, даже прямо неподходящим под правила, существующие относительно признания стипендий.

Студенты судят иначе; они не соображают вышеизложенных обстоятельств, и потому им кажется, что при раздаче стипендий бывают несправедливости и злоупотребления; что стипендии не всегда назначаются беднейшим из достойных и достойнейшим из бедных. Отсюда возникло их желание, чтобы выборные из их среды имели право голоса в вопросе о распределении стипендий.

Ввиду изъясненных обстоятельств мысль о суде-вспомогательных студентских кассах, учрежденных для пособия неимущим студентам, особенно в первый год их студенчества, не представляла бы сама по себе ничего предосудительного или вредного; скорее можно было бы признать ее полезною и осуществление ее желательным. Не в одинаковой степени полезными, хотя, в сущности, тоже безвредными, казались бы следующие учреждения:

а) Библиотеки или склады учебных пособий, образованные из книг научного содержания и курсовых записок, пожертвованных более зажиточными или окончившими курс студентами, или даже книгопродавцами и вообще посторонними лицами. Такие библиотеки могли бы оказать неоценимую помощь тем из студентов, коим средства не позволяют приобретать дорогие научные сочинения.

б) Студентские кухмистерские, или заведения, где бедные студенты находили бы по относительно дешевой цене сытную и здоровую пищу. Не направленные к денежной выгоде и управляемые комитетом выборных из среды самих студентов, подобные кухмистерские представляли бы все данные к достижению своего назначения.

в) Ремесленные мастерские. Мысль об устройстве таких мастерских, с целью доставлять студентам по сходным ценам произведения сапожного, портняжного, белошвейного и других ремесел, представляется в теории очень полезною; но на практике она по многим причинам неудобноисполнима, и подобно другим предприятиям, основанным на артельном начале, которые в последние годы явно или тайно затевались студентами, она изобличает влияние коммунистических идей*.

Под воздействием посторонних причин и стремлений, чуждых студентскому быту, все эти по себе полезные учреждения: суде-вспомогательные кассы, библиотеки, кухмистерские и проч. оказались вредными, и правительство нашлось вынужденным противодействовать их устройству и запретить их существование. Из высших государственных видов

* Сведения имеются о мастерских столярной, токарной и кузнечной, которые в разное время были устраиваемы студентами, но просуществовали очень недолго. (Примечание авторов документа.)

правительство поставлено в необходимость принять меры, лишаящие многих студентов тех выгод, которые им представляли бы названные учреждения, и недоброжелатели не упускают случая истолковать такой образ действий преднамеренным и систематическим притеснением студенчества.

К несчастью. Эти злонамеренные наущения находят веру: провлачив год или два бедственную, почти нищенскую жизнь, не досчитываясь некоторых товарищей, умерших от порождаемых нуждою болезней, многие студенты оставляют заведения и идут приискивать себе пропитание на другом поприще, внося в новую деятельность глубоко засеявшие семена озлобления против правительства, мнимого виновника их злополучия, и запас противугосударственных лжеучений.

Если жизнь западных государств для одного из зол, ее удручающих, выработала технический термин: ученый пролетариат, то у нас, под влиянием особенностей того положения, в котором находится студенчество, образуется нечто худшее ученого пролетариата, это – недоучившийся пролетариат, при самом вступлении в жизнь носящий уже в себе зародыши ненависти к существующему государственному и общественному порядку.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС И НИГИЛИЗМ

Замечательную особенность политических дел, производившихся в последние годы, составляет значительное и возрастающее с каждым новым делом участие в них женщин. Несравненно большее число женщин, хотя не замешанных прямо в разбиравшихся делах, известно по своей неблагоприятности и состоит под постоянным наблюдением. Наконец, есть целый многочисленный разряд женщин, так называемых нигилисток, одинаково вредных в политическом и общественном отношениях; численность его до сих пор растет, и первоначально сосредоточенный в Петербурге, он исподволь распространился на всю Россию.

В конце пятидесятых годов, когда в нашем обществе пробудилась мысль о необходимости расширить для женщин пути к такому образованию, которое могло бы сделать их способными к полезному и более самостоятельному труду, правительство, чуткое к истинным общественным нуждам, признавая пользу этой мысли, поспешило содействовать ее осуществлению. Учреждены были открытые учебные заведения, где девицы за незначительную годовую плату получали полное гимназическое образование; разрешались публичные чтения из разных предметов по программам, специально приспособленным к средней подготовке женщин; дозволено было женщинам посещать некоторые лекции в высших учебных заведениях и проч.

Женские гимназии быстро наполнились детьми; взрослые девицы и замужние женщины с увлечением бросились на предоставленные им средства к образованию.

На первый взгляд, это движение могло казаться вполне отрядным; но тогда же люди наблюдательные, вникающие в сущность явлений, видели и менее отрядную оборотную сторону; их не слушали: общий поток быстро шел в одну сторону; плыть против него было невозможно.

Теперь об упомянутом движении можно судить по свыше десятилетним результатам его, и если вопрос поставится таким образом: поднялся ли за это время общий уровень истинного образования наших женщин, то на него трудно будет отвечать утвердительно.

Оправдалась истина, что образование тогда только дает действительно полезные плоды, когда оно опирается на твердую основу религиозно-нравственного воспитания; там же, где этой основы нет, где образование не только не руководствуется религиозно-нравственными началами, но даже идет вразрез с ними, там оно не может быть плодотворным ни для отдельных лиц, ни для общества. Это именно замечается у нас в новейшем женском образовании, ибо одновременно с ним и в той же среде, из того же источника, где была возбуждена мысль об нем, развились те учения, которые создали так называемый нигилизм. Духу этих антирелигиозных и противунравственных учений тем легче было проникнуть в женское образование, что последнее стало доступным для слоев общества, в которых религиозно-нравственное воспитание вообще стоит весьма низко.

Оттого материальная эмансипация женщин, которой посредством образования желательно было достигнуть и которая в нравственном отношении так полезна, обратилась в уродливое стремление к тому, что в дурном смысле называется эмансипацией женщин, то есть отвержение всяких вообще стеснений; а так как приличие, женственность, нравственность суть стеснения, так как положение женщины в обществе и семействе представляет некоторые стеснения, то следовало отрешиться от них без внимания на то, что они вытекают из физической и нравственной природы женщины.

Для женщин взрослых эти мысли проводились в общежитии, в публичных чтениях, в печатных сочинениях и в периодической прессе. Дети пропитывались ими в школах, откуда они выносили замашку смотреть с высоты мнимого образования на своих родителей, ибо им систематически прививалось убеждение, что родители их люди необразованные, с обветшалыми понятиями, неспособные следовать за духом времени.

В сильнейшей степени чувствуется у нас недостаток в хорошо подготовленных и нравственно благонадежных наставниках и наставницах для женских учебных заведений; этому обстоятельству главнейшим образом следует приписать, что женское образование в новейших учебных заведениях сошло с того пути, по которому оно должно было идти. В деле образования факт открытия учебных заведений тогда только обещал бы безусловную пользу, если бы была уверенность, что не будет недостатка в хороших

наставниках. Выбор же наставников требует особенной тщательности при замещении должностей в женских заведениях и народных школах. Из прошлогодних дел видно, что и в тех и других встречаются в учительских должностях личности, которые на вверенных им воспитанников должны иметь самое дурное влияние, что в свою очередь доказывает нерациональность существующих приемов при назначении на эти должности.

Овладевшее нашим обществом увлечение женским образованием было только одною частью программы, составленной в то время для разрешения так называемого женского вопроса. Одновременно в тех же видах стали приискиваться занятия, которые бы могли обеспечивать женщинам существование посредством честного труда. Мысль бесспорно полезная, но, в свою очередь, подвергшаяся искажению при исполнении. Устраивались мастерские переплетные и другие для женщин, последние бросились изучать искусства, как-то: акушерство, стенографию, телеграфию и проч.; предпринимались издания с прямою целью доставлять женщинам переводные и вообще письменные работы. По духу, в котором все это делалось, по превратной систематичности лиц, стоявших во главе всего этого движения и явившихся в нем главными деятелями, можно сказать, что все эти по себе полезные начинания обратились во вред нашему обществу, ибо ими преднамеренно наносились самые чувствительные удары всему, что особенно для женщины считается заветным и должно быть неприкосновенным: семья, религия, женственность.

Искаженное таким образом упомянутое движение, вместо того чтобы облагородить женщину умственным и нравственным развитием, вместо того чтобы, доставлением ей возможности найти пропитание полезным и честным трудом, ограничить нищету, столь часто служащую причиною и извинением разврата, создало эмансипированную женщину, стриженную, в синих очках, неопрятную в одежде, отвергающую употребление гребня и мыла и живущую в гражданском супружестве с таким же отталкивающим субъектом мужского пола или с несколькими из таковых.

Нельзя требовать, чтобы такая многочисленная семья, как русская, не имела своих уродов; могло бы казаться неопасным зло, которое на 80 миллионов населения имеет едва несколько тысяч представителей. Но есть яды до того острые, что они в самых малых количествах производят разрушительное действие на организм, и такой яд представляет нигилизм, который успел уже из того места, где он впервые привился в России, распространиться по всем жилам ее. Последние дознания явственно доказали повсеместное присутствие этого яда.

Нигилизм в последние годы видоизменился. Из гадкой шалости небольшого числа молодых людей обоюбого пола, видевших в непризнании наружных общепринятых приличий способ доказать свою самостоятельность, он перешел в положительное учение, преследующее определенные

социальные и политические цели. Он уже не только отрицает, но утверждает. Он действует во имя идеи, и это придает его последователям свойство сектаторов, то есть стремление к пропагандированию своего учения и готовность пострадать за него. Допущенный до такого развития, нигилизм уже не может быть искоренен прямым гонением, нужно приискать для борьбы с ним другое оружие.

Русский нигилист соединяет в себе западных: атеиста, материалиста, революционера, социалиста и коммуниста. Он отъявленный враг государственного и общественного строя; он не признает правительства. Это не мешает ему, однако, пользоваться, где и насколько можно, тем самым правительством, под которое он подкапывается. Для мужчин казенные стипендии в высших учебных заведениях, казенное жалование в гражданской службе, должности преподавателей в казенных училищах; для женщин места акушерок, служба по телеграфному ведомству или хоть аттестат с приложением казенной печати на звание гувернантки – вот те материальные средства, коими преимущественно питается нигилизм в России. Отнятие этих материальных средств, совершенно справедливое со стороны правительства, было бы для нигилизма сильнейшим подрывом, быть может, даже решительным ударом.

Если пропаганда вредных учений первоначально нашла восприимчивую почву и усердных последователей в среде так называемых нигилистов, то в настоящее время уже нельзя не заметить, что сфера ее влияния значительно расширилась и, приравнивая естественный ход развития русского общества к ходу, пройденному другими европейскими обществами, можно предвидеть, что эта сфера постоянно будет расширяться, если заблаговременно принятыми мерами, основанными на тщательном изучении и верном понимании социальных явлений, развитие общества не получит правильного направления. Уже несколько лет тому назад термин «нигилист» стал слишком тесен для обозначения совокупности лиц, которые встали в оппозицию к обществу, его обычаям и существующему устройству. В вышедшем в то время сочинении, коего автор подвергся судебному преследованию, этот термин был заменен более широким и выразительнейшим названием: «отщепенец».

Дальнейшее расширение «отщепенства» может привести к образованию того, что в других странах обозначается именем «четвертого сословия», или пролетариата, то есть совокупность бессловных людей, образующая особое сословие. Если этого «четвертого сословия» у нас еще нет или оно, по крайней мере, еще не достигло той относительной численности и того политического значения, какие оно имеет в Западной Европе, то образование его составляет в настоящее время главную, можно сказать, единственную достойную серьезного внимания цель пропаганды. «Четвертое сословие» заключает в себе не только людей праздных и ленивых,

но и работающих, не только бедных, но и состоятельных; оно обнимает всех тех, которые вышли и были вытеснены из общественных групп, к которым они до тех пор принадлежали, которые считают преступлением против человечества разделение общества на классы, которые сами себя объявляют «настоящим народом» и требуют, чтобы всякое органическое расчленение было уничтожено и поглощено в общей смеси настоящего народа. Наконец, идя последовательно далее, они стремятся к слитию всех народов, преобразованных по их социально-политическому идеалу, в одну общую массу, в человечество. На этом основании для образованного ими пропагандирующего члена «четвертого сословия» национальность есть противуестественное ограничение, поддерживаемое своекорыстным кастовым духом. Не должно быть ни сословного сознания, ни сознания национального. Словом, «четвертое сословие» отличается полнейшим отсутствием исторической и родной почвы.

Эти-то учения усердно и более или менее явно пропагандируются у нас в настоящее время. Перед важными последствиями, которые неминуемо должна иметь эта пропаганда, тем более опасная, что она проводится чрезвычайно ловко и почти никогда не выходит из пределов законности, совершенно блекнет значение той грубой пропаганды «огня, ножа, петли и проч.», которая пыталась в разных воззваниях проникнуть в Россию из Женевы. Против последней правительство и общество достаточно вооружены, для нее нет почвы в России, и она может найти разве только сотню другую сумасбродных последователей. Можно питать твердую надежду, что действия этой пропаганды всегда будут вовремя раскрыты. Не так легко противудействовать пропаганде первого рода. Самые законы бессильны против нее, как явствует из нескольких процессов по делам печати, обративших на себя, в течение истекшего года, особенное внимание общества и правительства. Многие на первый взгляд мелкие, но, в сущности, весьма знаменательные подробности, раскрытые политическими дознаниями 1869 года, свидетельствуют, что эта пропаганда начинает приносить и в России свои отравленные плоды.

О СОСТОЯНИИ УМОВ

Сведения, которые были получаемы о состоянии умов и политическом направлении в разных слоях общества, не возбуждают сильных опасений в отношении общественного спокойствия. Слабые попытки тревожить умы проявлялись в некоторых местах Западного края обливанием одежды женщин серною кислотою; но имело ли это политический характер, как в начале бывшего восстания, дознанием не обнаружено, и случаи эти остались бесследными. Более значения имело заявление нежелания слушать в католических церквях проповеди и молитвы на

русском языке – что случилось несколько раз в г. Свенцянах, где многие громко выражали свое неудовольствие, выходили из церкви, женщины плакали, а некоторые из крестьян обращались к ксендзу с бранью и угрозой. В Каменце-Подольском польская тенденция высказалась не менее резко в высшем обществе: прибывшие туда два иностранца польского происхождения дали там три концерта; на первом и третьем было местных жителей-поляков до 200 человек; на втором же, который, согласно существующему постановлению, был дан в пользу инвалидов, не явился ни один поляк, несмотря на то, что некоторыми, по приглашению полиции, были взяты билеты – в этом концерте было только 40 человек чиновников и офицеров. В Варшаве содержатель разменной конторы распространял в публике революционные 30-ти и 75-ти копеечные монеты чекана 1831 года. Кроме этих и некоторых подобных частных случаев, не проявлялось ничего такого, что обнаруживало бы общее враждебное направление: польское народонаселение Западного края, по-видимому, спокойно, хотя некоторые, веря легкомысленно заграничной польской прессе, сохраняют еще надежду на перемену существующего порядка, не заметно, однако, противодействия распоряжениям правительства; прежний ропот на произвол местного начальства утихает, и только слышатся повсеместные жалобы на разорительный для большей части землевладельцев налог, взыскиваемый в виде процентного сбора. Уроженцы того края, высланные во время минувших беспорядков в разные места империи, ведут себя также спокойно; многие из них обратились к полезному труду, но он далеко не всем доступен по недостатку занятий в уездных малонаселенных городах тех немногих губерний, в которых им дозволено жительство, и по состоянию их под полицейским надзором, ограничивающим их занятия и затрудняющим вообще приискание мест; а потому многие, и в особенности люди семейные, терпят нужду, которая за истощением последних средств к жизни может иметь вредные последствия.

В некоторых местах появлялись слухи, распушенные, по-видимому, с целью тревожить умы простого класса. Так, в Юго-Западном крае был слух между крестьянами, что тамошний митрополит имел намерение отравить Ваше Величество, примешать яд к Св. причастию, и что по обнаружении этого митрополит осужден к четвертованию; в Харьковской губернии говорили, что на жизнь Вашего Величества покушались сенаторы вследствие выраженной им Высочайшей воли увеличить земельный надел крестьянам. Подобные сим рассказы в кружках простолюдинов проносились и в другие места империи, но, как крайне нелепые, исчезали, не оставляя нигде следов.

Генерал-адъютант граф Шувалов

ПРИМЕЧАНИЯ

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 34. Л. 2–34.

¹ Дементьева Александра Дмитриевна (1850–1922), выпускница Мариинской гимназии в Петербурге, участвовала в студенческих волнениях зимой 1868–1869 гг. В приобретенной ею типографии С.И. Серебrenникова была отпечатана прокламация П.Н. Ткачева «К обществу». Арестована 26 марта 1869 г., после тюремного заключения была выслана в Новгород (1872). В апреле 1874 г. она, при условии отказа от возвращения на родину, была выпущена за границу, куда ранее бежал П. Н. Ткачев. В 1888 г. получила звание врача, практиковала во Франции. В 1904 г. вернулась в Россию.

² Ткачев Петр Никитич (1844–1886), выпускник Петербургского университета; участник студенческих волнений (1861, 1868–1869); неоднократно подвергался аресту. Арестованный 26 марта 1869 г. в связи с распространением прокламации «К обществу», 15 июля 1871 г. был приговорен к году и 4 месяцам тюремного заключения. По отбытии наказания выслан в Великие Луки. В декабре 1873 г. бежал за границу. Издатель журнала «Набат». Идеолог так называемого «русского бланкизма».

³ Чемодуров (Чемадуров) Яков Яковлевич (1823–1888), сенатор. Выпускник Училища правоведения. С 1843 г. служил в Сенате секретарем. Был командирован для ревизии присутственных мест ведомства Министерства юстиции в Симбирской, Саратовской и Астраханской губерниях (1847). С 1856 г. – «исправляющий должность» вице-директора департамента Министерства юстиции. Обер-прокурор 1-го и 2-го отделений Сената (1861), прокурор С.-Петербургской Судебной Палаты (1866). В 1869 г. был назначен для производства предварительного следствия по делу «об обнаруженных в различных местностях империи признаках злоумышлений, направленных против установленного порядка управления».

⁴ Нечаев Сергей Геннадиевич (1847–1882), сын маляра; учился в школе для

взрослых, занимался самообразованием; сдав экзамен на звание учителя, преподавал в Сергиевском приходском училище. Участвовал в студенческих волнениях 1868–1869 гг., возглавляя вместе с П.Н. Ткачевым радикальное меньшинство. В марте 1869 г. по чужому паспорту выехал за границу. Выдавая себя за представителя революционного комитета, бежавшего из Петропавловской крепости, вошел в доверие к М.А. Бакунину и Н.П. Огареву, с помощью которых развернул пропагандистскую кампанию. В сентябре 1869 г. вернулся в Россию, представился доверенным русского отдела не существующего «Всемирного революционного союза»; создал в Москве отдел тайного общества «Народная расправа», якобы имевшегося уже повсеместно. Столкнувшись с недоверием и противодействием студента И.И. Иванова, обвинил его в предательстве и 21 ноября 1869 г. убил, при участии четырех других членов организации. 15 декабря в связи с начавшимися арестами бежал за границу. 14 августа 1872 г. был арестован в Цюрихе и выдан русскому правительству как уголовный преступник. 8 января 1873 г. приговорен к 20 годам каторжных работ. Заключенный в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, распропагандировал солдат караульной команды, установил связь с Исполнительным комитетом «Народной воли», выдвинул план своего освобождения, затем отвергнутый, чтобы не помешать подготовке покушения на Александра II. Умер в крепости.

⁵ Трепов Федор Федорович (1812–1889), генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В службе с 1831 г., участник польских кампаний 1831 и 1863–1864 гг. Исполнял должность варшавского обер-полицейстера (1860–1861), затем генерал-полицейстером Царства Польского (1863–1866). Обер-полицейстер Санкт-Петербурга (1866–1873), петербургский градоначальник (1873–1878). Вскоре после ранения, по-

лученного в результате покушения на него В.И. Засулич, вышел в отставку.

⁶ Прокламация Нечаева была отпечатана в начале апреля 1869 г. типографией Чернецкого в Женеве по инициативе Н.П. Огарева. Уже 11 апреля III отделение зафиксировало появление экземпляров этого воззвания в России. Впервые прокламация опубликована в стенографическом отчете судебного процесса над нечаевцами в «Правительственном вестнике» (1871. № 163).

⁷ Томилова (урожд. Дриттенпрейс) Елизавета Христофоровна (ок. 1839–1890-е). Арестованная 13 апреля 1869 г. по нечаевскому делу, судом была оправдана (1871). Уехала в Саратов, затем в Пензу, в начале 1880-х принимала участие в народовольческих кружках.

⁸ Нечаева Анна Геннадиевна (1851–?), младшая сестра С.Г. Нечаева. Попав под арест 13 апреля 1869 г., 6 февраля 1870 г. была освобождена. Переехала в Туркестан, вышла замуж за поручика Сомова.

⁹ Орлов Владимир Федорович (1843–1899), выпускник Владимирской духовной семинарии; учительствовал в селе Иваново; переехал в Петербург (1868). Участник студенческих волнений 1868–1869 гг. Арестованный 27 июня 1869 г. по нечаевскому делу, судом был оправдан (1871); административным порядком выслан во Владимирскую губернию.

¹⁰ До 19 февраля 1870 г. крестьяне были обязаны удерживать в пользовании отведенную им мирскую землю за установленные повинности в пользу помещиков – без права отказа. По истечении этого срока они могли, по собственному выбору, отказаться от пользования землей или сохранить прежние поземельные отношения с помещиком.

¹¹ А.Е. Тимашев.

¹² А.А. Черкесов.

¹³ Успенский Петр Гаврилович (ок. 1847–1881), окончил Нижегородский дворянский институт, затем учился в Московском университете. Заведовал московским книжным магазином и библиотекой А.А. Черкесова. Состоял в близких отношениях с участниками ишутинской «Организации», входил в кружок Ф.В. Волховского, был одним из учредителей «Народной расправы». Арестован 26 ноября 1869 г., приговорен (1871) к 15-ти годам каторжных работ.

¹⁴ Успенская (в замуж. Бобина) Надежда Гавриловна (1854–?), 14 апреля 1869 г. арестована за участие в кружке Ф.В. Волховского; 4 февраля 1870 г. от ареста освобождена; выехала в Нижний Новгород.

¹⁵ Зосулич (Засулич) Вера Ивановна (1849–1919), 1 мая 1869 г. была арестована, выслана под надзор полиции в Новгородскую губернию (1871); затем переведена в Тверь, в Солигалич, в декабре 1873 г. – в Харьков для окончания акушерских курсов. 24 января 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, была оправдана Петербургским окружным судом; эмигрировала; Зосулич (в замуж. Никифорова) Екатерина Ивановна (ок. 1850 – после 1917). Работала в швейной артели, организованной ишутинцами, административным порядком была выслана в Гжатск Смоленской губернии. В 1868 г. возвратилась в Москву; 29 апреля 1869 г. была арестована, в июле 1870 г. освобождена на поруки.

¹⁶ Успенская (урожд. Засулич) Александра Ивановна (1847–1924). Арестованная в связи с нечаевским делом, была оправдана судом (1871). Добровольно последовала за мужем в места отбывания им наказания, после его смерти вернулась в Москву. Подвергалась административной высылке в Тверь за хранение нелегальной литературы.

Именной указатель

- Абд-аль-Кадир 339
Август Фредерик, герцог Суссекский 280, 306, 312
Август, герцог Ольденбургский 563
Августа Амалия, принцесса Баварская 192
Авдеев М.В. 589, 600
Агапий (Андрей Гумницкий), иеродьякон 509
Адеркас 57
Адлерберг А.В. 176
Адлерберг В.Ф. 304, 309 334, 335, 505
Адольф I, герцог Нассауский 360, 362
Аксаков С.Т. 74
Александр I 30. 32, 49, 57, 115, 138, 181, 192, 218
Александр II 9, 14, 20, 44, 62, 76, 127, 137, 158–162, 180, 181, 187, 205, 218, 223, 241, 243, 253, 268, 280, 288, 317, 341, 360, 362, 371, 443–689
Александр Николаевич, цесаревич, см. Александр II.
Александр Фридрих Вюртембергский, вел. герцог 59, 65
Александра Максимилиановна, принцесса Лейхтенбергская 241, 243
Александра Николаевна, вел. кнж. 360, 362
Александра Федоровна, императрица 18, 27, 35, 44, 47, 66, 68, 87, 114, 127, 158, 162, 177, 180, 187, 192, 218, 223, 241, 243, 288, 375, 378
Алциато И. 365, 382, 383
Альбединский П.П. 664, 668
Альбертини Н.В. 586, 597
Амалия, королева Греции 531, 563, 566
Анборский (Амборский) Я.Д. 574, 586, 596
Андреев, крестьянин 323
Андрушевич 610
Анисимов 271, 276
Анна Павловна, вел. кнж. 272
Анненков 271
Анненков Н.Н. 460, 465
Антоний (Г.А. Рафальский), митр. Санкт-Петербургский 335, 345
Антоний (Зубко), еп. Минский 223
Антонов 117
Апраксин, гр. 86
Араго Э. 574, 597
Аракчеев А.А. 69, 76
Арбузов А.Ф. 336, 337, 345
Аркадий, еп. Задунайский 640
Арсеньев К.И. 176
Атанасович 426
Афанасьев 590
Афендик, чиновник 406, 407
Афросимов 239
Ахвердов 389
Ахматов А.П. 584, 597
Бабский 415
Багратион-Мухранский, кн. 102
Бакст В.И. 586, 598, 639
Бакунин М.А. 395, 410, 414, 415, 425, 539, 584, 585, 587–590, 610–612, 624, 638, 639, 643, 672
Бакунин Н.А. 559, 564
Бакье 194, 195, 225
Баллод П.Д. 588, 599
Баня 491
Банников, поручик 406, 407
Баранов Э.Т. 659, 668
Баранович М.С. 271, 277
Барановский Е.И. 589, 600
Барант А.Г. 211, 222
Барзиковский 506
Баркарев 383
Барклай-де-Толли М.Б. 110, 139, 174, 178
Бартолетти 351
Барышев, крестьянин 237
Барятинский А.И. 453, 463
Баттяни Л. 429
Бауер 504
Бегичев М.Л. 271, 277
Бедрины 196
Безаки М.П. 212, 222
Безобразов Н.А. 558, 564
Бекер (Беккер) И.Ф. 532, 563, 568, 604
Бекер 531
Белес, адвокат 537, 538
Беллаци 590
Белосельская-Белозерская (урожд. Козицкая) А.Г. 44, 62
Белосельский-Белозерский А.М. 62, 588, 599
Белосельский-Белозерский В.М. 401, 411

- Бенетти 570
Бенкендорф А.Х. 6, 8, 9, 11, 13, 33, 62, 74, 85, 96, 108, 109, 124, 125, 138, 154, 175, 176, 220, 241, 263, 269, 270, 274, 275, 304–306, 320, 338, 339, 342, 412
Бентковский Вл. 487, 502, 620, 625
Бенявский 537
Берг Ф.Ф. 522, 524, 525, 548, 549, 626, 643, 656, 667
Бердяев 373
Берзенски 572
Бернадот Ж.Б. см. Карл XIV Юхан
Бернар 533
Бернацкий 416
Бертани 534, 608
Бетте 426
Бибииков Д.Г. 188, 193, 216, 271, 277, 329, 344, 370, 377, 385, 399
Бибииков Ил.М. 204, 222
Биндер, агент 194, 196
Бискамп 483
Бисмарк О.Э., фон 650
Блажиевский, эмиссар 540
Блан Л. 484, 502, 503
Бланки О. 448, 462, 533
Блинд К. 532, 563, 567, 568, 604
Блудов Д.Н. 72, 76, 94, 96, 104, 105, 111, 134, 139, 151, 154, 170, 177, 188, 193, 209–211, 515
Блюммер Л.П. 585, 597, 639
Бобринский, гр. 405
Бобров 589
Бобровский Ст. 574, 576, 596, 609, 624
Бобровский Ст. 624
Богарне Гортензия 243
Богарне Э. 192
Бокшанский Юл. 400, 410
Бологовский Дм.Н. 151, 154
Бомон Г.-О. де ла Бонниньер 312, 340
Бонольди Дж. 608, 647, 613
Боржиковский 537
Борковский 614
Боссак (Гауке) 616
Ботвинка, прокурор 39, 40
Боярский 589
Брадтке (Брадке) Е.Ф. 455, 463
Браницкий Кс. 425, 430, 506, 534, 536, 572, 608–610, 613
Бранский 572, 573
Браун 164, 549
Бреннер 592
Бренчанинов 271
Бржозовский (Бжозовский) Л. 572, 596
Брок П.Ф. 457, 464
Бруевич 147
Брукер К. 197
Брунов (Бруннов) Ф.И. 196, 221, 485
Брюллов А.П. 175, 308
Бужинский (Марио Дюге) 197
Буксгевден П.Ф. 327, 338, 343, 355, 356
Булгаков А. 175
Булгарин Ф.В. 9, 74
Булевский Л. 487, 502, 574, 576, 596
Буташевич–Петрашевский М.В. 431
Бухгольц 609
Быков 1-й А.И. 270, 271, 276
Быков 2-й П.М. 271, 276
Быстрожевский 506
Бюлоз 638
Бялобржеский, еп. 572, 583
Ваганов 662
Валевский А.Ф. 573, 575, 596, 612
Валуев П.А. 554, 564, 661, 664, 668
Вандам Д. 139
Васвари 426
Василий (Лужинский), еп. Полоцкий 223
Васильев 500
Васильчиков В.Ил. 456, 464, 493, 494, 521, 522
Васильчиков Ил.В. 319, 342, 547
Васьков 270
Вегнер 620
Вейценбрейер, ген.-м. 215
Велегловский 348
Величко А. (Иосиф Опацкий) 397
Величко И. 397
Веллингтон А.У. 361
Вельяминов И.А. 102, 110
Вен Чарльз (лорд Дадли Стюарт) 280, 306, 312, 506
Венцовский 353
Верешинский 284
Вержинский 506
Вернер 194, 196
Верницкий Ян 655, 667
Ветошников П.А. 586, 598
Вещицкий 399
Видок Э.Ф. 326, 343
Виельгорский И.М. 176
Виктория, английская королева 310, 339, 361
Викторов В.М. 357, 362
Виктор-Эммануил II, король Сардинии 483, 501, 531, 535, 536, 567, 595
Вилламов Г.И. 239, 243
Вильгельм (Виллем) I, (Фридрих), король нидерландский 246, 272
Вильгельм (Виллем) II, (Фридрих Георг Людвиг), король нидерландский 246, 272
Вильгельм I, германский император 650
Вильгельм I, король вюртембергский 246, 273
Висловский 400
Витгенштейн П.Х. 32, 41, 319, 356
Витковский В. 520, 521
Витт 347

- Витт И.О. 158, 159, 175
Вишневский К. 520, 521
Вишневский Т. 365
Владимиров Н.М. 588, 599
Владислав, королевич польский 70, 76
Воейков А.Ф. 66, 74
Войткевич, еп. 583
Вокулинский 343
Вокусевич 512
Волконский П.М. 158, 175, 214, 222, 240, 265, 319, 342
Воловский Л. 573
Волховский Ф.В. 689
Волькевич 620
Вольский К. 541, 574, 596
Вольский, поручик 545
Вольф, барон 663
Вонсовичева 148
Воробьев 75
Воронеч (Вронеч) 350, 366
Воронцов М.С. 43, 62, 221, 284, 294, 295, 307, 328, 470, 508, 530
Ворцель Ст., граф (Астель) 197, 466, 480, 538
Вринц, бар. 234
Вронтовский 506
Вронченко Ф.П. 239, 243
Высоцкий И. 506, 529, 535, 574, 578, 608, 610, 613, 621, 624, 625, 633
Выховские, братья 415
Вяземский П.А. 74, 265, 273, 275
- Гагарин, кн. 337
Гагарин И.А. 341
Галензовский (Крук) С. 608, 613, 614, 616, 622
Гаммерштейн, ген. 416
Ган П.В. 25, 26, 30, 319, 342
Ганзман 421
Гарибальди Дж. 504, 509, 529, 531, 536, 567, 569, 571, 590, 604, 608, 609, 638
Гарижский И.С. 271, 276
Гарфункель 330
Гвоздев А.А. 453, 463
Гвоздовской 617
Гежелинский 56, 64, 68, 75
Гейкинг К.Ф. 270, 275
Гейсмар Ф.К. 95, 97
Гельтман В. 365
Генnessи 609
Генрих де Бурбон, герцог Бордосский 249, 250, 273, 280, 307
Георг III, король Англии 306
Георг IV, король Англии 221
Гергард 473
Гергей А. (Герги) 442, 532
Гердень 388, 389
Герман 400
- Герстнер Ф.А. 193
Герцен А.А. 538, 539, 564, 608, 612, 638
Герцен А.И. 124, 339, 340, 410, 425, 470, 474, 483, 503, 508, 509, 536, 538, 540, 584, 585, 586, 590, 593, 612, 637–639, 641
Гете И. 278
Гижицкий 405
Гильман 483
Гирс Н.К. 573, 596, 617, 648
Глассер 370
Глинка С.Н. 66, 74
Годлевский Фр. (Шмидт) 196, 574, 596
Голензовский 506
Голицын А.Н. 8, 41, 60, 64, 65, 74
Голицын А.Ф. 586, 587
Голицын Д.В. 20, 28, 68, 75, 328, 343
Голицын П. 552
Голицын С.М. 107, 112, 121, 125
Голицын Ю.Н. 474, 481, 509, 539
Голицына Н.И. 86
Головин А.В. 667, 668
Головин Е.А. 164, 177, 372, 377
Головин И.Г. 364, 377, 380, 395, 414, 424, 539, 585
Головинская 295
Голуховский А. 488, 502, 660, 668
Гордашевский 251
Горский 102
Горчаков А.М. 456, 465, 643, 649
Горчаков М.Д. 441, 447, 448, 453, 462, 467–469, 484, 489–491, 511, 514, 519, 530
Горчаков П.Д. 329, 344
Готман А.Д. 175
Гофман 614
Гревениц А.Ф. 458, 464
Грегорович, эмиссар 578
Грейг А.С. 60, 65
Греков 368
Греч Н.И. 74, 340, 474, 481
Грибовский 522, 608
Григорий XVI 249, 273, 283, 307
Григорьев А.А. 650
Григорьев К.Н. 403, 404, 412
Григорьев Н.А. 589, 599
Гриненберг 550
Гросс 353
Грохольский 608
Губицкий 621
Гулак Н.И. 401, 410
Гумбольдт А.А. 49, 63
Гурвич 148
Гуровский А. 353, 362
Гурьев А.Д. 146, 154
Гурьев Д.А. 65, 331, 344
Густав III, король Швеции 591, 600
Густав IV Адольф, король Швеции 591, 600
Гуттемер, эмиссар 540

- Гуттри А. 608, 613, 647, 614, 620
Гюбнер Ю.Ю. 587, 598
Гюго В. 484, 501, 503, 534, 569, 604
- д'Аркура, герцог 609
Давыдов И.И. 265, 275, 586
Дадриан (Дадрианов, Дадриани) А.Л. 160, 176
Дальфельд 523, 548
Данзас Б.К. 264, 274, 275
Данилевский 265
Данилов И.Д. 39, 40, 42
Дарош (Дараш) П. 469, 480
Дашков А.В. 151, 155
Дашков Д.В. 54, 63, 72, 83, 92, 105, 111, 120, 125, 134, 139, 151, 152, 154, 170, 177, 188, 209, 210, 227, 264
Дверницкий 195, 196
Дворчевский 366
Деятин (Деятинин) 212, 265
Дейчинский 415
Дембинский Г. 195, 220, 573
Дементьева Александра Д. 671, 688
Демидов 105
Ден В.И. 661, 668
Денель Б. 512, 513, 516
Денкер 353
Деспот-Зенович А.И. 658, 667
Джунковский С.С. 539, 564
Дзялынский И. 487, 502, 610, 613, 620
Дибич И.И. 32, 41, 43–45, 58, 63, 76, 78, 79, 84, 110
Дитмарс 509
Дмитриев-Мамонов А.И. 342
Добролюбов Н.А. 650
Долашвили С. 110
Дозиос 531, 566
Долгоруков А.А. 54, 63
Долгоруков В.А. 449, 461, 465, 479, 501, 528, 562, 595, 646
Долгоруков Вл.А. 651, 667
Долгоруков Н.А. 103, 110, 197, 221, 329, 344
Долгоруков П.В. 508, 530, 585, 639
Домбровский Яр. 242, 384, 385, 521, 655, 667
Домонтович Ф. 611, 612, 624
Дон Карлос 313, 339, 341
Дораский А. 365
Дорер (d'Horger), гр. 197, 231
Достоевский М.М. 650
Достоевский Ф.М. 586, 597, 650
Дребуш А.Ф. 144, 154, 185, 192, 271
Дружинин Я.А. 239, 243
Дружинин Я.И. 50, 63
Друкерт 205
Друцкий-Любецкий Фр.К. 106, 111
Дубельт Л.В. 10, 194, 225, 244, 272, 277, 278, 305, 322, 338, 346, 363, 379, 394, 413, 425, 431–433, 435, 438
- Дульский, гр. 216
Дунин 370
Дургам (Дургэм) Дж. 126, 129, 137
Душенкевич Д.В. 271, 276
Дьяков П.Н. 217, 223, 329
Дьяков, чиновник 23
Дьяконов В.А. 588, 599
Дьяконов И.Я. 52, 63
Дюгамель А.И. 658, 667
Дюпон Л. 548
Дюран Ш. 100, 101, 109, 110, 194, 195, 233, 234
- Егорцев 551, 552
Екатерина II 17, 18, 32, 33, 56, 218, 296
Екатерина Павловна, вел. кнж. 273
Елачич И. 429
Елзановский 506
Елизавета Алексеевна, имп. 155
Елизавета Михайловна, герцогиня Нассауская 360, 362
Елизавета, принцесса Баварская 245, 272, 415
Еллинский С.Ф. 588, 599
Еловицкий Э. 415, 492
Емельянов 292
Енохин И.В. 176
Еремеев 206
Ермолов А.П. 19, 20, 23, 28, 43, 110, 128, 176, 177
- Жаба 197, 506, 576, 609
Жабицкий А. 608, 613, 647
Жара 484
Жданов С.Р. 453, 463
Жемчужников М.Н. 151, 154, 271
Жеребцов А.Д. 197, 221, 231
Жеребцова, (урожд. Доррер) С.Ф. 221
Жилинский В. 493, 502
Жуковский В.А. 72, 76, 123, 176, 340
Жуковский Н. 577, 599, 639
Жульчевский 506
Журавлев И.Ф. 54, 63
- Забицкий А. 506
Забицкий Ф. 469, 506
Заборинский А.Н. 95, 97
Загоскин М.Н. 74
Задорновский 284
Заечковский 396
Зайцев В.А. 650
Закревский А.А. 18, 27, 51, 52, 54, 68, 83
Залеский 252, 366, 426
Залесские А. и К. 196
Заливайко 231
Заметаев И. 24, 29
Замойские 614
Замойский А. 488, 502 573, 580, 585

- Замойский Вл. 348, 361, 485, 486, 506, 573, 609, 613, 615, 622
 Замойский С.А. 62, 361, 535
 Замойский Ст. 537, 538
 Захарова Л.Г. 16
 Збышевский 615
 Зверковский 366
 Звольский 610
 Зебровский 576
 Зеелановский (Мессингер) 197
 Зенкович Л. 365, 377, 506
 Зибер 196
 Зилинский 314, 351
 Зиновьева 323
 Зосулич (в замуж. Никифорова) Ек.И. 677, 689
 Зосулич (Засулич) В.И. 677, 689
- Ибрагим-паша** 63, 99, 108
 Иваницкий Наполеон К. 642, 649
 Иванов В. (Михаловский) 225, 226
 Ивицкий, свящ. 510
 Игнатъев, полк. 147
 Изабелла II 339
 Изиковский (Браун) 314, 351
 Израиль, еп. Уральский и Бударинский 640
 Ильин 589
 Иов, еп. Кавказский 640
 Иолшин, ген.-м. 517
 Иордан 615, 618, 619
 Иордан Вл. 610, 622, 647
 Иосиф (Семашко), архиеп. Литовский 223, 364, 377, 493, 502
 Иринарх (Попов Я.Д.), архиеп. Рязанский 292, 308
 Исаков Г.С. 60, 65
 Ишутин Н.А. 655, 667
- Кавелин А.А.** 176, 254, 270, 271, 274, 285, 328, 360, 362
 Кавур К. 534, 563
 Кайсаров П.С. 50, 63
 Калинин 611, 615
 Калиновский Б. 586, 598
 Калкатын И.С. 397, 410
 Каменский, полк. 608
 Кампгаузен 421
 Канарский (Конарский) Ш. 183, 185, 192, 195, 197, 351
 Канкрин Е.Ф. 21, 29, 48–50, 63, 83, 93, 96, 106, 111, 114, 121, 135, 139, 151, 154, 172, 177, 186, 190, 193, 199, 208, 209, 222, 217, 238, 239, 243, 260, 297, 331, 349, 458
 Каракозов Д.В. 651, 655, 667
 Карачелли (Сицци) 196
 Карвицкий (Кассевич, Кейсевич) 400, 491, 492
 Кардонн 395
- Карл (Кароль I) Гогенцоллерн 668
 Карл X, король Франции 69, 75, 272, 273
 Карл XIII, король Швеции 193
 Карл XIV Юхан, король Швеции 187, 193, 201
 Карл XV, король Швеции 548, 564, 591, 600
 Карл Альберт, король Сардинии 249, 273, 429
 Карнеев (Корнеев) А.А. 60, 65
 Карнеев Е.В. 264, 274
 Каролина (Шарлота) Августа Баварская, австрийская императрица 128, 139
 Катков М.Н. 593, 600, 650
 Кашовский 426
 Квятковский 615
 Кельсиев В.И. 539, 564, 584, 588–590, 599, 639–641
 Кельсиев И.И. 588, 599, 639–641
 Кемплицы, братья 252
 Кеневич И. и Ф. 641, 649
 Кербедз С.В. 308
 Кикин П.А. 341
 Кинкель Г. 483, 501, 503, 504, 532, 568, 604
 Киркор 617
 Киселев П.Д. 152, 168, 177, 190, 191, 193, 212, 240, 243, 262, 271, 274, 322, 331, 344, 448, 462, 469, 480, 536, 538,
 Киселевский 196
 Кислеев (Кистельцев) 509
 Клапка Г. 469, 470, 480, 483, 504, 536
 Клачко 5–6, 615
 Клейнмихель П.А. 94, 96, 136, 139, 175, 187, 213, 267, 300, 301, 308, 333, 381, 459
 Клечинский 516, 517
 Княжевич А.М. 474, 479, 481
 Кобылин А.А. 651, 667
 Ковалевский В.О. 586, 598
 Ковалевский Ев.П. 455, 463, 479, 481
 Кованько 135
 Кожанчиков 590
 Кожуховский 618
 Козачковский 147
 Козиебрадский, эмиссар 415
 Козлов 590
 Койсевич см. Карвицкий
 Кокошкин С.А. 95, 97, 191, 193
 Кольшко Б. 630, 631, 648
 Колянковский 350
 Комаров Н.И. 203, 222
 Комаров Н.И. 203, 222
 Комаровский, эмиссар 540
 Комисаров О.И. 631, 667
 Компанелло 534
 Коновницын 388
 Константин Николаевич, вел. кн. 267, 275, 375, 457, 551, 575, 579, 624
 Константин Павлович, вел. кн. 40, 42, 63, 75, 81, 84, 86, 133, 203, 361

- Контлер Л. 462
Корсак 426, 492, 583
Корсаков (Карсаков) М.С. 656, 657, 667
Корф А.Ф. 75
Корф М.А. 10, 412, 473, 480
Косаткин (Касаткин) В.И. 586, 590, 598, 639
Косицкий 574
Коссиловский 587
Коссинский Вл. 620
Костомаров Н.И. 401, 411, 592
Костюшко 542
Кочубей В.П. 18, 27, 41, 56, 69, 75
Кочелев А.И. 474, 480
Кошут Л. 429, 437, 441, 448, 462, 470, 480, 483, 503, 504, 531, 566, 605, 617, 618
Крамер Ю. 608, 609, 647
Красинский А. 632, 648
Красинский Л. 622
Крачкевич 614, 615
Кржеменецкий 578
Крживицкий 353
Криднер (Криденер) П.А. 330, 344
Кристиан IX, датский король 647
Куза Александр Иоанн I 572, 596, 610, 617–619, 668
Кузмин Ст.И. 134, 139
Кузнецов 500
Кузнецов, купец 118
Кухольник П.В. 30
Кулеш (Кулиш) П.А. 401, 411
Кулинский, эмиссар 415
Кульчицкий 196
Купреянов 390
Куракин А.Б. 19, 20, 28, 42
Куракина (урожд. Головина) Н.И. 37, 42, 44
Куржина Ян 572, 596, 613
Куровский 624
Кусовников 52
Кутузов М.И. 174, 178
Кучинский, судья 621
Кучковский 578
Кушелев-Безбородко Г.А. 650
Кюстин Астальф, де 311, 339, 347, 364
- Лабенский К. 340
Лаваль (в замуж. Лебцельтерн) З.И. 37, 42
Лаваль (урожд. Козицкая) Ал.Г. 43, 62
Лаваль И.С. 37, 42, 58, 62, 64
Лавинский А.С. 71, 76
Лагероньер 570
Ладыженский ген.-л. 500
Лакруа Ф. 364
Ламартин А. 416, 421
Ланге 197
Лангевич (Лянгевич) М. 610, 612, 624, 625, 647
Лангеншельд К.Ф. 591, 600
Ланской В.С. 71, 76
- Ланской С.Ст. 452, 453, 462, 465, 551
Лапинский Т. 611, 612, 647
Ларед 314
Лассаль Ф. 604, 605, 646
Лауниц В.Ф. 590, 600
Лафит Ж. 250, 273
Леблан Л. 533
Лебцельтерн Л. 42, 58, 64
Левандовский 624
Левандовский А.А. 16
Левашов В.В. 103, 110, 329, 330, 344
Леве К. 483, 501
Левенгард 511, 512
Левы 532
Ледрю-Роллен Ал. 448, 462, 484, 503, 535
Ледуховская 370
Ледуховский (Ледоховский) Ян 506, 535, 537, 563, 573, 574
Лелевель И. 173, 178, 195, 196, 228, 347, 366
Лемке М.Н. 339, 340
Лемпицкий 470, 471, 518, 519
Ленуар Р. 570
Леонтьев П.М. 593, 600
Леопольд I, король Бельгии 196, 221, 226
Леру Б. 503
Лерхе Т. 53, 63
Лесневский, помещик 404
Лешновский 489
Лещинский 618
Либельт К. 415, 421
Либенау, помещик 500
Ливен К.А. 57, 64, 83, 86, 94, 96, 198, 210
Лидерс А.Н. 578, 579, 597
Линьков 500
Лобанов-Ростовский Д.И. 53
Лобода 589
Лобри Ф.Я. 271, 276
Лович (урожд. гр. Грудзинская) Ж. 42
Ломачевский А.И. 271, 276
Лонгинов Н.М. 153, 155
Лончинский 612
Лопухин П.В. 10
Лубинский 607
Лугинин В.Ф. 586, 598
Луиза, принцесса Гессенская, королева Дании 647
Лукасинский В. 62
Лунин М. 5
Лысковский 619
Львов А.Ф. 123
Любомирские Ад., Ал. и М. 621
Любомирский Е. 622
Любомирский Марцелий 576, 608
Любомирский, кн. 351, 617
Людвиг II, герцог Гессен-Дармштадтский 280, 306

- Людовик I, король Баварии 246, 273
Людовик Бонапарт см. Наполеон III
Людовик Филипп, король Франции 69, 75, 138, 198, 200, 201, 228, 248–250, 252, 272, 310, 339, 378, 380, 392
Людольф (в замуж. Штакельберг) К.Х. 44, 62
Людольф Дж.-К. 37, 42
Люце 353
Лялин П.П. 589, 600
Ляндовский П. 656, 667
- Магдзинский 385, 399, 400
Магнус 238
Мадзини (Мазини, Маццини) Д. 195, 196, 220, 362, 437, 448, 462, 466–470, 480, 482, 503, 504, 514, 534, 535, 562, 567, 570, 574, 603, 604, 606–609
Маевский (Ревит Э.) Я. 491, 578
Максимилиан II, король Баварии 280, 307
Максимилиан, герцог Лейхтенбергский 143, 182, 219, 268, 275, 280, 288, 307, 317, 360
Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария, принцесса Гессен Дармштадтская см. Мария Александровна, имп.
Максимов С.В. 590
Малаховская, гр. 366
Малиновский 426
Мальцов 655
Мальчевский Ад. 351, 353, 368
Мамышев 406
Маньян 614
Марин 271
Марио 534
Мария II да Глория, королева Португалии 341
Мария Александровна, имп. 241, 243, 280, 306, 333
Мария Каролина, принцесса Бурбон–Сицилийская 273
Мария Михайловна, вел. кнж. 392, 393
Мария Николаевна, вел. кнж. 162, 177, 182, 192, 201, 203, 218, 241, 243, 288
Мария Федоровна, имп. 17, 27, 34, 42
Марков И. 588, 599
Маркус М.А. 342
Мартьянов П.А. 586, 597
Марцукелли 351
Массон, кап. 147
Матушевич А.Ф. 201, 222
Махмуд II 108, 109
Мацкевич (Мацкявичус) А. 630–632, 648
Медем П.И. 234, 243
Медокс М.Е. 123
Медокс Р.М. 117, 123, 124
Мекелин 548
Мелицер 576
Мелько (Мельковский) 573
Мельников П.П. 307, 308
- Менедорф-Поульи А. 541, 564
Меншиков А.С. 84, 86, 213, 217, 266, 320, 321, 439
Местр, де, гр. 249
Метелкин (Метелька) см. Заметаев И.
Метлин Н.Ф. 457, 464
Меттерних К. 20, 29, 58, 109, 194, 231, 248, 421
Мец 567
Мечиславская, игуменья 380, 425
Мечников Л.И. 509, 530, 638
Мигель I Браганский 341
Микулин 271
Милевский, эмиссар 540, 578
Милович (Милевич) Вл. 511, 512, 530
Мильтдиц 638
Милюковский (Скрынский) З. 610, 617, 618, 624
Милютин Д.А. 453, 465
Милютин Н.А. 453, 454
Минейко З. 659, 667
Миончинские 370
Миркович Ф.Я. 258, 270, 274, 329, 344
Мироненко С.В. 16
Мирославский (Мерославский) Л. 382, 383, 392, 415485, 487, 504, 506, 514, 516, 518, 533, 535–537, 571–576, 578, 586, 607, 610, 613–615, 617, 620, 622, 624, 625,
Миротворцев В.В. 586, 598
Миткевич 238
Михаил Николаевич, вел. кн. 89, 96, 441, 442
Михаил Павлович, вел.кн. 41, 63, 72, 77, 107, 112, 122, 127, 129, 174, 191, 288, 303, 316, 360, 392, 393, 409, 428, 431
Михайлов 295
Михайлов М.И. 586, 592, 598
Михайловский 539, 657
Михельсон И.И. 29
Мицкевич А. 350, 362, 366, 377, 424, 572, 596
Мицкевич Вл. 350, 362, 366, 377, 424, 572, 596
Млодецкий 145
Моген 249
Мокар, 618
Моллер А.В. 59, 65
Монталамберт (Монталамбер) Ш. 196, 221, 577
Монталиве М.К. 196, 221
Монферран А.А. 123
Моравский Ф. 487, 502, 516, 517
Мордвинов А.Н. 166, 177, 272, 277, 305
Мордвинов Н.С. 19, 20, 23, 27, 29
Мосолов Ю.М. 642, 649
Мости А. 608
Мосто 534
Мразовицкий М. 618
Мрочек А. 642, 649
Муравьев (Карский) Н.Н. 160, 176
Муравьев 390
Муравьев А.Н. (дек.) 176
Муравьев А.Н. 123, 214, 223

- Муравьев М.Н. 131, 139, 454, 463, 632, 633, 651, 666
Муррей Ч. 361, 362
Мусин-Пушкин 552
Мухаммед (Мехмед) Али 99, 108, 109, 242, 249
Мысловский 624
Мычельский 620
- Набалдин (Налбандян) М.Л.** 588, 589, 599
Надуткин 670
Назимов В.А. 254, 273, 274, 404, 412, 472, 480, 493, 502, 548
Наполеон I 28, 123, 139, 175, 243
Наполеон III 233, 234, 243, 421, 482–484, 486, 501, 503, 533, 568, 570, 573, 596, 602, 603, 617, 618, 621
Наполеон Жозеф Шарль Поль Бонапарт (принц Наполеон) 480, 506, 507, 529, 532, 536, 608
Нарбут В.Ф. 630, 631, 648
Нарваэс Р. 339
Наркевич И. 520, 521
Неголевский А. 487, 502, 510, 541, 620
Нейдгардт А.И. 320, 343
Немоевский Б. 96
Неруда, артистка 489
Нессельроде К.В. 37, 42, 58, 65, 126, 137, 194, 196, 221, 225, 242, 266, 383, 393, 437
Нессельроде М.Д. 58, 65
Нефедьев 8
Нечаев С.Г. 671–673, 677, 688
Нечаева А.Г. 672, 673, 689
Никитенко 223, 273, 275, 342, 411, 422, 565
Никола Э. 447, 448
Николай I 17–443, 461
Николай Николаевич, вел. кн. 81, 85, 441, 442
Никольский 500
Ничипоренко 590
Новиков Н.И. 73, 74
Новицкий 541, 578, 586, 608
Новосильцев Н.Н. 30, 39, 40, 45, 46, 62, 67
Норов А.С. 455, 463
Норов Н.Н. 458, 464
- Оборский Л.** 490, 502, 578
Обручев Н.Н. 124
Огарев Г.М. 271, 277
Огарев Н.П. 410, 473, 480, 484, 508, 509, 538, 584, 590, 638, 639
Огинский И. 270, 276
Одинский 366
Ожаровский 370
Оже И. 311, 340
Озерецковский Я.Н. 271, 277
Олизар Н. 313, 341, 348, 365, 366
Олимский 195
Ольга Николаевна, вел. кн. 218, 223, 224, 273, 280, 281, 307, 317
- Ольденбургский П.Г. 127, 137, 219, 268, 269, 275, 288, 317, 360
Опочинин К.Ф. 404, 412
Орбелиани А. 110
Ординга (Орденга) И. 608, 613, 647
Оржеховский (Окша) 619, 622, 655
Орлов А.Ф. 45, 79, 85, 221, 361, 362, 41, 412, 420, 429, 433, 435, 438, 441, 445
Орлов В.Ф. 673, 674, 689
Орлов-Денисов В.В. 319, 342
Орловский Б.И. 123, 178
Орсини Ф. 466, 480, 504, 570
Орфано 590, 600
Оссоцкий 576
Остерман–Толстой А.И. 28, 128, 138, 139
Островский Кр. 195, 220, 314, 366, 367, 506, 578, 610, 621
Отрошенко Я.О. 46, 63
Оттон I, король Греции 563, 566
Очкин А.Н. 650
Ошмянов 590
- Павел I** 272
Павлов П.В. 474, 481, 592, 593
Павловский К.В. 641, 649
Палавандишвили Я. 110
Пален М.И. 329, 344
Пален Ф.П. 18, 27, 37, 42, 164, 177, 196, 221
Паллавичини, полк. 609
Пальмерстон 361, 613, 648
Пальчиков Н.Е. 474, 481
Панаев В.И. 265, 275
Панаев И.И. 650
Панин В.Н. 105, 111, 120, 125, 210, 222, 239, 264, 265, 299, 300, 332, 458, 459
Панчулидзева А.А. 205, 222
Паскаль М. 77
Паскевич И.Ф. 28, 34, 41, 43, 46, 79, 84, 147, 148, 154, 159, 185, 193, 197, 223, 225, 229, 242, 255, 282, 284, 286, 315, 351, 369, 370, 377, 385, 393, 397
Патек 609
Паткуль А.В. 176
Паулучи Ф.О. 25, 26, 29, 249, 273
Педро IV, король Португалии и Бразилии 313, 341
Пеликан В.В. 30, 39, 40
Переверзев Ф.Л. 458, 464
Перовский В.А. 200, 221
Перовский Л.А. 124, 222, 240, 262, 265, 274, 296, 323, 325, 326, 372, 377, 454
Перфильев С.В. 161, 177, 207, 271
Перчело 426
Пестель П.И. 23, 29
Петерсен, братья 664
Петр I 33, 113, 114, 181, 208, 316, 434
Петрашевский 349

- Петров, раскольник 552
Петровский И. (Катаро) 351
Петровский Н.Ф. 588–590, 599
Пещуров 373
Пиат Ф. 484, 503, 533, 570
Пиаци 503
Пиентковский 576
Пий IX 429, 493, 497, 526, 573, 577, 596
Пиль Р. 312, 314, 340, 361
Пионтковский 486
Пирогов Н.И. 455, 463
Писарев Д.И. 588, 599, 650
Писаревский Н. 650
Писемский А.Ф. 586, 598
Платер Л. 195, 609, 619, 630, 631, 639, 647
Платонов 558
Плецц 609
Погодин М.П. 265, 275, 474, 481
Подлевский 624
Подлесский, эмиссар 627
Позорский, эмиссар 397
Полетило, помещик 147
Половандов, кн. 102, 110
Половцов Ф.А. 342
Полонник И. 86
Полонский 589
Полонский Я.П. 650
Поль 271, 277
Померанцев, свящ. 552
Понятовский, гр. 507, 535, 537, 573, 608
Попов, прапорщик 500,
Поповский 405
Порецкий 322
Посников 588
Потваровский 510
Потехин 590
Потоцкая, гр. 147, 493
Потоцкий А. 621
Потоцкий, гр. 384
Поцей, эмиссар 415
Пржевлотский 353, 574,
Пржесловкевич, эмиссар 578
Пржецишевская 400
Приклонский 270
Протасов Н.А. 214, 222, 223, 304, 309
Прудон П. 536, 563, 601
Прусаковский П. 541
Прушинский 577
Пршесмыцкий 145, 541
Пршылуцкий, еп. 577
Прянишников Ф.И. 304, 309, 335, 460, 465, 596
Пулавский (Ахмет-бей) 383, 398
Пульский Фр. 504, 529
Пушкин А.С. 71, 165, 166, 650
Пшибыльский (Пржибыльский) В. 615, 648
Пьетри, сенатор 574
Раб, барон 609
Равский 348
Радищев А.. 271, 276
Радо Л. 367
Радович 575
Радофиникин (Родофиникин) К.К. 58, 64
Раевский Н.Н. 20, 23, 28
Рауберх 265
Раутенплат 196
Раух Е.И. 53, 63
Рачинский 620
Рачковский 616
Рашинский, гр. 352
Ребиндер Г.М. 271, 276
Резимон И.С. 59, 65
Рейс 532
Реньер 385, 386, 400
Рер 383, 385, 386, 399, 400, 418
Рерит, эмиссар 470
Рессинг 313
Реткин 662
Рибероль Шарль, де 503, 529
Рибоьер А.И. 37, 42
Римаркевичи, братья 368
Роберт К. 380, 396
Рожинский 195
Розен Г.В. 102, 110
Розенберг И.И. 50, 63
Рокасовский (Рокоосовский) П.И. 549, 550, 564,
591, 592
Ромашов 388
Россель Д. 362, 613, 648
Ростовцев Я.И. 303, 309, 455, 464, 496
Ростовцев, гр. 662
Рот Л.О. 95, 97
Рохау А.. 196, 220
Рошбрюн (Рошебрюн, Рошебрен) Ф. 617, 648
Руге А. 503, 529
Рудзинский 197
Рудзкий 624
Рудио 570
Ружицкий Э. 426, 430, 615, 619, 622
Руперт В.Я. 271, 276, 329
Рупрехт К. 614, 648
Руссель (Россель, Рассел) Дж. 312, 340
Рутковский, полк. 40
Рыбинский М. 314, 341, 366, 381, 506, 573
Рылеев К.Ф. 22, 29
Рымаренко С.С. 588, 599
Рымкевич, эмиссар 415
Сабинский 609
Сави 534
Савинский 516
Савицкий 610, 622
Садовский А. 514, 515

- Садык-паша см. Чайковский
Сазонов Н.И. 425, 430
Сакки 534
Самарин Ю.Ф. 474, 481
Самбикин 660
Сангушко, кн. 145
Сапега Ад 621
Сапега Ан. 487
Сапега Кс. 400
Сапега Л. 610, 621
Сарнецкий 350
Сатин Н.М. 586, 598
Сафонов С.В. 500, 502
Саффи 534, 590, 607
Свентославский З. 470, 480, 485, 506
Свидзинский 368, 382
Свионтковский 511, 512
Северин Д.П. 330, 344
Селиванов И.В. 474, 481
Семенов 492
Семионтовский 516, 517
Сенявин И.Г. 373, 378, 390, 393
Сераковский З. 630, 631, 648
Серафим, митрополит Санкт-Петербургский 335, 344,
Сергеев А. 16
Серно-Соловьевич А.А. 639, 649
Серно-Соловьевич Н.А. 588-590, 649, 655-657
Сидорова М.В. 6, 12, 14
Сикорский М. 574, 597
Симкин 206
Синицын 326
Скаржинский 399
Скибинский 350
Сколков И.Г. 659, 668
Скржинецкий Ян 242, 510, 530
Слепцов А.А. 649
Сломчевский 385
Смолка 513, 577, 621
Соколовский 124
Соллогуб Л. 8
Солтык Р. 226, 242
Сольман 610, 612
Сомов 689
Сосновский 399
Сохновский 574, 586
Спасский Н.И. 23, 29
Сперанский М.М. 18, 27, 111
Сперчинский 197
Спиридов П.А. 600
Стадиан, гр. 416
Станевич 632
Станкевич, свящ. 493
Старинкевич 148
Стасов В.П. 175, 178
Стасов Д.В. 586, 598
Стогов Э.И. 271, 277
Столыпин Н.А. 75
Стороженко, ген. 148
Стравинский, эмиссар 416
Стратанович 271, 276
Страхов Н.Н. 650
Строганов А.Г. 211, 222, 236, 239, 243
Строганов С.Г. 172, 177, 189, 211, 474
Стронин А.И. 589, 600
Суворов А.В. 78, 79, 85
Сулежицкий 620
Сулес 611
Сульковский 197
Сульт Н.Ж. 228, 242
Сумароков 500
Сунгуров Н.П. 86
Сутгоф А.Н. 337, 338, 345
Суходольский 617
Сухозанет И.О. 122, 125
Сухозанет Н.О. 452, 456, 462
Сцегенный П. 354, 362
Таландье 484
Тальберг Н. 243, 307, 308
Тальони М. (в замуж. де Вуазен) 174, 182, 192
Таневский (Тетера) 474, 481, 622
Тарновский 541
Татищев Д.П. 196, 221
Тачановский Э. 619, 648
Телеки Л. 483, 501
Тепляков 314
Тераевич 400
Тизенгаузен (в замуж. Фикельмон) Д.Ф. 42
Тизенгаузен Ф.И. 42
Тимашев А.Е. 461, 677, 689
Титов В.П. 383, 393
Тишкевич 356
Тищенко 337
Ткачев П.Н. 671, 688
Товянский А. 366, 377, 381, 518
Токарский (Панрик) 619
Толстой А.П. 456, 464
Толстой Д.А. 665
Толстой П.А. 41
Толстой Я.Н. 194, 220, 247
Толстой, ген. 500
Толь К.Ф. 108, 112, 212, 265, 300, 308, 459
Томановский 405
Томилова (урожд. Дриттенпрейс) Ел.Х. 672-674, 689
Траверсе Н.А. 589, 600
Трепов Ф.Ф. 671, 688
Тржембский 196
Трок А. (Лисецкий, Гнатовский) 513, 514
Тромбчинский А. 521

- Тромбчинский Ф. 512, 516, 517, 521
Трубецкой П. 590
Трубецкой, кн. 390, 405
Трувелер В.В. 588, 599
Тувенель Э.-А. 536, 563
Тургенев И.С. 586, 598
Тургенев Н.И. 395, 410, 414
Туркул И.Л. 315, 341
Тхоржевский (Тхужевский) Ст. 470, 480, 485, 506, 585, 597
Тышкевичи, И. и М. 607, 608, 613
Тьер Л.А. 249, 273
Тюрр, ген. 504, 531, 617
Тюфяев 105
- Уваров С.С. 107, 111, 112, 121, 125, 136, 139, 151, 154, 172, 177, 188, 193, 210, 211, 265, 333, 342, 372, 377, 552
Уминский (Ян Непомук) 226, 242
Унру 532, 567
Урбанович 195
Успенская (в замуж. Бобина) Н.Г. 677, 689
Успенская (урожд. Засулич) А.И. 677, 689
Успенский П.Г. 677, 689
Утин Н.И. 641, 649
Уткин 124
- Фалькенберг 203
Федоров П.И. 328, 343, 383, 393
Фези 483
Фейгин 330
Фелинский С. 544, 564
Феньш, ген. 147, 148
Фердинанд I, имп. Австрии 138, 279, 306, 429
Фердинанд VII, король Испании 339, 341
Ферзен, гр. 664
Фиалковский А. 518, 530, 583
Фивег 473
Фикельмон К.Л. 42, 248, 273
Филарет (В.М. Дроздов), митрополит 73, 77, 265, 275
Филипп, герцог Орлеанский 76
Филиппович 516, 517
Фишер 196
Фишер Ф.Б. 58, 64
Флиге К.Я. 271, 277
Фок М.Я. 6, 8, 12, 13, 53, 272, 305
Форстер 196
Форстинг, барон 197
Франковский С. (Флатт) 613, 614, 648
Франсиско де Асиз де Бурбон 339
Франц I, император Австрии 100, 101, 109, 138, 139
Франц-Иосиф I, император Австрии 414, 429, 430, 437, 442, 513, 518, 605, 648
Фредерик (Фридрих) VII король Дании 605, 647
Фрейганг П.И. 270, 276
- Фремо 533
Френкель 238
Фридрих Вильгельм, ландграф Гессен-Кассельский 360, 362
Фридрих, принц Аугустенбургский 605, 606, 647
Фридрих-Вильгельм III, король Пруссии 59, 62, 128, 138, 199, 221, 232, 243, 245, 272, 278
Фридрих-Вильгельм IV, король Пруссии 100, 109, 243, 4245, 272, 278, 307, 310, 314, 339, 363, 377, 400, 410, 531, 532, 535, 563
Фрич 609
Фурман 148
- Ханыков Я.В. 372, 377
Харкевич 405
Херасков М.М. 96
Хитрово (урожд. Кутузова) Ел.М. 37, 42, 44
Хитрово А.З. 60, 65, 106, 111, 301, 309, 342
Хлопицкий И 76
Хованский Н.Н. 18, 27
Ховен, барон 663
Ходзько Л. 195, 220, 506, 529
Хоецкий К. (Charles Edmond) 506, 535, 563, 572, 596, 608
Хозинский А. 469
Хоминский 547, 668
Храбров В. 551
Худяковы, купцы 500
- Цверцякевич Ю. 574, 586, 596, 608, 610, 611, 613
Цилинский 619
Циолковский Н. 589, 599
Цитовский, еп. 518
- Чавчавадзе (Чевчевадзе) А.Г. 102, 110
Чайковский Авг. 621
Чайковский М. (Садык паша) 284, 307, 368, 383, 576, 610, 617, 619, 640
Чапек 609
Чапинский (Хмелинский) Игн. 574, 575, 596
Чапские С. и К. 231
Чапский, эмиссар 578
Чарльстон 614
Чарсковский, ксендз 380
Чарторижская (в замуж. Замойская) С.А. 361
Чарторижская, кн. 486
Чарторижский Вит. 573, 610, 647
Чарторижский (Чарторыйский) Адам 347, 348, 361, 365–368, 381–383, 424, 485–487, 491, 506–508, 516, 535–537, 573, 621
Чарторижский (Чарторыйский) Вл. 573, 575, 607–610, 613–615, 618, 647
Чарторыйский К. 610–612, 621
Чарторижский Р. 620
Чацкий А. 621

- Чевкин К.В. 101, 102, 110, 121, 125, 215, 459, 465, 523
Чемодуров (Чемадуров) Я.Я. 671, 674, 688
Черкасов (Черкесов) А.А. 586, 598, 639, 677, 689
Чернышев А.И. 20, 28, 37, 38, 58, 84, 107, 112, 136, 139, 187, 193, 213, 240, 267, 284, 303, 307, 319, 336, 343
Чернышевский Н.Г. 588, 599, 655, 659, 677
Четвертинская (урожд. Холоневская), кн. 258
Четвертинские Г. и К. 258, 259
Четвертинский, кн. 608
Чиборовский, эмиссар 540
Чубинский П.Пл. 589, 600
- Шамиль** 320
Шаптицкий, эмиссар 424
Шарлота, герц Кендалл 221
Шарль Луи Наполеон Бонапарт см. Наполеон III
Шарль Фердинанд, герц. Беррийский 273
Шаховской И.Л. 95, 97
Швейцер, барон 109, 194, 220, 247
Швенсон С.И. 52, 63
Шевченко Т.Г. 401, 411, 589
Шелгунов Н.В. 589, 600
Шемиот 196
Шефтсбери 613
Шибав И.И. 588, 590, 599
Шиллинг 197
Шильдер Н.К. 11, 75, 85, 108, 109, 124, 125, 137, 154, 175
Шипов С.П. 94, 97
Шишков А.С. 64
Шишмарев 271
Шленкер Кс. 615, 648
Шленкер Ю. 656, 657, 667
Шмерлинг А. 513, 530
Шнейдер 473
Шод-Эгу Ш. 340
Шпиро из Щучина 148
Штаблер 197
Штауберт А.Е. 175
Штиглиц А.И. 457, 464
Штиглиц Л.И. 464
Штольцман 506
Штрейт 532
Штурц 532
Шувалов П.А. 633, 667, 668
- Шульдц, помещик 295
Шульце-Делич 532, 567, 604
- Щербакова Е.И.* 12, 14
Щербатов А.Г. 328, 343
Щербатов Г.А. 565
Щербинин М.П. 71, 76, 493, 502
- Эйдельман Н.Я. 5
Эйлер П.Х. 271, 277
Эльяновский (Эльжановский) С. 572, 596, 608, 647, 610, 621
Энгель 588, 599
Энгельгардт В.В. 66, 75
Эрстави Э. 110
Эрнест II, герцог Саксен-Кобург-Готский 535, 563, 568, 605
Эрнст-Август, король Ганновера 245, 272
Эссен П.К. 89, 95, 108, 112, 323, 343
- Юндзилл П.Э. 655, 667
Юрашко, ксендз 493
Юрнев 270
Юрьевич С.А. 46, 62, 176
- Яблоновская (урожд. кнж. Любомирская) Т.М. 37, 42
Яблоновский (Длуский) Б.Р. 632, 648
Яблоновский М.А. 42
Яблоновский, гр. 347
Яблоновский, кн. 145
Яблонский (Бродбек) 314, 351
Яворский 610
Ягудин 665
Языков Д.С. 271, 276
Якоби 532
Яковлев Ал.А. 588, 599
Яковлев Ал.-др.Н. 151, 155
Яловицкий, ксендз 537
Яницкий 619
Янковский Н. 511-513, 517, 521, 543
Яновский Вл. 506, 623
Янушевич 608
Ярочевский 620
Ярошинский Л. 575, 597
Ясинский 350
Яфимович 500
Ячковский 614

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

Краткий обзор общественного мнения в 1827 году	17
Краткий обзор общественного мнения в 1828 году	31
Картина общественного мнения в 1829 году	43
Картина общественного мнения в 1830 году	66
Обозрение происшествий и общественного мнения в 1831 году	78
Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в 1832 году	87
Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в 1833 году	98
Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в 1834 году	113
Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в 1835 году	126
Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в 1836 году	140
обозрение расположения умов и некоторых частей государственного управления в 1837 году	156
Обозрение духа народного и разных частей государственного управления в 1838 году	179
Нравственно-политический отчет за 1839 год	194
Нравственно-политический отчет за 1840 год	225
Нравственно-политический отчет за 1841 год	244
Нравственно-политический отчет за 1842 год	278
Нравственно-политический отчет за 1843 год	310
Нравственно-политический отчет за 1844 год	346
Нравственно-политический отчет за 1845 год	363
Нравственно-политический отчет за 1846 год	379
Нравственно-политический отчет за 1847 год	394
Нравственно-политический отчет за 1848 год	413
Нравственно-политический отчет за 1849 год	423
Нравственно-политический отчет за 1850 год	432

Отчет о действиях III Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии и корпуса жандармов за 1852 год	433
Отчет о действиях III Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии и корпуса жандармов за 1853 год	435
Отчет о действиях III Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии и корпуса жандармов за 1854 год	438

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

Отчет о действиях III Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии и корпуса жандармов за 1855 год	445
Политическое обозрение за 1857 год	446
Политическое обозрение за 1858 год	466
Нравственно-политическое обозрение за 1859 год	482
Нравственно-политическое обозрение за 1860 год	503
Нравственно-политическое обозрение за 1861 год	531
Нравственно-политическое обозрение за 1862 год	566
Нравственно-политическое обозрение за 1863 год	601
Отчет о действиях III Отделения Вашего Императорского Величества Канцелярии и корпуса жандармов за 1866 год	651
Отчет III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и корпуса жандармов за 1869 год	669
<i>Именной указатель</i>	690

«Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869: [сб. док.]. Сборник документов. Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив». 2006. – 706 с.; ил.
ISBN 5-86566-055-1

В сборнике впервые публикуются ежегодные отчеты III Отделения о состоянии дел в Империи и за рубежом с 1827 по 1869 г. Круг обязанностей III Отделения (при немногочисленном штате – 20 человек в начале и 58 при «упразднении») был обширен – от «распоряжений» по делам высшей полиции до сбора сведений «о всех без исключения происшествиях», что должно было помочь монарху вникать во все мелочи жизни его подданных.

Публикуемые материалы существенно дополняют информацию о социально-политической и экономической ситуации в России в столь богатое революционными событиями время 20–60-х годов XIX в.

Издание иллюстрировано, снабжено научно-справочным аппаратом.

Для историков, филологов и всех, интересующихся историей.

УДК 323 (470) "18" (093.2)
ББК 63.3(2)52–36ю11

РОССИЯ ПОД НАДЗОРОМ

Редакторы Н.С. Иванова, Т.В. Померанская

Издат. лицензия ЛР 071963 от 10. 09. 1999 г.
Подписано к печати 25. 05. 2006 г. Формат 70x100 1/16
Гарнитура «ОктаваОР». Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж 3000 экз. Изд. Заказ **1804**.

Российский Фонд Культуры
«Российский Архив»
121019, г. Москва, Гоголевский бульвар, 6/7,

Отпечатано в ОАО «Орден Трудового Красного Знамени
«Чеховский полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской области.
тел./факс (501) 443-92-17, (272) 6-25-36.
E-mail: marketing@chpk.ru

